ТАК ЭТО БЫЛО

НАСИЛЬСТВЕННОЙ ТОТАЛЬНОЙ РЕПРЕССИВНОЙ ДЕПОРТАЦИИ БЫЛИ ПОДВЕРГНУТЫ:

КОРЕЙЦЫ

- 1935, август 1937 гг. с Дальнего Востока

КУРДЫ

- ноябрь 1937, ноябрь 1944 гг. из Азербайджана, Армении, Грузии

НЕМЦЫ

- 28 августа 1941 г. из Поволжья и других регионов СССР

КАРАЧАЕВЦЫ

- 2 ноября 1943 г. из Карачаевской автономной области

КАЛМЫКИ

- 28 декабря 1943 г. из Калмыцкой АССР

ИНГУШИ

- 23 февраля 1944 г. из Чечено-Ингушской АССР

ЧЕЧЕНЦЫ

- 23 февраля 1944 г. из Чечено-Ингушской АССР

БАЛКАРЦЫ

- 8 марта 1944 г. из Кабардино-Балкарской АССР

КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ

- 18 мая 1944 г. из Крымской АССР

МЕСХЕТИНСКИЕ ТУРКИ

- 14 ноября 1944 г. из Грузии

ХЕМШИДЫ

- ноябрь 1944 г. из Грузии

ГРЕКИ

- 27 июня 1944 г. из Крыма, июнь 1949 г. из Грузии

И ПРОЧИЕ СОВЕТСКИЕ НАРОДЫ, начиная с 1919 г.

ТАК

ЭТО

БЫЛО

НАЦИОНАЛЬНЫЕ РЕПРЕССИИ В СССР

1919-1952 годы

Российский Международный фонд культуры

Москва: «Инсан», 1993

ББК 94.3:84 А/Я

Т15

Составитель, редактор, автор предисловия, послесловия, воспоминаний, примечаний и комментариев Светлана АЛИЕВА

Художник Зарема ТРАСИНОВА

Так это было: Национальные репрессии в СССР. 1919-1952 годы: Худож.-док. сб./ Ред.-сост. С.У.Алиева.

ISBN 5-85840-262-3

ISBN 5-85840-261-5

В этой книге впервые с помощью документов, статистических данных, исторических фактов, личных воспоминаний и свидетельств, публицистических размышлений, произведений народного творчества, прозы, поэзии и драматургии воссоздается целостная картина национальной репрессивной политики в СССР – правдивая послереволюционная история нашего Отечества. Читателю предоставляется возможность выработать собственное понимание советской национальной политики и сформировать отношение к «наказанным» Сталиным народам, разобраться в последствиях содеянного.

0902020000-002

Т --------------------Без объявл. ББК 94.3:84 А/Я

4Г4(03)-93

ISBN 5-85840-262-3
ISBN 5-85840-261-5

ВЕЛИКАЯ ПЕЧАЛЬНАЯ

МОЛЧАЛИВАЯ ВТОРАЯ

ЖИЗНЬ НАРОДА!

Ольга Берггольц

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Эта книга затевалась бесхитростно - предполагалось собрать стихи и прозу, посвященные депортации отдельных советских народов. Небольшой сборник художественных произведений, написанных предпочтительно представителями самих НАКАЗАННЫХ НАРОДОВ, как назвал их известный историк Александр Некрич.

Однако очень скоро обнаружилось, что таких произведений нет, если не считать написанных уже после 1985 года.

Почему?

С этого "почему?" и начала складываться предлагаемая вашему вниманию книга, полная для самого составителя неожиданных вопросов, открытий и размышлений. Ими я и хочу с вами поделиться прежде, чем вы начнете читать летопись фактов, событий, страданий, - а в сущности КНИГУ НАЦИОНАЛЬНОГО ВЫЖИВАНИЯ.

Собственно, удивляться, почему у депортированных народов нет литературы о пережитом насильственном выселении, советскому человеку не приходится: для него это вопрос риторический - просто потому, что писать о "преступных народах" было запрещено. Им самим о себе и другим о них. Цензура не пропускала в печать даже их имена-названия. Ну, а уж если и возникала такая необходимость, то только в ключе официального государственного обвинения, как об изменниках родины, предателях, диверсантах, шпионах, бандитах и прочее в том же роде. Так, как, к примеру, писали о крымских татарах в своих, отмеченных Сталинской премией романах Петр Павленко и Аркадий Первенцев, а следом за ними им подобные о всех народах, попавших в немилость правительства.

Но неужели, все-таки не было исключений?

В печати, гласно – не было. Вся литература, изданная до депортации этих народов, и не только художественная, была изъята из обращения, уничтожена, запрятана в архивы и секретные отделы, в разнообразные

тайники. В вышедшей позднее эти этносы с их историей, жизнью, бытом, искусством вычеркивались либо подменялись другими. Изымались из памяти людей, из энциклопедий, справочников, учебников, научных трудов, из статистики - словом, все подчинялось (если перефразировать известное сталинское изречение "нет человека - нет проблем") формуле: "Нет народа - нет проблем". Как тут не вспомнить о манкуртизме – насильственном уничтожении памяти, о чем рассказал человечеству в XX столетии великий киргизский писатель и мыслитель Чингиз Айтматов.

Писатели, не погрешившие против правды, либо прятали свои произведения в дальний ящик стола, либо поступали подобно Юрию Либединскому. Этот честный и хороший русский писатель знал и любил кавказские народы, изучал и переводил их фольклор и еще до войны, то есть до депортации карачаевцев, начал писать о них роман. Создал значительное в советской романистике художественное полотно: роман-трилогию "Горы и люди", "Зарево" и "Утро Советов" - не оцененное по заслугам, несмотря на то, что писатель пошел на вынужденный компромисс и назвал народ "веселореченцами", сохранив конкретную карачаевскую историю, их сказания, мифы, имена и были. Этот роман, изданный в годы, когда карачаевцы пребывали на спецрежиме в выселении, очень порадовал изгнанный народ и поддержал их дух. Они узнали себя в романе - всем другим народам осталось неведомым, о ком шла речь.

Задолго до эпохи гласности написал свою повесть "Декада" выдающийся советский поэт-переводчик, редкий знаток поэзии народов Кавказа и Средней Азии Семен Липкин. Он спрятал репрессированные северо-кавказские этносы под прозрачно вымышленным именем "тавлары", что переводится с карачаево-балкарского языка (таулула) "горцы". Да так и оставил, опубликовав повесть в конце 80-х годов. Но художник имеет право на вымысел, и С. Липкин, воспользовавшись, быть может, конкретикой депортации балкарцев, воссоздал типичную в своей подлинности картину насильственного выселения некоего горского народа в контексте его культурного бытия, в исторически сложившемся сообществе с другими, соседствующими этносами. Здесь писатель достиг желаемого художественного обобщения, скоординированного жизненной правдой: так же точно происходило выселение и других народов СССР. С той лишь разницей, что иные жили не в столь недоступных горах, да объяснялись с ними гораздо лаконичнее, да на сборы давали меньше времени - не два часа, скажем, и даже не час, а десять минут. Десять минут! - чтобы взять в дальнюю и неведомую дорогу на неизвестный срок самое необходимое.

Плотную пелену умолчания первым и пока единственным прорвал Анатолий Приставкин в своей повести "Ночевала тучка золотая..." - и впечатление от показанного им было ошеломительным. Но читателя потрясло не столько мельком описанное - в воспоминаниях солдата-энкавэдэшника - неожиданное, коварное и насильственное выселение горцев, сколько казнь ни в чем неповинного беспризорного мальчика таинственными, скрывающимися в горах горцами. Страшный, но верный

символ - вследствие всякого злодеяния гибнут самые невинные и незащищенные.

И хотя после 1985 года о многом стало возможным сказать, открылись архивы, и правда стала выкарабкиваться из-под завалов лжи;

хотя депортированные народы подняли голос и потребовали возвращения своих гражданских прав;

хотя был принят ряд гуманных постановлений в Верховных Советах СССР и РСФСР,

- запрет на доброе слово об этих народах, вероятно, по инерции продолжает действовать.

Иначе чем можно объяснить, к примеру, такой незначительный, но красноречивый и один из многих факт, что в информации ТАСС о пребывании Гельмута Коля по приглашению президента СССР М.С.Горбачева в 1990 году на древней земле Карачая в Архызе было написано: "в переводе с языка местного населения" Архыз... и далее - неверный перевод в рекламно-туристском, опереточном стиле. И дело не столько в допустимом, хотя и непростительном для профессионала незнании заезжим журналистом правильного перевода. Дело в замалчивании имени народа, спрятанного за эвфемизмом "местное население". Но если "местное население" не только имеет свой язык, но еще и издавна наделило данную землю названием на своем языке, значит это не просто "местное население", а народ, нация, и в цивилизованном, правовом государстве его должно уважать. Тем более, когда пользуешься его гостеприимством.

Приученный ко лжи и системе секретности советский человек привык высматривать, угадывать за парадными словами и декорациями истинные намерения власти. Какой вывод может сделать травмированный народ из данного факта? Если имя народа замалчивается, значит, он по-прежнему "неугоден", с него не снято клеветническое сталинское обвинение, по которому он был подвергнут репрессивной депортации... Получается, что, официально сняв с имени карачаевцев грязное пятно клеветы, правительство, - а ТАСС является его выразителем, - строит насчет этого народа другие планы. В строгой секретности.

Но была и другая литература о депортированных народах. За рубежом о них писали и - немало. Издавались книги - исследования, рассуждения, размышления, пронизанные сочувствием к изгнанникам. Не буду называть имена их авторов, исполненных самых благих намерений сказать правду, помочь гонимым народам. Но взгляд из-за рубежа сквозь призму личностного понимания и политических соображений, искривленный густым туманом путаной или лживой информации видел не ту картину, что была в действительности. И как ни парадоксально, их авторы своим желанием помочь, поддержать лишь усугубляли положение "наказанных народов", подтверждая и усиливая огульные сталинские обвинения этих

этносов в измене родине, в антисоветских настроениях и действиях. За что могли быть так наказаны Сталиным целые народы, задавались вопросом наши зарубежные друзья и отвечали согласно своим интересам и нормальной логике: за антибольшевистское, антисоветское национально-освободительное движение. А ведь его не было. Не было! Индивидуальные антисоветские, антисталинские протесты были, как у всех советских народов. А общенародного национально-освободительного движения - нет, не было! Но никто по сей день нигде - ни на родине, ни за рубежом - не догадался дать слово представителям самих этих народов. Спросить у них - что это было? За что их наказали? Как это было не в домыслах и вымыслах, а в реальной действительности? Пора, наконец, опровергнуть живучую официальную концепцию мотивированности тотальной репрессивной депортации "наказанных народов", "юридическую обоснованность" сталинской акции.

Спросить у самих народов?

Но прежде надо выяснить, какие народы подвергались в нашей стране депортации как главной, ведущей, определяющей части репрессии.

Разбросанные по всей перестроечной печати сведения - информация, статистика, статьи, воспоминания, документальная проза, живые свидетельства - показывают, что различным формам депортации в СССР были подвергнуты все без исключения народы. Но по разным мотивам, в разное время и выборочно. По мотивам политическим - представители различных некоммунистических партий и движений, существовавших у того или иного народа. По мотивам социальным и классовым за якобы враждебные настроения к рабочему классу и крестьянству - дворяне и, разумеется, «гнилая интеллигенция», осмеливающаяся «не понимать» и даже критиковать политику властей, городские богачи-ремесленники и купцы, деревенские богатеи-кулаки и с ними середняки, всякие прочие, не подходящие новому миру сословия. По разнарядке - в каждом этносе: нации, народе, народности, национальности, национальном меньшинстве...

Расчистка советского общества по этим принципам и показателям началась в 1919 году с тотальной расправы над казачеством, и только после полной победы колхозного строя в 1934 году Сталин приступил к плановому формированию "новой, социалистической нации", в корне отличающейся, согласно его теории, от "старой, буржуазной нации". Теория революционного преобразования нации была им завершена, началось ее практическое, плановое претворение в жизнь.

Говорят, где-то в архивах, в потаенных папках Сталина хранится список народов, подлежащих ассимилированию, растворению в других национальностях, изъятию, смешению и исключению из памяти человечества. Не знаю, не видела. Но сюжет национальных депортаций имеет свою железную последовательность, продиктованную теорией обязательного слияния через сближение и конечной выработки некоего

общего языка новой нации. Языка, «который не будет ни великорусским, ни великонемецким», никаким другим из известных, а неким новым. Замах вырисовывается космический - самому Богу не угнаться за таким волевым и распорядительным преобразованием человеческого сообщества. Судите сами.

Но сначала заметим, что было несколько типов репрессивных депортаций: по секретным каналам НКВД, тайные и объявленные; по указам Президиума Верховного Совета либо постановлениям Государственного Комитета Обороны (сопровождаемым стаей разъяснительно-распорядительных бумаг от Совнаркома, НКВД и их местных органов власти) - обвинительные и "тихие", негласные; и наряду с ними плановые-кадровые, вербовочные – по сути насильственные, но как бы добровольные – депортации под видом фанфарно-праздничных кампаний с демонстрацией заботы о народе. Все было вполне логично и просто, все объяснялось нуждой: освобожденное место обитания обвиненного и насильственно переселенного народа необходимо было заполнить новой рабочей силой, и все средства пропаганды громко, а все средства НКВД тихо были направлены на организацию "добровольного" порыва помочь и спасти, на выезд в области объявленного "бедствия". Так образовывалось встречное движение-миграция немалых масс населения. Многие из них получили даже вдохновенное отражение в советском искусстве, например, в кино, не говоря уже о литературе. Скажем, великая стройка коммунизма – Комсомольск-на-Амуре или широкое движение молодых женщин-"хетагуровок" на Дальний Восток, а позднее, на целину: требовалось закрепить работников на новых местах поселения, а невест не хватало. Получались порой обаятельные вещи, даже вошедшие в классику советской многонациональной культуры. К примеру, роман "Мужество" Веры Кетлинской или кинофильм "Поезд идет на Восток". В этих произведениях обязательно демонстрировались факты нехороших (диверсионных, вражеских и прочих в том же роде) проявлений осужденного по вине национальной принадлежности народа. Кто, к примеру, мешал строить Комсомольск-на-Амуре? Корейцы и китайцы...

Если строго следовать исторической правде, эксперимент по формированию "новой, социалистической нации" в СССР начался с фанфарного объявления в нашей стране еврейской государственности - создания Еврейской автономной области в Биробиджане на Дальнем Востоке. Был организован массовый выезд евреев с Украины и России на Дальний Восток. Чуть позже, в 1934-35 годах, дальневосточным аборигенам корейцам, широко привлекавшимся царским правительством на территорию империи для освоения ее огромных незаселенных пространств, было предложено новое место поселения - Казахстан, где в результате раскулачивания и коллективизации погибло от организованного голода и сбежало в Китай около 4 миллионов коренного населения. Корейцам сулили, как водится, золотые горы, соблазняли невиданными возможностями, одновременно вынуждая их покинуть насиженные места. Состоялся первый организованный массовый выезд корейцев с Дальнего

Востока в Казахстан. В 1937 году их уже не уговаривали, но, дав сутки на сборы, выгребли остатки корейцев, а заодно и китайцев с Дальнего Востока в Зауралье и Среднюю Азию. Теперь уже, как положено, по обвинительному Указу, который, однако, не был предъявлен народу и засекречен по сей день.

Навстречу эшелонам с корейцами на Дальний Восток шли составы с организованной рабочей силой, не только заключенными, но и вольными из России.

Процессы и аресты не отвлекли власти от решения поставленной грандиозной задачи. После Дальнего Востока пришла пора расчистки Кавказа. Этот благословенный край нужно было освободить от "лишних", по мнению Сталина, народов. Начали с курдов, предварительно ликвидировав курдскую автономию. Сегодня уже прочно забыли о том, что курды ниоткуда не пришли на территорию Армении, Грузии и Азербайджана. Когда по Туркманчайскому миру, заключенному между Россией и Персией хлопотами дипломата А.С.Грибоедова, а чуть позже между Россией и Турцией, проводилась граница, в пределы Российской империи попала часть древнего Курдистана и часть Турции. Не курды и не месхетинские турки жили на земле Азербайджана, Армении и Грузии, а эти три советские республики заняли часть земли древнего Курдистана, а затем и Турции, изгнав в 1937 и 1944 годы не поддавшихся ассимиляции курдов и турок.

Насильственное, обвинительное, грубое выселение курдов и турок происходило по Указам, не объявленным этим народам и не известным им по сей день.

За ними, в 1939-1940 годах массированно "очищались" от "старой, буржуазной нации" Молдавия-Бессарабия, Западная Украина и Западная Белоруссия, Латвия, Литва и Эстония. До 75 процентов коренного населения, обвиненного в антисоветских настроениях, было выдворено из родных мест без оглашения Указов и Постановлений, по системе общего приказа по НКВД. И также массированно освобождавшиеся районы заполнялись выселенцами из России.

Как ни страшно это говорить, но Великая Отечественная война помогла Сталину в реализации задуманного устройства советской нации. Она предоставила ему возможность мотивированно объявлять изгнание с родной земли балкарцев, карачаевцев, чеченцев, ингушей, крымских татар и калмыков. Их всех обвинили в измене родине, даже тех, до чьей территории враг не дошел, и тех, кто сражался с ним на фронте. Задолго до прихода оккупантов были приняты срочные ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНЫЕ меры в отношении советских немцев Поволжья, а также всех тех, кто представлял в СССР зарубежную диаспору, - финнов, иранцев, поляков, венгров, румын, чехов, болгар, шведов и проч.

Всех - на восток и на север. В Казахстан, в республики Средней Азии, в Сибирь, туда, где требовалась дешевая рабочая сила, где обеспечивалось смешение языков и народов.

Одновременно с расчисткой западной окраины СССР, Кавказа и Поволжья началась тайная операция по переделке России и Украины. Помните - общим языком не будет великорусский язык!

Из разоренных войной русских, украинских и белорусских деревень началось массовое переселение в Поволжье и на Кавказ, на богатые, плодородные, ухоженные и благодатные земли, в обустроенные села, в целые дома и усадьбы со скотом. Избедовавшиеся крестьяне с государственной помощью целыми колхозами двинулись в обетованные края из исконно русских областей Нечерноземья. Вот когда и почему началось опустошение Смоленских и Вологодских, Псковских и Новгородских, Костромских и Ярославских, Орловских, Курских, Тульских деревень.

Много внимания было уделено очищению Крыма от всех неславянских народов и заселению его русскими и украинскими крестьянами. До начала 90-х годов Крым нуждался в рабочих руках и вербовал их повсюду, в то же время выстраивая всевозможные препятствия возвращению домой, к могилам предков крымским татарам, крымчакам, караимам, грекам, армянам...

Где-то на дорогах депортации потерялся народ, выселенный в 1944 году из Грузии, - этническая группа, чье существование отражено в ряде правительственных указов и постановлений. Правда, именуются они в них по-разному: хемшилы - хемшиды - хемшины. Никаких следов этого народа мне не удалось найти, даже узнать, как они правильно назывались.

Последними де-факто бесцеремонно, но узаконенно - без объявления Указа, выселялись, вслед за крымскими, депортированными в 1944 году, понтийские греки - со всего побережья Черного моря и из Грузии. Это случилось в 1949 году. Следом шла широко организованная кампания по борьбе с космополитами, предваряющая полную депортацию евреев. Затем планировалось освободить Кавказ с его богатейшими нефтяными ресурсами от азербайджанцев...

Всего исключительно по «вине» национальной принадлежности тотальной депортации было подвергнуто 11 народов, не считая хемшидов: корейцы, курды, немцы, карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы, крымские татары, греки и месхетинские турки. Прочие народы - частично, обвиненные по другим статьям. Они оставались в истории человечества и - пока - в советской истории. Тотально же депортированным автохтонным народам предписывалось исчезнуть с карты СССР. Их не только вычеркивали из списка советских народов, о них не только запрещалось упоминать где бы то ни было. Им создавались такие условия физического и морального существования, которые неизбежно - и запланированно -

должны были привести к их полному исчезновению. Они подвергались систематическому, постоянному остракизму. Им запрещалось говорить на родном языке, а тем более писать - письменность изымалась из обращения. Петь, танцевать, иметь свою музыку, носить национальную одежду... Получающим паспорта детям настоятельно, до угрозы и применения репрессивных мер рекомендовалось сменить национальность, выбрав себе любую, но "хорошую". Была поставлена задача растворить эти народы в массе других, размазать их, ликвидировать тем или иным образом, - и некоторые успехи были достигнуты. Чтобы выжить физически, чтобы получить гражданские права и жизненные перспективы, дети, поддержанные родителями, меняли национальность. Очередная перепись давала желаемые результаты: число ненужных народов уменьшалось на глазах. Так что численность репрессированных народов в официальной статистике не совпадает с реальной: она значительно занижена по различным "государственным и политическим соображениям".

Если смотреть правде в глаза, то выселение народов, названное вполне невинным словом "депортация", на деле явилось настоящей репрессией - и притом жестокой. ДВЕНАДЦАТЬ этносов! - подвергнутых тотальной депортации только за национальную принадлежность: ты преступник, потому что курд, месхетинский турок, балкарец, ингуш... - это народы репрессированные. И в отношении их - будем честны! - был учинен подлинный ГЕНОЦИД, морально продолжающийся по сей день. Увы...

Народы, подвергнутые репрессии, до 1957 года находились на спецрежиме, назывались спецконтингентом и спецпереселенцами. Они использовались на самой неквалифицированной, физически тяжелой работе, из них составлялись трудармии, содержащиеся хуже и страшнее, бесчеловечнее, чем лагеря заключенных, несравнимые порой даже с прославленными своими жестокостями фашистскими концлагерями. Это - взрослые, трудоспособные мужчины и женщины. Остававшиеся без кормильцев дети и старики обрекались на голодную смерть. Об образовании детей спецконтингента не очень заботились, невзирая на объявленное всеобщее образование. Те дети, которые учились, постоянно подвергались в своих школах дискриминации со стороны учителей и учащихся. Прорваться к образованию спецпереселенческой молодежи можно было только личным упорством и благодаря встрече с доброжелательными людьми. А люди, которые шли им навстречу, были редки - не всякий отваживался помочь репрессированному, ибо рисковал собственным благополучием вплоть до утраты личной свободы за сочувствие отверженному. Не случайно, дабы лишить спецпереселенцев всякой поддержки, специальным указом было запрещено допускать профессионалов с высшим образованием к педагогической работе и на ответственные должности.

Невольно возникает вопрос, как выжили в созданных бесчеловечных условиях эти народы? Как сохранили - все-таки и вопреки обстоятельствам - национальную общность? Об этом предстоит еще думать, но не последнюю

роль здесь сыграла неизвестная большому миру самобытная национальная философия, проповедующая труд и ненасилие, отрицание озлобления, как, к примеру, у балкарцев, карачаевцев, крымских татар…

Заметим, кстати, что те граждане, которые организованно доставлялись на места обитания депортированных народов, в отличие от спец- назывались просто переселенцами, состояли на учете и также находились под присмотром комендатур, пока не приживались в новых для них краях. И спец- и просто переселенцы равно проходили испытание на выживание через голод, холод, тиф, малярии, дизентерии, столбняк… Далеко не всем, "добровольно" приехавшим в Крым, на Кавказ, в Поволжье из глубинной России, Белоруссии и с Украины, нравилось на новом месте, но уехать им было затруднительно. Многие - особенно из Крыма и Поволжья - бежали, по ночам, укрываясь, рискуя быть задержанными и обвиненными - осужденными. Возвращаться домой им было заказано, оседали кто где мог. Так было заложено начало новому, все более и более увеличивающемуся сословию бичей и бомжей с их жалким - рвущимся из самых недр вытоптанной духовности - трагическим вопросом: "Ты меня уважаешь?"

"Вся страна сдвинулась с места!" - в бессмысленном романтическом захлебе писали газеты, подавая сей факт как нечто положительное. Вдумаемся, наконец, что происходило в нашей стране.

Целые народы были сорваны с земли, на которой жили издревле. Рвались корни, вековые межнациональные взаимосвязи, нарушался устоявшийся порядок жизни, уничтожались традиции, налаженное хозяйствование. Переместившись в чужие, чаще всего неприемлемые по климату, природе, пище, образу жизни края, люди погибали, если не физически, то нравственно. Они отчуждались от земли и орудий труда, заболевали неизбежной болезнью равнодушия и апатии временно живущего, утрачивали привычные, воспитанные в них моральные устои - обретали психологию перекати-поля. Наступало полное безразличие - к земле, к труду, к результатам своих усилий. Разрушался ДОМ, который заменялся ничейной коммуналкой, общежитием, бараком, палаткой, времянкой. "Наш адрес - не дом и не улица, наш адрес - Советский Союз". Торжествующая, мажорная, утверждающая радость мелодия, но в сущности какая мрачная по своему содержанию песня! Уничтожалось самое чувство ДОМА, которое заменялось официально одобренным, романтизированным культом бездомности, бродяжничества. Исчезало бесследно чувство ХОЗЯИНА - родной земли, участка и Отчизны. Что это значило?

Это был смертельный удар по генофонду всех без исключения народов СССР и особенно тех, кто был тотально репрессирован, подвергнут целенаправленному геноциду. Насильственное вживление в чужеродную этническую среду и непривычные климатические условия ломали, уродовали генотип. Эти двенадцать народов были поставлены перед задачей выжить, были мобилизованы национальной бедой на защиту своего национального достоинства. Они оказались необходимыми звеньями в той

цепи, которая обеспечивала целостность мира, держала его равновесие, скорректированное историей.

Это вызвало своего рода "пересортировку" народов на коренных, первосортных и "привозных", второго и третьего сорта. На главных, господствующих, и подчиненных, обслуживающих. Что, в свою очередь, породило вирус имперских эпидемий, которые широко распространились сегодня на многонациональном пространстве Советского Союза и следом в Российской Федерации. Имперские, неизменно и обязательно агрессивные амбиции закономерно сталкиваются с национально-освободительной стихией - вот что лежит в основе межнациональных конфликтов.

Это обусловило и привело к тому экологическому кризису, вокруг которого сегодня так много говорения и суеты, не ведущих к спасению.

Это был чудовищный, не осознанный до сих пор в полной мере удар по экономике страны, запланированная долгодействующая экономическая диверсия, в последствиях которой мы никак не разберемся. В измученной войной стране бросались огромные средства на одновременный вывоз-переброску не десятка, не тысячи, а сотен тысяч людей из одного места в другое. Это высокая себестоимость депортаций и организации новых пунктов жилья. В опустошенных местах до привоза новой массы народа шло откровенное мародерство - разрушение брошенного добра. Что не уносилось - разорялось, уничтожалось вдребезги. Затем привозились новые поселенцы, которым негде было селиться, нечем, не из чего и нечего есть и пить, нечем работать. В местах новых поселений и спецконтингента и переселенцев начинались эпидемии, смерти. Ну, со спецконтингентом не церемонились -его гибелью были озадачены руководители всех рангов. А вот переселенцам, с которыми тоже особенно не нянчились, все-таки вынуждены были спускать дополнительные немалые средства на выживание и обзаведение. При циркуляции этих средств шло их попутное расхищение, в том числе и в геометрической прогрессии растущим аппаратом насилия и надзора, - а все вместе несло нарастающее общенародное обнищание. Это всего лишь прямой, непосредственный экономичесий урон, который еще предстоит подсчитать. Но дело не только в его размерах, а в том, что он, в свою очередь, становился тем камешком, что, вылетев из неосторожной руки, вызывает лавину, сметающую все на своем пути.

Это, наконец, варварская и чудовищная по своим последствиям национальная диверсия. Нельзя безнаказанно нарушать естественный ход развития природы, а человечество - неотъемлемая его часть. Органичный протест непознанного и необъяснимого логикой национального чувства против насилия таит в себе неудержимые силы, в слепой ярости своей отнюдь не созидательные.

Эксперимент по созданию "новой, социалистической нации" путем депортаций и перемешивания советских народов продолжается по сей день фактическим закреплением сталинских акций.

Это проявляется и в утверждении - вопреки всеобщему национально-освободительному движению советских народов – псевдоинтернационалистических идей. Пора осознать, что самое понятие "интернациональное" претерпело в результате официальной партийно-сталинской национальной политики принципиальные искажения, что нет и не может быть ничего интернационального в отсутствии и в неуважении к национальному.

И в реальном поддержании в нашей стране национального неравенства - одни народы, наделенные административно-политическими правами, реально поставлены выше народов, которые либо узаконенно "подчинены" им, либо вообще приравнены к бомжам. Народы "первого сорта" заражены вирусом имперского отношения к прочим, которых разнообразно и непременно "мотивированно" подавляют и преследуют. Что и наблюдается у нас сегодня в ряде межнациональных конфликтов, истоки которых находятся в "мудрой" сталинской национальной политике, а она сплошь и рядом обнаруживает себя сегодня.

И в тупом повторе в высших эшелонах власти - "не менять границы" национально-государственных образований, произвольно, волюнтаристски проведенных Сталиным: вот уж кто не стеснялся ликвидировать и образовывать республики и автономии без всякого прислушивания к мнению этноса - что ему Конституция: бумажка, которую можно переписать.

И в беспомощно-"государственном" барахтании в искусственно созданных тем же Сталиным условиях существования советских народов, предопределенно толкающих их на межнациональные конфликты.

И, наконец, вольное или невольное, осознанное или вынужденное "латание дыр" в экономической системе, опять-таки порожденное именно сталинской национальной политикой. Иначе чем объяснить, к примеру, такие общегосударственные, правительственные мероприятия, как то, что на подъём, возрождение Нечерноземья, областей исконной России в прославление якобы дружбы народов направлялись в 70-80-е годы и в немалом количестве - с одновременным выделением на это огромных средств из скудного государственного кошелька - узбеки, киргизы, таджики, азербайджанцы, которыми заселялись Архангельская, Вологодская, Новгородская, Псковская, Вятская, Костромская, Ярославская и другие области; в Орловской открывались районы, заселяемые армянами, а месхетинских турок разбрасывали (очевидно, в целях сохранения национальной общности этого южного народа) по Смоленской, Тульской и другим областям, опустошенным и заброшенным в результате массовых депортаций русского этноса в места, освобожденные от «наказанных» народов. Кстати вспомнить, и массовые вывозы на Дальний Восток, в основном в Амурскую область, туркмен в качестве недостающей там рабочей силы…

Да, сталинский эксперимент по созданию "новой, социалистической нации" посеял страшные драконовы зубы, всходящие сегодня повсеместно и непредсказуемые по разрушительному злу, которые они в себе несут.

Чтобы знать, куда идти человечеству, - впрочем, будем скромнее - нашей стране дальше, чтобы спасти ее от окончательного разрушения, надо попытаться воспринять уроки нашей тяжкой, рукотворной, изнасилованной национальной истории. Осознать содеянное и поправить, что еще можно поправить.

...Не найдя художественных текстов, я (с середины 80-х годов) стала искать, убежденная, что его не может не быть, фольклор, рожденный эпохой депортаций и геноцида этих народов. Кое-что удалось найти. Стала просить переживших написать воспоминания, поделиться своими размышлениями о том, что это было, рассказать о том, как живут эти народы сегодня, сейчас. Страницы эти пропитаны слезами и кровью, пронизаны неизбывной болью, продиктованы кричащей памятью незаслуженных обид - памятью, влившейся в гены детей и внуков. Нашла указы и постановления по позорному преследованию людей за национальную принадлежность. Обнаружила в этом поиске ряд фантастически бесчеловечных по своей сути документов, свидетельствующих о старании чиновников всех рангов выслужиться в выполнении" исторического задания". Получила от писателей созданные в последние пять лет стихи и прозу, нашла и то, что было написано в 1944 году...

Репрессированные народы ВПЕРВЫЕ рассказывают о том, что с ними делали и как это было в действительности, а не в толковании советских историков и зарубежных политологов. Читатель получает возможность сам, независимо даже от моего видения, по представленным в этой книге официальным и человеческим документам составить собственное мнение и о "наказанных народах", - я очень старалась смонтировать разнообразный материал так, чтобы по возможности воссоздать образ каждого народа в отдельности, - и о том, КАК ЭТО БЫЛО на самом деле, в реальности. Поэтому я назвала книгу **ТАК ЭТО БЫЛО**

Одно мне представляется несомненным - эта книга лишь чуть-чуть приоткрывает дверь в засекреченный, замалчиваемый по сей день, мало известный всем нам мир запланированного антинационального, антинародного насилия во имя придуманной теории. Она лишь слегка высвечивает намеренно затемненную грань нашей общей советской истории.

О, сколько еще впереди открытий! Сколько рассказов о национальных трагедиях советских этносов - от многомиллионного русского до малочисленного нивхского!

Светлана АЛИЕВА

Москва, май 1991

ИСТОКИ НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕПРЕССИЙ В СССР

И. В. СТАЛИН[1]

Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психологического склада, проявляющегося в общности культуры..

...достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией. (С. 296-297.)

Но проснувшиеся к самостоятельной жизни оттесненные нации уже не складываются в независимые национальные государства: они встречают на своём пути сильнейшее противодействие со стороны руководящих слоев командующих наций, давно уже ставших во главе государства. Опоздали!.. (С. 304.)

…рабочие заинтересованы в полном слиянии всех своих товарищей в единую интернациональную армию… (С.310.)

Этим существенно отличается политика сознательного пролетариата от политики буржуазии, старающейся углубить и раздуть национальную борьбу, продолжить и обострить национальное движение. (С.311.)

…единство нации падает не только благодаря расселению. Оно падает еще изнутри, благодаря обострению классовой борьбы. (С.328.)

1

? По тексту издания СТАЛИН И.В. Сочинения. - М., 1951-1952.

С открытым национализмом всегда можно справиться: его не трудно разглядеть. Гораздо труднее бороться с национализмом замаскированным и в своей маске неузнаваемым. Прикрываясь бронёй социализма, он менее уязвим и более живуч... Но вред национальной автономии этим не исчерпывается. Она подготовливает почву не только для обособления наций, но и для раздробления единого рабочего движения. (С.331.)

Национальный вопрос на Кавказе может быть разрешён лишь в духе вовлечения запоздалых наций и народностей в общее русло высшей культуры. Только такое решение может быть прогрессивным и приемлемым для социал-демократии. (С.351.)

Итак - принцип интернационального сплочения рабочих, как необходимый пункт в решении национального вопроса. (С.367.)

Вена, 1913 г., январь.

Марксизм и национальный вопрос. (Т.2.)

Принцип самоопределения (наций, - ред.сост.) должен быть средством для борьбы за социализм и должен быть подчинен принципам социализма (с. 32).

15 января 1918 г.

Выступления на III Всероссийском съезде

Советов Р., С. и К. Д. (Т.4.)

x x x

Автономия есть форма. Весь вопрос в том, какое классовое содержание вкладывается в эту форму. (С.87.)

Мы предлагаем другой тип автономии, тип автономии областей с преобладанием одной или нескольких национальностей. Никаких национальных курий, никаких национальных перегородок! Автономия должна быть советская, опирающаяся на Совдепы. Это значит, межевание людей в данной области должно пойти не по национальному признаку, а по признаку классовому. Классовые Совдепы, как основа автономии, автономия, как форма выражения воли этих Совдепов, - таков характер предлагаемой нами советской автономии. (С.88.)

Выступления на Совещании по созыву

учредительного съезда Татаро-

Башкирской советской республики.

10-16 мая 1918 г. (Т.4.)

Национальный вопрос нельзя считать чем-то самодовлеющим, раз навсегда данным. Являясь лишь частью общего вопроса о преобразовании существующего строя, национальный вопрос целиком определяется условиями социальной обстановки, характером власти в стране и, вообще, всем ходом общественного развития. Это особенно ярко сказывается в период революции в России, когда национальный вопрос и национальное движение на окраинах России быстро и на глазах у всех меняют своё содержание в зависимости от хода и исхода революции. (С. 155.)

6 ноября 1918 г.

Октябрьский переворот и национальный вопрос. (Т.4.)

Первый вопрос - это отношение к казакам…

Советская власть стремилась к тому, чтобы интересы казачества не попирались…

Казаки же вели себя более чем подозрительно. Они всё глядели в лес, не доверяли Советской власти…

Советская власть долго терпела, но всякому терпению бывает конец… Пришлось принять против них суровые меры, пришлось выселить провинившиеся станицы и заселить их чеченцами.

Горцы поняли это так, что теперь можно терских казаков безнаказанно обижать…

Если горцы не прекратят бесчинств, Советская власть покарает их со всей строгостью революционной власти…

Если казаки не откажутся от вероломных выходок против рабоче-крестьянской России… правительству придётся вновь прибегнуть к репрессиям…

Второй вопрос - это отношение к горцам Терской области…

У каждого народа, у чеченцев, у ингушей, осетин, кабардинцев, балкарцев, карачаевцев, а также у оставшихся на автономной горской территории казаков должен быть свой национальный Совет…

Значит ли это, что горцы будут тем самым отделены от России?.. Нет, не значит… Автономия означает не отделение, а союз самоуправляющихся горских народов с народами России. (С.399-402.)

Съезд народов Терской области

17 ноября 1920 г. (Т.4.)

Шовинизм и национальная борьба неизбежны, неотвратимы, пока крестьянство (и вообще мелкая буржуазия), полное националистических предрассудков, идёт за буржуазией, и, наоборот, национальный мир и национальную свободу можно считать обеспеченными, если крестьянство идёт за пролетариатом, т.е. если обеспечена диктатура пролетариата. (С. 19.)

10 февраля 1921 г.

Об очередных задачах партии в национальном вопросе. (Т.5.)

...деревня является хранительницей национальности... (С.49.)

10 марта 1921 г.

X съезд РКП(б). 8-16 марта 1921 г. (Т.5.)

Советская власть построена так, что она, интернациональная по своей внутренней сущности, всячески культивирует в массах идею объединения... в одну социалистическую семью. (С. 149-150.)

26 декабря 1922 г.

Об объединении Советских республик. (Т.5.)

Национальный вопрос, имеющий в своей основе задачи установления правильных отношений между пролетариатом бывшей державной нации и крестьянством инонациональным, в данный момент принимает особую форму установления сотрудничества и братского сожительства тех народов, которые раньше были разобщены и которые теперь объединяются в рамках единого государства. (С.241.)

23 апреля 1923 г.

ХП съезд РКП(б). 17-25 апреля 1923 г. (Т.5.)

...национальный вопрос может быть разрешён лишь в связи и на почве пролетарской революции... Национальный вопрос есть часть общего вопроса о пролетарской революции, часть вопроса о диктатуре пролетариата. (С.141.)

Это не значит, конечно, что пролетариат должен поддерживать всякое национальное движение, везде и всегда, во всех отдельных конкретных случаях... Бывают случаи, когда национальные движения отдельных угнетённых стран приходят в столкновение с интересами развития пролетарского движения... В таких случаях не может быть и речи о поддержке. (С. 142.)

апрель-май, 1924 г.

Об основах ленинизма. (Т.6.)

...национальный вопрос есть по сути дела вопрос крестьянский. (С.72.)

30 марта 1925 г.

К национальному вопросу в Югославии (Т.7)

Мы строим пролетарскую культуру... Пролетарская по своему содержанию, национальная по форме, - такова та общечеловеческая культура, к которой идёт социализм. Пролетарская культура не отменяет национальной культуры, а даёт ей содержание. И наоборот, национальная культура не отменяет пролетарской культуры, а даёт ей форму. (С.138.)

...процесс ассимиляции одних национальностей не исключает, а предполагает противоположный процесс усиления и развития целого ряда живых и развивающихся наций, ибо частичный процесс ассимиляции отдельных национальностей является результатом общего развития наций. (С. 140.)

18 мая 1925 г.

О политических задачах

Университета народов Востока (Т.7.)

Партия исходит из того, что "национальные" и интернациональные задачи пролетариата СССР сливаются в одну общую задачу освобождения пролетариев всех стран от капитализма...(С.27.)

7 декабря 1926 г.

VII расширенный пленум ИККИ. (Т.9.)

...в период победы социализма в МИРОВОМ МАСШТАБЕ, когда социализм окрепнет и войдёт в быт, национальные языки неминуемо

должны слиться в один общий язык, который, конечно, не будет ни великорусским, ни немецким, а чем-то новым… (С.5.)

2 июля 1930 г.

XVI съезд ВКП(б). (Т. 13.)

ПОГОЛОВНАЯ СМЕРТЬ ОДНОГО,
ДАЖЕ САМОГО МАЛОГО ПЛЕМЕНИ –
ЕСТЬ БЕССЛАВНЫЙ КОНЕЦ
ВСЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА!

Семен ЛИПКИН

И ПРОЧИЕ СОВЕТСКИЕ НАРОДЫ

* * *

День 24 января 1919 года вошел в историю российского казачества как начало кровавого геноцида, в результате которого погибли 1.250.000 казаков разного пола и возраста. Сигналом к их массовому истреблению послужило печально знаменитое письмо оргбюро ЦК, подписанное Я.Свердловым… Кровавые репрессии, начатые директивой Я.Свердлова, были продолжены во время коллективизации Л.Кагановичем…

Известия. 1991. 28 янв.

* * *

17 апреля 1921 года 70 тысяч казаков обоего пола и всех возрастов насильственно депортированы с Северного Кавказа в Казахстан и за Урал.

Всего за годы гражданской войны было уничтожено 1 250 000 казаков, не считая женщин и детей, не считая павших в сражениях, как белых, так и красных.

Независимая газета. М., 1991. 12 мая

* * *

…Кубанское дело. 1932-1933 годы. Кубань - зажиточный край, с особенно сильным кулацким сопротивлением. Размеры выселенных - два миллиона человек. Репрессировано, умерло в тюрьмах и расстреляно - приблизительно одна четверть. Например, станица Александровская, в ней было две тысячи жителей, а стало - двести.

Из архива Гувера. США

Публикация Натана ЭЙДЕЛЬМАНА

Огонек. 1990. № 28. С. 19

* * *

В 1918-1920 годы, которые приходятся на существование Азербайджанской Демократической Республики и до объявления Арменией войны Азербайджану, из Армении было депортировано более 200 000 азербайджанцев, в основном, из Ереванской и Зангезурской областей.

Из архива газеты "Азербайджан" (Баку)

Публикация В.РЗАЕВА

Олег ВОЛКОВ

АЗЕРБАЙДЖАНЦЫ

В то время [1928 год] в Бутырке их было около трехсот, ссылаемых на Соловки членов партии мусаватистов. Цвет тюркской - по-позднейшему, азербайджанской - интеллигенции... Мне открылся мир неведомый и своеобразный. Мир небольшого народа, отчаянно отстаивающего свою самостоятельность. Свои традиционные воззрения и обычаи дедов.

Когда потом пришлось жить бок о бок с мусаватистами на Соловках, я видел, каким сыновьим уважением окружены у них седоголовые, как заботливо следят старшие, чтобы никто не был обделен за братской трапезой, как внимательны к тем, кто ищет уединения для молитвы... По ним я мог судить, насколько далеко зашло за минувшее десятилетие одичание русского общества. Как ожесточились характеры по сравнению с окраинным народом, куда позднее проникли и где на первых порах осторожнее внедрялись заповеди новой морали.

Смуглый, почти черный на белизне постели, Махмуд сидит, скрестив по-восточному ноги. Он рассказывает о своем крае.

Хотя Махмуд был учителем в районном городке, в нем так очевидна слитность с природой. И чудятся мне в его певучих интонациях приглушенные звуки пастушьего табора, разносящиеся над горными пастбищами и пустынными ущельями его родного Карабаха.

События захлестнувшей Россию революции разливались по Заказказью, наслаиваясь на местные соперничества и национальную рознь. Обстановка эта развязывала руки для сведения счетов между кланами и общинами, для расплаты по старым обидам. Махмуд видел в преследовании мусаватистов кровавую расправу с личными врагами ставленника Москвы Багирова, тогдашнего азербайджанского проконсула.

Скупо рассказывал Махмуд об убийствах в бакинских застенках, о сопровождавших дознания избиениях и пытках. Следы их - темными пятнами, шрамами - были на всем теле Махмуда. Тогда эти наглядные свидетельства возвращения к приемам средневековья еще не укладывались в сознании, казались отражением нравов жестокого Востока. Какой-то тамерлановщиной, немыслимой в новой, Советской России.

Впоследствии пришлось достаточно насмотреться и на примитивно зверские, и на изощренные приемы выколачивания "показаний" на следствиях, да и самому пройти через достаточно мучительные искусы…

Но тогда, в Бутырской тюрьме, мне даже трудно было поверить, чтобы говоривший со мной спокойный и так дружелюбно относящийся к нам человек испытал дыбу и недосчитывался зубов, выбитых сапогами.

…Обширное сводчатое помещение, где формировали этап, походило на восточный базар. Из камер пригоняли сюда смуглых людей в смушковых папахах, обутых в мягкие кавказские ноговицы, нагруженных перинами и ковровыми сумками. Было тесно и шумно. Приветственные возгласы обнимающихся однодельцев с непривычки звучали оглушительно. Я успел выучить несколько фраз на тюркском языке, мог по складам читать арабские слова. На мои "салам алейкум" приветливо отвечали обступившие меня земляки Махмуда, крепко жали мне руку и сочувственно жестикулировали, давая понять, что друг их друга и им дорог и близок.

Разделенные языковым барьером, мы тем не менее ухитрялись выразить радость по поводу конца тюремного сидения, наивно надеясь на лучшее будущее в лагерях. Мусаватисты твердо верили в обещанный им режим политических. Сильные своей спаянностью, они были готовы за него бороться. Среди них были европейски образованные, знающие историю революционного движения политические деятели, испытавшие гонения в царское время. Они ждали чего-то вроде поднадзорной жизни прежних ссыльных…

…На первых порах все мусаватисты были поселены вместе - в один из старых монастырских корпусов, переименованных в роты, - и оставлены в покое. Но такое положение слишком противоречило целям лагеря и настроениям начальства: именно в этот период на смену "кустарничеству" приходила заново разработанная крупномасштабная карательная политика. И мусаватистов попробовали застать врасплох: вывели на двор как бы на поверку и... передали нарядчикам. Произошли свалки и соблазнительные

для всей прочей серой скотинки сцены… От лобового наскока пришлось отказаться.

В некую ночь оперативники и мобилизованная военизированная охрана, включая самых главных начальников, переарестовали всех мусаватистов и развезли их… кого куда. И там стали выволакивать на работу. Мусаватистам удалось потаенно снестись. И в один день и час они объявили голодовку по всему лагерю.

Около пятидесяти мусаватистов были оставлены в кремле. На одиннадцатый или двенадцатый день голодовки всех их перевели в палаты бывшего монастырского госпиталя, освобожденные от больных. Врачей обязали следить, чтобы голодающие тайно не принимали пищу; приставили караул, подсылали уговаривать, нащупывали - не найдутся ли раскольники… В общем, начальство тянуло, ожидая указаний из Москвы - как поступить с тремя сотнями бунтарей…

…Они лежали молчаливые, сосредоточенные, в каком-то напряженном покое. Я пробирался меж коек к моему Махмуду, всем существом чувствуя на себе пристальность провожающих меня с подушек взглядов - строгих и отчужденных. Большинство мусаватистов было настроено стоять до конца.

Махмуд был все так же приветлив и улыбался, словно и не было гибельного поединка и на душе его - мир и покой. На мои встревоженные вопросы он отвечал лишь неопределенным, типично восточным жестом приподнятой руки. Избегая прямого ответа, говорил чуть шутливо: "Все в руках Аллаха", - и решительно отклонял мои передаваемые шепотом предложения спрятать под подушку кулек наколотого сахара.

В борьбе с бесчестным противником допустимо пользоваться любыми средствами защиты - с этим Махмуд был согласен. Но нельзя не делить общей участи, не быть честным по отношению к товарищам.

Пожалуй, по лихорадочному блеску глаз и потрескавшимся губам можно было угадать, что эти так тихо и спокойно лежащие люди про себя борются с искушением отодвинуть вставший вплотную призрак конца. Многим из голодающих, жестоко пострадавших в бакинских застенках, приходилось тяжко - их, изнуренных, покрытых холодным потом, уже крепко прихватила чахотка. Некоторые бредили…

Их все-таки сломили. Обещали - приходил к ним сам начальник лагеря Эйхманс - дать работу по желанию и вновь поселить всех вместе. Тут же принесли еду - горячее молоко, рис.

Само собой – обманули… Знали, что у человека, ощутившего счастье перехода на рельсы жизни после трехнедельного соскальзывания в тупик смерти, уже не хватит духа вновь с них сойти. Не поддались лишь староста мусаватистов и несколько его ближайших друзей. Мы с Георгием пытались их уговорить.

- Я решил умереть, - твердо сказал нам староста. - Не потому, что разлюбил жизнь. А потому, что при всех обстоятельствах мы обречены. Большинство из нас не переживет зиму - едва ли не все больны туберкулезом. Оставшихся все равно уничтожат: расстреляют или изведут на штрафных командировках. На какое-то время спасти нас мог бы перевод в политизолятор. Да и то... Нас и на Соловки-то привезли с тем, чтобы покончить с остатками нашей самостоятельности. В Баку мы для них реальные и опасные противники... Но не стоит об этом. Мы и наши цели слишком оболганы, чтобы я мог коротко объяснить трагедию своего народа... - Он закрыл глаза и долго молчал. На осунувшемся его лице мы прочли волю человека, неспособного примириться с отвергаемыми совестью порядками. - Так уж лучше так, несдавшимся!

Напоследок он пошутил:

- Я потребовал перевода с острова... в солнечную Шемаху! Случится мимо ехать - поклонитесь милым моим садам, кипарисам, веселым виноградникам... Прощайте, друзья: таких русских, как вы, мы любим.

Я не помню имени этого героя азербайджанского народа, хотя и не забыл его черты: высокий, смуглый красавец с открытым лбом над густыми бровями и умным внимательным взглядом. Знаю, что был он европейски образован, живал в Париже и Вене.

Вскоре после прекращения общей голодовки его и трех оставшихся с ним товарищей увезли в бывший Анзерский скит, обращенный в штрафное отделение. Все они там один за другим умерли - староста на пятьдесят третий день голодовки. Говорили, будто их пытались кормить искусственно и кто-то из них вскрыл себе вены... Остальные мусаватисты быстро рассосались, потонули во все растущей массе заключенных. О них не стало слышно.

Спустя несколько месяцев дал знать о себе Махмуд. Я ходил к нему в Севватьево, где какие-то доброхоты устроили его на молочную ферму учетчиком.

В последний раз, что я его навестил, он, словно предчувствуя, что больше встретиться нам не суждено, проводил меня довольно далеко. Мы шли по укатанной лесной дороге, над головой плыли низкие грузные тучи, то и дело сыпавшие колючей снежной крупой, тут же таявшей на земле, - стояли ненастные октябрьские дни. Махмуд вспоминал теплую карабахскую осень, просвечивающие на солнце грозди винограда, соседок, собравшихся в его доме перед праздником, чтобы помочь перебрать рис для плова... Он крепился, поддакивал высказываемым мною надеждам: "Не может быть, чтобы не пересмотрели приговор, так долго продолжаться не может!" - и зябко засовывал руки поглубже в рукава овчинной шубенки. Шел Махмуд медленно, чтобы не задохнуться. Мы на прощание обнялись, и я ощутил под руками птичью хрупкость его истощенного тела.

Оглядываюсь на мою длинную жизнь - я это вписываю в 1986 году - и вспоминаю случаи, когда чувствовал свою вину русского, из-за принадлежности к могучему народу - покорителю и завоевателю, перед которым приходилось смиряться и поступаться национальным. Так было и в некоторые минуты общения с паном Феликсом, и много спустя - при знакомстве с венгерским студентом. Но особенно - когда развернулась перед глазами трагическая эпопея мусаватистов: словно и я был участником насилия над слабейшим!..

Отрывок из повести "Погружение во тьму"

Роман-газета, 1990. № 6. С. 16, 27-28

Хасан МУСТАФАЕВ

СКВОЗЬ БЕДЫ, ТРАГЕДИИ И СТРАХ

Очерк-воспоминание

Азербайджанцы в Киргизии. Их, по данным последней переписи, в городе Фрунзе около 3-х, в республике - 17 тысяч. С детских лет мне было известно, что все мои соплеменники, проживающие в горном крае, - враги народа, которым нет и не может быть пощады. Нас в любую минуту могли выслать в другой регион страны, посадить в тюрьму, расстрелять.

Страх этот над нашей семьей висел до 1959 года - года поступления старшего брата в Иркутское высшее военно-авиационное училище. Факт, сам по себе обыденный, стал для нашей семьи (и не только для нее) равноценным реабилитации. Раз внука врага народа приняли в военное училище, значит, мы уже не враги. Но страх, проклятый страх, был и до сих пор остается в душах наших аксакалов. Феликс Светов писал, что "самой страшной, разрушительной нашей бедой, трагедией является страх - чуть ли не мистический, закодированный в сознании, страх панический, нерассуждающий, парализующий мысль, волю, всякий здравый смысл, - ужас" (Литературная газета. 1990. 23 мая).

И свидетелем этого "ужаса" мне часто приходилось быть в детстве, когда отец лебезил перед страховым агентом: угощал его водкой, делал небольшие подарки, чтобы он не донес на нас, что в подворье имеется шесть овец. Иной из них, изрядно выпив, принимал воинственный вид и пускался в рассуждения - дескать, бывшие кулаки вновь ожили, обзавелись скотом. И он об этом обязательно заявит. Дескать, не положено содержать шесть голов овец, положено всего пять.

Отец становился на колени, молил пьяного всесильного страхового агента, чтобы он никуда не сообщал, и объяснял, что до его прихода у нас было, как и положено, пять, но накануне одна матка неожиданно принесла

двойню. В конце концов агент уходил от нас, заполучив еще 25 рублей. Они были последние - назавтра, чтобы купить хлеб (в семье девять детей). Спасибо дяде Ермашу, он часто выручал отца, занимал деньги, оказывал другую помощь, поддерживал в трудные минуты, которых было немало. Позже я узнал, что дядя Ермаш тоже из переселенных - с Украины. Царство ему небесное, умер недавно, умерла и его жена, тетя Поля, доброжелательная, хозяйственная женщина.

Внутренне я укорял отца за то, что он так унижался перед страховым агентом. Я уж не говорю о представителях правоохранительных органов. Да что там милиция! Сотрудник пожарной охраны для нас был страшнее пожара. Только теперь сознаю, что унижался отец ради нас, детей, ради защиты семьи, ее хрупкого благополучия. Ведь мы были врагами народа, сам об этом читал в школьном учебнике и слышал в школе на уроках, слетах, собраниях. Всяк волен был распорядиться нашей судьбой. Никто из нас, правда, не понимал, за что мы несем наказание, почему нас считают людьми второго сорта - по сей день, ведь мои соплеменники, обвиненные без вины и высланные с родины, пока не реабилитированы, хотя в целом политика 30-40-х годов как будто бы осуждена.

Говорю это не понаслышке. Мне нередко приходилось, как и всем гражданам страны, писать автобиографию - при поступлении в комсомол и в партию, в вуз и на работу. И всегда я указывал, что являюсь внуком кулака. И всегда меня из добрых побуждений заставляли переписывать биографию, не указывая происхождения. Говорили, что так будет лучше. А почему - не объясняли. Теперь вот не могу вразумительно объяснить своим детям, почему, каким образом, мы, азербайджанцы, оказались в Киргизии. А мои земляки-киргизы не могут понять, каким образом и зачем люди киргизской национальности - свыше трех тысяч - оказались в 30-е годы в различных районах Украины.

В поисках ответа читаю различного рода справочные и научные труды, в том числе и солидное 3-томное издание "Истории Азербайджана". "Крестьяне Азербайджана, - читаю на 377-ой странице, - по собственной инициативе, явочным порядком, стали сгонять кулаков с земли, отбирать у них скот, сельскохозяйственный инвентарь, требовать от советских органов выселения кулацких семей. Раскулачивание, проводившееся в отдельных случаях в Азербайджане, как и по всей стране, являлось вынужденной мерой, вызванной бешеным сопротивлением кулачества колхозному строительству".

Иду к свидетелям того времени Нариману Бахишеву, Тофику Халилову, Якубу Мустафаеву с просьбой рассказать, как они "оказывали бешеное сопротивление". В ответ старики улыбаются, а потом хмуро и безнадежно машут руками: мол, все это вранье чистейшей воды. Просто родители этих людей не были бедняками, хотя и богатыми их нельзя было назвать, так как они не пользовались наемным трудом, не владели обширными земельными угодьями. Брали землю в аренду, обрабатывали ее всей семьей, а десятую часть урожая отдавали землевладельцу. Собранный

урожай зерна, хлопка сдавали по договорным ценам в хлебопекарни, фабрикантам.

Да и что греха таить, наверняка, мужчины не очень-то хотели расстаться с привычным укладом и потому в колхоз не бежали, да, быть может, кое-кого и отговаривали вступать в него. Но вот чего я никак не могу понять, так это, как мог оказать "бешеное сопротивление" колхозному движению шестимесячный первенец моих родителей, или 5-7-летние Синейвар и Кагараман. Непонятно мне и участие в антисоветской деятельности женщин. Ведь они в деревне не занимались политической деятельностью, за что их-то выслали?!

Правда, есть примеры другого характера. Истории известно, что в Кубинском округе кулаки организовали специальный фонд для борьбы против колхозного строя, иногда убивали активистов колхозного движения. Так был убит секретарь партчейки селения Салахлы Казахского района Шахвелед Калаев, зверски расправились над председателями колхозов селений Каракенд и Эдилли Нагорного Карабаха. В начале 1930 года в Уджарском районе были убиты пять колхозников и один комсомолец.

Эти факты широко известны, и, по свидетельству очевидцев, истинные организаторы антиколхозного движения были расстреляны в местных тюрьмах в те же годы. Правда, очевидцев с каждым годом становится все меньше. Одна надежда на оперархивы, куда путь нам заказан.

Вот почему каждый раз встречаясь с аксакалами, я интересуюсь тем, как они оказались на земле киргизской. Гостеприимной земле, где потомки "классовых крагов" обрели свою вторую родину.

Как известно, раскулачивание крестьянства проводилось в два этапа: 1929-1930 годы - частичное и в 1932-1933 - массовое. На первом этапе крестьянских семей пострадало немного. Сужу об этом по свидетельству очевидцев. Один из них Джангир Рафибеков, кандидат медицинских наук, заместитель декана лечебного факультета Киргизского медицинского института. Его деда, Рафибекова Джангира Багир-оглы, уроженца города Гянджа вместе с другими семьями, около 200, выслали в Киргизию в 1929 году.

Род Рафибековых в Азербайджане был довольно известным. Как просветитель вошел в историю Азербайджана Алекпер Рафибеков, в 1889-1919 годы работавший в Гяндже. Он оказывал материальную помощь одаренным детям бедняков в получении образования, был одним из инициаторов открытия турецкой школы в этом городе. Пользовался среди гянджинцев исключительным уважением и авторитетом. Умер в 1919 году.

Сын Алекпера Худатбек Рафибеков родился в 1878 году, окончил медицинский факультет Харьковского университета. Возвратившись в Гянджу, он не ограничился врачеванием, а повел большую работу в области культуры. По его инициативе создается общество по изучению наследия

азербайджанского поэта Низами (1141-1209), он сам ведет исследовательскую работу, много пишет, например, очерк о Х.Агаеве (1875-1920) в тбилисском ежегоднике (Кавказский календарь, 1916). Когда в 1918 году образовалась Демократическая Республика Азербайджан, Х.Рафибеков занял пост министра здравоохранения, но трагически погиб при невыясненных обстоятельствах в 1920. Его дочь, Нигяр Рафибейли (1913-1981) стала известной поэтессой, ее сын, внук Худатбека Анар - видный азербайджанский писатель и общественный деятель. Среди других потомков Худатбека - Акиф Рафиев, зам.министра МВД Азербайджана…

Но вернемся в Киргизию, где Джангира приютили в селе Дмитриевка, а его родного брата Акифа в Чалдоваре. Только в 1935 году им разрешили встретиться.

Незадолго до войны Акиф Рафибеков с матерью вернулись в Гянджу (видимо, тайно), поскольку в 42-ом их вторично выслали, но уже в Казахстан. Однако Джангира Багир оглы не тронули, и он умер у себя на родине в 1940 году, вдова его умерла во Фрунзе в 1961.

В 1937 году Селим Рафибеков поступил в медучилище (г.Фрунзе) и успешно закончил его в 1939, после чего начал работать фельдшером в Чаткальском районе, затем зав.здравотделом. В 40-м поступил в мединститут и в 44-ом уже в качестве военврача отправился на 3-й Белорусский фронт. Участвовал в штурме Кенигсберга. Сына классового врага Селима Рафибекова за проявленное мужество в годы войны наградили орденом "Красная Звезда", многими медалями. Демобилизовался Селим Рафибеков в 1946 году, вернулся в Киргизию уже добровольно и многие годы работал главным врачом Таласского областного кожвендиспансера, главврачом Ошского облкожвендиспансера, зав.отделом Джалал-Абадского облздравотдела, а с 1959 по 1979 год - главным врачом республиканской клинической больницы Минздрава Киргизской ССР. Кандидат медицинских наук, заслуженный врач Киргизской ССР, он награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, медалями. Автор двух монографий и множества научный статей.

Казалось бы, судьба потомков Рафибекова Алекпера сложилась благополучно. Но далеко не всех. Газанфар Рафибеков служил в армии, участвовал в боях, был ранен. И вот в госпитале как-то проронил, что у немцев техника лучше, они действуют более грамотно и организованно, потому у них и потерь меньше. Из госпиталя Газанфара отправили в Сибирь. Освободившись, он закончил мединститут, женился на русской, родил сына, жил и работал в Чите, теперь пенсионер.

Фаик Рафибеков живет в Киеве, главный модельер обувной фабрики.

И еще один из рода Рафибекова живет и работает в Выборге.

Джангир Селимович Рафибеков, со слов которого я описал историю этой фамилии, представитель третьего поколения, если вести счет с момента выселения, с 1929 года. Живут, трудятся на земле огромной

страны потомки азербайджанцев, высланных с родины, не потерялись они, не посрамили родной национальности и на земле Киргизии. "Киргизские" азербайджанцы считают, что им повезло, что они попали именно в Киргизию. Их сразу расселили по домам, в лютую зиму они имели крышу над головой. Никто из них, опять же по свидетельствам очевидцев, не умер от голода, не погиб от холода.

А попали в Киргизию в конце 20-х и начале 30-х выселенцы из Агдамского, Геокчайского, Евлахского, Кюрдамирского, Казахского районов Азербайждана; из Нахичеванской автономной области прибыли позже всех - около 10 тысяч человек. В 30-е годы выселялись уже крестьяне - женщины, старики, дети, привыкшие трудиться в поте лица.

Вот дословный рассказ моего отца Мустафаева Якуба Агасы оглы, 1911 года рождения, уроженца села Шакели Агдамского района. В отличие от других очевидцев и свидетелей выселения он отличается немногословием. Почти никогда не рассказывал он нам, детям, о выселении, раскулачивании, предшествующем насильственной депортации.

Дед мой, Агасыбек одним из первых подал заявление в колхоз. Однако ему отказали как кулаку и обложили непосильным налогом в надежде на то, что он не сможет выплатить налог, и тогда его можно будет арестовать.

Читаю в "Истории Азербайджана" (том 3, страница 360): "Большую роль в деле ограничения и вытеснения кулачества играла налоговая политика Советского государства, в основу который был положен классовый принцип обложения... Советское правительство усилило в то же время налоговое обложение кулаков. Так, в 1929 году в Азербайджане кулаки платили 32,7 % всей суммы сельхозналога".

Вспоминаю слова Островнова из "Поднятой целины": "Так житья же нам нету!.. Налогами подушили, худобу забирают, нету единоличной жизни..."

В лето 1931 года дед со своими сыновьями работал день и ночь, чтобы получить хороший урожай хлопка и пшеницы. Труды их оправдались: собрали, сдали продналог, да и себе осталось столько, чтобы прокормиться всей семье до нового урожая. Тем не менее повод расправиться с ними был найден: Агасыбека обвинили в том, что он якобы снабжает хлебом гачагов (беглецов, скрывающихся от советской власти).

И в один из майских дней 1932 года семью деда и семьи ему подобных в считанные часы погрузили в товарные вагоны и отправили на север Казахстана в село Шортанды. Не дали собрать в дорогу ни одежды, ни еды.

То же самое проделали с семьями покойных Искандера Абасова, Джабраила Зарбалиева, Машталгули Кулиева, Бахрама Султанова, Оруджкули Дунималиева, Мамеда Агаева, еще здравствующих Наримана Бахишева, Тофика Халилова, Матлаба Султанова, Гульяра Мустафаева, Гулу Кулиева, Юсуфа Новрузова, Ибрагима Тагиева, которые рассказывали не

только о себе, а и о многих других, ехавших с ними вместе, разделивших беды и страдания ссылки, обживания на новых местах поселения.

В конце мая они прибыли на станцию Шортанды, откуда их вывезли еще дальше на север, в степь, и предложили самим строить из наличного материала, на голом месте жилье. К сентябрю построили баню, комендатуру, столовую. Жилье - длинные бараки, разделенные на клетки, в каждой из которых размещалась семья, - осталось на зиму недостроенным. Успели лишь поставить стены и крышу, как ударили труднопереносимые для них, южан, морозы. Люди начали болеть, голодать, умирать.

На сутки каждому выдавали по 400 г мерзлого черного хлеба, который приходилось разрубать топором. Ели мерзлую картошку. Те, что были попроворнее, караулили у комендатуры, дожидаясь, когда охранники будут выбрасывать картофельную кожуру. Добыть ее было нелегко, и доставалась она более сильному.

Первыми умирали старики. В ту страшную зиму умер и мой дед Агасыбек. Затем начался массовый мор. Смерть уносила женщин, детей, подростков. Покойников не могли похоронить по обычаю: земля промерзла, сил продолбить в ней яму не было. Мертвецов складывали в одной могиле. За зиму тела примерзли друг к другу, пришлось орудовать ломами. Из "домов"-клетушек покойников выносили не сразу: им, как живым, выдавалась пайка хлеба, и умершие несколько дней "кормили" еще живых. Но обманывать власть удалось недолго. Очень скоро комендант лично проверял все помещения, выявляя покойников, и худо приходилось тому, кто пытался утаить умершего. Это была страшная зима. В тот трагический год от мороза, голода и болезней погибло 7000 человек...

Оставшихся в живых переселили в городок Кара-Балта, а оттуда в 1934 году часть моих соплеменников переехала в город Кант, да так до сих пор здесь и проживает. Война унесла многие жизни, пали на полях сражений азербайджанцы, призванные из Киргизии. Удивительно - классовым врагам вручали оружие, а домой в Азербайджан не пускали.

Только в колхозе "Новый путь" Кантского района и поныне живет около 300 фронтовиков, воинская доблесть которых отмечена орденами и медалями, но...

Уже после войны, в 1952 году, во время очередной чистки исключили из партии фронтовика Мамеда Агаева, обвинив его в разглашении некоей партийной и государственной тайны. Он имел 17 ранений, награжден за боевые заслуги двумя орденами Боевого Красного Знамени, многими медалями, прошел боевой путь от рядового до старшего лейтенанта. Вернувшись в родной колхоз, работал простым поливальщиком. До сих пор весь колхоз гадает, какую-такую тайну мог рассекретить Мамед Агаев?

Трудолюбием, честностью и добросовестностью азербайджанцы в Киргизии старались одолеть официальную подозрительность, свою, заданную властями "второсортность". Не всегда это удавалось...

Вернемся, однако, к появлению азербайджанцев в Киргизии. Третий по счету этап ссыльных азербайджанцев относится к 37-ому году. Новые сотни тысяч судеб были сломлены в это время. Вот что рассказывает, например, преподаватель Фрунзенского пединститута русского языка и литературы, кандидат философских наук Имран Меликов.

Отца Имрана Мелика Балага-оглы (1882 года рождения, уроженца селения Кызыл-Агач Масаллинского района Азербайджанской ССР) вместе с женой и тремя детьми, как и другие семьи, выслали в 1937 году в село Эмгекши Казахского района. Состав переселенцев формировался из Талышского, Физулинского, Зангеланского, Агдашского, Сальянского, Ленкоранского районов - всего свыше 1,5 тысячи человек.

Мелика Балага-оглы обвинили в том, что он якобы вел антисоветскую пропаганду. На самом же деле он был просто образованным человеком (владел несколькими языками, в том числе и русским), хорошо разбирался в текущей политике, и по всей видимости, его оценки происходящего расходились с официальными.

Из Эмгекши их привезли в упомянутый выше колхоз "Новый путь". Он в те годы имел всего одну улицу, на которой проживали ссыльные, раскулаченные украинцы, латыши, эстонцы, литовцы, русские. Они-то и помогли вновь прибывшим построить барак длиной в 100, шириной в 35 метров - до наступления морозов.

А весной началось строительство добротных домов. Тот самый барак стоит до сих пор. В разное время в нем держали лошадей, свиней. Одно время превратили в кошару. Сейчас используют под склад.

Неподалеку от села протекает река Чу, которую тоскующие по земле предков люди назвали Аразом. По сей день часть реки Чу, протекающую по территории колхоза "Новый путь", называют Аразом.

Только в 1957 году спецпереселенцам, или спецпоселенцам, начали выдавать паспорта и разрешили передвигаться по стране. Желающие могли бы вернуться на родину. Но ни одна семья не вернулась в Азербайджан. Чеченцы, народы Прибалтики, Северного Кавказа, украинцы, русские потянулись в родные места, а мои соплеменники остались. Их здесь сегодня - только в колхозе "Новый путь" - около 7 тысяч. Прижились. Устроили жизнь по-своему. Колхозные села благоустроены, улицы заасфальтированы, сформирована на современном уровне средняя школа, имеется хороший клуб, развита сеть торговых точек, свой медпункт... Словом, колхоз-миллионер. Главные специалисты - азербайджанцы, начиная от председателя колхоза.

Имран Меликов после окончания Киргизского государственного университета преподает эстетику, историю отечественной культуры и теорию литературы во Фрунзенском пединституте русского языка и литературы. Фарадж Валимамедов работает следователем по особо важным

делам при МВД Киргизской ССР, Азизага Алиев - прокурор Октябрьского района г. Фрунзе...

Список этот можно продолжить, но облегченно, с удовлетворением вздохнуть не удается. Как-то не ощущаешь душевного спокойствия и морального удовлетворения. И вот почему.

Мои соплеменники до сих пор считаются изгоями, никто нас не реабилитировал, никто из Азербайджана не проявил к нам внимания и интереса. Ходят слухи, что Президент Азербайджана издал Указ о реабилитации граждан, высланных в свое время по разным обвинениям из республики, но видеть этот Указ не приходилось, вполне возможно, что слухи порождены народной мечтой о таком Указе.

Два года назад Имран Меликов обратился в Прокуратуру Азербайджана с заявлением о реабилитации родителей. И вот какой ответ (за № 13/4339 от 20 января 1989 г.) он получил: "Сообщаю, что решение о выселении Вашей матери Меликовой Т.А., ее родителей и других членов их семьи, как противоречащие закону, 14 января 1989 г. отменено, то есть они реабилитированы. Начальник отдела по надзору за следствием в органах госбезопасности старший советник юстиции В.А.Чудин".

А вот выдержка из второго ответа (от 6 марта 1989 г., № 13/11343 за той же подписью): "В связи с Вашим заявлением о реабилитации отца сообщаю, что постановление оперативника НКВД Азерб.ССР от 1937 г. о выселении в административном порядке гр-на Меликова Мелика Балага оглы, 1882 г.рожд., уроженца с.Кызыл-Агач Масалинского района Азерб.ССР вместе с семьей в составе жены и 3-х детей в Казахскую ССР, как противоречащее закону, решением МВД Азерб.ССР от 23.02.89 г. отменено, и дело производством прекращено, т.е. по данному делу он реабилитирован".

Вот и все. Реабилитирована всего лишь одна семья. А как быть с остальными семьями, которые проживают в двух республиках - Киргизии и Казахстане? По неполным данным, в этом регионе живет около 200 тысяч азербайджанцев. Я не скажу, что всех нас душит обида. Отнюдь. Киргизский и казахский народы с пониманием отнеслись к нашей трагедии, на чужбине мы обрели вторую родину. Пишу это не ради красного словца, объективности ради.

Да и факты об этом свидетельствуют. В последние два десятилетия из Азербайджана в Киргизию уже по доброй воле переехали многие мои соплеменники. Семьи братьев Ахмета и Сархана Агаевых относятся к ним. Здесь братья женились, обрели работу. У Сархана восемь детей. Старший сын Сардар окончил военное училище. Эльхан - железнодорожное училище, стал машинистом. Эльшан плотничает, остальные учатся в школе. Недавно Сархан женил одного из сыновей - Эльхана. Свадьбу сыграли, как положено, по азербайджанским обычаям. Звучала наша музыка, и музыканты были свои - потомки спецпоселенцев...

Семья Камарли. В 1956 году старший брат Закира Пашаевича Камарли, Ариф окончил в Москве аспирантуру. Министерство сельского хозяйства Киргизской ССР пригласило Арифа Пашаевича в нашу республику, и он работал заведующим лабораторией КирНИИ животноводства и ветеринарии. Затем - замдиректора этого же института. В 1970 году защитил докторскую диссертацию, в 1982 начал заведовать кафедрой Киргизского сельскохозяйственного института.

Вместе со старшим братом во Фрунзе приехал и Закир Пашаевич. После окончания мединститута поступил на работу в Киргизский НИИ онкологии и радиологии, став с 1986 года директором этого института. Доктор медицинских наук, исследователь в области онкологической помощи населению, хирург-онколог.

Гариф Искандеров и Гюльоглан Рзаев работают на цементно-шиферном комбинате. Шофер, плотник, рабочий, машинист, торговый работник, строитель, слесарь, преподаватель, врач, служащий, чабан, художник, пекарь, швея, электрик - далеко не полный перечень специальностей, которыми владеют мои соплеменники, высланные в разные годы из Азербайджана. Они пригодились киргизской земле. Как не считать ее родиной? Она и стала родиной, но мы остаемся азербайджанцами, помним о том, что мы азербайджанцы, и хотя в Киргизии чувствуем себя хорошо, но мы не дома, мы почти дома, мы в гостях у добросердечного, гостеприимного народа. А можно ли бесконечно жить в гостях? Не случилось ли так, что мы обречены на бездомность? Если не мы лично, то наши дети, внуки? Каково им придется через десять-двадцать лет? Кем они будут - азербайджанцами, киргизами, казахами? Наступает время ответа…

Фрунзе, 1990

* * *

Период насильственной коллективизации 1931-1932 гг. в Казахстане привел к ломке вековых традиций кочевников, резкому разорению народных масс, значительному сокращению поголовья скота, который был главным источником существования. Там, где русские и украинцы перебивались затирухой и лебедой, казахи просто не выдерживали, - организм скотоводов не был приспособлен к растительной пище. Смерть косила их целыми семьями. От голода погибло 2,5 миллиона казахов; чтобы выжить, казахские семьи из последних сил откочевывали в Китай…

Известия. 1991. 11 июня

* * *

Еще одна операция. Считается, что после дела Кирова "чистили" только Ленинград. На самом деле, существовало кодовое название всей операции - "Шесть городов": Москва, Ленинград, Киев, Харьков, Ростов, Одесса, в результате чего на выселение было отправлено около полумиллиона человек.

Из архива Гувера. США

Публикация Натана ЭЙДЕЛЬМАНА

Огонек. 1990. № 28.

* * *

...В середине 20-х были ликвидированы польские национальные районы в Белоруссии. Через десять лет, в апреле 1936 года, Совет Народных Комиссаров принял секретное постановление № 776-120 сс "О переселении, как политически неблагонадежных, поляков из Украинской ССР в Казахскую ССР". В декабре 1939 года с бывшей польской территории - из западных областей Украины и Белоруссии - офицеров польской армии, полицейских, служащих польской системы управления выселили в Поволжье, Сибирь, Коми АССР и т.д. – около 400 тысяч бывших польских граждан.

Публикация Николая БУГАЯ

Московские новости. 1991. 30 июня

КОРЕЙЦЫ

Борис ПАК

ПОТОМКИ СТРАНЫ БЕЛЫХ АИСТОВ

Очерк

Потомки страны Белых аистов - так издавна названы в древних летописных книгах Востока корейцы. И еще Корею называют страной Утренней свежести, страной Зеленых гор. Принятое название происходит от наименования средневекового государства Коре. Корея - страна древнейшей и богатой культуры. А первые корейские поселения на территории Дальнего Востока относятся к У-У1 векам нашей эры, о чем свидетельствуют древние захоронения, найденные археологами.

Переселившись, корейцы сохранили свой быт, свою культуру. Это сказалось и на типе жилищ - фанз, и на выращивании традиционных сельскохозяйственных культур, на обычаях и в одежде.

...По древним корейским поверьям, есть восемь напастей - потоп, пожары, войны, мор, иссякание источников питьевой воды, холод, жара, междоусобицы. Но есть и девятая - не менее страшная...

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОД

Встань, народ мой! И в скорбном молчании, стой!

В этой скорби тебе не до речи.

Вечной болью клокочет

ГОД ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ!..

Он останется в сердце -

Навечно!

Каждой ночью ежовцы врывались в дома.

Шли аресты повальные; сеялось горе!

На страну надвигалась тюремная тьма.

И объял жуткий страх

И деревню и город.

Произвол недоверия шел из Кремля.

На соседа сосед доносил, как предатель.

От насилья и крови стонала земля.

Но судить продолжал всех сам "вождь-председатель"!

Он обдумывал план, как на стыке границ,

Разом всех поголовно - корейцев,

Чтобы не было схожих с японцами лиц,

Ликвидировать как иноверцев.

Помнишь Родину предков? Наш Дальний Восток?

Шум прибоя? Цветение риса?

Помнишь страшный Указ, -

Наших бед всех исток, -

Как корейцам сказали:

"ВСЕХ ВЫСЛАТЬ!!!"

Мать кричала: "ЗА ЧТО?!

- Не могла все понять, -

ЗА КАКУЮ ПРОВИННОСТЬ И ГРЕШНОСТЬ?!"

Лучше б нас приказали тогда - расстрелять,

Эту правду снести было б легче!

Весть жестоко разила людей наповал.

Разом люди, как призраки, стали.

Кто не верил приказу и негодовал,

Того мигом власть убирала.

Мать ослепла от слез.

Просит бога: "Прости!

Как отца могилу забуду?!

Как мне эту святыню оставить?! Уйти?!

Кто же в День поминальный ходить сюда будет?!"

Гонят к станциям нас днем и ночью, как скот,

На телегах, волах и машинах.

Как нам было дома покидать нелегко!

Кто страданья опишет картину!

Рис поникший грустит без крестьян на полях.

От тоски воют псы безысходно, как люди.

И вокруг, словно в трауре мрачном, земля.

И у всех лишь одно:

"ЧТО ЖЕ С НАМИ-ТО БУДЕТ?"...

Нас от моря в пустыню ведет долгий путь.

Караулом столбы вдоль дорог провожают.
Паровозы надрывно ревут: "НЕ ЗА-БУДЬ!"
И мы, плача, с родимых земель уезжаем.
...В малярийном бреду "Омони" - я кричу.
Как я паби   хочу вместо черствого хлеба!
Как домой я хочу!
Как домой я хочу!
Как хочу я домой под родимое небо!
Но действительность наша суровой была.
Круто все повернула и резко.
Жизнь зажала нас так,- свой язык отняла,
Знать заставила - русский, узбекский...
До сих пор паровозы во снах все гудят.
Сталинисты безжалостно высланных гонят.
Эшелоны акулами строятся в ряд,
Прямо в чрево глотая нас серых вагонов.
Позже немцев Поволжья свезли в Казахстан.
К нам же - крымских татар, турков-месхов, чеченцев.
Каждый крышу нашел здесь и личностью стал.
И никто здесь не стал иждивенцем.
Мы спасали себя и детей, как могли.
Все снесли мы стоически - ссылку и голод.
Пережили фальшивое солнце земли .
И с надеждой мы держим в руках Серп и Молот.
Я - кореец по паспорту и по крови.
Но лишь русским одним я владею.
От корейца остался - один внешний вид:
Я культуры своей не имею!

Вечно раной кровавою сердце болит

За лишенья, позор и невзгоды.

Кто ответит за этот сплошной ГЕНОЦИД,

ЗА РЕПРЕССИИ ПРОТИВ НАРОДОВ!

Слышу с детства щемящий мотив Ариран ,

И далекой нахлынули юности грезы:

Как родной свой язык я учу до утра!

И дыханье сдавили мне горькие слезы.

Встань, народ мой! И в скорбном молчании стой!

В этой скорби тебе не до речи.

Вечной болью клокочет

ГОД ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ! -

Он останется в сердце - навечно!

Мы должны всенародно судить, как ВРАГА,

КУЛЬТ КОМАНДНОЙ СИСТЕМЫ,

Что СТАЛИН построил...

С самого начала превращения "желтокожих азиатов-корейцев" в советских корейцев забыли о принципе политики - принципе равноправия наций, принципе предоставления равноправной нации самостоятельной национальной государственности.

Осенью 1937 года к советским корейцам применили новый принцип политического решения их национальных нужд: под предлогом укрепления государственных границ их поголовно выселили с насиженных мест, превратив трехсоттысячную массу "этих корейцев" в изгоев. Так растоптали гордую память шеститысячной корейской армии под командованием легендарного главкома Н.А.Каландаришвили, так была поругана светлая память первой большевички среди кореянок Александры Петровны Ким-Станкевич, погибшей в 1918 году на посту наркоминдела ДВК от рук белогвардейцев по требованию японских интервентов.

Как не вспомнить вещие слова предостережения Ленина о том, что при проведении национальной политики партии коммунисты - обрусевшие инородцы порой бывают похлеще великоросса-шовиниста. Азиофоб-шовинист Сталин, не менее оголтелые подлецы (к последним я применяю

определение Ленина) из его окружения пустили в ход неслыханные изуверства насильников. Еще задолго до выселения всех корейцев бесследно исчезли (1934 год) старые большевики - ветераны гражданской войны на ДВК, которые обратились к Сталину с просьбой разрешить корейцам создать близ строящегося города Комсомольск-на-Амуре большое хозяйство для полного продовольственного снабжения градостроителей.

Но в последней декаде августа 1937 г. молнией по всему Дальнему Востоку прокатилась страшная весть: выселяют всех корейцев! Великое горе обрушилось на мой народ.

В каждом селении, и недавно созданном колхозе и совхозе, в каждой рыбацкой артели и корейской фанзе были слышны стоны и лились слезы.

"За что?! За какую вину нас выгоняют из родных мест?.. Куда нас вывезут?.."

Прошел слух: "Всех корейцев, как ненадежных, вывозят в южные районы России..." Приказано было оставить всё: дома, мебель, скотину. Разрешалось брать с собой лишь еду и личные вещи - до 30 кг на человека. Местными органами лицемерно выписывались справки переселенцам об оставленных животных с тем, чтобы по приезде на новые места по ним можно было якобы получить взамен корову или свинью...

На сотни верст - до самого горизонта, - сиротливо склонив тяжелейшие колосья, стоял рис, возделанный трудом корейских крестьян-рисоводов, и у переселенцев от горьких слез туманились глаза.

Уже почти год, как был арестован участник революции - большевик Афанасий Арсеньевич Ким, которому В.И.Ленин в ноябре 1921 года дал наказ написать книгу о революции на Дальнем Востоке. Был брошен в тюрьму основоположник корейской советской поэзии, поэт-песенник Цой Хорем...

Осенью на товарной станции г.Иркутска скопились эшелоны с корейцами. Они стояли сутками. Группа старых коммунистов - представители разных корейских колхозов, находившихся на этой товарной станции, обратилась к Ворошилову с телеграммой. Они просили его содействовать такому решению: "Коль надо Великому Сталину переселить нас в южную Россию, то пусть он даст распоряжение тамошним властям - заселить нас всех в один какой-нибудь район, где мы могли бы развернуть мощное хозяйство рисоводства, соеводства, овощеводства, животноводства (свиноводства)". Вместо ответа исчезли бесследно авторы этого обращения.

Корейцы, согласно сталинскому плану, были вывезены в тугайные или полупустынные малообжитые сельские места Казахстана и Средней Азии, где население в основном не владело русским языком. А среди корейцев, знающих русский язык, тоже были единицы, ибо корейцы на Дальнем Востоке жили компактно, и русский язык в корейских школах преподавался как иностранный. Особенно тяжкий жребий пал на корейцев, переселенных

в Узбекистан, куда были завезены в основном земледельцы и рыбаки, а интеллигенция с корейским педагогичесим институтом, театром, редакцией газеты попала в Кзыл-Ординскую область Казахской ССР.

После расселения привезенных корейцев на территории Казахстана и Узбекистана репрессии продолжались. Ликвидировали корейский пединститут в Кзыл-Орде, закрыли все корейские школы. Вместо 7 газет и 6 журналов, издававшихся в ДВК в 1932-1937 гг., оставили одну газету на корейском языке под названием "Ленин кичи" (Ленинское знамя) для публикации официальных документов партии и правительства (с 15 мая 1938 г.).

У всех были отняты паспорта. А тем, кому оставили, власти поставили штамп, ограничивающий конституционные права. Корейцы не выдвигались в партийные и советские органы. Им запрещено было свободно передвигаться по Союзу, поступать в вузы страны, служить в армии.

Большинству советских граждан история корейцев, как и история крымских татар, немцев Поволжья и других, малоизвестна. Об этих народах, проживающих в Советском Союзе, до последнего времени не принято было говорить в печати.

Итак, о корейцах в недавнем прошлом. Задолго до основания города Владивостока (2 июля 1860 г.) корейцы-беженцы из северных провинций феодально-янбановской Кореи заселяли прибрежные районы русского Приморья. К концу XIX века корейцы прижились настолько основательно, что появились там корейские топонимы: горы - это Хасан, Бексан, Апсан; реки - это Суфунган (Суйфун), Сучен, Намган, Сэган, Донган. Многие города носили двойные названия, это - Хэсам (Владивосток - город Морской женьшень), Сованнен (Уссурийск), Енчу (Новокиевск), Синхачон (слободка во Владивостоке); одноименные города - Сучен (Сучан), Иман; крупные селения - Юксэн (Пуциловка), Хокхоу-Корсаковка, Самали-Новославянка, Дяючон, Дабан-Михайловка, Ин-корейское, Дэденде, Бександон, Сибечан, Гамдебаккори, Баксоккори, Хуангоу...

В годы первых пятилеток корейцы на ДВК первыми завершили ликвидацию неграмотности на корейском языке. Создали колхозные хозяйства рисосеяния, рыболовные хозяйства, лесоразработки. В шахтах, мастерских, на заводах, фабриках работали корейские рабочие, мастера и инженеры. Корейские коммунисты показали себя умелыми руководителями больших хозяйств. Производство риса и соевых бобов стало весомым вкладом в масштабе страны.

Первый номер корейской газеты "Сэнбон" вышел 1 марта 1923 года. В 1931 году открывается корейский пединститут, в 1934 он выпустил 217 учителей корейского языка. В 1931-1933 гг. в крае было 380 корейских школ, в которых обучалось 33.595 детей. В 1932 году в Сиханчоне открывается корейский театр. Как отмечалось, в крае издавалось 7 газет и 6 журналов на корейском языке. Стал событием ответ М.Горького от

8 сентября 1928 года на обращение к нему корейских литераторов. Гэ Бонъу и другие писатели-просветители воспитали новых литераторов. Это - Анатолий Хан Бенчери, Те Гичен, Ен Сеннен, Кан Тхесу, Цай Ен, Ким Дюн, Ли Гилсу, Тхе Дянчун. Это был период социалистического ренессанса корейской литературы на ДВК. За рубежом, в порабощенной Корее, патриоты восприняли все это с воодушевлением.

И вот осенью 1937 года в край процветания национальной культуры советских корейцев, которые ждали: вот-вот из Москвы пришлют им долгожданный дар - национальную автономию, ворвалась черная буря - выселение всех корейцев на основе политического недоверия ко всей советской корейской нации. На неведомых им просторах Узбекистана и Казахстана их поджидала участь изгоев и национально-этническое вымирание.

Со времени ликвидации всех корейских школ в Узбекистане и Казахстане очень скоро корейцы стали носителями сперва корейско-русского двуязычия, *затем - русско-корейского двуязычия. В настоящее время за редким исключением все советские корейцы стали русскоязычными. Даже у тех корейцев, которые относятся к редкому исключению, сам корейский язык остался не столько на уровне бытового жаргона, сколько в форме абракадабры.*

Корейцы повсеместно получают школьное и профессиональное образование только на русском языке. Это позволило им подняться вровень с наиболее образованными нациями в стране. Этот прогресс породил, однако, языковой перекос. Приобретая русский язык как родной, кормящий язык, наши корейцы потеряли (вернее, их лишили) свой национальный язык и вместе с ним они утратили свою литературу - сердцевину корейской национальной культуры. В результате, по языку и общественно-трудовой деятельности они уже не корейцы, хотя вовсе не стали русскими, а по паспортно-этнической физиономии остались, как прежде, корейцами. Живя везде и всюду, но нигде не имея никакой национальной государственности, советские корейцы лишились собственного национального дома.

Лишь свойство национального характера советских корейцев - детская вера в совесть и великодушие русских - помогало им прилаживаться к местным правителям, выискивать и находить щелочки для выживания. Как они ждали перемены в своей национальной судьбе после смерти Сталина!

Для них первым сигналом было посещение колхоза "Политотдел" Хрущевым. Вторым сигналом - закрытое постановление ЦК Компартии Казахстана о широком выдвижении корейских кадров на руководящую работу в областях республики. Третьим - доклады Брежнева и Андропова о 50-летии и 60-летии образования СССР.

Народный академик Пак Ир - один из тех коммунистов-корейцев, которые многократно обращались в ЦК с просьбой пересмотреть политическое отношение партийного руководства к национальной судьбе

советских корейцев. Первое такое письмо он отправил в ЦК в апреле 1957 года. Три письма в ЦК Компартии Казахстана. Пятое - в рабочий президиум ХХУ съезда КПСС в апреле 1976 года. Шестое - на имя Андропова. Седьмое - в рабочий президиум ХХУП съезда партии в феврале 1986 года.

Брызги просвета - апрельский Пленум ЦК КПСС 1985 года, проект Платформы ЦК КПСС к ХХУШ съезду партии, в которых с предельной ясностью изложена национальная политика партии.

При любом варианте решения национального вопроса советских корейцев в центре внимания должна быть задача создания и воспитания промышленного отряда рабочего класса из корейской молодежи, дабы корейцы, как нация, была полноценно производящей нацией.

Отсутствие национальной государственности - главная причина национальной разобщенности советских корейцев. Она превратила огромные массы корейцев в "бездомные", бродячие семейно-бригадные группы гектарников - кобондий. В сущности, это форма проявления национального недовольства, национальной неполноценности.

Сегодня советских корейцев, проживающих в Союзе, более 400 тысяч человек.

- Навсегда запомнил братскую помощь, которую оказали нам, переселенцам, Акмаль Икрамов, Юлдаш Ахунбабаев, Усман Юсупов, - вспоминает ветеран колхозно-совхозного производства, 42 года проработавший директором известного совхоза "Гулистан" Гурленского района Хорезмской области Сергей Тимофеевич Ким. - Каждая семья, благодаря их заботе, получила по мешку муки и джугары, некоторые семьи получили даже корову и птицу.

Узбекский дехканин сразу увидел, что это простые трудолюбивые крестьяне, прекрасно возделывающие рис и кукурузу, овощи и бобовые. Узбеки-хлопкоробы учили корейцев мастерству возделывания "белого золота", выращивания дынь, арбузов и винограда. Корейцы же в свою очередь передавали узбекским дехканам секреты получения высоких урожаев риса. Широкое распространение в Узбекистане получил сорт риса «кенджо», названный в честь мастера рисовода Пака Кенджо, который привез с Дальнего Востока около трех килограммов семян риса и посеял его на небольшой делянке. Этот сорт риса и поныне ценится и почитается узбекским народом, ибо из него получается самый вкусный янтарный плов.

...Война! Это страшное слово молниеносно облетело всю страну. Тяжелой болью отозвалось оно и в сердцах советских корейцев. На митингах люди давали клятву самоотверженно трудиться для разгрома врага. Но сталинское клеймо неблагонадежных отрицательно сказалось на призыве корейцев в действующую армию: их брали лишь в армию трудовую. И, несмотря на это унизительное дискриминационное положение, один кореец - Александр Мин - стал Героем Советского Союза!

В разгром врага, как и все советские люди, корейцы Узбекистана и Казахстана внесли достойный вклад. "Сельская правда" (12 октября 1988 года) сообщает, что только "четыре колхоза Кзыл-Ординской области - "Большевик", "Гигант", "Катонская коммуна", "Авангард" - внесли в фонд обороны 6 тысяч пудов риса, 350 тысяч рублей деньгами, 100,5 тысячи рублей облигациями, вещей на 18 тысяч рублей. А пять колхозов Ташкентской области - "Полярная звезда", "Северный маяк", имени Ленина, "Правда" и имени Свердлова - сдали Родине 6 миллионов рублей и отправили на фронт 625 посылок; 1 миллион рублей личных трудовых сбережений сдал в фонд обороны председатель колхоза "Северный маяк" Ташкентской области Сергей Цой, 300 тысяч рублей - колхозник колхоза Ш Интернационал Павел Лим, 100 тысяч рублей - председатель колхоза им. Свердлова Мирзачульского района Ким Канхо, 12 тысяч рублей - отец мой - инженер этого колхоза Пак Сенсу и мать моя - хлопкороб Надежда Васильевна Ким и тысячи других.

Корейцы издревле считаются грамотным народом. В XV веке в их жизни произошли два исторических события: в 1403 году был изобретен первый в мире наборный металлический шрифт, а в 1443 году была создана самобытная корейская национальная письменность (с VI века использовались китайские иероглифы). Стремление к образованию всегда было, если можно так сказать, национальной чертой народа. И, наверное, есть какая-то закономерность в том, что по числу людей, окончивших высшие учебные заведения на тысячу человек, советские корейцы занимают ныне первое место в стране. Мы по праву гордимся такими людьми, как лауреат Ленинской премии, доктор геолого-минералогических наук Андрей Инсунович Пак, академик АН СССР Максим Павлович Ким, члены-корреспонденты АН СССР Михаил Николаевич Пак и Георгий Федорович Ким, первый переводчик классической корейской поэзии "Сиде", народный академик Петр Александрович Пак-Ир, призер всесоюзных и международных кинофестивалей кинорежиссер и художник Семен Борисович Эгай, видные поэты и писатели Ен Сен-Нен, Ким С.Ф., Ким Кичер, Ким Денше, Хан Дин, Хо Дин, Ян Вонсик, Анатолий Ким, художники Ким Хеннюй, Пэн Верлен, Николай Пак, Николай Шим, Александр Ли, врачи Анатолий Ким и Галина Пак, архитектор Роберт Пак, композиторы Ендин Иванович Пак, Тен Чу Уланович и Эола Пак, кандидат педагогических наук, доцент Александра Александровна Ким, артист Ким Хюдю, юристы Вера Дауновна Ким, Владимир Дмитриевич Ким, журналисты Григорий Иванович Пун и Федор Гымсанович Магай, прославленные тренеры Владимир Фен и Владимир Пак, кооператоры, кандидат биологических наук Вадим Сергеевич Эм и Борис Иванович Ли, дважды депутат Верховного Совета УзССР Павел Харитович Кан и рабочий Геннадий Анатольевич Ким. Но с особой гордостью мы называем имена дважды Героя Социалистического Труда Кима Пен Хва, Героев Социалистического Труда Николая Васильевича Кима, основателя рисоводческого совхоза "Аль-Хорезми" в Хорезме, Любови Ли из колхоза "Политотдел" Коммунистического района Ташкентской области, ветеранов колхозного производства - братьев Ким Кисука и Ким Сенюна - основателей

колхоза "Ильхом" в 1930 г. (ныне "Политотдел"), бывшего директора совхоза "Гулистан" Сергея Тимофеевича Кима и его известных учеников - директоров совхозов "Янгиабад" Файзуллу Аметова и "Гулистан" Эркина Сабирова Гурленского района Хорезмской области и др.

Ныне советские корейцы живут в Узбекистане, Казахстане и в других регионах страны. Однако за годы репрессий, как и прочие репрессированные народы республики, они почти забыли свой родной язык, утратили свою многовековую национальную культуру и литературу.

Много телеграмм и писем было послано Инициативной группой автора этих строк на имя Первого Съезда народных депутатов СССР с просьбой о полной социально-политической реабилитации советских корейцев как незаконно репрессированных Сталиным в 1937 году и о предоставлении в соответствии с Платформой КПСС автономного района корейцам.

В результате наших многочисленных просьб на имя Первого Съезда народных депутатов СССР и в ЦК КПСС в N 10 журнала "Известия ЦК КПСС" за 1989 год в разделе "Перечень просьб, регулярно повторяющихся в почте ЦК КПСС по вопросам межнациональных отношений", сказано: "Предоставить автономию проживающим в СССР корейцам"... Члены Интеркультпросветобщества совместно с корейской секцией Союза писателей УзССР и дирекцией Государственного литературного музея им. Навои открыли в декабре 1988 года в этом музее постоянно действующую выставку "Корейская советская литература", на которой представлены книги корейских советских поэтов и писателей. Впервые в стране проведено празднование корейского Нового года по лунному календарю в Коммунистическом районе Ташкентской области с участием Наримановского горкома партии, колхозов "Узбекистан", "Правда", "Политотдел", им. К.Маркса, "Северный маяк", "Ленинский путь". Большая заслуга в этом председателя колхоза "Узбекистан" Сембен Ивановича Кима и руководителя драмкружка "Политотдела" Эмилии Ли. Этот праздник получил широкий отклик среди населения республики и официально признан как всенародный праздник. Сегодня свыше 100 членов Общества обучаются у высококвалифицированных преподавателей, таких, как Цуй Фы Сунь и Вадим Эм, корейскому языку и литературе. Кинорежиссером Семеном Эгаем готовится к съемкам документальный фильм "Обычаи, обряды и праздники советских корейцев" по сценарию автора книги.

Впервые в Узбекистане проведен цикл лекций народного академика П.А.Пак-Ира на темы: "Советские корейцы 1937-1989 гг.", "Корейская литература и книгопечатание в Корее" и др.

Совместно с Союзом художников республики организована персональная выставка художника Георгия Кима, получившая высокую оценку общественности.

Нами направлены развернутые аргументированные предложения корейцам мира с целью создания Всемирной Ассоциации Корейцев (ВАК) -

высокопрогрессивной, высокогуманной организации для объединения всех прогрессивно настроенных корейцев Земли с целью укрепления дружественных связей, обмена передовой технологией и достижениями культуры. Программа и Устав ВАКа, способствующие воссоединению Севера и Юга Кореи, а также созданию Ассоциации Культурных Обществ Республик Советского Востока - АКОРСВ - для объединения всех сил братских народов для ускоренного решения социально-культурных, хозяйственно-экономических, эколого-оздоровительных и межнациональных задач.

Мы надеемся, что эти и другие мероприятия при участии не только корейцев, но и всех жителей республики, а также корейцев, живущих в других регионах страны, послужат дальнейшему росту духовной культуры и повышению материального благосостояния советских людей, укреплению дружественных связей со всеми людьми доброй воли.

Мы верим, что справедливость восторжествует...

Ташкент, 1990

Герасим ЮГАЙ

МИГРАНТЫ ИЗ КОРЕИ: ПОНЕВОЛЕ ИЛИ ДОБРОВОЛЬНО

Воспоминания

Услышанное в детстве утверждение, что корейцы - летуны, было основано на том, что, мол, мало им мигрировать из Кореи в Россию, но и в России они кочуют без конца: то в Среднюю Азию, то в Казахстан, то еще куда-то. Рассуждения эти поверхностны и рождены невежеством. Обе крупные перемены корейцами местожительства были вынужденными, недобровольными. Если первая миграция из Кореи в Россию была добровольно-принудительной, то вторая - с Дальнего Востока вглубь страны - исключительно насильственная. Было выражено политическое недоверие ко всем корейцам, которые оказались первыми жертвами-переселенцами в годы культа личности.

Переселение корейцев с Дальнего Востока в 30-е годы осуществлялось в два этапа. Первый - в 1935 г., когда вместе с репрессированными разрешалось выезжать в ссылку и членам их семей. А в 1937 г. (второй этап) депортированы были в Среднюю Азию и Казахстан все корейцы без исключения. Одновременно с массовой депортацией продолжались и индивидуальные репрессии. Лично я причастен к той и другой репрессиям. В одном случае как свидетель, а во втором - как пострадавший.

В один из июльских дней 1937 года на квартиру к нам вдруг явился офицер милиции в сопровождении двух рядовых сотрудников. Мне только-только исполнилось шесть лет, но детали происходящего обыска мне хорошо запомнились. Никакого криминального материала, конечно, обнаружено не было, тем не менее моего отчима, работавшего бухгалтером колхоза, арестовали и увели. А через несколько дней нам и всему нашему селению приказали собираться в дальнюю дорогу.

Довезли на телегах сначала до Посьета, а оттуда до Владивостока, где погрузили нас в товарные вагоны и везли почти месяц через весь Дальний Восток, Сибирь и большую часть Казахстана. Выгрузили нас в пустынной степи Кзыл-Ординской области. Был уже конец сентября. Днем жарко, ночью холодно. Жить негде. Срочно рыли на зиму землянки с восточным каном-полом из кирпича-сырца.

Не все, но многое помню из того, что делали старшие. С весны 1938 г. закипела работа по строительству жилых домов из самана, начали сеять рис, семена которого привезли с собой. Построили школу и другие общественные здания. Очень быстро образовались корейские колхозы. В одном только Чилийском районе Кзыл-Ординской области их было три, причем довольно крупных для того времени - в каждом из них не менее 150 семей.

Тяжело проходила адаптация людей к новым условиям. В природно-климатическом отношении Дальний Восток и Среднюю Азию не сравнить. Да к тому же отсутствие элементарных условий в быту. Можно представить не только физическое, но и морально-психологическое состояние моих соотечественников, ни за что униженных недоверием, положением людей, лишенных свободы. В паспорте каждого корейца были ограничения - они не имели права передвигаться из района в район без особого разрешения.

Лишь после смерти Сталина ограничения сняли.

В годы войны корейцев не призывали в действующую армию, но мобилизовали в армию трудовую. Бывшие военачальники из числа корейцев почти все были репрессированы. На фронт попали единицы, скрывшие свою национальность, среди них появились и Герои Советского Союза...

Главным отрицательным последствием насильственной депортации корейцев явилось разрушение компактности их проживания, что привело к утрате языка, который сегодня перестал быть родным даже на бытовом уровне.

Утрата языка равносильна утрате национальности. Так кто же мы - советские корейцы?

Важно понимать, что люди без рода и племени не могут быть национальными патриотами. А без патриотизма нет интернационализма. Любовь к родине - понятие конкретное. Это непременно любовь к своей родной культуре - экологии, языку, быту, традициям, природе, земле,

исторически сложившимся занятиям... Советские корейцы сумели забыть или подавить в себе чувство унижения и обиды, порожденное унизительной насильственной депортацией, смогли подняться вровень с другими народами страны в своем труде, но где бы сейчас ни рождались и ни жили корейцы, корнями своими они уходят в ту глубокую древность, откуда родом их предки. "Зов предков" звучит для них все сильнее, и потребность в национально-культурном возрождении советских корейцев все острее...

Москва, 1990

Степан КИМ

ИСПОВЕДЬ СОРЁН САРАМ - СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

Памяти родителей -

Анны (Тоння) и Сен Дюна,

друга незабвенного - Саши Астахова

Как мы, корейцы, оказались здесь? Почему нас переселили? Эти и другие вопросы, связанные с нашим скитанием из одного региона страны в другой, остаются пока без ответа, так как ни мои собратья, люди старшего поколения, к коему я принадлежу, ни тем более нынешняя молодежь в неведении, не знают, во имя чего, почему был совершен этот акт.

Тема была закрытой, запретной. Однако подспудно шел поиск путей, позволяющих обойти этот запрет с тем, чтобы хотя бы намеками, эзоповым языком выразить свою боль. Так, в произведениях русскоязычного корейца Анатолия Кима, в частности, в его повестях "Соловьиное эхо" (в образе бабушки Ольги), "Луковое поле" (в образе иссохшей старухи), в ряде рассказов, в драме "Плач кукушки" можно узреть контуры печальных откровений. Лишь контуры.

С годами боль утихает. Но, думаю, многие, кто пережил 1935 и 1937 годы, не могут забыть их. Не могу забыть и я. И вынашивал мысль написать, уйдя на пенсию, для себя и своих близких мемуары - Исповедь сорён сарам - советского человека (так нередко называют советских корейцев на земле наших дедов, подчеркивая тем самым наше отчуждение от земли дедов и принадлежность к Советскому Союзу) с тем, чтобы то, что мы пережили, не ушло вместе с нами в небытие. И была надежда на наступление лучших времен, когда можно будет все рассказать.

Лучшие времена наступили. Отпала надобность в иносказаниях. И я пишу открыто о сорён сарам. Я думаю о том, что сказал М.С.Горбачев 8 января 1988 года на встрече с руководителями средств массовой информации, идеологических учреждений и творческих союзов: "Для нас неприемлемо всякое сглаживание истории. Она уже есть. И дело только в том, чтобы правдиво показать ее. Дело в нашей честности, ответственности и научности подхода..."

Южный сосед наш на Дальнем Востоке - Корея, или Чосон, или Страна Утренней Свежести. Корейцы с незапамятных времен хорошо знали своих северных соседей. Рассказывали мне: утром охотник переправлялся на другой берег Тумангана - реки Туман, а вечером того же дня с битой дичью успевал возвращаться домой. Русская администрация доброжелательно относилась к корейцам - пришельцам, заселявшим необжитый Приморский край.

У моего прадеда было два сына, второй - мой дед. Родовой дом, один из немногих в округе крытый черепицей (признак благоденствия, зажиточности семьи), с принадлежащей прадеду землей отошел по наследству старшему сыну. Гонимый нуждой и безземельем, младший сын (мой дед) покинул родину и во второй половине XIX века, ближе к его концу, поселился в Посьетском районе, в 5-6 километрах от бухты Сидими (ныне бухта Нарвинская). Было там рядом три корейских поселения: У Сидими (Верхнее Сидими), Аря Сидими (Нижнее Сидими) и между ними деревня Эган Теренэ, Средняя Деревня. В Эган Теренэ и обосновался дед. Обзавелся семьей. Там родились моя м а д а м я - старшая тетя, мадабай- старший дядя, мой отец и а д и б а й - младший дядя. В этой же деревне во второй половине 20-х годов родились мы: моя старшая сестра и я, а в начале 30-х годов - младшие сестры.

Приток корейцев в Приморский край усилился после русско-японской войны и особенно после известного восстания корейцев против японских колониальных властей в 1919 году. В числе покинувших родину был и легендарный Хон Бом До со своим неуловимым отрядом мстителей, командир корейского партизанского красногвардейского отряда. В годы Великой Отечественной войны в Кзыл-орде я видел его, согбенного старца, веявшего на ветру рисовую шелуху (так добывали рисовую сечку на кашу). Видел и его похороны.

Думаю, что не погрешу против истины, если скажу, что доброжелательность местных - русских жителей и пришлых - первых корейских поселенцев была взаимной. Добрым словом вспоминают старожилы бухты Сидими братьев Янковских, друзей Владимира Арсеньева, особенно одного из двух братьев, Юрия, именем которого корейцы-сидимийцы нарекли остров - Юркя сом и, или Н э н у й н э с о м и - остров Четырехглазого (имеющий глаза и на затылке, так - Четырехглазым - прозвали Юрия за его меткость, он поражал без промаха хунхузов, головорезов-грабителей, нападавших на него из засады, с тыла). Заслуживает внимания образцовая

хозяйственная деятельность Янковских. Они основали заповедник пятнистых оленей (ныне на его базе действует звероводческий совхоз).

Спрашивал я отца, как сложилась дальнейшая жизнь Юрия Янковского. В начале 20-х годов Янковский со своим приемным сыном - корейцем, искусным жокеем, покинул этот край; загрузив оленей на две баржи, он отплыл в неизвестном направлении. Судя по статье В.Янковского (видимо, это внук или сын одного из братьев Янковских) в журнале "Вокруг света" об отлове диких маралов в северной части Кореи, я полагаю, что там, в Корее Янковские и нашли пристанище.

Но вернусь к моей семье.

В 1935 году моего отца, человека малограмотного, однако партийца, ударника труда, бригадира рыбтреста, арестовали. Мать должна была сделать выбор: остаться дома или следовать в ссылку за отцом. Выбрала ссылку.

Приехали на санях во Владивосток, на Вторую Речку, где формировался наш поезд.

Ссыльных было много. Понадобился целый состав с полусотней вагонов, чтобы разместить всех с семьями. Мужчины под охраной ехали в одних теплушках, их семьи в других. Как сейчас помню, кончились леса и потянулись необычные для глаза корейца голые казахстанские полупустыни, да еще со странными кладбищами, глинобитными могилами. Нервы женщин не выдержали, скупые на слезы, они плакали навзрыд, а за ними и мы, дети. Прошло более полувека, а все помню.

Думаю, что 1935 год явился своеобразным пробным экспериментом, прелюдией к 1937 году - времени поголовного переселения корейцев. Да и не только корейцев. Но они были первые...

Часть ссыльных оставили на острове Бугунь в Аральском море. Стали умирать дети. В первое же лето нашли на острове могилу мои младшие сестры. Чуть не умер и я в глинобитном клоповнике. Не преувеличиваю. Ночами, когда от нестерпимых укусов мать зажигала свечу, представала картина, от которой волосы вставали дыбом: с потолка по стенам двигались на нас несметные полчища клопов. Одолевала мучительная боль в желудке, кишечнике. Спасался тем, что прижимался животом к раскаленному песку. Боль временно отходила. Выжил.

Осенью 1935 года семья наша переселилась в город Аральск без права выезда за его пределы. Каждый месяц в назначенный день отец обязан был отмечаться.

Нам повезло: отец устроился котельщиком на судоремонтную верфь, где работали такие же, как и он, репрессированные. Там были русские: Кузьмины, Иванищевы, Карнауховы, украинцы - Гаряга, Манджуга... Всех объединяла общность судьбы.

Более всех повезло мне. Русские и украинские мои сверстники были отчаянные. Не отставал от них и я. Сейчас бы нас, мальчишек тех лет, причислили к категории уличных. Родителям стоило большого труда загнать нас на обед. Делали мы, что хотели. Весной ходили за тюльпанами, летом целыми днями пропадали на пляже, ночевали на крыше сарая с тем, чтобы всем вместе на зорьке отправиться на лодках-плоскодонках ловить самодельными удочками окуньков. Любили совершать походы по Ахмедкину острову (так называли заповедный остров по имени старика, охранявшего его).

Что я могу сказать сейчас о своем детстве, прошедшем в предвоенные годы? Трудное, но счастливое детство. В те далекие годы моя детская душа наполнялась живительной силой, энергией подлинной дружбы детей разных народов, подлинного интернационализма. Думаю, что не только мы, дети барачного массива судоремонтников Аральска, испытывали на себе такое благотворное влияние в предвоенные годы.

Потом война. Отец ушел в трудармию в Кизел. Семья без кормильца стала бедствовать. Переехали в Кзыл-орду, затем в Ташкент, к моему дяде.

Пусть простят меня те, кто не дождался отцов: с войны мой отец вернулся живым. Он пришел из трудармии в 1947 году. Но не могу не сказать, что всю войну мы жили с клеймом недоверия, как граждане ненадежные. Нас лишили права быть патриотами, быть вместе со всеми там, в окопах, где решалась судьба нашего общего Отечества. Место корейцев было в трудармии, о которой принято умалчивать.

Нельзя, разумеется, категорично утверждать, что не было вовсе корейцев фронтовиков. Те, кого случайно миновало переселение, потому что они учились в то время в вузах Москвы, Ленинграда и других городов западной части страны, воевали. Были и такие, которые ухитрялись скрыть свою национальную принадлежность и попадали в действующую армию под видом, например, казаха. Одного из таких корейцев, еще не оправившегося от контузии, награжденного орденом боевого Красного Знамени за форсирование Днепра, в предвоенные годы студента-математика одного из педагогических институтов Москвы, я видел в 1946 году - познакомился с ним в корейском колхозе "Авангард" Папского района Наманганской области. Другого несколько раньше видел в Ташкенте, молодого, с орденом солдатской Славы, с боевыми медалями, в окружении друзей, с завистью и восхищением смотревших на него.

Раны душевные, как и физические, кровоточат. Не могу забыть, как в унылой очереди за хлебом мужчина-кореец средних лет был нравственно унижен женщинами, видимо, получившими похоронки. Ему кричали, что он, целый и невредимый, стоит в очереди вместе с женщинами и детьми. Он, голодный, оставил очередь, ссутулился и, вытирая слезы, пошел. Нет, я не осуждаю тех женщин. Их можно понять. Но поймите и нас: нас унижали, убивали морально на протяжении всех четырех военных лет.

Первых парней-корейцев в шинелях воинов Советской Армии я увидел в начале 50-х годов, будучи студентом Узбекского (Самаркандского) государственного университета. Это означало снятие запретов, тяготевших над ними с 1937 года, принижавших, оскорблявших человеческое достоинство целого народа.

В 1985 году, полвека спустя после отъезда, я посетил Дальний Восток, бухту Сидими. От трех корейских поселений не осталось и следа. Справа от моего поселка (если смотреть со стороны бухты) простирается песчаный карьер, куда пристают баржи и, загруженные песком, уходят во Владивосток. В период летних отпусков на берегу можно увидеть разноцветные палатки отдыхающих.

Запущенной мне показалась и бухта. Есть новые строения. Действует судоремонтное предприятие. Сохранилось несколько старых домов, в том числе наш, куда за два года до ареста отца мы переселились из палатки. Нет дома Янковских. Больно смотреть на то, что осталось на кладбище от склепа. Нет стеклянного купола, защищавшего склеп от непогоды. Видимо, здесь поработало не только время. Среди могил гадят, мочатся. Больно смотреть на святыню, которую ты когда-то оберегал, в таком поруганном состоянии.

Беседовал с несколькими престарелыми русскими женщинами, которые по вербовке приехали сюда в 1938 году из центральных районов страны. Процветавший при нас рыболовецкий трест зачах. По словам моих собеседниц, рыба почему-то ушла. Вскоре ликвидировали и трест.

Моя автобиография - не самоцель, это конкретный материал, иллюстрирующий историю с о р ё н с а р а м, переживания, связанные с переселением. Рассказ мой - всего лишь констатация свершившегося. Но я хочу наконец понять, были ли основания применять репрессивные меры к моему народу. На этот счет нет никаких обнародованных версий. Моя точка зрения такова. Я слышал неоднократно, что решение переселить корейцев окончательно созрело у Сталина вслед за превентивными мерами в отношении приграничных корейцев, предпринятыми в Корее колониальными японскими властями: у японцев действительно были основания не доверять народу, только что порабощенному ими.

По мнению Василия Кима, автора диссертации "Борьба Компартии Узбекистана за организационное и хозяйственное укрепление корейских переселенческих колхозов (1939 год)", сначала японские власти переселили приграничных корейцев в глубь страны, а переселение, осуществленное

нашим правительством, явилось ответным актом. Но этот акт оказался более жестоким, так как переселялись мы в глубь огромной страны и в результате, так сказать, успешно проведенной операции оказались так далеко от привычных нам мест, что была неминуема массовая смерть малолетних детей, неизбежен скорый распад, выражаясь языком современной науки, народнохозяйственной и культурной инфраструктуры, складывающейся десятилетиями. Так и случилось.

На уровне слухов ("одна бабушка сказала") мы были японские приспешники, лазутчики, шпионы, контрабандисты. Эти слухи поддерживались во второй половине 30-х годов публикациями о дальневосточных пограничниках. Помню устремленные на меня взгляды одноклассников при чтении рассказов о старике корейце, скрывавшем у себя японских лазутчиков.

Не буду кривить душой. Такие факты могли иметь место. Более того, было бы странно, если бы в сложившейся ситуации таковых не было. Мой мадабай - старший дядя, получив из Кореи весть о кончине своего бездетного дяди (старшего брата моего деда), по настоянию жены, у которой все родичи были "там", ушел за кордон где-то в конце 20-х - начале 30-х годов. Он хотел унаследовать родовое имение с домом, крытым черепицей. Помню отца с ружьем, верхом на коне, едущего вместе с другими на задержание контрабандиста...

Давайте подумаем, достаточно ли подобных фактов, чтобы делать выводы о возможном предательстве в случае войны всего народа, о переходе его на сторону врага.

Давайте подумаем, могли ли корейцы, страницы истории которых заполнены описанием войн против японских агрессоров, корейцы, многие из которых покинули свою родину, преследуемые самураями, предать страну, принявшую их? Нет! Разразись война, приморские корейцы были бы в первых рядах защитников социалистического отечества.

Еще один штрих к портрету приморских корейцев. Мы одними из первых нерусских народов России приняли Великий Октябрь. Конечно, сказать, что приняли вполне сознательно, с полным пониманием содержания революции, было бы неверно. Скорей всего, притягивало корейцев к революции то, что партизаны, солдаты революции, защищали ее, воюя против японских интервентов. Пример тому - названный выше легендарный Хон Бом До, без колебаний принявший революцию. В дальнейшем, в 20-е - 30-е годы, корейцы пришельцы, для которых Приморье стало родным краем, обладая неплохим трудовым и образовательным потенциалом, быстро осваивали новые производства, активно строя новую, социалистическую действительность на Советском Дальнем Востоке.

Стараюсь перебрать все сколько-нибудь существенные за и против принятия администрацией Сталина решения о переселении приморских корейцев. Возможно, моя позиция страдает субъективными,

оправдательными суждениями - я заинтересованное лицо. Возможно. Но не сомневаюсь в главном: ничем, никакими мотивами нельзя оправдать акт репрессии, совершенный по отношению к целому народу.

В 1937 году понесли потери все наши большие и малые народы. Но в отличие от некоторых других приморские корейцы подверглись поголовной репрессии. С тех пор прошло более полувека, но мы так и живем, не ведая, за что так жестоко поступили с нами. Нам необходимо, чтобы о нашей судьбе наконец узнала общественность, чтобы произошедшему была дана принципиальная оценка. Иначе говоря, нужна не молчаливая реабилитация (ее мы получили в начале 50-х), а гласная, обнародованная. В этом нуждается каждый из нас, ибо лишь дума, освобожденная от чувств обиды, подавленности, незаслуженных подозрений, может принять сполна новые ценности.

Продолжу разговор о поголовном переселении корейцев в 1937 году. Неслыханно тяжелыми были первые два года адаптации на новом месте.

В упомянутой выше рукописи диссертации Василия Кима я обратил внимание на то, что он ограничивает тему борьбы Компартии Узбекистана за организационное и хозяйственное укрепление корейских переселенческих колхозов одним 1939 годом. Попросил диссертанта объяснить, почему из объекта его исследования выпали 1937 и 1938 годы.

Василий Ким объяснил, что два первых года не дают историку выгодного для раскрытия темы материала и даже, напротив, дают много материала невыгодного - заявления, письма, жалобы переселенцев на свою неустроенность, просьбы о помощи, мольбы спасти умирающих детей. И никаких позитивных мер! Включи он эти два года - не видать бы ему ученой степени кандидата исторических наук. Иное дело - 1939 год, на который приходятся первые громкие трудовые победы спецпереселенцев. Эти трудовые достижения как нельзя лучше раскрывают тему руководящей и направляющей роли партийной организации республики, ее органов на местах в организационном и хозяйственном укреплении корейских переселенческих колхозов.

Успеха диссертант добился. Нет, я не виню его, но хочу дополнить картину. Буду откровенен: приняли спецпереселенцев на официальном уровне недоверчиво, с подозрением, в некоторых случаях даже враждебно. Сказывалось, с одной стороны, отсутствие директивных указаний, как относиться к переселенцам, и, с другой - ходячее мнение: раз переселили народ, значит, не за пустяки, а за что-то серьезное. Это официальные представители власти. Зато отношение к нам населения было доброжелательным. Видимо, срабатывало то, что называется народным чутьем.

Когда говорят о народах, выделяют в них какую-то характерную для них доминантную черту. Я не люблю таких однобоких характеристик, отношусь к ним с большой долей недоверия. Когда, например, мне говорят

"трудолюбивые корейцы", подчеркивая в моем народе данное качество, я воспринимаю это как сомнительный комплимент, потому что в нем вижу также подтекст: трудолюбив, как муравей, и только.

Когда говорят о народах Средней Азии и Казахстана, куда нас переселили, подчеркивают прежде всего их гостеприимство. В такой оценке нет ни комплиментарности, ни какого-либо негативного подтекста. Корейский народ действительно уже более 50 лет ощущает благотворное гостеприимство этих народов. За эти полвека мы, дети и отроки 30-х годов, сами уже стали стариками. На смену нам приходят наши дети, у которых уже свои дети - школьники и студенты.

Думаю, что нескромно было бы перечислять, чего мы достигли за эти годы, оценивать себя: желанными ли гостями оказались на новых землях? Но считаю уместным здесь привести слова узбекского писателя Саида Ахмада. Как-то в кругу друзей, писателей, ученых-филологов, он сказал: вы, корейцы, совершенно неожиданные для нас гости. Мы вас не ждали. Но вы пришли и стали самыми желанными.

Пользуясь случаем, говорю вам, Саид-ака: катта рахмат! Думаю, что мои чувства благодарности к вам разделяют все корейцы Узбекистана и Казахстана, и Киргизии, и других регионов нашей необъятной Родины.

Нам, конечно, небезразлично, как о нас думают, в том числе и на родине наших дедов и прадедов, где почти у каждого из нас есть родные: близкие, дальние, с которыми после освобождения Кореи от японских милитаристов многие завязали переписку.

Со времени, когда мой дед покинул родину и осел в Сидими, минуло не менее ста лет. За это время, корейцы третьего - пятого поколений, естественно, стали другими, что и дает людям основание называть нас не иначе, как сорен сарам - советский человек.

Нам, советским гражданам корейского происхождения, небезразлично, какое содержание вкладывается в данное словосочетание. И потому считаю необходимым изложить свое понимание, что такое сорён сарам.

Кто мы? Прежде всего мы потомки "пришельцев". В этом отношении нет существенной разницы между нами и, скажем, евреями, еще в библейские времена покинувшими "землю обетованную", или неграми, увезенными в Америку, или украинцами, устремившимися за океан, или русскими, армянами, уйгурами и другими людьми, по той или иной причине оказавшимися за пределами родины. Общее, что свойственно пришельцам, это утеря ими в большинстве случаев, рано или поздно, одного из основных признаков принадлежности к данной нации, народу - родного языка. Некрасовцы, русские сектанты - исключения, подтверждающие правило.

Необходимое условие сохранения языковой общности народа - наличие общности территориальной. Пока корейцы компактно жили в Приморском крае, это обеспечивало сохранение ими родного языка.

Важное условие развития и совершенствования языка - обучение ему детей. С этой целью в корейских поселениях по инициативе родителей в складчину когда-то содержались учителя.

Приморские корейцы в отличие от правителей своей покинутой страны, проводивших изоляционную политику, известную под названием Закона закрытых дверей, широко открыли свои двери для новых веяний. Первые поселенцы охотно отдали своих детей в русские школы. Мой старший дядя учился в одной из близлежащих к Сидими гимназий (по всей вероятности, в Посьете). Другой пример - юноши-корейцы, друзья А.А.Фадеева по коммерческому училищу.

В 20-е годы и в начале 30-х в Приморском крае действовала хорошо организованная сеть общеобразовательных школ с корейским языком обучения. В Корейском педагогическом институте для них готовились учительские кадры.

Переселение 30-х годов разрушило естественно сложившуюся в Приморском крае территориальную общность корейцев-пришельцев, образовательную систему, сформировавшуюся на базе родного корейского языка обучения. Уже к 1939 году "с согласия родителей" школы с корейского языка обучения перешли на русский. Затем прекратил свое существование и Корейский педагогический институт.

Есть существенная разница между корейцами, репрессированными в 1935 и в 1937 годах, хотя их разделяют всего лишь два года. Дело в том, что первые попадали в иную национальную среду, вторые же селились относительно компактно, в основном, в необжитых районах, где буквально за два-три года создали так называемые корейские переселенческие колхозы. Надо подчеркнуть, что расцвет этих колхозов приходится, в основном, на 40-е и первую половину 50-х годов. В последующие годы началось интенсивное вытеснение основной культуры земледелия корейцев риса - хлопчатником. Многие корейцы, не выдержав "хлопкового наступления", покинули земли, освоенные в поте лица, ушли в поисках мест, где выращивают рис - основной продукт питания корейцев.

Есть ныне в Узбекистане несколько колхозов с корейским населением, вновь окрепших благодаря освоению высокодоходной культуры - кенафа. Но основная масса корейцев сейчас расселилась, живет разрозненно в городах республики и за ее пределами: в Закавказье, в южных районах РСФСР и Украины. Нередко, объединяясь в так называемые кочующие бригады, корейцы возделывают овощи, бахчевые культуры. Незначительная часть корейцев в 50 - 60-е годы подалась обратно в Приморский край.

Корейцы, репрессированные в 1935 году, сразу лишились привычной для приморцев бытовой, хозяйственной, культурной и образовательной среды. В качестве типичного примера можно привести мою собственную судьбу: мое детство, школьные годы прошли в русскоязычной среде на берегу Аральского моря и потому я рано стал русскоязычным.

По владению родным и русским языками корейцев-пришельцев можно разбить на четыре типа: первый - хорошо владеющие родным языком и плохо или посредственно русским; второй - одинаково хорошо или удовлетворительно владеющие двумя языками; третий - плохо или посредственно владеющие родным языком и хорошо русским; четвертый - русскоязычные корейцы, практически не владеющие родным языком.

Не надо также обладать особым даром провидца, чтобы предсказать: к 2000 году большую часть среди нас составят корейцы третьего и четвертого языковых типов, причем с преобладанием четвертого типа...

На корейском языке выходит газета "Ленин кичи" - "Ленинское знамя". Еще в 60-е годы люди подписывались на эту газету без уговоров. Сейчас же едва ли по всей стране наберется сотня таких читателей...

Другой пример. Среди корейцев немало языковедов, докторов и кандидатов наук. В их числе и русисты, и романо-германисты, но нет, по моим данным, ни одного специалиста по корейскому языку. Как будто такого языка и не бывало...

Могло ли случиться такое, если бы нас не переселили? Нет, безусловно. В условиях Приморского края корейско-русское двуязычие шло бы по пути гармонического развития, обеспечивающего обогащение, совершенствование родного языка. Переселение разрушило среду, благоприятствовавшую такому развитию... С отходом от своего родного языка мы одновременно значительно отходим и от того, что называется национальной самобытностью...

В истории советских корейцев переселение - трагедия, нелегко пережитая каждым из нас. Кому я обязан, что не озлобился, не ушел в себя? Моим друзьям, нашей... жизни, в которой, несмотря ни на что, торжествуют интернационализм и добро.

Дружба народов. 1989. N 4

Владимир ПУ

ОТШЕЛЬНИК

Рассказ

...Он не боялся смерти, хотел, чтобы она пришла тихо и незаметно, безо всяких хлопот забрала его с собой. Он долго ждал этого мига, потому что знал, что только смерть может избавить его от всех неприятностей и тягостных дум, которыми он жил всю свою долгую жизнь.

Но разве жизнь его была долгой? Ему еще не было семидесяти, но был он до того дряхлым, согбенным, что его считали глубоким старцем... Нигама мучали трудные воспонимания, и это было единственное, что у него осталось и чем он дорожил...

Ведь когда-то у Нигама было все. Не всегда он был таким жалким... Были у него и жена и дочь... Дочь родилась на Дальнем Востоке, на Ханке, где они жили тогда. Было у них все. Никто не мог предполагать, что их поднимут глубокой ночью, дадут два часа на сборы. Люди были в недоумении: что же случилось, что хотят от них? Разговаривали шепотом; городок, где они жили, был окружен молчаливыми солдатами, вооруженными карабинами. Кто-то высказал предположение, что началась война: действительно, в последнее время на границе было неспокойно. Но при чем тут дети, старики, женщины? Под угрозой оружия приказали выйти всем из домов, даже женщинам с грудными детьми, старикам.

- Ничего страшного, сейчас разберутся, всех отпустят, - высказал кто-то предположение. Слова, сказанные негромко, обнадежили. Ну, на самом деле, что может быть страшного? Жили они тут испокон веков, никому зла не делали, могилы их предков покоятся на погосте, вон там, за рощицей, где открывается вид на озеро... Может быть, ищут кого-то, а может, еще что-либо важное: не будут же зря тревожить людей...

Хотелось верить во все хорошее, но уж слишком зловещи были карабины в руках у военных, слишком молчаливыми были солдаты, что невольно закралось сомнение: нет, тут не все просто, недолго и до беды...

Нигам успел побросать в узел все необходимое, успел даже взять с собой флягу с водой, небольшой мешочек неочищенного риса: издавна повелось в семье - держать отдельно заветный мешочек, килограммов пять-шесть, для непредвиденных случаев.

Жена вышла следом за ним, со спящим ребенком на руках. Уж очень сладко дочь спала, не хотелось ее будить. Всех попросили собраться на небольшой площади, освещенной фонарем. Люди были заспанные, толком не могли понять ничего. Военные на вопросы не отвечали, молча подталкивали людей, чтобы те не задерживали движение. Удивительно, но стояла тишина, не было ни криков, ни стонов, люди шли молча, будто понимая, что в их беде никто не сможет помочь, что нужно молча покориться. Когда стали подъезжать машины, когда им приказали грузиться, лишь тогда у людей появились слезы, и послышался плач: значит, правда, что их увозят отсюда. И даже в эти жестокие минуты люди сдерживали себя. Они не могли знать, что с ними будет завтра, но верили, что вышло какое-то недоразумение, что они смогут вернуться к родным очагам...

Нигам потом не раз будет вспоминать родное жилище. Оно будет сниться каждую ночь: домик на взгорье, аккуратный, побеленный, под

тростниковой крышей, вид на озеро Ханка, зеленеющие силуэты вечернего леса...

Хотя и был открыт борт грузовика, лезть в него было неловко. Нигам встал в нерешительности и хотел что-то спросить у военного. Его толкнули прикладом. Нигам обернулся и увидел злое лицо офицера с двумя ромбиками на петлице. В другое время Нигам сумел бы дать отпор, но сейчас он сдержал себя: не ввязываться же в драку, когда рядом стоит жена со спящей дочерью... Горько, обидно было Нигаму, но молча стерпел он, с трудом вскарабкался в грузовик, потом взял из рук жены маленькую дочь, передал сидящей рядом соседке и помог жене.

Эту ночь Нигам помнил ясно, всю жизнь, до самых мелочей. Он помнил, что сам подал руку жене, что сам помог ей забраться. Потом, когда они уселись в грузовике, он взял из рук соседки спящую дочь и крепко прижал ее к себе...

Он не знал, что будет дальше, а если бы и знал, что предпринял? Набросился бы на военных, отбил бы у них оружие и ушел в партизаны, как его старшие братья, сражавшиеся в отряде Сергея Лазо и погибшие в двадцать первом? Но против кого ему воевать, против тех, кто остался на этой поруганной земле, или против тех, кого потом привезут сюда? Но и у тех людей, приехавших сюда позднее, было свое горе. В чем повинны их жены, дети, старики, которых тоже выселяли насильно?

Нигам, переживая в памяти злополучную ночь, не мог найти решение, что же ему нужно было предпринять?

Иногда ему казалось, что только смерть могла стать их спасением. Припоминая последующие годы, трудные, неимоверно трудные, когда не хотелось думать о том, что же будет с ними завтра, потому что день будущий не сулил ничего хорошего, он все же вспоминал их с теплотой.

Они сумели выстоять в этих жесточайших условиях. Они не стали выродками. Жена его даже в самые критические минуты не падала духом. Более того, он сам черпал в ней силы.

Нигам помнил наказы старших: никогда нельзя опускаться, никогда нельзя терять веры, только тогда человек с честью пройдет через все испытания. Порой он задумывался: а разве человек рожден только для страданий? А разве человек не может прожить счастливо? Он видел, что есть такие люди: беззаботные, сытые, довольные, которые катаются словно сыр в масле. Что скрывать, иногда он завидовал им. Нигаму тоже хотелось попробовать чужой, казавшейся безоблачной, жизни. Но он видел, как черствы сердца и души этих людей, их нельзя называть людьми.

...Нигам, словно произошло это вчера, вспомнил, как тряслись они на грузовике. На поворотах и ухабах люди валились друг на друга, но никто не роптал. На подъеме машины шли медленно, можно было незаметно выпрыгнуть из грузовика, скрыться в ближнем лесу, но никто не пытался

бежать. Люди, привыкшие к порядку и к разуму, верили, что все-таки разберутся с ними, и в конце отпустят их с миром...

Прошел слушок, что вывозят их по чьему-то злому навету. Даже называли имена негодяев. Люди верили, что Он этого не знает, что надо найти возможность передать Ему. Тогда все станет на свои места: виновных непременно накажут, а справедливость восторжествует. Люди всегда верили в торжество справедливости. Верили, и это помогало им, придавало силы.

От военных нельзя было добиться ни слова. Сколько раз Нигам пытался выяснить, в чем же провинилась его семья, но ни у кого он не мог найти ответа.

В теплушке было тесно. На станциях никого не выпускали: разве что по одному человеку из каждого вагона, чтобы набрать кипятку. Но и это разрешили не сразу. На многих станциях эшелон не останавливался, люди даже не успевали прочесть названия населенных пунктов.

Было ясно, что их везут в глубь страны. Но куда? Может быть, их высадят в Хабаровске? Но даже здесь эшелон сделал небольшую остановку.

Станции на их пути были пустынными. Становилось жутко, казалось, что все люди вымерли, но нет, на перегонах, в раскрытые щели они успевали увидеть, как одинокий крестьянин поправлял скирду, как вдалеке ехали на телегах люди. Нет, жизнь не вымерла, но почему же не было никого на станциях?

Нигам слышал удивленные голоса:

- Три месяца назад мы ездили по этой дороге в Читу, здесь продавали картошку, огурцы, даже ягоды выносили на продажу. Куда же все пропало?

Они жили ожиданием: может быть, на следующей станции удастся что-либо купить, благо, деньги у многих были... Но нет, эшелон проходил мимо, казалось, весь мир содрогнется от паровозных гудков: не дай бог, чтобы кто-либо помешал его движению...

Вот и Читу проехали, начинались незнакомые места. Никто из них никогда не был здесь. Правда, поговаривали, что в одном из ближайших вагонов едет учитель Ян, побывавший в позапрошлом году в Москве. И невольно пришла нелепая мысль: а, может, поезд их в Москву? Может, там им удастся пробиться к Нему? А, может, их примет Всесоюзный староста? Ведь говорят, что староста никому еще не отказал, может быть, он поймет их?

Опять пришла надежда, какое-то успокоение...

Нигам, как и многие, кто ехал в эшелоне, верил, что рано или поздно в Москве разберутся, что не дадут их в обиду. Крестьянским своим умом Нигам понимал, что не может быть виноватым весь народ. Конечно, в семье

не без урода, может быть, среди них и есть такие, которых необходимо взять под стражу, выселить, наказать, быть может, даже расстрелять. Но ведь н а р о д не может быть виноват. В чем повинна его жена, или маленькая дочь, которая время от времени плакала от беспокойства, и ничто не могло успокоить ее?

Нигам поил ее из чашки. Хорошо, что он успел схватить фляжку. Хотя бы для маленькой дочери будет вода. Потом, когда разрешили набирать на станциях кипяток, стало легче.

Нигам до сих пор помнил старика, который с самого Имана ехал в их теплушке. Его-то зачем нужно было выселять? Он еле дышал. Старику нашли место в вагоне, уложили его, и он, безучастный, что-то шевелил губами, но никто и не пытался понять его... Утром, когда поезд был где-то между Читой и Улан-Удэ, старик умер. Кто-то обратил внимание, что старик не проявляет никаких признаков жизни; когда попробовали его будить, он уже похолодел...

Все, кто находился в теплушке, были потрясены смертью. И Нигам, оказавшись рядом со стариком, впервые почувствовал безысходность своего существования. Когда-нибудь и он, Нигам, уйдет на тот свет, подобно этому седобородому старику. Вся дальнейшая жизнь показалась бессмысленной: к чему переживания, волнения, когда рано или поздно и ты, вот так же, закоченеешь однажды, и люди со страхом будут поглядывать на твой труп. Маленькие дети жались по углам, молодые замолчали, не проронили ни слова. Всех тревожил вопрос: что же будет с покойником? Положение людей, ехавших в теплушке, стало еще более безрадостным.

Конечно, по всем законам и обычаям, дошедшим к ним из глубины веков, покойника нужно было предать земле. Самые близкие люди - сыновья, дочери, братья и сестры должны были отнести его на погост... Но где эта земля, которая должна принять бедного старца? Где родственники, что должны были проводить в последнюю дорогу? Похоже, что старик был одинок. Те, кто сел в теплушку в Имане, подтвердили: да, действительно, у старика нет ни родных, ни близких. Он жил один, никуда не хотел ехать, хотел только одного, чтобы похоронили его в родной земле...

Тягостно было на душе. Нигам не мог смотреть на восковожелтое лицо покойника. Он слышал не раз, что покойники обычно бывают похожими на спящих. Но тогда, в то хмурое утро, между Читой и Улан-Удэ, он воочию убедился, что все это - враки: покойник похож только на покойника. У старика глаза запали глубоко в глазницы, лицо его было то желтым, то бледным, на нем не было жизни - это сразу же бросалось в глаза. Нигам отчетливо помнил то состояние: нет, он не хотел бы умереть такой смертью...

Старика сняли на ближайшей станции. Пришли три человека в белых халатах, унесли на носилках. Третий остался, задержался на минуту, собрал стариковские пожитки, спросил, где документы покойника? Когда их

подали, он внимательно перелистал на глазах у молчаливой толпы, а потом бросил в узел и собрался покинуть теплушку. Несколько человек вызвались помочь в похоронах старика.

Человек в белом халате сказал тоном, не терпящим возражения:

- Не беспокойтесь: на этот счет есть особое указание.

И он сделал ударение на слове "указание".

И опять люди безмолствовали: там знают, что нужно делать! Хотя в душе у каждого шевелился червь сомнения: что-то не по-людски делается. Но задавленные обстановкой, строгостью людей в белых халатах, никто не смог возразить, никто не смог сказать и слова поперек: все произошло как само собой разумеющееся. Конечно, - думал каждый из них, - были бы у старика родственники, все было бы по-другому, по-человечески. Если бы это случилось не в поезде, тоже было бы по-другому. А что могли сделать они, закрытые в теплушке эшелона, который упорно двигался на запад, туда, где никто из них никогда не был?

Когда старика унесли, Нигам подумал: он не хотел бы, чтобы его постигла такая участь... Старик был один, а у него, Нигама, есть жена и дочь. И он понял, что с этой минуты он обязан еще сильнее беречь их, потому что именно они были главной опорой в его жизни...

Что же будет с покойником? Наверное, каждый подумал тогда об этом. Теперь-то, десятилетия спустя, о том эпизоде никто и не вспомнит, разве что один-единственный Нигам, уже дряхлый старец, хранящий в памяти воспоминания давних лет...

А поезд, словно и остановился лишь для того, чтобы сняли покойника, сразу же двинулся, снова замелькали за окном деревья, крыши домов, луга, поймы больших и малых рек. Люди привыкли к перестуку колес, уже безропотно подчинились судьбе, верили, что не пропадут, будут жить...

Нигам, глядя на свою хрупкую жену, державшую на руках маленькую дочь, молил, чтобы ей хватило стойкости и терпения. Она не произнесла за эти дни ни слова. Изредка улыбалась Нигаму, и ему становилось легче. Сенним, Сенним, Сенним! Это имя Нигам повторял все чаще и чаще. Она часто снилась ему, он видел ее юной, когда они только поженились.

Была бы она рядом, Нигам нашел бы в себе любые силы, он никогда бы не опустился, не стал бы таким, каким его знают незнакомые люди в заброшенном всеми богами поселке!

...Тайга, которая, казалось, никогда не кончится, постепенно переросла в лесостепь, потом в степь, на удивление по ночам уже не было так прохладно; светило солнце, было тепло, но края были дикие, пугающие воображение даже самых отчаянных фантазеров.

Особенно стало тягостно, когда за щелью теплушки они не увидели ничего, кроме бесконечных песков и двигающихся под ветром колючих охапок порыжевшей травы... Странной была земля. Такое впечатление, что здесь когда-то на тысячи километров окрест расстилалось море, потом его будто слизало с лица Земли и осталось только песчаное дно. Нигам не мог избавиться от этого ощущения. Он представлял, как колыхалось море, как било своими волнами берега. По всей видимости оно было неглубоким, песок был ровным, мягким и мелким, так измельчить его могла только морская вода...

Их выгрузили на маленькой станции, со странным, двойным названием, которое Нигам не смог сразу запомнить. Да как запомнишь, когда выгружались они поздним вечером, всю окрестность спешно покрывала густая южная ночь. Как можно жить здесь, - неужели тут вообще живут люди? Люди жили - из теплушек они видели одиноких людей, пасущих овец, странных существ с двумя мохнатыми горбами, которых, как сказал всеведущий учитель Ян, называют верблюдами.

Все вокруг было внове. На станции их ждали вооруженные солдаты. Люди, истосковавшиеся по земле, - им надоела монотонная, многодневная езда - с удовольствием, хотя не без страха перед неизвестностью выпрыгивали из вагонов. Нигам спрыгнул первым, взял у жены ребенка, нехитрый домашний скарб. Все съестное было уничтожено, лишь во фляжке была кипяченая вода, которой, по подсчетам Нигама, хватило бы еще на полдня, до очередной станции...

Было и облегчение: хотя маленькое, но было.

Может быть, их привезли на время? Для какой-то важной цели? Может быть, нужно что-то сделать на этой скудной земле, а потом, когда они все сделают, их вернут по домам?

Никто уже не стал задавать бесконечных вопросов, потому что люди наверняка знали, что не будет на них никаких ответов. Они воочию убедились в этом за те мучительные дни и ночи, пока ехали в эту глухомань, где и зелени-то нет, где даже трава - рыжего цвета, где человек так же редок, как корень женьшеня в дальневосточной тайге...

Всякие были предположения. Неужели так и не прояснится ничего? Вот уж доехали до безвестной станции с двойным названием, но и тут военные ничего не говорят, хранят молчание. Да и нет смысла у них что-то спрашивать, зная наперед, что добра от них ждать нельзя... Но, наверное, так надо - они привыкли верить, что делается во благо, что никто худого им не сделает...

Нигам мог вынести все на свете, но жалко было измученную жену и ребенка. Хотя обе они держались хорошо, дочь ни разу не пискнула, Сенним ни разу не пожаловалась, даже в те минуты, когда в вагоне не спали только они вдвоем, когда можно было говорить о чем угодно, и никто не услышал бы их разговора...

Военный, с отвислым животом, в заломленной фуражке, с гортанным акцентом крикнул:

- Идите за мной! - и пошел по проселочной дороге.

Странная была под ногами земля. Поднимались клубы пыли, ноги утопали будто в пудре, пыль садилась на обувь, на одежду, трудно было дышать. Люди сообразили, что надо ступать осторожно, тогда пыли будет меньше. Но военные этого, кажется, не понимали.

Кто-то пытался объяснить офицеру, что не стоит гнать людей далеко, надо дать им передохнуть.

- Я выполняю приказ: следуйте за мной. Идти осталось немного...

И действительно, вскоре показались заросли, росли колючие кусты, а дальше стеной возвышался крепкий камыш, который был похож на диковинные веники, выращенные неизвестно для какой цели. Люди догадались, что пришли они к пойме реки. Рядом - высохшие озерца, отмели, лужи, самой реки еще не видно. Но Нигам почувствовал, что она рядом, ему даже показалось, что он слышит шум воды. И не ошибся. Действительно, они оказались в пойме великой азиатской реки, на берегах которой им нужно было начинать новую жизнь.

- Отсюда никуда не уходить! Завтра разберемся, что к чему! Этого офицер мог бы не говорить. Куда уходить-то! Места дикие, незнакомые, селений поблизости - никаких... Издали люди увидели всадника на странной маленькой лошадке, хотели к нему обратиться, но тот испугался незнакомых, и его конек, сверкнув копытами, понесся прочь. А может быть, человек просто-напросто испугался и не поверил, что в их краях может оказаться столько народа? Нигам не знал тогда, что местное население было предупреждено: ни под каким видом не подходить к ссыльным, старожилам стало ясно: ссыльные - нехорошие люди. Разве нормальных будут отрывать от земли и переселять за тысячи верст?

Ночь стояла холодная, люди разожгли костер и сели греться у огня.

Старались не шуметь, говорили вполголоса.

Всех мучил один-единственный вопрос: что будет с ними, как они будут жить? Никто не знал ответа, но все же люди немного воспрянули духом. Верили, что придет утро, что недоразумения прояснятся, и там, возможно, их отправят назад. Нигам, как мог, успокаивал Сенним:

- Все будет хорошо, вот увидишь!

Он надеялся, верил, что рано или поздно все образуется... Тоска на душе была невыносимая. Как тут живут? Кроме сыпучих песков, да вместо сухой травы ничего здесь нет. Трудно что-либо вырастить на этой выжженной солнцем земле... Нигам с болью вспоминал места близ Ханки - горы, сплошь покрытые тайгой, ласковые озера: благодатная земля. Он

почему-то вспомнил, как баловства ради, они выкопали небольшое деревце, и посадили его снова, но уже корнями вверх... На удивление всей округе деревце выжило, стало расти, и выросло такой необычной формы, что люди, проходя мимо, непременно удивлялись, что за порода, каким образом появилось такое чудо? А здесь похоже, ничто не поднимется без воды. И сколько труда понадобится, чтобы вырастить рис на этих землях...

Сенним, остудив кипяток, поила дочь...

Ночь была на удивление звездная, ни единого облачка на небе. Трещали цикады, с шумом летали ночные жуки, бились о что-то, падали на землю, а потом, тяжелые, уставшие, как ни старались, не могли взлететь в небо. Странно было все это, непривычно... На ночь улеглись так же, как спали в вагоне: прижавшись друг к другу, чтобы было теплее...

Спали крепко: измотала всех долгая дорога. Нигам не слышал, как ворочалась маленькая дочь, всхлипывала во сне, как Сенним вставала к ней, успокаивала. Он не слышал, как жена укрывала ребенка и его, Нигама, одеялами...

Нигам часто вспоминал мучительно трудную дорогу; вытерпели они нечеловеческие испытания, даже заклятым врагам не пожелал бы пережить такое!

А разве легко было в первые дни, когда катила зима, когда надо было спешно строиться, а материалов не было?

Нигам вместе с другими мужчинами шел в пойму реки. Они без устали косили затвердевший камыш, связывали его, тащили к месту, где разбились небольшим лагерем...

Старик-туркмен, случайно оказавшийся с отарой, показал, как надо замешивать глину. Они строили небольшие мазанки, в которых можно было укрыться от дождя и неожиданного снегопада.

Нигам боялся, что зима будет суровой, но природа смилостивилась. Правда, иногда задували сильные ветры, и тогда начинало казаться, что ураган сметет все мазанки, что не миновать гибели.

Запасы еды кончились, и Нигам не раз намеревался использовать свою последнюю ценность: четыре килограмма семенного риса, но в самый последний момент удерживался.

Нигам наловчился ловить сомов: привязав на шпагат самодельные крюки, наживлял на них лягушек или медведок; изголодавшиеся усачи тут же налетали на наживку. Ловля рыбы доставляла ему удовольствие. На ночь Нигаму удавалось выловить с десяток великолепных рыбин. Что только ни готовила Сенним, но есть рыбу без соли было невмоготу.

Нигам обменивал сомов на соль.

Зная, что впереди трудные зимние дни, он вялил рыбу. Нужда заставляла его возить рыбу на продажу в город, на вырученные деньги он закупал продукты и необходимый товар и возвращался домой.

Они были предоставлены сами себе. Если бы не сметливость, наверное, не выжили бы, сгинули в незнакомом краю...

...Оставшись наедине с собой, Нигам предаваясь воспоминаниям, думал, что лучше бы уж тогда их всех настигла смерть. Но в то же время он понимал: годы, прожитые у реки, были и трудными, и счастливыми... Они наслаждались тихими вечерами, с невыразимой радостью прислушивались к мерному дыханию спящей дочери. На дворе звенели цикады, с шумом вспарывали воздух летучие мыши, где-то вдалеке ухала сова, и все это осталось в памяти, как самое лучшее время в его жизни, и за то, чтобы оно вернулось, Нигам был готов заплатить любую цену...

На его удивление река зимой не замерзла. И она была не кофейного цвета. Катила свои почерневшие и холодные воды, подмывала берега, то и дело норовила выпрямить себе путь. Трудно сказать, как бы они кормились, если бы не река. Нигам ловил рыбу, в прибрежных тугаях ставил силки. Бывали удачные дни, когда ему попадалось по пять-шесть зайцев. Они научились вялить мясо, его можно было хранить целый год.

Горячие дни начались весной, когда им выделили земли для рисовых посадок. Надо было разравнять участки, разбить их на чеки, чтобы поверхность была ровной и равномерно покрывалась водой...Земля была белой от соли, и до начала посева Нигам дважды промывал свой участок. В заботах дни летели с бешеной скоростью. От сева они перешли к прополке, потом - ко второй прополке, к третьей, до тех пор, пока на чеках не оставалось ни единого сорняка. Нигам знал, чем они чреваты: поздней осенью, когда наступит время страды, сорняки дадут о себе знать, рис непременно перемешается с сором, и убирать его будет труднее, и качества он будет не лучшего.

Вот когда Нигам с тайной гордостью достал заветный рис, прихваченный им в самой Ханке! Он словно знал, что рано или поздно упадут в землю эти семена! Он сберег каждое зернышко: вырастил сначала рассаду. Только ему и Сенним было известно, как лелеяли они ростки, как высевали их ряд к ряду, чтобы, не дай Бог, хоть один из них погиб.

Самыми памятными были первые три сезона. Нигам получил самые высокие урожаи. Они зажили лучше. На вторую осень Нигам поставил небольшой домишко, с окнами, с хорошей печкой. Потом выложил дувал, и строение уже почти ничем не отличалось от других домов, которые они видели в райцентре и даже в областном городке.

Мало-помалу они стали забывать Ханку, родные места, разве что они снились им ночью, но утром все становилось на свои места, уже было не до раздумий, день проходил в заботах, даже вздохнуть было некогда.

Четвертая зима выдалась на редкость морозная и снежная. Лужицы промерзали до дна, даже заливы покрывались толстым слоем льда, и ребятишки, устроив там каток, визжали от восторга. Снег валил каждой ночью, забивал пороги, что порой стоило большого труда выбраться наружу...

За повседневными хлопотами Нигам забыл о том, что запасы не могут быть вечными. Одно радовало: дома было несколько мешков риса, которого с лихвой хватит до весны, да и на семена останется, были и деньги, и запасы арбузов и дынь...

Жена никогда не жаловалась, а тут, наверное, в первый раз за последние годы напомнила ему о том, чего дома не хватает. Нигам посмотрел на жену: за хлопотами и повседневными заботами она стала выше, крепче, лицо ее округлилось, под стать ей была и дочь - резвая, большеглазая.

Нигам ответил:

- Ничего, в воскресенье съезжу в город и все привезу. – Потом подумал и добавил: - А, может быть, все вместе поедем, нашей дочке тоже будет интересно?

Но Сенним проявила благоразумие:

- Уж очень снега много на улице, да и холодно, - поезжай лучше один. А мы тут по дому управимся...

В сараюшке, который в первые годы был их жилищем, они развели кур, и Сенним боялась оставлять их одних. Звери словно чувствовали, когда в доме хозяев нет, и нагло нападали по ночам. Сколько раз гонял лисиц Нигам, но они снова совершали набеги, и Нигам намеревался купить ружье, чтобы отпугивать их...

Он до сих пор помнил слова жены:

- Поезжай-ка лучше один...

Если бы знать наперед, разве он оставил бы их одних?..

Когда он приехал на свою станцию, окончательно рассвело. Нигам шел снежной равниной, лишь чернели кое-где окна заснеженных домов. Он шел быстро, зная, что его заждались, что встретят радостными возгласами, объятиями: особенно дочь, да и Сенним не скроет чувств, но встретит его сдержанно. Нигаму нравилось, что Сенним всегда сдержанна, обстоятельна. Ей всегда хватало терпения. Порой Нигам взрывался, готов был наломать дров, но Сенним незаметно переламывала его, успокаивала и делала это совершенно незаметно, буднично, и Нигам под ее влиянием затихал, видя, что жена права, что напрасно он тратит энергию на пустые дела; и не было еще ни разу, чтобы она ошиблась: в ней, видимо, была

заложена та мудрость, которая делает семью семьей, мужа - терпеливым и основательным...

Странное дело, у своего дома Нигам не увидел никаких следов даже у входной двери: это означало, что из дому с утра еще никто не выходил. Он встревожился: еще дочка могла проспать, но не жена... Еще дня не было, чтобы она вставала в столь поздний час...

Может быть, они не смогли отпереть дверь? Но и это не похоже на Сенним.

Нигам взял из сарайчика лопатку и стал выгребать снег. Низ двери был схвачен льдом. Нигаму пришлось разбивать его.

Дверь поддалась с первого же рывка. Он облегченно вздохнул, действительно, ее трудно было открыть изнутри. Может Сенним не нашла сил... Но странное дело, никто в доме не думал встречать его радостными криками. Ничего не мог понять Нигам. Дверь в комнату плотно закрыта, будто никто не слышал, как он расчищал снег, как разбивал лопатой лед, открывал дверь...

Черт возьми, подумал Нигам, неужели спят? Он рванул дверь на себя, и подумал, что не ошибся, увидев жену и дочь лежащими в постелях... Нет, они не шелохнулись, и Нигам уцепился за последнюю надежду: может быть, они просто-напросто хотят разыграть его, притворившись спящими? Но он тут же отбросил эту мысль, потому что никогда Сенним не позволяла себе подобного.

Что же случилось? Он не произнес ни слова, будто боялся, что его голос может нарушить жуткую тишину, от которой холодела душа...

Приблизившись вплотную к постелям, он остановился, увидев лица жены и дочери. Он тотчас подумал о том, что уже видел такое выражение лиц. В них не было жизни...

Смерть обычно наступает, когда человек проходит большой жизненный путь, когда медленно угасают все его силы, но разве она имела отношение к его жене и дочери? Он с холодной ясностью понял, что разбудить их ему не удастся, но почему-то теребил их за руки, трогал их лица...

Трудно сказать, сколько прошло времени. Час, два, а, может, полдня? Во всяком случае, когда соседка зашла к ним, она не узнала Нигама: он весь был белый, как всю ночь падавший снег. Волосы у него были вздыбленные, глаза - безумные, и соседка, закричав от страха, даже не захлопнув за собой дверь, помчалась прочь.

Через несколько минут прибежали переполошенные соседи, они с трудом оттащили Нигама от жены и дочери... Нигам не знал, куда деваться от безысходности. Было одно желание: уйти вместе с женой и дочерью,

уйти, чтобы никогда не возвращаться сюда, где вся земля запорошена снегом...

Соседи долго гадали, что же могло произойти, отчего же умерли жена и дочь Нигама? Смерть представлялась таинством. Ее разгадал туркмен, недавно поселившийся рядом с их пристанищем.

Коверкая русские слова, он произнес:

- Угорели они. Посмотрите внимательно печку...

Первое время Нигам пытался заглушить свое горе водкой, но это ему не помогало. Его спасала только работа. Это все, что у него оставалось... С раннего утра до поздней ночи он был на рисовом поле. Он знал все чеки, закрепленные за ним, ни одной соринки не оставлял на них, и ряды всходов были у него на редкость ровные, глазомер его никогда не подводил.

Рис у него хорошо кустился, наливался колосом, и к осени давал отменные урожаи. Но до того, до ханкийского было далековато. Земля тут беднее, но если за ней ухаживать, она одарит за старание...

Беда грянула неожиданно, хотя поначалу ее никто всерьез не принял: ну, разобьем фашистов так же, как и белофиннов...

Осенью, когда вовсю шла рисовая страда, Нигаму принесли повестку, но бригадир сумел задобрить начальство, попросил оставить работника еще на неделю, чтобы вовремя сдать государству урожай. От их крохотного селения тоже зависел районный план, и начальство пошло навстречу...

На фронт Нигама не взяли, - как потом понял он, ссыльным не доверяли - послали на Магнитогорский металлургический комбинат.Объяснили, что стране нужен металл, нужны пушки и танки, и что Нигам будет в составе трудовой армии.

Нигам понятия не имел, как льют металл, и с какой-то горечью думал о том, что стране в такие трудные времена нужен и хлеб... Он мог бы воевать с оружием в руках, как его отец, старшие братья, погибшие в ожесточенных боях под Спасском. Он мог растить хлеб, работать на земле, но, видимо, не ему решать, где быть в такой сложный момент. Правда, работник по литью металла он был никудышный, но что делать, если другие были не лучше. Он старался, как мог. Выносливый от природы, работал неистово, но толку от него было мало...

Он работал на Магнитке до начала сорок шестого, а потом его демобилизовали, и он решил вернуться туда, откуда приехал... Деваться некуда, хотелось поближе к родным могилкам. Он вернулся и не узнал села. Здесь жили совсем другие люди: ни одного человека от прежних жителей не осталось. Нигам не мог понять, что же случилось. Настороженные чабаны, поселившиеся в его доме, объясняли, что ссыльных перегнали в другое место осваивать новые земли, куда-то в Голодную степь...

Он пошел в сельсовет, но и там развели руками: а что мы-то можем поделать? Так решили...

На прощанье он сходил на могилки. Ему не хотелось покидать эти места, но делать нечего, надо подаваться вслед за земляками, которые осваивают новые земли...

Он медленно уходил от кладбища, уже заметно разросшегося, решая для себя, что нужно непременно наезжать сюда...

Вечером он сел на проходящий пассажирский: забрался на крышу вагона и поехал на юг, искать земляков.

Если бы ему сказали тогда, что проживет он еще тридцать с лишним лет, что исколесит всю страну, никогда бы не поверил. Он хотел в жизни одного - поскорее встретиться с женой и дочерью.

Те, кто знал его, принимали за чокнутого, но необычайно терпеливого, работящего, искренне радеющ его за урожай. Нигам в работе забывал обо всем на свете; порой ему казалось, что зеленые ростки, колышащиеся над водой, - это своеобразный сигнал, который подают его родные. Ему

доставляло необъяснимое удовольствие видеть, как поднимаются и зреют колосья, ему казалось, что именно они - шумящие на ветру - то единственное, что он может воздать за смерть жены и дочери...

Как давно стала ходить за ним такая слава, никто уже не мог припомнить: дело в том, что урожай действительно был больше там, где работал Нигам. Знали люди, что труд сторицей окупает себя, но считали, что без магии тут не обходится. Может быть, люди действительно были правы: он мог молча, без лишних слов показать, как надо высаживать рассаду, а не высевать ее, как часто делали те, кто искал легких путей; как заливать чеки водой, пропалывать, спускать воду, промывать поля, как собирать выращенное...

Каждой весной, на пасху, Нигам ездил на станцию с двойным названием. На скопленные деньги он заказал памятник с именами жены и дочери, сделал ограду...

В последние годы земляки работали в степных краях, но вот Павел Ким сколотил бригаду и решил ехать на юг, стал звать туда и Нигама. Конечно, в его годы рискованно было отправляться так далеко, работать в адской жаре. Но Нигам решился: там видно будет, все станет на свои места...

Земля оказалась трудная, солончаковая. Надо было распахивать целину, делать чеки, и Нигам жалел, что нет у него сил, как тридцать с лишним лет назад.

Это был, пожалуй, самый тяжелый сезон в жизни Нигама. Тогда, в первый год ссылки, может быть, было труднее, пострашнее; мешали неопределенность, страх, но у него было больше сил, у него была семья; а

теперь он векует бобылем; сколько раз он мог жениться, но в последний момент останавливался. Потом пошла о нем слава испорченного. Нигам молча соглашался, как будто от этого ему было лучше...

В тот день, когда корейцы уезжали из села, Нигам слег, и никто не заметил, что старика нет. Он остался в старом доме, в таком же ветхом, как и сам...

Нигам лежал на своей старенькой постели все так же одиноко, как и день, и месяц, и год назад. Но если год назад у него были какие-то силы, то теперь их нет, и он с ясностью, почти физически ощутил приближение смерти...

Что-то еще надо сделать напоследок? Нигам долго приподнимался с постели, нашел ногами мягкую обувь - меси, с которой не расставался в последние годы, накинул на себя фуфайку, и немного постоял в нерешительности, не понимая, какая сила подняла его с постели?

Руки сами привычно нащупали лопату, похожую на большую круглую рыбину с двумя плавниками. Стараясь не шуметь, Нигам шагнул на улицу...

Удивительную легкость он почувствовал в себе. Как в былые годы спешил к полю. Ночь была звездная, шумел сильный ветер, и он был на руку Нигаму - освежал, придавал силы.

Легкость пришла к нему ненадолго, снова скрутило суставы, Нигам еле передвигал ноги, и больше всего боялся, что не сможет дойти до рисовых чеков, что не удастся ему спустить воду...

Нигам еле различал дорогу, тьма стояла кромешная, луны не было, шумели кусты, трава, где-то вдалеке слышался вой шакалов, похожий на детский плач. Он подумал, что наконец-то пришел его черед, что, может быть, уже сегодня он встретится с женой и дочерью. Как долго ждал он этого часа, как долго шел к нему, уже сил никаких не было, душа устала, но все же он был рад тому, что миг этот наступал. Только ему надо успеть выпустить воду...

Лопата-рыбина с двумя железными плавниками не слушалась его, норовила нырнуть в воду. И Нигаму пришлось приложить немало усилий, чтобы совладать с нею. Ему бы прокопать в одном месте арычок, и вода сама бы вытекала из чеков, но, верный своей многолетней привычке, он прошел через все чеки и, только убедившись, что поля уже промылись, стал копать. Лопата не слушалась его, руки не гнулись, задеревенели, ноги становились холодными, и Нигам торопился, чтобы успеть увидеть, как хлынет вода...

Когда дело было сделано, Нигам снова прочистил арык, как делал всегда, и только потом, собрав все последние силы, вонзил лопату-рыбину в землю.

Он присел на землю, но сидеть ему было неловко, и Нигам мягко повалился на бок и щекой ощутил холод травы. Вода бурлила, размывала перемычку, и, прислушиваясь к её ворчанию, Нигам представил себя легкой соломинкой, которую подхватил мутный поток и понес невесть куда. Он нашел в себе силы перевернуться на спину. Он точно знал, что вышел на поле звездной ночью. Но как ни вглядывался в ночное небо, так и не сумел увидеть в нем ни одной звездочки...

Ашхабад, 1989.

И ПРОЧИЕ СОВЕТСКИЕ НАРОДЫ

* * *

А навстречу эшелонам с корейцами и китайцами шел поток эшелонов с "добровольно" переселяющимися на Дальний Восток евреями.

Началась (вернее, продолжалась) великая сталинская "стройка" страны - возведение ее политико-национальной административной структуры: создавались "защищенные" Конституцией национальные автономии, которые спустя десятилетие начнут той же рукой уничтожаться. Но Еврейская автономная область - созданная по Указу от 7 мая 1934 г. - существует и поныне. По последней переписи (1989г.), в ней проживает 215,9 тысячи человек - украинцы, русские и 8887 евреев. Все - переселенцы.

Расположена Еврейская автономная область в долине между судоходными притоками Амура - Бирой, Биджаном и Тунгуской (а где, кстати, тунгусы?) на территории в 36 тысяч квадратных метров. Исторических корней ни у одного из населяющих ее народов здесь нет так же, как их нет у корейцев, живущих в Казахстане, Киргизии, на Европейской территории России. И живя здесь, даже благополучно, все оторванные от своих корней народы тоскуют и стремятся туда, откуда они родом.

В Биробиджане пришлось открыть собственный ОВИР. Свыше 900 билетов до Тель-Авива было заказано в 1990 году. 400 биробиджанцев уже до марта 1991 успели закупить бланки контрактов для работы в США...

Светлана АЛИЕВА

* * *

Поляки... Не те, что в Польше, а - советские поляки. Что известно о них в СССР? Практически ничего.

* * *

Насильственно депортированы (поляки. - Прим. ред.-сост.) в 1936 году - 35 820 человек.

История СССР. 1989. N6

* * *

В начале 30-х годов было на Украине и Белоруссии 670 польских школ, 2 вуза, 3 театра, 1 центральная, 6 республиканских и 16 районных газет, издавались польские книги.

К 1985-м поляки имели национальные права только в Литовской ССР...

Сталинские репрессии почти "решили" польскую проблему: из Белоруссии, с Украины поляков повезли в Казахстан. Это было за несколько лет до войны, до переселения немцев, но об этом не пишется...

Поляки разбросаны от Литвы до Дальнего Востока среди других национальностей...

Ежи ПАНКЕВИЧ

Дружба народов. 1990. N 3.

* * *

...Пишет бывший работник прокуратуры...

"...разнарядка на арест так называемых врагов народа спускалась в райотделы НКВД, а те старались выполнить ее любыми средствами... отделу НКВД была спущена разнарядка на арест по греческой линии (были так называемые линии: греческая, немецкая и т.п.), мужчины-греки были арестованы, а разнарядка полностью не выполнена. Тогда был арестован этот русский Григорьев, но дело на него было оформлено как на грека Григориану, под этой фамилией он отбывал наказание в лагере около 20 лет".

Из беседы с писателем Анатолием РЫБАКОВЫМ

Дружба народов. 1989. № 9.

* * *

Бывший житель Республики Немцев Поволжья Я.Я.Гебгардт (совхоз Кубанка Алтайского края) в годы "хрущевской оттепели" решил навести справки об отце, о своем дяде и четырех двоюродных братьях, которые были арестованы разом в 1937 году и о которых семье ничего не было известно. Случай свел его с майором-чекистом из Энгельса Цыгановичем. Когда Гебгардт спросил у него: "Чем уж так провинились мои отец, дядя и братья - рядовыми же были людьми, - что никто из них не вернулся домой?", тот ответил: "В те годы забирали не по вине, а по разнарядке. Придет телеграмма из Москвы: подготовить 300 - 500 человек! Мы и начинаем облаву - кто попадется..."

Сообщение Александра ДИТЦА

Барнаул

Фаридун ЮСУПОВ

ИРАНЦЫ

Очерк

Наибольший процент представителей моего народа от их общего числа в Союзе (в настоящее время на территории СССР их проживает около 80 тысяч) приходится на Советский Азербайджан (около 40%). Остальная часть расселилась в республиках Средней Азии. Очень высокий процент иранцев сосредоточен в Самарканде. Много их также в Казахстане, где они оказались в результате насильственного переселения с территории Азербайджана в 1938 году. Собственно, под общим названием "иранцы" были объединены в основном три национальности, в разные годы прибывшие с территории Ирана: это иранские азербайджанцы (около 60 %), персы или фарсы (30 %) и иранские курды (10 %). Все они являют собой яркий пример билингвизма, тем не менее персы, свободно владеющие азербайджанским языком, предпочитали расселяться не в Закавказье, а среди таджиков, язык которых относится к иранской языковой группе.

Появлению моих соплеменников на территории СССР предшествовало два миграционных потока, первый из которых начался задолго до

Октябрьской революции и был прерван в 1938 году, в период сталинских репрессий.

Было время, когда жители Ирана, имевшие на советской территории родственников, беспрепятственно приезжали в нашу страну. На надутых воздухом бурдюках иранцы спокойно пересекали Аракс, проводили трапезу на советском берегу и вечером возвращались на родину. Но немало было и таких, что оставались в Союзе навсегда: одни - в поисках лучшей работы, другие по политическим мотивам. По этим, кстати, мотивам все они продолжали сохранять подданство своей родной страны - Ирана.

Представители иранской интеллигенции, составлявшей основную оппозицию шахскому режиму, прибыли, в основном, с первым потоком. Среди них - впоследствии известный советский поэт и прозаик Абулькасим Лахути. Одним из иранцев, с которым Лахути поддерживал близкие отношения, был мой дед по матери, Ибрагим Мамед-заде, прибывший в Россию еще до Октябрьской революции. Выпускник Тегеранского университета, он всю свою жизнь отдал преподавательской работе. Свободно владея, помимо тюркских и иранских языков, еще и арабским, Мамед-заде одно время преподавал в Ленинградском институте восточных языков имени Енукидзе. Кроме того, он редактировал и сам составлял учебники по грамматике, разговорной лексике арабского и языка фарси, внеся, таким образом, лепту в дело ликвидации безграмотности в Средней Азии...

Казалось, люди обрели, наконец, то, к чему так упорно стремились: жилье, работу, семейное счастье. Но наступил 1938 год, и надежды на благополучную жизнь разом рухнули. Все эмигранты, в соответствии с их национальной принадлежностью были поделены на немецких, японских и английских шпионов. Иранцы оказались в числе последних. Пятого февраля 1938 года был отдан приказ об аресте всех иранцев, проживающих в Киргизии. Грозный лев на обложке иранского паспорта не производил ни малейшего впечатления на неустрашимых сотрудников НКВД: иранцев бросили за решетку, наплевав на их иностранное подданство. Отец оказался в одном подвале с боевым командиром кавалерийского полка времен гражданской войны Алиевым и наркомом земледелия Киргизии Эсенамановым. (Оба вскоре были расстреляны как "враги народа").

Допрашивали заключенных, как и было принято по тем временам: били - жестоко, превращали человека в безвольный мешок костей, затем сталкивали вниз по лестнице в подвал, где сидящий за столом следователь вручал своей жертве бумагу и ручку и заставлял их подписывать "признание в шпионаже". Применялись пытки - примитивные, но рассчитанные на максимальный успех: арестованных заставляли стоять во время допросов, пока не сознаются в содеянных преступлениях. У стоящего без сна и отдыха человека неимоверно распухали ноги, не вмещались в штанины брюк. Тогда брюки разрезали, а человек продолжал стоять. Если " британский агент" делал попытку прислониться к стене, его снова били - по чему попало и чем попало, чаще всего по голове рукояткой нагана. Мне

рассказывал об этом 78-летний Гулам Мамед-заде, отстоявший во время допросов восемнадцать суток кряду, а чтобы убедить меня в правдивости своих слов, он оттянул нижнюю губу и продемонстрировал мне в виде доказательства обломки передних зубов, изувеченных во время допросов с пристрастием. Гулам Мамед-заде был среди тех, кто, не выдержав пыток, "сломался" и подписал компрометирующие его бумаги, абсолютно не понимая, в силу слабого знания русского языка самой сути обвинений. Его единственным желанием, по его собственным словам, было - "умереть лежа". Мой отец отстоял на ногах шестнадцать суток, но обвинительного акта не подписал. Когда я вздумал похвалить его за мужество, он усмехнулся и сказал, что просто из двух, сменявших друг друга караульных, один оказался "хорошим человеком" и иногда позволял ему стоя вздремнуть, прислонившись к стене.

Впрочем, признания арестованных принципиального значения не имели, так как дело до суда не дошло. То ли обвинения были слишком смехотворны, то ли расстрел Ежова внес некую сумятицу в ряды НКВД, а может, тюрьма на улице Логвиненко уже не вмещала "врагов народа" (по словам моих собеседников, в камеры, рассчитанные на двенадцать человек, набивалось по восемьдесят с лишним, примерно через год иранцев начали выпускать на свободу. Военный прокурор, рассмотрев апелляционные жалобы, нацарапанные под диктовку заключенных их сердобольными сокамерниками из числа местных жителей, распорядился об освобождении "английских шпионов" иранской национальности. Сами пострадавшие считают, что решающую роль в их освобождении сыграл расстрел Ежова. По их словам, все следователи, проводившие допросы, после устранения главы НКВД, бесследно исчезли. Часть освобожденных, получив по буханке хлеба и по сорок пять рублей деньгами, была выслана в Талас. Очень немногим разрешили остаться в столице. Те, кому после всего пережитого в тюрьме даже деспотический шахский режим показался раем, использовали все возможные средства, чтобы вернуться в Иран, и многим это удалось. Оставшиеся все же не теряли надежды на перемены к лучшему. Для них Киргизия стала второй родиной.

Сегодня почтенный Мамед-заде с присущим ему юмором, который не смогли выбить полсотни лет назад его мучители, вспоминает, как его водили на допросы. Двое солдат упирались штыками ему в спину, еще двое, направив штыки в грудь, пятились задом вверх по лестнице, каждую секунду рискуя опрокинуться на задницу. Тут бы порадоваться за старого человека: значит, время действительно залечивает раны, раз уж многие трагические эпизоды способны вызвать самый искренний смех у тех, кто все эти ужасы испытал на себе. Но я смотрю в глаза дедушки Гулама и вижу, как плещется в них смертельная тоска, которую не выразишь никакими словами, не скроешь даже за толстенными стеклами очков...

Второй поток миграции иранских подданных приходится на после-военные 1946-1947 годы. Незадолго перед этим по инициативе советских оккупационных властей на территории Иранского Азербайджана была

создана так называемая демократическая партия Азербайджана, основной целью которой было присоединение Иранского Азербайджана к советскому. Молодых членов партии, имевших образование не ниже шести классов (т.е. умеющих свободно писать и читать), агитировали поступать на учебу в Бакинское военное училище, где им предстоял фантастически краткий срок обучения - всего три месяца.

Среди первой партии добровольцев, прибывших в Баку, был и нынешний житель г.Фрунзе Пиригам Мамед-заде. Он вспоминает, какая торжественная встреча была устроена будущим офицерам: играла духовая музыка, произносились громкие речи, перед присутствующими выступил сам первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Багиров...

Шло время. Вместо назначенных трех месяцев минуло девять. Будущие офицеры возрастом от 17 до 19 лет, истосковавшись по родным и близким, запросились домой. Они не знали, что на их родине с уходом оттуда советских войск разразились репрессии против тех, кто принадлежал к демократической партии. Количество людей, бежавших от расправы в Советский Союз, колебалось от 20 до 30 тысяч.

Родители многих курсантов Бакинского военного училища были брошены в тюрьмы Ирана, многие из них подверглись мучительной казни. Молодым иранцам было предложено оставаться в Союзе, называлось и место их предполагаемого поселения - город Нуха на севере Азербайджана. Но эти предложения никто не захотел слушать. Решение иранских парней было единым: лучше смерть на родине, чем любые блага на чужбине.

Убедившись, что иранцев уговорами не возьмешь, власти обошлись с ними так, как принято было в ту пору обращаться с собственным народом: всех непокорных поместили в лагерь для военнопленных в Мингечауре, где содержалось около 30 тысяч немцев. Все личные и ценные вещи, деньги у них отобрали. Новых пленных перевели на такой режим заключения, что смерть в сравнении с ним выглядела наградой. Уже через полгода некоторые из них не выдержали, согласились на предложенные им ранее условия. Но услышали в ответ: "Поздно..."

Всем заключенным предъявили стандартное обвинение по форме НППГ - нарушение правил перехода границы. Вскоре их погрузили в вагоны для перевозки скота и отправили в долгий путь. На двадцать вторые сутки поезд прибыл в Архангельскую область, где молодых иранцев, испытавших за время пути нечеловеческие муки голода, жесточайшие атаки холода, лишившихся за время пути половины своих товарищей, - вновь заключили в лагерь. В лагере 35-градусные морозы и непосильный физический труд окончательно сломили несостоявшихся офицеров-экстернов, которым удалось остаться в живых по дороге сюда: они стали гибнуть в лагерных бараках, на делянках лесоповала, от болезней, от истощения, от пуль конвоиров. Среди заключенных, рассказывал мне Пиригам Мамед, был его близкий друг Фитрат Хусейн, отца которого повесили в Иране во время гонений на демократов. У себя на родине Хусейн занимался вольной

борьбой. Когда его поместили в лагерь, на могучем бицепсе его правой руки красовалась татуировка, изображавшая царя зверей. В лагере иранцы Оказались настолько истощены, что, по образному выражению Мамеда, "хвост у льва на руке Фитрата очутился в его собственной пасти". На исходе седьмого месяца в лагерь прибыла врачебная комиссия для обследования заключенных. Было решено депортировать иранцев на юг страны, чтобы не допустить их полного вымирания. Так вторая партия иранских эмигрантов, выпущенных в марте 1950 года из сталинских лагерей, оказалась в Казахстане, там они жили в течение нескольких лет в условиях жесткого надзора спецкомендатуры. В 1955 году те, кто принял советское гражданство, были сняты со спецучета и получили свободу передвижения. Вот тогда многие иранцы перебрались в Киргизию. Об их количестве на территории республики сегодня статистика точных сведений не дает.

Прибывшие в Союз иранцы в большинстве своем были малограмотны... Основная масса иранцев традиционно занималась торговлей. Пожалуй, все фрунзенцы с ностальгической грустью вспоминали чайхану, что располагалась напротив кинотеатра "Ала-Тоо" и где всегда можно было вкусно и дешево пообедать. Директором этой чайханы был иранец Ахмед Джамшиди, участник военных событий на озере Хасан, имевший ранения и награды. Судьба распорядилась так, что пока Ахмед с оружием в руках защищал восточные границы нашей страны, его родной брат Мамед-Али Джамшиди был безвинно осужден в 1937 году и провел десять лет за колючей проволокой Архангельских лагерей...

Сегодня редко встретишь иранцев, торгующих на рынке. После того, как перед иранцами открылись двери вузов, они стали учиться... Но среди иранцев почти не встретишь руководителей - это объясняется тем, что представителей моего народа не принимали в КПСС, а беспартийных не делали руководителями. В своей основной массе иранцы, прибывшие в Советский Союз, были атеистами - это явилось одной из причин, по которым они решались на эмиграцию. Однако национальные традиции мы отмечаем довольно широко, хотя редко кто из нас держит уразу - многодневный пост накануне курьян-байрама.

Время и неотвратимая ассимиляция делают свое дело: забывается язык, забываются обычаи. Но есть один день, в который все иранцы вспоминают, что они - иранцы: 21 марта, день весеннего равноденствия, Новруз байрам - Новый год... 22 марта немногочисленные потомки царя Дария и шаха Аббаса наносят визиты друг другу, чтобы посудачить за столом, узнать новости, рассказать о наболевшем. Впрочем, на вопрос: "Существуют ли у вас какие-нибудь проблемы?" - всякий уважающий себя иранец ответит отрицательно: гордость не позволяет ему опуститься до громких жалоб...

Фрунзе, 1988

КУРДЫ

Сулхадин КАСЫМОВ

КУРДЫ

Очерк

Курды, или курманджи, - один из древнейших народов Передней Азии. Они оставили заметный след в истории, внесли значительный вклад в духовное развитие народов Турции, Ирана и ряда арабских стран. В ХП веке курд Саладин, легендарный полководец, основавший впоследствии знаменитую Эюбидскую династию в Сирии, остановил продвижение крестоносцев на Восток. Населявшие в XIV - XIX веках территорию нынешнего Курдистана сорок курдских племен попали в номинальную зависимость от шахского Ирана и Османской империи. Однако попытки могущественных соседей лишить курдов статуса свободного народа, ассимилировать их среди персов и турок приводили лишь к очередному восстанию, к очередной кровопролитной войне.

Сейчас, по оценочным данным, на Ближнем и Среднем Востоке проживает до 20 млн. курдов, в том числе 10 млн. - в Турции, 6 - в Иране, 3 - Ираке, 1 млн. - в Сирии. Хотя формально курды имеют равные права с представителями основных наций, правительства некоторых из перечисленных государств не признают их в качестве самостоятельного народа, подвергают всяческим притеснениям, пытаются военной силой выбить у курдов мысли об иной судьбе...

Как же появились курды на территории нашей страны? Притом в немалом количестве: сейчас в СССР их насчитывается, по официальным данным, около 150 тысяч, а по неофициальным - втрое-вчетверо больше, и рассыпаны они по всей стране, но основные скопления их наблюдаются в Казахстане - 120 тысяч и в Киргизии - 10 тысяч. В XIX веке после русско-персидских войн часть территории исторического Курдистана, согласно условиям Гулистанского мирного договора 1813 года и Туркманчайского договора 1828 года отошла во владение Российской империи, и курды оказались - то есть не оказались, ибо они ниоткуда сюда не переселились, а жили на своей земле исконно - в административных границах Азербайджана, Армении и Грузии.

В первые же годы Советской власти Совнарком Азербайджана по личному указанию В.И.Ленина внес в ЦИК республики проект о создании автономной республики Курдистан с центром в Лачине (Карабах). В состав республики, образованной в 1923 году, вошли районы с преобладанием

курдского населения в составе шести наименований - Каракышлак, Кельбаджар, Котурлу, Курд-Гаджи, Муратханлы (ныне объединенные в 4 района - Кельбаджарский, Лачинский, Кубатлинский и Зангиланский). Первым председателем правительства советского Курдистана стал Гуси Гаджоев.

В 1921 году Ленин, узнав о голоде в Курдистане, распорядился оказать бедствующим курдам максимальную помощь. А в середине 20-х годов в молодой республике открываются школы с родным языком обучения, в городе Шуша начинает свою работу курдский педагогический техникум, выходят национальные газеты и книги, ведутся регулярные радиопередачи на курдском языке. Как отклик на создание в Азербайджане Курдского национального округа в тех районах Армении, Грузии и Туркмении, где компактно проживало курдское население, также создаются курдские школы, выпускаются газеты, а в Ереване возникает даже курдский национальный театр.

Период с 1923 по 1936 год можно назвать золотым для формирования национальной культуры: в это время у нас появилась своя интеллигенция. Не стоит забывать и о том, что успехи советских курдов в построении новой, более счастливой жизни активизировали борьбу курдов за рубежом, которые убедились, что Советский Союз - друг курдского народа, именно он дает образец решения национального вопроса. (Кстати, когда в 1941 году Красная Армия вошла в Иран, курды помогали продвижению советских войск - давали проводников, разоружали жандармские и армейские подразделения, которые пытались сопротивляться). Подводя итог первому этапу социалистического строительства, секретарь Средазбюро Зеленский заявлял с трибуны Х1У съезда партии: "...из сопредельных с нами стран, из-под ворот Индии, за многие тысячи верст и в одиночку, и семьями, и родами переходят к нам различные восточные национальности и племена. Мы имеем переходы значительных групп белуджей, курдов, джамисидов, хезарейцев, берберов. К нам стремятся те, которые ищут выхода из подневольного положения, из-под гнета, те, которые хотят найти путь разрешения национального вопроса..."

Но вскоре политика центрального правительства совершила крутой поворот. На курдов, как и на многие другие народы, обрушился 1937 жестокий год. Для Курдского национального автономного округа испытания начались значительно раньше. После кончины Ленина вся просветительская работа с курдским населением стала сокращаться, закрывались школы, перестали выходить газеты, в 30-х годах исчезло из обихода само слово "курды", их численность стала резко сокращаться. В 1937 году была арестована большая часть коммунистов, советских и партийных работников, курдской интеллигенции, закрыты школы на курдском языке, перестали выходить национальные газеты, печататься книги... Курдские дети, оставшись без своих школ, перешли было в армянские, грузинские, азербайджанские, но проучились там недолго - сказалось незнание языков, и поэтому почти все пришельцы были

исключены за неуспеваемость. Неграмотных становилось все больше, только что начавшая возрождаться культура оказалась отброшенной назад.

Но это далеко не самое худшее. В 1937-38 годах курдов из Азербайджана и Армении стали переселять в среднеазиатские республики и в Казахстан. Расселение велось так: по 3-4 семьи в каждый населенный пункт. Казалось, кем-то была поставлена четкая цель - растворить курдов как нацию...

Так или иначе, автономию курдов уничтожили. Этим дело не ограничилось. Тогдашний секретарь ЦК КП Азербайджана Багиров начал запугивать: если вы не хотите быть репрессированными, как ваши соплеменники в Армении и Нахичеванской АССР, то должны навсегда забыть слово "курд". И люди стали записывать себя азербайджанцами, хотя, конечно, запись в паспорте не могла изменить ни национальный уклад курдов, ни наш язык. Но раз формально в Азербайджане курдов нет, значит, и курдского вопроса больше нет, и какая может быть автономия у несуществующего народа?

Если в годы образования Курдистанской автономии здесь проживало 48 тысяч курдов, то по данным переписи 1979 года - ни одного. По народным подсчетам, с учетом действительного естественного прироста, то есть с учетом многодетного уклада курдской семьи по самым скромным показателям должно быть около 300 тысяч курдов. Физически эта численность имеется, но юридически они выступают под вывеской чужой национальности и бесспорно частично ассимилировались. Такова же участь многотысячного курдского населения в Туркмении, проживающего по границе с иранским Курдистаном. По данным переписи 1926 года в республиках Закавказья и в Туркмении проживало более 300 тысяч курдов.

В последующие десятилетия разного рода репрессивные меры - депортации, уничтожение национальной интеллигенции, закрытие школ, печатных органов, насильственная запись в другие нации, невольная ассимиляция привели к тому, что в последующие годы переписи курды попали в графу "и другие национальности". Сегодня сотни курдов обнаруживаются среди азербайджанцев, армян, грузин, туркмен, турков...

"Киргизские" курды живут на территории Ошской области, особенно много их в городе Кок-Янгак, есть поселения в Таласской и Чуйской долинах. Я нередко бываю в этих местах, знаю соплеменников не понаслышке, вижу самые разные грани их повседневного бытия. Не так давно в Джалал-Абаде был создан фольклорный ансамбль, в котором выступали курдские юноши и девушки. Но, к сожалению, этот ансамбль сегодня работает только в парадных отчетах. В соседнем Казахстане ситуация более отрадная. В Джамбульской области во время фестиваля народного творчества курды демонстрировали блюда национальной кухни, образцы старинных ремесел, пели обрядовые песни...

Сегодня в нашей стране, в частности, в Киргизии, появилась довольно многочисленная курдская интеллигенция, есть научные работники, руководители предприятий. Назову доктора наук Ордихана Джалилова, работающего в ленинградском Институте востоковедения. Этот прекрасный ученый продолжает дело своего отца Джасыме Джалила - известного курдского писателя. Длительная дружба связывает меня с семьей Тельмана Амирова, который работает директором совхоза "40 лет Киргизии" Манасского района. Хочу назвать имена академика АН Казахской ССР Н.К.Надирова - крупного специалиста в области нефтехимии, физика Усена Садыкова, инженера Азима Асанова, биолога Садо Юсипова... Но все это счастливые исключения на общем малорадостном фоне.

Большая часть нашего народа испокон века живет в сельской местности и занимается скотоводством... По вероисповеданию курды являются мусульманами-суннитами, часть из них - шииты и езиды. За рубежом наша письменность основана на арабской графике, в СССР - на русской, в Европе - на латинице. В средние века курды создали богатую и своеобразную культуру, однако в нашей стране она курдскому народу не известна. Современный курдский народ в нашей стране воспитал плеяду замечательных курдских сказителей - знатоков богатого курдского фольклора. У каждого - ярко выраженная индивидуальная манера повествования, собственный репертуар сказок, эпических преданий и народных рассказов-анекдотов. Среди мастеров героического эпоса – сказители Мамо Ишхане Садо, Карахон Шараф-хонов, Атаре Шаро. Окруженные кольцом слушателей, они то спокойно, неторопливо, то страстно и взволнованно повествуют об удивительных событиях далеких дней, о кровавых битвах и славных победах любимых героев.

В большинстве своем малообразованные, они поражают необыкновенной памятью, образностью и красочностью речи. И до сих пор жители курдских деревень в долгие зимние вечера часто собираются послушать красноречивого сказочника, который то увлекает своих слушателей в волшебный мир, где обитают дивы, пери и джины, то развлекает грубоватым юмором бытовых сказок. Два раза в год курды отмечают свои традиционные праздники - Новроз, Новый год по мусульманскому календарю, и 20 июля - религиозный праздник "Аила Курбане". В этот день приносят специальные жертвы - режут барана и раздают семи семьям по семь кусков (семь - число священное), причем обязательно в сыром виде. Кроме того, женщины готовят разные блюда (их также должно быть семь) и пекут семь различных видов хлеба. Сохраняются и обряды - свадьбы, похороны, детские праздники...

Надо сказать, что курдянки никогда не носили паранджи, ходили с открытыми лицами, но платья традиционно шились ниже колен, с длинными рукавами, голова повязывалась платком. Хотя сейчас эти правила соблюдаются далеко не всегда, оставшихся обычаев достаточно для того, чтобы положение наших женщин по-прежнему было нелегким. По пальцам можно перечислить тех курдянок, которые имеют образование и

могут не зависеть от мужа. Не так далеки времена, когда девушкам не разрешали учиться в средней школе, с десяти лет заставляли работать по хозяйству, в шестнадцать выдавали замуж. До сих пор у курдов бытует мнение, что в семье все должна делать именно женщина. Однако несмотря на цепкие традиции, уже практически не найти девушку, которая не посещала бы школу. И все же мало, очень мало учится их в техникумах, профтехучилищах, а тем более в институтах, большинство по-прежнему вынуждено выбирать одну профессию - домохозяйки...

Надо признать честно: культурный и образовательный уровень курдов находится на крайне низком уровне. И не по вине курдского народа: у наших властей нет интереса к развитию их культуры, к сохранению ее самобытности, ее соответствию времени. Беда курдов и счастье их в том, что большинство народа занимается овцеводством и живет так, как они жили пятьдесят, и сто, и триста лет назад: в горах, вдали от всех дорог, в кое-как слепленных глинобитных домишках, в местах, куда питьевую воду привозят на ослах. Повсюду царит полнейшая антисанитария. Вечерами пользуются допотопными керосиновыми лампами, а нет керосина - лучинами. Еду готовят на кострах. О газетах и телевизорах имеют весьма смутное представление. Семьи, как правило, многодетные, но собесы никакого внимания к ним, к матерям, заезженным работой, не проявляют. Дети (чаще всего девочки) подолгу не посещают школу. Мальчики, которых отправляют в интернаты, учатся плохо: родители безграмотны сами и, естественно, никакого интеллектуального развития своему ребенку дать не могут. Курдские мальчики из семей овцеводов нередко остаются по два года в одном классе и в конце концов, не доучившись, возвращаются домой. Стремления к учебе практически не наблюдаются, отцы и матери семейств убеждены в том, что раз "отцы и деды жили без учебы и мы проживем!"

Но благодаря такому образу жизни - курдский народ без изменений сохраняет свою национальную самобытность. Он попал в своего рода заповедник, в котором консервируются все национальные обычаи, обиход, мышление. Однако такой образ жизни - без нормального развития - ведет народ к затуханию, к гибели через несоответствие его стремительно меняющемуся времени. И думаю, что безразличие к судьбе курдского народа, к его культуре является преступлением.

Жалобы от курдов услышишь нечасто: мои соплеменники, как ни печально об этом говорить, привыкли к такому положению, привыкли и к тому, что о них почти не вспоминают как о самостоятельном народе, у которого есть нужда в развитии своей национальной культуры.

Мои заметки подходят к концу. И меня не волнует, что кому-то не понравится грустная нота, на которой я их заканчиваю. Но было бы кощунством превращать рассказ о сегодняшней жизни курдов в барабанный бой достижений, восторгов и вдохновляющих перспектив. Мало желания

самих курдов изменить свою жизнь - необходима, остро необходима помощь правительства. У нашей страны сегодня много серьезных проблем, среди них и наша - проблема национально-культурного возрождения талантливого и многотерпеливого курдского народа.

Фрунзе, 1990

Я, НАДИРЕ КАРИМ, КУРД

Воспоминания

На моем примере, на моем образе жизни, на моей биографии можно проследить судьбы всех депортированных в СССР народов.

Мы жили в селе Кикач Нахичеванского (в то время Сталинского) района. Отец умер в 1936 году, когда мне было всего четыре года. У матери на руках оставалось девять детей. Это было мое первое детское воспоминание. А через год новая трагедия.

Утром просыпаемся, а наш дом и наше село окружено солдатами с винтовками. Запомнил еще, что к винтовкам были прикреплены штыки. Они что-то говорят, а взрослые почему-то плачут. Потом я понял все, что говорили солдаты. Мол, собирайте самые необходимые вещи и вас куда-то должны увезти. 24 часа в нашем распоряжении. А коровы, дом? Остальное, отвечали нам, вы потом вернетесь и заберете. Старшие братья и сестры быстро начали собирать в кошму, одеяла, все, что можно было унести. На другой день погрузили нас в грузовики и привезли на железнодорожную станцию. Подогнали вагоны, предназначенные для грузов и скота, и приказали всем там размещаться. Ехали месяца полтора-два. Как потом узнал, привезли нас в город Мирзоян, будущий Джамбул, что в Казахстане. Там нас пересадили на грузовики, которые доставили несколько семей из нашего села в голую степь. Правда, протекала речушка. Спрашивают: есть ли шатры? "Есть", - отвечаем. "Вот поживите пока в них, а потом на ваши деньги построим дома". Причем, как потом оказалось, родственников из одного села расселили по разным местам.

Со временем построили саманные дома. Слава Богу, наконец, мы хоть где-то остановились. Так, на карте Джамбульской области появились новые села: имени Буденного, Каска-Булак. Казалось, все горести позади. Можно спокойно обживаться. Но нет. Очередная трагедия. Тоже ночью приехали работники НКВД, поднимают всех и спрашивают: "Кто глава семьи?" Старший брат Абдулла, которому только исполнилось 22 года и который только-только женился, сказал, что он. "Пойдемте с нами". И все, до сих пор мы так и не знаем, что с ним случилось. В ту ночь все семьи нашего села потеряли старших в доме.

Мы стали спецпереселенцами. Без права выезда. Без права поступления в вузы. Короче говоря, тюрьма. Правда, без колючей проволоки.

Где-то через год в нашем селении открыли школу. Среднюю школу, в которую заставляли ходить всех детей. Конечно, нас радовало, что учиться буквально заставляют. А кто же будет преподавать? В то время и среди казахов-то не хватало учителей, а как же быть с курдами-поселенцами? Назначили учителей из курдов, имеющих мало-мальское образование. Помню Алиева Карима, закончившего Ереванский педтехникум. Его назначили директором школы. Моего старшего брата Анвара, чуть-чуть недоучившегося в таком же техникуме, сделали завучем.

Но самое странное - преподавать-то необходимо было на казахском языке, которого, естественно, никто в то время из курдов не знал. Конечно, все курды благодарны казахскому народу за то, что в тяжелые минуты он принял нас, помог, чем сумел. Но у нас в селе не было ни одного казаха, тем более учителя-казаха. А учебники на казахском языке... Как наши учителя-курды выходили из положения - одному Аллаху известно, но школу я закончил и довольно успешно. И казахский знал прилично. Даже писал стихи на казахском.

После 10-го класса пришел в комендатуру - хочу поступать в институт. Какой там институт, отвечают мне. Скажи спасибо за десятилетку и работай в своем селе.Тогда я написал письмо Сталину - ведь все наши надежды, помыслы были связаны с этим именем. Написал, что хочу учиться. Конституция же дает такое право.

Через несколько месяцев комендант меня вызывает и говорит: "Писал Сталину? Вот ответ: вы можете учиться в высших учебных заведениях, только не в столичных городах. Выбирай какой-нибудь областной город, где есть институт, и мы можем дать тебе туда разрешение на выезд". А в то время во всем Казахстане, - а только в пределах республики я и мог учиться, - только в Кзыл-Орде и Чимкенте и были вузы. Кзыл-Орда - это бывшая столица Казахстана. Туда в 1937 году перевели Корейский Дальневосточный пединститут, одновременно с депортацией корейцев.

Мечтал же я поступить в медицинский, стать хирургом. А в Кзыл-Ординском пединституте был химико-биологический факультет, который более или менее меня удовлетворял. Год после школы, пока писал письма, я потерял, но в 1949-м решил сдавать экзамены. Для этого необходимо было сначала получить вызов из института, а затем разрешение от комендатуры на выезд в Кзыл-Орду. Получив вызов, я к сроку не попал на экзамены - разрешение из комендатуры пришло только в конце августа. Спасибо случаю - проректором института оказался такой же переселенец, как и я, кореец Ли... Причем экзамены мне необходимо было сдать без "троек", чтобы получить стипендию и тем самым обеспечить себе студенческую жизнь. Сдал успешно и на радостях написал стихотворение на казахском языке "Мечта моя, институт!" и отдал в местную газету. Каково же было мое удивление, когда 1 сентября оно было напечатано.

Меня тут же пригласили в кружок молодых поэтов института, где председательствовал Насраддин Сералиев, а консультировал классик казахской литературы Аскар Токмагамбетов. Так я стал студентом.

Но не таким, как все. Закончилась зимняя сессия, все собираются домой на каникулы. Прихожу к коменданту и говорю, что хочу поехать к родным. Нет, нельзя. Заявление на выезд к родным надо было написать за три месяца до каникул. Ну вот, все разъехались, один я в общежитии остался. Меня спрашивают, почему я не поехал к матери, вроде стыдят. Говорить правду мне было стыдно, мол, переселенец-курд, я и придумывал разные отговорки.

Окончил институт, очень хотел поступить в аспирантуру, и никаких препятствий как будто нет, но опять же - запрет на столицы. Поехал учительствовать в поселок Чулактау - сейчас город Каратау. Было это в 53-м. А в 1956 году снова вернулся к мысли учиться дальше. Как раз мое желание совпало с одним из выступлений Хрущева, предложившего снять клеймо спецпереселенца с учителей - "мы доверяем им воспитание подрастающего поколения, можем ли лишать их элементарных прав". Между прочим, в нашей школе был учитель грек, учитель карачаевец - и все мы не имели права распорядиться своими путями-дорогами.

В один год мы поменяли паспорта, где стоял проклятый штамп "без права выезда". Закончив учебный год, я подался в Москву. Не без труда, но все же поступил в аспирантуру Московского пединститута им. Ленина, досрочно защитил кандидатскую диссертацию и получил направление в Хабаровский пединститут зав.кафедрой химии. Хабаровск дал мне настоящую научную практику, там я выполнил докторскую диссертацию, стал профессором - единственным в то время на Дальнем Востоке. В общем решил было там и оставаться, но... Но мои земляки, узнав, что есть такой курд, доктор химических наук Надиров, уговорили меня переехать поближе к ним в Казахстан. Переехал. Семь лет проработал зав.кафедрой химической технологии переработки нефти и проректором по научной работе Казахского химико-технологического института в Чимкенте, когда меня пригласили в ЦК партии, и тогдашний президент Академии наук А.М.Кунаев предложил мне возглавить академический институт в Гурьеве. Избрали меня академиком, стал я лауреатом Госпремии, обладателем званий... Все шло отлично, работал я с увлечением и даже предположить не мог, что все честно заработанное мной, можно сказать, потом и кровью, придется мне отстаивать, напрягая все физические и моральные силы.

Начался в моей жизни второй цикл репрессий ровно через 50 лет после первого - в 1986-87 годах. Под маркой перестройки - долой всех "застойных" ученых! - меня начали "критиковать". Все, как в 1937 году, с той лишь разницей, что теперь я все понимал и мог как-то постоять за себя. Понимал и то, что я как курд самый уязвимый из всех академиков АН Каз.ССР. В ЦК КП республики заставили меня написать заявление об освобождении от должности главного Ученого секретаря президиума АН Казахстана "по собственному желанию". Делались попытки исключить из партии,

сфабриковать уголовное дело, снять с производства набранные издательством научные труды, началась компрометация в прессе... Много сил и времени понадобилось, чтобы отбить все обвинения и нападки. По результатам тщательной проверки противоправных акций против меня принято специальное постановление Бюро ЦК КП Казахстана и прокуратуры республики, но об этом надо говорить потому, чтобы исключить из жизни нашего общества расправы и репрессии в любой форме над неугодными кому-то или незащищенными по национальной принадлежности людьми.

Это все было связано с общим отношением к курдам, ничем не заслуженным и оскорбительным. Положение моих соплеменников сегодня хуже, чем в 1937 и 1944 годах, во времена насильственного переселения. В связи с межнациональными конфликтами в Узбекистане, Киргизии, Азербайджане и Армении, курды вынуждены покидать обжитые места и в поисках работы и жилья, в поисках прописки скитаться по всей стране. Таких беженцев-курдов только по России десятки тысяч. В 1937 году при всех издевательствах и ограничениях гарантировали работу и хоть и спец, но поселение. А теперь - ни работы, ни прописки - "перекати-поле", бомжи.

Решения Съезда народных депутатов о полном восстановлении конституционных прав депортированных народов не выполняются. Все ссылаются на сложную ситуацию в стране. Но зачем было эти решения принимать, если нет возможности их выполнить?

30-миллионному народу, который за тысячелетия своего существования лишь считанное число раз знал свою государственность - я имею в виду Красный Курдистан в 20-е годы на территории Азербайджана и Иракский Курдистан в 70-е, одинаково упраздненные, - пришло время хоть где-то найти себе приют.

Алма-Ата, 1990

Анвар НАДИРОВ

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ В ДВОЙНОЙ ССЫЛКЕ

Воспоминания

Чтобы предвидеть будущее, нужно хорошо знать прошлое.

Я хочу рассказать о репрессиях против нашего курдского народа, рассказать как свидетель, как пострадавший.

В середине ноября 1937 года меня - я учился тогда в Ереванском курдском педтехникуме - разбудили работники НКВД и велели следовать за ними. Утром меня доставили на железнодорожную станцию Араз-даян Нахичеванской АССР, куда были согнаны все курды региона с вещами. Кругом стояла охрана из солдат.

Через несколько дней началась отправка эшелонов. В каждом эшелоне по 120 семей в товарных вагонах. Мелкий скот велели оставить, а крупный рогатый скот и лошадей погрузили вместе с людьми.

Никто из курдов не знал, куда и зачем их отправляют.

Живя в мягкой по климату Араратской долине, люди не имели за ненадобностью теплой одежды, и тут же в дороге начали замерзать не только от холода, но и от голода. Только на крупных станциях иногда солдаты разрешали покупать случайные продукты. Взрослые же нарочно ничего не ели и не пили - лишь бы не ходить в туалет, который устроили прямо в середине вагона.

Чтобы сберечь силы - лежали днем и ночью. Чувствовали, что везут на север, а куда - только гадали. Многие не выдерживали непривычной моральной и физической нагрузки, умирали...

12 декабря наш эшелон прибыл в город Мирзоян, будущий Джамбул. Снег по колено. 42-45 градусов мороза. Нас пересадили на открытые грузовые машины и отправили по бездорожью в находившийся на расстоянии 200 километров от Мирзояна Сары-Суйский район, а оттуда по 2-3 семьи распределили по колхозам района.

Люди поголовно начали болеть. Медицинского обслуживания не было. Умирали десятками.

В феврале 1938 года я вернулся в Ереван продолжить учебу, но курдский педагогический техникум незадолго до моего приезда закрыли. Наркомпрос Армении оплатил мне проездные. Я поехал в село Содарок (Нахичеванской АССР), где проживала моя родная сестра. В первую же ночь меня забрали в НКВД Ильичевского (Сталинского) района в Норашине. Прокурор не давал санкции на мой арест, поскольку я был несовершеннолетним. Мне было тогда 16 лет.

Через 4-5 дней меня посадили на поезд и отправили обратно в Сары-Суйский район. Здесь вызвали в комендатуру и начали терзать за самовольную поездку. Видимо, их тоже останавливало мое несовершеннолетие, с меня требовали метрику. Я тогда плохо знал русский и отвечал, что знаю "метр", а что такое "метрика" не знаю. Но у меня уже росли усы и борода, и они переправили мой год рождения на 1917, прибавив мне шесть лет.

В мае 1938 года всех курдов "нашего" эшелона собрали в горном местечке Беркути (ныне - город Жанатас) и организовали там курдский колхоз им. Буденного.

Я овладел казахским языком за 2-3 месяца и был единственным агитатором среди курдского населения во время предвыборной кампании в Верховный Совет Каз.ССР (июнь 1938 г.).

До выборов оставалось 10-15 дней, когда из нашего колхоза за одну ночь увезли 40 мужчин-курдов, в том числе моего старшего 22-летнего брата Абдуллу. Фактически наша семья, состоявшая из десяти человек, осталась без кормильца. Отец умер в 1936 году. До этого его несколько раз забирали в тюрьму. Родного дядю Алихана увезли летом 1937-го, так он и не вернулся.

Потом я узнал, что райком и райисполком отстояли меня как агитатора. В этом списке я был 41-м. Тогда я понял, зачем изменили на 1917 мой год рождения. Так я остался в живых, потому что эти 40 мужчин исчезли без следа. В колхозе каждые двое из троих остались сиротами.

В 1942 году я работал директором начальной сельской школы. В райисполкоме заслушали отчет о моей работе, оценили ее удовлетворительно, но начальник местного отделения НКВД Куракбаев возразил: "Он матерый волк, - сказал он, - а вы верите ему. Его надо выдворить. Я вам покажу кое-какие документы о его преступной деятельности". Меня попросили выйти. В коридоре уже стояли милиционеры с наручниками.

Шесть месяцев находился я в заключении, пока не выяснилось, что Куракбаев не располагает никакими фактами о моей "преступной" деятельности. Тем не менее меня не освободили, а в апреле 1943 года осудили на шесть лет лишения свободы за "халатное отношение к своим обязанностям - в школе разбиты стекла, треснуты печные плиты и т.п." Но односельчане вступились за меня, и через несколько месяцев областная судебная коллегия сняла с меня все обвинения и освободила из-под стражи.

Через месяц-полтора того же года областное Управление НКВД провело акцию - окружили ночью наш колхоз и арестовали 50 человек из курдов, в том числе и меня. Только у меня, как у "атамана шайки", конфисковали все домашнее имущество, постель и скот. Оставили лишь постели моей матери и брата, которым тогда нездоровилось и они лежали. В районной КПЗ взяли отпечатки наших пальцев, чтобы отправить куда-то, а затем обвинить меня по 59-ой статье - "атаман бандитов". Мне вспомнился 1938 год... Думал: все... Думал: надо что-то делать... И ночью убежал из КПЗ, собирался обратиться в вышестоящие инстанции. Вслед за мной из КПЗ убежало еще 6-7 человек. Всю "живую силу" Мирзоянской области мобилизовали на наши поиски... Мы боялись пошевелиться. Прятались. Есть было нечего, мы изнемогали от жажды в те жаркие августовские дни, и не выдержали - пошли искать воду. Видимо, нас заметили сразу. К вечеру мы были окружены, нам кричали: "Сдавайтесь!" Мы разбежались в разные

стороны. Они начали стрелять в нас из автоматов и винтовок. Нас спас горный кустарник и черные дождевые тучи в вечернее время. Убегая мы сбросили с себя одежду и всю ночь под проливным дождем дрожали от холода. На третий день собрались вместе, увидели, что среди нас нет погибших и раненных. За 10 - 12 дней до этого зам.начальника Управления НКВД области Турциянов ни за что застрелил среди бела дня 70-летнего Даутова Маме и ранил в плечо Махмудова Ису. Таких примеров можно привести очень много.

Ночью мои товарищи решили сдаться. Я назвал их предателями и в одиночку двинулся в сторону областного центра. Пробираюсь сквозь кустарник, выхожу на поляну, смотрю - впереди что-то светится. Чабанский очаг, подумал я, пойду туда, может, поесть чего-нибудь дадут. Вдруг свет исчез. Я устал, замерз, дальше двигаться не было сил. Близился рассвет. Я стал искать место, чтобы спрятаться и защититься от ветра. Нашел глубокую яму и залез в нее. Немного согрелся и уснул. Проснулся к полудню, слышу что-то шипит рядом, смотрю - змея. Появился и тут же исчез страх. Подумалось: чем в руки НКВД попасть - пусть лучше змея укусит. Но обошлось.

Солнце поднялось в зенит, жара так придавила, что я полез из ямы в поисках воды. Змея тоже выползла. Когда я встал и осмотрелся, оказалось, что прятался в провалившейся могиле. Волосы у меня встали дыбом, и я стремглав бросился прочь. Едва опомнился, вижу - издалека идут ко мне люди. Спрятаться некуда и убегать поздно, невозможно. И я вернулся в свою страшную могилу - единственный шанс на спасение. Преследователи приблизились, но, заметив кругом могилы, ушли прочь. Впервые за последний месяц я смеялся от души.

Я убедился, что меня разыскивали повсюду, понял, что вероятность дойти живым до областного центра очень мала. Решил вернуться домой, попрощаться с мамой... Вернувшись, обнаружил, что дом наш окружен, но мне не препятствовали зайти в дом. Мама обняла меня: "Больше не отпущу тебя, утром сдам тебя... Пусть все упрекают меня за то, что родного сына поймала и сдала в руки НКВД, но я уверена, что это единственный шанс спастись. Не всегда же будет как в 38-м году. Те люди, что преследуют тебя, тоже имеют матерей и детей, и они поймут, что ты не тот, за кого они тебя принимают. Видишь - вокруг дома люди... Но они не заходят", - говорила мама и умоляла меня сдаться. "Хоть убей - не отпущу!" - говорила она. В муках и раздумьях я провел ночь, но обидеть мать так и не решился. Утром вместе с матерью я пошел и сдался.

Нас собралось несколько человек, и мы категорически требовали, чтобы нас сразу отправили в областной центр. Конвоиры наши поехали верхом, мы же шли пешком. По дороге решили сократить путь и пойти по бездорожью через Тентексой ("сумасшедшее ущелье" - в переводе с казахского). А чтобы мы не убежали, связали нас попарно (нас было 6 человек) высокого с низкорослым. Заставляли нас стать спиной друг к другу и крепко, крест-накрест связали наши руки. По колючкам, скалам и бездорожью двигались

мы таким образом в больших мучениях. Когда один из нас спросил: "Вы же мусульмане, зачем нас так мучаете?", ответ был коротким: "Вы тоже мусульмане, зачем область и республику позорите?"

На второй день нас сдали в тюрьму областного Управления НКВД. Когда начался допрос, моей радости не было предела. Но я скрывал ее до окончания следствия. Какие бы бандитские акты они мне ни приписывали, я безотказно признавал все. Следователи сказали мне даже спасибо за мое "признание". А я им говорил в душе "спасибо".

Я находился в одной камере с настоящим атаманом воров и бандитов Ткаченко. А шайка его, состоявшая из 71 человека, была на воле и делала, что хотела. В то время, как члены моей "шайки" сидели в разных камерах нашей тюрьмы. Ткаченко каждый день рассказывал мне о деятельности своей. Следователь приписывал ее мне, моей "шайке", и я "признавался". Ткаченко каждый день получал передачи, я же - абсолютно ничего, и он кормил меня.
Наши ребята, сидевшие в соседних камерах, поговаривали о том, что я, наверное, с ума сошел, раз признаюсь в том, чего не делал. Когда нас вызывали на очную ставку, я говорил им по-курдски: "что бы я ни говорил, ты подтверждай".

Только перед концом следствия один мой близкий родственник не вытерпел и сказал во время очной ставки: "Он, наверное, с ума сошел, как он мог это сделать, если в это время находился в тюрьме?" В областном управлении только теперь сообразили, что опозорились. Состряпать что-нибудь новое было уже поздно... Тем не менее меня обвинили в побеге из КПЗ, и мое дело вместе с делами других членов моей "шайки" отправили в облсуд. На областной коллегии суда прокурор сам снял все обвинения в мой адрес: "Ни за что посадили человека и еще конфисковали все его имущество.

Еще до этого ни за что посадили, 6 лет дали"... И судья вынес постановление освободить и вернуть конфискованное имущество и скот.

В конце апреля 1944 года меня освободили, половину конфискованного вернули, остальное - "не нашли". На второй день меня назначили директором Кара-Ойской неполной средней школы, находившейся в 15 км от курдского колхоза. 1 сентября 1944 года комендант выдал мне разрешение съездить в облоно. Облоно приказом, без моего на то согласия, назначило меня учителем физики и математики средней школы с.Бостандык, находившейся в 180 км от курдского колхоза в песках Чуйской долины. Я сразу вернулся в район, поскольку заканчивался срок разрешения комендатуры. Пошел к первому секретарю райкома партии объясняться: ведь я имел образование 6-7 классов, один курс педучилища и поэтому не мог преподавать в 8-10-х классах. Первый секретарь Омаров с сочувствием выслушал меня и реши-тельно сказал: "Сейчас езжай и работай в 5-6-7-х классах, через дней 20-25 вернешься ко мне, а я до этого времени добьюсь отмены приказа облоно".

Но нет худа без добра. Я поехал по приказу облоно, но преподавал лишь в 5-6-7-х классах. Учителя встретили меня там очень хорошо. Директор школы Байболов предоставил мне свой кров. В течение 10-15 дней у меня установились с учителями и местной молодежью дружеские отношения. За всю свою жизнь я не встречал такой компании. А когда пришло время мне ехать в райком, новые друзья не отпускали меня. Тогда не было машин, чтобы уехать, друзья же караулили днем и ночью, не давая возможности убежать. В этом коллективе работал учителем и Шона Смаханулы, впоследствии – известный казахский писатель-сатирик. Вспомнились слова матери "от хорошей жизни уйдешь - встретишь худшую, от плохой жизни уйдешь - встретишь лучшую", и я решил остаться поработать еще один учебный год. Преподавал я только в 5-7-ых классах. Дирекция школы была мной довольна и из фонда интерната отправляла через район продукты питания для моей семьи в г.Каратау. Ученики 8-10-ых классов во время уроков физики и математики из-за отсутствия педагога гуляли на улице и надоедали мне вопросами: "Агай, когда Вы будете преподавать нам?"

Из уважения к людям этого степного края я не смел сказать детям,

что не могу преподавать им, стал думать, как им помочь.

Не знаю, что давало мне силы не спать ночами и при свете керосиновой лампы самостоятельно изучать физику и математику, хотя до этого я даже и не знал, что означает знак радикала. За 2-3 месяца я освоил материал и решил все задачи школьной программы. Начав преподавать в 8-м, затем в 9-м, к концу учебного года я осилил и программный материал 10-го класса.

Как весь народ, я жил в тяжелых условиях. Мыла не было, "стирать" белье я обычно ходил в пески, там разжигал костер и тряс одежду над пламенем, чтобы избавиться от вшей.

Комендатура все время следила за мной. В 1947 году меня перевели в среднюю школу им.Крупской. Как-то в текстах контрольных работ Наркомпроса я обнаружил ошибку. Я исправил ее без согласования с вышестоящими инстанциями. Мое "самоуправство" было замечено, о нем заявлено. Меня вызвали в комендатуру для объяснений: "Ты же говорил, что не имеешь образования. Какое же ты имеешь право изменять текст контрольной работы?" А когда Наркомпрос подтвердил, что я был прав, начали допрашивать меня: "Почему скрываешь свое образование, скажи правду – ты какой ВУЗ окончил?" Часто приходили ко мне домой, проверяли мои записи, конспекты, заметки на полях старых книг, на страницах которых я решал задачи для 8-10 классов. Расспрашивали обо мне соседей, сослуживцев, выясняя правду о моем образовании...

В начале 1948 года в райцентре мне встретился мой друг, зам.председателя колхоза Калыбеков. Он спешил вернуться в колхоз, чтобы подготовиться к встрече какой-то комиссии. Он был страшно напуган и лихорадочно искал транспорт, чтобы быстрее уехать. Я шутя сказал ему:

"Все-таки есть разница между вами, правлением колхоза, и мышами. Мыши, увидя кошку, спасаются бегством, а вы стараетесь комиссию встретить и сделать все возможное, чтобы комиссия была сытой и вас не проглотила". Мы посмеялись и расстались.

В марте 1948 года по санкции районного прокурора в моей комнате произвели тщательный обыск. Тогда я еще не был женат, в комнате интернатского общежития вместе со мной жила моя 13-летняя сестренка и 6-7 курдских подростков, учащихся 9-10 классов. После долгого обыска они нашли в постели два ножа и один маленький кинжал. Подростки сразу же признались, что после учебы им приходится ездить домой через г.Кара-Тау, поэтому на всякий случай они берут с собой ножи и кинжал.

Комендант пристал ко мне: "Это твоя квартира, значит кинжал твой". Подростков заставили отказаться от своих первоначальных показаний, и через несколько дней меня снова арестовали. Пока я находился в тюрьме, обыски продолжались везде, где я бывал, и дома у матери в г.Кара-Тау. Никто не мог понять: что им нужно? Что они искали?

В 1987 году Шона Смаханулы в Алма-Ате рассказал мне некоторые подробности того ареста: "Тогда они не кинжал искали, а твои "анти--советские" стихи о разнице между правлением колхоза и мышами. Нас всех допрашивали сто раз, но не смогли найти ни одного свидетеля или какого-нибудь факта против тебя, тогда они прицепились к этим ножам".

В июле 1948 года народный суд освободил меня. Районо выдало мне справку по спецформе, которая давала мне право поступать в вуз.

В том же году я поступил в Алма-Атинский пединститут на заочное отделение. Институт я окончил в 1957 году. Учился я так долго потому, что был в двойной ссылке: каждые 2-3 года меня арестовывали или меняли мне место работы, отсылая подальше от курдского населения. Без разрешения комендатуры нельзя было уходить за 7 км от места жительства. То давали разрешение для поездки на учебу, то 2-3 года не разрешали, так учеба моя прерывалась.

Лишь в 1958 году нам объявили, что комендантский надзор над нами отменен. Только в 1958 году я, 32 лет отроду, стал полноправным гражданином СССР - получил чистый паспорт...

Вот только по сей день никак не могу понять, за какие грехи мой народ, и я вместе с ним, был наказан? За что, почему он лишен права жить на земле своих предков?

Чимкентская область,

1990

Араме БАШКИ

КУРДСКИЕ ПЕСНИ

СОРОК МУЖЧИН

В 1937 году нас, курдов, штыками выставили из Закавказья. На поездах нас отправили в город Мирзоян (ныне - Джамбул). В нашем эшелоне были люди из разных аулов, которые раньше не знали друг друга.

Из Мирзояна нас распределили по две-три семьи по колхозам Сары-Суйского района.

В мае 1938 года в горах Каратау был организован курдский колхоз имени Буденного. Люди начали работать в колхозе, живя под открытым небом, поскольку строительство землянок обещали начать после завершения посевных работ.

Одной июньской ночью из колхоза увезли 40 мужчин-курдов, из которых никто до сих пор не вернулся. Причина их ареста и исчезновения и поныне неизвестна. Трудно осознать это здравым умом - ведь большинство из этих мужчин до этого были едва знакомы друг с другом...

Плач "Сорок мужчин" исполняли женщины как сольно, так и хором, оплакивая по курдскому обычаю исчезнувших мужей, братьев, отцов.

Наши норы под палящим солнцем

плавятся, кипят и жарятся.

Женщина с младенцем рыдает, плачет

вся в черном с головы до пят.

Нет даже тени, чтобы укрыться.

Детишки, вцепившись в подол материнских платьев,

уткнулись в них, ни на шаг не отходят от мам,

словно нет опоры, кроме подола.

Лицо ее расцарапано,

рыдания ее доносятся с гор,

на вопросы не дает ответа,
причитает, удерживая ребенка за плечами.
Вокруг нор тоже норы,
над ними - открытое небо.
Их обитатели - дети и женщины,
из всех них доносится плач.
Весь аул в едином порыве
вторит стенающей женщине,
все собрались вокруг нее и оплакивают
сорок в полном здравии исчезнувших мужчин:
"Мать скорбящая, рыдай,
скорбящая невеста, причитай!
Боже, пособи
вернуться отаре мужчин!"
Их вопль душераздирающ,
вместо слез лилась кровь.
Из этих женских причитаний -
вот слова, не стершиеся из моей памяти:
"Участь курдов - кочевать,
силою ноги наши связали,
штыком острым загнали,
как скот, в товарный вагон".
В тридцать седьмом году из эшелона
нас выплеснули на снег.
По материнскому плачу я почуял,
что горя вдоволь мы хлебнем.
Вот уж шесть месяцев как нас привезли,
теперь мы узники Казахстана.

Разве что видим друг друга -
кто нам принес это горе?
В ущелье Каратау сгребли нас,
как червей,
увезли жениха от невесты, -
невеста осталась под платком.
Слыхано ли у других народов,
чтобы целый род катили, как мячик.
Отрубить бы головы насильникам,
да тело бросить в степь!
Это клеймо жжет мое сердце:
отару мужчин схватили и увезли,
сорок прекрасных кошкаров,
ни в чем неповинных.
Мать скорбящая, рыдай!
Невеста, оставшаяся под платком, причитай!
Никого не осталось на этой чужбине,
кто мог бы внять нашему горю.
Овец, отправляя на бойню,
сортируют, выбирая достойных.
Мясники самого государства
выбрали этих сорок мужчин.
Сложите песни об этих всадниках:
всадников увезли, мы же тут остались.
Одно не дает мне покоя –
никого не осталось для мести.
Каждый из них - любимец своей семьи,
каждый из них - свет в очах своей матери.

Кто бы мог поверить: вырвут
с корнем лучших мужчин за одну ночь.
Кто слышит умоляющий голос
кучки этих вдов?
Кто слышит просящий голос
горстки крохотных сирот?
Горы, равнины, помогите, помогите!
Беркуты-птицы, помогите, помогите!
Никого, кроме вас, нет у нас под Богом,
горю нашему внемлите хоть вы.
Помоги, помоги, мать-земля!
Ты мать всего живого:
вода наша - яд, еда наша - горе,
скорбь - наша, странников, участь.
Взываем о помощи - помощи нет,
зовем ее - не отзывается.
Ты рыдай - ой, ой, мама, -
степной волчицей - ой, ой, мама!
Мать скорбящая, рыдай!
Скорбящая невеста, причитай!
Боже-Боженька, приди на помощь!
Кто же вернет наших мужей?!
Нет проклятия хуже ссылки -
в сердцах наших раны скорби,
ибо говорили предки наши:
"Лежачего даже подлецы не бьют".
Помоги, помоги, мать-земля,
мать всего живого!

Вода наша - яд, еда наша - горе,

скорбь - наша, странников, участь...

КАЛИНАК

В 1945 году после первой послевоенной жатвы нас заставляли в колхозе собирать башах в убранном поле - оставшиеся на стерне зерна и колосья - и сдавать его на колхозный ток. Женщины, помня о голодных детях, утаивали по горсти башаха, чтобы дома пожарить его на раскаленном железе, сотворить из зерна курдское лакомство-лекарство и спасение от голода "калинак". Об этом знали наши надсмотрщики и подвергали женщин унизительному досмотру. Утаенное зерно отбирали, а на "воровок" составляли акты, по которым самых работоспособных увозили от детей в трудлагеря.

В сорок пятом году, в июне весь урожай собрали с полей. В сумерках - дело было к вечеру - возвращались колхозники домой. Присел я на обочине, глядел, как устало плелись женщины,и вдруг увидел невиданное в мире злодейство:

Женщин - вдовиц и невест - обыскивают, ощупывая, сдирая старые одежды.

Подлецы свои руки в штаны

суют женщине, ставшей вдовой.

Горсть зерна - спасение детям -

в узелочке вытащив, вертят им.

Вдова рыдает в голос,

тело, губы, зубы - все дрожит,

ноги целует она подлецу...

А он, хуже эсэсовца,

пинает ее ногами,

твердой рукой пишет акт:

"С тока украла пшеницу".

Большевики бесстыдно штаны женщин трясут.

Вдовы, невесты плачут, надрываются,

Оскорбленные, униженные причитают:

"На колхоз работаем,
а где мука и пшеница для нас?
Скот поедает в поле башах,
а вы не даете его нашим детям.
Руки суете мне в штаны,
зная, что я беззащитна.
Мужчин вы услали, остались женщины,
честь мою вы топчете.
Ну-ка, отдай мне мой башах!
Сиротушки мои больные, словно
ласточкины птенчики,
чирикают голодные.
Каждый колосок в поле
выхожен моими руками,
каждый колосок очищала,
мечтая сделать детям калинак.
Была война, закончились все битвы,
сердце мое болью переполнено:
мужа моего большевики увезли,
ныне поднимают руки на его детей,
меня заживо позором сжигаете.
Маленькие мои говорят: "Есть хочется!"
Старшенькие их обманывают:
"Вот папа придет, хлеба принесет".
Голод семьи наши душит,
тиф в селе разгулялся,
плохи дела несчастных,
как Бог это не видит, не слышит?

Вслед сорока мужчинам мы выли, как волчицы,
скорби полные в душе.
Погибают детишки бедненькие
от голода и от тифа.
Кровавыми слезами я обливаюсь пред детьми,
лицо мое черно, как сажа в печи,
говорила им: "Не ходите к соседям,
там болеют тифом".
Откуда им знать, что такое тиф,
глупым голодным детишкам,
пошли-пришли и плачут,
на ругань мою отвечают:
"Отовсюду от соседей
идет запах свежеиспеченного хлеба.
Ах, маменька, как вкусен хлеб!
Слюнки текут от его запаха!
Мы пойдем туда, где пахнет хлебом".
Пошли-пришли, плачут,
перед смертью вздрагивают, дрожат,
кто за них выплачется?
Зачем только Бог их в жизнь пустил?
И умирая всхлипывают:
"Хлеба, хлеба, хлеба, папа, папочка!"
Ладно, кусочка хлеба мне не найти,
ну, а лекарство, врача?
Не в силах я вернуть отца,
хлеб испечь мне не из чего,
припасла горсть на калинак,

и ту отняли!

Ну-ка, отдай мой башах для калинака!

Убейте, не оставляйте меня в живых,

с каким лицом, без калинака

я посмотрю детям в глаза?"

Каково курду все это видеть-слышать!

Комок застрял у меня в горле,

с трудом удерживаю слезы,

ничем не в силах им помочь

убежал я прочь,

чтобы не видеть, не слышать.

Год как вернулся я из тюрьмы,

не страшна мне тюремная баланда.

Я бы давал отпор подлецам,

если бы знал - это что-то изменит...

Скорбь-тоска моя тяжела, что там пуд,

душа моя - тугой узел мыслей:

гитлеровским эсэсовцам капут,

остались только наши...

Подстрочный перевод с курдского Назима НАДИРОВА

Азиз АЛИЕВ

ГДЕ РОДИНА? ЧТО ЗАЩИЩАЛИ?

Пришел солдат с фронта...

В окопе, на госпитальной койке, в яростной ли атаке, в горячем ли бреду - всегда видел отчий дом, свое село, родных. Их защищал от фашистского нашествия.

И - вот... Нерадостным получилось возвращение с фронта.

Старшину Зию Алиева - не пустили даже на территорию района, где родился и вырос, где был дом, построенный еще прадедом.

Понятно, когда "враги сожгли родную хату, сгубили всю его семью". Так то ж враги, а тут свои - СВОИ! - разорили отчий дом, изгнали в неизвестность родных.

"За Родину! За Сталина!" - кричал он вместе с другими, штурмуя фашистские укрепления. Но Родины, оказывается, у него нет, ее отняла у него и его семьи бумага, подписанная Сталиным.

Пятеро братьев Алиевых уходили в 41-м из одного двора. Мурат-хан, Бейшет, Шафкет, Атабаша погибли. Он, Зия, остался жив. Двое старших уже были женаты, двое младших не успели. Зия жалел, что и он не был убит, всего лишь ранен. Зачем? Уходя на фронт, оставил мать, жену, годовалого сына, младшую любимую сестричку, - все умерли, от голода и холода, когда везли их в фанерных товарных вагонах в неизвестную даль. Зачем только выжил старшина Зия Алиев?

Сегодня Зия Батырханович вспоминает, как шел от Сталинграда до Берлина. Показывает орден Красной Звезды, Отечественной войны 1-й и П-й степени, полтора десятка медалей. За каждой наградой - подвиг.

Поулеглась ли боль?

Нет, с каждым годом все больнее.

Разве можно забыть, что 30 процентов курдов, в одночасье, в холодном ноябре 44-го года были сорваны с места, загружены в товарные, насквозь продуваемые вагоны, погибли в дороге. Это плюс к тем, кто не вернулся с поля брани, их тоже не одна тысяча, но кто помнит об их подвигах, об их заслугах перед страной?

И то не выбросишь из памяти, как на новом месте поселения под Алма-Атой по весне курды ели траву, как умирали от холода в ту лютую зиму, - ниже сорока градусов опускался ртутный столбик термометра. Курды и подумать не могли, что возможен такой мороз. Раздетые, голодные, бездомные, ютились они по конюшням, сараям, закутываясь в подручное тряпье. Страшно вспомнить!

"Казахи помогали. Спасибо им!" - говорят они, вспоминая ту страшную зиму. Их трое, моих собеседников, - хозяин дома Зия Батырханович Алиев, его соседи (и в прошлом, и в настоящем) Азылхан Мустафаевич Мустафаев, Айдан Суло-оглы Алиев. Их трое, а судьба - одна. Трагическая судьба! Разнится лишь в деталях.

Скажем, Мустафаев. Воевал с 41-го. На Курской дуге получил ранение в ноги. Через два месяца стал в строй. Под Харьковым, в боях у станции Лихачевской вновь ранение - на сей раз в левую руку. Снова госпиталь -

6 месяцев и затем домой, долечиваться. Поехал в родное село Ахгид. Радости не было предела. Не стал откладывать до победы - женился на любимой девушке, грузинке Марии. Осенью 44-го кончился отпуск, засобирался на фронт, да не тут-то было. Нежданно-негаданно на улицах появились солдаты. "С какой винтовкой воевали, стакой и нас переселяли", - печально вспоминает сегодня Азылхан-ага.

Родственники отговаривали его молодую жену, просили остаться, но Мария была тверда: "Куда мужа повезут, туда и я, он умрет, умру и я!"

О женах декабристов всем известно, о них поэмы сложены. А о них, о наших матерях, которые так незадачливо полюбили представителей выбракованных правительством наций, но не отказались от мужей, пошли с ними на все муки, - кто о них сложит достойные песни?

Только через 38 лет Мария увиделась с отцом и матерью. Хотя тогда, в 44-м, когда их везли и куда привезли, не чаяла, что встреча вообще состоится. В дороге умирали один за другим, их выбрасывали из вагонов прямо под откос, как мусор. Вспомнить страшно, и не понятно, как после подобного можно было жить и не сойти с ума. Правда, иные сходили с ума...

Она боялась умереть - боялась быть выброшенной под откос, как ненужный хлам. А умереть было легче легкого - от жажды, когда язык сухой колодой заполнял рот, от голода, когда темнело в глазах и подламывались ноги, от всепроникающего леденящего холода, когда перестаешь чувствовать и тело и душу. Отклика на призыв о помощи ниоткуда не было. Стражники не обращали внимания, лишь грозили в ответ: "Заткнись, пристрелю!" и клацали затворами винтовок...

Айдан Алиев развернул тряпицу и высыпал на стол кучу своих наград - медали "За отвагу", "За боевые заслуги", отложил орден Славы. На лацкане пиджака у него Гвардейский значок и орден Отечественной войны. С 1941-го воевал, после Победы был отправлен в Сталинград восстанавливать город, носящий имя "отца народов". Значит, отца и его народа, всех курдов, которых вполне "по-отечески" вышвырнули из родных домов в горах на пустынные земли Голодной степи. Потерял Айдан всех родных, тосковал. Потом попросил одного русского солдата помочь ему разыскать родителей, сестру, братишку. Куда только они не писали! Наконец, получили ответ из Аспинского райисполкома: совет обратиться в бюро переселенцев Средней Азии и Казахстана. Читал Айдан письмо и вспоминал 225 кошмарных дней на Малой земле, потом бои за Киев, Житомир, в Карпатах, где он был тяжело ранен. Будущий инвалид Великой Отечественной лежал в глубоком снегу, истекая кровью, и ведать не ведал, что его семью уже везут в ссылку. Ни за что ни про что. Не знал, что горе пришло к курдам, бессрочное горе, но ведь не ради наград бился с врагом солдат из горного курдского села Ахчия...

Потом не раз они думали, что на фронте им было не в пример легче, чем их родным в тылу. Потом, на месте нового поселения и они полной

чашей испили горечь унижений бесправного существования. Труд с утра до ночи и нескончаемый голод. Два пуда хлеба за все про все. А переедешь дорогу от села к городу, да вдруг еще пойдешь в город, - задержат тебя, и тут же окажешься в заключении. А надумаешь в райцентр податься - схлопочешь все 25 лет каторги. Как-то Айдан забылся, пошел на зеленной базар купить сито, еще кое-какую мелочь, задержали его - внешность выдала, - посадили на полмесяца. Он и сейчас считает, - повезло ему тогда, что не на 25 лет загремел. Видно, на месте работники требовались.

Они не бегали от работы: пахали; сеяли, прокладывали каналы. Азылхан-ага не мог левой, раненой рукой удерживать носилки с землей, приноровился подвязывать их к плечу арканом, - что значит солдатская смекалка! Увечье левой руки и сейчас заметно, но в 55-м году у него отобрали удостоверение инвалида Великой Отечественной. Просто забрали, и все: без объяснений, без обоснований, без медкомиссии. К бесправному своему положению им не привыкать - лишь бы не протянуть ноги, поднять детей, внуков, тех, что не умерли, пережили ту варварскую акцию. И они выжили, выдюжили всем смертям и врагам назло...

Я слушаю стариков и тихо изумляюсь их душевной силе. Выговорившись, они стали вспоминать в том мрачном прошлом смешное.

Айдан-ага рассказал, как на Малой земле приспособились перевозить боеприпасы на ослах. А осел - животное строптивое, бывает, упирается

и в полный голос, дурень, кричит, демаскирует. Издали приказ командиры - убрать ослов, а то, мол, противник решит, что так солдаты вопят.

Сидевшая молча до рассказа об ослах жена Зии-аги Гулистан-апа, одернула шутника, включилась в разговор. Хлебнули они сверх всякой меры - и ту горькую чашу, похоже, по сей день не испили. Испытания продолжаются. На родную землю не пускают, да и пустят, - отчего дома там не найдешь.

"Да, ладно, дома развалили, скот отобрали и сгубили, - разве сравнить, сколько скота - и какого - было и сколько сейчас, но не в том дело. Зачем они срыли могилы наших предков, самый след наш на земле убрали? Бульдозером по могилам прошлись и на месте кладбища, на костях наших отцов, дедов, прадедов больницу построили... Как только лежат-лечатся в той больнице?"

Да, нигде в мире такого не увидишь! Издревле и поныне общество бережет могилы предков, а у нас... Снесли наши отеческие гробы, сравняли с землей память о нас на нашей древней земле. Азылхан-ага, прощаясь, с горечью сказал: "Воробей, когда его гоняет коршун, в расщелине скалы прячется. А нам куда бежать, где нам приют и защиту найти?!"

Тяжело это слышать - не только о стариках думаешь, о детях, о внуках своих. О подрастающем поколении курдов, которым нет места в родной

стране. Землю у них отняли, отнимают последнее - родной язык, национальное чувство, право быть наравне с другими народами...

За что такая судьба курдам? В чем мы провинились перед людьми? Когда кончится столь бесчеловечное и несправедливое к нам отношение? Когда вспомнят о том, что и мы имеем право на полноценную уважаемую жизнь?

Вопросы, вопросы...

Сколько лет мы тщетно ждем на них ответа.

Алма-Ата, 1991

КАЖДЫЙ НАРОД ИМЕЕТ СВОЮ ОСОБЕННОСТЬ, И ЭТА ОСОБЕННОСТЬ ЗАКЛЮЧЕНА В КУЛЬТУРЕ НАРОДА.

НАДО БЕРЕЧЬ РОДНОЙ ЯЗЫК, СВОЮ МУЗЫКУ, СВОЮ НАЦИОНАЛЬНУЮ ОБЩНОСТЬ, ВСЕ, ЧТО ОТЛИЧАЕТ ОДНОГО ОТ ДРУГОГО, ОДИН НАРОД ОТ ДРУГОГО, ВСЕ, ЧТО ПРИДАЕТ РАЗНООБРАЗИЕ, РАЗНОЦВЕТНОСТЬ И КРАСОТУ МИРУ, В КОТОРОМ МЫ ЖИВЕМ.

Г. СВИРИДОВ

И ПРОЧИЕ СОВЕТСКИЕ НАРОДЫ

* * *

По состоянию на 1 января 1939 г. среди 1 317 195 заключенных ГУЛАГа было:

русских - 830 491

украинцев - 181 905

белорусов - 44 785

татар - 24 894

узбеков - 24 499

евреев - 19 758

немцев - 18 572

казахов - 17 123

поляков - 16 860

грузин - 11 723

армян - 11 064

туркмен - 9352

башкир - 4874

таджиков - 4347

другие представители более 100 национальностей - 96 948.

К началу Великой Отечественной войны мужчины составляли 93 % заключенных ГУЛАГа, женщины – 7 %, в июле 1944 г.: мужчины -74 %, женщины – 26 %.

По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 22 апреля 1943 года организована КАТОРГА в Воркутинском и Северо-Восточном лагерях (спецрежим: более строгая изоляция заключенных, удлиненный рабочий день, тяжелые подземные работы на угольных шахтах, добыче золота, олова).

К июлю 1944 г. в исправительно-трудовых лагерях содержалось 5,2 тысячи каторжан, к сентябрю 1947 г. - 60 021 человек.

Аргументы и факты. 1990. N 35.

Е. А. КЕРСНОВСКАЯ

НАСКАЛЬНАЯ ЖИВОПИСЬ

Роман-воспоминание. Отрывок

...Шел 1940-й год.

27-го июня, вернувшись вечером с поля и управившись с хозяйством, я подсела к маме - попить чаю... Мы сидели у открытого окна, пили не спеша чай и слушали радио. Девять часов. Из Бухареста передают последние новости... Тем же монотонным голосом диктор продолжает: Советский Союз потребовал возвращения Бессарабии. Специальная комиссия, в составе (имярек) генералов, вылетает в Одессу, для урегулирования этого вопроса...

Теперь даже трудно себе представить, что сердце, которое почему-то называется вещуном, ничего не возвестило... Как будто еще совсем недавно в прибалтийских республиках не произошло нечто подобное и как будто мы

не могли догадаться, во что это выльется! Одно лишь несомненно: в этот вечер мы в последний раз уселись безмятежно за стол...

Ночью по Сорокской горе непрерывной вереницей следовали автомашины с зажженными фарами. Нам и в голову не приходило, что в Бужеровке наведен понтонный мост и что это - советские танки и бронемашины, что в нашей жизни произошел крутой поворот и что все привычное, незыблемое оказалось уже где-то, за чертою горизонта! Утром... "новости" явились сначала в виде советского самолета, приземлившегося невдалеке от нашего поля. Еще несколько таких же самолетов на небольшой высоте с ревом пронеслись на запад.

Бросив работу, я вернулась домой. По дороге через село проходили грязные, защитного цвета бронемашины, танкетки...

Поздно вечером я ужинаю...

Открывается дверь и на пороге... румынский солдат...

- Севка! Ты ли это? Слава Богу!..

- Вот этого-то я и не знаю... слава ли Богу? Что тут происходит? Как наши? Я первым долгом - к тебе...

Узнаю его историю. Он по окончании агротехнической школы, 17-ти лет, поступил в артиллерию как волонтер. Образованный, смышленный парень получил звание сержанта. Их часть стояла в Оргееве. Неожиданное появление советских танков и приказ уходить в Румынию застал их врасплох...

Сева... не хотел в Румынию. Но как дезертировать... без разрешения?.. Он подошел к тому офицеру, которому сдал на границе приведенную им артиллерийскую часть и... попросил разрешения дезертировать. К счастью, этот офицер был не румын, а венгр. Он спросил: "Ты кто, румын?" - "Нет, русский". - "Так и иди к русским". Сева бросил свой наган в обозную повозку и пошел пешком обратно.

- Вот я и не знаю: хорошо ли я поступил?

- Разумеется, хорошо! Ты же - русский! Здесь ты - дома!

Разве бы я поверила, если бы мне кто-нибудь сказал, что ни ему, ни мне в России не будет ни дома, ни родины?

Я вела себя, как страус. Прятала голову в работу. Атмосфера становилась душной, наэлектризованной. Все чего-то ждали. И боялись...

На следующий день после расправы над нами я пошла в горисполком. Нет. Я не собиралась "заявить протест". Протестовать можно, если есть хоть какая-нибудь законность. Еще меньше я собиралась просить о чем-либо.

Я рассуждала примерно так:

"В настоящую минуту никто не может попрекнуть меня моим "богатством": беднее меня нет никого - кроме ситцевой рубахи и парусиновых штанов у меня нет ничего - ни шапки, ни башмаков, ни куртки, чтобы ночью укрыться, ни деревянной ложки. Наплевать! У меня есть руки, и работать я умею, но для начала надо мне хоть самые необходимые рабочие инструменты. Не голыми же руками работать! Мое имущество должно быть разделено между бедняками. Я - один из них. Я требую свою долю!"

Это заявила я, войдя в кабинет бывшей городской управы, ныне - горсовета.

Мягкий ковер - на всю комнату. Диван. Кресла. Массивный письменный стол. В помещении темновато: на окнах портьеры, а за окнами - проливной дождь. С меня льет, как с утопленника. Босые ноги измазаны глиной.

Передо мной сидят трое. Один из них - тот, что слева, в кресле, Терещенко Семен Трофимович - тот, что вчера выгонял нас из дому.

- С вами поступили правильно. Вы - эксплуататор, и все, чем вы владели, вам так же не принадлежит, как и это кресло.

- Допустим. Но это кресло вряд ли принадлежит вам, хоть вы на нем сидите... и не догадываетесь предложить сесть мне.

Кажется, не в бровь, а в глаз. Переглянулись. Я сажусь и продолжаю:

- Итак, я пришла за своей долей.

- А на какую "долю" вы претендуете?

- Косу, вилы, сапу, лопату, садовничьи ножницы и опрыскиватель. Этого мне достаточно для сезонной работы.

- Ну! Для одного - этого слишком много!

- Я не одна. Со мною - мать.

- А мать пусть сама - тяп-тяп - поработает. - И с насмешкой, он показывает, как надо, сгорбившись, работать.

- Матери 64 года. Свою мать вы можете, разумеется, пинком за двери вытолкать, а я - не скотина, которая не знает, что о старой матери нужно заботиться.

Вступает в разговор тот, что сидит справа, невысокого роста, чернявый.

- Для нас паразит - хуже скота. Вот я - шахтер, этот - рабочий, а это - крестьянин...

Встаю. Подхожу к нему, беру его за руку и переворачиваю ее ладонью вверх. Пухлая, мягкая рука. Кладу свою: жесткая ладонь, покрытая мозолистой кожей, с твердыми "четырехгранными" мозолями.

- Не знаю, какие руки у шахтеров, а такие, как ваши, я видела у архиерея: купчихам их целовать дают...

Тот, что сидит в центре, пишет короткую записку:

- Вот! По этой записке вам дадут, что надо. Читаю: сапа, лопата, коса, садовые ножницы...

И вот еще раз - в последний раз! - переступила я порог своего дома... Нет, этот дом уже не был моим. Не потому, что его захватили чужие люди, а потому, что своим безумьем они испакостили то, что было скромным, даже бедным, но... гнездом... Глаза отказываются верить, а сердце чувствовать. Все, что было в доме хорошего, унесено... Меня передернуло, когда я увидела, как раздирают на части портрет отца... К чему такой вандализм? Я вошла в столовую. На полу - слой грязи, стены, прежде сплошь увешанные картинами, были пусты... В углу - ворох тряпья, на столе - ворох бумаг и фотографий... Я передала записку тому, кто назвал себя "главным". Он ее долго читал, хотя там было лишь полторы строчки. Затем сказал:

- Ступайте! Вам выдадут!

Я протянула руку и взяла со стола фотографию моего отца, сделанную в год моего рождения, 1907-ой.

- Разрешите взять карточку отца, на память!

Он взял ее у меня из рук, пристально рассмотрел, со смаком порвал на четыре части и бросил в грязь, на пол; затем порвал еще карточку племянницы маминой подруги и изображение двоюродной сестры маминого отца, бросив сквозь зубы:

- Все это - проститутки!..

11 июня вышло распоряжение: снять все антенны и сдать радиоприёмники. Витковские, на винограднике у которых я только что закончила работу, сняли антенну, но ночью натянули ее вновь и услышали из Болгарии, что советские войска в Бессарабии готовят какие-то "массовые мероприятия", в сущности которых мы так и не смогли разобраться.

Вместе с тем бросалось в глаза, что в город были согнаны со всех окрестных сел подводы, запряженные лошадьми, с запасом фуража для коней и хлеба для возчиков на 3 дня. Во всех дворах стояли телеги, переминались с ноги на ногу лошади и бродили полные недоумения люди в сукманах с кнутами и торбой хлеба. Все было непонятно и вызывало тревогу...

Не успели мы сесть за стол, как на крылечко взбежала соседка, полуодетая, непричесанная, и быстро-быстро зашептала: "Вы слыхали? Петю Маленду среди ночи забрали! Не разрешили ничего с собой взять... Он, жена, дети, все оделись во что попало... Матери не дали с ними попрощаться. Старушка хотела сто рублей ему передать... Не позволили! И

многих, многих так среди ночи ни за что ни про что похватали, на подводы погрузили и неизвестно куда везут!.."

Так вот зачем в город согнали столько подвод! Так вот почему радио поотнимали накануне!..

Ну, значит, и мой черед пришел! - спокойно, почти весело сказала я. И не успела я докончить фразы, как увидела Алису, дочь Эммы Яковлевны. Она почти бежала по узенькой улочке мимо дома Алейникова. Запыхавшись и размахивая руками, она еще издали кричала:

- Фросенька! Ночью за вами приходили... Двое с ружьями. А утром пришли шестеро... Вооруженные... Кричали... Так сердились!.. Мы говорим - не знаем... А они - свое. Ужас, что происходит! Всех похватали! Доминику Андреевну, Витковских... Она, бедняжка, беременна, не сегодня-завтра родит, Жозефина Львовна больна... И все равно забрали... И Иванченко, и Гужа... Боже мой! Дети, старики... В чем попало - раздетых, больных... Ой, да что же это? Злодеев так не хватают, а ведь это мирные, работящие, ни в чем не повинные люди!.. Фросенька! Бегите, спрячьтесь. Куда-нибудь бегите, может быть, спасетесь...

Она захлебнулась и замолчала. Добрая, растерянная, перепуганная Алиса.

- Бегут те, кто виноват, а прячутся - трусы! - с некоторой напыщенностью сказала я. - Не стану я дожидаться, чтобы меня, как щенка, за шиворот волокли. Прощайте!.. Куда привезут - будет работа. Было бы здоровье... - будет и хлеб!

Гроза омыла вечно прекрасную природу, а люди делали свое жестокое дело: сверху хорошо видно, как бесконечная вереница телег медленно двигалась вдоль Днестра; "хвост" этого похоронного шествия находился за Бекировским шлагбаумом - "головы" давно не было видно. Было что-то странное в этой "муравьиной дорожке", которая, как казалось издалека, вовсе не движется. До меня доносился какой-то назойливый шум - что-то вроде жужжания мошек, когда они толкутся столбом в лучах заката.

Я поняла: это плач людей, над которыми издеваются люди же, их братья... Может быть, это была звуковая галлюцинация?

Я шла между маленькими одноэтажными домиками, окруженными тщательно возделанными садиками, где ярко цвели омытые грозой цветы, и так дико было видеть то открытые настежь двери и разбросанные по двору вещи - опрокинутый вазон герани, детскую куклу, то наскоро заколоченные (должно быть, соседями) двери, то "нетронутые" дома, напуганные хозяева которых жались друг к другу и разговаривали шепотом...

- Бояться нужно только Бога! Но на Него надо и надеяться! - В дверях появилась старушка Эмма Яковлевна. Седая, сгорбленная, она протянула ко мне руки.

- Я заменю вам мать и благословлю вас на крестный путь! Уповайте на милость Господню... и на молитвы матери вашей. Мое благословение будет сопутствовать вам всюду, куда бы вас ни завели неисповедимые пути Господни! Аминь!

Я опустилась на колени перед этой 86-летней старушкой, и она меня перекрестила, поцеловав в голову.

Я надела солдатские штаны, короткую куртку на пояске и кирзовые сапоги. В рюкзак всунула смену белья, холщовые шорты и рубаху, рабочие башмаки, кружку и ложку. В кармане папины часы (они чудом уцелели, так как были в чистке в тот день, когда нас с мамой выгнали), папин охотничий нож; в другом кармане паспорт, фотография отца и 6 рублей. Я хотела взять свое одеяло, но Паша настояла, чтобы я взяла их - из чистой шерсти: "Вы не знаете, что вас и ждет; вам оно еще как может пригодиться!"

Спасибо ей, хорошей, доброй русской женщине! Сколько раз спасало меня это шерстяное одеяло!..

...В тот момент, когда я перелезла через борт грузовика, судьба моя была решена.

В машине нас было несколько человек, но я запомнила лишь трех: мальчика лет девяти... его родителей - мелких "помещиков" (в кавычках, так как от помещиков-предков у них оставался полуразвалившийся домишко и десятин 5-6 земли... на семью из пяти или шести человек) забрали ночью, а сын гостил у бабушки в деревне Боксаны, верстах в пятнадцати от Сорок. Теперь его, маленького и беспомощного, без шапки и пальто, чужие люди везли неизвестно куда, и перепуганный ребенок посинел от слез; было больно смотреть на него, но и другие две девочки производили не менее жалкое впечатление: они были в белых бальных платьицах и белых же туфельках на высоких каблучках. Это были сестры, окончившие среднюю школу: сегодня у них был "белый бал" - первый бал в их жизни, к которому они так готовились, и в первый раз в жизни надели высокие каблучки и сделали прическу. Они жались друг к другу и цеплялись вдвоем за... патефон и десяток пластинок - все их имущество. Взяли их прямо со школьного бала. Где родители - они не знали. Они не плакали, а только дрожали мелкой дрожью, хотя день был жаркий...

Теперь я уже не помню, как попала в вагон. Помню толпу, солдат, крики, пинки, давку и вагон, битком набитый растерянными и растерзанными людьми. И помню тихий солнечный закат. Такой мирный, привычный, что просто не верилось, что может "равнодушная природа красою вечною сиять", когда вповалку лежат, цепляясь за какой-то скарб, женщины, мужчины, дети в "телячьем" вагоне, где в стене прорезано отверстие с вделанной в него деревянной трубкой, которая и станет нашей

первой пыткой - хуже голода и жажды, так как мучительно стыдно будет пользоваться такого рода "нужником" на глазах у всех.

Пытка стыдом - первая пытка. А сколько их еще впереди!

Человек умеет быть изобретательным, когда надо издеваться над себе подобными!

Еще сутки простояли мы на запасном пути на нашей станции Флорешты...

Утром - комиссия, составившая список и сверившая наличный состав со списочным. Затем - другая комиссия, отобравшая по списку почти всех мужчин.

Чем они руководствовались? По каким признакам разбивали семьи, разлучали матерей с сыновьями, жен - с мужьями, я и по сей день не пойму... Часть мужчин - и притом вполне трудоспособных - были оставлены со своими семьями; с другой стороны, забирали и довольно ветхих стариков, и - что уже совсем непонятно - забрали из нашего вагона женщину... оставив в вагоне трех ее детей: двух девочек, из которых старшей, Марусе, еще не было 15 лет, и младшего мальчика Леню, с тяжелой формой эпилепсии... Бедные дети! Даже птенца, выпавшего из гнезда, жалко. Но эти люди не имели сердца.

Ссылка... Это слово пробуждало много воспоминаний о прочитанном: Радищев, декабристы, Шамиль... Наконец, ссыльно-каторжные. Какое-либо преступление, мятеж... И вот виновных - обычно после тюрьмы - отправляют куда-то в чужие края...

В голове путались обрывки песен: "отцовский дом покинул я - травой он зарастает..." Нет, это не подходит! Ведь там говорится: "...малютки спросят про отца... Расплачется жена..." Дети... Жена... Они не совершали преступления. Они остались дома. А здесь? "Не за пьянство и буянство и не за ночной разбой стороны родной лишился я - за крестьянский мир честной". Нет, и это не подходит. Зачем было брать тех двух девочек в бальных платьях с патефоном? Или малыша, гостившего у бабушки? Что же это за ссылка?

Вот это, наверное, подходит - картина Ярошенко "Всюду жизнь", зарешеченное окно "столыпинского" вагона; маленький белоголовый мальчишка бросает крошки голубям; рядом с ним - старик, грустно смотрящий на голубей, на внука... на небо. Это крестьяне, которых, как рассаду, вырвали отсюда, чтобы пересадить туда. Из земли - в землю. Со всем их крестьянским скарбом - с коровенкой, пугалом, конягой.

Я убеждаю себя, что это похоже, но... в мыслях встают вереницы самых разнообразных людей: Зейлик Мальчик - владелец кондитерского ларечка, захвативший впопыхах детский ночной горшочек, та старуха из Водян, успевшая взять лишь цветок герани и зажженную лампу, старик

еврей, истекающий кровью от геморроя, беременная женщина с дюжиной полураздетых детей и... без единой рубахи для смены и много других самых разнообразных людей - мелких служащих, лавочников, гулящих девок, учителей, которых роднило лишь одно: все они не понимали, что с ними происходит, и плакали с перепугу и от отчаяния...

Это было необъяснимо, непонятно и, как все непонятное, пугало...

Светает. Утро 14 июня.

Что-то происходит. Стучат отодвигаемые и вновь задвигаемые двери. Голоса. Плач. Причитание, вопли... Наша дверь - дверь последнего вагона эшелона - открывается. Начинается перекличка по списку Всех назвали, все откликнулись, но... конвоиры не уходят и начинают новую перекличку, на сей раз не по алфавиту, а вразброс.

Когда из задней половины вагона на переднюю перешли человек 10-12 (из них одна женщина), им велели выйти из вагона и за ними захлопнули дверь.

И у нас заголосили женщины, заплакали дети. Теперь плакал весь поезд. Когда конвоиры вновь обошли состав, разрешив оставшимся дать кое-какие вещи для тех, кого увели, плач еще усилился.

И в третий раз прошли конвоиры по эшелону, о чем-то спрашивая. Что там еще? Оказывается, вызывают знающего и русский, и молдавский языки. Никто не отзывается: страх заставляет всего бояться, и люди ведут себя "как мышь под метлой". Мне бояться нечего: разлучить меня не с кем. Я отзываюсь...

Меня выводят, и один военный объясняет мне:

- Пойдите по вагонам и объявите: везем вас в такие места, где ничего еще не приготовлено; вас повезем не спеша, а вот ваших мужей отправили ускоренными темпами, так что они успеют к вашему прибытию все приготовить, построить и там сами вас встретят.

Легко поверить, когда хочется верить, и легче всего обмануть тех, кто хочет быть обманутыми. Так я сама поверила и других обманула. Кто бы смог догадаться, что эта ложь была... О! не для того, чтобы женщины не плакали - сколько раз я слышала поговорку (и убедилась в ее справедливости), что Москва слезам не верит. А просто – так легче: кто же будет пытаться сбежать в пути, если таким образом потеряет поехавшего вперед и ожидающего тебя там?..

Однако, вернувшись в свой вагон, я призадумалась. Да, право, так ли это? Ведь отделили и забрали не всех мужчин? И далеко не самых трудоспособных. Почему забрали полуживого старика, бывшего лавочника, а его сына, мужчину лет 30-ти, оставили? Почему забрали Леню Слоновского, лысого и с язвой желудка, а его брата Миньку, студента,

здорового, как говорится, кровь с молоком, оставили? Почему забрали старого священника и инвалида-трактирщика на протезе, а двух здоровых, как быки, коммерсантов - Мейера и Даниила Барзаков - оставили? Пожилого учителя Мунтяна с больным сердцем забрали, а его пасынка Лотаря Гершельмана, студента-строителя, оставили? И более всего меня смущало, отчего забрали женщину, оставив трех беспомощных детей, которых теперь везут неизвестно куда?..

Нет, что-то здесь не так!

Но я все еще была далека от мысли, что мне долгие годы придется натыкаться на это "не так" во всех, самых неожиданных аспектах...

Маневр начальника нашего эшелона вполне удался: разделение семей привело к тому, что ссыльные глядели вперед с надеждой... После того, как миновали Челябинск, пошли бескрайние степи. На фоне голой степи один, два, а то и три барака без окон, проволокой обнесенная площадка и странные вышки! И... вереницы людей. Они то стояли, то шли, но как-то странно... Что за люди? И - вышки? Ну, вышки, должно быть, разведывательные, буровые: верно, тут ищут нефть... Увы. Прошло время, и я поняла, что это за вышки...

После уймы мытарств нас пригнали в Молчаново на Оби (оттуда нас должны были рассортировать - более слабых - в колхозы, а более сильных - дальше на север, на лесоповал). Женщины, видя, что их мужей, которые якобы поехали вперед, чтобы приготовить им жилье, нет, поняли, что их обманули, и взвыли... Дети испуганно жались к матерям; старухи, растрепав свои волосы, раскачивались, сжимая виски руками.

О, люди! Те из вас, которые знают, что такое стыд - жгучий, горький, мучительный, вы поймете, как это невыносимо! В России ко многому относятся по-иному: в школах дети посещают всей толпой уборную; в бане женщины всех возрастов ходят голышом; наконец, очень много тех, что побывали в тюрьмах, где стыд совсем утрачивается; даже медосмотры проводятся без всякого учета стыдливости. Но у нас в Бессарабии увидеть себя, обнаженную, в зеркале, считалось бесстыдством; мать никогда не показывается дочери голышом или отец - сыну... А тут приходится оправляться в присутствии знакомых мужчин... Пусть от стыда не умирают, но я не нахожу слов, чтобы передать, как это мучительно!

Может быть, глупо, что, вспоминая этот "крестный путь" в изгнание, я в первую очередь упоминаю о... нужнике (вернее, - его отсутствии), но... это было самое мучительное.

А голод, жажда, духота, усталость?..

"Нас везли". Везли, как нечто краденое, что нужно скрыть... Наш состав останавливали где-то за станциями. Вагоны все время закрыты. В оконца на остановках выглядывать не разрешали. Подавали в вагон то ведро похлебки,

то ведро воды, то хлеб. На вопросы не отвечали и никаких жалоб, как, например, просьбы о медицинской помощи, не выслушивали...

Итак, нас везли. И никто в нашем вагоне не имел представления, через какие места нас везут. Но постепенно я начала ориентироваться... Так вот он, Днепр, который чуден "при тихой погоде". Впечатления он не произвел, как впоследствии и Волга.

Должно быть, для того чтобы оценить красоту, надо ее наблюдать не из узкого оконца телячьего вагона, когда за спиной - деревянная труба, заменяющая нужник, препятствует вдохновиться даже на самом деле красивым видом.

А сам город Кременчуг, по крайней мере та часть, через которую мы проезжали, произвел очень отрицательное впечатление: мы привыкли, что дома, даже самые бедные, чисто выбелены, окна застеклены, промыты, окрашены, а то, что мы видели, было грязно, обшарпано... вместо стекол - то кусок фанеры, то картон или просто тряпки.

Дальше - хуже.

Украина, прекрасная Украина с вишневыми садочками, белыми мазанками, где ты?! Встречались деревни с заколоченными домами; были и какие-то полуземлянки, крытые гнилой соломой. Садиков с вишнями, подсолнухами и мальвами что-то очень мало.

А поля! Большие, безбрежные. Только никак не разберешь, чем засеяны. Пшеницей? Сурепкой? Осотом? А "огрехи" не повторятся? Нет! Богатая Украина выглядела далеко не нарядно...

...На перегоне от Уфы к Челябинску произошла какая-то перемена в отношении к нам конвоиров: появилась сугубая враждебность, сменившая прежнее насмешливое отношение.

- Они стали злые, как осы, - сказал кто-то из нас.

...Чем дальше мы продвигались на восток, тем чаще останавливался наш эшелон... И долгие часы стояли. И ждали. Чего? Кого? Все реже, все хуже нас кормили. Иногда казалось, что о нас попросту забыли и сами не знают, зачем и куда везут. Зато все чаще мимо нас проносились воинские эшелоны - теплушки с солдатами, платформы с военной техникой, укрытые брезентом, с часовыми.

И все это с песнями, под звуки гармонии мчалось навстречу нам.

На запад, на запад!..

Вторая декада июня 1941 года подходила к концу...

Нет смысла описывать подробно день за днем все наши мытарства. Достаточно несколькими штрихами набросать наиболее запомнившиеся "этапы крестного пути".

Как все надеялись, что нас повезут назад! Да что - надеялись! Верили!!!

Но вот мы опять едем... Наконец, я ориентируюсь: мы проезжаем Ленинск и направляемся в сторону Сталинска... Минули Сталинск, едем дальше на юг. Опять одноколейка. Кончилась степь. Пошли холмы, затем - крутые сопки. С трудом пыхтит паровоз, таща в гору длинный эшелон. Приехали! Мы в Кузедееве. Рыжеватые сопки. Темный, хвойный лес. Ель, сосна, пихта, береза и даже дуб. Красивая, многоводная, вся в водоворотах река Кондома...

Скажу откровенно: мне здесь понравилось...

В полном смысле слова "медвежий угол". Больше того, заповедник ХУШ, а то и ХУП века.

Но тут колхозы, Советская власть... В чем это проявляется? В наличии тяжелого, громоздкого управленческого аппарата, пришибленности и полной инертности крестьянства, организованного голода... Нас разделили на группы и развезли по соседним колхозам.

Первое, что бросается в глаза, - это отсутствие людей "рабочего" возраста. Видны лишь древние деды в лаптях, гречушниках и посконных рубахах. Есть и детишки, все покрытые болячками. Ни скотины, ни птицы, ни даже собак. Зато... клопы, клопы, клопы! Все кишит ими. Стены просто шевелятся...

Нас в спешном порядке вновь собрали в Кузедееве, посадили в вагоны и... Все были уверены, что мы едем домой...

И вот мы снова в Новосибирске. Опять нас катают с пути на путь... Приехали! Вылезайте!

Что это? Пахнет сыростью, вода... Речной вокзал. У причала - баржи.

Вот это домой!

Значит... нас повезут... на север?!!

Не всех: одному пожилому еврею... сделалось дурно. Из горла хлынула кровь, и через несколько минут он был готов.

Труп оставили на берегу, прикрыв лицо картузом, а плачущую семью - двух старух и полдюжины ребятишек - погрузили в баржу.

Едем. Все дальше и дальше на север.

На каждой остановке часть ссыльных выкликают по списку...

Опять слезы. Не первые. И не последние.

Если собрать все слезы, пролитые в Сибири... То, пожалуй, будет понятно, отчего там столько болот и трясин... бездонных, как страдания неповинных людей...

И вот мы в Суйге.

Дикий вид имел наш табор на берегу.

Пестрая, разношерстная команда. Большинство - неработоспособные... Лишь на второй день к вечеру мы добрались до своей лесозаготовки - барака на берегу Анги...

...Постепенно я убеждалась, что в стране, в которой мне суждено было проживать и которая претендует на звание "бесклассового государства", существуют не только резко разграниченные классы, но и что между этими классами, вернее кастами, глухая стена враждебности и недоверия.

Где-то, наверху - господствующий класс, "класс угнетателей". К ним я еще не успела присмотреться и соприкоснулась с ними лишь дважды: когда они руководили изгнанием нас с мамой из родного дома, и когда они руководили "великим переселением народов" в телячьих вагонах из Бессарабии (и как в дальнейшем я узнала, из Литвы, Латвии и Эстонии).

Ссыльные тридцатых годов. Это очень пестрый контингент - несчастный, запуганный. Большая часть - с Украины или из Алтайского края. Глубокие старики и молодежь. Люди 40 лет редки. Много женщин с детьми. Как мне после объяснили, мужчин похватали в 37-ом году.

Там-то, в Нарымском крае, я и услышала впервые о 37-м годе, когда по рекам шныряли катера - "черные вороны", и люди по ночам вздрагивали, заслышав рокот мотора.

Должна признаться, что когда в Бессарабии мы читали об этом в газетах, то до нас не доходило, равно как не доходило, что во время коллективизации людей высылали целыми семьями в Сибирь... Равно как не верили, что в 33-м году на Украине был голод.

- Слыханное ли дело - на Украине голод? Да Украина всю Россию прокормит и еще для экспорта останется! Все это капиталисты от зависти клевещут...

Но был еще один "класс", положение которого было для меня не совсем понятным.

Как-то к нам пригнали молодежь 17-18 лет.

Сразу бросалась в глаза некая порода - черты лица, фигура, посадка головы, тонкие руки с длинными пальцами. Обуты они были в веревочные лапти или чуни и в колхозную дерюгу, тем неожиданней было слышать,

когда они пели... романсы Чайковского, Глинки или оперные арии... Разговорная речь была уже сильна засорена сибирским диалектом и матюгами, но в ней проскальзывали книжные обороты речи и неожиданные для тайги слова. И ко всему этому они были... неграмотны, или, в лучшем случае, безграмотны...

Что привело их в Сибирь и что довело их до такого состояния - осталось неясным. Говорили, что это дети, потерявшие родителей и "усыновленные" колхозом.

"Потерявшие"! Умерли от голода в 33-м? Тогда, однако, прежде всего умирали дети. Погибли в 37-м? Или, быть может, где-то живы, но в тюрьме, а детей просто отобрали? Как у наших женщин отобрали мужей, сыновей?..

Не знаю, как это объясняют врачи; не знаю, что об этом думают философы. Знаю только то, что пережила я и что наблюдала на других.

Хуже всех переносят голод люди, привыкшие к калорийной - богатой белками и жирами пище. Они остро страдают, буквально звереют от голода - и затем очень скоро падают духом и обычно погибают.

Яркий тому пример - представители балтийских народностей, особенно эстонцы. Они быстро переступают грань обратимости, и, если голодовка затянется, то только чудо может их спасти.

Куда делись те бравые, рослые ребята, так четко маршировавшие по Норильску? "Алиментарная дистрофия Ш", "Хроническая дизентерия" (проще - атрофия слизистой желудка и кишок), все формы туберкулёза!.. И крупные скелеты, обтянутые шелушащейся кожей, перекочевали под Шмитиху - в братские могилы на кладбище у подножия горы Шмидта...

Знамя. 1990, № 3, 4.

* * *

С января 1935 по июнь 1941 г. в стране репрессировано 19 840 000 человек, из них казнено - 7 миллионов.

На 22 мая 1939 г. в стране насчитывалось 63 исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ), 425 исправительно-трудовых колоний (ИТК), свыше 50 колоний для несовершеннолетних.

В День поминовения вдоль железных дорог Литвы горят свечи. Много свечей. В память о 300 тысячах литовцев, вывезенных в сорок первом - пятьдесят втором в Сибирь, Казахстан, на Урал... Литовские свечи горели и в Томской области. 118 человек под эгидой Союза ссыльных Литвы прилетели в Томск специальным авиарейсом. И большинству из них удалось с помощью томичей за полторы недели отыскать и вернуть на родную землю останки родных и близких, оказавшихся в Сибири поневоле.

300 тысяч депортированных за двенадцать лет литовцев - и около 30 тысяч расстрелянных в кровавом тридцать седьмом в одном только Томске, не насчитывавшем тогда и 150 тысяч жителей. Половина Томского населения накануне и после войны состояла из спецпереселенцев разных национальностей, в большинстве своем - "раскулаченных" российских крестьян, которых и в этом бедственном положении могли приговорить к расстрелу. Двести - триста смертников ежедневно - такова, по данным томского "Мемориала", была норма 1937-го года в Нарымском округе...

Виктор НИЛОВ. Огонек. 1990. № 38.

НЕМЦЫ

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья

По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселенными немцами Поволжья.

О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья никто из немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям не сообщал, следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов советского народа и Советской власти.

В случае, если произойдут диверсионные акты, затеянные по указке из Германии, немецкими диверсантами и шпионами в республике немцев Поволжья и прилегающих районах и случится кровопролитие, Советское правительство по законам военного времени вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья.

Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы, с тем, чтобы переселяемые были наделены землей и чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах.

Для расселения выделены изобилующие пахотной землей районы Новосибирской, Омской областей, Алтайского края, Казахстана и другие соседние местности.

В связи с этим Государственному комитету обороны предписано срочно произвести переселение всех немцев Поволжья и наделить переселяемых немцев Поволжья землей и угодьями в новых районах.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М.КАЛИНИН

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А.ГОРКИН

Москва, Кремль. 28 августа 1941 года

Указы, постановления и другие государственные документы, не имеющие ссылки на источник, представлены в сборник соответствующими национальными Обществами и публикуются под ответственность редактора-составителя.

* * *

Первыми с территории Северного Кавказа принудительно переселялись советские немцы. С сентября 1941 по январь 1942 г. были переселены:

из Чечено-Ингушской АССР - 819

Краснодарского края - 37 723

Кабардино-Балкарской АССР - 5803

Северо-Осетинской АССР - 2415

Дагестанской АССР - 7306

Калмыцкой АССР - 5843

Орджоникидзевского (Ставропольского) края - около 70 000

Ростовской области - 38 288 человек.

Вопросы истории. 1990. N 7.

* * *

...Уже несколько дней тому назад говорили о поголовном переселении всей республики немцев Поволжья от мала до велика (до 1 млн. человек) в

Среднюю Азию или за Алтай. И вдруг это коснулось московских немцев, вплоть до Риты Вильям, например. Именно в эту страшную дождливую ночь узнали об этом в Переделкине Кайзеры и Эльснеры (живущие у Павленки), чистые, честные, работящие люди. Они завтра должны выселяться в Казахстан, за Ташкент. Всю ночь это меня давило. Сколько горя и зла кругом, какими горами копится человеческое разоренье, сколько счетов, друг друга перекрывающих, прячет за пазуху человеческое злопамятство, сколько десятилетий должно будет уйти в будущем на их обоюдостороннее погашенье.

Из письма Б.Л.ПАСТЕРНАК З.Н.ПАСТЕРНАК

от 12 сент. 1941 г.

Огонек. 1990. N1

** * **

...С 3 по 20 сентября 1941 года только из республики немцев Поволжья в Сибирь и Казахстан было выселено 376,7 тысячи человек, то есть практически все немецкое население. Всего же на 25 декабря 1941 года из 15 союзных и автономных республик, 26 краев и областей было переселено 894,6 тысячи немцев. В это число не вошли еще многие тысячи советских немцев, отзывавшихся из армии в самый разгар боев и эшелонами перевозимых за Урал...

* * *

Вот проект записки Берии, обнаруженный в материалах ГУЛАГа НКВД СССР.

"Совершенно секретно.

№ 2714/Б

В Государственный Комитет обороны

тов.Сталину И.В.

В Воронежской области проживает 5125 человек немецкого населения, в том числе членов и кандидатов ВКП(б) - 45 человек, членов ВЛКСМ - 143 человека.

На учете как антисоветский и сомнительный элемент состоят 112 человек.

В целях предотвращения антисоветской работы со стороны проживающих в Воронежской области немцев НКВД СССР считает целесообразным состоящий на учете как антисоветский и сомнительный элемент арестовать, а оставшуюся часть немецкого населения в числе 5013 человек переселить в Новосибирскую область.

Партийно-советские организации Новосибирской области ходатайствуют о вселении в область немцев.

Представляю при этом проект постановления Государственного Комитета обороны и прошу Вашего разрешения.

Народный комиссар внутренних дел СССР Л. БЕРИЯ

8 октября 1941 г."

* * *

...В январе 1942 года Государственный Комитет обороны обязал НКВД СССР создать из переселенных "рабочие колонны и отряды" (раз уж не получилось создать из них "пятую колонну"), "установить в них дисциплину", "обеспечить высокую производительность труда" и "высокие производственные нормы". Что в переводе с канцелярского языка означало жизнь за колючей проволокой и вышками с охраной, режим и нормы ГУЛАГа. "Трудармия" пополнилась новым, как значилось в официальных бумагах, "контингентом". Места на лесоповале, у станков и в шахтах занимали переселенцы...

* * *

На 1 октября 1949 года на так называемом спецпоселении находились 2.134.188 человек, из них немцев - 1.099.758

* * *

О ходе переселения в НКВД СССР ежедневно поступала информация.

Из Сводки N 9 от 12 сентября 1941 года по Алтайскому и Красноярскому краям:

" 11 сентября на ст. Барнаул прибыл эшелон N 875 в количестве 2358 человек. В пути следования было 2 случая смерти: умерла больная

туберкулезом девочка 16 лет... и ребенок 22 дней... Эшелон на станции Барнаул перегружен на 3 баржи и отправлен водным путем".

"В пути следования эшелонов с немцами-переселенцами в... области Казахской ССР и Новосибирскую обл. (около 110 тыс. человек): отстало от эшелонов 557 человек, бежало - 8, умерло - 437, родилось -143, были сняты с поезда по болезни - 77".

...Из Сводки N 5 от 5 октября 1941 года по Алтайскому краю:

"Готовых жилых домов имелось 10202 на 34586 человек. Домов, подлежащих ремонту, имеется 3982 на 9365 человек. Выявлено общественных зданий, пригодных для жилья, 189 на 2798 человек. В порядке изъятия освобождено 12747 квартир на 53408 человек. Всего можно разместить по краю около 100 тыс. человек".

Новое время. 1990. N 17.

Александр ДИТЦ

ЖИВАЯ БОЛЬ

Очерк-воспоминание

Мобилизовывали советских немцев в трудармию через военкоматы с 16 до 60 лет (были случаи, когда забирали 14-летних и старше 60) в шесть-восемь приемов. Первыми призвали немцев с Украины: поначалу они работали на строительстве оборонительных рубежей, потом попали в трудармию. Второй, третий и четвертый наборы пришлись на ноябрь-декабрь 1941 года и на январь-апрель 1942 года. Тут главным образом мобилизовали немцев Поволжья, выселенных в Сибирь, Казахстан, и местных немцев. Мужчин забрали практически всех. А осенью 1942 года и в начале 1943 года принялись за женщин, невзирая на наличие малолетних детей.

География трудармейских лагерей довольно широкая - от Коми АССР до бухты Ванино на Дальнем Востоке, даже на территории Монголии были трудармейские формирования. Я насчитал свыше 200 лагерей и лагпунктов, но их гораздо больше. Назову лишь самые крупные: Соликамск, Котлас, Воркута, Якутия, Архангельская область, Ивдель, Челябинск, Нижний Тагил, Караганда, Уфа, Тула, Копейск, Кемерово, Краснотурьинск, Орск, Киров, Иркутск, Куйбышев, Новосибирск, Амурская, Читинская, Ульяновская, Горьковская области, Красноярский, Алтайский, Хабаровский края.

В этих и других местах советские немцы валили лес, строили заводы и шахты, буровые вышки и железные дороги, мосты, добывали руду, уголь, нефть и химическое сырье...

Многие советские немцы попали не просто в трудармию, а без суда и следствия оказались в лагерях НКВД со всеми лагерными атрибутами: у них брали отпечатки пальцев, записывали особые приметы на теле, в зоне - четырехметровая ограда с колючей проволокой поверху, военизированная охрана, собаки, карцер, бараки с многоярусными нарами, питание и вещевое довольствие по нормам заключенных и 12-14-часовой рабочий день, за который нужно было сделать две нормы...

Бериевские чиновники, подбирая руководство лагерей, подходили к этому делу очень "тонко", - они довольно часто во главе лагерей и лагпунктов ставили евреев. А поскольку в те годы "фашист" отождествлялся с "немцем", да еще К.Симонов и И.Эренбург бросили на весь мир клич "Убей немца!", то даже и у доброго человека невольно возникала неприязнь к советским немцам. У чекистов-евреев жалости к трудармейцам-немцам не наблюдалось.

Люди в трудармейских лагерях слабели на глазах, умирали от цинги, дистрофии, дизентерии... В Ивдельлаге, Архангельсклаге и Молотовсклаге было от 10 до 15 тысяч трудмобилизованных немцев, по неточным данным, может и больше, но осталось в живых по 2-3 тысячи человек. "В феврале 1942 года привезли нас, тысячу триста мужиков в лагерь Бубель Молотовской области, - вспоминает А.К.Геннеберг из Барнаула. - До весны дотянули только около трехсот человек". "В 1942 году в лагерь Тимшер доставили тысячу немцев", к концу года уцелело нас менее двухсот человек", - вспоминает Г.Г.Эльберг (с.Хабазино Алтайского края). Зарегистрирован случай, когда в трудармии из отряда в 2 тысячи немцев в живых остался один (Артур Герман. Neues Leben. 1990. N 11).

Трудармия для советских немцев во многих местах оказалась чистым концлагерем - только без крематория. Зато умерших сбрасывали в общие ямы, как в скотомогильник. Порой мертвых вообще не хоронили - складывали в штабеля, потом бульдозером сдвигали в овраги, а весной трупы уносились половодьем. Тому есть живые очевидцы. В лагере Чепец - на лесоповале - остались навеки мой отец, старший брат Готлиб, два двоюродных брата. Недавно мой односельчанин Иван Мерц привез мне поименный список погибших в Чепце - 60 фамилий из одного нашего села.

Вся немецкая интеллигенция попала под Сталинский приказ N 35105 от 8 сентября 1941 года, в котором говорилось: "Изъять из частей, академий, военно-учебных заведений и учреждений Красной Армии как на фронте, так и в тылу военнослужащих рядового и начальствующего состава немецкой национальности и послать их во внутренние округа в строительные части". И попали все военнослужащие и с ними прочие немцы интеллигентных профессий в те же трудлагеря.

Это - взрослые немцы. А сколько было покалечено и погибло детей! Моя мама тоже была мобилизована в трудармию. Мы втроем - брату Ивану было 13 лет, мне 5 и сестренке 3 года - жили одни в завалюшке. И выжили только благодаря тому, что в соседях оказался добрый русский дед Еремей Турбин. Он в первую мировую войну был солдатом и хорошо знал немцев. Нам повезло - далеко не всем попадались такие добрые деды, просящих милостыню немецких детей не привечали.

Надо ли об этом вспоминать, говорить и писать сегодня?

Надо!

Боль в народе не уляжется до тех пор, пока о нем не скажут правду во весь голос. Всю правду!

Барнаул, 1990

Герхард ВОЛЬТЕР

ТРИ КРУГА ДАНТОВА АДА

Очерк

НЕМЕЦ - ЗНАЧИТ ВИНОВАТ

Огромный, не менее полукилометра длиною состав из товарных вагонов, до отказа набитый людьми, тащился на восток. Вернее, на северо-восток, если брать направление от Ростова на Лиски. Днем станции безбожно бомбили, поэтому ехали только ночью. Двигались осторожно, будто ощупью, с потушенными огнями.

За месяц, пока нас окольными путями везли в Акмолинскую область, в вагоне сложилось содружество людей, объединенных общей судьбою и заботами. Нам всем на сборы дали два часа, и взять с собой разрешили лишь то, что можно унести в руках. Ехали без мужчин, которых забрали на месяц раньше и увезли неизвестно куда. Начальник эшелона и несколько военных с винтовками никому не досаждали и в один голос отрицали, что конвоируют нас. Да и мы так не считали: не преступников же везут!

Невдомек было тогда, каких огромных размеров нас постигла общенемецкая беда. Почти один миллион советских немцев, тысяча тысяч человек, от грудных младенцев до глубоких стариков, здоровых и больных, в том числе находящихся в больницах и даже в родильных домах, рядовых и руководителей, - от сельского до самого высокого ранга в Немецкой

республике и в других столицах, генералов и академиков, бойцов Красной Армии и командиров, крестьян, рабочих, служащих, интеллигенцию - всех густым гигантским гребнем, будто тифозную вошь, тщательно вычесали из общества и оправили в Сибирь, на Алтай и в Казахстан.

Не приняли мы всерьез изданный тогда, 28 августа 1941 года Указ Верховного Совета о тотальном переселении немцев Поволжья. Посчитали, что Украины он не касается: всех врагов народа в немецких селах у нас еще в 1937 году забрали. Потому и удивились: почему и нас выселяют? Да еще всех поголовно?

Только года три назад смог я увидеть большинство изданных по немцам указов - одинаково неуклюже, искусственно состряпанных. Первенство в этом отношении по праву принадлежит, конечно, тому, самому первому государственному акту от 28 августа 1941 года.

В результате 420 тысяч советских немцев из Поволжья и около 500 тысяч из других районов страны были репрессированы по недоказательному обвинению. Исходя из единственного принципа: немец - значит виноват!

"Мудрый" указ этот не был бескорыстен для его создателей. Хотя в нем не упоминается о конфискации имущества переселяемых немцев, но фактически это было неслыханное "узаконенное" ограбление народа в пользу государства. Одним росчерком пера почти миллион немцев (а точнее 855.674 чел.) лишился всего, что несколькими поколениями было нажито: жилья, домашней живности, убранства и утвари, собраний книг, музыкальных инструментов, многолетних запасов продовольствия. Словом, всего, что всегда в достатке водилось в добротном немецком доме. Конфисковано было и все колхозное имущество, добытое общим потом и кровью. С собой разрешалось взять только одежду, постели, часть посуды и продукты на дорогу. За этим строго следили специально приставленные к каждому селу военные.

Теперь, почти пятьдесят лет спустя приходится диву даваться, какими же слепыми исполнителями должны были быть подчиненные, чтобы в тех экстремальных условиях начавшейся войны безгласно выполнять повеление Вождя, оскорбленного вероломством Гитлера. В то крайне тяжелое для страны время, когда истекала кровью отступающая армия, в ожидании эвакуации умирали раненые, не хватало вагонов для подвоза свежих сил, боеприпасов и продовольствия, не на чем было отправлять на восток демонтированное оборудование и специалистов с заводов и фабрик, эвакуировать миллионы беженцев, 20 тысяч (двадцать тысяч!) вагонов на три-четыре недели были использованы для того, чтобы вывезти на восток ставших ненавистными советских немцев. Право же, напрашивается вопрос: какие же немцы были для Сталина опаснее в тот момент: те, что вооруженные до зубов, шли на нашу страну, или эти - ставшие "козлами отпущения"?

Их вне всякой очереди сажали в вагоны, чтобы отправить "в новые районы", по пять-десять семей распределить в глубинных колхозах, по щепотке рассеять на огромной территории Азии и Сибири, начиная с Красноярского края на востоке, Семипалатинской и Акмолинской областей на юге, Омской области на западе. Чтобы затерялись они, как былинки, в инонациональной среде.

Советские немцы должны исчезнуть с лица земли! Так решил наш Великий Вождь и распорядился.

О том, как осуществлялись его великие предначертания я могу рассказать, опираясь не только на свои, но и на воспоминания своих сверстников, которые помогли мне составить правдивую панораму народных бедствий.

- По-разному встретили немцев в тех самых "новых" местах, - вспоминала Фрида Вольтер. - К прибытию нашего эшелона на станцию Алейская съехались из разных колхозов председатели с санным обозом. Будто на невольничьем рынке выкрикивали: "Кузнецы есть? Кто кузнецы - подходи! Плотники, плотники нужны! Трактористы, механизаторы - давай сюда! Бухгалтер или счетовод нужен! А агронома или зоотехника нет?"

Одинокие женщины, да еще и с детьми, старики и интеллигенты шли "третьим сортом". Им суждено было попасть в самые отдаленные и бедные колхозы, где многие пропали с голоду. Погрузили они на сани свои нищенские пожитки, и сами вслед за ними пешком побрели в бескрайнюю заснеженную степь. В такой колхоз попала с матерью и Фрида.

- Нас с Украины везли больше месяца, - продолжала она свой рассказ. - Как раз под ноябрьские праздники на место прибыли. А там уже снег выпал глубокий. Мы все легко одеты были, многие в одних только туфельках, или галошах, пальто осеннее. Что за два часа сообразишь? Из одежды схватили, что под руки попало: нам сказали, на две недели эвакуируют. "Не берите с собой много вещей и продуктов, там вам все дадут!" - настаивали пришедшие за нами военные. Так что пришлось в туфельках по снегу идти. А холод и ветер - зима, Сибирь. Многие сразу же обморозились. Жуть, что было! Рассказать - никто не поверит! Спасибо, местные пожалели, баньку истопили, согрели, накормили с дороги. Не было еще тогда, в начале войны такого зверского отношения к немцам. Это потом, когда похоронки косяком пошли, они на нас злобу и обиду вымещали.

С просьбой поделиться воспоминаниями об августе 1941 года я обратился к старым своим собеседникам Виктору Вернеровичу Штирцу и Ивану Александровичу Герберу. Они были тогда подростками, могли многое не понимать из происходящего, но остро, по-юношески должны были чувствовать.

- Знаете, - начал более впечатлительный и нетерпеливый Иван Александрович, - все это напоминало библейский апокалипсис: по всей

деревне плач стоял, суета неимоверная - тысяча дел незаконченных у всех оказалось. Еще больше - связанных с приготовлением к отъезду. Из дворов доносился визг забиваемых свиней, несло запахом смоленой щетины, перемешанным с ароматом жареного мяса, которое заливали жиром, чтобы взять с собою в дорогу. Хозяйки в поте лица перемешивали тесто, чтобы успеть испечь хлебы: вряд ли удастся по дороге что-то купить. Такая кутерьма вызвала бы у детей неслыханное веселье, но теперь они притихли, понимая, что все это неспроста, впрямь нагрянула какая-то неотвратимая, большая беда.

- В моей памяти эти дни связаны, прежде всего, с переживаниями матери, - включается в беседу Виктор Вернерович. - Ее волновало не только то, что все немалое хозяйство останется - заходи, живи на всем готовом! Мучили вопросы, кто за всем присмотрит, кто накормит, напоит, подоит корову любимую, кто приютит собаку дворовую, к чьей ноге приласкается кошка, привыкшая к домашнему теплу и уюту. Она плакала и тихонько причитала: придется ли когда-нибудь родной Карлсхутор увидеть, пройтись по его знакомым улицам, увидеть это небо голубое, сады зеленые? Сердцем чуяла: нет, не придется! И, конечно, не ошиблась. Из домов уходили под жалобный вой собак, блеяние непоенных коз, мычание коров, которых уже в тот день некому было выгнать на пастбище. Животные будто чувствовали: в селе происходит нечто необычное, тревожное.

- Особенно тяжело было от родного дома трогаться, с деревней прощаться, - продолжал свой рассказ Иван Александрович. - Женщины заголосили, как только телеги с места тронулись. Глядя на них, заревели дети. Не стесняясь плакали мужчины: вместе с домом, с селом, половину жизни своей оставляли. Возница, занаряженный районным руководством из соседнего русского колхоза, сидел на своем месте, низко опустив голову. Бесконечный обоз из сотен подвод двигался в сторону Энгельса. В русских деревнях люди выходили на улицу, вопросительно смотрели на проезжающие мимо подводы с детьми, стариками, сидящими на мизерном скарбе, горестно кивали головами, совали нам в руки яблоки, помидоры, стараясь хоть этим выразить свое сочувствие. А навстречу на таких же телегах везли измученных беженцев с детьми, стариками и еще меньшим количеством вещей. Они радовались спасенным жизням и близкому приюту. Им, наспех вывезенным из Ленинграда и других городов, суждено было поселиться в наших домах, пользоваться оставленным хозяйством, теплом еще не остывших очагов. Перед концом войны многие уехали. Вместо них привезли завербованных на постоянное жительство, и все окончательно пошло прахом.

- А вывозили по железной дороге? - вставил я вопрос.

- Да, грузились мы в Энгельсе. Туда добрались только под утро. Извозчики стали кормить лошадей, домой не уезжали. То ли дожидались, пока нас погрузят в эшелоны, то ли им велено было везти эвакуированных в оставленные нами села. Через полмесяца, протащив через всю Среднюю Азию, нас привезли в Рубцовск. Там как на невольничьем рынке шла

"покупка" специалистов, разбирали по пять-шесть семей в одну деревню, - закончил свой невеселый рассказ Иван Александрович.

- А какую дорогу в Сибирь проделали ваши односельчане, Виктор Вернерович? - спросил я.

- Немцев горной части республики и прилегающих районов Саратовской области вывозили по железной дороге, которая упирается в волжский город Камышин. На телегах мы доехали до станции Красный Яр, там в набитых, как бочки с селедкой, товарных вагонах нас привезли в Камышин. В конце августа и сентябре там находились одновременно десятки тысяч свезенных отовсюду советских немцев, которые ждали баржи, чтобы продолжить путь по Волге. Ждали и мы там двое суток. Сидели под открытым небом невдалеке от пристани, благо погода была хорошая. Женщины готовили на кострах еду, баюкали маленьких детей. И ждали... Особенно врезалась мне в память первая наша ночь: море людей, костры освещают кучки прижавшихся друг к другу мужчин, женщин, детей. Рядом широченная, величественная Волга. Не спится взрослым, тревога теснит грудь, тяжелые предчувствия давят на сердце. И звучат песни. Немецкие, народные. Песни грустные, мелодичные, созвучные настроениям и чувствам этих людей. Никогда не забуду, как пел этот тысячный хор популярную тогда грузинскую песню "Сулико"...

- На немецком языке? - спросил я.

- На немецком. Другого языка в общении между собою тогда немцы не знали, - ответил Виктор Вернерович и продолжал. - Знаете, это было что-то потрясающее, оставившее память на всю жизнь. Ничего подобного мне никогда видеть и слышать не приходилось.

- И что же было дальше?

- Двое суток спустя мы опять, как сельди в бочке, но теперь уже на барже, тащились вниз по течению Волги до Астрахани. Там снова, в который уж раз, перетаскивали свой скарб, теперь в танкер для перевозки нефти. В глубоких вонючих трюмах с кое-как отмытыми от масляной массы стенками были устроены трехэтажные нары. Вот туда нас и загнали, чтобы доставить в Красноводск.

- Это, наверное, было что-то совсем ужасное?

- Да, в двух словах не передашь. Никогда не видевшие моря женщины причитали молитвы, католики суеверно осеняли себя крестом. И все безропотно, послушно, как и подобает дисциплинированным, российским немцам, опускались в эту зловонную могилу. За трое суток невыносимой вони, духоты и скученности, пока шли морем до Красноводска, половина людей, особенно женщины и дети заболели. В Красноводске зарыли первые жертвы депортации. И не только из нашего этапа. Весь путь от Камышина, через Астрахань, Красноводск, а затем по среднеазиатской железной

дороге отмечен многочисленными могильными холмиками, которые оставляли после себя этапы немецких переселенцев.

- А в Красноводске?

- Там мы снова перетаскивали наш скарб в телячьи вагоны, и, набитые по 50-60 человек в каждом, тащились на восток. Пока, наконец, не приехали в Семипалатинскую область, в небольшую деревню Песчаное.

- Знаете, - включился в разговор Иван Александрович, вспоминая то трагическое время, - я не перестаю удивляться тому, как стойко переносили наши матери навалившееся на нас горе. Они не растерялись, не потеряли голову. В момент сборов из вещей надо было отобрать самое нужное, без чего не обойтись в будущем хозяйстве. Надо было помнить о том, что завтра и каждый день у нее будут просить есть, нужен будет ночлег, что кто-то может заболеть. Что надо позаботиться о стариках - родителях, поддержать тех, кто пал духом. Даже если это был наш всегда уверенный в себе отец. И все это делали наши женщины - матери, бабушки...

- Вы тысячу раз правы, Иван Александрович! В долгой нашей дороге я видел, как экономно мама делила продукты, которых оставалось с каждым днем все меньше. И самый последний маленький кусочек всегда брала себе. Как вместе с отцом торопилась она на остановках развести костер, чтобы сварить для нас что-нибудь горячее. И нередко бывало так, что эшелон трогался и удавалось спасти только закопченную кастрюлю.

Вот одна из многих беседа, два из десятков подобных рассказов. Я уверен, настанет время, и всенародная эпопея 1941 года предстанет перед людьми в литературных произведениях и научных изысканиях, на музейных стендах, в книгах горьких воспоминаний очевидцев и жертв неслыханного произвола. Написанное здесь - только одна страница этой драматической истории.

В немецкой эпопее был еще один существенный момент, мало известный литературе. Речь идет о судьбе тех наших немцев - фашисты называли их "фольксдойче", - которые попали в оккупацию, были вывезены в Германию, а затем возвращены в Советский Союз. Таких немцев было, оказывается, немало - 208.388 человек, если следовать данным еженедельника "Аргументы и факты" (N 39 за 1988 год).

Следует при этом отметить, что возвратились они на Родину по своей воле, предпочли хваленой Германии свое село, свой колхоз, свою советскую власть и свою Родину - Советский Союз. Сами того не сознавая, они тем самым убедительнейшим образом доказали лояльность советских немцев к социалистической Родине, выразили неприятие фашистских порядков третьего рейха.

Возвращение их показало, чего в действительности стоили утверждения сталинских властей о "тысячах и десятках тысяч шпионов и

диверсантов", якобы скрывавшихся среди советских немцев. По-новому встал вопрос, нужно ли было снимать с фронта дисциплинированных и умелых бойцов немецкой национальности, помещать за колючую проволоку и морить голодом сотни тысяч мужчин, отнимать у детей матерей? Надо ли было уже после войны, после возвращения российских немцев из поверженной Германии накладывать на 1.224.931 человек, в том числе и на репатриантов, проявивших истинный патриотизм, позорное клеймо спецпоселенцев? Где тут логика и здравый смысл? Нельзя обойти молчанием и то, каким безнравственным способом обставлялось возвращение советских немцев на Родину.

Впервые я узнал об этом в конце 50-х годов, когда обнаружилось, что мой дядя по отцу - Константин Александрович с семьей, живший до войны в Запорожской области и пропавшей для нас без вести, вдруг объявился в Таджикистане, на Исфаринских угольных шахтах.

Тогда, в 1941 году их не успели вывезти в Сибирь, и они оказались в оккупации. Гитлеровцы депортировали их в Германию, а после войны уже по воле Сталина семья очутилась в Таджикистане. Все это узналось, когда мы увиделись после двенадцатилетней разлуки!

Боже мой! Как дядя ругал всех и вся, и в первую очередь себя за то, что поддался обману, поверил "этим советским", будто их отвезут домой, на старое место жительства, на Украину, в Верхне-Рогачикский район, село Николаевку, в колхоз "Роте Фане". Как не дрогнуть было сердцу при мысли ступить ногами на землю, где родился и жил, вернуться к небогатой, но размеренной деревенской жизни, к колхозной кузнице, где колдовал он у жаркого горна!

А что сделали? Ни слова не говоря, заперли снаружи вагоны, провезли мимо Украины, через всю Россию, Среднюю Азию, доставили в Таджикистан и посадили на спецучет.

- Нет, теперь пусть мне золотого теленка пообещают, больше ни одному советскому не поверю! Никогда себе не прощу обмана! Как ребенка обвели вокруг пальца! Ладно уж я четырех дочерей и Артура в неволю привез. Хорошо, хоть Бертгольд там остался!

Дяди Константина давно уже нет в живых: подвело его натруженное сердце кузнеца и горечь обмана. Немногое он тогда поведал. Кто знал, что когда-нибудь об этом можно будет не только открыто рассказать, но даже напечатать?

Более подробно о том, как все выглядело в реальной повседневности, рассказал мне Адам Адамович Крекер, слесарь КПП треста Чуйпромстрой (Киргизия). Их семья жила в Запорожской области, когда летом 1941 года пришли немецкие оккупанты.

- Знаете, немцы под властью немцев - это вопрос, которым тоже надо бы кому-нибудь заняться, - сказал он. - Ошибаются те, кто

думает, что бросились наши немцы им в объятия! Ничего подобного! Отнеслись настороженно, недружелюбно, а кое-где и враждебно. Не по душе нашему крестьянину пришлась их наглая категоричность и высокомерие. Удивляла жестокость, в том числе и к нам, "фольксдойче", как они нас называли.

Летом 1943 года, когда по выражению Адама Адамовича, оккупантам "крепко дали в зад", местных немцев насильно (!) собрали и вывезли с родных мест в Германию. Уезжать никто не хотел, но сопротивляться было не только бесполезно, а и смертельно опасно.

О жестокости оккупантов по отношению к нашим немцам я слышал и раньше. Коллега по давнишней работе в школе Василий Адамович Финько, воевавший на юге Украины, рассказывал о немецкой колонии под Одессой, которую гитлеровцы танками сравняли с землей вместе с жителями за то, что они отказались ехать в Германию.

После войны депортированная в Германию семья Крекеров оказалась в советской зоне оккупации.

- Кто хочет на Родину, пишите заявление, - говорили политработники всем советским, попавшим в Германию, в том числе и немцам из СССР. - Всем обещаем спокойную жизнь в своих родных местах!

Написали. С радостью уезжали из чуждой им Германии. Предвкушали скорое возвращение к нормальной жизни в родные села, в покинутые дома. Но как только пересекли границу, отношение к ним сразу изменилось. Там им выдавали тушенку, хлеб, продукты, позволяли свободно выходить на остановках, передвигаться по поезду. Теперь неделями не давали ровно ничего. Любезное обращение сменилось молчанием. Двери вагонов заперли снаружи, повезли неведомо куда и везли долго.

Конец сентября - начало октября были холодными и сырыми, а в вагонах не было печек. Сэкономленные до границы припасы пришли к концу, а того, что иногда выдавали, явно не хватало. Дизентерия, другие болезни начали косить людей. Каждая большая остановка превращалась в похороны. Хоронили умерших, где и как придется. Бабушку наспех закопали на какой-то станции прямо между путями.

Два месяца тащился поезд, пока, наконец, их вагон не отцепили на станции Николо-Коломa в трехстах километрах севернее Костромы. Ее жителей заранее известили, что из Германии к ним везут "настоящих" немцев. Посмотреть на них собралось немало людей. Мальчишки с палками пришли, чтобы "фашистов бить".

Но увиденное их обескуражило.

- Это же обыкновенные люди! Такие же бедные, как и мы, - сделали они вывод и разошлись.

- Наш вагон - шесть семей, - продолжал Адам Адамович, - отвезли за 25 километров в колхоз, в котором было 19 домов, а все колхозное хозяйство состояло из 12 коров и 25 овец. И совершенно пустые закрома. Голодали страшенно! Единственным доступным продуктом была липовая кора, из которой готовилось все наше "меню".

С весны восьмилетний Адам начал пасти скотину в счет сельхозналога. А он был немалый. Каждая семья, в том числе и переселенцы, должна была сдавать ежегодно по 100 яиц, 40 килограммов мяса и 10 килограммов шерсти. Откуда их мог взять переселенец, никого не касалось и не беспокоило.

- Сдавай или посадим! - короткий был разговор.

Только через 14 лет Адам снова увидел поезд: с комендантом Ерофоновым - до сих пор помнит фамилию "благодетеля" - можно было говорить только с помощью "пол-литра".

Другой мой собеседник Отто Эдуардович Барч - известный в стране спортсмен, неоднократный призер олимпийских игр - из того, послевоенного времени мало что помнит: было ему тогда всего пять лет. Но знает, что до 1943 года жили они в Одессе. Потом их насильно отправили в Германию. После Победы возвратили тем же порядком домой, но привезли их не в Одессу, а в Удмуртию и выгрузили в снег в ста километрах от Ижевска под надзор комендатуры.

- В 1957 году впервые выехали из леса, увидели городских людей. До этого мы находились на такой короткой привязи у коменданта, что сразу же, как только было снято ярмо спецучета, мы подались, куда глаза глядят. Попали в Актюбинск, потом в Среднюю Азию, в город Фрунзе.

По-разному складывалась судьба советских немцев в годы войны. Одних в 1941 году отправили в сибирскую ссылку, заперли в лагерях. Другие остались в родных местах, попали в оккупацию, были депортированы в Германию, но как ни кружила тех и других по свету судьба, финал оказался одинаков: все попали под власть спецкомендатуры в "местах не столь отдаленных".

Зимним холодом, однако не без добрых, сострадательных сердец, встретила Сибирь обобранных до нитки, сломленных духом переселенцев. Знали они - только работа может спасти их от голодной смерти и полной нищеты. Знали и другое: не бывать в военное время в тылу мужчинам, заберут их из обездоленных семей. И к этому новому испытанию женщины были морально готовы. Но никто и предположить не мог, что вслед за мужчинами будут мобилизованы также и женщины.

В конце 1942 года наряду с мужскими лагерями на стройках, лесоразработках, в шахтах и рудниках появились поселения трудмобилизованных немецких женщин, которых принудили оставить в новых, незнакомых местах своих малолетних, беззащитных детей и стариков-

родителей. Оставить фактически на произвол судьбы, без еды, одежды, под чужим, временным кровом. Не менее губительными были для них и условия физического существования. Они мало чем отличались от тех, в которых находились мужчины. На женщин тоже смотрели как на "спецконтингент", который "обязан", но "не имеет права". Им говорили:

- Вы знаете, кто такие, откуда и для чего сюда присланы? Вот и работайте!

В землянках, по воспоминаниям Розы Михайловны Киян, было сыро и холодно даже летом. Хозяйничали в них крысы, которые не давали покоя ни днем, ни ночью. То и дело в темноте раздавались испуганные крики женщин, разбуженных пробегающими по ним животными. Когда в их землянке умерла женщина, крысы отгрызли ей нос. Женщина эта была мобилизована вместе с двумя несовершеннолетними дочерьми, которым она отдавала почти всю свою еду, и умерла от истощения.

Начиная с января 1942 года Роза Михайловна работала в тресте Уралсевтяжстрой. Вместе с сотнями других немецких женщин строила она в Березниках магниевый завод и теплоэлектроцентраль. Все строительные профессии перепробовала. И не только она, поскольку кроме женщин, других рабочих на стройке фактически не было. Они были и бетонщиками и арматурщиками, и каменщиками, не говоря уже о штукатурах. Остановилась Роза Михайловна на специальности плотника-опалубщика. Топор, ножовка, молоток были ее постоянными спутниками вплоть до 1948 года, пока не закончилось строительство.

- Кормили их по карточкам в столовой. Утром был суп с крапивой и в обед он же, да на "второе" - неизменная затируха из черной муки.

В горле застревала, есть невозможно было. Вольнонаемным немного получше было. Они могли отоваривать карточки американским яичным порошком, крупами, иногда тушенкой, добавляя свое, домашнее. И они, и мы с голоду не умирали, но есть хотелось постоянно. Все фактически держались только на 700 г хлеба.

- А как насчет режима?

- Наш лагерь из землянок-бараков не охранялся. Пробовали оградить нас деревянным забором, но мы его тотчас сжигали в барачных печках, благо топорами работать умели исправно. Проволочное ограждение с вышками и охраной было в мужском лагере в Соликамске. Но они там почти все вымерли. Оставшихся в живых в 1945 году перевели к нам, в Березники. Тоже в лагерь, но посвободнее им стало. Тогда и нам уже давали по карточкам немного побольше продуктов. Мы их немного подкармливали. Тайком, конечно.

- Извините, Роза Михайловна, за не совсем деликатный вопрос: несмотря на мужские профессии вы, надеюсь, не забыли о том, что все-таки являетесь женщинами?

- По правде говоря, об этом мало кто думал, хотя большинство среди нас было незамужних молодых девушек. И не до того было, и не для кого.

А выглядели мы просто ужасно! Тощие, бледные, с огрубевшими от постоянного холода и ветра лицами. Руки грубые и тяжелые, как кувалды. Одеты в мужскую спецовку - бушлат или фуфайку, стеганные или парусиновые брюки. На ногах - безобразные парусиновые ботинки на деревянной негнущейся подошве. И каждый день - двенадцать часов работы. "Вот и все кино!" - как у нас говорили.

- Забирали в трудармию женщин от 15 до 50 лет. Были у нас и такие,

у которых остались дома дети. У тети Лизы из нашей бригады дома, то есть там, куда их выслали из Крыма, на руках у матери осталось пятеро детей, наименьшему из которых было четыре года. Она и ждала писем и боялась их. И вот ей сообщили, что бабушка умерла, а дети остались совсем-совсем одни, пошли по людям собирать куски. Сколько горьких слез пролила бедная женщина, даже заговариваться стала! Просилась домой, но до самого 1948 года ее так и не отпустили. Не знаю, собрала ли она когда-нибудь своих детей. Не знаю... Но видеть и слышать материнское горе не хватало сил!

Вместе с Розой Михайловной в разговоре участвует ее соседка по дому Мария Андреевна Функлер. Она тоже была в трудармии, работала недалеко от Сызрани, на кирпичном заводе. Зимой. А летом, как только по Волге пойдут плоты, они на лесобирже вылавливали лес. Все делалось, конечно, вручную. Дедовским способом. Только не деды, а женщины делали работу, которая и не каждому мужчине под силу. Особенно вытаскивать баграми, канатами, а нередко и вручную бревна из воды и вкатывать их на штабеля. Одно другого тяжелее, водой напитавшиеся, скользкие бревна. А потом еще на машину их грузить надо было. И все время у воды или в воде, а сушиться негде. Одна печка на весь барак. Обвесят ее со всех сторон, вонючие испарения по бараку расходятся.

- Да и на кирпичном, - не дай Бог, как тяжело было! Вспомнить страшно: и в карьере, и на посадке, и даже на выгрузке из горячих печей работали наши женщины, - вспоминала Мария Андреевна. – Вот вы спрашивали Розу о питании. Мы тоже должны были, как будто, питаться по карточкам, но их никто не видел. Обворовывали нас безбожно. Не суп, а водичка какая-то была! Да еще и без соли. Сколько нам хлеба полагалось - я даже сегодня не знаю. И все, конечно, молчали. Молодые были, пугливые, по-русски плохо говорили. А у нас даже постелей не было. Валялись на нарах, как скотина... Как выжили - не знаю. Только в 1948 году оттуда вырвались.

Панорама женской доли будет полнее, если эти рассказы дополнить повествованием о тяжелой участи матери учителя из Латвии Андрея Андреевича Триппеля. Весной 1943 года его мама Анна Филимоновна по мобилизации была направлена в так называемый Джидсгрой, под

самую монгольскую границу на строительство и эксплуатацию вольфрамового рудника. Вся власть в этих гиблых таежных местах на реке Джида принадлежала вездесущему НКВД. Кроме лагерей для политзаключенных и уголовников никого ближе, чем за сто километров, не было.

Различие между "мобилизованными" немецкими женщинами и заключенными состояло лишь в одном: вокруг их бараков не было проволочного заграждения. Все же остальное - одежда, еда, жилье, работа и обращение со стороны вольнонаемного персонала - были одинаковыми. Двенадцать часов тяжелейшего, каторжного труда за баланду и 600 г хлеба - были жестокой их повседневностью. Специальность тоже была у всех одна: общие работы - лопата, кирка, лом и тачка.

С окончательно подорванным на добыче руды и без того слабым здоровьем Анну Филимоновну через год отправили на лесоразработки, где самой легкой работой была обрубка сучьев. Зимой - снег по колено, летом - всепроникающий гнус, от которого спасал, и то плохо, только туго натянутый на шее душный накомарник, и крепко завязанные рукава и шаровары. Весною 1945 года с сердцем у нее стало настолько плохо, что пришлось ей, сорокалетней, определить первую группу инвалидности и отпустить домой, к сыну, в Красноярский край. глубинный Посеевский район, расположенный в 180 километрах на север от Красноярска.

- Не могу забыть об одном случае, о котором, вернувшись с проклятого Богом и людьми Джидстроя, рассказывала мама, - вспоминал Андрей Андреевич. - Одна из "трудмобилизованных" женщин, уезжая из дома, взяла с собою шестнадцатилетнего сына, переодев его в женскую одежду. И там на лесоповале его убило упавшим деревом. Как казнила себя убитая горем женщина: зачем взяла с собою? Может быть, дома жив остался? Вместе с нею все навзрыд плакали... Да разве переживешь такое?

Так и жила. Анна Филимоновна, отбиваясь медицинскими справками от обязательного минимума колхозных трудодней и непосильного сельхозналога. А на жизнь начал зарабатывать, став в 17 лет учителем местной начальной школы, Андрей Андреевич, поступивший учиться заочно в педагогическое училище. Мог бы учить малышей и дальше, но проявил принципиальность - не написал донос, который требовали от него в районном НКВД.

- Ты об этом еще пожалеешь! - пригрозили там ему. И слово свое сдержали: его уволили с работы, исключили из комсомола как не оправдавшего доверия". А главное - в течение трех лет, вплоть до 1953 года - не давали

разрешения на поездку в город Канск на учебу. И только после кончины родного Отца всех советских народов он смог вернуться учителем в школу. Всесильные Органы непослушание не прощали никому, а спецпоселенцу - тем более.

Почти десять лет спустя, в 1961 году, после переезда в Латвию, обратилась его мама в собес за пенсией по инвалидности, предъявила справку о том, что работала при Джидском управлении лагерей.

- За время заключения пенсию не выплачиваем, - заявили ей там.

- Что такое "трудмобилизованная" не знаем.

Пришлось Андрею Андреевичу окольными путями выходить на заместителя министра социального обеспечения республики, который "в порядке исключения" разрешил выплачивать матери пенсию в 20 рублей, которой она довольствовалась до конца жизни.

И это не единственный случай, когда, увидев справку о трудовом стаже в годы войны со штампом какого-нибудь "лага", нашим немцам отказывали в назначении пенсии.

- У нас, в эстонской Валге, - рассказала Фрида Яковлевна Вольтер, - такой же случай был. В 1967 году в горсобес за назначением льготной пенсии обратилась многодетная мать Мария Бретгауер. Вместе с другими документами она подала и справку о работе в трудовой армии. Инспектор бросила эту справку назад и в сердцах сказала:

- Что вы суете мне эту бумажку? Справка не считается, потому что вы были наказаны.

Мария оторопела от неожиданности, но все-таки нашлась:

- За что же мы были наказаны? - спросила она.

- Это вам лучше знать, - последовал грубый ответ.

Конечно, Мария Бретгауер льготную пенсию получила. Но оскорбительный этот случай разошелся среди немецких жителей обоих Валг (эстонской и латышской), еще одним черным пятном отложившись в толще причиненных обид. Сейчас Бретгауеров в Валге уже нет. Несколько лет назад, как только представилась возможность, многодетная семья выехала в ФРГ. А молва об этом "нетипичном" случае там до сих пор живет. И до меня дошла.

Хорошо, если бывшему "трудармейцу" удается документально доказать, "что он не верблюд". Но нередко немецкие мужчины и женщины не знают даже точного названия ведомства и организации, где они работали.

А справок, как известно, никаких никому не выдавали, и трудовых книжек у них тоже не было. Все было засекречено в этом гигантском архипелаге

ГУЛАГ! Им позволялось знать только номер почтового ящика. И больше ничего. Для многих поэтому трагические годы "трудовой армии" оказались потерянными даже с точки зрения обыкновенного рабочего стажа. Будто их и не было вовсе - этих страшных лет!

Фрида Яковлевна и сама была в "трудармии". Ее - пятнадцатилетнюю хрупкую девочку вместе со старшей сестрой Эльзой мобилизовали летом 1943 года и до самого 1947 года она работала на лесоповале в Ивделе Свердловской области. Двухручная пила, топор, летом керосин, чтобы можно было протянуть пилу сквозь смолистый комель сосны или ели.

Норма - пять кубов на человека. И лес вокруг - это все, что видели они за четыре года своей девичьей жизни.

Только завербовавшись на рудники Макаинзолото удалось им вырваться из ненавистного лесоповала. Но "хрен редьки не слаще" - здесь Фриде Яковлевне пришлось под землю спускаться. Не золото добывать, а средства к собственному существованию: ведь депортация и долгие годы "трудармии" лишили ее, как и всех немцев, буквально всего. Не было ни двора, ни кола, ни одежды, ни семьи. Ничего! И была спецкомендатура, которая пресекала любые попытки учиться, или даже выйти за пределы "спецпоселения".

Сколько таких исковерканных женских судеб оставила после себя трудармия", скольких женщин угробила физически, скольких обездолила, остановила в духовном развитии, навсегда одарив трудом физическим, - только женщинам того поколения ведомо!

Конечно, чиновник с персональной пенсией в отставке скажет:

- Шла война, не до сантиментов было...

Это верно, но только отчасти. Почему же "сантиментов" этих были лишены только немецкие женщины и никто другой? И еще один не менее важный вопрос: неужели экономика страны и положение на фронте настолько зависели от труда немецких женщин, что их нельзя было оставить со своими детьми?

На эти вопросы нет вразумительного ответа, как и на многие другие.

Да и некому его давать: "одних уж нет, а те далече..." Этими словами поэта можно обрисовать сегодняшнюю ситуацию в нашем обществе, открещивающемся от преступлений сталинизма. А память меж тем не дает успокоиться, требует выхода десятилетиями копившаяся материнская боль.

Боль эта не знает национальных границ. Одинаковая - немецкая, русская или киргизская, она держится на неодолимом инстинкте материнской любви, питающей все живое. Власти не мобилизовывали матерей, имеющих детей до 3 лет. Исполнилось ребенку 3 года - мать забирали, полагая, очевидно, что ее дитя достаточно выросло, чтобы позаботиться о себе.

О том, в какие драматические сцены все это выливалось, рассказала Гильда Вильгельмовна Браймайер из города Фрунзе. Ее семья была переселена из Крыма в Карасуйский район Джамбулской области. В начале 1942 года у них, как и повсюду, забрали в "трудармию" мужчин, а через несколько месяцев очередь дошла и до женщин. В числе других, в район вызвали повесткой и ее, имевшую двухмесячного ребенка. Как ни доказывала она в сельсовете, что это ошибка, председатель был неумолим: раз вызывают, надо идти! А это 60 километров пешком по пыльной степной дороге. Ребенка несли поочередно. Два дня, пока не добрались до райисполкома. Ее, конечно, отпустили, но обратный путь занял три дня, полных усталости и страха.

Вторым заходом забрали женщин, у которых были дети, рассовав их к кому и как попало. Гильде оставили шестерых. От трех до одиннадцати лет. Без еды, раздетых и разутых.

- Дорога до самого Карасу, - рассказывала она, - была мокрая от слез. Минуты расставания с детьми невозможно передать. Сердце разрывалось при виде детских ручонок, ухватившихся за матерей. Последние объятия и поцелуи у околицы аула, истерический плач и причитания, долгие прощальные взмахи рук... Расставались навсегда, ведь уходили женщины в полную неизвестность. Куда? На сколько забирают? Никто не знал. Нет, такое забыть невозможно! До сих пор, как живые, стоят они перед моими глазами! Через год забрали всех оставшихся женщин, даже тех, у кого были дети меньше трех лет. Гильду не тронули, младший у нее был грудным, а поскольку она все равно считалась "многодетной матерью", ей добавили еще троих. Теперь их стало девять, кроме своего. Как она жить будет, как их прокормит, никто не думал: горе расставания поглотило все другие мысли и чувства.

Но случилось чудо. Через несколько дней женщины из этой партии вернулись домой. Они рассказали, что произошло. В Джамбуле вместе с сотнями других немецких женщин их посадили в вагоны, чтобы увезти от детей. Всю дорогу от Карасу не просыхали их глаза. Теперь же с приближением роковой минуты, их чувства достигли верхнего предела. И когда паровоз дал гудок к отправлению, весь эшелон взорвался громкими, в крик женскими рыданиями. И машинист не смог заставить себя тронуть с места состав. Все на перроне и на подводах, доставивших женщин до станции, оцепенели. Раздался еще один, более длинный сигнал паровоза, но и он потонул во всеобщем женском крике. Несколько женщин с плачем выпрыгнули из вагонов. Состав стоял. И последовала команда: у кого маленькие дети, могут вернуться домой. Не выдержало чье-то мужское сердце! Но и ответственность большую взял на себя человек.

Нередко мы недооцениваем силу материнской любви. Она и впрямь не видна в нашей семейной повседневности, перемежаемой детским непослушанием, шалостями и множеством других прегрешений. Но стоит только сложиться ситуации экстремальной, эта сила брала верх даже над инстинктом самосохранения, оказывалась сильнее самой смерти.

С той же станции отправляли в трудовую армию мужчин и женщин из старых, с 20-х годов немецких сел Таласской долины Киргизии - Ленинполя и Орловки.

- Мы до Джамбула 80 километров пешком отшагали, - вспоминал Теодор Герхардович Герцен, орловский "летописец Пимен". - Женщин в трудармию отвозили на подводах. Мужчин к тому времени, как их начали забирать, в селе уже не было. Рассказывали, что творилось перед сельсоветом в момент прощания. Навзрыд плакали все: и матери, и дети, и провожающие старики. Говорят, было страшнее, чем на похоронах. Жена Якова Дика так и умерла на подводе, не пережив расставания с тремя своими детьми.

Были случаи и более драматичные. Об одном написала мне Елена Фердинандовна Рудер, инженер-программист из управления Киргизэнерго.

- Мне мама рассказывала, какие ужасные сцены разыгрывались во время отправки женщин в трудармию на станции Абакан, где мы жили после переселения из Энгельса, - писала она. - Вой стоял страшнейший! До самого момента отправления поезда матери не могли оторваться от детей, а дети от матерей. Некоторые тут же бросались с детьми под колеса уже тронувшегося поезда. Для них расставание было страшнее смерти!

Написала Елена Фердинандовна и о своей тете Доре, переселенной в Красноярский край. У нее было трое детей, и едва меньшему исполнилось три года, как ее вслед за мужем в 1942 году забрали в трудовую армию. Дети остались на руках у ее старой бабушки. Бедствовали они, голодали ужасно. Заканчивалась война, а родителей к детям все не отпускали. И неизвестно было, когда отпустят. Бабушка заболела, и некому стало добывать даже нищенскую еду. Тем более, что наступил голодный послевоенный 1947 год. Тогда тетя Дора решила рискнуть и на несколько дней приехать домой, чтобы увидеться с детьми и бабушкой, попытаться им хоть чем-нибудь помочь. Ее исчезновение из барака было обнаружено, объявлен розыск и в скором времени прямо на глазах у детей и больной бабушки ее арестовали и увезли.

Состоялся "суд". За "дезертирство с места поселения и работы" она была приговорена к 10 годам лишения свободы (как будто она была свободна!) и через несколько месяцев умерла.

В 1948 году лагеря для "трудмобилизованных" расформировали, а бывших узников поставили на "спецучет". Из одних объятий НКВД они попали в другие того же всесильного ведомства. Из "трудмобилизованных" автоматически превратились в "спецпоселенцев". Выжившие члены семей начали воссоединяться. И здесь самое место рассказать, как складывалась жизнь детей и стариков, оставшихся без кормильцев.

Об этой стороне эпопеи советских немцев мало известно, а было в ней не меньше жертв, чем в "трудармии". Беспомощные люди - дети и старики - были поставлены в такие условия, в которых выживали лишь чудом,

благодаря помощи людей русской, казахской и других национальностей. Лучше, чем кто-нибудь другой, об этом могут рассказать немецкие дети той жестокой военной поры.

Андрей Андреевич Триппель, о котором упоминалось выше, в двенадцать лет, после мобилизации матери остался совсем один. Летом работал в колхозе, а зимой прирабатывал, да еще и учился в школе. Никакой работы не гнушался. Матери в Джидстрой писал успокоительные письма, хотя приходилось ему ой как не сладко!

Эта история с благополучным концом. К сожалению, редкая. Типичным было иное.

О своем отце Иване Кондратовиче Шице рассказывает молодая учительница Люксембургской школы Киргизии Мария Ивановна Эдельман. Ему было одиннадцать лет, когда забрали в трудармию отца, вслед за ним пятнадцатилетнего брата. А через некоторое время, в том же 1942-ом от тифа умерла мать. Остался Иван за старшего в семье, а в ней еще четыре младших братиков и сестер - один другого меньше. И голод - тоже остался. Забрал он вскоре самого маленького, осталось у Ивана трое. Надо было думать, как спасти их и свою собственную жизнь. Стал работать в колхозе. Дали ему лошадей возить грузы. Управлялся, как мог. Младшие дома сидели, выйти не то что зимою, летом на улицу не могли: не в чем было. В буквальном смысле слова. С нетерпением ждали они вечера, когда Иван с работы придет, что-нибудь принесет из еды. Ему удавалось выпросить у бригадира горсть пшеницы, которую можно было поджарить на плите и съесть. Иногда ее было побольше, и тогда ее мололи на соседской ручной мельнице и пекли лепешки или варили затируху.

Осенью и зимой Иван добывал картошку и свеклу из мерзлой земли. Выслеживал волчьи лежки и сдавал в сельмаг выводок, если удавалось отогнать волчицу. За это можно было получить кое-что из одежды для себя и для малышей. Осенью, когда подходила к концу уборка, дети собирали в поле "масак" - остатки пшеницы или гороха. Не раз плетка объездчика проходилась по их детским спинам. Не обходилось, конечно, без помощи и подсказки взрослых, соседей. Навстречу их нуждам нередко шли и в колхозе. Вместе удалось сохранить четыре детские жизни. А потом сам Иван подрос настолько, что в 17 лет женился, привел в сиротский дом такую же юную хозяйку, как и сам. Было это уже в 1948 году.

- Я считаю, что пережитое и совершенное моим отцом в детстве - это жизненный подвиг, равный которому можно встретить, пожалуй, лишь в произведениях Джека Лондона, - заметила Мария Ивановна и продолжала: - Всю жизнь он посвятил работе в кузнице и воспитанию младших и своих детей. Сам имея только два класса образования, он добился, чтобы его дети выросли образованными людьми: старшая дочь Алиса закончила медицинское училище, сын Иван - Томский политехнический институт, я - Киргизский госуниверситет.

Эти - выжили. Умершие, как известно, ничего рассказать не могут. Но вот что вспомнила свидетельница трагедии Фрида Яковлевна Вольтер о своем родственнике Андрее Петровиче Балле, семья которого была выслана в поселок Долской Актюбинской области, откуда до ближайшего города и железной дороги было около 120 километров. В том глухом казахском ауле разыгралась трагедия, жестокая даже по меркам того времени.

Как и других немецких мужчин, Андрея "мобилизовали" в трудовую армию, где он бедствовал и голодал на уральских лесозаготовках. В Долском осталась его жена и пятеро маленьких детей. Это спасло ее от «мобилизации» в трудармию, но не от голодной смерти. Когда все, что можно было променять из вещей на продукты, было реализовано, а в нищем колхозе за работу не выдавали абсолютно ничего, у нее, как и в семьях других немецких переселенцев в Долском, начался голод.

Первыми умерли трое младших. Пытаясь спасти оставшихся, мать стала отдавать им свою долю скудной еды. Ее опухшее от голода лицо, руки и ноги вызвали переполох у казахов. Решив, что это какая-то заразная болезнь, они силой заставили соседей отвезти ее за поселок, на «Пикет» - заброшенный дом без окон и дверей. А чтобы не занести заразу в аул, запретили относить ей воду и еду. Все попытки объяснить местным жителям, что это не болезнь, а следствие голода, были бесполезными.

В это время совершенно случайно из лагеря приехал ее муж, Андрей, "сактированный" по болезни, также весь опухший от голода, с потрес-кавшейся кожей ног, откуда постоянно сочилась жидкость. Его попытка пройти к умирающей жене была встречена кольями. Он попросил местного учителя объяснить своим односельчанам суть дела. Но аксакалы были непреклонны. Более того, они пригрозили изгнать из села и Андрея.Тогда он поковылял в Актюбинск, чтобы пожаловаться на варварство местных жителей, которые обрекли его жену на верную гибель. Но когда с обещанием разобраться в происходящем он вернулся в аул, ее с каждым днем слабеющий голос, звавший на помощь, уже затих. Поняв, что женщина умерла, казахи сняли охрану "Пикета". Они не ошиблись: она была мертва. Теперь никто не давал Андрею лопату, чтобы ее похоронить. Не давали и немцы: боялись расправы. И все-таки ночью кто-то из соседних подростков тайком доставил ему две лопаты. Вдвоем они отвезли на тележке труп подальше от "Пикета" и закопали в степи.

Через несколько месяцев Андрея снова забрали в "трудармию", и двое его детей остались совсем одни. Соседка из переселенцев не могла взять их к себе, потому что ее семья была на грани смерти. Предоставленные себе, дети пробивались, как могли: летом ели степных черепах, весною питались сусликами, которых можно было изгнать из нор водою, осенью собирали колосья на стерне. Частенько зерно у них отнимали и отправляли его на убогую колхозную птицеферму. Зимою, одетые в лохмотья, ходили они по редким в этих местах русским селам просить подаяния. Одни их оскорбительно выгоняли, другие жалели. Мальчишки били, обзывая "фрицами". Голод заставил их быстро научиться говорить по-русски,

чтобы никто не узнал, что они немцы, а по-казахски просить милостыню они уже научились.

Такой была участь советских немцев в "новых районах", отведенных Сталиным и его кликой на бесконечных азиатских просторах. Такова была цена "государственной помощи", которую им в Указе обещали "оказать".

Но это были только цветочки. Ягодки - горькие, ядовитые, взращенные в бесконечных садах ГУЛАГа, - ожидали депортированные семьи в начале 1942 года, когда "по мобилизации" через военкоматы мужчин отправили в советские концентрационные лагеря. За высокие колючие заборы, под надзор вооруженной охраны и конвойных собак.

МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ

"Трудармия" для немецких мужчин и женщин - это был способ заключения в концентрационные лагеря невиновных людей без соблюдения элементарных юридических процедур с целью изоляции их от общества как" потенциально возможных пособников врага". Тот же, что и при депортации, метод наказания за гипотетическое, реально не существующее "преступление".

Но видимость "законности" соблюдалась: вместо ареста - "мобилизация" через райвоенкоматы, вместо приговоров суда - Постановление Государственного Совета Обороны "О мобилизации граждан для работы в промышленности", вместо фактического определения "заключенный" - термин "трудомобилизованный такой-то". В обращении к нам звучало благородное слово "товарищ" и в "зоне" создавались даже партийные и комсомольские организации.

На деле же - это были типовые лагеря для особо опасных преступников: три ряда колючей проволоки, вышки с вооруженной охраной, мощные лампы освещения, прожектора. Рельсовый перезвон часовых в ночи, бегающие по проволоке сторожевые собаки. И строжайший лагерный режим. Изуверские детали его: ежевечерние поверки, предпраздничные "шмоны" - обыски личных вещей в поисках "орудий убийств", остриженные под нуль головы. Подъем, развод на работу, конвой с винтовками наперевес и традиционное предупреждение: "Шаг влево, шаг вправо - стреляю без предупреждения!"

Вот что в действительности представляла собой "трудовая армия", в которой до сих пор "не могут" разобраться в коридорах московских департаментов: за внешним камуфляжем они никак не хотят увидеть ее реальную репрессивную сущность, равную той, которая окружала "по всем правилам" осужденных "врагов народа", официально признанных жертвами сталинизма. Немцы среди них "не числятся", поскольку формально их никто не судил и приговоров не выносил. Следовательно, говорят, и реабили-

тировать их не за что. Ведь ни в чем не виноваты они... Вот какую абракадабру придумали тогда для немцев в "мозговом центре" НКВД!

Попытаемся проникнуть "внутрь" этого замкнутого, "хитрого" круга, чтобы устами вышедших живыми из этого ада, показать, что в действительности происходило за трехрядными проволочными заграждениями и цепью конвойных штыков. Ничто не должно было выйти оттуда во внешний мир. Все делалось - и до сих пор делается для того, чтобы замолчать существование смертных лагерей для честных и ни в чем неповинных советских людей неугодной властям национальности.

"Режим, "творчески" перенесенный на нас из лагерей для особо опасных преступников, выполнял важную задачу подавления человеческого достоинства, месть "политически неблагонадежному спецконтингенту", в обиходе начальства и вохровцев именуемому - "немчура", фрицы, "фашисты". Наши мучители знали, какие моральные муки доставляют невинным людям, и делали сие с поистине садистским удовольствием.

Но и это было далеко еще не все. Даже по сравнению с лагерями для заключенных, скудное питание в которых хоть как-то, но все-таки поддерживало животное существование невольников, в наших лагерях все было устроено так, чтобы люди полностью оказались за рамками биологической жизни, проще говоря - скорее передохли.

Если вы спросите, какой период из пятилетней жизни узников "трудовых" лагерей был самым тяжелым, то услышите однозначный ответ: годы 1942-ой и первая половина 1943-го. Бесконечно долгие полтора года, на которое падает основное число погубленных с помощью голода человеческих жизней. Не только в лагерях Бакалстроя НКВД СССР, где около 100 тысяч немцев строили Челябинский металлургический комбинат и сходные с ним объекты Главпромстроя НКВД, но и в так называемых "контрагентских" лагерях НКВД, которые были созданы при шахтах, рудниках, на лесоразработках, железнодорожных стройках и других объектах, всего в 25 ответвлениях ГУЛАГа в разных районах страны. Управлялся этот гибельный процесс одной рукой - рукой НКВД, от которого зависело жить нам или не жить.

С каждым месяцем 1942-го года питание в лагерях Бакалстроя становилось все хуже: хлеб выпекали с какими-то примесями, от чего он больше напоминал кусок глины. В "супе" не было ничего, кроме одной-двух крошек брюквы или турнепса. О жирах и мясе до середины 1943 года никто даже не помышлял. Рыба в супе присутствовала лишь в виде запаха, иногда - пары маленьких косточек. Это с поправкой на немецкий акцент называли словом "палянта" (баланда).

Хотелось бы мне хоть одним глазком заглянуть в архивы, увидеть нормы нашего питания в те гибельные полтора года: по сколько граммов на каждого нам причиталось. Не говоря уже о том, сколько этих граммов попадало в котел ввиду "неимения в наличии". Узнать, на самом ли деле

массовая гибель "трудмобилизованных" во всех лагерях, а не только в нашем, была вызвана объективными причинами - полным отсутствием продовольствия?

Сомневаюсь и ставлю, хотя и жестокий, но справедливый вопрос: почему же в таком случае не погибали от голода десятками и сотнями тысяч вольнонаемные и уголовники, хотя и им, конечно, приходилось нелегко?

Это ведь тоже факты объективные, от которых никуда не уйти!

На Бакалстрое голодной смертью умер примерно каждый третий, в других лагерях - не меньше. Были и такие места, где из нескольких тысяч "трудмобилизованных" в живых оставались единицы. Об одном из таких лагерей рассказал Иван Адамович Нагель, который живет в настоящее время в городе Фрунзе.

Глубокой осенью 1942 года после окончания строительства железной дороги Ульяновск-Свияжск 25 тысяч немцев распределили по разным лагерям. Большинство попало на шахты Воркуты. Их группу под конвоем доставили в Молотовскую область, в район станции Половинка. Контингент, в котором он состоял, относился, судя по всему, к ведомству ГУЛАГа, занимающемуся железнодорожным строительством. Их задачей было тогда - построить лежневую дорогу до створа сооружаемой в 25 километрах гидроэлектростанции.

Об устройстве хотя бы приблизительно сносного жилья ведомство никогда не заботилось. Так было на строительстве железной дороги Котлас-Воркута, и на стройке, с которой они прибыли после того, как к ноябрьским праздникам по проложенным рельсам пошли первые поезда. Там они жили, кто как мог: в палатках, шалашах, землянках, продвигаясь вслед за готовыми участками пути. Но это было летом.

Не изменили своей традиции управленцы из НКВД и в данном случае: всю зиму строители жили в палатках, в которых, несмотря на три железные печки, стоял адский холод. Спали на голых нарах, сделанных из зеленых, свежесрубленных жердей, сосульки от которых свисали до самого пола. Спать было невозможно, даже если на ноги поверх чуней натягивали рукава фуфайки и крепко завязывали на подбородке уши от шапки. Ночи напролет сидели у печек, спали кое-как, если, конечно, удавалось занять там местечко.

Известно, ни верхнюю, ни нижнюю одежду не снимали, в бане не мылись. Развели вшей, которые ползали прямо поверху в поисках "свежих" жертв. Ни днем, ни ночью не было от них покоя. Люди смертельно голодали, умирали, как выразился Иван Адамович, "пачками".

К весне 1943 года из 2 тысяч немцев осталось 600, и то к работе совершенно непригодных. Одни были истощены до предела, других свалила цинга и пеллагра. С каждым днем количество умерших увеличивалось:

людей косил авитаминозный понос. Подняться на ноги никто уже не мог, а неработающим больше 600 г хлеба выдавать не полагалось. Круг замкнулся.

Прокладка лежневки остановилась, задерживалось строительство ГЭС. Тогда из управления, а говорили, что будто бы даже из самой Москвы, прибыла комиссия, чтобы разобраться во всем на месте.

- Что вы нас мучаете? Лучше расстреляйте на месте сразу, если вам нужно от нас избавиться! - загудели узники этого лесного лагеря смерти, дневной рацион которых состоял, кроме хлеба, из "супа", на приготовление порции которого полагалось 17 г овощей.

Чтобы не кормить задарма непригодных к работе, истощенных людей, их "сактировали", как водилось в некоторых лагерях, и отпустили домой, в Сибирь и Казахстан, к семьям или родственникам, выдав на дорогу "сухой паек" из расчета 400 г хлеба в сутки - норма такая была для "этапируемых" - и несколько небольших рыбин.

Некоторые из отъезжающих, съев сразу все на месте, скончались, не добравшись даже до железной дороги. Многие умерли в неимоверно затянувшейся поездке, часть безвестно пропала. В лагере осталось только четыре тракториста, которые должны были - как только тронется лед - столкнуть в речку незахороненные трупы: больше чем полторы тысячи их свезено было за зиму к берегу. Ее название за полгода так и не мог узнать Иван Адамович по причине "военной тайны".

- Позже говорили, - добавил он к своему рассказу, - что парнишка откуда-то из немецких сел под Омском добрался все-таки до своей станции, встретил там ошарашенного его видом деда-односельчанина, попросился подъехать до села, где жила его мать. Дед уложил его на сани, довез, остановился перед домом, крикнул матери:

- Иди, возьми своего сына!

Удивленная, испуганная и обрадовавшаяся мать взяла его, невесомого на руки и унесла в дом, будто ребенка. Откормила и через два месяца его снова забрали.

Казалось бы, в контрагентских лагерях положение "трудмобилизованных" немцев должно быть лучше, чем в тех лагерях НКВД, где в "зоне" и за нею царствовал один всемогущий жрец - винтовка. Ведь они получали одинаковую с вольнонаемными рабочую карточку, ели не из котелка, а в столовой из настоящих чашек. И все-таки массами умирали от истощения и болезней.

Секрет был прост, вольные отоваривали карточки "сухим пайком", иногда получали кое-что дополнительно, имели подсобное хозяйство, огород, старые запасы. Они могли заработать ведро картошки, буханку хлеба на стороне. В конце концов, могли обменять на продукты вещи, что многие и делали, спасая семью и себя от голодной смерти.

Всего этого были лишены "трудармейцы", наглухо запертые в своих лагерях.

К тому же лагеря, как правило, располагались в такой глухомани, что они годами не видели других людей, кроме своих и вохровцев, их охранявших. И ставился этот "контингент" на самые тяжелые работы. Лесоповал, земляные работы, шахты, рудники, строительство - это был их удел и их судьба. Ветер, дождь, мороз, снег, пурга, таежный гнус были их повседневными спутниками, отнимавшими последние силы. Это уже как бы и не люди были, а обезличенный "спецконтингент", "рабсила", с которой не положено было считаться.

На такие размышления вывел меня рассказ Якова Павловича Вельмса из киргизского села Сокулук, в пятьдесят лет ставшего инвалидом.

В тресте Кизелшахтстрой, ведомстве, под которым он вместе с тысячами других "трудмобилизованных" пребывал в лагерях и работал на лесозаготовках, ежедневный путь до лесосеки составлял от пяти о семи километров. Идти надо было по проторенной в глубоком снегу узкой тропинке. В ранней предутренней темноте, след в след за местным старожилом-десятником. Нередко тропинка пролегала по болоту, и неосторожный шаг в сторону заканчивался трагически для тех, кто не мог одолеть дорогу, обессилел в пути, покачнулся от слабости, хотел присесть в стороне или свалился рядом с тропою. Еще чаще, лишившись сил, оставались замерзать. Их поднимали, пытались тащить под руки, сами с трудом передвигая ноги, рискуя в любой момент провалиться в болотную бездну.

- Оставьте меня здесь, я немного отдохну и догоню вас... – просил своих земляков несчастный затухающим голосом и опускался прямо в снег. - Идите, я вас догоню...

Возиться было некогда, сопровождающий подгонял и каждый торопился, чтобы до рассвета добраться до делянки, успеть выполнить дневную норму - восемь фестметров на человека - и до полуночи вернуться назад. "Без выполненной нормы из леса - ни на шаг!" Таким было железное требование начальника.

- Умри, но норму дай! - звучало оно в лагере. И давали - ценой жизни. На обратном пути надо было еще захватить окоченевшего, покрытого снегом солагерника, да помочь двигаться тем, кого вконец оставили силы.

- На санях в то место не добраться было, - грустно рассказывал Яков Павлович, - а в лагерь можно было вернуться только в "полном составе". Живыми или мертвыми - неважно. Главное, чтобы "все" вернулись. Часами, бывало, стояли мы перед воротами в ночной темноте. Уставшие, голодные, до костей промерзшие с дороги. Просили, умоляли впустить. Нет, нельзя, ищите недостающих! Вот и тащили на себе полумертвых и покойников.

В этой связи мне вспомнился рассказ Эльзы Яковлевны Комник, проживающей в эстонской Валге. Будучи в трудармии на лесоразработках в Свердловской области слышала она о том, как расправлялись с теми мужчинами из немцев, которые не могли выполнить норму. Летом в соседнем лагере одного связали по рукам и ногам и раздетого оставили на ночь в лесу на расправу комарам. Распухшего до неузнаваемости, в ссадинах и кровоподтеках на лице и теле от безуспешного катания по траве, его нашли, забившегося в кусты, где он пытался найти спасение от несметного числа бурых лесных кровопийцев.

Смерти никакого удивления и переполоха в лагере не вызывали. Они стали обыденностью. Не более того. Умирали десятками, сотнями, тысячами. Зимой покойников свозили к берегу реки, а весною вместе с заготовленными для сплава бревнами сбрасывали в речной поток, который уносил их вниз по течению. Об этом рассказывали не только бывшие "трудмобилизованные", но и дети, и внуки тех, кого нет уже в живых. Слушал я их и думал: нет, не о "случайностях" идет здесь речь. Сотни тысяч немцев умерло голодной смертью в лагерях НКВД, но ни одной могилы, ни одного кладбища вы нигде не найдете. В большинстве случаев даже не укажут, где было место "братского", сотнями в одной яме, захоронения.

На мой взгляд, это один из закономерных результатов того преступно-равнодушного отношения к человеку, которое внедрил в сознание нашего общества Сталин. Под "мудрым" руководством Великого Вождя мы напрочь забыли, что Человек - это величайшая из всех существующих ценностей. Не просто "живой организм", а неповторимая личность! Позабыли, что преднамеренное, насильственное уничтожение человека - тягчайшее из преступлений! Мы привыкли к бесчеловечности, и годы Великой Отечественной войны на фронте и в тылу закрепили эту привычку. Сегодня, оглядываясь назад, понимаешь, что не наша то вина, что иначе быть не могло. Индустриализация, чудовищная коллективизация, организованный голод, "обострение классовой борьбы" в годы ежовщины и позже, в годы бериевщины, войны, сопровождавшиеся борьбой с собственными народами... "Любой ценой!" взять высоту на поле боя, если даже половина "личного состава" (нелюдей!) останется на ее склонах. "Любой ценой!" построить железную дорогу или завод, когда эта цена могла бы быть минимальной, надо было только в два раза лучше кормить в два раза меньшее число людей...

У народов мира во все времена с должным вниманием и заботой относятся к ушедшему из жизни человеку. Общечеловеческая мораль не допускает кощунственного отношения к покойнику как к обыкновенной, рядовой "вещи". Смерть - одно из священных таинств мира. Человек и после смерти своей остается ни с чем не сравнимой ценностью. Он продолжает жить в памяти потому, что был человеком! Не следовать этому важнейшему из принципов общечеловеческой морали, традициям народов кощунственно и преступно! А сколько на нашей памяти таких кощунств! Немцы-трудармейцы, без вины виноватые уже в том, что родились от

немецких родителей, сбрасывались в ямы и реки, как мусор, в те страшные годы. Тысячи - тысячи! - павших на поле боя солдат наступавшей Советской Армии остались лежать непохороненными в брянских, смоленских лесах, в Северной Карелии и даже в Ленинградской области? Все это явления одного порядка, глубинные причины которых идут от извращенной сталинской "морали"...

Сегодня люди, не знающие, к счастью, голода, спрашивают: неужели человек без еды умирает так скоро? Неужели в течение трех-четырех недель, получая 600 г хлеба в день, из цветущего, здорового он может превратиться в скелет? И даже умереть?

Утверждаю: да, может! Если его заставить половину суток физически трудиться. Если к этому добавить зимний холод. Да еще моральный гнет, вызванный неслыханной несправедливостью. Достаточно один раз не поесть, и человек начинает меняться буквально на глазах. Это можно сравнить с костром: как только перестанешь подбрасывать в него дрова, он и гаснет. Так же угасает и человеческая жизнь.

Люди в лагерях таяли, сгорали, как спички. От недавно еще веселых, здоровых мужчин и парней оставались только тени. Дольше всех держались те, у кого кое-что оставалось в сидорах, кто был потеплее одет и обут, кому полегче досталась работа. Коренные сибирские и казахстанские немцы были оснащены лучше депортированных. У них, к всеобщей зависти, водились изрядные куски толстого, в четыре пальца, белого, с розовыми прожилками сала, на ногах были плотно скатанные валенки и дубленые темные полушубки. Впрочем все это с первым "шмоном" перешло в руки охраны.

Голод, холод и одиннадцать часов интенсивной работы под неизменным и вездесущим "давай-давай!", вдохновленным пинком сапога, неумолимо делали свое дело. Люди уже не могли выполнять норму и автоматически переводились на второй и первый котел - тот же "пустой" суп, но соответственно уже 600 г или 400 г хлеба. Что было началом конца. Полное изнеможение. Голод. Смерть.

Первыми умирали самые рослые и сильные: мизерные нормы питания не могли обеспечить жизнедеятельность могучего организма. Они - как ломовая лошадь - работали и ели за двоих. Это соотношение было нарушено, и они уже не могли даже заработать себе третий котел, скатывались на второй, а затем и на роковые 400 г. На них было особенно страшно смотреть. Не поддающиеся худению части тела казались непропорционально большими по сравнению со всем остальным. Огромная худая голова на длинной, тонкой шее, узкие, как у ребенка, маленькие плечи и длинные-длинные ноги. Одежда висела на исхудавшем теле, как на деревянном каркасе чучела. Вся эта неестественная "конструкция" с трудом передвигалась, слегка раскачиваясь, готовая свалиться в голодном обмороке.

За ними в первые же месяцы лагерной жизни ушли люди интеллигентного труда - учителя, музыканты, инженеры, научные работники, ценные специалисты. Их участь была особенно трагична. У этих людей не было рабочих специальностей, они ничего по-настоящему не умели делать из того, что от них требовалось.

Их ставили на самые тяжелые работы, нередко умышленно, чтобы вдобавок ко всему еще поиздеваться над "фрицевскими белоручками". Мне приходилось видеть их за этой работой. В некогда элегантных пальто с шалевым воротником, в шляпах и совсем не зимней обуви стояли они с лопатами в руках, окружив тачку или носилки, переминаясь с ноги на ногу, не зная, с какого конца начать, ожидая, кто первым возьмется за ледяной лом, чтобы неумело тюкнуть им в мерзлую землю. Были в их числе и люди поумелее, но непривычка к физическому труду, неспособность быстро приноровиться к новой работе, к новому образу жизни привели к тому, что большинство из них даже при желании не могло выполнить рассчитанные на здорового и умелого работника производственные нормы. Они сразу сели на "смертный" паек.

Так в первые же месяцы "трудовой армии" фактически предумышленно была вырублена почти вся немецкая интеллигенция - и та, которая выросла на местной народной почве немецкой автономии, и та, которая происходила от дворянских и разночинских отпрысков в обеих российских столицах.

600 г хлеба, второй котел - это было начало конца. Сначала с человека предательски сползали штаны, и он становился тонким и стройным, как в юности. С тела исчезало все, без чего организм еще может продлить свое существование - последние признаки жира, а затем и мышцы. Человек съедал самого себя, пока не оставались только истощенная кожа и кости. Но это еще не конец. Конец становится очевиден, когда наливается водою лицо, до блеска натягивается на нем бледная, без кровинки кожа, не по-человечески толстыми становятся ноги. Начало разложения белка. А главное - человека покидает желание бороться за жизнь и даже есть.

Это уже не только не работник, но и не жилец. Если не убрать его вовремя из барака, то он умрет прямо на нарах. Возможны "злоупотребления" с принадлежащей ему пайкой хлеба. Поэтому их, смертников, помещали в специальные бараки, официально именуемые ОПП - "оздоровительно-профилактическими пунктами", а в лагерном наречии - "райскими воротами". Ясно куда - на тот свет, в рай. Пекло было здесь, в лагере.

Может быть, кое-кому и удалось бы вернуться снова в бригаду (что иногда тоже случалось), если бы их не сажали на те же 600 г хлеба и "суп". С той лишь разницей, что этот кусочек делили на маленькие части и вручали три раза в день.

Яков Христианович Раль, одно время работавший на хлеборезке 7-го стройотряда Бакалстроя, вспоминал, как непросто было сделать 600 паек

(по числу "доходяг"), чтобы тонкие ломтики не распались или не остались на лезвии ножа. Приходилось каждый раз мочить нож в воде иначе не отрезать было тонкий кусочек от глинистой, рыхлой булки.

Запущенный сверху лагерный конвейер смерти работал безостановочно, переправляя в мир иной все новые сотни и тысячи жертв.

На моих глазах увядал бывший, говорили, главный инженер Сталинского металлургического завода. Он выделялся в толпе - высокий, стройный, лет пятидесяти мужчина с аристократическим профилем, носивший очки в массивной роговой оправе. Я приметил его еще в вагоне по дороге из Акмолинска. Он стеснительно держался в стороне, страшно мерз и голодал. Видимо, не смог запастись в дорогу достаточным запасом продуктов и стыдился, когда его приглашали к общему тогда еще столу. Голод, хотя и с трудом, но все-таки брал верх над его привычками и воспитанием. Так же молча, не ожидая подмоги, копал он и грузил глину в вагонетки, которые я с напарником откатывал к карьерному подъемнику. Силы все больше покидали его, все чаще останавливался он, опираясь о сырую, холодную стену забоя. Садиться во время работы не дозволялось. Через некоторое время он исчез из карьера. Последний раз я видел его в лагере поникшим, жалким, страшно исхудавшим, тяжело передвигавшим толстые, опухшие ноги. От прежнего лица остался только аристократический нос и очки. Не дожил он, видимо, даже до весны того злополучного 1942 года.

В поисках спасения еще недавно совсем здоровые и сильные мужчины обращались в лагерную медсанчасть. Подобно тому, как некогда единственным убежищем для гонимых и страждущих были церковные храмы, так в лагере была медсанчасть. Но по неписанным лагерным законам для освобождения от работы бралось во внимание только одно - высокая температура. Истощение, признаки голодных болезней - цинга и пеллагра - для этого не подходили. А на градуснике - естественно, было не выше, а ниже нормы: упадок сил... Слишком много таких было в стройотряде, чтобы освобождать от работы. Завод должен работать, давать кирпич. "Любой ценой!"

Теперь, много лет спустя я спрашиваю себя: а что спасло тебя самого от голодной смерти, которая буквально витала над нами? Ставлю этот вопрос своим выжившим 65-летним сверстникам. "Жизнестойкость молодого организма, - думают многие из них. - Умерли не только здоровяки и интеллигенты, через ОПП ушли и те, кому было немногим за сорок".

Я согласен с ними, но думаю, что свою роль сыграли также и вездесущие случайности, именуемые простым и ясным словом «везение».

Мне повезло, что в феврале 1942 года попал я не на центральную стройку, где еще не было ни двора, ни кола, а на кирпичный завод, где от уголовников нам достались не только проволочное ограждение и вышки, но и готовые бараки - надежная крыша над головой. Да и завод как бы тяжело

в нем ни работалось, это все-таки не земляные, не бетонные, не монтажные работы, и тем более не каменный карьер.

Везло мне и на хороших людей. Хотя то же самое могут сказать и многие другие. Не знаю уж, как оно получилось, но сдружился я в бригаде, а потом и на нарах с железнодорожным инженером - строителем из Закавказья, человеком раза в два меня старше, Бюделем. Немецкой была у него только фамилия, от отца наследованная, который тоже только наполовину немцем был. Но этого оказалось достаточно, чтобы "мобилизовать" его в трудармию, а вернее - в концлагерь.

Говорил он с сильнейшим грузинским акцентом и весь из себя походил на потомственного грузина: нос крючком, крупные выпуклые глаза, мясистые, сочные губы, привыкшие говорить только по-грузински. Даже несколько месяцев спустя, став полудоходягой, он продолжал живо жестикулировать, помогая руками выразить мысли.

- Слушай, скажи мне, пожалуйста, зачем я здесь? Разве я виноват, что мой отец был немец? Нет, я еще раз напишу Сталину. Он мой земляк, он должен понять грузина!

Мне нравились его эмоциональные тирады, выразительные, чисто грузинские жесты, и, склонный к заимствованию, я незаметно для себя стал подражать ему в разговоре. На этой почве мы и подружились. Относился он ко мне, как к сыну, покрикивал на меня и читал длинные наставления.Это был человек сильнейшей воли и внутренней дисциплины. Суп он ел обязательно ложкой, хотя его можно было просто пить. Ел размеренно, не спеша, смакуя каждую ложку и кладя в рот по маленькому ломтику хлеба. Пайку у него хватало воли разделить на три части и не съесть "досрочно". Котелок солидного размера, кусочек хлеба он располагал на носовом платочке, который специально носил с собою. Словом, не к месту аккуратный, воспитанный был человек, чем, надо сказать, нередко вызывал улыбки у моих деревенских соплеменников.

Мы вместе работали в глиняном карьере. "Нужны" были знания не ниже инженерных для того, чтобы наращивать рельсы на подкатных путях к забоям. Правда, путейцами мы только числились. Стоило нам присесть после окончания очередного ремонта, как нас тут же отправляли на какой-нибудь новый "прорыв": погрузку глины или откатку груженных вагонеток.

Время шло, и я видел, как постепенно стали блекнуть и отекать его щеки, потух огонек в глазах. В вешалку для одежды превратилось костлявое тело, а голова, одетая в неизменную буденовку, еле держалась на отощавшей шее. Все больше и больше становился он похожим на лагерного доходягу: стриженная костлявая голова, необычайно большие оттопыренные уши, тонкая шея, сплюснутое от худобы тело.На лице - ничего, кроме запавших глаз и большого костлявого носа. И это обтянуто синевато бледной, почти прозрачной кожей.

Но ему дико и неожиданно повезло. Узнав, кто он по профессии, в сопровождении персонального конвоира отправили его в заводоуправление и поручили срочно спроектировать, а затем и подвести железнодорожный путь к строящемуся рядом со старым новому кирпичному заводу. Из барака он исчез, пообещав забрать меня в свою бригаду, как только построят дорогу.

Так оно и вышло. Железнодорожная ветка строилась испытанными приемами "давай-давай" и "любой ценой". А когда она была готова, Бюдель вытребовал меня к себе для роли бригадира путейцев, благо еще в довоенное время я немного научился этому делу, подрабатывая летом на путевых ремонтных работах.

Обычно смерть человека называют преждевременной случайностью, но в тех лагерных условиях все было наоборот: случайностью была сохраненная жизнь. Мы с Бюделем выжили оба. Благодаря случайности.

Но все это случилось потом, весною злопамятного 1942 года. А до этого я промышлял еду, как только мог. Менял на пайку хлеба месячную норму махорки, которую нам исправно выдавали по "гуманному" лагерному уставу. Я не успел еще к тому времени стать курящим, но видел, как мучились без курева мужчины. Уж если дома они не смогли бросить курить, то в лагере - и подавно. Говорили, что курево помогало от тоски и даже голода, и ценилось очень дорого. На подпольном лагерном рынке спичечная коробка табака стоила 15 рублей. Иногда, помню, одна цигарка доходила до десяти. За "бычком" - недокуренной до конца самокруткой - заранее занимали очередь.

Тяжело, конечно, было человеку расставаться с пайкой хлеба, но я давал за нее вполне божескую плату - целую пачку махорки. Поэтому и остановки за клиентами не было. Им курево помогало. Но оно и губило, так как драгоценную пайку хлеба приходилось отдавать несколько раз в месяц. А это ускоряло и так быстро наступающий конец. Я видел, с какой болью расставался человек с сокровенным кусочком хлеба, как дрожали его руки и какая глубокая тоска стояла в его глазах. Я брал положенное в рассрочку, хотя понимал, что теряю желанную возможность почувствовать сытость в желудке. Но что такое сытость, даже собственная, по сравнению с тем голодным взглядом...

Ночью, после поверки и отбоя вместе с десятками других голодных стоял я у кухни, надеясь попасть туда для мытья котлов, в которых можно было найти кое-какие остатки еды. Все внимание было устремлено на входную дверь, и как только она открывалась, мы бросались в надежде попасть в пахнущую едой кухню. Иногда везло. Думаю, потому, что выделялся высоким ростом и особой худобой. Возможно жалость вызывал мой совсем еще юный возраст: мне только-только минуло восемнадцать.

Несколько раз таким же способом я попадал даже в святая святых голодного лагеря - хлеборезку. Туда проникнуть - было все равно, что верблюду пролезть через игольное ушко.

Если на кухню брали несколько человек, то здесь больше одного не требовалось. И то - не каждый день. До сих пор не пойму, то ли от лени это делали повара и хлеборезы, то ли из жалости к погибающим людям. Тогда об этом не думали: для нас, счастливчиков, это было великим благодеянием!

С хлеборезкой в первый раз мне просто повезло, а потом мне сказали:

- Приходи и завтра, будешь помогать!

Видимо, заметили, что боязно и стыдно мне было съесть слишком много хлеба. Да и не резал я его, а пришпиливал деревянными палочками довески. А за лишним кусочком для еды надо было дотянуться до стола. Я боялся: вдруг пристыдят, да еще и выгонят вдобавок. А так, если есть понемногу, то, глядишь, подольше можно будет задержаться, рассуждал я.

Мой расчет оказался верным лишь отчасти.

- Хороший ты парень, но не один такой голодный! - через несколько дней сказали мне, дав с собой небольшой кусочек хлеба. Но и этому я был несказанно рад.

А еще был у меня довольно приличный вельветовый черный пиджак. Его, как самое большое богатство, вместе со светлосиним ватным одеялом дала мне в неведомую дорогу мать. Не ошиблась она: и то и другое сослужило мне верную, спасительную службу.

Предложил я пиджачок одному из служителей кухни. Клюнул, согласился взять. Дал мне полный котелок крупных головок от рыбы - кеты. Мало, конечно, дал, мог бы дать и больше. Ну, да бог с ним!

Главное было продержаться, пока генацвале Бюдель к себе заберет. А с пиджака какой толк? - думал я про себя.

Важно было теперь с наибольшей пользой употребить добычу. Чтобы ничего не пропало, все до капельки впрок пошло. Я видел, как это делают другие, да и сам, без них догадался бы: надо варить головы до тех пор, пока полностью не размягчаться кости. Побольше налить воды, пусть выкипает, тогда и навар и мясо будет отменными!

И действительно, вышло целых три великолепных праздничных обеда! Ничего не осталось от голов, за исключением белых, твердых как камень, рыбьих глаз. Помню, ел и мысленно бесконечно благодарил мать и ту неизвестную женщину, которой пиджачок вместе с одеялом принадлежал.

Случилось это в 1939 году. Спасалась она у нас от повальных арестов, которые проходили в немецких селах на юге Украины. Вполголоса

рассказывала матери о том, что в их деревне Эбенфельд Старо-Кермечикского района одного за другим увезли сначала всех учителей семилетней немецкой школы (а детей стали учить по-украински), потом за одну ночь забрали всех мужчин немецкой национальности - сразу больше ста человек. С двух сторон села начинали облаву, всех с постелей подняли. Тихо, организованно. Будто кур в мешок покидали. Проснулись утром соседи - украинцы, а в домах рядом - одни только плачущие дети, да овдовевшие за одну ночь женщины. Лишь директор школы скрылся, заранее, видимо, узнав о предстоящих арестах. Наша гостья была его женой и пережидала у нас лихую годину. Потом исчезла куда-то, а вещи остались. Ждали, когда она появится вновь, но так и не дождались. Вот теперь пиджачок кормил меня...

Помню, как мы, лагерные затворники, с нетерпением ждали весны и лета, связывая с ними возможность отогреться после бесконечной морозной зимы. С детской какой-то наивностью надеялись на то, что можно будет поживиться чем-то подножным, растительным. Все-таки лето же, не зима! Сотни голодных глаз постоянно шарили под ногами и по сторонам в поисках съестного. Все тщетно! Весна затягивалась, прошли апрель и май, но даже трава, как следует, не проросла. Да и что среди нее можно было найти? Даже наша маленькая бригада путейцев, работавшая за "зоной" под охраной конвоиров, не могла ничем воспользоваться. Нигде ничего не было, а к вольным нельзя было отойти, да и не с чем. Для обмена ни у кого ничего не осталось.

Но еще больше боялись мы предстоящей зимы, которая для многих могла стать последней. Было ясно: еще одну такую зиму нам не пережить. А впереди ничего обнадеживающего не было. Никакого просвета. Питание становилось все хуже и хуже, отношение конвоя, лагерного персонала, вольнонаемных - грубее и жестче. Другого мы и не ждали: на огромных пространствах юга страны Красная Армия откатывалась к предгорьям Кавказа и к нижней Волге. Тревожно было за себя, за всех нас, за страну.

Что будет со всеми? По всему видно было: наша судьба и дела на фронте слиты в один роковой клубок.

Десятки тысяч человек буквально загнали в угол: колючая проволока и солдатские штыки наглухо отгородили нас от остального мира.

Там не полагалась заработная плата, не дозволялось иметь деньги, получать переводы, дабы никто из нас не мог вступить в "преступные связи с вольнонаемными". Почта не принимала посылки. Даже письма мои приходили наполовину затушеванными цензурой: никто не должен был знать, что творило НКВД в своих "особых" лагерях.

Как усталому, загнанному зверю нам оставили один лишь выход - медленную и верную гибель. Ее обеспечивал даже самый высокий третий котел, не говоря уж о втором и первом. Гарантией такого исхода была вся

система физического и морального угнетения, созданного для "трудмобилизованных" немцев. Система травли, инквизиции, палачества.

Время тянулось бесконечно долго и тягостно, ибо в сознании было связано с постоянным желанием есть. Его невозможно было превозмочь. Душа каждого орала, вопила, требовала еды. Еды, и еще раз еды!!!

К осени 1942 года лагерь представлял собой тягостное зрелище, он вымер в переносном и вымирал в буквальном смысле слова. Над ним нависла гробовая тишина. Ни у кого уже не оставалось ни сил, ни желания даже говорить друг с другом. Если о чем и говорили, то о еде и только о еде. Воцарился кладбищенский, полный покой. Каждый новый день утверждал нас в беспощадной ясности: все надежды на изменение к лучшему бесполезны, положение безнадежно, впереди всех нас поджидает смерть.

Покой этот нарушался лишь перезвоном часовых на вышках: дескать не сплю, верно служу Родине! Да окриками часовых: "Стой, кто идет!" при смене караула. Здоровые, сильные мужчины бдительно охраняли немцев. Не тех, конечно, что зверствовали на оккупированной советской земле. Те были пока недосягаемы. Охраняли нас, причисленных к врагам народа, поставленных вне закона и общества, отверженных советских немцев.

Подталкивая штыками, вели они нас на Голгофу по приговору Понтия Пилата, что восседал во дворце Ирода Великого.

Верно писал в своем отзыве на одну из телевизионных передач киргизской студии на немецком языке Трауготт Кунц из села Сокулук, бывший узник Бакалстроя: "О какой трудармии вы говорите? Зачем обманываете людей? Это был такой же, как и у фашистов, концлагерь. Хотя в нем не было крематория, но было ОПП..." И я не могу с ним не согласиться. Правда, в лагерях Бакалстроя погибла только примерно одна треть людей, но моральные пытки были еще ужаснее, ибо исходили не от врагов, а от своей собственной власти.

Жизнь наша была дешевле навоза. Она не стоила ровно ничего. Разве что клочка бумаги, стоимостью в одну копейку для составления акта. Но я сомневаюсь даже в этом. Думаю, вряд ли такой акт вообще составлялся.

Единственный, кто за что-то отвечал, был дежурный по вахте. И то его волновали не люди, как таковые, а абстрактное "наличие". Ему полагалось лично убедиться, что вывозятся из "зоны", скажем, 100 трупов, а не 90, и все они действительно трупы. Для этого с них снимали одежду. Раздевали донага. Остальное его не касалось.

И не касалось никого: слишком просто и легко нашу жизнь отнимали.

Вряд ли за массовую гибель вверенных им трудмобилизованных ответственность - юридическую, административную или даже моральную - несли начальники стройотрядов. Или начальники строительства генералы Комаровский, а позже Раппопорт. Они партбилетами своими отвечали лишь

за одно: своевременный ввод в эксплуатацию строящихся объектов. "Любой ценой". О людях речь не шла: они имели дело с "контингентом".

Что касается Раппопорта, то у него, бывшего начальника строительства Беломоро-Балтийского канала, был большой опыт по части "рационального" использования подневольной "рабсилы".

Думаю, не ошибусь в своем предположении, если скажу, что на Бакалстрое ставка с самого начала делалась на массовую гибель людей. Потому их и было завезено с избытком. Там, где мог справиться один физически крепкий человек, ставили двух голодных, которые через некоторое время от истощения умирали. Не беда: в запасе был еще и третий. Пока умерли трое, стройка продвинулась вперед. Какой ценой? Неважно.

Не волновало их и полное отсутствие техники. До начала монтажных работ все делалось только вручную. Как сто и как тысячу лет назад: лопатой, ломом, киркой и тачкой. Ибо ничего не стоило так дешево, как жизнь "трудмобилизованного" немца. Репрессированного, заключенного за колючую проволоку и мощные лагерные ворота.

В этом, а не только в трудностях того действительно сложного времени была причина всех причин. Невольно напрашивался вывод, что не только темпы строительства, но и "естественная убыль" людей были критериями, по которым оценивалась деятельность системы Бакалстроя НКВД СССР.

По слухам, которые несмотря на строгую изоляцию и цензуру писем, все-таки проникали в стройотряд, в других лагерях Бакалстроя и других уральских городах людей погибало еще больше. С тревогой в голосе рассказывали, что в лагере Рудбакалстроя (и это подтвердили в недавней беседе бывший там Егор Егорович Штумф) в 1942 - начале 1943 года умирало ежедневно по 50-60 человек. В Тавде и Краснотурьинске, где находились немцы - мужчины, вывезенные еще летом 1941 года с Украины, Крыма и отчасти Кавказа, не осталось к этому времени трудоспособных вообще: одни скончались от голода, других «сактировали по болезни» и отправили к семьям на их новые, после депортации места жительства - в Сибирь и Казахстан (где после того, как они немного поправились, их снова вернули в "трудармию").

Приведу несколько примеров, которые позволяют хотя бы приблизительно представить те поистине танталовы муки, которые испытали на себе несчастные люди, попавшие в двойной - физический и моральный - гнет, не зная за собой абсолютно никакой вины.

Эммануил Герхардович Герцен, дошедший, как говорится, "до ручки" на кирпичном заводе в Потанино, был после расформирования 4-го стройотряда переведен осенью 1942 года на центральную стройку, пополнив собой огромную армию "доходяг" 1-го стройотряда. А место немцев в Потанинском лагере заняли пленные румыны, Это были "первые ласточки" того "специфического контингента" на Бакалстрое. Позже, с весны 1943 года

начали поступать и немецкие военнопленные. Еще позже – репатриированные советские солдаты и офицеры, побывавшие в немецком плену. Они заполнили катастрофически поредевшие ряды "трудомобилизованных" советских немцев.

В 1-м стройотряде Эммануилу Герхардовичу сразу же повезло. Удалось ему как-то раздобыть самые настоящие картофельные очистки, и, чтобы они стали более съедобными, он положил их на плитку, в бараке. Но раздалась команда на вечернюю поверку, и все отправились на построение. А когда вернулись, в бараке стояла гарь. Очистки сгорели. Вдобавок Эммануила отправили на 20 суток в штрафную бригаду. К известному в лагере деспоту - бригадиру из бывших уголовников Киршу.

Штрафной барак охранялся дополнительно и ночью никого не выпускали. Поэтому у выхода стояла бочка, содержимое которой должен был выносить спящий рядом с нею новичок. Это было и унизительно, так как сил у него оставалось с каждым днем все меньше: бригада считалась "слабосильной", работала по лагерному хозяйству и больше чем 600 г хлеба никто получать не мог.

Выдержал Эммануил Герхардович только 13 дней. Чувствуя, что приходит конец, он отправился с утра в санчасть - последнюю надежду спасти жизнь. Ноги не шли. Не было сил, чтобы оторвать их от земли и сделать хотя бы один шаг вперед. И он, нагнувшись, руками переставлял свои непослушные ноги. Три шага, еще три шага... Почти целый день понадобился ему, чтобы пересечь территорию стройотряда и добраться, наконец, до медпункта.

- Полная дистрофия, цинга, трофические язвы, - заключил врач Лозингер.

Такой набор болезней позволял ему направить Герцена в стационар.

- Это была не больница, а настоящий Освенцим: людей там не было, были только тени. Плоские, они почти не выделялись на нарах. Мало кто из них двигался. У многих уже не было сил даже есть, - заметил он. Все лечение состояло в том, что кроме 600 г хлеба и "супа", полагалось еще крошечная порция гороха и верхних зеленых листьев квашеной капусты.

Все разговоры между "доходягами" вращались, главным образом, вокруг еды. Вспоминали, что и как в их семьях готовили, каких и сколько продуктов брали. Иногда горько шутили, переходя на русский язык.

- Турак я пыль: дома просил фарить суп пошиже, теперь кохта приету, скашу пабе - "фари суп, штоп лошка стоял!"

- Я котелок с сопой перу, путу тома черес окошко суп получать.

- Не сапуть конфоира с сопой фзять...

Но и эти редкие штуки разбивались о жестокую реальность:

- Турак, кута ты поетешь? У нас теперь нету тома...

- Почему нету? Лагерь - наш ротной том...

- А са "Химстрой" не хочешь? Там всем ротной том путет...

Десять дней "лечился" Эммануил Герхардович в стационаре: тех, кто за это время не умер, выписывали в бригаду "легкого труда". Он не умер. Выжил девятнадцатилетний недавний спортсмен. Но еще четыре месяца "кантовался" на 600 г хлеба в бригаде "слабосильных", находясь где-то посередине между жизнью и смертью.

Она ходила вокруг нас, мы каждодневно чувствовали ее холодное дыхание. Каждый раз, ложась спать, надо было благодарить судьбу за то, что сегодня еще жив. Завтра тебя могут отправить в такое место и на такую работу, что или не сдюжит организм, или тебя уничтожит случайность, или не выдержат нервы, и ты пойдешь сам навстречу смерти.

Тому свидетельством еще один рассказ. Принадлежит он Егору Егоровичу Штумфу, работавшему в лагерях 32-го лесозаготовительного района, поставлявшего лес Рудбакалстрою, где создавалась железорудная база для будущего металлургического завода в Челябинске.

В конце 1942 года на Урале стояли необычно суровые даже для этих мест морозы. В один из дней, когда термометр показывал за пятьдесят, к лесобирже был подан состав из 80 полувагонов (кому другому они нужны в такую погоду!). Их надо было срочно загрузить лесом: железная дорога ждать не любит. Бревна были толстые и очень тяжелые. Каждое с помощью веревок и десятков рук по наклонным лагам с превеликим трудом вкатывалось наверх, пока, наконец, достигнув борта и перевалив за него, с громом не падало вниз, с силой раскачивая вагон.

- Вильст нихт геен, да бляйб дох штеен, - да гоп! - задавал ритм простуженным голосом стоящий на узком борту полувагона человек. Он соединял усилия десятков рук, передвигающих бревно снизу и тянущих его за перехлестнутые веревки по другую сторону вагона. - Вильст нихт геен, да бляйб дох штеен, - да гоп!

И так - бревно за бревном, бревно - за бревном.

Прошла ночь, наступил новый день, а работа все продолжалась. Смены не было и быть не могло: на погрузке работал весь лагерь - 630 человек. Их покидали последние силы. Мороз свободно пробирался сквозь стеганные на пакле брюки и бушлаты, огненный ветер до белизны обжигал лицо. Ноги намертво примерзали к пакляным чуням, подшитым подошвами из грубых автомобильных скатов. Немилосердно стыли почти голые руки. Люди замерзали: голодное тело работа не греет.

Начальство исходило криком, конвоиры прикладами и ногами поднимали тех, кто еще мог встать. Одетые во фронтовые полушубки и солдатские серые валенки, не расставаясь с оружием, ходили они вокруг

костров, со всех сторон оцепив грузовую площадку. Подойти к ним никто не смел: еще издали его встречали ощетинившаяся штыком винтовка и окрик:

- Назад, стрелять буду!

Почти сутки продолжалась адовая работа. За 23 часа было погружено 5 тысяч тонн леса. Состав ушел в положенный срок, а на лесобирже осталось 26 трупов. Обморозились почти все. На следующий день на развод вышло, многие с помощью палок, 380 человек. В некоторых бригадах осталось по пять-восемь трудоспособных.

Несколько трупов уехало с бревнами в вагонах. Это были останки тех, кто стоял на борту и не смог в момент падения бревна удержаться на вконец замерзших и негнущихся ногах. Их придавило бревнами, сдвинуть которые уже ни у кого не было сил.

Да и зачем? Все равно, где умирать...

Опираясь на палку, вышел на развод и Егор Егорович. Он отморозил ноги, но еще не знал, что уже началась гангрена. Санчасти в лагере не было, и он сам отрезал себе почерневший, бесчувственный палец ноги. От полной ампутации ног или неминуемой смерти его спас хирург из своих, "трудомо-билизованных", занятый на общих работах. Он оперировал прямо в бараке при помощи бритвы, огня и одеколона. Я видел эти ноги: до самых колен на них нет живого места. Не один он сидел тогда на больничных 600 г, прово-жая на тот свет друзей по несчастью.

И так было повсюду. Не только в лагерях Бакалстроя. Казалось, весь мир отвернулся от нас, будто от прокаженных. Везде, на каждом шагу нас окру-жали каторжный труд, издевательства, голод, запроволочная смерть.

Живое описание нечеловеческих условий жизни наших немцев на строительстве железной дороги Котлас-Воркута я нашел в работах моего нового знакомого из Фрунзе Антона Антоновича Кноля, пенсионера, Инте-реснейшего человека. Исключая годы "трудармии" и время, необходимое для добывания хлеба насущного, он провел за письменным столом. С ручкой в руках. Начиная с 16-ти своих довоенных лет пишет он повести и рассказы. Написал - сначала на немецком, а потом на русском - тысячи страниц текста. И ни одной не смог опубликовать. Никому его "писанина" не была нужна. Многое сжег, а часть попала в мои руки. Уверяю - они достойны внимания.

Здесь я хочу привести две выдержки из его повести "Котласская история. Отец", написанной по свежим следам в послевоенные годы.

Но прежде - короткое пояснение.

В феврале 1942 года его отца, Антона "большого" (он был выше двух метров ростом) или "Егорыча", как его еще называли, вместе с двумя братьями и зятем Егором по "мобилизации" направили в район Котласа

строить железную дорогу. И - все они, за исключением Егора, вместе с тысячами других наших немцев, остались в той северной архангельской земле.

Виденное лично и рассказанное Егором Паулем он описал в своей повести. Приведу эпизод, который дает представление о том, в каких условиях сооружалась железная дорога Котлас-Воркута.

"...Земля промерзла на большую глубину и на выемке грунта можно было работать только сообща. Сначала жгли негодные автомобильные покрышки, разный хлам, дрова. Затем на оттаявшем месте в земле выкапывали яму и на глубине полутора-двух метров, где заканчивался мерзлый грунт, делали подкоп. А сверху мужики, став в один ряд, плечом к плечу, плоскими, до остроты наточенными ломами, били в одно и то же место до тех пор, пока не появлялась трещина, и глыба в несколько кубометров не обваливалась вниз. Ее разбивали на мелкие части и тачками отвозили по доске туда, где начиналась насыпь.

Таким способом удавалось иногда выработать по пять кубометров на человека в смену и получить 800 г хлеба.

Но когда выемка для будущего полотна подходила к концу и требовалось снимать грунт небольшой толщиной, работа почти не двигалась с места: от ломов отскакивали только маленькие кусочки земли. Так было в случаях, когда надо было начинать работу на новой выемке. В ход снова шли костры, которые надо было поддерживать день и ночь, добывая в лесу дрова.

Иногда на объекте появлялся начальник строительства Бове.

- Ну, как, орлы, идут дела?

- Да плохо, Данила Григорьевич! Сами видите: земля сильно промерзла и ее с большим трудом удается выбирать. Нормы очень большие!

- Э, Егорыч, как тебе не стыдно! Посмотри на себя, бригадир, мужчина двухметрового роста, а говоришь: "нормы большие", "не справимся". Да я вижу, вы даром хлеб хотите есть!

- Никто этого не хочет. Ослабели мы сильно. Поймите нас, товарищ начальник!

- Но и вы нас тоже поймите: не можем мы вас даром кормить. Работайте!"

Не правда ли, примечательный эпизод описан в повести Антона Кноля? Ясно видно: не людьми, а рабочим скотом считал начальник подчиненных ему работников, знал, никуда им, немцам, не деться, под конвоем живут. За полкило хлеба все тут костьми лягут.

Чем не Некрасовская "Железная дорога":

Прямо дороженька: насыпи узкие,

Столбики, рельсы, мосты.

А по бокам-то все косточки русские...

Только на этот раз не русские, а российско-немецкие. Сходство такое, словно о нас писал великий русский поэт:

Мы надрывались под зноем, под холодом,

С вечно согнутой спиной,

Жили в землянках, боролися с голодом,

Мерзли и мокли, болели цингой...

Будто не о крепостной, невольничьей России, а о наших сороковых годах повествует певец российского горя! Сто лет с той поры прошло, а принудительный, каторжный труд остался. И дорогу строили так же: лопатой, тачкой, киркой. И умирали от того же тысячами.

Приведу еще одну выдержку из повести Антона Кноля:

"...Егор сразу же начал разыскивать тестя. И вскоре это ему удалось. Он находился в "слабосильной команде":

- Здравствуй, отец!

- Что тебе от меня нужно? - кое-как выдавил из себя тесть.

- Да вы что, меня не узнаете? Егор я.

- Какой Егор? Егор...

- Да как же? Зять я ваш. Егор Пауль!

- А Егорка, это ты? Плохо мне, сынок. Очень плохо.

- Я принес немного хлеба и сала.

- Егорка, надо на всех поровну разделить. Видишь, эти люди тоже есть хотят, не один я. Отдай им все...

- Ладно, отец, поднимитесь маленько... Сейчас я вам помогу...

- Не надо, сынок. Все... Я уже не жилец... Пришла моя кончина...- с трудом выдавил из себя Антон Большой.

- Нет, я спасу вас! Вот, - Егор откусил кусочек от хлеба и от сала и положил тестю в рот. - Ешьте!

Отец закашлялся, и драгоценные крошки разлетелись по сторонам. Тут же десяток наблюдавших за ними людей, сбивая друг друга с ног, что-то мыча, кинулись за этими крошками.

- Люди, что вы делаете?

Егор достал перочинный нож и разрезал хлеб и сало на маленькие кусочки. Протягивая костлявые руки и чавкая цинготными ртами, люди навалились на Егора.

- Мне! Мне!

Егор стряхнул с себя десяток скелетов, собрал в руки кусочки хлеба и сала и стал класть их каждому в рот. Они с жадностью жевали, причмокивая, как грудные младенцы.

Он подошел к тестю, чтобы еще раз попытаться покормить его. Но было уже поздно. Антон - совсем небольшой - лежал на спине с широко открытыми, глубоко запавшими глазами, полными печали и слез..."

Только два эпизода из рукописной повести Антона Кноля о Котласе, рядом с которым можно поставить, наверное, только Колыму. Расстояние - 8 часовых поясов, а порядки были одни и те же. Один почерк, одна изощренная садистская рука отправляла в мир иной тысячи, сотни тысяч, миллионы живых людей. Это по ее мановению уходило через "райские ворота" ОПП бесчисленное количество немецких "доходяг", которые оказались по другую, роковую сторону жизни, проведенную через каждый из бессчетных лагерей НКВД. Для них, будто это было в блокадном Ленинграде, не нашлось спасительных граммов продовольствия, чтобы сохранить жизни чьих-то отцов, мужей, братьев и просто людей.

Мне неведомо, где хоронили трупы из нашего 4-го стройотряда, хотя видел, как их вывозили из лагеря на санях, и вахтер, пересчитывая, протыкал каждого для большей верности (чтобы живой не убежал) железным штырем. Что касается центральных лагерей, то о пустыре, находившемся за заводскими корпусами, мне рассказывали многие. Когда в 1945 году я проезжал по этим местам в сторону станции Баландино, мне

показали березовый лес, в котором зимою 42-43-го громоздились штабеля трупов, свезенные из всех близлежащих лагерей Бакалстроя.

По весне их сбрасывали в огромные ямы на пустыре, через который теперь пролегала дорога. Стоило отойти на несколько метров в сторону, как земля начинала "дышать" под ногами, будто на болоте.

Уже тогда, в 1945 году кругом зазеленела трава и не видно было признаков захоронений. Никто и теперь не подозревает, что десятки тысяч погубленных душ ушли через этот чистый березовый лес в безвестность.

Как совсем недавно рассказывала Герта Владимировна Факанкина, жительница Металлургического района Челябинска, одна из инициаторов движения за увековечение памяти мучеников лагерей Бакалстроя, площадь массовых захоронений - грандиозных людских могильников - в этом месте занимает целых 8 гектаров. Еще не так давно там был пустырь. Но после того, как несколько лет назад здесь начали ловить черепах, которые поселились в бывших могилах, и захоронение нарушилось, подсобное хозяйство распахало пустырь под посевы. По сей день лемехи плугов выбрасывают наружу людские кости. Кощунство стало обыденным.

Но хоронили умерших лагерников не только на поле у березовой рощи. В первую зиму 1942 года их окоченевшие тела свозили в район, расположенный за Доменстроем. Недалеко оттуда находился 9-й стройотряд, состоявший из "доходяг", которых тоже свозили из других лагерей Бакалстроя на "легкий труд".

Основной работой этих истощенных донельзя людей было рытье ям для захоронения собственных и привозных покойников. Складировать в роще их стали только следующей зимой. Сегодня зарывали одних, завтра других, а через несколько дней - позавчерашних могильщиков. Иногда в те ямы, которые они сами выдалбливали в кристально мерзлой, неподдающейся земле.

Это был универсальный конвейер, смысл и назначение которого состоял в том, что люди закапывают сами себя. В нескончаемом потоке труп родного брата узнать было невозможно: голод отнял у людей индивидуальные черты, превратив в одинаково голые черепа и неотличимые друг от друга кости скелетов. Разными были только номера на привязанных к ногам фанерных бирках, взятые из тех самых формуляров с оттисками пальцев, которые не так давно заполнялись покойниками под веселые шутки остряков.

Сил у могильщиков было мало, и они откровенно халтурили. А весною, когда пригревало солнце, мелко выкопанные и плохо засыпанные траншеи заполнялись водой, тела всплывали наверх, и всю работу приходилось начинать сначала.

Летом 1943 года, когда была задута доменная печь, через эти места пролегала насыпь эстакады, с которой на человеческий могильник огнен-

ным потоком вылились первые тысячи тонн шлака. На этот раз строители комбината были захоронены надежно!

- Вот так. А вы пишите: "Надо поставить памятник погибшим строителям комбината!" Где его ставить? Все следы тщательно скрыты, - такими словами закончил свой рассказ о 9-м, "специального назначения" стройотряде Яков Христианович Раль, пенсионер из города Фрунзе.

Он был в 7-м стройотряде художником, а в 9-м его нередко посылали для написания патриотических лозунгов во славу Партии, Правительства и Великого Сталина. Эти лозунги осеняли последний путь невинных жертв изуверской системы геноцида.

Истинную же славу им, нашим вождям, пропел в своей повести Антон Кноль. Мне кажется, нелишним будет привести из нее еще одну небольшую цитату.

"...Слабосильная команда ("СК") редела с каждым днем. Утром к бывшим складам, где мы жили, подъезжал трактор "ЧТЗ" с длинными санями, изготовленными самими "доходягами". Спецкоманда из числа СК, получившая усиленный паек, спускалась вниз, где в нечеловеческих условиях жили и умирали люди.

- Ну, есть у вас "наши", застывшие? - подходили к нарам и спрашивали "похоронщики". Им молча показывали на нары, где вперемежку лежали до предела ослабевшие и уже мертвые тела. Те стягивали их с нар, брали их за ноги и за руки, а иногда и просто волоком тащили по ступенькам наверх. Иногда прихватывали еще теплых, чуть живых, но уже находящихся "на грани" и тоже волокли к саням. Стаскивали там с них одежду, которую бросали в общую кучу, а тела грузили на сани, как бревна, навалом.

- Больше нет у вас дохлых?

- Нет, завтра приезжайте. Еще будут.

Нагруженные покойниками сани с могильщиками наверху, доезжали до больших общих ям и умерших закапывали, как скотину".

Думаю, под истинностью этих сцен, подпишется каждый трудармеец и каждый политический узник общего их дома - ГУЛАГа.

Груды жертв! Холмы скелетов!

Заслуженным памятником вождям была бы гора черепов загубленных ими людей. Это был бы новый "Апофеоз", достойный бериевщины и эпохи сталинизма.

ИЗГОИ В СОБСТВЕННОЙ СТРАНЕ

...Это был бы один из парадоксов того, сотканного из противоречий времени: смерть на одном полюсе рождала жизнь на другом. Голодные, еле передвигавшие отекшие, покрытые язвами ноги, строители-призраки с трудом взбирались на головокружительную высоту. Несмотря на небывалые морозы той зимы, они работали, хотя и медленно, но упорно, сантиметр за сантиметром поднимая ввысь металлические конструкции, продвигая вперед стройку. Все ближе к цели - пуску комбината и к собственной гибели. Безмолвно, безропотно, повинуясь единому в той двойственности чувству долга и року.

Все это можно было бы выдать за беспримерный трудовой подвиг десятков тысяч людей - с одной стороны, оно так и было, - если бы не одно обстоятельство.

В раздумьях о собственной судьбе и участи собратьев по несчастью я нередко приходил к выводу, что в сущности мы никому не были нужны. Ни стройке, ни стране. Что вовсе не для того нас собрали, чтобы в кратчайшие сроки построить металлургический комбинат, дать "сталинский" металл военным заводам, делом помочь фронту. По прошествии времени, благодаря открывшейся возможности оценить всю глубину варварских методов и целей всеобъемлющего ГУЛАГа, в недра которого нас упрятали, стало еще более очевидным, что все наше жизнеустройство, Бакалстрой, как и все другие лагеря для советских немцев, были запрограммированы не столько на созидание, сколько на изоляцию и методичное уничтожение "спецконтин-гента", к которому, наряду с многочисленными "врагами народа", были причислены и советские немцы. Это была ставка на антинемецкий геноцид.

Уверен, никто никаких прямых циркуляров, подобных гитлеровским, на этот счет не издавал и варварских доктрин открыто не высказывал. Никого из нас к стенке не ставили и в крематории не загоняли. Сделать это не позволяла официальная доктрина о социалистической законности, социалистическом демократизме, социалистической справедливости, о свободе и равноправии народов. Такая чисто театральная условность, словесная игра была!

В утвердившихся традициях советского фарисейства этой цели можно было достичь более "благообразным" способом. Достаточно было одним росчерком пера снизить нормы нашего питания до пределов, превращавших жизнь в муку постепенной, но верной гибели.

Неоценимое с ханжеской точки зрения достоинство этого метода умерщвления неугодных состояло в том, что его в любое время можно было оправдать "объективными" обстоятельствами: война, мол, катастрофический дефицит продовольствия, кто-то должен умереть, чтобы выжили другие. Пусть ими будут враги народа. А если по отношению к "своим" немцам это и "не совсем" законно, то все-таки "объективно", "справедливо". Во всем-де виновата война, которую, как известно, не мы начали...

В системе ГУЛАГа в наиболее тяжелом положении находились заключенные в лагерях для "трудмобилизованных". Дополнительное свидетельство об этом принадлежит Эльзе Яковлевне Комник, проживающей в городе Валге, в Эстонии. Давний знакомый ее семьи Петр Андреевич Шпехт после окончания строительства железной дороги Ульяновск-Казань в числе нескольких тысяч других "трудмобилизованных" был этапирован на лесоповал в Свердловскую область. Случайно попав както на весеннюю прорывку турнепса, он и его товарищ захватили с поля по килограмму корешков, за что были приговорены судом к одному году принудработ в исправительно-трудовой колонии.

Там они тоже работали на лесоповале, но по сравнению с "немецким" лагерем питание в ИТР было настолько лучше, что по истечении срока наказания им не хотелось возвращаться назад. Просили руководителей лагеря оставить их в колонии еще хотя бы на год. Но из этого, конечно, ничего не вышло. Они очень сожалели, что не взяли тогда на два-три килограмма больше, поскольку за каждый килограмм давали по одному году заключения.

Еще и сегодня мой знакомый из Соколука Егор Филиппович Вельмс, находившийся в лагерях Кизилшахтстроя, бывшей Молотовской области, убежден в том, что осенью 1942 года вместе с другими доходягами копал могилу, рассчитанную на всех "трудмобилизованных" их лагеря. Так по крайней мере утверждали начальники из вольного состава, вымещая на них накопившийся за время войны праведный гнев на гитлеровцев:

- У, немчура, проклятая! Ни на что не надейтесь! Всех в могилу загоним, а фашистам не отдадим!

Как далеки были эти горькие обвинения и угрозы от реальных наших чувств, надежд и стремлений! Никто из нас в победу Гитлера не верил, и сильнее смерти была витавшая вокруг нас несправедливость. Каждый предпочел бы погибнуть на фронте в битве с фашистами, чем лагерной пылью бесследно исчезнуть в бесконечных списках ОПП. Об этом были все думы, мечты и надежды, в этом виделось единственное спасение от смерти и унизительной колючей проволоки.

Нигде, наверное, так легко не верят слухам, как в лагерях для заключенных. И нигде в большей степени, чем в неволе, желаемое не выдается за действительное. То затухая, то накатываясь с новой силой, волною проходили слухи по баракам, занимали людей на перекурах. Все они порождались двумя сокровенными желаниями: быть отправленными на фронт или на работу в сельском хозяйстве. В воспаленных умах голодных, униженных людей оба желания связывались с избавлением от лагерного режима, от конвойных собак, оскорбительных прозвищ, с возможностью досыта поесть. Перед пулей врага страха никто не испытывал: со смертью каждый и без того ходил в обнимку.

Но все мечты и надежды разбивались о жестокую реальность, которая начисто уничтожила в людях остатки веры в справедливость и в возможность когда-нибудь выбраться из лагерного ада. Год неимоверных физических и психических страданий, голодной скитальческой жизни превратил еще оставшихся в живых людей в серое сплошное месиво, в котором трудно было узнать даже хорошего знакомого.

- Ну, человек! Неужели это ты? Куда же делись твои щеки и толстый зад? - спрашивал один.

- Они там же, мой друг, где и твой толстый живот, - отвечал другой.

- Сохранить бы кости - мясо нарастет!

Такой разговор можно было услышать между еще сохранившимися оптимистами, которых, однако, становилось все меньше и меньше. Счет в лагере шел теперь уже не на годы, а на месяцы, недели, дни...

Будто сегодня, предстают передо мною картины тех лагерных зимних дней начала 1943 года. Все трудармейцы одеты в одинаковые, изрядно износившиеся, прожженные у костров, стеганные на пакле бушлаты, брюки, чуни и подобие шапок. Одежда намного больше хрупкого, почти невесомого тела. Некогда аккуратные немцы выглядят уродливыми манекенами, а еще больше - огромными чучелами. У всех одинаково истощенные синие лица - как говорится, щека щеку съела - и обмороженные, почерневшие носы. Серая кожа так обтянула кости - хоть череп по нему изучай. И одинаковая у всех медленная, шаркающая походка: не только не поднимаются ноги, но и сползают, не держатся на ногах тяжелые чуни, подшитые килограммового веса срезами из автомобильных скатов.

- В штрафном 13-м стройотряде я весил сорок девять килограммов,- сказал мне как-то Виктор Вернерович Штирц, почти двухметрового роста мужчина.

Думаю, что мой вес в то время был еще меньше.

Это зарисовка с натуры, сделанная в "работоспособной" части лагеря. В нем " трудмобилизованные" бедолаги хотя и плохо, но все-таки еще держались на ногах. В двух других его частях - бараках "оздоровительно-профилактического пункта" и в морге - картина однообразней: в воздухе ОПП неизменно витала, выискивающая очередную жертву, смерть, в морге она была единственной и неизменной хозяйкой.

- Мастерская в 7-м стройотряде, где я работал художником, - рассказывал Яков Христианович Раль, - размещалась над подвальным помещением морга. Каждое утро там грузили по 60 - 100 трупов на тракторную тележку и отвозили за Химстрой.

- Это же невероятная цифра! - пытался я возразить. - В таком случае за три месяца там не осталось бы ни одного человека.

Так бы оно и было, если б стройотряд постоянно не пополнялся за счет новых мобилизаций, снятых с фронта красноармейцев и командиров, задержавшихся в стройбатах, и за счет перевода из других стройотрядов, которые заполняли военнопленные. А из первых лагерников в 7-м стройотряде действительно почти никого не осталось, все ушли за Химстрой, - уточнил Яков Христианович...

Я испытываю неудобство перед читателем. Однообразно! Опять смерть, опять унижение человеческого достоинства, опять неслыханные мучительства, которые и животному-то не вынести! Тот, кто не прошел через все это, не поймет меня. И даже, возможно, не поверит. Но именно так в действительности выглядели зимой 1942-1943 года усиленные военным режимом концентрационные лагеря, в которых заживо были погребены наши немецкие мужчины.

Читая замечательную повесть Евгении Гинзбург "Крутой маршрут", вижу: в одном царстве-государстве находились наши лагеря – царстве Змея Горыныча, подвергшего нечеловеческим мучениям миллионы людей, сеявшего горе, несчастье, смерть. Но и здесь нахожу подтверждение тезису, что даже политические и уголовники содержались относительно с нами лучше. Если термин "лучше" вообще применим к тому поистине адскому существованию.

Читаю у Е.Гинзбург: "...И тут маятник словно качнулся в другую сторону. Раздался окрик сверху: "А план кто будет выполнять?" А после окрика - акции официального гуманизма, отмененные было в связи с войной. Снова открылся барак ОПЗ (оздоровительный пункт). Доходяги помоложе, которых еще рассчитывали восстановить как рабочую силу, получали путевки в этот лагерный дом отдыха. Там царила нирвана. И день и ночь все лежали на нарах, переваривая полуторную пайку хлеба.

Но и тем дистрофикам, которые не попали в ОПЗ, стали щедрее давать дни передышки. В обеденный перерыв снова стали выстраиваться перед амбулаторией очереди доходяг с протянутыми ложками в руках. В ложки капали эликсир жизни - вонючий неочищенный жир морзверя, эрзац аптечьего жира..."

Всё - похоже, всё - так же, как у нас. Будто близнецы-братья были наши лагеря. Такие же мученические пытки режимом, каторжным трудом, непроходящими приступами голода.

Все так. С той лишь разницей, что вопреки законам физики маятник в наших, "немецких" лагерях двигался только в сторону дальнейшего "завинчивания гаек". Никто полуторную пайку хлеба, на нарах лежа, не переваривал, никакой передышки дистрофикам не давалось. Да и вообще, до лета 1943 года почти ни у кого не было ложек. Их еще год назад выбросили за полной ненадобностью. Не было ее, конечно, и у меня: пару кусочков тур-

непса и столько же рыбьих косточек, что оставались иногда на дне котелка после питья через край, можно было достать и пальцами.

Выходит, концлагеря для "трудмобилизованных" советских немцев успешнее работали на истребление "живой силы", чем колымские!

Своим восемнадцатилетним умом я понимал, что судьба наша и сама жизнь зависят от развития событий на фронте, от исхода войны. И дело было не только в сохранении советских немцев как национальности, но и в существовании каждого из нас в отдельности. Яснее ясного было, что в случае победы гитлеровцев никому из нас не остаться в живых. Причина? Исторически общий язык, а главное - общее, ставшее ругательным, неприличное имя "немец".

Сегодня спрашиваю: возможно ли что-нибудь более безрассудное и чудовищное, чем ставить своих соотечественников на одну доску с врагами? И считать их врагами? И поступать с ними, как с врагами? И уничтожать их, как врагов? Не имея на все это абсолютно никаких оснований!

К счастью, не довелось Великому Душегубу Берия довести до конца дьявольский план Родного Отца советских народов. Спутала карты им Красная Армия, одержав долгожданную победу под Сталинградом. Победу, выкованную народом в тылу и омытую кровью его сыновей, вряд ли знавших, скольким поруганным, обездоленным и обреченным вселила она надежду на жизнь.

Трепетным пламенем загорелся в наших душах ее огонек! С замиранием сердца следили мы, как идут дела на фронте, оставшиеся силы вкладывая в работу ради победы. Победы над фашизмом во что бы то ни стало. Это помогало нам преодолевать ничуть не облегчившийся абсурдный режим и удерживать нависший над нами дамоклов меч голодной смерти. Веру в будущее вселяло и то, что во время вечерних поверок наряду с привычными приговорами военного трибунала нам стали зачитывать победные сводки Совинформбюро, а на центральной аллее лагеря рядом со стендами о трудовых подвигах "трудмобилизованных" появились газетные витрины. "Правда" перестала быть для нас недоступной. Теперь по мысли попечителей наших душ ее содержание не могло больше "подпитывать надежды враждебных элементов", быть источником "нежелательных" слухов.

Но понадобилась еще одна, решающая победа на Курской дуге, чтобы маятник качнулся, наконец, и в наших "трудармейских" лагерях к добру. Наступило время, хоть и частичных, но жизненно важных перемен, самой главной из которых была остановка конвейера смерти. В бесконечном темном тоннеле мелькнул впереди еле различимый, слабый, но обнадеживающий свет!

- Боже мой! Теперь нас, может быть, оставят в покое и даруют жизнь! –

с тайной радостью говорили при встрече доходяги, желая если не себе, то хотя бы другим людям выжить.

Это было в июле 1943 года - года крутого перелома в истории страны

и в нашей "трудармейской" жизни. Нам великодушно позволили жить,

чтобы трудиться, увеличив нормы питания.

Оставшиеся в живых сработали первую очередь объектов Челябметаллургстроя НКВД СССР, как теперь стал называться Бакалстрой. Будто

в память погибшим в высоту поднялись и дали продукцию доменные и электросталеплавильные печи, прокатные станы, коксохимические батареи, бакальский железный рудник. Выплавленный металл превращался в танковую броню, пушки и автоматы, "катюши" и солдатские каски - во все то, что помогло очистить советскую землю от фашистской нечисти.

Но знает ли кто-нибудь в нашей стране о трудовом вкладе советских немцев в возведение Челябинского металлургического комбината? Никто не знает. Не найдете вы никаких следов ни в Челябинске, ни в Нижнем Тагиле, ни в Краснотурьинске, ни в других местах и весях, где трудились и умирали в войну советские немцы. А почему?

Почему до сих пор нам, немцам старшего поколения, приходится отвечать на подозрительный вопрос: "А чем занимались вы во время войны?" И не ответишь, ибо никаких письменных следов, никаких наград, никаких льгот! И ни одного слова в официальных документах и прессе на протяжении полувека! Да и теперь говорится об этом нехотя, сквозь зубы... Замалчивание на уровне государственной политики - это тоже способ борьбы с неугодны-ми. Убийственный способ!

Тогда же мы верили, что справедливость восторжествует. Не может не восторжествовать! Надо только, чтобы быстрее кончилась война, и все образуется, все снова станет на свое место... Ведь сколько горя пережито, сколько жизней положено, сколько свершено! Не может не быть зачтено!

Подспудное, неосознанное стремление приобщиться к общенародному делу борьбы с фашистскими захватчиками нашло у нас, в Челябметаллургстрое своеобразное проявление в таких новообразованиях, как "трудовой фронт" и "трудовая армия". В официальных документах таких терминов вы не найдете. Это плод немецкого "народного творчества". Как и выражение - "курская дуга", которым обозначали цепь важнейших объектов Челябметаллургстроя - ТЭЦ, доменных печей и проката. А "Боевые листки" и воспринимались как оперативные сообщения с передовой.

Ласковым фронтовым словом "ястребок" называли шоферы свои юркие полуторки, стремительно, насколько это позволяла газогенераторная установка, носившиеся по стройке.

- Ястрепок сахлёх, котелёк - под сиденьем! - такой диалог, ставший нарицательным, будто бы состоялся по телефону между шоферами-сменщиками.

- Ну как, не сахлёх твой ястрепок? - незлобно подшучивали после того над шоферами газогенераторных автомашин.

Строительная многотиражка в унисон со сводками Совинформбюро сообщала о новых промышленных объектах, сданных в 1944 году: еще одна доменная печь, еще один прокатный стан, еще одна очередь коксохимиического завода и еще один котел теплоэлектроцентрали. "В труде, - как в бою!" - таков был рефрен этих победных сообщений.

К нему хотелось добавить: вдвое быстрее, чем раньше, и вдвое меньшим числом. Вот что значит сносно кормить людей! Почему это нельзя было сделать с самого начала?..

Утверждают, что сознание людей и их земные дела есть частичка и плод космопланетарной связи. Если это так, то небу было угодно, чтобы именно весной были повергнуты в прах два жесточайших тирана Земли. В лучший из весенних месяцев - в мае суд праведный отправил в бензиновый костер кровавого Гитлера, открыв перед людьми всего света новые надежды на жизнь, на будущее.

У советских немцев отняли все: малую родину, автономию, имущество, кров, семью, личную свободу, честь. Взамен наградили ненавистным клеймом пособника врага, изменника Родины, фашиста, виновника всех бед народных. Так мог ли быть еще народ, который жаждал победы над виновником всех бед - германским фашизмом - сильнее, чем они, советские немцы?

И вот пришла она, долгожданная, кровью и слезами омытая, великая Победа! Прогремела, засияла разноцветьем столичных салютов. Помню я тот день: вывесил на лагерных воротах полотнище с собственноручно выведен-ным словом "Победа!!!" Но никто почему-то не орал от радости, не обнимал-ся и не плясал, как потом мы видели в киножурналах. Встретили тихо, будто усталые путники, присевшие после долгого, утомительного пути. Чуяло сердце: нескоро нашим невзгодам наступит конец. Это только радость кончается враз, а горе потому и держится, что никому ничего не стоит - ни денег, ни хлопот. Да и сколько разрушений принесла война. Гитлером раз-вязанная, сколько работы впереди! Видно, нам расхлебывать - немцы же, хоть и советские.

Предчувствия не обманули нас, все осталось, как было, без изменений. На вахте по-прежнему восседал вооруженный вохровец, отвечавший за наличие "немецкого поголовья". Сохранялся "смягченный" временем, но тем

не менее лагерный режим. Возвращение отнятых свободы и доброго имени, права на личную жизнь, семью и даже проявление чувств, на политическое доверие, равенство в обществе, на справедливость были по-прежнему недо-

сягаемы, а положение - неопределенным. Будто невесомость, подвешенное состояние какое-то, когда человек гребет руками и ногами, а сдвинуться с места не может: нет опоры.

Мир застыл вокруг нас, будто в ледниковую эпоху вернулся. Мы оста-вались "трудмобилизованными" с барачной вонючей неустроенностью и клопами, неизменным котелком и вечным ворчанием желудка на нехватку еды.

Прошел победный 1945-й, медленно, по-черепашьи прополз 1946, а о нашем "деле" никто не вспоминал. Потерялось оно в бесконечных кремлев-ских лабиринтах. Никто персонально за него не брался. Все ждали, куда отнесет ветер дымок от трубки Самого, туда и повернет Берия нашу судьбу.

Не вписывались мы в советское общество, еще не отошедшее от эйфории победы над фашистами. Заигрывая с поверженным врагом на Западе, режим продолжал мстить советским немцам на Востоке. К тому же, начиная с 1943 года, в местах, куда депортировали немцев, интенсивно накапливался новый "враждебный материал". С Кавказа и Закавказья, из Крыма и Прибалтийских республик, из Калмыкии по проторенной советскими немцами дорожке по-тянулись эшелоны "телячьих" вагонов, увозивших в ссылку новых изгоев общества, подобранных по национальной принадлежности. Вопрос "немец-кий" утратил свою исключительность и мог рассматриваться только в комплексе с другими.

Как промежуточное решение в начале 1947 года была "отменена" "трудармия". Наше освобождение состояло в том, что вокруг бараков срыли опоры проволочного ограждения, а "личный состав" лагеря зачислили в штат Челябметаллургстроя МВД СССР и передали под власть коменданта. Теперь не у начальника лагеря или колонны, а у коменданта вчерашние"трудмобили-зованные", ныне "спецпоселенцы" должны были испрашивать разрешение на каждый свой шаг.

Нам великодушно разрешили иметь семью. Не смешанную, правда. Русских девушек, отважившихся на "связь с немцем", "прорабатывали" на комсомольских собраниях, "несоюзную молодежь" вместе с родителями вызывали "на ковер", в том числе и к оперуполномоченному МВД. Уговаривали, убеждали, угрожали. Иногда безуспешно: реальная жизнь не вписывалась в придуманные политические схемы. Ничего не сдерживало людей одинаково обездоленных, не имевших ни жилья, ни документов, ни имущества, ни средств на его приобретение. Условные супруги - не только молодые - продолжали жить в прежних своих бараках, лишь иногда разделяя случайный ночлег. Не был исключением и я, принесший в семью Вальдбау-еров главное свое богатство - котелок.

Помог бедолагам бывший начальник лагеря Сиухин, отмерив своими коротконогими шагами по десять соток земли на каждого для строительства времянок. Он же дал шуточное название новому поселку -

"Фрицбург". До сих пор стоит он у въезда в совхоз "50 лет СССР", застроенный добротными домами.

Точка опоры - твердая, сталинская - появилась в конце 1948 года. В один из дней заведующая начальной школой, в которой я уже два года работал учителем, сказала:

- Приехал из района человек с плохими вестями.

- Что, опять нас выселять будут?

- Нет, наоборот...

На следующее утро в набитом до отказа клубе нам прочитали Указ Президиума Верховного Совета СССР о том, что мы, немцы, как и некоторые другие народы, выселены из своих родных мест навечно и выезд с места поселения без особого разрешения органов МВД карается каторжными работами до 20 лет.

И попросили расписаться, что с Указом ознакомлены.

Теперь все стало на свои места. Затянувшаяся на три с половиной года неопределенность закончилась. Нас возвели в ранг спецпоселенцев - узаконенных изгоев социалистического общества. Всех - и старых и малых. И тех, кто только родился, и тех, кому еще предстояло появиться на свет. Образовался особый вид наследственности - от спецпоселенцев мог родиться только спецпоселенец с несмываемым клеймом государственного преступника. Весь народ, меченый тавром презрения, неприкасаемости, навечно, а не на век одного "виновного" поколения или одной "преступной" жизни поставленным. Даже те, кто за немцев замуж выйти осмелился, - мечеными стали, будто проказой заразились. Освобождались лишь немки, вышедшие замуж за представителя "правильной" нации.

Начался новый, послевоенный этап в антинемецкой, во внутрисоюзном исполнении, политики Сталина - жизнь под сапогом коменданта, чаще всего очумевшего от власти самодура из всесильного НКВД-МВД. Суть этой политики заключалась в том, что прикованные к новым местам обитания в иноязычной среде, без своих школ и учителей, подгоняемые вездесущим "образом врага", немцы должны будут стремиться к освобождению от своего национального клейма, к слиянию с окружающей русской языковой и культурной средой. Это было развитие старого лозунга: "Советские немцы должны исчезнуть с лица земли!". Геноцид физический сменился геноцидом духовным.

Это был третий этап в цепи антинемецких репрессивных акций, сравнимых лишь с энциклопедическим Дантовым адом.

Первым этапом - первым кругом Дантова ада - была депортация обобранных до нитки, лишенных родины и государственности, оклеветанных ложным обвинением, униженных людей.

За ним последовали заточение в концентрационные лагеря мужчин и "мобилизация" в "трудармию" женщин, каторжный труд, смертельные условия существования оставшихся "на воле". В результате этих мер немецкое население в стране сократилось с 1,5 миллиона человек в 1939 году до 1,1 миллиона в 1949 году. А если учесть, что на послевоенные 1947-1949 годы приходится наиболее высокая рождаемость в немецких семьях, соединившихся и вновь образовавшихся после "трудармии", то можно утверждать, что число умышленных жертв было значительно больше, чем 400 тысяч человек.

Спецпоселение - это рожденная эпохой социалистического строительства форма ограничения свободы граждан СССР - "врагов нового общественного строя". С ее помощью был ликвидирован "последний эксплуататорский класс" в нашей стране - кулачество (числом в 990 470 человек), большая часть которого сгноена в сибирской глухомани и на Севере. На вечное поселение в Казахстан и Сибирь ссылали тех представителей интеллигенции, которых не расстреляли и не обрекли на смерть в колымских лагерях. К вечному поселению были присуждены чудом не расстрелянные и не погибшие в лагерях "враги народа" после отбытия двойного или даже тройного срока.

Теперь на этот испытанный десятилетиями режим переводились наказанные Сталиным народы: 1 124 931 немцев, 316 717 чеченцев, 165 259 крымских татар, 83 118 ингушей, 81 475 калмыков, 63 327 карачаевцев, 47 284 турков-месхетинцев, 42 112 греков, 40 162 балкарцев, 12 465 болгар, 8843 курдов...

Декларативной целью тотального переселения народов, учреждения над ними надзора МВД было наказание за несуществующую вину. Действительной - устрашение для еще не задетых репрессиями народов Советского Союза. Конечная цель акции - устранение "наказанных" народов путем принудительной ассимиляции, главным образом, руссификации. Реализация этой "тихой", "бескровной" сталинской формы геноцида возлагалась на органы надзора - МВД с его системой спецкомендатур. "Мудрая" сталинская национальная политика вела к запланированному полному слиянию всех по отдельности и в целом - этносов страны.

Не допуская изменения места жительства и возможности собраться в национально компактные группы, спецкомендатуры должны были остановить развитие национальной культуры, образования, рост интеллигенции, социальной и политической роли отдельных народов. Вездесущие органы МВД - МГБ использовали свои механизмы для социальной изоляции спецпоселенцев, оставив за последними только одну, рабскую роль - занятие неквалифицированным физическим трудом.

Как и представители других депортированных народов, немцы были лишены права занимать посты, связанные с подписью документов, быть награжденными орденами, медалями и грамотами, избираться в Советы, партийные, профсоюзные органы и даже в президиум собрания.

Спецпоселенцев не принимали в партию и комсомол. Их фамилии запрещалось упоминать в печати. Названия этих народов были изъяты из статистических сборников, учебников, справочников, энциклопедий - из самой истории.

Одним росчерком золотого пера из реестра "братских народов СССР" было вычеркнуто двенадцать "провинившихся" национальностей. Над ними, как над утопленниками, замкнулась болотная гладь немоты, оставив лишь расходящиеся круги страха.

Советские немцы из "зоны" за колючей проволокой переводились в "зону", безмолвие которой оберегал теперь спецкомендант, опираясь на доклады старших по "десятидворкам" и добровольных доносчиков. В отличие от проволочной, эта "зона" была уготована навечно, пока существуют немцы как народ. Им, отверженным, давали понять: хотите, чтобы исчезла "зона", - быстрее русифицируйтесь!

Как все это выглядело в жизненной повседневности, я помню сам.

Но интересны воспоминания людей из разных мест. Вот что поведала мне Елизавета Степановна Шиц из села Люксембург. Их село возникло в Киргизии задолго до войны, но в 1946 году всех его жителей объявили спецпоселенцами и поставили над ними коменданта, который был главнее, чем председатели колхоза и сельсовета вместе взятые.

- Спецпоселенцы... Никто нас специально сюда не поселял, мы сами в 1928 году приехали, - до сих пор не может успокоиться Елизавета Степановна. - Дальше переезда по улице ходить нельзя, там Кант начинается. Кто-нибудь увидит, доложит коменданту, - пять суток ареста! На колхозное поле и то по разрешению районного МВД ездили. А во Фрунзе - это 15 километров от нас - уже разрешение из республики иметь надо было! И русские и киргизы на нас, как волки, смотреть стали. Помню, идем мы с мамой за переезд, она шепчет мне: "не говори по-немецки, обругают фашистами и камнями забросают!" Десятилетки у нас не было, в Кант учиться ходили, так наших ребят до самого 1970 года по дороге в школу и домой русские мальчишки били. За что? Почему? Разве немцы - не люди?

Представление о реальном положении наших, советских немцев и "правах" под властью спецкомендатуры даёт рассказ Егора Егоровича Штумфа. Он возвращает нас в 1946 год, когда формуляры многих "трудмобилизованных" - без их согласия, конечно, - перекочевывали из второго отдела Челябметаллургстроя в сейфы новой, сверхсекретной стройки МВД, зашифрованной под стройуправление № 859, или так называемый "Челябинск-40".

Теперь ни для кого уже не является секретом, что рядом с уральским городком Киштымом в глубокой тайне тогда началось сооружение первого в нашей стране завода по обогащению урана и получению исходных материалов для изготовления атомной бомбы.

Понаслышке мы в Челябметаллургстрое, конечно, знали, что "Киштым-Бултым" связан с "атомом". Это и интриговало, и настораживало. Дело было неизведанным, опасным, поэтому не случайно самой подходящей рабочей силой были признаны "трудмобилизованные" немцы. По мысли Берии, это был бросовый человеческий материал, которым можно было рисковать. Вроде подопытных кроликов... Эти предположения подтвердились, когда вскоре там произошел взрыв, и вдоль берущей начало из-под Киштыма реки Течь на много километров вниз по течению отселили все население.

На первых урановых рудниках тоже использовалась немецкая раб-сила. О том, как из-под Киштыма перевозили людей на эти рудники и рассказывал Егор Егорович.

- Вначале я работал на строительстве подземного завода, а потом как-то само собой получилось, что попал на оцепление, в Тюбук, на лесозаготовки.

И осенью 1951 года, нас, теперь уже спецпоселенцев - людей семейных, с маленькими детьми, без каких-либо церемоний посадили в товарные вагоны, оборудованные строже, чем для заключенных, и повезли на юг. Имущества тогда ни у кого не было, и в вагоны наталкивали по 40 - 50 человек. Сопровождающие конвоиры своеобразно позаботились о нашем питании: в дверях вагона оставили щель - ровно такую, чтобы не могла пройти голова человека, но можно было просунуть булку хлеба и другую нехитрую еду. Ее покупал в вагоне-магазине на собранные деньги доверенный человек. Никто не имел права общаться с посторонними. Для этого поезд сопровождало 79 конвоиров с 20 собаками. Я их специально считал, когда нас на перегоне выпускали на прогулку. Особенно впечатляющее зрелище представлял собой наш поезд ночью, когда он змеей изгибался на поворотах. Мы видели, как вдоль всех вагонов, будто праздничная иллюминация, горели гирлянды электрических лампочек. Сомневаюсь, чтобы с такими предосторожностями перевозили даже особо опасных преступников. На двенадцатые сутки мы прибыли в Ленинабадскую область, в неведомую горную щель, где в толще камня добывался уран и еще более опасная для здоровья человека ртуть. Для человека, но не для нас. Ведь мы для властей сначала были "выселенцами", потом лагерниками, "трудармейцами", а теперь - спецпоселенцами. Все равно - пятый сорт...

Признаюсь, меня, пережившего и перевидевшего немало в лагерях, рассказ этот просто-таки ошеломил. Неужели даже в 1951 году, когда давно кончилась война, которой пытались объяснить принятые по отношению к нам чрезвычайные меры, людей - семейных, с детьми - можно везти, как скот, в товарных вагонах, просовывая в щель скудную еду? А ночное освещение, а конвой?

Небольшое это воспоминание я привел здесь для того, чтобы читатель понял: не кончилась для советских немцев "зона" ни в 1945-ом, ни в 1951 году. Как были они изгоями, лишенными права свободно распорядиться

собственной жизнью, такими и остались. Будто проклятье опустилось над их головами!..

...Весна 1953 года очистила Землю от второго кровавого тирана, за которым тянется едва ли не больше невинных жертв, чем их принесла четырехлетняя, невиданная по жестокости Великая Отечественная война. Подобно зверю, поедающему собственных детей, учинил он геноцид против более десяти народов СССР. Советские немцы - только одна из сталинских жертв, пропущенная через мясорубку трех последовательных этапов геноцида: депортацию, советские концлагеря и спецпоселение.

За 15 лет, прошедших с 28 августа 1941 года по 13 декабря 1955 года, когда вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР "О снятии ограничения в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении", советские немцы понесли неисчислимые людские и моральные потери. Неисчислимые - поскольку на учет был поставлен запрет. Само наше существование окружено было молчанием, строгой секретностью - стране не положено было знать о том, что есть мы, российские немцы.

Как уже говорилось, немецкий народ СССР после войны недосчитался почти полумиллиона человеческих жизней - мужчин, женщин, детей. Это каждый третий от их общего числа. Особенно много было загублено мужчин, и немало вдов и несостоявшихся жен первыми проторили дорогу к асси-миляции, породив инонациональных детей и тем освободившись от режима.

Невосполнимыми были утраты нравственные. За колючей проволокой и вышками лагерей, за цепью конвоиров с овчарками на поводке, за стеной недоверия, клеветы и унижений остались вера в политическую справедливость, социалистическую законность и правопорядок, в гуманность советского общества. Место отличавшего наших немцев патриотизма, веры в советскую власть и даже мировую революцию заняли равнодушие, пессимизм, а еще больше - всесильный Великий Страх.

15 лет жизни в изоляции от общества безвозвратно поглотили веками хранившиеся ценности материальной и духовной культуры, наследственные от предшествующих поколений европейские традиции, народные обычаи. Невосполним урон, который нанес сталинско-бериевский режим немецкому литературному и народному языку. Фактически полностью была уничтожена национальная интеллигенция.

Трагичней всего, однако, является то, что приведенные в действие в черное время механизмы геноцида, ассимиляции и руссификации, продолжают действовать и сегодня. Часы, отсчитывающие время существования советских немцев, продолжают исправно идти. Несмотря на происходящие в обществе изменения, на перестройку.

Доказательство тому - реальный индикатор состояния народа – его язык.

Так, если в 1939 году в СССР немецкий язык в качестве родного назвали 95 процентов населения, а в 1959, вскоре после снятия режима спецпоселения - 75, то в 1979 году - только 57,7 процента (по одному проценту ежегодно). Реально же этот процесс идет намного быстрее, поскольку насле-дование языка и других элементов культуры происходит непосредственно

от одного поколения к другому. С уходом из жизни поколения довоенных лет рождения, представители которого еще владеют разговорным языком, немецкий язык практически исчезнет вообще.

Те же процессы происходят и в сфере национальной культуры, народных обычаев и традиций. Например, по данным социологических исследований, немецкие народные песни из 70-летних граждан знают 90 процентов, из 50-летних - 45 процентов, а их дети - не знают совсем. Такое же положение – со знанием и соблюдением народных обычаев и традиций.

Как уже говорилось, драконовские меры сталинизма губительно отразились прежде всего на немецкой интеллигенции. В Киргизии, например, из занятых в производстве немцев только 14 процентов составляют служащие. Если условно относить к интеллигенции людей с высшим образованием, то по данным переписи 1979 года на 1000 человек немецкого населения их было только 30 (для сравнения: из числа уйгуров - 40 человек, узбеков - 48, киргизов - 90, русских - 114). Особенно мизерна доля творческой и научной немецкой интеллигенции. Причем, ежегодно в Киргизии идет на убыль число студентов немецкой национальности: 1,36 процента от всех студентов в 1974 году и 0,82 процента - в 1985 году при 2,5 процента немцев относительно всего населения Киргизской ССР.

О том, с какими усилиями пробивались через комендатуры наши немцы, чтобы получить высшее образование, приведу один лишь типичный рассказ Якова Даниловича Мергеля, персонального пенсионера, бывшего работника Госплана Киргизской ССР.

В 1946 году он вернулся с Бакалстроя домой, к себе, в Кант. До войны успел закончить 10 классов и теперь задался целью поступить в какой-нибудь технический вуз. Первым долгом его поставили на спецучет и "замарали", как он говорит, его паспорт, внеся туда запись: "Разрешается проживать только в ПГТ Кант Киргизской ССР". Предупредили, что за пределы респуб-лики выезд для учебы разрешаться не будет.

Значит, запланированная Москва отпала. Выбора не было, и пришлось Якову Менгелю поступать на вечернее отделение филиала Московского финансово-экономического института. Был тогда такой во Фрунзе. Для поездки на вечерние занятия ему выдавали разрешение, которое надо было через коменданта ежемесячно оформлять в МВД республики. Нередко оно запаздывало на несколько дней или неделю. И тогда приходилось пропускать занятия.

Так произошло и в сентябре 1947 года. В тот раз он заявил коменданту, что пропускать занятия не может и вынужден поехать без разрешения. Через день его повесткой вызвал начальник райотдела МВД. Встретил криком:

- Ты почему нарушил режим и уехал в город без разрешения?

- Комендант затянул оформление пропуска, хотя я каждый день к нему приходил... - пытался оправдаться Яков Данилович. - Имею же я право на образование, как в Конституции записано!

- А, ты еще смеешь на Конституцию ссылаться! Не для вас она писана! - побагровел он от злости. - Снять ремень! Семь суток ареста! Конвой! Увести арестованного!

Вышел он из КПЗ совершенно опустошенный, раздавленный морально, готовый покончить с собой от нанесенной обиды. Потом подумал: не может такое беззаконие продолжаться вечно, наступит иное время, все изменится.

Однако на этом его злоключения не закончились. В 1951 году надо было ехать в Москву сдавать государственные экзамены. Разрешение ему, конечно, не дали. Спецпоселенца - в Москву? Нельзя! Только в 1954 году

ему удалось сдать госэкзамены, и то в Алма-Ате. В Москву даже после смерти Лучшего Друга советских студентов он поехать не смог.

Не меньшей помехой спецучет и немецкая национальность были и при устройстве на работу. В Минфин, Госплан не брали даже на пустячную службу.

- Работники Вашего профиля не требуются, - неизменно отвечали мне в отделах кадров, предварительно взглянув в диплом и обнаружив там немецкую фамилию. Хотя я точно знал, что это неправда.

Как знакома эта ситуация тем из наших немцев, кто пытался устроиться хоть на мало-мальски приличную работу! Даже после 1953 года! Вплоть до самого последнего времени. Железобетонной стеной стояли отделы кадров, оберегая свои учреждения от советских немцев!

- Только после снятия спецучета Яков Данилович смог поступить на работу по специальности. А до этого работал в колхозе. И оказался отличным работником. Начиная с 1971 года работал в Госплане республики, и вышел на пенсию в должности заведующего отделом.

"Типичная история!" скажут те из "счастливчиков", которые до войны успели закончить среднюю школу, пережили "трудармию" и после нее пытались получить высшее образование. Совершенно верно! Трудности были неимоверные: на дневное отделение их или не принимали, или заваливали на экзаменах, разрешение на выезд не давала спецкомендатура. А многие не поступали сами, потому что надо было зарабатывать на жизнь. Ведь тем, кому в 1941 году было восемнадцать, в 1946-ом стукнуло уже по

двадцать три, а пережитое делало их гораздо старше своих лет - и физически и духовно.

В связи с этим поделюсь таким небезынтересным наблюдением: из 54 моих собеседников - бывших "трудармейцев" - высшее образование имеют только трое. И то полученное после войны. Главным образом, заочно. На вопрос, знали ли они кого-либо из тех, кто имел высшее образование и пережил "трудармию", утвердительно ответило двое. Но почти все назвали фамилии "интеллигентных" людей, которые погибли в "трудармии" от голода.

Результаты этого простого подсчета не расходятся с официальными данными. Они дают основание утверждать, что органы НКВД – МВД в целом успешно справились с одной из поставленных перед ними задач по немецкому геноциду. "Вырубив" интеллигенцию в "трудовой армии" и задушив ее ростки в годы спецпоселения, они начисто обезглавили немецкую нацию.

Этот небольшой анализ подтверждает вывод о быстро нарастающем кризисе немецкого этноса в России, начало которому положили сталинские репрессии. История свидетельствует: с гибелью национальной интеллигенции, языка, культуры, обычаев, традиций наступает коллапс, гибель нации. Поэтому можно с уверенностью сказать: если в самое ближайшее время не будут предприняты действенные меры государственного масштаба, то советские немцы, один из крупнейших народов СССР, исчезнут еще до конца этого века. А то, что не успела с ними сделать депортация, трудовая армия, спецкомендатура, завершит их массовая эмиграция в немецкоязычные страны.

И тогда поставленная в 1941 году сталинско-бериевским режимом цель будет успешно достигнута. В том числе и усилиями современного, "демократического" партийно-государственного аппарата. Социалистическое общество сможет записать в свой актив еще одно злодеяние: в какие-нибудь полвека был перемолот двухмиллионный народ!

Осенью 1989 года Верховный Совет СССР принял "Декларацию о признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав".

Само по себе принятие этого документа является событием поистине историческим. Для репрессированных народов в особенности.

Но, к сожалению, лишь само по себе. Уже первый опыт по ее осуществлению свидетельствует о том, что для немецкого народа СССР она остается декларацией на бумажке. Принятое вслед за ней "Постановление о выводах и предложениях комиссии по проблемам советских немцев и крымско-татарского народа" - туманное по своей сути и не публиковавшееся в центральной печати - в реальности оказалось лишь искусно созданной в

недрах аппарата "бумагой". Оно вовсе не ставило и не ставит своей целью "обеспечение прав" немецкого народа как таковых.

Созданная Советом Министров СССР Государственная комиссия с самого начала ушла от решения главной проблемы - воссоздания автономной республики немцев на Волге. За полгода работы она сумела лишь родить странную идею - Ассоциации советских немцев. С правительством в Москве народа-бомжа. Правительством - без территории.

В качестве официального повода для такого поворота в решении затянувшегося "немецкого вопроса" было выдвинуто организованное партаппаратом противодействие созданию автономии со стороны населения районов бывшей поволжской республики российских немцев. Эту же причину назвал в своем выступлении в Нижнем Тагиле и президент СССР.

Никто, однако, не может сказать, что конкретно было сделано партией и государством для того, чтобы предотвратить недовольство и обеспечить принятие Постановления экономически, организационно и идеологически. Зато очевидно другое: шовинистическая по своей сути антинемецкая кампания на Волге направлялась местными партийными и советскими органами с одобрения Саратовского и Волгоградского обкомов КПСС и облисполкомов при молчаливом согласии московского руководства.

Организаторы этой злобной кампании сыграли на настроениях и чувствах наиболее отсталой части населения, живущего в условиях тотального товарного дефицита, неустроенности, бескультурья и митинговой стихии. Они сознательно использовали все еще бытующий в обыденном сознании этих людей стереотипный образ немца-врага и оккупанта. "Лучше СПИД, чем немецкая автономия!" - даже такой лозунг можно было встретить на прошедших там митингах.

Что это? Еще один блеф, попытка создать видимость решения "немецкого вопроса", как в Казахстане в 1979 году? Похоже? Да!

Аппаратные эти игры завели советских немцев в поистине тупиковую ситуацию: вопрос о восстановлении их государственности снят правительством с повестки дня, а рожденная в недрах партгосаппарата Ассоциация в лучшем случае способна лишь продлить агонию народа, но не спасти его от окончательного исчезновения.

В этих условиях единственным выходом из положения оказывается эмиграция из СССР. А не провоцируется ли сверху этот выход? Не изгоняется ли немецкий народ, два с половиной века живущий в России, со своей Родины намеренно?

На эти вопросы можно ответить однозначно - злодеяние, начатое Сталиным, продолжается.

Даугавпилс, 1990

Нора ПФЕФФЕР

- поэт, искусствовед. Родилась в семье тбилисских немцев. В 1935 году арестовали ее отца и мать, а 19 октября 1941 г. в 24 часа всех тбилисских немцев депортировали под конвоем. Норе как жене грузина разрешили остаться, но в 1943 г. арестовали и ее, осудили по статьям 58-10 и 58-11 к десяти годам заключения, к пяти годам ссылки и лишения прав. Была она в Мариинских лагерях Сибири, на лесоповале и в Норильских лагерях, в Дудинке. В тундре долбила кайлом мерзлый грунт… Ссылку отбывала в колхозе Северного Казахстана: пасла телят.

Жестки строки о мире жестоком,

Ощетины лагерной прозой.

Одиночка была их истоком

Там, где смертные грозы -

Не розы.

Эти строки, как тыщи осколков

Юных лет, размозженных террором:

О добре он кричал без умолку,

Мертвой хваткой сжимая мне горло.

Эти строки - лишь выкрики боли,

Правды, брошенной в пасть произвола

Ослепленные правду на бойню

Под конвоем вели, как крамолу.

Эти строки оплавлены скорбью:

Повелел человечность предавший

Вырвать с кровью и с корнем

Братьев, нас и родителей наших.

Эти строки, как стоны в пустыне

За колючкой погибших так рано…

С тех смертельных времен

И поныне сердце

В незаживающих ранах.

Фридрих КРЮГЕР

ОТВЕРЖЕННЫЕ

Воспоминания

Я родился в семье поволжских немцев в тяжелом восемнадцатом году. Мать частенько вспоминала, что, появившись на свет, я кричал так громко, долго и отчаянно, будто предчувствовал все муки предстоящей мне жизни.

У моего отца, сельского пастуха, было двенадцать детей, однако семеро из них умерли в детстве от недоедания и болезней. Отцу пришлось по жребию пять лет служить в царской армии, ведь известно, что жребии всегда "случайно" выпадали беднякам. Три года он воевал на турецких и персидских фронтах, а когда свершилась Октябрьская революция, бросил винтовку и вернулся домой. Только жить, как хочется, не получилось. Еще господствовали прежние порядки, и отцу пришлось прятаться от ареста под чужим амбаром. Через неделю отца выследили, по приказу сельского старосты постреляли под амбар и ушли, уверенные, что он убит. Отец чудом остался жив. Ночью он попрощался с матерью и отправился по темноте в Царицын к красноармейцам. И еще три года провоевал на гражданской войне.

Я был пятым по счету ребенком в семье. Мать, надрываясь, одна растила нас, но уберечь всех у нее не хватило сил, умерли мои старшие сестры Мария и Амалия. Когда единственная наша лошадка, наше спасение, околела, нужда буквально схватила за горло. С возвращением отца стало немного легче. Но ненадолго. В двадцать первом году Поволжье постигла небывалая засуха. Начался голод.

Ярко помню свое раннее детство. Некоторые эпизоды из него до сих пор стоят перед глазами, словно это было вчера. Помню "белую кухню" в двадцать втором году. Каждое утро возле церкви напротив нашего саманного домика появлялась длиннющая очередь голодных людей с ложками и мисками. Еду раздавали строго по списку. Получив черпак каши, ели ее тут же неподалеку. Брать еду домой не разрешалось.

Когда подходила наша очередь, мама поднимала меня, и я сам протягивал мисочку мужчине в медицинском халате. Эта спасительная "белая кухня" была помощью американцев голодающему Поволжью.

Из всей домашней живности у нас оставалась единственная курица-несушка. Отец строго-настрого запретил ее резать, а яйца, которые она снесет, велел отдавать мне, как самому младшему в семье. Перед тем, как снести яйцо, курица прибегала под окна и, хлопая крыльями, подпрыгивала до тех пор, пока ее не впускали в дом. Она важно шла на кухню и усаживалась в свое гнездо под печкой. Я пристраивался рядышком и с нетерпением ждал заветное, тепленькое еще яичко. Мама тут же варила его и давала мне съесть, стараясь делать это не на глазах у голодных братьев и сестер.

Помню, как старшие братья Иоганнес и Генрих ходили в сумерках к месту захоронения издохшей скотины, как выкопали там недавно зарытую чью-то лошадь, отрубили у нее ляжки, опалили их над огнем и притащили домой. Родители сердились, говорили, что дохлятиной можно отравиться насмерть, но братья, не слушаясь, сварили мясо и съели.

Отец, ослабевший и опухший от голода, с трудом передвигался самостоятельно. Только благодаря "белой кухне" мы продержались до нового урожая.

Весной отец нанялся пастухом и вместе с Иоганнесом и Генрихом пропадал от зари и дотемна на пастбищах. Он верил, что наступит лучшая жизнь так же, как верили и все наши сельчане, трудившиеся на полях, не покладая рук. Но вырваться из тисков нужды не получалось. Без лошади родители не могли, как следует, обрабатывать землю, а заработок пастуха был очень-очень скудным. Да к тому же каждые полтора года наше семейство все увеличивалось, однажды даже сразу двойняшками. Родителям приходилось трудно.

Врачебной помощи в селе не было. Болезни свирепствовали, унося огромное количество детей. Я тоже перенес дифтерию, малярию, краснуху, воспаление легких и - самое страшное - оспу. Мать работала в поле у одного богатого крестьянина, и я целый день оставался без присмотра. К ее возвращению мое лицо, тело, одежда были красными от крови: я нещадно расчесывал нестерпимо зудящие оспины. Перед уходом на работу мама, плача, завязывала мне руки за спиной, но тогда я принимался тереться лбом, лицом, всем телом о разные предметы. В результате у меня сильно воспа-лились глаза и распухли веки. Я не мог их разомкнуть. Это длилось очень долго. Родители подумали, что я ослеп. А ведь только слепого ребенка им не хватало при всех их заботах и бедности!

Но однажды в воскресный день, сидя на маминых коленях, я разлепил веки, и из глаз обильно потек гной. Мать перепугалась и побежала со мной к соседке, старушке Софии Келлер, лечившей людей травами. Старушка чем-то промыла мне глаза, осторожно осушила их чистой тряпочкой и

сказала матери: "Не плачь, глупая! Он не слепой, скоро все у него пройдет!" Но мать от радости не могла сдержать рыданий, и ее горячие слезы падали мне на макушку.

Мой дедушка, мамин отец, был в то время зажиточным крестьянином-середняком, имел по несколько лошадей, коров, верблюдов, много коз, овец, еще больше домашней птицы, просторные амбары и конюшни. Он мог бы помочь встать нам на ноги, но не делал этого, гневаясь на непослушную дочь, вышедшую против его воли за бедного парня, моего отца.

Чужой рабочей силой дедушка не пользовался, но три его сына - Иоганнес, Людвиг и Адам - были очень рассудительными и трудолюбивыми мужчинами, несмотря на то, что двое из них вернулись с первой мировой войны покалеченными: у обоих не гнулась правая нога. Вся дедушкина семья, включая его жену и тетю Доротею, младшую сестру моей матери, трудилась с раннего утра и до поздней ночи - обрабатывали поля, ухаживали за скотом и птицей. Дед же только давал им необходимые указания и занимался возделыванием табака, арбузов и дынь.

Дедушка слыл самым грамотным и начитанным среди сельчан, его не раз избирали приказчиком села. Был он высоким, сильным, крепким, к тому же, большим гордецом. Курил длинную трубку с мягким гофрированным мундштуком, зимой носил тонкие белые валенки с блестящими калошами, чем привлекал к себе всеобщее внимание.

Когда мои старшие братья Иоганнес и Генрих повзрослели и стали всерьез помогать отцу, наши дела тоже пошли в гору. Мы завели двух коров, овец, свиней, много домашней птицы, а осенью двадцать восьмого года купили красивую молодую лошадь. Теперь мы уже возделывали большое картофельное поле и арбузно-дынную бахчу. Весной смогли купить и еще одну лошадку. Сбылась давняя заветная мечта отца стать настоящим крестьянином. Он перестал работать пастухом и целиком ушел в хозяйство.

В середине двадцатых годов жизнь сельчан вообще стала богаче, содержательней и интереснее. Строительный кооператив быстро и хорошо построил у нас здания для клуба и магазина, а в церкви установил передвижные перегородки, которыми можно было разгородить помещение на четыре классных комнаты. Так у нас, наконец, появилась собственная школа. В воскресные дни перегородки убирали, и церковная служба шла своим чередом.

Осенью двадцать девятого года в нашем селе начали создаваться крестьянские группы, а к концу следующего года прошла полная коллективизация. Отец самым первым записался в колхоз и сразу же отвел туда лошадей, коров, овец, свиней и даже всю домашнюю птицу. Для него, человека честного и исполнительного, закон или правительственный указ были святыней. Узнав, что мать успела упросить соседа потихоньку зарезать годовалого бычка, он устроил дома чуть ли не мировой скандал. Мясо это мы ели второпях, глубокой ночью, чтобы, упаси Бог, никто не

узнал. Резать скотину было строжайше запрещено. Но большинство односельчан тоже тайком закололи молодняк и готовили мясо по ночам.

Отца сразу же избрали членом колхозного правления и назначили завхозом. Увидев, что бедняки на селе получили права и в любое время могут все у всех отобрать, дедушка, ни разу до этого не переступавший порога нашего дома, решил проведать дочь и признать своих внуков.

Отец теперь пропадал в колхозе и, не умея командовать людьми, старался делать все сам. Но один он не мог справиться с громадным хозяйством. Помещений, пригодных для зимовки скота, не было, построить их так быстро оказалось невозможно, кормов не хватало, и за зиму погибло очень много скота и птицы. А весной пришло указание, чтобы все сдали колхозу пшеницу и просо на семена. Люди остались буквально ни с чем: без пищи и без скотины. Отец не выдержал этого, отказался от должности завхоза и попросил вывести его из состава правления.

Весной тридцать первого года к нам приехал из Ленинграда двадцатипятитысячник, один из тех рабочих, которые были посланы в деревни для проведения коллективизации. Этот маленький худенький мужичок никогда в жизни не видел, как возделывают хлебные поля. Созвав всех жителей на собрание, он, ссылаясь на какое-то постановление сверху, велел доставить к посевным полям домики, оставшихся в живых лошадей, плуги, другой инвентарь и немедленно начать весенний сев. Кое-кто из крестьян попробовал возразить, что сев начинать рано, ведь поля наполовину еще покрыты снегом, полевые домики и инвентарь отремонтированы не полностью, а по грунтовым дорогам нельзя проехать. Даже оглобель (по-немецки шпильвааге) не хватает для двухконных телег.

Все это не понравилось представителю из города. Он сердито закричал:

- В воскресенье все и всё на поле! Сначала посеем пшеницу и просо,

а затем шпильваги!

Все громко и долго смеялись. С того дня представителя так и стали звать за глаза "шпильвааге".

В понедельник начали "грязевой сев". Пшеницу разбрасывали вручную. Мужики медленно, с большим трудом продвигались по вязкому зыбкому полю, кидая семенное зерно прямо в талую воду и снег. Уже на третий день у всех прорвались сапоги, их обматывали тряпками и бечевками. Передвижные домики и сельскохозяйственный инвентарь доставить по бездорожью в поле не смогли. Зато представитель из города первым по району гордо отрапорто-вал о досрочном окончании посевной. После этого "сева" отец опять нанялся пастухом и оставался им уже до конца своей жизни.

Вскоре наступила теплая погода, пошли дожди, и снега на засеянных полях стали стремительно таять. Потоки воды текли на ниже расположенные участки земли и вымывали проросшее зерно. В результате, в одних местах пшеница взошла пучками, в других выросли только сорняки.

Выселение кулаков, а точнее сказать, середняков - трудолюбивых, рачительных хозяев, компактная коллективизация, массовый падеж скота, "грязевой сев", жаркое засушливое лето, обязательная сдача зерна государству - все это привело к голоду летом и осенью тридцать первого года. Многие крестьяне из нашего села ушли семьями и в одиночку в поисках хлеба. Среди них был и мой старший брат Иоганнес, который только что вернулся с Дальнего Востока, где, вместе со своим лучшим другом Карлом Михелем, три года отслужил добровольцем в Красной Армии. Иоганнес подписал договор с вербовщиком и отправился в Рыбинск. Вскоре он сообщил, чтобы мы срочно приезжали к нему: есть и работа, и хлеб, и картошка, и даже вдоволь меду. Иоганнес писал, что вместе с нами могут ехать и все односельчане.

Нас тогда было шестеро братьев (самый младший Давид еще грудной)

и две сестренки. Шесть других сестер к этому времени умерли.

К всеобщей радости в Рыбинске, действительно, был хлеб, картошка и мед, столько меда я никогда в своей жизни не видел. Но с жильем оказалось сложно, и мы ночевали в каком-то монастыре. Отец и старшие братья нанялись грузчиками на железнодорожный товарный склад.

Вскоре нам удалось поселиться в пятидесяти километрах от города у пожилой одинокой женщины. Мне казалось, что эта женщина не совсем нормальная, но относилась она к нам по-доброму. У нее была корова, овцы, свиньи, много домашней птицы. На всех полках и скамейках в кухне всегда стояло по десять-пятнадцать горшков с молоком. Оно кисло до тех пор, пока не покрывалось плесенью. Тогда женщина выливала его свиньям в корыто. Она никогда не снимала сливки с молока, не делала творог и, тем более, не сбивала масло.

И вот однажды я нашел в сарае высокий и узкий бачок, соорудил из него маслобойку, сделал пестик. Дождавшись, когда хозяйка была в хорошем настроении, я попросил у нее разрешения приготовить масло из кислой сметаны. Когда я сбил первую порцию, она положила желтоватый кусок на тарелку и пошла по соседям из дома в дом. На удивление в этой деревне никто не умел сбивать масло, и ко мне вереницей потянулись заказчики со сметаной. Я работал, не покладая рук. Половину сделанного каждый отдавал мне. А через несколько месяцев уже почти в каждом доме появилась своя маслобойка. А я прослыл изобретателем. Хозяйством в деревне занимались исключительно женщины, мужчины уходили на заработки в Рыбинск. Даже пахать землю весной приходилось самим женщинам.

Позже у нашей хозяйки поселился еще один квартиросъемщик, сильный широкоплечий мужчина с густой серебристой бородой. У него было две лошади, с которыми он сбежал из своего села, поскольку не захотел вступать в колхоз. Здесь дядя Алеша - так он просил называть себя - заключил договор с лесничеством и стал возить из города продукты для местных рабочих. Его частенько обворовывали в то время, когда он оформлял всякие бумаги или получал товары на складе. Поэтому он попросил меня ездить вместе с ним и сторожить подводу, пока он будет заниматься делами. Я всегда с охотой соглашался. Четыре раза в неделю мы отправлялись в город. Дядя Алеша был очень добрым, общительным, веселым. Он снабжал едой нашу семью, и мы жили хорошо и сытно.Отца сильно донимал ревматизм, заработанный им на фронте, и вскоре он вынужден был оставить уже непосильную для него работу грузчика. А еще его очень мучила тоска по родине, по дому.

В начале весны тридцать второго года вышел указ Сталина о том, чтобы всех, кто оставил районы Украины и Поволжья без соответствующего на то разрешения и без паспорта (а у колхозников тогда вообще не было паспортов), повсеместно уволить с работы и к поре весеннего сева доставить к прежнему месту жительства. У нас, разумеется, не было ни документов, ни разрешения на выезд. Моих братьев немедленно уволили и должны были отправить назад. Но Иоганнес и Генрих категорически не хотели возвращать-ся, и мы тайком уехали в Каширу, неподалеку от Москвы. Дядя Алеша упрашивал отца оставить меня у него, и я сам этого очень хотел, но отец был неумолим.

Прямо с вокзала мужчины наши отправились искать работу, а мы остались в битком набитом зале ожидания. В полночь милиционеры и солдаты выгнали всех из-под крыши на дождь и холод. Тех, кто сопро-тивлялся, грубо выталкивали.

К счастью, отцу удалось найти работу конюхом в лесничестве. Но братьям там места не нашлось, и они уехали. Отец принял конюшню, вычистил ее, основательно убрал все вокруг, отремонтировал сбрую. Это очень понравилось начальнику лесничества, и он в благодарность оформил и меня помощником конюха. Кроме того, он выделил нам помещение вблизи конюшни и дал продуктовые карточки, по которым мы тут же купили сахар, масло, рис, лапшу, муку. Отец сказал: "Здесь мы останемся жить навсегда".

Но не прошло и месяца, как нас и тут настиг сталинский указ. Начальник с большим сожалением подписал увольнение, и мы были отправлены на железнодорожную станцию. Там уже набрался полный эшелон поволжских немцев, свезенных с разных сторон. Людей держали несколько дней в товарных вагонах. Никто нас, разумеется, не кормил. Поезд никуда не ехал, и неизвестно было, когда его отправят. Моя мать и старшая сестра Доротея в этих антисанитарных условиях заразились тифом. Их отвезли в больницу в трех километрах от станции.

Мы купили билеты в пассажирском вагоне и уехали, оставив мать и сестру одних. Ранним утром прибыли в Саратов, а дальше нам надо было через Волгу добраться до Энгельса. Отец пошел узнавать насчет транспорта, брат и сестра уснули на чемодане, а я вышел побродить на привокзальную площадь. И вот что я там увидел! Почти на каждой скамейке у вокзала лежали и сидели люди в каких-то странных позах. Четверо здоровенных мужчин подходили к ним по очереди и, взяв за руки и за ноги, тащили к повозке, в какие обычно отлавливают бродячих собак, раскачивали и забрасывали в кузов. Я догадался, что эти люди мертвые.

Испугавшись, я побежал обратно в здание вокзала. Тут я увидел, как худая изможденная женщина подняла с полу возле урны промасленную бумагу, сунула ее в рот и стала жевать. Я приткнулся возле спящих брата и сестры и заплакал:

- Я не хочу домой! Я хочу обратно в Рыбинск или Каширу! Я... я не хочу-у...

Подошел растерянный отец. Пока он стоял в очереди в кассу, у него вытащили железнодорожные билеты и последние гроши. Теперь мы не могли ехать дальше. Я заревел так громко, что все в зале обернулись в нашу сторону. Мужчина с портфелем подсел ко мне и спросил из-за чего я плачу. Узнав, в чем дело, он пошел к кассе и купил нужные нам билеты. Потом дал отцу немного денег и пожелал счастливой дороги.

Этот добрый мужчина, и та красиво одетая отзывчивая женщина были русскими. Среди любой нации, а среди русских особенно, во все тяжкие времена были и есть сердечные, сочувствующие, готовые оказать помощь попавшим в беду, люди. Мне иногда кажется, что встречи с этими людьми, как и сами обстоятельства, как и то, что я до сегодняшнего дня жив, не были случайностью. Это было предначертано судьбой.

Утром следующего дня мы приехали на станцию Мокроус, от которой восемнадцать километров до нашего села. Ни одной подводы на станции не оказалось, и мы решили отправиться в путь пешком. От голода и многочисленных переживаний отец был очень слаб и еле-еле двигался. Поэтому он привязал Давида мне на спину. В одной руке я нес маленький чемоданчик с нашими скромными пожитками, другой вел за собой Эрну. В дороге мы часто останавливались, чтобы отдохнуть.

Несколько раз нас обгоняли подводы, но ни одна не остановилась. Только перед заходом солнца добрались мы до своего села. Наш саманный домик почти совсем развалился, жить в нем уже было нельзя. Мы тянулись к родным, к знакомым, но никто не пустил нас даже на порог. Наверное, боялись, что мы будем просить еду. Голод лишил людей сострадания.

Мы поселились в большом пустующем доме дяди Андрея. А спустя несколько дней отца отправили на сенокос в соседний совхоз, и мы с Эрной и Давидом остались совсем одни без крошки хлеба. Все, чем мы владели, было на нас.

Единственным спасением от голода оказались суслики. Каждое утро я вместе с другими ребятами ходил в степь, чтобы выгонять зверьков из норочек. Добычу я приносил домой, торопливо сдирал шкурки, варил маленькие тушки и кормил детей.

Весь день Давид один сидел на стуле за столом и ждал моего возвращения. Ходить он еще не научился, а лежать не хотел, потому что на кровати было столько вшей, что иногда от них шевелились старые грязные тряпки, служившие нам постелью. Эрна, пока меня не было, бродила по селу в надежде, что кто-то покормит ее. Но никто не пускал ее к себе и ничего ей

не давал. Так мы жили до конца мая. Отец не приезжал. Мужчины на сенокосе от голода и тяжелой работы были доведены до крайнего истощения, ни у кого из них не оставалось сил навестить домашних. А сусликов день ото дня становилось меньше и меньше, так как все, кто мог ходить и носить ведра с водой, охотились за ними. Я мог поймать за целый день всего одного суслика, а иногда и ни одного. Пришлось рвать лебеду, благо она росла на каждом шагу, и ежедневно варить из нее суп. У Эрны опухли от голода руки, ноги и лицо. Она плакала уже целыми днями и постоянно просила есть. Если я утром дотрагивался до нее, то следы моих пальцев оставались до вечера. Нужно было немедленно добыть еду для моих малышей. Но как и откуда?

Я вспомнил, что в шести километрах от нашего села жила тетя Доротея, младшая и единственная сестра моей матери.

Когда я добрался до ее дома, то нашел все двери запертыми на замки. Я заглянул во двор к соседям, узнать, где моя тетя. Окна соседского дома были закрыты ставнями, а двери распахнуты настежь. Мне это показалось странным. Осторожно перешагнув порог, я крикнул: "Самуел!" Так звали соседского мальчика, с которым я познакомился несколько лет назад. Мне не ответили. Я вошел в комнату. Сперва я почувствовал какой-то тошнотворно-сладкий запах, а потом увидел на кровати Самуела с матерью и сестренкой. Все трое были мертвы.

Меня охватил ужас. Я вылетел на улицу и опрометью побежал домой,

и не по дороге, а почему-то вдоль берега реки. И тут мне привалило огромное счастье: я наскочил на гнездо дикой утки. В гнезде оказалось одиннадцать крупных яиц. Дома я разделил этот подарок судьбы на три дня. Но что будет дальше? Что?!

Я решил идти к дяде Давиду Фаберу, шурину моего отца, не очень-то надеясь на помощь: дядя казался мне самым скупым человеком на свете. У него был небольшой, но богатый сад, в котором он устроил из досок шалаш, чтобы днем и ночью сторожить урожай от воров. Я попросил дать мне несколько яблок.

- Фридрих, ты пришел не вовремя, - сказал мне дядя Давид. - Этот красный черт-ветер сегодня совсем тихий, еще не стряс с деревьев ни одного яблока.

Помолчав, он поднялся с деревянного топчана и повел меня в середину сада.

Там был пересохший колодец, дно которого покрывали яблоки, упавшие с яблони, росшей рядом.

- Эти яблоки там внизу можешь взять себе все, - разрешил дядя и, взяв веревку, прикрепленную к рукоятке над колодцем, привязал к другому ее концу палку. - Садись на палку, я спущу тебя вниз.

Я сел, ухватился за веревку и сказал:

- Спускайте?

Но едва дядя Давид дотронулся до рукоятки, проржавевшей от времени и непогоды, как она стала крутиться с бешеной скоростью, и я стремглав полетел вниз. Через мгновение я стоял по пояс в густой тине. Эта липкая вонючая грязь спасла меня. Если бы дно оказалось сухим, я разбился бы насмерть.

- Фридрих! Ты жив там?! - испуганно крикнул дядя, да так громко, что оглушил меня.

- Да, жив еще, - ответил я.

- Крест, молния, огонь, гроза! - выругался дядя внутрь колодца. - Сейчас я спущу тебе ведро.

Он спустил мне на веревке ведро, и я собрал в него все яблоки, какие только мог найти в этой тине. Ведро заполнилось меньше, чем на половину.

Подняв меня наверх, дядя Давид подбежал к одной из яблонь и с ругательствами стал ее трясти. Не переставая ругаться, он собрал упавшие яблоки и принес их мне:

- Возьми, это тебе.

Вместе с яблоками из колодца оказалось два полных ведра. Мы шли к шалашу. Дядя постирал там мои штанишки и повесил их сушиться на яблоне. Отмывшись, я сел на солнышко греться. Сильно ныла нога и рука, которыми я при падении ударился о стенку колодца. Как только штанишки просохли, я поспешил к своим малышам. А дядя крикнул вслед:

- Фридрих! Когда будет красный черт, приходи снова!

Выражение "красный черт" было в ходу у наших односельчан. Наверное, потому, что накануне ветреного дня небо на закате солнца всегда

красное. А сильный ветер очень мешает крестьянину во время полевых работ.

Забежав вперед, скажу, что в тридцать третьем году дядю Давида арестовали за то, что он послал Сталину посылку с лепешками из отрубей и лебеды. В письме он сообщал, сколько человек в нашем селе за два года умерло от голода, писал, что все это подстроено врагами народа, а Сталин ни о чем не знает. Через год дядю Давида освободили, может, из-за болезни, а может, потому, что в то время еще не наказывали так жестоко, как впоследствии.

После своего освобождения дядя часто заходил побеседовать со мной, особенно в мои приезды домой на каникулы в тридцать седьмом году. Он считал меня самым образованным человеком в селе. Однажды вечером за чаем на кухне дядя пристально посмотрел на меня:

- Фридрих, я, наверное, опять буду обращаться к нему туда, - он показал на потолок. - Когда они освободили меня и вернули партбилет, я положил его обратно им на стол. И теперь думаю, что с этим коммунизмом ничего не получится. А у тебя какое мнение? - спросил он, сильно заикаясь.

- А мое мнение, - ответил я, - что истинный коммунист всегда останется коммунистом, что бы ни случилось.

Дядя Давид по всей видимости ожидал от меня другого ответа. Он молча посидел еще немного, потом поднялся и так же молча ушел.

Но я нарушил последовательность событий и забежал вперед. Вернусь к тридцать второму году.

Однажды в полдень к нам неожиданно пришла бабушка со стороны матери и велела всем троим тотчас же идти с ней. Это было впервые с той поры, как мы вернулись. Ни разу она не позвала нас, не впустила в дом, ничем не угощала. Дядя Адам, младший сын бабушки, был председателем колхоза, и у них не переводились хлеб и молоко. По дороге бабушка сказала, что в этом виновата сноха, тетя София, которая ничего не разрешает делать без ее ведома, и что бабушке самой нелегко. Но еще большая неожиданность ждала нас там.

На летней кухне вместе с дядей Адамом сидели... мать и сестра Доротея. Мать, рыдая, обвиняла дядю Адама в том, что он не позаботился о племянниках. Наша милая мама обняла нас сразу всех троих и еще долго и горько плакала.

Дядя Адам клялся, что велел давать нам ежедневно два литра молока и три куска хлеба. Узнав, что бабушке запретила это делать тетя София, он рассердился и приказал впредь кормить нас каждый день. Кроме того, он решил переселить нас в пустующий дом поближе к нему.

А мы не верили своим глазам: мама и сестренка выжили! Мама рассказывала, как главный врач больницы купил им железнодорожные билеты, снабдил продуктами на дорогу и сам помог сесть в поезд. Вот и еще один бескорыстный, отзывчивый человек! Я склоняю сегодня голову, покрытую серебром, перед всеми добрыми людьми, которые помогали нам, и имен которых я, к большому сожалению, не знаю.

Мама, как ни слаба еще была, тут же занялась нами. Все наши лохмотья, кишащие вшами, были сожжены, с помощью дяди и бабушки на нас надели новую одежду. Но для Эрны она была уже не нужна. Возможно, от того, что девочка впервые за столько времени как следует поела, спустя несколько дней у нее появились сильные боли в животе, и она умерла.

Дядя Адам был на полях, отец мой все еще не возвращался. Никто не пришел нам помочь. Голод лишил всех сострадания, низвел людей до уровня животных.

Я сам смастерил гробик, больше похожий на ящик. Мы с мамой положи-ли в него Эрну, поставили на тачку, и, пристроив рядом лопату, я повез тачку на кладбище. У мамы не было сил пойти вместе со мной. Смерть Эрны потрясла ее.

Я долго искал на кладбище подходящее место, прежде чем начал копать. Приходилось часто отдыхать, работа была слишком тяжела для меня. Я без конца мерил глубину ямы, пока, наконец, не решил, что она уже достаточно глубока. С большим трудом мне удалось втиснуть в нее гробик. Он оказался только чуть ниже уровня земли, но я не смог снова поднять его и углубить могилу. Я присыпал его землей, и, окончательно выбившись из сил, присел рядом, опираясь на черенок лопаты. Солнце уже село, я смотрел на вечер-нюю зарю и... не заметил, как заснул. Когда я проснулся, в синеве неба звонко пели жаворонки. Я взял лопату, тачку и вернулся в село. Мама сидела у окна вся в слезах, она думала, что и со мной на кладбище что-то случилось.

Через неделю начала созревать рожь. Дядя Адам разрешил тайком скосить два гектара. Ночью ее обмолотили и разделили между членами колхоза в соответствии с количеством едоков в семье. Рожь была еще недостаточно спелой, поэтому ее сначала подсушили, а потом смололи на ручной мельнице. Из этой муки сельчане варили кашу и пекли лепешки. Но, к несчастью, изнуренные голодом организмы уже не могли принимать такую еду. И много людей умерло, наевшись, наконец, казалось бы, спасительных лепешек. Подобное происходило и в других селах. Те, кто остались в живых, взялись за работу с особой яростью.

После сдачи зерна государству дядя Адам сразу же выдал каждому колхознику по два килограмма зерна на трудодень. А осенью после уборки урожая еще по четыре килограмма. Ни один колхоз, кроме нашего, не достиг таких результатов. Наш председатель умел хозяйничать. Этому он бесспорно научился у своего отца, моего покойного дедушки. Все

колхозники были очень довольны. Но за то, что без разрешения вышестоящих органов он выдал так много на трудодни, его в тридцать третьем году осудили на шесть лет лишения свободы. Это несмотря на то, что ежегодно колхоз перевыпол-нял план сдачи зерна государству, и хозяйство его крепло из года в год. Вышло, что дядя Адам был осужден за хорошую работу и заботу о судьбе колхозников. Из тюрьмы он не вернулся.

Только к новому урожаю отец пришел, наконец, домой. Здоровье его оказалось серьезно подорванным, и ему ничего не оставалось, как снова наняться в пастухи. От братьев моих не было никаких известий. Я поступил

в неполную среднюю школу в Мангейме. Летом я всегда помогал отцу пасти стадо. А после окончания седьмого класса хотел во что бы то ни стало учиться дальше. Но как? Для этого у меня не было ни средств, ни одежды. Отец тоже мечтал, чтобы я получил образование, он считал меня единствен-ной надеждой и опорой.

Мой двоюродный брат Карл Унгефуг был тогда, в тридцать шестом году, секретарем районного комитета комсомола. Однажды, проходя мимо нашего домика, Карл спросил, как я окончил школу? Узнав, что отметки у меня только хорошие, он сказал, что в комитет комсомола пришла заявка на троих юношей с семилетним образованием для обучения на рабфаке в Розенгейме. Сказал еще, что там студентам платят стипендию, и если я хочу, то могу с двумя толковыми друзьями прийти к нему завтра.

Ранним утром следующего дня я с Иоганном Гейманом и Рудольфом Кекселем пришел в комитет комсомола. Карл вручил нам необходимые документы, пожелал успехов, и мы поехали в Розенгейм. Вступительный экзамен сдали успешно, и все трое стали студентами.

В тридцать седьмом году Карла арестовали, и домой он не вернулся. Причина ареста осталась мне неизвестна.

За учебу я взялся со всей серьезностью. Несмотря на мои пережи-вания в прошлом, на нужду и недоедания, я был весел и энергичен, учился по всем предметам, кроме русского языка, на одни пятерки и получал повышенную стипендию. Кроме того, был членом комитета комсомола и руководил драматическим кружком. Может, мои успехи в учебе объяснялись тем, что я был плохо одет и обут, стеснялся гулять с девушками, никуда не ходил, а вместо этого сидел за учебниками и много читал.

Директор рабфака решил помочь мне и доверил заведование студен-ческой библиотекой. Три раза в неделю по вечерам я выдавал студентам книги. За эту работу платили. В библиотеке стоял радиоприемник, включать который было запрещено, возможно, из-за войны в Испании, возможно, из-за бесчисленных врагов народа. Но иногда поздно вечером я все же слушал его.

Каждую ночь в Розенгейме забирали людей, большей частью мужчин, среди которых были многие наши учителя и студенты. Нам говорили, что они - враги народа. Все, кого арестовали, так и не вернулись назад. Те же, кто еще оставался дома, вздрагивали от любого стука и держали наготове запас белья в рюкзаке.

Осенью тридцать седьмого года мать написала мне, что нашего семидесятилетнего соседа арестовали за то, что, подвыпив, на скамейке возле своего дома пел песню: "Когда-то я жил весело на немецкой родине..." Ночью его взяли и увезли. И шурина матери Карла Кекселя увезли ночью.

Это потрясло меня особенно. Я жил у дяди Карла, когда учился в пятом классе. Он был строгим, пунктуальным человеком, уважаемым в селе столяром-мебельщиком. Специальность эту он приобрел в Германии, где во время первой мировой войны находился как военнопленный. Возможно, это и послужило поводом для его ареста. В те годы, когда я учился, дядя Карл работал у нас в школе учителем труда. Вместе с учениками он оборудовал замечательный цех с токарными станками для работы по дереву, которые приводились в движение при помощи "ветряного мотора", смонтированного на крыше. Ребята очень любили дядю Карла, и свободное время стремились проводить возле него в цеху. Он многому научил нас.

Все эти повальные аресты честных, работящих людей побуждали меня к размышлениям. Хотелось понять, почему вдруг появилось так много врагов народа, и почему среди них оказываются люди, которых я знал и которые никогда не вызывали у меня никакого сомнения. Но осознать это до конца я не мог.

В 1936 году вернулся из Орловской области домой мой старший брат Иоганнес, стал работать комбайнером, имел хороший заработок. Еще через год вернулся оттуда же и брат Генрих. Это нам удалось разыскать их при помощи "Красного креста". Оба брата были уверены, что всех нас давно нет в живых.

Но судьба ненадолго свела нашу семью вместе. В тридцать восьмом году Генриха осудили на три года и отправили в Волжск на цементный завод за какой-то незначительный проступок. Самое главное, брат не был при-частен к нему, просто с ним сводил личные счеты бригадир, которого Генрих когда-то уличил в самогоноварении. Генрих сбежал из Волжска, чтобы отомстить бригадиру, но по дороге домой был схвачен и отправлен за побег - теперь уже на десять лет - в Воркуту на угольные шахты.

Забегая вперед скажу, что когда закончился срок лишения свободы Генрих поехал в родное село Зихельберг, ничего не зная о том, что в 1941 году все советские немцы были репрессированы и высланы из родных мест. Генриху велели тотчас же покинуть село. Он долго скитался в поисках своей семьи, но не нашел ее (нам до сих пор ничего не известно о судьбе его жены и детей), женился снова, вырастил шестерых детей и в 1983 году умер.

Брата Иоганнеса как старшего лейтенанта-резервиста в тридцать девятом году призвали в Красную Армию и отправили на финскую войну. В боях под городом Онегой он был убит.

Весной того же года я закончил рабфак и поступил на одногодичные учительские курсы, на которые принимали только членов партии и комсомольцев. Студентам платили повышенную стипендию и интенсивно готовили для преподавания немецкого языка в русских школах. На курсах нам читали лекции лучшие профессора из Немецкого педагогического института города Энгельса. Особенно мы любили Аугуста Лозингера, который вел фонетику и педагогику.

Мне доводилось беседовать с профессором Лозингером наедине. Вместе с еще четырьмя студентами я снимал комнату возле Крестьянского рынка. Лозингер жил наискосок от нашего дома и после лекций часто просил проводить его. Он мучился приступами ревматизма, заработанного в Саратовской тюрьме, где его содержали в страшнейших условиях за то, что во время своих лекций в институте профессор "слишком часто хвалил" немецкий язык. Когда мы с ним шли по улице, он одной рукой тяжело опирался на тросточку, а другой держался за мое плечо. Я видел, что дорога достается ему мучительно, но ни автобусов, ни трамваев тогда не было. Однажды Лонзингер сказал:

- Товарищ Крюгер, то, что мы должны так быстро готовить учителей немецкого языка для русских школ, означает лишь одно – скоро будет война с Германией!

Мне не хотелось в это верить, и я категорически возразил:

- Нет, профессор, мне кажется, это означает не скорую войну, а, наоборот, тесную дружбу с Германией. Ведь у нас же есть пакт о взаимном ненападении.

- Не будьте таким наивным! Перед первой мировой войной точно так же обстояли дела с преподаванием немецкого языка в России. Вам еще не раз придется вспомнить мои слова.

И действительно, вышло так, что его пророческие слова я часто вспоминал и помню до сих пор.

Началась война. Окончившим учительские курсы выдали бронь, освобождавшую от призыва на фронт. Меня еще в сороковом году распределили в Красноярский край в рабочий поселок на станции Тинская преподавателем немецкого языка в средней школе. Но в марте сорок второго я получил повестку явиться в Нижне-Ингашский райвоенкомат для призыва в Красную Армию.

На следующее утро с женой и годовалым сыном я отправился на железнодорожную станцию. Возле вокзала стоял маленький деревянный домик, из которого слышался многоголосый детский плач. На

подоконниках, прижимая носы к стеклам, сидели ребятишки и плакали. Одно из окон было разбито, через него совсем маленький мальчуган протягивал мне ручку и умоляюще кричал по-немецки:

- Дяденька! Дорогой любимый дяденька! Возьми меня, пожалуйста, отсюда! Возьми меня с собой! Здесь очень холодно и хочется кушать!

Подбежав к двери, я увидел, что она на замке, а возле нее стоит молоденький милиционер. Я попытался выяснить у него, почему голодные дети заперты в неотапливаемом помещении, где их родители. Милиционер резко ответил, что мне это знать не положено. Когда я продолжал настаивать, он выхватил револьвер из кобуры и скомандовал мне немедленно идти своей дорогой.

На станции уже собралась большая группа советских немцев с женами

и детьми. Это все были люди, по роду их работы освобожденные от призыва в армию. Нам объявили, что в соответствии с приказом, подписанным товарищами Сталиным и Молотовым, все мужчины немецкой Националь-ности без исключения, и все немецкие женщины, дети которых старше трех лет, и все девушки, достигшие шестнадцатилетнего возраста, должны быть немедленно мобилизованы и отправлены на трудовой фронт.

Теперь мне стало ясно, почему малыши заперты в холодном доме с разбитыми стеклами. Нервная дрожь охватила мое тело. Я понял, на какие страдания обречены эти ребятишки.

Некоторых мужчин на станции я знал. Однажды в воскресный день, проходя мимо станции, я увидел необычный товарный поезд.

Около него, громко разговаривая между собой по-немецки, суетились

люди, вытаскивая из вагонов мешки, сундуки, чемоданы. Я уже давно не слышал родной для меня речи, поскольку мы с женой были в рабочем поселке единственными немцами. Я подошел к группе мужчин познако-миться. От них я впервые узнал, что в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета Советского Союза от 28 августа 1941 года всех немцев переселяют из АССРНП (Автономной Советской Социалистической Республики Немцев Поволжья) в Казахстан и Сибирь. Это было для меня большой неожиданностью, потому что центральные газеты мы получали с запозданием на две-три недели.

И вот теперь я стоял вместе с этими переселенцами на этом же перроне, и никто не знал, что нас ожидает.

В Ингаш, где находился райвоенкомат, было привезено столько немцев, что многим пришлось с утра и допоздна стоять под открыты небом на морозе. Хорошо хоть на ночь разрешили уйти куда-нибудь, при условии, что ровно в восемь мы снова будем на месте.

Меня и еще семь человек пригласил к себе переночевать Аугуст Шмидт, который после выселения работал здесь в Ингаше районным агрономом. Жена Аугуста встретила нас приветливо, велела раздеться, снять рюкзаки и поставить их в углу коридора. Вскоре она принесла в комнату два чайника. Горячий чай оказался нам очень кстати, все продрогли на морозе до костей. Мы вынули из рюкзаков нехитрые продукты, и у нас получился коллективный ужин. Затем мы устроились рядышком на полу в одной комнате. Каждый старался быть веселым и жизнерадостным, чтобы хоть на короткое время подавить в себе тоску и тревогу. Мы шутили, рассказывали анекдоты, смешные истории, пели. Особенно хорошо получалось у Давида Рота. Он снял со стены гитару и стал одну за другой петь народные немецкие песни, растрогав нас до слез. Через час мы спелись в неплохой хор и до утра так и не сомкнули глаз. Эта ночь была для нас незабываемой, никогда уже в нашей жизни не было столько радости и веселья.

Точно в восемь мы прибыли в военкомат. Народу там стало еще больше. Многие люди никуда не отлучались всю ночь. К обеду нас погрузили в товарный поезд и повезли в Красноярск. Там разместили в холодных бараках на берегу Енисея. В них были наспех сколочены нары из сырых досок, на которых мы двое суток спали без всякой постели.Потом мы снова ехали в товарных вагонах с двухэтажными нарами и маленькими оконцами со вставленными металлическими решетками. Двери вагонов запирались тяжелыми замками, а кроме этих "предосторожностей" на площадке каждого третьего вагона стоял красноармеец с автоматом и с овчаркой.

Ехали медленно, часто останавливались, подолгу стояли в тупиках. Давали нам хлеб и воду, изредка - теплый суп или кашу. Припасы, взятые из дому, скоро у всех закончились. Если у кого-то и оставалось - никто ничем не делился, всем хотелось продержаться подольше. Один раз в дороге нас повели в баню. Но вода, да и сама баня были еле нагреты, и многие после такого "купания" простудились. Голодные, продрогшие, грязные, завшивевшие, мы ехали восемнадцать дней, пока однажды ранним утром - это было пятое апреля - нас не разбудил громкий собачий лай, крики людей и сильные глухие удары в стены.

Зазвенели, заскрежетали засовы, и тяжелая вагонная дверь резко отворилась. Ослепил пронзительный свет прожекторов. Когда глаза немного пообвыкли, мы увидели вокруг вагона вооруженных солдат с овчарками на поводках. Каждому из нас стало не по себе. Послышалась громкая команда:

- Сюда с трапом!

Солдаты подтащили трап к нашему вагону. Командовали всем двое черноволосых мужчин в военной форме. Позднее судьба очень часто сводила с ними. Их фамилии были Энтин и Папперман. Папперман скомандовал:

- Эй вы там, в вагоне! Встаньте по четыре и выходите!

Но из-за тесноты было трудно осуществить команду. Паперман не переставая грязно ругался. Толкая друг друга и спотыкаясь, под громкий

счет все мы, наконец, вышли из вагона.

- Ну, сколько их? - спросил Паперман.

- Я сбился со счета. Эти бараны не могут даже правильно встать! - раздраженно крикнул Энтин, перемежая каждое слово отборным матом.

- Назад в вагон, проклятые фашисты! - зло прокричал Паперман. Мы вынуждены были опять втиснуться в вагон и разбиваться там на четверки. Только с третьего раза Энтин правильно сосчитал нас и записал цифру на фанерной дощечке. Послышалась новая команда:

- Становись по четыре! Вперед, марш! Марш! Марш!

Позднее я узнал, что это был пятый разъезд, в настоящее время город Краснотурьинск Свердловской области.

Сопровождаемые вооруженными солдатами и безумолку лаявшими собаками, мы черным безмолвным потоком медленно покинули разъезд. Как бесконечная длинная змея, двигались по покрытой толстым льдом реке Турье.

- Ос-тановись! Освободи дорогу! - раздался вдруг приказ,передаваемый по колонне назад.

Мы шагнули в сторону и остановились. Послышался скрип полозьев по снегу и лошадиное фырканье. Прямо перед нашей шеренгой, испугавшись большой немецкой овчарки на поводке у охранника, вздыбилась испуганная лошадь.

- Пошла! Пош-шла! Чего испугалась? - закричал возчик, взмахнув кнутом.

А мы, не веря своим глазам, с ужасом вглядывались в то, что лежало

штабелями на санях.

- Послушай, человек, что ты везешь? - спросил возницу Райнгольд Штайнерт.

- А ты ослеп? Не видишь сам? - в сердцах сплюнул возница. - Таких, как ты, и везу. Скоро и вас придется так же увозить. Пошла вперед, чертова кляча! - ударил он лошадку по спине, и сани прокатили мимо.

Я оторопело считал одноконные повозки: "Одна, две, три... восемь". Все восемь были нагружены окоченевшими трупами людей в грязном нижнем белье.

- Эй, вы! Откуда прибыли? - послышался голос с косогора.

Мы, как по команде, повернули головы. На высоком берегу стоял человек в длинном до земли тулупе с поднятым воротником. Позже мы узнали, что это ночной сторож каменного карьера.

Штайнерт, взявший из дома целый рюкзак провизии, еще способен был на шутки.

- Оттуда сюда. Надоест - опять туда вернемся, - попытался он рассмеяться.

- Посмотрим, как ты запоешь через месяц! - прокричал сторож. - Отсюда еще никто не выходил!

Меня затрясло от увиденного и услышанного. Когда раздалась команда двигаться, я никак не мог совладать с дрожащими ногами. Еле-еле заставил себя идти. И все, кто был рядом со мной, понурили головы и с трудом делали каждый шаг. Солдаты стали сердито подгонять прикладами, натравливать на нас собак.

От железной дороги мы были теперь километрах в десяти. Нас привели к огромным овощехранилищам, огороженным двумя рядами колючей проволоки. На сторожевых вышках стояли часовые с автоматами. Вдоль ограды бегали свирепые овчарки на длиннющих цепях.

Солдаты широко отворили ворота и приказали войти в овощехранилище. Внутри тянулись длинные ряды двухэтажных нар, сколоченных из нетесанного лесоматериала. Деревянного пола не было, только в проходах беспорядочно лежало на мокрой глинистой земле несколько досок. С потолка свисали длинные сосульки.

Нам разрешили поспать до ужина. Я разместился на нижней полке. Снял свою еще новенькую железнодорожную шинель, снял пиджак, свернул его вместо подушки под голову, лег прямо на доски и, укрывшись шинелью, тут же крепко уснул. Проснулся я от холода и сырости. Сосульки на потолке начали таять, и все вокруг оказалось залито водой. Ни шинели, ни пиджака под головой не было. Никто из моих соседей не видел, куда они делись, или сделали вид, что ничего не знают. Мое отчаяние усилилось, когда я вспомнил, что в кармане пиджака лежало сто сорок рублей и комсомольский билет.

Кто-то посоветовал мне пойти в соседнее овощехранилище к Папперману.

- Товарищ полковник! - обратился я к нему. - Меня обокрали во сне. Взяли одежду, деньги и, самое главное, комсомольский билет. Помогите мне, пожалуйста!

- Проклятый фашист! - оборвал меня Папперман. - Я тебе не товарищ,

а гражданин начальник. Понятно?! И пошел отсюда вон! Ишь ты, собака,

про комсомольский билет вспомнил! Зачем он тебе теперь нужен? Фашистское отродье!

Ничего больше не сказав, я побрел назад. Слезы текли из моих глаз, беззвучные рыдания сотрясали тело. Присев на какой-то пенек, я уронил голову на колени. На душе было очень тяжело. Овчарка облаивала меня, но как-то беззлобно, вроде бы с любопытством.

В памяти всплыли слова из немецкой песни "Болотные солдаты", которую студенты любили петь в довоенное время:

Взад-вперед ходят часовые,

Трижды огорожен этот "замок".

Бегство будет стоить жизни.

Никто отсюда выбраться не смог...

Эта песня так подходила к нашему положению, будто была написана специально для нас. Я вспомнил, как пел ее Эрнст Буш: твердо, уверенно, мужественно!

Но мы не будем горевать,

Зима не может быть вечной.

Когда-нибудь мы с радостью скажем:

"Здравствуй, милая родина!"

Я встал и вытер слезы. Правильно! Нельзя раскисать, нельзя сдаваться. Нужно бороться за жизнь, зима не может быть вечной!

Наутро нас повели маленькими группами в первый ОЛП - отдельный лагерный пункт, что на нормальном языке означало баню. Перед дверью немного постояли в ожидании, пока помоется предыдущая группа. И тут к нам, беспрестанно оглядываясь по сторонам, подошли несколько худых изможденных мужчин. Они протягивали маленькие кусочки хлеба, умоляя обменять их на махорку. Один такой кусочек соответствовал спичечному коробку курева. Эти люди оказались немцами с Украины и других западных областей, пригнанными сюда еще в сорок первом году.

Вдруг, словно из-под земли, выскочил откуда-то громадного роста толстощекий комендант первого ОЛПа. Торговцы хлебом бросились врассыпную, но от слабости они не могли бежать, и комендант хватал их и с размаху бил кулаком в лицо. Многие тут же бессильно падали на землю. Оброненные кусочки драгоценного хлеба комендант вдавил в грязь сапогами, тщательно растер. После этого повернулся к нам и пригрозил:

- Так будет с каждым, кто вздумает здесь чем-нибудь торговать.

На следующий день к нам в овощехранилище пришли три еврея и два немца, сели за наспех сколоченный стол. Мы подходили по очереди, назывались, говорили свою профессию. В соответствии с нею нас распределили по бригадам и разбросали по объектам БАЗстроя, то есть Богословского алюминиевого завода вблизи города Краснотурьинска Свердловской области.

Я попал в бригаду землекопов, где бригадиром оказался Александр Райш, бывший директор педагогического техникума в Марксштате, в кото-ром в свое время училась моя жена. Она частенько рассказывала о директоре - честном, совестливом, заботливом, требовательном и к себе и к людям. Таким он продолжал оставаться и здесь, возглавляя бригаду из пятидесяти девяти человек. Это были все учителя начальных и средних школ и препо-даватели высших учебных заведений.

Теперь нашим орудием труда стали лопаты, кирки, ломы и тачки с одним колесом и двумя ручками. Мы рыли длинную траншею для водопровода глубиной и шириной по два метра. Грунт был каменистый, мерзлый, плохо поддававшийся тупым лопатам в ослабевших руках. Иззябшие в легкой одежде, голодные, промокшие насквозь, мы с раннего утра и до темноты долбили и долбили землю. И до тех пор, пока дневная норма не была выполнена, нас не пускали в лагерные ворота. Или отправляли в лес за бревнами, из которых мы по воскресеньям сами строили себе бараки.

Неподалеку от нас копала траншею другая бригада. Однажды к нам оттуда прокрался мужчина, чтобы выменять двухсотграммовый кусочек хлеба на спичечный коробок махорки. Я поинтересовался, кто он, откуда и давно ли его бригада работает здесь. Он ответил, что вместе с бригадиром Карлом Гейбелем жил до войны в Артышеве Саратовской области, а сюда они попали в январе сорок второго года. Я так и вскрикнул от неожиданности: "Карл Гейбель - брат моей жены!" Уговорил солдата, охранявшего нас с овчаркой и автоматом в руках, отпустить меня на несколько минут в соседнюю бригаду. Действительно, это оказался мой шурин. Мы договорились, что вечером я зайду к нему в барак.

После ужина я пошел к Карлу, но не застал его, он получал хлеб для своей бригады. Хлеб у нас отпускали только бригадирам. При выполнении дневной нормы на сто процентов полагалось 800 граммов, при невыполнении - 400 граммов. Хлебный ларек находился в центре лагеря, и бригадиры ежедневно часами стояли возле него в очереди. Хлеб взвешивался отдельно на каждого члена бригады. Если хлеборез неточно отрезал от буханки порцию, то довесок прикалывал к основному куску деревянной лучинкой. Опытный хлеборез на глаз определял пайку с точностью до грамма, но тогда бригада подозревала, что бригадир съел их довески по дороге от ларька до барака. Поэтому каждый день с бригадиром

по очереди ходил за хлебом кто-нибудь еще. Когда мой шурин с ящиком появился в бараке, все гурьбой бросились к нему, не в силах больше ждать. Самый шустрый выхватил порцию хлеба и тут же, торопливо откусывая, стал ее есть. На него с яростью набросилась чуть ли не вся бригада. Но человек не отдавал хлеб. Он повалился наземь лицом вниз и, несмотря на побои, продолжал с жадностью запихивать кусок себе в рот. И только когда он проглотил его, все как-то разом успокоились и мирно встали друг за другом.

Раздав хлеб, шурин бледный опустился на нары. Оказалось, что сам он остался без пайки. Человек, до сих пор ничком лежавший на полу, не был членом бригады. Я предложил Карлу половину своего куска, который оставлял на завтрак, но он категорически отказался. Из-за этого потрясаю-щего случая у нас не нашлось ни сил, ни слов для разговора, и я вернулся в свой барак. А через несколько дней, встретившись снова с шурином, узнал от него, что человек, съевший его пайку, так и остался тогда лежать на полу, потому что был мертв.

Бригада Карла работала так же, как и наша, с утра до ночи вгрызаясь кирками в мерзлую землю и камни. Когда начал таять снег, стоять прихо-дилось по колено в студеной воде. Вначале в его бригаде было сорок два человека, но к весне в живых осталось только девять.

Меня много лет спустя спросили: почему мы соглашались работать в таких нечеловеческих условиях? Во-первых, потому, что немцы - это очень прилежные и исполнительные люди, такими были наши далекие предки, такими остаемся и мы. А во-вторых, нас сразу ознакомили с указом прави-тельства, в котором сказано, что при любом отказе от работы и при попытке к бегству, мы будем тут же расстреляны на месте.В соответствии с этим указом расстреляли Карла Михеля, друга моего старшего брата, с которым они вместе добровольцами уходили в тридцатые годы в Красную Армию. С начала войны Михель был на фронте, но потом его отозвали из армии, как и всех солдат немецкой национальности, и отправили к нам в лагерь. Михель

и еще двое бывших его однополчан решили бежать снова на фронт. Они сумели выехать с территории лагеря на "хлебовозке" и добраться до города Серова, но были там схвачены, доставлены под конвоем назад и в тот же день без суда и следствия расстреляны на наших глазах.

Люди были истощены настолько, что по дороге с работы отставали от колонны, без сил падали на землю. Некоторые из них молили:

- Возьмите меня! Не оставляйте здесь на дороге! Ради бога, ведь мы же соотечественники!

Им пытались помочь, брали под руки и волокли, но тут же сами падали от непосильной ноши. Поэтому чаще случалось, что этих молящих о помощи людей перешагивали и, шаркая чунями, как большие старые пингвины, брели дальше. Сзади слышались ругательства конвойных и лай собак, но что там происходило, мы не знали, никто нам не говорил, а

оглянуться не было ни сил, ни желания. Самое страшное заключалось именно в этом: нас лишили человеческого достоинства и чувства сострадания. Мы не были уже людьми, не могли по-человечески думать и поступать. В голове жила одна неотвязная мысль, затмевающая все: где, как, каким образом добыть что-либо съестное. В бане страшно было смотреть друг на друга: скелеты, обтянутые кожей.

По ночам представители комендатуры ходили по баракам и проверяли, все ли на месте. Каждый должен был находиться на своих нарах, собираться и сидеть группой запрещалось. Когда я читаю о том, что в немецких концлагерях военнопленные ухитрялись организовывать подпольные группы, я думаю, что наши лагеря по строгости превосходили немецкие.

Однажды у меня совсем разорвались ботинки, то же случилось у Дейса. Вечером мы подошли к нарядчику и показали ему свои ноги. Он освободил нас от работы на следующий день. Утром, после развода всех работоспо-собных, мы с Дейсом пошли в уборную, единственное место, где можно было побеседовать с глазу на глаз о нашем ужасном житье, помечтать о будущем. Но и там мы не смогли вздохнуть спокойно: начальник лагеря Каневский делал обход территории. Он дернул дверь уборной, ударил по ней кулаком и закричал:

- Нечего здесь рассиживаться, фашисты проклятые! Собаки, не хотят работать!

Мы замерли в испуге. Как только услышали, что шаги его удаляются, тут же выскочили наружу и поспешили уйти от греха подальше. Вернулись в барак. Но и здесь стояли крик и ругань. Нарядчик нашей колонны Гроссман

в проходе между нарами орал на кого-то, лежащего на втором ярусе. Укрывшись с головой, человек не реагировал на брань. Это окончательно вывело Гроссмана из себя. Он вскочил ногами на нижние нары, вцепился в непокорного и со всей силой рванул его вниз.

- Чертова собака! Лодырь! Сейчас пойдешь в карцер! - с размаху пинал он недвижно лежащего перед ним на полу мужчину.

- Гроссман, что ты вытворяешь?! Он же мертв!! - закричал я. - Остановись, ведь ты же человек!

До сегодняшнего дня не понимаю, как вдруг на меня нашла такая отчаянная смелость. Гроссман опешил. Он вгляделся в свою жертву, затем бросил на нас свирепый взгляд и заорал:

- Вон отсюда! Быстрее! Не то я и вас прикончу, как его!

Мы поспешили к своим нарам в самом конце длинного барака и бросились на них лицом вниз. Вечером Гроссман вызвал нас к себе в комнату и выдал каждому портянки и чуни.

- Завтра, как всегда, на работу, - почти дружески сказал он. - Из-за вас я сегодня получил выговор. - А об утреннем страшном случае - ни слова.

На следующий день начались мои муки с чунями. Они тяжеленными неуклюжими колодками висели на ногах. Я еле переставлял ноги. К тому

же до этого мне никогда не приходилось обматывать ноги портянками, в Красную Армию меня не призывали из-за плохого зрения. По дороге на работу я все время отставал от колонны. Солдаты то и дело подталкивали меня прикладами и подгоняли собаками. Когда я кое-как доковылял до траншеи, то уже не в состоянии был держать в руках кирку или лопату.

Александр Райш, наш бригадир, сказал мне какие-то ободряющие слова и разрешил сначала немного отдохнуть. Сам он всегда спускался в траншею первым и вылезал из нее последним. Работал прилежно, к членам бригады относился по-человечески. Самое удивительное, что он никогда не падал духом.

- Мы начали траншею, мы и должны ее закончить, - твердо говорил он.

И эта его уверенность и твердость вселяла в нас надежду на будущее. Позднее, подружившись с Александром, я доверял ему самые тайные мысли. В ответ на мои жалобы он убежденно говорил:

- Все несправедливости по отношению к советским немцам - не что иное, как политическая авария, наподобие производственной. Кончится проклятая война, и все станет на свое место. Авария будет устранена, вот увидишь. Все будет хорошо!

Численность нашей бригады уменьшалась день ото дня. Некоторые,

с согласия начальника, сумели найти себе работу полегче. Кто выклянчил должности нормировщика, диспетчера, бухгалтера, дежурного, или, как слабый очкарик Райнгольд Шлоттгаер, устроился секретарем начальника лагеря Каневского. А кто - окончательно обессилевший, больной, раздавленный - нашел свое последнее пристанище на берегу речушки Турьи, недалеко от тогдашнего тринадцатого ОЛПа. Наш бригадир, я и еще девять человек выдержали до завершения пытки - траншея была закончена! После этого нашу малочисленную бригаду расформировали.

Александр Райш стал работать электромонтером в строительном управлении. Меня перевели в другую бригаду землекопов, которая готовила место для фундамента металлической высокой трубы котельной будущего лесо-пильного завода. Эту яму начали копать заключенные, землю они ниоткуда не уносили, и большая куча грунта мешала строителям при монтаже паровых котлов и оборудования. Прораб приказал нам, не прекращая основной работы, убрать гору земли. Вынести ее через ворота котельной мы не могли, так как все кругом было загромождено оборудованием и металлическими конструкциями. Решили перекинуть мостик через яму и по нему вывозить землю в небольшой проем в стене,

оставленный открытым до окончания монтажа дымовой трубы. Чтобы не задерживать работу, я и еще один мужчина продолжали на дне ямы углублять ее, а по качающимся над нами сверху доскам громыхали нагруженные тачки. С утра моросил дождик, днем же подморозило, и я слышал, как возившие тачки у нас над головой без конца спотыкались и подскальзывались.

- Может, нам прекратить пока работу внизу? - крикнул я бригадиру.

- Тогда не успеем выполнить норму, - раздраженно ответил бригадир. - Ты что, хочешь, чтобы для всех урезали паек?

Не прошло и пяти минут после этого разговора, как я услышал сильный треск, грохот... и больше уже ничего не помнил...

- Что ж все не едут за ним? Так и помрет здесь, - услышал я, как сквозь вату, и приоткрыл глаза. Трое из моей бригады сидели у костра, один из них ворошил угли. Я попробовал встать, но, почувствовав сильную боль в спине и голове, застонал.

- Наконец-то пришел в себя! - сказал тот, что ворошил угли, и положил мне свою ладонь на лоб. - Потерпи еще немного, друг, наверное, уж скоро тебя увезут отсюда.

Больше трех часов лежал я неподвижно на промерзлой земле. Наконец, приехал грузовик и меня отвезли в барак-больницу. Но и там пришлось долго ждать какого-нибудь свободного местечка. Когда меня поместили на топчан, пришел дежурный врач и установил диагноз: сотрясение мозга и паралич позвоночника в области поясницы.

Спустя несколько дней меня стало так сильно лихорадить, что я попросил позвать врача. К моей великой радости им оказался знакомый еще по Красноярску Михельсон, который был привезен сюда так же, как и все мы.

- Да, друг, ничего утешительного сказать не могу, - вздохнул он, осмотрев меня. - Кроме всего прочего, у тебя еще воспаление легких и малярия. Один я с этим не справлюсь, но если ты очень захочешь выздороветь, то вместе у нас, может, что-то и получится. Главное, не падай духом!

Он велел постелить мне белую чистую простыню и дать ватную подушку. Потом принес хинин и, приподняв мою голову, помог выпить лекарство.

- Я эти пилюли привез из дому, - сказал Михельсон. - Выпьешь на ночь и завтра утром. Больше у меня таблеток нет, но средство это хорошее, и если судьбе будет угодно, мы с тобой победим малярию. Станет получше, начнем лечить все остальное.

Приступы малярии у меня, действительно, прекратились, но температура продолжала держаться очень высокая, и я часто впадал в беспамятство. К счастью, мой сосед по фамилии Ракк оказался сердобольным человеком. Он ухаживал за мной, без конца менял мне на лбу

мокрые тряпки. Есть я ничего не мог, поэтому свою норму - 400 граммов хлеба и поллитра перлового супа с ложечкой хлопкового масла отдавал ему. А он за это отдавал мне пятидесятиграммовую порцию сахара, растворял ее в кипятке и поил меня.

Однажды вечером я лежал в бессознательном состоянии, и дежурный врач распорядился перенести меня поближе к задней двери на кровать для безнадежных больных. Возможно, как раз этой ночью у меня был кризис, потому что, проснувшись перед рассветом, я почувствовал облегчение: боли в пояснице ослабли, голова уже не казалась чугунной , без посторонней помощи я встал, сунул голые ноги в тапочки и, обмотавшись одеялом, вышел через заднюю дверь на крыльцо. В нескольких шагах от барака что-то грузили на машину. Я подошел поближе и в свете прожектора увидел, что

в кузов грузовика кидают окоченевшие трупы, а там укладывают их штабелями. Меня затошнило, голова закружилась, и я потерял сознание.

Утром я проснулся от того, что Ракк держал возле моих губ кружку с горячей сладкой водой и упрашивал выпить хоть немного. Мне же впервые захотелось есть. Он тут же принес хлеба и покормил меня. Я рассказал о кошмарном сне, о машине со штабелями трупов. Ракк выслушал и объяснил, что это был не сон, а действительность, которая повторяется каждую ночь, и что меня с крыльца принесли обратно в барак как раз те самые грузчики. При этом они еще и шутили:

- Хотел без нас попасть на нашу машину, видно, не терпится доходяге.

После утреннего обхода Михельсон распорядился вернуть меня на прежнее место рядом с Ракком. С этого дня началось мое пусть медленное, но выздоровление. Теперь я уже сам съедал свою порцию хлеба и похлебки. Однажды Ракк прибежал из кабинета главного врача со сверкающими от счастья глазами: его выписали с правом возвращения домой. Собирая пожит-ки и прощаясь с нами, он не мог сдержать слез. От такого неожиданного известия мы даже забыли обменяться адресами, о чем я до сих пор жалею. С тех пор мы больше никогда не виделись. От Михельсона я узнал, что у Ракка легкие полностью разрушены туберкулезом, и отпустили его домой доживать последние дни. Это был один-единственный такой случай, все тяжело больные заканчивали свою жизнь в лагере.

Через несколько недель Михельсон выписал меня с диагнозом "здоров". Дольше он уже не имел права держать выздоравливающего в больнице. Единственное, что он смог еще сделать - позвонил политруку лагеря и попросил его дать указание, чтобы меня определили на легкую работу. Политрук велел мне прийти к нему. Побрившись и надев чистую рубашку, оставшуюся у меня еще из дома, я пошел в штаб лагеря.

Политрук лагеря был русский, фамилию его я забыл. Он усадил меня и стал расспрашивать. Я поведал, как лишился комсомольского билета, как Папперман обозвал меня фашистом. Политрук нахмурился и сказал, что мы

не фашисты, а временно изолированные советские граждане, что он сам воевал на фронте не против немецкого народа, а против фашизма, и, несмотря на то, что был трижды ранен, не питает ненависти к немцам. Сказал, что очень благодарен врачу-немцу Михельсону, который подлечивает его после ранений, и что по-человечески любит его. А заявления Паппермана, конечно, были нехорошими, но далеко не все думают так, как Папперман.

Помолчав, политрук добавил, что хотел отправить меня переводчиком на фронт, но я выгляжу больным человеком, и сначала мне надо поднабраться силенок. Для этого он предлагает работу в бане, в отдельной кабине, специально оборудованной для него и для начальника лагеря. В мои обязанности входит держать в чистоте тазы и полотенца, а утром и вечером подогревать воду в жестяном баке на железной печке. Ему Михельсон прописал принимать ванну дважды в день. Конечно, я согласился и стал банщиком.

Каждый раз во время купания политрук хвалил меня за чистоту и пунктуальность, всегда беседовал со мной, о чем-то спрашивал. Однажды он сказал, что враги вооружены лучше, чем наша армия, и мы несем очень большие потери, хотя, несмотря на это, Красная Армия все равно скоро победит. Я заметил, что в условиях лагеря количество жертв соответственно больше, чем на фронте. Он возмутился, занервничал и захотел узнать, откуда мне это известно. Я объяснил, что видел собственными глазами, сколько трупов вывозится из больницы и других бараков, со строительных объектов, а также сколько людей погибает по дороге с работы и на работу. Политрук долго молча смотрел на меня, потом строго сказал, чтобы я ни с кем не говорил так откровенно. В его голосе я почувствовал озабоченность и обещал ему это.

Паперман и Энтин тоже часто приходили в баню. Они всегда к чему-либо придирались, я ни разу не дождался от них доброго, человеческого слова.

Скоро политрука снова взяли на фронт. А через некоторое время я услышал, как Папперман рассказывал Энтину, что в штаб лагеря пришло сообщение о гибели политрука под Сталинградом на второй день его пребывания на фронте. У меня по щекам потекли слезы.

Больше я не хотел работать в бане, и попросил Паппермана перевести меня на строительство алюминиевого завода, якобы ввиду того, что, по мнению врача, мокрый воздух вреден для моих легких. К счастью, был только что образован пятый монтажный участок под руководством Владимира Познанского, взявшего меня мастером по материальному снабжению. Познанский был доброжелательным человеком в отличие от своих коллег, которые за причиненные им фашистами страдания при всяком удобном случае издевались над нами. В течение целого месяца Познанский не давал мне вообще никаких поручений, хотел, чтоб я немного поправился. Никогда не забуду его чуткость и доброту.

Бригаде нашей было дано задание очистить от накипи внутренние стены огромных автоклавов, демонтированных на Тихвинском алюминиевом заводе. Придя под конвоем на работу, бригада исчезала внутри металлической емкости, а я с разрешения Познанского ходил снаружи взад-вперед под дикий грохот молотков, кирок, зубил. Ходить мне нужно было так, чтобы солдат-охранник постоянно видел меня. Однажды в теплый солнечный день под звонкое пение жаворонков в вышине я расслабился, забыл, где нахожусь, и, опустившись на траву, заснул глубоким сном. Солдат-охранник и овчарка заснули еще раньше.

Резкий удар сапога под ребра заставил меня пулей вскочить на ноги. Передо мной стояли Паперман и Энтин.

- Что ты тут делаешь, паршивая собака?! - заорал Папперман. От неожиданности я вскинул руку к виску и отрапортовал:

- Греюсь, товарищ начальник!

Оба оторопело уставились на меня, затем вдруг громко рассмеялись: наверное, я выглядел очень комично.

- А черт с тобой! - махнул рукой Паперман.

Несколько недель у меня сильно болел бок от его пинка, но я посчитал, что отделался весьма легко.

Закончив работу по отбиванию накипи, наша бригада вернулась в строительную зону и стала строить утепленный сарай для хранения инструментов и материалов. Я к тому времени заметно окреп, и Познанский велел мне заняться материальным обеспечением. В моем распоряжении была бригада из пятнадцати человек. Кроме того, диспетчер ежедневно выделял мне несколько подвод с лошадьми и грузовую машину. Я выискивал на территории строительной зоны то, что могло нам пригодиться, и мы свозили и стаскивали это добро к сараю-складу. Стальные тросы, домкраты, инструмент, оборудование для производства монтажных работ, другие полезные предметы были оставлены на строительных объектах заключенными. Познанский похвалил нас за то, что было собрано все необходимое для начала монтажа газовых турбин, генераторов и оборудования трубогазодувной станции.

Сооружение алюминиевого завода имело первостепенное значение. Потребность в этом стратегическом металле была очень велика, и все объекты строительства находились под неусыпным контролем НКВД.

Работали мы очень напряженно, никаких простоев не могло быть.

Однажды погас электрофильтр высотою двадцать метров. Оказалось поврежденным что-то там внутри, видимо, проводка. Начальник строительно-монтажного управления Давид Монастырский, боясь получить выговор или еще более тяжкое наказание, на чем свет стоит ругал

электриков, топал ногами, заставлял их лезть внутрь электрофильтра устранять дефект. Но никто не соглашался залезть туда - это было опасно для жизни. Неожиданно вперед вышел один из электромонтеров и сказал, что попытается что-нибудь сделать. Это был Александр Райш.

Люди вокруг затаили дыхание. Напряженная тишина стояла все тридцать минут, пока Райш находился внутри горячего фильтра. Наконец, он выкарабкался наружу через узкое нижнее отверстие. По лицу его стекал грязными струйками пот, на руках, на лбу были кровавые ссадины. Несколько раз он жадно, полной грудью вдохнул воздух и вполголоса выдавил:«Все в порядке... Включайте рубильник...».

Монастырский подошел к нему пожать руку.

- Не нужно мне ваше рукопожатие, - тяжело дыша, сказал Райш. – Я бы только хотел, чтобы вы впредь не кричали и не обзывали людей, своих подчиненных, - и без сознания рухнул на землю.

И снова я забегу немного вперед, чтобы сказать еще несколько слов об Александре Райше. Судьба снова свела нас в сорок восьмом году, когда все немцы уже были выпущены из лагерей. Однако мы по-прежнему не имели права самовольно покинуть места, куда были высланы - или мобилизованы. Иначе по закону грозили каторжные работы. Жена нашего главного бухгалтера была поймана и осуждена на двадцать лет лишения свободы с отбыванием срока в лагере строгого режима только за то, что без разрешения комендатуры поехала к тяжело заболевшей дочери в Омскую область после того, как ей было официально отказано в просьбе.

- Ну, что ты скажешь по поводу этого варварского приказа сверху? - спросил я Александра. - Война окончилась, а нас, два миллиона советских немцев, по-прежнему не хотят восстанавливать в гражданских правах.

- Восстановят! - уверенно ответил Александр. - Это должно быть, и это будет! Все изменится к лучшему, вот увидишь. Просто политическая авария немного затянулась.

Мы работали с ним в Краснотурьинском тресте в одной комнате: я нормировщиком и экономистом, он - управляющим домами. На моих глазах, сидя за своим столом, он схватился руками за голову, потом за грудь. Я подумал, что это от голода. Его жена, дети, старики-родители с разрешения комендатуры приехали к нему, но с продовольствием тогда было ужасно, и вся семья голодала. Я протянул Александру кусочек хлеба, но он отказался. Отказался и от того, чтобы я вызвал "скорую помощь", сам без провожатых, пошел в больницу. А вскоре позвонили оттуда и попросили срочно известить близких, что жизнь Райша в опасности. Я еле успел добежать до больницы, чтобы проститься со своим другом.

И снова я вернусь в своих воспоминаниях назад. В конце февраля сорок четвертого года мне велели явиться в штаб лагеря. Кроме меня там собралось в назначенное время еще несколько мужчин. Нас по очереди

приглашали в кабинет, где, кроме начальника лагеря Каневского, находился генерал из Свердловска, и еще двое незнакомых мужчин в штатском. На столе высилась гора папок.

Когда я назвался, генерал подтянул к себе довольно пухлую папку - мое персональное дело. Боже мой! Сколько же бумаг находилось в ней! И что только можно было написать о моей скромной персоне? В это мгновение мне стало страшновато...

Несколько минут генерал молча перелистывал бумаги, спрашивая при этом, кто я да откуда. Потом отложил дело в сторону и сказал:

- С сегодняшнего дня ты освобожден от конвоя. Тебе выдадут пропуск, по которому ты сам будешь ходить на работу. Все остальное, что касается мобилизованных немцев, остается для тебя в силе.

Это была огромная радость - ходить одному на работу, не чувствуя за спиной дыхание вооруженных солдат и свирепых овчарок. Появилась иллюзия свободы, хотя я и не имел права отклоняться от маршрута, указанного в пропуске. В противном случае грозил арест. Сажали в карцер на хлеб и холодную воду. Я имел возможность провести там без постели пять суток за то, что завернул на рынок купить немного чесноку от начинающейся цинги.

К этому времени многие объекты были уже построены. Один за другим поднимались жилые дома для вольнонаемных. Почти ежедневно прибывали этапы с военнопленными и заключенными, в основном, женщинами из Курской области, которые во время оккупации, якобы, имели связь с немец-кими солдатами и офицерами. Теперь стало больше людей, имеющих свободный вход и выход из зоны и работавших на разных объектах.

Когда монтаж турбин и оборудования турбогазодувной станции прибли-жался к концу, стали поджидать какого-то генерала из Москвы для личной проверки готовности завода. Оставались несделанными сварочные работы. Познанский велел мне срочно ехать за кислородными баллонами. Когда я привез их, несколько заключенных стали на разгрузку. Но каждый баллон весил около восьмидесяти килограммов, и четыре изможденных человека с трудом поднимали его. Познанский, увидев, как медленно делается дело, закричал на них. Я впервые увидел его кричащим и таким злым. Видимо, работы по газосварке во что бы то ни стало надо было закончить до приезда генерала. Я отстранил еле державшихся на ногах заключенных, поставил баллон вертикально на землю, прижал его обеими руками к себе и понес один. Дотащившись до цеха, я почувствовал сильнейшие боли в животе. Познанский, увидев, что я стал белым, как мел, приказал отвезти меня в больницу для вольнонаемных. От непосильной тяжести я получил паховую грыжу, и мне тут же сделали операцию.

Когда я вышел из больницы, Познанского, как опытного специалиста, перевели на другую работу. Перед отъездом он посоветовал Давиду Мона-

стырскому, начальнику Промстроя-1, взять меня к себе. Тогда на строительных объектах работали и мобилизованные советские немцы, и военнопленные, и заключенные, и осужденные по 58-ой статье, то есть за "политические преступления", - люди самых разных национальностей. Монастырский поручил мне принимать рабочую силу из других лагерей, которых под Краснотурьинском было пятнадцать, и строго-настрого указал, какие специальности нужны нам, а какие нет. Однако начальники лагерей старались сплавить людей, которые не желали работать или уже не могли. Из-за этого у нас возникали частые споры и ссоры с начальниками. Монастырский не хотел иметь на строительстве заключенных и узбеков. Первые стараются трудиться как можно меньше, а вторые не выдерживают морозов и погибают. А вот трудмобилизованных немцев он ценил очень высоко, даже разрешал мне принимать взамен пяти бригад заключенных одну бригаду советских немцев. Ставил он их всегда там, где нужно было работать быстрее и лучше. И военнопленные немцы тоже работали качественно, выполняя задания точно в срок. Однако Монастырский боялся их, несмотря на то, что и они его тоже боялись. Эти люди уже не хотели ни убивать, ни воевать, но, тем не менее, делая обходы объектов, где работали военнопленные или заключенные, Монастырский всегда брал меня с собой.

Увидев нас, военнопленные тут же передавали по цепочке друг другу: "Работать, работать! Еврей идет!"

Когда фундамент самого важного объекта - электролизной - был готов, и металлоконструкции смонтированы, меня назначили хоздесятником. Я получил приказ подключить все автомашины для перевозки готовой продукции с кирпичного завода. Но от основной дороги нагруженным машинам нужно было проехать еще пятьдесят метров по глинистому грунту. Колеса увязали в тяжелой липкой глине, моторы глохли. Монастырский приказал, пока машины будут загружаться на заводе, соорудить на скорую руку подъезд от дороги до электролизной. Чтобы хоть как-то выполнить приказ в срок, прораб Козулькин велел военнопленным уложить дорогу из досок и балок и привести к основной дороге четыре автокара, на которые будут перекладывать кирпич с автомашин. Военнопленные аккуратно выполнили все, что им было приказано. Но когда кирпич перегрузили на автокары, то под его тяжестью дощатая дорога тут же просела в мягкий раскисший грунт. Подъехав на последней машине, я увидел картину: грузовики вереницей стоят на дороге, а военнопленные изо всех сил тол-кают автокары с кирпичами. На первом прикреплена дощечка с надписью "Урал-экспресс".

Монастырский, увидев затор и издевательскую надпись, пришел в бешенство. Вызвав нас с Козулькиным в контору, он начал кричать, что мы позволяем фашистам издеваться над ними, что мы дураки, чучела, набитые соломой, и чахоточные призраки, что он сейчас же отправит нас в каменный карьер, откуда есть только один путь - на тот свет.

На каменный карьер он меня не отправил, но я, не в силах забыть его оскорбления, спустя несколько недель, сославшись на послеоперационные

боли в животе, попросил освободить меня от работы хоздесятником. Теперь я стал нормировщиком.

Думаю, что Монастырский, сам постоянно находился под страхом ареста. Ведь особенно беспощадно относились к тем, кто обвинялся в срыве работ и несвоевременном вводе в эксплуатацию сооружений и цехов. Всех беспрестанно подгоняли, заставляли работать при любой погоде.

Нужно было бетонировать фундаменты для шаровых мельниц цеха спекания боксита. Но на улице стояли морозы ниже 35 градусов.

Старший прораб Шпеттер, всеми уважаемый инженер-строитель, сказал, что делать это в морозную пору категорически нельзя, могут быть очень тяжелые последствия. Однако Монастырский настоял на немедленном бетонировании, иначе тормозилось все строительство, а для него это был большой риск. Шпеттер вынужденно подчинился приказу. Две пятидесятиметровые мельницы диаметром более трех с половиной метров воздвигали на бетонный фундамент. Дальше все было так, как предсказывал Шпеттер: весной мерзлый бетон оттаял, мельница и торцовая стена рухнули. Все ведущие специалисты объекта были тут же арестованы, им грозил расстрел.

Но, к удивлению и радости, Монастырский потребовал их освобождения. Он принял вину на себя. Все были освобождены. Почему Монастырский остался на свободе - знает только он. Позднее он был назначен управляющим трестом БАЗстрой.

Послевоенные годы были крайне тяжелыми. Мы голодали еще больше, чем в военное время. После отмены хлебных карточек почти невозможно стало что-то купить. Буханка хлеба стоила на рынке от ста до двухсот рублей. Уехать мы никуда не могли, находясь под контролем Военной комендатуры. Староста барака каждый вечер докладывал коменданту, что все на месте, а в конце недели мы должны были собственной персоной являться к нему для отметки.

Теперь нам позволили брать к себе на постоянное жительство свои семьи. Для этого надо было получить разрешение управляющего трестом

и подать заявление в комендатуру. Для прибывающих семей в бараках оборудовали одно- и двухкомнатные "квартирки".

Моя жена с сынишкой одними из первых приехали в Краснотурьинск. Затем ко мне приехала мать с Давидом и Доротеей из Актюбинской области, куда они были выселены в сорок первом году. В это время всем, кто хотел строить себе жилье, давали строительные материалы. Многие принялись, кто во что горазд, возводить дома из досок и утеплять их опилками и котельным шлаком. Вскоре вокруг выросло множество поселков. Разрешение это было дано для того, чтобы предотвратить массовый выезд из города к тому времени, когда комендатура будет упразднена.

Самовольный выезд немцев-трудармейцев с места жительства или переход с одной работы на другую наказывался, как и прежде, лишением свободы от двух до двадцати лет. Так продолжалось вплоть до пятьдесят пятого года, но и после него местные власти еще долго не знакомили нас

с изменениями в законе, чтобы подольше задержать у себя рабочую силу. Когда нам, наконец, выдали паспорта, стало легче дышать.

В это время я работал начальником планового отдела жилищно-коммунального хозяйства треста БАЗстрой и имел возможность дважды присутствовать на судебном процессе. Судили группу воров и мошенников. Эти люди, лишенные человеческой совести, были бывшими начальниками лагерей и руководителями подразделений треста: начальник 14-го лагерного отряда Каневский, начальник первого ОЛПа Папперман, его заместитель Энтин, главный бухгалтер ОРСа Штерман, главный бухгалтер треста Белоусов и многие другие. Их обвиняли в краже и разбазаривании продовольствия, которое они недодавали нам, трудармейцам, тем самым обрекая тысячи ни в чем неповинных людей на медленную голодную смерть.

На строительство Богословского алюминиевого завода было привезено более девятнадцати тысяч немцев-трудармейцев, из которых, на день снятия вокруг лагерей колючей проволоки, осталось в живых четыре тысячи человек. Четыре из девятнадцати!

Заведующий продовольственным складом 14-го лагерного отряда Шварцкопф давал показания, сколько было украдено и вывезено только с

его склада.

- Это фашист! Не верьте этому фашистскому лгуну! - истерически

кричали подсудимые.

А Шварцкопф приводил конкретные доказательства и точные цифры с указанием года, месяца и числа.

Судебный процесс длился почти три недели. Большинство подсудимых было осуждено на десять лет лишения свободы. Но спустя два года, во время служебной командировки на Уралмаш, в буфете центральной гостиницы Свердловска я встретил Штермана. От него узнал, что все, осужденные вместе с ним, освобождены из лагеря по причине "плохого состояния здоровья".

Когда теперь я вспоминаю те кошмары, те преступления, жестокость, мошенничество, воровство, вспоминаю всех, повинных в этом, то каждый раз в душе моей невольно возникает справедливый вопрос: почему до сих пор эти и подобные им люди не предстали перед судом? Ведь фашистов судят до сегодняшнего дня.

В день смерти Сталина нам велели идти к клубу строителей на траурный митинг. На небольшой площади собралась толпа народу. Стояли,

обнажив головы, тесно прижимаясь друг к другу. Я задумался и не снял головной убор.

- Эй ты, фашист! А ну, снимай свою шапку! - сильно ударил меня кулаком в спину здоровый верзила.

Сердце мое оборвалось. Я рванул шапку с головы и замер. Работница нашего управления, стоявшая рядом со мной, резко повернулась к верзиле:

- Тебе кто дал право обзывать этого человека фашистом?! Да ты сам после этого настоящий фашист!

- Тише вы там! Замолчите сейчас же! - вполголоса зашумели на нас со всех сторон.

Работница, наклонившись ко мне, прошептала:

- Умер бы он до сорок первого года, многого бы не случилось! Но теперь все изменится!

Меня била сильная нервная дрожь. И еще долго после траурного митинга я не мог успокоиться, все думал, что меня вот-вот арестуют. Однажды я случайно узнал от знакомой из отдела кадров, что нас уже не могут судить за самовольную смену работы. Я перешел работать начальником планового отдела, и впервые за время с сорок второго года почувствовал себя человеком. Но самой большой радостью для советских немцев было выстраданное долгожданное помилование, подписанное Н.С.Хрущевым.

Конечно, не только для немцев действия Н.С.Хрущева оказались спасением и счастьем, для многих и многих людей разных национально-стей.

Однажды мне довелось ехать в одном купе с русским пожилым мужчиной. Он разоткровеничался сомной, рассказал мне всю свою жизнь.

В шестнадцать лет удрал вместе с другом-ровесником из родного

села под Тулой. Прибились к буденовским войскам и воевали до конца гражданской войны. После войны их обоих направили в Москву для учебы

в военной академии. После ее окончания друга назначили главнокомандующим Белорусским военным округом, а он, по их совместной с другом прось-бе, стал его помощником. Ворошилов лично дал согласие на их совместную работу.

В тридцать седьмом году его вызвали ранним утром в штаб. Едва перешагнул порог, как его схватили за руки двое сотрудников НКВД. Третий, приставив к груди пистолет, сорвал с мундира знаки отличия.

После этого отправили в Минскую тюрьму. Ему предъявили обвинение в государственной измене: якобы в случае отступления войск Белорусского

военного округа он должен был дать указание взорвать мосты и дороги передвижения войск, чтобы отступающие попали в плен. С него потребовали подписать эту галиматью. Он категорически отказался. Тогда каждую ночь его стали подвергать страшным, невыносимым пыткам, пока он не падал без сознания. Его тащили обратно в переполненную камеру, где люди задыха-лись от недостатка кислорода. Каждую ночь в ней умирало от десяти до пятнадцати человек.

Однажды его вызвал новый следователь, который не был так жесток, как предыдущий. На третьем допросе он тихо шепнул:

- Дорогой человек! Подпиши эту ложь! Завтра отправляют этап с заключенными на Урал или в Сибирь. Ты можешь попасть в него и, возможно, спасти свою жизнь. Это твой единственный шанс.

Фальсифицированное обвинение было подписано. Действительно, уже на следующую ночь он был отправлен в Тавду на Урал. Там стояли жестокие морозы, а поселили их в брезентовые палатки, пока они сами для себя не выстроят бараки. Более половины заключенных с этого этапа погибло от воспаления легких, цинги и других болезней. А ему предстояло десять лет находиться в лагере, а потом тяжелобольному жить в Тавде без права на выезд. Отправлять и получать письма он не имел права. Случайно до него дошло известие, что жену, которая после его ареста не отреклась от мужа, "врага народа", уволили с работы и с пятилетним сыном и старой матерью выселили из квартиры прямо на улицу. Кто-то тайком посочувствовал им и пустил зимовать в летнюю кухню. Но топить было нечем, и все его родные заболели и умерли.

Теперь этот человек был реабилитирован, полностью восстановлен в гражданских правах и ехал в Москву получать новые документы. Но в глазах его стояла неизбывная тоска - ведь он потерял всех родных, друзей, дом, здоровье, молодость, веру, надежду, и жизнь казалась ему бессмысленной.

В Свердловске мой случайный попутчик вышел. Имя его я забыл, но то, что он рассказал, вспоминаю часто, все больше и больше осознавая грандиозный масштаб страданий миллионов людей не только моего народа, но и русских, и северокавказцев, и людей многих других национальностей. Это было страшное время, проклятый период массовых репрессий, расстрелов, жестоких пыток, причем уничтожали целенаправленно и последовательно всех самых лучших, энергичных и думающих. Сейчас мне хочется бить в набат:

- Люди! Граждане нашей страны! Будьте бдительны! Не дайте повториться темным временам!

Нижегородская область. Март 1988

Перевод с немецкого Татьяны САРТАКОВОЙ

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О том, что немцы, калмыки, ингуши, чеченцы, финны, латыши и другие переселены в предоставленные районы навечно и что выезд их с мест поселения без особого разрешения органов МВД карается каторжными работами до 20 лет.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

А.ШВЕРНИК

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А.ГОРКИН

Москва, Кремль. 26 ноября 1948 года

СОВЕТСКИЕ НЕМЦЫ

Справка

	1926 год	**1959 год**	**1970 год**
СССР	1 238 549	1 619 655	1 535 826
РСФСР	806 301	820 091	1 324 490
Каз.ССР	51 102	658 698	211 336
Узб.ССР	4 646	18 000	----
Кирг.ССР	4 291	39 915	-----
Тадж.ССР	---	32 588	-----
Азерб.ССР	13 149	----	-----
Бел.ССР	7 075	----	----
Укр.ССР	12 075	----	-----

По областям в 1970 году:

Алтайский край	130 000
Красноярский край	561 000
Кемеровская область	521 000
Омская область	112 490
Семипалатинская область	46 926
Павлодарская область	78 730
Целиноградская область	85 680

Депортировано 855 674

Репатриировано 208 388

Находились на спецпоселении (на 1 января 1953 года) 1 224 931

Погибло при депортации от 15 до 30 %

Находились в лагерях в период 1941 - 1946 гг. около 970 000,

из них погибло около 300 000 человек.

По данным еженедельника "Аргументы и факты". 1989. № 39,

а также книги А. Айсфельда (ФРГ).

Статистика приблизительная, не отвечающая реальности. - Примеч. ред.-сост.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении

Учитывая, что существующие ограничения в правовом положении спецпоселенцев - немцев, и членов их семей, выселенных в разные районы страны, в дальнейшем не вызываются необходимостью, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Снять с учета спецпоселения и освободить из-под административного надзора органов МВД немцев и членов их семей, выселенных на спецпоселение в период Великой Отечественной войны, а также немцев-граждан СССР, которые после репатриации из Германии были направлены на спецпоселение.

2. Установить, что снятие с немцев ограничений по спецпоселению не влечет за собой возвращения имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

К. ВОРОШИЛОВ

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

Н.

ПЕГОВ

Москва, Кремль. 13 декабря 1955 г.

* * *

Советские немцы не предпринимали акций, направленных против Советского государства: "среди обнародованных немецких архивных документов пока нет ни одного, который позволял бы сделать вывод о том, что между 3-м рейхом и немцами, проживавшими на Днепре, у Черного моря, на Дону или в Поволжье, существовали какие-либо заговорщицкие связи", свидетельствует Луи де Ионг. Он подчеркивал, что "в Советском Союзе немецкие органы разведки не смогли опереться на помощь немецкого национального меньшинства, так как оно проживало в таких глубинных районах России, что наладить с ними связь оказалось невозможным. Кроме того, некоторые немцы, особенно молодежь, сочувствовали коммунизму".

Луи де ИОНГ

Немецкая пятая колонна во второй мировой войне.

М., 1958.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета СССР

от 28 августа 1941 года

"О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья"

В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. "О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья" в отношении больших групп немцев - советских граждан были выдвинуты обвинения в активной помощи и пособничестве немецко-фашистским захватчикам.

Жизнь показала, что эти огульные обвинения были неосновательными и явились проявлением произвола в условиях культа личности Сталина. В действительности в годы Великой Отечественной войны подавляющее большинство немецкого населения вместе со всем советским народом своим трудом способствовало победе Советского Союза над фашистской Германией, а в послевоенные годы активно участвует в коммунистическом строительстве

Благодаря большой помощи Коммунистической партии и Советского государства немецкое население за истекшие годы прочно укоренилось на новых местах жительства и пользуется всеми правами граждан СССР. Советские граждане немецкой национальности добросовестно трудятся на предприятиях, в совхозах, колхозах, в учреждениях, активно участвуют в общественной и политической жизни. Многие из них являются депутатами Верховных и местных Советов депутатов трудящихся РСФСР, Украинской, Казахской, Узбекской, Киргизской и других союзных республик, находятся на руководящих должностях в промышленности и сельском хозяйстве, в советском и партийном аппарате. Тысячи советских граждан-немцев за успехи в труде награждены орденами и медалями СССР, имеют почетные звания союзных республик.

В районах ряда областей, краев и республик с немецким населением имеются средние и начальные школы, где преподавание ведется на немецком языке или организовано изучение немецкого языка для детей школьного возраста, ведутся регулярно радиопередачи и издаются газеты на немецком языке, проводятся и другие культурные мероприятия для немецкого населения.

Президиум Верховного Совета п о с т а н о в л я е т:

1. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года "О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья" (Протокол заседания Президиума Верховного Совета СССР, 1941, N 9, с. 256) в части,

содержащей огульные обвинения в отношении немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, отменить.

2. Учитывая, что немецкое население укоренилось по новому месту жительства на территории республик, краев и областей страны, а районы его прежнего места жительства заселены, в целях дальнейшего развития районов с немецким населением поручить Советам Министров союзных республик и впредь оказывать помощь и содействие немецкому населению, проживающему на территории республик, в хозяйственном и культурном строительстве с учетом его национальных особенностей и интересов.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

А. МИКОЯН

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

Москва, Кремль. 29 августа 1964 года

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного

в прошлом для отдельных категорий граждан

Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1.Снять ограничения в выборе места жительства, предусмотренного Указами Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 года в отношении немцев и членов их семей, от 22 сентября 1955 года в отношении греческих и турецких граждан и иранских подданных, принятых в советское гражданство, от 27 марта 1956 года в отношении греков, болгар, армян и членов их семей.

2.Разъяснить, что лица, на которых распространяется указанное ограничение и членов их семей, являющихся гражданами СССР, пользуются, как и все советские граждане, правом избирать место жительства на всей территории СССР в соответствии с действующим законодательством

о трудоустройстве и паспортном режиме, а иностранцы и лица без гражданства в соответствии с законодательством о порядке проживания в СССР иностранцев и лиц без гражданства.

3. Поручить Министерству юстиции СССР совместно с Мини-стерством внутренних дел СССР, Комитетом Государственной безопасности при Совете Министров СССР представить предложения о при-знании утратившими силу законодательных актов, предусматривающих ограничения в выборе места жительства для лиц отдельных национальностей, переселенных в прошлом из мест их проживания в дру-гие районы страны.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

Н.В.ПОДГОРНЫЙ

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

М. ГЕОРГАДЗЕ

Москва, Кремль. 3 ноября 1972 года

Владимир КИСЕЛЕВ

ВМЕСТО ФРАНКФУРТА - В УЛЬЯНОВСК:

Как вытесняют советских немцев из Саратовской области

и почему их ждут в Ульяновской

Журналистское расследование

Когда к Александру Кригеру подошел мальчишка-пионер с тетрад-кой: "Дяденька, если вы против возвращения немцев - распишитесь", он понял, что в Саратовской области его не ждут. Но все же не смог уехать сразу - слишком долго он мечтал о встрече с родной землей, откуда в самом начале Великой Отечественной под конвоем была выслана его семья, как и другие немецкие семьи. Агроном с большой практикой, он видел погубленные бездумной мелиорацией некогда плодородные поля, запустелые села с заросшими бурьяном кучами мусора на месте порушенных домов - и у него сжималось сердце. Он ездил из совхоза в

совхоз, пытаясь устроиться на работу, но всюду разговор кончался, стоило ему назвать свою фамилию - Кригер.

По официальной статистике в области загублено более 600 тысяч гектаров, специалисты утверждают: гораздо больше. На селе остро не хватает рабочих рук. В Краснокутском районе до войны, когда депортировали поволжских немцев, было 6 колхозов-миллионеров. Сейчас в магазинах пустые полки. Но народ выходит на митинги с плакатами: "Лучше СПИД, чем немцы!" А Саратовский комитет "Родина" рассылает по стране листовки: "За спиной народа решается вопрос о создании Германии на нашей Родине! То, что не удалось Гитлеру в 1941 году... с помощью Москвы пытаются сделать сейчас".

В прошлом году из СССР выехали 105 тысяч советских немцев, прежде всего специалисты и квалифицированные рабочие. Поток увеличивается. Лишь за 4 месяца этого года он увлек 45 тысяч человек. Согласно исследованиям Института немецкой экономики Франкфурта-на-Майне, до 2000 года Федеративная Республика Германия способна принять 2 миллиона переселенцев. Приток умов и рабочей силы увеличит к рубежу веков валовой доход на 84 миллиарда марок. Соответственно, если где-то прибывает, то в другом месте убывает. По оценке союзного Госплана, потери СССР при отъезде немцев достигнут 80 миллиардов рублей.

Так что нам совсем не безразлично, как сложится дальнейшая судьба Александра Кригера, что решит для себя Валерий Штендауэр, классный водитель, четверть века просидевший за баранкой автомобиля, какой выбор сделают Владимир Витт и трое его сыновей, 20-летняя Татьяна Ким - повар, музыкант, продавец-товаровед и 25-летний шофер 1-го класса Владимир Майер, его тезка - строитель-бетонщик Вебер и Александр Гарт - ветврач, крановщик, агроном и строитель...

Кто-то из них совсем был близок к отчаянному шагу, даже документы оформили на выезд. Но услышал: Ульяновская область приглашает советских немцев на постоянное жительство. Как на последний огонек надежды потянулись они сюда со всей страны. Пишут письма, спешат воочию убедиться, насколько все здесь серьезно затевается. А самые решительные приехали уже навсегда, - я назвал их имена, с них начинается возрождение немецкого Поволжья. Пока они будут строить жилье. Затем привезут семьи и станут работниками совхозов или свободными фермерами.

Свернули с асфальта на грунтовку, и стрелка на спидометре нашего "газика" упала до отметки 20 км/час. То взлетая на очередной кочке, то ухая в глубокую промоину, пробивались мы к деревне Красное Сюндюково, где намечено строить первое в Ульяновской области немецкое село.

- Начинать надо с дороги. Иначе все наши замечательные замыслы в грязи утонут, - вздохнул Яков Гауэрт, генеральный директор Ульяновской промышленной ассоциации "Союз". Ей в короткое время предстоит поднять два компактных немецких поселения, ряд малых предприятий по

переработке сельхозпродукции, кирпичный и черепичный заводы, экологически чистую электростанцию на реке Свияге. Все это не только займет людей зимой (сельскохозяйственные работы, известно, сезонные), но и даст скорую экономическую отдачу.

Первоначально строительство намечалось в селе Васильевка. Но Красное Сюндюково на общем сходе граждан решило: у нас удобнее. Опять же отличный выпас для скота, свиноферма, комплекс по откорму молодняка крупного рогатого скота - поделимся с новыми соседями, негоже им с нуля начинать. А если будет на то их воля, пусть зачислят нас в свою промышленно-сельскохозяйственную фирму "Нойес лебен" ("Новая жизнь").

Видел, как встречали в Сюндюкове представителей советских немцев, с какой готовностью показывали им хозяйство, хвалили свои урожайные черноземы. А еще видел брошенные, заросшие крапивой дворы, заколоченные крест-накрест слепые глазницы домов и старенькую деревянную школу, которая с будущего года закрывается, поскольку единственный ученик Раиль Рахматуллин окончил уже третий класс и будет теперь заниматься на центральной усадьбе.

Увы, Ульяновская область не являет собой исключения во всеобщем бедственном положении российского села. За последние десять лет здесь стало меньше на 64,4 тысячи жителей. Снято с учета 45 населенных пунктов. Зачастую на одного работающего колхозника приходится несколько пенсионеров.

Вот та самая ситуация, когда земля нуждается в умелом работнике. Все это крепко держал в уме заведующий кафедрой местного пединститута Евгений Миллер, решив хоть отчасти попытаться прервать грозящий стать необратимым поток беженцев-немцев в ФРГ, пригласив их в Ульяновскую область. Хотя бы тысяч десять, сколько жило здесь до войны. Прочитав его письмо на 25 страницах, председатель облисполкома (теперь председатель областного Совета народных депутатов, первый секретарь обкома партии) Юрий Горячев сказал "да".

- Когда я встречаюсь с желающими перебраться к нам, то сначала пытаюсь говорить по-немецки, и, поверьте, практически никто не знает своего родного языка, - рассказывает Евгений Миллер. - Арестованный некогда народ, не имея государственности, утрачивает национальную культуру и традиции. Уникальный этнос исчезает.

А ведь именно немцы и онемечившиеся впоследствии голландцы, датчане, французы, заселив в середине XVIII века безлюдные районы Поволжья, создали там культурное земледелие, особо ценные сорта пшеницы вывозились за рубеж. За сотни лет совместной жизни с русскими они ни разу не ссорились, а вот добра своей новой родине принесли немало.

В 1918 году по инициативе В.И.Ленина была создана трудовая коммуна немцев Поволжья. В 1941-м, без всякого основания обвинив советских

немцев в пособничестве германскому фашизму, народ отправили в ссылку и в трудлагеря. Лишь в 1956-м немцам возвращены гражданские права.

Миллер еще ребенком тоже попал в сталинскую мясорубку. Волжанин, он сумел вернуться на реку детства совсем недавно. Перебравшись в Ульяновск, организовал областное отделение общества советских немцев "Возрождение", ведет передачи на немецком языке по местному телевидению, редактирует газету "Нахрихтен" ("Известия"). Но главным делом считает - помочь соотечественникам вернуться на родную землю.

- На запрос облисполкома, смогут ли они принять немецких переселенцев, двенадцать районов и подсобных сельских хозяйств промышленных предприятий ответили утвердительно, - рассказывает Миллер. - Приглашают отдельные семьи и предлагают создавать национальные бригады, немедленно дают жилье, в том числе и новенькие коттеджи со всеми удобствами. Начинаем также строительство двух немецких поселений. Уже нынешней осенью на отведенных нам землях, а это 4514 га, намерены собрать урожай. Ведем переговоры с ФРГ о создании ряда совместных предприятий.

Уверен, вместе с немцами вернется в Ульяновскую область и образцовое земледелие, которое развили они за Уралом.

Так почему же столь разное отношение в соседних областях к возвращению людей на свою историческую родину?

Вот как объясняет в Открытом письме на имя Президента СССР накал страстей человек информированный, сотрудник управления КГБ СССР по защите конституционного строя Александр Кичихин: "...Коррумпированные круги в Саратовской области пытаются удержаться у власти, скрыть хозяйственные и должностные преступления, спрятаться за спину провоцируемого ими же народа, толкаемого в огонь межнационального конфликта. Возглавляет всю эту работу руководство областного комитета и некоторых горкомов КПСС. Именно они совершают действия или бездействие, направленные на возбуждение национальной розни, унижение национальной чести и достоинства немцев, как прямо, так и косвенно ограничивают их права как граждан СССР".

...А пока советские немцы едут в Ульяновскую область.

Ульяновская область

Московские новости. 1990. N 24

НИЧЕГО, ВЫЗДОРОВЕЕМ...

Письмо в газету

Прочитала в вашей газете о неизвестных захоронениях жертв сталинских репрессий под городом Колпашевом и не могу успокоиться. Дело в том, что мое детство прошло в тех же местах и, думаю, там вся тайга - сплошное кладбище.

Наша семья Масловых - отец, мать и шестеро малых детей - оказалась там, в Томской области, за Васюганскими болотами, в 30-е годы, после высылки из родного алтайского села Лебяжка. Не успели мы на новом месте обжиться, как нас снова раскулачили. В это же время по реке Васюган сюда стали приходить баржи со спецпереселенцами. Привезли их осенью, и к зиме они оказались в палатках. Иногда им удавалось прорваться через кордоны, чтобы попросить хотя бы кусок хлеба. Нам, живущим в деревне, было строго запрещено с ними даже разговаривать - по поселку часто на верховых ездили оперуполномоченные.

Несмотря на запреты, мы не могли не пускать в дом голодных, замерзших людей. Думаю, и другие семьи так же поступали, только все скрывали это друг от друга. Чаще других у нас останавливалась семья, вернее, осколок семьи: сестра лет 17-18 и два брата 10-12 лет, немцы. Они всегда приходили втроем, а однажды сестра пришла одна и сказала моим родителям, что решила убежать. Потому что это единственный способ спасти братьев: ведь их тогда возьмут в детдом, а так они все втроем умрут от голода.

Васюганские болота - это несколько десятков километров голого, почти без единого деревца пространства. Даже на подводах мало кто решался проезжать в одиночку, а, как правило, группировались по пять-шесть человек: страшное, гиблое место. И вот эта девочка пошла одна. Хоть отец и мать ей растолковали, как лучше идти, хоть положили в дорогу еду, - не уверена, что она осталась жива. А примерно через месяц к нам прибежали ее братья радостные: их отправляют в детдом! Остались ли и они живы, помнят ли свою сестру, нас?

Ну, а наши дела становились все хуже. Отец, не знавший ни минуты отдыха, не мог рассчитаться со все возрастающими налогами. У нас опять описали все имущество, забрали лошадь, корову, и все равно мы остались должны 1.400 рублей - фантастическая по тем временам сумма!

Судили нашего отца в школе, а мы, дети, смотрели на всю процедуру через окно. Мне никогда не забыть сгорбленную фигуру отца - ему и пятидесяти тогда еще не было, а стоял перед всеми старик. Прямо с суда его увезли, и мы даже не попрощались с ним.

Два дома отец построил и два дома со всем, что было нажито, пришлось бросить. Отец землю не просто любил - он ее боготворил. Он готов был работать сутками, да ведь так и работал. И когда я слышу, как те или иные депутаты, руководители с высоких трибун натренированными голосами утверждают, что крестьяне не возьмут землю, то хочется

крикнуть: остановитесь! За вашими спинами стоит умный народ, правда, с надлом-ленной душой, но ничего - он выздоровеет. Нужна ему только не на словах свобода да еще помощь на первых порах - а там он уж сам разберется, где лево, где право.

С.ИСИЧЕНКО

И ПРОЧИЕ СОВЕТСКИЕ НАРОДЫ

СТРОГО СЕКРЕТНО

ВСЕСОЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков)

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

31.1.1938 Г.

тов. Ежову

Выписка из протокола № 57 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 49

- Вопрос НКВД.

Разрешить Наркомвнуделу продолжить до 15 апреля 1938 года операцию по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из ПО-ЛЯКОВ, ЛАТЫШЕЙ, НЕМЦЕВ, ЭСТОНЦЕВ, ФИННОВ, ГРЕКОВ, ИРАНЦЕВ, ХАРБИНЦЕВ, КИТАЙЦЕВ и РУМЫН, как иностранных подданных, так и советских граждан, согласно существующих приказов НКВД СССР.

Оставить до 15 апреля 1938 года существующий внесудебный порядок рассмотрения дел арестованных по этим операциям людей, вне зависимости от их подданства.

Предложить НКВД СССР провести до 15 апреля аналогичную операцию и **погромить кадры болгар и македонцев**, как иностранных подданных, так и граждан СССР.

Секретарь ЦК Архив ЦК КПСС

Публикация 21 июня 1992 г.

"Московские новости»

* * *

В 1934-1941 гг. из районов, расположенных вокруг Тбилиси, административным порядком было выселено за пределы Грузии около 160 000 азербайджанцев.

Из архива газеты "Азербайджан" (Баку)

Публикация В.Рзаева

* * *

Во время этапа по Оби на пароходе "Ворошилов" моими попутчиками оказались восемь женщин и около 30 детей. Женщины окружили меня и стали допытываться, можно ли по этой реке добраться до Азербайджана. "Несчастные! - хотела я им сказать. - Трижды несчастные вы люди! Эта река - путь к Смерти. И впадает она не в Каспий, а в Ледовитый океан!"

Житие Евфросинии Керсновской

Огонек 1990, № 3.

* * *

В 1942 году Сталин подготовил Указ Государственного Комитета Обороны об очищении Баку и прилежащих к нему районов от "неблагонадежного населения", а именно - о депортации 1 млн. азербайджанцев. Желание "обезопасить" богатые нефтеносные районы от "антисоветски и протурецки" настроенных азербайджанцев было столь велико, что Сталин и Микоян держали этот проект втайне даже от Первого секретаря Азербайджанского ЦК КПА М.Багирова. Утечка информации произошла через Берию. М.Багиров, терзаемый страхом за возможные последствия задуманного, отдал по республике приказ за два дня собрать из азербайджанцев сверх нормы еще две дивизии и срочно телеграфировать Сталину в ГКО о готовности этих "добровольцев" отправиться на фронт.

Кровопролитные бои за Сталинград и личная встреча М.Багирова со Сталиным отсрочили осуществление операции. Но Сталин не оставил замысла очистить Закавказье от азербайджанцев - теперь уже полностью.

Он лишь отложил его исполнение до более удобного времени...

По свидетельству академика З.БУНИЯТОВА

Из архива газеты "Азербайджан" (Баку)

* * *

В ноябре 1942 года из Саратовской области в Казахскую ССР вывезено 2014 поляков, из них - 318 детей.

История СССР. 1989, № 6.

КАРАЧАЕВЦЫ

ТЕЛЕГРАММА

ГОРЯЧО ПРИВЕТСТВУЕМ ВСЕХ ПАРТИЗАН КАРАЧАЯ И ЧЕРКЕССИИ. МЫ ЗНАЕМ О ТЕХ ТРУДНОСТЯХ, КОТОРЫЕ ПРИХОДИЛОСЬ ПЕРЕНОСИТЬ ВАМ, И ОЧЕНЬ БЕСПОКОИЛИСЬ ЗА ВАШУ СУДЬБУ. МЫ УВЕРЕНЫ, ЧТО НА ПРЕДСТОЯЩИЙ ПРАЗДНИК, КОТОРЫЙ БУДЕТ НА НАШЕЙ УЛИЦЕ, ПАРТИЗАНЫ КАРАЧАЯ И ЧЕРКЕССИИ ТОЖЕ ПРИДУТ С КРУПНЫМИ ДОСТИЖЕНИЯМИ. ИСКРЕННЕ, ОТ ДУШИ ЖЕЛАЕМ ВАМ БОЛЬШИХ УСПЕХОВ И ВЫРАЖАЕМ ГОРЯЧЕЕ ПОЖЕЛАНИЕ О БЫСТРЕЙШЕЙ НАШЕЙ ВСТРЕЧЕ В НАШЕМ КРАЕ, ОСВОБОЖДЕННОМ ОТ ГИТЛЕРОВСКИХ МЕРЗАВЦЕВ... М.СУСЛОВ

Красный Карачай. 1942. 22 дек.

ТЕЛЕГРАММА

СЕКРЕТАРЮ МАЛОКАРАЧАЕВСКОГО РАЙКОМА ВКП/б/ ХАДЖИЕВУ ПЕРЕДАЙТЕ КОЛХОЗНИКАМ И ТРУДЯЩИМСЯ МАЛОКАРАЧАЕВСКОГО РАЙОНА СОБРАВШИМ ОДИН МИЛЛИОН РУБЛЕЙ НА СТРОИТЕЛЬСТВО БОЕВЫХ САМОЛЕТОВ «КОЛХОЗНИК КАРАЧАЯ» БРАТСКИЙ ПРИВЕТ И БЛАГОДАРНОСТЬ КРАСНОЙ АРМИИ - И.СТАЛИН

Красный Карачай. 1943. 17 мая

Не для печати

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О ликвидации Карачаевской автономной области и об административном устройстве ее территории

В связи с тем, что в период оккупации немецко-фашистскими захватчиками территории Карачаевской автономной области многие карачаевцы вели себя предательски, вступали в организованные немцами отряды для борьбы с советской властью, предавали немцам честных советских граждан, сопровождали и показывали дорогу немецким войскам, наступающим через перевалы на Закавказье, и после изгнания оккупантов противодействуют проводимым советской властью мероприятиям, скрывают от органов власти бандитов и заброшенных немцами агентов, оказывая им активную помощь, -

Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Всех карачаевцев, проживающих на территории области, переселить в другие районы СССР, а Карачаевскую автономную область ликвидировать.

Совету Народных Комиссаров СССР наделить карачаевцев в новых местах поселения землей и оказать им необходимую государственную помощь по хозяйственному устройству.

2. В связи с ликвидацией Карачаевской автономной области:

А/ Оставить в составе Ставропольского края Зеленчукский, Усть-Джегутинский и Мало-Карачаевский районы бывшей Карачаевской автономной области, подчинив эти районы Ставропольскому краевому исполкому Советов депутатов трудящихся.

Мало-Карачаевский район переименовать в Кисловодский сельский район.

Б/ Включить Преградненский район бывшей Карачаевской автономной области в состав Молотовского района Краснодарского края - с юга, запада и востока в существующих границах, а на севере определить восточную границу района по линии, начиная от селения Куньша Краснодарского края, далее через высоты 1194, 1664, исключая селение Круглый, высоты 1274, 1225, с выходом на границу пастбищ Черкесской автономной области в районе высоты 1918.

Остальную территорию Преградненского района со станцией Преградной включить в состав Зеленчукского района Ставропольского края.

В/ Передать Учкуланский и часть Микояновского района бывшей Карачаевской автономной области в состав Грузинской ССР, образовав из указанных районов новый Клухорский район с центром в г.Микоян-шахаре.

Гор. Микоян-шахар переименовать в город Клухори.

Установить в Клухорском районе следующие границы между РСФСР и Грузинской ССР: с запада - по существующей границе Б.Микояновского района, далее на восток - севернее города Клухори, и далее по реке Мара, исключая селение Н.Мара, с выходом на границу Б.Учкуланского района, южнее В.Мара и далее на юг по существующей восточной границе Б.Учкулановского района.

Остальную часть территории и населенные пункты Б.Микояновского района включить в состав Усть-Джегутинского района Ставропольского края.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

М.И. КАЛИНИН

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А. ГОРКИН

Москва, Кремль. 12 октября 1943 года

* * *

Докладная записка руководства НКВД Ставропольского края

Народный комиссариат

внутренних дел СССР

Заместителю наркома С.Н.КРУГЛОВУ

В ноябре 1943 г. были депортированы из Карачаевской автономной области 14 774 семьи - 68 938 карачаевцев. После выселения основного контингента Управление Народного Комиссариата СССР по Ставропольскому краю выявило еще 329 карачаевцев. Все были выселены в места основного проживания.

Начальник Управления НКВД по Ставропольскому краю

ТКАЧЕНКО

Заместитель начальника Управления НКВД по Ставропольскому краю

ИВЛЕВ

Из собрания доктора исторических наук Н.Ф.БУГАЯ

Светлана АЛИЕВА

КРАСНОРЕЧИВАЯ ДЕТАЛЬ

В этой карте, на первый взгляд, нет ничего необычного: карта как карта, предназначенная для картографов, агротехников и землемеров. Как обычно, в верхнем правом углу ее паспорт: "Академия наук СССР. Совет по изу-чению производительных сил. Почвенная карта Северного склона Кавказа (Центральная и восточная части). Составил С.В.Зонн. Под редакцией проф.Б.Б.Полынова. Масштаб 1:500 000..." Над паспортом штамп -"СЕКРЕТНО", а внизу паспорта год -1942 - и место издания: Ленинград-Казань. Последние указатели говорят советскому человеку о многом: разгар войны и отступления наших войск, Ленинград в блокаде и подготовленная здесь до войны картографическая работа эвакуирована в Казань, а поскольку жизнь продолжается, советский народ нацелен на победу и только победу, анализ производительных сил стране необходим - потому в Казани, несмотря и вопреки, издается эта карта.

Внизу слева на карте, как и положено, "Условные обозначения". Они гипнотизируют спокойной, глубоко мирной озабоченностью: Горно-луговые почвы - альпийские под низкотравными лугами и пустошами, субальпийские под высокотравными лугами... Горнолесные почвы - высокогорные хвойные и мелколиственные леса, широколиственные, буковые, буково-грабовые и смешанные леса... буроземы, черноземы, каштановые почвы, солончаки и солонцы, суглинок... Почва страны, которой предстоит отстоять свою независимость.

Справа на карте извилистая линия побережья Каспийского моря, а в пестром рисунке условных обозначений на всей ее поверхности - точки городов. Названия их, известные с прошлых веков, внушают надежду на незыблемость родной истории, неподвластность ее врагу - Пятигорск, Кисловодск, Ессентуки... Но что это? Вместо названия столицы Карачаевской автономной области "Микоян-шахар" стоит черным по белому "Клухори"? Название, официально данное городу Карачая в конце 1943 года, спустя полтора года после издания карты, по Указу Президиума Верховного Совета СССР "О ликвидации Карачаевской автономной области..." Но сначала вместо "Микоян-шахар" употреблялась

грузинская форма "Микояни", и лишь позднее утвердилось официальное "Клухори".

Но - карта издана в 1942 году, а по всей видимости подготовлена в Ленинграде еще до войны, откуда же "Клухори"? Нечаянность? Расчет? Запланированное до войны намерение?

Красноречивая деталь. О чем же она говорит?

Вероятно, о том, что вопрос о выселении карачаевцев с их территории был решен еще до войны, а их земли, очерченные и определенные лично Лениным в Карачаевскую автономию, уже распределены между Грузией и Россией. Кисловодск и Ессентуки введены в Ставропольский край, а центральная - горная и основная часть бывшей автономии влита в Грузию.

И уже - впрок, "научно обоснованно" переименована на карте для служебного пользования. Однако для выселения требовалась убедительная мотивация - для изгнания народа, которому века принадлежали эти земли, получившие названия от языка его предков - Теберда, Домбай, Ессентуки, Бештау, Зеленчук, Хурзук, Джегута, Архыз, Махар, Кубань, Терек... И мотивация определилась войной и нечистой игрой политического руководства края, готового служить удовлетворению всех желаний Сталина и Берии.

Были в оккупации? Пять месяцев? И трех недель достаточно для расхожего обвинения: изменники родины. Все! Поголовно, включая сыновей и мужей, сражающихся на фронтах. Раз карачаевец - значит, предатель независимо от возраста, и родившийся после войны - все равно предатель потому, что карачаевец.

А заодно по той же мотивации очистить для Грузии весь Кавказский хребет с его северными склонами: убрать балкарцев, родственных карачаевцам, а с ними заодно чеченцев и ингушей, немало досадивших Сталину и Берия еще в годы Гражданской войны. Что с того, что Чечня и Ингушетия и дня не были под врагом - не были, но "ждали" гитлеровцев, "тайно ждали", и потому "изменники родины". Берия лелеял мечту о создании Мингрельской АССР, и вместе со Сталиным - об утверждении Великой Грузии, гостеприимно приютившей на своей, грузинской земле прочие народы Кавказа...

Если дать волю воображению - так и слышится сталинское презрительное неудовольствие нерешительностью, трусливостью, мягкотелостью царского правительства, которое вознамерилось было очистить Кавказ и предприняло три "добровольных" выселения с Кавказа народов, мешающих колониальному управлению, но не довело дело до конца. Две трети вольнолюбивых горских народов - адыгов, абхазов, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, а с ними и ногайцев спровадило поближе к гробу Пророка в страны Ближней Азии и в Турцию, - но оставило на благословенной богом земле самых упорных, самых непослушных, самых независимых и любящих свою родину, и потому самых опасных. Сколько их

там, мусульманских горцев, живущих по границе с Грузией? Четыре? Общей численностью? Около миллиона. Уговаривать не будем - выселим навечно, навсегда с этой прекрасной плодородной земли, вычеркнем из истории их имена, наведем свой порядок на их исторической родине... Создадим новую историю.

Причина? Измена родине, предательство, поддержка гитлеровцев... Что с того, что предавать нечего и предателей фактически не было? Не было - будут!

Так, логически реконструируя содеянное Сталиным, видишь, как стал "наводиться грузинский порядок" на Северном Кавказе, а затем и в Закавказье, и далее - в России, в Поволжье, Крыму... Но задумывалось все это до войны, и карта 1942 года, на которой столица Карачаевской автономной области уже переименована в "Клухори", явилась той красноречивой деталью, что расшифровала преступные замыслы...

1990 г.

Алексей МАЛЫШЕВ

И З Г Н А Н Н И К И

Отрывок из повести "Горный обвал"

В сентябре в поселок, да и в другие села и аулы автономной области прибыли на отдых войска наркомата внутренних дел. Одеты все с иголочки. Офицеры в новой форме, с красной окантовкой фуражек и блестящими погонами, которых не видели со времен гражданской войны, выглядели, как на картинке. И фронтовые виллисы, на которых они разъезжали по поселку, тоже были совсем новыми.

"Неудивительно, - думал Джоджур, - что отдыхать их прислали к нам. Долина в сосновых лесах, воздух чище не бывает, а горная вода и вкусна, и живительна... Пусть ребята сил набираются, наверное, уж навоевались".

Зашедший в Совет начальник поселковой милиции, пожилой капитан, сказал Джоджуру:

- Ну, теперь у нас полный порядок, нашей милиции и делать нечего. Только смотри, председатель, все, что они скажут, надо выполнять точно. Ты здесь - Советская власть, за все в ответе.

Но командование воинской части никаких требований не предъявляло. Снабжение у них было свое, воинское, учений не проводили, к жителям проявляли внимание. Каждый дом навестил офицер с солдатом, благоже-

лательно расспрашивал о составе семьи, о настроении, о планах на жизнь, побеседовал о том, о сем. Недели через две гости устроили в клубе вечер художественной самодеятельности, пригласив на него жителей поселка. А когда пришло время убирать картошку, то солдаты даже помогли в уборке. Джоджур, как и другие жители, был доволен их пребыванием в поселке. После немецких бесчинств уважительное отношение к селянам советских воинов было особенно приятно.

Офицер, время от времени заходящий в дом Глоовых, был всегда какой-то мрачный. Забитхан пыталась угощать его и сопровождающего его солдата сметаной и хычином, но офицер отказывался. Она, конечно, рассказала ему о сыновьях, сражающихся и погибших на фронте, успела пожаловаться на мужа, - Джоджур все дни пропадал в Совете и о семье почти не заботился.

А к соседке Фатиме, матери Мурата, заходил лишь один молодой солдат, всегда веселый и доброжелательный. Он назвал себя Николаем. Фатима как-то заметила, что армейские брюки на коленке у него порвались, наверное,

зацепил гвоздем, и взялась их починить. Пока она накладывала заплатку, он, оставшись в шинели, наколол в сарае кучу дров.

Мурат с колхозным табуном находился в горах, домой приезжал только за продуктами. Однажды дома он встретил Николая. Тот разговорился с ним, признался, что тоже любит лошадей, вспомнил, как у себя в деревне упал с коня и тот его волочил за стремя по всей улице. Рассказывал он с юмором, и они вместе посмеялись над этой историей. Мурату Николай понравился, он даже пригласил его на свой кош в горы, где пас табун.

В конце октября начальник милиции зашел в Совет с взволнованным видом.

- Послушай, председатель, - тихо, оглядываясь, обратился он к Джоджуру, хотя в кабинете кроме них никого не было. - Есть крупная новость: большой человек собирается к нам приехать. Будь на чеку!

- Кто это?

- Нельзя говорить, но тебе, как власти, открою. - Он нагнулся к уху:

- Сам Лаврентий Павлович.

- Берия? - удивился Джоджур.

- Ну да! В Кисловодске он сейчас. Тут кругом его войска. Может, проверить их хочет? А, может, наши курортные места понравились. Есть слух, тут ему одно местечко для правительственной дачи приглянулось. Только, смотри, молчок!

Джоджуру стало не по себе. Кто не слышал о Берии! Имя его пострашнее Ежова, который, как сообщалось, вредительски уничтожил десятки тысяч советских людей. В честь "прославленного, любимого всем народом, сталинского наркома товарища Ежова", как писали газеты и передавало радио, соседний город, областной центр Черкессии, в 1937 году был переименован в Ежово-Черкесск. А года за два до этого город назвали Сулимовом, по имени Председателя народных комиссаров республики, но Ежов Сулимова в 37-ом году расстрелял как врага народа. Однако и сам Ежов очень скоро был разоблачен как враг народа, и город остался со своим прежним названием - Черкесск, а до того назывался станцией Баталпашинской.

«Может быть, - подумал Джоджур, - раз Берия проявляет к нам такой интерес, теперь и наш областной город назовут его именем?" В поселковом Совете уже шли разговоры, что через реку Теберду придется строить второй мост, потому что на лесную поляну заповедника, где Берия хочет поставить правительственную дачу, без этого моста строительные материалы не завезти. Если Берия будет приезжать сюда на дачу, - пронеслось в голове Джоджура, "наверняка, много людей заметут в поселке. Упаси нас Бог от такого соседства!"

- Что надо делать, капитан? - взяв себя в руки, спросил он.

- А что теперь успеем? Пусть жители хоть улицы подметут и заборы починят. Да и скот пусть не распускают. Коровы по улицам бродят. Неприятности могут быть: сам Берия на машине, с ним его охрана, а поперек пути коровы лежат.

- Что со скотом сделаешь? У нас в поселке завсегда так.

- А черт его знает, что делать? Только непорядок это!

Решили, тем более близились Октябрьские праздники, устроить дежурство депутатов, на том и разошлись.

Через несколько дней капитан вновь заглянул. Предложил закурить, протянул Джоджуру свой наградной портсигар.

- Должно, Берия до праздников не приедет,- сказал он. - А то бы нас уже предупредили. Говорят, в Ставрополь уехал. - Покуривая, спросил: - Скажи, Джоджур, ты чистый карачаевец? Ну, может, твоя мать другой народности, к примеру, из кумыков или аварцев? - Капитан испытующе смотрел на него.

- Нет, - усмехнулся Джоджур, - я самый что ни на есть чистокровный карачаевец. А к чему ты меня, капитан, спрашиваешь?

- Да так просто. Имя у тебя какое-то странное. Я такого больше не слышал.- Он бросил курить, ткнул папироску в пепельницу. - Хороший ты

мужик, Джоджур, - вздохнул он. - Вот я и поинтересовался, каких ты кровей. Ну ладно, бывай!

Джоджур удивленно посмотрел ему вслед: "Чего это он такой взбудораженный? Или расстроился, что Берия не приедет? А зачем нам Берия?"

На следующий день из облисполкома в Совет пришла странная телефонограмма: согнать весь скот, колхозный и частный, с ферм и кошей в поселок для переучета. Джоджур недоумевал: зачем затеяли такое перед праздником, тем более всегда делалось это по-другому - комиссия выезжала на фермы и коши для переучета, а не скот сгоняли в поселок. Мыслимое ли дело - отовсюду, где зимовал скот, собрать его в одну кучу! И убыток колхозу, а хлопот сколько! Скот и бараны вес потеряют, горные тропы трудные, да и падеж неизбежен в пути.

Он позвонил в облисполком. Ему ответили: "Делайте, что приказано". Пришлось искать нарочных, посылать верхами по кошам и фермам в горы. Домой возвращался усталый.

Зайдя к себе во двор, услышал у соседей, у Фатимы, плач женщин. Вышедшая ему навстречу младшая дочь Кельмесхан сказала:

- Фатима получила похоронку. Мужа убили. А наша мама утром уехала к Халимат - дядю Айлыка убили. Горе-то какое у всех, атам.

Джоджур вздохнул: поздно уже, да и сил нет, а то надо бы и ему поехать к Халимат, двоюродной сестре жены, в другой аул, пригласить к себе. Осталась одна с шестью детьми без кормильца. Придется помогать, одной не справиться. Ну, да это потом, а вот к Фатиме сходить нужно, выразить соболезнование. Передовым колхозником был ее муж, хороший парень, все его ценили. Жаль человека!

Около Фатимы сидела кучка женщин, горевали вместе с хозяйкой. Джоджур сказал несколько ободряющих слов, постоял немного и вернулся в свой дом.

Несмотря на разбитость во всем теле, долго не мог заснуть. Да и отец в соседней комнате ночью стонал, видно, ноги болели. Но проснулся в обычное время - на рассвете. Выглянул в окно: на траве белая изморозь, значит, утро холодное. А день, пожалуй, будет ясным. В доме тоже прохладно. Дом большой, в несколько комнат, еще сыновья помогали строить, рассчитывали, что семья долго будет жить в полном сборе. И его отец, Умар, тогда еще здоровый, убеждал: нужен большой дом, чтобы все, как в старину, жили вместе.

Нет, не удержал детей просторный отчий дом, почти все разъехались, только две дочери пока с родителями, скоро останется одна, вторая собирается замуж. А дом хороший. Добротный. Построен из сосновых бревен и досок, покрыт пихтовой дранью, и до сих пор, кажется, пахнет зеленым бором. Правда, потемнели от времени и стены, и крыша. Когда его

строили, он был крайним в поселке. Рядом тянулся лужок вниз, до самой реки. А чуть повыше, по склону Лысой горы, сосновый лес взбирался, и сейчас стоит, только сильно изредили его люди.

Теперь по соседству с домом Глоовых выстроился целый порядок: дома Фатимы и Рамазана, за ними другие. Жили соседи мирно, не ссорились. Из каждого дома ушли мужчины на фронт, и, получая от них письма, в семьях сообща читали их, делились радостями и бедами. Если получали похоронки, вместе горевали и плакали. Вместе гордились и боевыми заслугами фронтовиков. Старшего сына Джоджура – Азрета наградили орденом Красной Звезды еще в Финскую, да и Хызыр получил награду за Халхин-Гол.

Джоджур с удовлетворением подумал, что при немцах в поселке не было доносчиков, не замечалось и особых вражеских подпевал. Были, правда, бургомистр и полицейские из своих, поселковых, так Абдул-Малик не столько немцам служил, сколько жителей прикрывал, а в полицейские пошли лишь поселковые неудачники, да дел у них почти что и не было. А вернулись свои, образовался поселковый Совет, Джоджуру неплохо помогали соседи, выручали и в общественных делах. Добрые соседи - это все-таки хорошо, - наспех умываясь, решил Джоджур. Он вышел во двор, подбросил корове сена, которая мычала в сарае. Дел сегодня в Совете много, до праздников осталось четыре дня. Он перебрал в памяти незаконченные дела, собираясь выйти за ворота и удивленно остановился: во двор уверенно входили незнакомые люди. Приглядевшись, он узнал того угрюмого офицера, который не раз бывал в их доме. С ним шли четыре солдата, вооруженные винтовками с примкнутыми штыками.

Офицер подошел к Джоджуру, козырнул, строго предложил зайти в дом. Солдаты быстро разошлись в разные концы двора.

Младшая дочь вышла из дома с подойником.

Офицер сказал ей:

- Вернитесь! - В комнате спросил: - Все члены семьи дома? Соберите их.

- Мама уехала в другой аул, - робко проговорила Кельмесхан. - А дедушка больной, он у нас не встает. Сестру и тетю сейчас разбужу.

Те через минуту вошли в комнату.

Офицер вынул из полевой сумки бумагу.

- Я сообщу вам правительственное постановление. Слушайте внимательно.

То, что он прочел, Джоджуру показалось настолько непостижимым,

что просто не укладывалось в голове.

В Постановлении Государственного Комитета Обороны говорилось:

в силу того, что карачаевцы в период гражданской войны служили в войсках Деникина, в тридцатых годах принимали участие в мятежах против Советской власти и в Отечественную войну помогали гитлеровцам, Советское правительство решило выселить весь карачаевский народ в плоскостные районы Советского Союза.

Сразу подумалось: кто-то, может, и служил у Деникина, и участвовал в мятеже, и помогал фашистам, но причем здесь он и его семья? Его сыновья воюют с гитлеровцами, ежечасно рискуя жизнью. Нет, все-таки это какая-то ошибка! Сейчас он все объяснит, и все уладится.

- Товарищ старший лейтенант, - прерывающимся от волнения голосом сказал он. - Здесь просто недоразумение. Я исполняю обязанности председателя поселкового Совета. У меня все сыновья на фронте. Двое из них погибли. А еще один погиб в партизанах. Вот, посмотрите!

Он подошел к фотографиям, висящим на стене. - Это мой старший, он майор, награжден орденом. А этот погиб...

- Никакого недоразумения, гражданин Глоов, нет, - перебил его чеканным бесстрастным голосом офицер. - Ваши семейные обстоятельства я знаю. Но постановление касается всех без исключения. Извольте собираться. На сборы дается один час, не более. Взять продукты и теплую одежду. Только самое необходимое.

- Да что вы! Это же касается тех, кто шел против Советской власти. А

я и мои сыновья... Посмотрите на фронтовые письма...

Трясущимися руками он достал из комода пачку армейских треугольников, он хватался за них, как утопающий за соломинку, объятый одной мыслью, что происходящее в эти минуты - страшная ошибка и ее надо скорее исправить.

- Теперь все это можете выбросить в помойку! - рассердился офицер, его раздражало бессмысленное, наивное сопротивление Джоджура - Вы, может быть, хотите, чтобы я применил к вам силу? – повысил он голос.

Дочери, обнявшись стоя, плакали. Джоджур сгорбился, беспомощно развел руками.

- А как наша мама? - спросила старшая, Кемисхан.

- Найдется ваша мать. Но вам осталось на сборы только пятьдесят минут, - офицер взглянул на часы. - Быстро все выносите во двор. Сейчас подойдет машина.

- Дочки, соберите дедушку, - срывающимся, жалким голосом сказал Джоджур. - Возьмите продукты, одежду. Я сейчас вернусь.

Он, наконец, понял - бесполезно умолять. У него возникло уже знакомое, пережитое им когда-то ощущение опасности - от падающей скалы, от неизбежности обвала, под которым он теперь оказывается вместе со всей семьей. В нем нарастало то чувство отчаяния, когда человек знает - от гибели уйти невозможно. Все стало безразличным, но какой-то внутренний голос напомнил: иди, простись с тем, к чему ты привык и что больше никогда не увидишь. Он решил в последний раз обойти двор и дом. Он просто не в состоянии был что-то собирать в нежданную дорогу, копаться в каких-то вещах. Зачем, когда рушилась вся жизнь!

Джоджур вышел из дома. Офицер вслед ему прокричал:

- Со двора - ни шагу!

В разных углах усадьбы стояли вооруженные солдаты. С соседнего двора послышался возмущенный хриплый голос Рамазана.

- Да я только корову на водопой сгоняю. Сейчас же вернусь! Куда я денусь? - Корова вчера отелилась, не может она без воды.

- Тебе корова больше не понадобится,- со смехом отвечал солдат, винтовкой преградивший ему путь со двора.

Но другой русский солдат, видя, что растерявшийся Рамазан начал бестолково хватать все попадавшиеся под руку вещи, остановил его и тихо сказал:

- Ты, отец, бери побольше продуктов. Чтобы живыми остаться. А вещи еще наживешь.

Он даже помог ему отсыпать муки в кыпчак - кожаный мешок и собрать вяленое мясо, развешанное на стенке сарая.

Однако, едва в дверях дома показался офицер, солдат отпрянул, подтянулся, сделав вид, что строго наблюдает за хозяином.

- Быстро, быстро! - крикнул Рамазану офицер. - Чего ты набрал? Не на базар едешь!

С другой стороны двора доносился плач и крики Фатимы, потом вдруг резко ударили выстрелы. Что там произошло, узналось позже. Мурат, накануне пригнавший с горных пастбищ колхозный табун, вызванный для переучета, узнал о похоронке на отца и ночь не спал. Он утешал мать, пока, обессилев от слез, она не забылась сном. На рассвете Мурат повел со двора коня, на котором приехал, на водопой. Навстречу ему, по улице, ехал верхом Николай, тот самый солдат, что не раз заходил к ним домой. Он был в новой офицерской форме с погонами.

- Вернись! - сказал он, остановив коня. - Сейчас есть дела поважнее. Мурат понял, что Николай - офицер, но, бывая у них, зачем-то переодевался солдатом. Они вместе зашли в дом.

- Уважаемая хозяйка, - сказал Николай, увидя только что поднявшуюся с постели Фатиму, - вас выселяют. На сборы могу дать полтора часа, от меня ничего не зависит. Я очень сожалею, но это приказ свыше. Я вам зачитаю...

Он достал правительственное постановление.

Измученная горем Фатима, услышав приказ о выселении, потеряла сознание. Николай, зачерпнув миской воду, стал брызгать ей в лицо.

- Куда выселяют? - сдавленным чужим голосом спросил Мурат. Он весь напрягся. Как это: немцы не тронули, а свои выселяют. За что?

- Не знаю куда, Муратик, - печально отозвался офицер.- Только в горах вам уже не жить. Помоги матери. Да не мешкайте, собирайтесь. Ничего исправить нельзя. Я тоже помогу вам в сборах.

- Нет! Все это обман! - отчаянно закричал Мурат. - Сталин обманул! И ты нас обманывал, притворялся солдатом. И все вы такие! Куда я пойду? Здесь моя родина, я родился тут. Понимаешь? Я не хочу...

- Успокойся, мальчишка! - посуровел офицер. - Не ты один. Весь ваш народ выселяют. Будь мужчиной, Мурат! Потом уладится.

Фатима, придя в себя, отрешенными потемневшими глазами гневно смотрела на офицера.

- Ты знаешь, - срывающимся голосом сказала она, - у меня мужа убили. Там, на фронте. Похоронка вчера пришла. Его отца убили, - она кивнула на сына. - За Родину погиб...- Так что же? За это нас выселяют? - Фатима повысила голос. - За то, что мой Хасан жизнь отдал? За Советы, за Сталина. Может, ты все-таки объяснишь, за что Хасан кровь пролил?

Мурат не выдержал, громко всхлипнул, жалко, совсем по-детски, и, резко повернувшись, бросился из дома.

- Стой! Куда ты? - крикнул, выбегая за ним, Николай.

Мурат вскочил на стоявшего во дворе колхозного коня, ударил его плеткой, конь, рванувшись, перепрыгнул через дощатый забор и понесся вскачь по улице к окраине поселка.

Офицер выхватил из кобуры пистолет, выстрелил в воздух.

Из соседних дворов на улицу выскочили солдаты и начали стрелять вслед всаднику.

Мурат ускакал. За ним началась погоня. Что было дальше, осталось неизвестным.

Глоовы побросали в подошедшую грузовую машину кучу свернутых одеял, узел с бельем, бурдюк с айраном, мешок с лепешками и вяленым мясом, ведро с топленым маслом...

Джоджур вместе с дочерью вывел под руки старого Умара. Ноги у деда не слушались, волочились, словно тряпочные.

- Стойте! - закричал дед. - Я хочу посмотреть на дом, на горы. Может, я их больше не увижу. Да стойте, говорю вам!

Джоджур остановился.

Умар осмотрелся, закинув голову, прощально взглянул на заалевшие

от первых солнечных лучей гребни горных хребтов, повернулся к дому и неожиданно, со строгостью, спросил Джоджура:

- А ты корове сена положил?

- Да, атам, но я положу ей еще. Кемисхан, поддержи дедушку, чтобы не упал.

Он быстро вернулся, взял из копны большую охапку сена, понес в сарай. Солдат задержал его, но когда Джоджур объяснил, отошел. Джоджур обнял корову за шею, и - слезы покатились по щекам. Он обтер лицо рукавом бешмета и поспешно вышел из коровника. Вспомнил: надо отцу прихватить его матрас, на чем же он будет лежать в дороге? Забежал в дом. Подумалось с горечью: "наверное, в последний раз". Скатав старый матрас, понес его под мышкой.

Старика подвели, подняли в кузов машины.

Рядом стоял нахмуренный офицер.

- Это еще что? - сердито спросил он, заметив, что Джоджур кладет в кузов отцовский матрас. - Всякое барахло тащите. Выбросьте сейчас же!

- Отец больной, - заговорил Джоджур, - и старый. Ему девяносто пять лет. На чем ему лежать?

- Выбросить! - приказал офицер солдату. - Все! Поехали.

Жителей с их наспех собранными вещами свозили в два места – к санаторной прачечной и в санаторий на другом берегу реки. Из оставленных дворов слышались крики, плач, рев некормленного и непоенного скота, протяжный вой оставленных собак. Сидящие на машинах растерянно всхлипывали.

Джоджур и дочери беспокоились, что будет с Забитхан, где они с ней встретятся, - но к вечеру ее привезли под конвоем в сборный пункт на штабном виллисе. Она носила на груди последнее фронтовое письмо Хызыра, и оно послужило ей вместо документа и помогло вернуться в свой поселок.

Забитхан сказала, что в том ауле, где она была, также много военных, и накануне выселения один русский солдат, жалея ее сестру Халимат, только что получившую похоронку на мужа, под большим секретом сказал с

вечера, что завтра утром их будут выселять, и пусть она заранее соберет нужные вещи. Халимат, плача, поделилась секретом с Забитхан, но та не поверила, решив, что солдат, наверное, перепутал. Она успокоила сестру, объяснив, что это относится только к тем, кто служил у немцев и скрывался в горах, а их как раз арестовали в тот вечер, когда предупредил солдат. Но на рассвете стали выселять весь аул, подряд, без разбора, и дали лишь полчаса на сборы. А что можно было собрать за такое короткое время? Как пожалела Забитхан, что сбила Халимат с толку. Она добавила, что соседа сестры, фронтовика, недавно вернувшегося из госпиталя, офицер при выселении заставил поднять руки и тщательно обыскал его, подозревая, что у того может быть оружие. Фронтовика отправили вместе со всеми. А на дверях домов, после удаления хозяев, солдаты ставили черной краской кресты.

Забитхан горько заплакала, узнав, что побывать в своем доме и собрать нужные вещи ей уже не придется. Хорошо хоть, что дочери не забыли захватить письма и фотографии сыновей. Кемисхан связала их в узелок, и Забитхан, прижав его к груди, окаменела в своем горе.

В душном длинном помещении прачечной люди сидели на каменном полу кучками, приткнувшись к своим узлам и одеялам. Прачечную оцепили часовыми, дальше ветхой деревянной уборной, стоящей во дворе, ходить было запрещено. Помещение гудело голосами, слышался непрерывный плач маленьких детей, горестные причитания женщин. Старики говорили:

Гитлеровцы так собирали евреев перед казнью. Кто знает, что с нами сделают?

- А вот довезут до станции и вернут всех обратно, - уверенно ответил Байрам-Али, брат Джоджура. - Ошибка вышла! Сталин узнает, такого не допустит.

Он искренне был убежден, что недоразумение с выселением разъ-яснит-ся за день-два, и все опять станет на свое место. Он сумел даже в гестапо выкрутиться, его оттуда выгнали, не стали связываться, а, может, просто оставили для приманки, с надеждой, что наведаются к нему сыновья, ушедшие в партизаны.

Несмотря на свой возраст, Байрам-Али работал учетчиком на кол-хозной молочной ферме. Вчера вечером спустили с гор на подводе фляги со сметаной, и так как было уже поздно, оставили до утра в его подвале. Теперь Байрам-Али беспокоился: если во время сметану для детей в санаторий не сдадут, она перекиснет. У него в доме жил русский квартирант, и он просил одного из охранявших солдат обязательно передать ему, чтобы тот, не мешкая, сходил в санаторий и сдал сметану. На слова Байрам-Али, что вмешается Сталин, один из стариков возразил:

- Нет, я слышал другое: Берия сказал Сталину - надо выслать всех карачаевцев, а на их место поселить другой надежный народ, нечего с ними

возиться. И тогда Сталин согласился и сказал в Цека: "Есть такое мнение, чтобы на Кавказе духа карачаевцев не было".

- Ты что, сам слышал слова Сталина? - удивился сосед.

- Мне русский квартирант - партийный он, утром успел сказать. А он все знает. Берия в Ставрополе был, дал команду выселять нас.

Женщины, услышав о Берии, стали его проклинать.

- Лучше бы никогда не наступал этот сорок третий год! - закричала одна из них. - Кончилась теперь наша жизнь! Ох, горе, горе...

Старики, выискивая причины выселения, вспомнили о Бушаевской банде.

- Теперь нам приходится отвечать за этих предателей, - сказал один из аксакалов. - Учкуланцы на всех пятно наложили.

- Так ведь то совсем в другом районе, - не выдержал Джоджур.

- Мы немцам не помогали. Не может за каких-то десять предателей весь народ отвечать!

- Кто теперь будет разбираться! - с досадой махнул рукой старик. - Ты вот Советская власть, а тебя тоже замели. И всех партийцев тоже. Подарочек к празднику сделали, - не без ехидства добавил он.

- Эй, бабы! - крикнул кто-то из пожилых мужчин. - Вы как есть все дуры. Надо было замуж за русских или кумыков выходить. Таких не трогают. У моей дочери муж кабардинец. Так, слава Аллаху, хоть ее в покое оставили. Провожала меня, сказала, что спаслась, благодаря нации мужа.

- Чепуху говоришь! - рассердился Байрам-Али. - У нас все нации одинаковы.

Он помнил - всегда так говорили, и на собраниях, и по радио, и в газетах о том писали. Джоджур только теперь сообразил, почему начальник милиции интересовался "чистый" ли он карачаевец. Если бы в его крови по отцу или матери текла доля другой нации, не карачаевской, его и семью могли бы оставить на родной земле. "Но все-таки за что, чем провинились карачаевцы? - с горечью думал он, прислонясь спиной к сырой стене. - В чем повинны эти дети и женщины? Их отцы и мужья воюют на фронте. Никто из них ни в чем не виноват. Как все понять?" И не было ответов на его вопросы. И отвечать было некому.

На улице около прачечной собралась кучка русских жителей поселка. Они пытались узнать у офицера, старшего в охране, за что выселяют карачаевцев.

- Что вы делаете! - с возмущением говорил ему демобилизованный пожилой полковник, вместо левой руки у него свисал пустой рукав, он был в

форме и на его груди красовались боевые ордена. - Мы хорошо знаем их, - говорил он. - Нельзя же всех под одну гребенку!

- Товарищ полковник, - ответил офицер, - есть правительственное постановление и есть приказ. Мне добавить нечего.

- Вот именно - нечего добавить! А за что выселяют - вы сами-то хоть знаете?

- Если коротко - то за случаи предательства и за то, что друг друга не выдают.

- Так и наказывайте предателей, зачем же детей и женщин хватать?

- Извините, товарищ полковник, приказ не обсуждают. Вам это хорошо известно.

Стемнело, ждали спецмашины для перевозки задержанных, но их все не было. Люди промаялись в прачечной еще день и еще ночь. Почти не спали, пол и стены прачечной исходили холодом, на дворе было пасмурно и сыро. Во вторую ночь повалил мокрый снег. Дети начали чихать и кашлять, жаловаться на головную боль. У Фатимы стало плохо с сердцем, Упросили офицера вызвать амбулаторного фельдшера. Тот был из кумыков, говорил по-карачаевски. Сделав ей укол, шепнул, что сын ее скрылся, его не нашли. Узнав, что Мурат живой, Фатима приободрилась.

На третий день пришла колонна крытых брезентом тяжелых "студебеккеров". Офицеры, покрикивая, торопили грузиться, да и сами выселенцы спешили покинуть мрачное холодное помещение.

С утра в горах бродили туманы. Знакомые вершины то скрывались в серых косматых облаках, то возникали над ними величественными снежными скалистыми пиками, то внезапно полностью сбрасывали с себя дымчатые одеяния. Старики печально всматривались в меняющиеся картины родных гор, вздыхали, горько покачивали головой, женщины плакали. У Джоджура к горлу подкатил комок - "неужели навсегда?"

Но вот все уселись, из-под брезента машин ничего не стало видно. "Студебеккеры" заурчали, шумно тронулись и затряслись по ухабистой, давно не ремонтированной, шоссейной дороге.

К вечеру машины подошли к железнодорожной станции, где на путях стоял товарный поезд. Около него на песке сидели в ожидании погрузки тысячи карачаевских выселенцев с узлами.

Началась посадка. В каждый "телячий" вагон набивали доотказа, по пятнадцать и более семей, до девяноста человек, считая детей. Здесь, в равнинной местности, было еще тепло, и вскоре в перенаселенных вагонах стало до того душно, что горцы, привыкшие к чистому воздуху, начали задыхаться, пробиваться к дверям с криком: "Плохо нам. Дайте подышать! Ой, погибаем..."

Была ночь, когда поезд тронулся. Вагоны снаружи наглухо закрыли, но сквозь щели в стенах со свистом проходил воздух, и дышать стало легче.

Утром по солнечным лучам, проникшим через те же щели, старики определили, что поезд идет на северо-восток. Никто не знал, куда везут – то ли на север, то ли на восток, в Сибирь.

Женщины горестно обсудили случай, о котором узнали перед посадкой на станции. Когда везли переселенцев из соседнего аула, в пути на крутом повороте из рук молодой матери, сидевшей у заднего борта, выпал завернутый в одеяло ребенок. И хотя все просили офицера остановить машину, чтобы поискать девочку, - ей не было и года, - и если она погибла, захоронить, он машину не остановил. Люди роптали, возмущались, мать рыдала, кричала в отчаянии. В вагон ее усадили в тяжелом состоянии.

Двое суток не открывались двери вагонов, - наверное, было такое распоряжение: в пути машины не останавливать и вагоны не открывать.

Измученные, томимые жаждой люди стучали изо всех сил в двери и стены вагонов, едва поезд замедлял ход. Но на остановках никто к вагонам не подходил. В вагонах стоял удушливый смрад: пробив отверстие в полу вагонов, оправлялись тут же в углу.

Умоляя о глотке воды, умерла старуха и, мертвая, лежала на полу среди отчаявшихся людей. Вагон трясло, и тело старухи жутко раскачивалось.

Двери стали открывать только под Сталинградом. К каждому из вагонов был прикреплен часовой, он не разрешал изгнанникам уходить дальше трех метров.

Первые дни питались взятыми с собой продуктами. Те, кто сумел запастись, делились последним с соседями по вагону. Семья Глоова из восьми человек, в числе их двое детей - внуки Джоджура, переживала за старого Умара. Очень тяжело переносил он дорогу. Задыхался, страдал от непрерывной тряски, особенно когда паровоз резко дергал состав или толкал его при маневрах. Мучаясь, старик просил:

- Оставьте меня где-нибудь, чтобы я мог спокойно умереть. Скажи те им, я никакого вреда никому не сделаю. О, за что меня так наказал Аллах?

В вагоне умирали, оплакивали умерших, но хоронить родных им не разрешалось. Трупы забирали приходившие санитары, их же везли дальше, не отданный родным последний долг причинял дополнительные мучения: по мусульманским обычаям и по шариату, могилы предков и близких были священны.

У одной молодой матери умерла в вагоне пятилетняя девочка. Заболела она в пути, врача не было, отчего умерла дочка, мать не знала. Но она не нашла в себе сил отдать мертвое тельце чужим людям, которые неизвестно

где закопают ее ребенка. Заливаясь слезами, она продолжала баюкать умершую девочку, делая вид, что та жива, стараясь, чтобы не узнали о ее смерти окружающие. Так и довезла до места и захоронила там, где ей пришлось поселиться.

- Если бы знал Сталин! - слышались горестные восклицания. – Он не допустил бы...

Однажды ночью в вагоне, где ехали Глоовы, родила женщина. Она так кричала, что подняла всех на ноги. Помощь ей оказывала Забитхан. Хорошо хоть ночью эшелон остановился на большой станции. Джоджур, назначенный старостой, сумел набрать ведро горячей воды. Медпункт станции был закрыт на замок, обошлись своими силами.

Роженица ехала одна, отдельно от своей семьи: в день выселения находилась в областной больнице, взяли ее прямо с койки, как была, в больничной одежде, увезли на станцию и поместили в первый попавшийся вагон. Женщине помогали, чем могли, все, кто ехал в вагоне.

Наутро сообща придумывали имя родившемуся мальчику. Забитхан предложила назвать Тауланом - "сыном гор". Все согласились. Так в эшелоне появился еще один, уже виноватый потому, что родился от карачаевки, спецпереселенец. В память об отнятой родине он получил имя и неволю.

Колеса вагонов стучали и стучали, и никто из изгнанников не знал, куда их везут, и долго ли еще ехать. Потом они заметили, что поезд повернул на юго-восток и долго шел по однообразному серожелтому пустынному пространству. Им казалось, что они уже проехали всю страну, но конца дороге все не было и не было.

На крупных станциях раз в двое-трое суток им выдавали по числу людей баланду или сухой паек. Взятые из дома продукты кончились, выдаваемой еды не хватало и было совсем худо, если они не успевали запастись водой. Изнурила теснота, смрад и тряска. Полуголодные, больные, немытые, завшивевшие, потерявшие всякую веру в справедливость, чистоплотные, брезгливые горцы впали в безразличие ко всему, что их окружало и что ждало впереди. Они и не подозревали, что худшие испытания впереди...

Проехали по мосту через широкую мутную реку. Потом узнали - Сыр-Дарья. Наконец, выяснилось - эшелон спецпереселенцев направлялся в Южный Казахстан. Пошли двадцатые сутки пути.

На станции Келесская переселенцев выгрузили из эшелона. Представители окрестных колхозов обходили толпу измученных людей, отбирали из них наиболее крепких, пригодных к работе.

Семью Глоовых обходили стороной - пожилые люди, больной, лежащий навзничь древний старик, малолетние дети, бледные исхудалые слабые женщины... Уже большинство переселенцев увезли куда-то на телегах и на

невиданных досель горцами верблюдах, а семьи Джоджура и Рамазана, у которого со снохой куча внуков, старшему из них - четырнадцать, все еще сидели в неизвестности под палящим солнцем неведомой им Азии. Очень хотелось пить, но вода в арыках была мутной, теплой, с гнилостным вкусом и запахом. Джоджур вздохнул, попробовав ее, вспомнил ключевую чистую воду в родных горах.

Наконец, к Рамазану подошел местный житель-казах, спросил:

- А кузнеца среди вас нет? Колхозу нужен кузнец.

- А как же, - обрадовался Рамазан, - я самый настоящий кузнец. Джоджур знал: никогда в жизни Рамазан кузнецом не был, но разве можно было упустить такой случай?

Казах позвал представителя колхоза.

- Кузнец? - удивился тот. - Чего же ты молчал? Где твоя семья? Садитесь на верблюдов, вон они стоят. И поехали.

- Нет! Без своих родственников я не поеду, - твердо заявил осмелевший Рамазан. - У меня семеро в семье, да и у Джоджура столько же. У него бабы рабочие и сам еще хоть куда. Бери нас всех.

Представитель колхоза подумал, пересчитал их, вздохнул и забрал всех.

Ехали, покачиваясь на верблюдах, а вокруг тянулись редкие, недавно убранные поля среди мертвых солончаков. Все было необычно и печально. Дед Умар недоуменно, с тоской, оглядывался вокруг и потихоньку призывал на помощь Аллаха. Колхоз оказался небольшим, всего двадцать восемь дворов. Семье Глоова выделили половину небольшого саманного домика.

Ни магазина, ни продуктов в колхозе не было.

Женщинам поручили очищать "курак" - нераскрытые коробочки хлопка. Джоджура поставили охранять хозяйственный двор. Рамазан, которого привели в кузницу, сумел раздуть горн, а что и как делать дальше не знал, изучал, каким образом подступиться к ремонту механического инвентаря.

На семнадцатые сутки старый Умар умер. Он ничем не болел, но тяжелая дорога, душевные переживания, неспособность понять, зачем их всех увезли из родных гор и бросили в пустыне, где ветер поднимал тучи пыли, а вместо прозрачной холодной воды в арыках текла затхлая противная жидкость, убили его. Вечером, перед смертью, когда вокруг него собралась семья и бывшие соседи по поселку, он медленно проговорил:

- Пришло мое время проститься с вами. Только никогда я не думал, что умру на чужбине. Зачем вы увезли меня сюда? Я бы сейчас хотел

посмотреть горы, выпить глоток холодной горной воды. Аллах видит, нет на земле лучше наших мест... - Он помолчал и прикрыл глаза. - Вы тут долго не задерживайтесь, - тихо наказал старик. - Прощайте... - Слегка кивнул, неслышно пошевелил губами и навсегда заснул.

Рамазан встал, вздохнул, воздел руки:

- Прими, Аллах, его душу!

Так закончился жизненный путь Умара длиной в девяносто пять лет.

Утром переселенцы на работу не вышли, провожали старого Умара на кладбище.

Месяца через два им пришлось навсегда покинуть могилу деда - их перевезли в совхоз "Пахта-Арал". Поселили семьи Джоджура и Рамазана на центральной усадьбе в бараке, где уже разместили несколько других семей переселенцев. Лежали вповалку на нарах в два этажа. Голодали. Воду пили сырую, как привыкли у себя в горах, думали, что и здесь не надо кипятить, никто их об этом не предупреждал. У многих с первых же дней начались дизентерия и другие кишечные заболевания, особенно страдали дети. Каждого второго, а потом всех подряд начала трясти малярия. Но и в поле, работали с весны, воду привозили в бочках, теплую, вонючую, да и ту отпускали по строгой норме.

Местные жители и рабочие совхоза отнеслись к переселенцам с Кавказа неприязненно. При встречах отворачивались, либо громко ругались, оскор-бляли: "бандиты... головорезы... людоеды..." Их опасались, не пускали в дома. И только постепенно, видя трудолюбие и мирный характер горцев, стали менять к ним свое отношение, но это произошло спустя месяцы и годы.

А поначалу спецпереселенцы жили отверженными, проклинаемыми людьми, страдали от окружающей враждебности не меньше, чем от голода и болезней.

Здесь, на южной окраине голодной степи, в прошлое десятилетие была возведена крупная оросительная система. Каналы строились за-ключенными. Но и теперь в этих местах еще использовался принуди-тельный труд. Неподалеку от совхоза располагался лагерь трудармейцев, в него входили итальянцы и немцы. Они жили за колючей проволокой. Спецпереселенцы могли видеть их лишь издалека. На полях совхоза кавказцы встретили русских ссыльных, которых еще в тридцать четвертом году удалили из Ленинграда "за политическую неблагонадежность". Они, а среди них было немало людей интеллигентных, рассказывали, что жили неподалеку от Смольного, где убили Кирова, за что их и выслали.

За всеми ними надзирала спецкомендатура, расположенная в рай-онном селе. Два раза в неделю спецперсселенцы, ссыльные и прочие неблагона-дежные, обязаны были там отмечаться. С течением времени их

стали проверять реже - раз в неделю, два раза в месяц. Выезд или уход за границы села или района строго карались.

Многие в день выселения не были дома, их вывезли оттуда, где захватили, по приезде начались поиски родственников, попытки воссоединения семей. Комендатуры не оказывали содействия и за нарушение режима - передвижение в другой район - переселенцев наказывали штрафами, заключением в тюрьму, высылкой на работы в угольные шахты.

В ближайшем от Глоовых селе, за полтора километра от совхоза, по пятницам собирался небольшой базарчик, но он относился уже к территории другого района, и переселенцам ход туда был заказан. Комендант по пятницам устраивал на базаре облавы, выуживая из толпы спецпереселенцев, подкарауливая их на дороге туда и обратно. С утра он обычно выпивал, что придавало ему ярости, когда он начинал любимую игру в "кошки-мышки". Пойманных сажал на неделю-две в грязный подвал, строптивых направлял в трудармию, на лесоповал, на шахту. Однако на него временами находили минуты просветления, похожие на раскаяние.

Джоджуру на себе пришлось испытать крутые повороты комендантского нрава. Втянувшись курить, Джоджур с трудом доставал табак и однажды решился сходить за ним на соседний базар. На полпути его задержал комендант, немолодой капитан со впалыми щеками землистого цвета и мешками кожи под мутными глазами.

- Ты куда направился?

- За табаком на базар.

- Ах ты, бандит! - закричал комендант. - Я тебе покажу базар. А ну,

вали обратно!

В сердце Джоджура словно ударило. Никто никогда не называл его бандитом, никто так не унижал его человеческого достоинства. Но, опустив голову, он ссутулившись побрел назад. Курить захотелось еще сильнее. Он перепробовал листья разных высохших на поле растений, но ничего подходящего не нашел. Кроме базара достать табак было негде, и в следующую пятницу рано утром он снова отправился в соседнее село. И опять его заметил комендант. Он выскочил из тайника за кустом, подозвал Джоджура и с лицом, перекошенным от ярости, заорал:

- Ты, голодранец, в карцер захотел? Или, может быть, в Караганду, на угольные шахты? Еще раз только увижу... На Колыму отправлю!

Джоджур молча повернулся и пошел обратно в совхоз.

Миновала слякотная зима. Переселенцы болели малярией и тифом. Много людей схоронили за это время. А живые продолжали страдать из-за непривычного климата, плохой воды и постоянного недоедания, из-за произвола коменданта, который был здесь "царь и бог". От голода люди

отекали, как говорили, - "пухли". На убранных полях выискивали оставшуюся в земле свеклу, в соломе - необмолоченные колоски. Когда у коменданта начинался запой, все прятались, куда кто мог, тому, кто не остерегся, приходилось плохо.

Джоджура очень угнетало это положение бесправного раба, в котором оказались он и все другие, хотя к Джоджуру комендант относился терпимо.

Как и многие здесь, Джоджур болел, поправлялся и снова болел. Летом его перевели сторожить совхозные бахчи. Спрятавшись в тени шалаша, он размышлял, вспоминал родные горы, прожитую там жизнь, сыновей... Совесть его была чиста. У него было высокое чувство ответственности, он старался доводить каждое дело до конца, за что его ценили и в колхозе, и в Совете. Почему? За что?В чем вина его лично и всего народа? Вопросы шли на него лавиной, гудели в голове горным обвалом, не получая ответа, не оставляли его и в коротком тревожном сне. Угроза гибели под горным обвалом наполняла его сны - он беспрерывно бежал по знакомому ущелью, спасаясь от падающих скал, бежал не один, а со множеством людей, знакомых и незнакомых, и с ужасом видел, что почти все они гибнут под летящими камнями. Он оказывался в числе спасшихся, но радости от этого не чувствовал, - его неизменно переполняло отчаяние: как жить, если погибло столько людей и среди них все его близкие?

Просыпаясь, он подолгу не мог прийти в себя, понять, что произошло: в действительности ли это или почудилось? Убеждаясь, что это был лишь сон, раздумывал, почему его народ наяву попал под сокрушительный горный обвал, ибо то, что с ними со всеми случилось, очень похоже было именно на обвал - внезапный, грозный, несущий смерть...

Воспоминания о горах, прекрасных, величественных, могучих, в жаркой бескрайней степи подтачивали душу, до боли сжимали сердце.

Не он один тосковал о горах. Старики, собираясь в кучки, только и говорили о своих камнях, - в этой степи и камня не увидишь, сплошной песок, - о земле предков, где им хотелось сложить свои кости. Повторяли то, что передавалось из поколения в поколение: "На родине земля священна, а вода целительна", "Та земля лучше, где родился, а не та, где кормился". Чаще всего вспоминали прозрачную холодную воду горных потоков, иногда кто-нибудь из горцев затягивал печальную старинную песню: "Эх, ребята, тоскую, умираю, выпить бы мне глоток кубанской воды..."

Волнение охватывало Джоджура, когда он слышал слова и мелодию, закрывал глаза и видел воочию, как в сосновом, пахнущем смолой лесу, где он прятался от гитлеровцев, в небольшом каменном распадке, падал со скалы холодный, почти ледяной поток, разбрызгивая сверкающие прозрачные капли на высокие травы. Растения от этого шевелились на берегах ручья, и время от времени стену водяной пыли, встающей над потоком, прорезала небольшая радуга.

Старики простодушно, словно дети, высказывали один за другим свои затаенные желания:

- Хочу попробовать нашу лесную кисличку...

- Да насушить бы к зиме лесных груш...

- Эх, протопить бы печку дровами, а не этой проклятой соломой.

- Только бы обнять наши родные камни. А там и умереть можно...

Весной сорок четвертого в Среднюю Азию стали прибывать новые спецпереселенцы - ингуши и чеченцы, а следом за ними и балкарцы, они были родственны карачаевцам, жили по восточному склону Эльбруса. Выселение народов с Кавказа продолжалось. Были сорваны со своих корней, с мест, где жили веками, калмыки, месхетинские турки, курды, греки. Одновременно с ними отправляли в изгнание и крымских татар. Здесь, в степях Казахстана, горах Киргизии, на просторах Урала и Сибири они встретились с немцами Поволжья, Украины, Кавказа, прожившими здесь без малого три столетия.

Уделом этих отверженных были нищета, голод, болезни и полное бесправие, а для многих - смерть.

Теберда

Азамат СУЮНЧЕВ

ГОВОРЯТ "ЗАБУДЬ"

Мне твердят: колыбельную песню забудь,

Горных рек по ущельям проложенный путь,

Свет высот, наполняющий радостью грудь,

Позабудь горской жизни извечную суть.

Позабудь родников освежающий вкус

И росу, что сверкает несметностью бус,

И трудов, нам завещанных, сладостный груз,

И царящий над миром двуглавый Эльбрус.

Мне твердят: позабудь дорогие края,

Где зарыта в земле пуповина твоя,

И очаг, пред которым сидела семья,

Где варилась насущная пища твоя.

Позабудь свой аул, что в предгорьях возник

В дни, что памятны лишь знатокам древних книг,

Дом, к которому ты с малолетства привык,

Позабудь своих предков, забудь свой язык.

Мне твердят: позабудь про орлиный полет,

Про свободу, что в сердце у горца живет,

И привыкни к местам, где бесправье и гнет

Ожидает и впредь твой несчастный народ...

Мне внушают: забудь...Но забыть не могу

Наших гор высоту в серебристом снегу,

И цветов пестроту на весеннем лугу,

И вечерние танцы в шумливом кругу.

О мечта моя! Солнце надеждой встречай,

Словно всадник, скачи в обездоленный край,

Где гнездовья орлиных бестрепетных стай,

Где в горах и долинах пролег Карачай.

Пусть мне ноги и руки сковала беда, -

Не смирится с изгнаньем душа никогда,

Мне опорою - гор величавых гряда,

Мой Эльбрус, чья вершина, как мудрость, седа.

Крылья чистой души, крылья светлой мечты

Унесут за пределы запретной черты

В те края, где синеют в тумане хребты,

Где потоки шумят и алеют цветы.

В те края, где срывается с гор водопад,

Где надгробия предков по внукам грустят,

Где нас ждет Карачай, как орлица орлят,

И куда наши песни еще долетят...

Казахстан, 1945

Перевод с карачаевского Лазаря ШЕРЕШЕВСКОГО

СПРАВКА

Отдела спецпоселений НКВД СССР

о количестве спецпоселенцев на октябрь 1946 года

Всего находилось на спецпоселении 2 463 940 чел.,

из них мужчин - 655 674,

женщин - 829 084,

детей до 16 лет - 979 182.

Наибольшее количество спецпоселенцев расселено:

Казахская ССР - 890 698 чел.

Узбекская ССР - 179 992 чел.

Кемеровская обл. - 129 423 чел.

Киргизская ССР - 120 858 чел.

Молотовская обл. - 115 436 чел.

Свердловская область - 113 746 чел.

Красноярский край - 112 316 чел.

Алтайский край - 35 381 чел.

Новосибирская обл. - 92 968 чел.

Томская - 83 276 чел.

Тюменская - 56 611 чел.

Челябинская - 51 865 чел.

Омская обл. - 44 767 чел.

В числе спецпоселенцев находились:

чеченцы и ингуши - 400 478 чел. (мужчин - 97 441, женщин -11О 818, детей до 16 лет - 191 919);

карачаевцы - 60 139 чел. (10 595, 16 860, 32 557);

балкарцы - 32 817 (6 147, 10 284, 16 386);

калмыки - 81 673 (19 506, 24 143, 32 997);

крымские татары, болгары, греки - 193 959 (43 135, 68 343, 82 481);

немцы - 774 178 (122 336, 296 014, 355 828),

мобилизованные немцы -121 459 чел.(71 207, 50 252);

турки, курды, хемшины - 84 402 чел. (16 353, 23 277,44 772);

переселенцы из Литовской ССР - 5426 (1170, 2311,1945);

оуновцы - 29 351 чел. (5526,14 069,9756);

бывшие кулаки - 577 121 (165519,203893,208 309);

фольксдойч - 2681 чел. (442,1551, 688);

немецкие пособники - 3185 (335, 1557, 1093);

истинно-православные христиане - 1212 (102, 659, 451);

власовцы - 95 386 чел. (95 359,27)...
18.03.1944 г.

Начальник 3 Управления народного комиссариата

госбезопасности СССР Мильштейн

Из собрания доктора исторических наук Н.Ф.БУГАЯ

ИЗ БИОГРАФИИ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦА

В августе 1948 г. заведующего кафедрой общего языкознания и современного русского языка Киргизского государственного пединститута доцента У.Б. Алиева, работавшего в этой должности пятый учебный год,

освободили от работы без всяких мотивировок. На законные вопросы У.Б.Алиева ему отвечали:

- Министр просвещения Кирг.ССР Юнусалиев: "Вас уволили на основании Указа ЦК ВКП (б) как карачаевца-поселенца, не имеющего права занимать руководящие должности..."

- Зам. министра просвещения Кирг.ССР Абдыгулов: "На основании Указа ЦК ВКП (б) тебе, как карачаевцу-переселенцу, мы не можем разрешить быть членом кафедры русского языка. Скажи спасибо, что мы разрешаем тебе работать на кафедре методики..."

До 1952 г. доцент У.Б.Алиев в связи с отсутствием преподавательских кадров привлекался к работе в институте "со стороны" для выполнения той же работы, но с почасовой оплатой, в четыре раза ниже штатной...

Из архива профессора У.Б.АЛИЕВА

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц ....национальности

В целях укрепления режима поселения для высланных Верховным Советом СССР в период Отечественной войны чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и др., а также в связи с тем, что во время их выселения не были определены сроки их выселения, установить, что переселение в отдельные районы Советского Союза указанных лиц проведено н а в е ч н о, без права возврата их к прежним местам жительства.

За самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения этих выселенцев виновные подлежат привлечению к уголовной ответственности. Определить меру наказания за это преступление в 20 лет каторжных работ. Дела о побегах выселенцев рассматриваются в Особом Совещании при МВД СССР.

Лиц, виновных в укрывательстве выселенцев, бежавших из мест обязательного поселения, или способствовавших их побегу, лиц, виновных в выдаче разрешения выселенцам на возврат их в места прежнего жительства, привлекать к уголовной ответственности.

Определить меру наказания за эти преступления - лишение свободы на срок до 5 лет.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

И. Шверник

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А. Горкин

Москва, Кремль. 26 ноября 1948 года

[Образец]

Р А С П И С К А

Я ___________________________ , выселенец(ка)

фамилия, имя, отчество

состоящий на учете в спецкомендатуре N___________

_______________ района, __________________________области _________

даю настоящую расписку в том, что Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года о том, что я выселен навечно и за самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения подлежу привлечению к уголовной ответственности и осуждению к 20 годам каторжных работ, мне объявлен.

____подпись

"____ "_________.194-___года.

Подписку отобрал ________________________

должность и фамилия

«____»________ 194__ года.

Из архива профессора У.Б.АЛИЕВА

РАСПОРЯЖЕНИЕ

№ 001475/279 сс 1

22 декабря 1948 года,

гор. Москва

В целях укрепления режима поселения для высланных Верховным органом СССР в период Отечественной войны чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и др., а также в связи с тем, что во время их переселения не были определены сроки их высылки, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года "Об уголовной ответственности за побег с мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны" установлено, что переселение в отдаленные районы Советского Союза указанных выше лиц проведено навечно, без права возврата к их прежним местам жительства.

За самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения виновные подлежат к привлечению к уголовной ответственности и наказанию к 20 лет каторжных работ.

Этим же Указом установлено, что лица, виновные в укрывательстве бежавших из мест обязательного поселения или способствовавшие их побегу, лица, виновные в выдаче разрешения выселенцам на возврат их в места их прежнего жительства и лица, оказывающие помощь в устройстве их в местах прежнего жительства, подлежат привлечению к уголовной ответственности и наказанию за эти преступления лишением свободы на срок 5 лет.

Постановлением Совета Министров СССР № 4363 -1726 СС от 24 ноября 1948 года "О выселенцах" установлено, что перечисленные выше выселенцы, уклоняющиеся в местах их поселений от общественно-полезного труда, т.е. пытающиеся продолжать паразитический образ жизни, подлежат привлечению к уголовной ответственности в соответствии с п. 12 Постановления Совета Министров СССР № 1841-730 с от 3 июня 1948 года "О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 года "О выселении в отдаленные районы страны лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни", которым за это преступление установлена мера наказания - замена высылки заключением в исправительно-трудовых лагерях сроком на 8 лет.

ПРИКАЗЫВАЕМ:

1. Всех выселенцев, виновных в самовольном выезде (побеге) из мест обязательного поселения, при обнаружении немедленно арестовывать и привлекать к уголовной ответственности.

2. За самовольный выезд (побег) с мест обязательного поселения выселенцев: чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, турок, крымских татар, крымских болгар, крымских армян, курдов, хемшилов привлекать к ответственности по п.2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г.

3. Лиц, виновных в укрывательстве бежавших с мест поселения выселенцев, поименованных в п.2 приказа, или способствовавших их побегу, а равно лиц, виновных в выдаче разрешения этим выселенцам на возврат в места их прежнего жительства, и устройстве в местах прежнего жительства арестовывать и привлекать к ответственности по п.4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года.

4. Выселенцев, поименованных в п.2 приказа, так же, как и лиц, выселенных на 8 лет за злостное уклонение от трудовой деятельности в сельском хозяйстве, в случае если они в местах поселения продолжают уклоняться от общественно-полезного труда и ведут паразитический образ жизни, - арестовывать и привлекать к уголовной ответственности по ч.2 ст.82 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

5. Выселенцев, не перечисленных в п.2 приказа, за совершенный ими побег из мест обязательного поселения привлекать к уголовной ответственности по ст. 82 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

6. Расследование дел на всех бежавших с мест обязательного поселения выселенцев проводить органам МВД по месту задержания бежавших и заканчивать в 10-дневный срок.

7. Все законченные следственные дела о побегах и уклонении от общественно-полезного труда выселенцев направлять на рассмотрение в Особое совещание при МВД СССР.

8. Прокурорам установить строгий надзор за точным исполнением Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года и Постановлением Совета Министров СССР № 4363 - 1726 сс от 24 ноября 1948 года.

Циркуляр МВД СССР и Генерального прокурора СССР № 32/39 сс

14 февраля 1947 года отменить.

Министр Внутренних Дел Союза СССР

С.КРУГЛОВ

Генеральный прокурор Союза СССР

Г.САФОНОВ

* * *

По состоянию на 1 января 1950 года в ГУЛаге содержался 2 561 351 чел. (1416 300 - в лагерях и 1 145 051 - в колониях), из них 578 912 - за контрреволюционные преступления (статья 58).

В тюрьмах СССР, по данным на декабрь 1948 г., содержалось 230 641 подследственных и осужденных.

По состоянию на 1 января 1950 года на СПЕЦПОСЕЛЕНИИ, в ССЫЛКЕ и ВЫСЫЛКЕ находилось 2 660 040 человек.

Всего наказанных было около 5,5 миллиона человек.

* * *

А жизнь продолжалась: люди влюблялись, женились, но - разведенные местожительством - встречались только по разрешению спецкоменданта. У меня в руках три пожелтевших, истертых, порвавшихся на сгибах листка, бережно сохраняемых взрослым сыном: "Так, поженившись, папа с мамой встречались", - говорит поседевший подполковник, похоронивший в 9 лет маму и в 20 - папу. На типографском бланке РО МГБ Казахской ССР "РАЗРЕШЕНИЕ" свидетельствует, что супруги проживают в одном районе, но в разных селах. Вот оно:

"КУРДАЙСКОЕ РО МГБ Казахской ССР

"26" июля 1952 г.

Без гербовой печати МГБ недействит.

РАЗРЕШЕНИЕ № 6882

Спецпоселен. *Карабашевой Зурум Дадаме...*

фамилия, имя, отчество

проживающ., с. *Каракунуз Курдайского р-на. Джамбульской обл.*

село, район, область

разрешен выезд в с. *Георгиевка Курдайского р-на*

сроком на *трое* суток по "*3-е*" августа 1952 г.

Цель поездки *по службе*

По возвращении к месту постоянного жительства разрешение немедленно сдать в спецкомендатуру.

гербов. печать

Нач. РО МГБ

майор /подпись/

На обороте Разрешения /визы!/ пометки:

Прибыла в с. Георгиевка 1/VIII-52 г. /подпись/

Выбыла из с. Георгиевка 2/VIII-52 г. /подпись/

Следующее свидание супругов состоялось, судя по Разрешению, выданному супругу АЛИЕВУ Хызыру Бетталовичу тем же майором и в той же районной комендатуре, 5 октября 1952 г. и тоже на "трое суток" с соответствующими пометками на обороте и с гербовыми печатями с обеих сторон. Затем - снова Разрешение супругу, опять на трое суток, дано 29 декабря 1952 г. с обязательным возвращением на место жительства 1 января 1953 г. и с обилием оттисков гербовой печати.

Спецкомендатура работала много, контролируя передвижения опекаемых ею спецпереселенцев, или точнее - спецконтингента. С 5 октября 1952 г., судя по Разрешению Алиеву Х.Б. за № 10110, по 29 дек. 1952 г. (Разрешение № 13354) спецкомендантом выдано 2244 пропуска из села в село одного лишь Курдайского района.

Супруги смогли поселиться вместе лишь с общим ослаблением режима после смерти Отца народов.

Светлана АЛИЕВА

В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС *

Коллективное письмо карачаевцев после XX съезда КПСС

Мы, карачаевцы, еще раз обращаемся к Вам по вопросу своего положения и считаем необходимым сообщить о следующем:

как трудящиеся, советские люди, мы полностью одобряем все мероприятия нашей Партии и Советского правительства, все то, что делается по ликвидации вредных последствий культа личности во всех областях;

мы согласны с тем, что многие факты и неправильные действия Сталина, в особенности в области нарушения Советской законности, стали известны после смерти Сталина, главным образом в связи с разоблачением банды Берия. Мы считаем, что беззаконие и насилие, допущенные в отношении нашего народа, также стали известны в последнее время, хотя сами мы всегда считали и считаем наше выселение неправильным;

некоторые из нас в свое время писали об этом организаторам нашего выселения, ходатайствовали о снятии с нас клички "выселенца", но в то время мы не могли добиться какого-либо изменения бесправного положения - положения "преступников";

нашему положению сочувствовали лишь отдельные "простые" люди, но этого также было недостаточно, чтобы помочь нам или изменить наше положение.

Мы не сомневаемся в том, что сейчас это ясно всем членам Президиума ЦК КПСС.

**Публикуется в сокращении .*

Мы видим, что в нашей стране все члены общества обеспечиваются правами на труд, образование, отдых, на участие в государственных делах, свободу слова, печати, свободу совести, возможность свободного развития личных способностей и т.д.

В действительности в результате культа личности и его последствий мы, карачаевцы, являясь советскими людьми, оказались лишенными всех вышеперечисленных прав, кроме права на труд, да и то со значительными ограничениями. Пока еще продолжаем оставаться в том же положении.

Мы считаем, что поручения XX сьезда нашей партии, данные ЦК по преодолению культа личности и ликвидации его последствий распространяются как на области партийно-политической, государственной и идеологической работы, так и на область национальной политики, что имеется в виду и полная ликвидация беззаконий, допущенных в отношении отдельных народов, в частности, в отношении карачаевского народа.

Мы видим и полностью одобряем, как ЦК нашей партии и Советское правительство с исключительной настойчивостью и решительностью

ликвидируют последствия культа личности во всех областях. Мы надеемся и верим, что ЦК КПСС и Советское правительство с такой же настойчивостью и решительностью будут ликвидировать допущенные беззакония - последствия культа личности в отношении нашего народа, как бы это ни было трудно или сложно, и наш народ будет возвращен на свою родную территорию в Ставропольский край. Необходимость такого решения вопроса вызывается тем, что:

1. За последние годы, особенно после XX съезда КПСС, ЦК КПСС сделал и делает многое по исправлению ошибок и перегибов в области партийной, государственной, хозяйственной, идеологической работы. Нам кажется, что то же самое необходимо сделать и в области национальной политики. Бессмысленно любое словесное осуждение массовых выселений, если останутся закрепленными результаты этих выселений…

2. Территория бывшей Карачаевской автономной области почти не занята, особенно ее горная часть. Бывшие карачаевские села заселены не более чем на 10-15%.

Нельзя рассчитывать на то, что когда-либо эти территории будут освоены в той мере, в какой это могут сделать коренные жители этого района - карачаевцы. Кроме того, мы считаем совершенно неправомерным, когда судьбы целого народа подчиняются интересам небольшой кучки новых поселенцев из Грузии. В бывшем карачаевском селе Джазлык в настоящее время живет одна семья, тогда как там проживало раньше до 300 семей и теперь можно разместить целый животноводческий колхоз. В Верхней Теберде раньше было 700 дворов, а теперь - не более 70, в Джегуте до выселения карачаевцев было до 20.000 жителей, а теперь около 1000 человек. В трех селах Учкуланского ущелья (Учкулан, Хурзук, Карт-Джурт) было 3000 дворов, а теперь около 150 дворов. В Нижней Маре никто не живет, в Кызыл-Коле живет 7 семей. Таково положение и в селах Красный Карачай, Архыз, Доут, Касдут и др.

Заселены не более чем на 10-15 % села Учкекен, Терезе, Кызыл Покун, Новый Карачай, Сары-Тюз, Верхняя Мара, Кумуш и др.

Замечательные и обширные альпийские пастбища Карачая до рек Лаба, Бийчесын и др. пустуют или почти пустуют. Они служили кормовой базой для многочисленного поголовья скота, а за последние 13 лет на многих из них не ступала нога человека, не говоря уже об их использовании. При возвращении карачаевцев на место вся эта территория будет сразу и полностью заселена и освоена, а через год-два даст богатую сельскохозяйственную продукцию. В этом может сомневаться лишь тот, кто не знаком с описанной территорией и способностями, а также опытом карачаевцев в использовании этой территории.

3. Климатические условия Средней Азии тяжело отражаются на состоянии здоровья карачаевцев. Значительная часть карачаевского населения поражена заболеванием легких, что рано выводит людей из

строя. Процент больных туберкулезом особенно велик среди женщин и детей.

4. Нужно также учитывать психологию людей, насильно оторванных от родных мест и живущих в условиях унизительных ограничений и фактического бесправия. Ведь это факт, что мы до сих пор остаемся в положении "опасных преступников", которым не разрешено появляться в своих родных краях.

Никакие материальные блага в мире не могут заменить национального равноправия и свободы. Мы категорически отвергаем всякую мысль об автономии для нас вне пределов Ставропольского края, ибо такие предложения исходят из желания закрепить нас в качестве только рабочей силы в местах нынешнего расселения.

Что касается целинных земель, то освоение их не может быть национальным делом одних карачаевцев.

На нас смотрят как на высланных "преступников". Никакие словесные осуждения выселения не могут принести нам фактическое равенство. Такой взгляд на нас со стороны местного населения, да и руководителей, будет сохраняться до тех пор, пока мы находимся здесь. Только возвращение карачаевцев на родину сразу и навсегда положит конец нашему унижению и подобным взглядам.

5. Карачаевцы ныне разбросаны по территории пяти областей (или трех союзных республик). Это привело к тому, что значительная часть детей, обучаясь в киргизских, казахских или узбекских школах, не знает своего родного языка. Нет школ и письменности на нашем языке. Национальное искусство забыто и не имеет условий для своего развития. Исторические памятники Карачая на Кавказе не охраняются, а кое-где осквернены и разрушены...

6. Некоторые товарищи ссылаются на сложность и трудность возвращения высланных на свои места, опасаясь якобы возможных каких-то недоразумений при этом возвращении. По этому вопросу мы заверяем вас, что приложим все наши усилия для недопущения любых нежелательных актов во взаимоотношениях между нами и нашими соседями, между нами и теми людьми, которые проживают на территории бывшей Карачаевской автономной области. Для этого у нас хватит сознания и воли. Тем более всем известно, что наш народ в своем подавляющем большинстве мирный и трудолюбивый.

В бывшей Карачаевской автономной области с нами вместе проживали представители и других народов (русские, украинцы, осетины, абазинцы, черкесы, греки и др.). Ни для кого не секрет, что мы жили дружно со всеми этими народами.

Какие же могут быть основания, чтобы сомневаться в том, что в возрожденной Карачаевской автономной области мы не сумеем жить с этими народами еще дружнее?

Некоторые руководящие работники на местах нашего расселения говорят, что мы здесь живем хорошо, что наш язык сходен с киргизским, казахским; что большинство из нас "не желает" уезжать отсюда, что местное население "не желает" с нами расставаться и т.д. На это мы отвечаем, что мы хорошо живем потому, что хорошо трудились и трудимся, а не потому, что нам были созданы какие-то особые блага. Неужели забыли товарищи о том, какими "особыми" благами мы пользовались тринадцать лет? На Кавказе мы будем жить лучше, чем здесь, не только морально, но и материально. Пользы же от нас государству будет не меньше, а больше, чем здесь.

Далее, мы не можем согласиться с исчезновением нашего языка ради сходства с другими языками. Каждому народу дороги два языка: свой родной и русский. Мы думаем, что киргизам дорог киргизский язык, казахам - казахский. Нам также дорог наш карачаевский язык, а русский язык связывает нас со всеми народами нашей большой многоязычной страны.

Мы считаем, что если казахи и киргизы уважают себя как народ, то должны правильно понимать и нас, понимать, что мы, карачаевцы, тоже уважаем себя как народ, свои традиции, обычаи, свою историю.

Мы считаем своим долгом писать и говорить о нашем возвращении на Кавказ через своих представителей до тех пор, пока наш вопрос не будет разрешен положительно. Он принимает особую остроту в настоящее время в связи с тем, что началось стихийное возвращение людей на Кавказ. Такое возвращение людей связано с целым рядом больших и малых трудностей и зачастую наталкивается на известные препятствия, вытекающие из все еще в определенной форме существующего режимного положения карачаевцев, которым запрещено возвращаться в родные места.

Такое возвращение карачаевцев все же наносит им моральное и материальное ущемление, увеличивает и без того немалые и всевозможные страдания народа.

Сегодня на местах нашего расселения нас знакомят с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля 1956 года. Собирают у нас подписи о том, что мы снова не имеем права возвращаться туда, откуда мы высланы неправильно, о том, что мы не имеем права претендовать на возвращение нам незаконно конфискованного у нас имущества при выселении.

Мы твердо уверены в том, что Президиум ЦК КПСС снимет с нас все еще сохраняющиеся ограничения, до конца и полностью ликвидирует остатки последствий культа личности в нашем вопросе, разрешит нам возвратиться в родные места. Этого желаем мы все, но пока еще не имеем

права и возможности для осуществления этого горячего желания. Коммунистов не снимают с партийного учета на местах расселения, беспартийных не прописывают на Кавказе.

По нашему пониманию, эти ограничения несовместимы с принципом полной ликвидации последствий культа личности.

В связи с этим мы еще просим Президиум ЦК КПСС об осуществлении ряда практических мероприятий по нашему вопросу, а именно:

1. Предоставить карачаевцам право свободного проживания и передвижения по всей территории страны без исключения, считая и территорию бывшей Карачаевской автономной области. Разрешить им возвращение на прежнюю территорию в Ставропольский край.

2. Возвращение карачаевцев в Ставропольский край провести организованно, оказав необходимую материальную помощь возвращенцам за счет государства.

3. Размещение возвращающихся карачаевцев производить планово. Оказать государственную помощь в бытовом и трудовом устройстве людей и благоустройстве населенных пунктов.

4. Восстановить все разрушенные населенные пункты и их карачаевские названия, утвердившиеся исторически, в том числе название карачаевского областного центра г. Микоян-Шахар.

5. Исходя из нынешних условий территории бывшей Карачаевской автономной области, наряду с расширением существующих колхозов за счет прибывающего карачаевского населения, считать необходимым создание ряда новых колхозов и организацию нескольких новых совхозов, преимущественно животноводческого направления. Считаем размещение населения произвести в следующем порядке (прилагается). Такое размещение нисколько не затрагивает интересы ныне проживающего на карачаевской территории населения.

6. Размещение возвращающихся карачаевцев производить с учетом возможности обучения детей на родном языке.

7. В целях создания благоприятных условий материальной жизни разрешить возвращающимся карачаевцам брать с собой зерно и скот или же предоставить право сдачи зерна, скота и жилых домов колхозников на местах расселения и получения их при возвращении на Кавказ из государственных фондов в соответствующем количестве.

8. В целях ускорения размещения населения, благоустройства на селенных пунктов, строительства жилых домов и общественных зданий, считать целесообразным:

а) создание стройтреста в масштабе области с участками в районах, где будет размещено население; всю строительную работу проводить через

эту организацию, обеспечив ее в достаточной степени стройматериалами и транспортом;

б) для работы в этих стройучастках, бригадах привлечь самих карачаевцев;

в) организовать пункты заготовки лесоматериалов с установкой лесорам на таких местах, как в Учкуланском ущелье, в Тебердинском ущелье, в Архызском ущелье на базе Даусузского лесозавода, где практиковать изготовление деталей для домов в массовом количестве, изготовление деталей для домов - сборных деревянных и каркасных.

9. До начала массового возвращения карачаевцев уточнить конкретный контингент, который будет размещен в том или ином населенном пункте с учетом их желаний.

10. Для проведения необходимой подготовительной работы и оказания помощи местным органам при организованном выезде карачаевцев из Средней Азии и размещения их на Кавказе создать комиссии содействия с участием самих карачаевцев.

11. При изучении условий жизни карачаевцев в Средней Азии, учета их желаний, возможностей и условий их размещения на Кавказе, при подготовке вопроса о возвращении карачаевцев на Кавказ и при решении этого вопроса привлечь представителей карачаевцев.

12. Организованное возвращение на Кавказ начать осенью 1956 года и завершить в 1957 году, т.е. по мере подготовки там условий и освоения земли, укомплектования населенных пунктов и колхозов, соблюдая такой же порядок и на местах нынешнего расселения, не вызывая расстройство или ущемления того или иного хозяйства.

13. Так как сейчас уже началось стихийное возвращение карачаевцев на Кавказ, в целях недопущения каких-либо недоразумений, начиная от прибытия карачаевских семей и их устройства, разрешить выделить несколько товарищей, которым вменить в обязанность как помощь этим семьям, так и помощь местным органам в поддержании необходимого порядка.

14. Вплоть до полного и окончательного разрешения вопроса о карачаевцах, о их возвращении, разрешить выделить несколько товарищей-карачаевцев, освободив их от других работ, для помощи в организации связи, информации и разъяснения всем карачаевцам, проживающим в Киргизии, в Казахстане, в Узбекистане, и сбора, а также концентрации всех данных, нужных или требуемых ЦК КПСС.

15. При возвращении карачаевцев на Кавказ, их размещении там, учесть партийно-комсомольский состав и интеллигенцию из среды карачаевцев, чтобы они были соответственно распределены по всем населенным пунктам.

16. Разрешить вопрос о возмещении стоимости незаконно конфискованного у карачаевцев имущества при их выселении в такой мере, в какой это возможно.

17. Стоимость проезда возвращающихся карачаевцев принять за счет государства.

18. В обобществленное стадо вновь создаваемых колхозов и совхозов выделить скот, инвентарь, в частности, за счет тех колхозов и совхозов, где карачаевцы трудились 13 лет и откуда они будут выбывать.

Подписи карачаевцев, проживающих

в Киргизии, Казахстане. 1956 г.

Из архива профессора У.Б.АЛИЕВА

Из письма коммунистов-карачаевцев

в Президиум ЦК КПСС. 1956 год.

...Исходя из вышеизложенного, мы просим:

1. Восстановить Карачаевскую автономную область с центром в г. Микоян-Шахар, ныне Клухори, не обидеть наши чувства перед нашими братьями и другими народами. Мы убеждены в том, что при ином решении в будущем нам придется возвращаться к этому вопросу, так не лучше ли решить его сейчас, восстановив нашу автономию.

2. Мы просим восстановления всей территории Карачая, бывшей до дня выселения карачаевцев, и утвердить в Карачаевской области 4 района:

1) Больше-Карачаевский район с центром в г. Микоян-Шахар, ныне Клухори, в составе сел Учкуланского, Тебердинского ущелий, поселков Курорт Теберда, рудника "Эльбрус", угольных шахт, селений Мара, Коста Хетагуровское, Новый Карачай, Хумара;

2) Усть-Джегутинский район в существующем составе;

3) Зеленчукский район в существующем положении с передачей ему и территории Преградненского района;

4) Мало-Карачаевский район с центром в Кисловодске, как было ко дню выселения, с передачей ему всего, что имелось ранее.

Мы просим Президиум ЦК КПСС до окончательного утверждения мероприятий о нашем народе провести с нами - коммунистами-карачаевцами - совещание в г. Джамбуле с охватом всех коммунистов, проживающих в Киргизии и Казахстане, а также в г. Клухори с охватом

коммунистов, уже переехавших на Кавказ. На проведение этих совещаний можно не расхо-довать средства из кассы ЦК, мы возьмем все расходы на себя. Совещание необходимо, так как мы считаем обязательным разъяснить положение и выслушать ваше мнение.

Из архива проф. У.Б.АЛИЕВА

* * *

В конце ноября 1944 года М.А.Суслов, первый секретарь Ставро-польского крайкома ВКП (б) с удовлетворением произнес зловещие, человеконенавистнические слова: "МЫ ВЫЖИЛИ КАРАЧАЕВЦЕВ ИЗ ГОРНЫХ УЩЕЛИЙ. ТЕПЕРЬ НАДО ВЫЖИТЬ ОТСЮДА ИХ ДУХ"...

В феврале 1956 года состоялся XX съезд КПСС. Осенью представители Карачаевской делегации попытались встретиться с М.А.Сусловым, членом Президиума ЦК КПСС. Он их не принял, а по телефону сказал: "Не питайте иллюзий. Закон обратной силы не имеет: КАРАЧАЕВЦАМ НИКОГДА НЕ ПОЗВОЛЯТ ВЕРНУТЬСЯ НА КАВКАЗ" - и добавил раздраженно:

"И прекратите, наконец, обращаться в центральные инстанции!"

Рассказы свидетелей

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О преобразовании Черкесской автономной области
в Карачаево-Черкесскую автономную область

В целях создания необходимых условий для национального развития карачаевского народа Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Признать необходимым восстановить национальную автономию карачаевского народа.

2.Рекомендовать Президиуму Верховного Совета РСФСР рассмотреть вопрос о преобразовании Черкесской автономной области в Карачаево-Черкесскую автономную область в составе Ставропольского края РСФСР, установив границы и административно-территориальное устройство автономной области.

3. Считать утратившим силу Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 октября 1943 года "О ликвидации Карачаевской автономной области и административном устройстве ее территории" и ст. 2 Указа от 16 июля 1956 года в части запрещения карачаевцам возвращаться на прежнее место жительства.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

К. ВОРОШИЛОВ

Секретарь президиума Верховного совета СССР

А. ГОРКИН

Москва, Кремль. 9 января 1957 г.

Прим.: *Указ этот был скрыт местными властями, в частности, председателем Черкесского облисполкома Кардановым З.К. (1957 г.) от народа и даже от карачаевцев, вошедших в Руководство КЧАО, впервые он был обнародован 26 февраля 1990 г. на заседании Общества "Джамагат" (г. Карачаевск).*

Исмаил БАЙЧОРОВ

ЗА ПОЛНУЮ ПРАВДУ

Воспоминания

Мне семьдесят лет. Я ровесник Октября. Вместе с народом пережил страшные трагедии в период культа личности, радовался победам. Я внес свою лепту в Победу над фашистской Германией. Хотя и являюсь инвалидом Великой Отечественной Войны, всю сознательную жизнь

трудился честно, тружусь и в настоящее время, будучи рабочим ПМК-59 в г. Карачаевске Карачаево-Черкесской автономной области.

С 1940 г. по июль 1943 г. служил в рядах Красной Армии. Был командиром взвода разведки, командиром стрелковой роты в чине старшего лейтенанта. Дважды тяжело ранен. За отличия в боях награжден орденами Отечественной войны первой и второй степени, рядом боевых медалей.

После демобилизации по ранению и инвалидности работал военруком школы в родном ауле Верхняя Теберда.

2 ноября 1943 года в мой дом ворвался офицер войск НКВД и объявил: на основании приказа Верховного Главнокомандующего тов. Сталина за № 00415 все карачаевцы выселяются. На сборы он дал полчаса. Я - советский офицер в полной военной форме, при погонах, за полчаса был вместе с семьей выслан в Киргизию. Два моих брата Осман и Умар находились на фронте (последний позже погиб). На фронтах сражались все карачаевцы, способные носить оружие. По сути дела были высланы женщины, дети и старики, а также вернувшиеся из военных госпиталей раненые бойцы.

В Киргизии наша семья - мать и сестры с малолетними детьми - попала в село Садовое Сталинского района Фрунзенской области. Я там трудился на разных должностях в колхозе "Путь к коммунизму" и трудился добросовестно. Но ко мне, как и ко всем спецпереселенцам, относились предвзято, угнетали физически и морально, оскорбляли человеческое достоинство. Так как в колхозе люди работали фактически бесплатно, переселенные туда карачаевцы не имели никаких запасов продовольствия и пухли от голода, умирали в большом количестве. К весне 1944 года погибло 52% проживавших в Садовом карачаевцев. И так было почти повсюду.

Ужасные картины, когда гибли целые семьи, стоят перед моими глазами по сей день. Например, в Садовом полностью погибли семьи Ахмата Джуккаева из 8 человек, Шамиля Бостанова из 12 человек. Старшему ребенку Бостановых было около 20 лет, а младшему - всего 4 года. Так как трудоспособные мужчины были на фронте, а старики из-за постоянного недоедания еле двигались, хоронить умерших было некому. Я и еще двое инвалидов войны не успевали их хоронить, тем более, что днем необходимо было быть на работе. Хоронили ночами. Многие трупы разлагались. Поскольку переселенные люди продали все свои вещи, не во что было даже завернуть умерших. Мы их клали в могилы в том, в чем они были.

Не могло быть и речи о соблюдении похоронных обрядов.

Местные власти отказывали нам в медицинской помощи. Больница находилась в Беловодском, в 6 километрах от нас, но туда спецпереселенцам из нашего села попасть было невозможно, так как мы давали подписку о невыезде из села. Вышло постановление Совнаркома СССР за подписью Молотова о строгом наказании спецпереселенцев вплоть до тюремного заключения на 20 лет. По этому Постановлению переход из одного села в

другое без пропуска от спецкомендатуры карался как переход государственной границы СССР. Если твоя корова перешла границу села и пасется на территории соседнего села, надо было искать русского или киргиза и просить его пригнать корову обратно. Если в соседнем селе умер родственник, нужно было обращаться к спецкоменданту, чтобы он выходатайствовал пропуск через районную, впоследствии - через областную комендатуру, отделение комитета госбезопасности, а пропуск можно было получить через два-три месяца. Из-за вынужденного нарушения подобных законов многие мужчины и женщины из числа карачаевцев, а с 1944 года и чеченцев, балкарцев, ингушей лишались свободы.

Спецкомендант и местные начальники издевались над спецпереселенцами как хотели, ибо мы оставались фактически вне закона. Вот несколько примеров. Летом 1944 года сторож колхозного сада в нашем селе застрелил 4-летнюю девочку за то, что она залезла в сад и взяла одно яблоко. Услышав об этом, прибежал туда отец девочки Батдыев Хасанбий. Сторож выстрелил и в него. Тяжело раненного Батдыева хотели повезти в больницу, но комендант не разрешил выезд за пределы территории села. И Хасанбий, настоящий советский патриот, в январе 1943 года сбежавший из-под расстрела гестаповцев в Микоян-Шахаре (ныне Карачаевск), на 16-ый день ранения умер, оставшись без медицинской помощи, став очередной жертвой культа личности, из-за бессердечия и жестокости местных сталинских холуев. Когда родственники Батдыева пришли в комендатуру и сообщили об этом спецкоменданту, который вроде должен был защищать интересы спецпереселенцев, тот цинично заявил: "Жаль, что сторож не перестрелял вас всех!" Примерно такое же повторилось и в 1945 году, сторож другого сада Шевцов Владимир Свиридович из-за трех яблок, взятых трехлетним мальчиком Батчаевым Хасаном, тяжело ранил его. Три его дяди, в том числе командир тыловой разведки Батчаев Мудалиф Каракозович, находились на фронте, а с их беззащитным племянником не церемонились, обходились хуже, чем со скотиной. Оба виновных не были привлечены к уголовной ответственности, так как подобные беззакония творились с ведома и поощрения руководства.

Я сам на себе испытал, что такое сталинский произвол и беззаконие, что такое преследование за принадлежность к карачаевскому народу. Приведу лишь один пример. В один из жарких августовских дней 1947 года в колхоз приехал председатель Сталинского райисполкома Омельченко с двумя другими районными начальниками. Они подошли к нам, когда я вместе с тремя грузчиками-чеченцами в поте лица выгружал груз. Омельченко стал требовать, чтобы мы работали еще быстрее. Я ответил ему: "Куда еще быстрее, мы и так выбились из сил". Тогда он стал всячески поносить и оскорблять меня, сильно ударил по лицу. Я не умею оставаться в долгу и тоже ударил его. Хотя местные руководители знали, что я офицер, инвалид Отечественной войны, они не стали защищать справедливость, а прислали за мной работника КГБ, который арестовал меня. Я сказал своим товарищам-грузчикам, что меня увозит какой-то кагэбэшник, потому что бывали случаи, когда люди после таких арестов-увозов бесследно исчезали.

Органы КГБ района состряпали на меня дело и сообщили областному и республиканскому начальству о том, что спецпереселенцы составили заговор и напали на председателя райисполкома. Меня держали в тюрьме 40 дней. Только благодаря прибывшему из армии брату Осману я не получил обещанные следователем 15 лет тюремного заключения.

Подобных примеров можно привести немало, но, по-моему, и приведенных достаточно, чтобы иметь представление о том беззаконии, которое творили Сталин, Молотов, Берия и их приспешники на всех уровнях по отношению к выселенным народам.

Я беспартийный, поэтому, наверное, мне трудно понять, почему руководители нашей партии и правительства в настоящее время, когда объявлена гласность и перестройка, имеется демократия, ничего не говорят о переселении целых народов, об издевательском отношениии к ним, которое он, продолжается по сей день. В газетах и журналах много пишут о массовых политических репрессиях, о реабилитации невинно пострадавших людей в период культа личности. Я очень благодарен авторам этих статей. Но неужели страдания переселенных народов, оболганных и оклеветанных, не заслуживают такого же внимания, как беззакония по отношению к отдельным лицам? Я считаю, что если молчат о таком важнейшем вопросе, выходит, полной правды пока нет.

М.С.Горбачев правильно говорит о том, что нужно очень внимательно относиться к национальным чувствам людей, к их национальному достоинству, языку, культуре, истории, так как без этого невозможна подлинная дружба народов. Но его слова плохо слышат «руководители нашей области и края». Их отношение к карачаевцам, их действия по сути своей мало отличаются от поведения спецкомендантов в Киргизии. Как правило, все они говорят с трибуны правильные красивые слова, поучают, как надо работать, призывают к честности, а на деле...

На деле сеют между народами Карачаево-Черкессии вражду, продолжают клеветать и чернить карачаевский народ, несмотря на то, что его именем названа автономная область и он составляет по численности треть от всех народов КЧАО. Пышным цветом цветет протекционизм. К примеру, нет большего врага своему народу, чем нечистоплотный, беспринципный и трусливый, послушный холуй начальства - К.Р.Кипкеев. Больше чем никто не клеветал на карачаевцев как на народ и на отдельных его представителей, которые так или иначе мешали ему в его своекорыстных и карьеристских интересах. Много лет насаждал он взяточничество в Карачаево-Черкесском пединституте, наконец, сняли его с ректорства за развал работы и - удостоили за все это пенсией союзного значения. Да еще его сына Руслана так стремительно поднимают по служебной партийно-номенклатурной лестнице, что и не уследишь за ним. А многие образованные и способные, честные и достойные карачаевцы остаются не у дел, затираются, а порой и преследуются.

Самое распространенное обвинение карачаевцам - в национализме.

Это глубоко неверно. По натуре своей карачаевцы традиционно, исторически очень интернациональны и гостеприимны. Издавна они принимали в свою среду людей из самых разных национальностей. Я хорошо помню: в голодный 1933 год карачаевцы спасли от смерти сотни русских, черкесских, абазинских, ногайских семей. Накануне и в годы Великой Отечественной войны карачаевские семьи усыновляли и удочеряли детей-сирот без разбора национальностей, в том числе из Нижнетебердинского детского дома. В период немецкой оккупации они прятали в своих домах евреев, коммунистов, партизан, спасали воинов Красной Армии, хотя прекрасно знали, что за это фашисты расстреливают. Например, Халамлиевы Шамаил и Фердоус, имевшие 10 детей, все пять месяцев оккупации прятали в своем доме трех сестер-евреек.

В нашем народе много интернациональных семей. Моя жена - русская, наш сын женат на черкешенке, растет внук. Мой брат Осман тоже женат на русской...

Злонамеренное лживое толкование истории нашего народа, постоянное оскорбление национального достоинства карачаевцев вызывает законное возмущение народа. А местное руководство, говоря красивые слова о дружбе народов, беспрерывно организует клевету на наш народ. Особенно отличается этим многолетний секретарь нашего обкома У.Е.Темиров...

Я считаю, чтобы перестройка шла быстрыми темпами, необходимо освободиться от тех руководителей, которые ей мешают, и на их место выдвинуть честных и достойных людей, которые могли бы со знанием дела и с уважением к национальному достоинству народов области решать те грандиозные, поистине революционные задачи, которые поставило перед нами время и сама жизнь.

Карачаевск, 1988

Сослан БАЙЧОРОВ

МАМАЛЫГА

Ах, куда нам от памяти деться?

Вот уже седина на висках,

А мое босоногое детство

Вновь меня окликает в горах.

Память-память, нелегкая ноша.

Прикрываю устало глаза –

И под солнцем у нашего коша
На траве серебрится роса.
Память-память, волшебная книга.
В коше брат с поварешкой в руке,
И кипит в чугунке мамалыга
На овечьем густом молоке.
Треск поленьев да пламени блики,
Есть мука и очаг наш хорош.
Сладким паром густой мамалыги
Наполняется старенький кош.
И уже я по тропке знакомой
Вдоль покатого склона бегу,
Чтоб умыться водой родниковой,
И вернувшись подсесть к чугунку.
Блики пламени помню на стенах,
Помню радость - сейчас поедим!
Но врываются двое военных
И кивают на дверь - Выходи!
И погнали по склону, по полю,
Лишь барашек заблеял нам вслед.
Пятый год миновал мне в ту пору,
Брату было одиннадцать лет.
Но кому там какая забота,
Всюду ружья да звезды погон.
Окрестили врагами народа –
И загнали в холодный вагон».
Память-память, волшебная книга.
Все больней мне смотреть сквозь года,

Как кипит в чугунке мамалыга,

Что не съели мы с братом тогда.

Перевод с карачаевского Игоря ЛЯПИНА

Светлана АЛИЕВА

ЗАПАХ ФИАЛКИ

Воспоминания

Не знаю, что это было.

Внезапно и в самых неожиданных местах - в морозный и в жаркий день на улице, посреди урока в классе, врываясь в глубокий сон по ночам - меня словно бы окутывало свежим душистым облаком. Помнится, я замирала, стараясь продлить, упрочнить легкое, всегда мимолетное дуновение, потом тщетно искала его источник. Душа рвалась и тосковала, требовала ясности, и я назвала-обозначила его как запах фиалки.

Фиалки во Фрунзе и его окрестностях не росли.

Веснами город украшался огромными букетами буйно цветущих деревьев. Предгорья за Шанхаем, вольным поселком за железнодорожной линией, сплошь покрывались пламенеющими желтыми и алыми тюльпанами. Мы тащили их домой охапками. За отцветшими тюльпанами строго по расписанию летних месяцев золотились лакированные лютики, зазывно фиолетился репейник, резвился многоцветный вьюнок и дикий горошек, да из густой травы мерцали пронзительно голубые незабудочки. Земля была щедра на цветы и краски, лишь фиалки на ней не росли.

Лесная фиалка помнилась смутно, поселившись где-то в подсознании. Образ ее, расплывчатый и благоуханный, рождался из рассказов родителей о далекой и прекрасной родине - Кавказе. Он существовал в моем младенческом прошлом, таинственный Кавказ, недоступный для меня и моих родителей. Отнятый у нас. Запретный.

Страшная это штука - запрет. Лишение человека свободы, естественного права на независимое волеизъявление. Уничтожение в нем с раннего детства уверенности в своем праве. Кому-то почему-то можно, а ему почему-то нельзя. Какими создавало нас, детей разнообразно

репрессированных, время? Какими словами воспроизвести, передать те чувства и мысли, которые кипят в сердце и голове растущего человека, обвиненного без вины, посаженного в клетку ограничений? Какой - в тисках запретов - формируется его душа? По собственному желанию человек может сутками, месяцами сидеть в комнате и не испытывать необходимости выйти из нее, но стоит его запереть, как мир за окном начнет притягивать его неодолимо.

Папины сказки о Кавказе наполняли меня чувством непреходящей тоски. Земля там ласковая и благодатная... По берегам чистых и звонких бурливых рек на склонах холмов растут густые леса из диких яблонь и груш, ореховых и кизиловых кустарников. В ущельях - гигантские ели и сосны, чинары и... А фиалки - фиалки появляются с первой весенней травой, и я (подумать только - я!) собирала их на склонах Машука и еще в сказочном Нальчикском лесопарке.

Кавказ был вечной неутихающей болью, недостижимой мечтой, волшебной сказкой, неприкасаемой тайной.

Говорить о Кавказе - неосознанно, но твердо знала я - было нельзя. Стыдно было говорить, что ты родилась на Кавказе и принадлежишь к преступному народу - карачаевцам. И не становилось легче от того, что не только карачаевский народ был плохой нацией, а еще и балкарцы, ингуши, чеченцы... "Бандиты" - называли их попросту в обиходе. И не только в обиходе. Помню, как наш большой, умный и, разумеется, всесильный 33-летний папа, пряча от нас слезы, с отчаянием говорил, листая очередной том Большой советской энциклопедии: "Нет, вы только подумайте, - "клоп" нашел свое место в энциклопедии, а целый народ, прославленный русскими классиками, "карачаевцы", - нет! Понимаете, не существует в природе и на Земле народа - карачаевцев!"

Еще шла война, и даже я, дошкольница, понимала, как непростительно преступление этих народов и того, к которому принадлежала я, - они были официально объявлены предателями. Мой папа - предатель, моя русская мама - предательница, мои дядья - майор и старший лейтенант, раненные на фронте, папин друг дядя Кайсын Кулиев, наперебой с папой до утра читающий стихи по-балкарски и по-русски... Он тоже воевал и появился во Фрунзе, хоть и без погон, но в военной форме. И еще были папины друзья, в ладно пригнанных офицерских военных формах без погон, с орденами и медалями, добрые и приветливые. И, как я теперь понимаю, совсем еще молодые. Я-то знала, что они не были предателями, но почему-то считались предателями и были вместе со мной наказаны отлучением от легендарного Кавказа.

Это была одна жизнь - стихи и рассказы папы и его друзей дома, и совсем другая - в школе. И я была разной - дома и в школе. Разорванность души до поры сглаживалась внезапным и мимолетным погружением в душистое облако - запах фиалки.

Детство было переполнено дорогами и бездомностью. Я не помнила, как собирала фиалки, - их вытеснили из памяти длинные хвосты грязно-белых бинтов, которые волочились за бредущими раненными красноармейцами. Когда началась война, они шли и шли мимо нашего дома, заходили во двор, мама и соседки делали им перевязки, поили, кормили, о чем-то взволнованно говорили. Брат изумлял взрослых способностью отличить по гудению наши и фашистские самолеты - если малыш нырял под крыльцо или залезал под кровать, значит, летел фашист, и надо было спасаться от бомбы. До сих пор помню большую светлую комнату в Нальчике с развевающимися на окнах кружевными занавесками, накрытый обеденный стол, тарелки с недоеденным супом, аккуратно застеленные кровати, - мы уходили ненадолго, а оказалось - на года, забрав папины рукописи и книги, фотографии и по смене одежды.

Во дворе нас ждала телега и запряженная в нее лошадь по кличке Машка.

Какие долгие и страшные были дороги эвакуации! Сначала в горах. С одной стороны отвесная горная круча, с другой - пропасть с шумливой рекой в темной глубине, а на откосах остатки от сорвавшихся вниз с дороги: вещи, колеса, тележные борта, раздувшиеся трупы лошадей и белые, объеденные птицами скелеты. Пугающе светились гнилушки на прилавках, непонятные звуки в ночи таили в себе неведомую опасность, брыкалась Машка, которую, как выяснилось, наш папа, молодой ученый, не так запрягал. И люди, люди, люди - пешком, на телегах, на машинах. С детьми и без детей. Налегке и под узлами.

В Тбилиси мы долго жили в длинных полупустых вагонах на запасных путях. Потом - на пристани в Баку. С трудом сели на пароход. На море сильно штормило, и я узнала, что существует морская болезнь. В Красноводске не было воды и очень хотелось пить. Санитарные поезда, раненые, переполненные вагоны, долгая жизнь на вокзальной площади в Самарканде, где кучились такие же беженцы, как мы. От кучи к куче непрерывной цепочкой ползли крупные вши. Дети - и мы с ними - били их камнями, топтали, но они все ползли-ползли. Рано утром нас будил громкий голос из репродуктора на столбе, родители слушали последнюю сводку Совинформбюро, и папа шел за газетой и искать работу.

С вокзала мы попали в кишлак. Нас поселили в старой бане - остовы двух железных кроватей накрыли досками, разложили на них вещи, над ними соорудили из двух листов фанеры навес, - здесь мы спали, ели, спасались от потоков воды с потолка и под ногами. Запомнились нескончаемые дожди и время от времени гулкие сотрясения - где-то намокала и заваливалась глинобитная крыша.

В кишлачной школе папа учил детей русскому языку, мама кормила нас затирухой - заваренной в воде мукой.

Странное явление - память. Почему, как выбирается из десятка мелочей одна, говорящая о многом, откладывающаяся в характер? Помню

длинные тоскливые вечера ожидания папы из школы. Чадит коптилка, хочется есть, но без папы мы не едим, и только ему мама помимо затирухи выдает корочку хлеба: мы знаем, что папа болен и потому не на фронте, и потому ему надо отдать хлеб, и мы безропотно и, главное, ничуть не желая этого хлеба, его отдаем и уверяем наперегонки с мамой, что мы уже ели. Помню, как он стоит согнувшись возле углубления в стене и торопливо докуривает ежевечернюю папироску, а на нее с потолка капает. Кап - папироска гаснет, папа вновь прикуривает ее от коптилки, затягивается, кап - и папироска снова гаснет. Наконец, папа бросает ее, залезает в нашу нору под фанеру и говорит маме о том, какие мы счастливые. Мама пугается, а он объясняет: в кишлаке арестовали заведующего хлебным ларьком. Он продавал и обменивал предназначенный эвакуированным хлеб на базаре, а нам говорил, что хлеб не доставляют. У жулика нашли пачки денег, кучи чужих вещей, золотых изделий. "Представляешь, - говорил папа маме, а мы, несмышленыши, слушали и запомнили на всю последующую жизнь: - как он дрожал от страха днем и ночью, сторожа и приумножая этот хлам. Все чепуха, ерунда, так себе, между прочим - деньги, ценности и тому подобное, - говорил папа, - главное - чистая совесть и чтобы душа была открыта людям..."

Таким же дождливым зимним вечером папа пришел и сказал, что немцев из Нальчика выгнали. Вскоре его вызвали в Кабардино-Балкарию на работу, и мы - в Нальчике. Наша квартира занята другими людьми, вещей нет, мы снимаем угол, потом комнату. Мама долго лежит в больнице, потом появляется, и мы с братом учим ее ходить. Маму - учим - ходить! Очень смешно.

Среди ночи просыпаюсь от яркого света. В комнате чужие дяди, военные. В дверях стоит красноармеец с винтовкой, пересекающей вход. Дядя за столом что-то пишет, потом папа обнимает маму, целует нас и уходит. Слышно, как от дома отъезжает машина. Мама сидит неподвижно и мы собираемся зареветь, когда дверь распахивается и влетает разъяренная квартирная хозяйка. «Предатели! - кричит она.-Бандиты проклятые, убирайтесь вон!» Она швыряет наши пожитки, толкает маму, и в темной предрассветный час мы оказываемся на улице возле вещей, сброшенных кучей. Дело привычное, но с нами нет папы, и мама жалеет, что мы не уехали с ним - пусть за город, расстреляли бы вместе... Откуда-то в меня летит ком земли, больно бьет в спину, из-за ограды слышится ненавидящий голос: "Предатели, предательское отродье, убирайтесь отсюда!"...

Да, еще до приезда во Фрунзе я уже знала, что мы почему-то предатели.

До письма от папы и его вызова мы живем у такой же, как мама, русской жены горца-"предателя", воевавшего на фронте. Была еще одна долгая дорога в поезде, с пересадками, вокзалами, толчеей, разухабистыми и душеразди-рающими песнями безногих инвалидов на низких платформах-колясках, с пронзительными воплями трофейных немецких губных гармоник, большими темными громкоговорителями на столбах... Пока глубокой ночью мы не приехали во Фрунзе, где нас встретил папа. Привел

домой - в комнату институтского общежития. Там стояла кровать, стол и портрет Пушкина на стене. В ней мы прожили четырнадцать лет.

Третья средняя женская школа была не то чтобы привилегированная, но чем-то приметная, нынче сказали бы - престижная. Она размещалась в двухэтажном сером здании наискосок от Дома правительства в устье улицы Кирова, вливающейся во Фрунзенскую "Красную" площадь. Ходить по этой площади, помнится, запрещалось. Рядом в сквере, напротив и лицом к Дому правительства, на высоком постаменте стояла каменная фигура Сталина. То ли от своей территориальной близости к Дому правительства и Сталину, то ли в школе учились дочки ответработников, не могу сказать достоверно, но имелась у родительниц, а потом и у дочек претензия на исключительность. Узнав о появлении в первом классе дочери спецпереселенца, дружный родительский комитет потребовал изъятия из школы столь неподходящего для их дочек общества. Получив отказ, мамы не велели Дочкам со мной водиться.

Дети есть дети. Они ведут себя и высказываются с предельной жестокой откровенностью. Озорная и компанейская в ареале родительского жилья, я попала под недружелюбный прицел одноклассниц, Ровности не было - между мной и одноклассницами наблюдались приливы и отливы отчужденности, но взаимная настороженность оставалась все десять лет моей учебы в школе и сохранилась на всю жизнь. Я немела в неприязненном окружении. Школа сковывала меня, мое живое воображение стыло от непонимания и обиды, я тупо внимала объяснениям учителей и молчала. Только в третьем классе открыла-осознала секрет чтения и счета. Начальную школу закончила на тройки, а с пятого стала отвечать уроки письменно. В школьной характе-ристике, полученной мной вместе с аттестатом зрелости, говорилось, в частности, что "девочка письменной речью владеет лучше, чем устной".

Как я теперь понимаю, у меня было что-то вроде логоневроза, боязни или неспособности говорить в недружелюбной и незнакомой обстановке. Только уехав из Фрунзе, я обрела речь, но и теперь, бывает, впадаю в при-ступы немоты и косноязычия, когда чувствую враждебность человека и аудитории. До сих пор не могу преодолеть сложившегося в школьные годы рефлекса ущербности, неправомочности, неравноправности моего "преда-тельского", "плохого" национального происхождения...

Было бы несправедлво помнить о школе и своем классе только это - заданную неприязненность одноклассниц, которых я помню и люблю, как любишь детство и юность. Но навсегда осталась со мной обида на нево-стребованность моей любви - мне так всегда хотелось быть вместе с ними, а я была отдельно. Теперь я понимаю, - иначе быть не могло, моя внутренняя жизнь шла другими маршрутами: они были свободны, - я узница, они были незапятнанными гражданами своей родины, - я с пятном предательства, они были девочками первого сорта, - я второго. Они не теряли своей родины, для них она была естественна, как дыхание, которого не замечаешь в

состоянии нормы, здоровья. Во мне чувство родины и жажда свободы родились едва ли не раньше самосознания.

Все годы своей учебы в школе я чувствовала, а теперь понимаю и с великой признательностью вспоминаю особое к себе отношение со стороны учителей, начиная с директрисы школы Веры Петровны Пушкиной. С той минуты, как одна из родительниц потребовала убрать меня из школы, а Вера Петровна воспротивилась, она взяла меня под свое крыло. Незаметно, ненавязчиво она следила за мной и прикрывала травмированную девочку от репрессивных мер. Как бережны и чутки были мои дорогие учителя! Большинство из них являлись представителями той самой прекраснодушной русской интеллигенции, которая шла в народ с просветительскими целями, самозабвенно отдавалась работе милосердия, подготовила и вела революцию, утверждая ее порушенные почти с самого начала после победы ВКП(б) идеалы негласными и повседневными делами. Вера Петровна Пушкина училась и дружила с сестрами Фрунзе. Старенькая Елена Ивановна, учительница начальной школы, была выслана из Ленинграда в связи с убийством Кирова. У Лидии Ивановны Коваленской, говорили был репрессирован сын... С признательностью вспоминаю «бабу Олю» - бестужевку, учительницу физики Ольгу Ильиничну, математика Алексея Александровича Михайлова, обожаемую всем классом учительницу литературы Веру Викторовну Красикову... Вне школы тоже были учителя - многонациональная фрунзенская интеллигенция, с которой мы так или иначе соприкасались, своим образом жизни, поведением, примером воспитывала во мне человеческое достоинство.

Во Фрунзе в годы моего детства и юности сосредоточилась - не по своей воле, как я поняла гораздо позже, - интеллигенция, попавшая в те или иные конфликтные отношения со сталинской администрацией. Здесь были сосланные по социальному и национальному признакам - политические, спецпереселенцы, "космополиты", врачи, профессора... Кого здесь только не было! Жилось, думаю, не так уж и плохо, - Киргизия была приветлива, терпима и гостеприимна. Не последнюю роль в этом играла ее отдаленность от центра...

Мне трудно судить, как мое взросление выглядело внешне. Вероятно, девочка как девочка из интеллигентной семьи, застенчивая, молчаливая, мечтательная, порывистая, предпочитает одиночество, держится особняком... Все мы внешне, когда растем, примерно одинаковы. Моя задача - раскрыть внутреннее движение характера, причины его формирования.

Помнится постоянное недовольство собой.

Больше всего на свете хотелось быть хорошей - отлично учиться, не сердить родителей и учителей, дружить с одноклассницами. Но это мне никак не удавалось.

Меня болезненно ранило малейшее напоминание о моей "вине" - принадлежности к репрессированному народу. Один из своих ранних рассказов я посвятила драке девочки с мальчишкой-обидчиком. Рассказ писался в конце 50-х годов, и я не могла указать причину драки. Теперь можно бы поразмышлять и о том, почему в конце 50-х, после XX съезда партии, после реабилитации кавказских народов и возвращения их на родину все-таки нельзя было указать причину обиды. Еще был силен страх перед разглашением "тайны"? Пожалуй. Слишком глубоко еще сидело внедренное в нас за эти годы чувство несуществущей вины? И это было. Было много неизвестного, не укладывающееся в рамки общепринятого, положенного, одобряемого фарисейства. Многое сдерживало, а обида, как незажитая рана, требовала лечения. Так написался рассказа "Галка" - в публикации обычная детская драка - мальчишка дразнил, а девочка его за это отлупила. В жизни было по-другому.

Я пришла из школы и отгуливала положенный час. Была зима, я чинно ходила по тротуару и тихо возмущалась: безропотный Сережка Виноградов, живший в подвальной комнатке нашего общежития вдвоем с мамой, уборщицей, катал на санках нашего ровесника Максутку. Максутка сидел развалившись на санках и понукал-покрикивал, а Сережка старался, вез его, спотыкаясь и оскальзываясь. Мне очень не нравилось поведение Максутки, но больше - Сережки: "И чего слушается? Дурак, дал бы ему раза, ишь раскомандовался". Возмущалась, но не вмешивалась - как раз в тот день я окончательно решила начать новую жизнь и поэтому благонравно отвора-чивалась, строила планы. Между тем Максутке надоело Сережкино послу-шание, катание на санках, и он переключился на меня. "Эй, ты, - заорал он,- бандитское отродье! Ходит, как порядочная, карачай-чай-чай! Ну-ка, скажи, как твой отец нас немцам продавал? Карачайка паршивая!" И все в таком духе. Я не выдержала. Я отложила правильную жизнь на будущее. Я коло-тила Максутку, вымещая на нем все накопившиеся обиды. Рядом прыгал от восторга Сережка, приговаривая "так его, дай ему!". Вываляв Максутку в снегу, я наподдала Сережке за рабское поведение и помчалась домой. Я рыдала и каялась, - мне хотелось любви, а меня ненавидели, никого не трогала, - а меня обвиняли, обижали, вынуждали драться.

Мне было лет десять-одиннадцать.

Меня приводило в отчаяние, что все кругом – дети и взрослые обви-няли нас, меня в самом страшном - предательстве. В быту и официально.

30 октября мой класс и меня вместе со всеми принимали в комсомол.

Как это происходило в школе, - уже не помню, а вот прием в райкоме комсомола запечатлелся в памяти на всю жизнь. Нас там собрали много девочек и мальчиков из разных школ. В комнату, где заседало бюро райкома комсомола, вызывали по одному.

Меня по списку - одной из первых - расспросили, велели подождать. Все входили и выходили с тёмнокрасными книжечками в руках, счастливые убегали домой. Наконец, я осталась одна. Выглянул из комнаты бюро парень, сказал: "Все? А - ты, Алиева!" - и скрылся. Я сижу, жду. Догадываюсь, меня не приняли, и не могу в это поверить. Почему? Учусь хорошо. Поведение - нормальное. Общественное поручение - стенгазета - выполняю. За обитыми дверями тихое гудение разговоров. За окном сгустились сумерки, зажглись фонари. Входная, с улицы дверь открывается, и входит растревоженный папа...

Комсомольский билет мне вручили дней десять спустя. Что это были для меня эти десять дней! Райком комсомола запрашивал ЦК ЛКСМ Киргизии, а последний - Москву, можно ли принять в комсомол дочь спецпереселенца.

Кончался 1949 год.

А в феврале 1950 года за мной пришел милиционер. Ничто не предвещало чрезвычайных событий, - просто стук в дверь, она отворилась и на пороге возникла фигура в милицейской форме. Тогда я впервые полностью услышала свое имя: «Здесь проживает Светлана Умаровна Алиева? - спросил милиционер, сверившись с бумажкой, и, получив подтверждение, сказал коротко и непреклонно: - Следуйте за мной!". Я растерянно оглянулась на маму, судорожно соображая, что и где чего натворила. Ничего криминального не вспоминалось.

Пасмурный февральский день клонился к вечеру. Шли мы молча, - впереди милиционер, затем я и рядом со мной с потемневшим лицом мама. Шли недолго - свернули за угол налево, на Первомайскую, пересекли улицу Токтогула и метров через тридцать-сорок оказались у входа в небольшой одноэтажный дом - комендатуру. В длинном коридоре на стульях у стен необщительно сидели люди - мужчины и женщины. В одном из них я узнала Петра Андреевича, студента пединститута, проходящего у нас практику. Юные девицы женской школы крайне редко встречались с молодыми людьми и с практикантами кокетничали напропалую, дерзили, насмешничали - самоутверждались. Здесь же я не столько поняла и даже не почувствовала, а каким-то инстинктом, что ли, сообразила, что узнавать мне его нельзя, не нужно. Я успела поймать его удивленный взгляд, до того, как он отвер-нулся. Сделал вид, что не видит, не знает. Прошла за милиционером, опустилась на указанный им стул. Замерла. Рядом мама. Тяжкое молчание висело над нами. Сидящие в коридоре были собраны единой «виной», но - и это неосознаваемо страшило - существовали врозь, каждый здесь был за себя, отвечал только за себя, спасал только себя.

В кабинете, куда меня вызвали, за массивным письменным столом сидел высокий худенький и совсем юный лейтенантик со светлым хохолком над выразительными голубыми глазами. Он взглянул на меня и залился краской. Это было удивительное и смешное зрелище: мальчик тщился быть строгим и солидным соответственно месту, но натура пересиливала, он

видел проис-ходящее непредвзятыми еще глазами и краснел отчаянно, до слез. Подозре-ваю - подростки, особливо женского полу, тонкие бестии. Я мгновенно все усекла - и то, что я симпатична ему, и то, что, по-видимому, он ожидал другого, и то, - поняла значительно позже, но ощутила тогда же - что ему приходится выполнять смехотворное, неправое поручение. Страх мой испарился, я села и уставилась на него, наслаждаясь его смущением. Пряча глаза, мальчик повинул ко мне типографски отпечатанный лист, ручку и буркнул:

- Ознакомьтесь и подпишите.

Это было постановление-обвинение о спецпереселении карачаевцев, утвержденное Сталиным и Молотовым, - своеобразная форма признания персональной вины нижеподписавшегося. Я внимательно все прочитала и спокойно отодвинула листок:

- Не подпишу. Я никого не предавала.

- Подпишите, - он придвинул листок ко мне, не поднимая глаза по-прежнему красный.

- Нет, - отодвинула я листок и спокойно пояснила. - Вы понимаете, что все это не может быть правдой. Даже смешно. Как я могла предать свою родину фашистам, если даже не была в оккупации? Да если бы и была, - мне в пору оккупации Нальчика было четыре года. Когда и что я могла предать?

- Вы должны подписать, - лейтенант, казалось, сгорит, помалиновел, подвигая мне лист обратно.

- Должна? Ничего подобного, - я вспомнила молодогвардейцев и была так же спокойна и тверда. - Никогда не подпишу, - повторила я, отодвигая лист и независимо поднимаясь. - Я комсомолка и я не предательница.

Я чувствовала себя хозяйкой положения, стоя у стола напротив растерянно поднявшегося вслед за мной лейтенанта. Люто красный, глядя в стол и двигая ко мне бумагу, он бубнил: "подпишите". А я, отодвигая лист к нему, твердила свое "нет!".

И тут в кабинет вошел пожилой, коренастый, с ежиком темно-серых волос, с кирпичного цвета лицом майор. Он выслал лейтенанта из кабинета, велел мне сесть, молча просмотрел лежавшие на столе бумаги, открыл сейф, что-то взял, что-то положил, закрыл его и оборотился ко мне. Глянул на меня, на лист «признания вины», подвинул его ко мне, кинул коротко:

- Подпиши.

Это был не мальчик-лейтенант, а взрослый, которых я была приучена слушаться, но я ответила столь же коротко и непреклонно:

- Не подпишу.

Этот дядька смотрел на меня тяжелым, неподвижным взглядом, мне стало страшно, но я, отгоняя страх, решила пояснить свой невежливый отказ:

- Я - комсомолка...

Бац кулаком по столу, и впервые в жизни я услышала – грубый, подлый многоэтажный мат, из которого уловила, что я такая-то и такая, бандитское отродье и еще хуже, а в конце точкой: «подпишите!»

Оглушенная и потрясенная я пискнула свое "нет!" и получила вторую удвоенную порцию воспитательных определений. В заключение второго спича майор сказал, придвинув ко мне обвинительное постановление и ручку:

- Не уйдешь отсюда, пока не подпишешь!

И вышел за дверь. Повернул в замке ключ.

До сих пор стоит перед глазами - небольшая, даже тесная комната. Массивный письменный двухтумбовый стол, на столе мраморный чер-нильный прибор, лист с обвинением, за столом стул, рядом с ним железный сейф. Позади меня запертая дверь, справа небольшое окно, забранное решеткой. Решетка - широкие железные полосы в косую клетку. За окном - увидела я - медленно падают, кружатся крупные мохнатые хлопья снега. Февральского снега. И тут я обнаружила, что руки у меня трясутся, а по щекам ручьем текут слезы. Я удивилась - вовсе не была плаксивой, скорее наоборот, а здесь я не могла никак остановить поток слез, и руки тряслись и тряслись. Это меня отвлекло, - понимание и осознание происходящего пришло значительно позже, а тогда с отчаянной попыткой справиться с собой входило в меня нечто, уничтожающее возможность доказать свою правоту и этому майору с темно-серыми, дыбом стоящими волосами, и этому краснощекому мальчику-лейтенанту, за которым чувствовалась сила сильнее его самого.

Но самое страшное, которое я тогда инстинктивно не пускала в сознание, было полное и абсолютное одиночество перед этой неумолимой силой. Молодогвардейцы? Но они противостояли фашистам, врагам, за ними была родина, советская страна, советские люди! А почему я должна сопротив-ляться? Кому? Ведь не врагам - своим? Кто - свои? Кто - враги? Где я? С кем? Против кого? Никто, ни мама, ни всесильный и умный папа не могли мне ответить и меня защитить. И мне действительно не было выхода из этой тесной комнаты с письменным столом, сейфом и двумя стульями, с окном, за решеткой которого на воле (!) падал такой красивый, крупный и, наверное, прохладный февральский снег...

Дома я билась в истерике. Успокаивая меня, папа сказал: "...но ты же любишь меня?". Эти слова высушили мои слезы, и я рассмеялась:«Любовь? Что такое любовь? О чем ты, папа, говоришь? Какая любовь? Где она? Какое она имеет значение - любовь? Что она может - любовь?!»

Мне было 14 лет.

Сегодня, много лет спустя я пытаюсь представить себе, что переживали мои родители, что думали и чувствовали они, обезоруженные, обессиленные. Ведь были совсем молодыми - не дожили и до сорока, а уже побывали во врагах народа, состояли в предателях родины, смотрели на моральное избиение любимой дочери и не могли ее защитить, не могли спасти ее душу от надругательства.

Не помню, что было после моего посещения комендатуры. Студент-практикант Петр Андреевич, немец по национальности, дал в школе еще несколько уроков по физике и исчез, ни словом, ни жестом не выдав моей тайны. Я хранила от сверстниц обе - его и мою. Кажется, подписав обвинение я должна была являться в комендатуру еженедельно, но мама расписывалась за меня, - ей доверили расписываться за несовершеннолет-нюю дочь.

Однако помню, что мама, сломив возражения - и страх? - папы, написала письмо Сталину. В нем она сообщала, что является русской, а ее почему-то вместе с карачаевцами, балкарцами, ингушами и чеченцами поставили на спецучет. Она считает это неправильным, просит дорогого Иосифа Виссарио-новича вмешаться и снять ее с учета.

Ответ пришел осенью. Маму вызвали в городской отдел НКВД. За сутки до указанного времени явки она произвела в наших двух комнатках генеральную уборку, провернула большую стирку, успела все высушить и перегладить, наварила борща впрок, нажарила огромное количество котлет, попутно рассказывая мне, как жить и что делать без нее, собрала в узелок смену личного белья и ушла. Вернулся с работы папа, молча сел за пись-менный стол, закрыл лицо руками и замер. Притихли и мы с братом. Мама пришла через два часа. Молча, с какой-то свирепостью швырнула на кровать узелок со сменой белья, села за стол, аппетитно пообедала и - расхохоталась.

Ее встретили уважительно. Приветливая женщина, рассказала мама, сообщила, что ей поручили передать гражданке Алиевой ответ от товарища Сталина. Маме объяснили, что она - жена карачаевца и имеет от него двух детей. Ее поставили на учет по общему постановлению относительно этой нации. Ее тут же снимут со спецучета, если она расторгнет брак с карачаев-цем и заберет от него детей. Никакие другие соображения и варианты не подходят. Муж виновен - потому что он карачаевец, ведь это так понятно.

Вслед за мамой туда же и, видимо, к той же женщине вызвали меня.

Не помню ее облика - что-то мягкое, приветливое, располагающее к доверию, дружественное. Она предупредила меня, что через два года мне надо брать паспорт. Если я возьму национальность своего отца, - быть мне до конца дней своих на спецучете, а если матери, - буду свободна, смогу поехать учиться в Москву и куда захочу. Завороженная и замороченная, я написала под ее диктовку заявление - на чье имя и какой текст, - не помню,

но там говорилось, что я, понимая страшную вину карачаевцев перед родиной и Сталиным, отрекаюсь от этого народа-предателя, отрекаюсь от своего отца-карачаевца и прошу выписать мне паспорт с национальностью "русская"...

Долго ли хранятся архивы? Существует ли еще эта бумажка, которой не устоявшимся детским почерком записано мое отречение от любимого отца и его народа, - мой вечный позор, мой непреходящий стыд? Брату моему повезло - он родился на два года позже меня, а паспорт взял через четыре...

Мне было 15 лет. Как мне хотелось быть вместе с одноклассницами в их первых девичьих заботах, волнениях и радостях, но к моему логоневрозу прибавились слезы ручьем по малейшему волнению, у меня заметно дрожали руки, и поделать с этим я ничего не могла. Уроки я отвечала письменно, но ни устно, ни письменно не могла излагать Конституцию СССР - с трудом, чтобы не портить аттестат зрелости, пересдала ее в 10-м классе. Уходя в чтение, как в другой, светлый и подлинный мир, набираясь силы и веры в мимолетных дуновениях запаха фиалки, я была сторонней наблюдательницей их жизни, я никак не могла переступить невидимую границу, разделяющую меня с моими сверстницами. Читала Льва Толстого - особенно занималась самосовершенствованием, беспощадно судила себя, съедала самоанализом. Научилась скрывать свои мысли, чувства, обуздывать желания. Я сознавала себя слабым и малодушным, недостойным уважения ничтожеством. Я не хотела, но стала предательницей, - я предала отца, себя, народ, который не знала, Кавказ. Я не могла никому помочь, никого спасти. Вдруг узнавалось, что смешливая, добрейшая студентка, карачаевка Соня, самовольно уехала на Кавказ, была там поймана и без суда и следствия посажена на 25 лет.

Папа вдруг пришел расстроенный, - единственная его племянница, рыжая зеленоглазая Лейла выходит замуж, а даже познакомиться с ее женихом он не может: не имеет права выезда. Здесь горечь была давняя - мать Лейлы в 20-е годы выдали замуж за случайного человека, спасая от репрессий, она умерла через десять лет, оставив трех сирот. Дела семейные так тесно переплетались у нас с делами строительства сталинского социализма, что трудно было расплести, разделить, - колесо истории рвало шкуру, в клочья разносило души.

В наш открытый для всех гостеприимный дом приходило много разного народу. Кроме друзей, - папины студенты и мамины заказчицы, трех хрупких, одетых в темное студенток-заочниц папа, помнится, особенно приветил и, подозвав меня - 12-13-летнюю, сказал:

- Запомни, дочка, это внучки русского писателя Бестужева-Марлинского. Считается, что он погиб. На самом деле он перешел к карачаевцам, женился и основал карачаевскую фамилию Бестужевых...

Только и запомнилось. Где они, эти внучки? Кто и когда найдет время проследить путь Александра Бестужева в Карачай и его жизнь вместе с этим вольнолюбивым народом?

Приходили спецпереселенцы: немцы, датчане, шведки... Помню двух красивых белокурых девушек-близнецов. Отец их был швед, мать – русская. Получая паспорта, девушки разделились: одна записалась русской, другая - шведкой. Русская сестра была свободна, шведка стояла на спецучете. Они смеялись. Менялись паспортами, - благо были на одно лицо.

Национальный вопрос стоял остро, резал насмерть, вызывал у меня недоумение абсурдностью суждений и государственных решений. Папа в сердцах возражал на мамины требования учить детей карачаевскому языку: "Зачем им язык несуществующего народа? Лишняя травма!", - а по ночам писал научную грамматику карачаево-балкарского языка. Он вел в пединституте курсы общего языкознания и современного русского языка. В те времена у студентов-заочников литфака на экзаменах и зачетах проводились диктанты, за них выставлялись оценки. Помню, явился к нам домой разъя-ренный студент-заочник, кричал при нас, детях, на отца: как он, нацмен, да к тому же спецпереселенец посмел поставить ему, русскому, за диктант неуд? Не ему, нацмену, учить его, русского, русскому языку, и он на него напишет, куда следует. И написал... Отец давал мне уроки выдержки и мужества. Никогда ни на кого не повысил голоса, не ответил на оскорбление оскорблением...

Весна во Фрунзе начиналась точно первого марта. Остались в феврале холода и пасмурность, веял теплый ветерок, поднималось и синело небо, ласково улыбалось солнце. Дни стояли светлые, веселые, - ничто в них не подтверждало трагедию, о которой вещало радио: внезапно смертельно заболел Сталин. ЗАБОЛЕЛ СТАЛИН? Это казалось невероятным! Он был вечно, и ему была уготована вечность, незыблемость. Нам об этом говорили с утра до вечера, мы об этом беспрестанно пели, мы клялись его именем, шли в бой, побеждали... И вдруг СТАЛИН!.. ЗАБОЛЕЛ? Разве божество имеет человеческие слабости? Неужели, как все люди, может простудиться, заболеть? Немыслимо! Неужели Сталин - вкралась в голову неприличная мысль - даже имеет потребность ходить в туалет? Сталин!? Впечатление - равное тому, словно бы чихнула его исполинская каменная статуя в сквере рядом со школой.

Именно так. Я, пятнадцатилетняя восьмиклассница, успевшая повидать и пережить, была тем не менее воспитана и сформирована идеалисткой. И не только я... Все мы были разновозрастными детьми своего времени, и не верю я тому, кто сегодня уверяет, что уже тогда он – она все понимали...

В школе обычным порядком шли уроки, но учителя и мы, учащиеся, затаились в ожидании вестей о здоровье Бессмертного. 5 марта, ярким весенним солнечным днем, среди урока математики дверь в класс

распахнулась, и в проеме встала учительница истории и Конституции СССР Анна Васильевна - комиссар в сером шевиотовом костюме. Явление было понятно без слов - класс дружно зарыдал (и я вместе со всеми) и повалил в коридор, во двор.

В сквере, у памятника Сталину из нас, учениц 3-й средней женской школы, было организовано круглосуточное (!) дежурство. Длинные очереди людей с цветами и без цветов шли к памятнику, обходили вокруг него, отдавали долг Великому Отцу и Заботнику, - и я вместе со всеми! Весь постамент был завален цветами, венками, еловыми ветками. Обойдя вокруг памятника, люди собирались на площади. Кажется, все население города сбежалось на площадь перед Домом правительства, стояло в рыданиях и ожидании, - и я вместе со всеми. Дом правительства безмолвствовал, слепо отсвечивая оконными стеклами.

Что запомнилось ощущением той поры? Люди были объединены, казалось, одним чувством, одним порывом, они были вместе и - врозь. Многоликий, не определившийся страх витал над всеми. Освободившись

От дежурства у памятника Сталину, я протискивалась сквозь толпу плачущих, вздыхающих, горестно восклицающих людей. И вдруг услышала отклик на вопль какой-то женщины - "Миленький, да родной ты наш, Иосиф Виссарионович, как же мы теперь будем без тебя? Кто нам скажет, как жить, что делать?", - твердый мужской голос резко оборвал плач словом "партия!". Я оглянулась, хмурый худощавый мужчина в поношенном плаще и кепке повторил громко: "Сталина нет, - партия есть!".

Потрясена была не только я - услышавшие смолкли. Мгновение - и вокруг мужчины образовалась пустота. Никто ничего не сказал, не ответил, ничего не предпринял, но на всякий случай все отошли в сторонку.

Этот момент перевернул меня. Пробудил. Разрушил застенки сознания. Освободил его. В самом деле, так просто - умер Сталин: ОДИН умер, но партия, ПАРТИЯ осталась... Тут же память подбросила загнанные в самые глубины души не однажды слышанные неуважительные суждения о Сталине. Сердитое - моей малограмотной тетки: "Чертов рябэха, все ему кровушки мало!" И возмущенное – дочери царского генерала, интеллигентнейшей Натальи Леонидовны Магер: "Какой он военный!? Генералиссимус? Смешно! Невежда и бездарь, типичный тиран!"

Партия? А что такое - партия? Мой папа - член партии, но он же - предатель. Вспыхивающие вопросы пугали, - я не осмеливалась их задавать никому. Я боялась. И чем старше становилась, тем осознаннее боялась... Всю жизнь избавляюсь от страха и не могу вычерпать его...

По радио звучали те же речи, только в них сменилось имя - вместо "товарищ Сталин" так же пафосно произносилось "товарищ Маленков". Вместо "Иосиф Виссарионович" - "Георгий Максимилианович", а однажды диктор без запинки оговорился: "Георгий Виссарионович"...

Не знаю, что, как где было, но Фрунзе очнулся и завольнодумствовал быстро, сказалась протестантская природа согнанной сюда со всех концов страны по разным причинам многонациональной интеллигенции. У партии, оставшейся без единодержавного святого лика, обнаружились голоса и лица, послышались иные речи...

- Смотри, фиалка, - сказал папа, осторожно раздвигая палкой траву. Сердце ёкнуло, я присела. Фиолетовый глазок на тоненьком стебельке застенчиво выглянул из зеленой травы. Затаив дыхание, я сорвала его, поднесла к лицу. Повеяло тонким нежным ароматом, - но не тем, моим, таинственным запахом, который спасал меня от неверия и тоски. Все было на Кавказе таким, как рассказывали родители, - и Машук, и Горячая гора, и Орел, собравшийся взлететь, и просторный Нальчикский лесопарк с дикими грушами и яблонями. Увидела я и полюбила Тебердинскую долину, где теперь покоится мой отец, воспетый Лермонтовым Джамагат, домбайские сосны и ледники, голубые реки вокруг двуглавого Эльбруса...

Красива и благодатна земля Кавказа, и живут на ней красивые и гордые люди, но разве не красива ставшая мне родной - и не только мне - земля Киргизии? Ее снежные горы и быстрые реки, ее цветы и неповторимый Иссык-Куль? Что мне роднее, - не знаю.

Растут на Кавказе фиалки, но пахнут они по-другому... Где же она, отнятая у меня во младенчестве родина, пристанище моей души?

Москва, 1988

Билал ЛАЙПАНОВ

ПЯТЬ БРАТЬЕВ

Грозная весть его позвала в дорогу, -

Ушел на фронт - с друзьями старался в ногу.

Согбенным старцем, вопросительным знаком

Осталась валяться его коса среди луга,

Осталась его долина с неубранным злаком,

Осталась с его ребенком родная подруга.

"Как будет жить в лихолетье моя сторонка?"

О детях, о стариках он думал на марше...
А через месяц к ним пришла похоронка:
В самом первом бою погиб самый старший.

Второй заслужил Звезду Героя Союза, -
Был бесстрашен, как лев, - несгибаемая порода...
Но сердце не выдержало обрушившегося груза:
Умер второго ноября сорок третьего года .

Третий, казалось, взобрался на мирный берег,
Не оглянулся, в счастье свое поверил,
Но счастье его споткнулось, прошло стороною, -
В День Победы был унесен войною...

Четвертый брат на протезах с войны вернулся.
С высылкой не смирился и не согнулся.
За что обрел победитель судьбу такую?
Умер вдали от дома, по долине своей тоскуя.

Пятый войну закончил живым-невредимым.
В изгнании затосковал по горам родимым...
Самый младший из братьев - горяч и зелен –
Вслух осудил он ссылку, - и был расстрелян.

Старик сыновей оплакивал вместе с женою –
Сыновей, убитых войной и судьбой иною.
Остался единственный внук - от старшего сына,
Его приняла назад родная долина.

Внуку в наследство от них осталось немало:

От стариков - коран и черкеска;

наборный пояс отца;

От дядей - уздечка, ножны от дорогого кинжала,

Камешек из Кубани, рисунок Эльбруса -

рисунок младшего, гордеца,

И все их горькие годы -

надежды, мечты, невзгоды, -

И годы, что братья не прожили, -

за пределами несвободы.

Перевод с карачаевского Марка ВАТАГИНА

Исмаил АЛИЕВ

ШЛЕЙФ БЕД И СТРАДАНИЙ

Заметки о "карачаевском вопросе"

Каждый раз, когда говорится о сталинской "мудрой национальной политике", когда перечисляются народы, подвергшиеся беспрецендентному переселению с родных мест, сжимается сердце: это и о твоем народе говорят. О твоем отце, о твоей матери, о твоей непреходящей боли. За этими народа-ми по необыкновенно ёмкому и точному определению Чингиза Айтматова и доныне тянется горестный "шлейф бед и страданий".

Что же это за шлейф? Где его истоки? Из чего соткан и чем питается в наши дни? Что сегодня волнует меня, человека вполне благополуч-ной судьбы, родившегося после войны, выросшего в спокойное "застойное" время, не видевшего и сотой доли тех тягот, испытаний и унижений, которые выпали на долю отцов и дедов? Этот шлейф, который тянется от начала века и уже успел приклеится не только к нам, но и к внукам наших победоносных и униженных отцов, ветеранов войны и труда, инвалидов, старейших коммунистов. Об этом шлейфе - речь.

Я - сын карачаевского народа, того самого, который Лев Толстой в свое время выделил как народ, "отличающийся своей верностью, красотой и храбростью". А парижский журнал "Мусульманин" в 1910 году опубликовал очерк молодого карачаевца Ислама Хубиева, ставшего позднее писателем с псевдонимом Ислам Карачайлы, который писал: "Если у наших горцев отсутствуют знания чисто научные, зато у них в высшей мере развит культ воспитания, между тем, как к этому важнейшему вопросу только-только приближается наикультурнейшая Европа...".

Испокон веков карачаевцы живут в красивейших горах Северо-Западно-го Главного Кавказского хребта. Их отчие земли - Теберда, Домбай, Архыз, Махар, Западное Приэльбрусье всемирно известны. И думается иногда: не эта ли красота гор и их природные богатства стали причиной тех неисчисли-мых бедствий, которые выпали на долю народа?

В самом деле, еше в 1915 году в Российском журнале "Природа" обсуждался вопрос о необходимости (?) "очистить" эти прекрасные места от "диких туземцев" и соорудить здесь дачи и санатории для российской "белой косточки". Еще раньше, как известно, российские цари сулили своим грузинским собратьям весь Северный Кавказ до Ростова-на-Дону. Не здесь ли коренится болевой и сегодня для карачаевцев, балкарцев, чеченцев, ингушей вопрос "За что?!"?

Совершим небольшой исторический экскурс, ведь в сущности широкому читателю ничего или почти ничего неизвестно о моем народе.

Свой в высшей степени интересный, написанный с огромной симпатией, этнографический портрет карачаевского народа выдающийся русский ученый-ориенталист 19 века, академик Г.Ю.Клапрот заключает словами: "Вообще можно с полным правом сказать, что карачаевцы - самый культурный народ Кавказа, и что по мягкости нравов они превосходят своих соседей». «В целом можно сказать с полным основанием, что они (карачаевцы) относятся к числу наиболее цивилизованных народов Кавказа и что, благодаря своему мягкому нраву, они оказывают цивили-зующее действие на своих соседей...", - вторит академику генерал русской армии И.Ф.Бларамберг. "Однажды присягнув русскому царю, карачаевцы были вполне верны данной присяге... В награду за верность карачаевцам высочайше была дарована земля в пределах теперешнего Карачая...", - пишет русский исследователь В.М.Сысоев. "Под влиянием таких героев, как Карча и Камгут, карачаевцы прослыли честнейшими из всех горских племен. Основной закон их нравственного кодекса - уважение к старшим". Это - из статьи русского этнографа Г.Рукавишникова, опубликованной в 1901 году. Такова всеобщая позитивная тональность суждений о народе всех зарубеж-ных и русских исследователей Кавказа, знакомых с дореволюционным Карачаем.

Военный администратор Карачая (1860 - 1880) генерал Николай Григорьевич Петрусевич, член Русского Географического общества, в

совершенстве изучил язык, знал обычаи и традиции народа. К Петрусевичу горцы шли как к высшему авторитету - не по положению, по признанию.

Это он построил первую в наших краях больницу (она и ныне работает), светскую школу, виртуозно провел среди народа реформу по отмене крепостного права, "выбил" новые земли и дал возможность безземельным крестьянам основать новые аулы. Когда в 1880 году он был убит в Туркестане за тысячи километров от Карачая, карачаевцы по собственной инициативе и на собственные деньги совместно с казаками организовали экспедицию в Туркестан, привезли прах Петрусевича и похоронили его на своей земле. Имя Н.Г.Петрусевича (Зукгу-Прустоп) и поныне популярно в народе. Завидная участь русского дворянина, интеллигента, ученого.

Так вот Н.Петрусевич не раз говаривал о том, что красота и богатство гор Карачая были и долго будут источником бед народных...

Что же после революции, которую Карачай принял как свою? Если и были колебания, то спровоцированные либо неумными действиями советских руководителей, либо прямым давлением и террором контр-революции.

Известный советский поэт Николай Асеев писал : "Карачаевцы полны внутреннего благородства, сосредоточенной сдержанности. Это прекрасные сильные люди, пасущие свои стада на склонах альпийских лугов, умеющие видеть и наблюдать, сравнивать и оценивать". Невозможно без глубокого волнения читать письмо известного советского врача-окулиста, профессора С.В.Очаповского, почетного гражданина Карачая (и такое было) жителям аула Учкулан, опубликованное в газете "Горская жизнь" в 1926 году. Вот последние строки этого письма: "Перед отъездом из Карачая, перед разлукой, может быть, на долгое время, мне так хотелось внутренне поклониться ему. У подножья Эльбруса я ощутил все величие чуткой души Карачаевского народа..." (В письме слово "Карачаевского" - с большой буквы ...).

Карачаевцы как народ стали известны европейскому читателю сравнительно поздно - начиная с 16 века, благодаря запискам и публикациям русских и зарубежных ученых, путешественников, писателей, государственных деятелей. И вот что поразительно: за почти полтысячелетие до наших дней негативных высказываний об этом народе - ничтожное количество и почти все они принадлежат... партийным и советским функционерам позднейшего времени. Причем, в зависимости от конъюнктуры, их высказывания занимают весь диапазон характеристик от "истинных патриотов своей страны" до "врагов", "изменников", "тунеядцев", "дебоширов" , «бандитов» и т.д.

На бочку меда, как известно, достаточно ложки дегтя. И дегтем этим мое поколение по горло сыто…

Итак, ко времени Октябрьской революции Карачай имел более чем похвальную репутацию. Во всех, без исключения, источниках подчеркива-

ется удивительное трудолюбие карачаевцев. Они дали миру кефир, айран, карачаевскую царственную овцу (и ныне в Париже существует ресторан "Карачаевская овца", а в парадное меню английского королевского двора вписано «седло карачаевского барашка»), карачаевскую породу лошадей - незаменимых в горах, карачаевские бурки, войлочные башлыки и шляпы, числившиеся среди лучших на Кавказе...

Первые политические беды Карачая начались в конце августа 1920 года с так называемой экспедиции Черемухина, исчерпывающие сведения о которой приводит Умар Алиев в своей книге "Карачай" (1927 год). Черемухин, особо уполномоченный реввоенсовета 9-ой армии решил "проучить" контрреволюционные казачьи станицы и прежде всего - Кардоникскую и осетинское село Георгие-Осетинское (ныне Коста-Хетагурово). В приказе-воззвании, подписанном Черемухиным, говорилось о необходимости выселения жителей станицы и села в степи Ставрополья.

Для реализации этой задачи, а также активизации борьбы с бандами белогвардейского полковника Хвостикова, орудовавшими и на территории Карачая, Черемухин направился с небольшим отрядом и обозом оружия в Карачай, где намеревался создать отряды. Карачаевцы не возражали против создания отрядов, однако к идее поголовного выселения казаков и осетин отнеслись без всякого энтузиазма. Эта медлительность взбесила особо-уполномоченного. Человек, не знакомый с горскими обычаями и традици-ями, он в своем выступлении публично оскорбил стариков, публично расстрелял двух ни в чем не повинных осетин, гостивших в карачаевских семьях. Это вызвало недовольство населения. Ошибки Черемухина были тотчас и весьма умело использованы белогвардейцами. Их лазутчики информировали Черемухина о приближении якобы крупных белогвардейских сил. Не утруждая себя проверкой сведений, Черемухин спешно поки-нул ущелья Большого Карачая. Тотчас провокаторы пустили слух, что Черемухин по пути расстрелял карачаевских парней, ушедших с ним. Воспользовавшись всеобщим волнением, белогвардейцы подняли мятеж и, бросившись вслед за отрядом Черемухина, состоявшим из 30 всадников и стольких же пехотинцев, разгромили его. Черемухин и группа бойцов, уцелевших после боя, бежали в сторону станицы Баталпашинской, ныне Черкесск. Этот горе-военачальник был, вероятно, первым, кто от лица советской власти "заклеймил" карачаевский народ как "народ-изменник". Так впервые политическая и профессиональная несостоятельность одного человека принесла страдание целому народу, набросила тень на его доброе имя. Но с каким грустным постоянством это повторялось в дальнейшем и повторяется доныне! Кстати, позднее незадачливый "полководец", который успел-таки "в отместку" сжечь аул Джегута, был по решению военного трибунала расстрелян как паникер и дезертир.

"Черемухинский инцидент" был вскоре улажен. Более того, вопрос об экономическом и политическом положении в Карачае по инициативе

В.И.Ленина был обсужден в Политбюро, где было принято решение об оказании Карачаю всесторонней помощи.

Карачай тоже не остался в стороне от забот страны. Так, только в голод-ном 1921 году трудящиеся Карачая организовали "Обоз жизни", отправив в Поволжье 1500 пудов хлеба, 2000 пудов кукурузы, более 400 голов крупного рогатого скота и 13000 овец. Сегодня мало кому известно, что в лютую зиму этого года знаменитый парк в Кисловодске - центре Карачаевского национального округа, был спасен от полной вырубки на дрова именно карачаевцами по инициативе их лидера Умара Алиева.

Вскоре, опять же по инициативе и при поддержке Ленина, была установ-лена Карачаевская автономия с центром в Кисловодске. Народ с энтузиазмом - неподдельным и небывалым - стал строить новую жизнь. Разорительный плуг коллективизации жестоко прошелся по карачаевским аулам. Молва о тогдашнем произволе и бесчинствах поныне живет в народе. Прав Ю.Черни-ченко, но не до конца: выселенные в 1943 году карачаевцы ехали не только по следам раскулаченных русских крестьян - они ехали также по следам своих ранее высланных соплеменников-"лишенцев". Нам трудно судить в какой мере коллективизация подорвала экономику Карачая и ее главную отрасль - животноводство. Как бы там ни было, благодаря именно трудовому героизму людей (карачаевцы извечно пасли и пасут свои стада, косят сено там, где совершают свои спортивные подвиги туристы и альпинисты) в предвоенные годы в маленькой автономной области поголовье скота пре-вышало поголовье нынешней КЧАО в "застойные" годы.

Именно на предвоенные годы приходятся вершины расцвета кара-чаевской национальной культуры, литературы, искусства, непревзойденные поныне. В 1937-38 годы беспощадно был вырублен цвет народа - его интеллигенция.

Когда грянула война, 80-тысячный народ послал на неё 15 тысяч своих сыновей, еще 2 тысячи работали в трудармиях. По свидетельству инструктора орготдела ЦК КПСС т.Михайлова, "с ненавистным врагом воевал каждый пятый карачаевец...". 9 тысяч парней не вернулись с войны, до конца выполнив свой воинский долг. Невосполнимая для маленького народа потеря. О работе в тылу можно судить хотя бы по тому, что только трудящиеся Малокарачаевского района собрали на строительство двух авиаэскадрилий - "Красный Карачай" и "Колхозник Карачая" 2,5 млн. рублей, что было отмечено Сталиным в специальном приветствии. Миллионы рублей были внесены безвозмездно в фонд обороны, сотни тысяч теплых вещей и других подарков бойцам отправлено на фронт. Выступая на 8-ой краевой партконференции, первый секретарь Ставропольского крайкома М.Суслов до небес возносил патриотизм карачаевцев.

Но фашисты пришли на Кавказ. В задачу Суслова тогда первого секретаря Ставропольского крайкома ВКП(б) входили как эвакуация населения и материальных ресурсов, так и организация партизанского

движения. По публикациям, документам из местных архивов нетрудно увидеть, что секретарь крайкома ни с одной из этих задач не справился.

Угроза оккупации Ставрополья была очевидной уже в июле 1942 года: перед фашистами практически не было боеспособных армейских частей! 27 июля было принято постановление бюро крайкома об эвакуации материальных средств и скота. 1 августа - очередное постановление об эвакуации из "некоторых районов края населения, продовольствия, оборудования, сырья, материалов". Ни Карачаевская, ни Черкесская автономные области в число "некоторых районов" не входили. 3 августа гитлеровцы заняли Ставрополь. Авиация врага парализовала дороги. Крайком крепко опоздал с эвакуацией народного хозяйства, эвакуация населения фактически не была организована, зато был эвакуирован в Хасавюрт аппарат крайкома, сам же Суслов предпочел перебраться подальше, в г.Кизляр.

Теперь о наиболее для "карачаевского вопроса" важном - о партизанском движении. План организации партизанского движения в крае был разработан и утвержден крайкомом 22 июля 1942 года. Однако, если допустить, что в условиях всеобщей суматохи в течение двух недель можно было подготовить кадровую организацию отрядов, то подготовить материально-продовольственные базы, продумать систему снабжения партизан было нереально. Наиболее целесообразным представлялось действие партизан в лесах и ущельях Карачая, ибо в степи не особенно развернешься. Уже в первые дни вторжения фашистов практически все партизанские базы, устроенные в горах вблизи дорог, оказались в руках врага. Движение было раздроблено, связи между отдельными частями и руководством - краевым штабом, расположенном в ... Кизляре, отстоящем на 500 км от наших мест, тем более за линией фронта не было, а самое главное - не было боеприпасов, продуктов питания - главным образом хлеба. Трагедия партизан состояла еще в том, что они действовали не в глубоком тылу врага, а практически на передовой, каковой была линия Главного Кавказского Хребта: шли упорные бои за перевалы. Кстати, краевой штаб партизанского движения во главе с Сусловым, роль которого до сих пор у нас превозносят, был создан 30 ноября 1942 года, накануне решительного наступления Красной Армии по всему Северному Кавказу. Как видим, будущий "серый кардинал" был виртуозом конъюнктуры: он вовремя умел "задвигаться" и "выдвигаться". Зажатые в мешки ущелий, изолированные друг от друга и от руководства, не имеющие боеприпасов и продовольствия, отсеченные от населенных пунктов и выдавленные неприятелем к самой передовой, ввиду наступающей, суровой в горах зимы, партизанские отряды оказались в бедственном положении. Партизанское движение держалось исключительно на личном мужестве партизан, их командиров и помощи местного населения. В сложившейся ситуации самое логичное было - пробиться к регулярным частям Красной Армии, что и было сделано.

Не имея понятия о том, как обстоят дела у Западной группы партизан (в горах Карачая), Суслов 31 декабря 1942 года издает "Приказ 12 начальника краевого штаба партизанского движения об активизации борьбы партизанских отрядов в Карачае и Черкесии". Увы, проявлять, как было приказано, "присущую советским партизанам сметку, беззаветную смелость, отвагу и мужество" было некому. В Карачае уже месяц как не было ни одного партизанского отряда. Другая, Восточная группа партизан в степных районах края частью была уничтожена фашистами, а частью - слилась с Красной Армией. Суслов, однако, продолжал "руководить" партизанским движением: раз создан аппарат, он должен работать...

Руководитель краевого штаба не любил искушать судьбу: если первый секретарь соседнего Краснодарского края с автоматом в руках освобождал свой город, то М.Суслов торжественно въехал в Ворошиловск (ныне - Ставрополь) 22 января 1943 года, спустя день после освобождения города. Надо отдать должное расторопности секретаря-начальника: ведь путь от Кизляра до Ставрополя не близкий - около 700 километров...

Партизанское движение в крае и области подвергнуто тщательному научному анализу по материалам краевого и областного архивов, книгам, газетным публикациям. Работа эта представляет самостоятельный интерес. Замечу только, что можно удивляться мажорному тону авторов книги "Партизанский заслон" А.Попутько и В.Гнеушева. Особенно в части выпячивания "руководящей", "живительной" роли Суслова. Авторов даже немножко жаль: они писали и переписывали книгу при жизни, и, надо полагать, под контролем "серого кардинала".

На одном из первых же заседаний крайкома в освобожденной столице края Суслов стал декларировать мнимые успехи партизанского движения. На свое несчастье на этом заседании оказался бывший секретарь райкома, бывший руководитель разведгруппы Южного штаба Мудалиф Батчаев, в период оккупации находившийся непосредственно на Западном Кавказе в зоне драматически сложившегося партизанского движения. Он возразил Суслову в том духе, что успехи - мнимые, движение не было организовано, обеспечено материально и потому, по существу, провалено. Это возражение стоило М.Батчаеву ареста и десяти лет тюрьмы - у Суслова была твердая рука, к тому же он с самого начала играл в лотерею беспроигрышную: состоялось движение - честь и хвала начальнику штаба, не состоялось - виновато местное население, оно не поддержало.

Судьба послала Суслову еще один "подарок". При попытке установить связь с соседним партизанским отрядом в Теберде в руки немцев попал начальник штаба Западной группы партизан, зам. начальника УНКВД края подполковник Унух Кочкаров - тоже карачаевец. После пыток (и ныне живы свидетели публичных истязаний привязанного колючей проволокой к столбу Кочкарова в ст. Зеленчукской), ничего от него не добившись, немцы решили переправить его в Кисловодск. Однако по пути на горной лесной дороге У.Кочкарову удалось бежать. Он снова установил контакт с рассеянными по лесам партизанами (не могу не привести деталь: когда

после многодневных скитаний по лесам он, наконец, смог тайно зайти к знакомым и попытался переобуться – кожа отслаивалась на разбитых ногах. Унух, однако, боясь навлечь на друзей беду, меньше чем через час покинул приютивший его дом). После освобождения Карачая Кочкаров с группой сподвижников приступил к восстановлению органов советской власти на местах. Вскоре, однако, он был арестован сотрудниками НКВД, ему предъявили обвинение в измене и без долгих церемоний расстреляли.

Драматическая эта история с видимой целевой установкой утвердить именно версию измены Кочкарова и взвалить на него ответственность за провал партизанского движения в регионе изложена все в той же книге Попутько и Гнеушева. Авторы не утруждают себя даже элементарным логическим анализом ситуации, у них задача другая - очернить, свалив на него очевидную вину Суслова. Их моральные издержки вполне понятны: для обоснования измены подполковника НКВД, который отличался, как вынуждены признать авторы, незаурядными личными качествами, отлично знал горы, организовывал успешные партизанские действия и - вдруг, незадолго до нашей победы на Кавказе решил перейти на сторону фашистов, - им пришлось перетасовать и переврать немало фактов. Один из них - А.Попутько стал ныне признанным популяризатором бериевских фальсификаций и фабрикаций "нужных" документов. А дело Кочкарова, между тем, до сих пор закрыто, захоронено в архивах КГБ. С чего бы это?

Следующим "подарком", угодным и Суслову и Берии, был, несомненно, так называемый "карачаевский политический бандитизм", термин, отлитый в столь чеканную форму уже в 70-80 годы. Он-то и явился тем главным спасательным кругом, который удержал на плаву начавшего тонуть горе-руководителя краевого партизанского движения. Сталин шутить не любил, а в шутках проявлял известное однообразие...

Весной 1943 года, спустя 4 месяца после освобождения Ставрополья, из Москвы прибыла "генеральская комиссия" во главе с заместителем Берия Серовым, целью которой было, в частности, изучение причин неэффектив-ности партиизанского движения в крае. Причина была изо-бретена: много-численные банды в Карачае.

Почему именно в Карачае, а не в Черкесии, например?

Потому что именно в горах Карачая дислоцировались партизанские отряды и всего края, и Черкесии, и самого Карачая. Надо сказать, мы имеем здесь любопытную ситуацию: сошлись, соединились интересы Суслова (спасти живот), Берии и Сталина. У последних, как теперь стало известно, были более "благородные" намерения - расширить Грузию за счет Северного Кавказа. Когда "расширение" произошло и был издан Указ Президиума Верховного Совета Грузинской ССР от 4 ноября 1944 года об аннексии Карачая, газета "Гантиади" - орган Тебердинского райкома КП(б) Грузии писала: "К Грузинской Советской Социалистической

Республике присоединен вновь образованный Тебердинский район с центром

в г. Микояни... За освобождение от фашисткой тирании и господства мы обязаны великому Сталину и его лучшему боевому соратнику т. Л.П.Берия..." Что же, благодарить было за что...

Мы понимаем, когда на элементарное уважение к живым бойцам и на память погибших плевали бериевские приспешники. Но когда за ними и вместе с ними их память оскверняют, выставляя солдат и командиров Красной Армии в дурацком, несостоятельном виде, нынешние перепевалы бериевских фальшивок Попутько, Христинин, Гнеушев, Авксентьев и прочие, но ни один из них не назовет хоть одну фамилию убитых «бандитами-карачаевцами» солдата или офицера, или укажет место их захоронения. Сотни ведь человек погребены, по потверждениям этих авторов, в одной яме! Мы, кажется, насмотрелись на приписки всех сортов. Но можно ли вообразить более циничную приписку, чем приписка якобы убитых собственных солдат?

Истину не скроешь. Она отражена в архивах МО СССР, в публикациях Х.М.Ибрагимбейли, О.Л. Опрышко, свидетельствах очевидцев: через Учкулан за весь период отступления Красной Армии прошло около 200 воинов. Ни один из них не пострадал, более того, местное население - карачаевцы! - позаботилось об их пище, экипировке, выделило вьючных животных и проводников. Отряд благополучно дошел до Махарского перевала, который защищал совместно с подошедшими из Грузии частями. Повторяю: до сих пор живы те, кто все это видел собственными глазами и так или иначе помогал бойцам.

По другим бериевским обвинениям можно "узнать", что на территории Карачая орудовало до 65 (!) политических банд, общей численностью до 4000 человек, имевших много вооружения. Это вполне дает повод заговорить о народе-изменнике. Вранье? Фальшивка? Без сомнения! Но кто станет, кто посмеет перепроверять информацию бериевского ведомства? Ведь казалось, все бренно и ничтожно в мире, и только Берия и его ведомство всесильны и вечны. И со всей очевидностью несокрушимы. Ведь и сегодня их "перепевалы" выдают за доказательства бериевские "компроматы"...

И вот ведь что поражает: на почвенной карте Северного Кавказа, подготовленной АН СССР в Ленинграде до войны и изданной в Казани в конце 1941 года - город Микоян-Шахар - столица Карачаевской автономной области уже назван Клухори. А ведь официально он стал называться с 1945 по 1957 год. Еще удивительнее: в изданной АН СССР в 1988 году "Истории народов Северного Кавказа..." на всех картах стоит - Клухори... Что это? Издевка или головотяпство со взломом?

Еще одно, не сработавшее тогда, в 1943-м, но самое, пожалуй, гнусное обвинение карачаевцев в убийстве группы эвакуированных детей в районе аула Нижняя Теберда. Дети, по свидетельству чекиста М.Тарасенко, работавшего тогда старшим оперполномоченным НКВД Карачаевской области, были уничтожены фашистами, о чем он же опубликовал в 1967 году очерк в областной газете КЧАО "Ленинское знамя" ("ЛЗ"). Но в 1943 году возникла необходимость приписать это злодейство местным жителям. Задумано - сделано. 12 жителей аула были арестованы, вывезены за 200 км в Ставрополь и с пристрастием допрошены. Методы, использовавшиеся тогда в НКВД для "выбивания" показаний, сегодня общеизвестны. Но тогда только двое, не выдержав пыток, "признались" в убийстве детей. Версия, однако, не прошла.Даже сталинский суд не решился осудить арестованных по предъявленному обвинению. Не прошла тогда, но выплыла спустя тридцать лет. Выплыла и... заработала. В Нижней Теберде был установлен памятник, обвиняющий местных жителей в убийстве детей. Люди, спасшие от фашистов сотни коммунистов, красноармейцев, евреев, обеспечившие выживание эвакуированных из Ленинграда и других оккупированных фашистами городов страны детей (только в Теберде, по свидетельству ленинградского писателя Ю.Логинова, более тысячи детей выжили в период оккупации исключительно благодаря помощи местных жителей: Ю.Логинов был в числе этих детей), были обвинены в предательстве и детоубийстве. А нижнетебердинцы и поныне не могут смыть с себя это лжеобвинение.

Между тем массовая самоотверженность карачаевцев в деле спасения попавших в беду людей поразительна, и только сегодня раз за разом мы открываем все новые ее страницы. Пряча от фашистов евреев и коммунистов, детей и взрослых, изобретая для них "легенды" (сестра, брат, племянник и т.д.), давая им карачаевские имена, усыновляя и удочеряя их, люди использовали самые невероятные приемы. Так, ныне здравствующий в г. Усть-Джегуте Мусса Узденов, объявив еврейского юношу своим родственником, для вящей убедительности, научил его читать Коран и совершать религиозные обряды.

Весной 1943-го в аул Архыз к старику Боташеву, спасшему еврейскую семью, приехал военный летчик - отец семьи. Он сказал: "Мне нечем сейчас отблагодарить Вас за спасение моей семьи. Прошу Вас считать меня своим сыном. Если останусь жив, обязательно приеду к Вам..." Приезжал ли тот летчик в Архыз? Может быть... Но его взору мог предстать полуразрушенный аул с одичавшими воющими собаками.

Сегодня о судьбе 13 детей из так называемого ленинградского эшелона, которых приютили и воспитали в черкесском селе Бесленей, широкоизвестно. Об этом дважды писали в "Правде" (9 марта и 24 мая 1983 г.) В.Панкратов и В.Чертков. Но мало кому известно, что 64 детей из этого эшелона, директора ленинградского детдома А.Н.Одинцову, 4-х воспитателей и чекиста, сопровождавшего их, приютили все те же архызцы. 46 детей, двух воспитателей и чекиста перевел через перевалы в

Абхазию чабан Хусей Лайпанов. Когда же он вернулся за остальными детьми, то попал в руки фашистов и вместе с Одинцовой, 18 детьми и двумя воспитателями был расстрелян. Об этой трагической истории повествует книга "Свет погасших звезд", изданная в 1977 году в Ставрополе. Однако оба упомянутых выше журналиста, прославляя бесленеевцев, пишут в "Правде" о другом, не имеющем никаких подтверждений лживом факте убийства детей карачаевцами в Нижней Теберде. Так проводится безнравственное, начатое в 70-е годы, противопоставление народов уже на уровне "Правды".

Если уж мы заговорили о противопоставлении, то отметим: из местных же публикаций следует, что в период оккупации из казаков станиц области был сформирован карательный батальон, который, кстати, и довершил уничтожение партизан в регионе. Именно эти молодцы схватили Унуха Кочкарова и передали его фашистам. Отметим также - предатели и бандиты из числа черкесов вместе с фашистами расстреляли в Черкесске в сентябре 1943 года около 3 тысяч коммунистов и лиц еврейской национальности.

Это в 4-5 раз больше жертв так называемого "карачаевского бандитизма".

Но вот беда: в области "актуален" именно "карачаевский бандитизм". Именно и только нас не устают оскорблять клеветническими измышлениями о преступлениях, которых карачаевцы не совершали. И сегодня в Нижней Теберде стоит памятник погибшим детям с надписью, обвиняющей в их смерти нижнетебердинцев. И сегодня здесь останавливаются туристские автобусы и десяткам тысяч людей со всех концов страны рассказывают о местных жителях - "людоедах" и "детоубийцах".

Вот что писал об этом в письме секретарю обкома в 1988 г. ленинградский писатель Юрий Логинов: "Мне больно было вспоминать о перенесенных здесь детских страданиях, сейчас мне больно глядеть в глаза прекрасным и мужественным людям, живущим в атмосфере кем-то нагнетаемых и распаляемых обывательским воображением легенд, порочащих их национальное достоинство. Считаю незаконное установление этого памятника преступно спланированной идеологической диверсией...".

Но вернемся, однако, к нашему повествованию. Итак, 1943 год. С января по ноябрь народ, вышедший из оккупации, озабочен одним: как и чем помочь фронту. Люди пасли скот, выращивали хлеб, добывали уголь, изготовляли теплые вещи, оплакивали, получив очередную похоронку, погибших. Шестеро сыновей Умара Ижаева из с. Учкекен, пятеро сыновей Гитче Эбзеевой из Нижней Теберды, четверо сыновей Чотчаева из Верхней Мары, четверо сыновей Блимготовой из того же аула, пятеро сыновей Батдыева из аула Тереза, пятеро сыновей Каракетовой Нани погибли на фронтах... Но родителей этих воинов ждала куда более горькая участь: они умерли от голода и холода в Средней Азии с позорным клеймом "изменник".

Итак, народ, который все лучшее, ценное, что было у него, положил на алтарь войны и будущей победы, был объявлен "народом-бандитом", в варварских условиях вывезен с родных мест и рассеян по всей Средней Азии. "Бандитами" были все: и старики, и малые дети, и женщины, и те, кто искалеченным вернулся или возвращался с войны. "Бандитами" были даже те, кто был в чреве матери, и те, кто родился, спустя годы, в изгнании.

Народ не только был репрессирован. Народ был ограблен в самом прямом, буквальном смысле этого слова - ведь люди оставили дома, имущество, скот. Около миллиона голов карачаевских овец, несколько сот тысяч голов крупного рогатого скота - главного богатства горцев - осталось в горах в распоряжении властей.

Правительство же преуспело в другом. Молниеносно, на другой день после выселения балкарцев (8.03.44) в "Правде" (за 9.03.44) был опубликован Указ о награждении "За успешное выполнение специального задания правительства" большой группы лиц (более 700 человек) орденами и медалями. Возглавлял список, разумеется, генеральный комиссар НКВД Л.Берия (орден Суворова 1 степени), затем - комиссары 2 ранга З.Кобулов, И.Серов (руководивший выселением карачаевцев), генерал-полковник С.Круглов (орден Кутузова 1 степени).

Можно ли представить большее глумление над именами великих русских полководцев, чем награждение орденами, носящими их имена, палачей и вершителей геноцида?

Нет, не порохом пахнут ордена и медали, которые, может быть, доныне носят эти "вояки". Они омыты слезами и облиты кровью сотен тысяч безвинных детей, женщин, стариков, инвалидов войны, грудь которых украшали те же, но чистые и честные пропахшие войной ордена...

Свирепость комендантского спецрежима в местах поселения была такова, что люди, разбросанные по огромному региону и приезжавшие с фронта, годами искали свои семьи, своих близких. Над народом нависла угроза полной ассимиляции и исчезновения.

Между тем, по сведениям карачаевского совета ветеранов, более пятнадцати воинов-карачаевцев были представлены к званию Героя Советского Союза, причем двое из них - дважды. Но только двое - полковник Харун Богатырев, командир танковой бригады, одним из первых форсировав-ший Днепр, и капитан Осман Касаев - легендарный в Белоруссии создатель и командир партизанского полка на Могилевщине - получили высокие звания Героев.Мать же Героя была выслана как "предательница родины" в Казахстан.

Партизанскими отрядамив Белоруссии, на Смоленщине, на Брянщине командовали Ю.Каракетов, К.Хаиркизов, А.Бархозов. Подвиг Матросова совершил североморец Х.Хачиров. Среди бесчисленных боевых наград

гвардии полковника М.Деккушева только орденов Красного Знамени - четыре. Троих карачаевских парней - участников Парада Победы, прямо

с Красной площади отправили в ссылку. Мать одного из них - полного Кавалера орденов Славы Сулеймена Узденова - умерла от истощения и болезней, не дождавшись сына. Узденов ненадолго пережил мать – скоротечная чахотка сожгла его. Та же участь постигла бабушку пишущего эти строки, двое сыновей которой сражались на фронте. Наивная бабушка – в 1943 году она положила их фотографии перед офицером НКВД: "Я никуда не поеду, я буду ждать сыновей..." НКВДэшник смягчился: он приказал солдатам помочь отобрать в дорогу одинокой женщине наиболее нужные вещи...

Мой будущий искалеченный отец, списанный "подчистую", приехал в родной аул Хурзук под Эльбрусом. Лишь в некоторых - на выбор - домах большого древнего карачаевского аула жили "колонисты" - грузины и сваны (кстати, со Сванетией на протяжении всей своей истории Карачай имел дружеские отношения). "Ненужные" дома разбирались, а бревна продавались или шли на дрова. (Испокон веков карачаевцы строили дома из толстых сосновых бревен). Ему повезло: обычно новопоселенцы многих воинов, прибывших с фронта, ничего не подозревая, на родину, приютив на ночь, убивали, и, переодев во всяческий хлам, наутро выдавали властям как бандитов, за что полагался солидный гонорар. Отцу повезло, из родного аула живой, но потрясенный он направился в неведомую, огромную Среднюю Азию. Он нашел свою мать, но, увы, слишком поздно...

Так мой отец и его поколение, ценой собственной крови и жизни отстаивавшие советскую власть, защищавшие страну от жестокого, беспощадного врага, от имени этой власти и этой страны с неменьшей жестокостью и цинизмом были объявлены врагами, изменниками и целиком попали под власть спецкомендатур и комендантов, не бывавшими на войне, но зато отличавшихся особыми полицейско-псовскими качествами. Можно ли понять, осмыслить всю меру унижения вчерашних бесстрашных воинов, грудь которых украшали созвездия орденов и медалей, судьба которых попала в полную зависимость от прихоти комендантов. Раны, кровь, заслуги, ордена - все это превратилось в насмешку, в повод для изощренных издевательств.

Страшно слушать иные были. Мать и четверых ее детей, вывозя, рассовали по отдельным вагонам, а потом развезли в разные места. Мать умерла. Детишек поместили в какой-то полупогреб-полуземлянку. Когда о них вспомнили и пришли, то обнаружили сбившихся в угол окоченелых от холода малышей, прижимавших к себе самого маленького, уже мертвого брата: "Тише, он спит..." - едва прошептал старший... Где, в какую атаку шел в это время их отец, грудью защищая палачей своих малышей?

Можно бесконечно множить число личных трагедий, слившихся в трагедию всего народа. И боль этой трагедии вошла в его генетическую память. Но вот что поразительно: в условиях, когда впору было озвереть и

озлобиться на весь белый свет, поколение наших отцов не озлобилось, в нем сформировались, выкристаллизовались поразительная доброта и жизнелюбие. Народ, обреченный на ассимиляцию и уничтожение, не только не исчез, но благодаря своему исключительному трудолюбию и доброжелательности к XX съезду КПСС сохранил свое этническое лицо, нашел признание и дру-зей среди народов Средней Азии. Именно в пору особого свирепствования спецкомендатур две карачаевские девушки Нузула Курджиева и Патия Шидакова, побив все мыслимые рекорды в свекловодстве - совсем новом

для горянок деле, несмотря на все мыслимые препоны и ущемления прав, стали Героями Социалистического Труда. Не случайно, когда был поставлен вопрос о возвращении карачаевцев на Кавказ, местные власти попросили их остаться, предлагали выделение их в советскую автономию в любом желаемом районе Казахстана. Но родина есть родина. Мы, тогдашние десятилетние мальчишки, отлично помним обратную дорогу. Радостную и тревожную. Что ждет нас там, в легендарном для нас краю предков, который мы никогда не видели? Как примет Кавказ детей своих после 14-летней ссылки?..

Началась история новых испытаний для карачаевского народа.

Выученики палачей Берия и Сталина продолжили их дело свежими клеветническими измышлениями против карачаевцев. Благодаря их усилиям "самый цивилизованный народ Кавказа" по Клапроту превратился из "народа-изменника" в народ-носитель мелкобуржуазной и националистической психологии, в спекулянта, тунеядца и дебошира. Причем, во всех высказываниях, во всей идеологической политике в области, - ни намека на дифференцирование, ни малейшей попытки отделить зерна от плевел - национальное (народ) от социального (преступные элементы). "Значительная часть" - и все дела. Намеренно и постоянно противопоставляя карачаевцев остальным народам области, наши политические функционеры - обком КПСС, главный идеолог У. Темиров и их приспешники в лице К. Кипкеева и других на всех уровнях хлопочут таким образом о дружбе народов.

В стремлении унизить, идеологически обезоружить народ, подавлялись любые попытки несогласия или протеста. Дело доходит до исключения из партии коммунистов, пытавшихся в уставном порядке, открыто опротестовать антинародные выступления.

Поверит ли горец новым веяниям: его столько раз уже клеймили и экспроприировали? Его и других. И все - именем партии, именем страны, во имя лучшего будущего. Поверит ли он хотя бы в идею правового государства?

Страх. Сегодня значительная часть мужественного народа, веками успешно боровшегося за свое место под солнцем с внешними и внутренними врагами, пребывает под гнетом страха перед отношением к

нему репрессивным государственным аппаратом. А страх, недоверие - не лучший путь к любви и симпатии. Народ унижен, издерган до крайности, Он нуждается в признании его достоинств, в уважении, и если этого не случится, трудно сказать, чем кончится затянувшаяся и крайне неприглядная возня вокруг доброго имени народа. Возня, спровоцированная и ведомая политическими проходимцами разных мастей и рангов, сделала, кажется, все возможное и даже невозможное, чтобы отравить межнациональный климат в регионе.

Черкесск 1989 год

ЗАБЫТЬ, ЗАБЫТЬ

ВЕЛЯТ БЕЗМОЛВНО,

ХОТЯТ В ЗАБВЕНЬЕ УТОПИТЬ

ЖИВУЮ БОЛЬ

А.Твардовский

КАЛМЫКИ

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании

Астраханской области в составе РСФСР

Учитывая, что в период оккупации немецко-фашистскими захватчиками территории Калмыцкой АССР многие калмыки изменили Родине, вступали в организованные немцами воинские отряды для борьбы против Красной Армии, предавали немцам честных советских граждан, захватывали и передавали немцам эвакуированный из Ростовской области и Украины колхозный скот, а после изгнания Красной Армией оккупантов организовывали банды и активно противодействуют органам Советской власти по восстановлению разрушенного немцами хозяйства, совершают бандитские налеты на колхозы и терроризируют окружающее население, - Президиум Верховного Совета СССР п о с т а н о в л я е т:

1. Всех калмыков, проживающих на территории Калмыцкой АССР, переселить в другие районы СССР, а Калмыцкую АССР ликвидировать.

Совету Народных Комиссаров СССР наделить калмыков в новых местах поселения землей и оказать им необходимую государственную помощь по хозяйственному устройству.

2. Образовать в составе РСФСР Астраханскую область с центром в гор. Астрахани.

Включить в состав Астраханской области районы бывшей Калмыцкой АССР /.../ и гор. Элиста; районы Астраханского округа /../ и гор. Астрахань.

Астраханский округ Сталинградской области ликвидировать.

3. Районы бывшей Калмыцкой АССР /.../ включить в состав Сталинградской области; /.../ включить в состав Ростовской области; Приютинский - в состав Ставропольского края.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

М.КАЛИНИН

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А.ГОРКИН

Москва,Кремль 27 декабря 1943 г.

Докладная записка Берии - Сталину, Молотову

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета и Постановлением СНК от 28 октября 1943 г. НКВД СССР осуществлена операция по переселению лиц калмыцкой национальности в восточные районы...

Всего погружено в 46 эшелонов 26 359 семей, или 93 139 переселенцев, которые отправлены к местам расселения в Алтайский и Красноярский края, Омскую и Новосибирскую обл. Во время проведения операций происшествий и эксцессов не было. Л.БЕРИЯ

2 апреля 1944 г.

"Особая папка Сталина"

Из собрания доктора исторических наук Н.Ф.БУГАЯ

* * *

Калмыки - едва ли не единственный народ, который депортировался крайне рассредоточенно: от Новосибирска до Заполярья. В Новосибирской области они жили в 11 районах и нескольких городах. В 128 районах краев и областей Сибири было расселено 28 612 калмыцких семей, что составляло 79 487 человек, из них более 60 процентов дети до 16 лет. В Новосибирской области на тяжелых работах в леспромхозах, рудниках и шахтах было занято 511 воинов, сражавшихся на фронте и отозванных для депортации в труд-армии. Многие из них были награждены боевыми орденами и медалями. Герой Советского Союза Л.И.Манджиев был отправлен в Сибирь на общих основаниях уже после сообщения о его награждении. В лагере на станции Половинка нынешней Пермской области, куда он попал вместе с другими фронтовиками-калмыками, более половины погибли от голода, холода, унижений. Жестокая судьба ожидала их семьи. Степняки не выдерживали непривычного климата и незнакомого труда на лесоразработках...

Из интервью Х.-М. ИБРАГИМВЕЙЛИ

Комсомолец Калмыкии. 1988. 24 сент.

* * *

11 марта 1944 г. Совнарком СССР издал новое постановление-распоряжение № 5475 о высылке калмыков, проживающих в Ростовской-на-Дону области в Омскую. Оно подтверждено Приказом Наркома внутренних дел СССР № 00272 от 14 марта 1944 г.

20 марта 1944 г. в Омскую область прибыла партия высланных калмыков из Астраханской области в составе 89 человек.

24 марта 1944 г. зам.наркома внутренних дел СССР В.В.Чернышов уведомил Управление НКВД Новосибирской области в том, что туда из Ростовской-на-Дону области направлено 2400 калмыков.

8 апреля 1944 г. в Новосибирскую область вместо 2400 калмыков прибыло 2536 человек (753 семьи) из Ростова-на-Дону, из них 1116 детей.

В пути умерло 12 человек.

По приказу Берии от 15 апреля 1944 г. по стране проводилась работа по розыску и отправке тех калмыков, которые проживали вне республики. Окончательное их выселение намечалось на 5-10 мая, для чего

Наркомтранс запланировал 232 вагона. Затем срок полной депортации калмыков был перенесен на июнь 1944 г.

Операция по окончательному очищению европейской части страны от калмыков была проведена с 6 часов 2 июня до 4 часов 4 июня 1944 г. – 1178 калмыков (362 семьи), среди которых было 534 ребенка до 16 лет отправлено в Свердловскую область на станцию Тавда. 242 калмыка было демобилизовано из Красной Армии, в их числе поэт Давид Кугультинов.

Им было разрешено следовать в места, где находились семьи.

Калмыков распорядились использовать на строительстве ГЭС, лесоповале, лесозаготовках.

Калмыков-поселенцев перераспределяли между областями и краями по запросам на рабочую силу. Так, в июле 1944 г. часть спецпоселенцев-калмыков (1000 семей) была переправлена из Красноярского края и Омской области в Иркутскую область и Якутскую АССР. Их предполагали использовать в рудной промышленности.

С трудоустройством калмыков были сложности. Тяжелые бытовые условия, безработица, вызывающие протест, учащались побеги из мест насильственного поселения. В ответ ужесточался режим, усиливались формы надзора.

Материальное и продовольственное положение калмыков в местах поселения было катастрофическим. Начальник управления НКВД Красноярского края Семенов (ф. 1944 г.) сообщал, что среди работающих калмыков "нормы выработки не выполняются не только в лесной, но и золотодобывающей промышленности".

Отмечались эпидемии, в основном сыпно-тифозная, и дистрофия.

Жилищные условия были нечеловеческими. В бараке Тимирязевского механизаторского пункта с жилплощадью 34 кв.м. размещалось 148 человек на нарах в три яруса, на площади 28 кв.м. проживало 131 человек.

Смертность катастрофическая.

Территория упраздненной Калмыцкой республики вошла в административное подчинение соседних областей и Ставропольского края. Вместе с территорией эти области и край получили 23 641 налаженное хозяйство, 120 622 голов скота, из числа личного скота - 173 000 голов скота.

Из статьи Н.Ф.БУГАЯ

"О депортации калмыцкого народа"

Свет в степи. 1990.

* * *

На фронтах Великой Отечественной войны находилось более 20 тысяч калмыков – солдат и офицеров, из них более 25 % были коммунистами, многие из них дошли до Берлина.

27 декабря 1943 г. издан Указ Президиума Верховного Совета СССР № 115/144; 28 декабря 1943 г. - Постановление Совета Народных Комиссаров № 142/425 (за подписью В.Молотова).

Оба извещали о ликвидации Калмыцкой АССР и о выселении калмыков в Алтайскую область и Красноярский край, в Омскую и Новосибирскую области.

ЦГАОР СССР. Коллекция документов

* * *

Депортации подверглись 91 919 калмыков, в основном старики и дети из Калмыцкой АССР. Из Ставропольского края - 382 семьи (1014 человек).

Эшелоны зачастую прибывали не в те районы, куда планировались. Отмечалась особенно высокая смертность. На начало февраля 1944 г. калмыки были расселены:

в Новосибирской области - 5435 семей (16 436 человек, детей -7252)

в Томской области - 660 семей (1848 человек)

в Красноярском крае - 7525 семей (24 998 человек, детей - 11 705)

в Алтайском крае - 7167 семей (22 212 человек, из них - 10 411 детей)

в Казахской ССР - 648 семей (2268 человек, из них 979 детей)

в Омской области - 8353 семьи (27 069 человек, из них 9810 детей)

Там же

Семен ЛИПКИН

ТЫ ВИНОВАТ

Из поэмы

- За Родину! За Сталина! -

Это навстречу бронемашинам ринулся в степь

Командир обескровленного эскадрона,

Стоявшего насмерть в вишневых садах.

Ты вспомнил его: Церен Пюрбеев,

Гордость политработников, образцовый кавалерист,

У которого самое смуглое в дивизии лицо,

У которого самые белые зубы и подворотнички,

У которого под пленкой загара

Круглятся скулы и движутся желваки.

Маленький, в твердой бурке, он ладно сидит верхом,

Хотя у него неуклюжей формы

Противотанковое ружье.

Он стреляет в бортовую часть бронемашин.

Ему стыдно за нас, за себя, за свое племя,

За то материнское молоко,

Которое он пил из потной груди,

Он хочет верить, что поднимет бойцов,

Но все бегут, бегут.

И только ты, как зачарованный, смотришь,

Ты видишь:

Голова Пюрбеева в желтой пилотке

Отскакивает от черной бурки,

Лошадь вздрагивает, а бурка

Еще продолжает сидеть в седле...

Время! Что ты есть - мгновение или вечность?

Племя! Что ты есть - целое или часть?

Грамотная его сестра в это утро
Читает отцу в улусной кибитке
Полученный от Церена треугольник.
Безнадежно больной чабан с выщипанной бородкой
Кивает в лад
Учтиво, хорошо составленным словам сына,
А голова сына катится по донской траве.
Настанет ночь под новый, сорок четвертый год.
Его сестру, и весь улус,
и все калмыцкое племя
Увезут на машинах,
А потом в теплушках в Сибирь.
Но разве может жить без него степная трава,
Но разве может жить на земле человечество,
Если оно не досчитается хотя бы одного,
Даже самого малого племени?..
Ты останешься жить, ты будешь стоять
Не так, как теперь, в безумии бегства,
А в напряженном, деловом ожидании,
Сырым, грязным, зимним утром
На сгоревшей станции под Сталинградом.
Ты увидишь непонятный состав, конвойных,
Из узкого, тюремного окна теплушки,
Остановившейся против крана с кипятком,
На тебя посмотрят косого разреза глаза,
Цвета подточенной напильником стали.
Такими глазами смотрят породистые кони,
Когда их в трехтонках, за ненадобностью,

Увозят на мясокомбинат.

Такими глазами смотрит сама печаль земли,

Бесконечная, как время,

Или как степь.

Быть может, это смотрит сестра Цсрена,

Образованная Нина Пюрбеева,

Всегда аккуратная учительница,

Такая длиннокосая и такая тоненькая,

С твердыми понятиями о любви,

О синтаксисе, о культурности.

В ее чемодане -

А им разрешили взять

По одному чемодану на человека -

Справка о геройской звезде

Посмертно награжденного брата,

Книга народного, буддийского эпоса,

Иллюстрированная знаменитым русским

Художником,

Кое-что из белья и одежды,

Пачка плиточного чая

И ни кусочка хлеба,

Чтобы обмануть голодный желудок,

Ни травинки, ни суслика.

А бывало,

Покойные родители

И суслика бросали в казан…

Поголовная смерть одного,

даже малого племени

Есть бесславный конец всего человечества!

Останови, состав, останови!

Иначе - ты виноват, ты, ты, ты виноват!..

ШЕЛ ТРЕТИЙ ГОД ВОЙНЫ...

Рассказ старой калмычки

Ботха Содыковна Шоваева - ровесница века. По жизни ее прокатилась жестокая история нашей страны. У нее было семь детей. Голод, болезни, война, высылка унесли шестерых. Муж пропал на фронте без вести...

Видела и пережила все мыслимое и немыслимое, а рассказывает об этом просто... Вспоминает без горечи и слез - все выплакала, а к горю привыкла: не одна она страдала, у иных, вспоминает она, жизнь была еще страшнее...

- 28 декабря 1943 года... Этот день я хорошо помню, да и не только я, память о нем вошла в кровь каждого калмыка и рождающиеся сегодня тоже помнят этот день.

С вечера все было спокойно, никто ни о чем не тревожился. А наутро у каждой двери стоял солдат. На улицу никого не пускали. В комнате сварили чай, попили. Начали убираться в доме. Обычные хлопоты... Ближе к обеду нам велели быстро-быстро собираться. Куда, зачем - ничего не говорили.

Мы ничего не знаем, ни о чем не догадываемся, что случилось - в толк не возьмем. Ясный день на дворе, а людей силком из домов выгоняют - побыстрей, побыстрей. Солдаты ничего не говорят. Правда, те, что к нам зашли, посоветовали взять с собой побольше вещей и еды. А что, куда, зачем - молчат.

Вместе с нами в то время жил младший брат моего мужа, Сергей Шоваев. Он был ранен где-то на Кавказе, из госпиталя приехал на побывку. Сергея и его сверстников призвали в армию после оккупации и сразу отправили на фронт. Из всех призванных в живых только он остался. Так вот он, когда стали всех на улицу выгонять, надел шинель, вышел во двор и стал доказывать солдатам, что он фронтовик, что вернулся после ранения в отпуск, что найдет на них управу. Оставили солдаты нас в покое, пошли к соседям. А я тороплюсь, собираюсь в неведомую дорогу, все из рук валится, то за одно хватаешься, то за другое - никогда не приходилось уезжать из дома. Но все-таки кое-что собрать успела, другим даже еды не удалось захватить, не говоря уже о теплых вещах, а ведь на дворе зима - канун Нового года и впереди нас ждали морозы, и какие морозы!

Всех жителей улицы собрали в одном доме, на краю. Дом маленький, люди едва уместились, вещи пришлось оставить под открытым небом. Кучи мешков, сумок, наспех связанных узлов. Сидим, кто на полу, кто на лавках. На руках дети - мал-мала меньше. Из мужчин самые старшие - Сергей, ему восемнадцать исполнилось, и Давид Бюрчинов, племянник, пятнадцатилетний мальчик. Сидим, потихоньку переговариваемся, вдруг вспомнила, что забыла и оставила дома чигян (кислое молоко) и табак...

- Ой, да что ты переживаешь? - говорит мне знакомый старик. - Вечер же скоро, домой, наверное, пойдем. Вот и возьмешь свой чигян...

Да, до последнего момента мы думали, что вернемся домой. Этот чигян и табак долго потом снились мне, уже в Сибири. Там ведь молока вообще не было, а стакан махорки можно было купить, если повезет, за 30 - 40 рублей, не меньше.

А потом услышали шум машин, из окна увидели три больших грузовика. "Студебеккеры" - так называли эти американские машины, - помощь союзников во время войны. Подогнали их прямо к дому.

Загружались спешно. Из-за недостатка места, выкидывали вещи. Нам пришлось оставить громоздкий узел с валенками.

Ох, село ты наше! Плохо ли, хорошо ли жили - мы там родились. В тридцатом году колхоз создали. "Чик хаалх" ("Правильный путь") назывался. Работали, зарабатывали свои трудодни, шли по этому пути. И в оккупации были. Фашисты последнее отбирали, да мы и сами готовы были последнее отдать, лишь бы не приставали. Ничего, яйца возьмут и уедут. Однажды остановился у нас эскадрон. Одни калмыки, а во главе их немец. Чужие калмыки, не наши. Людей они не тронули, но забрали с собой нашего лучшего скакуна. Хороший был скакун, до войны выставляли мы его на скачки от всего села. Холили его, берегли. От немцев бы уберегли, а от калмыков этих немецких разве убережешь!

К ночи привезли нас в Дивное. Остановились. Места более-менее знакомые. Начали успокаиваться. Но опять взревели моторы, тронулись дальше. Подъехали к железнодорожной станции. Под скупым светом станционных фонарей темнел длинный состав - товарняк, и густые цепи немногословных солдат. "Студебеккер" развернулся и задом подался к раскрытому вагону. Прямо с кузова грузовика мы перешли в затхлое дурно пахнущее нутро "теплушки". В углу под окном стояла печка. Потихоньку стали размещаться, укладывать детей. Было не до разговоров. А моторы шумели неумолчно. Двое суток грузовики привозили все новых и новых людей. Состав постепенно наполнился. Здесь я и услышала впервые слово "спецпереселенцы".

Долго ли, коротко ли ехали мы в этом вагоне, обжились. Научились на "буржуйке" готовить еду. Варили на этой печке, держа кастрюлю в руках.

На ходу-то ведь не отпустишь - упадет. Куда везут, - не знаем. Так и ехали.

Привезли в какое-то татарское село и оставили там, рассовав в первые попавшиеся дома. Почти три месяца прожили мы там. Меткость русской пословицы про непрошенного гостя ощутили на собственной шкуре. И клеймо "врагов народа" впервые обожгло там. По весне повезли нас дальше. Уже было ясно, что везут в Сибирь, в неведомую землю. Среди нас была одна женщина - Гага Сахылова, так она с самого начала догадывалась, куда держит путь наш эшелон.

- Чует мое сердце, в Сибирь нас везут, - говорила она.

С детства довелось Гаге хлебнуть горя под самую завязку. Сирота. Рано вышла замуж, да в скором времени овдовела. Второй раз вышла замуж за богатого. Только справили свадьбу, как раскулачили их семью в зиму двадцать девятого и выселили в Сибирь. Там все ее новые родственники вместе с мужем погибли. Холод и голод свое дело сделали. Уж не знаю, как она выжила, как выбралась оттуда, русского языка не зная, в дороге не разбираясь, только через год-два вернулась в родные места. Ожила.

Снова вышла замуж за парня Сахылова, сироту, чабаном работал в колхозе. Зажили счастливо, две дочки народились, в тридцать втором году, когда смерть косила направо-налево, сумели выстоять. А тут война, оккупация. Когда фашистов из Калмыкии выгнали, радовались мы, думали - все, теперь за работу... Все-таки, как крепок человек, сколько тягостей приходится на его долю, а все равно терпит, живет. Люди говорили, что Гага Сахылова и во второй раз в Сибири выжила, и дочек вырастила. Где она, что делала, не знаю, пути наши там разошлись. Последний раз с ней в "теплушке" встречалась.

В Омске прожили мы несколько дней в тесном маленьком клубе. Ждали парохода. В первую партию не попали. Может, и к счастью. Тех калмыков, что на первом пароходе отправили, говорят, поселили на Ямале. Не знаю, выжил ли кто из них. Старшим в той партии был калмык Боктаев из Ульдючин. А нас на втором пароходе повезли за Ханты-Мансийск. За все время, что шли по Иртышу и Оби, на палубу не разрешили выйти, держали в трюме как какой-то опасный груз. Кипяток выпьешь и плывешь дальше.

Ни стула, ни стола. Багаж свалили в кучу и рядом примостились. Народу было много. В трюме темно. Ни лечь, ни встать, мест свободных не было. Приходилось сидеть прямо на полу. У дверей милиционеры стояли, пропускали только по одному человеку.

Сколько воды утекло с тех пор? Думала, когда забуду такое? А теперь вспоминаешь то время - что-то уже и забылось. Сорок пять лет прошло.

Сколько дней шли по реке, - не помню. Высадили нас на пустом берегу. Рядом тайга, кругом - ни души. Потом узнали, что в нескольких километрах ниже по течению есть деревня. Неприютным было наше новое место жительства. Не раз с тоской вспоминали об оставленных домах, продуктах, теплых вещах, которые в суматохе да спешке не смогли захватить с собой. Могли и помереть: от холода, с голодухи - если бы не работа. А работа

была простая - лес рубить. Потом нужно было срубленные деревья тащить к станции, загружать в вагоны – и все на своей спине. А вагон-то какой высокий - и бросить сил нет и отпустить бревно боишься. Стволы-то сибирские, толстые: упадут - придавят. За работу давали хлеб - 700 граммов. У не работающих норма была меньше - 300 граммов. На это и жили. Охотиться и ловить рыбу нам, спецпереселенцам, запрещалось.

Там, на берегу Оби встретила я знакомую - русскую женщину Олю. Ее родителей в 1929 году раскулачили и выслали сюда. Ей тогда еще и десяти не было.

- Вам еще хорошо живется, - говорила мне Оля. - Бараки теплые, норму хлеба в 700 граммов дают. А нас лютой зимой высадили на этот берег посреди снега. Хочешь - строй дом какой-нибудь, хочешь - помирай. Я маленькая была, но помню. А муки давали - по 50 граммов на работающего. Так мы на лесопилке опилок наберем, с мукой перемешаем, чтобы теста побольше было.

Много полезных советов дала нам Оля. Может, благодаря ей, мы и к суровой зиме быстрее привыкли, и с постоянным чувством голода свыклись.

Как-то раз состоялся в бараке после работы такой разговор. Один старик уверял всех, что когда-нибудь и для калмыков настанут лучшие времена, что мы вернемся в родные степи. Верил он сильно в это. А другой ему в ответ смеялся и говорил, что этому не бывать.

- Все мы погибнем здесь, - кричал он.

Отчего-то запал мне в душу этот разговор. И вот что интересно: тот, что не верил в лучшую долю, действительно так и погиб там, в Сибири. А тот, который уверял всех, что мы вернемся, до сих пор жив, моего возраста он или чуть старше.

О тех временах есть у калмыков хорошая песня - "Бар сарии хорн нээми" ("Двадцать восьмое декабря") называется. Сколько слышала ее - всегда плакала. Автор ее - народ. Вот ведь штука какая: живот пустой, холодно, голодно, одна мысль в голове - выжить, и не до песен, кажется, - а пели. Душа рвалась... До сих пор снятся мне те холодные зимы. Все думаю. Почему выселили нас? Не знаю. Не понимаю. Жили мы в Калмыкии хоть и не очень богато, но с достатком. План выполняли. Выселили нас, - мы вконец обеднели. А если люди бедные, государство от этого разве станет богаче? Нет, государству от насильного выселения калмыков никакого доходу не прибавилось.

Сейчас уже все говорят, что Сталина эта работа. А тогда, весной пятьдесят третьего, когда вождь народа умер, все плакали. И я плакала и дети мои. Кто-то, помню, рассмеялся, так его чуть не побили. Вот такие времена были: ничего не знали, только верили - в справедливость, в родину, в Сталина...

Запись Э.ШАМАКОВА

Комсомолец Калмыкии. 1988. 21 июля

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОГО ДЕКАБРЯ

Слова и музыка народные

Это было двадцать восьмого
Злополучного декабря –
Весь народ наш выслать надумали,
Нам ни слова не говоря.
Всю республику благодатную
Окружили тайно войска,
Дали час - собраться в дорогу,
А дорога была далека.
Тайно подняли с мест насиженных,
Без вины обвинили народ.
Всех загнали в зеленый поезд,
Паровоз потянул вперед.
Без скота, без крова оставили…
Сохрани, судьба, пощади!
Благодатная степь просторная –
Осиротевшая - позади.
В ледяную Сибирь отправили.
Как родные края далеки!
Здесь от холода и от голода
Гибнут дети и старики.
Здесь кругом, куда ни посмотришь, -
Вековая стоит тайга.

Лучезарную степь мы помним –
Как душе она дорога!
Серый гусь - знакомая птица,
Он в родные летит места.
Когда думаем мы о доме,
Слезы катятся неспроста.
И отцы и братья - на фронте,
Защищают страну от врагов,
А их жены и дети в Сибири
Умирают среди снегов,
Лес дремучий, непроходимый, -
В снег проваливаешься по грудь.
А калмыки - на лесоповале,
Горемычный у ссыльных путь…

Запись А.Балакаева

Перевод с калмыцкого Марка ВАТАГИНА

Олег ВОЛКОВ

ПОСЛЕДНЯЯ КАЛМЫЧКА

В Соловецкий лагерь в конце двадцатых годов привезли как-то партию якутов - человек триста. Эти крепкие смуглые люди в оленьих доспехах были нагружены вышитыми сумками и торбасами, ходили в легких пыжиковых парках и унтах, словно только что вышли из тундры.

Странно и жутко было видеть этих выросших у полюса холода людей, одетых с ног до головы в меха, чахнущих и пропадающих среди снежной зимы почти на той же параллели, что и Якутск, на острове, освещенном теми же сполохами, что их стылая лиственничная тайга!

На Енисее та же участь постигла калмыков.

Я не знаю, какова была численность этого народа, но из приастраханских степей вывезли всех калмыков до единого - от мала до велика. Их целыми семьями грузили в вагоны и отправляли на восток. Массовая эта операция была произведена, если не ошибаюсь, в 44-м году, под гром победных салютов.

Часть калмыков была отправлена на Енисей, - их расселяли по реке вплоть до Туруханска и ниже; несколько сот человек попали в Ярцево. Трудоспособных угоняли на лесозаготовки, отдавали в колхозы, преимущественно на работы, связанные с конями. Калмыки умело с ними обращались, но во всем остальном оказались трагически неспособными примениться к новым условиям, пище, климату, укладу жизни...

Бойкими смуглыми бесенятами носились первоначально отчаянные калмыцкие мальчуганы на неоседланных и необкатанных лошаденках, пригоняя их с пастбища и водопоя: со свистом, гортанными степными криками, так что только завидовали и дивились местные подростки, сами убежденные, лихие конники. А вовсе маленькие калмычата с живыми черными, как у куликов, глазами и плоскими лицами выжидательно смотрели на матерей, - когда они пойдут доить кобылиц и принесут пенистого, с острым запахом молока. Однако - не дождались... Кто скажет, отчего стали чахнуть и помирать в приенисейских селах калмыцкие дети? Или и впрямь нельзя было обойтись без привычного кумыса? Или нехватало им по весне свежих цветущих лощин в тюльпанах, жаркого душистого лета, напоенного пряными ароматами высушенных солнцем степных трав?.. Все больше детей, а потом и взрослых калмыков стало попадать в больницу. Ни внимательные русские врачи, ни ласковые сестры в белых косынках, сами заброшенные на чужбину, а потому старавшиеся помочь от всего сердца, ничего не могли сделать... Калмыки лежали на больничных койках тихие, ужасно далекие со своим малоподвижным лицом и чужим языком, горели в сильном жару и помирали. Одного за другим их всех - малышей и подростков, девушек, женщин и мужчин в расцвете лет, стариков поперeносили на голые сибирские кладбища, позакапывали в землю, так и не признавшую их за своих детей.

Когда меня в 1951 году привезли в Ярцево, трагедия калмыков подходила к концу. В селе их оставалось наперечет. Вскоре узналось, что и по другим деревням перемерли все степняки. И настал день, когда в нашем Ярцеве уцелела одна женщина - Последняя Калмычка. Все ее знали, жалели, но помочь ей уже было нельзя.

Мы с ней вместе караулили на берегу плоты, - она от рыбкоопа, я от другой организации. Калмычка приходила на дежурство с опозданием, неряшливая, разгоряченная и недружественная. Мы были одни меж бревен, устилавших прибрежный песок, против пустынной реки и чуть видных за гребнем яра коньков крыш села. Она меня словно не замечала, усаживалась где-нибудь на плоту и понуро сидела с засунутыми в рукава телогрейки

руками, потом задремывала, свесив голову, обвязанную платком не по-нашему. Так было под утро. С вечера она обыкновенно скороговоркой непрерывно бормотала что-то на своем языке. Наш она совсем не знала, выучила всего несколько слов. Калмычка иногда негромко и на одной заунывно-пронзительной ноте пела, долго и тоскливо, и это походило на безответную жалобу.

Моя напарница много курила, свертывала себе нескладные цигарки из газетной бумаги, просыпая при этом махорку, глубоко, не по-женски, затягивалась. А когда кончался табак, подходила ко мне и хрипло выговаривала: "Курить дай!"

Прежде она никогда не пила и исправно ухаживала за овцами на скотном дворе. Поначалу будто бы и не очень тревожилась, когда умирали ее соплеменники, редко навещала больных и тем более не ходила на кладбище. Ее привезли в Ярцево со стариками - родителями убитого на войне мужа. Из замкнутой отчужденности - в деревне всегда все известно, а потом узнали, что она безутешна после потери мужа, - вывела, однако, вдову не утрата родных, а болезнь чужого мальчика, матери которого она стала помогать за ним ходить. Носила ему парное овечье молоко, доставала, что могла, из лавки. Мальчуган помер. И тогда Последняя Калмычка впервые прибегла к спирту по наущению сердобольных соседок, давно заришвшихся на доставшиеся ей от свекра со свекровью сундуки с шелковыми одеялами и пуховыми шалями. Одинокая калмычка скоро сбилась с круга, забросила работу и с каким-то ожесточением стала прогуливать, что только попадало

ей под руку. И за короткое время спустила все свое добро.

И в рыбкоопе Последняя Калмычка продержалась недолго, - не могли держать сторожиху, постоянно пропускавшую дежурства и уходившую с них когда вздумается. У неё уже ничего не осталось, она обносилась, бедствовала. Хозяйки неохотно пускали ее к себе жить...

Мне однажды пришлось видеть, как вырвалось у Последней Калмычки наружу сильное чувство, страстная тоска, на миг поборовшая всегдашнюю угрюмую замкнутость. Это было на восходе, когда должно было вот-вот показаться из-за лесов правобережья солнце. Перезябшая за ночь Калмычка забралась на угор повыше, в полгоры, караулила первые лучи. И когда они наконец хлынули, ласковые и яркие, она внезапно оживилась, стала подставлять им, не жмурясь, лицо, запрокидывая голову, словно устрем-лялась навстречу их жару и свету.

Я стоял внизу, на песке, в тени.

- Иди, иди! - поманила меня к себе Последняя Калмычка и быстро-быстро залопотала на своем языке, с живостью показывала на солнце и куда-то вверх по Енисею.

Не понимая слов, я знал, что она рассказывает о своем юге, о своем жарком щедром солнце, прокалившем душистый простор ее степей и

давшем жизнь ее народу. Глаза калмычки блестели, на смуглом бескровном лице скупо показалась краска.

- Это плохо, плохо! - вдруг горько по-русски заключила она и сразу потускнела. Глаза ее угасли, и резко обозначились ранние морщины на облитом утренним солнцем лице.

Последняя Калмычка внезапно покинула Ярцево. Ходили слухи, будто ей разрешили переехать в Енисейск, где еще были живы несколько ее земляков. Ничего достоверного о ее дальнейшей судьбе так и не узналось...

Отрывок из повести «ПОГРУЖЕНИЕ ПО ТЬМУ»

Роман-Газета. 1990. № 6.

Не для печати

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О снятии ограничений в правовом положении с калмыков

и членов их семей, находящихся на спецпоселении

Учитывая, что существующие ограничения в правовом положении спецпоселенцев-калмыков и членов их семей, выселенных в 1943-1944 годах из бывшей Калмыцкой АССР и Ростовской области, в дальнейшем не вызывается необходимостью, Президиум Верховного Совета СССР п о с т а н о в л я е т:

1. Снять с учета спецпоселения и освободить из-под административного надзора органов МВД калмыков и членов их семей, выселенных на спецпоселение в период Великой Отечественной войны.

2. Установить, что снятие с калмыков ограничений по спецпоселению не влечет за собой возвращения им имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

К. ВОРОШИЛОВ

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А. ПЕГОВ

Москва, Кремль. 17 марта 1956 г.

Давид КУГУЛЬТИНОВ

Ушла зима. Достигнув торжества,
Весна опять земле явила милость.
И степь, тучнея, травами покрылась,
Она жива! По-прежнему жива!
А травы слиты с яркой синевой,
И я вдыхаю дня великолепье.
Моя душа легко парит над степью.
Я здесь рожден. Я здесь навеки свой.
И мнится мне: как небо, как трава,
Судьбою приобщен к земному чуду,
Всегда, во всем существовать я буду.
Была бы только степь моя жива.
Была бы только степь моя жива!

1956

Перевод с калмыцкого Якова ХЕЛЕМСКОГО

Копия

Судья - докладчик Гришина

ОПРЕДЕЛЕНИЕ № 44-611

Судебная коллегия по уголовным делам

Верховного суда Казахской ССР

В составе: Председательствующего - Сакбаева

и членов: Гришина и Харламова

Рассмотрев в заседании от 20 марта 1959 года уголовное дело по протесту Прокурора Казахской ССР на постановление быв.особого совещания при МВД СССР от 17/VI-1949 года, которым: МАНЖИЕВА МАРИЯ ПАПИШЕВНА, 1897 года рождения, уроженка Ростовской области, калмычка, беспартийная, малограмотная, осуждена по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года к 20 годам каторжных работ.

Манжиева признана виновной в том, что, являясь спецпереселенкой, проживающей в г. Новосибирске, в августе 1948 года совершила побег с места поселения и, приехав в Алма-Ату, уклонилась от учета спецпоселения.

В протесте ставится вопрос об отмене постановления особого совещания в прекращении дела производством за отсутствием в действиях осужденной состава преступления.

Заслушав доклад члена суда Гришиной и заключение пом.прокурора Каз.ССР Орлова, поддерживающего протест, судебная коллегия: НАХОДИТ:

протест Прокурора Казахской ССР подлежит удовлетворению по следующим основаниям: материалами дела не установлено, что Манжиева прибыла на жительство в гор. Новосибирск как спецпоселенка. Никаких доказательств о том, что Манжиева из Ростовской области выселена с обязательным поселением в гор. Новосибирске нет.

В качестве доказательства вины осужденной представлена карточка семейного учета, однако эта карточка не может служить доказательством, что она стояла на спецучете, так как в ней не указана дата заполнения, отчество заполнено "Булгуновна", тогда как отчество Манжиевой - "Папишевна". Сын у Манжиевой 1933 года рождения по имени Александр, в карточке семейного учета указано - Петр.

Признавая, что Манжиева по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26/XI-1948 года осуждена неправильно, судебная коллегия, руководствуясь ст. 444 п.418 УПК РСФСР

ОПРЕДЕЛИЛА:

Постановление быв. особого совещания при МВД СССР от 17/VI-49 г. в отношении Манжиевой Марии Папишевны отменить и за отсутствием в ее действиях состава преступления дело производством прекратить.

Из семейного архива МАНЖИЕВЫХ

Но 10 лет каторжных работ Мария Папишевна Манжиева пережила. - Прим. ред.-сост.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС

О снятии ограничений по спецпоселению

с калмыков и членов их семей.

"   " марта 1956 г.

ЦК постановляет:

1. Одобрить проект Указа Президиума Верховного Совета СССР

"О снятии ограничений по спецпоселению с калмыков, выселенных из бывшей Калмыцкой АССР и Ростовской области".

2. Обязать ЦК КП Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Алтайский и Красноярский крайкомы КПСС, Сахалинский, Кемеровский, Свердловский, Новосибирский, Томский, Омский и Тюменский обкомы КПСС провести необходимую работу по **закреплению** калмыков в местах их настоящего жительства**, исключив возможность их массового выезда из мест поселения.**

Н.Ф.БУГАЙ. "Операция "Улусы»

Элиста, 1991. С 86.

ГЕНОЦИД

В результате депортации резко снизилась численность калмыков в СССР.

Точного и поименного числа жертв нет и сделать это практически невозможно... К моменту снятия со спецучета калмыки были рассеяны

по 15 краям и областям РСФСР, по 13 областям Казахстана, а также в Узбекистане, Киргизии и Таджикистане. В Алтайском крае проживало 19886 калмыков, в Красноярском - 16983, в Новосибирской области - 15846, в Тюменской области - 9364, в Омской - 9283... Всего в районах Сибири к началу 1956 года было 75836 калмыков. Смертность среди калымков была в 2 раза выше , чем у прочего населения...

По состоянию на 1 декабря 1939 года в СССР насчитывалось 134,3 тыс. калмыков. Если учесть, что в начале 40-х годов прирост населения в Калмыкии составлял 26,4 на 1000 человек населения (по калмыцкому населению прирост был гораздо выше), то нетрудно подсчитать, сколько бы лиц коренной национальности было к периоду выселения в декабре 1943 года - 179,3 тыс. с учетом снижения естественного прироста в 1942 года - 1948 годах до 5 и потери 15 % численности мужчин на фронте. Но в 1959 году согласно переписи численности калмыцкого населения составила в СССР 106,1 тыс. человек. Если за исходное брать 1887 год и возможные приросты, то к 1959 году численность калмыков должна была достичь 690,8 тыс. человек, а если за исходное - перепись населения 1926 года, то соответственно - 255 тысяч человек.

Каковы прямые потери за время насильственного переселения 1943 года и последующих репрессивных акций?

В декабре 1943 года было депортировано 98,6 тысяч мирных граждан. В начале 1944 года было снято с фронтов Великой Отечественной войны около 10 тысяч солдат и офицеров калмыцкой национальности. В ходе выселения было арестовано 750 человек. Итого было депортировано 109,3 тысячи человек. По расчетным данным с 1944 по 1948 год в местах спецпоселения родилось около 5 тысяч детей. По данным МВД СССР, по состоянию на

15 июля 1949 года числилось на спецучете 73,3 тысячи человек. Следователь-но, людские потери за 5 лет составили 114,3 тысячи минус 73,3 тысячи = 41 тысяча человек. Но в связи с тем, что период выселения охватывает с декабря 1943 года по январь 1957 года, расчеты требуют дополнения.

По расчетным данным за 1949-1958 годы родилось 34,7 тысяч детей калмыков, к ним следует прибавить детей, родившихся в 1944-1948 годы. Всего на спецпоселении было 149 тысяч человек. А численность по всесоюзной переписи 1959 года - 106,1 тыс. калмыков, то есть прямые потери составили 43 тысячи человек.

Цифры говорят о многом. Но геноцид имел и другие последствия.

Калмыки подвергались геноциду до и после депортации в 20-е, 30-е, 40-е, 50-е годы. Об этом свидетельствуют следующие данные:

1. Всероссийская перепись 1887 года - 190,6 тыс. чел.

2. Всесоюзная перепись 1926 года - 132,0 тыс. чел.

3. Всесоюзная перепись 1939 года - 134,3 тыс. чел.

4. Всесоюзная перепись 1959 года - 106,1 тыс. чел.

5. Всесоюзная перепись 1970 года - 137,2 тыс. чел.

6. Всесоюзная перепись 1979 года - 146,6 тыс. чел.

7. Всесоюзная перепись 1989 года - 174,5 тыс. чел.

Тринадцать лет ссылки, дискриминация всего национального до ссылки и после восстановления автономии породили кризис в языке, культуре калмыцкого народа. Тоталитарная система привела к уничтожению всех культурных построек ламаистской церкви (а их было более 100). Они были не только религиозными центрами, но и средоточием культурной жизни. В них готовились лекари, астрологи, живописцы, создавались библиотеки. Да и сами они представляли огромную ценность как памятники национального зодчества.

Уничтожение хурулов, насильственное переселение калмыков сопровождалось потерей исторических ценностей. Часть их безвозмездно пропала, часть сохраняется в запасниках музеев и других учреждений страны. В родной Калмыкии калмыки составляют меньшинство и возникла проблема языка...

Преступление против народа было совершено в одночасье, веками построенное разрушено в одни сутки - чтобы восстановить, возродить народ и его культуру потребуются есятилетия...

Из книги П.Д.Бакаева

"Размышления о геноциде"

г. Элиста, 1992 г.

Давид КУГУЛЬТИНОВ

Я помню прошлое. Я помню

Свой голод. Больше я не мог,

И русская старушка,

Помню,

Мне хлеба сунула кусок.

Затем тайком перекрестила

В моем кармане свой ломоть.

И быстро прочь засеменила,

Шепнув: "Спаси тебя господь!"

Хотелось мне, ее не зная,

Воскликнуть: "Бабушка родная!"

Хотелось петь, кричать "ура!",

Рукой в кармане ощущая

Существование добра.

Перевод с калмыцкого Н.МАТВЕЕВОЙ

ПРОЧИЕ СОВЕТСКИЕ НАРОДЫ

* * *

Вынужденному* переселению в 40-е годы по так называемому "государственному заданию" были подвергнуты 3 011 108 представителей различных национальностей, среди которых были целые народы: ингуши, чеченцы, немцы, калмыки, балкарцы и другие.

Кроме них 215 242 человека прибыли на места поселения самостоятельно, то есть не в специальных эшелонах. Общая цифра переселенных составила 3 226 340 человек.

Н. Ф. БУГАЙ.

К вопросу о депортации народов СССР в 30-40-х годах

История СССР. 1989. № 6

* * *

... Народ был в те годы "перемолот". Одних усылали в северные дали, других из жарких краев переселяли к нам. Тасовали судьбы людей почем зря. Так вот у нас появилась целая улица немцев, переселенцев с Поволжья. Есть калмыки, литовцы, кого только нет, даже финны есть, - на десяти языках говорит деревня... Так вот, перемещали людей - в порошок стерли души.

Виктор Астафьев

Моя земная деревушка. Рассказ

**Согласно официальной (государственной) исторической концепции, которую поддерживал до 1991 года доктор исторических наук Н.Ф.Бугай, все национальные депортации в СССР были "вынужденными", т.е. обстоятельства якобы "вынуждали" Сталина совершать над этносами насилие. - Прим. ред.-сост.*

А.НЕКРИЧ

О РУКОВОДСТВЕ ДЕПОРТАЦИЕЙ

Общее руководство депортацией всех народов осуществлял член Политбюро ЦК ВКП (б), член Государственного Комитета Обороны, нарком внутренних дел СССР Л.П.Берия. Непосредственными руководителями операцией по насильственному переселению были его заместители Б.Кобулов и И.Серов. У Кобулова и Серова был накоплен немалый опыт по депортации народов Кавказа, Бессарабии, западных областей Украины и Белоруссии, Прибалтики. За выдающиеся "заслуги" в деле депортации и, надо полагать, большое "полководческое искусство", проявленное при операции "Депортация", Серов был награжден высшим полководческим орденом - Суворова 1-ой степени. Таким образом награждались военачальники за успешное проведение операций масштаба не меньше фронта. Кобулов был расстрелян вместе с Берия. Серов же, благодаря своему участию в аресте Берии и покровительству Хрущева, стал во главе госбезопасности страны, а позднее был назначен заместителем начальника Генштаба. Он достиг звания генерала армии и стал Героем Советского Союза...

Операции по выселению готовились весьма тщательно. Их основным принципом была... внезапность!.. Заблаговременно подведены войска, собран транспорт, утверждены маршруты движения автоколонн. Операции осуществлялись войсками НКВД, то есть внутренними, конвойными и пограничными. Во время войны, несмотря на колоссальные потери и острую нужду в людях на фронте, в тылу находилось немало войск особого назначения.

Однако помимо войск НКВД в Чечено-Ингушетии уже за несколько месяцев до выселения дислоцировались три армии, одна из них танковая. Операцию намечалось осуществить в максимально сжатые сроки. Войска были готовы воспрепятствовать сопротивлению или немедленно подавить его, если такое возникнет. Реализация задачи облегчалась тем, что подавляющая часть мужского населения находилась вне территории, где происходила депортация, в рядах Красной Армии, в партизанских отрядах или частично в немецком плену. Эти люди, разумеется, и не подозревали, какая участь уготована их семьям и тем из них самих, кто останется жив.

При переселении никаких исключений не допускалось. Незадолго до выселения на места были отправлены ответственные работники партийного аппарата Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) для оказания помощи в осуществлении депортации своих земляков. Они были предупреждены, что за разглашение тайны готовящейся операции будут привлечены к

самой суровой ответственности...

Александр НЕКРИЧ.

Наказанные народы.

Нью-Йорк: Изд-во "Хроника", 1978.

Заместителю наркома внутренних дел СССР

Б.З.К0БУЛ0ВУ

На основе опыта перевозок карачаевцев и калмыков нами были проведены некоторые мероприятия, давшие возможность значительно сократить потребность в подвижном составе и уменьшить количество потребных поездов*.

Так, по расчету численности спецконтингента требовалось для перевозки их 15 207 вагонов (272 состава), считая как прежде по 56 вагонов в каждом эшелоне. Фактически же было отправлено 12 525 вагонов, или 194 состава по 65 вагонов в каждом. Потребность вагонов была сокращена на 2 652 вагона, или 41 состав (по 65 вагонов в каждом).

Уплотнение погрузки спецконтингента с 40 чел. до 45 чел. в вагоне, при наличии 40-50 % детей в составе спецконтингента, вполне целесообразно.

Упразднением в эшелонах вагонов для багажа было сэкономлено значительное количество вагонов, оборудования (ведер, досок, печей и т.д.)

К недостаткам перевозок спецконтингентов следует отнести невозможность проведения санобработки их, в результате чего в дороге имели место случаи заболевания сыпным тифом. Однако в результате принятых мер эпидемия была предотвращена.

Для оперативного состава и войск НКВД потребность составила 4711 крытых вагонов, 1984 платформы.

Начальника Управления Орджоникидзевской железной дороги Х.Т.Восканова и заместителя начальника дороги К.В.Ильченко необходимо представить к правительственной награде, как и других отличившихся служащих железной дороги.

Начальник 3 Управления народного комиссариата госбезопасности СССР

МИЛЬШТЕЙН

18 марта 1944 г.

Из собрания доктора исторических наук Н.Ф.БУГАЯ

**Для выселения чеченцев, ингушей, балкарцев – Прим. ред.=сост.*

НЕ МОГУ ПРОСТИТЬ!

Не надо называть мое имя - я не боюсь, я уверен, что моя история типична. Я не один такой.

Первое мое детское воспоминание. Мне около четырех. Я с мамой и старшими братом и сестрой шести и восьми лет вместе с другими тетями с детьми нахожусь в темном душном помещении. Время от времени одна стена куда-то девается и сквозь железные палки я вижу свет. Меня неудержимо тянет туда, к свету и солнцу, и я проползаю и протискиваюсь через эти железные палки. Но там, на просторе меня ждет дядя с винтовкой. Я уже знаю, это - "часовой". Он ловит меня и толкает, пихает обратно. Слышу умоляющий голос мамы: "Товарищ часовой, пусть мальчик погуляет". И слышу злой окрик в ответ: "Я тебе не товарищ..." - следует, как я уже тогда понимаю, какое-то очень плохое слово и "Забери свое отродье!" Я выворачиваюсь из-под толкающей меня руки и бью по твердой ноге часового. "Не ругай мою маму! - кричу яростно. - Она хорошая!"

Меня отшвыривают и втискивают в железо и тьму...

Так что не надо говорить мне о милосердии, о ненасилии, убеждать меня забыть, простить... Это я не могу забыть! За это, я считаю, кто-то должен ответить. Персонально! Поименно! Тем более что сегодня я сплошь

и рядом встречаю "строителей коммунизма", которые гордо вспоминают о том, как они расправлялись с преступными народами, и сожалеют, что не добили они нас, не прикончили. Нас, кто уже и пеленках попал за решетку, под стражу с ярлыком бандита, преступника, предателя... Я уж не говорю о растоптанных, поруганных судьбах наших отцов и матерей, виновных только в "преступной национальности". Это же надо придумать – "преступная национальность"!

Не верю, что в стране, правительство которой столько лет воюет с собственным народом, преследует за национальную принадлежность, можно говорить о свободе, прогрессе, справедливости, гуманизме! И не верю, что в нашей стране что-нибудь изменится, если новое правительство не выстроит иного отношения к этим оскорбленным народам. Мне не надо ихней реабилитации, меня не за что реабилитировать! У меня, обвиненного в пеленках, у моих родителей, у всех погибших-уничтоженных - у всех нас, не сотен, не тысяч и даже не сотен тысяч, а у миллионов - у каждого в отдельности и у всех вместе, преданных геноциду народов, правительство должно просить прощения во всех возможных формах, а не дарить нам реабилитацию - за невиновность!

Иначе не могу простить! И со мной все случайно выжившие и оставшиеся людьми.

Ленинград, 1988 год

Запись Светланы АЛИЕВОЙ

Чечено-Ингушетия

По архивным документам НКВД СССР, в итоге проведенных трех мобилизаций в республике ушли на фронт 17 413 человек.

По сведениям отдела спецпоселений НКВД СССР, за период с 1944 по 1948 год умерли 144 704 человека, в том числе:

в Казахстане - 101 036 человек,

в Узбекистане - за шесть месяцев 1944 года 16 052 человека,

в 1945 году - 13 883 человека.

Вопросы истории. 1990. № 7.

* * *

В 1937 году в республике были репрессированы:

30 из 75 кандидатов в члены Обкома ВКП(б),

20 из 28 секретарей райкомов,

17 парторгов,

77 членов райисполкомов,

192 работника сельских организаций (учреждений), не считая рядовых тружеников.

Там же.

ТЕЛЕГРАММА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ. ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ.

ПОДГОТОВКА ОПЕРАЦИИ ПО ВЫСЕЛЕНИЮ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ. ПОСЛЕ УТОЧНЕНИЯ ВЗЯТО НА УЧЕТ ПОДЛЕЖАЩИХ ПЕРЕСЕЛЕНИЮ 459 486 ЧЕЛОВЕК, ВКЛЮЧАЯ ПРОЖИВАЮЩИХ В РАЙОНАХ ДАГЕСТАНА, ГРАНИЧАЩИХ С ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИЕЙ, И В Г. .ВЛАДИКАВКАЗЕ.

УЧИТЫВАЯ МАСШТАБЫ ОПЕРАЦИИ И ОСОБЕННОСТЬ ГОРНЫХ РАЙОНОВ, РЕШЕНО ВЫСЕЛЕНИЕ ПРОВЕСТИ (ВКЛЮЧАЯ ПОСАДКУ ЛЮДЕЙ В ЭШЕЛОНЫ) В ТЕЧЕНИЕ 8 ДНЕЙ, В ПРЕДЕЛАХ КОТОРЫХ В ПЕРВЫЕ ТРИ ДНЯ БУДЕТ ЗАКОНЧЕНА ОПЕРАЦИЯ ПО ВСЕЙ НИЗМЕННОСТИ И ПРЕДГОРНЫМ РАЙОНАМ, И ЧАСТИЧНО ПО НЕКОТОРЫМ ПОСЕЛЕНИЯМ ГОРНЫХ РАЙОНОВ, С ОХВАТОМ СВЫШЕ 300 ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК.

В ОСТАЛЬНЫЕ ЧЕТЫРЕ ДНЯ БУДУТ ПРОВЕДЕНЫ ВЫСЕЛЕНИЯ ПО ВСЕМ ГОРНЫМ РАЙОНАМ С ОХВАТОМ ОСТАВШИХСЯ 150 ТЫС. ЧЕЛОВЕК.

...ГОРНЫЕ РАЙОНЫ БУДУТ БЛОКИРОВАТЬСЯ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО.

В ЧАСТНОСТИ, К ВЫСЕЛЕНИЮ БУДУТ ПРИВЛЕЧЕНЫ 6-7 ТЫС. ДАГЕСТАНЦЕВ, 3 ТЫС. ОСЕТИН ИЗ КОЛХОЗНОГО И СОВХОЗНОГО АКТИВА РАЙОНОВ ДАГЕСТАНА И СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ, ПРИЛЕГАЮЩИХ К ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ, А ТАКЖЕ СЕЛЬСКИЕ АКТИВИСТЫ ИЗ ЧИСЛА РУССКИХ В ТЕХ РАЙОНАХ, ГДЕ ИМЕЕТСЯ РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ.

...УЧИТЫВАЯ СЕРЬЕЗНОСТЬ ОПЕРАЦИИ, ПРОШУ РАЗРЕШИТЬ МНЕ ОСТАТЬСЯ НА МЕСТЕ ДО ЗАВЕРШЕНИЯ ОПЕРАЦИИ... Л.БЕРИЯ. 17.02.1944

Особая папка СТАЛИНА

Из собрания доктора исторических наук Н.Ф.БУГАЯ

ТЕЛЕГРАММА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ

ДЛЯ УСИЛЕНИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАЦИИ ПО ВЫСЕЛЕНИЮ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ ПОСЛЕ ВАШИХ УКАЗАНИЙ В ДОПОЛНЕНИЕ К ЧЕКИСТСКИМ 0-ВОЙСКОВЫМ МЕРОПРИЯТИЯМ ПРОВЕДЕНО СЛЕДУЮЩЕЕ:

...40 РЕСПУБЛИКАНСКИХ ПАРТИЙНЫХ И СОВЕТСКИХ РАБОТНИКОВ ИЗ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ НАМИ ПРИКРЕПЛЕНЫ К 24 РАЙОНАМ С ЗАДАЧЕЙ ПОДОБРАТЬ ИЗ МЕСТНОГО АКТИВА ПО КАЖДОМУ НАСЕЛЕННОМУ ПУНКТУ 2-3 ЧЕЛОВЕКА ДЛЯ АГИТАЦИИ.

БЫЛА ПРОВЕДЕНА БЕСЕДА С НАИБОЛЕЕ ВЛИЯТЕЛЬНЫМИ В ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ ДУХОВНЫМИ ЛИЦАМИ Б.АРСАНОВЫМ, Г.ЯНДАРОВЫМ И ГАЙСУМОВЫМ. ОНИ ПРИЗЫВАЛИСЬ ОКАЗАТЬ ПОМОЩЬ ЧЕРЕЗ МУЛЛ И ДРУГИХ МЕСТНЫХ АВТОРИТЕТОВ.

...ВЫСЕЛЕНИЕ НАЧИНАЕТСЯ С РАССВЕТА 23 ФЕВРАЛЯ СЕГО ГОДА, ПРЕДПОЛАГАЕТСЯ ОЦЕПИТЬ РАЙОНЫ, ЧТОБЫ ВОСПРЕПЯТСТВОВАТЬ ВЫХОДУ НАСЕЛЕНИЯ ЗА ТЕРРИТОРИЮ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ. НАСЕЛЕНИЕ БУДЕТ ПРИГЛАШЕНО НА СХОД, ЧАСТЬ СХОДА БУДЕТ ОТПУЩЕНА ДЛЯ СБОРА ВЕЩЕЙ, А ОСТАЛЬНАЯ ЧАСТЬ БУДЕТ РАЗОРУЖЕНА И ДОСТАВЛЕНА К МЕСТАМ ПОГРУЗКИ. СЧИТАЮ, ЧТО ОПЕРАЦИЯ ПО ВЫСЕЛЕНИЮ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ БУДЕТ ПРОВЕДЕНА УСПЕШНО.

Л.БЕРИЯ 22.02.1944. *Там же*

Н. Ф. БУГАЙ

ПРАВДА О ДЕПОРТАЦИИ ЧЕЧЕНСКОГО И ИНГУШСКОГО НАРОДОВ

В ноябре 1943 г. заместитель наркома внутренних дел СССР В.В.Чернышев провел расширенное совещание начальников УНКВД Алтайского и Красноярского краев, Омской и Новосибирской областей. Была сделана прикидка: сколько людей и куда переселять. Ориентировочно намечалось в Алтайский край, Омскую обл. и Красноярский край переселить по 35 - 40 тыс .человек, в Новосибирскую обл. - 200 тыс.человек.

Окончательно план принудительного переселения определился в середине декабря 1943 года. Он существенно отличался от ранее составленного, в частности, изменилась география расселения. Для поддержания порядка в местах новых поселений намечалось открыть 145 районных и

375 поселковых спецкомендатур с 1358 сотрудниками. Был решен и вопрос

о транспортных средствах. В целях обеспечения перевозок Наркомату путей сообщения СССР предписывалось с 23 января по 13 марта 1944 г. поставлять по 350 крытых вагонов, с 24 по 28 февраля - по 400 вагонов, с 4 по 13 марта - по 100 вагонов ежедневно. Всего формировалось 152 маршрута по 100 вагонов в каждом, а в целом 14 200 вагонов и 1 тыс.платформ. Предусматривалось, что спецпоселенцы смогут брать по 500 кг груза (домашние вещи) на семью.

О готовящемся выселении чеченцев и ингушей знали руководящие работники на местах, и не только в Чечено-Ингушетии. Нарком внутренних дел Дагестанской АССР Р.Маркарян в докладной записке на имя Берии от 5 января 1944 г. сообщал, что еще в декабре 1943 г. начальник Орджоникидзевской железной дороги К.В.Ильченко на встрече с председателем Верховного Совета Дагестанской АССР Тахтаровым и сотрудниками обкома ВКП(б), состоявшейся в Беслане, уведомил их "о предстоящем выселении чеченцев и ингушей, назвав при этом, что для этой цели прибыли 40 эшелонов и 6000 автомашин". Аналогичные сведения содержатся в докладах наркома внутренних дел Кабардино-Балкарской АССР Бзиавы.

Операция намечалась на 23 февраля 1944 года. Ее проведению было посвящено специальное решение СНК и Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) "Об обеспечении подготовки тактических учений войсковых частей Северо-Кавказского военного округа (СКВО) в горных условиях" (Партархив. Ф.1. Оп.1. Д.1698. Л.34). В горные районы Чечено-Ингушской АССР были стянуты воинские формирования, войска НКВД, курсанты военных училищ. В райкомах горных районов проводились заседания, на которых разрабатывались конкретные мероприятия для обеспечения операции. С той же целью проводились совещания работников исполкомов Советов и колхозников. Например, Галашкинский РК ВКП (б) принял постановление направить для выполнения работ 1200 лошадей, отремон-тировать дорогу, протяженностью 35 верст, 5 мостов, заготовить 600 куб.м. гравия и др. (Там же. Л.49-50).

31 января 1944 г. Государственный комитет обороны утвердил По--становление о выселении чеченцев и ингушей в Казахскую и Киргизскую ССР. 21 февраля последовал приказ НКВД СССР, а 7 марта 1944 г. - Указ Президиума Верховного Совета СССР, как бы подводивший итог ликвидации Чечено-Ингушской республики.

20 февраля 1944 г. в специальном поезде в Грозный прибыли нарком внутренних дел СССР Берия и его заместители генералы Б.З.Кобулов, И.А.Серов, С.С.Мамулов (Мамульян). Через два дня, разумеется, не без их

ведома на места были направлены дополнительные силы для обеспечения операции. По сообщению секретаря Грозненского горкома ВКП(б) Н.Музыченко, только 21-23 февраля 1944 г. в такие районы, как Ачхой-Мартановский, Надтеречный, Старо-Юртовский, Шалинский, Шатоевский, Галашкинский, Курчалоевский, Гудермесский, прибыли 6778 человек (Там же. Д. 1693. Л.70).

Транспортный отдел НКВД СССР в назначенные сроки подготовил железнодорожные эшелоны. Для подвозки выселяемых были использованы машины, поставленные через Иран по лендлизу из США. Они как раз прибыли в Грозный. В так называемый период первых эшелонов, по данным Отдела спецпоселений (ОСП) НКВД СССР, выселение должно было затронуть 310 620 чеченцев и 81 100 ингушей. Видимо, эти данные охватывают только тех из них, что проживали на равнинных и в относительно доступных горных районах республики. Более полные сведения о численности принудительно переселяемых чеченцев и ингушей содержатся в приводимых ниже телеграфных сообщениях Берии Сталину.

"ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ. ТОВ. СТАЛИНУ.

ПОДГОТОВКА ОПЕРАЦИИ ПО ВЫСЕЛЕНИЮ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ. ПОСЛЕ УТОЧНЕНИЯ ВЗЯТО НА УЧЕТ ПОДЛЕЖАЩИХ ПЕРЕСЕЛЕНИЮ 459 486 ЧЕЛ., ВКЛЮЧАЯ ПРОЖИВАЮЩИХ В РАЙОНАХ ДАГЕСТАНА, ГРАНИЧАЩИХ

С ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИЕЙ, И В ГОР. ВЛАДИКАВКАЗЕ.

Л.БЕРИЯ. 17.02.1944".

"ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ. ТОВ. СТАЛИНУ.

СЕГОДНЯ, 23 ФЕВРАЛЯ, НА РАССВЕТЕ НАЧАЛИ ОПЕРАЦИЮ ПО ВЫСЕЛЕНИЮ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ. ВЫСЕЛЕНИЕ ПРОХОДИТ НОРМАЛЬНО. ЗАСЛУЖИВАЮЩИХ ВНИМАНИЕ ПРОИСШЕСТВИЙ НЕТ. ИМЕЛО МЕСТО 6 СЛУЧАЕВ ПОПЫТКИ К СОПРОТИВЛЕНИЮ СО СТОРОНЫ ОТДЕЛЬНЫХ ЛИЦ, КОТОРЫЕ ПРЕСЕЧЕНЫ АРЕСТОМ ИЛИ ПРИМЕНЕНИЕМ ОРУЖИЯ. ИЗ НАМЕЧЕННЫХ К ИЗЪЯТИЮ В СВЯЗИ

С ОПЕРАЦИЕЙ ЛИЦ АРЕСТОВАНО 842 ЧЕЛОВЕКА. НА 11 ЧАСОВ УТРА ВЫВЕЗЕНО ИЗ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ 94 ТЫС.74! ЧЕЛ., Т.Е. СВЫШЕ 20 ПРОЦ. ПОДЛЕЖАЩИХ ВЫСЕЛЕНИЮ, ПОГРУЖЕНЫ В ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ ЭШЕЛОНЫ ИЗ ЭТОГО ЧИСЛА 20 ТЫС. 23 ЧЕЛОВЕКА. БЕРИЯ. 23.02.1944".

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ. ТОВ.СТАЛИНУ.

ДОКЛАДЫВАЮ О ХОДЕ ОПЕРАЦИИ ПО ВЫСЕЛЕНИЮЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУ-ШЕЙ. НА УТРО 24.02 ВЫВЕЗЕНО ИЗ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ 333 ТЫС.739 ЧЕЛОВЕК, ИЗ ЭТОГО ЧИСЛА ПОГРУЖЕНО В ЖЕЛЕЗНО-ДОРОЖНЫЕ ЭШЕЛОНЫ 176 ТЫС.950 ЧЕЛОВЕК. ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ ДНЯ 23 ФЕВРАЛЯ ПОЧТИ ВО ВСЕХ РАЙОНАХ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ ВЫПАЛ ОБИЛЬНЫЙ СНЕГ, В СВЯЗИ С ЧЕМ СОЗДАЛИСЬ ЗАТРУДНЕНИЯ В ПЕРЕВОЗКЕ ЛЮДЕЙ, ОСОБЕННО В ГОРНЫХ РАЙОНАХ. БЕРИЯ. 24.02.1944".

"ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ. ТОВ. СТАЛИНУ.

ОПЕРАЦИЯ ПО ВЫСЕЛЕНИЮ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ ПРОХОДИТ НОРМАЛЬНО. К ВЕЧЕРУ 25 ФЕВРАЛЯ ПОГРУЖЕНЫ В ЖЕЛЕЗНО-ДОРОЖНЫЕ ЭШЕЛОНЫ 352 ТЫС. 647 ЧЕЛОВЕК. СО СТАНЦИИ ПОГРУЗКИ ОТПРАВЛЕНО К МЕСТУ НОВОГО РАССЕЛЕНИЯ 86 ЭШЕЛОНОВ. БЕРИЯ. 25.02.1944".

"ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ. ТОВ. СТАЛИНУ.

ПО 29 ФЕВРАЛЯ ВЫСЕЛЕНЫ И ПОГРУЖЕНЫ В ЖЕЛЕЗНОДОРОЖ-НЫЕ ЭШЕЛОНЫ 478 479 ЧЕЛОВЕК, В ТОМ ЧИСЛЕ 91 250 ИНГУШЕЙ. ПОГРУЖЕНО 177 ЭШЕЛОНОВ, ИЗ КОТОРЫХ 157 ЭШЕЛОНОВ УЖЕ ОТПРАВЛЕНЫ К МЕСТУ НОВОГО ПОСЕЛЕНИЯ... ИЗ НЕКОТОРЫХ ПУНКТОВ ВЫСОКОГОРНОГО ГАЛАНЧОЖСКОГО РАЙОНА ОСТАВАЛИСЬ НЕВЫСЕЛЕННЫМИ 6 ТЫС.ЧЕЧЕНЦЕВ В СИЛУ БОЛЬШОГО СНЕГОПАДА И БЕЗДОРОЖЬЯ, ВЫВОЗ И ПОГРУЗКА КОТОРЫХ БУДЕТ ЗАКОНЧЕНА В ДВА ДНЯ. ОПЕРАЦИЯ ПРОИЗВОДИТСЯ ОРГАНИЗОВАННО И БЕЗ СЕРЬЕЗНЫХ СЛУЧАЕВ СОПРОТИВЛЕНИЯ И ДРУГИХ ИНЦИДЕНТОВ... ЗА ВРЕМЯ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАЦИИ АРЕСТОВАНО 1016 АНТИСОВЕТСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ ИЗ ЧИСЛА ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ. ИЗЪЯТО ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ 20 072 ЕДИНИЦЫ, В ТОМ ЧИСЛЕ ВИНТОВОК 4868, ПУЛЕМЕТОВ И АВТОМАТОВ 479. Л.БЕРИЯ. 1.03.1944".

"ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ. ТОВ.СТАЛИНУ.

В ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАЦИИ ПРИНИМАЛИ УЧАСТИЕ 19 ТЫС. ОФИЦЕРОВ И БОЙЦОВ ВОЙСК НКВД, СТЯНУТЫЕ С РАЗЛИЧНЫХ ОБЛАСТЕЙ, ЗНАЧИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ КОТОРЫХ ДО ЭТОГО УЧАСТВОВАЛА В ОПЕРАЦИЯХ ПО ВЫСЕЛЕНИЮ КАРАЧАЕВЦЕВ

И КАЛМЫКОВ И, КРОМЕ ТОГО, БУДЕТ УЧАСТВОВАТЬ В ПРЕДСТОЯЩЕЙ ОПЕРАЦИИ ПО ВЫСЕЛЕНИЮ БАЛКАРЦЕВ...

В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРОВЕДЕННЫХ ТРЕХ ОПЕРАЦИЙ ВЫСЕЛЕНЫ В ВОСТОЧНЫЕ РАЙОНЫ СССР 650 ТЫС. ЧЕЧЕНЦЕВ, ИНГУШЕЙ, КАЛМЫКОВ И КАРАЧАЕВЦЕВ. БЕРИЯ. 7.03.1944".

(Текст воспроизводится по копиям телеграмм, передававшихся по спецсвязи, откладывавшимся в специальной папке для докладов И.В.Сталину.)

... Переселенцы направлялись в Казахскую, Узбекскую, Таджикскую и Киргизскую ССР. В своих воспоминаниях заведующий отделом Северо-Осетинского обкома КПСС ингуш Х.Араписв пишет: "Это было в феврале 1944 года. В переполненных до предела "телячьих" вагонах, без света и воды, почти месяц следовали мы к неизвестному месту назначения... Пошел гулять тиф. Лечения никакого... Во время коротких стоянок, на глухих безлюдных разъездах возле поезда в черном от паровозной копоти снегу хоронили умерших (уход от вагона дальше, чем на пять метров, грозил смертью на месте)" (*Социалистическая Осетия. 10.У 1.1988*).

В середине марта 1944 г. на места назначения прибыли первые эшелоны с переселенцами. Начальник ОСП НКВД СССР П.И.Мальцев докладывал, что из отправленных 180 эшелонов 152 прибыли и разгружены в Казахстане и Киргизии. В Казахстан из запланированных 147 эшелонов прибыло 124 (344 589 человек), в Киргизию из 33 эшелонов - 28 (75 342 человека). Более подробные сведения содержатся в справке о ходе перевозок спецконтингента с Орджоникидзевской железной дороги на 11 марта 1944 г., подготовленной заместителем начальника 3-го Управления НКГБ СССР Д.В.Аркадьевым.

В этом документе отмечалось, что "было погружено 180 эшелонов, прибыли 171, в пути - 9. За отчетное время прибыли к месту назначения и разгрузки 468 583 человека: в Джалал-Абадскую обл. - 24 281 чел., в Джамбульскую обл. - 16 565 чел., в Алма-Атинскую обл. - 29 089 чел., в Восточно-Казахстанскую обл. - 34 167 чел., в Южно-Казахстанскую обл. - 20 808 чел.,

в Северо-Казахстанскую обл. - 39 542 чел., в Актюбинскую обл. - 20 309 чел., Семипалатинскую обл. - 31 236 чел., Павлодарскую обл. - 41 230 чел., Карагандинскую обл.- 37 938 чел."

Переселению подлежали даже те из чеченцев и ингушей, кто находился в местных лагерях НКВД СССР. В конце июля 1944 г. И.И.Чернышев доложил Берии, что НКВД Северо-Осетинской АССР отправляет в Кара-гандинский лагерь всех осужденных чеченской и ингушской национальностей. Эта мера предпринималась и относительно карачаевцев и балкарцев. Спецпоселенцы передавались для трудоустройства в ведение наркоматов СССР: в распоряжение Наркомзема - 214 764 человека, других наркоматов - 133 883 человека. Таков был итог "периода первых эшелонов".

В апреле 1944 г. на одном из закрытых заседаний сессии Верховного Совета СССР было оглашено решение Политбюро ЦК ВКП(б) о переселении калмыков, чеченцев и ингушей как о совершившемся факте. Однако акция

эта продолжалась. Она охватила чеченцев и ингушей, уволенных из рядов Красной Армии (после февраля 1944 г.). По фронтам были изданы специальные приказы. В распоряжении, адресованном председателям фильтрационных комиссий, подписанном начальником войск НКВД

3-го Украинского фронта И.Павловым, предлагалось "всех карачаевцев, чеченцев, ингушей и балкарцев направить в распоряжение отделов спецпоселений НКВД Казахской ССР - в Алма-Ату".

19 мая 1944 г. Чернышов получил сообщение из Главного управления формированиями Красной Армии, что к 10 июня в 33-й запасной стрелковой бригаде (г.Муром) будет сосредоточена 1 тыс. военнослужащих (сержантов и рядовых) чеченцев, ингушей и карачаевцев. Все они подлежали увольнению из армии. В Костромской области в Галичском и Буйском леспромхозах находились 1183 чеченца, ингуша и карачаевца, из которых, как сообщалось в октябре 1944 г. в докладной записке начальника ОСП НКВД СССР Мальцева на имя Чернышова, 955 человек были демобилизованы из Красной Армии.

Всего, по данным ОСП НКВД СССР, среди отозванных с фронта и подлежащих выселению было: офицеров - 710, сержантов - 1696, рядовых - 6488. А в целом в рядах спецпоселенцев (с учетом представителей всех переселяемых народов) оказались 5943 офицера, 20 209 сержантов и 130 691 рядовых. У всех бывших военнослужащих изымались военные билеты (их заменяли справки), им запрещалось ношение погон, холодного и огне-стрельного оружия. Операция по переселению продолжалась и в 1945 году.

В начале 1945 г. в Ивановскую область прибыли на поселение 585 чеченцев и 79 карачаевцев. Предпринимались акции по выявлению оставшихся на местах прежнего проживания чеченцев и ингушей, калмыков, карачаевцев и балкарцев. Эти меры касались не только Северного Кавказа. Еще в мае 1944 г. Берия дал указание местным упрвлениям НКВД провести в срочном порядке операции по выявлению лиц, принадлежащих к переселяемым "по государственному заданию" национальностям в рамках всего Кавказа, "не утаивая ни одного", и выслать их в Казахскую и Узбекскую ССР. 4146 чеченцев, ингушей, калмыков, карачаевцев и балкарцев, проживающих в Дагестанской АССР, Азербайджанской и Грузинской ССР,

в Краснодарском крае, Ростовской и Астраханской областях, были насильственно депортированы. Как сообщал 15 апреля 1945 г. Мамулов Берии, чеченцев было выселено 2741 человек из Грузинской ССР, 21 - из Азербайджанской ССР, 121 - из Краснодарского края, ингушей - 52 человека.

В сентябре 1945 г. начальники проверочно-фильтрационных пунктов получили указание Отдела проверочно-фильтрационных лагерей (ПФЛ) НКВД СССР всех калмыков, чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев, крымских татар, греков, армян, болгар, (тех, которые пребывали в лагерях,

расположенных в Европейской части РСФСР), за исключением лиц, находящихся в армии, направить в Новосибирск в распоряжение отделов спецпоселений и областного управления НКВД, а оттуда чеченцев и ингушей, карачаевцев и балкарцев - в Алма-Ату, крымских татар - в Ташкент, крымских греков, болгар - в Свердловскую область.

Варварская акция по переселению народов подходила к концу. По данным архивов НКВД СССР, на начало октября 1945 г. на спецпоселении числилось 405 900 чеченцев и ингушей. (Из спецпоселенцев в Казахской ССР проживали 138 788 чеченцев, 43 810 ингушей; в Киргизской ССР - 39 663 чеченца, 1389 ингушей; в Узбекской ССР - 120 чеченцев, 108 ингушей. Остальные были расселены по другим районам страны.) В сводке движения спецпоселенцев с момента их расселения и до июня 1948 г. отмечалось, что в 1943 - 1949 гг. было расселено чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев 608 749 человек, прибыло самостоятельно 27 530 человек,

убыло по разным причинам 184 556 человек.

Свое отношение к принудительному переселению представители затронутых им народов высказывали в обращениях к Сталину. "Я написал на имя Сталина письмо,- сообщал С.Ш.Измаилов (уроженец с.Назрань), - и напомнил ему о том, что история человечества не знает такого бесчеловечного отношения к целым народам". Однако эти послания вряд ли доходили до "отца народов". Свою оценку варварской акции давали и уже известные в то время представители интеллигенции переселенных народов. Д.Кугультинов, участвуя вместе с другими калмыками А.У.Бадмаевым и Сусеевым (они проживали тогда в г. Бийске) в обсуждении доклада Сталина в связи с очередной годовщиной Великого Октября, заявил: "Сейчас происходит уничтожение ингушей, чеченцев, татар, калмыков и монголов. Сталинская конституция - это фикция". Сусеев, в свою очередь, говорил: "Мне совершенно непонятно, как это Сталин может говорить о единстве народов СССР, тогда как по его же воле многие малые народности, как калмыки, чеченцы, ингуши и т.д., разбросаны и преследуются. Неужели после этого еще могут быть едиными народы и прочным интернационализм?"

Положение спецпоселенцев было черезвычайно трудным. В письме начальника ОСП НКВД СССР М.Кузнецова на имя УНКВД Костромской области говорилось "о плохом состоянии жизненных условий чеченцев, ингушей, карачаевцев, крымских татар, переселенных для работы в лесозаготовительные организации Наркомлеса СССР". Особенно острой была нужда в жилье. По данным Х.Бокова, в Акмолинской области к июлю 1946 г. были построены только 28 из запланированной 1 тысячи домов. В Талды-Курганской обл. возвели лишь 23 дома из предусмотренных 1400.

В Джамбульской, Карагандинской областях к строительству жилья для спецпоселенцев вообще не приступали. В Киргизии на начало сентября 1946 г. из 31 тыс.семей спецпоселенцев только 4973 были обеспечены постоянным жильем. Многие из них ютились под навесами во дворах

(Боков Х. Эхо невозвратного прошлого // Москва. 1989. С 161). И на новых местах расселения продолжались преследования. За подписью Берии 2 декабря 1945 г. появилась директива N 224 с требованием об усилении агентурно-оперативной работы среди спецпоселенцев, которые, по его мнению, "активизируют действия, направленные на срыв мероприятий по подготовке к выборам в Верховный Совет СССР"...

После выселения коренного населения Чечено-Ингушской республики она перестала существовать.

Вопросы истории. 1990. № 7.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и

об административном устройстве ее территории

В связи с тем, что в период Отечественной войны, особенно во время действий немецко-фашистских войск на Кавказе, многие чеченцы и ингуши изменили Родине, переходили на сторону фашистских оккупантов, вступали в ряды диверсантов и разведчиков, забрасываемых немцами в тылы Красной Армии, создавали по указке немцев вооруженные банды для борьбы против Советской власти и в течение продолжительного времени, будучи не заняты честным трудом, совершают бандитские налеты на колхозы соседних областей, грабят и убивают советских людей, Президиум Верховного Совета СССР п о с т а н о в л я е т:

1. Всех чеченцев и ингушей, проживающих на территории Чечено-Ингушской АССР, а также в прилегающих к ней районах, переселить в другие районы СССР, а Чечено-Ингушскую АССР ликвидировать.

Совнаркому СССР наделить чеченцев и ингушей в новых местах поселения землей и оказать им необходимую государственную помощь

по хозяйственному устройству.

2.Образовать в составе Ставропольского края РСФСР Грозненский

округ с центром в городе Грозном. Включить в состав Грозненского округа... (список районов - *сокр. здесь и далее ред.-сост.*).

3. Включить в состав Дагестанской АССР следующие районы бывшей Чечено-Ингушской АССР...

4. Включить в состав Северо-Осетинской АССР гор.Малгобек и следующие районы бывшей Чечено-Ингушской АССР:... Пригородный район.., а также восточную часть Курпского района Кабардино- Балкарской АССР...

5. Включить в состав Грузинской ССР следующие районы бывшей Чечено-Ингушской АССР: ... В связи с этим внести следующие изменения в существующую государственную границу между РСФСР и Грузинской ССР:...

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

М.КАЛИНИН

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А.ГОРКИН

Москва, Кремль. 7 марта 1944 года

Указы, постановления и другие государственные документы, не имеющие ссылки на источник, представлены в сборник соответствующими национальными Обществами и публикуются под ответственность редактора-составителя.

ИНГУШИ

Саид ЧАХКИЕВ

ВЫЙТИ ЗАМУЖ ЗА ОГОНЬ

Рассказ

Угуз сидел угрюмый, злой. Беспомощно вздыхала рядом жена Луба.

В окна, двери, через печную трубу доносилось волчье завыванье вьюги. В комнате было неуютно и холодно. Все в этом чужом доме, не доме даже - летней времянке - нагоняло глухую, саднящую тоску. Маленькая печка горела с натугой, крохотные оконца покрылись толстым наплывом льда, а низкая щелястая дверь была сплошь седа от мохнатого инея.

Дети Угуза и Лубы - все шестеро – одетые кто во что, лежали на невысоком дощатом настиле, тесно, как щенята, прижимаясь друг к другу и кутаясь в наброшенное на них тряпье. Родители не разрешали им бегать по глиняному ледяному полу. Да и сами дети не хотели слезать с нар. Теплой обуви у них никакой, кроме тапочек и калош. Только у отца с матерью - бурки, две пары. Если надо кому выбежать по нужде, надевают их по очереди. Малыши ковыляют в них смешно и неуклюже, спотыкаясь и падая.

Вот уже месяц, как Угуза и Лубу выселили сюда, в холодную казахскую степь. Ни зерна, никакой скотины, даже вещей, которые можно было бы обменять на хлеб, взять не позволили. Так, кто в чем был, с детьми малыми на руках, и влезли, подгоняемые солдатами, в грузовик. Да не одни же они! Выселяли все село подчистую: и больных немощных стариков, и детишек малых, и беременных женщин - никого не пожалели, никого не оставили. И разве только их село? Всех ингушей, всех чеченцев объявили изменниками, предателями, врагами, сорвали с родной земли, где с незапамятных времен жили и умирали их деды и прадеды. В одни сутки целый народ лишили родины, чести, святых отцовских могил, лишили всех человеческих прав.

За что?!

Везли сюда, как скотину, в просвистанных ледяным ветром вагонах. Три недели тянулась страшная дорога. От стужи и голода умирали, не выдержав, старики и дети. На каждой остановке торопились выдолбить в мерзлом грунте ямы, чтобы хоть как-то схоронить родных своих - пусть чужая, а все же земля. Но чаще даже этого не успевали, поезд трогался, и трупы остава-лись лежать прямо у насыпи. Кричал паровоз, и разрывались сердца.

Хорошо еще Луба перед выселением не растерялась, на скорую руку натолкала в мешок картошку, тыкву, кукурузную муку. Знала: как там ни обернись дело, а дети будут просить кушать. И вот теперь – экономь не экономь, но восемь ртов - это восемь ртов, да еще и Эзи, двоюродная сестра Угуза, прибилась в пути - мешок с каждым днем все худеет, а вместе с ним на глазах тают и слабеют дети.

Одна надежда: скоро весна, ведь к концу идет март. У них на Кавказе давно вовсю ведутся огородные работы, и зелень уж есть, которой можно подкормиться. А здесь, в этой проклятой чужой степи, зима и не думает отступать, и снег на земле, как белый саван. Люди голодают, мерзнут, живут где попало: кто в старой школе, кто в конторе, кто в полуразрушенных магазинах, а кто и просто в сараях.

Одному Сурхо повезло. Живет у казахов, в теплом доме, в ус себе не дует. Все местные шарахаются от переселенцев, двери на засовы закрывают - как же, враги народа, бандиты, головорезы. А вот Сурхо, на удивленье всем, пригрели. И живет он безбедно, сумел прихватить из дома порядком и продуктов, и вещей. Не то солдаты, его выселявшие, были добрее, не то

деньги свое дело сделали... А только всего полно у Сурхо: и пшеничной муки, и кукурузной, и картофеля, и масла.

- Жены вот нету, - жалуется он при встречах с Угузом и Лубой. - Все чепуха, если в доме нет женщины.

- Верно говоришь, - всегда поддерживают они разговор, стараясь угодить богатому соседу. - Рано покинула тебя твоя хозяйка! Хорошая была женщина!

Ехали они в одном вагоне. Жена его умерла на полпути, не вынесла лютой стужи. Сурхо ковер посулил русскому мужику на каком-то полустанке, лишь бы по-человечески похоронил покойницу. Мужик пообещал все сделать, как надо, ковра не взял, попросил лишь табачку и долго потом смотрел вслед уходящему поезду, сокрушенно качая головой.

Сегодня, в который уже раз взвесив на ладони мешочек с остатками кукурузной муки, Луба отправилась на поклон к Сурхо, просить у него картошки.

- Аллах вознаградит тебя за добро, - потупившись, сказала ему Луба. –

А останемся живы, вернем!

- Да, у меня есть картошка. И мука, и еще кой-чего, - самодовольно улыбнулся Сурхо, поглаживая козлиную бородку. - Но я бы вот что тебе хотел предложить, Луба...

И Сурхо принялся внимательно рассматривать свои новенькие бурки.

А Луба думала: "Не-ет, соседушка, не врасплох тебя застало выселение. Во всем новом, добротном, не то, что мы - совсем обезумели от неожиданности, в чем за скотиной ходили, в том и поехали. А ты, богатей, теперь поизмываешься надо мной, покуражишься..."

Вслух же сказала с почтением:

- Говори, Сурхо, я тебя слушаю. Я верю, что ты мне скажешь только

хорошее.

- В этом ты права, Луба, - Сурхо приосанился, аккуратно оправил на себе черкеску. - Всегда я уважал и почитал ваш рол. Особенно я уважаю хозяина твоего дома, Угуза. Если это не так, пусть заржавеет казан, что стоит на плите! Если в моих словах была бы хоть капля лжи, я бы не стал говорить тебе то, что хочу сейчас сказать, я бы даже и не намекнул никогда...

- Я верю, видит аллах, верю, Сурхо!

- Коли так, Луба, слушай. Хотя... - он побарабанил сухими, искривленными в суставах пальцами по коленям. - В общем, я не умею заходить издалека. Если же говорить прямо, то почему... почему бы вам не отдать

за меня Эзи?

- Эзи?! - Луба так и села. - Но ведь она замужняя женщина.

- Замужняя?! - Сурхо усмехнулся, коротко глянув исподлобья на соседку.
- - Где он, ее муж? Разве не пришло сообщение с фронта, что он погиб?

- Сообщение-то пришло, - задумчиво протянула Луба. - Но она не верит. Все ждет.

- Ждать можно всю жизиь, Луба. Но вы с Угузом понимаете, что верь не верь, жди не жди, а человека нет в живых? Сколько времени она не получает писем от него? Два года? Третий пошел? На что тут можно надеяться? Ведь война идет. Война! Тысячи погибают.

- Не знаю, - растерянно пробормотала Луба.

- А я знаю! Эзи - вдова, - жестко рубанул воздух ладонью Сурхо. – И видишь ли, Луба, мне жалко вас. Детей у вас много. Кушать нечего.

На дворе зима. А породнись мы, так я бы смог вам помогать, детей бы подкормил. Подумай!

- Не знаю, видит аллах, не знаю...

- А ты поди расскажи все Угузу. Вместе подумайте. Я вас не тороплю. Хотя зачем оттягивать, раз нечего ждать?

- Ладно. Подумаю... Посоветуемся.

- Вот-вот, посоветуйтесь! - согласно закивал головой Сурхо, а Лубе слышалось: "Куда вам деться!" - Ну а картошку, что ж, возьми. Будет ответ - дам больше.

- Угуз не на шутку разгневался, когда Луба передала ему разговор с Сурхо.

- Смотри-ка, что надумал, старый пес, чтоб его аллах покарал! - ругался он. - Молоденькую ему захотелось, коту облезлому! И думать об этом не смей!

Луба не отвечала.

- Ты что? Почему молчишь? - рассердился на нее Угуз.
- Не знаю... Я считаю, что ты правильно говоришь.

Но через три дня, когда картошка Сурхо была уже съедена, разговор опять возобновился.

- Что же нам делать? Что?! - в отчаянии причитала Луба. - У нас осталась только горсточка муки. Один раз поесть - и все. А завтра? Лечь и умереть вместе с детьми? Или милостыню просить? У кого? В каждом доме такая же орава голодных!

- Что ты на меня кричишь? - огрызался раздраженно Угуз. - Наступит тепло, может, получу какую-никакую работу в колхозе, а пока, говорят, не нужны здесь никому мои руки. И уйти из аула - запрещено! Сама знаешь - двадцать пять лет за самовольный уход. Что я могу сделать? Как заработать кусок? И сменять-то нам нечего. Надо было не голосить, когда выгоняли из дому, а хватать с собой все ценное!

- У меня не сто рук! - обливаясь слезами, кричала в ответ Луба. – Я и так в зубах волокла мешок с едой! Только поэтому мы еще живы! А самую ценность я не забыла ухватить - вот она!

Ценность в двенадцать черненьких глазенок испуганно таращилась на кричащих родителей. Двое из них лежали в жару, а значит, скоро за-температурят и остальные. Луба вытерла платком слезы, потом мокрые носы всем подряд и прижала к груди плачущего малыша.

- Снова за милостыней к Сурхо я не пойду! - с твердой решимостью заявила она. - Он нам поставил свое условие. И за так уже ничего не даст.

- Пойди, сядь, - Угуз усадил жену на нары, сам присел около нее. - Я много думал о том разговоре...

- И у меня он тоже не выходит из головы, - тут же подхватила Луба.

Муж Эзи убит на фронте. Это ясно всем, кроме Эзи. И что бы ни говорила она, Ляча уже не оживет. Ждать, конечно, можно хоть сто лет, только толку от этого никакого.

- Никакого! В том-то и дело, - с готовностью закивала головой Луба. – Если бы какой толк...

- Жили бы мы, как прежде, в родном краю - куда ни шло. А здесь пропадем или умрем - ни у кого за нас сердце болеть не станет. Свезли, как баранов, в эту чертову пустыню: выживайте, как хотите. А издохнете - так беда не велика. Раньше мы жили по совести и чести, а теперь нам по совести и чести остается только умереть. Но я не хочу умирать! И не хочу, чтоб умерли мои дети и кончился на том мой род!

Луба сидела, понурившись, со всех сторон окруженная детьми, слушавшими отца очень внимательно.

- Что будет дальше - знает один аллах, - положил Угуз тяжелую руку на плечо жены. - Самое главное - суметь выжить. Поэтому... - он вздохнул и встал, - будет правильно, если Эзи выйдет за Сурхо. Это единственное спасение. И для нее, и для нас.

- Верно говоришь, Угуз! - лицо Лубы сразу просветлело. – Вот только как ты скажешь об этом Эзи? Ведь она твердит день и ночь: Ляча не убит, Ляча вернется.

- Ляча не вернется! - веско проговорил Угуз. - Эзи вдова, детей у нее нет. И она должна выйти замуж, чтобы сохранить род наших отцов. Так ей и надо сказать.

- Так кто же это будет говорить? Я что ли? - растерялась Луба. – Она ведь дочь брата твоего отца.

- Лучше будет, если скажешь ты. Женщинам легче договориться. Скажи ей, что у Сурхо есть, что обуть-одеть, что кушать. И себя спасет, и всех нас. Пусть подумает о детях, они ведь ей не чужие. А коли объявится когда отец ее, Дидиг, думаю, он не станет осуждать меня.

- Уж слишком он стар, я о нем, о Сурхо, - вздохнула по-женски Луба.

- Ну и что с того? Многие девушки выходили замуж и за более старых.

- Да, конечно. Особенно у нас, в Ингушетии. У наших женщин никаких прав. Как рабами были, так рабами и остались.

- Ну, ты на рабу не очень-то похожа, - недовольно остановил ее Угуз. - Значит, решено, сегодня же поговоришь с Эзи.

Эзи, когда вникла в смысл того, что предлагает Луба, зарыдала.

- Подожди, родная, подожди, не плачь! - Луба гладила ее по спине, по голове.

- Мой муж жив! Он вернется! Понимаешь? Он скоро вернется! Я знаю!

Я чувствую! - худенькие плечи Эзи сотрясались от рыданий.

- Милая, не мучь себя, не обманывай, - уговаривала Луба. - Не вернется он. Мертвые не возвращаются.

- Он не мертвый. Я знаю, он жив! Может, раненый где лежит.

- Был бы просто раненый - весточку бы прислал. А ведь больше двух лет от него нет писем.

- Нет писем потому, что он не знает, что со всеми нами случилось. Не знает, где я. Может, разыскивает уже.

- Эзи, о чем ты говоришь? - всплеснула руками Луба. - Мы тут месяц, а писем нет два года. Тебе ж писали, что погиб он!

Эзи выпрямилась, полыхнула черным огнем глаз:

- Даже если Ляча погиб, я не выйду второй раз замуж! Слышишь? Никогда!

Когда у Лубы ровным счетом ничего не вышло, Угуз попробовал сам поговорить с Эзи. Но та твердила лишь одно: "Замуж не пойду!" И сколько ни убеждал ее Угуз, сколько ни упрашивала Луба, стоя на коленях, Эзи оставалась непреклонной.

- Был бы здесь мой отец, вы бы не предлагали этого, - горько упрекнула она.

- Теперь я тебе за отца, - разозлился Угуз. - И ты должна подчиниться воле старшего. Будет так, как я сказал!

Угуз не ожидал, что встретит такое яростное сопротивление со стороны двадцатилетней Эзи. Он еще несколько раз попытался договориться с ней добром, но упрямство девчонки и голодный желудок довели его до бешенства, и, не помня себя, он набросился на нее с кулаками. Луба с испугом смотрела на рассвирепевшего мужа. И Эзи ей было жалко. Но в следующий разговор, закончившийся снова побоями, она ринулась бить Эзи уже вместе с мужем.

- Ты хочешь, чтобы умерли и мы с детьми, и ты сама, дрянь такая, чтоб тебе в огне гореть!

Распалясь, Луба сорвала с гвоздя пальто и платок Эзи, швырнула их

в сени и вытолкала ее туда же.

- Вот посиди, подумай, может, умнее станешь! - Луба захлопнула дверь, накинула крючок.

Избитая Эзи со стоном опустилась на заледенелый пол, с трудом натянула на себя одежду. В сенях была темнота и промозглый лютый холод. Наощупь она подгребла к себе охапку соломы, которую притащила сегодня: ведь поиски топлива были ее каждодневной заботой. Свернулась клубочком, чтоб хоть как-то сохранить свое тепло, прикрыла глаза и... так ясно предстали перед ней и отец Дидиг, и бабушка Фаржет, и вся прежняя жизнь, беззаботная и счастливая.

- Видать, отец смеялся в твой день рожденья, - говорили люди Эзи. У ингушей есть поверье, если у ребенка ямочки на щеках, значит, в час рождения отец весело смеялся. У Эзи, когда она улыбалась, будто два маленьких золотых солнышка лучились на щеках. Такой сияющей и радостной была улыбка Эзи. Удивительными были ее глаза, огромные, агатово-черные, опушенные длинными густыми ресницами. Смотрели они всегда открыто, ласково, доверчиво. Густые каштановые косы доходили до самых щиколоток. А стан? Гибкий, легкий. Нет, не обделил ее аллах красотой! Да и по характеру Эзи была ровная, общительная, дружелюбная.

- Вся в мать, - любуясь дочерью, с затаенной грустью говорил отец.

В день, когда родилась Эзи, Дидиг остался без жены.

- Прости меня, - сказала жена в свою последнюю минуту. - Я хотела родить тебе много детей, но не в моей это оказалось воле...

И она закрыла глаза навсегда. А Дидиг остался наедине с только что родившимся младенцем, заходившимся от крика. Чугунная тоска придавила его, казалось, вот-вот лопнет, разорвется сердце. Сгорбившись, он вышел из комнаты. Какая-то непонятная сила привела его в сарай Там, сидящим в углу со вздрагивающими плечами, обнаружила его Фаржет. Она опустилась на корточки около сына. Мягко положила руку на плечо.

- Ничего, - сказала она. - Ничего, что мужчина плачет. Если никто не видит...

Дидиг торопливо рукавом бешмета стал утирать слезы. Мать его презирала любое слабоволие. Он даже удивился, что она не отругала его.

- Иди, там во дворе собрались люди, - сказала Фаржет спокойно и твердо. - Тебе надо быть на виду.

- Девочка... Она же умрет!

- Не умрет. На все воля аллаха. А я послала уже человека в Ляжги, к моей дальней родственнице. Сначала девочку отдадим ей, она будет кормить ее грудью...

Время течет. Человек переживает многое. Болезни уходят, горе забывается. Но Дидиг не забыл того черного дня. Как Фаржет ни старалась, ни уговаривала его - он не согласился еще раз жениться. Перед ним всегда стоял облик любимой жены. И Эзи, так похожая на мать, подрастала, переполняя сердце Дидига живой радостью.

Дидиг и года не дал дочке прожить у кормилицы, забрал домой. Девчушка, только научившаяся ходить, крутилась у его ног, обхватывала ручонками колени, просилась на руки, лукаво заглядывала в глаза, и так заразительно смеялась, показывая на щеках глубокие ямочки, что окоченелое сердце Дидига постепенно начинало оттаивать. И Фаржет, бывало, совсем уже без печали поглядывала на внучку. А девчушка, как будто в мире не существует ни горя, ни печали, бегала по дому, подпрыгивала, хлопая в ладошки, и, если случалось, что отец или бабушка рассердятся на нее, сразу же бросалась к ним, обеими руками обвивала шею, нежно целовала.

- Ну вы посмотрите! - растроганно улыбалась суровая Фаржет. - Как умеет подластиться!

Дидиг мало бывал дома: он охранял лес. Все время Эзи проводила с бабушкой. Всегда у них находились и общие дела, и общие разговоры. Когда подошло время идти в школу, Эзи очень не понравилось на целых полдня разлучаться с любимой нани. И уж вернувшись с уроков, она ни на шаг не отходила от нее. Бабушка знала множество интереснейших вещей, все

умела делать, и о чем ее ни спроси - могла ответить на любой вопрос. И все, что знала, все, что умела, щедро передавала дочери своего сына.

Особую радость принес Эзи день, когда бабушка вытащила из сундука гармошку.

- Ой, нани! Это гармошка? - Эзи от счастья захлопала в ладошки. - Это наша?

- Не наша, - улыбнулась Фаржет, - а твоя.

- Моя?! - Эзи осторожно подошла к инструменту, тихонько его погладила.

Гармошка была не новая, на ней Фаржет играла еще девушкой. После замужества она ни разу уже не брала ее в руки: не было для этого ни времени, ни желания. Мужа вскоре после их свадьбы забрали на японскую войну и там он погиб. Она одна вырастила сына. Сколько ни уговаривали родственники выйти снова замуж - не согласилась. А теперь вот и Дидиг повторяет ее судьбу. Видно, такая уж у них кровь, что поделаешь?!

- Она моя? - все еще не смея верить, переспросила Эзи.

- Твоя. Кому я еще отдам? - Фаржет взяла гармонику в руки, далеко отвела ее от себя, озорно, по-молодому улыбнулась и широким, вольным движением развела меха. И хоть прошли годы и годы, а пальцы ее все помнили и попадали именно на те кнопочки, какие были нужны, и музыка лилась легко: то нежная, то веселая, то грустная.

- Как хорошо ты играешь, нани! - восторженно глядя на бабушку, прошептала Эзи. - Но я ведь совсем не умею.

- Так что же? Пусть тебя это не волнует, - успокоила внучку Фаржет. - Я тебя научу, да так, что никто не сравнится с тобой в игре.

И жизнь Эзи с той поры потекла совсем по-другому. Куда бы она ни шла, что бы ни делала - все мысли ее были о гармонике. Вернувшись из школы, она торопилась сделать поскорее уроки, чтобы спокойно сесть за музыку. Она не уставала заниматься, а Фаржет не уставала ее учить. Бабушка не могла нарадоваться, что подарок так пришелся по душе любимой внучке.

Однажды во время занятий у Эзи никак не выходило трудное место, и в досаде на себя она воскликнула:

- Чтоб мне сгореть в огне, если у меня не получится!

- Поставь гармошку!- вдруг сердито приказала Фаржет.

Эзи удивленно взглянула на бабушку и послушно поставила гармонику на стол.

- Больше никогда не произноси такое проклятье! Слышишь? Никогда!

- Хорошо, нани. Но почему? Кудас, с которой я сижу за партой, говорит так десять раз на дню.

- И очень плохо. Говорит потому, что взрослые ей не объяснили.

Нельзя проклинать огнем!

- Нани, а почему нельзя?

- Почему, спрашиваешь? - Фаржет села напротив внучки. - Вся наша жизнь связана с огнем, пусть никогда не лишимся мы его добра! Деды и прадеды наши превыше всего почитали огонь, молились огню. При огне не смели говорить плохих слов, никогда не ругались. Выходя замуж, девушки на прощание трижды обходили очаг в своем доме, кланялись огню до земли. В старые времена огню в очаге не давали погаснуть ни на минуту.

- Нани, и в нашей печке огонь никогда не гаснет, даже летом! - радостно воскликнула Эзи.

- Не гаснет, потому что я не даю ему погаснуть. Он горит уже сорок лет, со дня моего замужества, когда я принесла его с собой в этот дом.

- Как принесла? - удивилась Эзи. - Да разве можно принести огонь?

- Можно, - улыбнулась Фаржет. - Открой-ка сундук!

С недоумением подняла Эзи тяжелую, окованную железом крышку. Пахнуло нафталином, табаком и еще чем-то незнакомым, но очень приятным. Сверху лежали новые отцовские сапоги и черкеска, под ними бабушкины платья, шали, праздничные пояса. Из дальнего угла Фаржет достала две небольшие глиняные плошки, протянула внучке.

- Вот в чем принесла я огонь из родительского очага. В одну насыпала золу, на золу положила горящие угольки, а сверху прикрыла другой плошкой - вот так! И принесла с собой. С тех самых пор и горит тот огонь в нашей печке. А я слежу, чтобы он не угасал ни днем, ни ночью.

Фаржет снова бережно уложила плошки на дно сундука, аккуратно расправила веши, опустила крышку. Потом подошла к печке и подкинула в нее сухого хвороста.

Эзи смотрела на бабушку с таким удивлением, будто видела ее впервые.

- Понимаешь, как много значит для человека огонь? Это – живая душа дома, недаром в нашем языке слова "дом" и "огонь" имеют один корень "ци".

- Нани, я вырасту и тоже буду беречь твой огонь, правда-правда! - Эзи бросилась к бабушке и порывисто обняла ее.

Фаржет растроганно прижала внучку к себе, ласково погладила ее по головке:

- Умница! Женщина обязательно должна быть хранительницей домашнего очага. Это самое главное, самое святое в нашей женской доле. Ингуши всегда особо почитали огонь. Бывали в стране времена, девушки выходили замуж за огонь.

- Замуж за огонь?! Ты шутишь, нани! – у Эзи глаза округлились от изумления. - Как это можно выйти замуж за огонь?!

- Слушай, я расскажу тебе, - Фаржет сняла со стола гармонику, села к окну и стала тихо наигрывать.

Эзи на низенькой скамеечке примостилась у ее ног.

- Это случилось в горах много сотен лет назад. Предки наши были гордые, мужественные и благородные люди. Уважали младших, почитали старших, не враждовали с соседями, пахали землю, пасли скот, охотились.

Старики были наделены мудростью, мужчины - смелостью, девушки - красотой.

Но однажды грянула великая беда. Нежданно-негаданно на мирных людей напали лютые враги. Их было много, очень много, словно листьев на деревьях. Они заполнили все дороги, тропы, косогоры и ущелья. Как звери ненасытные, ринулись в аул. Ударами кинжалов, стрелами из луков безжалостно разили, убивали горцев. Аул бесстрашно принял смертельный бой. И старики, и женщины, и дети сражались наряду с мужчинами. Но враги обступали со всех сторон. И уже их было больше, чем листьев на деревьях.

Последнюю крепость окружили черные полчища, лезли на стены, приставляя высокие лестницы. И воскликнул тогда старец, единственный живой мужчина, поглядев с тоской на юных девушек:

- Несчастные мои! Всех вас угонят в плен и станете вы ублажать злодеев, этих диких и грязных зверей!

- Не надо нас жалеть! - выступила вперед самая красивая и самая умная девушка по имени Бетта Лир, что значит - Лунное Сияние. - Жалеть нужно мужчин; они отдали свои молодые жизни, так и не успев познать ни наши ласки, ни любовь. Они называли нас невестами и лишь мечтали о нежных девичьих объятиях. Их любовь к нам была чиста, как родниковая вода, и мы в такой же чистоте сохраним свою любовь к ним. Правильно я говорю, подруги?

- Правильно, Бетта Лир! - откликнулись стоящие за нею девушки.

- Тогда зажигайте огонь!

И четверо девушек, взяв горящие факелы, подожгли у подножья башни заготовленный на зиму хворост.

Было время сумерек. Огонь вспыхнул, осветив все вокруг, высоко в небо ударило горячее пламя.

Бетта Лир шагнула в башню, по каменным ступеням поспешила наверх. Следом шли ее подруги. Лестница закончилась ровной площадкой, до уровня которой поднимались обжигающие языки костра.

Бетта Лир сорвала с головы курхарс (женский головной убор), расплела тяжелые косы. И то же сделали подруги.

В это время в крепость дико крича, тяжело дыша, размахивая кинжалами и копьями, ворвались враги. И вдруг озверевшие от крови, они остановились, словно вкопанные, увидев на площадке башни, объятой пламенем, девушек с распущенными волосами, в белых одеяниях. Спокойный и невозмутимый вид их поразил врагов.

- Тот, кого я любила, был смел, как огонь, чист, как огонь, красив, как огонь! - воскликнула одна из девушек, это была Бетта Лир. И голос ее услышали в каждом уголке притихшей крепости.

- Тот, кого я любила, был смел, как огонь, чист, как огонь, красив, как огонь! - повторили за ней остальные.

Бетта Лир шагнула к краю площадки и, взметнув руки, будто собираясь взлететь, звонко крикнула:

- Я хочу, чтобы душа и тело мои остались чистыми! Поэтому я выхожу замуж за огонь!

И она прыгнула вниз, прямо в костер, и трепетное пламя, раскинув ей свои страстные объятия, взметнулось еще выше.

- Я хочу, чтобы душа и тело мои остались чистыми! Поэтому я выхожу замуж за огонь! - с этими словами вслед за бесстрашной подругой все девушки бросились с башни в огонь.

Увидев такое, враги опустили кинжалы.

- Это удивительный народ, - пораженно сказали они. - И нам его никогда не победить!

Не поднимаясь выше в горы, они повернули назад.

Эзи слушала Фаржет со слезами на глазах.

- Нани, это в самом деле было? Или это сказка?

- Это было. И было не один раз, - серьезно посмотрев на внучку, ответила Фаржет. - В минуты большой опасности, когда нет надежды на

спасение, ингушские девушки поступали именно так. Теперь ты поняла, Эзи, почему в нашем народе огонь почитают священным? И почему я сказала тебе: никогда и никого не проклинай огнем?

Шло время, Эзи подросла, превратилась в девушку. Не только отец и бабушка, все любовались юной красавицей, никто не мог удержаться, чтоб не посмотреть ей вслед. А кроме того, о ней шла слава, как о лучшей гармонистке во всей округе. Ни одна вечеринка не обходилась без Эзи.

Однажды на соседской свадьбе Эзи заметила незнакомого юношу. Кто-то сказал, что приехал он из Грозного, учится там в нефтяном институте. И вот что интересно: незнакомец вовсе не смотрел в ее сторону, но Эзи чувствовала, что он следит за каждым ее движением. Она старалась не обращать на него внимания, вся сосредоточилась на игре. И когда вдруг ее начали уговаривать потанцевать с городским гостем, она, не робевшая ни перед кем, смутилась. Однако виду не подала. Лихо растянув гармонику и далеко отведя от себя, словно собираясь выпустить ее, как птицу, Эзи вступила в круг легко и стремительно. Она знала, что танцует лучше всех, и люди всегда восхищались ею. А тут все смотрели не на неё, а на Лячу, так звали юношу. Надо признать, что танцевал он очень искусно, в их селе не было такого танцора. Кровь прилила к щекам девушки, она заторопилась, заиграла еще жарче, закружилась, будто вихрь.

И вдруг Ляча неожиданно оказался в кольце ее рук, между нею и гармоникой. Все кто был на свадьбе, замерли. Перестала играть и Эзи.

"Что теперь будет?" - со страхом подумал каждый. Обычай суров: если прикоснешься случайно к чужой девушке, прольется твоя кровь. Но Ляча ни ногой, ни рукой, ни плечом не задевал девушку. Тоненький, стройный, туго подпоясанный ремнем, он, высоко вскинув руки, стоял на месте на носочках, мягко и быстро перебирая ногами. Оценив искусство юноши, люди оживились, бурно захлопали ему. Кто-то восторженно крикнул:

- Мужчина! Молодец!

- Играй! Эзи! Играй! Чего ты испугалась! - неслись со всех сторон подбадривающие крики.

Эзи вновь заиграла, но очень осторожно, стараясь не коснуться парня. Ляча немного потанцевал лицо в лицо, глаза в глаза с девушкой, и легко выскочил из круга ее рук. И в тот же миг Эзи резко оборвала музыку. Передала гармонику подружке, умевшей играть, и бросилась домой, плакать.

Но не потому она плакала, что обиделась на парня. Нет, сказать по правде, ей было приятно, что такое случилось. Просто... просто все произошло так неожиданно!

С этого дня Ляча и Эзи уже не могли друг без друга. И кто ответит, как решилась нежная дочь и любящая внучка сбежать из дома, ничего не

сказав родным? У молодых решения скорые. Убежать, ну а домашние коль любят - поймут и простят.

Фаржет была убита тем, что ее девочка, ее любимица Эзи, шагу не отходившая от своей нани, вдруг, ни словом не обмолвившись, тайком сбежала замуж. Но еще больше огорчил ее Дидиг. И слушать не хотел ничего в оправдание Эзи.

- Никогда не прощу! - не находил он себе места от боли и гнева. – С этого дня нет у меня дочери!

А через месяц после бегства и замужества Эзи началась война.

Ляча в первые же дни добровольцем ушел на фронт. И Эзи осталась в небольшом домике Лячи, в незнакомом по сути городе совсем-совсем одна.

Соседка ее, Евдокия Платоновна, женщина лет шестидесяти, работала кондуктором трамвая. Как-то вечерком она заглянула к Эзи.

- Если будешь без дела сидеть и все время плакать, от этого не будет пользы ни тебе, ни твоему мужу, и никому. Надо идти работать!

- Где работать? Кем? - сокрушенно вздохнула Эзи. - Ведь я же ничего

не умею городского.

- Будешь уметь, если захочешь. У нас открываются курсы водителей трамваев. Там как раз нужны девушки, такие молодые, как ты.

- Ой, да разве я смогу водить трамвай?! - испуганно всплеснула руками Эзи.

- Сможешь! - улыбнувшись, твердо сказала Евдокия Платоновна. –

Если человек захочет, он все сможет!

Эзи захотела, и потому - смогла. Теперь она работала, получала зарплату, да и время ожидания любимого пошло как будто быстрее. Со смены она бегом бежала домой - не пришел ли заветный треугольничек от Лячи, нетерпеливо распечатывала его прямо у почтового ящика.

Первый год письма с фронта приходили довольно часто. Ляча писал, что любит ее больше жизни, просил не волноваться за него, беречь себя. Писал, что Эзи может им гордиться, что никогда не шел он в атаку сзади всех, что не бросал друзей в беде и что командование представило его к ордену.

А Эзи делилась с мужем своими успехами: она теперь ударница, работает в две смены, вступила в комсомол и выбрали ее комсоргом трамвайного парка. Писала, что очень его любит и очень-очень-очень ждет.

Когда письма от Лячи перестали приходить, Эзи не могла найти себе места, бегала за утешением к Евдокии Платоновне. А когда получила

похоронку - свет померк для нее, и земля ушла из-под ног. Евдокия Платоновна, приведя Эзи в сознание, сказала:

- Бывают ошибки. Может, ранили только, может, без вести пропал, может, в плену где мается. Там такое творится, ни приведи господь! А ты жди! Глядишь и вернется!

Эзи поверила.

Однажды, после трех лет разлуки, неожиданно к Эзи приехал отец.

Причиной этому послужило то, что Фаржет, перебирая вещи в сундуке, не обнаружила там двух глиняных плошек. Подумав, она поняла, что взяла их внучка в день побега, понесла в свой новый дом огонь родного очага. Волна горячей любви, благодарности и острой жалости захлестнула сердце истосковавшейся по внучке бабушки.

- Не надо больше сердиться на Эзи, - сказала Фаржет сыну. – Она ушла, взяв с собой счастье нашего дома. Но и ей нелегко.

Дидиг, нахмурясь, слушал мать с замиранием сердца. Тревога за Эзи давно уже переборола обиду на нее, но он боялся осуждения матери и всех соседей, если простит непутевую дочь.

- Никогда не угасал огонь нашего очага, ты это знаешь, Дидиг. А теперь он горит и в очаге твоей дочери. И он не должен погаснуть. Сейчас время тяжелое. Поезжай в Грозный, узнай что да как. Может, надо чем помочь...

Сердце Дидига сжало острой болью, когда он увидел Эзи, повзрослевшую, похудевшую, с тревожным блеском глаз.

- Поехали... к нам, - прерывающимся голосом еле выговорил Дидиг. - Бабушка очень за тебя переживает.

- Вы простили меня?! - Эзи со слезами бросилась на грудь отцу. – И нани простила?!

- Не плачь, - одной рукой Дидиг гладил шелковые волосы дочери, другой вытирал свои глаза. - Что ты, что ты... Не заставляй людей смотреть на нас.

Долго говорили отец и дочь, счастливые, что стена, стоявшая между ними, рухнула. Но поехать обратно Эзи наотрез отказалась.

- Теперь здесь мой дом. Я должна хранить свой очаг. И дома дожидаться мужа. А к нани я приеду скоро в гости.

Но не суждено ей уже было увидеть бабушку. И отца, и отчий дом. Наступил страшный, скорбный день - двадцать третье февраля сорок четвертого года, день, когда ингушей и чеченцев объявили врагами народа и приказали в двадцать четыре часа покинуть родную землю.

Эзи металась по комнате, из угла в угол, не зная, что взять, что предпри-нять, когда в дом вбежала Евдокия Платоновна.

- Идут за тобой, девочка!

- Тетя Дуся! Как же это? - Эзи беспомощно ухватилась за нее. - Что я сделала? Какой я враг народа? Тетя Дуся, разве ты в это веришь?!

В дверь без стука вошли военные.

- Прекратить разговоры! - приказал молоденький офицер. - Почему еще не на улице? Быстро одевайся и к грузовикам на площадь! И никаких с собой чемоданов!

Евдокия Платоновна порывисто прижала к себе Эзи:

- Не верю, не верю, бедняжка ты моя! Все образуется, не бойся! Как Сталин узнает, так все и образуется!

Быстро, но без суеты, Евдокия Платоновна переложила из своей объемистой сумки в Эзин мешок кое-какие кульки, пакеты, свертки.

- Пригодится! Ну, с богом!

Только благодаря этой доброй русской женщине, у Эзи оказались с собой четыре буханки хлеба, крупа, фасоль да увесистый полотняный мешочек с мукой. Сама же Эзи впопыхах ухватила только самое дорогое – бабушкины плошки с угольками и золой. А больше не взяла и нитки, верила, что очень скоро все изменится и снова она будет дома. Произошла чудовищная ошибка или даже вредительство. Ведь не может же быть врагом народа сам народ! За что ее, комсомолку, ударницу труда, жену фронтовика заклеймили позором и лишили крова? Нет, это просто недоразумение, и все наладится!

На вокзале, в голосящей толпе испуганных, ошеломленных, оглу-шенных горем людей Эзи заметила двоюродного брата Угуза с женой и целой оравой детворы мал мала меньше, но пробиться к ним сквозь давку не смогла.

Когда пришел состав и началась погрузка, творилось что-то невообразимое. Солдаты и милиция силком заталкивали в вагоны сопротивлявшихся людей, не разбирая кто, чей, с кем. Истошно кричали женщины, потерявшие детей, надрывно плакали дети, потерявшие родителей. Многие семьи оказались разлученными, при этом никто не знал, куда и зачем их повезут.

Случайно Эзи оказалась в одном вагоне с семьей Угуза. Стало немного легче на душе - с родными не так страшно.

Не было даже нар, пришлось садиться прямо на пол. В старом товарном вагоне было промозгло и грязно. Хорошо, кто-то умудрился притащить железную печурку, и Эзи, к всеобщей радости, зажгла в ней огонь. Но

только когда поезд набрал скорость, все оценили, что это такое. Вагон продувался насквозь ледяным февральским ветром, согреть его печурка не могла. Однако люди грелись около нее по очереди, по очереди кипятили чайники и казанки. До самого конца дороги, все три недели Эзи старательно следила, чтоб не погасла эта единственная отрада на тернистом пути обездоленных людей.

Эзи щедро делилась съестным с семьей Угуза, поэтому хлеб, крупа и фасоль кончились у нее еще в поезде. Луба, вольно распоряжавшаяся продуктами Эзи, когда дело доходило до ее собственных припасов, сразу становилась очень бережливой, если не сказать скупой. Тогда Эзи старалась не обращать на это внимание: ведь шестеро детей - не шутка. Но теперь ей многое стало ясно. К сожалению, слишком поздно...

Утром Луба и Угуз вышли в сени к замерзшей, окоченевшей Эзи.

- Ну что? Поостыла немного? - толкнула ее Луба в бок. – Согласна теперь, дуреха?

Эзи от холода не могла вымолвить ни слова, зубы выбивали мелкую мучительную дробь. Она только молча покачала головой.

- Вот ведь мерзавка! - разозлилась Луба. - Упрямей ишака. И чего мы ее упрашиваем, унижаемся перед ней? Идем к Сурхо, пусть забирает ее к себе. И все!

- Верно говоришь! - мрачно кивнул Угуз. - Куда ей деться? Я старший, я даю за нее согласие. Пошли к Сурхо, Луба!

После их ухода, Эзи с трудом поднялась с соломы, и, еле переставляя одеревеневшие ноги, вошла в дом. Дети удивленно разглядывали ее синяки и кровоподтеки. Но ни один не пожалел. Еще чего! Ведь из-за Эзи, из-за ее упрямства им так хочется кушать!

- Посмотрите, посмотрите, - зло хихикали они. - На обезьяну похожа.

На побитую обезьяну.

- Эй, сегодня тебя выдадут замуж! За старика Сурхо во-от с такой длиннющей бородой, как у козла! - и дети, дурачась, принялись это повторять на все лады.

Эзи ни разу не взглянула в их сторону. Она долго возилась в своем углу, что-то искала, потом с двумя глиняными плошками подошла к печке, присела около нее. Дети, притихнув, с любопытством наблюдали, как она насыпала золу в одну из плошек, осторожно положила горящие угольки, сверху еще присыпала золой, и накрыла все второй плошкой. Потом аккуратно сунула их к себе под пальто, поправила на голове платок и молча вышла.

- Ты что, Эзи! - крикнул ей вслед Зайг, самый старший. - Ты что надумала? Вернись!

Но Эзи уже была на улице. Ветер ударил в лицо, колючим снегом залепил глаза. Куда бежать? Кто ей поможет? В любом доме найдут Угуз

и Луба. Уйти из аула? Да куда ж уйти? Ведь она ссыльная, бесправная, враг народа... Горечью заломило сердце. Эзи беспомощно застонала, сиротливо прислонившись к стене.

Вдруг сквозь свист метели ей послышались голоса Угуза, Лубы и ненавистный голос Сурхо. Эзи метнулась за угол дома - здесь не увидят, и, проваливаясь по колено в сугробы, побрела прочь.

- Нет! Нет! Нет! - исступленно твердила она. - Никогда! Никогда!

Только Ляча, только Ляча!

Вот и последние строения остались позади. Бездомный ветер в поле был еще сильнее, он пригоршнями кидал снег в лицо, рвал полы легкого пальтишка, продувал насквозь, словно заставляя вернуться назад. Нет-нет, назад нельзя! Впереди сквозь метель увидела чернеющий стог сена. Эзи бросилась к нему, спотыкаясь, увязая на бездорожье, падая, снова вставая. Добравшись до стога, она, как подкошенная, опустилась на колени в снег.

- Ляча! Ляча! - рвался на ветру ее тоненький молящий голосок. - Где же ты, мой любимый?!

Но только ветер свистел вокруг, да еще где-то неподалеку раздавался леденящий душу протяжный волчий вой. Эзи в страхе вскочила на ноги, и, лихорадочно отгребая снег, стала вырывать клочки сена из стога. Волчье завыванье слышалось совсем близко. Спиной загораживаясь от ветра, Эзи вытащила из-под пальто глиняные плошки, которые все время старательно прижимала к себе. Приподняв одну, вторую сунула поглубже в сено. Ей не пришлось дуть, разжигать огонь, это сделал ветер.

Почти рядом она с ужасом увидела волка, поодаль другого, и тут спасительный огонь с треском охватил стог. Волки, взвизгнув, отскочили.

Как зачарованная, смотрела Эзи на яркое, чистое и веселое пламя, ласково согревающее ее измученное, продрогшее до костей тело, и вселяющее в душу тихую веру, что все обиды, вся боль, горечь, беспросветность, одиночество - все кончится.

- Ляча! - прошептала она пересохшими губами. - Ты был самый смелый, самый красивый, самый чистый! Ты был, как этот огонь. Ля-а-а-ча!

Весной один казах на месте сгоревшего стога нашел две глиняные закопченые плошки. Повертев их в руках, он решил, что находка вполне сгодится для кормления собак.

Эти плошки случайно увидел Зайг, старший сын Угуза и Лубы. И тогда люди поняли, куда исчезла Эзи и как оборвалась ее жизнь...

Перевела с ингушского Татьяна САРТАКОВА

* * *

- А вы из каких? - спросил почему-то я.

Он, не отвечая, достал книжку участника войны.

- Вот, - сказал, - Я всю войну от корки до корки.

Выпили. Он глотнул из банки рассольчик и, заедая корочкой, добавил:

- Начиная от парада в сорок первом... А потом везде... Я автоматчиком был... Вот на Кавказе... Мы там этих, черных, вывозили. Они Гитлеру продались! Их республиканский прокурор был назначен генералом против нас... Он опять налил. И мы выпили.

- В феврале, в двадцатых числах, помню, привезли нас под праздник в селение, вроде как на отдых. А председателю сельсовета сказали: мол, в шесть утра митинг, чтоб все мужчины около твово сельсовета собрались. Скажем и отпустим. Ну, собрались они на площади, а мы уже с темноты вокруг оцепили и сразу, не дав опомниться, в машины да под конвой! И по домам тогда уж... Десять минут на сборы, и в погрузку! За три часа всю операцию провели. Ну, а те, что сбежали... Ох, и лютовали они... Мы их по горам стреляли... Ну, и они, конечно... Помню, по Аргуни шли... Речка такая... На ишачках, значит, одиннадцать ишачков, я второй... Он как полоснет с горки из пулемета! Двое упали, а мы, остальные, отползли за выступ. Настроили миномет,и по той горке, где он засел, как дали...

Горку ту срезали, ни пулеметчика, ни пулемета! Клочка одежды не нашли. А у нас ведь как положено: голову тащишь в штаб, а там кто-нибудь из ихних опознает и вычеркивает из списков: Ахмет или еще кто... Ну, там до весны, орден дали, а потом татар переселял... Больше не тот все... Калмыков, литовцев... Тоже злодеи-фашисты, сволочи такие...

И вдруг я услыхал что-то уже знакомое, слышанное давным-давно. Наверное, там же на Кавказе.

- Всех, всех их надо к стенке! Не добили мы их тогда, вот теперь хлебаем...

К Виктору Ивановичу притянулись двое, сморщенные, в длиннополых старого покроя пальто из черного драпа. Мне их представили как "наших ребят", завсегдатаев.

- Вот они повоевали... - хвалил их Виктор Иванович. - Мы в одних войсках были, хоть и не встречались... Да тут наших много! Он повел рукой,

и я невольно оглянулся. И правда, не считая студентов, которых не трудно было выделить по возрасту и одежде, другие все или почти все были вровень с нашим Виктором Ивановичем... Не такие моложавые, но уж точно, спокойные, благостные, что ли. И хоть без погон, но чувствовалась в них старая выучка... Школа. Какая школа!

Виктор Иванович кричал своим дружкам, похрустывая солененькой бараночкой, крошки от нее летели на пол:

- Я этих гадов как сейчас помню... У меня грамота лично от товарища Сталина! Да!

Его мирные улыбчивые дружки кивали и протягивали с мутным пивом кружки, соединив их в едином толчке.

А ведь, не скрою, приходила, не могла не прийти такая мысль, что живы, где-то существуют все те люди, которые от Его имени волю его творили.

Живы, но как живы?

Не мучают ли их кошмары, не приходят ли в полночь тени убиенных, чтобы о себе напомнить?

Нет, не приходят.

Поиграв с внучатами, они собираются, узнавая друг друга по незримым, но очевидным приметам. Печать, наложенная их профессией, видать, устойчива.

И сплачиваясь в банях ли, в пивных ли, они соединяют с глухим звоном немытые кружки и пьют за свое здоровье и свое будущее.

Они верят, что не все у них позади...

А.И.ПРИСТАВКИН. Ночевала тучка золотая.

М.: Книжная палата, 1988.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении орденами и медалями работников Наркомата

Внутренних дел и Наркомата Государственной безопасности

от 8 марта 1944 года*

За образцовое выполнение специальных заданий Правительства Указом Президиума Верховного Совета СССР награждены:

Орденом Суворова 1-й степени - генеральный Комиссар госбезопасности Л.П.БЕРИЯ, Комиссар госбезопасности 2-го ранга Б.З.КОБУЛОВ, Комиссар госбезопасности 2-го ранга С.Н.КРУГЛОВ, Комиссар госбезопасности 2-го ранга И.А.СЕРОВ.

Орденом Кутузова 1-й степени – генерал-полковник А.Н.АПОЛЛОНОВ,

Комиссар госбезопасности 1-го ранга В.Н.МЕРКУЛОВ, генерал- майор И.И.ПИЯШЕВ.

Орденом Суворова 2-й степени – Комиссар госбезопасности 2-го ранга В.С.АБАКУМОВ, Комиссар госбезопасности 2-го ранга милиции Е.С.ГРУШКО, генерал-лейтенант Н.П.СТАХАНОВ и другие, всего 13 человек.

Орденом Кутузова 2-й степени -17 человек,

орденом Красного Знамени - 79 человек,

орденом Отечественной войны 2-й степени -61 человек,

орденом Красной Звезды -120 человек,

медалью "За отвагу" - 258 человек,

медалью "За боевые заслуги" - 111 человек...

«Грозненский рабочий». 1944. 10 марта

** Указ был издан в день, когда выполнялось очередное спецзадание Правительства: таким же способом выселялся балкарский народ.-Прим. ред.-сост.*

Аза БАЗОРКИНА

Т Е Р П Е Н И Е

Мимо группы парней проезжал пьяный всадник.

Поравнялся с ними и начал их оскорблять.

Парни хотели образумить наглеца, но старик,

видевший всю сцену, велел им отпустить его.

Сжали зубы и кулаки разъяренные парни,

подчинились старику и лишь посмотрели

вслед оскорбителю.

А тот доехал до следующей группы людей

и повторил то же самое.

Но там его стащили с лошади и

хорошенько отлупили.

- Смотрите, - сказал старик молодым, -

его бьет ваше терпение.

Ингушская притча

... В начале 1944 года в каждой ингушской и чеченской семье были помещены на постой солдаты. Никогда раньше в городе не было такого количества военных грузовиков - они стояли во дворах, на улицах. Говорили, что это передислокация войск, и население старалось обогреть солдат, накормить домашним перед отправкой на фронт.

Разговоры о выселении ингушей и чеченцев возникли незаметно и велись по секрету. Я спрашиваю, что такое "выселять". Папа и мама цыкают на меня, чтобы я не лезла в разговоры старших и молчала. Но слова "войска", "передислокация" и "выселение" повторяются все чаще. Каждый день к нам приходят папин брат дядя Мурад, папины друзья дядя Султан Плиев, Джемалдин Яндиев, Хамзат Осмиев, еще кто-нибудь. Все так и сяк обсуждают, возможно ли выселение целого народа? Решают, что невозможно. Но карачаевцев уже выслали, значит, не исключено, что вышлют и нас. Но за что? Как?

Каждое утро дядя Мурад приходил к нам, либо папа шел к нему в соседний подъезд. В это утро папа пошел к дяде Мураду и очень скоро бледный и растревоженный вернулся: "Сегодня ночью вывезли Мурада

со всей семьей, - сказал он. - Из нашего дома вывезли все ингушские и чеченские семьи".

Мураду не позволили проститься с братом, который жил в том же доме. Вывезли темной ночью, быстро и тихо, мы даже и не слышали. Это случилось в ночь с 22 на 23 февраля.

ЭТО СЛУЧИЛОСЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕГО ФЕВРАЛЯ ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ СОРОК ЧЕТВЕРТОГО ГОДА.

ТРАГЕДИЯ МОЕГО НАРОДА...

Потом, через десять - пятнадцать лет я узнала, как это делалось. В селениях собрали мужчин, начиная с четырнадцати лет, на митинг в честь Дня Красной Армии. И эта же Красная Армия, которая якобы находилась на передислокации и которая родными детьми жила в чеченских и ингушских гостеприимных семьях, кощунственно была приобщена к трагедии народа.

По приказу солдаты окружали собравшихся на митинг мужчин и под прицелом вынуждали садиться в подъехавшие студебеккеры.

В то же время под дулами автоматов "гостей" растерянные женщины и старухи неумело собирались "через пятнадцать минут" в дорогу. Разрешено было брать на семью не более ста килограмм багажа.

Что надо? Куда и зачем в феврале их везут? Надолго? Что происходит? Где главы семей - отцы, сыновья, братья? Тревога, слезы, страх, недоумение, растерянность объяли людей. Со всех сторон их свозили к оцепленной железнодорожной станции, к товарным вагонам с надписями "Враги народа", "Людоеды" и грузили в них. Здоровые и тифозные, старые и малые, мужчины и женщины загружались в эти вагоны, двери задвигались и запирались снаружи - эшелон арестованных готовился к отправке.

Очевидцы рассказывали ужасы, о которых много лет боялись говорить вслух. Да и шепотом - только самым близким. Молчали. А было, говорят, и было так: немощных старух и больных, которых некому было нести, расстреливали на месте или попросту сбрасывали в пропасть. Бывало, сжигали живьем.

Существовала личная инструкция Берии - остающихся на местах УНИЧТОЖАТЬ как врагов народа.

Сегодня в селении Гули живет Маас Чахкисв. Его слепого отца Лерали Чахкиева при выходе из Шоанского ущелья, около "Бийтмар венна моттиг" расстреляли и сбросили в пропасть.

С ним вместе расстреляли мать Гетагазова Исропила - Хани. Она

была старенькой. Ее тоже там сбросили в пропасть. Внуки ее сегодня живут в селении Ольгетты. Там же в пропасть сбросили Берда Хаутиева.

Это в Чечне, в горном селении Хайбах из-за бездорожья в колхозную конюшню согнали стариков, слепых, беременных - всего семьсот человек под предлогом формирования колонны. Закрыли двери, обложили конюшню соломой и подожгли. Когда же под натиском обезумевших людей двери рухнули - выбегавших людей косили автоматными очередями. Приказы Берии выполнялись беспрекословно.

В селении Цхаралты оказались забытыми старик с внуком Оздоевы. В момент выселения они пасли скот в горах и ничего не знали. Обнаружив обезлюдевшее село, они пришли к солдатам с просьбой отправить их к своим, но эшелон был отправлен и их расстреляли на месте. А в доказательство выполнения приказа - отрубили им, седобородому старику и мальчику, головы и отвезли их в НКВД.

Оставшиеся в горах пастухи наблюдали за выселением в бинокли и рассказывают. Из селений Таргим и Хамхи людей выводили пешими, до дороги им предстояло пройти более 25 километров. Шли груженные вещами, иные несли на себе стариков, толкали ручные повозки. Когда все ушли, солдаты собрали в одно место немощных и одиноких стариков, больных и сожгли их заживо.

Живет в селении Черноречeнское Цицкиев Магомет и его две сестры.

На их глазах и на глазах соседей расстреляли их мать. Она хотела взять с собой вещи, приглянувшиеся офицеру-мародеру. Тело матери на глазах ее трех малолетних детей сбросили в погреб. А детей одних, без отца и матери свезли и сгрузили в товарный вагон с надписью "Враги народа".

До наших мест гитлеровские фашисты не дошли. Они изредка долетали до нас на самолетах. Но то, что творилось у нас - разве не фашизм?

Дети тех страшных дней, сегодняшние немолодые люди свидетельствуют. Они - живая память народа. И они помнят не только зло. Они помнят солдат, которые, не скрывая слез, помогали растерянным матерям собирать вещи. Иные из них сами подбирали необходимое, отбрасывая патефоны, ковры, и грузя кукурузу, муку, теплую одежду. Некоторые резали скотину, наскоро солили мясо, догадываясь, что путь выселенцам предстоит неблизкий и нелегкий.

Народ благодарит их за человечность.

По-разному провожали изгнанников остающиеся. В большинстве случаев плакали, тайком совали в руки детям и старикам свертки с наскоро собранной едой, просили сообщить адреса. Местные осетинские националисты - свидетельствуют Патиев Умар, Цицкиев Магомет, Хаматханова Хулимат, Алдаганова Сахират и другие, выселявшиеся из

Пригородного района и самого Орджоникидзе, - пели и танцевали от радости, швыряли камни в проезжающие студебеккеры и вагоны.

Так начиналось выселение. За пять дней на древней земле Ингушетии и Чечни не осталось ни одного ингуша и чеченца...

Полмиллиона человек погрузили в вагоны для перевозки скота, редкие с нарами, все - без печек. В щели задували злые февральские ветры. Там, где были нары, было куда положить стариков и больных.

Женщины и дети сидели на полу. Молодежь ехала стоя, спали, поддерживая друг друга. Были семьи, поднятые прямо с постели, разутые, раздетые, без еды. Делились всем, что имели. Ехали восемнадцать суток с редкими остановками в голой степи. Двери открывались, людей выпускали по нужде. Под дулами солдат наш глубоко целомудренный народ, прикрывшись одеждой, мужчины, старики, женщины, девушки рядом, выстроившись вдоль вагона, оправлялись, как могли. Шаг в сторону воспринимался как побег, расстреливали без предупреждения.

Остановки использовались и для очищения вагонов от покойников. Узники прятали своих умерших родственников: самое страшное для ингушей и чеченцев не предать труп земле. Прятали их, надеясь похоронить на месте. Но солдаты автоматами заставляли вытаскивать из вагонов умерших, иногда за колечко или сережки позволяли присыпать покойника снегом. Вагоны трогались - умершие матери, отцы, братья, сестры, дети оставались на снегу.

Интеллигенцию выселяли напоследок двадцать восьмого февраля 1944 года. В последнем эшелоне в числе 207 руководящих работников республики и творческой интеллигенции ехала я с мамой, Тамарой Саговой, и папой, писателем Идрисом Базоркиным. С 23 февраля меня из дома не выпускали. Спали мы на тюках с вещами, каждую минуту ожидая солдат. Бабушка - мамина мама - ходила на базар за новостями и, возвращаясь, рассказывала, как бойко идет торговля вещами выселенных.

Бабушка все время плакала. От слез у неё на кончике носа вскочил красный прыщ и на нем всегда висела слеза. Родители решили, что бабушка, как гречанка, останется дома, чтобы позже помочь нам.

И вот пришел день. Серый. Солдаты помогли снести в студебеккер

вещи. Мы погрузились, и машина медленно тронулась. В окнах, в дверях подъездов, во дворе стояли соседи и молча смотрели на нас. Бабушка шла за машиной, и с прыща на ее носу ручейком стекали слезы.

Мне стало страшно, я испугалась за бабушку, которую мне было очень жалко, и я заплакала. И помню - жесткий, властный голос папы: "Не сметь плакать! Они не должны видеть наших слез!" Я тут же перестала плакать, повинуясь чему-то огромному, тяжелому, что понять еще я не могла.

Потом мы долго не уезжали. Состав стоял на путях и не трогался. Вагоны у нас были обычные, жесткие, но не товарные.

Помню, как дрогнул и медленно двинулся поезд, как все прильнули к окнам и, не стесняясь, в голос заплакали женщины, как отвернулись, чтобы спрятать слезы, мужчины, и весь вагон тоскливо запел "Прощай, любимый город...".

Помню, как неторопливо катился наш вагон, как глаза отверженных, обреченных людей жадно цеплялись за каждый кустик, за каждую родную кочку. Вдруг кто-то воскликнул: "Смотрите, смотрите, Сорокин! Проститься пришел!"

Под насыпью лицом к проходящему поезду стоял простоволосый мужчина с фуражкой в руке. Голова его с развевающимися на ветру светлыми волосами была низко опущена. Сорокин, председатель горис-полкома, хороший человек, провожал нас. Позже мы узнали - за сочувствие к "врагам народа" его расстреляли.

Моя жизнь в пути делится на две части на фоне монотонного движения поезда. Очень нудно. Уже надоела мне вкусная таранка, от которой тетя Зина Тамбиева мне и своей дочке Томе отдирает вкусные спинки, а не менее вкусные хвостики и ребрышки выкидывает. Я удивляюсь, сколько у них этой рыбы. Это - детское.

Главное же - взрослые. Их объединяет общая беда, но и они разделены.

Женщины - мама, тетя Зина, а иногда еще кое-кто из соседних купе - с нами, с детьми.

Мужчины - отдельно. Они всегда вместе, группой, очень суровы, серьезны. Они куда-то уходят, приходят, о чем-то говорят - мало, сдержанно, негромко. Никто никогда не улыбается.

Слышу взволнованный разговор мамы, папы и тети Зины: в эшелоне есть случаи какой-то страшной болезни с высокой температурой. Там и сям звучит непонятное мне слово "тиф".

Вскоре я стала просить измерить мне температуру. Помню мамин безумный страх в глазах, когда термометр показал тридцать девять. Меня сразу положили на самую верхнюю полку, куда раньше не пускали. Тетя Зина уверяла маму, что это простуда, не больше. Папа заставил меня показать горло. Оно было с их слов очень красным, и мама в первый раз после отъезда радостно рассмеялась, что я так хорошо больна. И тут же ко мне потеряли всякий интерес - никому ни до меня, ни до моей болезни не было дела.

Помню, что на остановках мужчины выходили из вагона. Нам, детям, и женщинам было запрещено без нужды выходить из купе и передвигаться

по вагону, не то, что выходить на улицу. Я всегда старалась увидеть папу

из окна. Очень боялась, что поезд тронется, а папа останется. Он всегда вскакивал на подножку уже движущегося поезда, и я трепетала - а вдруг не успеет, и мы уедем без него. Как сейчас помню свое волнение, когда на очередной остановке мужчины быстро пошли к какому-то маленькому дому, который, как мне казалось, стоял очень далеко от железнодорожных путей.

Я видела, как, нагнувшись, они прошли в дверь. Мне казалось, они там были вечность. Потом по одному вышли оттуда. И как-то отрешенно, медленно, будто им и дела никакого не было до того, что поезд тронулся, шли обратно. Мама молча наблюдала за ними из окна. Она строго сказала мне:

"Успокойся! Они сели в задние вагоны. Придут".

Поезд шел, а папы все не было. Я боялась, что мама ошиблась, что они не успели сесть в последний вагон, что, наверное, дверь там была закрыта и они остались...

Но вот пришел папа, и с ним еще кто-то из мужчин. Они молча сели к окну, ничего не говорили, смотрели, не мигая, в одну точку, будто продолжали видеть то, что увидели там, в маленьком домике. Потом сказали несколько слов маме, и у мамы широко распахнулись ее огромные зеленые глаза и заполнились ужасом и безысходностью.

В этом придорожном домике, как я узнала потом, были свалены в кучу перекрученные закаменевшие трупы людей из предыдущих эшелонов.

Много на пути нашего эшелона было подобных домиков. Помню, как по географической карте мужчины пытались определить, куда нас везут. Наконец, привезли в киргизский поселок под названием Токмак. Конечная остановка. Нас выгрузили.

Нас и еще несколько семей поместили в одном доме. Меня определили в школу, где детям давали сорокаграммовые булочки. После школы я бежала к мамочке на базар помогать продавать вещи. У других были какие-то запасы - деньги, ценности, продукты. В нашей семье, где папа считался "человеком, не приспособленным к жизни", никаких запасов не было. Единственное мамино колечко с бриллиантиком и рубином первым отправилось на базар. Следом пошли носильные вещи - мамино пальто, мамина юбка, папин костюм... Я очень гордилась, когда нашла покупателя на свой малюсенький детский коврик и гуттаперчевого Димку. Из всех игрушек мне позволили взять с собой только Димку, потому что он был раненый фронтовик. У него одна нога была тряпичная. У пожилого русского, купившего Димку, с очень добрым небритым лицом тоже была одна нога. Помню, как мама брала у него деньги. Ей было неудобно, она отводила глаза и словно извинялась. Димка в тот день хорошо нас накормил.

Частенько с нами на базар ходил дядя Джим - первый поэт Ингушетии Джемалдин Яндиев. Его жена Тамуся была нездорова. Пока дядя Джим, мама и я с ними искали на базаре покупателей на наши вещи, папа и другие

мужчины из нашей интеллигенции решали вопрос о том, знает ли о нашем выселении "отец родной", обсуждали, как быть и что делать. Составляли телеграммы и письма Сталину, в которых раскрывали ему глаза на подлеца Берия, выгнавшего народы из родных домов. Все были убеждены в том, что Сталин - святой, справедливый, доверчивый - просто не знает, что творит Берия за его спиной. Надо только, чтобы письма дошли до самого Сталина, чтобы Берия не перехватил их. Когда Сталин все узнает, он вернет нас домой, а Берия накажет.

Пока шли эти разговоры, писания писем, пока Берия получал от Сталина орден Суворова первой степени за отличное выполнение особо важного задания партии и правительства, вещи наши кончились. Мама продала все. Она осталась в одном кремовом поплиновом платье, которое вечером стирала, а утром гладила и надевала. Продан был и папин фотоаппарат, в котором была пленка, запечатлевшая наше выселение и поездку, - эшелоны, придорожные домики, забитые трупами, все, что папа, заходя последним в вагон, обязательно фотографировал. Фотоаппарат пошел за четверть своей цены. Всю жизнь жалеет папа пленку, о которой никто, кроме него, не знал и которую новый владелец наверняка просто выбросил.

Никто нас возвращать домой не собирался. Надо было жить. Начали пытаться устроиться на работу. Никто никуда "врагов", "предателей родины", спецпоселенцев, каторжных не берет. Первому ингушскому профессору лингвисту Дашлако Мальсагову удалось устроиться директором бани. Все говорили, что банщик - тоже хлеб.

Нашу семью отправили из Токмака в деревню Ивановка. Здесь маме помог диплом зоотехника. Помню плачущую несчастную мамочку с огромным кровоподтеком на бедре. Это мамочка хотела сесть на лошадь, а та почему-то ударила ее копытом. Еще помню, как она со стоном слезает с лошади, на которую села впервые. Мама не может идти, и мы ищем марганцовку, чтобы промыть кровавое месиво, в которое превратились во время езды ее ноги. Зато потом - и это я тоже помню - киргизские старики с уважением и любовью назвали ее Тамара-аксакал, джакши-кыз - хорошая девушка. Она научилась ездить верхом лучше иного мужчины и, конечно, лучше папы.

Папа устроился работать кладовщиком в колхозе. Но это случилось не сразу. Пока мама и папа не работали, к нам пришел голод. Не было ничего вкуснее похлебки из листьев сахарной свеклы. Варилась она так: в четырехлитровую кастрюлю заливалась вода, закладывалась резаная ботва и соль. Если находилось пять рублей, то покупался плавающий на воде, как бумага, пятачок масла или полстакана муки. Все это кипело. Я ела этот "борщ" наравне с мужчинами по две большие железные миски.

Моей обязанностью было приносить из пекарни хлеб. Это было самое трудное. Пекарня находилась далеко, и донести домой пахнущую до головокружения буханку хлеба нетронутой было безумно, невероятно

трудно. Всю дорогу я её нюхала. Иногда не выдерживала и дотрагивалась до хлебушка кончиком языка. Но это казалось мне очень стыдным, и если честно, то признаюсь я в этом только сейчас. Дома папа точно по ниточке делил хлеб на пять частей, и каждый получал свою порцию на день. Мама всегда старалась отказаться от своей порции, говоря, что ее кто-то угостил, что она сыта. Чем она жила тогда, я не знаю. Я не была такой мужественной, как мама, и однажды не удержалась. Целый день из пекарни не вывозили хлеб, и запах печеного теста, доносившийся оттуда, раздразнил меня вконец. Дорога домой была бесконечной, и я не выдержала. Отщипнула малюсенький кусочек от румяной корочки, положила в рот и сосала долго-долго, пока он не растаял. Потом еще кусочек... Когда я подошла к дому - половины моей порции как не бывало. Мне очень стыдно. До слез. Я отдаю папе хлеб и говорю, не глядя на него: "Когда будешь делить хлеб, меня не считай, я свою порцию уже съела". Ушла и, чтобы не видеть ничего, уткнулась в угол. Я сама себя наказала, но не могла не думать о том, как папа делит, неужели он не отрежет мне хлебушка? В глубине души живет уверенность, что отрежет, но страх, что, поступая по правилам, не отрежет, пронизывает мое существо. Папа, конечно, разделил хлебушек так, словно я ничего не отщипала... Еще помню: сидит папа на корточках. Перед ним три большущие плитки жмыха - то, что остается, когда из семечек выжмут масло. На вид этот жмых очень вкусный, а пахнет... Папа ножичком отковыривает по кусочку и ест. Очень вкусно ест. Я стою рядом и не прошу, просто жду, когда же и мне он даст кусочек. Но папа ест и меня будто не замечает. Я решаюсь преодолеть себя и очень робко говорю: "Папа, дай мне кусочек". Он отвечает коротко и беспрекословно "Нет!" Я думаю - "жадный". Слезы закипают у меня от обиды, я еще какое-то время стою в надежде, что он смилостивится и все-таки даст. Но он не дает. И я тихонько отхожу в сторону.

На второй день папа отдает мне целых две плитки и говорит: "Ешь, сколько хочешь. Я тебе, когда кончится, еще принесу".

Оказывается, к ним на склад завезли жмых для протравки грызунов в поле. Папа и завхоз не знали, протравлен уже этот жмых или еще нет.

Вот папа на себе и проверял.

Наша улица состояла из трех домов, каждый из которых смотрел на свой огород. На огороде росла сахарная свекла. В среднем доме жили мы и тетя Паша-солдатка с дочкой Галей, моей ровесницей. В соседнем доме, ближе к нам - "кулачка" Маруся с коровами за забором. У нее тоже была дочка, наша ровесница. Ботвой от свеклы нас снабжала тетя Паша. Они ели свеклу, а нам отдавали ботву. Каждый день перед заходом солнца я шла к тете Паше и просила, как меня научили: "Тетя Паша, если можно и вам не очень нужно, дайте, пожалуйста, нам ботву, мы сварим борщ. Пожалуйста!"

Тетя Паша, сухая, высокая женщина, недовольно давала ботву. Я, счастливая, с этой ботвой прибегала домой. Мама спрашивала: "Как она

дала? Сразу? А какое у нее было лицо - злое или нет?" К тете Марусе "кулачке" не ходили. Она скармливала ботву своим коровам.

Помню, я пришла к тете Паше, но не успела договорить до конца свою просьбу-молитву. Тетя Паша грубо меня оборвала: "Надоели вы мне со своим "пожалуйста". Нет у меня ботвы!"

В тот день мы ничего не ели. Нечего было есть. Мама тихо плакала.

Вскоре у меня начался кровавый - голодный - понос. Трава, которую я ела в поле, не насыщала.

Помню еще малярию. Она мучила по очереди всех нас - и маму, и папу, и меня, и двух наших родственников, живших с нами. Хорошо помню, как в полдень в сорокаградусную жару подкрадывается озноб. Я сажусь погреться на солнышке. Потом кутаюсь во все тряпки, что находятся в доме, а меня колотит от холода, крутит кости. Но вот отпускает холод и меня охватывает немыслимая жара и начинается головная боль до рвоты. Температура повышается до предела и начинает казаться, что вся комната - это моя голова, а язык разбухает и растет-растет, становится, как слон, и так трудно поворачивается этот язык-слон. Потом вся комната вместе с кроватью начинает крутиться, пока не становится темно и жутко... После приступов малярии не хочется есть. Помню, мама раздобыла одно яйцо, достала где-то ложечку сахара и взбила мне гоголь-моголь, который я очень любила. И как мне было стыдно, что я не смогла и ложки такой вкусноты проглотить.

Помню, как она меня успокаивала. Глаза ее добрые, с непролитыми слезами помню. К нам ходила медсестра и по схеме поила акрихином. Она нас и спасла.

В Ивановке я пошла в школу во второй класс. Длинная шоссейная дорога соединяет один конец села, где мы живем, с центром, где школа. Вся жизнь в Ивановке связана с этим шоссе: по ней за хлебушком и обратно с хлебушком, по ней в школу и обратно, по ней приезжает из командировок мама, по ней я бегаю с детворой, обжигая босые ноги в придорожной пыли...

Жизнь наша понемногу начала налаживаться. Однажды мама привезла барана. Его зарезали, разделали, мама завернула ляжку в какую-то тряпку, дала мне и велела отнести тете Паше. Я возмутилась:

- Не пойду! Галка - подлая вруша, а тетка Паша нам не дает ботву.

Мама мягко, но как-то очень убедительно сказала:

- Доченька, она несчастная. Солдатка. Одна с девочкой. Надо быть доброй. Надо уметь прощать. Иди!

Я нехотя пошла. Тетя Паша, когда я дала ей мясо, заплакала:

- Какая добрая у тебя мама. Я ведь не забыла, что в ботве вам отказала. Маруське отнесла, она взамен молока обещала. А Тамара мне мяса - да сколько!

Я счастливая прибежала домой и слово в слово пересказала маме и папе услышанное. Они переглянулись и на глазах у них заблестели слезы. Не помню случая, чтобы мы не поделились с тетей Пашей тем, что имели.

Жить стало легче и нам и солдатке Паше.

Вскоре колхоз выделил маме корову. Она давала нам по два литра молока в день. О голоде мы забыли. Потом приехала бабушка, а папа уехал жить во Фрунзе.

Во Фрунзе папе удалось устроиться на работу в хозяйственный отдел геологоуправления. Как член союза писателей он стал получать литерный паек. Люди начали списываться друг с другом, пытаться соединиться.

Положение было таково: все, начиная с шестнадцати лет, стояли на учете в спецкомендатурах по месту жительства. Еженедельно, в определенный день спецпереселенец обязан был явиться в комендатуру, чтобы отметиться. Неявка в назначенный день рассматривалась как побег и наказывалась ссылкой в Сибирь на основании Постановлений, подписанных Молотовым. Спецпереселенец не имел права перейти границу района, в котором он был прописан, без разрешения коменданта. Нарушение этого постановления рассматривалось как побег с места поселения и каралось - без суда и следствия - на двадцать пять лет каторжных работ с последующей ссылкой в Сибирь.

Рисковать было опасно - комендантам помогали так называемые "десятники". Они набирались из своих же спецпереселенцев. "Десятники" обязаны были отвечать за свою десятку семей - приходили каждый вечер в десять приписанных к ним семей проверять, все ли дома. За "покрытие" десятников наказывали как соучастников. Разрешения же выдавались в спецкомендатурах со скрипом. И все же люди соединялись.

Однажды к папе на работу пришел Руслан - старший сын дяди Мурада. Узнать его можно было только по голосу. Оборванный бродяжка, он был с ног до головы перемазан углем. Оказалось, он работал в паровозном депо, услышал от кого-то, что папа во Фрунзе. Машинисты подвезли его за то, что Руслан помогал им грузить уголь. Он рассказал, что дядя Мурад с детьми в Джамбуле умирает от голода. Надо было срочно что-то предпринимать, чтобы спасти брата с детьми.

Денег нет. Прав нет. Ничего нет. Но на коменданта произвел впечатление членский билет союза писателей, и он выдал папе разрешение выехать и даже привезти брата. Деньгами помогли друзья, и папа поехал в Джамбул.

Шел 1945 год. Приближалась годовщина нашей высылки. Джамбул встретил папу пятидесятиградусным морозом, но ему в его демисезонном пальто нараспашку было жарко, по дороге его начала трясти малярия. В доме у дяди Мурада он застал страшную картину: окна и стены покрыты инеем, в полу зияют дыры от вырванных на топку досок. Еды никакой - кипяченая вода.

Старшие дети бродят где-то вне дома. Руслан, работая в депо, вышел на папу. Фатима пошла за хлебом и пропала. Позже выяснилось, что у нее украли хлебные карточки на всю семью, и она решила, что спасение ее и семьи можно найти только на Кавказе, дома. Там родные, знакомые, там родной дом. Пятнадцатилетняя девочка сумела добраться до города Грозного, пришла в свое училище к учителям. Там-то ее и поймали. И без суда "за побег с места поселения" этапировали в Сибирь на двадцать пять лет каторжных работ.

Когда приехал папа, дядя Мурад с младшими дошколятами лежал в углу комнаты. Они уже не могли двигаться. Одежда их шевелилась от вшей...

Папа не мог увезти их сразу - они не могли от слабости двигаться. Пошел на базар прикупить для них одежду. И там встретил слепого ингушского певца Ахмета Хамхоева. Тот ходил с протянутой рукой (никогда у ингушей не было нищих, просящих подаяния!) и пел свой грозненский репертуар: "Ой ты, ноченька, ночка темная..." Но людям было не до песен и нечего было дать нищему. Погиб бы Ахмет, если бы не увидел его папа.

На этом же базаре папа увидел женщину - скелет, обтянутый кожей, протягивал людям трупик младенца и просил милостыню для спасения еще живых детей. Рассказывали, что участились случаи обмена детей на продукты. Казахи, очень любящие детей, усыновляли их, отдавая взамен продукты. Родители жертвовали одним, чтобы сохранить других.

Измывательствам комендантов, в полное распоряжение которых были отданы репрессированные народы, не было пределов. К потоку постановлений сверху, от Молотова, присоединялись распоряжения местных властей, одно другого унизительнее. К примеру: "Всех, до единого, спецпереселенцев уволить с работы". Выброшенные за борт люди остаются без средств к существованию и деваться некуда. Через два-три месяца - отмена приказа, разрешение давать работу и виноватым только за принадлежность к "преступной" национальности.

Особенно доставалось национальной интеллигенции, обосновавшейся в городах и районных центрах. Им прямо говорилось, что их не для того выслали, чтобы они в городах жили. В кишлаки! В аулы! На черную работу! И чтобы выжить, чтобы заработать копейку на кусок хлеба ученые и писатели работали сторожами, уборщицами, экспедиторами, разнорабочими... Папу то и дело выгоняли, чтобы принять и снова выгнать. В комендатурах висела инструкция ограничений для спецпереселенцев:

- в партию не принимать.

- в высшие учебные заведения не принимать.

- использовать спецпереселенцев только как чернорабочих.

- на руководящие должности - не выдвигать.

- общественную работу не поручать.

- инициативу и всяческие начинания не поощрять.

- никакими наградами и грамотами не награждать.

- в армию не призывать...

И главное - вдолбить! Вдолбить всем, что это не на срок! Это - пожизненно! Навсегда для вас, детей ваших, всех ваших потомков! Тогда

же переменили "спецпереселенец" на "спецпоселенец". Уловили нюанс,

что переселенец вроде может назад переселиться, а "поселенец" - это навечно.

Из Большой Советской энциклопедии исчезли названия переселенных народов. Их культура - искусство, фольклор, история, литература, музыка песни - упразднены.

На каждом шагу нам доказывали, что нас вообще на свете никогда не было. Не было! Сегодня нет! Нет! И никогда не будет!

Было издано очередное постановление. Всех женщин других нацио-

нальностей, вышедших замуж за спецпоселенца, считать спецпоселенками независимо от места рождения. Всех женщин, вышедших замуж за представителей других национальностей, освободить от режима. Основание: Указ НКВД Киргизской ССР от 7 июня 1947 года.

Тогда мы не знали слова ГЕНОЦИД.

Вот тут на защиту нации встали наши мудрые старцы. До выселения обычаи нашего народа не были столь строгими. У нас женились и выходили замуж за представителей других национальностей, был бы избранник или избранница достойными. Теперь же старики ввели строжайший запрет на смешанные браки. Жениться, а особенно выйти замуж за человека другой национальности объявлено было недостойным.

Только за своих выходить замуж и жениться на своих.

Нас хотят рассеять, растворить в других - не выйдет!

Мы выживем! Мы должны выжить любой ценой!

Нас давят, уничтожают, превращают в ничто, убивают веру в будущее, лишают будущего, вышвыривают из жизни - что противопоставить этой душегубке?

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ВЫЖИВАНИЕ.

Все, что считалось у ингушей безнравственным вчера - воровство, ложь, хитрость, изворотливость, - сегодня допускалось. Ради цели ВЫЖИТЬ разрешалось все!

Выживали те, кто научился хитрить, изворачиваться, ловчить, "делать" деньги, лгать. Строили дома, приобретали скотину, делали все, чтобы разбогатеть. Сумели жить лучше старожилов.

Были сомнения: к чему приведет такое нравственное саморазрушение? Не погибнет ли народ, лишившись традиционных моральных устоев? Не превратится ли в безликую массу, набивающую брюхо? Необходимость выжить заставила разобраться в традициях и обычаях - от каких временно отказаться, какие усилить.

Окрепли обычаи старинной взаимопомощи слабым семьям, сиротам, больным, безмужним. Обычными стали "белхи" - когда всем миром в воскресный день делали что-то для нуждающегося, складывались - деньгами, трудом. Вечером после работы собирали хороший ужин, устраивали национальные танцы, игры. Обогащали каждого надеждой – ты не один, рядом с тобой всегда народ, который придет на выручку в трудный для тебя день.

Непререкаемым законом сделали обычай почитания старшего, его слова.

Священной стала почитаться семья: никаких разводов. Семья - лицо настоящего мужчины. Женщина - образец терпения, нравственной чистоты, верности. Нарушившая эти нормы - позор для семьи, фамилии, рода. И наказывают ее самые близкие - отец, брат.

Воспитывалась память о прошлом народа. Каждый знал генеалогию своего рода, близких, родных. Помнили все славные дела и вершителей тех дел в прошлом. Гордились уважаемыми людьми сегодня.

Ввели обычай поминания, очень сближавший людей.

Возродился старинный суд - "кхел", на котором старейшины родов разрешали все конфликтные ситуации, возникающие в текущей жизни. Соблюдались все правила ради примирения сторон, ради торжества справедливости, чести, достоинства...

Да, правы, мудры были старики, когда стали крепить обычаи, собирающие народ воедино, сохраняющие его национальную целостность. Они же ответили на панические вопросы - как жить без веры в будущее? Ведь отнята вера, отнята родина! Есть вера, сказали они. Вера во Всевышнего, в

Аллаха! Нам не приходится ждать спасения от Сталина, значит, спасение придет только от Аллаха. Верьте в Него! Молитесь Ему! Просите Аллаха о помощи и помощь будет! Просите, чтобы Он вернул нас домой, и Он вернет нас!

И молились, и верили. Верили неистово, всей душой. Все тринадцать лет без роста культуры, без роста интеллигенции, вне жизни, с моралью "выживания".

Эти тринадцать лет, в которые все народы вокруг разваливались, мы - сохранялись. Мы сопротивлялись насильственному уничтожению.

Тринадцать лет народ черпал энергию и веру в самом себе и в Аллахе.

Народ ни разу не усомнился, что вернется.

Люди, встречаясь друг с другом, сначала здоровались, потом привычно спрашивали: " Что нового о доме? Когда едем?" В том, что едем, никто не сомневался. Вопрос состоял лишь в том - когда едем. И вопрос этот объединял в родную семью ингушей, карачаевцев, балкарцев, калмыков, крымских татар...

Старики, умирая, просили близких:

- Когда будете возвращаться домой, кости мои заберите с собою, тут не оставляйте.

Не было сомнений - "будете возвращаться".

Папа работал главным администратором оперного театра во Фрунзе. "Любым путем выжить" у папы не получалось. Он зарабатывал на "золотом" месте свои 76 рублей, весил при своем двухметровом росте 76 килограмм: зато, как он шутил, спокойно спал. "Шлемазал", что по-еврейски означает что-то вроде "раззява", дразнили его друзья-администраторы, получающие от своих должностей дополнительные доходы.

С мамой они разошлись, но остались близкими друзьями. Мама с бабушкой жила в районе, а я с папой, папиной женой Ириной и маленьким братиком Зурабом - во Фрунзе. Четверо в небольшой комнатке театрального общежития. Жили скудно. Мама под предлогом, что это для меня, умудрялась подбрасывать нам то муку, то мясо, то картошку.

Я училась в медучилище. Домашнее хозяйство лежало на мне. Утром папа и Ирина убегали на работу, я отводила Зураба в садик. Училище, базар, готовка обеда, уборка, уроки, сон. Папа был строгим. Все было расписано по часам. Иногда он разрешал после училища идти не домой, а к нему в театр.

Я слушала оперу, смотрела балет. После спектакля мы с папой неторопливо шли по ночному затихшему Фрунзе. Фонари сказочно подсвечивали пирамидальные тополя. Мы говорили много, о разном. Я была счастлива,

папа говорил со мной, как со взрослой, я гордилась - мой папа самый умный и самый хороший человек на свете, самый большой мой друг.

На каникулы я ездила к мамочке. Там мне было вольготно. В доме делала, что хотела, готовила, что хотела, училась ездить верхом на выделенной маме лошади. Все, что я делала, было маме в радость. Что мне, девчонке, стоило прополоть огород или окучить картошку, а мама счастлива. Она внушала мне уверенность, что я все могу.

Так в общем-то вполне счастливо я жила до шестнадцати лет. Пришла пора получать паспорт.

Мелковатый, мне по плечо, с крысиным лицом комендант выдает мне паспорт, где только что поставил жирный штамп "спецпоселенец" и назначает мне двадцатое - двадцать первое - двадцать второе число - дни, когда я должна являться в комендатуру отмечаться. Он предупреждает,

что я не имею права выходить за пределы города без его разрешения.

- А как же к маме на каникулы? - недоумеваю я.

- Если ехать, то обязательно получить в комендатуре разрешение.

Лучше совсем не ездить, что ты там забыла?

Домой я вернулась потерянной, подавленной. Подала отцу паспорт и пересказала весь разговор. Что-то во всем этом было оскорбительное, унизительное. Я едва сдерживала слезы. Папа внимательно посмотрел на меня, понимающе сказал:

- Да, Зюка, у тебя сегодня тяжелый день. Ты перестала быть ребенком, стала, как все мы...

Да, это был трудный день, но ребенком я быть не перестала. Пунктуально в назначенные дни я ходила отмечаться в комендатуре. Едва не вылетела из медучилища, когда всех студентов под страхом исключения обязали ехать в колхоз собирать хлопок, а мне разрешения на выезд не давала комендатура. Его добился папа, не я.

Я ненавидела коменданта. Его и всех, кто в комендатуре подхихикивал его идиотским шуточкам. Фамилия его словно в насмешку была Грозный, а росточек небольшой, лицо мелкое, крысиное, весь какой-то ущербный, но как он старался соответствовать фамилии. Он лютовал над всеми зависящими от него людьми, но особенно над рослыми, красивыми, мужественными. Он издевался, унижал, насколько хватало его фантазии, самодурствовал, как хотел. Это он не дал разрешения папиному другу перейти границу района, когда у того умерла жена. Мусульманское кладбище находилось за чертой города и проводить жену за эту черту он не позволил.

В дни когда кто-то умирал или женился, Грозный делал облавы. Он и его подчиненные являлись на место и, перекрыв все выходы, проверяли документы, вылавливая приехавших без разрешения. И шла потеха над людьми - либо унижайся беспредельно, вымаливая прощение, либо - получай двадцать пять лет лагерей. Выбирай. Чтобы не выбирать, люди пытались взять разрешение. И если разрешения не давали - а это было чаще, чем давали, то на "границу" посылался человек. Он кричал на "другую сторону":

- Э-эй! Люди! Сегодня к такому-то часу мы принесем покойника такого-то! Подготовьте могилу и людей!

К положенному часу родственники с двух сторон подходили к "границе" и с рук на руки передавали умершего. И те завершали похороны, счастье, что для покойника спецразрешения уже не требовалось.

Во Фрунзе удалось перебраться дедушке, маминому отцу. В 1939 году его по доносу "друга" Ярослава Цаллагова арестовали и по статье 58 выслали на пять лет в Северный Казахстан. За это Цаллагов получил в награду дедушкин дом.

Дедушка приехал тяжелобольным человеком. Я делала ему уколы –

моя первая практика. Зная, что болен безнадежно, большой жизнелюб, дедушка повторял:

- От смерти никуда не денешься, но как хотелось бы умереть хоть на день позже его - отца родного! Какое счастье перед смертью узнать, что он умер. Хоть на один час позже его, - повторял он как заклинание.

Уже к 50-м годам никто не обольщался насчет Сталина, никто уже не думал, что он ничего не знает, а все за его спиной совершает Берия.

Оба были одинаковы, и кто хуже - неизвестно.

Дедушка умер 24 октября 1952 года, немного не дожив до желанного дня. Мы с папой были рядом с дедушкой до последнего дыхания. Я впервые видела смерть, да еще дедушкину. Конечно, потрясение. Потом похороны.

Я забыла про дни своих отметок в комендатуре. А может, перед лицом такого горя они - эти обязательные дни - показались мне незначительными?

Двадцать седьмого я пошла отмечаться в комендатуре. Дежурил Грозный. Он говорит:

- Ты что, забыла, что у тебя числа 20, 21, 22?

- Нет, - отвечаю.

- Так что же ты явилась 27-го? В Сибирь хочешь?

- У меня дедушка умер, - говорю я.

- Ну и что, что умер? Большое дело - дедушка! А я вот тебя в Сибирь! На двадцать пять лет! А? Как? Хочешь? Да я тебя сейчас посажу!

Я потеряла голову от ярости и выкрикнула ему в лицо:

- Сажайте! Вы только и умеете что сажать! Вы не человек! - и с ревом выскочила из кабинета. Помчалась через город на работу к папе.
Рассказала ему все. Папа стал зеленым. Он меня не ругал, только сказал "пойдем". И мы с ним тут же отправились в комендатуру. По дороге папа сдержанно рассказал мне, что в последнее воскресенье Грозный устроил облаву на чеченок. По воскресеньям простые крестьянские женщины ходили из пригорода в город на базар, конечно, без разрешения. Он их поймал, собрал в переполошенную толпу и плачущих, заискивающих, просящих погнал через весь город в комендатуру и запер. Держит взаперти и неизвестно, что устроит - отпустит или действительно отправит в Сибирь. Как арестовал старика чеченца, который перешел "границу" - сухую пойму реки. Старик не знает по-русски, не понимал, чего от него хотят, возмущался, сопротивлялся, когда его арестовывали. Ему всего лишь надо было вернуть корову, забредшую пастись на неположенную сторону реки. Корову конфисковали, старика выслали без долгих разговоров.

Папа боялся Грозного. Боялся, что он сломает мне жизнь.

Он оставил меня за дверью, а сам зашел к Грозному. Я ненавижу весь мир, когда вспоминаю, как папа заискивал перед этим скотом! Каким униженным голосом он объяснял, что дед для меня был дороже отца с матерью, что я очень переживала, что я не в себе, что вы уж как интеллигентный (!!!) человек, должны понять и простить несдержанного ребенка, что он очень извиняется за меня, что он понимает, что так нельзя, и даст слово, что больше ничего подобного не повторится... А потом он очень и очень благодарил. Я не поднимала глаз, чтобы никто не увидел их выражения, расписалась - мне позволили расписаться! Мы с папой вышли из комендатуры, и тут я разрыдалась - от ненависти, от бессилия, от злости, от безысходности, от унижения. Лучше бы мне умереть, ведь папу - ПАПУ - самого умного, доброго, справедливого на земле человека унизили - УНИЗИЛИ!

Как можно жить после такого?

Что делать?

Что можно сделать?

Эти вопросы не давали мне жить.

Дома я бурлила. Говорила, что я бы этот паспорт сожгла, вышвырнула, а коменданта убила...

Тут и родилась у нас идея - отправить паспорт в Кремль. Папа схватился за эту мысль. Это была еще одна возможность "постучаться

наверх" и получить какие-то знаки оттуда, по которым можно было бы судить, каково наше положение на сегодня.

Я взяла свой паспорт, вложила в конверт, туда же заложила сочинение на тему "Советский паспорт", где был и серпастый, и молоткастый, и почему для всех получение паспорта - день счастливый, а для меня - каторжный? Почему мои подруги едут учиться в Москву, в Ленинград, а я не имею права поехать к маме в село? Прошу вас, возьмите этот ненавистный паспорт и дайте мне чистый, без отметок, так как я ни в чем ни перед кем не виновата.

Вот такого содержания я отправила письмо с уведомлением в Москву, Кремль Климу Ворошилову.

К папе в администраторскую театра ежедневно приходит масса ингушей. Папу считали умным человеком, глубоко любящим свою родину и свой народ. Знакомы меж собой, мне кажется, были все. Все новости стекались к папе. За советом шли к нему. Театр стал почти ингушским центром.

Папа был партийцем. Партбилет он получил последним в республике - 24 февраля 1944 года, когда народ уже выслали. Секретарь Молотовского райкома партии города Грозного товарищ Суманов, вручая ему партбилет и пожимая руку, сказал: "Ну что ж, Идрис, поздравляю тебя. Теперь езжай. Оправдывай. Партия везде есть".

Вот он и оправдывал. Оберегал ингушей советом, знаниями, не давал сорваться горячим, предостерегал незнающих, растолковывал распоряжения и указания, всячески помогал нуждающимся в большом и малом.

Такой факт, что кто-то что-то написал - обязательно обсуждался сообща.

Ждали ответа и на мое письмо. Содержание его было известно всем. Всем оно было близко. Дети подрастали у многих, судьба их не могла не тревожить. Какой вернут мне паспорт? Чистый или прежний? Кто? Как? Что при этом скажут? О! Сколько пищи для догадок и домыслов!

День смерти Сталина.

Немного не дождался дедушка.

Помню, когда объявили диагноз, я кинулась листать медицинский справочник. Даже мне, начинающему медику, стало ясно - не выживет.

Помню страх, который пронизал всех, а что же будет, когда он умрет? Помню, как Марья Алексеевна, мать моей подруги, спокойно сказала: "А ничего не будет. Как жили, так и будем жить".

В день смерти Сталина стоял всеобщий плач. Я не плакала. С трудом выдерживала на лице печальное выражение.

В этот день папа с утра был в театре. Там проходил городской траурный митинг. Ирина с ним, я с братиком дома. И тут приходят к папе два его друга - Созырко Бакаев и Топчиев, баритон из папиного театра. У Топчиева огромный, набитый чем-то красивый портфель. Они сели ждать папу, а я как хозяйка озаботилась угостить гостей. Заняла у соседей денег, сбегала в магазин за печеньем и накрыла стол - чай, сахар, печенье. Я их поила чаем часа три. Они у меня литров десять чаю выпили. Периодически они со смехом выходили во двор, потом снова пили чай.

Наконец, в одиннадцать часов ночи пришли папа с Ириной. Топчиев открыл портфель и - чего только в нем не было! Я такой вкусноты вжизни не видела: икра, крабы, балык, колбаса, белые булки, коньяк, шампанское... Откуда только они взяли все это?

И стали пить за помин души нашего ОТЦА РОДНОГО, ГЕНЕРАЛИССИМУСА. За то, чтобы его за усы из Мавзолея вытащили.

Я не знаю, почему нас не расстреляли за ту ночь. Ведь мы жили в общежитии, где все слышно. Как случилось, что никто на нас не "стукнул"? А, может, сочувствовали? А, может, потихоньку тоже праздновали до утра?

После смерти Сталина время бесконечных надежд заострилось. Всех ингушей, чеченцев, карачаевцев, балкарцев залихорадило: что теперь будет? Как изменится наше положение? Кто что слышал?..

К концу марта исполнилось два месяца, как я послала письмо с паспортом Ворошилову, и я получила повестку явиться в НКВД Киргизской ССР.

Вечером накануне моей явки в НКВД папа проводил со мной тщательный инструктаж: что именно мне надо спросить, на чем заострить внимание, что особенно важно... Просил не забыть ни одного слова, из того, что мне скажут. Волновался он больше меня - став матерью, я поняла тогдашнее его беспокойство. Но кроме отцовской тревоги была и озабоченность другого порядка: от того, что мне там скажут, должна была быть выражена дальнейшая политика относительно всех депортированных народов.

В десять часов утра я зашла к папе на работу, и он заставил меня повторить все вопросы, на которые надлежало получить ответы. Он обнял меня: "Ну, иди, девочка. Обратно ко мне сюда бегом".

Вестибюль НКВД Киргизской ССР показался мне огромным. Ко мне подошел милиционер. Я протянула ему повестку. На миг мелькнула мысль: "А вдруг он меня отсюда не выпустит, и меня посадят, как дедушку", - но он указал, к какому окошку я должна подойти и получить по паспорту пропуск. Я говорю:

- Но у меня нет паспорта.

Милиционер не удивился, только повторил, чтобы я подошла к окошку за пропуском.

Я подхожу и мне просто-напросто вместе с пропуском отдают мой спецпоселенческий паспорт и просят подняться наверх.

В прохладном кабинете с большим открытым окном меня встретил представитель НКВД СССР тов. Проскуряков и беседовал со мной два часа. Это был очень приятный, обходительный, интеллигентный человек, отличный психолог. Он прекрасно понимал, что за мной с моими вопросами стоят взрослые люди со своей болью и надеждами. Он ответил на все вопросы, интересовался всем, что нас касалось. Я была девочкой максималисткой и не осторожничала, на прямые вопросы отвечала так, как чувствовала. Со всей искренностью и бесстрашием юности нападала, требовала справедливости и ответа. Услышала то, что хотела:

- да, так, как сейчас – неправильно

- все изменится и, может быть, быстрее, чем я думаю

- я должна верить, что у меня и моих сверстников, детей спецпоселенцев обязательно есть будущее

- хорошее будущее.

Он сердечно простился со мной и на прощание сказал, что хотел бы сам в этом кабинете сообщить о том, что все изменилось.

Так смело и так открыто, как говорил он, в тех местах и в те годы никто никогда не разговаривал.

Это, конечно же, были очень важные новости. На крыльях летела я к папе. В фойе театра было полно людей. Наших. Они ждали меня. Глаза всех впились в мое лицо. Папа сказал: "Рассказывай. Мы все ждем тебя". Тишина полная. Монолит внимания, направленный на меня.

Я стала рассказывать дословно. Сначала сдержанно, потом не могла удержать радость, бьющую из меня. В каких-то местах они меня останавливали, радостно переглядывались, обсуждали, домысливали. Потом: "повтори!" Я повторяла. Раз, другой, третий. Бесконечно. Родные мои. Детские радостные лица. Любимые.

После смерти Сталина и первых обнадеживающих признаков стремление к освобождению стало искать выход. Опять, как в первые дни после выселения, стала собираться интеллигенция и сообща думать, как достучаться до тех, кто правит судьбами народа.

Ночами папа сидел за нашим единственным - днем обеденным, а ночью письменным - столом и "хитрил" письмо ТУДА. Нужно было достучаться до забронированных властью сердец, но при этом не обозлить их. Надо было

объяснить, что положение невыносимо, и убедить, что эту "просто ошибку" хорошо бы исправить.

Пока он "хитрил" письмо, пришла к нам вторая бесконечная радость - РАЗОБЛАЧИЛИ БЕРИЯ. Берия, который непосредственно руководил нашим выселением, который хохотал вслед последнему эшелону, увозившему ни в чем неповинных людей с родины. Разоблачили Берия, которому дали орден Суворова за эту бесчеловечную акцию.

Теперь задача у папы облегчилась. В Москве не стало нашего главного врага. Но ведь он не был одинок. Там, в Москве остались его люди. Они тоже могут навредить нашему делу. Кому адресовать письмо? Решил адресовать Политбюро ЦК партии. Кто-нибудь из членов Политбюро да прочтет, может, посочувствует, да вспомнит о нас. Письмо начиналось так:

"*От имени сотен тысяч выселенных горцев Кавказа, в положении которых смерть является благом свободы, избавлением от унизительного существования, от имени наших детей - будущих членов коммунистического общества, во имя справедливости - исполните Ваш долг - прочтите это обращение, которое могло быть написано слезами и кровью. Ведь от Вас зависит судьба народов!"*

Это обращение вызывало в моей памяти послевоенных нищих - безногих и безруких вчерашних бойцов Красной армии, которые просили милостыню своим несчастьем.

Дальше в письме говорилось, что оно должно помочь разоблачению Берия, но "мы направляем к вам этот материал не столько против уже разоблаченного Берия, сколько для того, чтобы в конце концов до вас дошла правда о нашей жизни". И далее шел обвинительный акт - отчаянный по обнаженности. Папа с трудом удерживался в рамках допустимого в то время. Совершенно без прикрас, мужественно суммировал он все мытарства нашего народа. И тут же делал шаг назад мол, конечно же, все это происходило и происходит потому, что "Вы просто обо всем не знали, от вас скрывали правду местные власти. Вас неправильно информировали и Берия и бериевские прихвостни". И тут же с надеждой - "но теперь, когда Берия нет, а Вы все узнали, Вы, конечно же, наверное все исправите...".

Сталин умер, но ничего вокруг не изменилось. Никто не знал, пришло ли оно - новое, справедливое время, что можно, а чего нельзя. Это письмо могло оказаться самоубийством. Но как было молчать? Беседа моя с Проскуряковым внушала надежду. А вдруг это возможность изменить наше положение! Может, тот самый момент!

Папа шел на все. Близкие товарищи, прочитавшие письмо, трезво рассудили: "Зачем всем нам подставлять шеи? Подписи - это указатель, кого сажать первым. Будет дело - никто не откажется ни от одного слова, написанного здесь, а так... И письмо подписали так: "Если нужны подписи, их даст любой ингуш".

Папа заказал машинистке двенадцать экземпляров, отдав за это всю свою зарплату, и с нарочным переправил письмо в Москву.

Мама в Москве встретила посылку. С сумкой, в которой лежали письма с одним адресом "Москва, Кремль. Президиум ЦК КПСС" и фамилия члена Президиума (каждому по письму), она ходила по разным почтовым отделениям и отправляла каждое заказным. Порой ей казалось, что за ней следят, что ее схватят и арестуют. Потом она призналась, что очень боялась. Вдруг эти письма задержат, и в Кремль они не попадут? Все труды напрасны? С отчаяния, потеряв сон, моя маленькая мамочка набралась храбрости и пошла прямо в канцелярию Кремля узнать, получены ли письма. Оттуда прямиком на Центральный телеграф давать папе телеграмму: "Все хорошо дети благополучно разъехались отдыхать". Такая вот конспирация. Через два года узналось, что за ней следили и в органах сохранились копии всех отосланных ею квитанций и шифрованной телеграммы тоже.

Сыграли ли это письма какую-то роль? Хочется думать, что сыграли. Эти письма взывали, молили о помощи, и если верить в то, что люди остаются людьми, на какой бы ступеньке государственной иерархии они ни находились, письма должны были пробить бронь равнодушия.

Время тогда менялось очень быстро и очень заметно. В 1954 году был снят запрет на поступление в вузы. В 1955 - нас освободили от звания "спецпоселенец" и обязанности ежемесячно отмечаться в спецкомендатуре. Сняли постановление за подписью Молотова о 25-летней высылке в Сибирь за нарушение спецрежима. Но комендатуры оставались на своих местах, и выехать в соседний район мы все еще могли лишь с разрешения коменданта.

Но я поступила в мединститут во Фрунзе.

В 1955 году летом маму за хорошую работу в районе премировали поездкой на сельскохозяйственную выставку в Москву. Она решила взять меня с собой. Я уверена, что в комендатуре разрешение мне не дадут и рискую ехать, не сообщив коменданту об этом: высылка в Сибирь ведь мне не грозит.

Только побывавший в заключении понимает, что такое свобода. Свобода! И я еду в Москву. Величайший город в мире!

О, как я ждала встречи с Москвой! А увидела энергичный промышленный задымленный город. Он не показался мне удивительным. Почему-то представился родной Грозный, и в моем воображении он сравнялся с Москвой.

Но это было вначале. Я вступаю в метро, и у меня как-то сильно ёкает сердце: ведь это все не в воображении, не во сне - наяву. Я с мамой в Москве. В Москве! Мы выходим из метро на площади Маяковского. Огромное здание рядом и в перспективе шпиль еще большего. Потрясающая нереальная реальность! До всего могу дотронуться! Мои ноги ступают по плитам Москвы! У меня кружилась голова, состояние нереальности сменилось безразличием и разрядилось бурными слезами.

Все семь счастливых дней, что мы провели в Москве, меня не покидало чувство, что этого со мною - не может быть! Я живу, говорю, дышу, хожу – в МОСКВЕ! Мамочка моя - это прекрасная добрая фея - хозяйка сказочных дворцов и фонтанов на сельхозвыставке. Театры, храмы, площади…

Мы с мамой встаем чуть свет, чтобы успеть увидеть побольше. Музей подарков Сталину. На фоне разных удивительных вещей меня потрясают шахматы, изготовленные из тысяч кусочков разных пород деревьев. Рисовое зернышко из Китая, исписанное поздравлением. Шляпа из огромных перьев из Индии и фотокарточка французской актрисы с автографом. Дрезденская галерея. И Мавзолей. Мне подумалось, что Сталина в Мавзолей к Ленину класть не следовало бы. Ну выстроили бы ему новый, что ли. Но Сталин и Ленин рядом - это кощунство! Это предательство по отношению к Ленину.

XX съезд партии. Сенсация. Всеобщий кумир,

- который нагло и подло пробрался к власти еще при жизни Ленина,

- который скомпрометировал идею социализма,

- который сгноил в тюрьмах миллионы лучших людей страны,

- по милости которого в годы войны погибли десятки миллионов,

- который выгнал из родных домов целые народы и подверг их геноциду,

- который оскорблял другие народы, сделав их дома местом ссылки,

- которого панически боялись в нашей стране и во всем мире, наконец, развенчан.

Кумир больше не существует.

Но неизмеримое горе его дел продолжает жить.

И вот его вынесли из Мавзолея и захоронили у Кремлевской стены. Я думаю - тогда и сегодня - что и там ему не место. Ему вообще на всей Земле не должно быть места. Ввести бы наш обычай: в место захоронения проклятого людьми каждый проходящий мимо бросает камень. Вырастает гора камней проклятия - памятник изгою.

В 1956 году с нас снимают все ограничения. Мы свободно можем передвигаться по всей стране, кроме Кавказа.

Упорно держатся слухи, что наша автономия будет организована либо в степях Казахстана с центром в городе Кокчетав, либо в Киргизии с центром в городе Ош, либо называются самые разные другие варианты. Мотивируется это тем, что люди обжились здесь, на высылке, а там, приезжие, новоселы на месте нашей родины. Снова всех переселять? Целесообразно ли?

Горцы паникуют. Если республику будут организовывать здесь, то уж очень нескоро мы увидим свой родной дом. Опять собирается интеллиген-ция, опять организуется поток писем во все адреса с просьбой, мольбой, требованием, доводами - "верните нас домой! Мы согласны на все трудности, мы ничего не требуем ни от кого, только верните домой, на Кавказ, о котором не забываем уже тринадцать лет ни на минуту". "Если вы хотите восстановить справедливость, восстановить нашу республику - восстановите ее там, где она была раньше, до выселения!" Балкарцы, карачаевцы, ингуши, чеченцы, калмыки - все просят одного.

В Москву шел бесконечный поток писем - от каждого персонально и коллективные. Москва откликнулась указанием провести повсеместно собрания, дабы выявить истинное желание народов, депортированных из родных мест. Желание было одно - ДОМОЙ.

В эти дни ингуши собирались чаще всего в доме Жени Зязиковой, одной из первых коммунисток Северного Кавказа, члена партии с 1920 года, вдовы первого секретаря Ингушского обкома партии Идриса Зязикова, уничтожен-ного Сталиным перед упразднением Ингушской автономии. Сюда сходились все новости, которые обсуждались старшими. Мы, молодежь, были на под-хвате, готовые выполнить все распоряжения и поручения.

Было решено - надо ехать в Москву. Добиваться встречи с кем-нибудь из членов ЦК, высказать желание народа тем, от кого непосредственно зависит решение вопроса. Решили в подтверждение везти документ-письмо с под-писями желающих вернуться на родину.

Письмо написано, размножено, роздано. Каждый узнал его содержание и подписался. Подписываясь, кто мог, давал деньги - на дорогу и житье в Москве посланцам народа. Было собрано пять тысяч подписей. Поехало четырнадцать человек из Киргизии, Казахстана - представители горской интеллигенции, духовенства, рабочих, колхозников.

В Москве они были приняты Микояном. Он внимательно выслушал все просьбы, желания и доводы. Пообещал доложить и передать письмо с подписями членам ЦК. Сказал, что ЦК уже послал на места переселений 200 коммунистов для оценки обстановки, определения ситуации, ознакомления с настроениями людей. С тем делегация вернулась. У Жени Зязиковой, затаив дыхание слушали во всех подробностях рассказ, как добивались и ждали приема, где и когда произошла встреча с Микояном, о

чем говорили, кто что сказал, кто на что ответил, как сидели, как смотрели, что видели, как расстались с Микояном. Все было интересно.

Не обошлось и без смешного.

В заключение встречи Микоян распорядился показать делегации территорию Кремля, Оружейную палату. Их тут же подхватила женщина-экскурсовод. Она старалась преподнести им все достопримечательности Кремля, рассказать историю, показать и указать на какие-то детали из жизни русских царей. Наши делегаты шли за ней, воспитанно, не перебивая слушали, а мысли были о другом - всем не терпелось поделиться впечатлениями и соображениями от встречи. Казалось, экскурсии не будет конца. Наконец, один из стариков не выдерживает и спрашивает у папы по-ингушски: "Скоро она закончит? Скажи ей, чтобы нас отсюда выпустили". Папа ему со смехом по-ингушски: "Разве тебе не интересно знать, как жили цари?" Тот с досадой отвечает: "Э! Если бы мы были царями, то жили бы еще лучше. Говорить надо! Молиться надо!"

Освободившись, старики первым делом помолились за успех дела, благословили Аллаха за удачно прошедшую встречу.

Не знаю, откуда узналось, что кто-то по нашему делу прилетел из Москвы, был встречен на аэродроме и увезен на правительственную дачу.

Нам, троим из молодых, поручили срочно узнать, правда ли это. А если правда, постараться попасть на дачу и сразу же поговорить с приезжим от имени молодежи. Юсуп Мержоев берет такси, и мы - он, я и Рая Далакова - едем на дачу. Дальше ворот нас не пускают, но говорят, что завтра, в 10 часов утра, в ЦК партии нас примет товарищ Капустин. "Он приехал специально по вашему вопросу. Будет разговаривать с народом..."

На том же такси мчимся к Жене Зязиковой.

Разговаривать с народом?

Надо оповестить народ, что с ним будет разговаривать представитель ЦК из самой Москвы. Хочет нас слушать - хотим мы домой, на родину, или предпочитаем остаться тут.

Нам, девушкам, велели нести Капустину письмо от молодежи. Письмо надо написать - короткое, толковое, о том, что мы хотим на родину. Собрать как можно больше подписей молодежи. Но пока мы ездили на дачу, пока принимались решения, писалось письмо, наступил вечер. Где искать молодежь для подписей? В институтах уже никого нет. По домам - долго и сложно. Юсуп уехал по заданию старших организовывать гонцов, а нам с Раей надо найти подписи. Придумали!

Летний вечер. Перед кинотеатром "Ала-too" - культурным центром города каждый вечер массовое гуляние. Там всегда много молодежи. Мы с

Раей идем туда и вылавливаем "по носам" и по "физиономиям" своих, кавказцев.

- Ты - ингуш, чеченец, карачаевец, балкарец?

- Да.

- Читай. Согласен? Подписывайся!

Подписей собрали немало - никто не отказывался подписываться, все готовы были идти куда угодно и в любой час требовать возвращения на родину.

Утром нас снарядили. Нас - три девушки. Одна из нас - сдержанность и логическое мышление. Вторая - эмоции. Третья - молчит, но красавица с толстенной косой до пят. Парни нас проводили до места, вручили свежесрезанные букеты цветов.

Капустин нас принял сразу. Мы представились ему, вручили письмо и напористо стали убеждать его вернуть нас домой, на Кавказ. Это мнение не только молодежи, но и всех наших людей.

- Да вы сами убедитесь, - сказали мы. - Сейчас они все придут сюда поговорить с вами.

- Как придут? Куда? Почему? Кто им сказал, что я буду с ними разговаривать?

- Мы же знали, что вы приехали по нашему вопросу. Вот вам сразу со всем народом можно говорить!

Он - и мы за ним - выглянул в окно. Зеленый, с яркими клумбами сквер напротив Дома правительства шевелится каракулевыми папахами. Со всех сторон к нему двигались, двигались папахи. Близился час дня. Нам показалось, что товарищ Капустин встревожился. Он сказал:

- Мне нельзя разговаривать с ними как на митинге, я приеду ко всем на места. Сделайте так, чтобы они разошлись.

Мы пообещали сделать все, что от нас зависит, вручили ему цветы, сказали, что дома, на Кавказе подарим ему букеты еще лучше и ушли.

Конечно же, первым делом мы передали его просьбу старшим. И так же, как только что папахи стекались в сквер, они мгновенно исчезли в близлежащих улицах.

Удивительная это у нас черта: самый анархичный и независимый нрав в повседневности и самый организованный - в необходимости.

После прошедших собраний люди не стали дожидаться официального разрешения. "Пусть наверху думают, как на месте выселения или на

Кавказе организовать республику, это их дело. Мы люди маленькие, ничего не решаем, наше дело - ехать ДОМОЙ".

Продав за бесценок скот, дома, скарб, около двадцати тысяч ингушей и чеченцев ринулись на Кавказ.

Партия и правительство Советского Союза заканчивала большую работу по исправлению грубых нарушений ленинской национальной политики. Автономии карачаевцев, балкарцев, ингушей, чеченцев, калмыков, депортированных в Киргизию, Казахстан, Сибирь, восстанавливались на их родине.

Это было непросто. Грузия, Осетия, Дагестан, Кабарда, РСФСР должны были освободить занятые после выселения земли этих народов, разместить и благоустроить возвращавшихся домой. Нужно было время, но народы, истосковавшиеся по родному дому, ждать не могли. Пришлось вводить пропуска на выезд. Билеты на Кавказское направление продавались только по пропускам. Вновь организовывались спецэшелоны.

На железнодорожной станции Пишпек, с которой отправлялись поезда из Фрунзе на Кавказ, скопилось огромное количество народа. Старухи, дети, мужчины, женщины, тюки, мешки, чемоданы... Кто-то натягивает палатку. Глядя на него, другой с юмором мостит навес из клеенки. Старуха, согнувшись в три погибели, накачивает примус. Смех, брюзжание, шутки, хохот. Все в хаосе. Настроение у всех приподнятое. То тут, то там взрываются гармошки, выносятся в бешеном ритме пляски парни, застенчиво поводят руками девушки. Обжигают вскинутые на мгновения взгляды сверкающих очей - взвинчивают, сжигают танцоров. Ворстох! Ворстох! Радость! Радость! Домой!!!

Домой тронулись первые эшелоны счастливейших в мире людей. Многие везли в чемоданах кости близких, завещавших похоронить их на родном фамильном кладбище. Ехали, предвкушая радость встречи с земляками. Однако не все ожидания сбылись.

Руководство Северной Осетии было против возвращения ингушей на родную землю.

Когда первые ингушские семьи стали возвращаться на Кавказ - еще до официального решения, многие осетины, живущие в их домах, без слов освобождали их законным владельцам. Некоторые обжились, вложили свой труд и свои средства в бывшие владения ингушей. У них вернувшиеся ингуши выкупали свои дома. Все шло мирно, люди сами бы разобрались в своих житейских делах. Но правительство Осетии смотрело на это дело иначе.

Председатель Совета министров Северо-Осетинской АССР Б. Зангиев 31 октября 1956 года посылает указание председателю Коста – Хетагуровского (ингушское название - Назрань) райисполкома С.Хадарцеву: "...Совет Министров СО АССР предлагает категорически запретить

учреждениям и частным лицам продавать или сдавать жилплощадь под квартиры ингушам, возвращающимся из поселения, а в отношении лиц, уже приобретших дома, аннулировать документы купли и продажи".

Хадарцев знакомит с этим письмом членов исполкома, те - в свою очередь проводят работу на уровне сельсоветов. Ингуши приезжают ДОМОЙ, а дом-то занят. И новые хозяева освобождать его не собираются. Что делать? Кто что может. Народ горячий. Битый. Обиженный. Домой приехал после стольких переживаний. Просит по-хорошему: "Пока меня не было, вы жили, моим пользовались. На здоровье! Теперь верните. Здесь мои отец, мать, дед, прадед жили. Они строили. Уходите откуда пришли."

А они не уходят. Указание власти - не уходи, ничего не отдавай, не продавай.

Нарастает обида: «Наконец, вернулись, землю видим, родной дом - вот он, видим, трогаем его, а войти не дают...» Закипает возмущение, протест, злость. А кто не закипит, если после всех мытарств надо довольствоваться землянкой, вырытой в родном огороде. Из этой землянки смотреть, как в твоем родном доме распоряжается, живет другой, видеть порой даже вещи, запомнившиеся с детства, видеть, как памятниками с родовых кладбищ вымощены мостовые, построены ГЭС, выложена ванна на даче Берия, в которой он блудил в молоке с женщинами, построены свинарники.

Старики повторяли - терпение, терпение, вот вернутся все, организуется республика, тогда все изменится.

В конце 1956 года на станцию Беслан прибыл первый эшелон из Кустанайской области с ингушскими семьями. Люди ехали организованно, билеты взяты по пропускам. Но Первый секретарь обкома партии СОАССР Аккацев дает указание местным органам МВД оцепить станцию Беслан, не допустить разгрузки эшелона и отправить его обратно. Людям не дали даже выйти из вагонов, встретив их автоматами и штыками. Тем же эшелоном вернули в Казахстан.

Можно себе представить, что чувствовали люди. Сколько недоумения, горечи, недоверия, злости, накапливалось в их душах! Аккацев объяснил свою акцию тем, что ему некуда девать своих людей, которыми заселены ингушские аулы.

После возвращения Кустанайского эшелона пропуска выдавать перестали. Люди уже не танцевали от радости перед предстоящим возвращением на родину, оказавшись в ноябре под открытым небом на месте отправки. Поползли горькие слухи: "Нас не пускают осетины. Из-за них все мучения. Конечно, у них везде свои люди. И там, наверху есть свои. У нас же никого нет, за нас некому заступиться..."

Папа ездил в Пишпек ежедневно, возвращался больным. Терялся в догадках - что происходит? Мучался, не зная, как помочь народу, что делать? Может, это местный произвол? А может, происки антисоветчиков?

Людей, которые стараются подорвать в народе веру в справедливость, в новую политику партии? Знают ли об этом в Москве?

В один из таких ноябрьских дней пошел холодный проливной дождь, поднялся ветер. Женщины с детьми забились в маленькое здание вокзала. Мужчины спасали подплывающие вещи, хватали сорванные ветром клеенки. Папа забрался на телеграфный столб и начал фотографировать бедствие, решив послать эти снимки в Москву, в ЦК партии. Со столба его сняли работники госбезопасности, отвели в городское отделение, засветили при нем пленку, строго-настрого запретив фотографировать подобное впредь. Сказали, что обо всем происходящем проинформируют ЦК сами. Передали протокол задержания папы в его парторганизацию с рекомендацией разобраться и наказать. Там папе вынесли строгий выговор. Это был уже прогресс - всего только строгий выговор.

Дома мы, обсуждая происшедшее с папой, поражались тому, что приходило, уже пришло на смену сталинскому режиму. Папа говорил, как были правы его друзья - профессор Дошлако Мальсагов, инженер Ахмет Льянов, Женя Зязикова, Багаудин Зязиков, Джемалдин Яндиев и другие.

В самые трудные для нашего народа дни, в годы самого большого отчаяния они верили и повторяли: "Это ошибки, партия исправит их, непременно исправит..." И теперь папа повторял, что происходит что-то не то, надо перетерпеть, все изменится.

После того, как выезд на Кавказ отменили, люди еще с неделю жили на вокзале. Потом стали брать билеты на другие направления и отдельными семьями кружным путем все-таки уезжать ДОМОЙ. Менее решительные вернулись к друзьям и родственникам и стали ждать решения своей судьбы.

Большая Советская энциклопедия. Чечено-Ингушская автономная Советская Социалистическая республика в составе РСФСР. Исторический очерк: территория Чечено-Ингушетии была заселена еще в эпоху палеолита... От эпохи бронзы - (2тыс. до н.э.) сохранились в основном погребальные памятники в горной и равнинной зонах... Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 года национальная автономия Чеченского и Ингушского народов была восстановлена.

Из стенографического отчета заседания Верховного Совета СССР четвертого созыва (шестая сессия) от 11 февраля 1957 года: "Центральный комитет КПСС и правительство СССР, руководствуясь решениями XX съезда КПСС, в которых с особой силой подчеркивается, что равноправие и дружба народов, составляют незыблемую основу могущества и непобедимой силы советского строя, осуществили меры по реабилитации выселенных народов и исправлению допущенной в отношении их несправедливости. Президиум Верховного Совета СССР, рассматривая вопрос о положении балкарского, чеченского, ингушского и карачаевского народов, принял во

внимание их законные пожелания и просьбы и решил полностью исправить допущенную в отношении этих народов несправедливость".

Итак, мы равноправные члены многонационального братства нашей Советской Родины. Отныне всё, что для всех, - то и для нас. Это не желание, не мечта - это реальность, закрепленная в Конституции СССР.

Во вновь организованной Чечено-Ингушской АССР вновь организованное руководство. Начинаем жить по нормам равноправия и тут же сталкиваемся с плодами выселения.

Пришло время расплачиваться за вынужденную "мораль выживания" - "для того, чтобы выжить - ничего не стыдно. Можно врать, изворачиваться, воровать, хитрить". То, что прощалось, когда грозила гибель и помогло нам выжить в годы испытаний, стало трансформироваться в чудовищную формулу: "чтобы ХОРОШО ЖИТЬ, ничего не стыдно - можно врать, изворачиваться, торговать совестью".

У ингушей есть поговорка: "когда стадо поворачивает, хромые оказываются впереди".

Пока люди в Казахстане и в Киргизии, а вернувшиеся - в землянках у своих домов ждали, когда решится их вопрос и им (теперь уже скоро, вот-вот) вернут их дома и земли, первый секретарь СО АССР легко и быстро сговорился с новым руководством ЧИАССР председателем Президиума Верховного Совета ЧИАССР Алмазовым, первым секретарем Чечено-Ингушского обкома партии Яковлевым и председателем Совета министров республики Гайрбековым. Они сторговали без ведома народа плоскостную Ингушетию - сорок населенных пунктов, древнейших поселений ингушей, отданных Осетии, когда нас выслали. Поселения, где до исхода жила половина всех ингушей. Откуда ингуши начали свое происхождение, от аула Ангушт пошло и само название "ингуш". Та часть Ингушетии, где наш народ вместе с Россией вершил революцию, чем он непомерно, но законно гордится. Села Базоркино, Шолхи, Ангушт, Ахки-Юрт, Длинная Долина, Гадаборщево, Яндиево, Чернореченское, Камбилеевка, Джерахой-Юрт, Галгай-Юрт, Таузен-Юрт, Балта, Нижний Ларс, Верхний Ларс, Чми, Эзми, Редант, Планы, поселок Базоркинский консервный завод, хутора - Баркинхоев, Цороев, Алиев, Ахушков, Чермоев, Хадзиев, Терпугов, Цыздоев, Шадиев, Гетагазов, Патиев-первый, Патиев-второй, Барта-Бос, Ярыч, Винзаводской, Томов, Мамилов, Мельхальский, Льянов, - Алмазов, Яковлев и Гайрбеков почему-то подарили Северной Осетии.

Этот постыдный акт, исторический произвол кучки руководителей обыграли как дружбу народов, в котором фактически один народ обобрал уже обобранного. Все это представили так, будто **не** вернувшиеся из ссылки ингуши по-дружески подарили соседям осетинам свои кровные, родовые дома и земли потому, что эти земли находятся рядом с границами Осетии и "тяготеют" к городу Орджоникидзе.

Так была проделана и узаконена неприкрытая, с дальним прицелом политическая диверсия, направленная на то, чтобы навсегда рассорить два народа, веками проживших в согласии.

Люди в Казахстане и в Киргизии, узнав об этом, ахнули. Одни решились подождать, когда разберутся и аннулируют акт о "дарении", чтобы им было куда возвращаться. А что разберутся - в этом сомнений нет. Другие поехали домой. ДОМОЙ. Решили - будь, что будет. Осетины - ведь люди, не звери, поймут, войдут в положение. Время покажет...

В моей жизни 1957 год - переломный. Спецпереселенцы едут домой. Наша семья тоже на старте. Что делать со мной? В Грозном, куда рвется папа, мединститута нет. Во Фрунзе меня, девчонку, оставлять одну, когда все уезжают, невозможно. Я тоже должна ехать. Куда? А в Москву! Ура!

Я еду доучиваться в Московский мединститут.

Заканчиваю во Фрунзе третий курс, для меня прощальный. Мои друзья студенты знают, что я уезжаю. Расстаемся тепло, понимая перед разлукой, как мы дороги друг другу. Меня провожают, и до меня вдруг доходит, что я навсегда прощаюсь с этими совершенно родными мне людьми. Мне не хочется в Москву. Мне никуда не хочется - мне не хочется расставаться с этой вот зеленой аллеей, подступающей к самому вокзалу, с бульваром, вообще с Фрунзе, таким красивым, зеленым, солнечным, который, как, оказывается, я очень люблю, в котором живут добрые, бесхитростные люди. Я мысленно пробегаю по всем его аллеям, вижу оперный - папин - театр, залитый огнями, вижу себя то в партере, то в ложе в ожидании чуда.

И это чудо благодаря папе каждый вечер, стоит только захотеть. Вижу высокие мраморные колонны в большом зале, ярко сверкающую люстру, блестящий, как лед, паркет и танцующих. Мы с папой несемся в танце по залу. Он легкий, большой, надежный. Его сильная рука в вальсе отрывает меня от пола, и я лечу, лечу... Наши институтские балы на Новый год, 1 Мая и 7 ноября проходили в театре... Запомнились на всю жизнь. Родной мой, любимый, добрый город моей юности Фрунзе. Я вернулась в него через год - хоронить маму, которую положила рядом с дедушкой, ее отцом. Там, во Фрунзе осталось самое дорогое, что бывает у человека - детство, юность, мама...

В январе 1957 года после зимней сессии я поехала ДОМОЙ, в Грозный, к папе. Первый раз после выселения. Я смеюсь в кругу друзей, шучу, острю, а душа трепещет. Мы едем уже по Кавказу. В окно я увидела первые факелы. Незаметно вышла в тамбур, открыла вагонную дверь. Ворвался морозный воздух. Он был с примесью нефти. Только подъезжая к Грозному, можно почувствовать этот запах. Вспомнила, как мама во Фрунзе в первые годы ходила на вокзал почувствовать "запах Грозного": там стояли цистерны с нефтью. Потом, стесняясь, говорила "домом пахнет" и глотала слезы.

Кто-то вышел в тамбур. Кто-то из наших, за мной.

- Ты что дверь открыла?

- Дышу.

- А почему плачешь?

- Я не плачу, это снег залетел...

Грозненский вокзал. Высокий сильный папа подхватывает меня с подножки вагона на руки. Вот я и вернулась домой.

С тех пор прошло тридцать лет. Люди, оставшиеся в Казахстане в 1957 году, потому что им некуда было возвращаться, пожелавшие подождать справедливости в решении их вопроса с их домами и землями, все еще ждут. Их десятки тысяч.

Вернувшиеся ингуши тридцать лет пытаются доказать абсурдность "подарка" - они утверждают, что никогда не хотели дарить "тяготеющей" к ним Осетии родные очаги и могилы предков. Но пока безуспешно. Древние поселения ингушей переименованы на осетинский лад. Непробиваемая стена безразличия окружает ингушей. Геноцид против них, начатый Сталиным и Берия в феврале 1944 года, продолжается. После возвращения ингушей в 1957 году начался второй этап этого геноцида - более жестокий и бесчеловечный и ничем не оправданный. Но это уже другая история. Горькая. Горестная.

* * *

В 1972 году Ахмет Газдиев, Султан Плиев, Джабраил Картоев, Идрис Базоркин - старые коммунисты, Ахмет Куштов написали письмо "О судьбе ингушского народа" и лично отвезли его в ЦК КПСС.

Пятнадцать лет ожидания и терпения иссякли. Народ требовал действий, справедливости. В письме излагалась история - трагическая история ингушского народа с того момента в 1934 году, когда Сталин росчерком пера лишил их автономии и присоединил к Чечне, когда отнял у ингушей их единственный город Бурув-Орджоникидзе и отдал его Северной Осетии, когда вернувшихся из насильственной депортации "реабилитированных" ингушей последыши Сталина лишили родины, "подарив" ее Северной Осетии, о мытарствах ингушей, рискнувших вернуться на земли отцов, об издевательствах над ними местных осетинских властей, о безнаказанности и вседозволенности Националистов Осетии, о продолжающемся геноциде.

Под этим письмом подписались тысячи отчаявшихся ингушей. Тысячи частных писем полетело в Кремль. Доведенные до отчаяния ингуши хлынули за справедливостью в Москву.

Перепуганное Чечено-Ингушское руководство посылает вослед народу секретаря обкома партии Х.Х.Бокова. Курский вокзал был заполнен ингушами. Боков пообещал собравшимся здесь, что представители власти из Москвы приедут к ним в Чечено-Ингушетию обсудить проблемы, и убедил вернуться по домам.

Народ поверил и вернулся. В январе 1973 года, в одну из пятниц на базаре в г.Назрань и в других селах было объявлено, что 16 числа на площади Ленина в Грозном должны собраться ингуши. Приезжает Суслов вручать орден республике и заодно обсудить назревшие проблемы.

Январь 1973 года был на редкость для этих краев морозным. С ночи на 16 января на площади перед домом правительства собираются старики, мужчины, женщины, молодежь. Со всех сторон стекаются люди, желающие справедливого решения своей национальной судьбы. Правительство республики дает указание перекрыть все дороги, в том числе и железную. И тогда на пути не останавливающихся поездов ложатся женщины и старики. Поезда останавливаются, люди добираются до Грозного, чтобы встретиться с представителем центральной власти.

Это был очередной обман. Из Москвы никто не приехал. Из правительства ЧИАССР ни у кого не было желания говорить с народом. С самодельной трибуны на площади Ленина 16, 17 и 18 января день и ночь льется обида обездоленных обманутых людей. Горят костры, около них греются и не уходят старики и молодежь. Не смолкает боль, проклинают обманщиков, предателей...

Братья чеченцы приносят фляги с горячей едой, согревают словом и участием, прикрывают от холода физического и морального.

На исходе третьих суток с трибуны звучит объявление, что из Москвы выезжает комиссия, что надо разойтись по домам и ждать ее. И опять поверил народ. К площади были поданы автобусы, такси, стариков с почетом развезли по домам. Сомневающуюся молодежь, не желавшую расходиться без достоверных сведений, избивая резиновыми дубинками и поливая из брандспойтов ледяной водой, загнали в автобусы, вывезли за город, где выпустили, мокрых, в двадцатиградусный мороз в чистом поле. Там и оставили.

Трое суток люди только просили, взывали к совести, к справедливости, не допустили ни одного экстремистского поступка.

Началась "оценка" этого события - в прессе, на собраниях, по радио, на телевидении...

Народ расслоили, разбили на отдельные группы. Запугивали всех по-разному. Одни испугались и начали травить и преследовать своих братьев, обзывая их публично сбродом, сборищем, махровыми националистами, выискивать и придумывать разнообразный компромат на несговорчивых.

За столом, на балконе у Евлоева Умара и его жены Раечки сидим мы - старые друзья и единомышленники еще по выселению. Обсуждаем происходящее. С нами наш общий друг юности. Я знаю, что ему обещано взамен его подписи под очередным пасквилем. Ему и еще группе моих друзей. Больше всего я хочу, чтобы они устояли перед подлостью, чтобы не поддались, не продались. Я не могу выдать, что все знаю, что догадываюсь о его колебаниях, я говорю о другом, всячески стараясь укрепить позиции порядочности. Напрасно.

Через несколько дней выходит в "Грозненском рабочем" статья "Честно служить своему народу", подписанная моими друзьями. В ней говорится, что ингушский народ не реабилитирован (будто и не было XX съезда партии!), а помилован (В чем же вина его? Кто его судил? Когда?), что ингуши должны быть благодарны партии и правительству за то, что нас вернули (Куда?) и т.д. и т.п. Осуждают махровых националистов - Идриса Базоркина, Султана Плиева, Ахмета Газдиева, Джабраила Картоева, Ахмета Куштова. Тех, кто отвез письмо в ЦК КПСС.

Папу обвешивают выдуманными грехами, начиная от далеких предков, позорят, одновременно уговаривая выступить с осуждением народа и его неправильного "поведения", угрожают: не выступишь - изничтожим. Всех честных людей преследуют, увольняют с работы, исключают из институтов, из партии, шельмуют в печати, по радио и телевидению, идет организованная травля порядочности.

Народ обнаруживает и выбрасывает на поверхность всю нечисть, выяв-ляет совершенно новые крупные личности, достойные большого уважения. Несмотря на разочарования, возрастает надежда - народ жив, в нем много здоровых сил, он не погибнет, он возродится.

Не затихли страсти 1973 года. Ничто не изменилось в лучшую сторону. По-прежнему ингушей не прописывают на родных землях, ингушских детей в осетинских селах переводят в школы для дефективных детей, обрекая обучаться по программе дебилов. Переписывается ингушская история, в которой "доказывается", что они никогда не жили там, где жили извечно. Ингушская культура никак не развивается. Все не раскрытые преступления навешиваются на ингушей. Вот садистски уничтожается семья Каллаговых - вырезали всех вместе с детьми. Сразу находят убийц, но руководство приказывает отпустить их и найти ингушей. "Находят". Под пытками - одному отбили печень, второму выбили глаз, третьего забили насмерть - создают дело. Обвиняют ингушей. Только десять лет спустя обнаруживается правда - ингуши невиновны. Но обвиняли громко, обвинения снимали тихо.

В 1981 году осетинские националисты решаются на крупную про-вокацию. Двадцатипятилетняя безнаказанность обещает успех дела. Два года они готовили эту акцию. Готовы транспаранты, лозунги, портреты всех "нераскрытых" убийств. Подготовлены оружие и орудия. Бутылки с зажигательной смесью, железные дубинки-штыри, люди, которым дано

задание - бить, переворачивать и поджигать машины с ингушскими номерами, резать, избивать, но не насмерть ингушей. Все остальное - дело руководства. Все должно начинаться по сигналу. Сигналом должно стать любое убийство, желательно к ноябрьским праздникам.

Убитым оказался таксист. Повод - неподеленные наркотики. Это убийство и послужило сигналом. Убитого тотчас же понесли в центр города. Там устроили митинг и демонстрацию с требованием выслать, уничтожить терроризирующих осетинское население ингушей. Осетинская женщина - врач первого роддома - призывала всех врачей города уничтожать больных ингушей. Сама она обещала убивать ингушских новорожденных.

Демонстранты разбили памятник Серго Орджоникидзе, выбили окна в обкоме партии, в военном училище. Первый секретарь обкома партии Северной Осетии Кабалоев, внимая воплям с площади, по прямому проводу звонил в Кремль: "Спасите нас! Нас режут, убивают ингуши!" И удалось бы подлое дело, спровоцировали бы ингушей на резню потому, что кто же будет смиряться с тем, что тебя бьют, пыряют ножами, оскорбляют, обливают твою машину бензином и поджигают. Кто способен не дать сдачи, не защитить себя, своего ребенка, свою жену, сестру, мать? Но, к счастью ингушей, первым секретарем обкома Чечено-Ингушетии был новый человек в республике Власов Александр Владимирович. Он мгновенно раскусил замысел осетинских националистов. Уже имея авторитет среди народа, он кинулся к старикам - "Не дайте молодежи поддаться на провокацию и ввязаться в авантюру! Сдержите! Спасение ингушей сегодня в их выдержке. Мы должны сдержать наш народ!"

Неимоверных усилий стоило старикам выполнить совет Власова. Они смешались с молодежью и готовые к бою и смерти вместе со своими детьми встали в оборону.

Провокаторы с воплями неслись в Назрань - "Ингуши, мужчины, что вы сидите здесь, наших женщин, детей в городе Орджоникидзе уже убивают, а вы не идете к ним на помощь!" Но вместе с народом, рядом со стариками среди молодежи находился А. В. Власов. На своей "Волге" с ингушским номером, он, рискуя оказаться подожженным распаленной осетинской толпой, рванул прямо в ее гущу на площадь перед обкомом партии СОАССР, убедился, что ингушей там нет и нагнетание страстей одностороннее, вернулся к своим помощникам старикам и снова призвал наш народ к терпению.

Прибыли войска спецназначения.

И случилось то, что неизбежно должно было случиться - настоящие стычки, убитые и раненые. И пришло горе в дома осетин, и раздался плач осетинских матерей. Но не случилось межнациональной стычки - драки между осетинами и ингушами, которую и разжигали подлые люди, не желающие знать, что у материнского горя нет национальности.

Стихли страсти, неучастие ингушей было установлено, но для них все осталось по-прежнему. И несмотря на опыт - в 1982 году был издан новый акт несправедливости по отношению к ингушам - Постановление Совета Министров РСФСР: в целях предотвращения межнациональных конфликтов на территории Пригородного района Северной Осетии ингушей не прописывать. Иначе говоря, не допустить ингушей селиться в собственных селах.

Время идет. Началась перестройка. И вновь засуетились осетинские лидеры. Придумали. Начали путать исторически сложившиеся границы, перестраивать районы. В черту города Орджоникидзе включаются ингушские села, расположенные за тридцать километров от города. В бывший чисто ингушский Пригородный район включаются осетинские села. Дано задание и осетинским ученым - те срочно изготавливают "доказательства" того, что ингушей здесь никогда не было. Все это тут же публикуется в периодике, на радио и телевидении, издается в книгах, произносится на всех собраниях в разнообразных коллективах – обрабатывается и вырабатывается общественное мнение, направленное против ингушей.

Поднимается вопрос о переименовании города Орджоникидзе в город Дзауджикау, не стесняясь того, что он уже точно так же переименовывался по указанию Берия в День выселения ингушей 23 февраля 1944 года.

Терпение ингушей на грани. Чем жить в такой безысходности, несправедливости, лучше умереть. Умереть за родную землю, за родные очаги, отомстить за попранное достоинство. Мужчины, а с ними и женщины готовы умереть, защищая себя и честь предков. Но старики опять – потерпите! Кончается время двух правд - сказанной и несказанной. Наступает время, когда ложь, фальшь, лицемерие, фарисейство отступают перед простой человеческой правдой. Давайте просить. Теперь услышат, исправят. Так говорят старики.

Собираются подписи под требованием ликвидировать сталинский произвол, более 55 лет довлеющий над ингушами. Вернуть ингушам их самостоятельность, автономию с центром в Бурув-Орджоникидзс, как было до присоединения к Чечне в 1934 году.

Едут ингушские делегации в Москву за правдой и справедливостью. Отвозят одиннадцать толстых томов, переплетенных в зеленые коленкоровые обложки - шестьдесят тысяч подписей. Каждый взрослый ингуш. Подпись народа, глас народа, требующий, взывающий.

Повсюду рассказывают ингуши о своей национальной трагедии. Как кончается народ, как исчезает самобытность, история, культура, язык. Как за эти 55 лет, что упразднили ингушскую автономию, мы потеряли почти все.

В 1934 году в начале советской власти у ингушей было десять заводов и фабрик, десять высших и средних специальных учебных заведений, готови-

лись национальные научные и технические кадры, был свой театр, краеведческий музей, научно-исследовательский институт, свои школы - шла бурная культурная жизнь. Ингушская театральная труппа на смотре искусств Кавказа заняла первое место. Был свой ансамбль... Сегодня ничего нет.

Идет 1-й съезд народных депутатов СССР. Необычайный съезд, возрождающий наши надежды. Он дал прорваться боли народной, сдерживаемой долголетним страхом.

Почти 80-летний Идрис Базоркин летит в Москву. До 4-х часов утра молодое мужественное поколение ингушей обсуждает со своим старшим вопросы, которые должны завтра прозвучать на съезде. Обсуждается каждое слово депутатского запроса, которое завтра после речи наших депутатов ляжет на стол президиума.

Утром мы благословляем нашего депутата Хамзата Фаргиева, учителя из Малгобека.

Приникли к телевизору. На трибуну уверенным шагом идет наш Хамзат. Впервые за 55 лет с трибуны на весь мир звучит крик о помощи нашего многострадального народа - весть о национальной трагедии, о необходимости наконец решить ингушскую проблему, ликвидировать последствия сталинского произвола в правовом государстве. Он передает депутатский наказ в руки Горбачева.

Зал молчит. Ни одного аплодисмента. На экране настороженные лица депутатов - люди впервые слышат о подобной несправедливости. Эта проблема репрессированных народов прозвучала впервые. Ее еще боятся, не знают, как реагировать.

У всех у нас, сидящих у телевизора слезы на глазах. Наконец, мы заявили о себе громко. Может, услышат! Теперь не может оставаться по-прежнему. Что-то ведь должно измениться.

Начались телефонные звонки. Полетели в адрес съезда тысячи писем от ингушей из Казахстана и с Кавказа с благодарностью, что сказали об их беде, с просьбами помочь...

Через два дня на трибуну съезда поднимается большой красивый седой ингуш. На трудном для него русском языке механизатор от земли народный депутат ингушей Мусса Дарсигов вновь взволнованно просит съезд решить ингушскую проблему и тоже отдает свой депутатский наказ Горбачеву.

Нашего Муссу Дарсигова выбирают в Палату национальностей и там при обсуждении вопроса о трагедии репрессированного народа он вновь выступает. В зале плачут депутаты, у телевизоров плачут ингуши. И опять встречи на всех уровнях. Дарсигов говорит с Горбачевым.

Проходит Второй съезд ингушского народа в Грозном. Тысячи людей перед Дворцом культуры слушают выступления, транслируемые из зала съезда. Двое суток говорят люди о своей полувековой беде. Резолюция съезда - ликвидировать 55-летний произвол Сталина, восстановить Ингушскую автономию с центром в городе Орджоникидзе. Резолюцию съезда отвозят в Москву и вручают Горбачеву Мусса Дарсигов и Исса Кодзоев. Горбачев и Лукьянов обещают рассмотреть вопрос о нашей автономии, только просят еще немного потерпеть.

Потерпеть просит и Власов, наш Власов - председатель Совета Министров РСФСР в беседе с ингушскими женщинами, обеспокоенными продолжающимися провокациями осетинских националистов.

Все обещают помочь и просят потерпеть. А тем временем в "Правде" выходит подлейшая статья Грачева и Халина под названием "Кунаки всегда поладят". В ней говорится, что ингуши притязают на осетинские земли, тем более, что неизвестно еще, жили ли ингуши в бывшей Ингушетии.

Старики повторяют: терпите, разберутся.

В городе Назрани собирается стотысячный митинг ингушей, которые восемь суток стоят под проливным дождем и под обжигающим солнцем. Выступают, возмущаются, требуют. Справедливости требуют, внимания к народу. Старики время от времени просят не поддаваться на провокации, успокаивают, призывают потерпеть еще немного, совсем немного. А в основном молятся. Что нам еще остается, как не взывать к Аллаху.

Надежда на эту, уже новую, перестроечную власть уменьшается с каждым днем.

Только Аллах и молитва помогут нам.

Старики и дети в одном кругу в отсветах костров делают "зикр". Напролет всю ночь. Восемь ночей.

Мулла с трибуны читает молитву. Всем народом подхваченная, она летит к единственному, на кого еще жива надежда - к Аллаху.

Нашу боль наблюдают и слушают горы Ингушетии. Ближние –молодые - нетерпеливо кудрявятся зелеными деревьями. Они вместе с ветром возмущаются несправедливостью, гонениями, подлостью. Они готовы сорваться во все сметающем урагане.

Дальние горы молча, с достоинством стоят, фиолетовыми лесами слушая творимую людьми молитву. Они накапливают в глубине своей ярость, невидимую глазам.

И только наши седые старики, возвышающиеся над всеми нами, низко надвинув на глаза папахи, позволяют себе сверкнуть снисходительно мудрым взглядом, всё повидавших на своем веку провидцев.

Терпение.

Доколе?

Горы Джейраха. 1990

АННЕКСИЯ: КАК ЭТО БЫЛО

Свидетельствует Дзияутдин Мальсагов

24 ноября 1956 года Президиум ЦК КПСС принял постановление о восстановлении национальной автономии чеченского и ингушского народов. В декабре из Казахстана и Киргизии в Москву была вызвана большая группа представителей нашей интеллигенции. В этой группе был и я. После много-численных бесед и проверок в ЦК отобрали несколько человек для формиро-вания Оргкомитета. На период восстановления республики тот Оргкомитет должен был взять на себя функции правительства и Верховного Совета. Председателем Оргкомитета стал М.Г.Гайрбеков, его заместителем назна-чили меня. С тем, чтобы в будущем выдвинуть на должность Председателя Верховного Совета республики, в Оргкомитет был включен Тангиев Абдул-Хамид.

В конце декабря 1956 года состоялось первое заседание Государствен-ной комиссии по восстановлению ЧИАССР. Председателем комиссии был Анастас Иванович Микоян, членами - Маленков, Ворошилов, Сабуров, Первухин и другие.

Как-то Гайрбекова, Тангиева и меня неожиданно пригласили в Кремль

к Микояну. Там шло заседание Государственной комиссии.

Микоян объявил, что мы приглашены для обсуждения границ будущей республики. С планом определения границ выступил завотделом ЦК Чураев. По этому плану с востока пять чеченских районов - Ножай-Юртовский, Веденский, Саясановский, Чеберлоевский и Шароевский должны были отойти к Дагестану, Горная зона республики - Итум-Калинский, Галанчож-ский, Галашкинский районы передавались Грузии, Пригородный район – Северной Осетии.

Мы с Тангиевым резко выступили против подобного определения границ республики. Мы объяснили, что Пригородный район - это сердце Ингушетии что в этом районе находится селение Ангушт, от которого произошло само название ингушей. Если один район (Галашкинский) - отдать Грузии, другой (составляющий 40 процентов ингушской территории) - Осетии, где же будут жить ингуши?..

После Пригородного района мы перешли к восточным и южным границам.

- Как вы собираетесь восстанавливать республику, Анастас Иванович, - говорю я Микояну, - отдав пять районов Дагестану, три Грузии и один Осетии?

- Мы планируем оставить в составе республики два района от Грозненской области, - отвечает он.

- Это положения не исправит, Анастас Иванович. Люди будут против, вы же, по существу, лишаете нас родины. Так не получится никакой республики.

Тангиев Абдул-Хамид выступил очень резко и поддержал меня. После нас выступил первый секретарь Дагестанского обкома партии и сказал, что от пяти районов Чечено-Ингушетии он отказывается, и людей своих оттуда переселит в Дагестан. Потом встал секретарь компартии Грузии и сказал: "От горных районов Чечни и Ингушетии мы тоже отказываемся". Тогда вскочил со своего места Агкацев (первый секретарь Северо-Осетинского обкома партии) и заявил, что Пригородный район он просит оставить в Осетии для того, чтобы создать там очаг дружбы между ингушами и осетинами. Осетия примет всех выселенных оттуда ингушей, поселит их в районе и в городе Орджоникидзе.

Почувствовалось, что Микоян и другие готовы удовлетворить эту просьбу. Мы поняли - район отдают. Я думаю, была предварительная договоренность.

После заседания я и Тангиев поехали к жившему в Москве профессору Дешериеву. Там мы до утра готовили записку в Президиум ЦК. Утром с этим документом пришли в гостиницу, собрали нашу делегацию и, ознакомив с ситуацией, попросили подписать его. М.Г.Гайрбеков и все без исключения члены делегации подписали этот документ. Это был протест против передачи Пригородного района Северной Осетии. С ним Тангиев и я пошли в ЦК. Один экземпляр мы отдали помошнику Хрущева Шуйскому и попросили организовать нам встречу с Никитой Сергеевичем.

Позже мы узнали, что наша записка дошла до Хрущева, и он по этому вопросу заслушивал Микояна и других членов комиссии. Но они убедили его решить спор в пользу Осетии. Так было совершено преступление против ингушей, - Пригородный район был подарен Осетии.

В январе 1957 года Оргкомитет начал свою работу в Грозном, а примерно с мая начали прибывать домой эшелоны с переселенцами. Как-то ко мне из Назрани приехал мой однофамилец Мальсагов Туган и сообщил, что где-то в районе Беслана на разъезде выгрузили целый эшелон с переселенцами,

которые exали в Армхи. В чем дело и почему их не пропускают через Орджоникидзе - неизвестно.

Я переговорил с Гайрбековым и выехал на место. На разъезде толпились растерянные ингуши. Я поехал к начальнику местного отделения железной дороги. "Почему не пропускаете людей?" - спрашиваю. А тот отвечает, что он выполняет указание обкома партии. Мы с Туганом Мальсаговым поехали в обком, к Агкацеву. Нас пытались задержать, но мы без разрешения прошли в его кабинет. Там сидели председатель Совмина Осетии и кто-то еще.

- Кто вас пустил? - возмутился Агкацев. - Я занят, подождите в приемной.

- Не знаю, чем вы заняты, но околачиваться в вашей приемной мы не намерены! Вы меня должны помнить: на заседании Государственной комиссии мы с вами встречались. Я и выступление ваше помню. Вы ведь заявляли, что собираетесь создать в районе очаг дружбы между ингушами и осетинами! Почему же вы распорядились выбросить людей под Бесланом, запретили ингушам проезжать через Орджоникидзе?!

После попытки отрицать очевидное Агкацев отдал приказ организовать отправку людей в Армхи.

- Мы не уедем, пока эти люди не будут устроены, - сказали мы. - И впредь имейте в виду, что ингушей, выселенных из Пригородного района и Орджоникидзе, вы обязаны расселить здесь же.

- Конечно, - отвечает Агкацев, - но это нужно делать планово, в четыре года.

- Нет, - говорю, - не в четыре, а в два года. Вы обязаны поселить и трудоустроить всех ингушей, которые будут приезжать сюда...

Ходят разговоры, что о передаче Пригородного района было решение Оргкомитета. Это не так. Оргкомитет никогда не обсуждал этот вопрос. Это решалось в Москве, даже на заседание Государственной комиссии были приглашены не все члены Оргкомитета, а только я, Тангиев и Гайрбеков. Я готов присягнуть, что ни один чеченец и ни один ингуш своего согласия на передачу Пригородного района Северной Осетии не давал. Более того, все подписались под протестом по этому поводу. И позже мы неоднократно поднимали этот вопрос на различных уровнях. В Москве в Партархиве должна быть стенограмма заседания Государственной комиссии, о котором я рассказал. Там же должен храниться направленный в ЦК протест нашей делегации. Можно найти там и другие документы о том же. Все последую-щие годы мы стояли на своем - за это многих наказали. Меня обвинили в национализме и в попытке поссорить братские осетинский и ингушсктй народы.

"Сердало". 14 янв. 1992 г.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

...Владикавказ был основан на правом берегу Терека на месте трех ингушских аулов, из которых наиболее крупным был аул Заур. Осетины же жили на левом берегу. В конце XVIII века русские военные власти для увеличения гарнизона Владикавказа привлекли туда осетин, живших в горах. В начале XIX века была восстановлена крепость у входа в Дарьяльское ущелье, и осетины возвратились на свои старые места. Позднее их выселили, и они обосновались неподалеку от Владикавказа в Ольгинской. В период советской власти Владикавказ стал центром Горской республики. В конце 1928 года Сталин предложил присоединить Ингушскую область к Осетии, но ингушам удалось доказать нецелесообразность этого. В 1932 г. город был передан Осетии. Половина ингушей проживала в селении Ангушт в

8 км от города.

...Возвратившиеся из депортации ингуши выразили готовность откупить принадлежавшие им до их выселения дома у новых владельцев. После выселения чеченцев и ингушей их дома, кроме находившихся в горных аулах, которые были взорваны или разрушены, стали предметом спекуляции и успели переменить 15 - 20 владельцев. Но осетинские власти предложили местному населению ингушам домов не продавать. По отношению к ингушам применялась дискриминация при приеме на работу, в учебные заведения. Но ничто не смогло сломить их решимости поселиться на прежнем месте...

Дальнейший ход событий показал, что присоединение Пригородного района к Северной Осетии было ошибкой, источником непрекращающегося и по сей день недовольства ингушей...

Александр НЕКРИЧ.

Наказанные народы.

Нью-Йорк: Изд-во "Хроника", 1978.

ДАРСТВЕННАЯ

В Советский фонд культуры от ингушского народа

Просим принять от нас в дар старинную славянскую книгу "Патерик Печеорский" 1661 года издания, которая бесспорно является ценным памятником славянской культуры, а для ингушского народа уникальным

памятником - одним из свидетельств, пришедшим из времени борьбы трех религий: язычества, христианства и мусульманства. В древности наш народ был язычником. В VIII веке начинается проникновение христианства со стороны Грузии и затем России. В XVIII веке освободительная Имамская война принесла ингушам со стороны Дагестана мусульманство, и ингуши, солидарные в освободительной борьбе горцев, в XIX веке окончательно перешли в мусульманство.

История этой книги известна в народе так: основоположником ингушского села Базоркино, или Мочко-Юрт, был Базоркин Мочко. Он был еще христианином, учился в Тбилиси в духовной семинарии и, по всей вероятности, оттуда привез эту книгу. От него она попала в тейп Кодзоевых, которые и сохранили ее по сей день, несмотря ни на какие выпавшие на их долю испытания.

Стоит сказать о судьбе могилы Мочко Базоркина. Он был вместе с женой Хамабечер Жукаевой (осетинкой) похоронен в гробу и положен в склеп в своем дворе. После депортации ингушей 23 февраля 1944 года село Базоркино было переименовано в осетинское село Чермен. Склеп Мочко вскрыт, гробы Мочко и его жены взломаны, останки Мочко и его жены политы бензином и сожжены. Затем трактором могила была разровнена - чтобы и следа от ингушей на их земле не осталось.

Книга же "Патерик Печорский" с семьей Кодзоевых ушла в выселение. Там от всей семьи остался один Иса, сын Аюпа Кодзоева. Иса одного за другим похоронил девять членов своей семьи. Умирая от голода, Кодзоевы обменяли на хлеб застежку от этой книги, но саму книгу продать отказались, считая ее национальной реликвией, хранительницей народа. Иса сберег ее и привез назад, на родину, в Ингушетию...

В Фонде культуры СССР пока никаких ценностей нашего народа нет, и на сходе мы, с разрешения Исы Кодзоева, в надежде на полное восстановление Ингушской автономии решили подарить Советскому фонду культуры частицу своей нелегкой истории, памятник духовности нашего народа.

АКТ

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ФАКТОВ ГЕНОЦИДА В ОТНОШЕНИИ ИНГУШСКОГО НАРОДА

14 августа 1990 г.

пос. Майский

Пригородного р-на СО АССР

О ВАРВАРСКОМ НАДРУГАТЕЛЬСТВЕ НАД КЛАДБИЩАМИ И НАДМОГИЛЬНЫМИ ПАМЯТНИКАМИ

Мы, нижеподписавшиеся:

Председатель комиссии Фаргиев Х.А. – Народный депутат СССР.

Члены комиссии:

Белозерцев С.В. – Народный депутат СССР,

Камчатов В.Ф. – Народный депутат СССР,

Кашурко С.С. – руководитель группы «Поиск» Советского комитета ветеранов войны, журналист,

Кодзоев И.А. – Народный депутат ЧИ АССР,

Ахильгов С.Х. – член Оргкомитета по восстановлению Ингушской автономии,

Костоев Х.А. – председатель Экажевского сельисполкома,

Тимурзиев М.А. – депутат Пригородного райсовета, составили акт о нижеследующем:

14 августа 1990 г. мы посетили кладбище в селе Базоркино (ныне Чермен), на котором покоится прах тысяч ингушей, среди которых были герои гражданской войны и заслуженные люди. Перед нашим взором предстала территория бывшего, существовавшего до депортации ингушей, кладбища, полностью уничтоженного (под бульдозер) после февраля 1944 г.

Надмогильные камни с именными надписями (чурты) обнаружены в фундаменте Черменской животноводческой фермы, в 200-метровой длины подъездной эстакаде Черменского консервного завода, в стенах котельной и фундаменте весовой этого же завода. Из таких же чуртов сооружён лестничный марш.

Подобные факты имеют место на всей территории Северной Осетии, где до депортации проживали ингуши.

На консервном заводе мы услышали справедливое возмущение трудящихся таким вандализмом и непринятием мер к оскорбителям памяти умерших.

ВЫВОДЫ:

а) осудить факты умышленного надругательства над памятью ингушского народа.

б) принять действенные меры по восстановлению разрушенных кладбищ и индивидуальных могил.

в) изъять из строений, дорог и других мест чурты, используемые в качестве стройматериалов.

Председатель комиссии –	(подпись)	ФАРГИЕВ Х.А.
Члены комиссии:	(подпись)	БЕЛОЗЕРЦЕВ С.В.
	(подпись)	КАМЧАТОВ В.Ф.
	(подпись)	КАШУРКО С.С.
	(подпись)	КОДЗОЕВ И.А.
	(подпись)	АХИЛЬГОВ С.А.
	(подпись)	ТИМУРЗИЕВ М.А.

Герб.печать

Председатель Назрановского райисполкома	(подпись)	ЛЬЯНОВ М.Х.

АКТ

О НАДМОГИЛЬНЫХ ПАМЯТНИКАХ, ПРЕВРАЩЁННЫХ В ДОРОЖНЫЕ БОРДЮРЫ

18 августа 1990 г.

г. Грозный

пос. Андреевская Долина

Мы, нижеподписавшиеся, член Верховного Совета СССР Дарсигов М.Ю., руководитель группы «Поиск» Советского комитета ветеранов войны

Кашурко С.С., прораб Управления дорожно-мостового строительства (УДМС) Джамбулатов М.Б., сторож этого же Управления Дариев У.Д. и работник Чечено-Ингушского обкома партии Пидлых А.Д. освидетельствовали около 6.000 надмогильных памятников (чуртов), сваленных в кучи на территории УДМС в поселке Андреевская Долина города Грозный.

На израненных серых камнях, искусно обработанных народными умельцами, хорошо просматриваются обрамлённые художественными росписями надписи на арабском языке – имена умерщих.

Эти скорбные изваяния веками венчали кладбищенские могилы усопщих предков. Однако после насильственного изгнания чеченцев и ингушей с их родной земли, эти надгробия четыре десятилетия служили бордюрным обрамлением проезжей части 3-х километровой улицы Рабочей в городе Грозном.

При капитальном ремонте этой дороги, надмогильные святыни были вынуты (вырыты) и свезены на задворки Управления дорожно-мостового строительства. Многие из этих памятников-бордюров были опознаны родственниками усопщих и установлены в местах уничтоженных кладбищенских могил. Большинство же чуртов навечно останутся невостребованными как осиротевшие из-за смерти в изгнании семей и целых поколений.

ВЫВОД:

Из этих изуродованных и поруганных могильных памятников следовало бы воздвигнуть скорбный мемориал, гневно осуждающий убийц и насильников сталинско-бериевского беззакония.

(подпись) Дарсигов М.Ю.

(подпись) Кашурко С.С.

(подпись) Джамбулатов М.Б.

(подпись) Пидлых А.Д.

(подпись) Дариев У.Д.

Герб.печать(подпись) Льянов М.Х

Ахмет ВЕДЗИЖЕВ

ОРДЕН

Рассказ

Все в этот день было празднично и необычно: большой зал, множество людей, статная фигура генерала в президиуме и четко прозвучавшие в торже-ственной тишине слова указа "За образцовое выполнение боевого задания наградить орденом..." И имя Мухарбека. Затем Мухарбек, все еще не очнув-шись от волнения, стоял в просторном кабинете генерала. Тот понимающе глянул на смятенное лицо Мухарбека и тяжело опустился на диван.

- Садись, солдат, рядком, да поговорим ладком. Рассказывай, как жизнь, как работа?

Давно никто не называл Мухарбека солдатом. И все в нем рванулось

к тому душевному и мудрому, что он прочел в добрых, по-стариковски сощуренных глазах. Генерал положил ему на плечо сухую, в синих прожилках руку:

- Крепкий ты человек и хороший солдат. Потому что знаю - нелегкой была дорога, по которой ты с фронта возвращался домой.

- Ох, нелегкой, - отозвался Мухарбек. Шел второй год, как он вернулся

с изгнания в родные места.

- О том, как воевал, - знаю, - продолжал генерал. - Расскажи, что тебе пришлось пережить потом.

И медленно, с трудом подбирая слова, впервые Мухарбек начал горький рассказ о пережитой несправедливости.

- ...В сознанье я пришел уже в госпитале. Через пару дней меня навестил комбат. "Голова на плечах и грудь в крестах, - радовался он за меня. - К награде тебя представили, пляши, солдат!". После выписки меня направили

в штаб дивизии. Там разговор был короткий: "Поедешь в Казахстан!". Солдатская служба научила не задавать вопросов, но в душе я подивился: солдату в самый разгар боев в глубокий тыл? Поразмыслив, решил, что посылают меня по особому заданию. Обидно было расставаться с родным батальоном, но приказ есть приказ.

Стояла поздняя осень 1944 года, когда я приехал в Оренбург. В пути я встретил земляков - их везли из Кустаная в Алма-Атинскую область. От них-то я и узнал о цели своей командировки. Никогда мне не забыть растерянные, запуганные лица стариков, женщин, детей. Они не могли понять, за что их выгнали из родного дома в этот далекий холодный край, и истощенные от голода, усталости и бездомности ждали новых бед. Многие

все еще верили - не сегодня-завтра выяснится, что это ошибка, недоразумение. Старик лет 60, высокий, сухощавый, благообразной и величавой наружности - в Граждан-скую войну он был известным партизаном в Чечено-Ингушетии - сказал мне убежденно:

- Не знает об этом Сталин. Он бы всех нас вернул по домам.

В ту пору и я так думал.

В Алма-Атинском военкомате, проверив мои документы, сказали:

- Идите в НКВД.

- Для чего, я ведь солдат?

- Там объяснят.

Долго дожидался я своей очереди в полутемном бюро пропусков НКВД. Капитан, к которому меня направили, равнодушно оглядел меня и, отобрав документы, велел явиться на следующий день.

- А где мне ночевать?

- Где хочешь...

К горлу у меня подступил ком. "Послушайте, - хотелось мне крикнуть ему, - ведь я не по своей воле приехал сюда!"

Но капитан склонился над бумагами, давая мне понять, что разговор окончен. Постояв с минуту, я молча вышел на улицу. Никогда еще я не чувствовал себя таким одиноким. На фронте мне не раз приходилось подолгу оставаться в одиночестве - в разведке, в дозоре. Но это не было одиночест-вом, я знал: товарищи помнят обо мне, придут на помощь, если я попаду в беду. Эта уверенность и превращала нас в героев. Здесь же все вокруг было чужим и враждебным. Не зная, куда идти, я остановился на углу шумной улицы. Мимо меня торопились прохожие - у каждого свои дела, свои заботы. "Какое им дело до меня?" - подумал я. Нехорошее, несправедливое чувство шевельнулось у меня в душе, мне казалось, что между мной и этими людьми - стена. Острое, сосущее чувство голода вывело меня из оцепенения, я вспомнил, что с вечера ничего не ел. "Нужен ты кому или не нужен, а поесть надо", - с ожесточением подумал я. Случайный прохожий посоветовал пойти на зеленый рынок. Я вытащил из кармана деньги, пересчитал. У меня оставалось две тысячи, совсем немного по тем временам. Над базарной площадью стоял такой шум, что я не сразу разобрал, где продавцы и где покупатели.

- "Беломорканал"! А ну, кому "Беломорканал"?

- Манты! Горячие манты!

- Апорт, штука - десять рублей! Сам бы ел, да деньги нужны!

Я не удержался и купил красное яблоко, до того красивое и вкусное,

что душа отогрелась, но я тут же себя одернул: что за мальчишество, давай-ка съешь что посущественнее. За сто рублей купил буханку хлеба, выпил у стойки банку синеватого, заметно разбавленного водой молока, сунул в карман остаток хлеба и зашагал в город. Возле фанерной вывески "Дом колхозника" остановился.

- Сколько суток пробудете? - спросила дежурная, забирая солдатскую книжку.

- Одни.

С минуту она с любопытством разглядывала меня, словно желая что-то сказать. "Скажи хоть ты мне доброе слово, девушка, - взмолился я про себя. - Ведь я из тех краев, где умеют встречать гостей. Но дежурная отвела глаза и только сказала:

- Четырнадцать рублей. Третий номер.

"Ненадолго мне хватит денег", подумал я, пряча квитанцию. Третий номер оказался огромной комнатой, в ней свободно мог бы, как говорят ингуши, джигитовать всадник. Вдоль стен - узкие койки, до низкого потолка легко достать рукой, вокруг стола посреди комнаты сидит несколько человек в военной форме, некоторые из них без погон. На столе - баллон с вином, куски мяса и хлеба. Судя по покрасневшим лицам, баллон не первый. Я присел в сторонке на нетронутую койку. Прерванная моим появлением беседа возобновилась. Со смешанным чувством радости и боли услышал я родную речь. Один из моих земляков сидел ко мне спиной. На плечи его была накинута шинель с капитанскими погонами. По говору я узнал в нем горца, чеченца.

- Представляешь, - говорил он сидящему напротив старшему лейтенанту, - я прошу его выслушать меня, а он даже и не смотрит на меня. - Сержант, говорю я ему, вам следовало бы быть вежливей со мной хотя бы потому, что я капитан, старше вас по званию. А он в ответ:
- "Нисколько ты не старше меня по званию".

- То есть как, говорю я ему, - и почему вы мне тыкаете? Ведь я капитан, а вы - сержант.

- А так, - отвечает он мне. - Ты не советский, ты чеченский капитан.

Старший лейтенант, побледнев, яростно рванулся с места:

- А ты?

- Спрашиваешь, что сделал я? - с усмешкой в голосе ответил капитан. - Хотел поставить его на место, только малость не рассчитал, полетел он у меня вверх тормашками.

- Такого убить мало! - воскликнул старший лейтенант-ингуш, сжимая кулаки.

- Рядом оказались наши солдаты, оттащили меня от него, - спокойно продолжал рассказчик, но по тону я чувствовал, что спокойствие это дается ему нелегко. - Все бы это кончилось для меня плохо: арестовали бы, если бы не подвернулся свой брат-фронтовик. Подполковник, в том же управлении служит. Он все и уладил. Армейский офицер своего брата в беде не оставит.

Я не выдержал и подошел к столу.

- О, - повернулся ко мне капитан, - нашего полку прибыло!

- Вы артист Рамазанов! – не удержался я, увидев прославленного в наших краях артиста.

- Бывший артист, - грустно ответил он. - Теперь - капитан. Впрочем, уже не артист и не капитан.

Печаль его ранила меня в самое сердце. Трудно было найти чеченца или ингуша, который бы не знал и не любил Рамазанова. Он был славой нашего театра, он раскрыл на сцене душу нашего народа, целый мир чувств и мыслей, без которых не было бы жизни. Сама мысль о том, что его могли оскорбить, унизить, казалась мне чудовищной. Рамазанов взглянул на меня и, казалось, прочел мои переживания.

- Спасибо, - сказал он тихо, и я почувствовал на своем плече дружеское прикосновение его руки.

- Когда прибыл? - спросил меня старший лейтенант.

- Сегодня.

- Ах, так ты новичок. А мы здесь загораем около месяца, а кое-кто и подольше.

- Что говорят нам, фронтовикам? За что выслали народ?

- За то, что мы ингуши и чеченцы, - глухо отозвался Рамазанов. - Не имеете, говорят, права жить на земле... - Он залпом допил стоявший перед ним стакан вина и повернулся ко мне: - Тебе когда велели явиться?

- Завтра утром.

- Значит, вместе пойдем. Что-нибудь, наверное, они нам все-таки скажут. Нельзя же так, без всякой причины разбросать народ по Казахстану и Киргизии. Муж в одном месте, жена и дети в другом.

- Сорвать с фронта солдат и офицеров и загнать их в глубокий тыл, - добавил я. - Что ж мы, не достойны носить оружие?

Я коснулся больного места. Подавленные, молча сидели мы за столом.

В комнате слышен был только глухой, доносившийся сюда шум базара и грохот проезжавших под окном грузовиков. Неожиданно Рамазанов вскочил, стукнул кулаком по столу так, что задребезжали стаканы:

- Нет, не верю я, что можно так, одним движением пера, перечеркнуть нашу жизнь. Слышите, друзья, не верю! Не знаю, по чьей злой воле попали мы сюда, но верю - это не надолго. Выпьем за лучшие времена!

Всю ночь я не мог заснуть. Где моя семья, где родители? Эти вопросы ворочали меня с боку на бок. Меня выслали, ладно, я крепкий, выдержу, доживу до лучших времен. А старик-отец, мать, маленькая сестренка? В темноте то в одном, то в другом конце комнаты вспыхивали огоньки папирос. Никто из нас не спал в ту ночь. И в следующие. Много их было впереди, бессонных ночей.

Наутро к бюро пропусков группами и поодиночке подходили мои земляки. Лейтенант в синей фуражке встречал всех одной и той же фразой:

- По коридору налево в зал.

Легкой походкой горца прошел пожилой подполковник с седеющими усами. На груди его в несколько рядов ордена и медали. Он сел впереди меня и приветливо заговорил со своим соседом, молодым солдатом.

- Кто это? - спросил я Рамазанова.

- Подполковник Зауров.

Так вот при каких обстоятельствах довелось мне увидеть легендарного Заурова! Сам Серго направил его, героя Гражданской войны в школу красных командиров. На фронте мы, горцы, с гордостью слушали рассказы о боевых делах его полка.

Легкий шум в зале сменился напряженной тишиной - в дверях показался майор в синей фуражке, за ним с папкой в руке шел капитан. Подойдя к столу, майор некоторое время в упор разглядывал каждого из нас, как будто старался запомнить навсегда.

- Сегодня вы будете направлены к месту постоянного жительства, - начал он, наконец, монотонным голосом. - Направления уже выписаны. Сейчас капитан раздаст их вам. Прибыв на место, предъявите направление

в спецкомендатуре. Вас поставят на учет, определят на работу, объяснят, что вам делать дальше, - майор сделал паузу и еще раз оглядел зал: - У кого есть вопросы?

Я не мог понять ничего. Какие спецкомендатуры? Пошарив глазами по рядам, майор продолжал:

- Бывший подполковник Зауров, вам пока разрешено остаться в городе. На учет в спецкомендатуре вам нужно встать сегодня же.

- Прежде всего мне надо съездить за семьей, - поднялся Зауров. - Она эвакуирована из Харькова на Урал.

По лицу майора скользнула легкая усмешка:

- Семью вызовете письмом. Без разрешения коменданта ни один спецпереселенец не имеет права выезжать из города.

Я не видел лица Заурова, он стоял ко мне спиной, но сколько она рассказала мне о том, что творилось в его душе! Стройная и прямая, с развернутыми плечами, она словно надломилась. Крепкие плечи опали. Зауров медленно упал на стул.

Порывисто вскочил мой вчерашний знакомец старший лейтенант.

- Товарищ майор, я окончил военное училище, стал офицером, чтобы навсегда остаться в рядах Красной Армии. Почему я...

- Вы освобождены от воинской повинности, - перебил его майор. – Таково решение правительства. Будете жить и работать там, куда вас определят. - И еще раз окинув глазами зал, направился к выходу.

Рамазанов бросился вслед за ним.

- Вы должны меня выслушать, товарищ майор! Я артист, окончил театральный институт...

- Ну и что же? - бросил на ходу майор. - Теперь вам придется менять специальность, - и тоном человека, которому надоело повторяться, сказал: - Поедете туда, куда вас направят.

Капитан начал вызывать нас по списку и раздавать направления. Рамазанов и я попали в один колхоз.

- К месту назначения прибыть в 12 часов завтрашнего дня. Опоздавшие будут отданы под суд, - капитан сумел произнести эти слова без всякого выражения, тоном, каким на станциях объявляют время прибытия и убытия поездов.

Я подошел к столу:

- Объясните, как нам найти наши семьи?

- Вопросами розыска занимается спецкомендатура, - ответил капитан скороговоркой...

- Ты знаешь, как это называется? - бушевал Рамазанов, когда мы собрались в нашей комнате на ночлег. - Это называется произвол.

Он то метался по комнате, то, уронив голову на руки, подолгу сидел молча.

- Скажите, в чем моя вина? - как в бреду спрашивал он. - Отца моего убили деникинцы... Вырос я в детдоме... Институт, театр... Война. Начал рядовым, дослужился до капитана... Что плохого я сделал за свою жизнь? Где моя жена, дети?

Все мы были в том же состоянии - полная сумятица в голове, боль в сердце. Безжалостная, злая сила, исковеркавшая нашу жизнь, не имела для нас в ту пору ни имени, ни облика...

Колхоз куда мы попали, был в 60 километрах от Алма-Аты. В низеньком домике под соломенной крышей размещалась спецкомендатура. Жарко пылал в печи саксаул, за столом против двери сидел человек с сержантскими погонами, такой маленький, что его трудно было принять всерьез. На крохотном, не больше кулака лице пылал большой нос. "А ты не дурак выпить", - сразу понял я.

- По-моему, он у него приклеенный. Хочешь, проверю? - серьезно сказал по-чеченски Рамазанов. Мы рассмеялись. Человечек выпрямился на своей табуретке и строго спросил:

- Чего смеетесь? Кто такие?

Мы предъявили ему свои бумаги. Над головой сержанта висел портрет Сталина, по бокам - портреты Берия и Молотова. Под портретами в рамке висело Постановление о спецпереселенцах. Я подошел ближе и прочел подпись "В.Молотов". "Может ли Сталин не знать, что делает Молотов?"

От этой мысли мне стало страшно. Рушилось то, во что я безоговорочно верил с детства.

- Изучаете Постановление? - одобрительно хмыкнул сержант. - Изучайте, изучайте, это полезно.

Большого ума для составления этого документа не понадобилось, - как бы про себя, ни к кому не обращаясь, проговорил Рамазанов.

Заплывшие глазки сержанта сузились, как у кошки, углядевшей мышь:

- Так, так. Значит, ты не одобряешь постановление правительства? Значит, по-твоему, "правительство неумное"?

- Вряд ли мне удастся вам что-нибудь объяснить, сержант, - не скрывая насмешки, ответил Рамазанов. - Чтобы мотор работал, требуется смазка, а ее-то, - он постучал пальцем по лбу, - у вас явно не хватает.

- Эй, ты! - сержант стукнул кулаком по столу. - Не забывайся!

Рамазанов побледнел:

- Забываетесь вы, сержант. Здесь не написано, что вы имеете право говорить мне "ты", - дрожа от гнева, он двинулся на сержанта.

- Что за шум, а драки нет! - раздался за моей спиной приятный голос.

Я оглянулся - в дверях стоял высокий, худой, как мальчишка, человек лет 28. Левый пустой рукав шинели был заправлен за пояс, большие светлые глаза смотрели с веселой насмешкой.

- Сержант Муха, ты опять шумишь? - спросил он, протягивая всем нам по очереди свою единственную руку. - Давайте знакомиться - председатель здешнего колхоза Царапин Тимофей Васильевич. А ты, сержант, усади нас. Мне надо с людьми поговорить.

Муха смотрел на вошедшего глазами ластящегося к хозяину щенка. Важность с него как ветром сдуло. "Уважает он его или боится?"- подумал я. Старательно, будто он дело делал, расставил сержант табуретки, и мы уселись вокруг Тимофея Васильевича.

- Работаю я здесь уже второй год, - начал Царапин, - откуда прибыл, сами догадаетесь, - показал он на пустой рукав. - Места неплохие, жить можно, только с людьми трудно. Работать в колхозе некому: остались одни женщины да дети. Прислали ваших земляков, тяжко им здесь. Климат непривычный, голодно, а приехали они, сами знаете, налегке. Местные стараются им помочь, да что у них самих-то есть? Все взяла война. Теперь колхоз рассчитывает на вас, фронтовиков... Вы, ребята, духом не падайте, - добавил он тихо - работать во время войны в колхозе - тоже подвиг.

Мы поняли все, о чем не договаривал Тимофей Васильевич. Искренность и простота сразу расположили нас к нему. Сержант Муха забрал у нас документы и, деловито сопя, выписал каждому удостоверение переселенца. Тушью в нем было выведено: "Выезд за пределы села запрещается". "Трудно будет стерпеть", - подумал я. Отныне нашей судьбой распоряжался красноносый сержант Муха. Об этом напоминали нам его начальственные окрики, выданное им удостоверение и постановление, скрепленное подписью Молотова...

Прошло три месяца с тех пор, как мы приехали в колхоз. Я работал в кузнице молотобойцем, Рамазанова направили вначале в контору секретарем, но он сбежал оттуда через неделю.

- Что я, барышня, что ли, пером скрипеть? - отвечал он на наши уговоры, что там ему будет легче. - Мужиков не хватает, а они меня в контору посадили. Пусть меня назначат возить сено с гор.

Всю зиму, а она была в тот год суровая, выезжал Рамазанов с рассветом, а возвращался поздно ночью. Я видел, как ему трудно, но он умел скрыть недомогание и усталость за веселой шуткой - недаром он был артистом.

- Были в моем репертуаре монологи, были в моем лексиконе боевые команды, теперь он обогатился бессмертным "цоб-цобе!", - шутил он.

Поселились мы с ним вместе у Полины Михайловны, женщины лет 55. Незадолго до войны она потеряла мужа, единственный ее сын был на фронте. Не встреться нам эта простая добрая женщина, вряд ли мы пережили бы голодную вьюжную зиму. Чуть свет уходила она в поле собирать из-под снега колосья, терпеливо перемалывала их на ручной мельнице и, когда мы, замерзшие, падая от усталости, возвращались с работы, на столе дымилась горячая каша или - уже настоящий праздник! - сладковатая мороженая картошка.

- Ешьте, дети, ешьте, - заботливо подкладывала нам Полина Михайловна, - может, и мой сын попал в беду на чужой стороне. Дай бог, чтобы его накормила чья-нибудь мать.

Вера людей, что мы ни в чем не виноваты, было самым нужным и дорогим для нас в ту пору. Жизнь наша под крылом Полины Михайловны была бы сносной, если бы не зуд, еженощно одолевавший Муху, напоминать нам, что мы целиком в его власти. Подвыпив, Муха, являлся к нам чуть ли не каждую ночь с проверкой. В ту памятную ночь Муха вошел без стука, сдвинув на затылок фуражку, уселся посреди комнаты на табуретку. В комнате противно запахло водочным перегаром.

- Зачем пожаловал? - приподнялся на постели Рамазанов.

- Проверочка.

- Ты же был вчера?

- Был вчера, пришел сегодня.

Полина Михайловна свесила с печи седую голову:

- Сынок, - сказала он миролюбиво, - они же люди. С утра до вечера на работе, дай им хоть ночью отдохнуть.

- Люди мне, тоже, - презрительно процедил Муха, не глядя в ее сторону. - Не нравится, что я прихожу, гони их с квартиры.

- Уходи, - сдавленным голосом проговорил Рамазанов.

Я видел, что он едва сдерживает себя. "Остановись!" - хотел я крикнуть ему, но не успел. Бросившись к Мухе, он смял его, как котенка. Мы

с Полиной Михайловной с трудом оттащили от него Рамазанова. До утра я не спал, зная, что эта история кончится плохо.

Утром приехал спецкомендант района. Окинув нас взглядом, не обещающим ничего хорошего, он кивнул на перевязанную голову Мухи:

- Это вы вчера покушались на коменданта? - Голос у районного был сытый, свежевыбритые щеки лоснились. Муха шепнул ему что-то на ухо. - С жиру беситесь? Так отправим вас туда, куда Макар телят не гонял.

Участковый милиционер отвез нас в райцентр. "Не видать нам больше Полины Михайловны, - думал я, трясясь в кузове машины. - И с Тимофеем Васильевичем не попрощались. Нехорошо, все нехорошо". На третий день, к моему великому удивлению, меня выпустили. Возле КПЗ ждала меня Полина Михайловна.

- А ты, верно, думал, сынок, нам уж и Мухи не осилить? - спросила она меня, как только мы вышли на дорогу, и лицо ее помолодело от лукавой улыбки. - Тимофей Васильевич, как я ему рассказала все, говорит: "Не горюй, Михайловна, привезу твоих квартирантов" - уехал в райком, выписав полпуда муки да молока литров пять, чтобы я вам передачу свезла. А Муху он разделал под орех. Изверг, ты, говорит, вовсе человеческое подобие потерял! Посиживаешь, говорит, за столом, бумагу переводишь, а люди с утра до ночи работают, чтобы тебе чего поесть было. И ты же над ними измываешься. Покажи, говорит, постановление, что им по ночам спать нельзя. Тот только лопочет что-то невразумительное. Это он с вами грозен. А перед Тимофеем Васильевичем Муха - муха и есть.

Рамазанова продержали под арестом десять суток - ни суда, ни прокуратуры для этого не потребовалось. Вернулся же он сияющий, счастливый.

- Можно подумать, что ты из санатория, - удивился я. Рамазанов вытащил из кармана какую-то бумажку и помахал ею:

- Не было бы счастья, да несчастье помогло! Семья нашлась, понимаешь ты, семья! Жена писала, писала в Москву, пока не отыскала меня. Живет она в Акмолинске.

Я взял из его рук бумагу. Это было разрешение на выезд в Акмолинск. Весь вечер Полина Михайловна хлопотала, собирая его в дорогу.

- Не горюй, и тебе недолго ждать, - утешала она меня, - отыщешь и ты своих. А там и на родину вернетесь. А я к вам в гости приеду...

И от сердечной воркотни нашей приемной матери на душе становилось легче.

На следующее утро мы провожали Рамазанова. Тимофей Васильевич дал ему лошадь доехать до станции, снабдил продуктами на дорогу, на прощанье обнял единственной рукой.

- Извини уж, если что не так - сам понимаешь, времена сложные. Авось доведется всретиться когда-нибудь при других обстоятельствах.

- Вы в это верите? - спросил Рамазанов.

- Верю, - твердо ответил Тимофей Васильевич.

Долго смотрел я вслед уезжающему товарищу. Вот он проехал деревню, свернул на дорогу, обогнул холм и исчез. Я остался один. Потянулись томительные, похожие один на другой дни, пустые вечера.

Муха перестал являться по ночам - на меня он обращал мало внимания.

Как-то мы столкнулись с ним возле кузницы.

- Ну как он, уехал? - спросил Муха, точно не зная об отъезде Рамазанова. - Его счастье, что ушел из моих рук. Я бы ему дал жизни. И убежденный в том, что нагнал на меня страху, ушел важный, как петух.

Я смотрел ему вслед и невольно улыбался, вспоминая, как перепугался Муха в ту ночь.

Шли дни, прошел месяц, а от Рамазанова все не было вестей. Чего только не передумали мы с Полиной Михайловной, объясняя его молчание. Наконец, возвращаясь однажды с работы, я увидел спешащую мне навстречу Полину Михайловну. Запыхавшись от волнения, она вручила мне долго-жданное письмо - первое за все время изгнания, весть от близких. Рамазанов сообщал, что отец мой находится под Акмолинском в селе Кийма. Как я бежал к сержанту Мухе с письмом Рамазанова, как надеялся, что он тут же выпишет мне разрешение на выезд! Но Муха только презрительно оттопырил губу, взглянув на письмо:

Тоже мне документ - цидулка какого-то Рамазанова! - закричал он, багровея. - Не будет тебе разрешения, пока не придет подтверждения от спецкомендатуры, где состоит на учете твой отец. Подождешь, ничего с тобой не случится. - И явно подражая кому-то, был и у Мухи свой идеал, отчеканил: - У меня все!

- Послушайте, сержант, - сказал я, дрожащими руками складывая письмо, - у вас есть отец?

Муха удивленно шевельнул рыжими кустиками бровей:

- У меня? Ха-ха, сравнил! Да мой отец... - от возмущения он не находил слов.

- Что ваш отец?

- Мой отец, - Муха вспомнил, наконец, слышанное где-то выражение, - благонадежный гражданин. - Он помахал перед моим носом короткопалой рукой. - Чтобы никаких сравнений я больше не слышал!

- И я решил ехать к отцу, не ожидая разрешения спецкомендатуры. Решение бежать пришло мгновенно, и я уже знал, что ничто меня не остановит, иначе я поступить не мог. "Покориться Мухе, - думал я, шагая по пустой заснеженной улице, - это предать все, что мне дорого: отца, мать, выброшенных на старости из родного дома, своих друзей, светлые годы юности, забыть о чести, о человеческом достоинстве. Такие, как Муха, хотят, чтобы мы забыли, что мы люди, что мы мечтали, учились... Забыли, что у нас есть наши горы, наши песни! Не выйдет! - повторял я исступленно, - Не выйдет, Муха!"

Своими планами я поделился с Полиной Михайловной.

- А вдруг задержат? - спросила она дрогнувшим голосом.

- А вдруг не задержат? Почему меня обязательно должны задержать? Что, у меня на лбу написано, что я... - Я не договорил.

- Да ведь пропуск везде спрашивают, - пыталась образумить меня старушка.

Но вечером Полина Михайловна принялась латать мою одежонку.

- Никак вы меня в дорогу собираете, Полина Михайловна?
Она подняла на меня печальные глаза в густой сети морщин:

- Да разве тебя удержишь? - и добавила уже веселее: - Свет не без добрых людей, сынок, может, и обойдется.

Милая Полина Михайловна! Такие люди, как она, Тимофей Васильевич, сами того не ведая, вернули мне веру в добро и справедливость. А с этой верой уже ничего не страшно, даже с волчьим удостоверением в кармане.

На другой день старушка проводила меня до околицы... Три дня я трясся на третьей полке душного переполненного вагона. Старый проводник довез меня до Новосибирска. Когда я, прощаясь, протянул ему деньги, он сердито мотнул головой:

- Спрячь, самому пригодятся.

Много на свете добрых людей! Пробираясь сквозь вокзальную толпу, я жадно всматривался в лица измученных людей, и горькое чувство с новой силой захлестнуло сердце: насколько легче была бы наша жизнь, если бы не страшная власть, данная разновеликим ничтожным Мухам. Неожиданно в голову пришла мальчишеская мысль написать ему. Минуту спустя я сидел в тесном почтовом отделении вокзала и выводил издевательски четким почерком: "Тов. сержант Муха! Когда я вышел на дорогу, меня встретил райспецкомендант. На вопрос, куда я еду, я ответил, что еду по Вашему,

сержант Муха, разрешению. Райспецкомендант поверил мне. Прошу Вас лично подтвердить, что это правда, ведь это так и есть. Разве бы я решился выехать без вашего разрешения? Со спецпереселенческим приветом..." Подумав, я добавил: "Извините, что письмо доплатное - издержался в дороге". Я развеселился, представив, как будет бесноваться Муха, читая его. А еще лучше, если бы письмо попало в руки его начальства.

Спецпереселенец мог голодать, болеть, умереть - за это никто не отвечал.

Но если бы он исчез - тогда бы Муха наверняка распростился со своей должностью.

От Новосибирска до Челябинска я добрался воинским эшелоном. "Без билета, браток, путешествуешь?" - крикнули мне солдаты, заметив, как я мечусь от одного состава к другому, уламывая проводников. И едва я успел сказать: "Подвезите, ребята!" - как подхваченный крепкими руками, уже сидел в теплушке. Эх, солдатская жизнь - жестяночка, какой сладкой показалась она мне, когда я снова очутился среди едущих на фронт ребят. Поезд мчался без остановок мимо городов и деревень, ребятишки махали нам вслед руками, туманились слезами глаза женщин, и вся до капельки любовь, вся надежда страны была с нами. На время я почти забыл о своих горестях... Снова, казалось мне, вышел я победителем из поединка с сержантом Мухой.

На шестой день пути добрался я до станции Джалка. До Киймы, где находился мой отец, оставалось сто километров. Долго плутал в предрассветной мгле, увязая в снегу по колено, между базами и складами поселка в поисках оказии. На морозном сквозном ветру шинель топорщилась на мне колом, хрустел под солдатскими сапогами снег. Наконец, разыскал я базу киймовского колхоза. Возле саней, груженных зерном, стояла молодая женщина, ездовой.

-Отчего же, довезти можно, - ответила она мне, - только есть ли у вас разрешение туда ехать?

Я сделал вид, что шарю в кармане.

- Ладно уж, пропуск – это ваша печаль, а вот в шинельке я вас живым не довезу. Берите тулуп.

Она усадила меня сзади себя, на свежее пахнущее сено.

- В Кийме ваших немало, - рассказывала женщина дорогой, - только очень трудно им. Приехали без вещей, без денег, без продуктов, а зима, как на грех, до сорока градусов доходит.

Сердце сжалось у меня от страшного предчувствия. Я спросил, не знает ли она таких-то.

- Не встречала, - ответила она и оглянулась на меня. - Да что ж я наговорила такого, что на тебе лица нет! Ты о плохом не думай, думай о хорошем. Горе оно нас без приглашения найдет.

Всю остальную дорогу я ехал молча, кутаясь в необъятный тулуп. Стокилометровый путь на волах в сорокоградусный мороз был бесконечным. Изредка откидывая воротник тулупа, видел я вокруг все ту же неоглядную белую степь, производившую на меня, горца, странное впечатление. Снег переливался на солнце, и от этого блеска ломило глаза. "Солнце светит, а не греет, зря у бога хлеб переводит", - вспомнил я цыганскую пословицу. На всем пути нам встретилось только одно село. Там мы и заночевали.

На другой день к вечеру один из моих спутников тряхнул меня за плечо:

- Вот и Кийма.

В холодном блеске зимнего солнца лежало перед нами затерявшееся в степях село. Над приземистыми домами вились дымки.

- Вон в том доме направо живут ваши, - указал мне человек, встреченный в центре села.

Я скинул тулуп, распрощался и, не чувствуя от волнения ни мороза, ни пронизывающего ветра, заторопился к дому. На полпути меня окликнули

по-чеченски. Я обернулся и узнал соседа. Мы бросились друг к другу и молча обнялись.

- Ничего хорошего я тебе не сообщу, - сказал он, не дожидаясь вопросов. - Отец твой тяжело болен. Мать и сестренка умерли.

Все вокруг меня закачалось и поплыло, как в тумане. Казалось, огромная тяжесть навалилась и тянет, и тянет меня к земле. В детстве, заметив у меня на глазах слезы, отец говорил сурово:

- Горцы не плачут.

А мать, прижимая меня к коленям, утешала:

- Когда-нибудь он научится не плакать.

Сейчас я ждал слез как спасения. "Мама!" - хотел я крикнуть. - Ты видишь, мама, горцы разучились плакать!"

- Возьми себя в руки, - услышал я как сквозь сон, - твой отец ждет тебя...

Он лежал в чужом доме, среди чужих людей, такой непохожий на себя от истощения и пережитых страданий. С трудом различал я знакомые черты на желтом обострившемся лице. Я сидел рядом, ожидая от него слова, взгляда. Но глаза его беспокойно, с каким-то удивлением смотрели

вокруг. Мой отец умирал. И все, что я мог сделать для него - это сидеть рядом. Наконец, он остановил блуждающий взгляд на мне, смотрел долго, пристально - узнал ли? - и вздохнув, навеки закрыл глаза.

- Не отчаивайся, сынок, - утешала меня хозяйка, пожилая русская женщина. - На все воля божья.

На второй день с утра до вечера я, сын хозяйки и несколько земляков рыли могилу. Ломы и топоры со звоном ударялись о мерзлую землю...

А на третий день в дом зашел человек от коменданта.

- Следуйте за мной,- сказал он.

В райспецкомендатуре меня ждал лейтенант.

Я протянул справку от председателя колхоза. Лейтенант швырнул ее в корзину.

- Что ты прикидываешься дурачком? Где разрешение спецкомендатуры?

- Я приехал, узнав, где моя семья.

- Семья, семья! - передразнил меня лейтенант. - До чего вы все любите болтать. Я спрашиваю разрешение.

- Семьи нет, - ответил я. - Отец, мать, сестра - все умерли. Отца похоронил вчера.

- Так что же ты, воскрешать их приехал?

"Волчица тебя родила или женщина?" - чесался у меня язык, но я его прикусил.

Комендат достал из ящика чистый бланк. Жирными черными буквами на нем было отпечатано: "Постановление об аресте". Со стены на меня смотрел из золоченой рамки Сталин в мундире генералиссимуса. "На все воля божья" - вспомнил я слова хозяйки. И подумал: "Но здесь-то не божья, а Сталина воля". Лейтенант положил передо мною заполненный бланк:

- Распишись...

- Хотел ты мне рассказать о себе, - сказал генерал на прощанье Мухарбеку, - а рассказал о своем народе. В самых жестоких испытаниях сохранял он ясный ум и чистое сердце. Плохое не уживается в народе, а доброе, - генерал коснулся ордена на груди солдата, - доброе за ним не пропадает...

1960.

Перевод с ингушского Светланы АЛИЕВОЙ

Джемалдин ЯНДИЕВ

ГОРСТЬ ЗЕМЛИ

В иных краях, заброшенный судьбою,
Я странствовал от родины вдали.
Но я всегда носил тебя с собою,
О горсть моей родной земли!
Как сердце матери, своим теплом ты грела,
И я искал настойчиво и смело
Дороги, что на родину вели.
Ты жизнь мою и честь в пути хранила,
В борьбе дала мне мужество и силу,
О горсть моей родной земли!

Пер. А. ГАТОВА

ЧЕЧЕНЦЫ

Д. ХОЖАЕВ

Г Е НО Ц И Д

Очерк

...В операции по выселению чеченцев и ингушей приняли участие 19 тысяч работников НКГБ, СМЕРШа и 100 тысяч войск внутренних сил с боевой техникой (еще в октябре 1943 года в Чечено-Ингушетию стали прибывать части НКВД).

В частности, предоставленные союзниками для войны с фашистами американские "студебеккеры", перегнанные из Ирана, были задержаны в городе Орджоникидзе для участия в выселении чеченцев и ингушей.

Для успеха "операций" против мирных жителей были проявлены вероломство, беззаконие и произвол. Еще в начале января 1944 года во все чеченские и ингушские селения, в каждую семью были определены воинские подразделения под видом подготовки к предстоящим "учениям" или борьбы с мифическими "бандформированиями", как объявили солдатам.

Горцы приняли солдат как своих сыновей, отдавая им все - пищу, одежду, не желая верить уже разносившимся слухам о выселении, пере-даваемым часто гостеприимным хозяевам солдатами и офицерами.

...Ранним утром 23 февраля 1944 года на всех площадях и на окраинах селений на горцев были наведены автоматы и пулеметы: оглашали приказ ГКО, обыскивали и отправляли на железнодорожные станции. Затем начиналась вторая часть "сценария": во все дворы заходили солдаты, вооруженные автоматами, во главе с офицером или сержантом, которые давали на сборы 10-15 минут и выгоняли беззащитных стариков, детей и женщин из домов, больных сбрасывали с больничных коек. За проявление недовольства - расстрел! За попытку к бегству - расстрел! За неправильно понятый приказ - расстрел! Об этом объявляли по-русски, хотя многие языка не понимали (*выделено ред.-сост.*). Города, села, дороги были забиты солдатами: видимо, «второму фронту», открытому здесь против мирного населения, Сталин и Берия придавали более чем серьезное значение.

На плоскости Чечни за несколько часов были расстреляны сотни людей (мужчины, женщины, дети и старики).

В горах обстановка была еще ужасней. По узким заснеженным горным дорожкам и тропам десятки километров гнали людей к автомобильным дорогам. После остановок на ночь оставались трупы умерших от холода и болезней людей. Здесь чаще, чем на равнине, пристреливали отставших, ослабевших, не понявших приказа, да и так просто -"при попытке к бегству".

Позднее стало известно и об изуверских актах геноцида в трудно-доступных горных ущельях, где приказ, предписывающий очистить горы от народонаселения в течение 24 часов, не мог быть выполнен к сроку. Тех, кто не мог идти или обессилел (а это были старики, дети, беременные женщины), загоняли в кошары и, облив бензином, сжигали. Так, 27 февраля 1944 года в с. Хайбахой были расстреляны и сожжены заживо люди из нескольких селений и хуторов Галанчожского района в количестве почти 700 человек. В Чеберлоевском районе людей топили в озере Кезеной-Ам, в с. Урус-Мартан больных людей (в том числе грудных детей и беременных женщин) закопали во дворе районной больницы, в Итум-Калинском районе дома с больными людьми забрасывали гранатами и бутылками с

зажигательной смесью. В Малхисте людей расстреливали в пещерах, в Ножай-Юртовском районе - засовывали в кукурузные сапетки и, облив бензином, поджигали...

Бесконечные вереницы "студебеккеров", загруженных людьми, подъезжали к железнодорожным станциям, и под дулами автоматов "телячьи" вагоны плотно забивались мужчинами, женщинами, детьми, стариками. 23, 24, 25 и 26 февраля вагоны, забитые до отказа людьми, потерявшими рассудок от горя, разлученными со своими родными, жестоким конвейером отправлялись на восток.

На снежной дороге смерти оставались тысячи трупов, которые не разрешали хоронить. Невольничьи вагоны с людьми около 20 суток (часто без пищи и воды, в холоде) шли к местам ссылки - в Казахстан, Киргизию, Западную Сибирь...

В сильные метели и снежные бураны, в сорокаградусный мороз попали чеченцы и ингуши в бескрайние степи. "Спецпереселенцы" были определены в особый режим поселения. В первые же месяцы выселения от голода, холода и болезней погибло 70 тысяч человек.

"Материальное возмещение" за "имущество, принятое на Северном Кавказе", "милостиво" рекомендовалось "отцом народов": до 1000 руб. на семью (взамен десятков тысяч рублей, отнятых у этих семей на Северном Кавказе). Но "помощь" так и не дошла до чеченцев и ингушей через многочисленные кордоны "остронуждающихся" руководителей и комендантов спецкомендатур НКВД. Получившие же возмещение от 40 до 100 рублей, в основном члены бывшего правительства ЧИАССР, могли в то время купить на эту сумму одну-две буханки хлеба.

На спецпереселенцев также распространялась, как и по всей стране, уголовная ответственность за опоздание и неявку на работу. Опухшие от голода, больные тифом и другими болезнями люди вынуждены были, чтобы не попасть на каторгу, оставлять незахороненными тела мертвых детей и близких и идти на работу.

Чтобы сохранить жизнь своим детям, матери вынуждены были продавать их за хлеб.

Большинство людей погибало от голода, предпочитая смерть унижениям. Тысячи женщин и девушек погибли еще в пути, не преступив скромности и горского этикета. Вымирали целые семьи, не унизившие себя попрошайничеством. Тысячи людей, включая детей и стариков, за колоски, подобранные на скошенном поле, арестовывались. Тюрьмы и лагеря страны заполнялись кавказцами. Десятки тысяч чечено-ингушских сирот попали в детские дома.

Изменился генофонд чеченского и ингушского народов - на смену высоким, стройным, здоровым горцам, жившим в горах по сто и более лет,

рождались хилые, больные дети, огромное количество которых умирало, так и не вкусив молока ослабевших матерей.

Умирали хранители народной мудрости, тысячелетиями накопленного опыта, знатоки чечено-ингушской истории, обычаев, традиций, знатоки секретов древних мастеров по металлу, дереву и др., умирали талантливые ашуги, знатоки фольклора.

Спецкомендатуры НКВД обладали неограниченной властью над спец-переселенцами. Произвол, насилие, самодурство и садизм их работников выдавались за образец служебного рвения.

Чеченцы и ингуши были объявлены вне закона. Даже убийство спецпе-реселенца фактически не наказывалось. Власти делали все, чтобы подвести народ к последней черте. Сопротивлявшихся этому положению подвергали жесточайшим репрессиям...

В горах Чечено-Ингушетии войска НКВД и работники НКГБ продолжали физическое уничтожение людей, в том числе женщин и де-тей, сумевших избежать выселения. До 1953 года продолжали отправлять в Казахстан и Киргизию захваченных беглецов, изможденных, больных, скрывавшихся в горах...

Около 200 тысяч чеченцев и 30 тысяч ингушей погибли в выселении. Погиб каждый второй или третий чеченец и ингуш. Из 29 тысяч чеченцев-аккинцев погибли 20 тысяч человек.

В осиротевших горах Чечено-Ингушетии уничтожалась сама память о веками живших здесь народах. В дни переселения параллельно людскому к Грозному сплошным потоком двигались колонны военных автомобилей с материальными ценностями, награбленными в опустевших домах чеченцев и ингушей. Наиболее ценные по мнению охраны вещи - ковры, бурки, кавказ-ские наборные ремни, украшенное золотом и серебром оружие (кинжалы, шашки, кремневые ружья работы чеченских мастеров прошлого века), драгоценности везли в крытых брезентом автофургонах, в открытых - груз "менее ценный", но более "взрывчатый" - древние рукописи, религиозно-философские трактаты, арабоязычные книги по математике, астрономии, медицине, исторические хадисы, древние предания чеченцев и ингушей на арабском и чеченском (арабской графики) языках, светскую художественную литературу. Все эти книги и рукописи были свалены в Грозном прямо на снег у туалета в сквере, примыкающем к Дворцу пионеров. Уничтожались все эпиграфические памятники на территории, где жили вайнахи, уничтожались кладбища, сотни тысяч надгробных стел, превращенных скульпторами в произведения искусства, безжалостно разбивались на части и вывозились для строительства дорог, мостов, жилых и хозяйственных построек. Не пощадили даже стелы с античными греческими надписями. Надругательство над моги-лами сопровождалось разрушением историко-архитектурных сооружений: взрывались горделиво возвышавшиеся на высоких утесах и склонах средне-вековые боевые,

сторожевые и жилые башни и замки, средневековые склепы и дореволюционные мечети, гробницы и святилища. Из 300 башен Аргунского ущелья не уцелело и 50. То же было в горной Ингушетии и в других местах ЧИАССР.

Чеченский и ингушский народы были вычеркнуты из списка народов, населяющих территорию СССР. Рьяно уничтожалась сталинистами всякая память об этих народах... Появлялись законодательные и идеологические "обоснования" сталинскому геноциду и произволу. Переименовывались все названия селений, улиц, площадей, колхозов, различных учреждений, напоминавшие о чечено-ингушском народе. Из музеев, библиотек изымались документы, книги, материалы, что-либо говорящие о "врагах народа" - чеченцах и ингушах, и сжигались. Уничтожались целые архивы.

По велению Сталина чеченцы и ингуши были объявлены "изменниками родины", и потому задним числом менялась национальная принадлежность погибших во время войны Героев Советского Союза чеченцев: И.А.Байбулатов был записан кумыком, Х.Магомед-Мирзоев - таджиком, а Х.Нурадилова умудрились записать одновременно кумыком и татарином...

Лишенные всех прав, обреченные на вымирание и ассимиляцию, чеченцы, ингуши и другие "наказанные народы" продолжали подвергаться идеологической сталинской обработке. Единственное право, оставленное спецпереселенцам, было право восхвалять мудрость, доброту и величие "вождя всех времен и народов" Сталина и его приспешников Берии, Ворошилова, Молотова, Жданова и других. Однако люди уже знали виновника выселения. Невзирая на смертельную опасность, они пели песни об утратах, о постигшем их горе, о потерянной Родине. В одной из таких песен говорилось:

Рассветов нас лишил ты, Сталин,

Закатов нас лишил ты, Сталин,

Отчизны нас лишил ты, Сталин,

Дай Бог укрыть тебя в гробу.

Чтобы ты лишился рассветов, Сталин,

Чтобы ты лишился закатов, Сталин,

Чтобы ты лишился самого дорогого,

Как нас лишил ты земли родной.

Разве нам забыть то утро?

Разве нам забыть тот вечер?

Не забыть нам край родимый

И тот черный день над ним.

Рев скотины, вой собачий,

Плач детей и стариков,

Сколько бы на земле ни жили,

Никогда мы не забудем.

Запись и перевод научного сотрудника ЧИГОМ

А, СОЛСАЕВОЙ

Живая память.

О жертвах сталинских репрессий.

Грозный, 1991г.

* * *

После того, как арестовали отца, мать меня снарядила в дальнюю дорогу. Я был в семье самым старшим, и она боялась, что вслед за отцом заберут и меня. Так я оказался на Кавказе. Везде - и в Ереване, и в Тбилиси, и в Баку - ко мне относились как к своему единородцу, а может быть, еще и лучше. Если бы мне тогда сказали, что возможны такие события, которые произошли спустя пятьдесят лет, я ни за что бы не поверил.

На фронте национальная рознь тоже не проявлялась. Наоборот, самая крепкая дружба нередко связывала как раз таких разных по национальности людей. Особенно надежными друзьями мы считали кавказцев. Дружбой с ними дорожили.

Еще в саперном батальоне я сблизился с чеченцем Иллукаевым. Кормежка тогда подлая была, все время голодными ходили. Если Иллукаеву удавалось где-нибудь раздобыть хоть маленькую корочку хлеба, он нес ее мне. Я отказывался, мол, ты достал, сам и съешь. Но Иллукаев тоже не соглашался есть один. И тогда мы делили поровну. Мне никогда этого не забыть. Не знаю, остался Иллукаев жив или нет, может, всю войну прошел, пулей не задетый, а смерть нашел уже после победы, в сталинских лагерях...

Григорий ЛОБАС. Война, которую мы не знали:

Из дневника, прокомментированного

самим автором 45 лет спустя

Советская культура. 1990- 5 мая.

Выписка из

УКАЗА ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

Об административно-территориальном устройстве районов

Дагестанской АССР

...Перевести районный центр Ауховского района из селения Ярыксу-Аух в селение Бонай-Аул и переименовать Ауховский район в Ново-Лакский район и районный центр Ново-Лакского района селение Бонай-Аул в селение Ново-Лакское.

Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР

Н.ШВЕРНИК

Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР

П.БЕХМУРОВ

Москва, 7 июня 1944 года

КРОВАВЫЙ ПЕПЕЛ ХАЙБАХА

Свидетельства выживших

Гаев: "Чтобы обучиться этикету - иди в Нашха", - говорили наши отцы.

В общество Нашха входили аулы Хийла, Чармаха, Моцкара, Тийста,Хайбах... Вайнахов выселили с родины в ночь с 23 на 24 февраля 1944 года, а из этих аулов через 2-3 дня собрали больных, стариков, детей, одиноких путников на дорогах, отставших от своих семей, тех, кто выпасал домашний скот в

кошарах, и пригнали всех в аул Хайбах. Обложив сеном конюшню, туда загнали всех. Там всех и сожгли. Многие были из этого аула.

Там погибли:

Гаев Тута- 110 лет

Гаева Сарий, его жена - 100 лет

Гаев Хату, его брат -108 лет

Гаева Марем, его жена - 90 лет

Гаев Алауддин Хатуевич - 45 лет

Гаев Хасабек Хатуевич - 50 лет

Гаева Хеса, жена Алауддин - 30 лет

Гаевы Хасан и Хусейн, родившиеся накануне близнецы Хесы...

Семья жителя этого аула Газоева Гезамахмы: Зано, жена - 55 лет

Мохдан, сын - 17 лет

Бердан, сын - 15 лет

Махмад, сын - 13 лет

Бердаш, сын - 12 лет

Жарадат, дочь - 14 лет

Тайхан, дочь - 3 года.

Гезамахма умер в выселении.

Гелагаева Дули, мать - 48 лет

Сосмад, сын - 19 лет

Абуезид, сын - 15 лет

Гирмаха, сын - 13 лет

Мовлади, сын - 9 лет

Зайнад, дочь - 14 лет

Сахара, дочь -10 лет

Ибрагимова Пакант, мать - 50 лет

Аднан, сын - 20 лет

Петимат, дочь - 20 лет

Хайпати - 23 года

Чибиргова Минегаз - 81 год

Залимат, невестка - 35 лет

Абдулмажед, ее сын - 8 лет

Лайла, ее дочь - 7 лет

Марем, ее дочь - 5 лет

Газалбеков Саламбек, 16 лет. Был убит, когда переплывал реку. Его тело вытащили из реки.

Газалбеков Кавалбек - 14 лет

Дагаева Зано - 90 лет

Жамаллайла - 11 лет

Амагов Керим - 70 лет

Муса, его сын - 8 лет. Отца и сына пригнали из Чармаха.

Бакиева Дата - 24 года

Хабилаева Маций - 80 лет

Рассказавший о них сын Маций - Аллауди Хабилаев, 70 лет,

проживает в Рошни-Чу.

Его брат, Муса Хабилаев, хоронивший убитых и сожженных людей, проживает в Рошни-Чу, ему 75 лет.

Гаирбеков Гириха (врач) - 50 лет

Петимат, его жена - 45 лет

Аднан, их сын - 10 лет

Медина, их дочь - 5 лет.

Семью Ибрахима Берсанукаева уничтожили в Хайбахе, а он сам в 1958 году умер в с.Гехи-Чу, сразу по возвращении из высылки.

Зурипат, жена Ибрахима - 55 лет

Ханпат, дочь - 19 лет

Бакуо, дочь - 17 лет

Балуза, дочь - 14 лет

Мохмад-Ханип, сын - 11 лет

Байсари, дочь - 9 лет

Базука, дочь - 7 лет.

Семью Абухажи Батукаева (он был в Нашха председсельсовета, ныне проживает в с.Гехи-Чу) в Хайбахе расстреляли и сожгли вместе с другими:

Хаби, его мать - 60 лет

Пайлах, его жена - 30 лет

Абуезид, его сын - 12 лет

Асма, его дочь - 7 лет

Гашта, его дочь - 5 лет

Сацита, его дочь - 3 года

Тоита, его новорожденная дочь.

Семья Косума Алтимирова:

Залуба, дочь - 16 лет

Ахмад, сын - 14 лет

Мохмад, сын - 12 лет.

Семья Кайхара Алтимирова:

Товсари, дочь - 16 лет

Абдурахман, сын - 14 лет

Муций, сын - 12 лет

И с ними - Эльтаевы Хож-Ахмад, 15 лет и Сайдат-Ахмад, 13 лет.

Саламбек Закриев свидетельствует:

"В тот день я и Гамаргаев Пийсар из пещеры на горе Ярдинкорт смотрели в сторону Хайбаха. Над Хайбахом поднялся дым. Это мы видели. Около моста Бяти, недалеко от Хайбаха, за одним человеком гнались четыре солдата. Потом они застрелили его и сбросили с обрыва в реку Гехи.

После выселения, через 2-3 дня мы нашли труп: убитой солдатами оказалась женщина-роженица. Мы ее похоронили. Когда точно узнали, что весь народ выслали, то из разных концов ущелья мы собрались вместе со своим домашним скотом. Это были: Гаев Жандар, Гаев Ясу, Закриев Саламбек –

это я, Хамзатов Элберд из Рошни-Чу, Гамаргаев Ахмад, его отец Пийсар, Ампукаев Сайд-Ахмад, Гадаев Солта-Ахмад, Эльгакаев Рукман, Туштин Абдурахман, Жамулаев Жимай, Товсолт и другие".

Свидетельские показания Алимходжаева Селима, 106 лет, проживающего в Гехи-Чу: "Иби - сына Довта, 20 лет, застрелили, когда он совершал намаз. Мой брат Алимходжаев Саламбек, 35 лет, работал учителем. Его застрелили, когда он шел по дороге. Его жена еще жива, зовут ее Бесийла. Живет она в Рошни-Чу по сегодняшний день. До сих пор она хранит косу своей сестры Пайлахи. Пайлаху вместе с ее детьми расстреляли и сожгли в Хайбахе. Ее труп опознали по одной несгоревшей косе. Газоева Иби застрелили, кон-воируя по дороге. Солдат ударил его прикладом и прикрик-нул "Быстрее шагай!". Иби остановился, повернулся к нему и плюнул ему в лицо. Конвой вытолкнул его из колонны и расстрелял автоматными очередями. Было это в местечке Кханойн-Юххе. Там же он и похоронен. Через 3-4 дня после выселения людей из аула Муше-Чу солдаты обнаружили в опустевшем доме лежащую Зарипат. Ее расстреляли из автомата. Затем, завязав на шее стальную проволоку, выволокли на улицу, сломали изгородь и, обложив ее остатками тело, сожгли. Стальная петля сохранилась. Закриев Саламбек и Сайд-Хасан Ампукаев ее похоронили вместе с этой петлей. Она была сестрой нашего отца. Жену Закриева Саламбека Сациту, 21 года, застрелили. Грудной сын Сайхан, привязанный к ее спине, перелез и стал сосать грудь мертвой матери. В этот день убили и жену Элькагаева Рукмана Маликат, 20 лет.Когда хоронили убитых и сожженных людей в Хайбахе, мы выставили около Галанчожского озера дозорных, чтобы предупредили, если будут подходить солдаты. Над всеми убитыми прочли посмертную молитву, эту молитву читал Гаев Жандар. Не отдыхая, несмотря на то, что тошнило от трупного запаха и кружилась голова, мы хоронили ровно два дня и две ночи..."

Свидетельские показания Гаевой Замы Ясуевны, 1940 года рождения, живет в г. Грозном: "Когда нас выселяли из Зерха, наш отец Гаев Ясу пас отару овец в лесу, а мать ушла на мельницу. А мы, четыре девочки, были дома одни. Старшей - Арубике было 10 лет, мне, Заме, 4-5 лет, Совдат - 3 года, Саците - 1 год. Нас кто-то завернул в одеяла и положил на сани, запряженные быками. Я помню только, что на санях я была одна. Когда сани спустились с горы Кхордойн-лам и подъехали к кладбищу аула Безаюрт, я проснулась. Вокруг не было ни души. Было холодно. Стояла ночь, было видно чистое, светлое небо. Не было видно и быков, запряженных раньше в сани. Вокруг не было видно ни одной живой души. Сначала я приподнялась, затем, испугавшись, завернулась в одеяло и спряталась. Рассвело, я снова приподнялась. Тогда я услышала русскую речь, голоса людей и цокот копыт лошадей. Когда они подошли, я услышала: "Это же ребенок!" - сказал один русский. И тут среди них произошла словесная перепалка. Однако один из них взял меня на руки, посадил на спину и сверху надел шинель. Эта ссора произошла из-за того, что одни хотели меня убить, а мой защитник этому воспрепятствовал. Все ругали его. Я сидела под шинелью на его спине, очень боялась и навзрыд

плакала. Солдат вместе со мной сел на коня. Он старался меня успокоить и дал сухарь. Я все плакала. Тогда он снял меня со спины, надел на меня теплую телогрейку и посадил впереди себя в седло. Так мы доехали до Арш-алие. Там в грязи стояло много народу. В грязи лежали стебли кукурузы, на них стояли плачущие женщины и дети. "Чей ребенок?" - спросил солдат. Ко мне подошел брат моей матери. Русский не отдал меня ему, спросив, где моя мать. "Мать ее на мельнице", - ответил мой дядя. Этот солдат продержал меня на руках, не выпуская из объятий, всю ночь. На следующее утро, на рассвете я узнала платье моей матери. Я дико закричала: "Нана!" Мама, рыдая, ринулась ко мне. Я протянула руки в сторону матери. Русский солдат посмотрел на меня и горько заплакал..."

Свидетельства:

"Я, Батукаев Абухажи, свидетельствую. Я родился в 1912 году в сел.- Моцкара Галанчожского района. Сейчас живу в Гехи-Чу. Я подтверждаю, что моя семья и мои родственники в количестве 19 человек - дети, женщины,старики - были расстреляны и сожжены в Хайбахе солдатами. Это было в 1944 году. Это рассказали мне те, кто хоронил всех расстрелянных и сожженных".

"Все изложенное выше истинно. То, что это правда, я подтверждаю. В Хайбахе 147 детей, женщин, стариков расстреляли из автоматов и сожгли. Все это я, Гамаргаев Ахмад, подтверждаю. Я сам хоронил этих людей".

"Я, Ампукаев Сайд-Хасан, 1920 года рождения, подтверждаю: Алтаева Зарипат, о которой рассказывалось выше, была убита солдатами и сожжена в ауле Муше-Чу. Она была моей тетей по отцовской линии. Я вместе с Гамаргаевым Ахмадом и Эльгакаевым Рукманом и другими хоронил всех сожженных, убитых, расстрелянных. Живу в Гехи-Чу".

Поиск продолжается.

Свидетельства собраны

Саламатом Гаевым и Ахмадом Сулеймановым

Перевод с чеченского младшего научного сотрудника Далхана Хожаева

Инквизиция

Рассказ очевидца

В этом рассказе вы прочтете подробности того страшного февральского утра. Автор его, Дзияудин Мальсагов, будучи первым заместителем наркома юстиции, бойцом Грозненского истребительного батальона,

находился в горах и был свидетелем проводимого войсками НКВД геноцида против чеченцев и ингушей, очевидцем жестокой трагедии аула Хайбах 27 февраля 1944 года.

Хочу в нескольких словах остановиться на ситуации, сложившейся в нашей республике в период, предшествовавший выселению чеченцев и ингушей в феврале 1944 года. Осенью 42-го положение на Южном фронте было очень серьезным. Немцы остановились у берегов Терека, Матерому разведчику полковнику гитлеровской армии Геккерту удалось вместе с группой диверсантов высадиться в нашем тылу и занять выгодную позицию на горе Денин-Дук. С помощью местного населения удалось окружить диверсантов, часть которых в короткой перестрелке была перебита, остальные сложили оружие. Позже взяли в плен оставшихся. Многие наши бойцы, командиры и, подчеркиваю, представители местного населения проявили мужество и отвагу при ликвидации банды Геккерта.

В это же время в тыл проник фашистский разведывательный самолет, который в районе между Атагами и Урус-Мартаном был сбит зенитной батареей. Экипаж в количестве 5 человек скрылся. Преследование закончилось тем, что один фашистский летчик был убит, командир корабля ранен, двоих взяли в плен. Лишь одному удалось скрыться. Но на вторые сутки его задержал Идрис Арсанов (сын Баудина Арсанова) и сдал НКВД Чечено-Ингушской АССР, за что был награжден именным пистолетом ТТ.

К чему эта предыстория? К тому, что мне непонятно стремление некоторых историков скрыть действительную обстановку, скрыть имена конкретных виновников чудовищного произвола, представляющих ложную, искаженную информацию о "сложной" ситуации в республике.

В октябре 1942 года в кабинете первого секретаря Чебырлоевского райкома партии Халима Решидова Серов, бывший заместителем Берии, сказал, что в селении Нижалой по существу уже пятый день идет война, которую ведут войска НКВД против немецко-фашистского десанта и повстанцев, где с обеих сторон есть тяжелые потери…

Я возмутился ложью и заявил, что всего несколько минут назад вернулся из Нижалоя после недельного пребывания там, что никакой войны, кроме десятиминутной перестрелки с бандой Шаипова из трех человек,

там не было. В ходе этой перестрелки был ранен и взят в плен сын Шаипова, вот и все потери. В тот день там был упомянутый Решидов, Председатель Президиума Верховного Совета республики Тамбиев, заместитель наркома внутренних дел республики Колесников, которые могли видеть и слышать эту "войну", если бы она была. Других военных действий там быть не могло, поскольку фашистский десант был уничтожен еще в сентябре.

Тем не менее Серов передал в Москву свою ложную информацию. Другой факт фальсификации. Нарком внутренних дел Чечено-Ингушской

АССР Дроздов вместе с Серовым и первым секретарем обкома партии Ивановым представили Берии, а тот Сталину, заведомо ложный рапорт о том, что в нашей республике выловлено более 5 тысяч бандитов - чеченцев, ингушей. Рапорт этот сыграл немалую роль при обосновании необходимости выселения народа. Это при том, что даже по завышенным данным НКВД, число бандитов в республике не превышало 335 человек...

То было раньше. Но послушайте, что пишет в наши дни историк С.Дацагов. "...Бандиты в горах загоняли солдат и офицеров Советской Армии, пленив их, в кошары и сжигали, обложив кошары сеном...".

Нет слов, чтобы выразить свое негодование по поводу этого неприкрытого злонамеренного вранья. Дацагов поставил все с ног на голову, в чем тоже угадывается попытка частичного оправдания вандалистского акта выселения. К чему все это? Неужели Дацагов верит тому, что пишет?

Я расскажу, как все было на самом деле. Нет, наверное, на свете человека, больнее меня пережившего это жуткое зрелище. 27 февраля шел крупный мокрый снег, грязь, слякоть, дорог в горах нет, а тут еще все размыло и холодный пронизывающий ветер. С самого рассвета к селению Хайбах начали собирать людей со всех хуторов Нашхоевского сельского совета и других селений Галанчожского района, которые не могли сами спуститься с гор. В основном это были больные, дети, старики и женщины. Их собирали в конюшне (не в кошаре и не в сарае) колхоза имени Берии (кощунственное и знаменательное совпадение!) под предлогом формирования транспортной колонны для отправки на равнину. Почему же среди погибших оказались здоровые мужчины, молодые люди? Хорошо помню, что многие заходили в конюшню со своими больными и престарелыми родственниками, чтобы помочь им в дороге.

Точно знаю, что в конюшне собралось не меньше 650 - 700 человек, поскольку стоял перед самым входом. Горцы заходили, ничего не подозревая. Наверное, в этот момент о готовящемся злодействе знали всего не сколько человек, те, кто отдал приказ солдатам обложить конюшню сеном, "чтобы не было холодно...".

А дальше было вот что. Когда все жители окрестных хуторов собрались, ворота конюшни крепко закрыли. Начальник Дальневосточного краевого управления НКВД комиссар госбезопасности 3-го ранга Гвишиани отдал приказ поджигать. Я пришел в ужас от сознания того, что сейчас произойдет с этими людьми. Подскочил к Гвишиани и говорю: "Остановите людей, что вы делаете?!" Гвишиани спокойно ответил : "Эти люди нетранспортабельны, их надо уничтожить..." Я вскричал: "Я буду жаловаться маршалу Берии" (тогда мы и не подозревали, что это за человек!). И услышал в ответ: "Это - приказ Серова и Берии".

Дальше было еще ужасней. Нещадный чудовищный костер поднялся до гигантских размеров. Говорят, в экстремальных ситуациях человек способен на невозможное. Я в этом убедился. Когда конюшню объяло

пламя, огромные, сильно укрепленные ворота под натиском людей рухнули, и сквозь огонь толпа обезумевших людей хлынула наружу. Гвишиани скомандовал: "Огонь!" Из десятка стволов раздалась автоматная и пулеметная очереди. Бегущие впереди, падая, заслоняли собой выход, целая гора трупов преградила путь бегущим. Никто не вырвался из огня и автоматной блокады. Ни один не спасся. Меня и капитана Громова, который тоже выступил против организованного зверства, отправили под конвоем в селение Малхасты. Нас уводили, а этот ад еще продолжался...

Не дай Бог никому пережить такое зрелище! По дороге, в хуторах, в ущельях, пещерах - повсюду лежали трупы расстрелянных горцев. Особенно много людей было уничтожено в Малхастах. Может, кто-то не захотел конвоировать их на место сбора...

На обратном пути мы с Громовым вернулись в Хайбах. Солдат уже не было. Возле конюшни возилось несколько человек. При нашем появлении они побежали в лес. Все-таки народ выслали и оставшиеся сразу попали в разряд внезаконных, бандитов. Я крикнул по-чеченски, чтобы они вернулись. Один из них, это был Жандар Гаев, подошел к нам. Он был весь в грязи, потный, глаза ввалились. Жандар объяснил, что видел, как все произошло, издалека, и после ухода солдат они - их было пятеро, в день высылки они пошли ночью за дровами и по счастливой случайности остались живы,- вернулись, чтобы предать мучеников земле по мусульманскому обычаю.

Жандар вместе с товарищами проделали нечеловеческую работу.

В течение нескольких дней, долбя мерзлую землю, они закапывали трупы.

К нашему приходу им удалось похоронить 132 человека. Потом, несколько лет спустя, когда мы случайно встретились в Казахстане, Жандар сказал мне, что всего похоронили 147 человек. Вот откуда эта цифра, фигурирующая как общее число погибших. Но, как я сказал прежде, жертв было гораздо больше. С моим предположением о численности жертв согласились и члены правительственной комиссии, расследовавшей причину трагедии Хайбаха в 1956 году. Спустя 12 лет под обвалившейся кровлей конюшни члены комиссии нашли останки сотен людей, тех, кого не удалось похоронить Ж.Гаеву с товарищами. Этого человека сейчас нет в живых, но хочу, поль-зуясь случаем, сделать глубокий земной поклон ему и его помощникам за их мужество и отвагу, за то, что рискуя жизнью, в мороз, без сна и отдыха, они хоронили своих сожженных сородичей, братьев и сестер...

В 1945 году, чуть оправившись от потрясения, я написал письмо Сталину, которому, как и все в те годы, верил безмерно. Рассказал все, как было. Через месяц меня вызвал к себе начальник Талды-Курганского областного управления НКВД Юдин и сказал: "Если еще раз напишешь - лишишься головы!". И меня за это письмо уволили с работы.

Второй раз писал в Москву после смерти Сталина, но Берия был еще жив. Приезжала комиссия, опрашивала свидетелей. Кончилось все очередным испугом.

В 1956 году в Алма-Ату приехал первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев. К тому времени я закончил юридический институт и уже успел подняться по служебной лестнице. Хрущев проводил совещание в Алма-Атинском оперном театре, и я решил предпринять третью попытку. Написал ночью письмо с подробным описанием того, что видел, слышал, кто отдавал приказы и т.д. Надо сказать, что Серов к тому времени стал уже председателем КГБ СССР, и я понимал, что добиться официального приема у Хрущева по поводу персоны Серова будет сложно. В оперный театр меня пустили как первого заместителя председателя Алма-Атинского областного суда. И тут, улучив момент, когда Никита Сергеевич во время перерыва шел в комнату отдыха, я подошел к нему и, представившись, отдал свое письмо. Никита Сергеевич вежливо ответил на приветствие, пригласил меня с собой.

Вопреки моим ожиданиям Никита Сергеевич очень внимательно прочитал мое письмо, сам начал расспрашивать о подробностях того февральского утра. Мы проговорили более часа, после чего Хрущев спросил, понимаю ли я ответственность за факты, указанные в письме. Если все это не подтвердится, трудно сказать, что меня ожидает. Вопрос настолько серьезный, что требуется немедленно создать правительственную комиссию.

Вскоре комиссия очень авторитетная, в которой был заместитель заведующего отделом ЦК С.В.Тикунов, другие ответственные лица, начала расследование в Хайбахе. Вызвали в Чечено-Ингушетию и меня .Комиссия работала более шести месяцев. Все подтвердилось, как я писал.Серова сняли с поста председателя КГБ СССР...

И вот представьте мое состояние, когда сегодня я читаю тенденциозные измышления С.Дацагова, или рассуждения зам. председателя Гостелерадио ЧИАССР М.М.Аушева о том, что он не сталкивался ни с одним фактом беззакония, произвола и бесчеловечности при выселении чеченцев и ингушей, не видел и не слышал о недозволенных методах, издевательствах, к которым прибегали войска НКВД...

Мне непонятно, почему Аушев и ему подобные пытаются сегодня оправдать работников НКВД, чьи злодеяния известны всему миру, чей кровавый след тянется по всей стране до Колымы и Магадана.

Надо рассказать людям правду, пусть все знают, как погибли 700 жителей Галанчожского района, как исчезли без следа председатель Галанчож-ского райисполкома Гугаев и шесть районных ответработников, шедших вместе с ним в Итум-Кале для соединения со своими семьями. Где пропав-шие без вести люди, родственники которых по сей день ничего о них не знают?

Мы проводим кропотливую работу, ищем фашистских преступников

по всему миру, возвращаем их и воздаем должное за их злодеяния. И в это же время палачей собственного народа кто-то продолжает укрывать и защищать от праведного гнева. Люди должны, имеют право знать имена лиц (людьми назвать их не поворачивается язык!), чья личная жестокость, холуйская покорность, услужливость привели к массовой гибели ни в чем неповинных людей.

Записал С.Э.БИЦОЕВ

А К Т

ОБСЛЕДОВАНИЯ МЕСТА МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ ПУТЕМ СОЖЖЕНИЯ И РАССТРЕЛА ЖИТЕЛЕЙ БЫВШЕГО ГАЛАНЧОЖСКОГО РАЙОНА ЧИССР ПРИ НАСИЛЬСТВЕННОМ ВЫСЕЛЕНИИ В ФЕВРАЛЕ 1944 года.

22 августа 1990 г.

бывшее селение Хайбах,
бывшего Галанчожского района
Чечено-Ингушской АССР

Чрезвычайная комиссия - в составе руководителя группы "Поиск" Советского комитета ветеранов войны КАШУРКО С.С /председатель комиссии/, бывшего 1-го заместителя наркома юстиции ЧИАССР МАЛЬСАГОВА Д.Г., прокурора Урус-Мартановского района, члена Президиума Верховного Совета ЧИ АССР ЦАКАЕВА Р.У., члена оргкомитета по восстановлению ингушской автономии АХИЛЬГОВА С.Х., учителя Гехи-Чунской средней школы ГАЕВА С.Д. - 22 августа побывала (на вертолете) в бывшем селении Хайбах, расположенном в горах на территории Урус-Мартановского района.

Произведен осмотр места сожжения и расстрела в конюшне бывшего колхоза имени Берия около 700 жителей, в том числе детей, женщин и стариков.

Заслушаны и записаны на диктофон и видеокамеру рассказы очевидцев невообразимой трагедии в горах.

Для подтверждения совершенного злодеяния против ни в чем неповинных людей произведены раскопки и обнаружены остатки сожженных и расстрелянных.

ВЫВОДЫ:

I. Комиссия считает установленным факт массового уничтожения людей в Хайбахе и признает это геноцидом. Виновников этого злодеяния считает необходимым предать суду.

2. Призвать государственные и общественные организации и всех граждан оказывать всяческое содействие проводимой по указанному факту проверке.

(*подписи членов комиссии)*

Дж. УМАЛАТОВ

Я ПОМНЮ...

Февраль 1944 года стал роковым для моего народа - чеченцев-аккинцев, или ауховцев, издавна живших на территории Дагестана так же, как и для наших кровных братьев - чеченцев и ингушей. Не было среди нас человека, которого не коснулось это жестокое и ничем не обоснованное выселение с родной земли. Беда смертельно ударила по всем и каждому.

Мне в ту пору было уже пять лет, и я все хорошо помню и расскажу о своей семье.

Отца, Умалатова Зулумхана, забрали на фронт в начале 1942 года. Осталось нас трое - мать, старший брат Селамгирей и я. Вернее, четверо: мать, пожалевши, приютила бродячую девочку, лет шести, аварку.

23 февраля жителей села согнали в клуб и объявили, что всех выселяют, времени на сборы дают два часа.

Вещи, которые было разрешено взять с собой, люди кидали в кузов грузовика, а потом влезали туда сами. Подошла наша очередь. Солдат заглянул в список и сказал, что нас должно быть четверо, то есть с той самой девочкой-аваркой. Мать нарочно оставила ее дома, ведь аварцев

не выселяли, а куда повезут всех и что с нами сделают, никому не было известно. Но объяснить это солдату не удалось. Сесть в машину, в которой находились наши вещи, он не позволил. Покуда мы ходили за оставленной аварочкой, машина ушла. Нас посадили на следующий грузовик, и когда мы добрались до станции Хасавюрт, оказалось, что все, кто уехал раньше, уже отправлены эшелоном, а вместе с ними и наши вещи. Мать ехала в ссылку, не имея ничего на руках, кроме малых детей. Благодарение Аллаху, что у нее были деньги. Без них мы умерли бы с голоду еще в дороге. Сразу скажу, что аварочку впоследствии у нас забрали в детский дом, и судьба ее так и осталась нам неизвестной.

Привезли нас в Северный Казахстан, в совхоз Кызыл-Аскерский Приишимского района на ферму номер три.

Детская память очень острая. Начиная с сорок пятого года, ярко помню многое. Летом, после уборки урожая, мы с матерью ходили по стерне, выискивали колосья пшеницы. Дома молотили их, а зерно мололи на "рушил-ке" - домашней ручной мельнице. Крутить ее жернов было трудно, но это приходилось делать ежедневно. Весной тайком собирали в колхозном поле оставшуюся с осени и замерзшую в земле картошку. Кроме этой мороженой гнили, ели лебеду, крапиву и другие травы, названия которых я не знаю.

Смерть безжалостно косила людей. Помню семью, жившую в одной с нами комнате: старые Алип и Райганат с сыном. Первой умерла Райганат.

Ее не в чем было хоронить, и мать отдала нашу единственную простыню. Старик Алип был абсолютно слепой, но он умудрялся ходить в лес за дровами, а сын его с рассвета и до поздней ночи пропадал на работе.

Вскоре ушел из жизни и старик, саваном ему послужила наша кошма.

Следующим скончался пятнадцатилетний Мовладин, тоже живший в этой комнате. Он перед выселением приехал погостить к тете. С нею и отправился в ссылку. О судьбе родителей мальчик ничего не знал. Зимой Мовладин возил сено на быках. Одежды теплой у него не было, он простудился и заболел. Я и сейчас слышу его жалобный стон, помню, как он просил свою тетю скорей поехать домой к родителям или привезти их сюда, и так умер, глядя на дверь.

Потом умерли два маленьких мальчика, братья Камалудин и Жамалудин. Потом, тоже от простуды, - моя двоюродная сестра Яхмат, - ведь одежды, рассчитанной на лютые казахстанские морозы, ни у кого не было. Къяхи Муртазалиев умер от голода. И еще, только за сорок пятый год, умерло много детей, имен которых я не помню.

В сорок шестом году мы по-прежнему жили несколькими семьями в одном доме. Голод не отступал. Ели хлеб из гнилой пшеницы, овса, ячменя, проса. Однажды беспризорники, которых было много в селе, принесли матери в шапках ворованную пшеницу, хорошую, чистую. Мать обменяла ее на что-то, однако вскоре явились солдаты и милиция, устроили обыск и забрали зерно. А мать долго после того таскали в комендатуру.

Летом сорок седьмого года мы услышали, что в село Андреевку к знакомым нам ауховцам приехал с Кавказа некий аварец по имени Ильяс. Аварцы могли свободно ездить по стране. А мы не имели права без особого на то разрешения выйти даже за пределы села. Но все-таки мать решилась украдкой сходить в Андреевку. Она сказала Ильясу, что в соседней Киргизии во Фрунзенской области находится на поселении ее отец, наш дедушка, который ничего о нас не знает. Матери хотелось передать ему весточку о том, что мы живы. Но Ильяс с готовностью предложил вообще перевезти всех нас в Киргизию, будто бы как свою семью. Мать доверилась ему и пошла на отчаянный риск.

И вот мы с Ильясом двинулись в город Петропавловск. Мать, в благодарность за помощь, дала ему тысячу рублей и сказала, что в чемодане у нее есть еще три тысячи, которые можно истратить в дороге, если понадобится. В чемодане было все наше имущество и все состояние.

До железнодорожного вокзала мы добрались впотьмах. Ильяс велел нам взять его маленький чемоданчик и первыми идти в битком набитое людьми помещение, а наш чемодан, большой и тяжелый, он, мол, понесет следом. Я помню, как ухватился за ручку чемодана, он был мне как раз до подбородка, и крикнул маме: "Давай сами понесем!" Но Ильяс грубо оттолкнул меня: "Иди, пацан, за своей матерью!" В дверях я оглянулся и увидел, как он быстро скрылся в темноте. А к нам сразу подошел милиционер и потребовал документы и разрешение на выезд. У матери, естественно, ни того, ни другого не было. Нас забрали в милицию.

Нужно отдать должное милиционерам: они несколько часов ждали Ильяса. Мать объясняла, что вместе с нами есть человек, у которого находятся все документы. Конечно, никого в милиции так и не дождались. Интересно, что Ильяс, как позднее мы узнали, поехал-таки в Киргизию к отцу нашей матери, рассказал ему, что встречался с нами, что мы все живы-здоровы и передаем ему привет.

Нас же вновь вернули на место, на ферму номер три, а маму вызвали в район, и больше мы ее не видели до пятидесятого года.

Обворованные, не имея ничего, ни еды, ни одежды, ни денег, мы остались у чужих людей: десятилетний Селамгирей и семилетний я. Очень скоро нас безжалостно выставили на улицу, и мы превратились в бродяг. Перебивались со дня на день случайными подачками сельчан.

Когда наступили холода, нас забрал к себе дядя, брат нашей матери. У дяди была большая семья, и его жена невзлюбила нежданных нахлебников.

Особенно ей не по душе пришелся мой брат. Она заставляла его работать, не покладая рук, наравне со взрослыми, а держала впроголодь. Если же случались какие-то детские проказы, то виноватым всегда оказывался он, а не ее дети, которые охотно пользовались этим. Селамгирей долго терпел, однако, едва наступила весна, ушел из дому и стал работать подпаском, помогая пасти рабочих быков в сенокосной бригаде. Если он появлялся в доме повидаться со мной, его грубо выгоняли. Мне было жалко брата, и по ночам, когда все засыпали, я тихонько впускал его в дом. Мы вместе спали на полу у входной двери. Иногда это замечали, и тогда мне сильно попадало.

Как-то раз, работая на огороде, мой двоюродный брат пожаловался отцу, что я отлыниваю от работы, хотя я старался, как мог. Дядя разозлился и замахнулся на меня палкой. Я убежал от него, и с этого времени началась моя самостоятельная бродячая жизнь.

Первую ночь я переночевал в школе, забравшись туда через окно. Рано утром меня обнаружила уборщица и прогнала, пригрозив, как следует. Следующие ночи я проводил у летних печек, построенных прямо на улице. Сельчане топили их кизяками и готовили на них еду. К ночи печка свое тепло еще сохраняла, и я, прислонившись боком к ней, сворачивался на земле калачиком. Утром, перед тем как хозяйки начинали готовить завтрак, я уходил бродить по улицам.

Однажды ночью была сильная гроза, я промок до ниточки, продрог, перепугался и, не зная куда деться, вбежал в первый попавшийся дом. Только я сунулся в сени, вышла бабка и... не прогнала меня, не обозвала вором, а пожалела. Завела в комнату, стянула все мокрое, развесила сушиться, накормила и уложила спать на мягкой кошме. За всю мою семилетнюю жизнь не знал я слаще сна и приятнее постели. Бабка дала мне даже одеяло и подушку. Утром я, разумеется, ушел, но навсегда остался благодарен этой доброй женщине.

Грозы в Казахстане случаются часто. Теперь я стал опытнее, и приглядел себе для ночевок вагончик, в котором переодевались и обедали рабочие сенокосной бригады, при которой подпаском был мой брат. Бригада работала все лето, переходя с места на место и перетаскивая вагончик за собой. Я выяснял, куда его должны перевезти, и проделывал вслед за ним по три - четыре километра пешком.

Особенно запомнилась мне одна ночь. Вагончик стоял далеко от села, на опушке леса. Я приплелся сюда засветло. Повара жалели меня и иногда подкармливали обедом. Закончив работу, бригада уехала в село. Брат спросил, поеду ли я с ними, но я отказался, ведь там мне негде было ночевать. Когда все уехали, я побродил вокруг в поисках чего-нибудь теплого (вдруг кто-то из рабочих - так бывало - оставил свою телогрейку), но ничего не нашел и, войдя в вагончик, лег спать прямо на голом полу. Проснулся я вскоре от комариных укусов. Тучи комаров проникли в вагончик через разбитое окно и от них не было никакого спасения. Тогда я вздумал

забраться в котел, в котором готовили пищу, и накрыться крышкой. На круглом глубоком дне было не до сна, но все же здесь не донимали комары. Скрюченный, полежав немного, я почувствовал еще и нестерпимый холод металлических стенок котла. Пришлось вылезти. Прыгая от холода, я с нетерпением ждал утра. Выйти впотьмах наружу было страшно: кругом по степи рыскали волки.

На рассвете к вагончику подскакал пастух, вошел, покачал головой. Ему стало жаль меня. Он отдал мне свою телогрейку и посоветовал залезть в балаган, сделанный из сена. Там было тепло, и я уснул. С тех пор я больше не ночевал в пастушьем вагончике, а приспособился спать под плетеными из ивовых прутьев коробами, в которых перевозили разные грузы. Когда же участились осенние дожди, устроился в кабине трактора, что стоял возле кузницы. Иногда спал в сеялке, спасаясь от дождя крышкой, однако было очень холодно.

К такому образу жизни я постепенно привык, и насмешки над тем, что я чеченец, то есть самый презренный человек, уже принимал как должное.

Однажды я увидел в селе высокого, заросшего густой бородой человека в буденовке и с сумой за плечами. Штаны и шинель были разодраны, висели клочьями. За ним тянулась ватага ребятишек, дразнили его, кто как мог. Человек не оглядывался. Он был до того худ и изможден, что пошатывался на ходу. Когда он приблизился, я расслышал чеченские слова: "Умираю от голода".

Я знал всех сельских ребят. Они не обижали меня, наоборот, подкармливали, как могли: кто приносил кусок хлеба, кто огурец, кто картофелину, кто луковичку. Я объяснил ребятам, что человеку плохо от голода. Они сразу же сделались серьезными, перестали его дразнить и разбежались по домам. Не успел я усадить странника на траву, как они вернулись с домашней снедью. Глаза изголодавшегося загорелись при виде еды, но ко рту он не поднес ничего, трясущимися руками все сложил в пустую суму. Собрались женщины, вынесли муку, еще что-то. Странник благодарно прижимал руки к груди, говорить он не мог. Тяжело поднялся с земли и пошел в обратный путь. Старшие сказали мне после, что это чеченец Крымсултан Гоймасов, красный партизан, воевавший за Советскую власть в Чечне и Дагестане, живет он в казахском селе Бексеит в восьми километрах отсюда. Вскоре Гоймасов умер, похоронили его в той самой драной партизанской шинели. Не во что было обернуть его тело.

Осенью я сильно заболел и пришлось снова проситься к дяде в сени. Его просторный глинобитный дом был построен на казахский манер.

В сенях стояла большая низкая печь, на которой можно было лежать, как на нарах. Невыносимо болел живот. Иногда меня становилась жалко даже дядиной жене. Она нагревала кожаную шапку и бросала ее мне. Я прикладывал приятное тепло к животу, но и оно мало помогало.

Тайком приходил брат. Я в темноте тихонько впускал его в сени, а рано утром он, незамеченный, уходил. С каждым днем мне становилось все хуже. Я уже не мог вставать. Брат решил отправить меня в больницу на центральную усадьбу. Туда раз в день ездили за почтой.

Брат взвалил меня на спину и потащил к почтовой бричке. Попросить кучера подогнать ее поближе он не осмелился. Ноги Селамгирея подкашивались от тяжести, он сам был очень слаб. То и дело мы останавливались. Это заметила старая чеченка Фатима и помогла донести меня до брички.

Но кучер объяснил, что без направления местного фельдшера в больницу не возьмут. А здешний фельдшер находится на ферме номер один в восьми километрах от нашего села. Что делать?

И добрая Фатима отнесла меня к фельдшеру - это за восемь-то километров! Фельдшер без слов дал направление в больницу, устроил на попутную повозку.

Врачи определили: дистрофия, сильное истощение организма. Пролежал я в больнице месяц. И как же мне не хотелось выписываться оттуда!

Вернувшись в свое село, я снова начал голодать. Наступила новая зима, и опять мы прятались от стужи в дядиных сенях. Однажды, не стерпев, я завыл. Дико, протяжно. Жена дяди выглянула из комнаты и зло потребовала: "Перестань выть по-волчьи!" Брат ответил, что я не озорую, мучаюсь от голода. Тогда она принесла ведро пшеницы и рушилку, которую с трудом крутили по двое взрослых, и велела намолоть муки, пообещав за это испечь нам лепешки.

Выбиваясь из сил, брат до самого вечера крутил жернова. Я не мог ему помогать, руки висели плетьми. Пшеницу он смолол всю, но лепешек нам так и не дали.

Когда морозы стали особенно лютыми, а температура в сенях почти такой же, что и на улице, нас впустили в дом, под нары, и даже давали иногда свои объедки.

Часов в пять меня будили и отправляли по полной темноте гнать совхозный скот, за которым ухаживал мой дядя, к незамерзающему озеру на водопой. Это было метрах в трехстах от дома. Однажды был сильный буран, он буквально срывал с моих плеч все, что на них было. Я спрятался за сугроб от пронизывающего до костей ветра. И забылся. Нашел меня там уже без сознания, обмороженного, и принес под мышкой домой наш конюх, одно-рукий казах Касенов...

Писать воспоминания детства очень трудно: это целая вереница горьких, безрадостных дней. То всплывает в памяти, как приходилось ночевать на кладбище, то, как тонул в озере, то, как чуть не погиб под гусеницами трак-тора. Сам не знаю, каким чудом я сумел выжить. Впрочем,

нет, знаю. Конечно, только благодаря добрым людям, которых во время высылки встречал все-таки много чаще, чем плохих. Я помню их и благодарен им всем.

6 января пятидесятого года в село вернулась мать. Уголок до конца холодов нам нашелся, а летом из пластов дерна построили себе землянку, в которой прожили пять лет. В пятьдесят пятом году мы все же переехали в Киргизию к маминому отцу. Там с помощью родственников и земляков построили настоящий дом, а когда был снят режим спецпоселения с народа и появилась возможность по оргнабору рабочей силы поехать ближе к родному месту, продали дом совсем за бесценок и переехали в Дагестан.

Теперь родное село было совсем близко, и, конечно, мы мечтали попасть в отчий дом, но на всех дорогах и тропах к нашим бывшим селам стояли вооруженные военные посты. Вокруг тех мест, где нас поселили, была установлена круговая охрана. Возвращение "к себе" оказалось возможным только на словах.

И по сей день мы живем там, куда нас поселили. А дома отцов, дедов и прадедов - совсем неподалеку от нас, но там живут чужие люди.

Я помню, как вместе с другими детьми пел в школе: "Широка страна моя родная..." и "За детство счастливое наше спасибо, родная страна". Пел и ничего не понимал!

После редепортации северокавказских народов наших юношей вновь стали призывать в армию, чтобы охранять и защищать большую Родину.

А наша малая Родина, истерзанная и поруганная, так и осталась без охраны и защиты... Неужели навсегда?!

Перевод с чеченского Татьяны САРТАКОВОЙ

1990

С е к р е т н о

Председателю Совета Народных Комиссаров РСФСР

Товарищу Косыгину А.

По вопросу

Об учете, хранении и реализации

имущества спецпереселенцев в Дагестанской АССР

Еще до приезда в Махач-Кала бригады Народного Комиссариата Государственного Контроля РСФСР, в Совнарком ДАССР и Обком ВКП(б) поступили сигналы о разбазаривании и хищении имущества спецпересе-ленцев, в отдельных населенных пунктах, присоединенных к Дагестанской АССР районов.

Командированная Совнаркомом ДАССР и Обкомом ВКП(б) в эти районы комиссия установила целый ряд фактов бесконтрольного хранения, порчи, хищения, разбазаривания и присвоения отдельными лицами части этого имущества. Отдельные из этих фактов отражены в докладной записке руководителя бригады Наркомата Государственного Контроля РСФСР тов.Дроздова.

Рассмотрев 20 сентября с.г. материалы комиссии Обкома и бригады Наркомата Госконтроля РСФСР, бюро Обкома ВКП(б): *[перечень принятых организационных мер]*

В результате принятых организационных мероприятий:

1. Заведен учет оставшегося от переселенцев имущества и произ-ведена их инвентаризация за исключением 4-х населенных пунктов в Андалалском районе.

2. Обревизовано большинство складов, ревизия их в Введенском и Шургатском районах заканчивается.

3. Значительно усилилась реализация имущества.

4. Произведенными ревизиями складов выявлено хищение имущества на 132,5 тысяч рублей.

Прокуратурой Дагестанской АССР привлечено к уголовной ответ-ственности за разбазаривание и хищение имущества спецпереселенцев 132 человека, в том числе 34 человека должностных лиц.

5. Проведена большая работа по установлению к изъятию из поль-зования отдельных лиц и организаций и по передаче колхозам вновь выявленного, так называемого "бесхозного" скота.

6. Отобрано у отдельных лиц и организаций расхищенные, неза-конно приобретенные, присвоенные и взятые под сохранные расписки 261,0 тонн зерна, 443 головы крупного рогатого скота, 219 голов овец и коз, 9 лошадей, 137 кроватей, 18 швейных машин, 98 ковров, 21 кошма, 8 сепараторов, 7 ка-ракулевых шапок и прочее имущество и продукты (мебель, посуда, карто-фель, крупы) на сумму по рыночной стоимости около одного миллиона рублей. Данные эти далеко не полные.

7. Улучшено хранение зерна, оставшегося от спецпереселенцев, и оно, на основе распоряжения Совнаркома Союза ССР от 8 октября с.г. за N

19659 и постановления его от 12 октября с.г. за N 1372, полностью распределено между районами для оказания продовольственной помощи нуждающимся колхозникам.

8. Приняты меры к ликвидации искусственно насажденных подсобных хозяйств и к сокращению их размеров до пределов возможного освоения с изъятием и передачей части скота колхозам. Постановлением Совнаркома ДАССР N 699 от 3 октября 1944 года значительная часть скота и сельхоз-инвентаря, находившихся во временном пользовании подсобных хозяйств НКГБ и других организаций, в связи с ликвидацией или сокращением объема этих хозяйств, переданы в распоряжение Наркомзема ДАССР для распределения между переселенческими колхозами.

9. Почти во всех присоединенных к республике районах закончена Госстрахом оценка жилых и прочих строений и на места командированы представители Сельхозбанка для срочного завершения работ по оформлению обязательств колхозников за полученные ими постройки.

Перехожу к изложению мер, принятых по фактам, приведенным в докладной записке тов. Дроздова.

В Ново-Лакском районе выявлены дополнительные факты оставления у себя отдельными руководящими районными работниками части изъятых у осужденных лиц вещей, причем стоимость этих вещей в большинстве случаев не оплачена.

Меры к пресечению допускаемых злоупотреблений принимаются.

В отношении ряда руководящих работников райкомов ВКП (б) и председателей райсоветов депутатов трудящихся прокуратурой Республики сделаны Обкому ВКП (б) соответствующие представления.

Председатель Совета Народных Комиссаров Дагестанской АССР

А. ДАНИЯЛОВ

Публикация Дж.УМАЛАТОВА

Народному Комиссару Внутренних Дел Союза ССР

Товарищу БЕРИЯ Л.П.

О положении населения районов быв. Ч.-И.АССР,

присоединенных к Дагестанской АССР

Во включенные в Дагестанскую АССР Андалалский, Веденский, Ритлябский, Шурагатский районы быв. Ч.-И. АССР и в быв. Ауховский район ДАССР в 1944 году из горных районов республики и Грузинской ССР переселено 16 740 хозяйств (61 000 чел.) вместо 6300 хозяйств, предусмотренных постановлением Совнаркома Союза ССР N -255-74 сс

от 9 марта 1944 года и распоряжением Совнаркома Союза ССР N -5473 сс

от 11 марта 1944 года.

Народы Дагестана высоко оценили решение партии и правительства о присоединении к Дагестану части районов быв. Ч.-И. АССР, разрешившее вопрос о выходе части горцев из земельной тесноты и нужды. Несмотря на трудности организационного периода, план весеннего сева 1944 года был выполнен переселенцами в сжатые сроки на 101%. Однако массовое заболе-вание переселенцев малярией, в самую страдную сельскохозяйственную пору выведшее из строя значительное количество населения, не дало возможности закрепить достигнутые успехи, привело к гибели части посевов и к чрез-мерно низкому урожаю.

К концу августа 1944 года в этих районах было зарегистрировано 10 000 случаев заболевания малярией, что отрицательно отразилось на проведении озимого сева, план которого колхозами новых районов был выполнен только на 61 %.

Тяжелые материально-бытовые условия переселенцев (переселились из горных районов, в основном, маломощные хозяйства), крайняя нужда в одежде, в частности в белье, отсутствие мыла, нерегулярная работа бань и отсутствие их в ряде населенных пунктов вызвало в осенне-зимний период среди переселенцев заболевание сыпным тифом.

Совнаркомом Дагестанской АССР и Обкомом ВКП (б) во все эти районы были направлены эпидемические отряды в составе 100 человек медицинских работников, были развернуты стационары на 1000 человек для госпитализации тяжело больных малярией и дистрофиков, организованы питательные пункты, завезены медикаменты и дезинфекционные средства. В этих районах и в настоящее время продолжают работать эпидемические отряды…

Совнаркомом Союза ССР оказана большая материальная помощь населению новых районов республики. Сверх выдаваемых плановых фондов, было отпущено этим районам свыше 7000 тонн кукурузы для продоволь-ственных нужд и на семена, 165 тонн муки, 40 тонн круп и макарон, 25 тонн сахара, 10 тонн жиров, 15 тонн сыра, 10 тонн мяса, 30 тонн хозяйственного мыла, 124 000 метров хлопчатобумажных тканей, 2000 метров шерстяных тканей, готового платья и трикотажных изделий на 825 000 рублей и 2500 пар обуви, Кроме того, в самой республике были изысканы и отправлены в новые районы до 40 тонн продовольственных товаров (масло растительное, брынза, рыба, джем, сахар), 24 тонны хозяйственного мыла и промышленных товаров на сумму около 250 000 рублей.

Совнарком Союза ССР разрешил передать переселенцам безвозмездно жилье и прочие строения стоимостью до 5000 рублей и оставшееся от спец-переселенцев не реализованное домашнее имущество на 4 млн. рублей.

Несмотря на принятые меры по ликвидации заболеваний малярией и сыпным тифом и проведение лечебно-профилактических мероприятий, и в текущем году продолжают иметь место случаи рецидива малярии и значительное заболевание сыпным тифом.

Низкий урожай 1944 года (2,5 цнт. с га) и невозможность покрытия потребности в продуктах, несмотря на оказанную помощь, привело к увеличению дистрофиков и смертности среди них.

Санитарно-эпидемическое состояние новых районов, вызванное тяжелым материально-бытовым положением переселенцев, несмотря на принятые оздоровительные мероприятия, остается неблагополучным...

Проверкой на местах установлено, что выделенные новым районам продовольственные и промтоварные фонды не всегда использовались по назначению. За время с 1 мая 1944 года по 1 мая 1945 года прокуратурой ДАССР привлечено к уголовной ответственности за разбазаривание и расхищение имущества спецпереселенцев, скота, хлеба и товаров, предназначенных для переселенцев, - 158 человек.

На основе Ваших указаний нами намечено и проводится ряд мероприятий по организационно-хозяйственному укреплению колхозов в новых районах и предупреждению заболеваний среди населения и по выполнению плана развития животноводства.

Для укомлектования и укрепления новых районов руководящими работниками и специалистами, в течение апреля текущего года направлены на постоянную работу 24 человека руководящих работников и 9 специалистов. Выделено 7 автомашин для доставки товаров с пристанционных баз в районные центры. Для осуществления мер по улучшению политического и экономического положения в новых районах, а также для оказания практической помощи партийными и советскими организациями и проведения месячного сева в районы выехали 2 заместителя председателя Совнаркома ДАССР, 2 секретаря Обкома ВКП(б) и заведующий отделом Обкома ВКП(б).

Председатель Совнаркома ДагАССР Л.ДАНИЯЛОВ

Секретарь Обкома ВКП(б) Л. АЛИЕВ

Публикация Дж. УМАЛАТОВА

Магомед МУСАЕВ

СУДЬБЫ НАРОДНЫЕ

Очерк

23 февраля 1944 года. Со всех глухих уголков опальной республики на заранее подготовленных подводах и машинах людей свезли к железной дороге. Растерянных, перепуганных, ничего не понимающих в происходящем горцев заставляли лезть в товарные вагоны; набитые битком их закрывали наглухо, и поезд отправлялся. Куда - не знал никто.

В одних вагонах, к счастью обездоленных, стояли железные печки-буржуйки, кое-как согревавшие в февральскую стужу, другие вагоны, хоть и назывались теплушками, не отапливались вовсе. В щели задувало снегом, пол покрывался ледяной коркой, люди, одетые по-кавказски легко, беспомощно жались друг к другу, ища спасения от пронизывающего до костей холода.

Дорога тянулась две недели. Все это время не кормили, на остановках не выпускали - везли, как скот. Через большие станции на полном ходу пролетали стонущие, плачущие, кричащие, взывающие к милости Аллаха эшелоны. Но Аллах был к ним глух.

От холода, голода и грязи начались болезни. Людей косил тиф, похоронить же умерших не давали. На редких остановках в пустынных степях солдаты ходили по вагонам, выносили трупы. На глазах протестующих родственников их тут же, прямо у насыпи забрасывали наспех снегом. Люди стали прятать покойников.

Я помню, как двое - сержант и солдат - искали в нашем вагоне мертвых. Подошли к сидящему в углу странному обросшему человеку, возле которого сжалась в комок худенькая женщина. Вдруг она резко вскочила и загородила своим телом мужчину.

- А ну-ка! - грубо оттолкнул ее сержант и дулом автомата ткнул сидящего в углу.

Обросший человек тяжело завалился на бок. Не слушая криков женщины, сержант с солдатом подняли покойника за руки, за ноги и понесли к выходу. С отчаянным воплем и обезумевшими глазами женщина кинулась на сержанта. Тот бросил покойника, вскинул автомат и в упор пристрелил ее. Люди в вагоне сжались от страха, украдкой следя, как поспешно выносили оба трупа, как с грохотом закрывали на железные засовы дверь.

Неудивительно, что к месту назначения доехала только половина высланных, остальные погибли в дороге. Могилы их остались неизвестными.

Наш эшелон выгрузили на станции "52-й километр" в Северном Казахстане. Не могу забыть, как люди, выйдя, наконец, из своей тюрьмы на колесах с рыданиями бросались в объятия друг к другу, метались в поисках родственников и знакомых, оплакивали умерших. "Ва-а, что с нами будет?! Ва-а, что мы будем делать?!" - стонали и голосили женщины. У каждой на руках и за спиной плакали дети. Мужчины, как всегда не позволявшие себе уронить слезинку, с опущенными головами сразу принялись тут же, пока не отобрали, хоронить тайком привезенных покойников. Старики, опустившись на колени в снег, молитвенно поднимали руки к небу.

А вокруг стояло оцепление - недоумевающие солдаты со штыками наперевес. Что творилось в душах этих молодых парней? По глазам многих из них было видно, что им очень тяжко.

За спинами охраны шло совещание по рассортировке прибывшей рабочей силы. Представители колхозов, совхозов и промышленных предприятий внимательно присматривались к семьям спецпереселенцев, отбирая себе крепких, молодых, с каким-то багажом при себе. Понемногу толпа обездоленных людей редела. Оставались безимущие старики и одинокие женщины с малолетней ребятней.

У каждого из них судьба сложилась по-своему. Я расскажу об одной.

Семилетний Анзор со страхом наблюдал, как телега за телегой увозили куда-то работоспособных людей. Страшно было не ехать, страшно было остаться здесь, под открытым небом, на холоде и ветру. Его мать беспомощно лежала на узлах, не в силах даже присесть. Любому сразу было видно, что она тяжело больна. Анзор бежал за каждым фургоном, за каждой телегой в надежде, что их тоже возьмут с собой. Но никто ими не интересовался. Обессилевший от безуспешной беготни, Анзор прикорнул возле матери.

Бекист с тоской смотрела на спящего сынишку, она ничем не могла ему помочь. Даже погладить беспокойно вздрагивающего во сне мальчика у нее не было сил.

- Где? Где он? - встрепенулся Анзор. - Куда он делся, мама?

- Кто, сыночек? - ласково спросила мать.

- Отец! Я видел отца. Где он? - растерянно озирался по сторонам мальчик.

- Отец на войне, сынок. Это тебе приснилось.

Анзор всхлипнул и заревел.

В это время к ним подошла высокая, крупная казашка в длинной шубе, подпоясанной кушаком. На голове у нее была лисья шапка с длинным хвостом, в руке витой кнут.

Анзор тут же перестал плакать, бросился к женщине и ухватился за кнутовище. Не говоря ни слова, он с мольбой заглядывал в ее глаза. Женщина ласково погладила его:

- Ну, маленький горец, пойдем в колхоз "Кзыл Октябрь"?

Анзор ничего не понял по-казахски. Казашка повторила то же самое на русском языке.

- А как же! - по-чеченски воскликнул Анзор и, подпрыгнув от радости, обнял свою спасительницу.

- Мама, мама! Вставай! - кинулся он к матери. - Нас берут! Казашка наклонилась к Бекист:

- Мужа нету?

- Он на фронте, с начала войны, - ответила Бекист.

- Я, Нагима, заместитель председателя колхоза. Собирайтесь, пойдемте!

Бекист с трудом приподнялась. Нагима, видя, как ей тяжело, покачала головой:

- Сиди! Я сейчас подгоню сюда фургон.

Вскоре она вернулась, ведя под уздцы запряженного в фургон вола. Вслед за ней появился на лошади какой-то человек: видимо, председатель колхоза.

- Что это ты, Нагима-апа, собираешься делать?

- Как что? - пожала плечами казашка. - Беру эту семью.

- На что она нам нужна? - окривил губы председатель. - Мы же не собес.

- А куда им деваться? Замерзать на снегу? Видишь, женщина больна.

- Вижу. Именно поэтому они нам и не нужны. Нам рабочие руки отбирать надо. А о больных пусть думают другие.

- Ну нет, - мотнулся длинный хвост на шапке Нагимы. - Это люди, и мы люди. А ты не бойся, баскарма, я заберу их к себе.

Нагима привезла Бекист и Анзора в свой дом. Она жила с мужем-инвалидом, потерявшим ногу на войне, и с сынишкой Бескемпером,

ровесником Анзора. Казахская семья тепло приняла переселенцев. Подкормили их, выходили больную.

Весной Нагима устроила Бекист на работу в колхоз, Анзора с осени определила в школу. Потекла жизнь, такая же трудная, как у всех. Такая же, да не такая...

Каждую неделю спецпереселенцам надлежало являться в комендатуру, в любую погоду в точно установленный день и час. Комендатура находилась далеко, а ходить пятнадцать километров туда и пятнадцать обратно приходилось пешком. Кроме этого выходить за пределы аула без специального раз-решения запрещалось строжайше. Нарушение запрета каралось жестоко: от трех до десяти лет тюрьмы.

Бекист изводилась без вестей от мужа. На ее письма с новым адресом ответа не было. Знал ли муж вообще, какая беда постигла его семью, всех земляков? Доходили ли до него ее письма? Кто-то говорил, что всех воевавших чеченцев и ингушей отозвали с фронта и отправили в ссылку вслед за соотечественниками. А правда это или нет - кто знал?

Конечно, Бекист не могла знать, как складывалась на фронте судьба ее мужа Расу Ятуева. Он был отважным защитником Сталинграда, получил орден за эту битву. Потом форсировал Днепр. В бою был ранен и захвачен в плен. От гитлеровцев он и узнал, что чеченцев насильно вывезли с родных мест. Враги предложили ему свободу и благополучие, если он перейдет на сторону немцев и с оружием в руках выступит против Советской власти, так бесчеловечно поступившей с его народом.

Мало того, что горец ответил гордым отказом. Он сумел бежать из плена, захватив при этом немецкого офицера. От офицера штаб получил ценнейшие сведения о том, что немцы зарывают в землю оружие и боеприпасы на случай своего возвращения в эти места. Разведка подтвердила, что старший лейтенант Ятуев точен в своем донесении. Наша дивизия пошла в наступление и захватила много военных трофеев. В том числе танковый парк и огромные подземные склады боеприпасов. Однако вместо положенной награды Ятуеву готовили демобилизационный лист. Полковое командование, боевые друзья, уважая отважного офицера, решили оформить ему отпуск домой, к семье. Демобилизационный лист, о котором не сказали ни слова, они собирались послать следом по казахскому адресу.

Но Расу не доехал до Казахстана. В пути добрые люди разъяснили ему, что сразу по приезде он будет взят на спецучет в комендатуру НКВД, куда должен будет два раза в месяц являться для подтверждения, что не сбежал. И вместо героя войны он превратится в презренного спецпереселенца, во врага народа.

Расу повернул назад. Никому неизвестно, каких трудов стоило ему разыскать на передовой свою дивизию. Он хотел воевать, но командир, не ожидавший его возвращения, зачитал приказ об отчислении старшего лейтенанта Ятуева из армии до особого распоряжения. Потрясенный Расу,

выскочил из командирской землянки, тут же хотел застрелиться. Друзья выбили револьвер из его руки.

В это время гитлеровцы открыли ураганный огонь по передовой, потом перенесли его в глубь нашей линии. Дивизия приняла ожесточенный бой. Все смешалось. Расу Ятуев пошел в наступление безоружным. И только в рукопашной схватке у безымянной высоты вырвал у фашиста автомат.

На высоту он прорвался первым с небольшой группой храбрецов. Много захватчиков полегло в том бою от рук Ятуева. Но перевес был на стороне врага, высотку окружили со всех сторон. Горстка ятуевских смельчаков редела. Наконец, в живых остался один Расу. Патроны у него кончились. И весь полк видел, как он бросился в рукопашный бой.

Когда наши, поднявшись в новую атаку, смели фашистов, товарищи нашли израненного Ятуева, он еще дышал. Его последние слова были: "Я честно погиб за Родину!"

После боя по приказу командира на могиле Расу поставили фанерный обелиск с надписью чернильным карандашом: "Здесь похоронен старший лейтенант Расу Ятуев, Герой Советского Союза".

Ничего этого не знала и не могла знать Бекист. От непомерной тоски, от непосильной для нее жизни, она таяла на глазах. Наконец, не выдержав, слегла. Перед смертью она подозвала сына:

- Анзор, будь всегда благодарен Нагиме-апе и Сабиру-аке, они очень добрые люди. Постарайся не доставлять собой лишних забот этой семье.

Не сторонись посильного труда, сынок. Будь трудолюбивым и честным. Жди отца! Я не знаю, где он, и жив ли вообще, но в любом случае он - герой, потому что твой отец - настоящий мужчина. Будь таким, как он! И вообще - не забывай свою родину, сынок!

Сказав эти слова, мать навеки закрыла глаза.

Хоронили Бекист на следующий день. Чужие люди несли погребальные носилки, Анзор хватался за них, словно хотел остановить, задержать еще немного в этом мире свою маму.

Он не пошел на кладбище, а только смотрел вслед удаляющимся носилкам. Они становились все меньше и меньше, и, наконец, мир опустел для мальчика.

- Все! - прошептал Анзор дрожащими губами Бескемперу, стоявшему рядом с ним. - Мамы нет, и я пропал!

Бескемпер крепко обнял друга:

- Ничего подобного! Ата сказал, что мы будем жить вместе. И что тебе не дадим пропасть.

Нагима-апа и Сабир-ака жалели Анзора, относились к нему, как к сыну. И он очень был благодарен им за заботу, но шло время, а тоска по матери не проходила. Он мало ел, плохо спал и все вынашивал мысль бежать из аула в родное село.

Однажды Анзор возвращался с ребятами из школы. Один из мальчиков, Рахим, пристал к нему:

- Ты почему не подсказал мне на уроке? Ведь ты же знал ответ! Ух, гадина! Правильно вас выселили с Кавказа! Все вы предатели!

Бескемпер, круто развернувшись, ударил Рахима портфелем.

- Не обращай ты на него внимания! - успокоил он побагровевшего от обиды Анзора. - Он дурак, и все!

Наутро, никому ничего не сказав, Анзор исчез. Нагима сбилась с ног в поисках мальчика. Она посылала многочисленные запросы, ездила сама в разные концы, но все было безуспешно.

Только много лет спустя получила она письмо от беглеца. Анзор писал, что никогда ни на минуту не забывал он доброты их семьи. Потом коротко рассказывал о себе.

Он долго скитался по стране, пока его не поймали на каком-то вокзале и не забрали в милицию. Оттуда, как бродяжку, передали в детскую колонию для трудновоспитуемых, но там пришлось не слаще, чем в скитаниях. Он убежал из колонии и попал в воровскую шайку. А шайка есть шайка, и было там все, вплоть до квартирных краж. В конце концов, он попался и отсидел в тюрьме три года. К тому времени уже была объявлена реабилитация чеченцев и ингушей, и, выйдя из заключения, он поехал в восстановленную республику. Но и там продолжалось хождение по мукам. Жить было негде и не на что. Приходила мысль о самоубийстве. А помогло чудо: совершенно случайно встретил человека, который воевал вместе с отцом, и по сильному сходству признал в незнакомом юноше сына Расу Ятуева. Фронтовой друг отца помог устроиться на работу, помог с жильем, и, главное, рассказал, каким героем был отец. Это придало Анзору сил. Отец не сдавался до последнего, и сын не имеет права сдаваться. И как бы ни была трудна и несправедлива жизнь - род отца, деда, прадеда не должен прерываться. Поэтому он вскоре приедет к своим дорогим казахским родственникам показать молодую жену и вместе с ней поклониться могиле матери...

Перевод с чеченского Татьяны САРТАКОВОЙ

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О снятии ограничений по спецпереселению

с чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей

Учитывая, что существующие ограничения в правовом положении находящихся на спецпоселении чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, высланных в период Великой Отечественной войны с Северного Кавказа, в дальнейшем не вызывает необходимости Президиум Верховного Совета ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Снять ограничения по учету спецпоселений и освободить из-под административного надзора органов внутренних дел СССР чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, высланных на спецпоселение в период Великой Отечественной войны.

2. Установить, что снятие ограничений по спецпоселению с лиц, перечисленных в статье первой настоящего Указа, не влечет за собой возвращение им имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возращаться в места, откуда были выселены.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

К.ВОРОШИЛОВ

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А.ПЕГОВ

Москва, Кремль. 16 июля 1956 года

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР

В целях создания необходимых условий для национального развития чечено-ингушских народов, Президиум Верховного Совета СССР п о с т а н о в л я е т:

1. Признать необходимым восстановить национальную автономию чечено-ингушских народов.

2. Рекомендовать Президиуму Верховного Совета РСФСР:

а) рассмотреть вопрос о восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР;

б) установить границы и административно-территориальное устройство ЧИ АССР;

в) утвердить Оргкомитет ЧИАССР, на который возложить впредь до выборов в Верховный Совет АССР руководство хозяйственным и культурным строительством на территории республики.

3. Считать утратившим силу Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 марта 1944 года "О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве" и статью 2-ю Указа от 16 июля 1956 года в части запрещения чеченцам и ингушам возвращаться на прежнее место жительство.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

К.ВОРОШИЛОВ

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А. ГОРКИН

Москва, Кремль. 9 января 1957 г.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

О восстановлении Чечено-Ингушской АССР и упразднении Грозненской области

В целях создания необходимых условий для национального развития чеченского и ингушского народов восстановить Чечено-Ингушскую республику с центром в городе Грозный.

Включить в состав Чечено-Ингушской АССР: (перечень районов)

Поручить Президиуму Верховного Совета Северо-Осетинской АССР и Организационному комитету по Чечено-Ингушской АССР внести на

утверждение Президиума Верховного Совета РСФСР описание границы между Северо-Осетинской АССР и Чечено-Ингушской АССР с учетом упразднения территориальной разобщенности Моздокского района с основной территорией Северо-Осетинской АССР.

Упразднить Грозненскую область, передав... (перечень районов)

Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР

М.ТАРАСОВ

Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР

И.ЗИМИН

Москва. 9 февраля 1957 г.

Первому секретарю ЦК КПСС

Никите Сергеевичу ХРУЩЕВУ

от военкома Гражданской войны на Северном Кавказе,

писателя КОСТЕРИНА Алексея Евграфовича

Дорогой Никита Сергеевич!

Бывшая Терская область, особенно районы нынешней Чечено-Ингушской республики мне хорошо известны и особенно дороги потому, что здесь я принимал активное участие в первые годы борьбы за Советскую власть. Именно в те годы я узнал и полюбил чеченцев и ингушей, с которыми пришлось делить горечь поражений и гордость побед.

Узнав о выселении чеченцев и ингушей из родных долин и ущелий, я переживал это народное бедствие с большей остротой, чем свое личное несчастье - тюрьму, лагерь, ссылку. А их политическую реабилитацию и воссоздание Чечено-Ингушской Автономной Советской Социалистической Республики воспринял как свой личный праздник и радость по причине возврата к ленинским принципам, к подлинно ленинской национальной политике. В дни 40-летия Октября я счел своей обязанностью поехать во вновь возрождаемую Чечено-Ингушетию. Мои впечатления от поездки настолько противоречивы, что не дают мне возможности рассказать о них в обычном газетном очерке. А рассказать надо!

О том, что испытали чеченцы и ингуши при выселении и в ссылке рассказывать не имеет смысла: в ЦК несомненно имеются более точные и разносторонние материалы. Меня очень поразила мало потускневшая

обида, которую до сих пор переживают и ощущают чеченцы и ингуши за те оскорбления и за те физические лишения, которые они перенесли в годы ссылки. И у интеллигентов, и у простых людей, у беспартийных, молодых и у пожилых свято и крепко хранятся в памяти годы борьбы с российской контрреволюцией. В те годы Чечено-Ингушетия потеряла десятки аулов, на кладбищах выросли целые рощи шестов с флажками, знаком смерти в бою с белогвардейцами. Так, например, аул Алхан-юрт только за два дня боя в апреле 1919 года потерял до 500 человек убитыми, а весь аул был разрушен и сожжен. Память о славном прошлом в те годы, когда Чечня и Ингушетия с помощью русских товарищей, под знаменем нашей партии порывала со средневековым панисламизмом и начинала развивать национальную культуру социалистическую по содержанию - эти годы навеки вошли в душу народа. И они неискоренимы. А годы тяжелого изгнания еще более повысили значимость прошлого. Возвращение горцев на Родину было актом мудрости ленинской партии и величайшей гуманностью. Как же шло и идет возвраще-ние изгнанников, реабилитация оскорбленных народов? Надо было подго-товить русское население к предстоящему возвращению чеченцев и ингушей в свои родные селения. Эту подготовку под непосредственным руководством секретаря Грозненского обкома КПСС тов. Яковлева начали с передвижения воинских частей в те районы, куда приезжали изгнанники. А вообще Яковлев заявляет, что возвращение чеченцев и ингушей – большая ошибка. При такой принципиальной позиции обкома, русское население не только не подготов-лено к встрече изгнанников, но среди них широко разлилось и укрепилось обывательское мнение и убеждение, что вообще все чеченцы и ингуши - бандиты, воры, пособники Гитлера и прочее и прочее. Никакого противо-действия этой провокационной болтовне ни партийные, ни советские организации не давали и не дают.

Не было проведено и организационных мероприятий по встрече изгнанников. Ехали десятки тысяч семей - мужчин и женщин, стариков и детей и никакой встречи организовано не было. Их встречали только усиленные воинские части и усиленные милицейские мероприятия. А в результате народ нес новые жертвы - повысилась смертность, особенно детская.

С чечено-ингушской массой, разбросанной по Казахстану и Киргизии, так же на было проведено разъяснительной работы. Обком, руководимый Яковлевым, выполняет решение XX съезда партии и ЦК КПСС таким образом, чтобы создать базу для дальнейшего межнационального конфликта. Так, ряд ингушских селений - Базоркино, Ангушт и др. – остались в границах Осетии. Зная о давней ингушско-осетинской вражде, почти погасшей в 20-е годы, - это значит провоцировать новый взрыв старой межнациональной розни. Чеченцев пытаются расселить на территории Ингушетии - это значит посеять рознь там, где ее не было во времена царизма. Чеченцев также пытаются подселить к казакам Сунженской и Терской линии - то есть опять-таки разжигается полузабытая вражда казаков и чеченцев, то же самое происходит на границах с Дагестаном.

Там ряд селений заняты аварцами. К моменту прибытия чеченцев аварцы не были выселены. Чеченцы поселились семьями около своих домов на снегу, а затем за собственные деньги покупали у аварцев свои же дома. Все велось и ведется так, чтобы вызвать эксцессы со стороны изгнанников и против партийно-советских мероприятий и против тех, кто заселил их селения, - осетин, грузин, аварцев, русских. И эти эксцессы были и есть, к сожалению, и будут, если не изменится практика обкома партии по отношению к изгнанникам, если руководящие работники полностью не поймут подлинно ленинской национальной политики.

Организация Чечено-Игушской республики удачно совпала с подготовкой к празднованию 40-летия Октябрьской революции. Восстановив историческую правду первых лет революции в бывшей Терской области, роль чеченцев и ингушей в становлении Советской власти, обком партии нашел бы превосходный материал для цементирования дружбы между русскими, чеченцами, ингушами и другими народами региона. Именно в силу дружбы между ними в первые годы революции была разгромлена и русская и панисламистская контрреволюция с ее представителями... Однако в подготовке к 40-летию обком партии шел по обычной гладко утоптанной бюрократической тропе: с оглядкой как бы чего не вышло, на верхи - о чем или о ком разрешено говорить, о чем или о ком нельзя. Я - активный участник революционной борьбы на Кавказе - еще в феврале текущего года послал в обком повесть о первых годах революции в районе Грозного и, главное, просил указать, в каком виде требуется мое участие в подготовке к 40-летию. Обком молчал три месяца. Я вежливо напомнил о своем предложении. И еще два месяца молчали. Тогда я попросил ЦК партии напомнить обкому о необходимости соблюдать хотя бы простую вежливость. Только после этого обком сообщил, что повесть включена в план 1958 года, а о моем участии в подготовке к 40-летию Октября по-прежнему ни слова.

И в то же время все грозненские организации широко пользовались услугами наглых спекулянтов этой святой темой. В результате усилий этих, с позволе-ния сказать "ветеранов революции" (Кучину в 1918 году было 12 лет, Михайлик - эсер, Привалов - рядовой самообороны...) в Грозном создана пьеса "Это было в Грозном" и в дни 40-летия поставлена в Грозненском драмтеатре. И содержание пьесы и ее постановка - свидетельство позорного отношения обкома партии к истории революционной борьбы в Грозном и прилегающих к нему районах, непонимание сложности борьбы в условиях бывшей Терской области, незнание и непонимание той партийной работы, которая велась здесь под руководством Кирова, Орджоникидзе, Анисимова, Гикало, Асланбека Шарипова и многих других, сложивших свои головы за дело социализма. Это незнание, нежелание понять прошлое, бюрократиче-ское отношение к решениям XX съезда партии привело к тому, что ряд действий обкома партии оскорбил национальные чувства и достоинство чеченцев и ингушей. Так, все горцы знают, что их выселение с Кавказа последовало по распоряжению Сталина и проведено Берией.

Хорошо помнят чеченцы и высказывания старого "покровителя" Кавказа времен царской России генерала Ермолова. Он сказал: "Я добьюсь того, чтобы на Кавказе не осталось ни одного чеченца!" И пытался это сделать. Сотни тысяч чеченцев и сейчас живут в Турции и Сирии. Уважая чувства глубоко оскорбленного народа, надо бы его имя и некоторые другие убрать с улиц и площадей города хотя бы просто в музей. Нет, сброшенный в 1918 году памятник Ермолову был опять восстановлен, а в дни 40-летия улицу "Красных Фронтовиков" переименовали в улицу Сталина, был уничтожен памятник Асланбеку Шарипову, стала безымянной площадь имени Гикало, исчез памятник партизанского отряда. Я спросил у секретаря Назрановского райкома партии, известно ли ему, когда возникла ингушская организация коммунистической партии и кто был ее основателем. Он этого не знает. Не знают и в обкоме партии и не стремятся узнать, вовсе не интересуясь историей нашей борьбы. Но нельзя вырвать из памяти народа страницы его славного прошлого как нельзя вырвать имена героев народа - народ слагает о них песни и легенды. Чечено-ингушский народ и те русские, которые с ними вместе боролись за справедливую жизнь, помнят свое прошлое и очень его ценят. Я спросил секретаря обкома Фоменко, ведающего отделом пропаганды, известна ли ему могила Асланбека Шарипова и в каком она состоянии. Он посоветовал мне обратиться в ... музей краеведения. Я поехал в горы, и там простые горцы провели меня на могилу первого чеченца-коммуниста, погибшего еще в 1919 году за Советскую власть. Могила заросла бурьяном... Группа чечено-ингушских работников, глубоко заинтересованная в восстановлении исторической правды, выдвинула ряд предложений для увековечивания исторических имен, дат и мест. Обком партии обычным канцелярским путем передал их на рассмотрение оргкомитета ЧИАССР, а оргкомитет в свою очередь положил их в долгий ящик и в дни 40-летия не установил ни одной мемориальной доски под предлогом, что эти вопросы надо согласовывать "с центром"... Боязливость, оглядка на "центр", работа по шаблону, по штампам характерна для обкома и оргкомитета, характерна, потому что, когда простые люди Чечни и Ингушетии узнали о приезде в Грозный бывшего помощника товарища Гикало, первого военкома Чечни, то стремились повидаться с ним, хотя бы просто пожать ему руку. А председатель оргкомитета тов. Гаирбеков не пожелал даже принять меня для беседы по ряду вопросов, связанных с национальным досто-инством чеченцев и ингушей, материальным устройством возвращенных и пр. Так мне хотелось бы его спросить:

1. Что делает оргкомитет для ликвидации такого дикого положения. Приезжий покупает за собственные деньги свою же саклю у того, кто поселился в ней на все готовое бесплатно.

2. Почему исконно ингушские селения Базоркино и другие остались в Осетии?

3. Почему казаков Сунженских станиц, переселившихся вглубь Чечни, оставляют на месте, а возвратившихся чеченцев заставляют

селиться в их станицах? Это что, особый вид национальной политики и метод быстрейшей ассимиляции чеченцев?

4. Почему оргкомитет не мог взять на себя такую "великую ответственность", как, например, в дни 40-летия на месте бывшей слободы Воздвиженской, исторической во многих отношениях, поставить обелиск с мемориальной доской?

И еще много раз почему, но Гаирбеков не пожелал выслушать эти вопросы, возможно, потому, что на них трудно ответить без краски стыда за свою роль в реабилитации собственного народа, нормальное устройство возвращенцев. Я же должен отметить, что возвращающиеся чеченцы и ингуши у всякого непредубежденного человека вызывают чувство глубокого уважения к ним. Их любовь к родным местам - землям, долинам и ущельям - может служить прекрасным образцом любви к своей родине, к истории своего народа, к своим памятникам и могилам. Многие возращающиеся везут кости умерших в изгнании родственников, чтобы похоронить их в родной земле. По приезде мужчины и женщины становятся на колени и целуют родную землю, вознося молитвы за тех, кто разрешил им вернуться к могилам предков. Первое дело, за которое принимались возвращенцы, -

это приведение в порядок могил дедов и отцов. А бывший председатель ревкома селения Алхан-юрт Абдулла Денилханов первым делом взял под охрану поставленный в ауле и уже полуразвалившийся памятник погибшим в 1919 году... Так как большая часть домов была разрушена, то чеченцы и ингуши принялись за новое строительство. Количество новых домов и качество постройки, учитывая, что со дня приезда семей прошло всего полгода, вызывает восхищение. В культурном росте за время высылки Чечено-Ингушетия, конечно, отстала, но уже и то, что сохранилось, и те новые стремления, которые уже выявляются среди старшего и младшего поколений, дают основания считать: чеченский и ингушский народы - вольнолюбивые и смелые, трудолюбивые и одаренные – при умном и чутком руководстве быстро залечат свои раны и внесут драгоценный вклад в культурный фонд народов страны Советов.

1957

Иван МИНТЯК

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОГНЯ

Отрывок из поэмы

* * *

Я жил тогда в деревне под Кизляром.

Мне восемь лет -

И в детство мое, в тыл,

Оседланный Лаврентьевским эскаром,

В деревню "черный ворон" прикатил.

Остановился возле сельсовета,

Сам председатель отдал ему честь.

Сказал солдат Лаврентия: - Ты, это,

Народ организуй мне. Дело есть...

Народ собрался -

Детвора,

Старухи

И прочие - кто мог приковылять.

Тут - дед Макар:

- Товарищ! Ходят слухи,

Что будут нас отседа выселять?

- Не выселять - всем ехать предлагают
В Бамут,

В Закан...

- А где это?

- В Чечне,

Оттуда в Казахстан все убегают,

А горы позарез нужны стране.

Я вам скажу: в горах не жизнь -

Малина,

Она, уверен, будет вам мила.

В горах есть все:

И масло,

И овчина,

Для детворы - орех и мушмула.

Есть и кизил,

Халва и кукуруза,

А для охоты - всякой дичи тьма.

Чечня - обетованный край Союза...

- И все, что перечислил, задарма?

Взглянул солдат Лаврентия на деда,

Дед сдвинул вместе ноги-калачи:

- А никуда не двинусь я отседа.

Мне здесь неплохо, на родной печи!

Хотя, конешно, голодно и стужно, дак ведь зима...

- А ты полегче, дед!

Иначе будешь говорить, где нужно.

Там разберутся - там не сельсовет...

Поедешь!

* * *

Непросто жить,

судьбой припертым,

Не видя звезд родной земли...

Альви с войны в сорок четвертом

В аил казахский привезли –

И там, как нечто на уроке,

Узнал он, что его дада

Расстрелян был еще в дороге,

А нану съели холода...

А до Москвы не докричаться,

Поскольку слушающих нет...

Скрипя зубами отмечаться

Он будет все тринадцать лет

В комендатуре поселковой –

Свет опрокинулся вверх дном...

Что я, в тюрьме средневековой?

Я же в Отечестве родном...

Иди! Иди! Чего уперся?

Болтать с тобою недосуг...

Но - пел ашуг про Лиду Лорса –

И люди плакали вокруг...

Грозный, 1988

ПРОДОЛЖЕНИЕ РЕПРЕССИИ

Чеченцам - ауховцам, или аккинцам, - возвращающимся на родину в Дагестан, на местах выселения вручались удостоверения по оргнабору и направления на работу и поселение в различные села Дагестана вроссыпь. Иначе возвращение запрещалось. Настрадавшиеся люди готовы были на что угодно, лишь бы выехать поближе к родным местам. Со временем они рассчитывали, поскольку ограничения в передвижении сняты, вернуться к очагам предков. Между тем, Ауховский район был ликвидирован и не восстановлен после Указа и в родные места въезд для них остался закрытым.

Возвращение приносило новые унижения и переживания. Радость гасла, как только поезда прибывали на станцию назначения. Ауховцев встречали воинские части и усиленные милицейские посты. Правительство Дагестана 16 июля 1958 года издало специальное постановление о введении паспорт-ного режима специально для чеченцев Ауховского (Ново-Лакского), Каз-бековского и Хасавюртовского районов... Частично это Постановление было отменено в Москве в 1963 году, но продолжает действовать по сей день. Согласно ему чеченцев не пускали в Хасавюрт, прибывших возвращали обратно. Иные проезжали до Баку и нелегально въезжали в Хасавюрт. За это их арестовывали, судили, лишали свободы.

Известны факты, когда жители Хасавюрта были оштрафованы за то, что пускали чеченцев на квартиры.

Чеченцы, населяющие Дагестан, не пользуются правами, предоставленными народам СССР Конституцией. Попытки чеченцев обратиться в высшие органы власти и в ЦК КПСС остаются безответными. Уже после апрельского Пленума ЦК КПСС 1985 года в Дагестане по отношению к чеченцам принят ряд мер по подавлению и пресечению их прав. Во всех справочниках и научных трудах чеченцы-аккинцы отсутствуют: они либо вычеркиваются, либо упоминаются как пришлые, как слишком малочисленные, приписанные к другим национальным образованиям. Например, в книге "Дагестан" (М., 1986) к коренным народам Дагестана относятся: аварцы (25,7%), даргинцы (15,2%), кумыки (12,4%), лезгины (11,6%), лакцы (5,2%), табасаранцы (4,4%), ногайцы (1,5%), рутульцы (0,9%), агулы (0,7%), цахуры (0,3 %), таты (0,4 %). Среди прочих названы русские (21,7%), азербайджанцы (4%), чеченцы (3%). То есть чеченцы, издревле живущие на земле современной Дагестанской АССР в нынешнем Хасавюртовском районе, попали в число пришлых.

По сей день с нас не снято обвинение-причина выселения. Оно состоит в следующем: фронт в 1942 году подошел близко к Хасавюрту и был пущен слух (а затем и сфабриковано фальшивое дело) о том, что в чеченском селе Акташ-Аух готовится прием немецкого десанта, в связи с чем арестовано более 40 человек, пятеро из них расстреляно, а остальные получили большие сроки, домой не вернулся никто. В селе Аух-Юрт арестовали 36 человек,

из которых 20 расстреляли, остальные не вернулись. Дела всех без исключения сфабрикованы и несостоятельны, но до сих пор руководство Дагестана оперирует списками этих лиц в доказательство виновности аккинского населения. Иначе говоря, до сих пор утверждается "справедливость" сталинской репрессии в отношении народа.

Дж.УМАЛАТОВ, 1991

* * *

Указы Президиума Верховного Совета СССР и Президиума Верховного Совета РСФСР "О восстановлении Чечено-Ингушской АССР" выполнялись на местах "с поправками". В частности, Совет Министров Дагестанской АССР от 16 июля 1958 года принял Постановление "О переселении из Киргизской ССР и хозяйственном устройстве чеченского населения в республике", в котором объяснялось о введении и строгом соблюдении особого паспортного режима в отношении возвра-щающегося чеченского населения. Для этого было разработано специальное Удостоверение для возвращающихся на родину, по которым их не пустили в родные села. Вот его форма, по-новому закрепляющая ограничение прав чеченцев:

СОВЕТ МИНИСТРОВ ДАГЕСТАНСКОЙ АССР

Отдел переселения и организованного набора рабочих

N...   "..."1960 г.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Выдано гр-ну ___________________

в том, что __________ разрешается переехать из________ ССР,

_____________________области, ____________________ района,

селения___________на постоянное местожительство и подготовки

жилья своей семье в составе __________ человек, возвращающейся в

Дагестанскую АССР, Хасавюртовский район, селение_____________

Настоящее удостоверение действительно в течение 40 дней со дня выдачи.

Зав. отделом переселения и организованного набора рабочих

Совета Министров Дагестанской АССР МАГОМЕДОВ

Публикация Дж.УМАЛАТОВА

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Об отмене Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 марта 1944 года "О награждении орденами и медалями работников Наркомата Внутренних дел и Наркомата Государственной безопасности"

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 марта 1944 года "О награждении орденами и медалями работников Наркомата Внутренних дел и Наркомата Государственной безопасности" (Ведомости Верховного Совета СССР, 1944 г., № 17) отменить.

Москва, Кремль

4 апреля 1962 года

А. СОЛЖЕНИЦЫН

ЧЕЧЕНЫ И ДРУГИЕ

…Куда же ссылали нации? Охотно и много - в Казахстан, и тут вместе с обычными ссыльными они составили добрую половину республики, так что с успехом её можно было теперь называть Казэкстан. Но не обделены были и Средняя Азия, и Сибирь (множество калмыков вымерло на Енисее), Северный Урал и Север Европейской части...

Вперемешку расселенные, друг другу хорошо видимые, выявляли нации свои черты, образ жизни, вкусы, склонности.

Среди всех отменно трудолюбивы были немцы. Всех бесповоротнее они отрубили свою прошлую жизнь... Они стали устраиваться не до первой амнистии, не до первой царской милости, а - навсегда...

Горячо схватились за работу и греки... На казахстанских базарчиках лучший творог, и масло, и овощи были у греков.

В Казахстане ещё больше преуспели корейцы. Другие нации, тая мечту возврата, раздваивались в своих намерениях, в своей жизни. Однако в общем подчинились режиму и не доставляли больших забот комендантской власти.

Калмыки - не стояли, вымирали тоскливо…

Но была одна нация, которая совсем не поддалась психологии покорности, - не одиночки, не бунтари, а вся нация целиком. Это - чечены.

Я бы сказал, что изо всех спецпереселенцев единственные чечены проявили себя з э к а м и по духу. После того, как их однажды предательски сдёрнули с места, они уже больше ни во что не верили... Никакие чечены нигде не пытались угодить или понравиться начальству, - но всегда горды перед ним и даже открыто враждебны. Презирая законы всеобуча и те школьные государственные науки, они не пускали в школу своих девочек, чтобы не испортить там, да и мальчиков не всех. Женщин своих они не посылали в колхоз. И сами на колхозных полях не горбили. Больше всего они старались устроиться шофёрами: ухаживать за мотором - не унизительно, в постоянном движении автомобиля они находили насыщение своей джигитской страсти, в шофёрских возможностях - своей страсти воровской. Впрочем, эту последнюю страсть они удовлетворяли и непосредственно.

Они принесли в мирный честный дремавший Казахстан понятие: "украли", "обчистили". Они могли угнать скот, обворовать дом, а когда и просто отнять силой. Местных жителей и тех ссыльных, что так легко подчинились начальству, они расценивали почти как ту же породу. Они уважали только бунтарей.

И вот диво - все их боялись. Никто не мог помешать им так жить.

И власть, уже тридцать лет владевшая этой страной, не могла их заставить уважать свои законы.

Как же это получилось. Вот случай, в котором, может быть, собралось объяснение. В Кок-Терекской школе учился при мне в девятом классе юноша-чечен Абдул Худаев. Он не вызывал тёплых чувств, да и не старался их вызывать, как бы опасался унизиться до того, чтобы быть приятным, а всегда подчёркнуто сух, очень горд да и жесток. Но нельзя было не оценить его ясный отчетливый ум. В математике, в физике он никогда не останавливался на том уровне, что его товарищи, а всегда шёл вглубь и задавал вопросы, идущие от неутомимого поиска сути. Жил Абдул со старухой-матерью. Никого из близких родственников у них не уцелело, существовал только старший брат Абдула, давно изблатнённый, не первый раз уже в лагере за воровство и убийство, но всякий раз ускоренно выходя оттуда то по амнистии, то по зачётам. Как-то однажды явился он в Кок-Терек, два дня пил без просыпу, повздорил с каким-то местным чеченом, схватил нож и бросился за ним. Дорогу ему загородила посторонняя старая чеченка, она разбросала руки, чтоб он остановился. Если бы он следовал чеченскому закону, он должен был бросить нож и прекратить преследование. Но он был уже не столько чечен, сколько вор, - взмахнул ножом и зарезал неповинную старуху. Тут вступило ему в пьяную голову, что ждёт его по чеченскому закону. Он бросился в МВД, открылся в убийстве, и его охотно посадили в тюрьму.

Он-то спрятался, но остался его младший брат Абдул, его мать и ещё один старый чечен из их рода, дядька Абдула. Весть об убийстве облетела мгновенно чеченский край Кок-Терека, - и все трое оставшиеся из рода

Худаевых собрались в свой дом, запаслись едой, водой, заложили окно, забили дверь, спрятались, как в крепости. Чечены из рода убитой женщины теперь должны были кому-то из рода Худаевых отомстить. Пока не прольётся кровь Худаевых за их кровь - они не были достойны звания людей.

И началась осада дома Худаевых. Абдул не ходил в школу, весь Кок-Терек и вся школа знала, почему. Старшекласснику нашей школы, комсомольцу, отличнику, каждую минуту грозила смерть от ножа, - вот, может быть сейчас, когда по звонку рассаживаются за парты, или сейчас, когда преподаватель литературы толкует о социалистическом гуманизме. Все знали, все помнили об этом, на переменах только об этом разговаривали – и все потупили глаза. Ни партийная, ни комсомольская организация школы, ни завучи, ни директор, ни районе - никто не пошёл спасать Худаева, никто даже не приблизился к его осаждённому дому в гудевшем, как улей, чеченском краю. Да если б только они! - но перед дыханием кровной мести так же трусливо замерли до сих пор такие грозные для нас и райком партии, и райисполком, и МВД с комендатурой и милицией за своими глинобитными стенами. Дохнул варварский дикий старинный закон, - и сразу оказалось, что никакой советской власти в Кок-Тереке нет. Не очень-то простиралась её длань и из областного центра Джамбула, ибо за три дня и оттуда не прилетел самолёт с войсками и не поступило ни одной решительной инст-рукции кроме приказа оборонять тюрьму наличными силами.

Так выяснилось для чечен и для всех нас - что есть сила на земле и что мираж.

И только чеченские старики проявили разум! Они пошли в МВД раз – и просили отдать им старшего Худаева для расправы. МВД с опаской отказало. Они пришли в МВД второй раз - и просили устроить гласный суд и при них расстрелять Худаева. Тогда, обещали они, кровная месть с Худаевых снимается. Нельзя было придумать более рассудительного компромисса. Но как это - гласный суд? Но как это - заведомо обещанная и публичная казнь? Ведь он же - не политический, он - вор, он - социально-близкий. Можно попирать права Пятьдесят Восьмой, но - не многократного убийцы. Запросили область - пришёл отказ. "Тогда через час убьют младшего Худаева", - объясняли старики. Чины МВД пожали плечами: это не могло их касаться. Преступление, ещё не совершённое, не могло ими рассматриваться.

И всё-таки старые чеченские сердца не велели мстителям - мстить!

Они послали телеграмму в Алма-Ату. Оттуда спешно приехали ещё какие-то старики, самые уважаемые во всём народе. Собрали совет старейшин. Старшего Худаева прокляли и приговорили к смерти, где б на земле он ни встретился чеченскому ножу. Остальных Худаевых вызвали и сказали: "Ходите. Вас не тронут".

И Абдул взял книжки и пошёл в школу. И с лицемерными улыбками встретили его там парторг и комсорг. И на ближайших беседах и уроках ему опять напевали о коммунистическом сознании, не вспоминая досадного инцидента. Ни мускул не вздрагивал на истемневшем лице Абдула. Ещё раз понял он, что есть главная сила на земле: кровная месть.

Мы, европейцы, у себя в книгах и в школах читаем и произносим только слова презрения к этому дикому закону, к этой бессмысленной жестокой резне. Но резня эта, кажется, не так бессмысленна: она не пресекает горских наций, а укрепляет их. Не так много жертв падает по закону кровной мести, - но каким страхом веет на всё окружающее! Помня об этом законе, какой горец решится оскорбить другого просто так, как оскорбляем мы друг друга по пьянке, по распущенности, по капризу? И тем более какой не чечен решится связаться с чеченом - сказать, что он - вор? или что он груб? или что он лезет без очереди? Ведь в ответ может быть не слово, не ругательство, а удар ножа в бок. И даже если ты схватишь нож (но его нет при тебе цивилизованном), ты не ответишь ударом на удар: ведь падёт под ножом вся твоя семья! Чечены идут по казахстанской земле с нагловатыми глазами, расталкивая плечами, - и "хозяева страны" и нехозяева, все расступаются почтительно. Кровная месть излучает поле страха - и тем укрепляет маленькую горскую нацию.

"Бей своих, чтобы чужие боялись!" Предки горцев в древнем далеке не могли найти лучшего обруча.

А что предложило им социалистическое государство?

Новый мир. 1989. №11

Семен ЛИПКИН

ТАВЛАРЫ

Отрывок из повести "Декада"

- Дорогие товарищи, - обратился Семисотов к четырем вызванным, - прежде всего разрешите зачитать вам важный государственный партийный документ, - и негромким, невыразительным голосом прочел указ Советского правительства о массовом поголовном выселении лиц тавларской национальности из пределов республики в Казахстан. Причина выселения - предательское сотрудничество тавларов с немецкими оккупантами.

Голос генерала на мгновение окреп, когда он прочел под указом подпись Молотова, потом опять стал негромким, невыразительным:

- Операция нелегкая, особенно в условиях горной местности, она поручена солдатам государственной безопасности, и мы с честью и бесстрашием ее выполним, но нам, как всегда и везде в нашей стране, нужна помощь тружеников-коммунистов, и в первую очередь коммунистов тавларской национальности, и особенно партийных вожаков, то есть ваша помощь, товарищи. Вы должны помнить, что вы прежде всего коммунисты и коммунистами останетесь впредь, - на этом обнадеживающем месте своей речи Семисотов остановился, как бы ожидая рукоплескания, - да, прежде всего коммунисты, а потом уже тавлары. Вы должны нацелить всех жителей тавларских районов на четкое, быстрое, без излишней суеты и эмоций, неукоснительное выполнение указа Советского правительства. Операция будет проведена 21 января, в день годовщины смерти Владимира Ильича, когда люди будут свободны от работы. Каждой семье дается один час на сборы, разрешается взять по одному чемодану или другому виду тары (рюкзак, мешок, небольшой сундучок) на каждого члена семьи, включая грудных детей. В каждом селении будут ожидать жителей исправные грузовые машины под брезентом. Из труднодоступных горных аулов жители отправятся пешком или на ослах и мулах до того места, где пересядут в грузовые машины. Мы вам поможем, но вы, дорогие товарищи, не смотрите на себя, как на скопище обреченных жертв, вы должны действовать активно, потому что вы отвечаете за то, чтобы все жители ваших районов были посажены в грузовые машины.

Ни одного тавлара, вне зависимости от возраста, пола, состояния здоровья, занимаемой должности, прежних заслуг, ни одного воина Красной Армии, демобилизованного по инвалидности или по другим причинам, не должно остаться ни в одном селении, поселке, городе. Если глава семьи русский или гушан, или представитель другой, не подлежащей выселению, национальности, а жена тавларка, то вся семья включая жену и детей не выселяется. Если же глава семьи - тавлар, а жена другой национальности, не подлежащей выселению, то семья, включая детей, должна быть выселена, но жена по своему усмотрению может остаться в республике. Документы на такого рода семьи уже подготовлены, но и вы проследите за их правильностью. Все ли ясно, товарищи, есть ли у кого-нибудь вопросы?

Какие могут быть вопросы, когда все так ясно, как снежная вершина Эльбавенда, освещенная утренним солнцем? Но у Семисотова было еще одно важное сообщение:

- Грузовые машины с населением доедут до станции Тепловская. Там люди будут погружены в вагоны. На всем пути следования их обеспечат питанием. Будет и санитарный вагон. Партийному и советскому руководству, выдающимся деятелям науки, литературы и искусства предоставят один мягкий, два купейных вагона. Свое имущество эти товарищи могут взять с собой без всяких ограничений. В дороге они получат питание повышенной калорийности. По прибытии в Казахстан они будут хорошо трудоустроены... Я понимаю ваше настроение, дорогие

товарищи, по-человечески вам сочув-ствую, нелегко покинуть места, где родился и вырос, но еще раз напоминаю: прежде всего мы коммунисты, и слово партии, любое указание партии для нас - святая святых...

...Куруш не спал. Долго шумели на площади. Пусть хорошо грамотные по-русски Исмаил и другие вместе с мудрейшими стариками составят письмо в обком и Совнарком, на имя Девяткина и Акбашева, который хотя и не из Куруша, но тавлар, да еще из Кагарского ущелья, не могло же окаменеть на большом посту его тавларское сердце.

Крупно и низко горели звезды, заснули вершины гор, убаюканные музыкой их свечения, но в домах не спали. Как покинуть место, где жили испокон веков, жили еще тогда, когда московских хозяев не было, Москвы не было, как покинуть минарет горской земли? Алим где-то прочел, что Куруш - самое высокое из населенных мест Европы. А когда начнут пере-селять? Видно, не раньше лета - надо сперва отремонтировать внизу раз-рушенные дома. Исмаил мысленно сочинял письмо, но понимал, что пустая это затея, строитель канала Волга - Москва хорошо знал хозяев.

Заснули перед самым рассветом, а на рассвете их разбудили: гул "дугласов" задрожал над вершинами гор, на полуавтоматических па-рашютах "ПД-41" выбросили на неровную землю Куруша авиадесантников. Молодые чекисты врывались в дома, требовали, чтобы жители в течение одного часа уложили вещи, по одной клади на человека, включая детей. Биев и начальник десантного отряда разбили отряд на группы, в каждой по два десантника, значит, рассчитали так, чтобы десантников было в два раза больше, чем домов: Семисотов умел считать. Среди десантников были и женщины, и не только потому, что мужчины нужнее на фронте: гуманное правитель-ство понимало, что операция необычная, среди высылаемых большинство женщин, немало и дряхлых старух, немало больных, возможны и беремен-ные, здесь хрупкая чекистка пригодится скорее, чем иной тяжелоатлет.

Ворвались десантники и в саклю Исмаила, парень и девушка, оба кур-носые, гладколицые, как бы безглазые, ибо в глазах не душа светилась, а тусклая, даже не звериная, а какая-то отчужденная от всего живого злоба.

Эти двое сперва кричали, матерились, потом поостыли, даже стали помогать, чтобы ускорить дело, собирать вещи, но торопили, торопили. Наконец, три клади были уложены. Алим приладил к плечам хурджин - горскую переметную суму, в одной руке у него были портреты Ленина и Сталина, в другой - Исмаила и Айши. Маркса, как видно, он решил оставить. Десантница возмутилась:

- Что ж ты, ёшь твою двадцать, взял пять кладей? Сказано ведь русским языком - по одной клади на человека. Глупый ты парень, чего взял – картин-ки. Тут, может, получше вещи есть, да оставить надо, приказ.

- Я сам нарисовал, не оставлю портреты, убейте меня, а не оставлю, - закричал Алим, и в его крике слышались и детский плач и недетский гнев. Десантник сказал:

- Полина, дай хлопец визьме свои малюнки, а як дийдемо до машины, там и побачимо. А в машину малюнки покласты йому не буде дозволено.

Десантница смягчилась:

- Ладно, бери, ёшь твою двадцать.

Собрали жителей, всех до единого, как приказал Семисотов. Плач детей, проклятия женщин, жуткое молчание старцев и еще более жуткое трагическое молчание красивоглазых мулов. Начали спускаться по тропе. Через каждые пять человек - по десантнику. Впереди Биев, а замыкал высылаемых начальник отряда. На этой почти вертикально низвергнутой тропе чекисты утратили свою уверенность. Голова кружилась на тонкой нитке земли между безднами. Исмаил взял на свою долю самый тяжелый из трех хурджинов. Он, конечно, понял, уже перед рассветом понял, что речь идет не о переселении высокогорных аульчан вниз, иначе дождались бы весны, даже лета. Набрехал Биев, районный кум: весь Куруш, а может быть, весь народ, вся республика выселяется в дальние, уж не в сибирские ли, края, поэтому и обманывал Биев, боялся сопротивления курушан, хотя чего бояться, всех давно, как подкову согнули, поэтому и приказали взять всего по одной клади на человека, поэтому-то и чекистов-десантников в Куруше выбросили.

И не только Исмаил понял огромность беды. Не потому ли, достигнув середины тропы, все, как будто по уговору, отдышась, оглянулись на мгновение наверх. Домов уже не было видно, только минарет сельского клуба, как одинокий замечтавшийся паломник на пути к Мекке, застыл отрешенно и благоговейно. Заря свободно разгорелась, и глазам открылся двуглавый Эльбавенд. Одна голова горы, казалось, венчала туловище, распятое утренним солнцем, а на другой, повязанной снежной чалмой, были опущены тяжелые ледяные веки - не хотела гора, не могла видеть великое горе своих сородичей. Исход народа? Угон народа?

Долго еще продолжало жить это мгновение в сердцах людей там, на далекой чужбине. А здесь мгновение прошло, и снова спуск. Исмаилу показалось, что племяннику, шедшему перед ним, трудно тащить и хурджин, и по две картины в каждой руке. Он хотел облегчить ношу племянника, попытался взять у него хотя бы две картины, но его хромая нога подвернулась, Исмаил упал, дышавший ему в спину десантник не успел ему помочь, и старый кузнец Исмаил Кучиев сорвался и разбился на дне пропасти, упали в пропасть и портреты Ленина и Сталина, упал и безногий Ахмед в коляске, сработанной Исмаилом. Свалился в пропасть со своей кладью и костылем однорукий, одноногий Бабраков. Свалились несколько старух и детей. Муторно стало на сердце у начальника отряда: число высы-лаемых не будет соответствовать числу, обозначенному в

списке.   К тому же один из десантников не удержался, свалился в пропасть, и все из-за этих предателей-чучмеков, чернозадых гитлеровских наймитов.

А горы стояли, смотрели, вспоминали и плакали, плакали никогда не замерзающими слезами родников. И никогда не замерзнут эти слезы. Умрут десантники, и дети десантников, и внуки десантников, а горы будут стоять, думать, вспоминать, плакать, и вовеки не высохнут на их морщинистых лицах родники слез...

Там, где обрывался разбитый грязный асфальт и не горел последний фонарь, стоял скотский поезд. Трое солдат и сержант в полушубках и валенках, всаженных в галоши, указывали военным, имеющим талоны: после третьего вагона следует свернуть налево, там выход на площадь. Внезапно половина стенки второго вагона отодвинулась, возник лаз, и капитан увидел молодую женщину в белом халате. Сержант помог ей спрыгнуть на землю, спросил:

- Что там, Зина?

- Погоди, воздуху наберу. Преждевременные роды. Нашла чучмечка время. Но ведь они здоровые, как суки. Даром, что до восьми месяцев не дождалась, а мальчик в порядке. Не помрет, так жить будет.

- Кто эти люди? - спросил капитан, не надеясь получить ответ, понимая, какого рода войск эти солдаты. Но сержант, видимо, считал, что таинственность ни к чему.

- Нелюди, товарищ капитан, а предатели, семьи власовцев. Можно сказать, оголтелые отщепенцы. С Кавказа вроде.

- Разрешите посмотреть?

- А чего, смотрите. Только недолго. Вам самому противно станет, дикие ведь, воши по ним бегают.

Капитан заглянул в лаз. Вагон, предназначенный для перевозки скота, был переоборудован для перевозки людей, но так, что людям было хуже, чем скоту. По обе стороны от узкого прохода были сделаны нары. Ни внизу, ни наверху люди не могли выпрямиться. Они скорчились в этом гноище, в грязи и вони. Былые пастухи стали отарами, гуртами. Беззубый старик в папахе, сидя на заплеванном, загаженном, с застывшими испражнениями полу скотского вагона, жадно дышал воздухом, сыро и мглисто врывавшимся сквозь лаз. В углу слева кричал новорожденный. Женщины окружили роженицу. Давно небритые мужчины молча, недвижно и грозно сидели на нарах. Их босые ноги были восковыми, как у мертвецов. "Подумать, на руках у матерей все это были розовые дети", - невпопад вспомнил капитан Аннен-ского. Черты этих несчастных показались капитану странно знакомыми. Он сказал, наклоняясь к лазу:

- Салям алейкум. Хардан сиз? Ким сиз? Тавларлар?

- Тавларлар, тавларлар, - подтвердили мужчины, обнажая белые десны, и то была улыбка.

Для дальнейшего разговора капитану не хватало тавларских слов. Он перешел на русский:

- Почему вы здесь? В скотском вагоне?

В ответ закричали женскими, мальчишескими, старческими голосами:

- Мы и есть скот! Мы пища для русских! Нас высылают! В Сибирь высылают! Наш народ высылают! Сам ты кто, из наших мест?

- В своем ли вы уме? Разве целый народ высылают?

- Целый народ высылают! Гурджистанская собака Сталин высылает!

- И Мусаиб Кашгарский среди вас? И даже Акбашев? И все, все? А гушаны?

- Гушанов оставили. Их и наших мертвых оставили. Здесь и Мусаиб, здесь и Акбашев, только они в хороших вагонах едут. А мы, сам видишь, хуже скота. Бывало, овечка ягненочка родит, так мы нежим и мать и ребенка, а у нас женщина Сарият родила, дыхание Аллаха в ней и в ее мальчике, а воды нет для нее.

- Ведро есть?

- Найдется. Нас не выпускают.

- Дайте, принесу воды.

Капитан подумал было, что сержант-чекист на него рассердится, но тот отвернулся. Может, нарочно отвернулся. В русском человеке злоба вспыхивает, но доброту сжечь не в силах, доброта не дрова, не уголь, не керосин, а дух Божий. Капитан еще раньше приметил кран с кипятком. Он поспешил к нему, смешал горячую воду с холодной и вернулся к лазу. Какой-то мальчик - одни глаза на бескровном лице - принял у него ведро без благодарности. Капитан пошел получать продукты по талонам. Ему выдали буханку хлеба с довеском, концентрат - пшенную кашу. Довесок капитан съел, хлеб оказался кислым. Когда он приблизился к вагону, лаз уже был задвинут. Капитан обратился к сержанту с просьбой отодвинуть стенку на минуточку, он только хлеб и крупу им даст, но сержант сказал:

- Не положено.

И тихо добавил:

- Приказ. И мне влетело...

* * *

Тавларов разместили по колхозам так, чтобы всюду они составляли не более пяти-шести процентов населения. С детьми тавларов тоже получилась викторина, как говорил бывший затейник. Они привыкли учиться по-тавларски, но был приказ: изъять все учебники на тавларском языке, за сокрытие любой тавларской книги, даже букваря, - год тюремного заключения для взрослых.

Каким-то особенным холодом веяло время, и Алим постепенно охладевал к живописи. Он завел тетрадку, в которой записывал случаи из колхозной жизни, события из жизни природы, свои размышления. То были непростые размышления. Вот он, спецпереселенец, потому что родился от матери -тавларки и отца-тавларца. То, что его отец погиб на фронте, не было случай-ностью, в этом был смысл, но ведь его отец мог быть, скажем, грузином, а мать, скажем, гушанкой, и при такой случайности Алим остался бы на родине. Значит, его народ есть его вина. И вина немцев, высланных из Ленинграда еще до войны с немцами, есть их вина. С ними вместе высланы и русские, но у них другая вина, они враждебны пролетариату. Им лучше. Они могут повиниться, они могут дождаться счастливого дня, как дождались саратовские, пензенские, самарские, и перестанут быть виновными. А он виноват навсегда, потому что он тавлар. У Сарият Бабраковой родился в скотском вагоне мальчик, и он родился виноватым. Ему еще пуповину не перерезали, а он уже был виноват перед родиной, перед Сталиным, перед всем советским народом, потому что на крохотном тельце есть незримое тавро: тавлар. Одни народы, и среди них - соседи тавларов, виновны, другие невиновны. Но, может быть, невиновные сегодня будут виновны завтра? Как уйти от вины, если твоя вина - твой народ? Здесь, в "Мече революции", есть беременные тавларки. Их дети еще не родились на свет, но зародыши уже виноваты, потому что виновен народ...

Из тетрадки Алима:

"Однажды, когда мы ужинали, к нам вошел сосед, плотник Кучиев, обрадовался:

- Мне повезло, во второй раз ужинать буду.

Когда тавлары едят, они вошедшего в дом к столу не приглашают, это само собой разумеется. Плотник ел молча, относясь к приему пищи с необходимой серьезностью. Поев, он сказал:

- Отправляют меня на две недели в пустыню. Будем строить бараки, говорят, евреев недалеко от нас поселяют.

Это сообщение нас не удивило, но непонятным образом взволновало. Калерия Васильевна прижала к себе Вику. Голос ее дрожал:

- Что за несчастная страна - всех сажают, всех высылают. Русских, немцев, кавказских горцев, калмыков, теперь евреев. Неужели нельзя жить нормально, работать, воспитывать детей? В тридцать седьмом арестовали моего отца. Он был беспартийным, работал начальником цеха на инструментальном заводе, политикой никогда не интересовался. Покойная мама, плача, объясняла: "Мы тебе не хотели говорить, твой дедушка был священником, его десять лет назад сослали на Соловки, погиб, наверное". Я была поражена, и вот что странно: объяснение мамы мне тогда показалось разумным, убедительным. Раз сын священника, значит, надо арестовать. Наваждение какое-то!

Плотник Кучиев поставил на блюдце чашку верх дном в знак того, что больше чаю не хочет, растопырил пальцы обеих рук на уровне щек и воскликнул своим высоким девичьим голосом:

- Ты образованная, Калерия, ты скажи мне, растолкуй, кто я! На фронте по боевой характеристике я в партию вступил, но если я авангард, то почему я здесь привязан, как к шесту жеребенок, которого собираются сварить?

- И я на фронте в партию вступила. Думала, теперь я не дочь репрессированного, не внучка священника, не прокаженная, теперь я такая же, как другие, нет, лучше других. Гордилась.

Мне запомнилось еще одно посещение плотника. Это было в самом начале марта 1953 года. Плотник вошел к нам поздно вечером. В руках у него был инструмент. Мы поняли, что он чем-то встревожен. Он сказал:

- Я к вам прямо из клуба. Ремонтируем. Радио целый день слушаем. Сталин заболел.

Сталин заболел? Как может Сталин заболеть? Как может солнце погаснуть днем? Как может мир перевернуться? Как может земля сойти с ума? Утром я пошел в контору. Коменданта нет, все какие-то напуганные. То один, то другой тавлар забегают ко мне, спрашивают о том, о сем, но, чувствую, ни о том и ни о сем хотят спросить.

И вот пришла весть. Показалось нам, что сердце слышит голос всемирного муэдзина, сзывающего со всемирного минарета все человечество на предрассветный намаз. Мы купили водки, собрались, сели за стол.

Пришел и плотник Кучиев с женой и мальчишками-близнецами. Выпили.

И вдруг Мурад запел. Он запел нашу старинную печальную песню:

Мы довольно терпели,

Исходили слезами...

- Не так поешь! - крикнул плотник. - Не то поешь. Веселую пой! И он пустился в пляс. Задрожали стены кибитки и пол. Плотник плясал горский танец на земле изгнания. Сначала его движения были медленными, важными. Как бы вообразив себе длиннорукавную черкеску, он придерживал руками края рукавов пиджака. Потом выгнул руки так, что они образовали зигзаг горной дороги, и, как столб ветра, завертелся на узком пространстве между столом и стенами. Плотник вместо обычных при пляске выкриков кричал: "Подох! Подох!" Он схватил Калерию Васильевну, та смеясь отказывалась: "Не умею", но он заставил ее хотя бы подняться с места, он кружился вокруг нее и в счастливом безумии кричал:

- Подох; Подох! Мы, Кучиевы, живем и будем жить, а он, пес, подох! Подох!

Кричал и я, хмель счастья залил мою душу, душа моя звенела, пела, плясала..."

* * *

Есть восточная поговорка: "Радость сближает, а горе соединяет". Нас соединили не скоморошные слова о том, что жить стало лучше и веселее, а голодные села, аулы и кишлаки в пору всеобщей коллективи-зации, не многогектарные цветники вокруг вилл управителей, а зоны концентрационных лагерей, нас соединили не государственные застолья, не песни и пляски декад, а слезы вдов и матерей тех, кто не вернулся с полей страшной, долгой войны.

Мы слились. Мы сами порой не понимаем, как крепко и кровно мы слились.

Национальное самосознание прекрасно, когда оно самосознание культуры, и отвратительно, когда оно самосознание крови.

Самосознание культуры означает, что всё, созданное в мире, испокон веков во всех областях науки, искусства, литературы становится органичной частью национальной духовной жизни.

Национальное самосознание крови всегда бездарно, всегда бесплодно, национальное самосознание культуры всегда талантливо, всегда плодотворно. Национальное самосознание крови есть бессмысленный и жестокий бунт бездарности против национального самосознания культуры.

БАЛКАРЦЫ

С. ЛОГИНОВА

ЧЕРЕКСКАЯ "ХАТЫНЬ"

Расследование ведет журналист

О белорусской Хатыни знает весь мир. Вокруг Черекской до сих пор возвышается "китайская стена" молчания. Поэтому даже в Кабардино-Балкарии о ней знают очень немногие. Между тем то, что произошло в конце ноября 1942 года в селениях Черекского ущелья Сауту, Глашево, Мухол, Огьары Чегет, во сто крат страшнее: в Белоруссии зверствовали враги, фашисты, здесь - свои...

Ночь та выдалась на редкость лунной и светлой. Была ли она спокойной? Настолько, насколько может быть спокойной ночь в селе, откуда все мужчины ушли на фронт, где остались одни старики, женщины, дети да инвалиды. В селе, мимо которого совсем недавно прошли, отступая дальше в горы, части родной 37-й Армии. Что-то будет, когда придет враг?

Но беда пожаловала не оттуда, откуда ее можно было бы ждать...

Зазвенели разбитые окна. Зловеще застучали в двери приклады. По спящему селу шли солдаты. Советские солдаты. Защитники. Они входили в дома и - расстреливали, всех. Без разбору. Ничего не объясняя. Не предъявляя никаких обвинений.

- Мать-инвалид и я, - рассказывает Жамилат Иналовна Бичеева, которой в ту пору было 8 лет, - затаились за печкой. В доме было темно и отворившие дверь решили, что он пуст. Тут вдруг из второй половины дома вышла на стук сноха с грудным ребенком. За ней бабушка 80 лет. Обе были убиты на месте... Позже то же сделали с моим отцом.

Кто мог, схоронился за семью засовами, в подвалах и потайных комнатах. Утром стали собираться группами: вместе вроде не так страшно.

И ведь предупреждали! Говорил знающий человек: уходите, готовится расправа. А за что? Не верили ему. Да и как можно было поверить! Чтобы свои... И за что, за что?!

И вот расправа. В течение недели людей специально отыскивали и уничтожали. Трупы старались сжигать.

Ахмат Мисиров три месяца назад как вернулся из госпиталя. Инвалидом. Шагнул навстречу, протянул паспорт и освобождение от воинской службы. Ведите, мол, в штаб. Там разберемся. Так и упал, сжимая бумаги...

"Неужели вам жалко одной пули? Застрелите меня!" - все просила родных 12-летняя девочка. На ее теле было 11 ран. Она прожила еще 13 дней.

Раненый мальчик 3-х лет, приподнявшись над трупами, попросил пить. Ответом ему был выстрел.

Мать Зулюхи Глашевой не выдержала безмолвного расстрела и мужа и попытки то же сделать с ее 17-летней дочерью. Умерла к утру, оставив семерых детей, младшего из которых еще кормила грудью...

Три подростка, пробираясь в безопасное место, напоролись на солдата. Он успокоил - "Не трону, не бойтесь", - и сказал, что село окружено.

Мухадин Байсиев, 14-летний парнишка, чудом сумел убежать и укрыться в доме, входная дверь которого вместе со стеной была замаскирована кизяками. Здесь семеро суток прятались 30 человек, сидели без воды и пищи.

Старшую сестру, двух братьев и саму Халимат Мисирову мать втолкнула во внутреннюю комнату без окон над погребом. Дверь успела замазать глиной, сровнять с землей. Оттуда ребята слышали, как в дверь дома сильно стучали, как ее открыл отец. Вошедшие стали копаться в вещах. Людей (около 60 человек) повели под навес. Плакали напуганные дети. Потом раздались выстрелы. Халимат зажимала рот, чтобы не вскрикнуть... Ночью выбрались через дымоход. Убежали в горы. Без обуви, без теплой одежды.

Когда солдаты ушли, уцелевшие стали возвращаться на пепелище. Трупов было так много, что их не успевали опознать и предавать земле.

Это которые не сгорели вовсе. От других оставались сережки, лоскуток платья, обгорелые кости в кучке пепла. Это собирали в матерчатый мешочек.

Послали гонцов в соседние селения. Там, где солдаты не побывали, недоумевали, шли помогать хоронить. На возвратившихся после такой "работы" страшно было смотреть - люди были сломлены...

В обычной ученической тетради - список расстрелянных в Сауту.

323 имени. 30 лет его составлял учитель из с.Верхняя Балкария Хусей Османович Бичеев. Сам он видел, что происходило - жил в селе напротив, за рекой. Позднее искал свидетелей, собирал факты. Вчитайтесь в эти страшные строки.

Темиржановы - всего 81 человек: Рахимат - 44 года, Махмуд - 47 лет, Сенсабий - 3 года, Фатимат - 1 год, Зарыят - 35 лет, Абукерим - 5 лет, Жамилят - 3 года, Салихат - 1 год, Индрис - 75 лет...

Мисировы - всего 116 человек: Мухайн - 6 лет, Абидат - 4 года, Муса 62 года, Фатима - 50 лет, Рамазан - 2 года, Мустафа - 5 лет, Батырбий 85 лет...

В ночь с 28 на 29 ноября в родовом селении Глашево было расстреляно, по последним данным, 76 человек. Из них 33 женщины, 21 ребенок до 16 лет, 2 инвалида Великой Отечественной войны, остальные – старики. Смотрю список жертв села Глашево: Акбиче (мать) - 35 лет, Маржанат

(дочь) - 6 лет, Иллаука (дочь) - 4 года, Нажабат (дочь) - 5 лет, Багалы (дочь) - 3 года, мальчик и девочка (близнецы) - по шесть месяцев...

"Сау тур!" - говорят балкарцы при встрече. "Будьте живы"! Как переводится название селения Сауту, я не знаю. Может, вообще не переводится.

Но, согласитесь, от проведенной аналогии становится жутко.

Я хорошо понимаю человека, сказавшего, что он просто не может в это поверить. И больно. И горько. И страшно.

А можно ли хоть как-то оправдать такое зверство?! Нет! Никакими ссылками на войну, на, якобы, имевшиеся здесь бандитские выступления (есть такая "оправдательная" версия). Нет! Иначе - чем мы лучше фашистов, нравственным превосходством над которыми мы гордимся?!

Да и в списках погибших я не нашла и десятка мужчин, которые хотя бы по возрасту могли бы быть заподозрены в разбое.

И не ожидала ли все ущелье участь Сауту и Глашево?

...Там, где раньше располагалось селение Сауту, - ныне развалины.

А у дороги стоит памятник. "Путник, остановись! Почти память зверски расстрелянных, а затем сожженных верными псами сталинского геноцида - войсками НКВД в ноябре 1942 года... 1989 года. От Балкарии".

Памятник установлен народом. Официальной оценки событий нет до сих пор. Не то что газетной публикации - ни одного сколько-нибудь серьезного обсуждения. Нигде. Никогда. Даже при закрытых дверях.

Тема сразу же попала в разряд неприкасаемых. Никто не смел и упомянуть об этом преступлении властей. А руководство республики все эти годы больше занимал падеж сотни голов скота, чем геноцид целого народа. Да и до сих пор документы, касающиеся этой трагедии, относятся к "особо секретным". Почему? Кому это выгодно?

Не берусь расставить все точки над i. Этим наконец-то (через 48 лет!) занялась специальная комиссия Верховного Совета КБ АССР. Надо думать, рано или поздно назовут имена всех причастных к этому чудовищному преступлению.

г. Нальчик

Радес КУЛИЕВ

Я ПОМНЮ...

В ночь с 7 на 8 марта 1944 года к нам домой пришли солдаты и приказали собираться. На сборы дали 30 минут. Наш отец в это время был на фронте (Ленинградском), маме было 32 года, бабушке - 60 лет, моему брату - 4 года, а мне около 9 лет. Разрешили взять с собой часть постельного белья, продукты, одежду. На грузовых автомобилях "Студебеккер" привезли на грузовую станцию Нальчик, велели садиться в товарные вагоны. В нашем вагоне было 70 взрослых и детей. Мужчин практически не было. Погрузка шла под наблюдением солдат внутренних войск. Назначили старосту вагона, который должен был обеспечивать нас питьевой водой, кипятком и хлебом.

Никто не знал, куда нас везут. Старшие говорили, что нас утопят в море. Вспоминается, как нас полдня двигали взад-вперед по длинному мосту. Как выяснилось через много лет, - это был новый мост через Волгу, и, двигая наш эшелон по нему взад-вперед, его таким образом испытывали на прочность.

Недели через три состав остановился в степи, и нас выгрузили. Здесь нас распределили по разным колхозам. Наша семья попала в колхоз Кызыл-Тау Ивановского района Фрунзенской области Киргизской ССР. Местное население - русские, украинцы, дунгане, уйгуры - было "подготовлено" к встрече с нами: нас представили им как предателей, изменников родины, дикарей. Мы сразу почувствовали это, нас обзывали и оскорбляли на каждом шагу. Мы, дети, никак не могли понять, за что нас обижают, и плакали. Через несколько дней нас всех - взрослых, стариков и детей - выгнали утром на работу в поле, и так продолжалось до 1951 года. Убирали бахчевые культуры, но в основном работали на рисовых плантациях: все босиком. Рисовые чеки, кишащие змеями, голод, малярия, - в первые два-три года умерло больше половины детей и стариков.

В 1951 году в полученном мною паспорте на странице "Особые отметки" был поставлен штамп, говорящий о том, что мне разрешается проживать только в пределах села Новопокровка Кантского района Фрунзенской области. Без разрешения комендатуры запрещалось выезжать, каждую субботу надо было отмечаться... Мне не разрешалось учиться ни в вузе, ни в техникуме, меня, и таких, как я, не принимали в военные училища, в аэроклубы ДОСААФ, не призывали на военную службу. Всего этого и не было в селе, где я жил; но и живших в городе в институты и техникумы не принимали, выставляя на вступительных экзаменах неуды по указанию свыше. Любые преступления, случавшиеся в районах проживания спец-контингента, как нас называли, приписывались именно нам. Выезд из села в город Фрунзе наказывался шестимесячным тюремным заключением, а за пределы республики - 10-25 годами лагерей без суда.

Мой отец Хаджимуса Кулиев, гвардии старший лейтенант, награжденный боевыми орденами и медалями, нашел нас в 1946 году и автоматически был поставлен на спецучет. Точно так же поступили с его двоюродным братом, поэтом Кайсыном Кулиевым, прибывшим во Фрунзе одновременно с отцом.

Мне с большим трудом удалось поступить в медучилище, мечты о летном училище пришлось оставить - меня не приняли даже в аэроклуб на отделение пилотов, пробился только в парашютную секцию. Только после возвращения на родину в 1957 году я смог учиться дальше. Квартиру нам в Нальчике не возвратили, компенсацию мы никакую не получили, большой дом с садом и огородом в селении Кашкатау, который принадлежал моей бабушке, мы не получили. В переселении бабушка умерла от голода, тогда же умерли ее брат, племянница с дочерью, ее сестра, мой дедушка... Трое сирот попали в детдом, выжили двое ...

Москва, 1990

22.III.1944 г.

Л.БЕРИЯ

СПРАВКА

О ходе перевозок балкарцев по состоянию

на 16 часов 17 марта 1944 года

Погружено 14 эшелонов, находятся в движении 14 эшелонов (Оренбургская железная дорога - 9 эшелонов, Ташкент - 5 эшелонов).

Всего погружено в эшелоны 37 773 человека. Переселенцы направля-

ются во Фрунзенскую область - 5446 человек, Иссык-Кульскую область - 2702 человека, Семипалатинскую - 2742 человека, в Алма-Атинскую - 5541 человек, Южно-Казахстанскую - 5278 человек, Омскую - 5521 человек, Акмолинскую - 5219 человек, Джалал-Абадскую - 2650 человек, Павлодарскую - 2614 человек.

Заместитель начальника 3-го Управления НКГБ СССР

ВОЛКОВ

Начальник отдела перевозок НКВД СССР

АРКАДЬЕВ

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О переселении балкарцев, проживающих в Кабардино-

Балкарской АССР, и о переименовании Кабардино-Балкарской

АССР в Кабардинскую АССР

В связи с тем, что в период оккупации немецко-фашистскими захватчиками территории Кабардино-Балкарской АССР многие балкарцы изменили родине, вступали в организованные немцами вооруженные отряды и вели подрывную работу против частей Красной Армии, оказывали фашистским оккупантам помощь в качестве проводников на кавказских перевалах, а после изгнания с Кавказа войск противника вступили в орга-низованные немцами банды для борьбы против Советской власти, Президиум Верховного Совета СССР п о с т а н о в и л:

1. Всех балкарцев, проживающих на территории КБАССР, пересе-

лить в другие районы СССР. Совету Народных Комиссаров наделить балкарцев в новых местах поселения землей и оказать им необходимую государственную помощь по хозяйственному устройству.

2. Земли, освободившиеся после выселения балкарцев, заселить колхозниками из малоземельных колхозов Кабардинской АССР.

3. Кабардино-Балкарскую АССР переименовать в Кабардинскую АССР.

4. Включить в состав Верхне-Сванетского района Грузинской ССР Юго-Западную часть Эльбрусского и Нагорного районов Кабардинской АССР, изменив в связи с этим границу между РСФСР и Грузинской ССР на этом участке следующим образом: от перевала Бурун Таш, что у север-ных склонов горы Эльбрус, линию границы на восток по реке Малка до высоты 2877, далее на юго-восток по реке Ислам-чай через высоту 3242 у перевала Кыртык Ауш, на юго-восток по реке Кыртык западнее поселка Верхний Баксан и на юг по реке Адыр-Су до перевала Месхетия.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

М.КАЛИНИН

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А.ГОРКИН

Москва, Кремль. (8) апрель 1944 г.

ХРОНИКА

Москва. Президиум Верховного Совета РСФСР утвердил представление Верховного Совета Кабардинской АССР о частичном изме-

нении границ отдельных районов и переименовании некоторых сельских советов. Хасаньинский сельский совет Советского района переименован в Приго-родненский и селение Хасанья переименовано в Пригородное. Яникоевский сельский совет Чегемского района переименован в Ново-Каменский, селение Яникой - в Ново-Каменка. Лашкутинский сельский совет Эльбрусского района переименован в Зареченский и селение Лашкута - в Заречное. Былымский сельсовет Эльбрусского района переименован в Угольный, селение Былым – в Угольное.

Жемталинский, Зарагижский сельские советы Урванского района Аушигерский, Герпегежский сельсоветы Нальчикского района перечислены в состав Советского района; Белореченский, Пригородненский сельские советы Советского района перечислены в состав Нальчикского района, Лечинкаевский, Чегемский 1 и Чегемский II, Шалушкинский сельские части Нальчикского района перечислены в состав Чегемского района; Малкинский сельский совет Зольского района перечислен в состав Нагорного района, Заюковский сельсовет Баксанского района перечислен в состав Эльбрусского района и селение Александровское Нальчик-ского района перечислено в черту города Нальчика. (ТАСС).

Кабардинская правда. 1944 г. 5 авг.

НАГРАЖДЕНИЕ ОРДЕНАМИ И МЕДАЛЯМИ РАБОТНИКОВ НАРОДНЫХ КОМИССАРИАТОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, ОФИЦЕРСКОГО, СЕРЖАНТСКОГО И РЯДОВОГО СОСТАВА ВОЙСК НКВД

За успешное выполнение специального задания (*выселение балкарцев. - ред.-сост.)* правительства и проявленные при этом мужество и отвагу Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 августа 1944 года награждены 109 человек - работники Народных Комиссариатов Внутренних дел и Государственной Безопасности, офицерский, сержантский и рядовой состав войск НКВД, из них по Кабардинской АССР:

ОРДЕНОМ КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

Эрипсоев Титу Машевич

ОРДЕНОМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 2 СТЕПЕНИ

1.Афанасенко Владимир Алексеевич - майор государственной безопасности

2. Боготов Назыр Исуфович - милиционер

3.Хапов Таукан Машевич - подполковник государственной безопасности.

ОРДЕНОМ КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ

1. Айбазов Галим Ибрагимович - капитан государственной безопасности

2.Артемьев Александр Петрович - старший лейтенант государственной безопасности

3.Архипов Иван Власович - капитан государственной безопасности

4. Бобрицкий Самуил Бенционович - старший лейтенант государственной безопасности

5. Васин Федор Терентьевич - капитан государственной безопасности

6. Евгажуков Николай Матович - секретарь Баксанского РК ВКП(б)

7. Канкулов Даниял Асланбекович - старший лейтенант государственной безопасности

8. Карданов Хажимуса Хажумарович - майор государственной безопасности

9. Кармоков Магомед Машукович - пред. колхоза им. Кирова сел. Заюково

10. Котенко Иван Иванович - капитан государственной безопасности

11.Литовко Иван Павлович - капитан юстиции

12. Мещеряков Павел Андреевич - капитан государственной безопасности

13. Муравьев Леонид Сергеевич - младший лейтенант государственной безопасности

14. Нартоков Мухамед Гузерович-лейтенант государственной безопасности

15. Паранич Владимир Дмитриевич - капитан государственной безопасности

16. Попов Семен Антонович - майор государственной безопасности

17. Сижажев Хусейн Татимович - капитан государственной безопасности

18. Хакяшев Хангери Юсупович - старший лейтенант государственной безопасности.

МЕДАЛЬЮ "ЗА ОТВАГУ"

1. Абдулин Насыба Нигматулович - младший лейтенант государственной безопасности

2. Бжихатлов Темирхан Герандукович - колхозник

3. Гутова Чамсир Хасетовна - секретарь парторганизации колхоза "Первое мая" сел. Баксаненок Баксанского района

4. Желдашев Хусейн Заурбекович - пионер-колхозник

5. Еременко Илья Николаевич

6. Закуроев Тип Сафарович - колхозник

7. Зубко Пантелей Трофимович

8. Каворин Леонид Федорович - старший лейтенант государственной безопасности

9. Колесников Макар Михайлович - младший лейтенант милиции

10. Крутовский Филипп Васильевич - старший лейтенант государственной безопасности

11. Кулаев Владимир Агубеевич - старший лейтенант государственной безопасности

12. Мосин Александр Степанович - ветфельдшер Нальчикской райбольницы

13. Ошроев Касым Таибович - секретарь парторганизации сел. Дейское Терского района

14. Сижажев Мустафа Асланбекович - колхозник

Кабардинская правда. 1944. 13 сент.

Кязим МЕЧИЕВ

МНОГОСТРАДАЛЬНЫЙ МОЙ НАРОД

Вслушайтесь и правильно поймите

Вы слова печальные мои:

Ненависти в сердце не берите,

Гиблой избегите колеи.

Главный так решил. В чужие дали

Повелел переселить народ.

Разве виноватых здесь искали?..

Не было в веках таких невзгод!

Без одежды зимней и без пищи,
Стольких потеряв, бредем во мгле,
Ну, а там, на отчем пепелище,
Мертвые не преданы земле.
Губит нас корысти вражьей сила.
Суд неправый, и не жди добра,
И к земле невинных придавила
Наговоров темная гора.
Мы вошли в товарные вагоны,
Мы стальных путей узнали зло,
Но однажды выправят законы,
И терпенье наше не ушло.
Вижу: потускнели наши лица,
Мы слабеем, тучи все темней.
Если это бедствие продлится,
Разве светлых мы дождемся дней?
Стала жизнь, как рубище, дырява,
Сделалась безвкусною еда, Беды –
И налево и направо,
Нищие, уходим в никуда.
Силы сердца иссякают ныне,
Ни в руках нет мощи, ни в ногах.
Маются бездомные в пустыне,
Жизни радость превратилась в прах.
Враг на землю наступил родную,
Истребить решил нас и стереть.
Все равно старался он впустую –
В собственном огне ему гореть!

Честный труд - спаситель наш сегодня,
Он оденет и прокормит нас,
Силы даст держаться благородней
И достойней встретить горький час.
Свой народ прошу - с бедою споря
Жить работой, почитая труд,
Совести не забывать и в горе,
И наветы, верю, отпадут.

Казахстан, 1944

Перевод с балкарского Михаила Синельникова

ВЫДЕРЖАТЬ!

Все рушится. Все падает во тьму
Под черным ураганом выселенья
О дай, Аллах, народу моему
В годину эту страшную терпенья.
Я много пожил, много повидал.
Клеймил насилье, славил свет свободы,
А он померк. И черный день настал,
И огласил предгорья стон народный.
Я пожил, я немало видел бед,
Но что они в сравненьи с той, что ныне?
Изгнанник я. И вот под старость лет
С родным народом маюсь на чужбине.
Уже тускнеет свет в моих глазах,
Но через все страданья и сомненья
Лишь об одном молю тебя, Аллах:

Народу моему пошли терпенья.

Слух пропадет и голос у меня,

Завоет пес мой, чувствуя тревогу,

И люди деревянного коня

Мне снарядят в последнюю дорогу.

Но жив пока, пока могу дышать

Под тяжким гнетом горестных событий,

Я не устану братьям повторять: -

Вы ненависти в сердце не копите!

На скачках проверяют скакуна,

Пройдем же сквозь хулу и сквозь проклятья.

От горя, как от скверного вина,

Не обезумьте - к вам взываю, братья!

Народ наш не был баловнем судьбы,

И голод донимал нас и набеги.

Но не свернули с праведной тропы,

И, дай Аллах, нам не свернуть вовеки.

И головы летели наши в прах,

Когда мы с неприятелем сшибались,

И пламя гасло в наших очагах,

Но мы всегда народом оставались.

Знавали и нашествия чумы,

Знавали наводненья и лавины,

Но горской чести не роняли мы.

Свидетели - и горы, и долины.

Наш край родимый, как он далеко!

И хлеб изгнанья в нашем горле комом.

Да, выдержать такое нелегко.

Не выдержать - покрыть себя позором.

Возьми слова Кязима, брат, возьми

И выстой в жизни под безумным гнетом.

Пока нам хватит силы быть людьми,

Мы на земле останемся народом.

Я слову своему не изменял

И завещаю верность правде строгой.

На том стою, пока меня

Не понесут кладбищенской дорогой.

Казахстан, 1944

Перевод с балкарского Игоря ЛЯПИНА

Алим ТЕППЕЕВ

ПРОЩАНИЕ

Фрагмент из трагедии «ТЯЖКИЙ ПУТЬ»

Кязим (МЕЧИЕВ – *прим. ред-сост.)* бредет по иссушенной земле Голодной степи в Казахстане, с ним – Нищий.

КЯЗИМ - Каменной глыбой страданья сдавлено сердце,

Беды мои тяжелы, как скалы на склоне Шики.

Буду и здесь я лежать, от тревог не свободный,

Горькое горе людское будет раны мои бередить.

Пользы нет от молитв и смиренья,

И могилу мою занесут чужбины пески.

Вам, живым, завещаю: живых берегите,

Справедливость и честь возродятся, поверьте.

Думаю, не дойти мне до крепости справедливости. Но и домой дорога мне отрезана. Как бесславно кончается моя жизнь! Лучше бы родился камнем на склонах Шики. На забор какой пригодился бы. (Старается идти). Помнишь ли, божий человек, спор пророка Аюба с Аллахом? Раз за разом терял Аюб все, что имел: скот свой, семью, землю, здоровье... Но не отчаивался, терпел. Доходил до такого состояния, когда нарывы своего прокаженного тела выскребал ложкой. Но терпел и терпением своим и праведностью одолел Аллаха. И дьявола он одолел своей правотой. Тогда Аллах вернул ему все: скотину, семью, земли его... И я спорил с Аллахом на своем веку немало, но беды, ниспосланные им, принимал безропотно. И не меньше пророка Аюба я терял. Но ничего Аллах мне не вернул. Значит, неправедным был... Неправедным был я, горемычный...(Кязим не может идти, падает).

НИЩИЙ. Я снова слышу твои стихи. Ветер воет, а я слышу твои стихи. Ты о чем пел?

КЯЗИМ. Лучше спроси, о чем плакал... Ты молиться умеешь, божий человек?

НИЩИЙ. Коран нищего - его сума. Как же иначе собирать милостыню?

КЯЗИМ. Помолишься за меня. Похоронишь тут у дороги...

НИЩИЙ. Не спеши, старик. Слышишь людские голоса? Тебя ищут.

На краю дороги появляется Кашу (*балкарский поэт Кайсын Кулиев – прим. ред-сост.).* Увидев лежащего и стоящего, он быстро идет к ним. Узнав Кязима, опускается перед ним на колени.

КАШУ. Кязим! Ты живой! (Стряхивает песок с Кязима). Кязим, народ тебя ищет. (Поднимает голову Кязима, кладет себе на колени). Кязим, ты узнал меня? Я вернулся...

КЯЗИМ. Ты освободил арестованных?

КАШУ. Я сделал все, что мог. Я был у двух наркомов внутренних дел - Казахстана и Киргизии. Обещали помочь... Но в наше время и наркомы боятся.

НИЩИЙ. Чем выше человек, тем больше и страх.

КЯЗИМ. Меня похороните здесь, у дороги. Я шел всю жизнь, но не дошел до истины... Меня похороните у дороги. Надо мной будет выть ветер.

КАШУ. Ты сам станешь ветром, летящим над миром.

КЯЗИМ. Я верил, что любовь слетает к нам, подобно птице рая. Но жестокий век, не достойный девичьей любви, посмеялся надо мной. Люди ослепли и крутят мельницу зла. Тяжко умирать, видя, как народы, подобно отарам овец, покорно ждут кровавого ножа, занесенного над ним. Овцы видят своего убийцу, но покорно и безысходно ждут своего часа.

КАШУ. Кязим, пошли отсюда. Я возьму тебя на руки и понесу.

КЯЗИМ. Нет, Кашу. Я ухожу туда, откуда возврата нет. Ко мне приходили Солтанхамид, сын мой Магомет. А нынче... являлся во сне Локман-хаджи.

КАШУ. Кто это - Локман-хаджи?

КЯЗИМ. Был такой ученый добрый человек в горах. Мудрый, спокойный Локман. Он издавал первую мою книгу в Темир-Хан-Шуре, странствовал со мною по Востоку...

КАШУ. Но ведь он...

КЯЗИМ. Я давно живу во сне. Наяву у меня все наоборот: ложь выдает себя за истину, зло - за добро. Теперь я ухожу. Порядок мироздания нерушим: старые уходят, молодые остаются.

КАШУ. Нет, Кязим, нет. (Словно силясь вырвать его у смерти, прижимает к себе). Какой ты легкий, Кязим! Будто ангел, спустившийся с неба.

КЯЗИМ. Хоть и был я увечным, а по земле ходил легко. Но старость любого пригибает к земле. Вот, Кашу, давно у меня в голове гнездится такая боль... (После трудной паузы). У каждого народа - свой бог. Этот бог - родина. Тот, кто не поклоняется родине, не станет и святыне поклоняться. Ты будешь писать. Стихотворцу лесть только вредит. Учи свой народ единству и терпению. Терпение и единство - как два крыла, помогут вам и с малыми силами оставаться людьми и сохранить себя как народ. Не поддавайтесь малодушию, земля всюду добра.

КАШУ. Кязим! Я мечтал прочитать тебе свои военные стихи...

КЯЗИМ. Знаю, они правдивы. Я доволен тобою. И трудной своей судьбой доволен: у очага моего останется ученик, который не даст погаснуть огню. Но и тревожусь о жизни твоей.

КАШУ. Почему, Кязим?

КЯЗИМ. Она будет непростая у тебя, нелегкая...

КАШУ. Я слушаю тебя, Кязим.

КЯЗИМ. Большой человек у малого народа всегда оказывается под рукой. А того, кто всегда под рукой, трудно видеть во весь рост. Поэтому будешь счастлив не славой, а тем, что всегда людям необходим. И не льсти себя надеждой на личное благополучие.

КАШУ. Почему, Кязим?

КЯЗИМ. Покуда в мире много трещин, ни один мастер не должен быть спокоен. Тебя женщины будут любить, и народ наш, и земля... Вот в чем будет твое счастье. А счастье мирного, спокойного очага - это удел других...

НИЩИЙ. Лучше отнести его в какой-нибудь аул.

КАШУ (встает с Кязимом на руках). Я понесу! Я всех согбенных чужбиной соберу...

КЯЗИМ. Положи меня на землю.

КАШУ. О Кязим! (Плачет.)

КЯЗИМ. И еще. Завет мой один... Я опекал одного Мальчика. Теперь его судьбу поручаю тебе. Женщина, потерявшая в беде ясность ума, вряд ли сможет вырастить его таким человеком, каким я хотел бы его видеть. А глаза Мальчика говорят - большое сердце в нем заложено. Ты помоги ему учиться. Пусть историком станет.

КАШУ. О Кязим! Улыбка твоя гаснет.

КЯЗИМ. Мне на моем веку долгие дороги были предписаны. Похороните меня здесь.

КАШУ. Золотая свирель моих нагорий! О, Кязим!

КЯЗИМ. Я слышу клекот орлов над Безенгийской стеной...

Кязим умирает. Нищий опускается рядом с ним на колени, закрывает ему глаза, молится. Кашу разрыдался, и плач его уносится степным ветром. Он поднимает тело Кязима на руки и уходит. За ним плетется Нищий.

Перевод с балкарского М.ЭЛЬБЕРДА

РЕЖИМ СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ

Исторический очерк

Директивы Берия устанавливали для переселенцев особый строгий режим и изоляцию - создавался искусственный барьер между высланными и местным населением. Так, между населенными пунктами, районами, областями, помимо шлагбаумов, комендатур, стояли и вооруженные посты внутренних войск, а на границах союзных республик и краев были воздвигнуты своеобразные "китайские" стены.

Все поезда, автобусы, автомашины и даже гужевой транспорт подвергались тщательной проверке, чтобы ни один переселенец не мог выехать без ведома коменданта НКВД с места поселения, даже если этого требовали его служебные дела.

Все пункты поселений были разбиты на десятидворки. В каждой назначался старший, который отвечал за наличие переселенцев и регулярно отчитывался перед комендантом. Помимо этого каждый взрослый спецпереселенец должен был в определенные сроки посещать комендатуру и расписываться в специальном журнале. На содержание контролирующего аппарата по линии Министерства внутренних дел тратились немалые государственные средства.

Если у шлагбаума комендант останавливал обыкновенный автобус с пассажирами и на вопрос "Есть ли здесь чужие?", подразумевая под "чужими" спецпереселенцев, получал отрицательный ответ, все пассажиры подвергались проверке. Если при этом обнаруживался спецпереселенец – его подвергали задержанию и затем штрафу, в лучшем случае, а обычно - репрессии.

Коменданты, наделенные бесконтрольной властью над людьми, нередко проявляли себя мягко говоря самодурами. К примеру, комендант селения Каракундуз Джамбульской области Казахской ССР арестовал невесту во время свадьбы за то, что она вышла замуж без его ведома, то есть не испро-сив у него разрешения. А вот пример другой: 2 мая 1948 года в Карагачевой роще - месте гуляний и маевок жителей города Фрунзе, столицы Киргизской ССР - собрались друзья и родственники, среди которых были и кавказцы, в том числе спецпереселенцы. Пели родные песни, играли родную музыку, в частности лезгинку. В разгар веселья прибыл спецвзвод войск НКВД во главе с капитаном и начал проверку документов. Не выявив нарушений, капитан запретил играть лезгинку и петь, назвав это "бандитской музыкой". Подобные примеры не единичны.

Спецпереселенцы возмущались, протестовали, но все это не имело смысла. Обращались к Сталину с официальными - персональными и коллективными - письмами, прося его прекратить издевательства над людьми, исправить допущенную в отношении репрессированных народов дискриминацию. Авторы этих писем рассматривались как враги народа, как люди, выступающие против мероприятий партии и правительства, и подвергались репрессиям. Так, офицер Советской Армии, награжденный за участие в Великой Отечественной войне многими боевыми орденами и медалями, А.Соттаев за подобное письмо Сталину был осужден на 25 лет лишения

свободы. За те же "проступки" были арестованы балкарцы Башиев и Караев - первый из них умер в тюрьме, второй освобожден после 1953 года.

Ограничениям и репрессиям подвергались и представители других национальностей, связавшие свою судьбу со спецпереселенцами - вышли замуж и женились. Много женщин - русские, украинки, белоруски, кабардинки, осетинки ... - "опрометчиво" вышли замуж за чеченцев, калмыков, ингушей, балкарцев, карачаевцев, немцев... В момент выселения им предлагалось отказаться от семьи, чтобы остаться на свободе. Иначе они подвергались общей со спецпереселенцами участи. Случалось, семьи разрушались, дети оставались без матерей, так как должны были оставаться с отцами. Овдовев на спецпереселении, женщина "незапятнан-ной" национальности с трудом освобождалась от спецучета...

Местное население перед прибытием эшелонов с переселенцами получало установку - не общаться с ними, не пускать в свои дома, не помогать им ни в чем по причине их "неблагонадежности". Это создавало для устройства спецпереселенцев дополнительные трудности. К примеру, на постоянное место жительства в Казахскую ССР в 1943 -1944 годах было ввезено 114 484 семьи (507 480 человек), в Киргизскую ССР –137 298 человек. Из них мужчины составляли 18 процентов, женщины – 29,1 процента, остальные были дети (52,9 %). Бытовое устройство такой массы людей требовало огромных усилий, средств и кропотливой работы с населением. Самым сложным оказалось решение жилищного вопроса.На 1 сентября 1944 года на 31 000 семей приходилось около 5 000 крыш. Это в Киргизии. В Казахстане около 64 тысяч семей проживали в порядке уплотнения, остальные оставались под открытым небом. Считались устроенными семьи, живущие по 10 человек на площади в 6 - 12 кв.метров.

Материальное положение переселенцев было таким же. Запасов, как продовольственных, так и промышленных, никто не имел. Те, кто попадал в Сибирь или на север Казахстана, попросту замерзали. Не лучше чувствовали себя и те, кто попадал в южные районы Средней Азии, ибо резко континентальный климат этих мест очень отличался от мягкой и теплой погоды родных гор. В результате смертность переселенцев превосходила нередко половину - умирало до 70% людей.

Необходимо понимать, что переселенцы понесли не только материальный и физический урон, но и значительный моральный: люди болезненно переносили утрату личной свободы и гражданских прав. Никто из переселенцев не мог быть избранным ни в местные, ни в верховные советы, нередко коменданты своей волей лишали переселенцев права голоса, молодежь не принимали в комсомол, в партию, не допускали на руководящие должности, на преподавательскую работу - при крайней недостаче учительских кадров на местах. Родной язык фактически запрещался, прекратилось издание книг на родном языке, а следовательно, всякое развитие национальной культуры. Об этих народах запрещено было упоминать, не то, что рассказывать об их жизни в прошлом и тем более в настоящем. Деятели национальной культуры, творческая и научная

интеллигенция этих народов была поставлена вне жизни, использовалась не по назначению. К примеру, известный балкарский поэт, фронтовик, инвалид Великой Отечественной войны, орденоносец Керим Отаров работал в красильном цехе Фрунзенской трикотажной фабрики, а Кайсын Кулиев - тоже фронтовик и орденоносец - длительное время не мог нигде трудоустроиться. Список этот можно продолжить.

С годами трудолюбивые спецпереселенцы получили признание местного населения, сдружились с ним, но одновременно режим ужесточался сверху. В 1948 году вышел новый Указ за подписью Молотова, утвердивший еще более строгий режим для спецпоселенцев. По этому Указу были взяты на спецучет все участники Великой Отечественной войны, принадлежавшие к репрессированной национальности. Дети переселенцев, особенно в сельской местности, фактически потеряли возможность учиться. В 1944 году в Казахстане из 50 329 детей школьного возраста обучалось немногим более 6 000. В Киргизской ССР в 1945 году из 21 015 детей училось только 6 643. Во многих населенных пунктах работали только начальные школы, семилетних было втрое меньше, а десятилеток насчитывалось единицы. А поскольку передвижение ограничивалось...

Правовая незащищенность спецпереселенцев приводила к тому, что часть местного населения чувствовала безнаказанность в издевательстве над спецпереселенцами. Нередко дело доходило до драк, убийств, провокационных оскорблений. К примеру, в июне 1946 года в селе Покровка (Ленинский район Северо-Казахстанской области) местные жители убили одного ингуша, а троих жестоко избили. Колхозники сельхозартели "Коминтерн" (Калининский район Киргизской ССР) учинили над спецпереселенцами самосуд, в результате чего были двое убиты, а третий тяжело ранен. В колхозе имени Фурманова (Петропавловский район Северо-Казахстанской области) 7 января 1946 года бывший председатель колхоза М. Рябенко, лесник В.Курченко, будучи пьяными, с криками: "Бей ингушей, бандитов, изменников родины!" - ворвались в дом колхозника С.Кодзоева, избили его и бывшего у него в гостях Торшхоева, выбили окна. Естественно, свободолюбивые кавказцы долго не терпели и начали давать сдачу, защи-щать себя и свои семьи, что обернулось против них же. Примеров здесь можно привести бесконечное множество. Пострадавшие спецпереселенцы во всех случаях официальными властями представлялись зачинщиками всех драк и конфликтов, бандитами и т.д. Власть имущие расправлялись со спецпереселенцами по собственному разумению - произволу не было пределов. Вот типичнейший пример. Председатель колхоза "Кем-Арык" Таласского района Осмоналиев систематически избивал спецпереселенцев, особенно издевался над женщинами, невзирая на возраст - от 80-летних старух до подростков. И все безнаказанно.

Но и добрые люди тоже были. И самое примечательное то, что сегодня бывшие спецпереселенцы, не забывшие пережитое, чаще вспоминают людей, проявивших доброту, чем тех, кто издевался над ними...

Нальчик, 1991

доктор исторических наук Х.И. ХУТУЕВ

ПО ТРУЩОБАМ ЗЕМНЫХ ШИРОТ
РАССОВАЛИ НАС, КАК СИРОТ...
Марина Цветаева

Кайсын КУЛИЕВ

ИДУ БОСОЙ ПО ЛЕЗВИЮ КЛИНКА...
Отрывок из поэмы "Завещание"

…О храбрые! Как радуга живая,
С одной горы влекомая к другой,
Блестит отвага ваша боевая
Над нами семицветною дугой.

Как скалы - горцев давняя твердыня, -
На вас я опираюсь в трудный час.
Мир без отваги - холод, мрак, пустыня,
Пусть осенит мой стих надгробный вас!

* * *

О годы, годы! Словно тигров тени,
Вы друг за другом гонитесь впотьмах,
Хоть раны зажили былых сражений,
По-разному горел огонь в домах.

Иных судьба изранила смертельно
И плакать заставляла матерей,
Иных за проволокой лагерей
Губила голодом, чумой метельной.

Трагические тени этих лет
В душе Харуна жили и метались.
Расстреляны друзья. Сидит сосед.
Немногие соратники остались.

Где те, кто нашу воздвигал страну,
Кто бился за нее на бранном поле?

Одни в колымском ледяном плену,
Другие рано умерли от боли.

На сердце чувствуя незримый гнет,
Харун познал обиду и кручину,
Но он не плакал в злую ту годину,
Не знал он, что заплакать день придет.

* *   *

Война вошла в селенья, в города…
Поныне горный лес в печали гнется,
Поныне льются слезы наших гор.
Никто из павших в битве не вернется,
Но матери их ждут - ждут до сих пор.

О сердце Родины, для нас ты стало
Надеждой и твердынею стальной.
Ты и под танком биться продолжало,
Само ты стало танковой броней.

В тебе такая заключалась сила,
Что и враги разрушить не могли.
Ты сердце Родины в себя вместило
Весь мир, всю скорбь, всю красоту земли…

* * *

Три сына у Харуна, три солдата.
Он знал, что надо разум утвердить,
Он знал, что надо в правду верить свято,
Быть побежденным или победить.

Как тучи над Дых-Тау, дни за днями
Кружились и клубились, а вдали –
Бои, бои, и пожирало пламя
Детей земли и чаянья земли.

Так редко сыновья ему писали,
Все меньше, меньше у Харуна сил,
Его согнули годы и печали,
Но сено он в родных горах косил.

Однажды старику в конце прокоса
Письмо вручили. Видит, - не рукой
Сыновьей строчки выведены косо –
Они рукой начертаны другой.

Узнал он: младший сын погиб. Орленок
Разбился в облаках, исчез навек.
Пусть новый день придет, пусть будет звонок, -
Домой не возвратится Султанбек.

Засох ручей, веселый и кипучий,

На высоте растаял за день снег,
Харун – как дерево без ветви лучшей:
Домой не возвратится Султанбек.

Не встретится Харун с голубоглазым.
Где сын его? Где старых дней оплот?
Казалось: горы потеряли разум.
Казалось: лег на сердце твердый лед.

Казалось: тяжким горем пахнет сено.
Казалось: летний яркий день погас.
Беда пришла дорогою военной,
Настигла старика в нежданный час.

Он все забыл, он помнит только муку,
Застыл он, как надгробье, в землю врос.
Но до крови к косе прижал он руку,
Опомнясь, новый начал он прокос.

Так много бед он перенес, но эта
Ужасней всех и горше всех беда.
Мертв милый сын. Запахло горем лето,
Но горец не заплакал и тогда.

Нет, не заплакал. Хоть страшнее ада
Была война - Харун глядел вперед.
Косил он сено, не потупив взгляда,
Не знал он, что заплакать день придет.

*   *   *

Беда пришла такая, что не снилась
И старикам. Не дождь, а кровь лилась
С небес. И на гору гора валилась,
И вся теснина в ужасе тряслась.

Ужель предателями горцы стали
И перешли на сторону врага?
Вовек такого горы не знавали,
В ущелье кровь текла, а не река.

Ужель бойцы к врагу переметнулись,
И, опозорив матерей своих,
Не постыдились мертвых и живых?
Ужели горы в горцах обманулись?

Нет, это ложь! Слова фронтовиков
Достигли гор, аулов, всей Отчизны:
В дыму, в огне мы не жалеем жизни,
Мы крепко бьем захватчиков-врагов!

…Не опозорим наших матерей,
Клеветникам и палачам не верьте!
Пусть даже станем мы добычей смерти,

Но, дети гор, и смерти мы сильней!

...Погибшие кричат: "Мы шли в сраженья,
Вздымая знамя красное страны".
Живые говорят: "Со дня рожденья
Мы делу революции верны!".

О те, кто приказал, чтоб увозили
Детей, отцов и матерей из гор,
Кто очаги водою погасили,
Чтоб каждый камень плакал, каждый двор, -

Вы слышите ли нас? А мы на фронте!
Ужель для вас погибшие не в счет?
Прочь! Наших бедных матерей не троньте!
Куда увозите вы наш народ?..

Словами, как двуострые мечи,
Как расскажу о глубине страданья?
О, не нашлось и савана в ночи
Для тех, кто умер в горький час изгнанья...

Восьмое марта, где ты, праздник чудный,
Когда приносят женщинам цветы?
Балкарские селения безлюдны...
О, что страшнее этой пустоты!

Пришел на праздник - день пришел бессонный.
Балкарским детям не забыть вовек
Холодные и смрадные вагоны
И мартовский - в слезах кровавых - снег.

Восьмое марта - день жестокой боли, -
Такую не желаю никому!
Нас, горцев, Ленин вывел из неволи,
Неправда вновь нас бросила в тюрьму.

Сел и Харун в вагон, и опирался
Пастух на палку с загнутым концом.
Он вспоминал, как с беляками дрался.
Как был он сыном, мужем и отцом.

Сын пеплом стал, сгорел в огне сраженья,
За жизнь людей он отдал жизнь свою,
И вот отца увозят из селенья,
Чтоб сына вспоминал в чужом краю.

О слезы гор, о марта день кровавый!
В свой скорбный путь пустился эшелон.
Казалось, почернел Эльбрус двухглавый,
Детей своих услышав плач и стон.

Но вот за горизонтом горы скрылись.
Харун взглянул на них в последний раз,

И слезы горя хлынули из глаз, -
Из этих глаз они впервые лились!

Он плакал, не стесняясь ни людей,
Ни гор: пусть смотрят горы вековые!
Ни женщин не стесняясь, ни детей,
Рыдал и не стыдился слез впервые...

Пусть смотрят старец, женщина, младенец, -
Он не стыдится слез своих сейчас.
Тот день настал, когда переселенец,
Когда Харун заплакал в первый раз.

* * *

Так наше горе глухо, как под снегом
Сокрытая текущая вода,
Мы нашу землю помнили всегда
Под жарким среднеазиатским небом.

Огромным было горе, как гора,
Чья пряталась вершина в черных тучах,
Такой беды и слез таких горючих
Земля не знала, хоть была стара.

Такой беды, такой глухой печали
Пусть не узнает ни один народ.
Как мы в своем изгнанье умирали,
Пускай никто на свете не умрет!

Харуна старость и тоска согнули,
Дружили с ним кыргызы-старики.
На камне он сидел у Иссык-Куля
Как сиживал в Хуламе у реки.

Здесь наша боль была понятна людям,
Здесь люди нас встречали, как друзья,
О нет, неправду говорить нельзя,
Их доброту вовеки не забудем.

Они, беду знававшие не раз,
Делились с нами хлебом, добрым словом,
Не унижали, а жалели нас,
Тепло нашли мы под кыргызским кровом.

Меня бы проклял хлеб, что ел у них,
Когда б добро кыргызов позабыл я!
Их небо, красоту вершин седых,
Их песни всей душою полюбил я...

К отцу два сына с фронта возвратились,
И там, в горах, где Иссык-Куль блистал,
Они в колхозе хорошо трудились,
Харун в чужом краю не голодал.

Мы умирали с голоду вначале,
Но постепенно дни за днями шли,
Жилье и добрый хлеб мы обретали,
И лишь сердца покоя не нашли.

Есть вещи - не забудет их и сытый,
Харун смотрел на горный перевал,
На Иссык-Куль, голубизной налитый,
Но по родной земле он тосковал...

Прикрыв глаза он видел непрестанно
Отцовский дворик ясно и светло,
И, сидя на каменьях Кыргызстана,
Хуламских скал он чувствовал тепло.

Там кровь его и кровь друзей впиталась
В родную почву. Радуясь весне,
Там смело молодость его промчалась
На горском быстроногом скакуне.

Помимо хлеба есть вещей немало
Священных - как свобода, правда, честь.
Их сила никогда не угасала,
Мы знали, что такие вещи есть!

И сердце горца старого, как птица,
Летело в отчий край, беде назло.
Спокойно глядя в молодые лица,
Сказал Харун обоим сыновьям:

- Нет ничего родной земли священней,
Она для радости дана живым
И для труда волнений и свершений,
А, мертвые, мы в ней, в земле, лежим…

Я жил и в человеке видел брата.
Хлеб жизни съел я ныне до конца,
Иду туда, откуда нет возврата.
Надгробье приготовьте для отца.

Хуламское ущелье в день погожий
Я не увижу. Тает жизнь, как снег.
Везде добра земля, но все же, все же
В родную землю мне бы лечь навек!

Здесь день хорош, но край родной мне дорог,
И вы завет запоминайте мой:
Теперь я не глазами - сердцем зорок,
Я вижу, что вернетесь вы домой,

Вернетесь, вижу сердцем. В Кыргызстане
Я свой конечный обрету покой,
Здесь я узнал кыргызов состраданье,

Но я б хотел лежать в земле родной.

Тот умер дважды, кто истосковался
Пред смертью по отеческой земле.
Зачем с крутой скалы я не сорвался,
Зачем я не погиб на той скале?

Зачем не пал я, молнией убитый,
Как, молнией сражен, отец упал?
Как деда в давний день, теперь забытый,
Зачем не снес меня в горах обвал?

Останусь здесь... Чужбину покидая,
Не увезете кости вы мои,
Со мной пребудет здесь земля родная:
Я и в могиле - сын родной земли.

Я скорбно повторяю, умирая:
"О ветер Безенги! О мой Хулам!"
Сыны, пред смертью завещаю вам:
Когда достигнете родного края,
В ущелье выройте могилу мне,
В нее родные камни опустите
И у надгробья моего скажите:
"Харун лежит в кавказской глубине!".

Мое лицо, мои усы седые
Вам будут только сниться в час ночной.
Труды я завершил. Как все живые,
Я лягу в землю, кончив путь земной.

Я надышался запахом колосьев,
Я допил чашу своего вина,
И всадник-время, старца в бездну бросив,
Увы, не остановит скакуна.

Такой беды, какую мы познали,
Ни близким не желаю, ни чужим,
Я говорю живым из дальней дали:
"Всесилен разум! Свет непобедим!"

*   *   *

Былое - не засохшая чинара,
Не говори же, что моя строка,
Как пламени, коснулась боли старой,
Иду босой по лезвию клинка.

Душа народа - не колодец темный,
А зеркало и радостей, и бед,
От счастья отличит удел бездомный,
От беспросветной тьмы - веселый свет.

Душа народа - не утес холодный,

Она о боли говорит своей.
Теперь ее деревья не бесплодны,
Но множество отрублено ветвей.

Тогда лишь сладости мы вкус находим,
Когда вкус горечи мы познаем.
Когда в пути из тьмы ночной выходим,
Мы солнцу благодарность воздаем.

Все то, что пережил народ когда-то,
Не сломанный кувшин, не старый сор.
Кровав был часто цвет его заката,
Но не погас его души костер.

Беда народа - сердца боль и рана,
А не железа ржавого кусок,
Увидев голый ствол, увядший рано,
Поймешь ты, как цветущий ствол высок.

Мы поняли, что всех больших тиранов
Ты долговечней, маленький народ,
И над большой жестокостью воспрянув,
Ты, малочисленный, идешь вперед.

Сталь закаляется в огне, мы знаем,
А горе учит твердости людей.
Мы белым черное не называем,
Мы - всадники, и мы в седле сильней!..

За нашу правду надо биться всюду, -
Лишь так мы древо жизни защитим.
Харун, твои слова я не забуду:
"Всесилен разум! Свет непобедим!"

Перевод с балкарского Семена ЛИПКИНА

Алим ТЕППЕЕВ

ТРИ ГОРСТОЧКИ РИСА

Рассказ

Прежде мальчик превозмогал голод сном. Когда не спалось, думал, что скоро вернется мама, и смотрел, как распускаются маки во дворе.

Но сегодня он проснулся с головокружением: в глазах темнело, стены приземистого жилья колебались, кровать, на которой они лежали с братиком, плыла вместе со стенами и мягко уходила куда-то вниз. Он закрывал глаза, в страхе взглядывал на бесшумно спящего братика и никак не мог превозмочь темное, обессиливающее кружение…

Шум играющих на улице детей пробивался к нему издали, временами голоса пропадали, словно ребята возносились в небо. "Вот придет мама, - думал он, прикрывая глаза, чтобы одолеть дурноту, - и мы тоже пойдем на улицу. А пока надо лежать. Когда человек лежит и спит, он не чувствует голода, так говорит мама... Мама..."

Ребята расшумелись, потоки теплого воздуха заполняли комнату, и он все острее чувствовал, как голод опустошает его. С надеждой на чудо смотрел он на голые стены, на пустые полки, во двор за окном, где рас-цветали акации и рдели маки. В глазах двоилось. Небо, земля, дома и деревья расплывались, утопая в тягучем тумане. Мальчик плавал в этом тумане. Ему слышались птичьи и детские голоса, запахи трав и хлеба, голодный плач братика, и было ему страшно.

Кружась в бесцветном и душном тумане, он выплыл в какой-то светлый, забытый мир. Столы были полны - завалены, заставлены яствами; за столами сидели степенные старики. Увидев мальчика, они встали со своих мест, провели его во главу стола и, сообщая друг другу: "К нам пришел Сафар!" - посадили на почетном месте. Мальчик из тысячи яств выбрал большую деревянную чашу с бушто - крошеным в айран чуреком, придвинул ее к себе. Он проснулся в тот миг, когда, поддев бушто ложкой, поднес ее к губам...

Он заплакал, но не от голода, а от обиды. Редкие холодные слезы зака-пали на соломенный матрац. С горькой пронзительной болью расставался он со своим сном. Казалось, тот изобильный, полный счастья и света мир, явив-шийся ему во сне, был правдой. И кто-то со злым умыслом отнял его в час спасения.

Проснулся братик - четырехлетний Самат. Проснулся и, сев на кровати, уставился на него - самые страшные для Сафара минуты: сам он еще мог тер-петь, но терялся, когда начинал плакать Самат. Уходя на работу или на поис-ки еды, мать тихо поручала Самата ему, старшему, и Сафар заботился о нем, как мог. Самат не был плаксивым, старался, как и он, превозмочь голод, и в нем, Сафаре, возникало прежде неведомое ему сострадание к братику, кото-рый тонким жалобным голосом начинал просить гыржын-хлеб.

Сафар, притих, отводя от братика глаза. Уже два дня они ничего не ели, кроме каши из листьев бадана и крапивы, а она, эта каша, только и раздувает живот, но нисколечко не утоляет голод. В те дни, когда мать приносила кар-тофель, молоко или пригоршню риса, Сафар одну из своих картофелин или ложечек рисовой каши на дне тарелки оставлял втайне от матери для брати-ка. И когда Самат начинал на него смотреть, а потом плакать, Сафар, прику-сывая затвердевшие губы и стараясь не глядеть на картошку или рис, кормил его. Теперь же у Сафара ничего не было в запасе - уже два дня мать ничего не приносила.

Душа его кружила по дому, по неверным, горестным следам матери, по незнакомым дворам чужбины. Всюду его встречало молчание. Они привезли с собой сундук, и, когда мать побелила стены этого заброшенного домика, смазала глиняным раствором пол, а дядя Татай вставил стекла в оконные проемы, достали из него домашние коврики, разложили и развесили их, и жилье стало теплым и уютным. Потом мать один за другим поменяла их на кукурузу, на рис или на картофель, но тогда, оголяясь, стены не казались Сафару такими мрачными и темными. То, что мать брала взамен ковриков

и тканей из сундука, было таким вкусным и аппетитным, что опустошение дома не пугало. Теперь мать, спрятав красивый отрез на груди, напрасно ходила по селу и по базару - не стало людей, кто мог дать за него хлеб. Возвращаясь с пустыми руками, мать коротко говорила, что за кусок хлеба или горсть кукурузы, несколько картофелин люди предлагают золото, дорогую старинную чеканку, а такие отрезы, как у нее, и крошки от хлеба

не стоят. Ели они все реже, оттого и темным казалось теперь жилище, тусклыми и безжизненными стали его побеленные стены. Даже мухи куда-то исчезли. А раньше они житья не давали.

Самат глядел-глядел на старшего брата и заплакал. Сафар взял его на руки и, крепко прижав к груди, с отчаянием оглянулся. Но не было отклика его детскому отчаянию - не было его ни в доме, ни в переполненном запахами трав молодом и прекрасном мире. В чреве этого мира наполнялась соками весна, зрело изобильное лето, но есть хотелось сейчас, немедленно.

- Подожди, Саматик, потерпи, - бормотал Сафар, удерживая слезы. - Подожди, еще малость потерпи, скоро придет мама, принесет лепешку... Сейчас придет и принесет нам лепешку...

Услышав слово "лепешка", Самат заплакал еще сильнее. В смятении Сафар подошел к окну. Цветущая акация, рдевшие в зелени маковые головки вернули ему потерявшуюся было надежду. Показывая Самату на цветы, он сказал:

- Посмотри, как красиво. Сейчас весна, скоро созреют ягоды... Не плачь, а то они не созреют...

Сафар говорил и с отчаянием понимал, что голод, сосущий неокрепшее тельце братика, сильнее его слов. Голод душил их обоих, и не слова, а кусо-чек хлеба, кусочек, всего лишь кусочек хлеба нужен был, чтобы не кружи-лась так голова.

Сафар ходил по дому, по двору, прижимая к себе братика. Он забыл о себе, не был он теперь ни голодным, ни жаждущим, только боялся за братика, только за него мучилась его душа. А мама все не шла. Может, с ней что-нибудь случилось где-то на базаре, у чужого скудного двора? Почему она не идет? Бросила их, убежала, чтобы не видеть, как они умирают от голода? Может, умерла, как ушла и умерла мать Чачия?

Еще бабушка плакала о матери Чачия; плакала, причитала: бедняжка, испробовала все-все, что могла, ничего больше не нашла, чем бы покормить детей, да так и изошла слезами. Изошла, горемычная, слезами и сошла с ума. А теперь бродит по чужим селам... Так плакала бабушка и причитала. А мать вдруг вскричала тогда "Нет! Нет!". И крепко прижала их обоих к груди. "Нет, Бог не позволит, это уж слишком" - сказала еще, молясь и плача. А потом и бабушка умерла. И чем дальше, тем быстрее исчезали вещи из дома, и мама просила их подольше спать. Он и старался. Но уже окна раскалены от жары, а ее все нет. Он осторожно положил уснувшего Самата на кровать и на цыпочках вышел на улицу.

С какими надеждами выходил он на пустынную в полдневный час улицу? Найти что-нибудь поесть? Найти мать? Или убежать от голодного брата, постылого дома? Этого не знал ни он сам, ни бог, ясновидящий и милосердный. Просто он не мог оставаться в доме в ожидании, когда проснется Самат и уставится на него.

Он постоял оглядываясь и пошел вниз по раскаленной от солнца пыльной улице. Стоял самый жаркий час дня - на улице ни души. Каждый шаг болью отдавался в голове, темнело в глазах. Но голод и страх гнали его - тупо и неотступно.

Остановился он у высоких ворот. Створки их разошлись, открыв глубину широкого просторного двора. В тени виноградника за накрытым столом сидела семья - старушка, молодая женщина, толстый мужчина и такой же, как Сафар, мальчик. Боясь, что его заметят, Сафар силился уйти, но не мог двинуться с места, не мог оторваться от воротного столба, во все глаза глядя на забытую еду, разложенную на столе.

Первым его увидел мальчик, вскочил с места и подбежал к нему. И, высоко подняв надкушенную с краю булочку, - от нее шел такой теплый запах! - со злорадным восторгом прокричал: "Вот! Вот! Вот!!" У Сафара потемнело в глазах, он сглотнул вязкую горькую слюну и опустил голову. Мужчина поднялся, тяжело глядя на голодного мальчика, подошел к нему, оторвал от столба, вытолкал на улицу и закрыл створки. Сафар услышал, как с тяжелым лязгом задвинулись засовы железных неприступных ворот. Он прислонился к забору, сжал зубы и закрыл глаза, чтобы остановить кружение высоких ворот, раскаленной безлюдной улицы, обедающих людей, и никак не мог преодолеть запах той душистой булочки - крепче стальных цепей, сильнее каменных стен удерживающих Сафара здесь…

А потом земля сдвинулась под ним. Он почувствовал тихое скольжение улицы под ногами. И чем дальше дорога уводила его от высоких ворот, тем сильнее он становился, тем быстрее возвращались к нему силы. "Если бы мой отец не погиб на фронте, - думал он, сглатывая слезы, - если бы не выслали нас так далеко, и у нас был бы такой же большой дом, с широким двором и виноградником. И было бы у нас много, много хлеба!" Казалось ему теперь, что голодают они с братиком не потому, что на истощенной войною земле мало осталось хлеба, а потому, что пока отец

воевал, их привезли сюда и бросили в степи. Бабушка говорила, что это воля Аллаха, а мать плакала и проклинала и Гитлера, и Сталина.

Дорога привела Сафара во двор другого дома. Под навесом сидела древняя и неправдоподобно сухая старуха. Сафар остановился подле, не очень близко, но и не так далеко, чтобы она не могла его заметить. Но старая женщина молчала. И у Сафара не было сил говорить.

Эта старая женщина была очень похожа на его бабушку.

Иногда мать открывала тогда еще полный тканями сундук, на дне которого лежали написанные кривыми, неровными буквами письма отца, брала наугад одно из них и читала им, Сафару и Самату. Мать рассказывала: в тот зловещий день, когда их высылали, приставленный к ним солдат на свой страх и риск притащил сундук к машине и с трудом поставил его там. "Аллах пусть продлит его век, - говорила мать, - если бы не он, то потерялись бы письма..." Отец перво-наперво спрашивал о бабушке. Такая добрая она была, участливая, что лишенные крова приходили к ней за добрыми словами. Когда она, бывало, посадив Сафара на колени, начинала рассказывать сказки, оживали камни и деревья, горы и реки той земли, которую они покинули и о которой были все сказки бабушки. Так и засыпал он - на ее коленях, а сказки продолжались во сне. Однажды бабушка услышала, что женщина с мальчи-ком ходит по аулу и собирает милостыню. Бабушка пошла искать ее и вскоре вернулась с нею и ее мальчиком. Мать покормила их, а потом сама искупала мальчика, уложила спать. Сафар навсегда запомнил, как мать с бабушкой сожгли всю одежду женщины, а взамен дали ей свою. Бабушка оставила их у себя на несколько дней, хотя еды у них было в обрез. Потом они проводили их до дороги в Амударью - женщина говорила, что всех ее родственников повезли туда. Если бы бабушка была жива, Сафару не было бы так плохо.

- Ай, жестокий мир, какой день настал, - запричитала вдруг старуха, не глядя на Сафара.Сафар не понял, то ли старуха читала молитву, то ли жалела его. - И тебя гонит голод, как бич... Что же мне делать? Я душу свою могла бы вырвать, да ведь в руках ничего не останется... Что же мне делать? О, Аллах, что делать? День такой настал для нас, горемычных...

- Мне ничего не нужно, - тихо сказал Сафар. - Я пришел просто так... Ты же помнишь мою бабушку…

Но старая женщина не слышала его. Было похоже, что она о мальчике забыла и уснула.

И вновь он оказался посередине горячей пыльной улицы. Он стоял под раскаленным солнцем, босыми ногами в обжигающей пыли. Идти было некуда, и земля не двигалась, и солнце остановилось прямо над его головой. Ничего не было в этом неподвижном мире, кроме колыханья горячего возду-ха. Сафара тянуло к земле, хотелось свалиться в пыль, да так и остаться лежать навсегда. Он и упал, но тут же в страхе превратиться в

пыль закричал, ударяя кулачками о землю, призывая отца, которого смутно помнил:

- Оте-ец! Саматик умирает с голоду. Не видишь ты, что ли, мы оба умираем с голоду! Оте-ец, где мама?!

Снова двинулось серое марево. Пробежал вихрь, осыпав мальчика пылью, мусором и песком. Зерна этого песка пахли кукурузой. Сафар поднял голову, увидел идущего по дороге дядю, старшего брата отца. Сначала он поднялся на колени, потом тихо встал во весь рост, рукавами вытер лицо, грязное от пыли и слез, и окончательно осознал, что вверх по улице идет его дядя Татаркан. И тогда он сорвался с места, точно освобожденный от пут жеребенок, и побежал за дядей. Настиг его, уцепился за руку, радостно зашептал:

- Давай, Татай, я понесу!

- Что ты носишься в такую жару по улице, - грубо оборвал его Татаркан. - Или ты думаешь, я несу что-нибудь съестное?

- Я просто говорю, что понесу... Я могу! - Радость Сафара медленно угасала. - Я не голодный, - сказал он, поняв, почему дядя не рад ему. - Нання покормила нас кашей из листьев крапивы со сметаной…

- Вот несу суперфосфат с поля, - сказал Татаркан, пряча глаза от племянника. - Говорят, если не подкармливать в этих местах землю, урожая не бывает. - Он перебросил мешок с одного плеча на другое. - А ты иди домой. На кого ты оставил Саматика?

- Ладно, Татай, - сказал Сафар. - У нас тоже есть суперфосфат. - И опустил голову, чтобы не заплакать.

Татаркан, ни слова не говоря, пошел быстрыми шагами дальше по косогору. И снова Сафар стоял на раскаленной улице. И было страшно поднять голову, посмотреть вслед дяде, которого он почитал за отца. Когда на улице, в игрищах и спорах его ровесники хвастались отцами, он гордился своим дядей. Теперь, не зная сказать или не сказать матери о дядиной лжи, он стоял и смотрел на желтую тень удаляющегося Татаркана, которая укорачивалась, как его вера в дядю. Вдруг тень на желтом песке замерла, с минуту поколебалась, а потом стала расти: Татаркан возвращался. Сафар двинулся навстречу. Он шел и клялся себе: если дядя решил поделиться с ним, он возьмет совсем немножечко, только на сегодня и только для Самата. Следовало быть справедливым: их только двое у матери - он и Саматик, а у дяди трое детей. Поэтому он возьмет совсем немножечко, только на сегодня, только для Саматика. А если он в своем хождении по селу что-нибудь найдет или мать что принесет, то они, как всегда, обязательно выделят долю семье Татая.

Между тем Татаркан, подойдя вплотную, опустил перед ним на дорогу мешок и сам опустился рядом на колени. С насилием над собой он развязал

стянутую сыромятным ремешком горловину мешка - руки большого Татар-кана срывались, дрожали, дыхание стало прерывистым, а лицо кривилось и капли пота стекали по щекам.

- Подставляй полу, - глухо приказал Татаркан, не глядя в лицо Сафара.

- Не нужно, Татай, - торопливо ответил Сафар. - Не надо, у нас есть кукуруза...

- Давай сюда! Давай подставляй полу! - быстро бормотал Татаркан, словно боясь, что если он сейчас же не насыплет мальчику горсть кукурузы, то через секунду у него не хватит на это сил. Когда сведенные в чашу его ладони с зерном поднялись до верха мешка, он, качнувшись закрыл глаза.

С минуту сидел он так, и руки его дрожали от напряжения. - Говоришь, есть у вас кукуруза? – спросил он упавшим голосом и посмотрел на Сафара. - Если у вас есть кукуруза… Если так…

- Есть, Татай! - выкрикнул Сафар почти весело. - Я же сказал, что есть. - И, опустив полу рубашки, разгладил ее ладонями… Жившая в нем надежда, что дядя все же даст им эту пригоршню кукурузы, заставила его быстро, не глядя на него, сказать: - Я совсем не голодный… Саматик… Вот Саматика никак не могу успокоить… Все плачет…

Но Татаркан его уже не слушал.

- Что же, если есть кукуруза, значит, не голодные… А пока вы ее съедите, что-нибудь придумаем… - И он ссыпал зерно обратно в мешок.

И, задыхаясь, в спешке, точно кукуруза была краденая и за ним погоня, затянул сыромятный ремешок, подхватив мешок на плечо и быстро ушел.

В письмах с фронта отец после бабушки спрашивал о брате. "Если я

не вернусь, но будет жив мой брат, наши дети пусть почитают его за меня, потому что он всегда будет им опорой", - писал он матери. И просил ее воспитывать мальчиков в строгой любви к нему, и мать не забывала заветов отца. Приготовив дома что-нибудь из еды, она посылала с Сафаром или относила сама долю Татаркана. Татаркан всегда был опорой их дома, всегда заботился о них.

Потом только отец спрашивал о них - о Сафаре и Самате. Он просил, чтобы и бабушка, и жена растили сыновей терпеливыми, добрыми. В конце письма он обращался к матери и скупо, словно смущаясь, просил, чтобы она писала про себя побольше. Теперь письма отца лежали на дне сундука, дядя нес кукурузу в свой дом, а Сафар искал кусочек хлеба, чтобы успокоить плачущего братика. В чужой степи голод и песок обжигали мальчика - не было хлеба на земле. И он, бредя по безлюдной улице, мечтал иметь много хлеба, так много, чтобы можно было раздавать его всему миру...

Он возвращался домой по нижней, выходящей в степь улице, где жили корейцы-рисоводы. Он решил: вернется домой, возьмет Самати-ка и вместе с ним пойдет искать мать. А когда найдет, возьмет за руки ее и Самата, и пойдут они по дороге. Если идти и идти, они обязательно придут на такую землю, где хлеба будет вдоволь.

Вдоль пустынной улицы стояли притихшие тополя. За ними жались

к земле дома. Сафар вдруг остановился, как вкопанный: он увидел рис, сушившийся на циновке. Рядом стояло ведро, полное риса. Его охватили испуг и удивление - столько еды стоит на виду, открыто! "Что случится, если я возьму для Саматика горсточку риса?" - подумал он. Ясно, ради

себя он не взял бы ни крупинки чужого. Но он слышал плач Самата, видел состарившееся, изможденное лицо матери. А риса было так много, что, казалось, можно было им усеять весь мир. И он пошел к ведру. Сначала неуверенно, а потом быстрее. Подойдя к рису, он посмотрел на него сверху вниз, как на море. И тотчас же циновка пошла волнами, закружились ведра, наполненные рисом. Силясь черпнуть из белых волн, Сафар протянул руки

и - упал на усеянную рисом землю...

Когда он открыл глаза, и рис в ведре, и раскаленная полуденным зноем землянка стояли на месте. И никого вокруг! Тогда он решил взять из этого моря риса три горсточки - для братика, для матери и для себя. Решив так, он взял свою долю и тут же засыпал ее в рот. Так вкусен был этот рис, казалось, никогда в жизни ничего вкуснее не ел. Прожевывая и глотая рис, он чувство-вал, как приходит к нему успокоение и притупляется ноющая внутри боль. Ему хотелось есть еще и еще, - если б даже съел весь этот рис, все равно бы не насытился. А рис был таким вкусным, и можно было устроиться рядом с ведром и наесться вдоволь - никто ему не мешал, ни живой души вокруг не было. Но свою долю он съел. Теперь он возьмет для братика и для матери в две горсточки и уйдет. Рис согревал руки.

Он не успел сделать и двух шагов, как почувствовал спиной, что из дома кто-то вышел. Сафар оглянулся и увидел невысокого смуглого старика. Старик стоял возле ведра и сонно глядел ему вслед. Когда Сафар оглянулся, он что-то сказал, но Сафар уже бросился бежать. "Если поймает - убьет, если поймает - убьет" бился в голове страх. Убьет прежде, чем он донесет эти две горсточки риса братику и матери. Ему казалось, он мчится, но мальчика кидало из стороны в сторону, потом он споткнулся и упал. Рис выплеснулся из его ладошек в пыль.

Старик подошел, поставил его на ноги. Сафар смотрел в землю - не от боли, не от голода - от стыда. Руки старика вздрагивали на его плечах, и голос его дрожал. Сафар не разбирал слов, но всей исстрадавшейся душой чувствовал исходящую от старика доброту. Потом старик повернулся и потянул Сафара за собой, к дому. Сафар упирался, стараясь вырваться из его рук, но старик был сильный. Он говорил что-то кроткое, печальное, и

можно было подумать, что это он украл рис и теперь как-то беззащитно и неумело оправдывается.

Дойдя до входа в свою землянку, старик взял ведро и подал его Сафару. Подал и знаком показал, чтобы он, взяв рис, пошел домой. Но Сафар осто-рожно поставил ведро обратно. Ему показалось, что старик издевается над ним. "Голод - не позор, - вспомнил Сафар слова бабушки. - Я взял три горсточки риса. Как только мать что-нибудь выменяет, я верну..." Так думал Сафар и, если бы знал, как это сказать, сказал бы старику.

Тогда старик сам взял ведро. В одну руку взял ведро, в другую - руку мальчика, и они пошли по раскаленной степной дороге. Шли рядом старик и мальчик. Но теперь плакал не мальчик, гонимый голодом, - плакал старик...

Перевод с балкарского Светланы АЛИЕВОЙ

Владимир ЛУКЬЯЕВ

А ВЫ ВЕРНЕТЕСЬ, ВЕРЬТЕ МНЕ...

Очерк-воспоминание

С первых детских лет я усвоил, что все мы - я, мои родители, бабушки, дяди, тети и остальные люди из моего маленького мира - жили когда-то в другом месте, которое называлось Кавказ, а здесь, в Киргизии, в Кызыл-Кие, живем вынужденно. И все разговоры в кругу степенных мужчин или у вечно прядущих пряжу балкарских женщин обычно сводились к воспоминаниям об оставленных на далеком Кавказе домах, коровах, овцах...

Мне было пять лет, когда в июле 1954 года органами МВД предла-галось снять с учета детей переселенцев до 16-летнего возраста включи-тельно, освободить их из-под административного надзора и не применять к ним ограничений, установленных для взрослых.

Но об этом послаблении я у знал только в прошлом году - и до сих пор вся документация, касающаяся репрессированных наций, мало публикуется. Так что глубокого и благодарного следа в моей душе эта акция не оставила - как раз в тот год я оказался в компании, которая собралась бежать на Кавказ. Вот как это было.

Горел костер, вокруг которого сидели человек десять наших "боль-ших" пацанов. Уже давно стемнело, но я не торопился домой. Мама лежала в больнице с моим заболевшим братишкой, а отец был в ночной смене на шахте. В последнее время мы часто собирались здесь, на стройке, и,

насобирав щепок и бумаг, разжигали костер и засиживались далеко за полночь.

Самому старшему из нас, Локману, было, наверное, лет шестнадцать. Авторитетным он был пацаном, и вполне заслуженно. Никого и ничего он не боялся. А как-то раз, я сам это видел, он в одиночку справился сразу с тремя фэзэушниками - злейшими врагами ребят с балкарского поселка.

Разговоры у костра были, как и всегда, о том, кто с кем подрался или собирается подраться, о том, что скоро урожай арбузов и дынь, и как мы пойдем на базар и будем тырить все подряд у полудремлющих от жары узбеков.

"А знаете, - вдруг сказал кто-то из темноты, - что один пацан, чеченец, я с ним в прошлом году ходил урюк воровать, убежал на Кавказ?"

"Знаем,- отозвался Локман, - мне один русский, блатной, сказал, что этого пацана "мусоры" поймали в Ташкенте и теперь его посадят на пять лет. Он без денег поехал, а в Ташкенте захотел есть и украл лепешку. Так и попался".

"А давайте мы тоже поедем на Кавказ, - продолжал рассказавший про чеченца. Теперь я увидел, что это был Сарби - ловкий и отчаянный парень, чуть младше Локмана. Много за ним было всяких дерзких проделок. - Давайте поедем, чем мы хуже того чеченца. Он без денег поехал, а у нас они будут. Натырим всего на стройке, продадим в кишлаке киргизам и поедем на товарняке. На нем "менты" не ездят. А приедем на Кавказ - сразу в горы. Там же наши дома, в них никто не живет..."

На стройке собирался из готовых деревянных щитов длинный "финский" барак. А внутри барака - мы это точно знали - хранились толь, оконное стекло, гвозди, цемент... Большие ценности по тем временам. Знали мы, что сторож с наступлением темноты наглухо запирался в почти построенном бараке и, приняв чекушку, заваливался спать и до утра не показывал носу. Храбрился, правда, - бывало, откроет окно, пальнет в воздух пару раз из своей двустволки и кричит, что никого он, старый вояка, не боится и пусть только кто сунется... Покричит и засыпает.

"Это он со страху такой воинственный, не надо над ним смеятся, - сказала мне как-то бабушка. - И не ходите по ночам вокруг стройки. Он возьмет и стрельнет..."

А для страха у сторожа были основания, да еще какие. Городок Кызыл-Кия расположен на юге Киргизии и граничит с Ферганской долиной. Вокруг вспучиваются выжженные солнцем предгорья Алайского хребта. Вершины некоторых холмов увенчаны терриконами. Там в шахтах давал стране уголь мой отец, офицер-танкист в годы войны и спецпереселенец после победы над Германией. На одной из этих шахт до моего рождения работала моя мама. Рядом с шахтами и был наш поселок, балкарцев-спецпереселенцев.

А в километре от нас жили чеченцы. Другие спецпереселенцы - крымские татары, курды, турки из Грузии и Азербайджана, поволжские немцы - жили где-то в стороне.

Жили в Кызыл-Кие и "стопроцентные" граждане СССР: русские, украинцы, киргизы, узбеки... Но у многих из них тоже была своя судьба, своя статья. А в пятьдесят четвертом в городок понаехало много блатных. После смерти Сталина Берия помянул соратника большой амнистией для уголовников. Выйдя на свободу, они от души пошалили на севере и в Центральной России, а с наступлением холодов двинули в теплые азиатские края. Неспокойная пошла у нас жизнь, что ни ночь - одно, два убийства.

А ответственность за это были не прочь приписать балкарцам и чеченцам. Тут надо сказать, что за десять лет хоть и вынужденного, но совместного проживания "общественность" так и не смогла уразуметь наши понятия о поступке и расплате.

Особенно кровавыми стали дни, когда приехавшие блатные решили установить в городе свою гегемонию. Стали грабить, насиловать, а убивали даже из-за наручных часов, которые у них ценились выше жизни "мужика" или "фрайера". Нас блатные поначалу не трогали. Знали еще по лагерям, что если обидеть одного горца, а наших за колючей проволокой тогда было ох как много, то отвечать за это придется по самому большому счету. Но иногда, по пьянке или по злобе, блатные били ножом и нашего парня. Убитого, как полагается у правоверных, помолясь, хоронили в тот же день.

А к вечеру все не занятые на работе мужчины балкарского и чеченского поселков устраивали блатным газават.

Вот какой была обстановка в городе Кызыл-Кия в пятьдесят четвертом году, и сторож правильно делал, что не выходил из своего убежища. Да сторож и не страшил нас. Куда опасней была бы встреча с милицейским патрулем...

"Пора", - сказал Локман.

Мне было велено сидеть у костра и, если замечу постороннего, "заговорить ему зубы", а если милиция появится - четыре пальца в рот и свистнуть. Но операция удалась, и в полночь я, пыхтя, поднимался на гору, где стоял наш маленький глинобитный домик, и тащил на плече тяжеленный рулон толя. Около дома мигала самокрутка, белели подштанники моего отца.

"Где ты был? Что это такое?" - Он снял с моего плеча рулон.

"Ходил с большими ребятами на стройку. Они еще там остались, а мне дали вот это и отправили домой. А правда, эта штука дорого стоит?"

Почему меня интересовала стоимость толя, я решил не говорить.

"Иди спать, - сказал папа, - утром поговорим".

На следующий день только и разговоров было о том, что в "финском" бараке ночью сняли с окон рамы и вынесли все, что там было. Сторож проснулся утром, а кругом пусто. И он привел милицию с собакой, которая сразу же взяла след и привела к дому одного из ночных злоумышленников. Его забрали, но он сообщников не выдавал, это было ясно, иначе бы и за другими приехали.

А отец в то утро сказал мне, что воровать нельзя, и велел забыть, с кем был прошедшей ночью. Я, наконец, признался ему, ради чего ребята полезли на стройку...

"Тебе пять лет, ты уже большой и должен запомнить мои слова на всю жизнь. Воровство - плохое дело, но еще хуже - предательство".

Пятьдесят четвертый год был для нас "юбилейным". Десять лет назад нас, балкарцев, всех до единого войска НКВД вышвырнули в одночасье из наших домов в горах Кавказа, лишив нас земли предков.

Почему и за что Сталин, Берия, Молотов, а также искренне любимый мной в детстве всенародный дедушка Калинин и многие другие кремлевские дяди приказали сделать с нами то, что Гитлер хотел сделать с русскими и другими славянскими народами? Гитлер, как известно, за такие штуки круп-но поплатился. Да иначе и быть не могло. Людоеды всегда плохо кончали – и не только в сказках. Но наши отечественные людоеды были еще и гипно-тизерами. Сейчас, наконец-то, их гипноз потихоньку теряет силу, и, думаю, с каждым из них мы вскоре окончательно разберемся.

В школьных учебниках истории СССР, которые издавались в течение первых десяти лет после Двадцатого съезда, в числе прочих проявлений культа личности вскользь поминалось и о репрессиях, которыми подверглись некоторые народности нашей страны. Я не знаю, как об этом будет сказано в новых учебниках по истории, но я не согласен со старыми формулировками - "народности" и "репрессии". Кто и по каким признакам смеет делить людей на "народы" и "народности"? И то, что Сталин и его сообщники сделали с нами, ^'некоторыми народностями", во всех толковых словарях называется не "репрессиями", а "геноцидом".

Мне недавно попали в руки две разукрашенные юбилейные кни-жечки. Одна из них о пятидесятилетии, а другая о шестидесятилетии КБАССР. В них много информации о достижениях и о славном исто-рическом прошлом республики, но нет и намека на то, что пережил балкарский народ за четырнадцать лет. Ведь еще совсем недавно не только писать, но даже и говорить о тех годах и о тех событиях считалось проявлением антисоветизма, мелкого национализма. И те, кто так утверждал, еще дееспособны. Они, может быть, рядятся под "пе-рестройщиков", но, затаившись, не упускают возможности ставить нам палки в колеса. Я побывал в одном архиве, в другом... Можно было и не ходить. Нет там гласности применительно к истории моего народа. Пока.

Обещали дать на будущий год. Мне удалось лишь выяснить, что за все эти годы к главным архивным материалам о выселении народов не притрагивался ни один исследователь.

Но благое дело не может обойтись без везения. Я познакомился в Нальчике с доктором исторических наук Х.И.Хутуевым. Кандидатская диссертация, которую он написал в 1961 году, а защиты добился только в 1965-м, посвящена в основном военной и послевоенной судьбе балкарского народа. Эта диссертация помогла мне и документировать, и значительно расширить свой рассказ.

Ханафи Исхакович поведал мне и свою историю:

"В феврале сорок четвертого года Берия приехал в Орджоникидзе и жил там в своем бронированном вагоне. И вот оттуда стали поступать запросы о том, в каких селах проживают балкарцы, сколько жителей в каждом селе, пригодны ли дороги для прохождения в балкарские аулы грузовых автомобилей и так далее. Я начал догадываться, что против нашего народа замышляется какое-то коварство.

- Что-то мне не нравится такой пристальный интерес к балкарцам, может, и нас выселить собираются, - сказал я как-то своему коллеге по госбезопасности Кириченко.

Тот быстренько передал мои слова наркому внутренних дел республики Филатову, который тут же меня вызвал и сказал, поклявшись партийным билетом, что никакого выселения не будет. А информация эта нужна для того, чтобы быстрее собрать с балкарцев взносы на строительство танковой колонны. И меня откомандировали в горы, чтобы подготовить ответы на запросы из Орджоникидзе.

Вернулся я в Нальчик двадцать восьмого февраля ночью, и Филатов, обвинив меня в распространении слухов о предстоящем выселении, заключил меня в камеру внутренней тюрьмы НКВД. А вечером седьмого марта вызвал к себе и говорит: "Иди, Хутуев, домой, покажись родным, что ты жив и здоров, приведи себя в порядок, побрейся и приходи, будем выселять балкарцев. Ну, а ты - работник хороший, мы похлопочем и постараемся оставить тебя здесь, согласен?" "Нет, - говорю, - если всех балкарцев выселяют, то и мне надо разделить их участь". И рано утром восьмого марта я вместе со всеми сел в теплушку и поехал в Киргизию, куда вскоре пришел приказ о моем увольнении из органов госбезопасности по "профнепригодности", подписанный, кстати, самим Берия".

"О том, что нас будут выселять, мы ничего не знали, - рассказывает мне мама. - Седьмого марта снизу, из Нальчика прибыло много военных машин с солдатами и офицерами. Офицеры были очень злые и все время рявкали на нас. А один солдатик зашел к нам в дом и тихо сказал, чтобы мы не теряли время, а побыстрее резали скотину и заготавливали продукты

в дальнюю дорогу. Мы ему не поверили тогда. За что нас выселять, ведь твой дед был передовым колхозником, членом партии, партизанил...

Ночью, около трех часов, в дом вошел офицер с двумя автоматчиками и сказал, что постановлением ГКО мы подлежим немедленному выселению и что на сборы он дает двадцать минут. Ну, что за это время можно собрать? На одну машину грузили по четыре семьи. Хорошие у них были машины - новые, американские, но для четырех семей с вещами и многочисленными детьми места было мало. Офицер орет: "Выбросить все лишнее!" А что могло быть лишнего в нашем доме, мы ведь не городские. Тогда они взяли и сами повыбрасывали все, что попало под руку.

К утру нас привезли в Нальчик. А там эшелоны стоят - конца не видно. Офицеры ругаются, у некоторых пистолеты в руках, солдаты прикладами бьют, торопят, собаки конвойные захлебываются от лая, дети, женщины плачут..."

Я вспомнил, что как-то раз, лет двадцать назад, у нас в доме по какому-то случаю собрались мои тети, дяди, бабушка. По телевизору шел фильм "Судьба человека". Все спокойно смотрели его. У балкарцев, как и многих горцев, считается неделикатным выплескивать свои эмоции. Но когда пошел эпизод, в котором фашистский эшелон, набитый женщинами и детьми, прибыл в концлагерь и эсэсовцы выбрасывают из вагонов и рассортировы-вают людей, все заплакали. "И нас вот так, с собаками", - сказала тетя Зайнаф.

Эшелоны с высланными балкарцами гнали на восток. Дорога туда была свеженакатанной. Соседних карачаевцев, родственных балкарцам и по языку, и по историческим корням, выслали накануне праздника 7 ноября 1943 года. Следующий "праздник" НКВД устроил чеченцам и ингушам, выслав их 23 февраля 1944 года. А две недели спустя, 8 марта, наступил черед балкарцев.

Акции по выселению народов проводились молниеносно. Прошлые заслуги не засчитывались, депутатская неприкосновенность не соблю-далась. Такова была цена гарантий прав человека, провозглашенных "сталинской конституцией". Не пощадили и семьи погибших фронтовиков. Аба, двоюрод-ная сестра моей мамы, за год до рокового дня получила похоронку на своего мужа, коммуниста и офицера Красной Армии. Тетю Абу с двумя ее девочка-ми - трехлетней Фатимой и совсем крошечной Абидат - впихнули, подталки-вая в спину прикладами автоматов, в переполненный кузов "студебеккера"...

"Ребята, я ведь боевой офицер, только что с фронта, я ногу там оставил, а вы меня как бандита выселять будете!" - в отчаянии воскликнул поэт Керим Отаров.

"Ничего, - мрачно буркнул один из вломившихся в дом энкавэдэш-ников, - другую ногу оставишь там, куда поедешь. Бери свои костыли и двигай вперед!"

Я не сгущаю краски. Это типичные "средние" (язык не поворачивается так их называть) примеры. А ведь были при выселении случаи страшные, с побоями и стрельбой по безвинным и безоружным людям.

А вот еще одна история - еще одна грань геноцида: "В сорок третьем году нацисты при отступлении разграбили и разрушили Нальчик. Надо было в короткое время наладить нормальную мирную жизнь, - вспоминает народ-ный артист КБАССР, заслуженный артист РСФСР, основатель и бессменный руководитель известного танцевального ансамбля "Кабардинка" Мутай Исмаилович Ульбашев.- В конце сорок третьего меня отозвали из армии. Приехал в Нальчик, иду в отдел культуры обкома. "Давай, Ульбашев, - гово-рит мне зав. отделом, - поднимай былую славу нашего ансамбля. Приступай немедленно к работе. Твоя боевая задача теперь поднимать моральный дух советского народа".

Я с головой ушел в свое любимое дело, которым начал заниматься, еще когда мне не было и одиннадцати лет. Собрал оставшихся "стариков", нашел новую молодежь, и мы приступили к репетициям. Быстро, меньше чем за неделю, подготовили программу.

В конце февраля сорок четвертого по Нальчику поползли слухи о предстоящем выселении. Но кого будут выселять, никто не знал. Восьмого марта утром я встретил своего приятеля, который работал в обкоме комсомола. "Мутай, - говорит мне он, - сегодня вас, балкарцев, будут выселять. Но у тебя есть заслуги перед республикой, и мы попросим оставить тебя здесь. Сам понимаешь, что твердо обещать ничего не могу. Давай иди домой и будь готов ко всему".

Через два часа раздался стук в дверь. Я открыл, и в комнату вошли офицер и автоматчик. Офицер прочитал постановление ГКО о выселении балкарцев и дал двадцать минут на сборы. Я попытался объяснить ему, что меня специально отозвали из армии и что я нужен здесь, в республике, но он перебил меня и сказал, что ему обо всем этом известно и не надо тратить времени попусту, а побыстрее собираться и идти. "А вы, - сказал он, поворачиваясь к моей жене Заре, - можете остаться. Вы же осетинка, а вашу национальность мы не выселяем".

"Ни за что! - ответила Зара. - Я буду с мужем всегда и везде, куда бы нас не загнали. Ну, а если умирать там выпадет - умру вместе с ним". Офицер в общем-то неплохой парень был и, наверное, хотел нам помочь. "Зря вы кипятитесь, - сказал он Заре. - Вот вы с ним туда поедете, а там что думаете, вас родственники ждут, папа с мамой? Оставайтесь пока здесь, продадите имущество, соберете деньги и поедете начинать новую жизнь". "Нет!" - отрезала Зара, и мы сели в товарняк и поехали на восток в киргиз-ские степи".

У Мутая и Зары тогда еще не было детей. Но ведь было много других семей, с детьми, в которых мужья по воле ГКО оказались бесправными спецпереселенцами, а жены остались хозяевами "необъятной родины

своей". У жен, принадлежавших к невыселяемым национальностям, как нам уже известно, была возможность отречься от своих мужей и остаться "чистыми". У детей - нет. Все дети от смешанных браков обязаны были разделить участь отцов. А если жены ехали вместе с мужьями, то по приезде на место поселе-ния они лишались всех прав, их ставили на учет в спецкомендатуре...

Нечто подобное в свое время сделали с женами декабристов. Правда, это было при царизме. Но даже самому жестокому царю далеко до "отца народов". Например, вы можете представить, что стало бы с Пушкиным (живи он в наше время), да заодно и со всеми его родственниками, если бы кто-то стукнул "хозяину", что поэт где-то кому-то сказал: "Тебя, твой трон

я ненавижу".

"В пути нас кормили, - рассказывает мама. - Но что это была за еда? Вода, в которой плавали какие-то вываренные зернышки. Да и этим нас особенно не баловали. В лучшем случае раз в день делали остановку где-нибудь на большой станции, и один или два человека из вагона в сопро-вождении конвоира шли за баландой. К концу нашего пути люди стали опухать от голода".

"Голод был не так страшен, - говорил мне Башир, двоюродный брат моей мамы. - От голода можно всего-навсего умереть. Сам знаешь, для нас есть вещи намного хуже любого физического страдания и даже смерти. Тех, кто умер в пути, бросали под откос, как погибшего моряка - в море. А ведь не предать тело земле - самый страшный грех для балкарца. Только они плевать хотели на наши обычаи. В соседнем вагоне, помню, скончалась одна старая женщина. В том же вагоне ехали ее сын и дочь, которые видели, как охрана поступает с умершими. И они прятали тело матери до тех пор, пока оно не стало разлагаться. А ведь они не одни ехали в вагоне, там еще человек тридцать - сорок было набито. И все они считали, что дети умершей женщины поступают согласно обычаям и не уподобляются "гяурам", для которых нет ничего святого".

Хоронить умерших в пути разрешалось, только когда было много трупов. А много ли - определял начальник эшелона. Хоронить - значит останавливать поезд где-то в степи, организовывать конвойную цепь, выпускать для похорон родственников умерших... Нужна начальнику эта канитель?

Расселение балкарского и других высланных народов проводилось на громадной территории от Южного Урала по всей Казахстанской степи и до безжизненных предгорий Алайского хребта. Места поселений, как правило, были самыми гиблыми.

А теперь давайте посмотрим, каких "бандитов и пособников врага "вывезли силой из родных мест и обрекли на медленную, но верную гибель в чужой стороне. По данным архива Совета Министров Киргизской ССР, в 1944 году прибывшие на спецпоселение балкарцы- мужчины - а это были

оставленные по брони передовые колхозники, советские и партийные работники, сотрудники госбезопасности и управления внутренних дел, инвалиды с детства и инвалиды все еще грохочущей войны, столетние старцы - все, вместе взятые, составляли только 18 процентов от общего числа переселенцев. Женщин было 30 процентов, все остальные, то есть больше половины, - дети. Подобное процентное соотношение среди балкарцев было и в Казахстане.

"Когда нас выгрузили на какой-то станции неподалеку от Талды-Кургана в Казахстане, - рассказала мне тетя Аба, - к нам стали подходить какие-то люди, осматривали нас, расспрашивали, сколько у кого в семье детей, стариков. Это были, как вскоре выяснилось, директора совхозов и председатели колхозов. Долго они так ходили, все что-то записывали, а потом собрались неподалеку от того места, где я с детьми и сестрами стояла, и стали спорить. Кричат друг на друга, матерятся. А главным из "встречаю-щих" был полковник. Он ни с кем не спорил, а все ездил в белом полушубке и на белом коне среди нас и командовал, помахивая плеткой: "Вы здесь стойте, вы, с этого вагона, там встаньте, не ходить из одной группы в другую!". Военный человек, командир. А председатели ругаются...

"Не надо, - кричит один, - мне эту семью подсовывать. Там ведь только одна работница, а все остальные восемь - иждивенцы, старуха и дети. Почему я их должен кормить?!" - "Вот как, - кричит другой, - я их, что ли, возьму? У меня и своих иждивенцев полно, а этих бандитов мне и подавно не надо". Ну, а мы, весь эшелон, слушаем все это, стоим и ждем. "Да успокойтесь вы все, не орите! - посмеиваясь, угомонил председателей солидный и уверенный мужчина. - Что вы заладили - иждивенцы, иждивенцы... Берите всех подряд. Их сюда прислали навечно. Здесь не Кавказ, и в нашем климате иждивенцы долго не протянут, умрут, а работники вам останутся".

- А что это был за дядя? - спросил я.

- Директор совхоза, наш будущий начальник по фамилии Дидрихсон. И ведь прав оказался, как в воду смотрел, сволочь. Сколько там наших поумирало!.."

Семью моей мамы довезли на двадцать пятый день пути до киргизского городка Кызыл-Кия и сразу с вокзала строем повели в какую-то временную баню. Там их "продезинфицировали" и вселили в барак, где была выделена комната, которую на первых порах они делили с еще двумя семьями. Отец матери, участник гражданской войны и член партии, заболел еще в начале пути. Ни о какой врачебной помощи в эшелонах спецпереселенцев и речи быть не могло. Кого лечить - врагов? В Кызыл-Кие мой дед не прожил и недели (по свидетельству Хутуева, там, где я родился, умерло больше всего спецпереселенцев).

Самой старшей из шестерых детей в семье была мама. Ей было восемнадцать, а самой младшей сестренке, Рае, не было и года. Скудный запас

продуктов, захваченных из дома, кончился еще в пути. Не было денег, одежды, посуды...

Почти все жители городка работали в шахтах, и вскоре к ним присоединились женщины-спецпереселенки. Уголь в забое рубили в основном немцы-трудармейцы и уголовники, а моя мать, как и многие другие балкарки и чеченки, была откатчицей, то есть катала по шахте вагонетки с углем. Электровозов тогда и в помине не было, а шахтерских лошадок уголовники забили и съели...

- Есть было нечего, - вспоминает мама. - Чего только не пришлось мне увидеть тогда. И как траву ели, помню, а она оказалась не такой, как в наших горах, и многие потом поумирали от этого. А как-то раз я видела, как человек гнался за собакой, чтобы поймать и, наверное, съесть, но сил бежать у него не было, и он упал. Потом подполз к тому месту, где эта собака сидела, и стал есть собачий кал...

- Это был балкарец? - придя в себя, спросил я.

- Какая разница, - вздохнув, ответила мама, - это был человек, и те, кто довел его до этого, тоже ведь считали себя людьми. Вот в колхозах жить было лучше, чем нам. Они хоть и работали по 15-16 часов, зато могли спрятать в одежде картофелину или свеклу и принести детям. А из шахты что принесешь? Вот и умирало здесь нашего народа больше, чем в других местах. Вымирали семьями. Хоронить умерших было некому, была организована специальная санитарная команда, которая ездила по домам, собирала трупы и, зарегистрировав факт смерти в городской больнице, закапывала их во рву за больничным зданием. Сколько там лежит безымянных и безвинных жертв сталинского геноцида: ингушей, чеченцев, балкарцев, крымских татар...

Одной маминой карточки на семью из семи человек было мало, и вслед за мамой спустился в шахту и ее четырнадцатилетний брат Али.

- Я хорошо помню, как в день нашего приезда вся Кызыл-Кия сбежалась на вокзал посмотреть на нас. Оказывается, кто-то пустил слух о том, что привезли очень кровожадных людей, хищников, которые не брезгуют и человеческим мясом. Я это серьезно говорю, - и в самом деле серьезно убеждает меня Али. - Мы идем всем эшелоном, колонной, а они выстроились по обеим сторонам улицы и смотрят... Да, в первые дни нам крепко доставалось. Еды никакой, хлеба даже по карточкам не хватало. Встанешь в очереди - стоишь, стоишь... Хлеб кончится, а у людей еще карточки на руках, а что с ними делать, если они только на один определенный день выдавались. Кто посильнее и понахальнее, протолкнется и возьмет без очереди. Ну, и мы тоже, когда пришли в себя после дорожного голода, стали шустрить по-ихнему. А те нахалы нам орут, дескать, изменники родины, бандиты, надо было вас всех там поубивать, а не везти сюда - и в драку.

А мы по-русски, кулаками, драться не умели, этому мы потом научились, а вот бороться - пожалуйста! Кинешь на землю одного, другого, а на большее силенок не хватало. В общем, на первых порах нам доставалось крепко. Выходить за пределы городка нам было запрещено. Пять километров в длину, пять в ширину - вот вся наша зона. Выйдешь за черту - пять или десять лет лагерей за нарушение режима. А в восьми километрах от города Уч-Курган - оазис. Там пшеница росла, овощи, фрукты, а у нас голод. Правда, случай один произошел еще в самом начале, когда нас только привезли в Кызыл-Кию. Наш парень, балкарец, ночью залез в чей-то огород, там помидоры росли, еще зеленые, а утром нашли этого парня чуть ли не в центре с узбекским ножом в груди, а у головы шесть зеленых помидорин лежат. Ну, ладно! Поняли мы, что шутить с нами не собираются, но только зря они думали запугать нас этим.

- Тогда таких, как этот, теперь в газетах писали о нем, председатель колхоза, который всех своих колхозников рабами сделал... - вступил в разговор младший брат Али Хызыр.

- Адылов, - помог я ему.

- Вот, вот! Таких Чингисханов тогда много было. Чуть что - камчой бить лезли, даже убить могли, и все их боялись. Байские замашки, но с нами это не проходило.

- Короче, - продолжал Али. - В конце мая созрел урюк, и мы, все наши пацаны, человек двадцать, решили ночью сделать набег на колхозный сад. Когда стемнело, вышли на дорогу. А за нами Хызыр увязался с такими же, как и он, лет по одиннадцать - двенадцать, пацанятами. Приходим в сад, не шумим, не разговариваем, потому что рядом домик, в котором сторожа сидят, залезли на деревья и рвем урюк. А ночь лунная, все видно, как днем. Хызыр с пацанятами тоже принялись за дело. Вдруг из домика выходят двое и идут прямо в их сторону. Подходят они к дереву, в руках у них палки, как ружья длинные, и кричат, чтобы все спускались вниз. А пацанята, наоборот, еще выше полезли. А те уже звереть начали. Поняли мы, что если не вмеша-емся, то убьют пацанят не задумываясь.

- Убили бы, это точно, - подтвердил Хызыр.

Слезаем мы с дерева и подходим к сторожам. А надо сказать, что из всех ребят я был, пожалуй, самым младшим, а всем остальным было лет по шестнадцать и больше. Некоторые перед выселением даже в армию собира-лись идти, да вот после 8 марта наших ребят уже не призывали. Не доверяли, хотя сколько в это время наших мужчин на фронте было - твой отец, к примеру. Подходим мы к сторожам тихо, как абреки, и когда они увидели нас, то чуть было не обделались со страху. "Мы думали, - говорит один, - что это кызыл-кийские урки, а вы с Кавказа, тоже мусульмане, можете рвать, сколько вам надо". И они ушли. А мы снова залезли на деревья и рвем урюк. И вдруг из домика выходят двадцать или более мужчин. Рядом с садом было хлопковое поле, и поливальщики остались

ночевать у сторожей в домике. И вот эта армия, блестя подштанниками - тогда мода у местных была ходить в нижнем белье, ни днем, ни ночью его не снимали, - идет на нас. Я выбрал ветку потолще и начал ее резать. Смотрю, другие парни тоже режут ветки. А они подошли уже к первому на их пути дереву, матерятся по-своему и по-русски - давай, мол, вниз, конец вам пришел. На том дереве Магомед сидел, крепкий парень, борец, самый сильный из нас. И он прыгнул на них сверху, как барс на стадо косуль, схватил первого попавшегося, поднял над головой и грохнул об землю. Схватил другого, вырвал у него палку - и пошло дело... Погоняли мы их по саду, человек пять сбросили в арык поплавать. Видишь, какие они оказались скоты! - разошелся Али. - Рвите, говорят, вы тоже мусульмане, вам можно! Домой мы бежали по-другому, дальнему пути, через горы. Если бы нас в саду или по дороге взяла милиция - всем хана! Нарушение режима - пять лет, драка, воровство, лет на десять потянуло бы.

- А если бы кетменщики нас прибили, то им бы ничего за это не было, - сказал Хызыр.

- Да-а, сколько до этой драки наших пацанов из-за горсти урюка поубивали, Хызыр, помнишь? Двоих? Троих?

- Троих. И никого за это не посадили и даже допрашивать никого не допрашивали.

- После этого случая они к нам уже не лезли.

В то время как балкарские юноши боролись на чужбине за выживание и сохранение чувства собственного достоинства, что, впрочем, для горцев равнозначно, их старшие братья и отцы были на фронте, далеко на западе, и ничего не знали о происшедшей трагедии.

- А вот я знал, что балкарцев выслали, - начал свой рассказ офицер-фронтовик Магомед Огурлиевич Башиев. - Мне об этом сообщил мой друг-дагестанец Пашаев. Весной сорок четвертого он был начальником особого отдела, а я секретарем комитета комсомола полка, который входил в состав 417-й стрелковой "Сивашской" дивизии. Во всей 51-й армии, куда входила и наша дивизия, я знал только одного человека, с кем бы мог разделить свое горе. Это был Кайсын Кулиев, старший лейтенант, сотрудник армейской газеты. До войны я не был лично знаком с Кайсыном, но нередко бывал в Нальчике на литературных вечерах, где он читал свои стихи. Он уже тогда был знаменитым человеком. А познакомились мы в сорок третьем году на совещании политработников 51-й армии. Нас тогда собрали перед предстоявшим форсированием Сиваша, потому что дело ожидалось жаркое. Взяли мы Сиваш, прошли в Крым и остановились около Джанкоя. Там и застала меня эта черная весть.

Армия готовилась к наступлению и штурму Сапун-горы, и, как всегда перед большими боями, наступало короткое затишье. В это время и приехал Кайсын. Заруливает на "виллисе" и сразу ко мне. Радостный такой, сияет. "Ты что, говорит, Магомед, такой кислый?" Я понял, что он еще ничего не

знает, и говорю ему: "Пойдем, я тебе что-то скажу". Вышли мы наружу, отошли подальше в поле и сели на травке. У меня с собой была фляга спирта, я налил ему, себе. Выпили, и я все ему рассказал. А он перебивает меня все время и говорит одно и то же: " Не может быть, Магомед! Не может быть, Магомед!" - "Как не может быть, - отвечаю, - пойдем к Пашаеву, он свой парень, покажет тебе этот секретный приказ". - "Нет, - говорит, - раз ты

такие вещи говоришь, значит, так оно и есть". Долго мы с ним так сидели. Он плачет, я плачу, выпили флягу спирта, а хмель не берет.

А через несколько дней начался штурм Сапун-горы, и на одном из участков надо было подавить пулеметную точку, которая сдерживала атаку нашего полка. Я вызвался добровольцем, ко мне еще двое ребят, комсоргов рот, присоединились. Пулемет мы уничтожили, но я после этого задания попал в госпиталь с пулей в лопатке. Она до сих пор там и сидит. А ребята из полка потом мне в госпиталь написали, что приезжал корреспондент Кулиев и разыскивал меня. Больше я офицера Кулиева не встречал, а Кулиева-спецпереселенца видел много раз в столице Киргизии Фрунзе.

- А родные вам ничего о себе не сообщили?

- Сестра прислала письмо-треугольник откуда-то из Казахстана, проездом. Написала, что всех балкарцев везут куда-то, и что с ними будет дальше, никто не знает. Писем я больше не получал и очень долго о судьбе моих родственников не знал. И только в конце сорок пятого года после долгих-долгих поисков в различных городах Средней Азии я смог их найти и поехать к ним в Киргизию.

В сорок четвертом году отношение "высокого" начальства к ничего не подозревающим солдатам и офицерам высланных национальностей резко изменилось. Появилась дискриминация, которая выражалась в том, что эти солдаты и офицеры уже не повышались в звании, как правило, не награж-дались, а если и получали награду, то не ту.

Командир роты балкарец Мухажир Уммаев в боях за Одессу 10 апреля 1944 года вместе со своими бойцами, отразив три ожесточенные контратаки противника, первым ворвался на окраину города. В этом бою старший лейте-нант Уммаев лично уничтожил в рукопашной схватке 18, а его рота 200 немецких солдат и офицеров. Преследуя отступающего врага, рота Уммаева уничтожила еще свыше ста захватчиков и первой ворвалась в центр города. Об этом подвиге рассказала после боев за Одессу армейская газета.

А знают ли сейчас имя балкарца Уммаева в городе-герое?

За мужество и отвагу при освобождении Одессы командованием 179-го гвардейского полка Уммаев был представлен к присвоению звания "Герой Советского Союза". Ходатайство поддержали командование дивизии и Военный Совет армии. Но в Москве наградная комиссия ГКО

ограничилась награждением Уммаева орденом Александра Невского. И это была последняя награда героя. Его демобилизовали, и он поехал к своим высланным земля-кам в Казахстан, где и умер вскоре от полученных на войне ран.

Мой отец был танкистом на Северо-Западном фронте. Звание лей-тенан-та и последний орден Красной Звезды он получил весной сорок четвертого, хотя и воевал до последнего дня и въехал на своем танке в Берлин. За целый год наступательных боев ни повышения в звании, ни награды.

- Кто из нас, простых людей, думал тогда о званиях и орденах, - сказал он мне как-то. - Все это было ценно для тех, кто в хромовых сапогах всю войну прощеголял.

Что это, подумал я, пренебрежение "окопника" к наградам и "штаб-никам" или же старая обида на несправедливость к нему?

В конце 1945 года демобилизованные фронтовики стали возвращаться к своим семьям. Едва прибыв на место, они должны были встать на учет в спецкомендатуре и расписаться в собственном бесправии. Только теперь в комендатурах вчерашним боевым солдатам и офицерам читали постановле-ния ГКО о выселении их народов и указы Президиума Верховного Совета СССР о ликвидации Кабардино-Балкарской АССР и образовании на ее месте Кабардинской АССР.

Ловко у них тогда все получилось! А чтобы все было пристойно, сочинили, будто балкарцы в период оккупации изменили Родине, вели подрывную работу против частей Красной Армии, оказывали оккупантам помощь в качестве проводников на кавказских перевалах, а после изгнания немцев вступили в организованные нацистами банды для борьбы против Советской власти.

Все это ложь! Кроме десятка-двух дезертиров, в горах Балкарии никто не таился, как не было и "организованного сопротивления Советской власти". Этот документ сфабриковали Берия и его заплечных дел мастера Абакумов, Кобулов и прочие. А подписал указ о ликвидации республики «добрейший дедушка» М.И.Калинин. Ведал ли "всероссийский староста", под каким документом ставит свою подпись? Впрочем, и он, как теперь стало известно, мог подписать все, что угодно, лишь бы его не трогали.

В сложном положении оказались правительства Казахстана и Кирги-зии, потому что постановления ГКО о переселении некоторых народов Кавказа были неожиданностью даже для ЦК партий этих республик.

В 1943-1944 годах в Казахстан и Киргизию привезли около семисот тысяч обездоленных спецпереселенцев. Дома и утварь, одежда и громадное количество скота и птицы - все было брошено на их злосчастной родине и стало легкой добычей мародеров. И пока шла война, положением спецпере-селенцев власти почти не занимались. Все средства отправлялись на фронт.

Но даже те жалкие крохи, что выделялись для обустройства спецпереселенцев, зачастую разворовывались и до них не доходили. Фонды муки и крупы выдавались с большим опозданием и расходились где-то на стороне. Да и жить спецпереселенцам было негде. Мутай Ульбашев и его Зара, например, жили в коровнике. "В дом нас не пустили, - рассказал мне Мутай Исмаилович, - да и негде было там ночевать. Всего одна комната, а в ней большая киргизская семья из двенадцати человек. Вот мы и спали с коровами. Утром проснешься, а под тобой мокро..."

В декабре 1945 года Совет Народных Комиссаров и ЦК КП(б) Казахстана и ЦК КП (б) Киргизии обратились к Молотову и Маленкову с просьбой выделить дополнительные строительные материалы для спецпереселенцев, аргументируя свою просьбу тем, что люди живут практически под открытым небом. В ответ - молчание. Отсутствие ответа - это тоже ответ. Товарищам из Алма-Аты и Фрунзе стало окончательно ясно, что участь переселенцев Москвой решена, и любое проявление добрых чувств к этим народам рассматривается там как недопустимая и даже преступная мягкость. Сочувствие равно соучастию - вот лозунг тех лет.

Одними из первых небалкарских слов, которые я слышал в детстве особенно часто, были слова "Берия" и "Сталин". Причем первое я запомнил быстрее, потому что чаще употреблялось и всегда сопровождалось ругательством на балкарском, а больше на русском языке. Помимо "Берия" и "Сталина", я знал русские слова "пахан", "урка", "блатной пацан" и другие подобные, считавшиеся нормальными и обиходными в тогдашней Кызыл-Кие. Интересный штрих. Я нередко замечал, что люди нерусской национальности спорят на своем языке, а кроют друг друга по-русски. Так ведь любое ругательство, сказанное не на своем языке, звучит не так оскорбительно. Ну, представьте, например, что в магазине что-то не поделили между собой русские грузчик и слесарь и кроют друг друга по-английски или по-японски.

Горцы ругательные слова употребляют крайне редко, но к "Берия" всегда что-нибудь припечатывали, не скупясь и не стесняясь. Отношение к Сталину не было столь однозначным. Пропаганда канонизировала здравствующего "хозяина" настолько убедительно, что даже среди спецпереселенцев, на своей шкуре испытавших торжество национальной политики великого специалиста по национальным вопросам, бытовало мнение, что все несправедливости делались Берией втайне от вождя. Да что там говорить, когда даже моя мама, катавшая в свое время под землей вагонетки с углем, который на той же шахте рубили кайлами ее братья пятнадцатилетний Али и тринадцатилетний Хызыр, до сих пор верит в непогрешимость Иосифа Виссарионовича и обвиняет во всем случившемся с нами Берию и его слуг. А вот отец никогда не славословил "мудрейшего", и когда к нему пристают с вопросами о его отношении к Сталину, он, всегда добрый и мягкий, так резко и зло прерывает разговор, что я всякий раз удивляюсь.

С самого первого дня на чужбине спецпереселенцы не оставляли надежды на то, что справедливость восторжествует и им разрешат вернуть-

ся на родину. А теперь, когда война закончилась, в Москве, наконец, разберутся, кто чем в войну занимался.

В 1948 году в один момент эти иллюзии были развеяны. Шверник подписал документ, гласящий, что чеченцы, карачаевцы, ингуши, балкарцы и другие "народы-изменники" высланы в отдаленные районы страны навечно и без права возврата к прежним местам жительства. За самовольный выезд из мест поселения - двадцать лет каторжных работ, а лица, способствующие побегу или укрытию выселенцев, подвергаются лишению свободы сроком на пять лет. И если до этого были у фронтовиков кое-какие полулегальные поблажечки, то через три с половиной года после победы и им выпало как следует вкусить "сталинских свобод".

Офицер-фронтовик и орденоносец балкарец А.Соттаев написал об этом, как он выразился, "беззаконии" в Кремль Сталину, получил за "антисоветскую деятельность" двадцать пять лет и освободился только после двадцатого съезда. И это далеко не единственный случай расправы с теми спецпереселенцами, которые оказывались "шибко умными" и искали справедливости у "хозяина".

Каждый взрослый переселенец должен был ежемесячно отмечаться в спецкомендатуре. Не пришел отметиться - полгода в лагере, а выход за пределы очерченной зоны поселения расценивался как попытка к побегу.

А куда убежишь, если повсюду шлагбаумы, комендатуры, посты внутренних войск, проверки документов и обыски?..

Во время выселения бывали случаи, когда члены одной семьи попадали в разные эшелоны, и потом один эшелон, в котором, например, были преста-релые мать и отец, шел на северо-восток Казахстана, а другой, в котором были их дети и внуки, отправлялся на восток или юг Киргизии. А ведь это тоже пытка - и какая! - для горцев, которые так берегут родственные отно-шения. Но о воссоединении семей в первые годы высылки и речи быть не могло.

Спецкомендатуры вели надзор за спецпереселенцами. На каждые десять семей назначался старший, в обязанности которого входили слежка за своими и регулярный "отчет о проделанной работе" коменданту. За такую общественную деятельность "десятидворщикам" перепадали кое-какие послабления в режиме и преимущества при распределении и отоваривании продовольственных карточек. Для людей пожиже духом эта "должность" казалась весьма заманчивой. "Десятидворщики" часто менялись, и таким образом поставка стукачей для бериевского ведомства приняла поточный характер. И это, я считаю, является самым страшным преступлением против моего народа. Унижения, голод, тиф, смерть - все ничто в сравнении с испытанием на "вшивость".

Особое место в бериевском аду занимали коменданты спецкомендатур. Нередко ими были надзиратели, хорошо проявившие себя еще в довоенных гулаговских лагерях. Об одном из таких надсмотрщиков, младшем лейтенан-те Юдине, до сих пор вспоминают недобрым словом балкарцы, попавшие под его иго в одном из районов Талды-Курганской области в Казахстане.

- Знаешь, Володя, - сказал мне двоюродный брат мамы Башир, - если ты напишешь о нем, то я на сто процентов поверю, что зла без возмездия не бывает.

И вот какую историю он мне поведал:

- Коменданта Юдина, гориллоподобного двухметрового верзилу с бесноватыми глазами маньяка-убийцы, недолюбливали даже свои, комендантские. Но за довоенные лагерные "заслуги" он был в почете у большого начальства. К тому же незадолго до своего комендантства он «погеройствовал» в чеченских аулах. "Вот уж я там настрелялся!" - поговаривал он. "Таких врагов, как вы, - сказал он нам в "приветственном слове", - я в Сибири гноил тысячами. Зря вас оставили здесь, а не отправили дальше, на Колыму. Но ничего, вы у меня и здесь попляшете лезгинку".

Рабочий день Юдина начинался в пять утра. Он садился на коня и объезжал все кибитки, в которых ютились дистрофичные и полуживые от голода балкарские старики и старухи, женщины и дети. Замешкался кто-то

с выходом на колхозные поля - он плеткой поперек спины, и марш вперед рысью. И попробуй ответь - забьет до полусмерти.

У себя в угольном сарае он устроил нечто вроде тюрьмы, где однажды запер и оставил на всю морозную декабрьскую ночь старую балкарку Айбиче за то, что она не вышла на работу. Поздно ночью когда все вернулись с полей, одна из балкарок зашла проведать больную женщину. В доме было пусто. Айбиче пропала - пронесся по поселку слух. Может, упала где-нибудь на грядках и умерла? Случалось ведь и такое. Все балкарцы вышли в поле и тщетно проискали ее всю ночь. И только на следующий день соседка Юдина, почтальонка Женя, шепнула нам, что Айбиче сидит в сарае у коменданта. Оскорбление старости! И это терпеть! Мы все бросились во двор к Юдину, и, пока мужчины ломали дверь сарая-тюрьмы, несколько наших женщин вбежали к Юдину в дом и, не найдя там коменданта, избили его жену и дочь.

А несколько дней спустя, когда Юдин ночью проезжал верхом через мост, в воздух взвилась тонкая проволока, натянутая как раз на уровне шеи коменданта. Он упал. Тут же из темноты выскочили несколько человек и, не дав коменданту опомниться, ударили его чем-то тяжелым по голове и исчезли. Мстителей не нашли, хотя приехавшим из города следователям было ясно, что Юдина отделали подростки-балкарцы. Закручивать гайки так, как это делал Юдин, трезво считали следователи, с горцами не следует. Всему есть предел - взбунтоваться могут даже женщины и дети. А

один из следователей так и сказал, что мы народ мстительный и нас лучше давить законом, а не личной властью.

Комендант Юдин не внял здравым советам и, выйдя из больницы, с удвоенной силой продолжал свои бесчинства. Он арестовал четырнадцатилетнего сына Айбиче и всю ночь допрашивал его в комендатуре. Наутро помощники Юдина принесли мальчика домой, бросили на пол и ушли.

Юдин отбил ему все внутренности, и говорить он не мог. Так и умер на третий день...

Прошел год, и комендант снова попал в больницу, и снова после того, как получил по голове тяжелым предметом. Живучая скотина, другой бы от такого удара на месте скончался. Правда, выйдя из больницы, он стал жаловаться на постоянные головные боли и умер скоропостижно в пятьдесят третьем году.

- А ты знаешь тех, кто отомстил Юдину? - спросил я Башира.

- Трудно сказать, кто именно это сделал, его все ненавидели. Кроме того, что он избивал людей до смерти, он и поборами занимался. Не вышел на работу в поле - откупись. Плату он сам не брал, этим занималась его жена. Она же брала все: деньги, вещи, драгоценности. От моей сестры и твоей тети Абы за один невыход на работу она потребовала связать и передать через почтальоншу Женю пять пар шерстяных носков. И так она поступала со всеми. А сколько старинных женских украшений из серебра и золота она выцыганила у балкарок! Надо поехать в соседний район, навестить род-ственников - неси ей что-нибудь ценное, лишь после этого получишь письменное разрешение коменданта на бесконвойный проезд.

А на работу мы бы ходили и без юдинских приказов и окриков. В Казахстане мы работали так, как привыкли это делать у себя дома. В нашем совхозе уже через год после приезда балкарцев появился первый Герой Социалистического Труда - звеньевая Люба Сальникова. В звене у Любы работали только балкарки, но об этом даже в районной газете не упомянули. А ведь все в районе знали, какая Люба была "работница" до нашего приезда...

- Как вы работали в шахте? - спросил я отца.

- Зачем же лезть под землю, чтобы дурака валять. Работали так, чтобы заработать побольше. А вот почему немцы-военнопленные так сильно работали, до сих пор удивляюсь.

Разговорить отца - дело непростое. Нет, он не молчун и охотно вступает в беседу, рассказывает разные интересные истории друзьям, соседям, кому угодно, но только не мне. Дело в том, что отец, согласно балкарским законам, не должен быть чересчур словоохотлив с сыном. Слова - звуки, пустота, а сын должен сам думать и понимать, как поступать в том или

ином случае, и все делать так, чтобы отцу потом не пришлось за него краснеть.

- Я много проработал вместе с немцами под землей, - вдруг разго-ворил-ся отец, - очень они порядок любили и, когда вели проходку, то делали это чисто, а главное - очень надежно. И все они были такие высокие, крепкие...

- Ты еще был на фронте, когда привезли первую партию военнопленных немцев, - вступила в разговор мама, - их даже на полгода раньше нас привезли. Какие они все были слабые, когда я увидела их в первый раз, точь-в-точь, как мы. Идут они строем на шахту, без конвоя, да и не нужен был конвой - куда убежишь, кругом горы и пустыни. И вот идут они строем, и если кто-то из них упадет от бессилия, то его в сторонку положат, а после смены забирают либо в барак, если жив, либо на кладбище.

Я военнопленных немцев в Кызыл-Кие уже не застал, но хорошо помню "немецкие могилы": аккуратные ряды многочисленных холмиков, кресты на них сорваны или сожжены, а сами могилки загажены - это местные пацаны внесли свою посильную лепту в дело попрания фашизма. Унылое и печальное зрелище.

- Много немцев тогда поумирало, - продолжает вспоминать мама. - Немцы ходили на работу сами, без конвоя.

- На войне я немцев видел сгоревшими, замерзшими, разорванными в клочья, пленными, - говорил отец. - Они били нас, мы били их. А в шахте пришлось узнать их поближе. Люди как люди, неплохие ребята, правда, был среди них один, Дитер его звали, заносчивый, вредный. Начальству зад лизал, а на нас смотрел свысока. Механик он был классный, любой аппарат мог починить за две минуты, и за это начальники его поставили мастером над всеми немцами и закрывали глаза на то, как он по-свински обращался со своими земляками-подчиненными. Один немец, забыл его имя, подошел как-то во время работы ко мне и говорит, что Дитер - подлюга и фашист и что это из-за таких, как он, мы начали войну. А через несколько дней после этого Дитер попал под обвал и умер. Это немцы так сказали начальнику шахты, а я сам видел, как Дитер начал на них орать, как всегда, и они все разом вдруг набросились на него и стали бить, а когда отошли в сторону, Дитер уже не встал. Да, хорошо немцы работали, но самый шик они показали нам в последний день своей работы в шахте. В этот день они, все до единого, выполнили норму на двести процентов, строем и с песней вышли из шахты и сбросили в одну большую кучу свои кирки, лопаты, шахтерские каски...

И на следующее утро их увезли домой...

- В каком году это было?

- Не помню, кажется, в пятьдесят первом.

Немцев-спецпереселенцев и спецпереселенцев других национальностей охранял НКВД, и пока был жив Сталин, а тогда мало кто верил в то, что он тоже смертен, ни о какой реабилитации, а тем более о возвращении на родину нечего было и думать. Они хорошо работали, и, несмотря на официальные "зажимы" и дискриминацию, около шести тысяч спецпереселенцев были награждены медалями "За доблестный труд в Великой Отечественной войне".

От голода к концу сороковых годов они уже не умирали, но больше половины детей-спецпереселенцев не ходило в школу. Причин тому много. Незнание русского, киргизского или казахского языков, на которых велось обучение в Киргизии и Казахстане, нездоровое отношение к ним в школах, а самое главное - не в чем было ходить. Даже просто выйти на улицу было не в чем. У одного своего родственника я видел любительские фотографии балкарских детей в лохмотьях, которые он сделал в 1947 году. И целое поколение балкарцев, да, наверное, и других спецпереселенцев, так и осталось неграмотным.

В пятьдесят третьем году случилось невероятное - умер Сталин. Спецпереселенцы ждали: что будет дальше? Год ждали, другой, третий...

- Черт их разберет, этих начальников, - помню, сказал мой отец, возвратившись как-то после смены домой. - Сегодня нам доклад Хрущева читали, там он про Сталина такое наговорил, что мы от удивления не знали что и делать. Вот и пойми их. Сначала сами кричали: "Слава Сталину", потом и нас приучили так кричать, на фронте с трехлинейкой без патронов на немецкие танки посылали и тоже - "За Сталина". Воевали мы, как все, а нас сюда выслали, и теперь оказывается, что и мы не виноваты, и они в Москве ни в чем не виноваты... А кто Сталина сделал Сталиным?

В один из дней лета пятьдесят шестого мы, пацаны, шли в городской парк, чтобы искупаться в озере, и по дороге увидели толпу мужчин около пивного ларька. Это были балкарцы и чеченцы из наших поселков. Они живописно сидели на пивных бочках с пивными кружками в руках, а оратором был чеченец Ваха, супер-абрек и вольный человек, хоть и работал, как все, в шахте.

- Что это такое! - кричал Ваха. - Я ему сказал, что ничего подписывать не буду. Нас уже двенадцать лет рабами пытаются сделать, больше терпеть нельзя. Клянусь Аллахом, им надо показать, что мы мужчины. Если они меня и всех нас добром не отпустят, то я клянусь этим хлебом, - и он взял лежащий перед ним ломоть узбекской лепешки, - что лично застрелю начальника милиции и всех, кто помешает мне сделать это!

Вечером отец рассказал маме, что на шахту приезжал начальник милиции, собрал всех спецпереселенцев с Северного Кавказа и зачитал бумагу о том, что спецпереселенцы с Северного Кавказа снимаются с учета в комендатурах, но им надо дать подписку о невыезде на родину.

- А мы отказались подписываться, - сказал отец. - Зачем нам бумага, которая ничего фактически не меняет.

И вот осенью пятьдесят шестого нам, наконец, было официально объявлено, что можем возвращаться на родину. Я и предположить не мог, что у нас в поселке хранится так много ружей. Горцев, наверное, не переделать, оружие будут держать всегда, как бы строго ни преследовались за это. Палили в небо залпами.

Первый эшелон с балкарцами отбыл из Кызыл-Кии весной 1957 года. И первыми пассажирами стали моя бабушка и мамины братья и сестры. Их везли бесплатно, как и тринадцать лет назад, но на этот раз с комфортом. Для двух семей со всем нажитым за эти годы имуществом выделялся целый вагон. Можно было везти с собой и скот, для которого тоже были выделены отдельные вагоны.

- Мы назад возвращались очень весело, - рассказывала мне Рая, младшая сестра мамы. - Эшелон ехал быстро, настроение у всех радостное, во время стоянок танцуем, поем, на паровозе и на вагонах красные флаги развеваются, лозунги висят... Хоть в кино снимай!

Приезжаем в наше село Гунделен и идем к своему дому, из которого нас выселяли тринадцать лет назад. А твоя бабушка смотрит на все вокруг и плачет. Такого разорения, говорит, даже немцы при отступлении не сделали. Заборы сломаны, деревянные части домов разрушены, двери сорваны...

- Там никто не жил все это время?

- В том-то и дело, что жили. Подошли мы к своему дому, а у порога сидит новый хозяин.

- Идите сюда, кричит, вот это мой дом, я его продаю. И начинает расхваливать, какой это прекрасный и прочный дом. Смотрите, говорит, какие балки толстые, да и крыша хорошая, без дырок. -Знаем мы этот дом, отвечает ему Батта, вот эти балки и все остальное мы своими руками строили, а ты что в этом доме сделал, как он тебе достался? - Он мне по закону достался, - отвечает тот нахально.- А сейчас я его продаю за пятнадцать тысяч. Берете - дом ваш, нет - проходите дальше. Дали мы ему пятнадцать тысяч, это еще по-старому, он тут же уехал. Дом-то, оказывается, был уже пустой. Они перед нашим приездом вывезли свои вещи и ждали нас в пустых домах, чтобы нам, истинным владельцам, продать их.

Почти все балкарские поселки, расположенные, как и Гунделен, в предгорьях Балкарии, были заселены. Верхние аулы, в которых и проживала основная масса балкарцев, так и стояли все эти годы разрушенными, разграбленными, забытыми... Жить там никто не стал. И не станет, потому что прижиться там может только тот, кто в течение многих веков обживал эти места и был в ладу с окружающей природой.

Арабский мудрец сказал, что когда у человека много домов - у него нет дома. С домами у меня, как и у всех детей бывших спецпереселенцев, рожденных с 1944 по 1957 год на просторах нашей необъятной страны, и в самом деле получается некоторый перебор. Что мы можем считать своей родиной? Я хотел бы иметь маленький уголок страны, к которому был бы привязан всем своим существом и который был бы для меня единственным и самым дорогим, и чтобы я чтил и любил эту землю, как свою мать.

Мои родители не сразу оставили Кызыл-Кию - не смогли поехать домой "за государственный счет" вместе со всеми балкарцами. И на Кавказ я попал только три года спустя. Меня взяла туда моя бабушка, которая каждый год приезжала в Кызыл-Кию, чтобы побывать на могиле деда. После одного из таких приездов я вымолил у родителей разрешение поехать вместе с ней и потом так и остался жить с бабушкой - даже после того, как приехали и поселились в Балкарии и мои мама, папа и брат.

Я с любовью и печалью вспоминаю пыльные и выжженные холмы и горы Кызыл-Кии. Что и говорить, частичка моего сердца навсегда осталась там, где я родился и где прошло мое детство и детство моего брата, там, где осталась в сиротстве могила моего деда и могилы многих других моих родственников и людей моей крови.

Я стар и мне не вернуться,

А вы вернетесь, верьте мне.

Берегите веру и душу,

Чтобы было с чем возвращаться и для чего возвращаться.

Не таите злобу,

Нет в ней смысла.

Оставляю вам завещание:

Спасение - в единении и надежде.

Это мой робкий подстрочный перевод одного из последних стихотворений великого балкарца Кязима Мечиева. "Кязим - мой великий учитель!" - говорил о нем Кайсын Кулиев. - Кязим Мечиев, совесть и душа балкарского народа, воистину народный поэт, поэзию которого любят и знают все балкарцы и чей стотридцатилетний юбилей мы будем отмечать в этом году, умер в 1945 году от голода вдали от своего очага в Безенги, а его могила затерялась где-то там, в казахских степях под Талды-Курганом.

Осознание моей Родины у меня складывалось наподобие мозаичной картины - из разных кусочков и не вдруг. Поэзия Кязима Мечиева и рассказы стариков на сенокосе, старые песни народа и строгая одежда, без контраст-ных цветов и "финтифлюшек" у женщин. А вот еще один из фрагментов: прошел дождь, сквозь облака пробиваются острозубые

заснеженные вершины гор, пахнет травой, старик Махмуд, тихо напевая суру из Корана, гонит своих овечек куда-то вверх по склону…

Моя Родина - и это я ощущаю каждой клеточкой своего тела - синие торы Балкарии. Они прекрасны! И там, среди заснеженных пиков и голубых ледников, в долинах, где рождаются реки Черек, Безенги, Чегем и Баксан, жил и живет теперь мой народ. "О, Аллах! - услышал я как-то тихую молитву моей бабушки, - не допусти с нами больше того, что мы уже однажды пережили. Мы все в твоей воле, и лучше убей нас всех своим гневом за наши грехи, но только не лишай нас земли предков".

Меня всегда мучал и мучает вопрос: за что? За что с нами так поступили? За что хотели сжить со свету наш народ, которого не хватило бы даже на то, чтобы заполнить трибуны довоенного стадиона Динамо"?

Всесоюзная перепись, которая проводилась в 1959 году, выявила, что балкарцев всего тридцать четыре тысячи. Сколько нас было до выселения, сказать трудно. По необработанным данным переписи 1939 года, балкарцев насчитывалось больше сорока тысяч, но некоторые исследователи считают, что цифра эта сильно занижена. Но как бы там ни было, есть факт совершенно неоспоримый. Нет ни одной балкарской семьи, которая не потеряла бы за эти тринадцать лет одного, а то и несколько человек, и эти невосполнимые потери целиком лежат на кровавом счету тех, кто проводил политику геноцида.

Балкарцы - крепкий народ, и, несмотря на наши "перемещения", в процентном исчислении у нас пока не меньше долгожителей, чем у других известных в этом отношении народов.

Я не случайно сказал "пока". Вот какую страшную закономерность я обнаружил: у нас сейчас умирают одновременно люди двух поколений. Умирают те, кому в годы высылки было 35-50 лет, и умирают их дети, которым в те годы было пятнадцать и больше лет. А это говорит о том, что уже в самом ближайшем будущем у балкарцев не будет долгожителей. Наши матери больны. Их здоровье было подорвано голодом, каторжным трудом и чужим климатом. На севере и востоке Казахстана их выгоняли работать в сорокаградусный мороз, а те, кто попал на юг Киргизии, на всю жизнь опалились нещадным сорокаградусным зноем. А кого могли родить замученные женщины? От худого семени нет хорошего племени - так, кажется, говорится.

Балкарцы - потомственные животноводы. И никакая другая деятельность при всем трудолюбии балкарцев не дает такого эффекта, как животноводство. Об этом хорошо помнят хозяйственники Казахстана и Киргизии, об этом прекрасно знают и в родной республике. Но животноводства как отрасли у балкарцев сейчас практически нет из-за нехватки горных пастбищ.

Когда балкарцев вернули домой, то руководство республики предложило поселиться многим из них на равнинах. Но из этого ничего не

вышло. Балкарцы поехали жить среди своих камней, где и живут по сей день. Но там сейчас, утверждает знающий человек, бывший заместитель Председателя Совета Министров КБ АССР, доктор исторических наук Х.И.Хутуев, практически нет ни одного крепкого и даже рентабельного хозяйства, и подавляющее большинство колхозов задолжало государству столько, что, если они продадут все колхозное и личное имущество, то и тогда не смогут расплатиться.

Накануне войны в колхозе села Гунделен балкарцы держали сорок две тысячи овец. Когда колхоз восстановили в 1957 году, государство выделило 12 тысяч овец. Сейчас осталось не более 7 тысяч, но и это стадо нечем кормить. А этот колхоз, между прочим, считается одним из лучших балкарских хозяйств.

Отсутствие традиционной занятости приводит к социальной деградации. Мужчинам некуда приложить силы, ведь в большинстве сел даже работы толком не найти. Пьянство, молодежь кое-где покуривает анашу. Эту привычку балкарцы приобрели на востоке, и хотя наркомания, славу Аллаху, и не стала массовым явлением среди балкарских юношей, нас так мало, что и сотни парней, курящих эту треклятую травку, достаточно, чтобы нанести еще один удар по нашему генетическому коду.

Наши женщины, вечные труженицы, день и ночь работают для того, чтобы в доме был достаток. И он есть, и немалый. А чтобы понять, откуда он приходит, войдите в любой балкарский дом, и вы увидите, что женщины там вяжут и прядут, прядут и вяжут... Весь Союз снабжают шерстяными свитерами, шапочками, носками, шарфами.

Раньше, когда все было нормально и балкарцев никто не трогал, доход семьи зависел от того, сколько она выращивала овец, коров и другой живности. А основную и самую трудоемкую работу по выращиванию скота выполняли мужчины. Вязание было побочным делом, хотя бурки, сделанные руками балкарок, считались лучшими на Кавказе, и говорят, что в них и цари по Европам щеголяли. Мужчина, по традиции, - все еще глава дома, но он лишен возможности заниматься делом, которым в течение веков занимались все его предки. Нарушается образ жизни, древние обычаи и традиции трудового воспитания молодежи постепенно забываются, и многие балкарцы говорят уже на каком-то жутком замесе балкарского и русского языков. Умирают традиции, умирает культура, а значит, умирает народ.

Тиран сгинул тридцать шесть лет назад. А исчезла ли вместе с ним среда, которая вскормила и посадила это чудовище нам на шею? По-моему, нет. Вспомните недавнее, задыхающееся от раболепия обращение "и лично..." А выдавливать из себя по капле, сами знаете кого, мы только-только начали.

Сейчас много говорят о том, каким быть памятнику жертвам сталинщины. Так вот, на привокзальной площади города Нальчика обязательно

надо поставить памятник, на котором перечислить имена всех тех, кто приложил руку к трагедии балкарского народа.

Юность. 1989

Светлана АЛИЕВА

РОДИНА

Старик дрожащими руками толкнул дверцы машины и спотыкаясь заторопился к реке.

Чистое небо, скалы в густоте зелени и шумная, бурливая, голубая, родная, любимая река.

Родина.

Старик подбежал к реке, упал на колени, окунул залитое слезами лицо в ледяную ароматную воду.

Родина.

Смеясь и плача, погружал руки в воду, молился:

За обоих сыновей, павших в боях за родину, - глоток воды из родной реки, воды самой сладкой, самой чистой, самой дорогой...

За дочь, упавшую без дыхания на поле под палящим солнцем изгнания...

За мать моих детей...

За неродившихся внуков...

За брата и его семью...

За сестру и ее детей...

Все близкие умерли за годы разлуки с родиной, - он выжил.

Выжил, чтобы увидеть родное небо, родные горы, родную землю. Чтобы помянуть родных из родной реки.

Чтобы перед смертью поклониться родине.

Чтобы лечь в родную землю.

Нальчик. 1957,
ноябрь

ИЗ НАРОДНОЙ ПЕСНИ

...Все это можно было бы забыть –
Забыть обиды, горе и страданья,
Когда бы мертвые вернулись из изгнанья,
Погибшие совсем не от войны.
Однажды я увидел на рассвете,
Когда пошел послушать песни скал –
В поношенном коричневом бешмете
Седой балкарец камни целовал...

Записал Аслан АТАБИЕВ

Салих ГУРТУЕВ

8 МАРТА 1944 ГОДА

В день праздника беда больнее бьет.
Пропахла гарью скорбная планета.
Подснежники, пробившись в свой черед,
Пытались в мир добавить каплю света.

В день праздника больнее бьет беда.
Дымы из труб не восходили в небо.
И облаков растерянных стада
Над тишиной селений плыли немо.

Тогда беда всего больнее бьет,
Когда душа отворена для счастья.
И, словно птицу, беспощадно влет
Ее сражает горе в одночасье.

В глазах балкарок поселилась скорбь,

Вбирая путь кромешный и печальный.

Был горек час прощания и скор

С родной землей перед дорогой дальней.

Мы были виноваты без вины,

И с женщинами плакала природа.

С тех пор восьмой веселый день весны

Болит в сердцах у целого народа.

1988 Перевод с балкарского Аркадия КАЙДАНОВА

* * *

...Грязное пятно сталинского геноцида до сих пор лежит на моем народе. После переселения на свою родину люди вернулись на пустое место, в пустые дома. Уровень их материального благосостояния до сих пор оставляет желать лучшего, о чем свидетельствует бедность жилищ во многих наших селах. Особо хотелось бы сказать о дискриминации воинов, представителей репрессированных народов, храбро сражавшихся с фашистскими захватчиками. Так, уже после выселения нашего народа восемь балкарцев были представлены за мужество и отвагу к званию Героя Советского Союза, в том числе и посмертно. Однако ни одному из них по указанным выше причинам не было присвоено это высокое звание. И таких фактов немало...

Нужно восстановить историческую правду, сделать вес возможное для того, чтобы народы наконец-то узнали имена своих героев. Только восстанавливая историческую справедливость, отдавая дань глубокого уважения памяти безвинно погибших, незаслуженно обиженных и униженных, мы сможем возвратить национальное благородство, милосердие, нравственность и всемерно укрепить наш общий дом...

Из выступления народного депутата СССР М.Ч.ЗАЛИХАНОВА

на I съезде народных депутатов СССР

НАРОД УБИТЬ НЕВОЗМОЖНО...

Прошло 47 лет с того дня, как балкарцы вместе с некоторыми другими народами были оторваны от своей Родины и брошены в пустыни Азии. Нас обрекали на скорую гибель от голода, непривычного климата и каторжного труда.

Уже 47 лет мы задаем себе этот вопрос - что это было? Воистину глас вопиющего в пустыне. И видно только мы сами сумеем ответить на этот вопрос - своей Судьбой.

Всякое пережитое страдание, осмысленное и прошедшее через душу народа, превращается в его духовный опыт.

Нам хотели дать почувствовать нашу малость, за сутки лишив Родины. Но мы выстояли, сберегли язык, обычаи, свою культуру, живую душу Балкарии. Народ, который не хочет умирать, убить невозможно.

Рассеянные, словно камни разрушенного храма, мы стали вновь собираться в единое целое - в нацию, ибо храм народного духа помогает человеку обрести себя. На этом скорбном пути мы многое теряли, но сохраняли веру в жизнь, и дух не покинул нас. Этот особенный дух, присущий балкарскому народу, как и каждому другому народу на Земле, и движет нами на пути к возрождению. И пусть народные депутаты вычеркнули слово "Балкария" из текста Декларации о суверенитете республики, но Балкария, страна и народ, была, есть и пребудет во веки веков, хотя ныне нас и ожидает трудный путь к возрождению.

С чужбины мы вернулись в разрушенные аулы к разоренным очагам. Жизнь целого поколения ушла на то, чтобы построить их вновь. Придя в себя, мы обнаружили, что у нас нет ничего, кроме проблем.

В наших селах – самые убогие школы и клубы в республике. Нет музыкальных школ и профтехучилищ. Во многих населенных пунктах отсутствует элементарное медицинское обслуживание - как следствие, у нас самая высокая детская смертность в республике. В балкарских селах почти нет предприятий местной промышленности. Молодым людям негде работать. Поэтому многие уезжают в города, годами живут в общежитиях. Ни у балкарского театра, ни у ансамбля" Балкария", ни у общественной органи-зации Тёре нет своих помещений...

Несть числа этим "нет". В единой и неделимой Кабардино-Балкарии Балкария оказалась в роли Золушки.

Все это отнюдь не выражение обиды. Нет, это просто наши проблемы, это просто наша жизнь...

Ведь мы живы, ибо мы вернулись. Нам сказали, что вернули нам права.

Вернулись? Вернули?..

Балкарский форум. 1991. 8 марта

Газета народной общественной организации ТЁРЕ (Балкарский форум).

Семен ЛИПКИН

КАВКАЗ

Я видел облака папах

На головах вершин,

Где воздух кизяком пропах,

А родником - кувшин.

Я видел сакли без людей,

Людей в чужом жилье,

И мне уже немного дней

Осталось на земле.

Но преступление и ложь,

Я видел, входят в мир

С той легкостью, с какою нож

В овечий входит сыр.

Знамя. 1990. № 5.

КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ

Совершенно секретно

ПРИКАЗ

Народного Комиссара Внутренних дел Союза ССР и

Народного комиссара государственной безопасности

№ 00419/00137 от 13 апреля 1944 г., г. Москва

О МЕРАХ ПО ОЧИСТКЕ ТЕРРИТОРИИ КРЫМСКОЙ АССР ОТ АНТИСОВЕТСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ

В связи с предстоящим освобождением Крымской АССР от немецко-фашистских захватчиков приказываем:

1. Наркому внутренних дел Крымской АССР тов. Сергиенко и Наркому Государственной безопасности Крымской АССР тов.Фокину по мере продвижения частей Красной Армии в Крыму немедленно организовывать на освободившейся территории органы НКВД и НКГБ для проведения оперативно-чекистской работы.

Очистить территорию Крымской АССР от агентов шпионских резидентур германских и румынских разведок и контрразведывательных органов, изменников родины и предателей, активных пособников и ставленников немецко-фашистских оккупантов, участников антисоветских организаций, бандитских формирований и иных антисоветских элементов, оказывавших помощь оккупантам.

При проведении изложенных мероприятий широко практиковать привлечение местного населения, оставшегося на оккупированной противником территории.

2. Для лучшей организации этой работы создать в Крымской АССР по мере освобождения ее территории от войск противника следующие оперативные сектора: 1 сектор - Старо-Крымский, с дислокацией в г. Судаке; 2 - Ялтинский, с дислокацией в г. Ялте; 3 - Севастопольский,

с дислокацией в г. Севастополе; 4 - Симферопольский, с дислокацией в

г. Симферополе; 5 - Керченский, с дислокацией в г. Керчи;6 – Евпаторийский, с дислокацией в г. Евпатории; 7 - Джанкойский, с дислокацией в

г. Джанкое.

3.Назначить начальниками оперативных секторов: 1 - полковника госбезопасности тов. Баисанова; 2 - генерал-майора Пияшева; 3 - генерал-лейтенанта госбезопасности тов. Клетова; 4 - генерал-лейтенанта тов. Шередега; 5 - подполковника госбезопасности тов. Шестакова; 6 – комиссара госбезопасности тов.Добрынина; 7 - комиссара госбезопасности тов. Токиева.

4. Для обеспечения секторов оперативным составом тт. Обручникову, Свинелупову командировать в НКВД и НКГБ Крымской АССР 5000 человек, из них 3000 сотрудников НКВД и 2000 сотрудников НКГБ. Сроки пребывания и место определить дополнительно. Тт. Обручникову и Свинелупову в течение 10 дней доукомплектовать штаты НКВД и НКГБ Кр. АССР, доведя численность НКВД до 2000 человек и НКГБ до 1000 человек.

5. Для обеспечения операции войсками выделить 20 000 человек внутренних войск НКВД. В этих целях т. Аполлонову, кроме имеющихся

в настоящее время в распоряжении НКВД Кр.АССР 40, 137, 290 и 298-го стрелкового полков 4-ой стрелковой дивизии внутренних войск НКВД и

23 и 95 пограничных полков пограничных войск НКВД общей численностью 7000 человек - направить в распоряжение НКВД Кр.АССР следующие воинские части: 25-й стрелковый полк из Кутаиси, 170-й стрелковый полк

из Нальчика, 144-й отдельный стрелковый батальон с отдельной снайперской ротой из Еревана, 2 батальона 211 стрелкового полка из Ростова, 36-й мотострелковый полк с отдельным стрелковым батальоном из Баку, 221 и 224 отдельные стрелковые батальоны 25-й стрелковой бригады из состава войск Украинского округа, 1, 2 и 10 мотострелковые полки 1-й мотострел-ковой дивизии из Москвы.

Сосредоточение войск на месте произвести по дополнительному распоряжению.

6. Выполнение настоящего Приказа возложить на замнаркома Гос-безопасности СССР тов. Кобулова, замнаркома Внутренних Дел СССР

тов. Серова, наркома Внутренних Дел Кр.АССР - тов. Сергиенко и

наркома Госбезопасности Кр.АССР тов.Фокина.

Тт.Кобулову, Серову выехать на место и о проводимой в соответствии с настоящим Приказом работе докладывать в НКВД СССР.

Нарком Внутренних Дел СССР

Генеральный комиссар Госбезопасности СССР Л.БЕРИЯ

Народный Комиссар Госбезопасности

Комиссар Госбезопасности. 1 ранга В.МЕРКУЛОВ

Опубликовано в газете "Авдет" ("Возвращение")

Крым (Бахчисарай). 1991. 16 мая.

ТЕЛЕГРАММА

НАРКОМУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ Л.БЕРИИ

НА 1 АПРЕЛЯ 1940 Г. НАСЕЛЕНИЕ В КРЫМСКОЙ АССР НАСЧИТЫВАЛОСЬ 1 126 800 ЧЕЛОВЕК, ТАТАР - 218 ТЫСЯЧ.

ВСЕ ПРИЗВАННЫЕ В КРАСНУЮ АРМИЮ СОСТАВЛЯЛИ 90 ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК, В ТОМ ЧИСЛЕ 20 ТЫС. КРЫМСКИХ ТАТАР. БЫЛИ ВЫСЛАНЫ 62 ТЫС. НЕМЦЕВ *(ИМЕЮТСЯ В ВИДУ СОВЕТСКИЕ НЕМЦЫ – ПРИМ. РЕД.-СОСТ.)*, РАССТРЕЛЯНЫ НЕМЦАМИ 267 ТЫС. ЕВРЕЕВ, КАРАИМОВ, КРЫМЧАКОВ.

50 ТЫС. ЧЕЛОВЕК БЫЛИ НАСИЛЬНО ЭВАКУИРОВАНЫ В КРЫМ НЕМЦАМИ ИЗ КУБАНИ, ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА. 20 ТЫС. КРЫМСКИХ ТАТАР ДЕЗЕРТИРОВАЛИ В 1941 ГОДУ ИЗ 51-Й АРМИИ ПРИ ОТСТУПЛЕНИИ ИЗ КРЫМА.

В ЕВПАТОРИЙСКОМ СЕКТОРЕ ВЫЯВЛЕНА ШПИОНСКО-ДИВЕРСИОННАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ В СОСТАВЕ 67 ЧЕЛОВЕК, СОЗДАННАЯ В 1942 Г. ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТОМ ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ МИЛЬТСОМ ПОД ПРИКРЫТИЕМ КУРСОВ ОВЦЕВОДОВ ЗЕМЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ КРЫМА "ВИКИ".

22.04.1944 Г. Б.КОБУЛОВ И И.СЕРОВ.

Типичная фальшивка, изготовленная для мотивации задуманной депортации крымских татар: так соблюдалась "законность". - (Прим. ред.-сост.).

Из докладной записки БЕРИИ – СТАЛИНУ

...Учитывая предательские действия крымских татар против советского народа и исходя из нежелательности дальнейшего проживания крымских татар по пограничной окраине Советского Союза, НКВД СССР вносит на Ваше рассмотрение проект решения Государственного Комитета Обороны о выселении всех татар с территории Крыма.

Считаем целесообразным расселить крымских татар в качестве спецпоселенцев в районах Узбекской ССР для использования на работе

как в сельском хозяйстве - колхозах и совхозах, так и в промышленности и транспорте. Вопрос о расселении татар в Узбекской ССР согласован с секретарем КП(б) Узбекистана Юсуповым...

Из собрания доктора исторических наук Н.Ф.БУГАЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

Совершенно секретно

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

№ 5859сс от 11 мая 1944 года, г. Москва, Кремль

О КРЫМСКИХ ТАТАРАХ

В период Отечественной войны многие крымские татары изменили Родине, дезертировали из частей Красной Армии, обороняющих Крым, и переходили на сторону противника, вступали в сформированные немцами добровольческие татарские воинские части, боровшиеся против Красной Армии; в период оккупации Крыма немецко-фашистскими войсками, участвуя в немецких карательных отрядах, крымские татары особенно отличились своими зверскими расправами по отношению к советским партизанам, а также помогали немецким оккупантам в деле организации насильственного угона советских граждан в германское рабство и массового истребления советских людей.

Крымские татары активно сотрудничали с немецкими оккупационными властями, участвуя в организованных немецкой разведкой в так называемых "татарских национальных комитетах" и широко использовались немцами для целей заброски в тыл Красной Армии шпионов и диверсантов. "Татарские национальные комитеты", в которых главную роль играли белогвардейско-татарские эмигранты, при поддержке крымских татар направляли свою деятельность на преследование и притеснение нетатарского населения Крыма и вели работу по подготовке насильственного отделения Крыма от Советского Союза при помощи германских вооруженных сил.

Учитывая вышеизложенное, Государственный Комитет Обороны

п о с т а н о в л я е т:

1. Всех татар выселить с территории Крыма и поселить их на постоянное жительство в качестве спецпоселенцев в районы Узбекской ССР. Выселение возложить на НКВД СССР. Обязать НКВД СССР (Т.Берия) выселение крымских татар закончить к 1 июня 1944 г.

2. Установить следующий порядок и условия выселения:

а) разрешить спецпереселенцам взять с собой личные вещи, одежду, бытовой инвентарь, посуду и продовольствие в количестве до 500 кг на семью.

Оставшееся на месте имущество, здания, надворные постройки, мебель и приусадебные земли принимаются местными органами власти; весь продуктивный и молочный скот, а также домашняя птица принимается Наркоммясомолпромом, вся сельхозпродукция - Наркомзагом СССР, лошади и другой рабочий скот - Наркомземом СССР, племенной скот – Нарком-совхозом СССР.

Приемку скота, зерна, овощей и других видов сельхозпродукции производить с выпиской обменных квитанций на каждый населенный пункт и каждое хозяйство.

Поручить НКВД СССР, Наркомзему, Наркоммясомолпрому, Наркомсовхозов и Наркомзагу СССР к 1 июля с.г. представить в СНК СССР предложения о порядке возврата по обменным квитанциям спецпереселенцам принятого от них скота, домашней птицы и сельскохозяйственной продукции;

Это постановление самим крымским татарам известно не было, в печати того времени не публиковалось. Впервые обнародовано в газете "Авдет" ("Возвращение"), Крым (Бахчисарай), 16 мая 1991 г.

б) для организации приема от спецпереселенцев оставленного ими в местах выселения имущества, скота, зерна и сельхозпродукции командировать на место комиссии СНК СССР в составе:

председателя комиссии т. Гриценко (заместитель председателя СНК РСФСР) и членов комиссии - т. Крестьянинова (члена Коллегии Наркомзема СССР), т. Надьярных (члена коллегии НКМиМП), т. Пустовалова (члена коллегии Наркомзага СССР), т. Кабанова (зам.народного комиссара совхозов СССР), т.Гусева (члена коллегии НКФинаСССР).

Обязать Наркомзем СССР (т. Бенедиктова), Наркомзаг СССР (т. Субботина), НКМиМП (т.Смирнова), Наркомсовхозов СССР (т. Лобанова) для обеспечения приема от спецпереселенцев скота, зерна и сельхозпродуктов

командировать, по согласовании с т.Грищенко, в Крым необходимое количество работников;

в) обязать НКПС (т. Кагановича) организовать перевозку спецпереселенцев из Крыма в Узбекскую ССР специально сформированными эшелонами по графику, составленному совместно с НКВД СССР. Количество эшелонов, станции погрузки и станции назначения по заявке НКВД СССР.

Расчеты за перевозки произвести по тарифу перевозок заключенных;

г) Наркомздраву СССР (т. Митереву) выделить на каждый эшелон со спецпереселенцами, в сроки по согласованию с НКВД СССР, одного

врача и двух медсестер с соответствующим запасом медикаментов и обеспечить медицинское и санитарное обслуживание спецпереселенцев в пути.

2. Наркомторгу СССР (т.Любимову) обеспечить все эшелоны со спецпереселенцами ежедневно горячим питанием и кипятком.

Для организации питания спецпереселенцев в пути выделить Наркомторгу продукты в количестве, согласно приложению № 1.

3. Обязать секретаря ЦК КП (б) Узбекистана т. Юсупова, председа-

теля СНК УзССР т. Абдурахманова и Народного Комиссара внутренних дел УзССР т. Кобулова до 1 июня с.г. провести следующие мероприятия по приему и расселению спецпереселенцев:

а) принять и расселить в пределах УзССР 140 - 160 тыс.человек спецпереселенцев - татар, направляемых НКВД СССР из Крымской АССР.

Расселение спецпереселенцев произвести в совхозных поселках, существующих колхозах, подсобных сельских хозяйственных предпри-

ятиях и заводских поселках для использования в сельском хозяйстве и промышленности;

б) в областях расселения спецпереселенцев создать комиссии в составе председателя облисполкома, секретаря обкома и начальника УНКВД,

---

Никакого возмещения спецпереселенцы не получали - здесь и в прочих случаях это лишь симуляция законности. - (Прим. ред.-сост).

возложив на эти комиссии проведение всех мероприятий, связанных с приемом и размещением прибывающих спецпереселенцев;

в) в каждом районе вселения спецпереселенцев организовать районные тройки в составе председателя райисполкома, секретаря райокома и начальника РО НКВД, возложить на них подготовку к размещению и организацию приема прибывающих спецпереселенцев;

г) подготовить гуж-автотранспорт для перевозки спецпереселенцев, мобилизовав для этого транспорт любых предприятий и учреждений;

д) обеспечить население прибывающих спецпереселенцев приусадебны-

ми участками и оказать помощь в строительстве домов местными стройматериалами;

е) организовать в районах расселения спецпереселенцев спецко-мендатуры НКВД, отнеся содержание их за счет сметы НКВД СССР;

ж) ЦК и СНК УзССР к 20 мая с.г. представить в НКВД СССР т. Берия проект расселения спецпереселенцев по областям и районам с указанием станции разгрузки эшелонов.

4. Обязать Сельхозбанк (т. Кравцова) выдавать спецпереселенцам, направляемым в УзССР, в местах их расселения ссуду на строительство домов и на хозяйственное обзаведение до 5000 рублей на семью с рассрочкой до 7 лет.

5. Обязать Наркомзаг СССР (т.Субботина) выделить в распоряжение СНК Узбекской ССР муки, крупы и овощей для выдачи спецпереселенцам

в течение июня-августа с.г. ежемесячно равными количествами, согласно Приложения № 2.

Выдачу спецпереселенцам муки, крупы и овощей в течение июня-августа с.г. производить бесплатно в расчет за принятую у них в местах выселения сельхозпродукцию и скот.

6. Обязать НКО (т. Хрулева) передать в течение мая-июня с.г. для усиления автотранспорта войск НКВД, размещенных гарнизонами в районах расселе-ния спецпереселенцев в УзССР, Казахской ССР и Киргизской ССР, авто-машин "Виллис" 100 штук и грузовых 250 штук, вышедших из ремонта.

7. Обязать Главнефтеснаб (т. Широкова) выделить и отгрузить до

20 мая 1944 г. в пункты по указанию НКВД СССР автобензина 400 т и в распоряжение СНК УзССР - 200 т.

Поставку автобензина произвести за счет равномерного сокращения поставок всем остальным потребителям.

8. Обязать Главснаблес при СНК СССР (т. Лопухова) за счет любых ресурсов поставить НКПСу 75 000 вагонных досок по 2, 75 м каждая с

поставкой их до 15 мая с.г., перевозку досок НКПСу произвести своими средствами.

9. Наркомфину СССР (т. Звереву) отпустить НКВД СССР в мае с.г. из резервного фонда СНК СССР на проведение специальных мероприятий 30 млн. рублей.

Председатель Государственного Комитета Обороны И.В.СТАЛИН

Послано: тт.Молотову, Берия, Маленкову, Микояну, Вознесенскому, Андрееву, Косыгину, Гриценко, Юсупову, Абдурахманову, Кобулову (НКВД УзССР), Чадаеву - все; Шаталину, Горкину, Жданову А.А., Смирнову, Субботину, Бенедиктову, Лобанову, Звереву, Кагановичу, Митереву, Любимову, Кравцову, Хрулеву, Жукову, Широкову, Лопухову - соответственно.

ТЕЛЕГРАММА

МОСКВА НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ТОВАРИЩУ БЕРИЯ Л .П.

ПО СОСТОЯНИЮ НА 18 ЧАСОВ 19 МАЯ Т.Г. ПОДВЕЗЕНО СПЕЦКОНТИНГЕНТА К СТАНЦИЯМ ПОГРУЗКИ 165 515 ЧЕЛОВЕК ОТПРАВЛЕНЫ К МЕСТАМ НАЗНАЧЕНИЯ 50 ЭШЕЛОНОВ ЧИСЛЕННОСТЬЮ 136 412 ЧЕЛОВЕК ОПЕРАЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

19 МАЯ 1944 г. СИМФЕРОПОЛЬ - КОБУЛОВ СЕРОВ

Из собрания доктора исторических наук Н.Ф.БУГАЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

Секретно

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

№ 5937с от 21 мая 1944 года, Москва, Кремль

1. Разрешить НКВД СССР (т. Берия) направить в целлюлозно-бумажную промышленность и леспромхозы Наркомлеса, обеспечивающие целлюлозно-бумажные комбинаты древесиной, в Молотовскую, Горьковскую, Свердловскую области и Марийскую АССР 10 000 семейств переселяемых крымских татар.

2. Обязать Наркомат целлюлозно-бумажной промышленности и Наркомлес принять и разместить для работы на предприятиях целлюлозно-бумажной промышленности и леспромхозах, обеспечивающих целлюлозно-

бумажную промышленность древесиной, направляемые к ним 10 000 семей спецпереселенцев.

Разрешить НКВД СССР в районах размещения спецпереселенцев-татар на предприятиях Наркомлеса и Наркомата целлюллозно-бумажной промышленности создать спецкомендатуры.

Председатель Государственного Комитета Обороны

И.В.СТАЛИН

Послано: Молотову, Берия, Чеботареву, Салтыкову, Чадаеву.

Публикация «Авдет» (Возвращение).

Крым (Бахчисарай). 1991. 16 мая

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

от 30 июня 1945 года

О преобразовании Крымской АССР В Крымскую область

в составе РСФСР

Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик п о с т а н о в л я е т:

Утвердить представление Президиума Верховного Совета Российской Советской Федеративной Социалистической Республики о преобразовании Крымской АССР в Крымскую область в составе РСФСР.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

М. КАЛИНИН

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А. ГОРКИН

Сборник законов СССР. 1938 - 1961 М., 1961- С.67

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

О переименовании сельских советов и населенных пунктов Крымской области.

Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР

Н.ШВЕРНИК

Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР

И.БАХМУРОВ

Москва, Кремль

21 августа 1945 года

Василий СУББОТИН

БОРЬБА С ИСТОРИЕЙ

Рассказ-воспоминание

Я не мог видеть, как выселяли из Крыма татар, но прекрасно помню, как переименовывали крымские села, еще носившие к тому времени прежние, крымско-татарские, как считалось, названия. Поручено это было ответственному секретарю тогдашнего "Красного Крыма", старому газетчику, человеку очень кроткому и очень исполнительному, педантичному, необычайно требовательному к себе и к другим, всю свою жизнь работавшему в этой газете. Я его хорошо знал. Вот как это было.

Вопрос о переименовании был включен в повестку дня открывающейся сессии областного Совета. Сессия открывалась на другой день, а позвонили в редакцию вечером, когда уже все разошлись. Ответственный секретарь был в ту ночь дежурным по номеру. Именно ему и позвонили из обкома (в то время там работали ночами), а потом и списки прислали, довольно длинные, на многих страницах. Известно ведь, что за долгие и долгие века на древней земле этого полуострова жили и готы, и скифы, и греки, и генуэзцы, и вместе и рядом с татарами жили тут и караимы, и крымчаки. Да мало ли кто тут жил еще. И все это, конечно, отразилось в названиях не только рек и гор, но и сел, и городов крымских. Однако же

люди, готовившие к утверждению на сессии списки подлежащих незамедлительному переименованию великого множест-ва больших и малых населенных пунктов, не могли, конечно же, отличить Судак генуэзский от тюркского Джалмана.

Надо ли говорить о том, что секретарь редакции, никогда до того времени не занимавшийся подобного рода делами, растерялся. Фантазия у него была скованной, он, насколько себя помнил, никогда ничего не писал сам, а всегда только правил чужие, другими написанные статьи и заметки

А теперь ему предстояло дать новые имена старым, с детства знакомым ему населенным пунктам, всем многочисленным городкам и поселкам, к которым он привык, как привыкает человек к своему дому, к своей земле. Газета еще не была подписана, из типографии продолжали поступать только что оттис-нутые полосы, а он так и не знал, с чего начинать, каким делом ему заниматься раньше. Человек он был добросовестный, честный, но ведь не о нем речь. Главное, времени у него было мало. Он был в затруднении.

Но тут на столе у себя заметил он толстую книгу. Это был старый, много лет служивший ему справочник, к которому то и дело приходилось обращаться, как того требовала газета. Короче говоря, была это изданная

еще в прошлом веке "Плодовая школа" графа Раевского, успешно занимав-шегося когда-то селекционированием крымских плодовых и ягодных. И сам секретарь, и работники сельхозотдела очень ценили этот труд. Он взял справочник в руки. И скоро в его списке против старых названий появились новые, взятые из этого справочника. Газета, как я уже сказал, не была еще подписана в печать, и ему то и дело приходилось отрываться, однако начало было положено. Он вздохнул свободнее, ибо видел, что выход найден. Сна-чала налегал он на крупные плоды, затем перешел на косточковые, но вскоре, однако, заметил, что справочник не так богат, как это ему показалось пона-чалу. Так что от косточковых и семячковых пришлось ему вскоре перейти к ягодным. И тем не менее в списке все еще оставалось много старых селений, старых наименований.

И тогда он набрел на новую идею. Человек он был хотя и не военный, но война только что прошла, и много слов еще висело в воздухе, и он, как газетчик, лучше, чем кто-нибудь другой знал их, они все еще были в ходу.

И он решил ими воспользоваться. К тому же попалась другая, лежавшая у него на столе книга, которая называлась "В боях за освобождение Крыма", незадолго перед тем подаренная ему автором. Теперь-то уж он точно знал, что вышел из положения.

К утру он представил свой список.

Вот почему те, что приезжают сейчас в Крым, выезжают из Айвового

и попадают в Абрикосовое, выезжают из Танкового и попадают в Гвардейское.

Только поэтому!

Литературная газета 1991. 30 янв.

ЗАКОН ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

Об упразднении Чечено-Ингушской АССР и преобразовании Крымской АССР в Крымскую область

Во время Великой Отечественной войны, когда народы СССР героически отстаивали честь и независимость Родины в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, многие чеченцы и крымские татары по наущению немецких агентов вступали в организованные немцами добровольческие отряды и вместе с немецкими войсками вели вооруженную борьбу против частей Красной Армии, а также создавали по указке немцев диверсионные отряды для борьбы с Советской властью в тылу, причем основная масса населения Чечено-Ингушской и Крымской АССР не оказывала противодействия этим предателям родины.

В связи с этим чеченцы и крымские татары были переселены в другие районы СССР, где они были наделены землей с оказанием необходимой государственной помощи по их хозяйственному устройству.

По представлению Президиума Верховного Совета РСФСР Указами Президиума Верховного Совета СССР Чечено-Ингушская АССР была упразднена, а Крымская АССР преобразована в Крымскую область.

Верховный Совет Российской Советской Федеративной социалистической республики

ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1.Утвердить упразднение Чечено-Ингушской АССР и преобразование Крымской АССР в Крымскую область.

2. Внести соответствующие изменения и дополнения в статью 14 Конституции РСФСР.

Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР

И. ВЛАСОВ

Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР

И.БАХМУРОВ

Москва, Кремль

25 июня 1946 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР

Об уголовном наказании за побег с места спецпоселения граждан крымско-татарской национальности сроком на 20 лет каторжных работ.

Москва, Кремль

21 ноября 1947 года

Текст Постановления был размножен и вывешен в комендатурах, куда крымские татары являлись для отметки. Со всего взрослого крымско-татарского населения были взяты подписи об ознакомлении с настоящим Постановлением.(прим. ред.-сост.)

За первые полтора года в тисках "особого режима", по данным переписи народа - списочному составу - от массовой смертности погибло 46,2% от общей численности всего высланного народа. Это около 200 тысяч жизней, из них - 100 тысяч детей...

Из обращения крымско-татарского народа к Белградскому совещанию...

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР

Учитывая общность экономики, территориальную близость и тесные хозяйственные и культурные связи между Крымской областью и Украинской ССР, Президиум Верховного Совета СССР п о с т а н о в л я е т:

Утвердить совместное представление Президиума Верховного Совета РСФСР и Президиума Верховного Совета УССР о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской Советской Социалистической Республики.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

К.ВОРОШИЛОВ

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А. ПЕГОВ

Москва, Кремль

19 февраля 1954 г.

Сборник законов СССР. 1938-1961.

М., 1961. С. 78

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О снятии ограничений по спецпоселению с крымских татар, балкарцев, турок - граждан СССР, курдов, хемшидов и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны

Учитывая, что существующие ограничения в правовом положении находящихся на спецпоселении крымских татар, балкарцев, турок - граждан СССР, курдов, хемшидов, выселенных в 1943-1944 гг. с Северного Кавказа, из Грузинской ССР и Крыма, в дальнейшем не вызывается необходимостью, Президиум Верховного Совета СССР п о с т а н о в л я е т:

1. Снять с учета спецпоселения и освободить из-под административного надзора органов МВД лиц, указанных выше.

2. Установить, что снятие ограничения с указанных лиц и членов их семей не влечет за собой возвращения их имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда выселены.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

К.ВОРОШИЛОВ

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А.ПЕГОВ

Москва, Кремль

28 апреля 1956 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О порядке применения статьи 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года

Президиум Верховного Совета СССР п о с т а н о в л я е т:

Разъяснить, что граждане татарской национальности, ранее проживавшие в Крыму и члены их семей пользуются правом, как и все граждане, проживать на территории Советского Союза в соответствии с действующим законодательством о трудоустройстве и паспортном режиме.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

Н.ПОДГОРНЫЙ

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

М. ГЕОРГАДЗЕ

Москва, Кремль

5 сентября 1967 г.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О гражданах татарской национальности, проживавших в Крыму

После освобождения в 1944 году Крыма от фашистской оккупации факты активного сотрудничества с немецкими захватчиками определенной части проживавших в Крыму татар были необоснованно отнесены ко всему татарскому населению Крыма.

Эти огульные обвинения в отношении всех граждан татарской национальности, проживавших в Крыму, должны быть сняты, тем более,

что в трудовую и политическую жизнь общества вступило новое поколение людей.

Президиум Верховного Совета СССР п о с т а н о в л я е т:

1. Отменить соответствующие решения государственных органов в части, содержащей огульные обвинения в отношении граждан татарской национальности, проживавших в Крыму.

2. Отметить, что татары, ранее проживавшие в Крыму, укоренились на территории Узбекской и других союзных республик, они пользуются всеми правами советских граждан, принимают участие в общественно-полити-

ческой жизни, избираются депутатами Верховных Советов и местных Советов трудящихся, работают на ответственных постах в советских хозяйственных и партийных органах, для них ведутся радиопередачи, издается газета на родном языке, осуществляются другие культурные мероприятия.

В целях дальнейшего развития районов с татарским населением поручить Советам министров союзных республик и впредь оказывать помощь и содействие гражданам татарской национальности в хозяйственном и культурном строительстве с учетом их национальных интересов и особенностей.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

Н.ПОДГОРНЫЙ

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

М.ГЕОРГАДЗЕ

Москва, Кремль

5 сентября 1967 г.

Эмиль АМИТ

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО...

Воспоминания

По утрам обычно мать будила меня ласковым голосом, прикасаясь к плечу. В этот раз подняла рывком и поставила на ноги. Я никак не мог проснуться, ноги подгибались, но она вновь ставила меня, что-то бессвязно и ласково говорила со слезами в голосе. Руки у нее тряслись, и ей никак не удавалось натянуть на мою вялую руку рукав вельветовой тужурки.

В комнате тускло горела керосиновая лампа. Громыхали сапоги, раздавались грубые нетерпеливые голоса. Я уловил оружейный запах, который любой мальчишка смог бы определить после трех с половиной лет оккупации. За окнами еще было черно, и я никак не мог понять, кто пожаловал к нам в такую рань.

Мне едва исполнилось пять, и люди в военной форме для меня все были на одно лицо. Своих врагов я научился узнавать по выражению лица мамы и бабушки. Потом дедушка объяснил, что у наших солдат на пилотке или фуражке обязательно бывает звездочка.

У солдат, которые к нам пришли, на пилотках были звезды. Но почему так суровы их лица, и так растеряны и перепуганы мама с бабушкой? И дедушка сидит на табурете, бледный, прислонясь к стене. У него, наверное, опять прихватило сердце. С ним это случается после контузии, полученной еще в первую империалистическую.

Мне трудно было понять происходящее еще и потому, что всего несколько дней назад я видел своими глазами, как фашисты удирали, бросив на окраине деревни батарею, не успев сделать ни одного выстрела. А через час или полтора в нашу деревню Буюк-Актачи вступили передовые части советских войск. И по дороге, ведущей к Сакам, пошли машины с прицеп-ленными к ним пушками и сидящими в кузовах бойцами. Как раз вокруг пышно цвела сирень, и степь, изрытая воронками и траншеями, пестрела цветами. Вдоль дороги толпились жители деревень, кидали охапки цветов в кабины и кузовы машин и прямо под колеса. Солдаты улыбались, махали руками, что-то кричали, ловили грозди сирени, прижимали к лицу. Иногда кто-нибудь на ходу соскакивал на землю, подбегал к толпе, узнав кого-то из близких - мать, жену, сестру или просто знакомых - начинались объятия, слезы; через мгновение, с трудом вырвавшись из объятий родных, солдат бежал к ожидающей его у обочины машине.

А эти, совсем не улыбчивые - не свои, чужие?

- Именем Советской власти!.. За измену Родине!.. Пять минут на сборы! Собирайтесь! Брать не более двадцати килограммов на человека! Живо, живо!..

Маму и бабушку я никогда прежде такими не видел. Хотя нет, у них был такой же потерянный вид в то страшное утро, когда пришли гестаповцы забирать моего отца. Это было всего год назад. Я все отчетливо помнил.

Я не доставал до рукомойника, и мама сама умывала меня в то утро

на кухне. Едва намылила лицо, как дверь загромыхала, грозя слететь с петель. Мать метнулась в прихожую, но там уже было полно гестаповцев, которые внушали ужас одной своей формой. Ее оттолкнули, вошли в комнату, где уже несколько дней лежал с высокой температурой отец.

Мне защипало глаза от мыла, я никак не мог дотянуться до руко-мойника. Бабушка быстро ополоснула мое лицо, и я кинулся в комнату.

Отца уже выводили, поверх нижнего белья у него было накинуто пальто. Он подхватил меня и прижал к груди, я щекой ощутил щетину на

его лице. Кто-то рванул меня из его рук и швырнул на пол, я больно ударился о нижний угол сундука..

Да, в то утро мама и бабушка были в точности так же перепуганы.

Еще бы: у тех, кто явился, на тульях фуражек были череп и скрещенные кости.

А эти в пилотках и на них красные звезды!..

С улицы доносились голоса команды и плач женщин, выли собаки,

как перед землетрясением, грохали выстрелы, и собаки, заскулив, затихали.

Мама попросила разрешения выкопать в саду чемодан. Хорошо, что вспомнила про него. Перед самым приходом немцев отец закопал в саду чемодан со своими рукописями и фотографиями родственников, друзей, из-за которых нам могло очень непоздоровиться, попади они на глаза фашистам. Моего отца, Османа Амита, хорошо знали в Крыму. Он был поэтом. Кроме того, переводил на родной язык русскую и украинскую классику. В его переводах крымско-татарские читатели знакомились с произведениями А.С.Пушкина, И.С.Крылова, Т.Г.Шевченко, М.Ю.Лермонтова. В 1941-м должен был выйти новый сборник собственных стихотворений и поэм отца, но помешала война. Книга так и осталась в рукописном варианте. В чемодане находились и отдельные главы из поэмы "Сеит-оглу Сейдамет", над которой отец работал несколько лет и мечтал закончить после войны. Мечте его не суждено было осуществиться. После многодневных пыток в застенках гестапо г. Саки поэт Осман Амит был казнен.

Солдат, к которому мать обратилась с просьбой вышел в коридор, посовещался с капитаном. Ей разрешили выкопать чемодан.

Место, где был спрятан чемодан, она знала только приблизительно, видела в окно, когда отец закапывал его между деревьями, но взяла лопату

и поспешила в сад в сопровождении солдата и капитана...

Некоторые подробности того кошмарного утра мне стали известны значительно позже, но, думается, рассказать о них уместнее здесь. Несколькими часами раньше, едва перевалило за полночь, бабушка проснулась от осторожного постукивания в окно. Открыв дверь, она узнала майора, накануне квартировавшего в нашем доме. Он проскользнул в прихожую и торопливо заговорил шепотом: "Я многим рискую, но не могу не предупредить. Если об этом узнает мое начальство, не сдобровать ни мне, ни вам. Так вот... - он замялся, отведя в сторону взгляд, ему не просто было произнести такое: - Утром вас всех будут выселять. Так что упаковывайте побыстрее самые ценные вещи, У Джанкоя погиб мой друг, спасая мне жизнь. Он был из этих мест. Сердце ноет, когда думаю про его родных.

Ни о чем не спрашивайте! Ничего больше не скажу. Прощайте!" - и ушел, растворясь в темноте.

Бабушка разбудила деда. Он был человеком религиозным. Подумав, сказал: "Такого не может быть, Аллах не допустит. Да и зачем нас куда-то выселять?.."

Они долго сидели, не зажигая лампы, и молчали. Боялись произнести вслух, о чем думали. Могильной жутью веяло от слов майора: "Утром вас всех будут выселять". Еще совсем недавно изгонялись фашистами евреи и цыгане. Их вывозили, а потом всех поголовно расстреливали.

Бабушка принялась перебинтовывать руки. У нее были опалены брови и ресницы.

В тот день, когда фашисты, побросав все, бежали из Буюк-Актачей. жители прятались по закуткам, боясь попасться им на глаза.

Мы отсиживались в школьном погребе с двумя другими многодетными семьями, жившими поблизости. Бабушка вдруг почувствовала запах гари и выбралась наружу.

Машины с немцами выезжали со двора, отставшие догоняли их, на ходу карабкались через высокие борта. Из окон школы, где они устроили казарму, валил дым. Бабушка, заведовавшая этой школой более двадцати лет, бросилась туда.

Фашисты, уходя, разбросали по всему помещению, которое прежде было классом, соломенные матрацы и выгребли на них из печи жар. Огонь переползал с матраца на матрац, начал гореть пол, языки пламени уже лизали подоконники. Бабушка, задыхаясь от дыма, стала хватать горящие матрацы и выбрасывать в окна, сбивать пламя подвернувшейся под руку немецкой шинелью.

Грозный окрик заставил ее обернуться. Сквозь дым она увидела фашиста, расстегивающего кобуру. Но едва он направил на нее, остолбеневшую, наган, как за ним вдруг возник другой, офицер, и как ни странно, схватил первого за руку, громко отчитывая и пытаясь вытолкать. Хлопнул выстрел, пуля ушла в потолок. Офицер выпихнул напарника из школы, они пробежали, пригибаясь, под окнами и исчезли.

Обеспокоенный долгим отсутствием бабушки, вылез из погреба дед. Они вдвоем спасли школу. Когда вернулись в погреб, черные от копоти, мы испугались: у бабушки обгорели руки, лицо.

Все это время, когда в родном Крыму уже не осталось ни одного врага и люди стали привыкать к тому, что не слышно нигде выстрелов, бабушка жила мыслью, от которой становилось светло на душе: вот минует лето и дети Буюк-Актачей опять соберутся в школе.

Когда чуть забрезжил рассвет, дед вышел на улицу и через несколько минут вернулся. "Что-то, видимо, будет, - сказал он. - Деревня оцеплена

солдатами. Я не успел выйти, а мне сразу: "Назад! Стрелять буду!.." Ничего не понимаю".

А в половине шестого постучали в дверь.

Даже заранее предупрежденные бабушка и дед не могли решить, что с собою брать.

- Ну, что вы стоите? Время же идет! - сказал один из солдат, и в его голосе вроде бы даже прозвучало сочувствие: - Хлеб в доме есть? А мука? Что в дороге будете есть?..

Их было двое, этих солдат. Пока мать искала зарытый в саду чемодан, они содрали со стены ковер, опрокинули в него содержимое сундука, связали веревками крест-накрест, подняли вдвоем и потребовали: "Выходите!"

Подталкиваемый в спину солдатом приблизился к машине, с которой разносились крики, плач, Абульваап-акай, семидесятилетний старик. Он нес, прижимая к груди, несколько печных железных труб. Еще в начале войны он получил известие о гибели единственного сына. Год назад от тифа умерла его невестка, благодаря которой он до той поры и жил на этом свете.Четырехлет-него внука забрал кто-то из ее родственников в соседнюю деревню. Один остался Абульваап-акай, как перст один.

- Совсем тронулся старик! - засмеялся солдат. - Я ему: "Возьми пожрать что-нибудь!", а он какой-то драный коврик для молитвы под мышку сует. Я коврик выкинул, он за эти трубы... Ну, и хрен с тобой, думаю...

Трубы у старика тоже отобрали и зашвырнули подальше, а самого подсадили в кузов, уже битком набитый людьми.

Бабушка и дед замерли, прижавшись друг к дружке, на узле. Я расположился на коленях у деда. Он крепко держал меня, будто боялся, что потеряет. Мне на шею капнула его слеза.

Рядом с нами пристроилась на корточках в углу глубокого кузова Капье-апте, прижимая к себе двух малышей, и отрешенно глядела перед собой. О чем она думала? Скорее всего о муже и четверых своих сыновьях, которые в это время были на фронте. Она еще не знала, что из них вернется только один, ее средненький, Сервер, покалеченный, но при орденах. Но сможет пробыть с ними всего час или два...

Солдаты неистово ругались. Нам и невдомек было, что стоим из-за моей мамы.

А она тем временем искала чемодан. Капитан поглядывал на часы, нервничал, начал уже ругаться: "Скорее, скорее! Тебя вся колонна ждет!" Она копала здесь, копала там, наконец, лопата легко вошла в рыхлую землю. Полсада разрыла, пока нашла то, что искала. Чемодан истлел,

пролежав в земле три с половиной года. Когда капитан его вырвал из рук матери, он развалился, посыпались листы бумаги, книги, фотографии. Капитан разворошил все это ногами, но не найдя ничего ценного, закричал: "Из-за этого ты, сука, дурила нам голову?!" Мама соскребла бумаги в кучу, запихнула их вместе с землей в чемодан. Вернуться в дом ей уже не позволили, и она в обнимку с чемоданом направилась к машине.

Нас привезли в Саки на вокзал, куда согнали выселенных из города

и близлежащих деревень. Погрузили в товарные вагоны, которые не удосужились даже подмести после того, как возили скот. Нестерпимо пахло навозом и мочой. Справа и слева от входа были сколочены широкие нары, нам повезло: досталось место наверху, ближе к окошку, перевитому колючей проволокой. Сюда проникал свежий воздух, и дышалось легче. Внизу, на полу, под нарами и на нарах тоже сидели, тесно прижавшись друг к дружке, люди. Если кому-то надо было куда-то пройти, приходилось перешагивать через других.

Дверь со скрежетом захлопнулась. Стало темно. Поезд тронулся...

...Так была запущена машина по уничтожению стариков, женщин, детей. Никто не знал, куда их везут, зачем. Никто даже не удосужился ознакомить народ с Постановлением ГКО от 11 мая 1944 года, по которому крымско-татарскому народу как этносу по существу был вынесен смертный приговор. Кто-то решил, что приговоренным не обязательно знать его, важно, чтобы знали исполнители.

Входили в ГКО те, кому не привыкать было изобретать подобные приговоры: И.В.Сталин (председатель), В.М.Молотов (заместитель), К.Е.Ворошилов, Г.М.Маленков, Н.А.Булганин, Н.А.Вознесенский, Л.М.Каганович, А.И.Микоян. Выселение осуществлялось войсками НКВД под непосредственным руководством Берии и его ближайших помощников Кобулова и Серова.

За время оккупации, длившейся более трех лет, тысячи трудоспособных крымских татар были угнаны в Германию, а часть населения истреблена гитлеровцами. Оставшиеся в подавляющем большинстве были женщины, дети, старики, не пригодные к строевой службе. Приведем для сравнения данные о половозрастном составе 188 тысяч крымских татар, депортированных 18 мая 1944 года по постановлению ГКО. Примерно 50 процентов из них составляли дети до 16 лет, 35 процентов - женщины, и лишь 15 процентов (т.е. около 28 тысяч) - мужчины, включая стариков, инвалидов, бывших партизан и партийно-хозяйственный актив, успевший возвратиться в Крым из эвакуации для восстановления Советской власти...

...На станциях больших городов двери вагонов не открывались. Перед составом прохаживались часовые с автоматами. Случалось, два битком набитых состава останавливались рядом на параллельных путях. Господи, что творилось тогда у крошечного вагонного окошка! Каждому хотелось

пробраться к нему, чтобы, в кровь исцарапав о колючую проволоку руки и губы, прокричать в пространство: "Какой райо-он?.. Какая деревня-а-а?!"

Строгий оккупационный режим не позволял людям свободно ходить из деревни в деревню. Люди стосковались по близким. Дождавшись освобождения, родственники ринулись друг к другу справиться, кто как пережил оккупацию, кто жив, кого не стало... Выселение настигло людей не дома, а на пути и в гостях - так настигает человека стихийное бедствие, землетрясение, оползень, буря, извержение вулкана. Кто искал мать и отца, кто - детей, а кто брата, сестру... Из стоящих рядом вагонов неелись те же вопросы, крики, мольбы, плач. Люди с трудом слышали друг друга.

Двери вагонов открывались обычно на полустанках, где поезд стоял несколько минут. Задыхающиеся люди жадно глотали свежий воздух, расступались, чтобы вдохнули его и больные, которые не могли подползти к выходу. А вдоль вагонов торопливо шагал офицер в синей фуражке с солдатами и, заглядывая в вагон, задавал один и тот же вопрос: "Трупы есть?.. Трупы есть?.." И не было случая, чтобы из вагона кого-то не вытаскивали: чаще всего старого человека или ребенка. Его тут же, в трех-четырех метрах от железнодорожной насыпи, расковыряв ложбину, забрасывали песком и щебенкой. А чаще всего и этого не успевали сделать. Поезд трогался. Труп оставляли у дороги. Обезумевших от горя родственников с трудом отрывали от него, пинками и прикладами загоняли в вагон.

В нашем вагоне первым умер Абульваап-акай. С того момента, как мы отправились в путь, он не взял в рот ни крошки, люди предлагали ему и сухарик, и сушеный сыр, и семечек. "Не отрывайте от своих детей, им надо жить, а мне уж ни к чему..." - говорил он и отталкивал дающую руку. Его оставили на обочине.

Много времени спустя я услышал, что его дошедший до Берлина сын вернулся после Победы и отыскал в чужой стороне своих односельчан. Ему рассказали, как умер его отец и где был оставлен. Говорят, он поехал на тот полустанок и несколько дней ходил с мешочком вдоль путей. И если ему попадалась какая-то кость, он, думая, что это кость его отца, бережно поднимал. Он выкопал могилу и похоронил кости, которые собрал.

Часто на больших станциях кто-нибудь стучал в дверь и, рассчитывая на милосердие прохаживающегося напротив солдата, просил открыть ее, чтобы сбегать за водой, но у солдата была инструкция. В ответ неизменно слышалось: "Молчать, продажная шкура!" Или: "Заткнись, предатель!"

"Почему он нас так называет, оджапче ? Что мы такого сделали?" - обращались односельчане к моей бабушке.

Бабушка и мама были единственными образованными людьми в вагоне. Они учительствовали в Буюк-Актачинской школе. Бабушка получила образование еще до революции, владела французским, играла на фортепиано, гитаре. С помощью мамы она до войны организовала в деревне прекрасный кружок художественной самодеятельности. Создали свой

оркестр. Благо, музыкантов искать не приходилось. Трудно было найти татарскую семью, в которой никто не играл на каком-либо инструменте. Скрипка, кларнет, бубен, флейта, труба были наиболее распространены. В сельском клубе молодежь пела, танцевала, ставила пьесы Чобан-Заде, Ильяса Тархана, небольшие инсценировки о нерадивых по басням И.С.Крылова, переведенным на крымско-татарский язык моим отцом.

Вот и сейчас люди тянулись к моей бабушке, спрашивали: "Какие

же мы предатели, Фера-оджа? Разве мы не построили у себя Советскую власть? Разве теперь не отдали своих сыновей, чтобы они ее защищали?.."

Бабушка, наверное, впервые не находила ответов на их вопросы...

... Кто-то могущественный уже давно вынашивал черные планы относительно крымских татар. С конца тридцатых годов все настойчивее стали подчеркиваться именно негативные стороны взаимоотношений Крымского ханства со славянскими народами, муссировалась мысль о набегах татаро-монголов на Русь, об угоняемых ими русских людях, пополнявших невольничий рынок в Кафе, но ни словом не упоминалось нигде о том, что завоеватели продавали на том же рынке самих крымцев (именовавшихся в русских летописях кипчаками, половцами, куманами). Захватив в 1239 году Крым, монголы пленили 12 тысяч крымских джигитов. Через генуэзских торговцев-пиратов они были проданы султану Египта.

И тот, учтя воинские способности этих джигитов, создал из них гвардию.

И во второй половине XШ века власть в Египте переходит в руки выходцев из Крыма (мамлюков). Их военачальник Бейбарс, родом из Солхата, провозглашает себя султаном. В Египет бегут многие крымцы от гнета Золотой Орды. С этого времени начинается развитие и процветание на египетской земле крымско-тюркского (кумайского) языка и литературы, которое длится более трех веков.

"...Из нынешних крымских, казанских, оренбургских татар едва ли есть один человек, происходивший от воинов Батыя. Нынешние татары - потомки прежних племен, живших в тех местах до Батыя и покоренных Батыем, как были покорены русские. Пришельцы-завоеватели все исчезли, все были истреблены ожесточением порабощенных", - писал Н.Г.Чернышевский. Современная наука говорит о том, что "в процессе формирования крымских татар приняли участие не-тюркоязычные - тавры, скифы, античные греки, сарматы, аланы, византийцы, готы - и тюркоязычные предки - гунны, тюрко-булгары, хазары, печенеги (IV-IX вв.), половцы, кыпчаки и золотоордынские племена (XI-XVI вв.)".

Однако было, видимо, в чьих-то интересах не замечать разницы между завоевателями-монголами и покоренными ими племенами, за которыми впоследствии было закреплено название (не самоназвание! - Э.А.) "татары". После образования "Золотой Орды" на Руси татарами стали называть все тюркские племена, населяющие Причерноморье, Кавказ и

Среднюю Азию. И в 30-е годы кто-то ловко пользовался этим, чтобы разжечь неприязнь между славянским и тюркоязычным населением юга России, изымая из памяти народной века тесной дружбы и родства крымцев и русичей. Не заглядывая в глубь тысячелетий, вспомним хотя бы факт участия крымцев в русско-французской войне начала XIX века. В 1806, году мусульманское население Крыма во главе в муфтием Муртазой Челеби и мурзами Прошением, поданным на Высочайшее имя через бывшего тогда Таврического губер-натора Дмитрия Борисовича Мертваго, изъявило желание выставить нужное число конных полков на своем иждивении для защиты Отечества.

Император Александр 1, милостиво восприняв Прошение, Высочайше повелел указом за N 2272 "разработать четыре конных полка из крымских татар, по образцу казачьих". Сформированные полки получили названия уездов, население которых представляли. Таким образом в марте 1807 года были созданы Симферопольский, Перекопский, Кезлевский (Евпаторий-ский), Феодосийский полки.

До открытия военных действий крымско-татарские полки находи-лись на прусской границе, а в 1812 году, с началом Отечественной войны, принимали участие во всех сражениях в составе корпуса атамана Платова и особо отличились в Бородинской битве. Полки эти в составе русских войск дошли до Парижа...

Революция на территории Крымского полуострова в силу особых социально-политических условий произошла несколько позднее, чем в России, в январе 1918 года. Однако рабоче-крестьянское правительство в Крыму просуществовало всего 75 дней. Под натиском немецких интервен-тов и белогвардейцев большевики оставили Крым. Республика Таврида пала. Начался белый террор. Большую подпольную работу вел тут до марта 1919 года брат Ленина - Дмитрий Ильич Ульянов. Ему удалось сколотить спаян-ную большевистскую группу из образованных татарских деятелей, в которую входили Али Баданинский, Досмамбет Аджи, Селим Меметов, Сулейман Идрисов, Осман Халилов, Халил Тынчеров, Исмаил Арабский, Умер Тархан, Якуб Тархан и другие. В начале 1920 года в Симферополе было организовано "Мусульманское коммунистическое бюро" при подпольном Крымском Окружном комитете РКП/б/. В самый напряженный период подготовки к вооружённому восстанию против врангелевского режима в Крыму по доносу провокатора поручика Сурина подпольная организация была раскрыта. Шестеро ее руководителей были казнены, остальные отправлены на каторгу. В это же время в Алуштинском и Судакском районах активно действовал, уничтожая врангелевцев, татарский полк Крымской повстанческой армии, сформированной знаменитым партизанским командиром Османом Деренай-ырля. Когда М.В.Фрунзе в ноябре 1920 года штурмовал Перекоп, Деренайыр-ля ударил по белогвардейцам с тыла.

18 октября 1921 года Всероссийский Центральный Комитет и Совет Народных Комиссаров принял постановление "Об образовании Крымской

Автономной Советской социалистической республики". И подписал его В.ИЛенин. Приветствуя принятие постановления, газета "Жизнь националь-ностей" писала: "...Нельзя было без внимания оставить то важное обстоя-тельство, что самая компактная часть крымской деревни - татары, состав-ляющие вместе с немногочисленным пролетариатом городов базу советской власти в Крыму... Это наряду с Азербайджаном и Туркестаном еще один ярко вспыхнувший маяк, которому суждено притянуть к себе все лучшие стремления и чаяния многонационального Востока. ...Крымская республика - это закрепление максимума автономных прав и инициатива для широких трудовых масс коренного населения в деле культурного экономического возрождения" (25 окт. 1921 г.).

По конституции Крымской АССР государственными языками ре-спублики принимаются татарский и русский.

За короткое время трудящиеся Крыма, основную часть которого составляли крымские татары, добились немалых результатов. За успехи в сельском хозяйстве, обеспечившие экономический подъем колхозов и совхозов, а также выполнение обязательств перед государством Крымская АССР 3 января 1934 года одной из первых в стране была награждена орденом Ленина. Потом были 1936-1938 годы, трагические для всех народов страны, войны - с финнами и гитлеровцами...

Но люди, отправленные в неизвестность, под стук колес думали не о прошлом, а о том, что ждет их впереди. Матери, отцы, сестры, жены, дети советских воинов, сражающихся в это время с фашистами, мучительно размышляли, почему их обзывают "продажными шкурами". Не было ни одной семьи, из которой кто-нибудь не был на фронте. И всем хотелось верить, что произошла чудовищная ошибка, что скоро о ней, об этой ошибке узнает дорогой товарищ Сталин, отец народов, разберется и прикажет возвратить всех обратно. И не один из едущих порывался написать и писал письмо "дорогому вождю".

О чем же они писали? Конечно, об активном участии крымских татар в партизанском движении. В книге "Крым", изданной в 1943 г., политиче-ским управлением Черноморского флота, сказано: "...подавляющее большинство крымско-татарского народа, изнывающего под ярмом про-клятого "нового порядка", сопротивляется немецким захватчикам". А

газета "Красный Крым" от 18 февраля 1944 года сообщала, что за оказанное сопротивление и помощь партизанам оккупантами сожжены "десятки татарских деревень, а сотни и тысячи крымских татар казнены". Да, это действительно было так и многие тысячи крымских татар продолжали сражаться против фашистов на фронте. В сводках военных лет не раз упоминались имена легендарного военного асса, дважды Героя Советского Союза Амет-хана Султана, Героев Советского Союза А.Решидова, С.Сеитвелиева, Т.Абдуля, У.Абдураманова, кавалеров орденов Славы трех степеней Б.Сеттарова, С.Абдураманова, Н.Велиуллаева, М.Караева, М.Реизова, генералов Исмаила Болатова, Аблякиа Гафарова. А в это время

их семьи, изнывающих от жажды и голода, обзываемых "продажными шкурами", в темных смрадных вагонах везли в неизвестном направлении. Письма с дороги писали "отцу народов" командиры и комиссары партизанских отрядов А.Аединов, С.Менаджиев, М.Мамутов, Н.Билялов и многие другие. Они сообщали, сколько их земляков было в отрядах и как они воевали, а с теми, кто пошел в услужение к фашистам, они расправились сами.

Двое из троих комиссаров партизанских соединений в Крыму - Р.Мустафаев и М.Селимов - и десятеро из тридцати комиссаров партизанских отрядов были татарами. В одном только Южном соединении партизанских отрядов Крыма, состоявшем из 2300 человек, третью часть составляли крымские татары. А их в то время было всего 19,4 процента к общему числу населения Крымской АССР...

...Из переднего вагона послышалась песня. Пели хором. Потом песня донеслась и из того, что следовал за нами. Кто-то слабым, но чистым голосом запел и в нашем вагоне. Его поддержали другие.

Историю крымских татар, начиная с древнейших времен, можно проследить по народным песням. Люди пели "Порт-Артур" - о том, как крымские джигиты во время русско-японской войны бились насмерть с самураями, защищая дальневосточные границы Отечества, и "Шомпол" – о кровавых событиях 1919 года, когда во дворе Ханского дворца в Бахчи-сарае белогвардейцы шомполами забили насмерть 25 молодых джигитов, отказавшихся идти к ним на службу.

На пятый или шестой день изгнания в наглухо закрытых душных вагонах крымские татары пели песни, родившиеся уже в пути. Многие из них живы по сей день и по праву считаются народными. "Родимый Крым, я не говорю "прощай!", "Откройте же двери вагона!", "Что ты, воин, глядишь сурово?..", "Успею ли вернуться, пока не погас огонь в очаге?.."

и другие.

Мы ехали долго. Около месяца. Стук колес вколачивался в душу,

мозг, тело. Я сейчас его слышу, когда закрываю глаза, снова раскачивает меня вагон и скрипит...

Часть эшелонов с репрессированным народом направилась в Сибирь, часть на Урал, а наш повернул на юг, в Среднюю Азию. И по обеим сторонам железнодорожной насыпи по всему долгому пути в изгнание остались лежать непогребенными трупы - детей, женщин, стариков...

..."Великий кормчий" тем временем позаботился о том, чтобы все совершаемое было по закону. Пока подручные Берии сочиняли обвинения, которым оправдывалось осуждение всего крымско-татарского народа целиком, писателям и ученым было дано особое задание: изъять из памяти все, что касается крымских татар, замазать черной краской то, что не сразу

удастся забыть. Срочно издаются путеводители по Крыму, учебники, печатаются стихи и проза, разжигающие в читателе презрение, ненависть к крымским татарам, пробуждающие чувство благодарности к тому, кто избавил от этих зверей и варваров. Товарные составы с набитыми битком семьями сражающихся на фронтах были еще в пути, а уже в Симферополе состоялось специальное заседание ученых. После него академик Б.Д.Греков в соавторстве с Ю.В.Бромлеем оповестил через "Вестник АН СССР", кто из их коллег действовал в "угоду татарским буржуазным националистам", тогда как главной задачей является рассмотрение истории Крыма "в свете указаний, содержащихся в основополагающих трудах И.В.Сталина".

Срочно стала переписываться история Крыма, которая, по высказыванию П.Надинского, содержала "много принципиальных ошибок и извращений исторической действительности" и не могла отвечать требованиям времени без таких характеристик: "... крымские татары мало и неохотно занимались хозяйственным трудом. Основным их занятием были беспрерывные войны и разбойничьи набеги с целью грабежа и наживы..." "... Ликвидация Казанского ханства позволила России активизировать борьбу против крымских захватчиков. России в этой борьбе помогало также донское казачество, затрудняя действия крымских хищников..." и т.д. и т.п. *(Очерки по истории Крыма. Крымиздат, 1952; История СССР. М.: "Просвещение", 1979. Т.1).*

И было стерто, сожжено, предано забвению все, что писалось о крымских татарах Л.Толстым, А.Чеховым, М.Горьким, И.Франко, Л.Украинкой, И.Коцюбинским, В.Короленко, все, что хоть отдаленно напоминало высказывания поэта и художника Максимилиана Волошина, жившего в Крыму и дружившего с татарами: "...Греческая и готская кровь совершенно преображают татарство и проникают в него до самой глубины мозговых извилин. Татары дают как бы синтез всей разнообразно пестрой истории страны. Под просторным и терпимым покровом Ислама расцветает собственная подлинная культура Крыма. Вся страна от Меотийских болот до южного побережья превращается в один сплошной сад: степи цветут фруктовыми деревьями, горы - виноградниками, гавани - фелюгами, города журчат фонтанами и бьют в небо белыми минаретами. В тенистых улицах с каменными и деревянными аркадами, в архитектуре и в украшениях домов, в рисунках тканей и вышивках полотенец догорает вечерняя позолота византийских мозаик и обретают сияние вязи итальянского орнамента...".

Не потому ли имя поэта долгие годы предавалось забвению, что он был честным человеком, относился одинаково к людям разных национальностей, и творчество его не умещалось в идеологические рамки сталинских "историков"?

В Крыму заинтересованные и ответственные лица спешно распространяли страшнее страшного слухи о зверствах крымских татар, об этом без устали вещали радио и пресса...

... Наш эшелон выгрузили в Голодной степи, на станции Урсатьевск. Почти вплотную к железнодорожной насыпи подступали пологие подково-образные барханы с жухлыми кустиками травы. И нигде ни единого деревца, где можно было бы укрыться от палящего солнца. Разгуливает ветер, больно жалит лицо песок, глаз не открыть.

Приказано - ждать! А чего?.. Солдаты прохаживались вдоль насыпи и хмуро поглядывали на сидящих кучками возле своих вещей людей, заросших, оборванных, грязных. Было много больных. Они лежали на тряпках, а то и прямо на песке, стонали, просили пить. Мой дед тоже забо-лел в пути, бредил. Мама и бабушка сидели возле него и руками сгоняли с его лица зеленых мух...

Проходили часы. Люди без еды, без питья, без надежды на чье-либо сочувствие сидели и ждали своей участи. Быть может, за теми барханами их заставят копать для себя рвы-могилы? Тогда зачем было везти их так далеко?..

Неожиданно все оживились, повеселели. Высокий, статный старик с белой, как у имама, бородой, бесшумно ступая в мягких чарыках, провали-ваясь по щиколотку в песок, переходил от семьи к семье, проводил по бороде ладонями и говорил одно и то же: "Мужайтесь. Товарищ Сталин получил наши письма. Он нас в беде не оставит. Советскую власть в Крыму я строил вот этими руками, она справедливая, не даст свершиться беззаконию. Мужайтесь и надейтесь..."

- А ну-ка, взять этого агитатора! - послышался голос офицера. - Что он там лопочет про товарища Сталина?

- Хвалит его, - сказал кто-то из сидящих.

- Хвалит? - хмыкнул офицер. - Там разберемся, как он его хвалит.

Двое солдат взяли старика под локти и куда-то увели. Больше его никто

не видел.

Наконец, под вечер издалека донеслось погромыхивание высоких фургонов, каких в Крыму сроду не видели. Они прибыли за нами, чтобы увезти еще дальше, в глубь полупустынной степи с таким страшным названием Голодная...

С тех пор мне кажется, что самые гиблые места на земле - это там, где пески перемежаются с болотами.

Нас разместили в поселке "Баяут", в облупленнных, полузанесенных песком и пылью хижинах, давным-давно кем-то брошенных. Лет пятнадцать-двадцать назад сюда ссылали раскулаченных, которые в большинстве своем, наверное, умерли, и потому местные узбеки не без основания объясняли происхождение названия местности от "Байи ют", то есть "Проглоти бая". Тут весь день докучали мухи, а с наступлением вечера не давали житья

комары. Людей стали косить желудочно-кишечные инфекционные заболевания и малярия.

По утрам, еще затемно, по поселку разъезжал верхом бригадир и, не слезая с лошади, стучал черенком плетки в окно или в дверь, выгонял всех на работу. Его обычно сопровождал конный сотрудник НКВД - дабы не возникло у кого-нибудь желания отлынивать от работы, прикинувшись больным. Работали на хлопковых полях. Многие там, между грядок, и умирали. Голодностепская целина еще только осваивалась. Она еще недостаточно была удобрена костями местных "врагов", пришлось везти их еще и из Крыма.

Я на весь день оставался с больным дедушкой один. Порой он начинал задыхаться, и я открывал дверь. Но в нее влетало больше мух и комаров, чем воздуху. Я клал дедушке на лоб мокрое полотенце, садился на высокий порог и смотрел на дорогу. По ней провозили в арбах умерших. Тела их были при-крыты рогожей, а из-под нее торчали серые ступни, большие, поменьше и совсем крошечные.

Первыми начали умирать дети. И сейчас у меня перед глазами мой сверстник, пятилетний Мидат, который корчится на полу, схватившись за живот, и умоляет слабеющим/голосом: "Маму позовите... Маму позовите..."

А мы, собравшиеся у его изголовья мальчишки, не знали, где ее искать. Она вернулась вечером и застала тело своего ребенка уже остывшим.

С каждым днем становилось хуже и моему деду. И однажды, когда бригадир утром громко постучал в дверь, бабушка, сказав, что муж ее тяжело болен, попросила разрешить ей или дочери остаться сегодня дома. Тогда подъехал, гарцуя на гладкой лошади, военный и коротко бросил: "Я вас обеих сейчас отправлю туда, откуда не скоро вернетесь!" Такое с некото-рыми из наших односельчан уже случилось - они и вправду не вернулись обратно. Судили быстро и беспощадно. Ссылали на Колыму, в Магадан, в места, из которых мало кто возвращался.

Мама с бабушкой отправились на работу, поторапливаемые едущими позади них всадниками.

И как только мы с дедом остались одни, ему сделалось совсем худо.

Он пытался мне что-то сказать, но язык его не слушался, будто вспух, не умещался во рту. Голова его металась по подушке, а руки мяли края простыни. Я подал ему мутной воды, только что принесенной из арыка.

Но край кружки дробно постукивал о его сжатые зубы, и вода проливалась ему на шею. Я обнимал его и плакал. Мелькнула мысль: "Может, позвать соседей?" И все-таки я не побежал за ними.

Позади нашего дома в большом дворе с садом жила красивая девочка, старше меня года на три. У нее были папа, мама, дедушка и бабушка.

Однажды ее папа угощал ребятишек сушеным урюком, давая каждому по полной пригоршне. Я тоже протянул ладонь. Он грубо пихнул меня в грудь: "А ты убирайся отсюда!"

Но эта девочка все равно мне нравилась. Однажды я ее встретил на улице, она ела кукурузную лепешку, лепешка эта одуряюще пахла. А у меня во рту и маковой росинки не было с утра. Я не выдержал и попросил отщипнуть мне кусочек. Девочка окинула меня с головы до ног презрительным взглядом, бросила хлеб наземь и вмяла его в пыль, покрутив пяткой.

И все равно девочка не перестала мне нравиться. У нее были большие веселые глаза, множество косичек и такая красивая вышитая бисером тюбетейка.

Однажды я увидел ее в окно. Мне очень хотелось привлечь ее внимание, чем-то ее задобрить. Я решил показать ей мамины бусы, а если захочет, даже дать подержать. Бусы были прозрачные и голубые, под цвет маминых глаз. Мама ими очень дорожила, отец привез их из Москвы, когда ездил на Первый съезд писателей. Мама надевала и редко - берегла.

Я достал бусы из шкатулки и вышел на улицу, показал их издалека девочке. Она подошла, настороженно улыбаясь. "Хочешь посмотреть?" - спросил я и протянул ей бусы, как вдруг она схватила их так, что нитка порвалась, и голубые звездочки посыпались в пыль. Я кинулся собирать, но она, смеясь, стала расшвыривать их ногой.

Кто-то из взрослых, проходя мимо, спросил:

- Ай-яй, девочка, зачем ты это сделала? Нехорошо.

- Они убили моего дядю! - со злостью сказала девочка, и глаза у нее сверкнули, как у рассерженной кошки. - Мой дядя погиб в Крыму!

Я вспомнил обо всем этом и, наверное, поэтому не побежал за помощью к соседям. Гладил влажный дедушкин лоб, его шершавые руки и захлебываясь слезами, спрашивал, что для него сделать, но он молчал, смотрел не меня и молчал. Не знаю, сколько прошло времени: дедушка успокоился, а я уснул. Так мама и бабушка вечером, придя с работы, и застали меня, спящего в обнимку с умершим дедом.

По мере того, как я взрослел, меня все больше мучила совесть, что я

не позвал к умирающему людей: быть может, они спасли бы...

Да, крымские татары в местах ссылки ежедневно умирали во множестве. Их нередко не успевали хоронить, дети оставались сиротами. Когда умирал мой дед, с ним рядом находился я, шестилетний ребенок. Язык ему уже не повиновался. Но передо мной до сих пор - его глаза. Взглядом можно сказать, оказывается, гораздо больше, чем словами. И диалог этот между мной и им будет длиться, пока существует память.

По мусульманскому обычаю, женщинам во время похорон не положено быть на кладбище. Деда похоронили незнакомые люди. А я не запомнил его могилы, не смог показать ее затем бабушке и маме: там были сотни одина-ковых могил. И не смогли мы по обычаю поставить у его изголовья камень с эпитафией или изречением из Корана. Вместо этого - много лет спустя – я написал стихотворение. Единственное. Быть может, оно заменит ему баш-ташы - надгробный камень.

Аминь.

В первый же месяц по прибытии в Узбекистан умерло более 40 тысяч крымских татар. И не последнюю роль в этом сыграло то обстоятельство, что местное население встретило сосланных как своих личных врагов. Понять же их было можно...

Антикрымско-татарская пропаганда и здесь была поставлена на конвейер. Над целым народом был совершен акт насилия. Закономерен вопрос - почему? Власти должны были объяснить населению, мотивировать, за что народ наказан. Короче - узаконить произвол.

До прибытия в Среднюю Азию эшелонов с депортированными агитаторы из республиканских, областных, районных аппаратов в срочном порядке "разъясняли" местному населению, что везут к ним изменников, предателей, "продажных шкур", что мол, ваши отцы, братья, мужья, сыновья сражаются с фашистами, а эти... Нетрудно представить, как относились

к прибывающим люди, у которых погибли на войне близкие. Их ненависть к "изменникам" была вполне объяснима. Не могу забыть еще один случай...

Нас было пять-шесть голодных ребятишек. Кто-то бросил камень в крону дерева, усыпанного спелыми абрикосами. Тут же раздался окрик, и все убежали. Только один, самый младший из нас, не смог побороть искушения, нагнулся и стал собирать упавшие на землю абрикосы и пихать в рот. Его поймали. С размаху ударили о землю. Он там и остался. Покор-чился и затих...

Немало минуло времени, пока местное население начало что-то понимать. Возвращались с фронта десятки покалеченных, безруких, безногих солдат, побрякивая орденами на груди, они разыскивали своих матерей, жен, детей, а их уже и на свете-то не было...

И узбеки тогда, поняв, что была содеяна чудовищная несправедливость, стали делиться с крымскими татарами последним куском лепешки, последней горстью кишмиша или орехов...

Еще и сейчас, спустя сорок пять лет после той трагедии, не обнародованы точные данные о количестве прибывших в Среднюю Азию спец-

переселенцев. В докладной записке тогдашнего заместителя наркома общественного порядка Узбекской ССР генерала М.Беглова сообщалось, что только в эту республику было переселено 151424 человека, в основном стариков, женщин и детей. Это не считая тех, кто погиб в долгом пути, бежал или был расстрелян: охрана открывала огонь по тем, кто пытался на остановках без разрешения выйти из вагона за питьевой водой.

После Дня Победы последовал второй поток - теперь ссылались победители. По прибытии на место они тотчас брались на учет спец-комендатурами, после чего им надлежало ежемесячно ходить "на подпись", чтобы засвидетельствовать, что они никуда не сбежали, находятся в пределах района, границ которого не имеют права пересекать без разрешения коменданта. Вчерашние воины, независимо от количества наград, Герои Советского Союза автоматически становились предателями, изменниками родины, для этого оказалось достаточным родиться крымским татарином.

Из среды крымских татар вышли 4 генерала, более 80-ти полковников и более 100 подполковников, много офицеров и младшего комсостава. За образцовое выполнение боевых заданий во время войны, за умелое руководство, за личное мужество все они отмечены высокими наградами. Семь крымских татар удостоены высокого звания Героя Советского Союза, а один - Амет-хан Султан - удостоен этого звания - Дважды.

35 крымских татар стали кавалерами орденов Славы, из них – пятеро - кавалеры орденов Славы 3-х степеней.

Из 32-х руководителей подпольных организаций Крыма - 25 были крымскими татарами.

В годы Великой Отечественной войны 50 000 сынов и дочерей крымских татар, отличившихся на полях сражений, удостоены правительственных наград.

Свыше 19% взрослого татарского населения, оставшегося в Крыму после призыва в действующую армию, сражались против гитлеровцев в партизанских отрядах и подполье.

Все они были объявлены предателями и были сосланы. Этим страшным клеймом помечены и те 26000 крымских татар, которые погибли в боях, защищая честь и свободу родины, и те 12000 граждан крымско-татарской национальности, которые в период оккупации были уничтожены карательными экспедициями фашистов. Потому их имена и не высекались

на обелисках, возводимых в память о погибших на центральных площадях крымских городов и селений, их имена были приговорены к забвению.

Имена тоже подлежали ссылке.

В начале войны многие из крымско-татарских писателей, сменив перо на автомат, пошли защищать Родину от фашистских захватчиков. Большинство из них погибло смертью храбрых.

Это были те ДВЕНАДЦАТЬ, как впоследствии назвали их, которые по зову сердца встали грудью на защиту Отечества и не вернулись с поля боя. Это о них потом, много лет спустя, будет издана книга "Памяти Двенадцати", где увековечены их имена. Назовем же и мы их поименно: Ыргат Кадыр (1905-1945), Амди Алим (1905-1942), Осман Амит (1910-1942), Максуд Сулейман (1908-1945), Бекир Ваап (1915-1945), Азам Амет (1909-1942), Мамут Дибаг (1905-1942), Меннан Джаманаклы (1916-1942), Абляй Шамиль (1905-1942), Таир Усеин (1911-1942), Осман Батыров (1910-1942), Эннан Алимов (1912-1941)... Вечная им слава!

Двенадцать человек, павших в боях за Родину. Это почти половина тогдашнего состава крымских писателей!

В начале шестидесятых годов в Крымском отделении Союза писателей появилась мемориальная доска, на которой было помещено несколько имен погибших на войне крымско-татарских писателей, как видно, стараниями их бывших соратников по перу. Незамедлительно последовал из высших руко-водящих инстанций области приказ - уничтожить, стереть, забыть. Сослать!.. Что и было сделано.

Имена четверых (а почему не всех?) крымско-татарских писателей удостоились чести быть означенными на мемориальной доске в фойе Союза писателей Узбекистана...

... По Баяуту молниеносно разнесся слух о том, что с войны вернулся сын Капье-апте. "Который?" - спрашивали люди: - У нее четверо их на войне!" "Сервер. Моряк. Вся грудь в орденах!.."

Месяц ездил он из города в город, отмерял шагами пыльные дороги от кишлака к кишлаку, искал своих. Наконец, разыскал дом, где жили мать с двумя его младшими братишками. Малышей застал одних. Лежат в полутемном сарае на рогожке, голодные, сил нет подняться. И брата не узнают. Мало ли нынче солдат с войны возвращается?.. Только когда Сервер сказал, что он их старший брат, оба с трудом поднялись и повисли у него на шее. А мать третьего дня ушла из дому и все никак не возвращается. Хозяин дома дал им полмешка семечек, чтобы они не померли с голоду. Мать семечки те пожарила и пошла на базар продать их и купить детишкам хлеба. И пропала...

Где искать мать, которую с начала войны не видел? Во дворе собрались люди, стали советовать пойти к коменданту, у него спросить. Кроме него никто не поможет. Комендант тут - и царь, и бог.

Накормил Сервер братишек нехитрым солдатским пайком да пошел потихоньку, хромая и опираясь на палку, к коменданту.

Оказывается, мать уже третий день сидела в КПЗ комендатуры.

- Вместо того, чтобы искупать свою вину честным трудом на хлопковом поле советского совхоза, она занялась спекуляцией! - сказал коменданту моряку.

- Выпусти ее, гнида! - сказал матрос, бледнея.

- Ну-ну, полегче! Я тебе язык быстро укорочу! - процедил комендант, поднимаясь с места и расстегнув на всякий случай кобуру. - А ну-ка, подпиши вот эту бумагу! И будь добр каждый месяц являться на подпись!

Матрос снял с себя бушлат, увешанный орденами и медалями, и огрел ими коменданта по лицу.

Тот завопил и, паля из нагана в воздух, выскочил наружу, клича себе на помощь.

Сервер налег на дверь КПЗ, но она оказалась прочной. А у него после ранения не те были силы, что раньше. Мать узнала его по голосу, ее душили слезы, и она не могла произнести ни слова. И он не успел ничего сказать, кроме: "Мама!.. Мама! Я вернулся!.." Тут влетел комендант с подручными, скрутили ему руки, выволокли...

...Сервер вернулся из Воркуты десять лет спустя, после амнистии 1956 года. Мать в живых не застал. Разыскал только одного из братьев. Когда мать умерла, их определили в разные детские дома. Так младшего и не нашли, неизвестно, жив ли...

Чтобы вконец не расстраивать Сервера, никто не рассказал ему, что спустя несколько дней после того, как его братьев определили в детский дом, какой-то всадник волоком таскал из кишлака в кишлак, приторочив к седлу за ногу на длинной веревке труп мальчишки и расспрашивал, чей он, этот вор, которого изловили на огороде, когда тот обламывал свежие початки кукурузы. На месте и забили палками и камнями, чтобы другим не повадно было. Труп был в пыли, грязи, лицо сплошное месиво, невозможно было узнать в нем кого-то... Вскоре, однако, люди прослышали, что младший братец Сервера из детского дома сбежал, чтобы разыскать брата – предпо-ложили, что это он и был...

О Сервере, обо всех тех, кто в матросских бушлатах и просоленных солдатских робах приезжал в прокаленные солнцем земли, ставшие местом изгнания их близких, родных, вспоминается, когда смотришь кадры тогдашней кинохроники. По дорогам страны мчатся эшелоны, увитые цветами, развозят по домам победителей. Как радостны лица советских солдат, как счастливы женщины и дети, обнимающие их. А ведь среди них, наверное, едут и крымские татары, такие же победители. Что ждет их?..

На протяжении долгих 12 лет, до принятия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года "О снятии ограничений по спец-

поселению с крымских татар, балкарцев, турок - граждан СССР, курдов, хемшидов и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны", умер каждый третий из 400 тысяч депортированных крымских татар.

Думается, давно настала пора расставить точки над і, сказать советскому народу прямо и честно, кто и по отношению к кому совершил вероломство.

Крымские татары, ветераны и их близкие, устали ждать о себе честного слова. Молодежь, как в глотке свежего воздуха, нуждалась в произведении,

в котором были бы правдиво показаны их отцы, деды, на чью долю выпало защищать Родину - как на фронте, так и на территории, оккупированной врагом. Но события, связанные по времени с оккупацией Крыма, до сих пор не находят объективного освещения в литературе. Вместо этого в 1947 году появился роман П.Павленко "Счастье" - о величайшем счастье, которое обрели те, кто остался в Крыму, очищенном от варваров. Но если верить старой русской поговорке о том, что "на чужом несчастье счастья не построишь", то вряд ли силком привезенные туда из центральных районов России и Украины поселенцы действительно были счастливы.

Однако «отцу народов» такое произведение не могло не понравиться: партийный заказ писателем был выполнен, и за этот роман он был удостоен Сталинской премии.

Время менялось трудно и медленно. Прошли целые десятилетия, пока родилась на свет повесть А.Приставкина "Ночевала тучка золотая..." Два писателя - два разных мира. В одних и тех же событиях депортации неповинных людей, в их обреченности на верную гибель один увидел счастье, другой - трагедию.

К сожалению, на сегодняшний день повесть А.Приставкина, пронзительно правдиво поведавшая о трагических днях в жизни чеченцев и ингушей, единственная. Зато как "плодотворно" потрудились И.Козлов ("В крымском подполье"), А.Первенцев ("Честь смолоду"), вместе с ними и И.Вергасов ("Крымские тетради"), который не пощадил и боевого соратника Бекира Османова, с которым не раз ходил в разведку – не изменив даже имени, вывел его... турецким шпионом. Как же без устали порочили они крымских татар, будучи верноподданными великого из великих. Принять за чистую монету то, о чем рассказывают эти, с позволения сказать, писатели, могут только те, кто полностью не информирован. Вернее, дезинформирован. Упомянутые произведения служили именно этой цели. На это же были направлены все публикации в газетах и журналах. Если речь заходила о партизанском движении в Крыму, то имена активных подпольщиков - крымских татар - замалчивались, а если никак уж нельзя было обойтись без упоминания участников боевых

действий, татарские имена просто русифицировались. Пожалуйста, примеры:

1. Командир разведгруппы партизанского отряда "Севастополь-Балаклава" Сейдали Агаев во всех публикуемых материалах упоминается как С.Агеев.

2. Командир разведгруппы 17-го партизанского отряда Северного соединения Сейдали Куртсеитов стал С.Курсаковым.

3. Руководитель самой крупной подпольной организации в Симферополе Абдулла Дагджи проходит только как Дядя Володя (подпольная кличка).

4. Руководитель Сарайменской подпольной организации "Молодая Гвардия" на Керченском полуострове Алиме Абденнанова - Аня (резидент военной разведки).

5. Руководитель Феодосийской подпольной организации "Алев"-"Пламя" Асие Аметова - Ася.

6. Комиссар Восточного соединения крымских партизан Рефат Мустафаев - Лагутин.

7. Командир Ялтинского партизанского отряда Южного соединения Сераджедин Менаджиев - Сергей М.

8. Руководитель подпольной группы Сарайменской подпольной организации Наджие Баталова - Батаева.

9. Знаменитый партизанский командир Мишка-Татар, Герой Польской народной республики Умер Акмолла Адаманов – Михаил Атаманов.

Нередко приходится слышать и чаще, разумеется, в Крыму, что фашисты в период оккупации благоволили к крымским татарам и не причиняли им зла. И это не соответствует истине, которую давно уже пора восстановить.

Разве не в Бахчисарае в первый же день вступления фашистов в город на центральной площади было повешено восемь человек? Вот их имена: Юсуф Таиров, Абла Ибраимов, Лютфие Аединова (тринадцати лет), Халил Османов, Алим Куршунов, Юнус Фетиев, Усеин Джаппаров, Мамут Аметов.

В течение 1941-1944 гг. фашистами казнено в городе более 350 крымских татар - коммунистов, партизан, подпольщиков. Фашисты снимали все это на кинопленку и демонстрировали населению, пытаясь его запугать.

Десятки крымских татар расстреляны в Алуште, на берегу реки Демирджи, десятки - у подножья горы Кастель, десятки - в деревнях Улу-Сала, Кызыл-Таш, Дегирменкой, Тав-Бодрак, Салы и многих, многих других.

В июле 1988 года страна узнала из информации ТАСС о том, что вокруг партизанских районов в горной части Крыма были сожжены все деревни, создана "мертвая зона". Да, это действительно так. Было уничтожено более семидесяти татарских деревень. В них проживало более 25 %

от общей численности всех татар в Крыму. В этих деревнях, располагавшихся в лесной глуши, в горах, жили только крымские татары.

Всему миру известны мемориалы в Хатыни и Саласпилсе. Трагедия, постигшая жителей Хатыни, постигла и жителей крымских деревень, но тщетно было бы искать в Крыму хоть какой-либо памятник, напоминающий людям о том, что и крымские татары пережили тяжелую трагедию.

Но народ носит дорогие ему имена в своем сердце, разве забудет он имя казненной фашистами восемнадцатилетней отважной разведчицы Алиме? Люди стоя слушают песни, посвященные ей. И разве найдется хоть одни крымский татарин, который не склонит головы перед памятью о легендарном летчике-испытателе дважды Герое Советского Союза Амет-хане Султане...

А вот семьи, каждая из которых достойна отдельного памятника:

Азиза Асанова из г.Симферополя, пять человек - казнены все.

Асана Халилова из деревни Суин-Аджи, Симферопольского района, семь человек - казнены все.

Ибраима Аметова из г.Алушты, одиннадцать человек - казнены все.

Бекира Дагджи из деревни Корбек, Алуштинского района, семь человек, включая семидесятилетнюю мать - казнены все.

Ибраима Халила из г. Бахчисарая, включая четверых детей - сожжены заживо все.

Муртазы Бекира из деревни Буюк-Янкой, Симферопольского района - расстреляна жена с пятью детьми.

Сундус Чорман из деревни Дегирменкой, Ялтинского района - повешена с четырьмя детьми...

И это далеко не полный список...

...Мне вспоминается случай восьмилетней давности. Поздним вечером я прилетел из Москвы в Симферополь. Попытка найти какую-либо машину, которая доставила бы меня в писательский дом творчества "Коктебель" не удалась, и пришлось смириться с мыслью, что предстоит бессонная ночь на аэровокзале.

Однако неожиданно повезло в другом. Я встретил своего приятеля

из Ташкента, поэта Ризу Фазыла. Оказалось, он тоже - в "Коктебель"...

Наступило утро, когда нам удалось договориться с владельцем частной машины, и мы тронулись в путь. Разбитной словоохотливый водитель сначала повез нас окольными путями, чтобы миновать посты ГАИ, где, должно быть, всех леваков знают в лицо, и, попетляв уже за пределами города по проселочным дорогам среди рдеющих от маков покатых холмов, мы выехали, наконец, на Феодосийскую дорогу. Сказывалась бессонная ночь, нас одолевала дрема. Водитель же, не смолкая ни на минуту, перескакивал с одной темы на другую, и вдруг мы услышали: "Здесь же бандиты жили, крымские татары, сколько они крови людской пролили!.." Эти слова заставили нас вздрогнуть, как от удара, куда и дремота подевалась. Я едва успел перехватить занесенный кулак моего приятеля.

"Жигуленок" скрежетнул тормозами и остановился на обочине. Водитель ошалело уставился на нас, как видно, поняв, что мы и есть

те самые "бандиты". Рассвело, по дороге на большой скорости проносились редкие машины.

- Ты зачем так говоришь? - спросил Риза, тяжело дыша и прижав руку к сердцу (он недавно перенес тяжелую болезнь, после чего и послали его отдохнуть).

- Все так говорят... - последовал ответ.

Водитель был не прав. "Так" говорили многие, быть может, даже большинство, но далеко не все. Кто знал крымских татар до войны и пережил с ними вместе страшные годы оккупации, "так" не говорили. Те, кто на фронте воевал бок о бок с солдатом - крымским татарином, тоже "так" не говорили. И вообще у человека, способного мыслить логически, не растерявшего гражданскую совесть, язык не мог повернуться говорить "так". Большинство предпочитало молчать. Причины нам сейчас известны. Но были люди, которые даже в тех жесточайших условиях не молчали, подавали голос в защиту справедливости. Будучи людьми честными, принципиальными, они писали письма в так называемые "инстанции", понимая, что в печати им не дадут сказать об этом ни слова. Крымские татары помнят их.

Помню, из рук в руки переходил тоненький листок папиросной бумаги, на нем едва различимы были буквы машинописного текста. Это было письмо С.Писарева, бывшего партийного работника, в ЦК КПСС на имя Брежнева. Из этого письма я впервые узнал о том, какую неблаговидную роль сыграли в трагической судьбе крымских татар бывший командующий партизанским движением Крыма Мокроусов и его комиссар Мартынов. Вину за неоправ-данные жертвы, понесенные крымскими партизанами из-за их бездарного руководства, они свалили на местное население, рассчитывая этим обелить себя. Писарев доказывал то, что, казалось бы, и не требует доказательств: народ поголовно не может быть

предателем. И сурово за это поплатился -длительное время его "лечили" в психиатрической больнице.

Та же судьба постигла добивавшихся справедливости по отношению к репрессированным народам писателя А.Костерина, генерала П.Г.Григоренко, который в конце концов был выдворен за пределы государства. Подвергся ссылке и А.Д.Сахаров, который всегда поддерживал движение крымских татар за возвращение на Родину и даже находил возможность приезжать на судебные процессы крымских правозащитников. Не обходили этой темы в своем творчестве А.Твардовский, К.Кулиев.

Но об этих письмах, обращениях к правительству мало кто знал. Распространяемые "самиздатским" способом они слишком редко попадались на глаза людям среди обширной продукции, в которой извергалась на крымских татар одна только грязь.

Это мы и пытались объяснить водителю, сидя в салоне "Жигуленка". Называли татарские имена командиров, комиссаров, руководителей подполь-ных групп, партизанских соединений, а глаза растерянного водителя выдавали, что он нам не верит.

- Не знаю, не знаю... Пишут другое... Рассказывают другое... - твердил он и вдруг спросил: - И что вас тянет в эту дыру, не могу понять? Один из вас живет в Москве, другой в Ташкенте, разве вам плохо там?

Но, как объяснить, что родина есть родина, что сам воздух, запах трав и цветов, вкус воды кажутся нам в других местах совсем не такими. Не зря же родина именуется матерью. Может ли человек не тянуться к матери?

Для него - "дыра". А для нас... Тут наши корни.

А корни - это то, без чего ни один народ существовать не может, это его прошлое, его история, материализованная в памятниках культуры.

Именно поэтому после депортации из Крыма коренного населения предпринимались отчаянные усилия по уничтожению этих самых "корней". Но при этом было забыто, что корни крымских татар столь тесно переплелись с корнями веками живших рядом народов, что невозможно уничтожить одни, не ранив смертельно другие...

Несколько лет назад я повез в Крым мать. Она давно обещала показать мне деревню Кутлак, где родилась. Расположена она неподалеку от Судака.

Понятно волнение человека, оказавшегося много лет спустя в родной деревне.

Ярко светило солнце, и земля слегка парила. Минувшей ночью прошел сильный ливень, с громом, молнией. Мы вышли за околицу. Тропа вывела к седловине двух небольших холмов, где в былые времена

находилось клад-бище. Мама стала по именам перечислять ближайших предков, что здесь покоились. И вдруг замерла, побледнев. Спустя мгновение я все понял.

Тропа перед нами была усеяна человеческими костями. Стало ясно, что когда-то кладбище разровняли бульдозером и перепахали, а прошедший накануне ливень промыл землю и обнажил то, чего бы лучше не видеть...

А навстречу нам шли босые мальчишки с удочками и сачками для ловли бабочек. Шли, насвистывая, и даже не замечали, что идут по человеческим костям.

"Сволочи копали этой ночью. Рядом валяется обломленная сигаретка с фильтром. Не отсырела даже. Около нее медная позеленевшая гильза... Черепа лежали грудой, эти загадки мироздания - коричнево-темные от долгих подземных лет - словно огромные грибы-дымовики.

Глубина профессионально вырытых шахт - около двух человеческих ростов, у одной внизу отходит штрек. На дне второй лежит припрятанная, присыпанная совковая лопата, - значит, сегодня придут докапывать?!"

Это уже из поэмы А.Вознесенского "Ров". Не звенья ли одной цепи - перепаханные бульдозерами кладбища и штреки в братских могилах, и разбитые памятники на полях сражений в России?..

Прочтешь такое, увидишь воочию, и рвутся из души слова - куда подевались доброта, милосердие, сострадание? Кто отдавал распоряжения сносить кладбища крымских татар, и не только их? Как поднималась рука уничтожать прекрасные памятники исторического прошлого Крыма, бросать в костер книги крымско-татарских просветителей? А ведь и такое было...

Большинству моих сверстников, наверное, запомнилось как одно из самых ярких событий жизни, прием в ряды ВЛКСМ, а потом в члены партии. Мне же запомнился день, когда я был взят на комендантский учет. В ком-сомол меня не принимали - не та национальность. А на учет взяли годом раньше, чем положено.

Прежде чем поведать об этом, придется еще раз упомянуть об Указе Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года "О снятии ограничений по спецпоселению с крымских татар, балкарцев, турок-граждан СССР, курдов, хемшилов и членових семей *(разрядка моя. - Э.А.),* выселенных в период Великой Отечественной войны". Второй пункт его гласит: "Установить, что снятие ограничений с указанных лиц и членов их семей не влечет за собой возвращения их имущества, конфискованного при выселении и, что они не имеют права возвращаться в места, откуда были выселены. И подписи: К.Ворошилов, А.Пегов".

Предыдущее Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 11 мая 1944 года о поголовном выселении крымско-татарского

населения с территории Крымской АССР народу не было оглашено и в печати не публиковалось. Но можно не сомневаться, что члены их семей фигурируют и там, коль скоро о них говорится в упомянутом выше Указе, изданном уже после исторического XX съезда КПСС, осудившего выселение народов, определившего этот факт как нарушение социалистической законности. Обратите внимание, какой безысходностью веет от него.

И ч л е н о в и х с е м е й... Уже страдает третье и четвертое поколение.

На крымских татар не распространяется даже та сакраментальная фраза, оброненная отцом народов: "Сын за отца не отвечает".

В древности, если рабыня выходила замуж за свободного, то рожденные ею дети становились свободными, и она сама могла приобрести свободу. Если раб женился на свободной, то его дети были свободны.

В странах, где царило мракобесие и иноверцы подвергались гонениям, человек, принявший религию мужа или жены, уравнивался в правах.

По Постановлению же ГКО 1944 года и Указу Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года любой гражданин, даже русский, став членом семьи крымского татарина, лишался гражданских прав, и дети его становились бесправными. Этот Указ не потерял свою силу и по сей день. Приведу пример, можно сказать, из вчера.

Эминов Рустем родился 9 августа 1967 года в г.Севастополе. Там проживает его бабушка (по матери) - русская. В 1982 году в июле он, закончив восьмилетку, решил подать документы в Севастопольский судостроительный техникум. Однако документов у него не приняли. Тогда в техникум пошла с сыном его мать, русская, и директор В.П.Молоканов ей без обиняков заявил: "У нас есть инструкция крымских татар и немцев не принимать". Это было в год 60-летия образования СССР. Пришлось посылать телеграмму на имя Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Андропова Ю.В. Затем работник отдела науки и учебных заведений при ЦК тов. Курин О.И. сообщил отцу Эминова Рустема в телефонной беседе: "Есть решение ЦК, у Вашего сына примут документы". Вдумайтесь только: чтобы принять документы в техникум у 15-летнего юноши, крымского татарина, было необходимо решение ЦК!

Документы у Рустема действительно приняли, и он поступил учиться туда, куда хотел. Через год, когда ему исполнилось шестнадцать, ему выдали паспорт, но - без прописки. Хотя родился он в Севастополе, бабушка имеет двухкомнатную кооперативную квартиру и живет одна. Ее единственная дочь замужем за крымским татарином и проживает в Ташкенте, поскольку мужу ее, а значит, и ей, возвращение в Крым запрещено.

Так урожденный севастополец Эминов Рустем был вынужден уехать

в Ташкент, в места изгнания отца, откуда и был призван в ряды Советской Армии.

Теперь я вернусь к тому времени, когда сам был в том возрасте, в каком Эминов Рустем впервые столкнулся с проблемами, связанными с его национальной принадлежностью.

Тогда мне тоже едва исполнилось пятнадцать лет. В то время мы уже жили в 10-12 километрах от Самарканда, в крошечном, но по сравнению с Баяутом довольно уютном кишлаке Ертешар. Нам разрешили сюда переехать как семье, "пострадавшей в период оккупации". В 1954 году я закончил седьмой класс. С учебниками было очень сложно. В конце лета, прослышав, что в центральный книжный магазин в Самарканде поступили учебники для восьмого класса, я отправился в город, забыв предупредить мать. Купил две-три книги и, переполненный радостью, пришел на площадь, и сейчас имену-емую Поворот, откуда курсировали машины в нашу сторону. Уехать было не просто, тут всегда было многолюдно. Я стал дожидаться попутки.

Вдруг кто-то железной хваткой взял меня за локоть: "Пройдемте!".

У меня оборвалось сердце: разрешения коменданта на поездку в город я не имел. Рванулся было, но мне завернули руку.

Так я оказался в городском отделении НКВД. В накуренном помещении с зарешеченными окнами находилось трое или четверо молодых упитанных мужчин.

- Почему приехал без разрешения? - спросил один из них, сверля меня глазами.

- Не знал я, дяденька... - ответил я, потирая руку, которая все еще ныла.

- Во-о заливает, змееныш, - заметил другой с ухмылкой. Первый придвинул ко мне листок:

- Прочти и подпиши. Чтобы впредь знал!

Я даже читать не стал этот листок. Мне было известно, что в нем написано. Это было Постановление Совета Министров СССР от 21 ноября 1947 г. "Об уголовном наказании за побег с места спецпоселения граждан крымско-татарской национальности сроком на 20 лет каторжных работ".

Со всего взрослого крымско-татарского населения были взяты подписи об ознакомлении с этим Постановлением. Его текст, отпечатанный на большом листе крупными буквами, висел на стенах во всех комендатурах, куда люди ежемесячно приходили на "отметку". Каждый был предупрежден, что переход из одного района в другой без разрешения коменданта считается побегом.

- Что я такого сделал, дяденька?.. - невольно вырвалось у меня.

- Сколько тебе лет?

- Четырнадцать, - чуть приуменьшил я.

- Во, заливает, во-о, заливает!.. - снова хохотнул тот, другой, шагнул

ко мне, схватил за волосы и стукнул головой о стол, еще раз, и еще раз, и еще, стараясь, чтобы я носом угодил в бумагу: - Читай, читай!.. И заруби на носу!

Я отказался читать эту бумагу, и тем более подписывать.

Три дня меня продержали в КПЗ, отобрав учебники и почему-то ремень. На четвертый день посадили в машину с металлическим закрытым кузовом и, приказав держать руки за спиной, привезли в Чархинскую районную комендатуру.

В кабинете у коменданта я застал заплаканную мать. Уже потеряв надежду когда-либо меня увидеть, она вчера прибежал к нему, сказала, что

у нее пропал сын. К кому было ей еще бежать, кто мог помочь? "Пока сын

не найдется, будешь сидеть тут!" - сказал комендант и оставил ее залож-ницей.

Снова принялись заставлять меня подписать бумагу. Стала уговари-вать и мама: "Подпиши, сынок, иначе все равно нас отсюда не выпустят".

И я подписал.

Через два года комендантский режим был отменен. При этом, однако,

с каждого переселенца административные органы потребовали расписку такого содержания: "Мне (ф. и. о.) объявлено, что на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР я освобождаюсь от спецпоселения.

Я предупрежден, что снятие с меня ограничений на спецпоселение не влечет за собой возвращения мне имущества, конфискованного при выселении, и не имею права возвратиться в то место, откуда был выслан..." И это после официального осуждения сталинских беззаконий на XX съезде КПСС, когда к своим семьям и в родные места уже начали возвращаться миллионы узников лагерей, а Н.С.Хрущев обязал все органы власти проявлять макси-мальное внимание к реабилитированным. Решения исторического съезда не коснулись репрессированных народов. И подтверждение тому - расписка.

Не ярчайший ли это пример "двойной морали", которая затем обильно проросла в чиновниках и посейчас еще во многих сидит, что тебе сорняк, и мы не знаем, чем и как ее выкорчевать?..

Надо сказать, что к тому времени здоровье большинства высланных крымских татар было подорвано, но они не были сломлены психологически.. Несмотря ни на что, XX съезд партии, принятые на нем решения, в которых осуждалась идеология и практика сталинизма, не могли не вселить в сердца их надежду на лучшие времена. И действительно, не прошло и года, как сессия Верховного Совета СССР вынесла решение о восстановлении автономных республик и областей чеченцев, ингушей, калмыков, карачаевцев, балкарцев и возвращении их с мест высылки на родину. Таким образом с этих народов было снять огульное обвинение в предательстве.

Возможно ли обычными словами передать, какое потрясение испытали крымские татары, месхетинские турки, немцы Поволжья, о судьбе которых в данном решении не было ни слова. "Почему?" Неужели мы все еще под подозрением?" - задавался вопросом каждый.

О том времени нынче толкуют всякое. Говорят, во время сессии,

где обсуждались судьбы депортированных народов, когда зашла речь о крымских татарах, Н.С.Хрущев сказал: "Нецелесообразно иметь две татарские автономные республики". Отождествление татар и крымских татар, незнание руководителем великой страны существенной разницы между двумя братскими, но этнически отличающимися друг от друга народами обернулось для крымских татар трагедией - их изгнание с родины длится по сей день. Конечно, не могли не сыграть свою роль окружавшие Н.С.Хрущева недавние соратники Сталина, со стороны которых, и это давно уже не секрет, он испытывал давление, которому не всегда был в силах противиться.

Таким образом, наступившая в стране "оттепель" мало что изменила в жизни крымских татар. Правда, многие ветераны войны стали получать своевременно не врученные им ордена. Не преувеличу, если скажу, что участников Великой Отечественной войны, не получивших своих наград, более всего среди крымских татар. В хранящихся в архиве Министерства Вооруженных Сил их наградных листах значится: "Награда не вручена за изменением места жительства".

В Москве в то время жил крымский татарин, военный историк Сулейман Асанов. Много времени он посвятил работе с архивными материалами. В списках награжденных он отыскивал фамилии земляков и списки их отсылал для публикации в газету "Ленин байрагъы", которая

к тому времени стала выходить в Ташкенте на крымско-татарском языке. Благодаря этому многие ордена и медали нашли своих хозяев, если, конечно, им было суждено до того времени дожить. Но кому-то из чиновников высокого ранга не понравился такой оборот дела. Как же так? Все делается для того, чтоб у населения республики формировалось мнение: "Если

бы не были виноваты, то их бы тоже вернули", - а тут - ордена?.. И редактору газеты немедленно поступило н е г л а с н о е указание, запрещающее публикацию подобных списков.

"Узаконенные" дискриминационные меры не могли не вызвать у крымских татар тревоги за будущее. С первого дня выселения из Крыма и во все последующие годы они понимали историческую несправедливость всех государственных актов в отношении своего народа. Движение Крымских татар за восстановление своего равноправия вызывает сочувствие и симпатии среди людей других национальностей. В нем стали принимать активное участие русские, украинцы, узбеки. Вместе с крымскими татарами ездили они в Москву в качестве представителей народа, писали от своего имени обращения в высшие органы власти. Начиная с 1956 года крымские татары пишут в ЦК КПСС, Политбюро ЦК КПСС и Президиум Верховного Совета СССР, требуя возвратить их в Крым. Число коллективных обращений, индивидуальных писем и заявлений за это время достигло нескольких десятков тысяч, они подписаны практически всем взрослым крымско-татарским народом.

Одновременно с этим партийные и советские органы Узбекистана намеренно дезинформировали ЦК КПСС него Политбюро, направляя в его адрес данные, искажающие действительное положение крымско-татарского народа, приводя несуществующие факты, свидетельствующие об "укоренении" крымских татар на местах их насильственного поселения. Именно в этот период достигли зенита пресловутые методы "достижения успехов" рашидовых, адыловых и иже с ними. Сегодня, читая о ферганских событиях, мы воочию видим к чему привела такая идеологическая обработка общественного мнения.

Не дремало в то время и руководство Крымской области, выстраивающее всевозможные препятствия к возвращению крымских татар на родину. Для этого форсировалось заселение Крыма выходцами из Центральной России и Украины, полуостров преобразовывался так, чтобы татарам не оставить места.

Писателям, деятелям культуры и искусства крымско-татарского народа запрещалось в своем творчестве упоминать слова Крым, Черное море, названия родных деревень... Стало подвергаться сомнению само существование крымско-татарского языка...

...18 октября 1956 года исполнилось 45 лет принятия ленинского Декрета об образовании Крымской АССР.

Рабочая молодежь, студенты, некоторые представители крымско-татарской интеллигенции, принимавшие участие в движении за возвращение на родину, решили отметить этот день возложением цветов к памятнику В.И.Ленина. Тогда для такого мероприятия еще не надо было получать разрешения местных властей. Находился в этой группе и я,

недавно закончивший Литературный институт имени А.М.Горького и приступивший к работе в редакции "Ленин байрагъы".

Самый лучший памятник вождю мирового пролетариата в Ташкенте возвышался на центральной площади, перед Верховным Советом и Советом Министров Узбекистана.

Жизнерадостные, празднично одетые парни и девушки с охапками ярких цветов пришли на площадь им. Ленина. Но с удивлением обнаружили, что огромный памятник огорожен со всех сторон плотным дощатым забором. А по обе стороны стоят пожарные машины и наряд милиции. Заподозрив неладное, мы остановились. Простояли минут десять-пятнадцать, разочаро-ванные и расстроенные. К нам подошел лейтенант милиции, спросил: "Что стоите?" "Да вот, цветы принесли Владимиру Ильичу Ленину", - отвечаем. "Не видите, что ли, памятник на ремонте! Расходитесь!" "Вчера еще не был на ремонте". "Слишком умные! Поменьше рассуждайте!.."

Кто-то вспомнил, что есть еще один поменьше, памятник В.И.Ленину в сквере напротив Дворца текстильщиков.

Снова повеселели, втиснулись в подкативший трамвай. Однако всего через несколько минут его настиг экскорт мотоциклистов. Трамвай замер на остановке, а моторизованная милиция поддала газу и унеслась вперед. Мы направились к памятнику, но он оказался оцепленным таким же плотным, как тот забор, кольцом из мотоциклов и стоящих за ними милиционеров. 'Тазве нельзя возложить цветы?" - спросили мы. "Вам нельзя!" - был ответ.

Девушки стали кидать цветы к подножью памятника через головы милиционеров. А парни, что поотчаяннее, с букетами прорвались сквозь цепь. Парней и девушек стали хватать и, выкручивая им руки, впихивать в откуда-то взявшиеся машины...

Состоялся суд. Многие получили по два-три года лишения свободы "за нарушение общественного порядка"...

... 5 сентября 1967 года появился Указ Президиума Верховного Совета СССР "О гражданах татарской национальности, проживающих в Крыму", в котором особо подчеркивалось, что "огульные обвинения в отношении всех граждан татарской национальности, проживающих в Крыму, должны быть сняты, тем более, что в трудовую и политическую жизнь общества вступило новое поколение людей".

Четверть века ждали крымские татары этого указа! Кроме снятия с народа сталинского обвинения, был обозначен, казалось бы, очень важный пункт, который гласил: "Разъяснить, что граждане татарской национальности, ранее проживавшие в Крыму, и члены их семей пользуются правом, как и все граждане СССР, проживать на всей территории Советского Союза в

соответствии с действующим законодательством о трудоустройстве и паспортном режиме".

Однако очень скоро радость народа сменилась разочарованием. Как позже выяснилось, Указ этот издан не для тех, кто стремился вернуться на родину, а для крымских властей, не желающих впускать туда крымских татар, и для местных рашидовских верноподданных, задавшихся целью под видом "национальных регионов" в Джизаке или Мубарекской пустыне привязать крымских татар к местам ссылки навечно. Оказывается, гораздо большую силу, чем сам Указ, имело принятое одновременно Постановление Президиума Верховного Совета СССР "О порядке применения *(не отмены, а применения! - Э.А.)* Ст.2 Указа от 28.IV.1956 г., которым еще раз подтверждалось, что для крымских татар установлен особый паспортный режим и отмена обвинения не влечет за собой отмену наказания. Если раньше Указы гласили, что виноваты все без исключения, коль родились крымскими татарами, то теперь была внесена поправка - виноваты не все, но все должны нести наказание.

Не разобравшись в юридической казуистике Указа от 5 сентября 1967 года, многие истосковавшиеся по родине люди предприняли попытку переехать в Крым, купили там дома на правах личной собственности, но были встречены плотной стеной блюстителей закона от 28 апреля 1956 года. Сносились бульдозерами купленные дома, люди едва успевали выскочить, запахивались засеянные приусадебные участки, многих грузили силком в автомашины, вывозили за пределы Крыма и сбрасывали в открытой степи, прямо в слякоть, в дождь, снег...

Тысячи людей были вторично подвергнуты унизительному выселению из собственных домов. Они вынуждены были селиться в прилегающих к Крыму районах УССР и Краснодарского края РСФСР. Доведенный до отчаяния Муса Мамут покончил с собой, прибегнув к самосожжению...

В то же время, за период с 1967 г. по 1976 г. в Крым переселились только из Украины свыше 500 тысяч человек. Как в Крыму, так и в Узбекистане правоохранительные органы вооружены негласными инструкциями, циркулярами, указаниями, всякого рода секретными и несекретными переписками, которые, вместе взятые, являются не чем иным, как сводом антикрымско-татарских дискриминационных канонов. Творцы многих из них переселились уже в мир иной, но зато благополучно живут и успешно действуют их инструкции.

С древнейших времен, с зарождением человеческих обществ для регулирования отношений между людьми, установления привилегии одних и эксплуатации других разрабатывались законы, устанавливались табу. Свои законы имеют все религии и ежедневно священнослужители внушают их своей пастве. Законы непременно должны были знать все члены общества, все. Их тиражировали даже когда еще не было бумаги – на глиняных табличках, папирусах, изустно обнародовали глашатаи и

проповедники. Их увековечивали, высекая на скалах, стеллах из базальта и гранита. Во все века законы были гласными. Законодатели ими гордились.

У нас есть Конституция СССР (Основной закон), которая провозглашена. А параллельно существуют указы, постановления, инструкции (гласные и негласные), которые строго исполняются, ибо обеспечиваются прокурорским надзором. За соблюдением же Конституции, к величайшему сожалению, нет пока официального надзора. Кому этим заниматься, если сам Генеральный прокурор издает антиконституционные негласные приказы, подобные этому:

«ПРИКАЗ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СССР № 54

От 9 ноября 1972 г.

г. Москва

Объявляя не подлежащий опубликованию указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 ноября 1972 г., предлагаю обеспечить надзор за его исполнением...»

Такими приказами сопровождались не подлежащие опубликованию Указы Президиума Верховного Совета СССР:

От 13 декабря 1955 г. - в отношении немцев и их семей.

От 22 сентября 1956 г. - в отношении бывших греческих граждан и турецких граждан и иранских подданных - лиц без гражданства.

От 28 апреля 1956 г. - в отношении крымских татар, балкарцев, турок - граждан СССР, курдов, хемшилов и членов их семей.

Постановление Совета Министров N 700 от 16 августа 1978 г. - подтверждающее, что все репрессивные акции против крымских татар были правомерны.

И десятки, сотни других указов, постановлений, инструкций, не ставших и поныне достоянием гласности, тем не менее обеспеченных прокурорским надзором.

Не благодаря ли подобным негласным деяниям чиновников высочайшего ранга государство наше перестало быть правовым?

Мы, наконец, дожили до Гласности. Задались благороднейшей целью сделать государство наше правовым, так, может быть, стоит начать с опубликования всех негласных указов, постановлений, инструкций, ограничивающих права и свободы граждан СССР по национальному или другому признаку? Опубликовать и немедленно отменить, как противоречащие Конституции СССР, а так же международным Пактам, подписанным нами? Именно в связи с принятием целого ряда античеловечных нормативных

актов и инструкций национально-правовое положение крымских татар и сегодня мало изменилось. За 45 лет пребывания на местах выселения народ распался на разрозненные этнические группы, разбросанные по Средней Азии, Крас-нодарскому краю и югу Украины. Национальный язык, самобытная культура его находятся на грани исчезновения.

Среди сложнейших национальных вопросов, доставшихся стране в наследство от сталинской эпохи, бесспорно, одним из наиболее болезненных является судьба крымских татар и в целом будущее межнациональных отно-шений в Крыму. Лишь в самые последние годы вопрос этот стал, наконец, обсуждаться на страницах центральной прессы, популярных и научных изданий, местной крымской печати. Нельзя не признать, в Крыму сейчас немало делается для утверждения интернационалистских принципов. Раз-вертывается лекционно-пропагандистская работа на основе объективного освещения межнациональных отношений. В газетах появляются материалы по истории Крыма, дающие принципиальную оценку необоснованной депортации целых народов в мае-июле 1944 года. В издательстве "Таврия" вышла брошюра "Крым многонациональный", в которой предпринята попытка по-новому, в духе современных демократических тенденций осветить сложные вопросы Крыма. Этому посвящаются передачи местного радио и телевидения. Идет работа по созданию краеведческого словаря "Крым". Стала еженедельно печататься маленькая газетка на крымско-татарском языке "Достлук" - приложение к "Крымской правде". Организуются факультативы по изучению крымско-татарского языка, он преподается в ряде школ. Словом, постепенно создаются условия для возрождения и нормального развития национальной культуры крымских татар на их исторической родине. В Крымском обкоме КПУ создан сектор межнациональных отношений, координирующий эту работу.

Однако многое еще предстоит осмыслить, проанализировать. На многие вопросы ответить. Освободиться от фальсификации истории Крыма и крымских народов. Например: в Симферополе в бывшем Семинарском саду на Пушкинской улице был воздвигнут памятник героям Гражданской войны, казненным белогвардейцами, на нем были высечены слова на крымско-татарском и русском языках: "Здесь похоронены члены Мусульманского коммунистического бюро при Крымском Окружном Комитете РКП/б/ - Мидат Рефатов, Мурад Решид Асанов, Асан Иззет Урманов, Евгения Лазаревна Жигалина, Абдулла Мустафа Баличиев". Памятник был уничтожен фашистами. После войны восстановлен. Однако теперь на нем следующая надпись: "Героям, павшим за власть Советов в 1918-1920 гт. от комсомольцев города Симферополя".

Еще пример.

В запаснике Феодосийского краеведческого музея уже более 40 лет хранится бесценный экспонат. Строго-настрого запрещено его кому бы то ни было показывать - кем? - неизвестно. Это дверь одного из подвалов Судакского комбината, где в годы оккупации была тюрьма. 14 августа 1943

года руководитель подпольной организации Судака Мемеди Эмир Усеин перед казнью кровью своей написал на этой двери фамилии казненных фашистами патриотов. Вот они: С.Амет, С.Османов, К.И.Исмаил, Л.К.Кучук-Амет, Амир А., Амет И., А.Адаш, Мемеди Эмир, М.И., Амет Н., Абан, Банада Ю., Иса". В Судаке установлен памятник с надписью: "Они погибли в гестаповских застенках". Кто - они? Ни одного имени. Как же согласуется все это с нашим священным девизом "Никто не забыт, ничто не забыто"? Неужели слова эти касаются всех, кроме крымских татар?

Еще пример.

6 апреля 1988 г. в "Литературной газете" была опубликована статья Н.Ивиной "Зачем нам отреченье?" Автор ратует за возвращение городам, селам, улицам старых имен, в которых запечатлена живая история. Воодушевленные поднятыми в упомянутой статье проблемами и происходящими в стране позитивными переменами, группа крымчан обратилась

в Советских фонд культуры с просьбой рассмотреть вопрос о возвращении прежних названий населенным пунктам Крыма, где в настоящее время насчитывается несколько Лазаревок, несколько Лесных, Зеленых, Приветных, Заветных, Счастливых /!/...

Фантазия тех, кто занимался переименованием татарских деревень, не отличалась богатством. Взамен старых, овеянных легендами или историческими событиями в жизни народа, они придумывали слепые и безликие - Цветочное, Изобильное, Тополевка и т.д., или производили кальки с татар-ских названий: Охотничье вместо Авджикой, Поворотное вместо Айланма, Ущельное вместо Дерекой, Краснопещерное вместо Кызыл-Коба и пр.

Авторы этого письма в Советский фонд культуры ответа не получили.

Свою лепту в компрометацию крымских татар вносит и современное кино. Недавно телевидение предложило вниманию детей фильм "Иванко и царь Поганин", снятый на студии Укртелефильм режиссерами Б.Ниеберидзе и С.Дудкой по сценарию О.Туманова. В этом фильме ребенок видит сцены, почти все отснятые в Бахчисарайском дворце, видит героев, обряженных в национальные одежды крымских татар, которые способны творить только зло и обращаются друг к другу не иначе как "Поганый!" и "Поганый из поганейших!" Что хотят воспитать в детях авторы этого фильма, какие пробудить чувства?

А можно ли говорить о нравственности председателя Гаршинского сельсовета Сакского района Марченко после такого факта? Семья Сеитумеровых купила в поселке Гаршино дом. В Крым они приехали с больным ребенком, которому врачи рекомендовали поменять климат. Предсельсовета Марченко отказал им в прописке. Вскоре ребенок Сеитумеровых умер. И Марченко отказал им в праве похоронить ребенка - не выделил места на кладбище. "Откуда прибыли, туда и везите!" - был его ответ. Над убитыми горем родителями сжалился председатель соседнего

сельсовета. Потрясает и сам этот факт, но еще более тот, что Марченко по сей день возглавляет Гаршинский сельсовет.

Возвращающиеся на родину крымские татары помимо экономических трудностей сталкиваются с целым рядом проблем, искусственно создаваемых местными властями. Руководители сельсоветов, совхозов и колхозов устанав-ливают всевозможные запреты на продажу им домов. В ряде случаев разда-ются призывы вообще не продавать дома крымским татарам. Известны слу-чаи, когда тех из местных, кто все же продает дома и собирается уехать из Крыма, обвиняют в "антипатриотизме". Во многих районах Крыма действует положение, согласно которому предприятия, принимающие на работу Крым-ских татар, обязаны выплачивать районному или городскому совету по несколько тысяч рублей.

Более года работала Государственная комиссия, созданная в июле 1987 года "для рассмотрения комплекса вопросов, поднимаемых лицами из числа крымско-татарской национальности". Во главе ее был поставлен А.Громыко, один из представителей консервативного бюрократического аппарата, сфор-мированного и насквозь пропитанного духом сталинско-брежневских вре-мен, и в исходе работы ее мало кто сомневался. Комиссия, как и ожидалось, имитировала активную деятельность, создавая комиссии всюду, в том числе и в местах насильственного поселения крымских татар. В заключение такой "объективной" деятельности комиссии и "исходя из интересов всех народов", она решила, что восстановление автономии крымских татар нецелесообразно, поскольку в местах их нынешнего проживания им лучше, чем будет в Крыму, где тесно и имеются иные проблемы, разумеется, неразрешимые. Короче - да здравствует прозорливость и забота о крымско-татарском народе, проявленная "отцом народов" товарищем Сталиным! Он предвидел, где крымским татарам будет житься лучше...

Если брать во внимание, что только за последние 20 лет в Крым в организованном (!) порядке переселено более полумиллиона человек всех, кроме крымско-татарской национальности, что в 1988 году за 9 последних месяцев, например, только в Ленинском районе прописано 4855 приезжих,

из них всего лишь 626 крымских татар, для которых родина неизменно начинается с мытарств, связанных с поисками жилища, с издевательств местных чиновников, от которых зависит прописка, то разглагольствования о равенстве интересов "всех проживающих в Крыму наций и народностей" отдает по меньшей мере цинизмом.

Нагнетается мнение о непреодолимости демографических, земельных и иных трудностей на пути решения крымско-татарской проблемы. Однако все они - эти утверждения и суждения - опровергаются экспертными оценками специалистов.

Современная плотность населения в Крыму - 93,6 человека на квадратный километр (данные 1987 г.). Для сравнения: в близкой к Крыму

Донецкой области плотность населения составляет около 200 человек на квадратный километр, а в Ферганской долине (Андижанская, Наманганская и Ферганская области УзССР), где проживает сейчас основная масса крымских татар, - 370 человек на квадратный километр (!). Это в четыре (!) раза выше, чем в Крыму.

И здесь вырисовывается чрезвычайно любопытная, если не парадоксальная картина. В Ферганской долине сложилось самое критическое положение с избытком рабочих рук, в республике в целом насчитывается более миллиона безработных. Казалось бы, естественно и логично помочь крымским татарам, желающим выехать из республики, однако выезду крымских татар возводятся препятствия, а выехать из Узбекистана предлагается... узбекам. И куда? В нечерноземные области, опустошенные организованным переселением коренного населения - русских - в Крым,

на Кавказ, в Среднюю Азию из Центральной России. Здесь специально для узбеков предполагается создать новые совхозы, построить новые дома и поселки. В непривычных климатических условиях узбекские переселенцы выдерживают 2-3 года и - возвращаются на родину. Им можно возвратиться, а крымским татарам, месхетинским туркам, курдам, немцам... нельзя по сей день. Им пытаются заменить любовь к родине - "улучшением культурно-бытовых условий" их жизни.

Это - со стороны официальной власти, а вот со стороны народа, тех же узбеков, - гостеприимство ввиду дефицита жизнеустройства для своих детей, естественно и закономерно иссякает. И в результате мы получаем трагиче-ские Ферганские события... Но невзирая на все это - просьбы, мольбы, плач, трагедии как коренных, так и депортированных народов, в частности в Средней Азии - руководство страны гнет свою линию: оно никак не привык-нет считаться с интересами живых людей, слышать их голос, оно по инерции продолжают считать их неразумными пешками в своей высокоумной бес-человечной политике...

Приведенные примеры - лишь малая толика из арсенала бюрократических уловок, которые используют узбекские, крымские и - будем честны - московские власти, готовые в любой момент заклеймить апартеид в расистской ЮАР или режим какого-нибудь очередного латиноамериканского диктатора, но считающие нормальным манипулировать судьбами советских народов.

Последний и самый веский аргумент тех, кто хотел бы оставить крымских татар без родины, состоит в том, что якобы живущие в Крыму русские и украинцы не желают возвращения крымских татар!

И отправился я, где пешком, а где на попутках по крымским деревням. Встречался и разговаривал со своими земляками, которые кроме родного, владеют русским и украинским языками, беседовал с русскими и украинцами, многие из которых говорят и по крымско-татарски, с караимами, греками, армянами, старожилами Крыма. И стало мне совер-

шенно очевидно, что трактористу, виноградарю, птичнице, доярке, каменщику все равно, кто трудится с ними рядом, что не в национальности дело,

а в совестливости и в трудолюбии. Истинному труженику любой национальности свойственно доброжелательство, благорасположение к другим народам.Это ценнейшее нравственное достояние заложено в гены крымских татар далекими предками, которые дорожили дружбой с другими народами едва ли не больше, чем мы, провозгласившие эту дружбу государственной политикой. Скажем, в Бахчисарае по сей день стоит здание средневекового университета - "Зынжырлы Медресе". В то далекое и мрачное в нашем представлении время в этом учебном заведении обучались представители разных народов и даже вероисповеданий. Они прекрасно владели языками друг друга и легко общались. Из стен "Зынжырлы Медресе" выходили служители всех культов: муллы - для мечетей, священники - для церквей, раввины - для синагог. Не знаю, есть ли еще где в мире аналог этому? Выпускники умели не только вникнуть в философию других религий, но и подружиться и затем нести своей пастве, как семена, добрые мысли о другом народе...

Теперь в этом уникальном памятнике человеческой дружбы и интеллектуального общежития находится... дом для умалишенных.

Нет, в Крыму не существует конфликта между татарами и живущими там людьми других национальностей, здесь налицо конфликт между власть предержащими и народом.

В большинстве своем население Крыма встречает возвращающихся на родину крымских татар доброжелательно. Десятки писем-обращений русских людей в высшие инстанции ходят по рукам, напоминая крымским татарам, что они не одиноки, что их поддерживают в их справедливой борьбе. Авторы их - рабочие, колхозники, писатели, ученые, инженеры, врачи - говорят о том, что нельзя более мириться с затянувшимся произволом, что в решении сложных социальных, экономических и экологических проблем Крыма должны принять участие возвращенные на свои исконные земли крымские татары, что нужно как можно скорее снимать острые проблемы межнациональных отношений, чтобы враги перестройки, враги обновления страны не могли использовать их в своих неблаговидных целях. Беспокойство это далеко не беспочвенно.

Мне до сих пор становится не по себе и даже жутковато, когда вспоминаю Сообщение ТАСС, опубликованное 24 июля 1987 года во всех газетах Советского Союза. В нем исключительно крымским татарам приписывалось уничтожение других народов - русских, украинцев, евреев, греков, цыган. Для крымских татар оно прозвучало как гром среди ясного неба и вновь напомнило о печально известных временах. Инициаторы данного сообщения, как видно, предполагали поставить на место столь неумеренных в своих требованиях справедливости крымских татар, а заодно и одернуть кое-кого из представителей советской интеллигенции, набравшихся смелости подать в их защиту голос.

Не берусь первым комментировать давно знакомый всем способ, использованный при подаче "фактов", а лучше предоставлю сначала слово очевидцу событий, о которых идет речь в сообщении, человеку, который вместе с крымскими татарами пережил все ужасы фашистской оккупации – бывшей подпольщице Григорьевой Устьинье Парфеновне. По поводу упомянутого Сообщения ТАСС она адресовала Советскому правительству письмо.

"Прочитала в газете "Крымская правда" сообщение ТАСС и крайне удивилась тому, как в нем освещены события военных лет в Крыму. Я, старый человек, мне 76 лет. Вместе с тысячами людей оставалась в оккупации. Пережила все ужасы ее. Была арестована и находилась пять месяцев в тюрьме, каждый день ожидая расстрела. Оказавшись на свободе, принимала участие в подпольно-партизанском движении в Крыму. У меня до сих пор в памяти все детали жизни, и своей, и окружавших меня людей, в том числе и татар, со многими из которых я дружила и дружу по сей день.

В Крым я переехала в 1936 году из Ленинграда и сразу стала работать в планово-экономическом техникуме. Директором техникума был татарин, член партии, а я, русская, завучем и преподавателем. В техникуме училась молодежь всех национальностей: татары, русские, греки, армяне, евреи, караимы, украинцы. Среди молодежи не было намека на национальную рознь, вражду, особенно со стороны татарской молодежи. Все учились хорошо, принимали активное участие в общественной работе, самодеятельности. Правда, в 1937 году жизнь стала омрачаться исключением из техникума и комсомола студентов, у которых арестовывали родителей.

Так, первым был исключен брат председателя Совнаркома Самединова А., объявленного врагом народа, впоследствии посмертно реабилитированного. Мирную жизнь нарушила война. Техникум закрылся. Директора и молодежь призывного возраста призвали в армию, а с 31 октября началась оккупация Крыма. В сообщении ТАСС говорится, что

при содействии немцев в Симферополе был созван мусульманский съезд, на котором было сформировано Крымское правительство во главе с ханом Асановым Белялом. Кто же это мог такое придумать и пропустить в печать? Из каких документов эти сведения были извлечены?

В первый же день оккупации и до последнего в Крыму и в Симферополе была установлена немецко-фашистская власть со всеми карательными органами и все должны были подчиняться этой и только этой фашистской власти. Был создан мусульманский комитет, который находился на ул. Пушкина, дом N 16. Известно, что после гражданской войны в Крыму оставалось много врагов Советской власти: буржуазные, татарские и украинские националисты, дашнаки, белогвардейцы, махновцы и др. Немецко-фашистский режим использовал в своих интересах все это отребье. Я не хочу защищать татар-предателей, карателей, но надо сказать, что сотрудничали с немцами не только татары, а и украинцы, и евреи, и люди других национальностей. Так, первой общиной была еврейская. Врачи-

евреи оборудовали госпитали для раненых немцев, украинцы пошли служить в полицию, надели черные шинели с зелеными обшлагами. Но об этом постоянно умалчивается.

Я не понимаю, почему такой сильный акцент дан в статье на враждебную деятельность татар-добровольцев. Мне кажется - только для того, чтобы в настоящее время, когда идет работа комиссии по возвращению татар в Крым, подогреть вражду ко всем татарам и не дать возможности правильно решить этот вопрос. В подтверждение я цитирую дословно из "Сообщения ТАСС": "в совхозе "Красный", например, преступники из 147-го и 152-го крымско-татарских батальонов соорудили печи, в которых круглосуточно сжигались живые люди".

Авторы текста, очевидно, не имели в виду, что есть живые свидетели, узники этого лагеря, которые отрицают наличие татарских печей, например: Мария Николаевна Кобзева, Гацрилова, г. Симферополь, ул. Гагарина, дом 33, кв. 50. Ольга Финк, адреса не знаю, живет в Симферополе и многие другие. На суде над предателями в 1972 и 1974 годах были раскрыты злоде-яния охранников лагеря, но о подобном не говорилось. Уничтожение воен-нопленных, евреев, мирных жителей, угон в Германию и другие каратель-ные действия приписываются только татарам. И этим усиливается вражда к татарам в настоящее время. Хотя все жители Крыма знают, кто осуществлял эти зверские операции.

В сообщении ТАСС и газете "Известия" ничего не говорится о том какое участие принимали татары в подпольно-партизанском движении. Сказано, правда, так скупо, что все тонет в черных красках. А ведь подпольем руководил в Симферополе Абдулла Дагджи, татарин, два с половиной года оккупации до трагической гибели его в конце 1943-го года. Он расстрелян немецкими карателями по доносу русской Зои Мартыновой. И на нас с мужем был сделан донос в ГПФ украинцем Прокопенко, бывшим махновцем. Вместе с Дагджи были расстреляны две его сестры, участницы подполья и мать. Расстреляли Гульзаде Сафи, руководителя подпольной организации на кожзаводе. Многие, многие погибли в схватке со злейшим врагом - фашизмом.

Руководитель подпольной организации Абдулла Исмаилов в деревне "Сары Кият", у которого немцы расстреляли брата за то, что он отказался везти боеприпасы на Керченский полуостров, спас мне жизнь, укрыл у себя в доме до дня, когда я смогла уйти в лес. Спас еврея военнопленного Аркадия Лапскера, достал ему документы, по которым тот высвободился из лагеря. После войны Лапскер жил в Одессе. Можно было бы много привести примеров патриотической деятельности татарского населения.

Хорошо, допустим, татары провинились, но ведь карателями были и украинцы, и кубанские казаки, бежавшие с Кубани, и генерал Власов сдал армию и перешел на сторону фашистов.

Татары провинились и их без разбора выслали, а в чем провинились болгары и греки? И кто перед ними провинился? Сейчас надо не взвинчивать людей и не натравлять их друг на друга, а правильно освещать положение данного дела.

А у нас митингуют после сообщения ТАСС и посылают протесты в Москву против возвращения татар в Крым.

Август 1987 г.

Бывшая партизанка-подпольщица ГРИГОРЬЕВА У.П."

Было бы грех отрицать, что среди крымских татар, как и среди других, оказавшихся в оккупации народов, были националисты, лица, "обиженные" на Советскую власть, да и просто уголовные элементы, которые пошли на службу к оккупантам. Определенные компетентные органы нашего государства знают их всех поименно, располагают списком всех лиц, из которых формировались гитлеровцами упомянутые в Информации батальоны и роты, и прекрасно осведомлены, что подразделения эти состояли менее, чем на треть из татар, хотя и именовались "татарскими".

А также имеются показания свидетелей и обвиняемых двух судов, состоявшихся на территории совхоза "Красный" в 1972 и 1974 годах, подробно публиковавшиеся тогда в печати. И, как замечает в своем письме Устинья Парфеновна, в них и упоминания не было о печах, "в которых круглосуточно сжигались живые люди..." А такой факт вряд ли мог остаться без внимания.

При желании быть объективными авторы информации ТАСС от 24 июля 1987 года могли бы быть таковыми. Они же предпочли вновь извлечь на божий свет "компромат" из захороненных, казалось бы, архивов Берии, сфабрикованных в свое время его подручными для оправдания, "узаконивания" античеловеческой акции по выселению и уничтожению целых народов, не имевшей во всем мире аналогии.

В Крыму действительно создавались "отряды самообороны" для борьбы с партизанским движением. Формировались они в местах, где жили люди различных национальностей, и включались представители разных народов. "Самооборонцы" Бия-Салы, Ново-Бодрака, Буры, Тернаира, Тавеля и других русских сел, конечно, состояли, в основном, из русских; украинских сел Соловьевка, Константиновка, Мусаби - из украинцев; крымско-татарских деревень Корбек, Молбай, Улу-Узень - из крымских татар и т.д. Распростра-нению "отрядов самообороны" в определенной степени способствовали "ошибки" некоторых руководителей партизанского движения Крыма (Мокроусова, Мартынова), которые "грабеж продовольственных баз партизан фашистами рассматривали как мародерство со стороны местного населения и любого попавшего в лес

гражданина расстреливали" (протокол заседания бюро Крымского обкома от 18 ноября 1943 года).

Что же касается добровольческих батальонов и рот, необходимо сказать следующее. Авторы Сообщения, доверяя всецело "материалам", оставленным Берией, даже не удосужились заглянуть в документы научного архива Института истории АН СССР. А из них явствует, что в 1942 -1943 годах в Крыму насчитывалось около 30 тысяч "добровольцев", в том числе двенадцать власовских батальонов, закавказский полк "Бергман", казачий полк, туркестанский, армянский, грузинский, кавказско-магометанский легионы, несколько полицейских батальонов, набранных из татар /как крымских, так и поволжских, и прибывших с румынами из Добруджи/, русских, украинцев, армян, болгар, греков и других крымчан, а также военнопленных и иных лиц.

По данным западногерманских историков, до марта 1942 года немцами было набрано в Крыму среди татар 1632 "добровольца", но даже и эти далеко не все были крымскими татарами. Так называемые "татарские добровольче-ские формирования" пополнились затем 4000 военнопленных, среди которых были как татары, так и представители других народностей, чаще из числа мусульман. Причем командирами в них были только немцы.

Из Сообщения следует, что, якобы, "после оккупации Крыма при содействии немцев в Симферополе был созван мусульманский съезд, на котором сформировано крымское правительство во главе с ханом Асановым Белялом." Мягко говоря, и это - неправда. Не было ни съезда, ни крымского правительства, ни человека (еще и хана!) с таким именем. В Крыму даже не было пресловутого общекрымского "мусульманского комитета", а функционировали лишь городские и районные (в местах проживания татар, турок и других мусульман). Что же касается принудительных мер в отношении населения, то этим в Крыму занимались гражданские власти - городские управы, возглавляемые бургомистрами. Бургомистром же Симферополя был Севостьянов, Севастополя - Супрягин, Керчи - Токарев, Феодосии - Анджевский, Ялты - Мальцев, Джанкоя - Польский, Евпатории -Епифанов, Старого Крыма - Арцышевский. Полицмейстерами в этих городах так же были не татары. Этот список показывает, в чьих руках фактически была гражданская власть в Крыму в годы оккупации.

В Сообщении сказано, что были "выжжены населенные пункты вблизи лесных массивов и истреблены их жители. Так была создана "мертвая зона" вокруг партизанских отрядов". Да, это действительно так, что было, то было. Каратели уничтожили более 70 крымских деревень. Но в Сообщении отсутствует весьма существенная деталь - не сказано, чьи это были деревни. А были они чисто татарскими. И проживало в них более 25% от общей численности татар в Крыму. В этих деревнях, расположенных в горах и лесной глуши, жили только крымские татары. И истреблены были эти деревни карательными отрядами, состоящими из гитлеровцев.

В наше время, когда провозглашено восстановление изрядно пошатнувшихся устоев нравственности, и народы страны обрели новые и вполне реальные возможности в реализации своих давних надежд, тема крымских татар перестала быть запретной, и люди постепенно стали узнавать об их истинной, а не фальсифицированной роли в Великой Отечественно войне. Информация ТАСС от 24 июля 1987 года, в которой так произвольно, так по-сталински, по-бериевски перетасовываются факты и все ставится с ног на голову, прозвучала неким диссонансом и не могла не вызвать возмущения крымско-татарского народа, который уже почти полстолетия вынужден опровергать свою злонамеренно искаженную репутацию, очищать от клеветы свою честь...

... Время сделало людей зорче. Они внимательно приглядываются друг к друг, выясняют кто есть кто на самом деле, а не словах. Пришла пора сказать правду и о репрессированных народах, в числе которых вот уже полвека страдает ни в чем неповинный крымско-татарский народ. Никакие успехи перестройки не станут действительными успехами до тех пор, пока не будут по справедливости решены вопросы о полном оправдании, о возвращении на родную землю, о возмещении морального ущерба оскорбленным и оклеветанным, ограбленным и преданным физическому геноциду советским народам, а в их числе крымским татарам.

Москва, 1990

Лиля БУДЖУРОВА

РАЗГОВОР С СЫНОМ

Осману Джелилову,

без вести пропавшему

в возрасте 2-х лет в день выселения

Где ты, мой сыночек сероглазый?

Что ж ты не приснишься мне ни разу

Взрослым: ты, наверно, уж седой?

Не болит ли на плече местечко

Помнишь, ты ушибся о крылечко?

Ах, какой то виделось бедой...

Помнишь, день такой был - ясный-ясный,

Шли тогда с тобой мы в твои ясли,
В тот проклятый страшный майский день?
Что ж ты, сердце глупое, молчало,
Ничего кругом не замечало?
Только в небе жаворонков звень...
Ты не знаешь, сын, что дальше было –
Как меня слепым прикладом били,
Не рвалась чтоб за тобой бежать,
Как твою сестренку уносили,
Знали, подлецы, какою силой
Сердце материнское держать.
Как потом я поезда встречала,
В окна их летящие кричала
Твое имя, род твой и село...
С той поры, когда смотрю я фильмы,
Где встречают на вокзалах милых,
Словно в душу пеплом нанесло.
Сколько детдомов я обыскала,
Сколько душу горькую таскала
По дворам бесправья и потерь!..
И сейчас мне этот ужас снится:
Чьи-то пальцы мнут и мнут страницы
С именами потерявшихся детей.
А потом однажды мне сказали:
"Сын ваш умер где-то на вокзале,
Потому его в бумагах нет..."
Ты не думай, мальчик, я не верю,
Ведь не люди мне сказали - звери.

Лишь зверей достоин был ответ...

Я уже стара, родной сыночек,
У твоей сестры большие дочки,
Много с ними счастья и забот;
Только часто долгими ночами
Слушаю у двери, не стучат ли,
   Кажется, что ты придешь вот-вот.
В эти ночи я прошу у Бога: -
Покарай тех нелюдей дорогой
В дальний путь от дома своего!
Накажи и их моей бедою,
Сделай душу всю от слез седою,
Отомсти за сына моего!..

* * *

- Скажи, отец, зачем черны мои глаза?
- От моря Черного, дитя мое.
- А от чего в твоих глазах слеза?
- От горя черного, дитя мое.
- Скажи, отец, где Родина моя?
- У моря Черного, дитя мое.
- Зачем уехал ты в далекие края?
- То горе черное, дитя мое...

ГОВОРИ

Говори, отец, говори,
Говори, отец, до зари!

Говори о жестокой войне,

Говори о страшном том дне.

В моих венах пусть бьется беда,

Как соленого моря вода,

Пусть бьются камнями в виски

Черноморского пляжа пески!

Не щади меня, не щади,

Вновь из дома родного иди,

Вновь теряй по вагонам родных,

Вновь считай, кто остался в живых!

Я хочу обо всем узнать,

Чтобы внукам твоим передать –

Твою боль, что кричит во мне

Каждый миг - наяву и во сне!

Пусть для них тоже станет родным

Слово "Родина" и слово "Крым"!

Говори, отец, говори,

Говори, отец, до зари!

КАК ПАХНЕТ РОДИНА

Как пахнет родина?

Сухой травинкой,

Запутавшейся в волосах ребенка,

Сосновой веткой, горечью полынной,

Или разлукой, в сердце погребенной?

Овечьим сыром, кофе ароматом,

Разлитым звонко в тоненькие чашки,

Даг-чаем, миндалем, душистой мятой,
Сегодняшнею явью, сном вчерашним?
Иль жгучим криком чайки одинокой?
Иль Чатыр-дага высотою снежной?
Старинной песни музыкой далекой?
Нет, - пахнет моя родина надеждой.

МЫ ЖДАЛИ ЭТОТ ЧАС

Мы ждали этот час все сорок пять
Проклятых лет, прожитых мимо,
И каждую чужой Отчизны пядь
Отметили своей могилой.

Все эти годы на висках седых,
На стенах камер и психушек,
И в вечном ожидании беды
В слезящихся глазах старушек.

На километрах всяческих бумаг,
Приговоренных к непрочтенью,
На душах, сжавшихся в кулак,
Злу отдающих предпочтенье...

И вот, когда пришел победы час,
У нас ее опять украли,
Упрятав, бедную, подальше с глаз,
Мол, подождет еще, татарин.

А мы-то думали, что этот день
Днем радости всеобщей станет,
Прольет салютов ярь, литавров звень,
И сотнями оркестров грянет.

Посвящается активистам
национального движения

* * *

Что буду делать я без этой боли,
Если когда-нибудь вернусь домой?
Для сердца, жить привыкшего в неволе,
Не станет ли убийственным покой?
Боль эта - часть души моей и жизни –
Забыть мне не давала, кто я есть,
Чья в жилах кровь течет, какой Отчизны
Кричит во мне поруганная честь.
Боль эта памятью отцовской стала
И деда неувиденным лицом,
И запоздалой ярости началом,
И застарелой трусости концом.
Она однажды цепью приковала
Меня навек к народу моему,
И я одной из многих тысяч стала,
Чье сердце похоронено в Крыму.
Она открыла мне глаза и уши

На горе незнакомых матерей:
Отсутствие беды калечит души -
Нехватка счастья делает добрей.
Она мне дорога, я все приемлю,
Чем болен мой измученный народ,
Ведь боль моя - мой путь в родную землю,
Которым я иду из года в год.

1989, август

Тимур ПУЛАТОВ

ВСЕМ МИРОМ - ПОМОЧЬ БРАТЬЯМ!

... Есть и такие люди, что искренне недоумевают: чего еще нужно крымским татарам? Ведь они трудоустроены в местах переселения, обуты-одеты, имеют крышу над головой... Но это взгляд бездуховного человека, манкурта, не помнящего ни своей истории, ни своей родины.

Знаток Крыма, поэт Максимилиан Волошин писал в 1925 году, в пору, когда крымские татары еще жили на своей родине: "Крымские татары - народ, в котором к примитивно-жизнеспособному стволу монголизма были привиты очень крепкие и отстоенные культурные яды, отчасти смягченные тем, что они уже были ранее переработаны другими эллинизированными варварами.

Это вызвало сразу прекрасное (хозяйственно-эстетическое, но не интел-лектуальное) цветение, которое совершенно разрушило первобытную расовую устойчивость и крепость. В любом татарине сразу чувствуется тонкая наследственная культурность, но бесконечно хрупкая и неспособная себя отстоять..."

Это точное наблюдение по поводу культуры, "неспособной себя отстоять", особенно ярко подтвердилось, когда крымские татары были насильственно помещены в иную культурную среду в Средней Азии и Сибири.

Что тут скрывать, за сорок с лишним лет ссылки крымские татары

так и не вросли своей культурой в культуру узбекского и других средне-азиатских народов, все время чувствуя себя обособленно и задыхаясь от

этой обособленности.

Причину такого обособления помогает отчасти понять и другое наблюдение Максимилиана Волошина: "Полтораста лет грубого имперского владычества над Крымом вырвало у них (*крымских татар. - Т.П.*) почву из-под ног, а пустить новые корни они уже не могут, благодаря своему греческому, готскому, итальянскому наследству..." Если уж на родной почве эта культура не могла пустить новые корни, то как она пустит их на чужой? Что общего между нашей культурой, замешанной на тюркской, персидской, арабской традициях, и крымско-татарской с элементами греческой и итальянской?

Сам по себе синтез крымско-татарской и нашей, узбекской культуры мог бы дать интересные плоды при общей прошлой исламской традиции. Но для этого необходимо свободное и естественное развитие культур, чего не скажешь о культуре народа, над которым долгие годы висело клеймо "народа-преступника".

Хотя бы физически выжить в таких условиях. И выжить крымским татарам помог, наверное, этот "примитивно-жизнеспособный ствол монголизма". Он помогает им на протяжении своей трагической истории всякий раз надеяться и горько разочаровываться, и снова наполняться верой...

Как верили они, выгрузившись с эшелонов в конце своего долгого пути в Узбекистан, в мае 1944 года, что злодеяния в отношении их допустил Берия и что "великий и справедливый вождь и учитель" Иосиф Виссарионович Сталин, узнав об этом насилии, немедленно вернет их обратно на родину, верили в это и какое-то время еще ждали, не развязывая узлов с пожитками и не обустраиваясь на новом, незнакомом месте. Эта вера в "справедливого вождя" стоила народу кроме сотен погибших от отчаяния и болезней в дороге еще сорока тысяч погибших от голода уже на новом месте - детей, женщин, стариков.

Остальным помогли выжить понимание и сочувствие коренного узбекского, казахского населения, которое, несмотря на пренебрежение и строгость местных сталинских чиновников, ни разу, ни словом, ни действием не оскорбило переселенцев, потеснилось, поделилось с ними не только теплом своих очагов, но и землей, территорией.

И это при том, что во многих районах поселения татар ощущается переизбыток коренного населения - почти миллион незанятых рабочих рук сейчас в одном Узбекистане!

Простой наш народ своим особым чутьем, замешанным на мудрости, сострадании к чужому горю и на достоинстве, вопреки сталинской пропаганде о "врагах народа", о "народе-предателе" понимал, что крымские

татары, превыше всего ценящие труд, честь, как и они, узбеки, в поте лица добывают свой кусок насущного хлеба. Правда, большинство моих земляков, должно быть, задавало себе вопрос, подобный тому, который задал себе я, когда впервые, будучи подростком, стал задумываться над горестной судьбой переселенцев: "Почему наша узбекская земля, единственная и неповторимая наша родина, стала местом наказания, ссылки для другого народа?! Не надругался ли тот, кто это сделал, и над нашими чувствами любви и поклонения родине?..».

Конечно, сталинская неволя, как и всякая другая, не могла не отразиться отрицательно на нравственности, на характере крымских татар,

Сделав некогда открытый и жизнелюбивый народ скрытным и подавлен-

ным. Народ постепенно растрачивал не только основы своей национальной культуры, но и свои традиционные хозяйственные навыки - искусных земледельцев, садоводов, виноградарей...

К сожалению, творческая интеллигенция, в частности, писатели не смогли хоть как-то уберечь свою культуру от упадка в чужой среде.

Да и не могли они этого сделать по той простой причине, что до

самого недавнего времени в их произведениях запрещалось всякое упоминание о Крыме, об их жизни как прошлой, так и настоящей, не говоря уже

о том, что выпало на долю народа во время переселения.

Помню, в 1972 году писатель Ш.Алядин, бывший до войны председателем Союза писателей Крымской автономной республики, рассказал мне, как он, капитан Советской Армии, после вступления со своей дивизией в освобожденный Крым был схвачен и сослан вслед основной массе пересе-ленцев в Узбекистан, как долго мытарствовал он по нашим городам и кишлакам, терпя унижения со стороны сталинских чиновников, пока где-то под Андижаном не нашел свою семью: жену и дочерей, опухших и умираю-щих от голода. Издевательства и унижения, которым подверглась его семья, как и семьи других спецпереселенцев, могли бы стать сюжетом для полного драматизма повествования, но, когда я спросил крымско-татарского писа-теля, почему он обо всем этом не напишет, он раздосадованно пожал плечами: "Зачем? И кто все это опубликует? Нам запрещено не только писать, но и думать о пережитом..."

З а п р е щ е н о д у м а т ь о п е р е ж и т о м...

Перед самой войной в Крыму вместе с русскими, украинцами, армянами, болгарами, греками проживало почти четверть миллиона крымских татар. Почти шестьдесят тысяч крымских татар были призваны на фронты Великой Отечественной, из коих каждый второй пал смертью храбрых, не считая тех, кто участвовал в партизанском движении или

пропал без вести. Вот истинный вклад крымских татар в нашу общую победу над фашизмом! И навешивать на целый народ клеймо "народа-преступника" на основании предательства какой-то его части - безнравственно.

Мною собраны десятки свидетельств крымских татар-переселенцев, на основании чего я сделал вывод о том, что судьба этого народа - следствие личной мести Сталина. Украинцев он морил голодом "лишь" за то, что они сопротивлялись грубым перекосам коллективизации, узбеков и казахов истреблял за то, что на их лицах не было радости во время насильственного обобществления их скота, а на крымских татар вождь давно "точил зуб" за то, что они роптали на беззакония НКВД, истребившего их лучших людей, цвет нации, на извращения "сталинской национальной политики". На памятнике жертвам беззаконий и репрессий сталинизма, который будет воздвигнут в Москве, в списке жертв, вне сомнения, должен быть поставлен крымско-татарский народ...

Национальный вопрос сегодня:

Материалы совещания в редакции

«Дружба народов». 1988 N 12.

И ПРОЧИЕ СОВЕТСКИЕ НАРОДЫ

* * *

18 мая 1944 года вместе с крымскими татарами подверглись депортации:

396 немцев,

32 румына,

21 австриец,

1 венгр,

7 финнов.

История СССР. 1989. № 6.

* * *

По Постановлению Государственного Комитета Обороны от 2 июня 1944 г., № 5984, за два дня (27 и 28 июня) было выселено:

15 040 греков,
12 422 болгар,
9621 армянин.

Кроме них в число выселенных попали 1119 иностранных подданных, проживавших в Крыму:

немцы, итальянцы, румыны, 3531 грек, 105 турок,

16 иранцев.

Там же.

Борис БЕБЕШ

БЕЗ ВИНЫ И БЕЗ УКАЗА

Воспоминания

Я родился в 1931 году в Ялте, где родились еще мой дед, отец, мать, старший брат, бабушка - весь мой род.

В начале 1941 года отца неожиданно арестовали, говорили, кто-то на него донес, и его осудили. Началась война. Фашисты стремительно приближались к Крыму. Наши войска уходили поспешно, гражданское население эвакуировалось выборочно - в первую очередь работники советских и партийных органов, знатные люди, а наша семья - без отца - состояла из бабушки, матери, 14-летнего брата и меня. Немыслимо было попасть на перегруженные теплоходы, которые, как нам становилось известно почти тотчас же, почти все были потоплены при бомбежке вражеской авиацией. Так мы оказались в оккупации, но еще до прихода немцев в Ялту, неожиданно дома появился отец. Он рассказал, что их, заключенных, использовали на строительстве оборонительных рубежей. При отступлении повели колонной, но налетели фашистские самолеты, стали бомбить, и они разбежались, кто куда.

Вернувшись, отец связался с ялтинским подпольем и через Виктора Александровича Жукова передавал интересующие партизан сведения о численности оккупантов, их вооруженности и т.д. Я помогал отцу. А было это так. Работы не было, а кормиться как-то было надо, и отец, как и многие другие, вырезал из кости крымские сувениры и ходил вместе со мной в

расположение частей гитлеровцев и продавал их, вернее, обменивал на продукты. Пока он торговал, я смотрел и считал танки, машины, пулеметы

и так далее. Жизнь была тяжелая, трудная, голодная, перебивались, кто как мог. Мне частенько с другими ребятами приходилось ходить к румынам, итальянцам, немцам и воровать овес из кормушек лошадей. Из этого овса варили дома кашу.

Когда наши спустили десант, всех мужчин, в том числе моего отца и Жукова, забрали и отправили в концлагерь под Симферополь, в так называемый "картофельный городок". И вновь случай помог отцу и Жукову – им удалось бежать оттуда и до прихода наших они прятались в горах.

В этот период - перед освобождением - Ялту часто бомбили с моря.

По городу били наши военные корабли. И хотя мы наравне с оккупантами подвергались опасности, но радовались, что Красная Армия бьет врагов.

В одну из бомбежек был разбит наш дом, и нам пришлось перебираться в другое помещение.

В начале 1944 года гитлеровцы начали бежать из Крыма, бросая технику, госпитали. Сбегались в Севастополь, и в один прекрасный день в Ялте наступила тишина, город будто вымер, а наутро в нее вступили наши войска. Радости не было предела - мы победили. Вернулся отец. Вскоре брату пришла повестка - он отправился воевать в Севастополь. А потом пришла повестка и отцу, которому было тогда 43 года, но ему не пришлось идти в армию.

Отлично помню день, когда пришла ему повестка, вечер, ночь и утро. Мать собирает отца на фронт, утром в 7 часов ему идти. Я кручусь возле, слушая отцовские наставления - еще бы, я, тринадцатилетний, остаюсь с двумя женщинами за главу в семье. Заснули поздно, вдруг в 5 часов утра - страшный стук в дверь. Открываем: стоят солдаты с автоматами и офицер. Спрашивают:

- Кто здесь живет?

- Караимы.

- Собирайтесь. Вас выселяют как врагов народа.

- Как - врагов? - удивляется отец. - Мой сын воюет в Севастополе, я через два часа должен явиться по повестке... Вот!

Но офицер в клочья рвет повестку отца и кричит, чтобы мы через 10 минут были готовы в дорогу. "Иначе погоним, как собак!" - пригрозил он.

Что можно было собрать за 10 минут?

Оделись по погоде - стоял июнь 1944 года. Я поехал в коротких детских штанишках, летней рубашке и летнем пиджачке. Мать, бабушка и отец - в летнем. С собой взяли по смене белья и еду, какая была.

Вышли во двор, а там - соседи, плач, крики, стоны. Старики, женщины, дети. Расстерянные, испуганные. Караимы, армяне, болгары, греки... Татар вывезли весной, теперь пришел наш черед. Со двора нас всех согнали в городской сад, где театр имени Чехова, окружили плотной стеной солдат. Они не пускали ни за водой, ни в туалет. Все в панике, а людей со всех сторон ведут и ведут. Я никак не мог понять, что происходит: чего только

не пришлось перетерпеть от немцев, но ведь это наши, родные?

Подали открытые грузовые машины, приказали людям садиться.

Стали садиться - люди тянут с собой узлы, чемоданы, а солдаты вырывают их из рук, откидывают в сторону, а людей пинками и прикладами торопят сесть в машину. Наконец, всех погрузили и повезли. Как мне потом сказали, нас везли через Ай-Петри коротким путем на станцию Сирень. Везли ночью, было очень холодно, укрыться нечем. Женщины плакали, дети начали кашлять. Все время хотелось есть и пить.

На станции нас подвезли к товарному эшелону, раскрыли двери-ворота вагона и приказали садиться. В вагоне пусто - сесть не на что, стояли. Окна были забиты, потом задвинули двери, щелкнула снаружи щеколда и нас повезли.

Сели прямо на пол - кто где стоял. Куда везут, зачем, почему - никто не знал. Ехали много суток - днем наш эшелон, как правило, стоял в тупике какой-нибудь станции, один-два мужчины из вагона под конвоем шли на станцию, брали там ведро-два горячей воды и возвращались. Хорошо, если им удавалось увидеть название станции, разговаривать с людьми не разрешалось под страхом расстрела. Ночью нас везли. Люди в вагоне начали болеть, умер один старик, умирала женщина, но доехала. Если на станциях рядом оказывались люди, им говорили, что везут предателей родины, и в нас швыряли камнями, палками, кричали проклятия.

Ехали много дней. Каким-то образом узнали, что нас везут в Сибирь

на поселение. Ночью на какой-то станции остановились, двери распахнулись и нам сказали: "Все, ваша дорога кончилась, вылезайте!

Вылезли, нас построили в колонну и погнали к реке, там нас уже

ждали баржи - на таких возят песок, гравий и прочие грузы. Велели садиться на баржи и повезли уже по реке. Часть оставили, сказали, что их повезут в другую сторону. Делили людей, как стадо, разъединяли семьи, не слушали ни просьб, ни плача.

Плыли несколько дней - без еды, без воды. Потом я узнал, что плыли мы сначала по реке Белой, потом по ее притоку Уфимке и приплыли в посе-

лок Красный Ключ, это почти 200 километров от Уфы. В поселке находился лесхоз, лесопилка, бумажная фабрика. Поселили нас в бараке, который осве-щался днем и ночью. Люди стали работать на лесоповале, лесопилке, я пошел в школу. Но на "предателей родины" в поселке смотрели очень плохо, в школе меня начали травить, оскорблять, бить, пришлось мне бросить школу, так я пропустил учебный год. Родители еженедельно ходили отмечаться в спецкомендатуру.

Оказалось, что у отца моего, бухгалтера, дефицитная профессия. Его командировали в Уфу с отчетом и там он договорился о работе на кирпичном заводе. День Победы мы встретили в Красном Ключе - мы особенно радовались, считая, что теперь вспомнят о нас, исправят ошибку. Верили, ждали, питались иллюзиями...

В августе 1946 года удалось перебраться в Уфу. Вскоре и в наш дом пришла радость - отозвался брат и в 1947 году приехал к нам в отпуск. Он воевал до Победы, а после его оставили в морской пехоте в Севастополе. Он рассказал нам, что, узнав о нашем выселении, подал рапорт командова-нию о том, что он караим и семью его выслали. Он просит демобилизовать его и воссоединить с семьей. На его глазах так поступали с бойцами греческой, татарской национальности. Но его вызвали и сказали, что караимы не подлежат выселению, произошла ошибка, с вашей семьей разберутся, а вы служите дальше.

От нас брат поехал в Москву с ходатайством о нашем освобождении. Он прослужил на флоте до 1950 года, а нас освободили из-под спецучета и сняли ограничения в 1951 году.

Отец и мать, конечно, обрадовались, что больше не надо ходить отмечаться в спецкомендатуру, что теперь можно ездить свободно, но почему-то побоялись возвращаться в Крым. Почему - не знаю. Возможно, в приказе об освобождении были ограничения. Так мы и остались в Уфе, здесь я похоронил сначала мать, потом отца...

Нас, караимов, очень мало, всего 2800 человек. Это не народ, не нация, не национальность - этническая группа. Но как бы мы не назывались по-научному, мы остаемся людьми, и нам дорог родной язык, утраченный, можно сказать, совсем, наши традиции, уже почти забытые... Родина, наконец. Я с детства мечтаю вернуться в Крым, но дорога туда мне практически закрыта. Мне хочется общаться с караимами, которые в виду своей малочисленности почти все между собой родственники. Но в Крыму

их живет 900 человек, 400 в Литве, в Тракае, остальные разбросаны в результате "ошибочной" депортации на Урале, в Башкирии, в Сибири.

Кто - где. Без вины и без Указа с нами расправились...

На моих глазах 15 ялтинских семей караимов вымерли полностью.

Уфа, 1990

*   *   *

По Постановлению Государственного Комитета Обороны от 31 августа 1944 г., № 6279, из Грузии в Казахстан, Киргизию и Узбекистан

было выселено:

46 516 турок

8694 курдов

1385 хемшидов

29 505 представителей других национальностей, не входивших в список специально выселяемых по государственному заданию.

Частичному выселению подлежали курды из Армении.

Всего из Закавказья было выселено турок, курдов и других народов

около 100 тысяч.

История СССР. 1989. № 6

*   *   *

По данным Управления общего снабжения ГУЛАГа, на довольствии

в местах заключения состояло без малого 16 миллионов - по числу пайкодач в первые послевоенные годы.

Антон АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО.

Противостояние

Литературная газета. 1991. 3 апреля

*   *   *

В 1948 -1953 годы из Армении насильственно выселены около

100 000 азербайджанцев. Более половины из них погибли во

время депортации от эпидемических заболеваний и голода.

Из Архива газеты "Азербайджан" (Баку).

Публикация В.РЗАЕВА

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ

Из беседы с поэтом

- Когда я в Алма-Ате пятидесятых годов учился в школе, нас знакомили с прошлым Греции, Рима, Западной Европы, Америки и, конечно, России. Но из истории казахов - ни одного имени, ни одного события. Кстати, не только школьников, но и историков отучили от своей истории, от своих предков. Помню, когда я, работая над книгой "Аз и Я", исследовал архивные документы в алма-атинской академической библиотеке, то отыскал удивительные первоисточники на запыленных полках хранилища. И что меня потрясло - страницы многих из них пришлось разрезать обыкновенной расческой, которая оказалась в кармане, не знал, что надо запастись костяным ножом. Я был первым, кто прочитал драгоценные страницы о прошлом...

Удивляюсь и огорчаюсь тому, что у нас нет Музея древнетюркского рунического письма, памятники которого обнаруживаются на громадных просторах от Монголии и Китая до Венгрии, но до сих пор еще не собраны под одной крышей... Ведь речь идет об одной из древнейших мировых письменностей, незаслуженно обойденной вниманием, которого она достойна... Если шедевры рунического письма исчезнут - потомки нам не простят. Да и мы сами себе.

Связи нашего сознания с прошлым искусственно пресекались. А ведь это кровеносные сосуды истории и прерывать их нельзя без ущерба для общественного и национального развития. Сейчас газеты и журналы свели острые лучи своих "прожекторов" на тридцатых годах. Это десятилетие далеко не полно представлено в нашем сознании, хотя оно является ключевым для понимания всего семидесятилетия.

В музейных экспозициях о 30-х мы видим только победы. Пока еще нет в них фото и прочих документов о насильственной коллективизации, голоде, репрессиях, которые бы диалектически дополнили картины первых пятилеток. Кто знает, что в конце 20-х годов казахов проживало на территории республики более шести миллионов? А после коллективизации осталось около трех! Возможно, и немного жертв в масштабах всей страны, но для нас это половина нации. Уничтожение происходило безо всякой огласки. Но со всеми признаками геноцида, организованного ретивыми чиновниками. Мы не проводим ежегодных дней памяти жертв геноцида. Такие дни не проводятся ни в России, ни на Украине, ни в Белоруссии - между тем как все народы испытывали ужасы истребления. Молчать безнравственно, как и спекулировать на этой теме. Необходимо сообща выработать строгий тактичный подход, чтобы народы не начали сорев-

новаться мерами слез и страданий. Иначе - порочный круг. Искалечим сознание будущих поколений, воспитаем в душах огонь ненависти...

... Историю любого народа надо рассматривать в контексте общечеловеческой истории, а не расхожих и часто услужливо предлагаемых мифов, не отвергая с ходу самые на первый поверхностный взгляд невероятные параллели. Ни один язык не упал готовым с неба. Каждый - результат бесконечных взаимосвязей с другими. И чем богаче язык, тем больше у него было контактов.

Возвращение исторической правды не акция-однодневка, а процесс... Сиюминутной акции легче соответствовать, а тут каждый новый день раскрывает новые драматические страницы. Давайте, например, взглянем: как формировалась интеллигенция в наших республиках? В 1930-е годы в срочном приказном порядке отменялись прежние алфавиты у народов Советского Востока, никто не спрашивал желания народа, не была проведена соответствующая научная подготовка. Первые классы начальной школы писали традиционным арабским шрифтом, в третьем классе переучивались на латиницу, а заканчивали школу кириллицей. Все письменное наследие было забыто. При этом книги, ценнейшие рукописи по различным отраслям знаний и особенно по истории, написанные в средние века, сжигались. У кого находили старинные книги - арестовывали как неблагонадежного, политического диверсанта, носителя вируса буржуазного национализма. Насильственное изменение алфавита не коснулось на Советском Востоке лишь грузин и армян. В ареал алфавитной кампании были повлечены и молдаване, которые прежде пользовались латиницей. Таким образом, последующие поколения казахов, узбеков, азербайджанцев, таджиков, туркмен, татар, киргизов, кумыков, балкарцев, башкир, карачаевцев, каракалпаков оказались отрезаны от своего прошлого, от своей древней культуры. Навязывались совершенно чуждые этим народам концепции их истории, которые во многом не изжиты и сегодня...

Ныне патриотизм как забота о национальных ценностях наконец-то признается естественным правом каждого народа. Однако эгоизм иных патриотов способен профанировать демократию, превратив гласность в кликушество.

Самосознанием невозможно наделить сверху и сразу. Оно вырабатывается сложно и долго. И после десятилетий, а для некоторых народов

и столетий исторической немоты выкрики естественны. Голоса еще не распеты, но мы должны выговорить весь алфавит самосознания до буквы "Я", превращая хаотический ор в демократическое бельканто.

"Голоса еще не распеты"

Советский музей. 1989. № 3.

Мурад АДЖИЕВ

"ИЗ РОДА ПОЛОВЕЦКОГО"

Очерк

"В кумыкских песнях отражается нравственный облик кумыка - рассудительного и наблюдательного, со строгим понятием о чести и верности данному слову, отзывчивого к чужому горю, любящего свой край, склонного к созерцанию и философским размышлениям, но умеющего повеселиться с товарищами. Как народ более культурный кумыки всегда пользовались большим влиянием на соседние племена".

Так писали о кумыках в XIX веке. Значит, такими они и были. А мы? Достойны ли мы, нынешние кумыки, этих слов? Вровень ли идем со своими предками? Увы. Сегодня эти приятные слова к кумыкам не относятся, настолько искалечен теперь наш народ. Не поют уже песен в аулах, давно не поют. От традиций ничего не осталось, разве что "умение повеселиться"...

Если так пойдет и дальше, боюсь, скоро кумыки окончательно исчезнут. Пора уже, видимо, заводить "Красную книгу" народов СССР.

Это не громкие слова и не преувеличение. Жестокая реальность.

В отличие от других народов Дагестана кумыки всегда жили на равнине и в предгорьях. Ведь нашими предками были половцы. На середину ХШ века приходятся первые упоминания о кумыках как о народе Кавказа.

Много воды с той поры утекло в нашем Доне. Ныне кумыков насчитывается чуть более двухсот тысяч. А было - миллионы! Тьмы и тьмы.

В Дагестане уже не осталось ни одного кумыкского района, умирают целые поселения...

Идет массовое вытеснение кумыков из республики, изгнание с родных ныне земель...

Передо мной результаты первой российской переписи населения *(1926 года. - Ред.-сост.).* Тогда в стране проживало 196 народов. А сейчас осталось... никто даже не знает, сколько. Официально сообщается, что в СССР более ста различных наций и народностей. Простите, а куда же делись остальные? Речь же идет не о людях, которых правители расстреливали миллионами, а о целых народах, со своей богатейшей и неповторимой историей, культурой, традициями.

Впрочем, ответ на вопрос "куда делись?" можно проследить на драматической судьбе моего народа.

Тысячи горских семей сперва насильственно завозились из горных аулов и расселялись по Кумыкской равнине. Причем тавлу (так по-кумыкски называют жителей гор) выделяли лучшие земельные участки, по площади в несколько раз больше, чем были у потомственных жителей равнины. Переселенцам давали такие ссуды, которые местным и не снились...

В переселенческом колхозе имени Г.Цадасы, например, горцы получали участки по 40 соток и плюс под огород еще 20 соток, в то время как кумыкам более 7 соток земли выделять не положено. Почему? Никто не мог объяснить, все ссылались на какое-то постановление Совмина Дагестана.

Режим максимального благоприятствования за счет другого народа привел к тому, что на равнину с гор уже добровольно потянулись тысячи семей. Кумыкские поселения лишились своих пашен, пастбищ, садов,

быстро захирели. Закрываются кумыкские школы, уничтожаются культурные центры и памятники...

Вот пример по Хасавюртовскому району, бывшему когда-то "самым кумыкским" нашим этническим центром. Лишь четверть населения здесь теперь кумыки. Да и то значительная часть их - безработные и безземельные. В Аксае, например, уже овцу не прокормишь - негде. Там и в помине нет тучных отар, о которых упоминал Лермонтов.

Кстати, раньше в Хасавюртовском районе жили не только кумыки, но и русские, вернее, казаки. От казаков остались лишь названия сел Петровское, Петраковское и другие, а самих выселили. Были несколько немецких поселений, но немцев тоже выселили... Нет народа - нет проблем.

Я родился уже не в Аксае, откуда родом мои дедушка и прадедушка. Нас, как и тысячи других семей, выселили раньше, до моего рождения. Сейчас вроде насильственного выселения нет, но есть экономическое принуждение, которое ничуть не лучше принудительных методов, которые применялись в сталинско-бериевские времена, ибо итог один и тот же: постепенно исчезают, распыляются по миру целые народы...

Из-за насильственного передвижения горцев на равнину, а равнинных жителей - в горы и в другие места нарушаются традиционные виды профессий как у тех, так и у других, а в результате - ущерб экономике, всей природе. Рисоводство, например, которым занялись, вернее, принудили заняться не имевших к тому навыков горцев на равнине, привело к экологической катастрофе: погибли тысячи гектаров, всюду засоление почвы.

Загублены леса. И самое страшное - появилась пустыня с песками.

При этом поля в горах зарастают...

Землей изгоев сделали Кумыкскую равнину. Чем заслужил мой народ такое проклятие?

Литературная Россия. 1990, 21 сент.

Замира ИБРАГИМОВА

"...И ВСПОМНИЛ БОГ О ЗЕЛЕНОМ ОЗЕРЕ"

Мария Федоровна Григорьева, учительница, районный центр Верх-Усугли:

- В 1939-м на севере Читинской области было 14 тысяч эвенков. Сейчас тысяча на три района - Тунгокоченский, Каларский, Тунгуро-Олекминский. И много тысяч оленей было. А оленей отнимали. Да еще в конце пятидеся-тых, перед укрупнением, в районе было семь тысяч оленей, сейчас - тысяча. Эвенки... вымерли от тоски... От того, что не давали им своим делом заниматься...

Анна Михайловна Таскерова, врач, Верх-Усугли:

- В госпромхозах штатные охотники - все русские, ни одного эвенка в штат не принимают. Проблема оружия. У эвенков нет железного ящика для хранения оружия, и им не дают разрешения на охоту. Как только сокращения, наших первых сокращают - и в госпромхозе, и в совхозе. И получается у нас, что эвенки - преступники. Эвенк рожден охотиться, пасти оленей, собирать дикоросы. А коренного жителя так ли, сяк ли, но все от охоты отрывают. Тот сидел, тот дебил. Ты этого дебила в лес отпусти - он тебе покажет, на что способен.

Галина Александровна Русяева, бывший участковый милиционер, Тунгокочен:

- Конфликтовала я с начальством из-за коренного населения. Жизнь эвенков - лес! Народ простодушный, доверчивый, обмануть легко. А обидчик сидит дирижером где-то в Москве ли, в Чите... Переносят райцентр из Тунгокочена в Верх-Усугли, здесь хозяйство ликвидируют, лис всех увезли, оленей передали в Кыкер, там эвенков нет, а наши эвенки остаются без работы. Первое золото откуда? От нас, из Забайкалья. Серебро - от нас. Коренному жителю это не нужно. Его "золото и серебро" - лес!.. Их были когда-то великие тысячи! Остались десятки... Сначала - колонизировано, потом - национализировано, потом - коллективизировано, а потом - все ликвидировано! С индейцами хоть договора какие-то заключаются... А наших точно и нет совсем. И не будет скоро - опять геологи копаются...

Федор Петрович Жуманеев, потомственный охотник, Тунгокочен:

- Лет шестьдесят, наверное, охочусь. Нет, больше, наверное... С 9 лет пошел... Здесь и родился, в тайге, в Тунгокочене. Сдаю соболя, белку, рысь. Пенсия - пятьдесят рублей только. Охочусь. И бабушка моя тоже была охотник. Без ружья-то каково? Медведь придет - съест. А теперь все запрещают.

- Как вам можно запретить, коли вы всю жизнь охотник?

- Черт-те его знает. Все чего-то придумают.

- Много пушнины за жизнь сдали?

- Счета нету. Я всех больше сдал. За сезон один раз 110 соболей

втроем взяли. Из эвенков я теперь самый старший. Раньше десять палаток вместе стояли, а теперь один да один. Боюсь. Медведь придет - задавит. (Смеется дед, как ребенок, - излучает лукавое простодушие.) Встретил медведя - тихо-тихо стой, только не беги. Медведь говорит: я одного человека боюсь, больше никого не боюсь. Вышел ко мне лет пять назад... прямо на палатку... Поговорили, разошлись тихо... Эвенков совсем мало осталось, эти умрут, дак и все... Кто с медведем поговорит?

Обаятельный дед Жуманеев не ропщет, ни на что не жалуется, редкое среди эвенков долгожительство научило, видно, деда добродушному смирению: все, что не тайга, живет по законам, ему непонятным. И они никак от него не зависят, а его бесхитростное бытие целиком зависит от них, и им надо улыбаться, потому что ничего другого не остается.

Дедушка Жуманеев читать не умеет - учился в школе два месяца. А пушнины сдал государству за жизнь... Кто говорит - на миллион, кто - на два миллиона. Сдавал, сдавал - ничего и не требуя для себя, кроме жизни в лесу, в котором прошла жизнь многих поколений его народа.

И дожил до того, что говорит с улыбкой (от нее щемит – такая беззащитность!):

- Участок мой отбирают...

Велик советский Север, а проблемы 26 малочисленных его народностей везде одинаковы. Выступая на первом учредительном съезде коренных народов Ханты-Мансийского округа, член Верховного Совета СССР Е.Д.Айпин сказал:

"Тяжек и труден путь через многие столетия. И в пути, называемом жизнью, мы потеряли не один род и не одно племя. Но все же мы выжили, хотя числом изрядно уменьшились.

Мы выжили, потому что наша судьба была в наших руках. Но сегодня, увы, наша судьба не принадлежит нам. Вернее, уже прошло несколько десятилетий, как ее отняли из наших рук... Мы не знаем, где нам завтра ловить рыбу, выслеживать зверя и птицу, пасти оленей, не знаем, где нам

завтра срубить избушку, поставить ловушку, похоронить последнего сказочника..."

гонек. 1990. № 3.

А.ТВАРДОВСКИЙ

... Но все, что было, не забыто,

Не шито-крыто на миру.

Одна неправда нам в убыток

И только правда ко двору!

- - - - - - - - - - - - -

И душу чувствами людскими

Не отягчай, себя щадя.

И лжесвидетельствуй во имя,

И зверствуй именем вождя.

Любой судьбине благодарен,

Тверди одно, как он велик,

Хотя б ты крымский был татарин,

Ингуш иль друг степей калмык.

Рукоплещи всем приговорам,

Каких постигнуть не дано.

Оклевещи народ, с которым

В изгнанье брошен заодно...

Давно отцами стали дети,

Но за всеобщего отца

Мы оказались все в ответе,

И длится суд десятилетий

И не видать еще конца.

По праву памяти: Поэма. М, 1988

МЕСХЕТИНСКИЕ ТУРКИ

Вадим ТЮТЮННИК

ТУРКИ ИЗ МЕСХЕТИИ: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

В большинстве случаев информация об условно называемых месхетинских турках, поступающая в верхние эшелоны власти, не пред-ставляет собою объективных фактов и характеристик, а формируется на основе архаичных пережитков в мышлении, стереотипного подхода, неизученности рассматриваемых вопросов. Неизбежно это сказывается на выработке позиций тех или иных инстанций, или отдельных руководителей по отношению к самому народу, на принятии или непринятии жизненно важных для него решений.

Так, на фоне отсутствия максимально полных и объективных данных об истории, жизни и быте месхетинских турок, которые уже можно было бы получить, будь проведено хотя бы одно серьезное комплексное исследова-ние, и которые могли бы, сдерживая и корректируя небезвредную стереотип-ность в осмыслении человеческого сообщества, его взаимосвязей и происхо-дящих в нем процессов, нарисовать истинный образ этого народа.

Сегодня зачастую слово "турок" вызывает у наших соотечественников удивление тем, что живет он почему-то в нашей стране, а при попытке пред-ставить неизвестный поныне неосведомленному человеку облик советского турка перед глазами предстает неизменная феска над сверкающими глазами и крупным кривым носом, яркие шаровары и, чего

доброго, еще изогнутая в руке сабля (хотя вряд ли: рассудок здесь подскажет, что ятаган давно стал для турок музейным экспонатом.) Но справедливости ради не следует упрекать обыкновенного человека за то, что образ янычара многие годы был более ему доступен, чем лицо его соотечественника-турка, хотя и его современника, но живущего иной полувековой жизнью под колпаком механизма репрессий и дискриминаций. Да и откуда нам знать, что предки турок из Месхетии всегда жили по эту сторону гор, отделяющих южную и юго-западную часть Грузии от Турции, на высоте более 2 тысячи метров над уровнем моря, что они никогда не служили в османской армии. Не брал их на службу и русский царь после того, как в 1829 году по Адрианополь-скому мирному договору часть их территории перешла к России. Случайно ли не брал? Очевидно, невыгодно было рекрутировать крестьян, произво-дивших продукты питания для обширной территории Грузии, или лесорубов, снабжавших ценными породами древесины по реке Куре даже прикаспий-ские земли. Хотя в те времена люди имели возможность свободно пересекать границу с Турцией и Персией, они и после того, как Ахалцихский вилайет стал уездом, не пожелали покинуть родную землю своих предков, к которой всегда питали особую любовь и привязанность. Так они и жили своей тихой и бесхитростной крестьянской жизнью, никем не замечаемые. Ни в 19-м веке, ни в 20-м, ни в советское время о месхетинских турках вроде не положено было писать, а с 1944 года стало запрещено. А почему? Кому они мешали?

Военное ремесло не было здесь для турок традиционным и не могло конкурировать с ремеслом труженика, возделывающего землю. Но пробил час, и на Великую Отечественную войну от 158-тысячного народа на фронт ушло 40 тысяч его сыновей, из которых в живых осталось всего 14 тысяч. Раненные, покалеченные бойцы сократили эту цифру в послевоенные годы. Оставшиеся в тылу женщины, дети и старики, как и вся страна, отдавали фронту последнее: продукты, вязаное шерстяное белье, ослов в качестве гужевого транспорта. Народ неустанно трудился и оплакивал бесконечные похоронки, как и многие другие по всей стране. Все это было до 1944 года.

Шли тяжелые военные годы. Но никто, ни воевавшие за родину месхе-тинские турки, ни оставшиеся в тылу за тысячу километров от тех мест, где рвались бомбы и снаряды, их родные, не могли и догадываться, что им придется испытать такое, что оказалось страшнее, горше и обиднее, чем сама война.

В ночь с 14 на 15 ноября 1944 года весь народ, в том числе вернувши-еся с фронта калеки, которые не могли больше воевать, были де-портированы в Казахстан и Среднюю Азию. Люди турецкой национальности, а также жившие по соседству с ними другие мусуль-манские народы: азербайджанцы, курды, хемшилы стали жертвами заранее спланированного сталинского злодеяния. Специальное поста-новление Государственного Комитета Оборо-ны от 14 ноября 1944 года предрешило судьбу более 115,5 тысячи ни в чем неповинных людей. Они

были разбужены ночью войсками НКВД и выгнаны из своих домов на улицу, а утром погружены на "студебеккеры" и отправлены в неизвестном направлении. В дорогу разрешалось брать только то, что можно было унести в руках. Да и что можно было погрузить в битком набитые людьми грузовики? По дороге к железнодорожной станции из-за спешки или неопытности водителей некоторые перегруженные людьми машины теряли на горной дороге управление и переворачивались. На станции людей перегрузили в малопригодные даже для перевозки скота вагоны и отправили в ссылку по рельсам, которые по указанию властей турки укладывали своими руками незадолго до депортации. Ехать им предстояло не день и не два, - а почти целый месяц, зимой - в неотапливаемых товарняках.

Сегодня оставшиеся в живых старики с теплотой и благодарностью вспоминают сочувствие и доброту, проявленные грузинами, армянами и молоканами, которые со слезами на глазах подбегали к еще открытым дверям вагонов и бросали все, что могли: хлеб, лаваш, сушеное мясо, бастурму, сыр, теплую одежду. Можно ли выразить словами выпавшие на долю ссыльных страдания, боль и обиду. Обиду не только за себя, но и за своих отцов, мужей и сыновей, проливавших в те самые дни кровь на фронте. У них отобрали не только родную землю. Матери теряли своих детей под рев грузовиков и стук вагонных колес. А у многих была отнята и сама жизнь. Умерших в заколо-ченных вагонах, а подчас и тех, в ком еще билось сердце (кого тогда инте-ресовала точность констатации смерти) конвоиры буквально вырывали из рук родственников, умолявших не бросать их на снегу непохороненными.

Да, зловещий указ выполнялся тогда четко и неукоснительно. Его результат - смерть в дороге от холода и голода, от болезней на голых, необжитых местах ссылки в первые же месяцы зимы более 17 тысяч безвинных стариков, женщин и детей. Остальные, кому суждено было остаться в живых, были рассеяны по обширной территории без всякого соблюдения родства или других связей. С рокового 1944-го по 1956 год народ оказался в положении резерванта под строгим комендантским режимом. Туркам не разрешалось покидать места поселения. Молодым людям, жившим в разных селах, нельзя было вступать в брак. За нарушение комендантского режима грозило суровое наказание: сперва избивали, затем судили, или просто объявляли срок вплоть до 25 лет с отправкой в Сибирь со всей семьей.

На вопрос, каковы истинные причины этого акта вандализма, кроме общих умозаключений, конкретного и однозначного ответа не дано. Извест-ное постановление тогда гласило, что "в целях усиления безопасности гра-ниц" лица турецкой национальности подлежат переселению, а иными сло-вами - ссылке. Кроме вышеуказанной причины, иные мотивы депортации приведены не были. Трагическое же изгнание целого народа произошло в

то время, когда гитлеровские войска были отброшены к западным границам нашей Родины, а Турция к тому моменту придерживалась нейтралитета и

не собиралась воевать против нас. По данным нашей разведки никакие пере-мещения или скопления турецких войск близ нашей границы не производи-лись. Наоборот, после заключения договора между СССР и Германией в 1939 году Турция предложила союз с нами, но СССР отказался, так как в подписанном с Германией договоре говорилось, что СССР не будет заклю-чать договора с враждебной Германии страной или ее союзниками. Как СССР, так и Турция, согласно заключенным с Германией договорам, поставляли ей до войны огромное количество зерна и другого сельскохозяйственного сырья.

Выселение турок, а также мусульманских народов из пяти районов так называемой Месхетии-Джавахетии - междуречья Чороха и Куры на юге Грузии - Ахалцихского, Адигенского, Аспинзенского, Ахалкалакского и Богдановского районов было совершено, несмотря на то, что по сей день никакими материалами о предательстве со стороны турков во время Великой Отечественной войны или об их враждебном отношении к советской власти компетентные органы не располагают. Однако есть другие факты.

Более 26 тысяч турок из Месхетии, сражавшихся за Родину, не вернулось с поля боя. В числе сыновей этого народа 8 Героев Советского Союза, три кавалера трех степеней ордена Славы, двое защитников Брестской крепости и много орденоносцев и медалистов, отличившихся в годы войны. Кстати, мало кому известно, что Шукри Поладов (конспиративная кличка Шакуро), расстрелянный вместе с 26 бакинскими комиссарами, и Омар Фаик Нейманзаде, известный публицист-демократ, писатель и поэт, издатель, член Ревкома Грузии, казненный в 1937 году по приговору тройки НКВД респуб-лики, были по национальности месхетинскими турками.

Эту небогатую, но убедительную информацию, совсем недавно промелькнувшую в некоторых газетах и журналах, следовало бы дополнить обширным фактическим материалом, который только в наши дни стал собираться из искусственно обедненных в прежние годы и уничтоженных исторических источников. Трагическая история месхетинских турок в основном составляется из рассказов очевидцев, живыми отправленных в небытие, из открывшихся архивов, экспедиционных поездок энтузиастов по обширной территории страны, где сегодня рассеяны турки из Месхетии.

Из забытых или укрываемых фактов складывается сегодня мозаичная картина жизни этого народа, по которой зияющим разломом прошел 1944 год. По одну сторону от него яркие краски человеческой памяти о счастливой и полноценной жизни крестьян турецкой национальности, как бы слившихся воедино с богатой и щедрой природой родной земли, на которой они всегда жили в мире и согласии с другими народами. По другую - словно в кривом зеркале - черные и серые блики исковерканных судеб десятков, сотен тысяч людей, лишенных родины, близких, права на родной язык и свою культуру, а порою и права на защиту своей жизни.

Сегодня бесчеловечный эксперимент, произведенный над целыми народами приносит дьявольские плоды. Ничем иным как актами геноцида сталинского режима (и уже пора признать то, что депортации есть ничто иное, как преднамеренное, целевое уничтожение чем-то не угодных правительству народов) были созданы условия для возникновения сложнейших межнациональных проблем, тупиковых ситуаций внутринационального развития. Он, этот эксперимент, осуществленный в интересах политики геноцида по отношению к более слабым и потому "инородцам", не принес, да и не мог принести пользы ни одному из более сильных и многочисленных, а потому "коренных" народов. Фактически запрограммированные в те годы национальные проблемы можно уподобить складу не уничтоженных вовремя боеприпасов, которые взрываются сегодня десятками и в местах насильственного поселения, и в тех краях, откуда народ был депортирован. Именно поэтому, а вовсе не по причине демографических всплесков, чем сегодня кое-кто пытается это объяснить, случились трагедии в Фергане летом 1989 года, в Ташкентской области зимою 1990 года. Эти объяснения затеняют собою более серьезные проблемы, упрощают ситуацию и не вмещаются в нравственные рамки здравого смысла. Утрата моральных и этических традиций, бездуховность, так называемый национальный эгоизм – след-ствие ущербной национальной политики, проводимой в течение долгих лет.

Непроверенные слухи, порою совершенно абсурдные, когда массовые убийства и погромы пытались объяснить якобы имевшими место бытовыми конфликтами в сфере супружеских взаимоотношений у двух народов и возникновение в связи с этим столкновений между ними, нужны кому-то именно для того, чтобы нравственности осталось еще меньше, бездуховность дошла до своего предела, а "национальный эгоизм" приобрел наиболее агрес-сивные черты. Для того, очевидно, чтобы в основном пассивное состояние человеческого, действительно эгоистичного равнодушия к познанию и пони-манию другого, постепенно привело бы к отчуждению человека от человека, к отвержению им себе подобного. Иными словами, чтобы часть коренного населения, отравляемая заведомой ложью подстрекателей, поверила в то, что их действительно существующие проблемы напрямую якобы связаны с вне-шним благополучием живущего рядом трудового люда (заметим, не только турок), поддалась своей роковой слабости и стала активно выполнять не что иное, как задания обновленной политики геноцида, проводники которой по-прежнему остаются невысвеченными под сенью следственной недосягаемо-сти, информационной сумятицы, формальных обобщений, существующих благодаря привычке к парадности, благодаря желанию полировать до блеска недостатки и оштукатуривать достоинства в стереотипы. Это далеко не самообман. Вот поэтому и становятся обобщения, тем более стереотипы с пристрастием, как и слухи не без злого умысла, опасным пропагандистским оружием в руках нечестных политиков. Чего проще, лишь на основании национальной принадлежности обвинить весь народ в измене, приводя в качестве доказательства единственный факт, к тому же, скорее всего мифи-ческий - дарение белого жеребца в золотой сбруе

Гитлеру кем-то из сотруд-ничавших с врагом представителей обвиненного и пострадавшего только за это народа. Кстати, сей всеобщий и стандартный "факт" без разбора припи-сывается сегодня нескольким кавказским народам одновременно. Другие народы не удостаиваются и такого мифического обвинения - без каких-либо мотивов изгоняются в чужие края только по национальной принадлежности, где, естественно, "инородцу" не удалось обрести второй "малой родины". А, вообще, может ли быть у человека две родины или две матери?

В и н а з а н а ц и о н а л ь н о с т ь механически переносилась на рожденных уже в депортации. Когда в истории человечества и где на планете Земля встречалось столь циничное отношение к детям, которые с первых дней своего существования слышали слово "предатель"?.. И дети турок из Месхетии, родившиеся в Казахстане и Средней Азии, тоже слышали это слово, брошенное соседскими детьми "коренной" национальности, слово, проникшее в их формирующееся мировоззрение через старших как осколок кривого зеркала шовинизма...

Обобщения, практикуемые в нашей национальной политике, - явление безжалостное и опасное. Турки, изгнанные с родной земли, пострадали и продолжают страдать сегодня. И, несмотря на то, что никогда не представляли для государства какой-либо угрозы, все же кому-то чем-то мешали. Может быть, тем, что хотя и были с давних времен жителями Месхетии на юго-западе Грузии, все же были иноверцами, как и другие мусульманские народы, репрессированные по идее Сталина и приказу Берии. Остается только догадываться - почему? Хотя, разумеется, религия - любая - мешала установлению неограниченной власти над человеком, ибо вносила в его душу идеи человеколюбия и гуманности, понятия о нравственности. Не сами по себе слетали с церквей колокола, рушились подрубленные минареты, свершались насилия над отдельными людьми, сословиями, целыми народа-ми. Почему? Почему? Сто тысяч безответных почему.

Не было ли это низменным проявлением одного из законов, заимствованного из мира животных - отвоеванием более обширных территорий, анималистическим подходом к управлению владениями в форме квалифицированного выполнения приказов "сверху", приказов по "расчистке" территорий? Все это по сути своей - замаскированная политика геноцида, проводимая в интересах большего за счет меньших, и прикрываемая словами из фабрикуемых "обвинительных дел".

И как же она живуча!

Сегодня по той же схеме, но еще более жестокими методами производится "расчистка" среднеазиатской территории, земли, на которую, как известно, турки попали не по своей воле, но отдавали ей все силы, возделывая ее, превращая многие пустынные земли в цветущие сады. И не удивительно: народ этот всегда отличался не только своим трудолюбием, но и высокой культурой земледелия. Выжить туркам помогла крестьянская любовь к земле. Только им известно, что значит оказаться в их положении

и выжить. В те голодные годы турки сдавали в колхоз горсти зерна, прихваченные как талисман на жизнь из Месхетии, и чудом, а скорее всего сознательно, сбереженные для первого посева на чужбине. Собирая колоски после уборки урожая, рисковали понести за это наказание. Заготавливали на болотах камыш ночью, чтобы успеть продать его утром на базаре, купить на вырученные деньги какое-то количество кукурузного зерна с тем, чтобы прокормить немаленькие семьи, в среднем состоящие из шести-восьми человек, и еще... поспеть к началу рабочего дня в колхозе. Мало ли можно вспомнить горького?!

Вопроса об изгнании турок с новых мест поселения в ту пору не существовало. Было все иначе. Тогда они были нужны на той земле в своем новом качестве "спецпереселенцев", несущих тяжкую трудовую повинность под досмотром комендатуры. Нужны были, как и их соплеменники, защищавшие родину, которых, кстати, не отозвали с фронта и не отправили в штрафные батальоны по логике вещей, будь она у бесславных "обвинителей народов". Хотя с ними поступили ничем не лучше, когда закончилась война. Радость победы над фашистскими захватчиками охватила тогда весь мир. Но не уменьшило душевных страданий "спецпереселенцев": не известно было, кто из воинов, членов их семей, остался в живых, найдут ли они друг друга, как бойцы воспримут и осознают все происшедшее. Ведь фронтовики тогда и не догадывались о случившемся. На их запросы правдивого ответа не давалось: все сваливалось на плохую работу почты, неразбериху и войну. А потом уцелевшие на войне и вернувшиеся в родные края с победой вместо радостных лиц родных и близких увидели опустошенные безжалостной рукой дома. Убитые не на войне горем, они по полгода, голодные и измученные, многие на костылях, добирались до мест ссылки их родных на попутках, на подножках железнодорожных вагонов. Не все и не сразу находили свои семьи, порою только кого-нибудь единственного из семьи, оставшегося в живых, но больного и морально травмированного. Защитник родины требовал справедливости. В ответ его в лучшем случае избивали.

У всех вернувшихся с фронта участь была одна: каждого вызывали в спецкомендатуру, отбирали награды и все документы, и ставили на учет как спецпереселенца, лишенного не только права на свободное передвижение, но и многих иных свобод...

Шли годы, люди были вынуждены как-то смириться с судьбой, но горечь обиды на сердце не утихала. Время для них словно остановилось, придавленное неподъемной плитой того сталинского указа. За сорок пять лет на ней наросли горы "научных аргументов", сводящих на-нет предельно ясное по своей человеческой природе стремление народа вернуться на свою историческую родину, к очагам его предков, на свою родную и желанную землю. Народилась проблема этногенеза месхетинских турок - защищаются диссертации, в которых утверждается, что турок на их родной земле будто бы никогда и не бывало...

Не упрощая данной проблемы, следует сказать, что о древней истории и этногенезе советских турок из Месхетии-Джавахетии ведутся нескончаемые споры. Следует также уточнить, что эти споры вспыхивают именно тогда, когда вопрос о сегодняшнем положении этого народа достигает своего пика. Что же касается существа спора, то одни высказываются за азербай-джанские корни турок Месхетии. Другие, называют их просто месхами, как бы упрощая и перенося географическое название на целый этнос, тем самым камуфлируя и обезличивая характерные черты народа, игнорируя при этом культуру и язык, носителем которых он является, активно отстаивают Тео-рию грузинского происхождения "месхов". Третьи считают, что месхетин-ские турки - это не "отуреченные грузины", а все же турки и при этом в качестве аргумента приводят наличие общих антропологических, культур-ных и языковых характеристик данного этноса и населения собственно турецкой Восточной Анатолии, имеющей общую границу с районом юго-западной Грузии - Месхетии - исторической родины народа с одноименным названием. Кстати, самоназвание этого народа «ахысха тюрклери», что в переводе с турецкого - ахалцихские турки, где первая часть этого словосо-четания происходит от турецкого варианта названия административного центра одного из пяти районов былого расселения турок в Грузии – немало-важный феномен в их истории.

Вопрос этногенеза действительно не прост. Но нельзя согласиться с тем, что он выносится на первое место из целого ряда жизненно важных для этого народа вопросов, требующих безотлагательных решений. Оказывается, сегодня стало чрезвычайно важно проводить прежде всего некую "аттеста-цию" народа по национальному признаку, а уж потом решать, жить ему или не жить на земле его предков, достоин он, согласно своей национальности, уважения, права на справедливое отношение и полноценную человеческую жизнь. Но скажите, когда и где учитывались права месхетинских турок?

По существу турки из Месхетии представляют собой особую этнографическую группу турецкого этноса. Эта этническая группа, как и многие другие этнические образования, складывалась в пограничной зоне двух этнических территорий - Грузии и Турции. Естественно, что она формировалась из представителей обоих народов и даже в некоторой степени соединила в себе черты культур этих народов, но при доминирующей составляющей турецкой. Это подтверждает не только восточно-анатолийский диалект турецкого языка, на котором говорят турки из Месхетии, но и наличие турецкой культурной основы.

В то же время, подобная им по механизму формирования группа аджарцев сформировалась на основе преобладания грузинского этнического субстрата, поэтому и является этнографической группой грузин, имеет гру-зинское самоназвание. Подобные маргинальные, этномаргинальные этногра-фические группы с ярко выраженным двойственным этнокультурным нача-лом обычно с преобладанием одного из этногенетических факторов – обыч-ное и распространенное явление для

пограничных районов всего мира. Возьмем, к примеру, Украину и Венгрию, Россию и Эстонию, Францию и Испанию. Во всех случаях этническая принадлежность населения в пригра-ничных зонах может быть определена только на основе личного самосозна-ния этого населения. Этот принцип является господствующим в мировой практике, принят комиссией ООН по населению и поселениям и в нашей стране также используется при проведении переписей.

Казалось бы, все здесь ясно и понятно: если не уцелело достаточного количества исторических материалов, то есть общепринятая, достаточно гуманная практика, которая применяется во всем цивилизованном мире. В конце концов, есть сам народ, имеющий свое собственное мнение по этому вопросу, поддерживаемое большинством его представителей. Что же еще? Увы, причины есть, хотя в основной своей массе носят субъективный характер. При этом роль науки игнорируется, научные данные подтасовываются во взъерошенные шовинистические и другие подобные "концепции справедливости", в которых нет на нее и намека. А права народа так и остаются висеть в воздухе.

Месхетинские турки оказались сегодня отверженными не столько в национальном смысле, сколько в общественном, так как остается нереализованным основное право народа жить компактно на своей территории. Безнравственно ущемлять право народа на национальное самоопределение так же, как нелепо требовать удостоверения личности у пострадавшего, нуждающегося в экстренной медицинской помощи. Когда ошибается ум – это полбеды, когда же - сердце - это уже беда настоящая. Поэтому нельзя уходить от правды в научные споры и ограничиваться лишь только сочувствием к этому народу. Нельзя, потому что в человеческом сознании идеалы гуманизма - явление непреходящее, хотя порою и затмеваемое ложными

и мелкими идеями шовинистического самосохранения, явно преувеличивающих значение национальной принадлежности по отношению к человеческой нравственности. Национальное может быть красиво и нужно только тогда, когда оно питается из чистого нравственного источника. И потому, что природа не сотворила ни одного безнравственного народа, народное или национальное всегда должно оставаться чистым и свободным от наносного и преходящего...

"Кампания" за искоренение из лексикона, из списка народов Советского Союза слова "турок" началась еще в 1924 году, когда Сталин предложил Омару Фаику, лидеру месхетинских турок и первому признанному авторитету среди народа сменить национальность, тем самым показать пример другим - то же, что было предложено и аджарцам. Такие предложения были неоднократными и сопровождались иными акциями против турецкого населения.

В период с 1930 по 1939 год туркам насильственно стали изменять фамилии и национальность, практически обезглавили народ, уничтожив

всех мало-мальски грамотных людей, влиятельных среди турок авторитетов. Известно, какая участь постигла турецкого просветителя Омара Фаика в 1937 году. Вскоре всему народу было отомщено за непокорность. Многих, даже записанных азербайджанцами и грузинами, выслали из 212 деревень Месхетии как турок. В дальнейшем, даже при предъявлении паспортов отца и матери по национальности обоих турок, их ребенок уже в других респуб-ликах и даже после отмены комендантского режима в 1956 году очень часто не мог при получении своего собственного паспорта записаться в нем турком. Царила известная коньюнктура, когда "инородцу" из спецпересе-

ленцев уже в 16 лет перекрывался путь к знаниям, трудовой карьере, да и прочим элементарным правам человека.

Словно большое дерево, глубоко пустившее корни в благодатную почву родной земли, которое затем было выкорчевано и пересажено на чужую грубой и безжалостной рукой, народ этот оказался обреченным на медленное и мучительное увядание. Несмотря на исключительное трудолюбие и тягу к знаниям, рост турецкой интеллигенции после ссылки всегда оставался крайне слабым. В республиках в основном проявлялось внимание к росту своих национальных кадров. Турецкой молодежи с высшим образованием практически невозможно было найти работу. Вынужденное предание забвению родного языка и переход на другой неуклонно вели и продолжают вести сегодня к гибели богатой и самобытной культуры, к значительной деформации древнейшего восточно-анатолийского диалекта турецкого языка, выразительного и звучного, лишенного напылений заимствования, присущего "цивилизованным" языкам, а поэтому чистого, как горный снег.

Всегда с расширением ареала расселения народа, а сегодня, как становится известным, турок можно встретить где угодно, только не на их родине, ускоряется процесс ассимиляции, забываются древние традиции и обычаи. Лишь в семье с материнским молоком дети впитывают чуткость восприятия, способность усваивать колорит своей национальности, перенимают от стариков веками накопленную высокую мораль и мудрость их предков. Но, к сожалению, на одной домашней почве нельзя сохранить во всем объеме национальную культуру. В то время как прогрессирует засорение диалекта, уменьшается словарный запас (особенно у молодежи), турецкий язык для турок сегодня нигде не преподается, за исключением одной-двух групп, организованных энтузиастами. При формальном отношении не только к самому делу, но и к дальнейшей судьбе народа, не могли, разумеется, увенчаться успехом попытки преподавания родного языка туркам в некоторых местах их проживания. Кроме того, мешала и продолжает мешать территориальная распыленность маленького народа, делающая невозможным создание очага национальной культуры.

После снятия 12-летнего комендантского режима в 1956 году немалая часть месхетинских турок, стремящаяся быть поближе к своей родине, рас-селилась в Азербайджане, Кабардино-Балкарии. Некоторым, пяти-

шести семьям удалось было вернуться в Месхетию. Но когда стало известно, что в эту местность возвращаются депортированные в 1944 году турки, их выселили снова: всех до одного посадили на грузовики... затем перегрузили в вагоны... Люди вспоминают, как при вторичной депортации их вагоны загнали в какой-то тупик, где они прожили целых два месяца!

Вскоре после этого именно здесь в спешном порядке была расширена пограничная зона до 78 километров, в других местах она никогда не превышала двух-семи километров. Фактически, в эту зону вошла вся Месхетия-Джавахетия. Ее северная граница прошла по окраинным селам Ахалцихского района. Пройти под шлагбаумом, охраняемым часовыми, в Месхетию-Джава-хетию до последнего времени можно было только после получения специаль-ной визы, которая могла быть оформлена на основании вызова родственни-ков! Но каких? Даже сегодня в Месхетии не проживает ни одного турка. Кому из грузинских старожилов, еще хорошо помнящих теплые человече-ские отношения между людьми разной национальности, их естественное добрососедство, хотелось иметь конфликты с властью, запрещающей, вплоть до угроз, иметь связи с бывшими соседями-турками, даже вспоминать о них. Но правдами и неправдами турки туда все-таки попали. Правда, лишь на какой-то миг, чтобы хоть увидеть своими глазами склоны родных гор, давно распаханные "под пар" родные села, потрогать рvками остатки древ-них строений. Только этим людям дано было слышать, как звала их к себе родная земля, небо и даже камни.

Трудно узнать богатый ранее край, который превращен ныне в пустошь с бездумно и не по-хозяйски запаханными родниками и речушками. На этой земле теперь уже нет турецких захоронений. Несмотря на пустующие вокруг земли, именно на месте бывших турецких сел построены коровники. Когда увезли народ, кто-то пустил слух о якобы спрятанном золоте в стенах турец-ких домов. Искатели сокровищ не пощадили эти последние и единственные реликвии разрушенной и искалеченной культуры народа.

Приезжавшие на свидание с родной землей терялись при виде ее: это была та самая Месхетия и в то же время другая. Казалось, земля эта не узнавала так долго скитающегося где-то человека - своего сына. Молчали камни, разбросанные по ней. Но люди все же помнили доброе и оставались людьми. Оставались похожими друг на друга в главном, в мироощущении,

в любви к ближнему, к человеку. И тогда "гостей родной земли" принимали с теплотою и кавказским радушием: усаживали за стол, старались угостить лучшим, что было в доме и, обо всем распрашивая, не отпускали их до утра. Пожилые грузины с интересом всматривались в молодых турок, вспоминая черты их отцов и матерей, дедушек и бабушек, которым так и не довелось снова увидеть родные края. Люди говорили, и глаза у рассказчиков и слушателей наполнялись слезами.

Основным способом для турка попасть на землю его отцов был туризм. Вдвоем, чаще в одиночку, ехал он на встречу с родиной в

туристическом автобусе. И замирало сердце у того шлагбаума с часовыми, где, казалось, несмотря на грузинскую фамилию, или запись в графе "национальность" - "азербайджанец", "грузин" или "узбек", все же догадаются, что ты турок, и не пустят дальше, туда, куда рвалось сердце. А потом, удачно миновав КПП, увидя знакомые очертания родных склонов, он, словно опутывающие его цепи, срывал с себя страх, вечный спутник в его жизни после ссылки. Какими словами передать чувства одолевшего все барьеры и препятствия на пути к родной земле?

Если ты турок, турок из Месхетии, то можешь поехать куда угодно, и по турпутевке за границу, и... по призыву в Афганистан, где сложили свои головы и молодые месхетинские турки. Снова, как в 40-е: воюй за родину - и воевали, да еще как! Воюй даже не за свою землю, но забудь свою малую родину - о ней позаботятся другие.

Так получается, что сегодня многим остается непонятной тяга пожилого турка, а тем более молодого, родившегося после войны, в ссылке, к земле его отцов и желание жить на этой земле. Старик еще, может быть, помнит, а молодой-то что? А молодой-то рос не в интернате, оторванным от семьи, и не пропадал целыми днями на улице, а с детства работал вместе со всеми по хозяйству в свободное от учебы время. Он хорошо помнит рассказы своего деда и бабушки о совсем другой, необыкновенной жизни там, на родине, и сравнивает рассказы с хорошо знакомыми ему реалиями – упрека-ми и оскорблениями, прозвищами "чужак" и "враг", избиениями, а теперь уже погромами, поджогами и убийствами, единственно за то, что у тебя нет своего места, с которого тебя никто не посмел бы сгонять и на котором не убивали бы твоих детей. Материнская, отцовская земля - для него не пустой звук. У городского человека на этот счет могут быть свои понятия. У крес-тьянина же, выросшего на земле и приросшего к ней - свои...

Нельзя у человека, лишенного большинства естественых гражданских и национальных прав, отбирать еще и право на память. Для турок их родина вчера и сегодня - на замке, а вот ключ от него неизвестно в чьих руках. Толь-ко не в народных, как пытаются уверить нас силы, заинтересованные всю ответственность в нужный им момент переложить на свой народ, высоко поднимая лозунги шовинизма и национализма. Замок, повешенный Стали-ным и Берией, продолжает оставаться закрытым и все больше ржавеет. Но ведь нельзя надеть замок на человеческую душу. Нельзя! Однако реальность остается драматической: вариант особой резервации, где люди вроде на свободе, а их родная земля - за "колючей проволокой" человеконенавистничества. В самые суровые военные годы за поселком Джагызма, где живут сегодня ленинабадцы, начиналась пограничная зона и ее никто тогда не собирался расширять. После же 1956 года, в мирное время, шлагбаум перенесли чуть ли не до самого Боржоми, почти на сотню километров вглубь страны.

Более жесткого наказания для народа и придумать нельзя. А оно к тому же оказалось бессрочным. За время, прошедшее с 1944 года даже

истинные преступники успели отсидеть не один срок и вернуться домой. А без вины виноватые турки превратились в народ без определенного места жительства, народ- БОМЖ.

Что же мешает решить их проблему по-человечески?

Имеет место административная незаинтересованность в огромных ресурсах хозяйственного потенциала месхетинских турок, исторически сложившегося и сохраняющегося поныне. Налицо и старая болезнь ортодоксаль-ного национализма, вспышки которого в последнее время то и дело возника-ют и на территории их исторической родины, и на местах их насильственно-го поселения. По-прежнему силы, заинтересованные в том, чтобы не отмира-ли установленные Сталиным порядки и продолжали действовать приказы, давно истлевшие на бумаге, приводят все новые доводы, один нелепее дру-гого, чтобы воспрепятствовать возвращению турок. И снова на первое место выдвигается национальный признак. Понятие "человек" здесь не звучит. У турок отнимается последнее - национальное достоинство. Им предъявлен ультиматум: хочешь жить в Грузии - стань грузином. Всего навсего. И как просто... А что делать, если ты мусульманин, если твои родители и праро-дители всегда пели, рассказывали сказки на турецком языке, по-турецки плясали, носили турецкую одежду и готовили турецкую еду, а тебе, чтобы вернуться на родную землю, обязательно надо отказаться от своей религии, изменить имя и фамилию.

И, оказывается, все это нужно пережить, чтобы, как говорят "ученые люди", тебя "невежественного и заплутавшего" в хитросплетениях политических наук, вывести на свет божий и вернуть в "родное лоно твоей истинной нации", от которой ты был отторжен. Ибо в Месхетии, уголке Грузии "месхом может быть только грузин, а не представитель какой-либо другой национальности". Это на Украине и в Белоруссии могут жить украинские и белорусские поляки, а в Месхетии - только грузины. Почему же так, с одной стороны, все упрощается и искажается, с другой - усложняется до бездушно-го истязания людей? Да потому, чтобы все осталось, как прежде, как распо-рядился товарищ Сталин...

Все, что происходит с месхетинскими турками с 20-х годов, можно уподобить мученическому кружению народа вокруг кола враждебности к ним, вбитого Сталиным, его политикой. По существу нерешение их вопроса - утверждение его, Сталина в целом и в принципе давно осужденных действий: все остается с турками по слову и желанию вождя-карателя...

Первым о месхетинских турках два года назад написал Чингиз Айтматов. К этому времени началось движение за возвращение их на родину. В предшествующий период действия за репатриацию этого народа различных неформальных турецких организаций, возникающих после 1956 года, были полностью скованы репрессивным механизмом командно-административной системы. Тем не менее еще в конце 50-х годов в Средней Азии состоялся учредительный съезд советских турок, а в 1961 году окончательно сформи-

ровался и приступил к работе Временный организационный комитет (ВОК) по возвращению на родину, который был переименован в мае 1990 года в Общество месхетинских турок "Ватан" ("Родина"). Основной задачей ВОКа было и остается возвращение турок из Месхетии на их родину, восстановление всех попранных прав народа, справедливости и законности. Члены этого общества делают все возможное, чтобы добиться правды, невзирая на гонения и репрессии, которым подвергались, несмотря на то, что им инспирировали всевозможные уголовные правонарушения и за мельчайшие "отклонения от нормы" давали срока. Вот, к примеру, факт из биографии лидера месхетинских турок, председателя Общества "Ватан" Юсуфа Сарварова, приговоренного к двум годам лишения свободы только за то, что группа турок, которую он возглавлял, добиваясь приема у властей, отказалась покинуть вестибюль приемной в конце рабочего дня.

Турки, лишившиеся своей интеллигенции в конце 20-х и 30-е годы, запуганные страшными годами ссылки и послессылочным террором, с 1956 года направили в Москву более 200 делегаций - пока безрезультатно. Но и сегодня они довольно большими группами приезжают в Москву, отрываясь от работы (а некоторые по известным причинам ее не имеют), тратя свои сбережения на дальнюю поездку, на оплату недешевого приюта в столице на ночь, да не на одну, стоят у дверей "судьбоносных учреждений" в надежде на справедливость, в надежде не потерять эту свою последнюю надежду. Стоят, порою вызывая недоумение и даже возмущение пробегающих или проезжающих мимо людей, у которых, вероятно, все и всегда было в порядке, поэтому-то, не разбираясь в непростом вопросе, они тут же на ходу спешат дать оценку увиденному и упрекнуть турок в безделье. Кто, не зная сути происходящего, поверит, что сегодня это и есть их работа и именно она является для них наиважнейшей. Пусть мои слова не прозвучат упреком на упрек: понятно, что людям, от которых многие годы скрывалась правда, нелегко разобраться в мешанине коротких и зачастую поверхностных "информашек" в газетах, нелегко поверить в то, что они никогда не знали, тем более, к их счастью, не пережили.

Возвращение на родину для турок - не просто самоцель. Это – необходимое и главное условие национального спасения народа. В противном случае - распыление, ассимиляция и исчезновение. Об этом страшно говорить, когда перед тобой судьба - по официальным подсчетам - 207 тысяч людей. Но угроза их исчезновения - уже близкая перспектива. И позор всем нам - современникам и свидетелям их уничтожения. Тем более, что несмотря на всю сложность вопроса, при объективном его рассмотрении, он может быть решен и этнос можно сохранить. Ведь речь идет не о моментальном возвращении всех 207 тысяч турок, включая новое поколение, а о рациональ-ном развитии региона южной Грузии, земли которого находятся сегодня не просто под паром", а в бедственном состоянии.

Уже сегодня в этом крае, где из 212 сел были выселены турки, 84 села пустуют, или разрушены полностью и сравнены с землей, используется только 30 процентов пахотных земель, проживает по сравнению с 1944 годом на 58,5 тысячи людей меньше, в силу чего и дает он, этот край всего четверть продукции военного уровня, что подтверждается документально данными, полученными при обследовании территории Месхетии-Джавахе-тии по меньшей мере двумя рабочими комиссиями с официальным статусом. Уже сегодня край мог бы принять ищущих по всей стране приюта, бедству-ющих беженцев-турок из Узбекистана. Это явилось бы не только воскреше-нием заброшенной земли, о которой пишет грузинская поэтесса Анна Калан-дадзе на страницах "Литературной газеты" за 8 марта 1989 года в своем стихотворении "У карты заброшенных деревень Месхет-Джавахети":

Зарастает Месхет-Джавахети былинный...

Сорных трав в Джакистане и Джаки –

глухая стена...

...Ныне Грузией пренебрегают грузины,

И пустеет земля - никому не нужна.

Торжествует, ликует, трезвонит о том Сатана.

Воистину Сатана торжествует в Грузии, власти которой возводят всевозможные препятствия возвращению месхетинских турок на их разо-ренную, опустошенную родину.Вся страна ищет им пристанище, а грузины...

В спешном порядке месхетинских турок-беженцев из Ферганы рас-селяют по России, по всем ее 24-м областям, но только в сельской местности, в глухих деревнях. Туда же определяются и турки, жившие в городах и имеющие городские профессии. Не без труда нашли они пристанище в 7 районах Украины, в ряде районов Азербайджана, на территории Северного Кавказа. И повсюду они сталкиваются с новыми проблемами: кому удалось купить жилье, не могут найти работу, а нашедшие работу часто не находят в тех краях продажных домов - опять негласные "инструкции" запрещают русским и украинцам продавать туркам дома. Вопрос с пропиской для турка - очень часто большая проблема. Именно так обстоят дела в Краснодарском и Ставропольском краях. Месхетинские турки, превращенные в беженцев, по имеющимся данным, появились и в Нагорном Карабахе, и в районе Черно-быля, и в северном Сыктывкаре. Так, разбредаясь по стране, теряют они связи с родными и близкими, с родным языком и культурой. И никто не задумывается даже, что значит для турецкой семьи нарушение сложившихся традиций и связей,

семьи, в которой считается большим грехом, если сын не проведает хотя бы раз в полгода мать или сестру. Никто не задумывается и о последствиях внедрения турок-южан в среднюю полосу России, в болеющее своими болезнями Нечерноземье. Недальновидностью, непродуманностью, мнимым удовлетворением сиюминутной нужды рождено Постановление Совета Министров СССР N 503 "О мерах по созданию необходимых условий для проживания в областях РСФСР турок-месхетинцев, вынужденно покинувших постоянное место жительства в Узбекской ССР". Оно было издано в те страшные дни Ферганы 26 июня 1989 года, и в нем, в частности, записано, что "единовременное денежное пособие семьям турок-месхетинцев выплачивается в том случае, если семьи указанных граждан переселились в сельские районы Воронежской области для работы в сельскохозяйственном производстве", и уже совсем не выплачивается, согласно решению не только финансового управления Воронежского облисполкома, но и инструкциям финансовых органов других областей, беженцам, выехавшим оттуда по ряду объективных причин.

Не так просто южанам, привыкшим не только к другому климату, но и к иному образу труда, быта, к совсем другой пище, прижиться на Севере, в условиях неблагополучного сегодня русского села. Да и почему они должны вновь принять не первый раз предъявляемый им ультиматум - либо-либо.., унижающий не только обездоленных турок, но и самих россиян, и подписывать бюрократические бумаги с обязательством отработать столько-то лет на земле, к примеру, совхоза "Дружба" Гагаринского района Смоленской области. Снова обязанность, долг, снова наказание по воле каких-то обстоятельств и инструкций, писаных на свежей бумаге все теми же старыми чернилами... И все это только потому, что другой выход у турок вряд ли найдется. Так на Руси и в былые времена не относились к погорельцам, всегда предоставляя им кров и еду безвозмездно. Но несмотря на безысходность их положения, люди все же отправляются в путь: человек-труженик берет у государства эти деньги, чтобы возвращать этот долг, вновь годами работая на чьей-нибудь земле. Верящий, что завтра ему "дадут родину" (вдумайтесь в эту фразу: "дадут родину"...), не единожды за полвека жизни

в изгнании голодающий и унижаемый, но не расстающийся с мыслью о торжестве справедливости и возвращении на родину ни на минуту, человек продолжает терпеть и ждать.

Социально-политическая обстановка в Грузии остается питательной почвой для возникновения будоражащих население слухов-нелепиц о каком-то з а г о в о р е Москвы и турок против Грузии. Здесь срабатывает националистический лозунг: "Грузия для грузин", а отсюда и все остальные измышления, и пустые широковещательные заявления о готовности "оказывать гуманитарную помощь "братьям-месхам". Почему же, когда ссылали целый народ, не было слышно голосов в защиту "отуреченных грузин", а сегодня муссируются призывы к недопущению турок в Грузию? Если турок признает себя "отуреченным грузином", изменит имя и

фамилию, религию, культуру, носителем которой он является, то есть согласится со всеми грузинскими требованиями, то он Грузией принимается.

Думается все-таки, что все эти высказывания не являют мнение собственно грузинского народа, а всего лишь политиканствующей, агрессивно-националистической немногочисленной его части.

Оставляя за двумя народами право решить этот важный вопрос самим при поддержке всех честных людей, хотелось бы подчеркнуть, что сегодня есть все предпосылки положительного решения проблемы возвращения многострадального народа на его родину. К тому же турки не претендуют на дома своих предков, в которых уже полвека живут грузинские семьи, на земельные наделы своих отцов, не требуют компенсации за нанесенный им когда-то ущерб, по грубым подсчетам составляющий более пяти миллиардов рублей. Они нуждаются в понимании их беды и их отчаяния. Они ждут сочувствия и содействия в их скорейшем возвращении в родную Месхетию. Для них, по словам одного из старых турок, уроженца того горного края "родина - это первая мать, потому что она дает тебе твою мать. Матери стареют и умирают, а родина остается навсегда".

1991, март

ВОСПОМИНАНИЯ МЕСХЕТИНСКИХ ТУРОК

Я ВИДЕЛ СВОИМИ ГЛАЗАМИ...

Горькие времена начались для нас, турок Месхетии, с 1937 года. Я жил тогда с родителями в Адигенском районе Грузинской ССР.

Если где-нибудь, в каком-нибудь селе были образованные умные люди, их арестовывали и увозили. В 1941 году почти всех молодых мужчин и парней, окончивших школу, мобилизовали на фронт. В их числе были мой отец и мой старший брат. Оба они погибли. Из 26 моих родственников, двоюродных братьев, дядей остался в живых только один человек, который живет в Курской области. Половина же из них не вернулась с войны. Многие возвращались инвалидами и умирали вскоре после войны в тяжелых условиях ссылки.

В прошлом году скончался искалеченный на фронте, самый близкий мне человек - мой двоюродный брат. Чего и говорить. Я сам, своими глазами видел всю тяжесть, выпавшую на долю нашего народа, когда в селах остались лишь дети, женщины, старики и старухи.

В 1944 году, в ночь на 15 ноября в наши села ввели войска НКВД, которые находились под командованием Берии, милицию и солдат. Из пяти районов, а это почти 235 сел, в которых почти не оставалось мужского населения, за одну ночь вывезли всех турок. Среди этих сел были и такие, в которых проживало смешанное население. Их было не так уж много, но люди всегда жили там, как братья. Были и такие, где жили половина турок, половина армян. А в нашем районе, в селе Уде жили турки и грузины. В селах Вале и Боладжур жили немногочисленные грузины. Живут они там и сегодня в так и остающихся полупустыми селах: вывозили только мусульман.

Семьи старших мужчин, из которых 26 тысяч положили свои головы на фронтах Великой Отечественной войны, были сосланы в Казахстан и Среднюю Азию. Я видел своими глазами, как людей грузили в холодные товарные вагоны, в каких зимой не разрешалось перевозить даже скот. Каждый эшелон до места назначения сопровождало около 50 солдат. Я видел, как по дороге через Урал и Казахстан выбрасывали из вагонов и оставляли непохороненными вдоль железной дороги трупы людей, большинство из которых были дети и старики. Среди них был и мой дедушка. Его сын и мой отец, который с 1938 года находился на военной службе и попал кавалеристом в 1940 году в Латвию, не вернулся домой. Он служил в пограничных войсках и пропал тогда без вести. Три раза я обращался в Москву, чтобы хоть что-то узнать о его судьбе. Другой сын, мой дядя, восемь лет пролежал после ранения в госпитале в Ашхабаде.

Когда нас забросили в холодную и голодную степь Мирзачёль, было нас около 5-6 тысяч семей. Сейчас это место узбеки называют Гулистаном - Цветущим краем. Наши руки его сделали цветущим.

В 1944 году мне было 17 лет. Я тогда только-только закончил школу. Из сел нас вывозили в "студебеккерах", везли в Ахалцих по горным дорогам: некоторые машины с людьми переворачивались, срываясь под откос. В Ахалцихе нас грузили в товарняки и заколачивали двери, чтобы никто не убежал. Беглецов же ждала смерть. Но все же такие были: в них стреляли... Многих из остальных тоже ждала смерть, но медленная и мучительная за дверьми вагонов, у которых находилось по два солдата, или уже в голодном, холодном чужом крае.

В каждый вагон погрузили примерно по 18 семей. На редких станциях солдаты говорили нам, чтобы мы приготовили ведра и какие-нибудь корзинки для хлеба. На вагон выдавали по две-три булки хлеба и полведра или ведро какой-нибудь похлебки. А кормить нас начали только в Махачкале. Так четырьмя эшелонами нас развезли по разным местдм: одни попали в Мирзачёль, другие в Сырдарью, третьи - в Великоалексеевский. Четвертый эшелон остановился в конечном пункте Золотая Орда. И везде - голодная степь. На дорогу ушло 28 дней. Была уже настоящая зима. Не всех тогда довезли: многие остались лежать вдоль длинного пути.

Попали мы тогда под страшный гнет комендатуры, не разрешавшей нам даже выходить из села. Тех, кто попадался за нарушение режима,ждало наказание - каторга на 25 лет без суда и следствия. Немало наших сослали в Сибирь. Каждые десять дней все - старики, старухи, женщины, дети - должны были ходить отмечаться в комендатуре. Бывали и проверки по домам ночью. Все это продолжалось до 1956 года. Из Сибири половина сосланных не вернулась: погибли, пропали без вести.

В первые два месяца после того, как нас сослали, от голода и болезней, от издевательств погибло более 17 тысяч турок. В 1945-46 годах я своими руками выкопал 64 могилы, в которые положили умерших турок. Они были простыми крестьянами. Что еще сказать?...

Вспоминаю то, что видел собственными глазами в Сырдарьинском районе, в голодной узбекской степи.

Первый год я работал в бригаде. В 1945 году маленькая лепешка хлеба стоила десять рублей. Как-то раз собрали мы 320 рублей. Бригада выдала мне эти деньги и мне сказали, чтобы я сходил на базар и купил лепешек, пока остальные будут копать. Я молодой тогда был. Справился с покупкой, а на обратном пути (идти нужно было около 3,5 километра), проходя через кишлак, который назывался "Социализм", увидел сидящего в тени старика с палочкой. Он был такой маленький, сильно худой. Сидит и о чем-то думает. Жарко тогда было, я решил подойти к нему и присесть в тени, отдохнуть. Подошел к нему и поздоровался. Оказался он нашим, месхетинским турком. Медленно поднявшись, он стоял и продолжал о чем-то думать, меня словно не замечая. Достал я одну лепешку, разломил ее и говорю ему:

- Дедушка, давайте вместе покушаем.

Он посмотрел на хлеб, затем выхватил у меня из рук половину лепешки и убежал внутрь дома. Молодой я тогда был - удивился. Пошел за стариком в дом. На полу был постелен камыш, на нем лежала девочка лет пятнадцати-шестнадцати. Красивая такая, белокожая, просто смотреть невозможно. Говорит ей старик:

- Фатима, Фатима, хлеб привезли! Кушай. Открой же глаза!
Она приоткрыла глаза, но есть не смогла. Тогда я сказал старику:

- Давайте ей хлеб с водой, может быть, она тогда поест.

Он принес воды, и мы с трудом подняли девочку. Поела она немного. Достал я еще пять-шесть лепешек и сказал старику:

- Дедушка, возьми хлеб и тоже покушай.

А он отвечает мне:

- Нет, - потом продолжил: - Когда мы попали в этот дом, нас было двенадцать душ. Все умерли: и жена, и сыновья, все дети. Осталась одна Фатима. Я молюсь каждую ночь до самого утра, прошу всевышнего лишь

об одном, чтобы забрал он к себе меня первого, чтобы не видеть мне смерти моей, теперь единственной дочки. Я держу клятву и поэтому есть

не буду. Все равно я умру. А за лепешки - спасибо! Дочке хватит теперь на несколько дней. Потом кто-нибудь заберет ее.

Действительно так и вышло.Через неделю я снова проходил через кишлак. Старик уже умер. Я узнал это от соседей. Они же рассказали мне, что в совхозе нашлись люди, родственники Фатимы, которые ее забрали после смерти отца.

Почти через десять лет я встретил Фатиму: она была уже замужем,

имела двух сыновей и дочь.

Да, все это было в кишлаке "Социализм", что рядом со станцией Великоалексеевская, теперь - Вахт.

Из Узбекистана я уехал задолго до Ферганских событий. После 1950 года еще в Средней Азии я работал бригадиром, а после 1958 года вместе с многими турками выехал в Азербайджан, в Саатлинский район Муганской долины. Никто, нигде и никогда не давал нам хороших земель. Так случилось и в Азербайджане. Много лет я работал председателем сельского совета, заместителем председателя колхоза, которому в 1967 году присвоили звание Героя Социалистического труда. Колхоз этот и сегодня носит имя Мевлюда Аслановича Байрактарова, турка из Месхетии. Этот человек вернулся с фронта в звании майора, в орденах и медалях. К моменту его возвращения с войны жена вместе с двумя сыновьями умерла от голода в Чилийском районе Казахстана. Потом я забрал его к нам в степь, а позже мы вместе уехали в Азербайджан.

Много труда пришлось вложить в колхоз "Адегюн". Стало у меня болеть сердце, и я поехал подлечиться в Кисловодск в 1974 году. Климат мне подошел. Решил переехать сюда. Трижды пришлось подавать заявление об увольнении, наконец, меня отпустили и я переехал вместе со своими родственниками в Кабардино-Балкарию. Сюда же приехал и здесь же скончался мой друг, Герой Социалистического Труда, член КПСС с 1925 года Мевлюд Байрактаров...

В конце 1927 года по приказу Сталина Ахалцихский уезд резделили на районы.

Когда я учился в школе, до 1936 года у нас были турецкие учебники, Азербайджанские, правда, были учителя. После 1936 года нам стали преподавать азербайджанский язык. Чего только с нами ни делали! Сперва мы были турками, потом нас стали делать азербайджанцами, грузинами.

А в 1944 году мы снова стали турками и нас сослали. А ведь мы были нормальными людьми и жили обычной человеческой жизнью. В Месхетии было много смешанных браков. Например, сейчас в Кабардино-Балкарии живет месхетинский турок Азал. С давних времен живет он со своей женой-грузинкой. Да что говорить, в селе Уде были десятки смешанных браков: жила там половина грузин, половина турок. У Латившаха Бараташвили, который учил нас грузинскому языку, жена была грузинка. А после ее смерти он женился на татарке. По приказу Сталина делали так. У кого жена была грузинка, армянка или русская, тем надлежало распрощаться с супругой. Ей же разрешалось остаться или забрать с собой в дорогу все вещи. Муж же должен был как турок покинуть родину. Помню заведующего финотделом Айдына. Его жена была русской. Когда ее вызвали в район и объявили условия, она при всем народе сказала: "Где мой муж умрет, и я там умирать буду. Не оставлю я своего мужа и детей". Ее увезли вместе со всеми. Мне хорошо запомнились эти слова: тогда я учился в школе и уже знал русский язык.

Наши девушки тоже выходили за грузин. Религия не мешала. И сегодня в районе Боржоми живет три женщины - турчанки из Месхетии. В Тбилиси тоже живет наша турчанка, она профессор...

Странно все-таки получается: если турок - то нечеловек?..

Наша историческая родина там, в Месхетии. Не царь, не фашисты выслали нас с родной земли, а правительство СССР. Оно и должно вернуть народ домой. Скажу вот о чем. Вчера случилась трагедия в Фергане, случилась она уже и в Ташкентской области. Завтра же она может произойти во Фрунзе, в Алма-Ате, в других местах. Сегодня каждый народ старается держать свою землю в своих руках, как свое счастье. А где же наше счастье?.. Некоторые говорят, что, мол, грузины не хотят, чтобы мы вернулись. А я скажу, не так это. Мы жили с грузинскими братьями веками мирно и хорошо. А теперь враждебная агитация: вот, мол, турки придут... Территория Месхетии на советской стороне составляет 8600 квадратных метров. Сегодня там живет 190 тысяч человек согласно данным из грузинских источников. Но более половины из них имеют как бы дачи, а сами живут в Тбилиси, Кутаиси, других местах. Говорят, что мы, турки там не поместимся. Уверяю, если решать вопрос по-хозяйски, то там, в Месхетии можно поселить и накормить три-три с половиной миллиона человек. Несколько наших турок в прошлом году ездили туда. Выяснилось, что раньше одно село давало больше продукции, чем сейчас весь Ахалцихский район.

Месхетия - это огромная территория. Там можно возродить и развивать сильное садоводство и огородничество. Ведь когда-то этот край снабжал всю Грузию фруктами и овощами. Там росло все, что захочешь, кроме хлопка. Высококачественный был мед. Очень славился и был почти в каждом хозяйстве. Пчелы не нуждались в подкормке. Вся природа была необыкно-венная. До сих пор помню. За двумя горами была Кутаисская, грузинская земля. По другую сторону через гору - турецкая территория. А

мы жили в долине между гор. Рядом с нами была аджарская гора - за ней начиналась Аджария. По обе стороны был очень хороший сосновый лес. Обеспечивал он хвойной доской всю Грузию и даже Азербайджан. В те времена ценную древесину сплавляли по реке.

Непонятно мне все же. При царе нас берегли. А сегодня мы никому, выходит, не нужны. Недавно я слышал, что в Краснодарском крае туркам ставят ультиматум, чтобы они уезжали прочь. Не прописывают, работы не дают. Только соседи русские и помогают, даже кормят... Вот так. А что есть у беженца? Да ничего, кроме проблем. Не лучше и в других местах: в Смоленской, Волгоградской, Ростовской, Саратовской, Куйбышевской, Оренбургской, Курской, Белгородской, Орловской, Воронежской, Донецкой, в Ставропольском крае, в Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии, Дагестане и других местах. Где только нас сегодня нет!.. В одном Азербайджане, если взять с турками, поселившимися раньше, - можно насчитать сто тысяч. Повсюду мы чужие, всем мешаем. Где же, в конце концов, справедливость? Что же делают с нами?!

Почти 17 тысяч турок живет сейчас в Ставропольском крае. Живут они без прописки, висят словно в воздухе. То же самое и в Азербайджане. Правда, мы очень благодарим азербайджанцев, которые оказали нам органи-зованную помощь. Они собирали у простых людей муку и машинами развозили по семьям беженцев: кому мешок муки на семью, кому полмешка. Да еще помогали им деньгами - по 50 рублей на кормильца. Никто ведь до сих пор не открыл счет в помощь беженцам-туркам. Не так было бы обидно, если бы об этом хотя бы написали. У нас нет своей газеты, ничего нет. Но есть о чем рассказать.

Когда 10-12 июня 1989 года из Узбекистана хлынул по Северо-кавказской железной дороге поток беженцев, я своими глазами видел матерей, которые везли в чемоданах... своих умерших детей. И это в 1989 году, в конце XX века!..

И сегодня, когда умирают наши люди в Курской, Орловской области, родственники их там не хоронят. Клянусь, десятки умерших везут к нам в Кабардино-Балкарию, или в Азербайджан, какие-нибудь другие южные места, чтобы похоронить по-мусульмански поближе к родной земле. О чем только думает наш парламент? Неужели сердце у них каменное? Как можно не слышать криков, не видеть слез, не чувствовать боли нашего народа?..

Что у нас осталось? Слезы. Надежда. И честь. Да еще вот эти рабочие руки. Больше ничего. Вот так и живем. Если бы наши слезы капали в одно место начиная с 1944 года, то получилось бы соленое море. А если бы собрать в одно место безвинно пролитую кровь - тоже получилось бы море. На наш крик ниоткуда нет ни одного ответа за 45 лет. Вот так и живем.

Живем и помним.

1990, февраль

Рассказ Назима Алиевича АЛИЕВА

1927 года рождения

КАК Я, ЗАЩИТНИК ОТЕЧЕСТВА, СТАЛ "ПРЕСТУПНИКОМ"

Я - месхетинский турок, но в паспортах я и мои дети записаны азербайджанцами, и этому есть причина.

Когда я учился в школе в городе Ахалцихе Грузинской ССР, нам часто говорили, что мы азербайджанцы. В дальнейшем нас так и стали записывать в школе, да и в других местах. Однако выселяли нас как турок. Когда мы попали в Среднюю Азию, слово "турок" для местной власти было чем-то порочным. Поэтому нам было трудно. А когда мы говорили, что мы азер-байджанцы, отношение к нам менялось. На родине, в школе, преподавали азербайджанский язык. Родной не преподавали вообще. Вероятно, в сводках давали, что мы учили турецкий, но на самом деле это был азербайджанский язык.

Помню еще с детства, как наши люди отправляли скот на летние пастбища - "яйла". Однажды и мне довелось побывать там. Местность очень красивая. Там были большие луга, где заготовляли на зиму сено. Турки в основном занимались скотоводством, но далеко не на последнем месте были садоводство и огородничество. Помню, что мои родители работали в колхозе. Еще помню, когда в 1932 году создавались первые колхозы. Как-то так получилось, что колхоз наш распался, а потом снова был организован в 1936 году. Отец мой тогда работал в нем сторожем. В то время комбайнов не было - косили пшеницу вручную, а также ячмень и кормовые травы. Помню, что несколько раз мать избирали депутатом в местный совет, кажется, и в районный тоже.

Когда началась война, мне не было и шестнадцати. Началась мобили-зация на фронт. Кругом слышался плач, все чувствовали себя мобилизован-ными на защиту Отечества. В те дни мне попала в руки книга о полководце Суворове. С этой книгой в руках меня и увидели офицеры, которые находи-лись в нашем селе, и спросили, почему я интересуюсь Суворовым. Я ответил им, что хочу стать полководцем, чтобы прогнать врага. Это была, конечно, детская наивность. Но все же, когда мне исполнилось 18 лет, я, окончив учебу в техникуме, пошел в армию, попрощавшись с родными, которые оставались в тылу. Надо сказать, что в ту пору и в тылу приходилось нелегко: жили по карточкам, все отдавали фронту, и одежду, и продукты: все, что могло пригодиться нашим бойцам. Мобилизовали меня в конце 1942 года. Вначале я попал в военное училище в городе Тбилиси, которое окончил специалистом по связи. Потом меня направили на 3-й Украинский фронт 53-й Армии, где я обеспечивал связь между армией и дивизией. Мы продви-гались от Волчанска до Полтавы, затем

дальше до Кременчуга. В Кременчуге был взорван мост, и нам пришлось немного южнее города форсировать Днепр. Потом мы продвигались дальше. Местность там холмистая, сложная. Меня сняли со связи и назначили командиром пехотного взвода 1-й части.

В период подготовки к очередному наступлению, утром на рассвете, после того как закончилась артподготовка, мы пошли атаковать противника. Заняли их траншеи и на небольшом участке закрепились. Это были тяжелые бои… Тогда там меня тяжело ранило в шею навылет.Я лежал у вражеской траншеи, когда фашисты ходили и выискивали еще живых. Старался не шелохнуться, лежал, словно мертвый. Когда они миновали меня и немного удалились, я короткими ползками добрался до обрыва и скатился вниз. Не знаю, сколько, с сильным головокружением, пролежал я там в ожидании своих. Я все же дождался: наши автоматчики перешли в атаку, и ко мне подоспел санитар.

Сначала харьковский госпиталь, потом - вологодский. А после излечения меня направили в часть возле станции Алабино. Затем попал в Москву в запасной полк, где нас погрузили в эшелон и отправили в направлении Смоленска. На станции Красная нас высадили и снова переформировали. Потом повезли дальше. Оказывается, нас готовили к штурму врага под Оршей. В тех боях мы успешно прорвали оборону противника, взяли город и продолжали гнать фашистов до Минска.

Нас хотя и снимали с передовой после сильных сражений, но отдохнуть мы обычно не успевали: нас отправляли дальше. Так мы прошли Минск и перешли границу Литвы. Форсировали Неман. За Неманом я снова был ранен, но легко: мне зашили ногу, и я вернулся в свою часть. Перешли границу с Польшей и продвинулись до границ Восточной Пруссии. Тогда офицеров не хватало. Я был в звании младшего лейтенанта. Снова ранение в ногу. И еще однажды вот как был ранен.

Это было в лесу под Габсбургом, ночью, когда при обходе часовых из-за дерева почти в упор меня ранил в голову фашист. Он даже не ожидал, что я смогу еще броситься на него. Он растерялся и мне удалось повалить его и выхватить у него пистолет... В этой схватке я победил, но сам едва выжил: ручьем из головы лилась кровь, кружилась голова. Но ранение оказалось все же не смертельным. И я вскоре поправился. В составе 376-го стрелкового полка при 31-й Армии я вышел к Балтийскому морю.

Выходит, до Победы я был ранен четыре раза, дважды - в 1945 году.

За взятие одного из прусских городов меня наградили Орденом Красной Звезды. Был я также представлен к награде, когда взвод, которым я командовал, ликвидировал засаду противника при взятии города, но получить ее я не успел, так как был ранен и меня увезли.

После ранения 22 апреля 1945 года меня привезли в город Чкалов, нынешний Оренбург. Вылечили. Раньше я получал письма из дома, но теперь они почему-то перестали ко мне доходить. Все получали, а я нет.

Казалось, что мне пишут из дома, но письма меня не догоняют: я ведь постоянно менял местонахождение, все время передвигался. В Оренбурге мне дали месячный отпуск на излечение. Это уже было после Победы. С хорошим, радостным настроением, с сознанием того, что мы остались живы и война кончилась нашей Победой, с товарищем мы приехали в Москву. Прошлись по большим и красивым улицам. Все нас радовало. Тогда я не знал и даже не догадывался о том, что меня ждало впереди. Мой спутник тоже ехал в Тбилиси. Там мы распрощались, и я решил ехать дальше, предварительно купив что-то из продуктов по талонам. Не скрою, на душе было как-то неспокойно. Думал о письмах, хотя обнадеживало то, что мои письма ко мне не возвращались. И вот когда мне выдавали продукты, один майор, приметив меня, спросил, куда я направляюсь, и рассказал потом, что наших всех выслали. На мой вопрос: "Как же так?!" - он ничего не мог ответить.

Я добрался до села, где родился, но там уже никого не было... Меня встретили армяне из соседнего села. Я побыл у них, они меня хорошо приняли, все мне рассказали.

В военкомате мне выдали направление в Среднюю Азию. Таких, как я, собралось несколько, и через неделю мы отправились разыскивать родных через Баку пароходом в Красноводск и дальше. По дороге я все время вспоминал, как я вошел в родное село и увидел дома, в которых жили другие люди, в основном грузины и осетины. Они смотрели на меня с жалостью и сочувствием. Никто не встретил меня враждебно, с непониманием. Вспоминал, как зашел я в наш дом. Находиться там долго я не мог. Ночевал в соседской армянской семье. Случайно оказалось, что им написал кто-то из наших ссыльных, и они дали мне адрес, указанный на конверте.

Искал по этому адресу целый месяц. Пришлось вернуться в Ташкент. Оттуда поехал в Катта-Курган, где мне сказали, что мои находятся в Метанском районе. А как туда добраться, я не представлял. Так и сидел у дороги. Совсем стемнело. Хорошо, один узбек, ехавший из Азербайджана, где работал нефтяником, пригласил меня переночевать у его родственников. Наутро я отправился в Метанский район. Когда я туда приехал, люди заметили меня, одетого в военную форму, и собрались целой толпой. Они начали меня расспрашивать. В свою очередь я стал спрашивать, не знает ли кто, где мои родные. Тогда кто-то их разыскал, и мы наконец встретились.

Выслали тогда мою мать, отца, брата, вернувшегося с фронта инвалидом, младшего моего брата, жену старшего брата, тоже фронтовика –инвалида, который вскоре умер от ран, выслали двоих его сыновей, бабушку по материнской линии, которая умерла по дороге в вагоне и была похоронена у железной дороги. Позднее мы безрезультатно искали то место...

Назад в армию я уже не вернулся. Меня оставили, взяв в комендатуре на спецучет. Я писал в Верховный Совет, в Москву и был очень огорчен

ответом. В нем говорилось, что будь я не просто офицер, а даже генерал, все равно я турок и поэтому должен оставаться на спецучете. Мы не имели права даже передвигаться по району. В противном случае грозило 25 лет каторжных работ.

Меня предупреждали, чтобы я больше никуда не писал и поставили следить за мной человека. В 1950 году я был обвинен в "антисоветской агитации". Работал я тогда в школе под Самаркандом. За мной пришли в школу при Барлавском сельсовете Метанского района и арестовали. Меня привели домой и сказали, чтобы я как следует оделся. Также мне велели взять и ватное одеяло. Тогда я спросил, зачем это, и в чем, собственно, дело? Мне ответили, что с машины упал хлопок, а я подобрал его и продал, а кому именно продал, сознаюсь, мол, там сам. У меня не укладывалось в голове, что же происходит на самом деле. Эти люди в гражданской одежде привезли меня в областное управление КГБ, в Самарканд. Там все и было сочинено о моей "антисоветской деятельности". Потом состоялось заседание областной коллегии суда и мне присудили... 25 лет. В зале суда никого не было, двери были закрыты. Сказали, правда, что я могу обжаловать приговор, но я ответил, что сейчас я этого делать не буду, и меня отправили в лагерь, в город Ангрен под Ташкентом. После обследования комиссией, благодаря ранениям меня не отправили работать в угольные шахты. Как выяснилось, в дальнейшем Верховный Суд Узбекской ССР не утвердил решения областного суда и оставил в силе... только 10 лет. Из Ангрена меня перевели в Беговат. После отбытия там полутора лет я был переведен в город Алмалык тоже под Ташкентом. А после смерти "отца народов" я написал в Москву. И тут пришел ответ о немедленном освобождении со снятием судимости. Я поехал к родным.

27 октября 1989 года в газете "Советский Узбекистан" была помещена статья, в которой говорилось, что после совместной проверки прокуратуры и органов КГБ меня реабилитировали... через 37 лет!.. В статье говорилось, что обвинение было сфабриковано и никакими фактами не подтвердилось. Так вот я, защитник Отечества стал "преступником"...

1990, февраль

Рассказ Али Халиловича ЮСУПОВА

1925 года рождения

САМ Я - ЧИСТЫЙ ТУРОК

Я родился в 1923 году в селе Зедубани Адигюнского района Грузинской ССР в крестьянской семье. Фамилий тогда у нас не было. Я, например, Муссадин Сейфатоглы, так и писали. А мой отец - Сейфат Шакироглы. В 1931 году, когда умерли мои родители, мы с братишкой попали в районный детдом. Там нам сказали, что наша фамилия будет Демитрадзе. Я удивился и спрашивал, почему Демитрадзе, ведь отец у нас Сейфат и фамилия должна быть Сейфатовы. Но меня никто не послушал и записали нас Демитрадзе.

А национальность мы получили уже в 1937 году. В то время нас не учили турецкому, а преподавали в школе азербайджанский. Вот и по национальности нас записали азербайджанцами, а фамилию оставили грузинскую. А ведь я сам чистый турок. Но дети мои тоже Демитрадзе по фамилии, а по нацио-нальности азербайджанцы. А как высылать стали, на паспорт не смотрели -выслали как турка.

С 1936 года по 1943 я учился в районе, в школе, где 1-2 часа преподавали грузинский язык, остальные часы – азербайджанский и русский. Во время войны в 1943 году меня направили работать в село помощником бухгалтера. 13 ноября 1944 года, в 2 или 3 часа ночи нас разбудили. Село было окружено автоматчиками. Всего солдат было около 300. Видел и противотанковые ружья у солдат. Жило тогда в селе 154 турецкие семьи. Куда нас собрались везти, не говорили. Но в Указе, я сам его читал, было написано, что "временное переселение". Был я тогда за переводчика. В Указе написано - 1939-1944 гг. Значит ли это, что хотели нас еще до войны выслать, не знаю. Боялись, что повезут в Сибирь или на Урал. Приехали только в конце декабря, больше месяца везли нас неизвестно куда. Разбросали по Казахстану: кого в Чимкент, кого - в Алма-Ату... Нас было четверо: две сестры - одна умерла в Узбекистане в 1951 году, и два брата. А детдом наш закрыли в 1937 году, когда первого секретаря райкома Азизова Радихана, который организовал этот детдом, арестовали и расстреляли как "врага народа". Так мы и жили. Когда нас отправили в Среднюю Азию, я начал писать стихи. Я много их сочинял, вот, к примеру, одно из них, написанное в 1944 году:

ПРОЩАНИЕ С РОДИНОЙ

Прощай, Родина! Живи долго счастливой.

Только с этим последним свиданьем

Сбереги меня в сердце своем

Непременно как сына.

Разлучаясь с тобой,

Я хочу, чтобы ты не теряла надежды

На скорую встречу с твоими детьми.

И поверь, тебя я никогда не предам,
Даже в мыслях на миг не покину.
Я запомню те черные тучи,
что родное село окружили.
И огонь тот запомню, который,
Потешаясь над миром извечным отцов,
Выжег душу народа и дерево жизни,
без смысла калеча,
Превратил в серый пепел.
Я запомню кровавый тот рок, что,
Взмахнув своим черным крылом,
Жестоко мой народ изувечил
И судьбу его перевернул.
Я запомню. Иначе кто узнает,
Как силы черные под звон
И бряцанье оружья
Топтали и сушили землю прежде,
Чем обрушить приказа тайного весь ужас
На мирные дома. Иначе кто узнает,
Что горе без границ
Людей, как камень, придавило,
Что день 14 ноября для них стал черным днем:
Красивый месяц потускнел,
Погасло солнце.
Безвинный, безоружный мой народ
Чужим, сиротским стал,
Безвестным для родины своей.
Запомню я. Иначе не услышать

Под небесами тот стон отчаянья...

1990, февраль

ПОГУБИЛ НАШ НАРОД СТАЛИН

Мы жили в Адигюнском районе Грузии, в селе Зазало. Сеяли хлеб, занимались скотоводством. В селе было 150 дворов. Председателем колхоза был наш турок Милалов Мухаддин. До 1941 года я работал в колхозе. Год работал чабаном, после этого ушел в армию, на фронт.

Деда своего не помню. Отца помню. Он работал в колхозе до 73-летнего возраста. Моя мать была инвалидом, в колхозе не работала, была домохозяйкой. Жена моя работала в колхозе. У нас сеяли не только хлеб, но и картошку сажали, выращивали любую культуру, кроме хлопка.

Село Зазало находилось в низине. На юг от села была гора и лес. До границы с Турцией не было и километра. И на запад была возвышенность. Там стояли казармы погранзаставы. На восток тоже были горы. Село находилось в таком прекрасном месте. Пили мы только родниковую воду. Неполивная у нас была земля. Вовремя шел дождь и урожаи всегда были хорошие. А какие были пастбища! Сейчас, говорят, места там мало. Как же мало? С утра до вечера можно было гнать скот и все равно не дойдешь до конца долины: такие там большие расстояния. Чабаном я был - сам, своими ногами землю мерял.

В селе нашем действовала настоящая мечеть, красивая, прямо как стамбульская. Она была построена по настоящему проекту. Когда организовывали колхоз, из мечети сделали склад и засыпали туда зерно. А после нашего выселения ее разобрали до основания и куда-то вывезли. Одна стена нашего дома почти примыкала к мечети. А в 1937 году по приказу Сталина всех наших ученых мулл, которые чуть побогаче других жили, раскулачили и увезли. Многие потом боялись даже молитвы читать. Такое время было...

У нашего народа был обычай. Каждый год в июне, сразу после мая кочевали со скотом, гнали его на простор за 30 километров от села, где были пастбища, луга и леса. Играла музыка. Веселилась молодежь. Боролись борцы. Танцевали люди. В то время люди имели кто по десятку коров, кто по полтора, а кто и по два, да еще с десяток овец на семью. Семьи-то у нас большие всегда были. Там, на пастбищах люди жили по четыре-пять месяцев. Делали запасы сыра и масла на зиму. Устраивались девичьи праздники, на которых пехлеваны-борцы мерялись силой, боролись с буйволами. Пастухами на яйлах-пастбищах работали мужчины, а женщины оставались дома, в селе. Пожилые женщины, те, которые уже не могли работать в колхозе, выезжали на пастбище. Там, на яйлах, были

специальные сараи, где коров доили три раза в день, сбивали масло, сыр, заготовляли еду на зиму. Каждая семья резала на зиму одну-две коровы или бычков и четырех баранов. Хозяин кормил себя сам и еще работал в колхозе. Религиозные праздники не приходились по календарю на один и тот же день из года в год. Месяц держали пост, потом праздновали, а через 70 дней начинался другой праздник - Курбанбайрам. Каждый год по два раза обязательно отмечались такие праздники-байрамы. Остальные празднества были, в основном, свадьбы. На свадьбе веселилось все село, играли ее двое суток. Гуляли ночью и днем. Теперь так не умеют.

В колхозе убирали урожаи пшеницы, ячменя и кукурузы. Потом молотили быками. Дома женщины вязали из шерсти джемпера, теплые носки. Тогда в магазинах ткани не было. И мы делали ее из бараньей шерсти. Всякую ткань делали. Спали на сделанных из досок - особых, широких, но невысоких нарах - сакю. Обычно на стене висел ковер, а пол был застелен. Сад у нас был почти в один гектар. На 15 сотках росли груши - десять разных сортов. Много было яблок. Была очень сладкая слива - чанчунуз.

В Узбекистане таких сладких слив нет. В лесу рос орех дикий - фундук, а в садах - грецкий орех. На базаре в Ахалцихе мы покупали немногое, только кое-что из одежды, керосин для освещения, или масло. В большинстве случаев хватало того, что делали сами. Держали мы и пчел - кто по 4-5 ульев, кто по 10-12, а кто и больше. Все зависело от размера семьи. Постель у нас - матрасы, подушки - делались из овечьей шерсти. Комнаты были большие, просторные, такие, какие хотел иметь хозяин, когда строил дом. Дома раньше стояли ближе друг к другу: за стеной уже были соседи.

А сейчас все села на одно лицо - типовые застройки, все одинаковые, и зачем только такое придумали. Стены тогда были каменные, а крыши делались из досок, на которые толстым слоем насыпалась земля, так, чтобы вода не протекала. Через стену уже было хозяйство соседа: можно было постучать в стену и тебя услышат и придут. Дома располагались часто один выше другого, как бы ступенями. Но и ровно тоже строились, в зависимости от местности.

Вообще, мы были веселым народом. Каждая пятница - джума - считалась у нас праздничным днем и начиналась с молитвы. До чего народ наш был веселый! Вот, например, приходили люди из других аулов в нашу мечеть, когда молились - все молчали. Но после молитвы мы выходили из мечети все вместе и начинали шутить, силой меряться, бороться. Всем весело было. Интересные соревнования устраивались с буйволами-джамушами. Каждый из соревнующихся кормил своего буйвола дома и никому не показывал его. Потом выводили буйволов в поле - ферман. 10-15 человек держали на веревке одного буйвола. Столько же - другого. И между буйволами устраивалось соревнование. Когда один из буйволов начинал побеждать, его, чтобы он не сгубил более слабого, оттаскивали за веревку. Весело тогда жили. А теперь один день - Фергана, другой - Ташкент...

Слезы, кровь, голод, холод, бездомье... И не верится, что когда-то мы жили совсем по-другому, были народом...

Почему я 49 лет остаюсь без родины? Я ее защищал от фашистов. Воевал под городом Элиста, в Ставропольском крае, в Краснодарском. Освобождал Ставрополь. В чем же я виновен? Чем провинился мой народ? Сначала его в одночасье вывезли из родных сел, теперь выгнали из Ферганы, сделали из нас беженцев, не дают ни прописаться, ни работать в этой стране, где я когда-то проливал кровь. Мои дети меня спрашивают, может ли человек воевать за Родину и в то же время ее не иметь? Мы тогда кричали: "Вперед! За Родину, За Сталина! Отступать некуда, за нами Москва!" И я кричал и бежал под пулями вперед вместе со всеми, несколько раз был ранен, отлеживался в медсанбатах, в госпиталях и снова "Вперед! За Родину, за Сталина!.." За что же меня и моих детей лишили Родины?!

В 1945 году, 6 января в Будапеште я получил осколочное ранение в правое плечо. Вывели тогда нас с поля боя после того, как мы девять дней не давали противнику проехать по участку дороги, стратегически важному для общей победы. Отправили меня тогда санитарным эшелоном в Грузию. Везли 18 суток. Начальником эшелона был капитан, турок по национальности. Я спросил его, куда нас везут, близко ли к родным краям? Он пошутил в ответ, что довезет меня до самого дома. В Тбилиси нас переформировали: оставили тех, кто остался без ног, а нас повезли дальше. От радости, что скоро увижу родные края, не спал всю ночь. Пытался угадать, куда пойдет поезд - в Кутаиси или в сторону Боржоми, от которого до родины моей рукой подать. В конце концов поезд остановился в Боржоми. Наш вагон отцепили и половину раненых разместили в санатории "Лика". А я 19 февраля 1945 года попал в госпиталь в самом Боржоми. Не выдержал я тогда и пошел на железнодорожную станцию. Смотрю, один человек подметает. Я спросил у него, далеко ли до Ахалциха и сколько километров до Адегюна? Он так громко, почти криком спрашивает, зачем это мне знать? Как же, отвечаю, родина там моя, дом мой, родные, близкие. Он отвечает мне тогда, что нет там никого, всех оттуда выслали...

Я не поверил его словам. Как это нет? Как это - выслали? Подумал, что он просто шутит, обманывает меня. Сильно расстроенный вернулся в свой вагон - нас еще не успели вывезти в госпиталь. Там было с нами несколько человек грузин из соседнего села Арал. Они хорошо знали турецкий язык. Начал я их расспрашивать. Ответили они, чтобы я не обижался на то, что они скажут, и рассказали, что произошло. Лег я в госпиталь, но казалось, что я забыл о своих ранах - так сильно я расстроился. Оттуда начал писать в военкомат, в комитет ГБ и в райком партии. Еле дождался ответа через месяц: "Ваших родственников выслали в Среднюю Азию". Без адреса. Вот так...

Вылечили меня и отправили в город Гори. Там стоял 88 полк. Оттуда меня снова отправили на фронт. Ежедневно политрук показывал нам на масштабной карте, как продвигались наши войска и освобождались от

гитлеровцев города. И пока мы добрались до места назначения, было уже 7 мая, а потом 9 мая 1945 года - Победа... Большой Праздник... Отправили нас снова в Тбилиси. Те, кто имел госпитальную справку о тяжелом ранении, по приказу главнокомандующего отпустили домой. Из пяти ранений у меня было три тяжелых и меня демобилизовали. Мне тогда было 25 лет.

Приехал я в Адегюн, в свой район. Пришел в военкомат, где мне выдали направление в Ташкент. Там я должен был явиться в управление НКВД. Приехал я в Ташкент, пришел в управление - мне велели написать заявление на работу куда хочу, в колхоз либо на завод, а тем временем обещали мне найти моих родных и сообщить, как найдут. Я им сказал, что сюда я приехал к семье, а не трудоустраиваться. Сказал, что уже 4 года не видел отца и мать. Ответили мне коротко: нечего переливать из пустого в порожнее, турок искать - дело трудное: рассеяли их, как кукурузу, по 12 областям, поди-ка найди. Так что, мол, иди устраивайся на работу и жди вестей, а тут не скандаль!

А вскоре я увидел, что таких, как я, демобилизованных, было немало - сотни турок, крымских татар и других, которые ходили-бродили по улицам и по базарам, разыскивая родных. Удалось мне встретить знакомого, который сказал, что моя семья находится в Ташкентской области, в Средне-Чирчикском районе, в колхозе имени Сталина. Я обрадовался, тут же поехал туда. Ехал где трамваем, где на попутных грузовиках, где шел пешком. Наконец, добрался. Оказалось, отец мой умер еще в мае 1945 года, а мать лежит больная. В доме, где она лежала, дверей не было вовсе и половины окон тоже. Дети мои лежали рядом с больной бабкой, больные. Жена покрыла тело какой-то тряпкой: ходит не одетая, не голая. После уборки рисового поля она собрала три мешка колосков. Больше в доме ничего съестного не было. Колхоз ничего не давал - такой был бедный. Только один раз дали кукурузной муки. Стали мы там жить. За 12 километров таскали на своих плечах камыш и продавали его на базаре в городе Кулюке. На вырученные деньги покупали кукурузу по 5-6 рублей за килограмм. Снова таскали камыш и снова его продавали и покупали кукурузу. А срезали и носили камыш по ночам, так как днем нужно было успевать делать работу в колхозе. Так и кормили семью. Мы тогда находились под комендантским надзором: попробуй совершить прогул... Работали от темна до темна, часов ни у кого не было, так что смотрели по свету: как развиднелось, значит пора на работу. Если кто не выполнял дневную норму, оставался работать на ночь. Так что мы старались, чтобы успеть сбегать за камышом. После работы летишь туда, где он растет, нарежешь себе снопы из камыша, чтобы удобнее было нести и до рассвета мы уже на базаре, а там спешишь продать поскорее, чтобы вовремя быть на работе. Когда я стал работать в колхозе, мне платили за один трудодень один килограмм зерна, какое было - ячмень, кукуруза, горох. Рады были и этому. В одной комнате жило четыре семьи: две родных сестры, мать, жена и двое детей, соседи со своими женами и детьми.

Работал я в колхозе из всей семьи один: жена моя от перенесенных трудностей потеряла трудоспособность, еле справлялась с тем, что требовалось семье - матери да детям. А в колхозе труд был тяжелый, в основном ручной. Работал я в поле, очищал арыки и водосбросы. Идти домой на обед смысла не было: есть там было нечего и без меня. Так что работали без перерывов на обед, пока не выполняли норму. А голодный человек быстро слабеет, плохой он работник - голодный. Так и работали, чтобы выжить. Выжили. В 50-60-е годы нажили дом. Это потому, что ни от какой работы я не отказывался. Два сезона, зимой, почти босой, я работал на тракторе. Потом перевели меня на хлопковое поле звеньевым. Работал днем и ночью, узнал, что такое поливное земледелие. На родине нашей совсем другой климат, другая природа, там все было в радость, а здесь и работа не в радость... В 1952 году поставили меня бригадиром на хлопке. Поле, которое давало 12 центнеров, я поднял до 24 центнеров. На две бригады у нас был один трактор. Работали на нем по очереди: заберут у нас трактор - наше поле засыхает, мы на тракторе работаем - у соседа сохнет хлопок. Дело иногда доходило до ссор. Тяжело было. Постепенно, конечно, все налаживалось, но сколько слез и пота пролито. Да если посчитать дни с того момента, как я ушел на фронт из родного села, то живу я без Родины уже 49 лет.

Все вокруг меняется как будто, а для нас, турок, все остается по-прежнему и даже труднее с каждым днем.

1990, февраль

Кадим МАМЕДОВ, 1920 года рождения

У МЕНЯ НА СЕРДЦЕ...

Голос из толпы

...У меня на сердце столько горя, что если о нем писать - потребовалась бы река чернил.

Когда нас высылали, отец мой воевал на фронте, а мы держались за подол материнского платья, плакали и спрашивали, куда нас увозят. И мама плакала вместе с нами. Взяла с собой в дорогу только еду - сколько могла, ведь мужчин с нами не было. Из нашего села ни один мужчина, что ушел на фронт, не вернулся. Если бы хоть один вернулся, может, на сердце было бы меньше горя!

Когда нас разлучили с родиной, мне было 10 лет. Мать по дороге умерла, оставила нас - восемь сирот. Так было трудно выжить! Не легче и

жить - не ели, не пили, не одевались по-человечески. Работали без просвета, чтобы хоть крышу над головой иметь. Днем и ночью трудились. Только-только наскребли необходимое для жизни - вдруг в Узбекистане новая

беда на нас обрушилась.

Мы с мужем выращивали шелковичный кокон. Это нелегкий труд.

Как-то собрали урожай, сдали на приемный пункт. А когда возвращались обратно, бандиты напали на нас, убили моего мужа. Он 27 лет работал в одном и том же колхозе. Днем и ночью работал и всегда просил, чтобы ему еще дали работу...

Теперь я снова с детьми без крова, без места на земле. За что, почему мы стали бездомными? Кто виноват, что мы остались без Родины? Неужели мы хуже всех, в чем мы виноваты?! Дайте нам Родину! Верните нас домой!!

Запись и перевод В.Тютюнник

1990, февраль

Я ДУМАЮ О ТЕБЕ

Письмо беженки-турчанки

Когда я была маленькой, часто видела и слышала, как мать складывает и поет песни о пережитом. О том, как выселяли наш народ во время войны, как насильно загоняли в вагоны, как по 20 дней не выпускали из телятников. Весь этот ужас и страх тех дней она вспоминала со слезами на глазах, но я не могла себе все это представить.

И только сейчас, когда нас, турок-месхетинцев, снова постигло горе, я поняла весь ужас тех дней. Мы стали беженцами и, гонимые экстремистами, вынуждены уехать за пределы Узбекистана, оставив родные дома, друзей. Горе мое безмерно, ведь я больше никогда не увижу их, а среди них есть и корейцы, и русские, и татары, и узбеки, и азербайджанцы, с которыми я сроднилась.

Сорок пять лет жили мы в Узбекистане, честно работали, поднимали хлопковые поля, собирали, как и другие, хлопок. В нашем поселке были три турецкие бригады хлопкоробов, и возглавляли их тоже турки. Наши родители и старшие братья вложили столько труда в хлопковые поля! А сегодня... мы оказались лишними, стали беженцами в своей родной советской стране.

Сейчас мы разбросаны кто где, и снова у нас нет родного крова, поэто-му я присоединяюсь к голосу своего народа: дайте нам Родину! Поймите одно: живя врозь, мы можем забыть все - свои обычаи, свой язык.

Мы даже не знаем своей культуры и истории. Наш народ выселяли из Грузии, там надо искать корни нашей истории. В годы войны многие наши турки были на фронте, но почему-то о них не пишут. Лично у меня с войны не вернулся дядя - Рафик Расулов. Да и многие у нас не дождались своих сыновей. Но мы не знаем своих героев.

Снова обращаюсь я ко всему советскому народу, ко всем народным депутатам: помогите нам. Да, Сталин совершил преступление - по его вине мы оказались в изгнании. Но сейчас ведь не сталинское время, и, может быть, уже хватит того, что мы пережили. Без Родины человек - нищий.

Да, посылаю вам письмо. Его написала подруга моей племянницы из Узбекистана. Они с детства вместе росли, ходили в садик, школу. Их разлучили ферганские события. Меня резанула по сердцу тоска и печаль детей, а им всего по восемь лет. Прочтите его: *"Здравствуй, дорогая Валида, пишет тебе Галя. Как бабушка? дедушка? ты? Лейла? дядя Анвар? Абит? Как там у вас погода? У нас плохая. Ты как учишься? Я учусь только на пять и четыре. Я скучаю по тебе. Когда я иду из школы, я думаю о тебе. Я о тебе плачу. Раифа тоже плачет о тебе. Обязател-но приезжай к нам. Будем ходить к Раифе и будем играть.*

До свидания. Пиши".

Увидятся ли они когда-нибудь?..

с. Русаново Курская областьСаходат ПИПИНОВА

Советская Россия. 1989. 30 декабря

ПАМЯТЬ О КАВКАЗЕ

Песня-плач

Наша Родина - Кавказ!

Великий Аллах там создал нас.

Но даже могилы наших предков

Выгребли с Кавказа.

Вершины кавказских гор под небесами,

А внизу плодородные сады.

Из-за деяний безбожника Сталина

Кавказ плачет кровавыми слезами.

Горы Кавказа в цвету

И долины его - в цвету.

Сталин золото и серебро на медь разменял,

А потом людьми словно сурьмой торговал.

Кавказские скитальцы так горько плачут!

Кавказские скитальцы так горько плачут!

Идите же, скитальцы, идите назад, кто дойдет!

Аллаху одному известно,

Свидимся ли с Родиной мы вновь...

ПЛАЧ

Плачу я и нет конца моим слезам.

Печаль моя горька.

Вздохнула я -

Так вздыхает заброшенный людьми сад.

Плачу я - глаза ослепли от слез.

Разлуку с родиной мне пережить нельзя.

О горе говорить язык мой устал.

Передо мною догорает костер воспоминаний о былом.

И увядает внутри меня цветок жизни молодой.

Нутро мое пылает, лишь родину припоминаю я.

Молюсь за Горбачева, чтоб дал Аллах ему сил,

Сколько дал он нам... Одна надежда на него,

Чтобы земли родного Кавказа

Коснуться нашим стопам...

ДЕРГУЛОВА Итибар Шариф-кызы, 85 лет

Запись и перевод В.ТЮТЮННИКА

Майра САЛЫКОВА, Семен ЯНОВСКИЙ

ГДЕ СЫН ТВОЙ, ЗЕМЛЯ?

Очерк

Еще год назад их не всегда называли, перечисляя народы, подвергнувшиеся депортации в период культа личности и до сих пор не вернувшиеся на места своего исторического проживания. Но сегодня, после печально известных Ферганских событий, потрясших всю страну, достоянием широких кругов общественности стало еще одно, не разрешенное до сего дня последствие сталинской национальной политики. Вот уже сорок пятый год кочует по огромной стране маленький народ, который называет себя месхетинскими турками.

КАК ЭТО БЫЛО

...Тяжкая это доля - ходить по инстанциям десятки лет, переживая все заново. В который раз рассказывать то, что лучше забыть навсегда, как приснившийся однажды кошмарный сон. Свидетельства эти необходимо сохранить, без них невозможно представить себе в полном объеме, что же стоит за желанием этого народа вернуться в родные места. Нельзя решать современные проблемы, не зная того, что пришлось пережить не только месхетинцам, но и всем народам, разделившим с ними судьбу депортированных "невозвращенцев".

Тайфур Абузер: Мне было 10 лет, когда нас изгнали. Сам я из Аспиндзского района Месхетии, село Хертвези. Нас выгнали в 12 часов ночи на улицу и держали до 4 часов утра, а потом сказали: "Мы временно вас увозим". Мне мать сказала: "Иди к бабушке",- а бабушка наша жила в другом селе. Я должен был сообщить ей, что нас куда-то увозят. Но, как только я вышел на дорогу, меня схватили и бросили в первый попавшийся "студе-беккер". Отлученный от родителей и родственников, я был привезен в Алма-Атинскую область. Еле выжил в дороге. Рассказывать, что творилось по дороге в товарняках для скота, в которых нас везли, просто нет никаких душевных сил... Я не видел родственников с 1944 по 1948 год. Потом случайно на базаре меня увидела моя тетка, потом приехали отец, брат. А позже вернулся из армии дядя. Его вызвали в комендатуру и говорят: "Снимай ордена, погоны". Все это и документы в придачу у него забрали. После этого он сник, проболел год и умер.

Я юрист по образованию, окончил Московскую академию, не хочу никаких должностей, поеду и буду работать на ферме, в колхозе,скотником, кем угодно - только бы вернуться на родину. Мне больше ничего не надо!

"...ОЧЕНЬ НАДЕЕМСЯ НА ВАШУ ПОМОЩЬ" - писали члены Временного организационного комитета месхетинских турок председателю правления Советского фонда культуры академику Дмитрию Сергеевичу Лихачеву. Речь в обращении шла о беззаконной высылке в ноябре 1944 года граждан турецкой, а также курдской, хемшинской, азербайджанской национальностей с территории пяти районов юга Грузии: Ахалцихского, Адигенского, Аспиндзского, Ахалкалакского и Богдановского - с общим географическим названием Месхетия-Джавахетия. О том, как, депортированные в республики Средней Азии и Казахстана, эти народы оказались в крайне тяжелом положении. Из 115 тысяч стариков, женщин и детей за месяц пути в битком набитых вагонах и первую зимовку в фанерных строениях и землянках погибла четверть. Это происходило в то время, когда 40 тысяч турок, с первых дней Великой Отечественной войны сражались в рядах Советской Армии. В живых из этих воевавших мужчин осталось 14 тысяч. Все вернувшиеся с войны: и Герои Советского Союза, и орденоносцы, и инвалиды - оказались в одинаковом положении с со-сланными. В поло-жении резервантов с жестким комендантским режимом, ослабление которого произошло лишь в 1956 году.

Стремясь быть ближе к родине, немалая часть турок расселилась в Азербайджане, Кабардино-Балкарии, Краснодарском крае и других регионах страны. Везде наблюдается постепенный процесс ассимиляции. Были попытки создания турецких школ, но огромная территориальная распылен-ность маленького народа делает нереальным в данных условиях создание единого очага культуры. "Этот вопрос, - говорят они, - может быть решен только при компактном расселении нашего народа".

Члены Временного организационного комитета отметили, что воз-вращение на свою историческую родину - Ахалцихский регион Грузинской ССР даст возможность возродить исчезающую национальную культуру. Реальность такого возвращения, как считают члены ВОКа, подтверждается наличием на территории Месхетии-Джавахетии нескольких десятков разрушенных и пустующих сел.

До сих пор остается нерешенной проблема этнического происхож-дения месхетинцев. Одни представители этого народа считают себя месхетинскими турками - их большинство, другие месхетами - частью единой грузинской нации. **Эмма Панеш**, ученый из Ленинграда, сделала доклад по этой теме на заседании совета по развитию и сохранению культуры малочисленных народов Фонда культуры СССР. Вот ее точка зрения:

Месхетия-Джавахетия - это пограничье. Если представить себе, что на протяжении многих веков на пограничной территории жили и соседствовали контактирующие этносы турок и грузин, то, обращаясь к

мировой истории любого пограничья, ситуация могла быть довольно типичной. Если бы эта территория была турецкая, то грузин, как обычно это делали в таких случаях, переселили бы в глубь страны, а на территории пограничья были бы устрое-ны военные поселения. Если бы территория была грузинской, то было бы то же самое, только с другой стороны. Что и было сделано в 1944 году. С пограничья были выселены мусульманские народы. Месхетинские турки были вывезены, а на освободившуюся территорию заселили грузин. Хотя, несомненно, была и часть выселенных грузин-мусульман. Мы думаем, что вопрос о происхождении необходимо решать спокойно. И очень важно, чтобы при решении этого вопроса не ока-зывалось давления на самосознание месхетинцев, ибо вопрос это тонкий и деликатный".

Существует и другая точка зрения. Грузинский историк **Гурам Мамулиа:** "Эта проблема - одна из самых сложных для грузин. Для всей республики. Та группа людей, о которой говорится как о турках, на самом деле месхи. Так как издавна население того края было исключительно грузинским. Турки как таковые, я имею в виду османских, там никогда не проживали. Даже в официальной статистике прошлого не было такого понятия - "турки". В результате экспансии Турецкой империи процесс мусульманизации месхов протекал в тех местах почти три столетия. В связи с этим произошла потеря языка со всеми вытекающими последствиями. Но говорить, что в Месхетии испокон веков жили турки и что это турецкая земля - сплошное недоразумение. Месхетия являлась центром грузинской культуры. И даже если посмотреть на этот край с точки зрения материальных памятников культуры, то именно там находятся самые крупные христианские церкви. И позже уже можно проследить по историческим документам, по мере запустения края, мечети, которые возникали в результате этой мусуль-манизации. Часть месхов перешла в результате гонений в католическую веру. Самосознание месхов в результате этого распалась на три части: часть была тайными православными, которых относили к грузинам, часть католиками, которых называли французами, и часть омусульманенного населения, которое называло себя татарами, но не турками.

Я могу сказать, оглядываясь на историю этого края и историю месхов, что эта часть грузинского населения веками была жертвой большой поли-тики государств. Они жили на границе и постоянно испытывали давление со стороны государств. Даже в советский период их записывали и азербай-джанцами, и грузинами, а в 1944 году они были высланы как турки. И так называемая турецко-месхетинская нация была образована на почве религи-озного, а не национального самосознания. К сожалению, в ближайшей истории были события, которые еще остались в памяти людей. Когда турки в 1918 году наступали через Месхетию, мусульманское население подняло восстание. Доходило до резни. Христиан и мусульман. Там, где христиане и мусульмане жили бок о бок, часто мусульмане спасали, укрывали христиан. Но были и ужасные сцены. И это по сей день живет в сознании людей.

Сегодня среди месхов есть значительная часть, которая понимает и осознает свое грузинское происхождение. Они просят дать им возможность возвратиться на родину. В разные районы Грузии, включая и Месхетию.

Мы поняли, что это то крыло, на которое можно опираться в решении этого вопроса. Но тяжело приходится не только с месхами, но и с грузинами. Ведь, когда месхов выслали, среди народа велась соответствующая пропаганда. Надо было заселять опустевшую пограничную территорию. Грузины туда ехать не хотели. Поэтому заселение проводилось в принудительном порядке. В основном из районов Западной Грузии. Туда специально вступали войска, разрушали дома, буквально силой сажали на машины и заселяли таким образом месхетинские села.

Все это происходило зимой. Условия климатические были совершенно другие. Это сейчас в Месхетии построили дома, а тогда там жили в основном в землянках. Погибли почти все младенцы. Чтобы люди не бежали в свои родные места, установили комендантский режим. И чтобы как-то удержать людей, им вбивали в головы, что из этих сел выселили предателей. Что мы, мол, освободили вашу землю от турок, а вы не хотите жить здесь, потому что не являетесь патриотами. И вся идеологическая и пропагандистская машина была запущена для соответствующей обработки населения. Долгое время оттуда практически нельзя было выписаться и уехать.

И потому население настороженно сейчас относится к возвращению месхетинцев. Очень большие сложности могут возникнуть и возникают при неправильном поведении тех из них, кто допускает незрелые, непродуманные заявления, приезжая в те края с целью осмотреть места будущих заселений".

Расул Мамедов: Советское государство нам доверяет границу охранять в любом месте Советского Союза. Кроме нашей родины - Месхетии. Парадокс. Почему так? Мой сын, например, служил в Афганистане, сын соседа-земляка погиб от пули душманов. Как так получается, что мы можем служить везде, даже за пределами страны, и там национальный вопрос не возникает. Где справед-ливость? А как только зашел разговор о нашем возвращении, возникла вдруг проблема нашего происхождения. Кто мы - турки или грузины? Так вот что я хочу сказать, кого так занимает этот вопрос, у нас Конституцией закреплено право на свободу совести. Хочу - буду мусуль-манином. Хочу – христианином. Хочу - я могу записаться грузином, хочу - турком. Но никто не имеет права заставлять или вынуждать меня записы-ваться грузином. И еще вот что хочу сказать. Если многие ученые в Грузии считают, что мы – омусульманенные грузины, что же они все эти долгие 45 лет не били во все колокола? Что, мол, наши братья грузины пропадают в изгнании? Что же все эти долгие, мучительные для нас годы не пригласило нас обратно грузинское правительство? Почему вопрос: турки мы или грузины, возник тогда, когда зашла речь о нашем возвращении в Месхетию?"

Исмаил Гуняшев: "Везде в нашей стране стоят памятники солдатам, погибшим в Вели-кую Отечественную войну. На них написано, кто погиб, когда, все можно узнать. Так неужели 40 тысяч турок, воевавших в те годы,

а погибло из них 26 тысяч 267 человек, не заслужили такого памятника или обелиска на родине? Когда в тех местах, где мы сейчас живем, открывали обелиск погибшим односельчанам, я спросил: "Почему же наших сопле-менников не включают в эти списки?" И мне председатель райисполкома ответил, что, мол, мы ставим обелиск тем солдатам, кто из нашего села ушел и не вернулся, а ваши солдаты не из нашего села ушли. Вы должны поста-вить им обелиск в своем родном селе". А как я могу это сделать, если я даже попасть туда не могу? Долгое время вся территория, на которой мы прожи-вали официально, входила в погранзону. Въезд был по особым спецпропускам..."

КАКАЯ ОНА, МЕСХЕТИЯ?

В воспоминаниях всех месхетинцев: и тех, кто считает себя месхами,

и тех, кто считает себя турками, - это была земля счастья. Счастья жизни на родине. Полностью ощутить все, что под этим подразумевается, могут люди, слишком дорого заплатившие за горькое это познание.

По дороге в Месхетию, в селе Хашури, живет возвратившийся в Гру-зию из Средней Азии Бахадыр Матанов. Ему было 11 лет в 1944 году, жил он в Аспиндзском районе, в селе Ошора. Помнит весь этот ужас от начала до конца. Потом, после снятия комендантского режима отслужил в армии, окончил институт, работал.

В 1973 году, взяв путевку, поехал отдыхать в Боржоми. И вдруг экс-курсия, собираются на Вардзи. А дорога туда как раз через его родное село. Он знал, что по паспорту, где было записано, кто он и откуда, его дальше шлагбаума не пустят. Знал. И все равно записался. Когда доехали до шлаг-баума, все вышли из автобуса. Шла проверка документов. Он сказал, что забыл паспорт, но есть депутатское удостоверение и документы, что он является заместителем председателя райисполкома в Средней Азии. Долго перезванивались пограничники с начальством, пока, наконец, махнув рукой, не сказали: "Поезжай!" А когда автобус прибыл в Ошору, он уже не мог сдержать себя. Попросил остановить в центре села, выбежал на улицу и закричал во всю глубину легких: "Я здесь родился! Здесь жил мой отец!

Я здесь, и теперь можете делать со мной, что хотите!" Казалось, вся жизнь до этого мгновенья была ради этих нескольких минут. Он думал, что к нему побегут, станут выдворять обратно, но экскурсовод, поняв, в чем дело, просто умолял не кричать так громко. И многие люди в автобусе плакали...

Много лет прошло с тех пор. Он познакомился с грузинской семьей, которая сейчас живет в бывшем их доме. Они стали почти родными людьми. И не оставляло его с тех пор жгучее желание вернуться. И он вернулся. Правда, живет не в Месхетии, но все-таки на родине, в Грузии. Считает, что

они, месхи, грузинского происхождения. Учит грузинский язык. Хотел записаться грузином в паспорте, вернуть себе грузинскую фамилию. И, как мы узнали недавно, ему это удалось. Сейчас в его паспорте записано новое имя - Бадри Метонидзе.

Кошали Алиев: "Я лично выселял своего родного отца... Я служил тогда в армии и оказался среди тех солдат, которые занимались выселением турок. И я сам выселял собственного отца из родного дома. Отец мой погиб в дороге, и я даже не знаю, где его могила. Мать умерла от горя. Осталось четыре брата и две сестры. Два года я искал их, писал в Москву и нашел в Казахстане. Так это было. Вы понимаете, я сам грузил свою семью на студебеккер, четыре семьи на одну машину..."

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ РОДИНА?

С чего начиналась Месхетия для тех, кто решил посетить этот древний грузинский край? С пограничного шлагбаума при въезде в самую обширную на территории Советского Союза погранзону. Месхетинцы считают, что зона была создана специально для них. Чтобы не было возможности не только вернуться, но даже посетить могилы предков. А грузины, переселенные сюда тоже насильно, считают, что этот шлагбаум был предназначен для них, чтобы они не могли уехать из Месхетии в родные края тогда, в страшные сороковые годы.

Совсем недавно шлагбаум при въезде на территорию Месхетии-Джавахетии был снят. Но проблема, созданная в далеких сороковых годах, еще не решена.

Мы спросили: "Сколько месхетинцев сейчас живет в самой Месхетии?" Нам ответили, что официально три семьи, но реально проживает сейчас в Ахалцихском районе только один Марат Бараташвили. Сын Латившаха Бараташвили, посвятившего всю свою жизнь делу возвращения на родину. Считает себя месхом.

Марат работает в местном краеведческом музее. Занимается этим вопросом уже много лет. Он единственный смог вернуться на родину. Привез туда свою семью. Ему, конечно, нелегко. Сначала люди относились с опаской, многим не нравилось, что он, работая в музее, имеет доступ к архивам. Но все-таки его природное миролюбие, стремление прикоснуться к своим историческим истокам, воспитанность потихоньку привели к терпимому отношению. Пока так.

Наш разговор в Маратом был долгий.

"Более запутанного вопроса - кто мы? - в СССР нет. Иди разберись! Профессионалы головы ломают, а тут простой крестьянин. Что ему надо? Ему земля нужна, ему семья нужна, ему работать надо, детей растить. Что там политика? Дайте землю где родился, откуда родом, где предки похоронены. Вопрос не в том, чтобы всех перевезти на свои старые места. Все

дело в действительной реабилитации месхов и высланных вместе с ними представителей других этнических групп.

Марат Бараташвили говорит об этом, как о самом важном аспекте вопроса. Он считает недопустимым тот факт, что вот уже спустя 45 лет после высылки он - единственный месх, вернувшийся на землю предков.

Вахли Ахметов: "В 18 лет меня мобилизовали в Советскую Армию 23 июня 1942 года. Наша 77-я стрелковая дивизия формировалась в Дербен-те. После демобилизации всех солдат встречали с музыкой, а нас кто встретил? Приехали в родное село - никого нет. Правда, через полчаса появились два милиционера, говорят: "Тебе здесь делать нечего. - Давай езжай отсюда..." "Куда" - спрашиваю. А они – в Среднюю Азию, мол, вся семья твоя там находится. Я четыре месяца искал свою семью, голодный, холодный... Когда нашел, уже почти никого не было в живых, только один брат-инвалид и сноха. Остальные все умерли. За что мы воевали? Неужели даже теперь мы не имеем прав жить на родной земле? Ведь ветеранов становится год от года все меньше. Не дали нам жить на родине, так хоть умереть там. На это мы имеем право? Пока я был на фронте, ничего не знал о судьбе своих близких. Писем после 44-го не получал совсем. Несколько раз обращался в политчасть, там отвечали: "Не знаем, пока война..." Хотя все они тогда знали, просто им совесть не позволяла сказать мне правду. Ведь мы тогда все могли в любой день умереть. За Родину".

Мы посетили все районы края Месхетии-Джавахетии. Видели, как живут там сейчас люди. Читали справки, предоставленные нам, о том, что Месхетия является сейчас районом экономически отсталым, дотационным. Проблем много. У тех людей, кто живет там, не хватает строительных материалов, земли. Нас убеждали, что восстанавливать старые, разрушенные села месхетинцев невозможно, что земля сейчас не годится для современного уровня земледелия. Люди во многих селах, узнав, откуда мы и по какому вопросу, обступали нас и делились своими мыслями.

Беспокойство людей понятно. Тяжелая экономическая ситуация в районе ложится бременем на плечи местных крестьян. Возвращение месхе-тинцев, даже пока в незначительном количестве, может создать, как считают многие, трудности не только экономического характера, но и психологи-ческие. Те, кто был переселен сюда насильственно в дома месхетинцев, говорили нам: "Разве они смогут забыть эту не-справедливость? Разве они смогут смириться с тем, что мы заняли их земли? Что на месте мечети, например, построили школу или что-то еще? Разве сможем мы рядом с ними жить спокойно?"

Совершенно обратное говорили нам месхетинские турки, нелегально посещавшие свои села в недавние, более спокойные времена. О том, как радостно и тепло принимали их, как плакали все вместе. Откуда тогда это беспокойство? Ведь известно, что Временный организационный комитет месхетинских турок записал в своем Уставе отказ от претензий возврата жилищ, оставленных в результате депортации 1944 года. Но тревога не

отпускает людей. В селе Удэ вспомнили люди о событиях 1918 года, о которых рассказывал нам Гурам Мамулиа. Водили нас на сельское кладбище, где покоится прах жертв тех лет.

И подумалось тогда: если память человеческая так долго хранит воспоминания пусть немногочисленных, но черных страниц истории, скоро ли забудутся нашими современниками события последних летв Армении и Азербайджане и других регионах страны? Скоро ли смогут забыть месхетинские турки события в Фергане? Возможно ли вообще забыть об этом? Но если помнить об этом всегда, вечно, то что же ожидает нас всех впереди? Идти вперед, оглядываясь назад, только для того, чтобы в оправдание своей собственной нетерпимости представить черные страницы давней и недавней истории?

КОГДА НАСТУПИТ ВРЕМЯ?

В Москве состоялась неофициальная встреча граждан грузинской национальности с представителями месхетинских турок.

Не по всем вопросам было достигнуто согласие. Но главное, что вынесли и те, и другие, - нужно наводить мосты между людьми. И обязательно учитывать сложную ситуацию, которая сложилась в Грузии. Представители грузинской национальности заявили, что "теперешнее общественное мнение в республике складывается не в пользу возвращения месхетинских турок в Месхетию. Причины этого - события последних месяцев: это 9 апреля, беспорядки в Восточной Картли, напряженность в Абхазии и Южной Осетии. Грузинскому народу надо дать время разобраться в самом себе".

Ясно одно - вопросы эти должны решаться спокойно. Нельзя не учитывать реалии сегодняшнего дня. И положение в Грузии. И положение народа, который 45 лет лишен родного очага. Учитывать, что после печально известных ферганских событий десятки тысяч месхетинцев стали беженцами. Нельзя жить без надежды на справедливое разрешение этого вопроса. Но одной надежды мало. Время идет. Подрастают новые поколения. Что ответим на их вопросы завтра? Как посмотрим в их глаза?

Пока материал готовился к печати, нам сообщили из Тбилиси, что **Марат Бараташвили**, поселившийся на родине, там уже не живет. Ему пришлось покинуть край его предков - Месхетию.

Огонек. 1989. № 50.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Грузинская творческая и научная интеллигенция все чаще выступает с оправданиями и разъяснениями происходящего на их родине. Главная

забота этих выступлений - сберечь сложившуюся репутацию Грузии как страны гостеприимной, щедрой, распахнутой в большой мир и приветствующей на своей земле все народы. Лейтмотив их един - истинная грузинская совре-менная действительность искажается в печати СССР и мира в силу отда-ленности (как, к примеру, А. Солженицын) или злонамеренности (рука "центра - Кремля") пишущих о Грузии.

Но факты, увы, заметно пошатнули прославленную грузинскую репутацию. Факты исторические и - как их логическое развитие – совре-менные. Национальные репрессии, начиная с 1931 года, объективно "работали" на очищение гостеприимной и гуманной Грузии от инородцев и на расширение ее границ.

1931 год - Абхазская Советская Социалистическая Республика вво-дится в состав Грузинской ССР на правах автономной.

1937 год - депортация курдов, в том числе и из Грузии.

1941 год - депортация немцев и иностранно-подданных, в том числе и из Грузии.

1943-1944 годы - вследствие депортации карачаевцев, ингушей, чеченцев, балкарцев граница Грузии передвигается на север, на большую часть земель этих репрессированных народов, а столица упраздненной Карачаевской автономии переименовывается в город Клухори.

1944 год - из Грузии депортируются оставшиеся курды, хемшиды (хемшилы, хемшины), азербайджанцы, греки, месхетинские турки. На освободившиеся от чеченцев земли, присоединенные к Дагестану, из Грузии депортируется более 2000 семей аварцев и других дагестанских народов.

1949 год - Грузия освобождается от понтийских греков, организо-ванно вывезенных с земли, на которой они издавна жили, в Казахстан и Киргизию. Места их проживания, в основном на территории Абхазии и Аджарии, заселяются грузинскими семьями.

80-е годы в истории Грузии отмечены все более усиливающимися репрессиями ее правительства против инородцев. Одна за другой возникают и ведутся войны с абхазцами, осетинами, дагестанскими народами, азербай-джанцами, грузинами-мусульманами, имеющими административно-полити-ческую "крышу" - Аджарскую автономию. Впрочем, в стремлении к един-ству и чистоте грузинской нации правительство намерено ликвидировать на своей территории все автономии. Вынуждены сняться с насиженных мест и в полном составе выехать русские духоборы и молокане, спасавшие в Грузии более столетия свою веру. Безудержно эмигрируют на этническую родину евреи, вернувшиеся было понтийские греки, выезжают курды-ёзиды, писавшиеся грузинами...

Но стремятся - домой-домой! - на отнятую родину исстрадавшиеся в полувековом изгнании турки. С редким упорством, заслуживающим иного, доброго, человечного применения, виртуозно создавая разнообразные препятствия, грузинское правительство не допускает их возвращение на родную землю в Месхетии и Джавахетии.

Для оправдания-обоснования этой позиции привлекаются грузинские ученые - историки, этнологи, социологи, экономисты, которые послушно "доказывают", что в Грузии, на ее границах с Турцией никогда не жили турки...

Сегодня первый президент Грузии Звиад Гамсахурдиа заявляет откры-то, что чрезмерная (?) терпимость в отношении к другим наци-ональностям - это роскошь, которую могут позволить себе другие страны, но не Грузия. "Грузия - не Англия, и не Франция. Грузии грозит опасность поглощения другими национальностями, которые присланы сюда Кремлем, Россией, империей: азербайджанцы, армяне и даже осетины - все они некоренное население". Все они должны, по требовательному и в силу его положения законодательному мнению З.Гамсахурдиа, уйти "домой", оставив Грузию грузинам, поскольку большинство из них - враги грузинского народа ("Балтимор-Сан". Вашингтон, США. 1991, март).

Остается удивляться - столетие за столетием, живя в тесном добро-соседстве с другими нациями, грузинский народ не растворился, не утратил своей национальной неповторимости - почему это стало ему противопока-зано сегодня?

Все это очень печально - ибо налицо чистейшей воды национальный эгоизм, устремленный к изоляционизму, что ведет не к национальному расцвету, а к застою и гибели.

1991, август

ГРЕКИ

Греки издревле жили на территории Молдавии, Одесской области, Крыма, Донецкой области, Краснодарского края, Ставрополья, Черномор-ского побережья Кавказа (понтийские греки), в Абхазии, Грузии...

Переселение греков, проживавших на территории от Анапы до Сочи, проводилось в два этапа.

В 1942 г. были переселены греки - иностранные подданные.

В мае 1942 г. из Краснодарского края, Ростовской обл. и частично Крымской АССР были выселены граждане иностранных государств - всего 8300 человек, из Армении, АзербайдЖана и с Черноморского побережья Грузии - 16 376 человек. Некоторым из них предоставлялось право выбора

местожительства. Многие из "кубанских" греков проживали в Сталинградской области, в районах Северного и Западного Казахстана...

В сентябре 1945 года... начальники проверочно-фильтрационных лагерей НКВД СССР получили приказ... направить в Новосибирск, в распоряжение отделов спецпоселений управлений НКВД Новосибирской области:... крымских греков ... - в Свердловскую область...

В 1949 г. были переселены турки, армяне, оставшееся греческое население Краснодарского края и других районов Черноморского побережья (включая часть территории Грузинской ССР), всего - 57 680 человек.

История СССР. 1989. № 6.

* * *

На 1990 год на территории СССР проживает 357 975 греков согласно официальной переписи, но реально их около миллиона. Только 44,5% назвавшихся греками считают родным греческий язык.

В Грузии проживает 100 304 грека, в Абхазии - 14 663, в Аджарии - 7379, на Украине - 98 578, в РСФСР - 91 654 (расселены в Краснодарском

и Ставропольском краях, Северной Осетии, в Удмуртской, Якутской, Хакасской, Ханты-Мансийской автономных республиках, на Чукотке, в Ямало-Ненецком округе), в Казахстане - 46 714 и в Узбекистане - 10 479 человек греческой национальности...

ГРЕКИ В СССР

Очерк

Свой определенный вклад в историю нашей страны внесли и подданные России греки. Активное участие принимали они в революционном движении. Широкую известность получила деятельность одного из руководителей революционно настроенной молодежи в Тбилиси Якова Иониди. Одним из легендарных бакинских комиссаров был Ираклий Метакса. Навсегда остались в истории революционного движения имена Н.Анастасиади, И.Хиотиса, К.Семерджиева и др.

После победы Октябрьской революции и гражданской войны греки, как и многие так называемые малочисленные народы СССР, получили возможность свободного национально-культурного развития. Появились первые газеты и издания на греческом языке, были созданы и начали работать любительские и профессиональные театры. Только в Грузии в 1927-1928 годы функционировало около 100 греческих школ, а в городах

Батуми, Сухуми, в Цалкинском районе были открыты греческие отделения педтехникумов. В Новороссийске издавалась газета "Спартакос", а в 1921 году в Батуми, при Аджарском обкоме КП(б) Грузии было основано издательство "Коммунистис" и стала выходить газета на греческом языке. Позднее, уже в 1932 году в Сухуми стала издаваться и газета "Коккинас капнас" ("Красный табаковод"). Была создана и национально-территориальная единица в Северо-Кавказском крае - Греческий район с центром в станице Крымская (ныне Краснодарский край), где в основном проживали греки-табаководы, переселившиеся туда в 1870-1880 годы. В районе выходила газета "За социалистическое табаководство", функционировала неполная средняя школа. Район был ликвидирован в 1937 году.

Репрессии 1937-1938 годов положили конец надеждам греков на возможность сохранения своей национальной культуры и самобытности. После разгрома издательства "Коммунистис" и закрытия греческих школ в 1938 году начался процесс постепенной ассимиляции и растворения греков в иноязычной среде. Многие греки, потомки тех, кто в XIX веке и еще раньше осваивал земли Южной России, Прикубанья, Причерноморья, уезжали в Грецию. Ломались судьбы, распадались семьи, рвались родственные связи...

Вместе со всем советским народом пережили греки и лихолетье Великой Отечественной войны: сражались на фронтах и в партизанских отрядах, самоотверженно трудились в тылу. Многим были присуждены почетные звания Героев Советского Союза и Героев Социалистического труда.

Потом начались репрессии против греческого народа. Сначала попали под репрессивный каток крымские греки - в 1944 году их выселили вместе с другими народами, населявшими этот полуостров, а в 1948-1949 тотальной высылке были подвергнуты понтийские греки, т.е. проживавшие в Грузии, Аджарии, Абхазии, по всему Черноморскому побережью Кавказа. Греки пополнили ряды спецпереселенцев по национальному признаку: ингушей, чеченцев, карачаевцев, балкарцев, немцев, месхетинских турок, крымских татар... В 1956 году с греков, как и с остальных народов, были сняты ограничения в передвижении, но запрещено, либо не рекомендовано возвращение на родину. Но политическое и культурное положение греков, как и некоторых других репрессированных народов, остается неопределенным.

В июле 1989 г. В Москве состоялась учредительная конференция по созданию Всесоюзного общества советских греков - таким образом греческое население СССР получило общественную организацию, призванную содействовать развитию и удовлетворению социальных и культурных запросов этого народа, желающего стать равноправным членом семьи советских народов.

Н.А.ЭРИТРИАДУ

Тбилиси, J989

Иван ДАЛЬЯН

ВЕРНИТЕ НАС ДОМОЙ

Воспоминания

Увлекательна и поучительна многовековая история греков, издавна поселившихся в Крыму, но о ней в другом месте. Вспомним, как жили греки Крыма после Октябрьской революции.

Расцвет греческой культуры в Крыму начался в первые годы XX столетия и достиг своего апогея в конце 20-х и в 30-е годы. В Крыму действовали школы на греческом языке, функционировала письменность и церковь, на греческом издавались газеты, журналы и книги, переводились лучшие произведения русской и мировой литературы, даже велась деловая переписка. Народ имел свою интеллигенцию, литературу, развивал искусства. Греки занимались земледелием, животноводством, виноградарством и виноделием, табаководством и садоводством, рыболовством и мореходством, торговали и были в основной своей массе народом зажиточным.

Массовое разорение крестьянских хозяйств в нашей стране началось к концу 20-х годов, и греки вместе со всеми почувствовали жесткий прессинг. В результате так называемого раскулачивания большинство крепких кресть-янских семей было вывезено куда-то в Сибирь. Другие из числа зажиточных и середняков, оставив свои хозяйства, бежали от репрессий в города шахтер-ского Донбасса. Однако осенью 1932 года в Приазовье, как и по всей Укра-ине начался страшный голод, продолжавшийся и в 1933 году.

Он унес сотни тысяч жизней и вынудил приазовских греков спасаться от голода и искать убежища в других областях страны. Часть приазовских греков вновь вернулась в Крым, на историческую родину предков, среди них была и наша семья со всеми почти родственниками. Наше, совсем еще недавно большое и богатое село Кашлагач в Больше-Янисольском районе Донецкой области, где я родился, было разорено - к весне 1933 года в нем осталось в живых всего четыре семьи...

Только-только кончился голод, начались массовые репрессии и террор. Лучшие представители греческой интеллигенции, рабочего класса и трудо-вого крестьянства были арестованы и безвинно осуждены, заполнив тюрьмы и лагеря ГУЛАГа. В одночасье все достижения греческой национальной культуры и самобытности оказались сведены на-нет:

закрыты греческие школы, запрещена письменность, разрушены церкви, изъяты из обращения книги и имена...

Не была пощажена и крупная греческая церковь в Симферополе, являвшаяся шедевром архитектуры, в росписи которой участвовали великие художники-иконописцы России и Европы.

В годы Великой Отечественной войны крымские греки не сидели сложа руки, а вместе с другими народами нашей страны встали на ее защиту и включились в активную борьбу против гитлеровского фашизма. Одни из них ушли сражаться на фронт, другие в годы оккупации Крыма ушли в горы и леса полуострова в партизанские отряды, участвовали в активной подполь-ной борьбе в крымских городах.

В лесах Южного берега Крыма под командованием грека М.А. Македонского успешно действовало Южное соединение партизан, в котором было много греков, начальником разведки этого соединения был грек Ф.А.Якусти-ди, командиром одного партизанского отряда, а затем 4-й партизанской бригады был грек Х.К. Чусси... Однако о мужественной борьбе греков, по-видимому, по указанию сверху писалось мало и скупо, да и сейчас почти не пишется. Между тем в партизанских отрядах греки держались до конца и предпочитали голодную смерть фашистскому плену. Греческую деревню Лаки в Бахчисарайском районе, где председателем колхоза был грек Х.Спаи, фашисты окружили и сожгли вместе с женщинами и детьми за помощь партизанам. Для греков это своя Хатынь. Это греки, рискуя жизнью, носили в осажденный фашистами Севастополь питьевую воду...

Комсомольским руководителем подпольной группы в с.Кисек-Артук (ныне Клиновка) был крымский грек К.Д.Апостолиди. В подпольную группу входила вся его семья из восьми человек и еще 20 жителей села. Карательный отряд окружил село, схватил его мать, брата и нескольких других подпольщиков и передал всех в гестапо, где их подвергли пыткам и замучили насмерть. Есть и еще примеры и факты - крымские греки в оккупированном Крыму проявили себя как истинные патриоты своей советской родины.

Радостно, с хлебом и солью встречали они вместе со всеми крымчанами своих освободителей - части Красной Армии 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии. Это было в апреле 1944 года. Для нашей семьи радость была вдвойне: в составе 51-й армии в Симферополь вошел полевой госпиталь, врачом которого была наша тетя Дальян Екатерина Ивановна. Казалось, все испытания остались позади, греки окрыленно взялись восстанавливать все разрушенное. Одно удивляло и обижало: греков не брали в ряды действующей Красной Армии, освобождая от призыва впредь "до особого распоряжения". Это означало выражение политического недоверия, и греческая молодежь призывного возраста очень переживала.

Особое распоряжение вскоре поступило и обескуражило всех крымчан: сначала за сутки выслали всех крымских татар, потом - никто из нас этого не ожидал - 27 июня 1944 года среди ночи подняли крымских греков, болгар и армян. К домам были подогнаны военные грузовые машины, вооруженные работники НКВД и автоматчики военных властей вошли в квартиры перепуганных людей и велели в течение получаса собраться для выезда, взяв с собой только необходимое и еду. Остальное свое имущество оставить на месте.

Что значит необходимое? Необходимое для чего и на какое время? Этого нам никто не сказал. Полусонные, перепуганные и плачущие люди – в основном, женщины и дети в полной растерянности и замешательстве метались в своих квартирах и домах, не зная и не понимая, что же им брать с собой и куда их собираются везти. Срок, отведенный для сборов истекал, паника и беспомощность людей не прекращались. Удивительно ли, что люди не успели и не смогли взять с собой ни теплой одежды, ни еды, которой, впрочем, у них и не было. Затем их с жалким скарбом погрузили на военные грузовики и под усиленным конвоем вывезли на ближайшие железнодорож-ные станции. Здесь произвели сортировку привезенных людей: греков к грекам, армян к армянам, болгар к болгарам, - сформировали эшелоны для вывоза.

Нашу семью из Симферополя вывезли на железнодорожную станцию Каракият в 8 километрах к северу от города, в тупике которой формировались эшелоны. Квартира по Феодосийскому шоссе, дом 54 была опечатана прибывшими для выселения работниками НКВД, а позже разграблена. Оставленное греками в своих домах и квартирах имущество, нажитое многолетним честным трудом, было разграблено, а скот, квартиры и дома конфискованы и переданы в райисполкомы и горисполкомы. А греков тем временем погрузили в товарные вагоны и под конвоем вывезли из Крыма только за то, что они греки по национальности. Подумать страшно, сколько было искалечено жизней и душ невинных честных людей, оказавшихся на свою беду греками!

Товарные спецэшелоны увозили 28 500 крымских греков от очага их постоянного, исторически сложившегося проживания в неизвестность, в ссылку - именуемую на языке НКВД "спецпоселение" - в отдаленные районы Северного Урала, Сибири, Казахстана и Средней Азии. Их расселили мелкими группами среди иноязычного населения, что усугубило житейские трудности, которые им пришлось пережить, на огромной территории от города Красновишерска на севере Пермской области до города Гурьева на юге Западного Казахстана, от г. Прокопьевска в Кемеровской области до Коканда в Узбекистане... Совершенно другие климатические и бытовые условия и языковая среда, иной, непривычный труд...

В пути следования эшелона нам иногда выдавали так называемый суп и хлеб. Насколько я помню, симферопольские греки были высланы в Пермскую, Свердловскую и Кемеровскую области, феодосийские - в Гурьевскую,

ялтинские и бахчисарайские - в Узбекистан, керченские - в Свердловскую область.

Следуя в неизвестность, греки не унывали. Этому способствовало то, что на некоторых железнодорожных станциях скапливалось до 10-12 эшелонов, в которых находились знакомые. Возникал обмен мнениями, вопросы, куда и зачем нас везут, находили самые фантастические ответы, составлялись планы выхода из создавшегося положения. Такие "встречи" не обходились без шуток, смеха и юмора, вселявших надежду на скорое исправление ошибки, совершенной в отношении греков.

Эшелон, в котором везли нашу семью, от города Первоуральска Сверд-ловской области, был ориентирован на северо-запад в Пермскую область, и по мере его продвижения на отдельных полустанках часть вагонов выгружа-лась - эти семьи направлялись на лесозаготовки в дремучие леса Урала. На небольшой железнодорожной станции-полустанке под названием Мулянка пришел наш черед. Здесь выгрузилось шесть греческих семей из нашего вагона и еще несколько из соседних. Эшелон пошел дальше, а мы остались у пристанционных пристроек на сырой земле под ветром. Начало темнеть, пошел дождь. Стали искать укрытие. Обнаружили полуразрушенное овоще-хранилище, сообща поправили его и перенесли туда вещи. В это овощехранилище, спасавшем нас от дождя и ветра, мы прожили семь суток, забытые и никому ненужные. На восьмые сутки вечером за нами приехали подводы с работником НКВД. Погрузили мы свои вещички, стариков, детей и осла-бевших и двинулись в путь пешком. После полуночи прибыли в поселок Юг, где нас поселили в деревянном зернохранилище.

Здесь кстати прерваться, чтобы обратить внимание, в кого мы незаметно для себя и окружающих были превращены за дни от 27 июня 1944 года. Вывели нас из родных домов как опасных преступников под дулами автоматов. Погрузили в скотские вагоны, в которых везли не одну неделю. Бросили-выгрузили как ненужный хлам на голую землю, и мы нашли пристанище в овощехранилище, чтобы затем нас уже поселили (!) в зернохранилище. У нас отняли волю и к нам перестали относиться как к людям...

В зернохранилище мы прожили около недели. Затем нас расселили по домам местных жителей, которых обязали нас кормить. Здесь, в поселке Юг располагалось подсобное хозяйство НКВД Пермской области - мы были привезены для работы в этом хозяйстве. Не скажу, что нам приходилось хуже, чем другим. Наша семья была пристроена в дом к одинокой женщине - она выделила нам одну небольшую комнату с одной кроватью на шестерых и кормила три раза в день картошкой. Трудясь полный день, каждый из нас зарабатывал 35-40 рублей в месяц, а буханка хлеба стоила 130 рублей. Поэтому на всю жизнь запомнились мне дни уборки ржи, когда мы имели возможность в поле поджаривать и есть ржаные зерна, да еще прихватывать их домой, а еще больше нравилось убирать турнепс - кормовой овощ, слад-кий и очень сочный, ели его сколько хотели, впрок, хотя и раздувало животы. Так наша семья прожила до конца 1944 года.

Научились косить рожь косами и серпами, молотить на молотилке с конной тягой, выкапывать лопатами турнепс и картофель...

В декабре в поселке появились руководители пермских предприятий и медицинских учреждений - среди ссыльных они искали необходимых для себя работников. Среди греков нашлись и токари, и слесари, энергетики и инженеры - их забрали на пермский кирпичный завод. Наша семья была задействована в Пермскую психиатрическую больницу, где отец стал работать фельдшером, мама - санитаркой, я слесарем-водопроводчиком, а сестра - в регистратуре. В Перми я продолжил учение в вечерней школе рабочей молодежи.

В местах поселений у греков отбирали все документы, ставили на спецучет в спецкомендатурах НКВД и приказывали являться вначале 2 раза, а потом один раз в месяц на отметку. Работать можно было только по направлению и разрешению спецкомендатуры. Власть над спецпоселенцами полностью находилась в руках спецкоменданта, которые, как правило, не отличались ни культурой, ни человечностью, а бесконтрольная власть над людьми превращала их в зверей, в самодуров. Тяжело вспоминать, как спецкомендант куражился над беззащитными людьми, виновными лишь в том, что родились греками, как, напившись самодельного зелья, доставал наган и открывал по ним стрельбу, как с его подачи бригадиры на лесоповалах устанавливали завышенные нормы "гордым горожанам", впервые увидевшим тайгу и взявшим в руки электропилу и топор. К невыполнившим задание применялись "санкции" по настроению и усмотрению начальства... Тягостно вспоминать их безудержные издевательства над женщинами, особенно молодыми, над интеллигентами...

Много человеческого горя, страданий, унижений и оскорблений пришлось перенести грекам только за то, что они родились греками. Единственным документом у спецпереселенцев была Справка НКВД с указанием места проживания. За выезд за пределы означенного места проживания даже на непродолжительное время и по сверхуважительной причине полагалось карать без суда 25 годами каторжных работ, что практически и осуществлялось. На все запросы в правительство и в Президиум Верховного Совета СССР о причинах и сроках ссылки, через комендатуру неизменно приходили однозначные ответы: "переселены правильно".

В 1947 году моя сестра вышла замуж за приезжего украинца и, несмотря на протест родителей, выехала с ним в неизвестном направлении. Ее поступок очень осложнил положение всей семьи: у меня и у родителей допытывались о месте ее нахождения. В случае поимки она была бы приговорена к 25 годам каторжных работ. Почти все уехавшие или сбежавшие с мест поселения были пойманы и осуждены, а сестра оставалась в бегах. Это раздражало спецкомендатуру и озлобляло против нас: за каждого пойманного беглеца они получали всевозможные поощрения и повышения, а здесь - прокол. Тогда в отместку ее родных - отца, мать, меня, брата, и младшую сестру - переселили в Соликамск Пермской области. Мне

как брату не разрешили учиться в университете, поставив условием: сообщу, где сестра, буду учиться, не сообщу - не буду. Естественно, я никаким образом не мог удовлетворить ни просьбы, ни угрозы спецкомендатуры, и тайком посылал прошения о разрешении учиться в Президиум Верховного Совета СССР Н.М.Швернику - и оттуда разрешение учиться в Пермском университете было получено. Осенью 1948 года я поступил туда на геологический факультет и получил собственную справку.

В 1953 году я закончил университет и был направлен на работу по специальности геолога-нефтяника в нефтеразведочную организацию города Актюбинска, где и работаю по сей день, получив паспорт свободного гражданина СССР только в 1956 году, 32 лет отроду. В тот же год специальные Справки для представления в Паспортный стол получили мои родители.

Родители переехали ко мне в Актюбинск, здесь умерли и похоронены.

После смерти "Отца всех народов" МВД начиная с 1954 года стало разрешать отдельным крымским грекам выезд с мест поселения, а в марте 1956 года сняло ограничения со всех греков с правом выезда, но только не в Крым. Это не нашло понимания у греков и привело их в уныние. Ведь среди высланных были военные, уволенные из армии по ранению, бывшие партизаны и подпольщики, работники партийных и советских организаций, возвратившиеся в Крым после его освобождения, орденоносцы и т.д. Часть греков, имевших материальные возможности и родственников в других областях страны, поехали к ним. Большинство же, "не имея ни кола, ни двора", вынуждено было остаться на местах поселений. Позже часть из них уехала куда попало - на Украину, в Краснодарский край, Ставропольский, поближе к родине, лишь чуть более 3000 человек сумели вернуться в Крым, хотя до 1990 года прописка греков здесь была запрещена.

Где же сегодня находится большинство ссыльных крымских греков? Изгнанные с родной крымской земли, с земли своих предков, они странствуют по всей стране как бездомные беженцы, не веря в справедливость и устраивая свою жизнь и судьбу кто как может. Многие из них все еще проживают в местах ссылки. Другие, видя бесправие и национальную безысходность и не имея уверенности в будущем, эмигрируют в Грецию,на этническую родину. Однако втайне все греки без исключения лелеют надежду на конечную справедливость, рассчитывают на перестройку и формирование правового государства, в котором будут исправлены совершенные против народов акции и впредь не будут допущены деградация и исчезновение крымских греков как малого народа, одного из тех, кто был обречен на геноцид и уничтожение в сталинской империи.

Выступая 26 ноября 1988 года на заседании Президиума Верховного Совета СССР М.С.Горбачев сказал мудрые слова о том, что "будет величайшей ошибкой, даже преступлением, если станут исчезать народности, если все будет сглаживаться. Нет, мы придем к укреплению нашего федератив-

ного государства на основе дальнейшего расцвета всех наций и народностей". К сожалению, слова эти пока не претворены в жизнь, не коснулись судьбы ни крымских татар, ни месхетинских турок, ни других репрессированных народов.

Нам совершенно непонятно - разум этого не может воспринять – почему крымские греки, подвергшиеся геноциду, уже более 46 лет разбросаны и разобщены по всей стране? За это время они фактически утратили родной греческий язык, богатую национальную культуру, историю, традиции и другие духовные этнические ценности. Иначе говоря, они уничтожаются как народ, как нация древней культуры. Изгнанные ни за что ни про что с родной крымской земли, униженные и оскорбленные, разбросанные по всей стране, греки до сих пор боятся, что все повторится вновь. Я и сам, прожив 9 лет под спецкомендантским надзором, записал двух своих дочерей рус-скими, чтобы они никогда не испытали пережитого мной за свою нацио-нальную принадлежность.

Греки тихо, без демонстраций ждут, когда для них кончится бесправие и унижение, беззаконие и бесчеловечность, когда наступит справедливое решение их национального вопроса, когда их вернут домой...

Актюбинск, январь 1991

Милана ЛАЗАРИДИ, Константин КАРАХИНИДИ

ГРЕКИ В КИРГИЗИИ

Очерк

Процесс появления греков в Средней Азии и Казахстане трагичен и в известной мере обычен для эпохи "великих переселений". Сходная судьба выпала на долю азербайджанцев, чеченцев, ингушей, карачаевцев, турок, немцев, татар, калмыков, корейцев и других народов Советского Союза. Люди старшего поколения до сих пор с ужасом вспоминают эти годы.

У известного писателя Фазиля Искандера в новых опубликованных главах его романа "Сандро из Чегема" есть такие строчки: "А церковь по-прежнему называли греческой и продолжали называть даже после того, как в 1949 году всех греков, вместе со стариками и детьми, партийными и беспартийными, сгребли в одну кучу и переселили в Казахстан"... Сколько слез было пролито в то время, когда греков называли предателями, "продавшими родину", когда приходилось всем от мала до велика отмечаться каждую неделю в спецкомендатуре, когда греков не принимали в комсомол, а двери почти всех высших учебных заведений были закрыты для них.

"А кто знает о страданиях крымских греков (да разве только крымских), - рассказывает в одном из интервью писатель А.Приставкин, -

которые, кстати, доставляли в осажденный Севастополь воду и среди которых не было предателей". ... Не были греки предателями, а жили в трудные годы интересами и заботами всего советского народа.

Наши старшие рассказывают, как происходило выселение.

- ... Мужчины - в угол! - кричали злые от неправого дела солдаты. - Взять только необходимое.

Обычно это начиналось в 4 - 5 часов утра. Автоматы в руках недавних фронтовиков теперь смотрели на беззащитных и ни в чем неповинных детей, женщин, стариков и старух. Мужчин, как и по всей стране, в греческих домах было немного, одни были репрессированы еще в 37 -м году и отбывали срок, другие воевали и тоже гибли от фашистских пуль и снарядов.

- А были и "веселые" солдаты, - вспоминает А.Х.Карелиди, - один такой пришел в наш дом, все рассматривал, что мать увязывает в узел:

- Это что? Кастрюля? Можно. Хлеб? Можно. Полотенце? Можно.

Узел завязали - "в сторону, в сторону, не подходить!" Так и унес с собой и кастрюлю, и хлеб, и полотенце...

Особенно ужасным для греков-спецпереселенцев был первый год:

пили воду из арыков, жили и спали под открытым небом, в голодной степи. Страшная зима сорок девятого года, когда морозы доходили до 30 градусов - это после благодатного Причерноморья - унесла много жизней! Погибали от тифа, малярии, дизентерии, врачи же - как далеко им было до греческого Гиппократа, да и не вспоминали они тогда его клятву! – отказывались лечить не только взрослых, но и детей.

- Там было хуже, чем в лагере, хуже потому, что одно дело когда погибаешь сам, - вспоминали позже наши современники, - а другое - когда смотришь, как погибают дети...

Тридцать седьмой год был не только предшественником сорок четвертого и сорок девятого, а эти - сороковые - не только логическим "последствием" тридцать седьмого. Воплощенные в жизнях и судьбах людей, они переплетались, перетекали один в другой жуткой беспрерывной чередой. Но если видеть только ужас тех лет, когда совершенно непонятно, как и каким образом люди все-таки выжили, как они остались людьми, а не превратились в бессловесных рабов, как же они сохранили в себе то человеческое начало, которое всегда проявляется в наиболее тяжелые периоды человеческой истории. Не покорность, не смирение, а величайшая готовность трудиться и творить мир своего народа - всегда была с греками и всегда позволяла сохранить их лицам необщее выражение...

До 1941 года "киргизских" греков можно было пересчитать по пальцам. В 1942 году прибыл в Ош первый эшелон греков-спецпереселенцев.

Подав-ляющее число семей приютили жители Наукатского района... Общая жизнь да общие заботы быстро помогли найти общий язык.

Один из авторов этой статьи был свидетелем характерной ситуации.

Однажды, будучи в Таласе, он попал в компанию, где встретились вместе карачаевец, киргиз и грек. Каково же было его удивление, когда он услышал, насколько легко собеседники переходили на язык другой нации: грек обращался к приятелям по-киргизски, киргиз - по-немецки, а карачаевец - по-гречески.

Народы в своем неустанном творческом движении преодолевают те преграды, которые им ставят чьи-то глупые, а то и просто враждебные амбиции и претензии; в совместном труде они находят главное, что их объединяет, - надежду на счастливую жизнь, воспитание детей, мир. А национальные отличия вовсе не отделяют, не разводят людей...

Литературный Кыргызстан 1989. № 10.

Нонна ЕРИФРИАДИ

ВЕЧНЫЙ СКИТАЛЕЦ

Воспоминания

Батуми. Июнь 1949 года. Неделю назад сданы экзамены за шестой класс средней школы. Впереди лето, которое всегда ждешь с нетерпением, тем более, что отец обещал устроить прогулку в горы. Мы еще не сходили на старую крепость: ее белый куб хорошо виден с балкона нашего дома. В 1914 году на двух холмах, возвышающихся над батумской бухтой, выстроили бетонные капониры для артиллерии, стерегущей город от нападения с моря. Народ назвал их Крепостью.

Вот уже два года мы живем в одной комнате трехкомнатной квартиры на втором этаже двухэтажного дома. Это - в поселке рабочих Главнефтеснаба, на окраине Батуми, в так называемом Городке. Отец работает врачом-терапевтом в поликлинике, а мама - акушер-гинеколог в городском роддоме. А до того, как маме удалось "выбить" эту комнату в ведомственном доме, потому что она работала еще и врачом в поликлинике Главнефтеснаба, я с братом, мама, тетя, папина сестра и бабушка, не считая папы, жили в подвальной комнате в частном доме в центре города. Дом принадлежал бабушкиной сестре - бабушке Афине. Это был добротный каменный дом, построенный в начале 1910 годов. В доме было семь комнат, давно не действующая ванная, кухня, коридор-веранда, парадный подъезд с улицы и черный ход со двора. Под домом были глубокие подвалы с прачечной, но сейчас там жили жильцы. В самом доме обитало 19 человек:

сама бабушка Афина, ее дальняя родственница - древняя старуха, и четверо взрослых сыновей Афины с семьями.

Моя бабушка Кириаки, или для нас яя, что по-гречески и значит бабушка, в 1917 году, бросив дом со всем имуществом, скотину и земельный участок, бежала с детьми из деревни Кромни (это в Турции, близ Трапезунда) в Батуми, где жили ее родственники.

Сначала ее приютил один из братьев, выделив ей комнату в своем доме. Но после его смерти и отъезда его семьи в Грецию в 1938 году, дом был продан, и яя осталась без крова. К тому времени две ее дочери были замужем и жили отдельно, отец, окончив Ростовский мединститут, работал в Краснодарском крае. Яя с тетей Элени, младшей сестрой отца, остались вдвоем. Тогда бабушка Афина предложили им перебраться во флигель во дворе своего дома. Правда, свободных комнат там не было, но под флигелем, во всю его длину тянулся громадный подвал. Выгородили дощатой перегородкой одну комнатку, а за стенкой устроили кухню, отделив ее от остального подвала ящиками с книгами, оставленными яе уехавшими в Грецию родственниками. Комнатка имела два крошечных, полметра на полметра, окошечка, не дававших почти света. Весь день горело электриче-ство, одна стена всегда была сырой. Вот туда мы и приехали в 1942 году, эвакуировавшись из Краснодарского края, перейдя пешком через Кавказские горы и растеряв по дороге остатки имущества. Но это уже другая история.

В 1943 году отца призвали в армию. Уже где-то в Польше, в 1944 году он тяжело заболел, оказался в санитарном поезде, идущем на Кавказ и два месяца пролежал в госпитале в Кировабаде /Гяндже/, куда потом ездила мама навестить его. По выздоровлении отец был назначен врачом в Арабкирский лагерь для военнопленных, находившийся под Ереваном, где и проработал до демобилизации в начале 1947 года.

И вот всего два года как наша семья вместе. Помню, как мы были счастливы, получив комнату в Городке. Комната была в 16 квадратных метров, с паровым отоплением - такая редкость для Батума! Балкончик выходил на южную сторону, и мы с мамой потом развели там цветы. Никакой мебели, кроме большого буфета и детского (моего) бамбукового столика, у нас не было. Из поликлиники маме выдали под расписку на время жесткую, узкую кушетку, на которых обычно смотрят больных. Яя дала нам одну железную кровать с немного провисшей сеткой и кухонный стол с табуретками, который стоял посреди комнаты. Не сразу, но через некоторое время появились еще две разнокалиберные кровати - дар маминой пациентки, работавшей в каком-то военном санатории в Махинджаури. Вот и вся наша обстановка. Гардероба не было: одежда висела в углу комнаты под занавеской. На маленьком столике лежали наши с братом учебники и тетради, а уроки мы готовили, сидя за кухонным столом или на широком подоконнике. Мне очень нравился наш буфет. Когда-то, году в 1938-39 родители купили его в Батуми, но увезти в хутор Черниговский Краснодарского края не смогли, и он остался стоять у яи. В

подвале потолок был настолько низок, что буфет пришлось разделить на две части. В соб-ранном виде он совершенно потряс мое детское воображение своей мону-ментальностью, хотя сейчас я понимаю, что это был обыкновенный буфет, даже не из орехового дерева. Мне нравилось заглядывать в зеркальную вставку, нравились радужные солнечные зайчики на стенах от граненых толстых стекол верхней части дверец. Одним словом, в моем представлении буфет был самой ценной нашей вещью.

Радовало нас новое жилье теплом и сухостью. Наш сырой подвал в бесконечные батумские дождливые недели отапливался лишь керосинкой.

Яя после замужества тети Элени, где-то в 1947 или 1948 году, переехала к нам и спала на кушетке. В подвале остались кое-какие веши и треугольный шкафчик-иконостас с иконами. Забрать его, несмотря на настойчивые просьбы яи, родители не решались: хотя они сами были беспартийными, но наши соседи - члены партии, и неизвестно, как они отнесутся к этому. За иконостасом присматривала моя тетя Марика, жившая с двумя сыновьями в том же дворе, что и яя. Она зажигала слабую лампадку по воскресеньям и по праздникам, смахивала пыль с икон, проветривала комнатку...

Я пишу с такими, казалось бы, незначительными подробностями, чтобы воспроизвести тот быт, которым жили мы, греки, накануне депорта-ции. Греки - представители не столько национальной, сколько советской интеллигенции уже послереволюционной формации.

На летние каникулы мы с братом обычно оставались в городе. После двух поездок в пионерлагеря, окончившиеся для меня весьма плачевно (после первой я завшивела так, что яе месяца три приходилось дважды в день вычесывать из моих волос гнид частым гребнем, смоченным в керо-сине, а после второй я тяжело заболела от недоедания), решено было на семейном совете оставить меня дома с братом, который был младше меня года на три, но отчаянно отстаивал свою независимость от моих посяга-тельств, что без конца приводило к конфликтам. Кроме того, отец получил недалеко от поликлиники крохотный огородик, и почти каждый вечер мы все отправлялись туда окучивать две грядки с картошкой, огурцами и луком, выдергивать сорняки и поливать. Днем иногда вся детвора из соседних домов ватагой в 7 -10 человек, где самому взрослому было 13, а самому младшему - 7 лет, отправлялись на море. Чаще ходили пешком на Барцхану, ближний пригород, иногда садились на автобус и ехали на главный пляж, на Примор-ский бульвар. Но больше всего я любила лето за свободу и возможность вдоволь читать. При рабочем клубе Главнефтеснаба была библиотека с молодой и энергичной библиотекаршей, которую звали Тина. Большего, к сожалению, моя память не сохранила. Тина пыталась занять нашу праздную летнюю жизнь хоть чем-то интересным: записывала в драмкружок, устраи-вала утренники с декламацией так называемых "литмонтажей" и с киносе-ансами. Правда, мы предпочитали смотреть вечерние сеансы с улицы, за-глядывая в открытые от духоты окна клуба. Библиотека, благодаря стара-ниям Тины, была довольно хорошей. А так как я была пай-девочка и отличница, то пользовалась особым ее доверием: мне

позволялось входить в книгохранилище и самой выбирать себе книжки. Отец составил список, куда входила вся русская и зарубежная классика. Так началось мое образова-ние. Некоторые книги мне были явно не "по зубам". Взяв в библиотеке трагедии Шекспира, в основном, из-за картинок (это было, видимо, издание Брокгауза-Ефрона под редакцией С.А.Венгерова с иллюстрациями знаме-нитых живописцев - Тициана, Делакруа,Миллеса, Редгрейва, Каульбаха и др.), я пыталась их читать, но мне стало скучно. Я пожаловалась отцу, что не могу читать Шекспира, и тогда он, открыв "Отелло", начал читать вслух, попутно комментируя текст и объясняя слова, значение которых мне было неясно. Это было захватывающе интересно. Дальше я уже читала сама, но каждый вечер после работы отец, по моей просьбе, прочитывал какой-нибудь монолог из "Гамлета", "Ромео и Джульетты", "Отелло" или "Макбета". Помимо библиотеки я брала книги для чтения и у нашей родственницы, невестки бабушки Афины по фамилии Иоакимиди.

Где-то числа 13 июня 1949 года я отправилась за очередной книгой, но дом Иоакимиди представлял собой странное зрелище: все было сдвинуто с мест, кругом валялись раскрытые ящики,обрывкиверевок , бумажки... В большой комнате, всегда чинно убранной и пустынной был полный хаос. Все дверцы громадного двухэтажного дубового буфета были раскрыты, часть длинного стола заставлена посудой. С привычных мест - напротив входной двери - сняты портреты бабушки Афины и дедушки Ильи, скатан ковер, покрывавший тахту, и она стыдливо белела полосатым мат-расом. Без конца кто-то вбегал и выбегал, что-то вносили и выносили... Никому до меня не было дела, все были взвинчены, взволнованы. С трудом я разобрала, что готовится выселение всех понтийских греков. Вернувшись домой, я все рассказала отцу. Мама была на суточном дежурстве в роддоме и должна была придти домой только вечером на следующий день. Ни отец, ни тем более я не восприняли всерьез принесенную мной новость. Дело в том, что Иоакимиди как и некоторые другие наши батумские родственники, все еще имели иностранное, то есть греческое подданство. В некоторых отношениях это было удобно: их не призывали в армию, их не вовлекали в другие советские акции... И мы с папой решили, что разговоры о выселении имеют отношение только к ино-странно-подданным грекам.

Но когда стемнело, в нашем поселке началось какое-то скрытое, стран-ное движение, а на площади перед магазином стали выстраиваться ряды больших военных грузовиков, крытых брезентом. В воздухе витала неопре-деленная тревога, а в душу закрадывался страх. Прислушивавшаяся к нашему разговору яя вдруг потребовала, чтобы мы с отцом доставили ее иконы. Уложив спать брата, мы с папой пешком пошли в город, в центр. По дороге отец показывал мне некоторые созвездия в бархатно-черном южном небе.С тех пор я люблю находить ковш Большой Медведицы, неверно поблескиваю-щую Полярную, Плеяды и созвездие Лиры, где равнодушно сверкает Вега.

Вернувшись домой с иконами, под сильным впечатлением лихорадочных сборов наших родственников я тоже попыталась набить всем, что попало под руку, три наших жалких, видавших виды чемоданчика.

Отец разбирал при свете настольной лампы какие-то бумаги, брат и яя давно спали, и я, полив напоследок цветы на балконе, тоже легла, мгновенно провалившись в сон. Проснулась я от того, что кто-то тряс меня за плечо. Сон подростка глубок и крепок, и я не сразу открыла глаза, а открыв, долго не могла сообразить что происходит.

В комнате было людно. При слабом свете настольной лампы и холодно-мертвенном свете луны, лившемся в балконную дверь, я увидела незнакомого военного в форме лейтенанта, он сидел за столом, двух мужчин в штатском с растерянными и какими-то помятыми лицами (они назывались "понятыми"), а у дверей стоял молоденький солдатик с ружьем. Схватив халатик, я хотела выйти в туалет переодеться, но солдатик меня не пустил. Тогда я вышла на балкон, сняла ночную рубашку, натянула халат, с опозданием сообразив, что через незанавешанную балконную дверь мое переодевание прекрасно просматривалось из комнаты.

Закончив что-то писать, лейтенант сказал понятым: "Приступайте к обыску". В комнату вошел еще один красноармеец, и втроем они быстро вывернули содержимое чемоданов, обшарили все полки буфета, перетряхнули наши книги и учебники, заглянули под матрасы, прощупали подушки. Разбуженная яя тихо причитала, мой восьмилетний брат, поднятый с кровати, опять заснул, примостившись на детском стульчике и положив голову на переворошенную постель. Когда взялись за большую плетеную корзину,

в которой лежали зимние вещи, и в комнате запахло нафталином, отец, не выдержав, спросил: "Что вы ищете?" Последовал короткий ответ: "Оружие". Обыск продолжался еще какое-то время, наконец, лейтенант, кончив писать протокол, дал его отцу на подпись и сказал:

- Собирайтесь, вы и ваша семья высылаетесь отсюда. У вас есть еще два с половиной часа.

Отец, не терявший присутствия духа, попросил привезти маму, которая дежурит в больнице. Пока за ней ездили, один из понятых, вооруженный красноармеец и я безуспешно пытались собрать хоть что-то из того, что валялось на полу, лежало на кроватях и под ними. Привезли маму. На ней, что называется, лица не было. Войдя в комнату и увидев все это, она разрыдалась. И опять отец, который был, или во всяком случае выглядел совершенно спокойным, обратился к лейтенанту:

- Если выселяются только греки, то нельзя ли оставить мою жену, она не гречанка - с детьми? Дети еще не достигли совершеннолетия.

Лейтенант, очень молодой, почти мальчик, заколебался, вызвал с собой в коридор одного из понятых, переговорил с ним, затем, вернувшись в комнату, сказал отцу, что съездит в штаб посоветоваться, но чтобы мы тем

не менее собирались, так как времени осталось мало: в пять утра надо выезжать. Отец успокаивал маму, а она, судорожно всхлипывая, металась

от кроватей к буфету, пытаясь собрать вещи в дорогу.

Лейтенант вернулся очень быстро и сказал, что мы с братом и мамой остаемся, а отец и яя, которой к тому времени было 77 лет, должны ехать. Опять все было вывернуто из чемоданов, и мама, не переставая плакать, старалась разыскать в развале вещи папы и яи. Яя завязала в головной платок свои иконы и, сидя на кушетке, то посылала безадресный проклятия на понтийском диалекте, то начинала причитать, прощаясь с нами. Лейтенант, поглядывая на часы, стал торопить отца, подсказывая маме: "Не забудьте положить теплые вещи, кружки, ложки, какие-нибудь миски. Дайте с собой деньги". Повернувшись к отцу, он велел: "Не забудьте взять документы, диплом и другое". "Ну что ж, - сказал отец, - в таком случае я надену свои награды" и достал из коробочки свои фронтовые медали. Лейтенант отвел глаза.

Уже рассветало, когда мы вынесли два деревянных чемодана и тюк с постелью. С докторским чемоданчиком в руках - в нем всегда лежали бланки для рецептов, аппарат для измерения давления, стетоскоп, справочник - отец стал прощаться с нами. Заголосила яя, громко заревел вновь разбуженный брат. У меня слез не было. Я плохо сознавала, что происходит. Отец вышел... И тут мама рванулась следом - она забыла дать деньги. С сумкой в руках она буквально скатилась с лестницы, бросилась к машине. На ее счастье мотор не сразу завелся, и она успела еще раз обнять яю, что-то торопливо говорила отцу... В окнах стали появляться соседи. Мама, которую отталкивал красно-армеец, пыталась дотянуться до отца, сидящего в кузове. Я смотрела на все это сверху, из окна кухни. Вот лейтенант что-то резко сказал, сел в кабину, солдат впрыгнул в кузов, машина тронулась... Мама, рыдая, устремилась за ней. Откуда-то сразу возникли соседи, окружили маму, она стояла среди них и захлебывалась от рыданий. Я увидела, как в ее сумку, которую она держала в руках, женщины стали класть деньги. В нашем доме и в поселке жил народ простой, рабочий, разноплеменный и многонациональный. Отца любили: он никогда не отказывался от вызова к больному даже глубокой ночью...

Потом мама рассказывала, что дома денег как всегда перед зарплатой не было, в сумке было всего 30 рублей - их она и отдала отцу. Это по нынешним временам что-то около 3-х рублей. Соседи собрали около тысячи, столько же маме дали в долг еще две соседки, и с этими деньгами она кинулась в грузовой порт, куда, как ей сказала, свозили со всего города и окрестностей греков. Был уже полдень, когда вернулась мама, бледная, с черными провалами на месте глаз.

- Пойдем скорее, - сказала она. - Их еще не увезли. Я успела сбегать на базар и кое-что купила им в дорогу. Беги за хлебом, купи сахара, соли и спичек.

Я помчалась в магазин, а мама стала что-то готовить на керосинке. Помню, как мы через пролом в ограде, прошли на территорию порта, заставленную длинными составами "телячьих" вагонов. Видимо, составов нехватало, так как между ними у вещей и на вещах сидели и лежали люди.

К маме со слезами кинулась женщина - я узнала в ней нашу дальнюю родственницу. Она указала, где находится отец и яя. И мы побежали вдоль длинного ряда вагонов. Почти под самой крышей виднелись небольшие окошечки, которые были зарешечены. В окошечках появлялись и исчезали лица людей. Двери вагонов были плотно закрыты на задвижки. Из вагонов доносился неясный шум, детский плач, иногда тяжелые рыдания и стоны.

К счастью, день был пасмурный, нежаркий. У каждого вагона мы приостанавливались, и мама спрашивала, не ли в вагоне врача Анести Ерифриади. Везде отвечали отрицательно. Обогнув состав, мы пошли с другой стороны, и мама задавала и задавала свой вопрос. Охраны никакой не было, и мы свободно совершали свой обход. Отойдя от очередного вагона, услышали голос отца, зовущего нас. Бегом вернулись, увидев лицо отца в окошечке.

И опять нам повезло - окошечко оказалось незарешеченным, и, связав два пояска от наших платьев с обрывком какой-то тут же найденной веревки, мы передали отцу авоську со снедью и сверточек денег. Мама опять заплакала, отец просил ее быть мужественной, говорил что-то ласковое и мне...

Я, видимо, потеряла сознание, потому что не помню, как очутилась на земле. Когда я открыла глаза, первое, что я увидела - белое лицо мамы, ее шевеля-щиеся губы. Рядом стояли два вооруженных красноармейца и что-то говорили маме. Она дрожащими руками достала паспорт из сумочки, дала его тому, который был постарше. Тот долго недоверчиво изучал его, затем что-то сказал напарнику. Отдав ружье старшему, тот вместе с мамой поднял меня. Голова у меня кружилась, все плыло перед глазами, я ничего не слышала и только, посмотрев на судорожно подергивающиеся мамины губы, ее расширенные от ужаса глаза интуитивно поняла, что надо идти. Как мы дотащились до главной проходной и оказались за воротами порта, помню плохо. Посадив меня на скамейку, мама кинулась куда-то, принесла мне стакан воды и мокрым платком стала обтирать мне лицо, наконец, ко мне вернулся слух. Увидев, что я прихожу в себя, мама попросила посидеть и подождать ее. С моря дул прохладный бриз, приносивший запах керосина, гниющих водорослей и рыбы - неповторимый запах батумской бухты. Сколько раз я потом с тоской Щущала его в своих казахстанских снах!

Мама вернулась очень скоро, села рядом и зарыдала. С трудом я поняла, что пролом в ограде забили, и значит увидеть еще раз папу мы не сможем...

И суток не прошло с того часа, как я отправилась к Иоакимиди за

Майн Ридом - но жизнь перевернулась и я стала совсем другой...

Недели через две мы получили от папы первое письмо. Конверт со штемпелем Саратова. В конверте маленький рецептурный бланк, исписанный карандашом убористым отцовским почерком: "Родные мои! Есть надежда, что вы получите эту весточку: наш охранник согласился бросить письмо в почтовый ящик. Только сейчас я вздохнул с облегчением: нас везут на восток. Когда эшелон шел по побережью в сторону Туапсе, все решили, что везут в Новороссийск, чтоб погрузить на пароходы и отправить в Гре-цию. Что я пережил, не могу описать! Как я мысленно прощался с вами навсегда, мои дорогие! Но сейчас я бодр и весел: пусть будет Сибирь, но ведь там мы можем быть вместе. Рая, за нас не беспокойся. Иногда через охранников кое-что удается покупать на остановках. Раз в день приносят обед и хлеб. Целую вас, мои милые. Ваш Анести".

Затем бланк телеграммы с коротким текстом: "Прибыли окончательное местоназначение станцию Тимур Казахстан. Подробности письмом, целую Анести".

Помню, как долго я отыскивала на карте Казахстана эту загадочную станцию. Помню, как год спустя пассажирский поезд Москва - Алма-Ата, в котором мы ехали к отцу в город Чимкент - центр Южно-Казахстанского края, остановился на пять минут на этой станции: неопределенного бурого цвета станционное зданьице, за ним какие-то низенькие строения из самана с камышовыми крышами, несколько верблюдов, лениво бродящих чуть вдалеке, серая въедливая пыль и ни одного зеленого кустика или деревца.

Не могу забыть и того потрясения, когда увидела человека, спящего в жидкой тени телеграфного столба прямо на голой, растрескавшейся земле с какими-то редкими пучками высохшей травы... Полоснула мысль: как здесь могут жить люди?

За минувщий год мы получили от отца несколько писем. Одно из первых: "Шаульдер. Июль 1949. Привезли нас в Южный Казахстан, в районный центр Шаульдер. Меня как врача, несколько медсестер, строителей оставили здесь, остальных развезли по колхозам. Я уже работаю в районной больничке. Живем тут же, в комнатке с маленьким оконцем, с земляным полом и дверью прямо на улицу. Стены толстые, из самана - это кирпичи из глины, перемешанной с соломой и навозом. А крыша камышовая. Зато в комнате прохладно, а на улице жара до 50 градусов. Спим пока на полу, но в больнице обещали дать два деревянных топчана. Раз в месяц мы, спецпереселенцы, обязаны ходить на регистрацию в районное отделение милиции. С водой очень трудно: местные жители пьют воду из арыков - это такие оросительные каналы. В больницу привозят воду из артезианского колодца,

и я ношу воду для питья из больницы в чайнике и ведре. Кипятим воду и готовим на костре во дворе. С питанием пока устраиваемся: в магазинчике есть хлеб, рис, чай, сахар. По воскресеньям на площади бывает базар: продают овец, овечий сыр, баранину, баранье сало, кумыс, верблюжью и овечью шерсть, много арбузов и дынь, которые нам заменяют фрукты. Из

овощей есть только морковь, лук, чеснок, бывают помидоры, урюк (мелкие абрикосы). В общем, не голодаем. Яя понемногу привыкает к хозяйству, помогают ей медсестры из больницы. Как вы там? Рая, ты не нервничай, береги себя и детей. Нам ничего не надо, понемногу обживаемся, кое-что купим. Все время думаю о вас, мои дети. Как же мне вас не хватает!.."

Мы с братом к этому времени были в деревне у тети Лены, сестры отца. Эта деревня - Дагва - находилась в горах, недалеко от Кобулети. Двухэтажные дома с шиферными крышами были разбросаны по склону далеко друг от друга, скрываясь в зелени цитрусовых, ореховых и лавро-вишневых деревьев. Все это перемежалось плантациями чайных кустов, спускавшихся террасами вниз по ущелью. Дом стоял на самой горе и оттуда открывался захватывающе красивый вид на море и на россыпь домиков Кобулети. Мы с братом облюбовали высокое лавровишневое дерево с большой развилкой. С раннего утра, если не шел дождь, пока тетя выгоняла корову вниз по тропе, мы, схватив ломоть хлеба, который выпекался дома каждые пять дней и хранился в кладовке, забирались на дерево и устраивались в развилке. Брат выстругивал себе деревянный кинжал или вырезал из коры лодку, а я, наевшись лавровишни до горечи во рту и почернения языка, утыкалась в книжку.

После отъезда отца и яи, мы с мамой как-то отправились в бабушкин подвал, чтобы посмотреть, что из вещей там осталось. Тогда-то я и открыла свой "Клондайк", мое книжное Эльдорадо: в двух больших ящиках лежали книги, оставленные когда-то нашими родственниками, уехавшими в 1938 году в Грецию. Как я сейчас понимаю, это были приложения к журналу "Нива": собрания сочинений Бальзака и Золя, Мольера и Диккенса, Метерлинка и Гюго. Потихоньку от мамы я том за томом стала перетаскивать книги к нам домой. Начался мой книжный запой, как потом определила мое состояние мама. Я могла сидеть за книгой сутки, забывая о еде и питье, о брате и о целом мире. Это продолжалось недели три, пока совершенно замученная разными работами мама не обратила внимание на мою бледность, сонливость, отсутствие аппетита. Тогда-то нас с братом и забрала тетя в деревню. Мама запретила брать с собой книги, но я сумела тайком сунуть в корзину томик Гофмана с интригующим названием "Эликсир сатаны", и с упоением зачитывалась им.

Через двенадцать дней мы вернулись в город: у брата началось сильное расстройство желудка, и перепуганная тетя, безуспешно перепробовав все домашние средства, сочла за благо отвезти нас домой. Наша комната представляла собой странное зрелище: на столе, на полу, на кроватях лежали кучи разных вещей. Тут были шерстяные одеяла, керосинка с набором фитилей, алюминиевые кастрюльки, резиновые сапоги, теплое мужское белье, два клетчатых крестьянских платка, стеганка-ватник и старый папин меховой жилет. Это готовились посылки в Казахстан.

За наше отсутствие произошло небывалое в истории нашей семьи событие: на одну из облигаций очередного займа вдруг выпал выигрыш в 10000 рублей. Ни до того, ни после не происходило ничего подобного.

Сумма была для нас почти астрономической, и мама лихорадочно начала покупать всякие вещи, которые были необходимы, чтобы перезимовать в условиях суровой казахстанской зимы. В общей сложности было отправлено папе около десяти посылок...

... Уже в Казахстане папа рассказывал: "В теплушке нас было человек 60, не считая детей. Вдоль стен в два ряда шли нары, но на них не все расположились: на полу, на тюках и чемоданах лежали и сидели люди. В нашем вагоне дети было немного, но оказалась одна роженица, которую с младенцем забрали прямо из роддома. От нервного потрясения у нее пропало молоко: младенец кричал два дня и две ночи, потом умер. Женщина умерла через сутки от родовой горячки. Помочь я ей не мог: лекарств, кроме двух пакетиков фталазола, случайно оказавшихся у меня в кармане рубашки, не было никаких. В дороге умерли еще трое стариков: один от инсульта, остальные от инфаркта. Везли нас недели две. До Туапсе ехали преимуще-ственно по ночам. Потом повезли быстрее. Все очень страдали от жары и жажды, особенно старики и дети. Дверь открывали два раза в сутки: утром вносили большой котел с кашей или макаронами и большой бак с водой, вечером забирали опорожненную посуду и, если попадался молодой дежурный охранник, то за деньги, собранные для него, приносил буханки хлеба и несколько чайников кипятку. Очень донимала вонь от стоявшей в углу параши...

Когда нас привезли на станцию Тимур и открыли двери, то люди, увидав пустыню, не захотели выходить из вагонов. Тогда к открытым дверям подогнали грузовик и охранники, войдя в вагон, начинали швырять в кузов вперемешку чемоданы, тюки, детей, женщин... Стоял страшный крик... Одна молоденькая девушка кричала: "Не смейте. Прекрати издевательства! Я комсомолка, я протестую!" Но ее быстро заставили замолчать: попросту стукнули прикладом по голове...

Привезли нас в районный центр Шаульдер. Специалистов-медсестер и врачей (кроме меня, врачей не было), инженеров, строителей - оставили там, а остальных развезли по колхозам.

Тяжко пришлось нам в этом краю с его жестоким климатом, непривычной для приморских жителей адской сухой жарой, отсутствием зелени и воды. Старые люди умирали от перегрева, дети - от кишечных инфекций, от некачественных продуктов питания, от скверной воды. Очень угнетал растилающийся кругом пейзаж: безжизненная пустыня с растрескавшейся землей, какими-то полузасохшими, нищенскими кустиками. Единственный раз этот безрадостный, тягостный пейзаж потряс меня ранней весной, в марте, когда как-то сразу, вдруг покрылся желтыми и красными тюльпанами, но через два дня краски пропали так же внезапно, как и появились. Все опять стало уныло-серым, безысходным... Меня часто вызывали к больным за пределы районного центра. Сначала я каждый раз оповещал милицию, когда за мной приезжали на грузовике или на лошади, но потом начальник махнул рукой на инструкции и разрешил мне в любое время ехать по вызовам.

Наша районная медицина не справлялась с объемом работы. Особенно тяжелое положение было с чабанами и их семьями на участках отгонного животноводства. Однажды, это было в середине апреля, меня вызвал заве-дующий больницей и попросил поехать к больной, которая находилась в степи, в юрте, приблизительно в 50 километрах от нас. Ехать надо было на лошади верхом: ее привел в поводу 15-летний сын больной. Объяснить, что с матерью он не мог, только твердил, что надо ехать быстрее, а то она умрет. Ехали мы почти всю ночь: мальчик, видимо, заплутал и боялся в этом созна-ться. От тряски в седле меня сильно укачало, я то засыпал, то, встряхнув-шись, приходил в себя. Уже брезжил рассвет, когда мы подъехали к трем одиноким юртам. Больная была без сознания, бредила, температура под 40 градусов. Необходима была срочная госпитализация. Мальчик поскакал в близлежащий колхоз за подводой, на которой через несколько часов я доставил больную в районную больницу. У женщины оказался энцефалит.

А спустя несколько дней заболел и я сам: лошадь, на которой я ехал к больной, носила на себе зараженных клещей..."

Отца отправили в областную больницу, где он лечился около двух месяцев. По выздоровлении он остался работать в городе Чимкенте, куда в конце августа 1950 года приехали и мы с мамой. В Батуми мы сдали ведомственную квартиру, продали мой любимый буфет и оплаканные мною книги, чтобы набрать денег на дорогу.

В Батуми наша семья так никогда и не вернулась...

... В сентябре мы с братом пошли в школу. Моя женская школа имени В.И.Ленина располагалась на центральной улице Чимкента - Советской. Седьмой класс, куда я попала, оказался многочисленным и многонациональным: из 43 человек было шесть гречанок, большинство составляли русские, украинки, было три казашки, две узбечки несколько татарок... Разноплеменность никак не сказывалась на наших взаимоотношениях – все мы чувствовали себя одинаково равными. Может быть, сыграло свою роль и то обстоятельство, что педагогический состав школы был столь же многонационален.

Ко времени нашего с мамой приезда в Чимкент уже переехали многие из наших знакомых и родственников. Большинство греков, разбросанных сначала по отдаленным колхозам, стали стекаться в районные центры, города и поселки городского типа Арысь, Кентау, Джамбул, Туркестан. Среди них было много хороших специалистов – техники и инженеры-строители, педагоги, врачи, квалифицированные каменщики, механики... Нужда в специалистах была огромной. Поэтому областное отделение МГБ не чинило препятствий для этих переездов: все равно все обязаны были, начиная с 16 лет, ежемесячно являться в спецкомендатуру по месту жительства на отметку.

Перебрались в Чимкент и братья Иоакимиди, за исключением одного, который с семьей оказался в Арыси. Сначала они все попали в хлопковый совхоз Пахта-Арал, где спецпереселенцы работали на уборке хлопка: целый день на жаре, согнувшись, страдая от жажды, так как арычную воду пить боялись, а чистую не всегда привозили в поле. Дети болели дизентерией, умирали, особенно малыши до года. И все же те, кто попал в Пахта-Арал, оказались в более сносных условиях: там было много зелени, сады, огороды, а на воскресных базарах - изобилие молочных продуктов, овощей и фруктов.

Моя одноклассница Элли Таксопуло рассказывала, что их семья попала в отдаленный колхоз, где разводили верблюдов. Кругом не было ни деревца, ни травинки, кроме верблюжьей колючки и саксаула. Готовили на костре, жгли кизяк и саксаул. Через два месяца отцу удалось выбраться на центральную усадьбу колхоза и устроиться работать счетоводом. Жили они вчетвером в одной комнатке саманного дома с земляным полом и крошечным окошком. Учиться было негде: единственная школа имела всего четыре класса с обучением на казахском языке. Поэтому они с сестрой год не ходили в школу. Было довольно голодно, пока не приучились есть конину и баранину. Спасали посылки тетки, родной сестры матери, оставшейся в Сухуми. К моменту нашего появления в Чимкенте они уже месяц как были там - тетя продала в Сухуми их частный дом, всю мебель, книги и старый рояль, и, приехав в Чимкент, купила на свое имя дом, так как спецпересе-ленцам запрещалось приобретать дома. Георгию Константиновичу, отцу Элли, пришлось приложить колоссальные усилия, чтобы вырваться в областной центр: он был прекрасный финансист, и правление колхоза ни за что не желало расставаться с ним.

Жили мы все убого - мебели не было никакой, так что привезенные из Батуми наши разнокалиберные кровати еще долго служили нам. Помню, каким праздником было для нас, когда один благодарный папин пациент принес ему в подарок самодельную резную полочку для полотенец и небольшое зеркало в деревянной раме. В доме долго не было шкафа для одежды, которая висела на стене на гвоздях. Однажды там завелась мышка, которую я обнаружила, случайно встряхнув платье прежде чем его надеть...

Перебираясь в Чимкент и другие города края, греки быстро начинали обустраиваться. В основном им приходилось снимать квартиры у местных жителей. Город тогда резко делился на старый, где преобладали глинобитные дома с плоскими или камышовыми крышами и глухими, без окон стенами, выходившими на улицу. В старом городе жили, в основном, узбеки и казахи. Новый город состоял из довольно широких улиц, застроенных одноэтажны-ми частными домами на окраинах и невысокими двухэтажными, изредка трехэтажными - в центре.

Весь центр состоял из одной улицы, Советской, и начинался от площади Ленина, доходя до Пионерского парка, хотя сама улица продолжалась и дальше. В центре помещалось здание обкома с внушительными колоннами, кинотеатр с псевдоклассическим портиком на четырех колоннах, городской парк и наша школа, удачно расположенная рядом с кинотеатром и

входом в парк. Вдоль всех улиц журчали арыки и стеной стояли высоченные пирамидальные тополя.

Несмотря на мощеные булыжниками дороги над городом вечно висела серая мучная пыль, так что окна, выходящие на улицу постоянно прихо-дилось держать закрытыми. Население нового города составляли русские и украинцы, потомки казаков с Урала, переселившиеся сюда еще в конце XIX века, да кое-кто из эвакуированных сюда в годы войны. Народ в общем был довольно добродушный. При каждом доме сад с огородом, дома выходили на улицу трех-четырехоконными фасадами, над которыми низко нависали шиферные или железные крыши, но попадались и камышовые. Сады были ухоженными, обильно поливаемыми, в них росли почти все известные фрукты - яблоки, груши, виноград и сливы, абрикосы, урюк, персики... Многие держали на подворье коров, которых кормили жмыхом и сеном, привозимым на рынок, по-местному толчок. Один толчок назывался Верх-ний базар, наверное, потому, что располагался он на холме над городом, и функционировал по воскресеньям. Чего там только не было. — Среди всякой снеди, гор арбузов и дынь, ходили знакомые старушки-гречанки в черной одежде, увешанные гирляндами разноцветных вязаных носков (зимой шерстяных, летом бумажных) и, быстро перебирая спицами и переговариваясь, продолжали на ходу вязать свои изделия. Для многих наших знакомых и родственников, греков базар был источником сущест-вования: они торговали там вязаными и шитыми собственными руками изделиями, обувью (среди греков много портных и сапожников), кустарно изготовленной мебелью и прочей мелочью...

Ощущалась ли какая-нибудь дискриминация спецпереселенцев? Конечно. Грек, каким бы блестящим специалистом он не был, не мог зани-мать руководящую должность вплоть до 1956 года, когда были сняты ограничения, но не возвращены гражданские права. Правда, моего отца реабилитировали в октябре 1950 года и этому предшествовала следующая история.

После высылки отца мама никак не могла успокоиться и начала хлопотать, естественно, без всяких результатов. Но среди маминых паци-енток оказалась одна очень милая женщина-москвичка, жена военного, которая оказалась с ним в Батуми и жила с нами по соседству в Городке.

Она и предложила маме свою помощь. Маме надо было написать прошение на имя тогдашнего Председателя Президиума Верховного Совета СССР Шверника, а передать его в приемную и даже в собственные руки Предсе-дателя она бралась сама через свою сестру, которая работала в Секретариате Верховного Совета. Москвичка была журналисткой и с ее помощью было написано короткое, но эмоционально-энергичное прошение, где перечень заслуг отца перед советской властью кончался обращением: "Верните мне мужа, а моим детям отца!" Не думаю, чтобы этот призыв возымел свое действие, скорее всего сестра нашей заступницы действительно сумела получить нужную резолюцию и прошение было переслано в МГБ Грузин-ской ССР, где в свою очередь решили, что

исключение лишь подтверждает правило, и сообщили отцу через своих коллег из Казахстана, что произошла ошибка с его выселением и что отныне он не считается спецпереселенцем и восстанавливается в гражданских правах. Вот и все: официальных извинений никто не принес, а уж о возмещении материальных убытков и мыслей ни у кого, в том числе и у пострадавшего не было. И недолго он пребывал в "честных" гражданах: в 1952 году в связи с намечавшимся процессом "врачей-убийц" отцу напомнили о его "неблагонадежности" по причине национальности. К тому же он имел неосторожность высказать сомнение относительно "виновности" своего учителя академика Виноградова, за что и был тотчас же уволен с работы. Тогда же уволили и маму, и долгие четыре месяца, вплоть до марта 1953 годы мы существовали лишь на гонорары за частные вызовы к больным...

Мы, дети, гораздо меньше сталкивались с откровенной дискриминацией и несправедливостью. Надо отдать должное директору нашей школы Осецкой и завучу Шевченко Нине Дмитриевне - только благодаря их твердости и принципиальности гороно не посмел лишить меня и Элли золотых медалей по окончании средней школы.

И все-таки две по сей день саднящие царапины остались на моей памяти. Помню, как я была уязвлена, когда в паспортном столе милиции, куда я пришла получать паспорт, меня долго уговаривали заменить в графе национальность "гречанка" на "русскую". Это было мое первое столкновение с двойной моралью: в школе нам внушали, что в нашей стране все национальности равноправны, а здесь предлагали отречься от отца, от я, и от всего того, что было мне родным и дорогим. Другой случай – закономерное следствие этой двойной морали: в 1954 году я с родителями впервые отправилась голосовать на выборах. Там меня заметила корреспондент городской газеты, сфотографировала и решила взять короткое интервью. Однако, узнав мою фамилию, не смогла скрыть своего разочарования и досады. Так я начала понимать, что существует разлад между истинами, декларирумыми школьными учебниками, газетами, радио и - реальной жизнью.

С 1954 года начались некоторые послабления режима спецпереселенцев - отменили обязательную явку в комендатуру, разрешили беспрепятственные поездки по территории области и в Алма-Ату на лечение и учебу. А ведь до этого греческой молодежи было трудно получить образование. Выбор у нас был небогатый: пединститут и технологический институт стройматериалов в Чимкенте, да зубоврачебный и индустриально-строительный техникумы.

Хорошо помню драматическую историю с одной нашей дальней родственницей, одаренной музыкантшей, которая покушалась на самоубийство, получив из МГБ отказ на выезд в Алма-Ату, хотя имелся вызов на экзамены от Казахской консерватории. Произошло это в 1951году...

Наступил 1956 год... Греки перестали быть спецпереселенцами.Кое-кто, решившись пройти через многочисленные бюрократические препоны и мытарства, добился разрешения уехать в Грецию. Но таких было немного. Другие стали собираться назад, к прежним пенатам. Но вышло постановление – возвращение на прежнее место жительства запрещалось. Вероятно, государство предусмотрело лишние хлопоты с возвращающимися хозяевами незаконно конфискованного имуществаи домов. Невольно поднимался вопрос о возмещении нанесенного материального ущерба. У многих греков оставались приусадебные участки с добротными домами, скот, обстановка, мебель, книги... Помню, какое удручающее впечатление произвела на меня продажа скарба увезенных греков - горестное свидетельство человеческого несчастья. Антикварной мебели и предметов художественно ценных на таких торжищах не встречалось: они оседали в руках и домах "власть предержащих". Все понимая, греки рвались к родному морю - Понту Эвксинскому, на побережье, где родились они и их отцы, где остались могилы. Их возвращение к разоренным очагам - особая история.

Те же греки, у которых, как у нашей семьи, не осталось на прежнем месте глубоких корней, предпочли остаться там, где худо-бедно, но обжились. В Чимкенте мы похоронили яю, и спустя несколько лет маму...

Древний народ, давший человечеству великую культуру, оказался в советской стране искусственно разобщенным, разбросанным по обширной территории, лицом к лицу с реальной опасностью растерять последние остатки национально-культурной самобытности.

Древний народ - вечный скиталец.

Тбилиси, 1990

* * *

В Геленджике, на берегу Черного моря, которое эллины называли Понтом Эвксинским, то есть морем гостеприимным, прошло организационное объединение греков-понтийцев, проживающих на территории Советского Союза (все понтийцы - греки, выходцы с южного берега Черного моря, но не все греки - понтийцы).

Вот что говорит один из организаторов конференции специалист высшей категории Совмина Абхазии Харлампий Политидис: "Мы все из разных регионов. В Ставропольском крае, например, испокон веков к грекам было теплое отношение, поэтому их представители спокойнее других реагируют на вопрос об образовании греческой автономии. А мы испыты-ваем огромное давление со стороны грузинских националистов. И греки из нашей республики (Грузии) в основном эмигрируют (велик поток греков-эмигрантов и из Средней Азии и Казахстана). Почему через три тысячи лет они вдруг решили вернуться на "историческую родину"? Сами родились в СССР, отцы и деды жили здесь. Росли, учились, работали и

вдруг все бросить? Здесь веками складывались их язык, культура. Значит, здесь нам и жить, здесь создавать свою государственность. Но только на паритетных началах, при взаимной договоренности с другими народами. Без силового давления".

У греков никогда не было своей автономии. За пределами Греции греков проживает около 5 миллионов, в СССР - свыше 900 тысяч. Эта цифра отличается от официальной - 358 тысяч, поскольку учитывает, что многие греки были вынуждены менять свои фамилии и национальность. В принятом на съезде уставе записано о необходимости добиться от Верховного Совета СССР, Верховных Советов союзных и автономных республик принятия законодательных актов по восстановлению национальности и фамилий, а также исторических названий греческих населенных пунктов.

Отсутствие национально-территориального образования ставит почти миллионный народ перед жестким выбором; или ассимиляция, исчезновение языка, культуры, или эмиграция в Грецию, на Кипр.

На самом деле все еще хуже, считает врач из Алма-Аты Анис Параскевопуло: "Мы не нужны ни здесь, ни там..."

Пожилые люди редки у репрессированных народов. 70-летний патриарх-грек сказал по-русски: "Мы потеряли язык по вине варваров".

Ахиллес Чепиди из Рустави сказал: "Когда-то в древности греки принесли на Русь высокую культуру. Но исторически сложилось так, что многое мы потеряли. И теперь просим русский народ помочь нам возродиться. Греки нуждаются в помощи и рассчитывают получить ее именно от русского, укра-инского и грузинского народов, с которыми связаны единой православной верой".

Независимая газета (Москва)

1991. 6 апреля

И ПРОЧИЕ СОВЕТСКИЕ НАРОДЫ

* * *

В 1987-1989 годы из Армении по распоряжению республиканского правительства насильственно депортированы за пределы республики около 220 000 азербайджанских крестьян.

Из архива газеты "Азербайджан" (Баку)

Публикация В.РЗАЕВА

*   *   *

...Убивать турок и курдов в любых условиях, никогда не щадить армян, которые предают нацию...

Из программы армянской националистической организации "ГНЧАК"

Независимая газета (Москва) 1991. 21 мая

** *   **

...Грабить и разрушать все, созданное турками; только террор и беспощадная война против турок...

Из Программы армянской националистической

организации "ДАШНАКЦУТЮН"

Там же

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

ДЕТСТВО

Лица не выцветут, листья не выгорят...

Грязью гремит, огрызается пригород.

Клювом поводит верблюд.

Мерно куркульские мельницы мелют.

Греков и курдов с корейцами селят,

Семечками плюют.

Немцы, чеченцы, баптисты, "субботники",

Спецпоселенцы, бандеровцы, льготники,

Спившиеся скрипачи...

И улыбаются края хозяева,

Год напролет - не унять никогда его -

Эпос поет манасчи.

Песня родная земли неприкаянной,

Плещущий говор библейской окраины,

Сплющенный гул тишины!

Банки консервные глухо запаяны

И пустотою полны.

Синие горы с лесами еловыми,

Бесы, играющие с барсоловами.

В таяньи облачных стай

Грезится злющий,

Беженцев шлющий,

Непостижимый Китай.

Что ж там?

Чужого молчания флаги,

Сладкая, желтая горечь бумаги,

Твердость все той же покорной отваги,

Лишнее, чуждое зло...

Лиственной былью,

Лёссовой пылью

Все занесло.

1976.

ИСХОД

Вот названья племен... На скрижалях резцов запиши:

Здесь - калмыки, балкарцы, чеченцы... Еще - ингуши,

Карачаевцы… Горцы, бесчисленные оборванцы,

Вы услышали слово и двинулись в ночь без вождя,

Свесив ноги с теплушек, глазея на встречных, галдя,

Вымогая дары, вырезая начальников станций.

А до этой поры пребывали вы все в рудниках,

На строительстве домен. Но брови нахмурил Аллах,

Тьма окутала землю, и умер суровый виновник…

Только юрты летят и седые верблюды ревут,

И к товарным вагонам аральскую рыбу несут,

Только солнце встает, и в огне - тамариск и терновник.

С иноверцем блудившую в землю живьем закопав,

За коленом колено народ погружался в состав.

Долог сон возвращенья, но завтра пойдут по Кавказу

И целующий четки и прячущий мелочь в платке,

И старуха, и парень - папаха на бритой башке,

Предъявляя кинжалы противящимся указу.

Было мальчику душно в задвинутом, затхлом купе –

На стоянках сбегал и терялся в бурливой толпе…

По голодной степи, по степи, Тамерланом спаленной,

Словно в пламенном облаке, в неколебимой пыли,

С мертвецами, отрытыми из нелюбимой земли,

С чуть живыми младенцами длинные шли эшелоны.

1980

ПЕРВЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Узнаю бесконечное лето,

Вижу, вглядываясь во тьму,

Одеяло горчичного цвета,

Солнцем выжженную кошму.

Клочья жизни неистово-острой

Возникают в разорванном сне.

Вновь сменяющиеся медсестры

Днем и ночью подходят ко мне.

Шоколадки и пестрые книжки

За терпение дарят они.

Колют, колют меня без отдышки,

И сменяются ночи и дни.

Встречу взгляд сострадательно-зоркий

И замечу, что я не один...

В порыжелой стоит гимнастерке,

Смотрит ссыльный Кулиев Кайсын.

1987

Леонид Шорохов

ОРЛЕНОК

Рассказ

1

Средняя Азия, середина пятидесятых.

Городок пыльный, скучный, забытый Богом и властью. Улицы кривые, немощеные, насквозь ветрами просвистанны. Воздушные потоки, стекая с недалеких гор, захватывают песчинки, мелкие камешки, пригоршнями швыряют их в серые, мутные стекла.

Обыватель темен, груб, зол, дик, пьян. Каждое воскресенье на базаре рукопашная. Из-за пустяка, из-за копеечного словечка бьются насмерть, выхлестывают зубы, крушат ребра.

Милиционеры при первой же вспышке страстей прячутся за углы, боязливо вслушиваются, ожидают конца побоища, когда шум стихает и уцелевшие драчуны расползаются по пивным, правоохранительные органы скопом врезаются в толпу, хватают самого побитого, с хрустом выкручивают неудачнику руки и, торжествуя, волокут через весь город в кутузку. Победителей провожает до горотдела базарная толпа, поносит "легавых" последними словами, случается, отбивает задержанного.

2

Вавилонское смешение языков. На улицах узбекская, русская, корейская, татарская, еврейская речь.

Первая волна нового великого переселения народов - год 1937-й. Эшелоны с корейцами. Переезд ополовинил стариков и детей, уцелевшим было не привыкать к голоду и каторжному труду, ухватились за землю - выжили. Понастроили глинобитных мазанок, в рисовых чеках зажурчала вода, потянуло живительным теплом "канов".

"ШАНХАЙ"- никого и обучать не понадобилось - село новое понятье

на язык, как шляпа из рисовой соломы на круглую корейскую голову.

Пинки великодержавного сапога следовали один за другим.

Год 39-й - поляки. Лето сорок первого - первая депортация прибалтов. Месяц спустя - немцы Поволжья. Следом беженцы: евреи - польские, румынские, украинские.

Измученных, голодных, больных людей разгрузили в степи, велели рыть землянки. Через полгода вся еврейская нищета повымерла, в живых остались богачи да ремесленники.

В сорок четвертом на пустыре за цемзаводом возникли три татарских спецпоселка. Порядки строгие, самовольный выход за пределы поселка - побег. Давали до восьми лет, случалось, по настроению и шлепали на месте.

Татары тосковали по Крыму, собирались вечерами во дворах, пели вполголоса родные песни. Поселковый комендант квалифицировал "Хайтарму" как злостную антисоветчину. Ночью пришла полуторка, собрала солистов, увезла неведомо куда. После этого люди не то что петь - говорить стали шепотом.

3

До пятьдесят третьего - полный беспросвет. Тряслись все, одна "лягашня" смело ходила по улицам. С пятьдесят третьего по пятьдесят шестой - смутное время. Разговоры шепотком, разговоры такие, за которые еще год назад отвинчивали вместе с умным языком и дурную голову.

Впрочем от долгой привычки к плохому в хорошее никто не верил.

А в пятьдесят шестом, как взорвалось. - СЪЕЗД!

Батька-то усатый! Ай-яй-яй, ну и ну!

Словно бы петлю на горле слегка ослабили. Повеяло невиданной, неслыханной прежде свободой.

4

В октябре пятьдесят седьмого полетел спутник. Большой мир необратимо менялся, вступал в космическую эру.

И только в провинции все оставалось по-прежнему. Далеко-далеко над Москвой погулял грозовой фронт, покропил столичные асфальты мелким дождичком, а до Байабада и дальним громыханием не добрался.

Надежды на лучшие перемены таяли. Амнистия не коснулась ни татар, ни греков, ни литовцев. Жала жизнь людей до крайнего предела и отпускать не думала.

Каждый народец спасался от родной Советской власти на свой лад.

Корейцы, зашибив кое-какую деньгу, ударились в картеж. Евреи предпочитали не высовываться, поддерживали друг-друга на плаву, учили детей на врачей, учителей, инженеров. Татары строили теплицы, сажали сады. Узбеки выращивали дыни, торговали скотом, копили деньги на калымы, свадьбы, обрезания. Русские ишачили на заводах.

Гнилая ряска старого страха вновь затянула чистое зеркальце, возникшее было на поверхности зловонного государственного болота.

Одно было хорошо - дешевая, как вода, водка. Пить стали заметно сильнее, чем раньше. Торговля оживилась, на улицах появились шашлычники, нарасхват шла бочковая селедка пряного посола.

На Первое мая с утра мягкая, прозрачная жара. Красные волны знамен. Музыка, приветственные возгласы, колонны людей, портреты, плакаты, лозунги, поверх голов - чугунный, подновленный краплаком Ленин.

- Ура-а-а! - раз за разом, то стройно, то вразнобой. - Ура-а-а, дорогие товарищи!

Шум, суета, настроение, все принаряжены, некоторые уже успели принять стопку-другую...

Праздник.

К двум площадь пустеет, народ разбредается - кто на маевку в рощу, кто домой к праздничному столу.

Трибуна пуста, за памятником вождю хлопочут шашлычники.

Старший машет фанеркой, едкий дым лезет ему в глаза, облизывает пузо длинным белым языком. Младший поправляет алюминиевые стулья, протирает столики.

За одним из них - четверо молодых крымских татар, тесно, локтями друг к другу, лбом ко лбу. Кончают третью бутылку водки, между поллитрами - лепешек, пива, шашлыков - не считано.

Лица багровые, распаленные градусом и беседой. Речь тяжелая, бедная словами, страсти разгораются с каждым выпитым стаканом, спор грозит перерасти в ссору.

- ...твой отец в 44-м?! - бешено хрипит Реза.

- Отца не трожь! - Ахтем плотен, широкоплеч, водка оказывает на него меньшее воздействие, чем на высокого, худого, нескладного Резу.

- Помог ему партбилет?! - у Резы стекленеют глаза. - Сначала составлял черные списки, потом сам поехал по этим спискам с теми, кого закладывал, в одном товарняке! Сколько на его совести татарских жизней?!

- Отца не трожь! - Ахтем идет багровыми пятнами. - Своего дядю лучше вспомни. Кто в сорок втором разбогател на золотых коронках из Керченского рва?!

- Э-э-э, к чему этот разговор? – вмешивается двоюродный брат Ахтема Исмаил.

- По тюрьме соскучились - такое вслух болтаете? Люди вокруг.

Все невольно оборачиваются.

Прижимая к груди старенькую темно-вишневую скрипку, к столику нерешительно приближается робкая сгорбленная фигура в потрепанном костюме. Это Нухим (слегка тронутый, по общему мнению), пожилой еврей, зарабатывающий на жизнь игрой на свадьбах, гулянках, похоронах. В праздники Нухим промышляет в парке, его заказчики - пьяные компании за столиками.

- А-а-а, - машет рукой Ахтем, - чепуха, это же чокнутый Хайм.

- Откуда знаешь, какой он чокнутый? - возражает Исмаил. - Может, не зря тут крутится. В такое время живем, родному брату доверять нельзя.

Но Ахтем уже зовет Нухима:

- Иди сюда, Хайм, не бойся. Знаешь "Хайтарму"?

Нухим вежливо кивает, прижимает скрипку к небритому подбородку, худые длинные пальцы артистично охватывают гриф. Смычок плывет вверх, ведя за собой тонкий, упирающийся звук.

Парни смолкают.

6

Нухим снимает крошечную комнатку в чужой кибитке. Земляной пол, камышовая крыша, подслеповатое косое окошечко - вмазанный в стену осколок стекла. Мебель - горбылевый топчан, стол, самодельная табуретка.

Все богатство Нухима - старая скрипка, завернутая в лоскут облысевшего бархата, смычок, огрызок канифоли. Прочее имущество - на себе. Мало сказать, что Нухим беден, он нищ.

Дважды в неделю, ближе к вечеру, старик появляется на базаре. К закату солнца меркантильное остервенение торговцев стихает и цены слегка падают. Для Нухима эти микроскопические колебания рыночного курса имеют сугубое значение.

Он не спеша бредет вдоль рядов, складывая в авоську овощи. Дойдя до шашлычного ряда, Нухим невольно поджимает губы, сморщивается, словно глотнув кислого.

> - Цены, цены, - шепчет он, - не торговля, а бандитский налет! Однако деваться некуда - мальчик растет, ему требуются не только витамины, но и белок, белок, много белка!

Зажмурившись от собственного нахальства, Нухим заказывает четыре шашлыка, через секунду запоздалый страх нагоняет его, и старик бормочет:

- Подождите, я таки еще раз посчитаю деньги!

Он вынимает горсть мелочи, суетливо копошится, отделяя серебро от меди, считает, путается, снова считает. Толстый шашлычник подмигивает Нухиму:

- Не спеши, отец! - укладывает на горячую лепешку шашлыки, щедро посыпает шипящую баранину шинкованным луком и выдергивает из середины оголенные шампуры. - Кушай на здоровье!

- Боречке, - шепчет Нухим, пряча покупку.

С единственным племянником, Борей, связаны все надежды старика. От огромной еврейской семьи из Бердичева после войны уцелели жалкие крохи. Эвакуация подмела стариков, мужчины сгинули на фронтах, голод забрал детей. Чудом выжили белобилетник Нухим и две его младшие сестры - Дора и Миля.

В 48-м Дора вышла замуж за хорошего человека, врача.

Кто же знал, что так обернется?

В одну из ночей тревожного 49-го за Исааком пришли, все перевернули вверх ногами, забрали мужа, а наутро жена родила мальчика. Старый Нухим заменил Боре отца.

Непроходящая боль, страх, волнение. Ребенок был гениален, сверстники завидовали. Жестокие дети мучали мальчика в садике, травили в школе. Ужасные жилищные условия: мать, тетка, ребенок - все в одной комнате.

Дора преподавала пение в школе, Миля аккомпанировала. Мальчик голодал, выглядел оборванцем. Сердце Нухима обливалось кровью: восемь палочек шашлыка в неделю - все, что он мог.

Сам Нухим сидит на хлебе и воде, сестры - на воде и хлебе. Все, что удается добыть, - ребенку. Каждый день новые закавыки, то одно, то другое. Еще не кончился учебный год, а мальчик уже до дыр износил обувь - парусина, будь она неладна. Где взять денег?

Теперь вся надежда Нухима на Первомайские. Лето Боря пробегает босиком, следующие праздники только в ноябре, а значит, об обуви надо позаботиться заранее.

"Туфли, - думает Нухим, направляясь в парк, - туфли Боречке".

7

Нежно поет скрипка. Мерцающий звук тревожно отзывается в растревоженных, неспокойных сердцах.

Чья-то рука скользит по мокрой столешнице, летит на землю пустая бутылка. Зажмурившись и низко уронив плечи, Реза в невыносимой тоске мотает пьяной головой:

- Уйди, сволочь, не трави душу!

Нухим обрывает мелодию. Вдогонку ему летят две измятые рублевые бумажки, их бросил Ахтем. Старик боязливо подбирает деньги и торопится прочь.

- Уй-й-ди! - рвет на груди рубашку Реза. Он плачет крупными горькими слезами. - Су-у-уки! Продали, погубили татарский народ! - За казенный паек под пули подвели!

Реза, качаясь, вылезает из-за столика, собутыльники тянут его за локти, пытаясь усадить, но Реза вырывается. Он не видит ничего, кроме ненавистного лица Ахтема.

- Продали нар-р-род!

Опрокинув стул, он хватает Ахтема за грудки.

- За все ответите, суки, все равно за все ответите!

Исмаил с напарником пытаются развести дерущихся, но это им не удается. Реза размахивается и изо всех сил бьет. Ахтем трезвее Резы и еще надеется поправить дело миром.

- Не бей! - кричит он, пытаясь перехватить кулак.

Реза выдергивает руку и бьет снова и снова. Наконец Ахтем не выдерживает. Пригнувшись, он бросает вперед мускулистое тело.

Удар настигает Резу на встречном движении, он со всего маху грохается на поваленные стулья, выдирается, хватает стул и вскидывает над головой. Удар может стоить Ахтему жизни, но и тот вооружился.

Два встретившихся в воздухе стула разлетаются вдребезги. Ахтем оказывается проворнее, он успевает достать Резу кулаком. Реза снова на земле. Сверху сыплются бутылки, тарелки, остатки пищи. Сознание Резы меркнет.

Ахтем бросается на поверженного противника. Опомнившиеся собутыльники хватают его и тащат прочь.

- Брат, брат, - уламывают они озверевшего парня, - хватит, больше не надо, смываемся, "легавые" заметут!

Ахтем яростно сопротивляется, но совладать с двумя дюжими парнями ему не под силу. Через пять минут троица уже далеко, а еще через минуту из-под столика выползает оклемавшийся Реза.

Он сплевывает кровью, вытирает разбитое лицо:

- Где?!

Сбежавшиеся на драку окрестное пацанье шарахается в стороны. Реза бросается к мангалу:

- Где?! - трясет он перепуганного парня.

Тот кивает головой.

- В парке?

- В парке, в парке, - с готовностью подтверждает шашлычник. Реза отшвыривает его и бросается в парк. Пацанье припускает следом.

8

Нухим медленно бредет по боковой дорожке парка.

В конце садовой эспланады - летний кинотеатр, площадка с фонтаном, чайхана. На нее-то и нацелился старик. На праздники в чайхане полно народа Нухим тихо радуется, предвкушая хороший заработок. На сердце у него светло: почин сделан (и полновесный почин!), а ведь до вечера еще далеко - будет, будет Боречке подарок!

Старик нежно прижимает к груди скрипку.

Нухим не слышит ни шума драки за спиной, ни криков, ни ругани. По центральной аллее, топоча, как слон, пробегает Реза. Нухим не замечает разъяренного парня, он весь поглощен сложными математическими расчетами, губы неслышно шевелятся, голова кивает в такт шагам. Старик высчитывает, сколько денег перепадет ему за все майские праздники. Сумма выворачивается чудовищная, невероятная, Нухим пугается и выбрасывает из калькуляции День Победы.

Сладко думать, что даже остающегося хватит, чтобы обуть Борю, еще слаще тайно знать, что временно исключенный из расчетов разгром германского фашизма таки войдет составной частью в конечный результат, и Нухим, махнув рукой на приличествующую старости скромность, весь отдается безудержному полету фантазии.

Велосипед!

Как загораются Боречкины глаза при виде хромированной, блестящей, недоступной нищему мальчику машины!

"Орленок"!

Нухим на секунду зажмуривается - его запьяневший мозг сам ослеплен сверкающим, звонким словом, как бы источающим легкий,

волшебный запах рубчатой резины. Нухим уже не Сгорбленный, жалкий старик, а восторжен-ный мальчишка, околдованный желанной игрушкой!

- Ве-ло-си-пед! - шепчет, почти выпевает он. - Да, да, велосипед. У мальчика нельзя отнимать детства!

На время забыты беспросветная, безысходная нужда, старость, болезни, сейчас Нухим богат, как Лаван, могуч, как Моисей, что стоит ему наполнить радостью маленькое родное сердечко, зажечь свет в налитых древней печалью Боречкиных глазах, что стоит?

Реза добегает до чайханы, мечется, бросается то к одним, то к другим, жадно выспрашивает, но Ахтема и след простыл. Реза не может поверить, что обидчик ускользнул. "Назад", - вспыхивает в пьяной голове, - Ахтем на площади у памятника!" Реза поворачивает, идет, почти бежит по дорожке.

Впрочем, на полпути до него наконец доходит, что Ахтема уже не найти. Мысль невыносима. Реза стонет, рычит, злоба ищет немедленного выхода, сдерживать ее нет ни желания, ни сил.

На глаза ему попадается Нухим. Старик вежливо сторонится, он и не подозревает о бушующей в душе Резы буре. Отстраненный вид Нухима взрывает Резу, он задыхается, давится злобой:

- А-а, сволочь, попался!

Реза бросается к Нухиму, выхватывает скрипку и с размаху бьет ею старика. Нухим настолько ошеломлен неожиданным нападением, что не делает попыток защититься.

Летят щепки, с жалобным писком лопаются струны.

- Х-ходишь, - кричит Реза, - вынюхиваешь, высматриваешь, жидовская морда! Я тебе высмотрю!

Нухим падает. Реза отбрасывает жалкий обломок грифа и, матерясь, уходит.

За массивными воротами парка притаились четверо милиционеров. Они издали наблюдают за избиением старика, ждут, когда Реза вывернет на засаду. Соваться в парк, полный пьяного народа, народная власть не рискует.

Как только парень появляется в проходе ворот, милиция бросается в атаку. Через минуту руки Резы вывернуты, почти выломлены из плеч. Сам он едва не пашет носом землю.

- Четверо на одного, сладили, с-суки!

Реза воет от боли, двое милиционеров бегом тащат его от ворот, торопясь поскорей дотянуть хулигана до горотдела, еще двое сдерживают

напор мгновенно возникшей толпы. Из нее несется ругань, постовые отпихивают наиболее возбужденных и тоже кричат и матерятся.

Забытый всеми Нухим сидит на дорожке. Вокруг него - жалкие обломки разбитой скрипки. Старик подымает деку и бережно прикладывает, прижимает ее к отколу фанеры, словно надеясь, что они каким-то чудесным способом соединятся, но усилия его тщетны, кусочки дерева выскальзывают из трясущихся рук. Нухим терпеливо подымает их и снова прилаживает друг к другу.

Голова его не в силах вместить весь ужас, всю непоправимость, громадность приключившейся беды.

- Велосипед, - по инерции шепчет он, продолжая свое бессмысленное занятие. - Боречке, деточке, сиротке...

10

Стайка пацанов, проводившая Резу до КПЗ, возвратилась на площадь, к памятнику. Идет оживленное смакование подробностей драки. Нухим забыт, разбитая скрипка - мелкий эпизод, не заслуживающий внимания.

- Ахтем ему к-е-ек замочит! - худенький вихрастый подросток, подпрыгивает от возбуждения, лупит кулаком в воздух. - К-е-ек замочит!

- Тот с ходу под стол! - подхватывает другой.

- Сначала Реза Ахтему навешал, - вмешивается третий.

- Скажешь тоже, навешал, - пренебрежительно машет вихрастый, - крови-то не было, а значит, не в счет!

Пацаны единодушно соглашаются:

- Без крови не в счет!

Один из этих пацанов - я.

11

Детство - Малая Родина, страна - Большая. Только из их нерастор-жимого соединения может вызреть подлинно человеческая душа.

Поседевший, изверившийся, больной, я мучительно вглядываюсь в прошлое, стараясь отыскать в нем хоть что-то, от чего никогда и ни за что на свете не смог бы отказаться, не отказавшись тем самым от самого себя.

Вглядываюсь - и вижу нищих, грабящих нищих, униженных, мучающих униженных, угнетенных, топчущих угнетенных.

Это - мое детство и это - моя страна.

И я напрасно мучаюсь, стремясь отыскать в жестоком лике мачехи милые сердцу материнские черты.

Их нет в искаженном ненавистью чужом лице.

Литературная газета.1990, 18 июля.

ТРЕЗВО ОГЛЯДЕВШИСЬ, МЫ СО ВСЕЙ ОЧЕВИДНОСТЬЮ ПОЙМЕМ, ЧТО ДЕЛИТЬ НАМ НЕЧЕГО. ОСНОВА НАШЕГО ВСЕОБЩЕГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ - ОТСУТСТВИЕ НОРМАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ. СУЩЕСТВУЮЩАЯ ОЗЛОБЛЯЕТ И УНИЖАЕТ ЛЮДЕЙ, А ОЗЛОБЛЕННЫЕ ЛЮДИ ЛЕГКО СОЗДАЮТ ОБРАЗ НАЦИОНАЛЬНОГО ВРАГА...

Фазиль ИСКАНДЕР

НЕВОЗМОЖНО НАШЕМУ ОБЩЕСТВУ НРАВСТВЕННО ВОЗРОДИТЬСЯ БЕЗ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ РЕПРЕССИРОВАННЫХ НАРОДОВ.

Из выступления народного депутата

Верховного Совета СССР, ингуша

Хамзата ФАРГИЕВА

ДЕКЛАРАЦИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав

Сегодня, в период революционного обновления советского общества, когда начат процесс демократизации, очищения всех сторон нашей жизни от деформаций и искажений общечеловеческих принципов гуманизма, в стране усиливается стремление знать всю правду о прошлом, чтобы усвоить его уроки во имя будущего.

Память с особой горечью возвращает нас в трагические годы сталинских репрессий. Беззаконие и произвол не обошли стороной ни одну респуб-лику, ни один народ. Допущенные в прошлом массовые аресты, лагерное мученичество, обездоленные женщины, старики и дети в переселенческих зонах продолжают взывать к нашей совести, оскорбляют нравственное чувство. Об этом забыть нельзя.

Варварскими акциями сталинского режима явилось выселение в годы второй мировой войны из родных мест балкарцев, ингушей, калмыков, карачаевцев, крымских татар, немцев, турок-месхетинцев, чеченцев. Политика насильственного переселения отразилась на судьбе корейцев, греков, курдов и других народов.

Верховный Совет СССР безоговорочно осуждает практику насильственного переселения целых народов как тяжелейшее преступление, противоречащее основам международного права, гуманистической природе социалистического строя.

Верховный Совет СССР гарантирует, что попрание прав человека и норм гуманности на государственном уровне больше никогда не повторится в нашей стране.

Верховный Совет СССР считает необходимым принять соответствующие законодательные меры для безусловного восстановления прав всех советских народов, подвергшихся репрессиям.

ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

14 ноября 1989 года

Москва, Кремль

Ведомости съезда народных депутатов

и Верховного Совета СССР. 1989. № 23. Ст.449

№ 772-1

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СЪЕЗДА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ РСФСР

О жертвах политических репрессий в РСФСР

В течение десятилетий произвола и беззакония по идеологическим и политическим мотивам, национальным признакам подвергались репрессиям многие граждане Российской Федерации и целые народы... Репрессии исковеркали судьбы миллионов граждан, ряд народов был лишен государственности и депортирован.

Осуждая многолетний террор и массовые преследования против собственного народа, закладывая основы правового государства, Съезд народных депутатов выражает твердое убеждение, что подобная трагедия народов и граждан России никогда не повторится.

Съезд народных депутатов РСФСР п о с т а н о в л я е т:

1. Верховному Совету РСФСР и Совету Министров РСФСР разработать

и принять законодательные акты о реабилитации и полном восстановлении прав репрессированных народов и граждан РСФСР.

2. Верховному Совету РСФСР обратиться к Верховным Советам союзных республик для совместного решения проблем репрессированных народов, судьба которых связана с этими республиками.

3. Поручить Верховному Совету РСФСР о ходе исполнения настоящего Постановления доложить на очередном Съезде народных депутатов РСФСР.

Председатель Верховного Совета РСФСР

Б.Н.ЕЛЬЦИН

11 декабря 1990 года

Москва, Кремль

Ведомости съезда народных депутатов и

Верховного Совета РСФСР. 1990. № 28. Ст.377

№ 2013-1

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Об отмене законодательных актов в связи с Декларацией Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 года "О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав"

Руководствуясь Декларацией Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 года "О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав" и исходя из политического и социального значения полного решения всех вопросов, связанных с восстановлением прав народов, подвергшихся необоснованным репрессиям, Верховный Совет СССР постановляет:

1. Отменить акты высших органов государственной власти СССР, послужившие основой для противоправного насильственного переселения отдельных народов из мест постоянного проживания, ограничения прав граждан из числа этих народов, а также незаконной ликвидации некоторых национально-государственных образований.

Снять с законодательных актов Союза ССР гриф "Не для печати" и гриф секретности с постановлений бывшего Государственного Комитета Обороны СССР.

Поручить Кабинету Министров СССР рассекретить соответствующие акты Правительства СССР.

2. Отменить:

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года

"О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья" (Ведомости Верховного Совета СССР, 1941 г., № 38);

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 сентября 1941 года

Об административном устройстве территории бывшей Республики

Немцев Поволжья" (Ведомости Верховного Совета СССР, 1941 г., № 40);

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 года

«О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области

в составе РСФСР";

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 июня 1945 года

« О преобразовании Крымской АССР в Крымскую область в составе

РСФСР».

статью 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря

1955 года "О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении";

статью 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 17 марта 1956 года "О снятии ограничений в правовом положении с калмыков и членов их семей, находящихся на спецпоселении";

статью 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1956 года "О снятии ограничений в правовом положении с греков, болгар, армян

и членов их семей, находящихся на спецпоселении";

статью 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года "О снятии ограничений по спецпослению с крымских татар, балкарцев, турок - граждан СССР, курдов, хемшилов и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны";

статью 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля 1956 года "О снятии ограничений по спецпоселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны";

статью 3 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 сентября 1956 года "О снятии с учета спецпоселения некоторых категорий иноподданных, лиц, не имеющих гражданства, и бывших иноподданных, принятых в советское гражданство";

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 года

"Об образовании Калмыцкой автономной области в составе РСФСР";

статью 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 31 октября

1957 года "О снятии ограничений с граждан азербайджанской национальности, переселенных в 1944 году из Грузинской ССР";

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 года

"О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета СССР

от 28 августа 1941 года "О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья" (Ведомости Верховного Совета СССР, 1964 г., № 52, ст. 592);

статью 2 Указа Президиума Верховного Своета СССР от 5 сентября

1967 года "О гражданах татарской национальности, проживающих в Крыму" (Ведомости Верховного Совета СССР, 1967 г., № 36. ст. 493);

Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года "О порядке применения статьи 2 Указа Президиума Верховного Совета

СССР от 28 апреля 1956 года" (Ведомости Верховного Совета СССР, 1967 г., № 36, ст. 494);

Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 30 мая

1968 года "О порядке применения в отношении граждан СССР - турок, курдов, хемшилов и азербайджанцев, проживавших ранее в Грузинской ССР, статьи 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 20 апреля 1956 года и статьи 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 31 октября 1957 года" (Ведомости Верховного Совета СССР, 1968 г., № 23, ст. 188);

3. Признать необходимым, чтобы Президент СССР и Кабинет министров СССР отменили в месячный срок решения бывшего Государственного Комитета Обороны СССР и Правительства СССР по вопросам насильственного переселения отдельных народов и ограничения прав граждан из числа этих народов.

4. Отмена указанных в настоящем Постановлении нормативных актов не означает автоматического решения вопросов национально-государственного устройства и административно-территориального деления, возникших вследствие насильственного переселения отдельных народов. Рекомендовать Верховным Советам республик, исходя из их компетенции, рассмотреть указанные вопросы и принять по ним необходимые решения, не допуская ущемления прав и законных интересов граждан, проживающих в настоящее время на соответствующих территориях.

5. Кабинету министров СССР совместно с высшими органами государственной власти и управления республик организовать до конца 1991 года практическое восстановление законных прав репрессированных народов, включая предоставление соответствующих льгот гражданам, мобилизован-ным в годы Великой Отечественной войны в рабочие колонны, а также установить по мере создания экономических и социальных условий порядок, размеры и механизм материальных компенсаций лицам, непосредственно подвергшимся насильственному переселению.

Председатель Верховного Совета СССР

А.ЛУКЬЯНОВ

7 марта 1991 года

Москва, Кремль

Ведомости съезда народных депутатов

и Верховного Совета СССР. 1991. № 11. Ст. 302.

ГЛАВНЫЙ ИСТОЧНИК НАПРЯЖЕННОСТИ СЕГОДНЯ - В НЕДОСТАТОЧНОМ ОСОЗНАНИИ КАК НА УРОВНЕ ОФИЦИАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ, ТАК И НА УРОВНЕ МАССОВОЙ ПСИХОЛОГИИ ТОГО КАПИТАЛЬНЕЙШЕГО ФАКТА, ЧТО СССР - ЭТО НЕ СТРАНА, ЭТО НЕ ГОСУДАРСТВО. ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТАНСТВО, ОБОЗНАЧЕННОЕ НА КАРТЕ МИРА ЭТИМИ БУКВАМИ И НАЗЫВАВ-ШЕЕСЯ РАНЕЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ, - ЭТО МИР МИРОВ, ЭТО РАЗНЫЕ КУЛЬТУРЫ И ЦИВИЛИЗАЦИИ, ЭТО СОСЕДСТВО МНОЖЕСТВА СТРАН И ГОСУДАРСТВ, УСТАВШИХ ОТ СВОЕГО КОЛОНИАЛЬНОГО И КОЛОНИЗАТОРСКОГО ПРОШЛОГО, ИСТЕРЗАННЫХ И УНИЖЕННЫХ СТАЛИНСКИМ УНИФИКАТОРСТВОМ...

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СТАЛА НА СЕГОДНЯ ВСЕОХВАТЫ-ВАЮЩЕЙ. ОНА ВОБРАЛА В СЕБЯ - И НЕ МОГЛА НЕ ВОБРАТЬ - ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, В ТОМ ЧИСЛЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ...

Юрий АФАНАСЬЕВ.

Что пожинаем

Век XX и мир. 1990. № 5. С. 13, 14

... Наш опыт в этой жизни слишком горек,

Мы дети стольких бурных перестроек,

И что за ними - нам не все равно.

Не все равно, какие петь нам песни,

Не все равно, с кем врозь, а с кем быть вместе,

Не все равно, какой оставим след.

И родина для нас не просто где-то,

А там, где корни прадеда и деда,

И это детям главный наш завет.

Игорь ЛЯПИН

ЗАКОН РСФСР

О реабилитации репрессированных народов

Обновление советского общества в процессе его демократизации и формирования правового государства в стране требует очистки всех сфер общественной жизни от деформации и искажения общечеловеческих ценностей. Оно создало благоприятные возможности по реабилитации репрессированных в годы Советской власти народов, которые подвергались геноциду и клеветническим нападкам.

Политика произвола и беззакония, практиковавшаяся на государственном уровне по отношению к этим народам, являлась противоправной, оскорбляла достоинство не только репрессированных, но и всех других народов страны. Ее трагические последствия до сих пор сказываются на состоянии межнациональных отношений и создают опасные очаги межнациональных кофликтов.

Опираясь на международные акты, Декларацию Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 года "О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав", постановления Съездов народных депутатов РСФСР, а также действующее законодательство РСФСР и СССР, закрепляющее равноправие советских народов, и стремясь к восстановлению исторической справедливости, Верховный Совет РСФСР провозглашает отмену всех незаконных актов, принятых в отношении репрессированных народов, и принимает настоящий Закон об их реабилитации.

Статья 1. Реабилитировать все репрессированные народы РСФСР, признав незаконными и преступными репрессивные акты против этих народов.

Статья 2. Репрессированными признаются народы (нации, народности или этнические группы и иные исторически сложившиеся культурно-этнические общности людей, например, казачество), в отношении которых по признакам национальной или иной принадлежности проводилась на государственном уровне политика клеветы и геноцида, сопровождавшаяся их насильственным переселением, упразднением национально-государственных образований, перекраиванием национально-территориальных границ, установлением режима террора и насилия в местах спецпоселения.

Статья 3. Реабилитация репрессированных народов означает придание и осуществление их права на восстановление территориальной целостности, существовавшей до антиконституционной политики насильственного перекраивания границ, на восстановление национально-государственных образований, сложившихся до их упразднения, а также на возмещение ущерба, причиненного государством.

Реабилитация предусматривает возвращение народов, не имевших своих национально-государственных образований, согласно их волеизъявлению, в места традиционного проживания на территории РСФСР.

В процессе реабилитации репрессированных народов не должны ущемляться права и законные интересы граждан, проживающих в настоя-

щее время на территориях репрессированных народов.

Статья 4. Не допускается агитация или пропаганда, проводимые с целью воспрепятствования реабилитации репрессированных народов.

Лица, совершающие подобные действия, а равно подстрекающие к ним, привлекаются к ответственности в установленном законом порядке.

Статья 5. Восстановление и изменение национально-государствен-

ных образований репрессированных народов осуществляются на основе законодательного регулирования межнациональных отношений.

Статья 6. Территориальная реабилитация репрессированных народов предусматривает осуществление на основе их волеизъявления правовых и организационных мероприятий по восстановлению национально-территориальных границ, существовавших до их антиконституционного насильственного изменения.

Для осуществления территориальной реабилитации в необходимых случаях может устанавливаться переходный период, решение об установлении переходного периода и восстановлении национально-территориальных границ принимается Верховным Советом РСФСР.

Статья 7. Политическая реабилитация репрессированных народов, ранее имевших свои незаконно упраздненные национально-государственные образования, предусматривает восстановление этих образований в порядке, установленном статьей 6 настоящего Закона.

Статья 8. Политическая реабилитация репрессированных народов,

не имевших своих национально-государственных образований, означает их право на свободное национальное развитие, возвращение в места прежнего проживания на территории РСФСР, обеспечение им равных с другими

народами возможностей в осуществлении своих политических прав и свобод,

гарантированных действующим законодательством.

Статья 9. Ущерб, причиненный репрессированным народам и отдельным гражданам со стороны государства в результате репрессий, подлежит возмещению.

Порядок возмещения ущерба реабилитированным народам и отдельным гражданам устанавливается законодательными актами Союза

ССР, РСФСР и республик, входящих в состав РСФСР.

Возмещение ущерба реабилитированным народам и отдельным гражданам осуществляется поэтапно.

Статья 10. Социальная реабилитация репрессированных народов означает, что гражданам, подвергшимся репрессиям, время их пребывания

в спецпоселениях /местах ссылки/ засчитывается в стаж в тройном размере.

В связи с этим предусматривается также увеличение размера пенсий по возрасту за каждый год работы с учетом периодов, предусмотренных Законом РСФСР "О пенсионном обеспечении граждан в РСФСР".

Статья 11. Культурная реабилитация репрессированных народов предусматривает осуществление комплекса мероприятий по восстановлению их духовного наследия и удовлетворению культурных потребностей.

Это означает также признание за репрессированными народами права на возвращение прежних исторических названий населенным пунктам и местностям, незаконно отторгнутым у них в годы Советской власти.

Статья 12. Все акты союзных, республиканских и местных органов

и должностных лиц, принятые в отношении репрессированных народов, за исключением актов, восстанавливающих их права, признаются неконституционными и утрачивают силу.

Статья 13. Особенности применения настоящего Закона по отношению к репрессированным народам, проживающим и проживавшим на территории Российской Федерации, регулируются отдельными законодательными актами РСФСР, принимаемыми по отношению к каждому репрессированному народу.

Председатель Верховного Совета РСФСР

Б.Н.ЕЛЬЦИН

26 апреля 1991 года

Москва, Дом Советов РСФСР

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ, СВЯЗАННЫХ С РЕАБИЛИТАЦИЕЙ РЕПРЕССИРОВАННЫХ НАРОДОВ

26 апреля 1991 года Верховный Совет РСФСР принял Закон "О реабилитации репрессированных народов" и постановление "О введении в действие Закона РСФСР "О реабилитации репрессированных народов". В законе дано определение репрессированных народов, признается их право на восстановление национально-государственных образований, территориальной целостности, существовавшей до насильственного перекраивания границ, возвращение прежних исторических названий населенным пунктам и местностям, незаконно замененным после выселения населения, возмещение ущерба, причиненного государством. Одновременно законом декларируются гарантии от ущемления прав и законных интересов граждан, проживающих в настоящее время на территории репрессированных народов. Для осуществления территориальной реабилитации в необходимых случаях может устанавливаться переходный период. Решение об установле-нии переходного периода и восстановлении границ принимается Верховным Советом РСФСР.

Закон заслуживает одобрения, так как он восстанавливает историческую справедливость.

Вместе с тем, на наш взгляд, закон при его реализации без достаточно глубоких прогнозных оценок может вызвать серьезные последствия не толь-ко на территории Российской Федерации, но и за ее пределами.

Уже сегодня поступают письма от населения, проживающего зачастую не по его вине на территориях выселявшихся народов. Люди обеспокоены дальнейшим развитием событий, связанных с возможным пересмотром границ между республиками, областями, районами и населенными пунктами.

Остро встает вопрос, как быть с теми районами, в которых изменилась демографическая ситуация, и с теми, которые входили ранее в другие территории и волевыми решениями были включены в состав национально-государственных образований репрессированных народов.

Особенно тяжелая ситуация сложилась в отношениях между Северо-Осетинской АССР и Чечено-Ингушской республикой (а внутри последней - между чеченской и ингушской частями). В январе 1957 года в связи с восстановлением Чечено-Ингушской АССР Северо-Осетинская АССР вернула ей 4 из 5 присоединенных к ней районов. В составе Северной Осетии остались земли Пригородного района и некоторые другие небольшие участки земли, на которые претендуют ингуши. В то же время Указом Президиума Верховного Совета РСФСР в 1957 году в состав Чечено-Ингушской АССР были включены изъятые из Ставропольского края Каргалинский, Щелков-ский и Наурский районы.

Провозглашение Карачаевской республики 17 ноября 1990 года на съезде народных депутатов всех уровней 6 районов (бывшая территория

существовавшей до 1943 года Карачаевской автономной области) неоднозначно воспринято населением. В Зеленчукском и Урупском районах живут в основном казаки, которые выступили за передачу населяемых ими территорий в состав Ставропольского или Краснодарского краев. Более 40 тысяч карачаевцев живут в районах с черкесским населением.

Аккинцы (этническая группа чеченцев) в Дагестане требуют восстановить Ауховский район (ныне Ново-Лакский) и прежние аккинские географические названия, существовавшие до их выселения. Требуют освободить их жилища и подворья, но сегодня там живут лакцы и аварцы, которые переселились туда не по своей воле.

В Калмыцкой республике уже создана комиссия о возможном присоединении Наримановского и Лиманского районов (ныне в составе Астраханской области), ранее входивших в состав республики, хотя сегодня в составе населения этих районов калмыки составляют от 2 до 11 процентов.

В соответствии с принятым Верховным Советом РСФСР законом политически реабилитировано казачество. В связи с этим могут быть выдвинуты требования о его территориальной реабилитации, восстановлении казачьих областей и округов. В ноябре 1990 года состоялся съезд терского казачества и ногайского народа, на котором было высказано требование об отмене Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 9 января 1957 года N 721/4 в части, касающейся расчленения Ногайской степи и передачи ее

в состав Дагестана, Чечено-Ингушетии, Ставропольского края. До 1957 года большая часть Ногайской степи входила в состав Ставропольского края, а при царизме это был Ногайский округ. Терские казаки и ногайцы требуют восстановить территориальную целостность Ногайской степи и создать республику в составе РСФСР. Это потребует пересмотра границ существующих национально-государственных образований как внутри РСФСР, так и в СССР в целом.

Если в настоящее время Пригородный район Северо-Осетинской АССР является "яблоком раздора" между осетинами и ингушами, то можно с уверенностью предположить, что будут выдвигаться требования восстановления - территориально и административно - терского казачества, а значит, возвращения казакам Пригородного, а также других районов, из которых они были выселены в 1918 году.

Трагические события в станице Троицкой (сейчас там проживают 5 тысяч казаков и 1,5 тысячи ингушей) Сунженского района Чечено-Ингушетии еще раз показали, что конфликты между казаками и народами Северного Кавказа могут нарастать. Это объясняется все большим распространением среди этих народов идеи о несправедливом завоевании их земель во времена царизма.

"Казачья" проблема выходит за рамки РСФСР, может коснуться Украинской, Казахской ССР и Республики Кыргызстан (в состав Украины

вошла часть территории Области Войска Донского, в состав Казахстана вошли земли Уральского, Сибирского и Семиреченского казачества). В Уральской и Гурьевской областях Казахстана уже сейчас набирает силу движение возрождения уральского казачества и включение его террито-рии в состав России. В ноябре 1990 года в городе Ростове состоялся учредительный Круг (съезд) казаков Дона. Был учрежден общественно-политический Союз казаков Области Войска Донского на правах само-стоятельной и независимой организации. Принято заявление Большого круга Союза казаков Области Войска Донского "О гражданской и поли-тической реабилитации казачества", в котором выражено отношение жителей Дона к политике "расказачивания", "раскрестьянивания" и другим акциям против казаков, имевшим место в прошлом. В частности, ставится вопрос о ликвидации последствий передела территорий бывшей Области Войска Донского и признание Верховным Советом СССР этих земель, лежащих в границах России и Украины, местом исторического проживания донских казаков, о возвращении исторического названия - Донская область. Земля объявляется принадлежностью коренного казачьего и неказачьего населения без всякого выкупа. Намечено создание национальной казачьей гвардии, пограничных и других казачьих частей, приоритет казачьего движения перед любыми политическими организациями.

На съезде бурятского народа поставлен вопрос об объединении трех бурятских автономий (Бурятская АССР, Агинский Бурятский авто-номный округ Читинской области, Усть-Ордынский Бурятский автономный округ Иркутской области).

В соответствии с буквой закона должна быть восстановлена авто-номная республика немцев Поволжья. Это решение негативно воспринято населением Волгоградской и особенно Саратовской областей, что может затруднить переезд в Поволжье советских немцев из других регионов страны и поставить под сомнение возможность восстановления автономии советских немцев. Во время встречи 7 мая 1991 года Президента СССР с представителями советских немцев отмечалось, что восстановление немец-кой государственности в Поволжье возможно лишь в условиях сочетания коренных интересов всех народов, проживающих в этом регионе. Проблема должна решаться поэтапно, с учетом формирования политических и экономических условий. Это не исключает необходимости создания национальных образований в местах компактного проживания немцев.

Общественностью ставится вопрос, чтобы при реализации закона были детально продуманы все механизмы защиты людей, проживающих сегодня на бывших территориях репрессированных народов.

Уже высказывается людьми неоднозначная оценка статьи 10 закона, где говорится, что репрессированным гражданам время пребывания в спецпоселениях (местах ссылки) засчитывается в стаж в тройном размере. Возникает вопрос, почему это положение не распространяется на многих

других, например, вывезенных в Сибирь крестьян во времена коллективизации, людей, незаконно репрессированных в 1937 -1938 и других годах.

Учитывая все сложности при реализации Закона РСФСР "О реабилитации репрессированных народов", представляется необходимым подключить к этой работе коммунистов, рескомы, крайкомы, обкомы, горкомы, райкомы Компартии РСФСР, первичные партийные организации. В связи с этим считали бы целесообразным:

1. Рекомендовать ЦК Компартии РСФСР:

- изучить складывающуюся ситуацию и совместно с местными партийными, советскими органами, научными учреждениями определить все возможные "горячие" точки, где могут возникнуть территориальные и другие конфликты. В соответствии со статьей 6 названного закона через депутатов-коммунистов внести в Верховный Совет РСФСР конкретные предложения о восстановлении прав того или иного репрессированного народа, а также

о защите интересов граждан, проживающих в настоящее время на их бывших территориях;

- провести совещание в городе Ростове с секретарями рескомов, крайкомов, обкомов Компартии РСФСР с целью обмена мнениями и выработки подхо-дов в работе партийных комитетов в связи с обострением межнациональных отношений и активизацией движения казачества;

- направить партийным комитетам специальное письмо или ориентировку, в которых дать конкретные рекомендации по работе в связи с выполнением Закона "О реабилитации репрессированных народов".

2. Рескомам, крайкомам, обкомам Компартии РСФСР, на территории которых живут репрессированные народы, проводить среди них разъяснительную работу, чтобы люди не проявляли нетерпимости, не принимали непродуманных, поспешных решений. Для выработки предложений по этим сложным вопросам можно было бы привлекать народных депутатов всех уровней, старейшин, ветеранов войны и труда, представителей творческой интеллигенции, науки, духовенства, создавать согласительные комиссии. Опираться в первую очередь на те статьи закона, которые дают возможность политическими методами решать территориальные споры.

Рекомендовать центральной и местной партийной печати в публикациях, связанных с осуществлением закона, проявлять взвешенность, призывать людей к конструктивному диалогу, выдержке, осуждать экстремизм, самоуправство.

Отдел национальной политики ЦК КПСС

Приложение к п.7г, пр. № 30 ЦК КПСС

РЕПРЕССИРОВАННЫЕ НАРОДЫ СЕГОДНЯ

1990 - 1993 годы

КАЗАЧЕСТВО

Сегодня в стране казачества не существует, но есть его потомки. Реабилитация изведенного сословия назначена парламентом РСФСР на осень, а реанимация его в традиционных областях казачьих войск идет так мощно, что не было среди претендентов на пост российского президента такого, кто не хотел бы получить поддержку "от вольных войск, от храбрых атаманов".

Казаки собираются под старинными знаменами, но они уже сегодня — нечто большее, чем хранители реликвий российской древности, а завтра станут реальной силой. Историк казачества Александр Козлов, например, считает, что все актуальнее становится вопрос "С кем вы?". В духе писателя Пешкова: "Казаков всегда пытались использовать как разменную монету в большой политической игре. Люди при власти хотят превратить их в охранительную силу, в опору системы, которая рушится. А потом режиссеры опять останутся за кулисами, а расплачиваться будет казачество"...

Многим: и репутацией российской Вандеи — опричников, "контрреволюционного, мелкобуржуазного сословия", извечно враждебного трудовому народу, и кровопусканием, обезлюдевшим казачьи земли, и вытоптанной памятью о себе — казачество обязано большевикам. Поэтому, когда сегодня появляются "товарищи атаманы", это звучит как диагноз...

Но к подлинному казачеству это все не имеет никакого отношения — оно-то имеет громадный, многовековой опыт демократии.

Во времена своего расцвета, в XVII веке каждое казачье сообщество было маленькой демократической республикой. На все четыре стороны — монархии: Россия, Турция, почти вся Европа, а у казаков — вольница.

Войсковой круг — нечто вроде широкого народного парламента, войсковой атаман — подобие президента с функциями верховного главнокомандующего. Он избирался на год, но могли сместить, не дожидаясь срока не только его — любого выборного начальника. А до XVIII века все казачьи офицеры были выборными; возвращаясь из похода, они слагали с себя воинские звания.

Но при подобной вольности существовал принцип, в походах выдерживающийся беспрекословно: "Куда атаман кинет взглядом, туда мы кинем головы"; суровая дисциплина и повиновение. Казаки сумели найти то алхимическое соединение свободы и порядка, к которому недостижимо стремит-ся нынешняя Россия. Но это был результат свободного творчества

вольных людей, а все остальное: воинская слава, верность и вера — только следствие.

Казак по сути своей, по мировосприятию — хозяин. Хозяин собственной земли и свободы. Но земля им давалась на особых условиях — за военную службу, и казаки ревниво следили, чтобы она не уходила на сторону, оставалась за войском. Чтобы возродить их традиционный уклад жизни, нужно решить главный вопрос — о земле.

Казакам трудно рассчитывать и на понимание так называемого "иногороднего населения". Недавно Союз казаков Дона предложил областным властям установить контроль "за неограниченной миграцией на Дон с целью ее ограничения и недопущения стихийной скупки жилья и земельных участков". По данным социологических опросов, более половины казаков эту меру поддерживают, но такое же количество неказачьего населения не одобряет.

Если казаков вернуть на землю, ее может не хватить даже местному крестьянскому населению — на Дону многие станицы еще до революции официально считались малоземельными. Сгонять людей с земель, на которых они жили десятилетиями и тоже рассчитывают получить надел? И где взять эту землю, скажем, на Тереке, где плотность населения чрезвычайно высока — на грани национального противостояния?

А казаки — исконные пограничники, не только по службе, но и по духу. Они и жили на рубежах, на окраинах страны. Восстановление казачьих воинских подразделений, особо — в пограничных войсках, как того требует Декларация казачества России, принятая в ноябре 1990 года, для донцов, терцев или кубанцев не более чем возвращение к привычному мироустрой-ству. Казаки всегда заключали договор с существующей властью о том, что будут служить ей верой и правдой. Но — какова власть, такова и служба.

В резолюции Большого круга терского казачества "О межнациональных отношениях" утверждалось, что "казаки всегда были сторонниками единой, могучей державы... отважно сражались за единую неделимую Русь, за расширение границ Российской державы". Сегодня слово "граница" (со всеми его определениями — нерушимая, святая, туда нельзя — сюда нельзя) — пароль, пропуск в круг определенных политических идей. Они предпо-лагают поворот от национального патриотизма к территориальному и связь скорее с единоверцами, братьями по идеологии, чем с единокровниками.

Боюсь только, неизбежен спор — на каких рубежах будет стоять казачье воинство: на границах СССР, России 1917-го или России 2000 года, или на границах областей казачьих войск, восстановления которых требуют и донцы, и терцы, и казачье население Восточного Казахстана? Система предлагает два пути: или призрак незаконных воинских формирований будет стращать цивильное население страны, со всеми предполагающимися

последствиями и для призрака, и для населения, или же казакам следует "при коне и амуниции", с хоругвями, с девизом "С нами Бог и отечество" стать частью войск КГБ или МВД...

Правда, среди казачьей интеллигенции распространено другое мнение: казаки могли бы стать основой муниципальной милиции или егерских отрядов. Но идеологические порядки в современной армии и воинские традиции казачьего сословия плохо совместимы...

Лиана МИНАСЯН

"Независимая газета" 26 июня 1991.

* * *

В настоящее время людей, относящих себя к казакам по прямой линии, в крупных исторических областях казачьих войск насчитывается не более 10-15 процентов от числа проживающих в этих областях (на Дону, Кубани, в Оренбуржье) и порядка 1-1,5 процента на Дальнем Востоке.

* * *

На сегодня фактически существуют две казачьи организации, претендующие на общероссийский уровень,— "СОЮЗ КАЗАКОВ" (создан

в июне 1990 года, зарегистрирован в марте 1992 года) и "СОЮЗ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК РОССИИ" (создан в июле, зарегистрирован в октябре 1991 года).

"Московские новости"

20 сент. 1992 г.

ИЗ ДВУХ ЗОЛ — ЛУЧШЕЕ

Выступая на пресс-конференции, атаман ОВД В.И. Каледин охарактеризовал решение расширенного заседания совета атаманов и военного совета казаков ОВД.

- Президент определился, и надо дать возможность народу также определиться и прекратить дискуссии, - сказал атаман. - Должны состояться выборы нового высшего законодательного органа России, скорее всего — традиционного для русского народа Учредительного собрания, должна быть сформирована новая власть — правительство национального спасения.

Касаясь указа президента "О реформировании военных структур, пограничных и внутренних войск на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации и государственной поддержке казачества", В.И. Каледин отметил, что этот документ — результат длительной борьбы казачества и нынешнего сложного положения президента.

Указ подписан Б.Н.Ельциным после окончания работы VIII Съезда народных депутатов России — 15 марта. Многие его положения, надо сказать, не могут не вызвать настороженность и вопросы. Судя по документу, казачеству отводится, в частности, немаловажная роль в создаваемых на Северном Кавказе силах немедленного реагирования, частях оперативного назначения внутренних войск МВД.

Не разыгрывает ли президент в своей политической борьбе "казачью карту" и не придется ли всем нам (и казакам в том числе) расплачиваться впоследствии за поддержку президента казачеством? — на этот вопрос вашего корреспондента атаман Каледин сказал, что документ готовился давно и не носит компромиссного характера. Казаки полны решимости наводить порядок на своих землях и не намерены вмешиваться в дела соседей. Он, атаман, принципиально против участия казачества в операциях войск МВД.

Пресс-конференция В.И.Каледина проходила поздним вечеров в воскресенье в Парамоновском дворце, захваченном в свое время казаками, которые разместили в нем свои службы управления. Здание напоминало потревоженный улей.

- Нами объявлено состояние "войска в походе", - объяснил атаман. - Задача - обеспечить порядок, следить, чтобы были мир и покой, чтобы никаких провокаций. В самых ответственных местах выставлены патрули.

- Добиваясь отставки президента, - сказал В.И.Каледин, - консервативные силы попытаются отменить и указ о государственной поддержке казачества. Мы не допустим этого, казачество будет бороться, чтобы указ получил механизм выполнения.

На всей территории области войска Донского (а это Ростовская область и 21 район Волгоградской области), заявил атаман, должны быть проведены сессии Советов народных депутатов. Если они не поддержат казачества, наступит кризис политической власти на Дону. Союз казаков области войска Донского от имени Круга возьмет на себя вопросы возрождения края. Наша цель - соединиться со всем казачеством, спасти Россию, спасти Дон.

Комментировать по горячим следам не берусь, хотя нетрудно заметить: оказывая поддержку президенту, казаки более всего обеспокоены своими проблемами.

Ростов-на-Дону

Владимир Фомин, соб.корр. "ЛГ"

"Литературная газета" 24 Марта 1993.

КОРЕЙЦЫ

Всесоюзная ассоциация советских корейцев — ВАСК была создана чуть больше года назад в Москве.

Сегодня в СССР проживают 440 тысяч корейцев. География расселения - чаще всего принудительного - самая причудливая. В Узбекистане - 200 тысяч, Казахстан стал родиной более чем 100 тысяч. В Кыргызстане и Тад-жикистане — по 15 тысяч. Корейцы живут на Украине и Северном Кавказе, в Белоруссии и Эстонии. В Российской Федерации корейцы обжили Хабаровский край, много их во Владивостоке, Красноярске и Свердловске. Корейцев-москвичей сегодня 5 тысяч.

В годы сталинизма корейцы стали чуть ли не первой нацией в СССР, подвергшейся репрессиям. Сначала в 35-м расформировали национальные полки в составе Особой дальневосточной армии, а их командиры — герои гражданской войны в Приморье — были брошены в тюрьмы. В 37-м они были переселены в районы Средней Азии и Казахстана. Одна часть корейского народа была сгноена в лагерях, другая - погибли как нация в условиях спецпоселений. За годы репрессий корейский народ потерял более 400 школ, институты, библиотеки, газеты, журналы, типографии. Распыление корейцев по стране привело к утрате традиций и языка.

Президент Всесоюзной ассоциации советских корейцев профессор МГУ Михаил Пак отвечает на вопросы корреспондента «НГ» Нат. Пачегиной.

- Если не ошибаюсь, большинству советских людей о наших корейцах известно лишь по эпизоду в романе Фадеева "Разгром", где складывается драматический треугольник: крестьянин-кореец, партизанский командир Левинсон и свинья, послужившая делу революции.

- Да, у меня на столе вы видите книги о судьбе корейского народа в нашей стране. Все они изданы за рубежом.

- Какие задачи вам кажутся первоочередными в процессе национального возрождения советских корейцев?

- Мы не настолько наивны, чтобы не понимать: национальный кризис так глубок, что потребуются усилия не одного поколения корейцев, чтобы вдохнуть жизнь в наши умирающие культуру, традиции, язык. В связи с этим руководством ВАСК разработана конкретная программа решения

первоочередной, как представляется, задачи: возрождения и развития национальной культуры и языка. Тут возникает множество проблем, например, финансирование долгосрочных программ национально-культурного возрождения со стороны Центра и республик, где проживают советские корейцы. Сюда входит издание книг, газет, журналов на корейском языке, развитие национального театра, подготовка учительских кадров, национальной интеллигенции, создание детских садов, где дети будут развиваться в родной языковой среде. Важна здесь и роль культурных связей советских корейцев с нашей прародиной.

- Как, кстати, складываются отношения советских корейцев и ВАСК

с обеими Кореями?

- Изменение обстановки в азиатско-тихоокеанском регионе благоприятствует, на мой взгляд, национальному возрождению советских корейцев. Приветствуя переговоры между Севером и Югом, мы желаем национального воссоединения Кореи. Однако ВАСК не считает возможным пропаганду или иную поддержку позиции одной из сторон. Мы за дружбу и сотрудничество с обеими ныне существующими корейскими государствами.

- Можно ли говорить, что существует проблема эмиграции среди советских корейцев?

- Нет, если немцы могут рассчитывать на прием в объединенной Германии, то мы настолько утратили язык, национальные традиции,что об эмиграции говорить не приходится. А главное, корейцы считают эту землю своей родиной: они, как и другие народы нашей страны, разде-лили ее горькую судьбу. Мне кажется, мы вправе считать эту страну своей родиной. Другое дело, что растет тяга советских корейцев к возвра-щению в исконно родные места — Хабаровский край и Приморье. Одной из задач ВАСК должна стать организация в государственном масштабе переселения корейцев на Дальний Восток. Мы должны создать Сбербанк для финансирования миграционных процессов среди корейцев - ведь для национального возрождения важно компактное расселение, значит, встанут вопросы создания необходимой социальной инфраструктуры.

- Сегодня в СССР не счесть очагов межнациональной розни. Как чувствуют себя корейцы в союзных республиках?

- Очень неуютно. События в Оше, трагедия турков-месхетинцев, судя по сообщениям республиканских отделений ВАСК, вызывают озабоченность у корейского населения. До меня дошли мрачные стишки, сложенные не так давно в Таджикистане: "Русских — в гробы, а корейцев — в рабы"...

Сегодня тревожно и на Северном Кавказе...

"Независимая газета"

17 августа 1991 г.

КУРДЫ

По данным переписи 1979 года, в СССР было 116 тысяч курдов и жили они в разбросе по десяти республикам. При следующей переписи, спустя десять лет, количество курдов почти удвоилось. Что это – демографический взрыв? Скорее, обратный ход ассимиляции, если, конечно, допустимо столь парадоксальное выражение. В изменившейся политической обстановке многие люди в нашей стране сочли возможным объявить о

своей подлинной национальности...

Летом 1990 года состоялся первый съезд советских курдов, принята программа возрождения народа.

"Независимая газета"

25 апр. 1991 г.

* * *

Курдский народ — граждане бывшего СССР — рассеян сегодня на территории 10 бывших союзных республик. Над ним нависла реальная угроза распада духовного единства, утрата языка, национальных традиций

и культуры, прекращения существования как самостоятельной нации.

Т.М. Броев

"Голос курда", газета Центра курдской культуры. Дек. 1991.

* * *

Курды скитаются по стране в поисках пристанища. В Краснодарском крае им отказывают в прописке. Поселившихся там курдов казаки изгоняют из сел и городов...

"Голос курда",

№ № 5-6 1992 г.

* * *

"После взятия армянами Лачина и разблокирования 7-километрового коридора между Карабахом и Арменией в тени осталось другое событие: как в воду канули 7,5 тыс. курдов из Лачина и его окрестностей.

Слухи самые невероятные. И что они ушли в горы, создав там партизанский отряд. И что пробиваются к границе с Турцией. И, наконец, им приписывается тайный договор с Арменией...

"Ты не думай, - потом мне говорил известный в Армении правозащитник Паруйр Айрикян, с которым я приехал в Лачин, - что мы выгнали отсюда курдов. Они сами ушли. Захотят - пусть возвращаются".

"А мое мнение, - вставил комендант города, который отказался представиться, - чтобы здесь не было ни одного турка".

Трагедия курдов в том, что они оказались между двух огней - между армянами и азербайджанцами. Каждая из сторон пытается использовать курдов в своих интересах. Армяне поддерживают стремление к восстановлению "Красного Курдистана", существовавшего с 1923 по 1930 год, поскольку им это выгодно: под присмотром остается "коридор" с Карабахом, который неизбежно закроется с возвращением сюда азербайджанцев.

"Нам надо готовиться к победе, - считает Уякиль Мустафаев, зампред курдской организации "Якбун".- Мы сейчас собираем добровольцев из 9 республик СНГ, чтобы отвоевать у азербайджанцев остальные земли – Кельбаджар, Зангелан, Кобетлю и восстановить курдскую государственность".

Однако это движение наотрез отказался возглавить лидер "Якбуна" Мухаммед Бабаев. Он мне сказал, что азербайджанцы и курды - братья. И он сделает все, чтобы не пролилась кровь.

Два этих взаимоисключающих взгляда - свидетельства раскола внутри курдского движения. И поэтому "тайна" Лачина выгодна всем. И азербайджанцам, которые надеются использовать курдов в борьбе против армян. И армянам, готовым поселить в пустой город кого угодно, только не "турок". Вот и вскрывается очевидная вещь: никто и ни о чем с курдами накануне взятия Лачина не договаривался. Армянами был открыт полномасштабный огонь по всем правилам войны. Люди бежали из города, оставив все. Бежали в другие курдские села, подальше от линии фронта...

От азербайджанцев, хотя они и считаются братьями, курды прячутся по селам и горам, только бы не воевать с армянами. А в Армении шагу свободно не ступишь. Всюду спрашивают: "Ты кто? Откуда?" Наверное, это единственная республика, где неармянин вызывает подозрительный интерес.

Может, поэтому армяне предложили курдам-езидам поселить в Лачине курдов из Казахстана и Средней Азии. "И армянам это выгодно, - говорит один из руководителей езидского движения Тоосын Рашид, - и курды хотят воссоединиться".

В 1990 году был основан многострадальный поселок Ходжалы, куда были поселены беженцы азербайджанцы из Армении и турки-месхетинцы

из Узбекистана. Оказавшись в роли победителей, армяне эту же участь предлагают курдам.

"У нас другого выхода нет, - считает Уякиль Мустафаев, - я уже ездил в Карабах, там не возражают, чтобы первые добровольцы из Казахстана и Узбекистана перебрались в Лачин. Это для нас шанс не потеряться как народу".

Мне же вспоминаются другие карабахцы. Те, что на меня кричали "Турок!", а потом пошли из одного лачинского дома в другой в поисках чего-нибудь, что могло бы пригодиться в хозяйстве.

Сулейман АЛИ, сирийский журналист

"Московские новости" 7 июня 1992 г.

ИНГЕРМАНЛАНДЦЫ

...Сколько же нас, ингерманландцев, было, сколько осталось?

По переписи населения 1897 года в Санкт-Петербургской губернии финно-язычное население насчитывало 210 тысяч человек. Сюда входили и финны из Финляндии, проживающие в Петербурге и его пригородах, эстонцы, ижоры и водь. По переписи 1926 года 153 тысячи человек назвали финский язык в качестве родного. После упразднения автономии, выселений, войн, ассимиляции в 1959 году финнов у нас - в стране! - насчитывалось 92 тысячи... По переписи 1979 года - 77 тысяч, однако неизвестно для сколь-ких из них финский язык оставался языком живого общения.

Почти два послереволюционных десятилетия были периодом актив-ного развития ингерманландских финнов, оказавшихся уже с 30-х годов жертвами нескольких волн сталинских репрессий и поставленных на грань национальной катастрофы. Коллективизация стоила финнам-ингерман-ландцам около 18 тысяч выселенных. В 1932-1934 годах более 10 тысяч финнов оказались поголовно выселенными из приграничных районов с Финляндией. В 1937-1938 годах ингерманландцы почти полностью потеряли национальную интеллигенцию. Было закрыто все служившее основой финской культуры в Ленинградской области: национальные школы, техникумы, отделение в институте им. Герцена в Ленинграде, дома культуры, газеты, издательства, прекратились радиопередачи на финском языке, были закрыты все церкви. В 1942 году та часть ингерманландских финнов, которая оказалась в блокаде (около 25 тысяч человек), в качестве спецпереселенцев в течение суток была вывезена по Дороге жизни в

Сибирь. В 1943 году с оккупированной территории Ленинградской области 63 тысячи финнов германскими и финляндскими властями были вывезены в Финляндию.

В конце 1944 года, после подписания перемирия, 55 тысяч возвратилось в СССР. Несколько тысяч бежало в Швецию. Часть осталась в Финляндии. Вернувшиеся не получили обещанного им разрешения поселиться в родных деревнях - это было преимущественно сельское население. Из Финляндии их увозили домой, но привозили в Псковскую, Новгородскую, Вологодскую, Ярославскую, Калининскую области. Все, кто по смерти "отца народов" пытался поселиться на родине, получали отказ.

Многих принимала Карелия, другие сумели обосноваться в Эстонии. Ко времени, когда финны получили разрешение на прописку в Ленинградской области, их дома либо не сохранились, либо в них жили новые переселенцы. Для них новоявленные исконные жители были не больше, чем "эмигранты из Финляндии". Из 23 тысяч финнов, живущих ныне в Ленинградской области, лишь немногие сумели поселиться там, откуда ушли. В настоящее время примерно по 20 тысяч ингерманландцев-финнов живет в Эстонии и Карелии...

Тойво ФЛИНК. Воспоминания.

Журнал "Север" 1990, №. 2. С. 129-132

ПОЛЯКИ

И.В.Сталину 17 июня 1945 г.

В лагерях и тюрьмах НКВД СССР находится всего польских граждан - 25047 чел.; в лагерях интернированных - 12280 чел.; в ПФЛ - 9185 чел.; в лагерях ГУЛАГа - 2285 чел.; во фронтовых лагерях и тюрьмах - 1297 чел.

Кроме того в лагерях НКВД СССР для военнопленных имеются военнопленные поляки, служившие в немецкой армии и взятые в плен в составе немецких частей, — 3273 чел. и в рабочих батальонах, находящихся в УССР, из числа мобилизованных в немецкой Силезии немцев, которые считают себя поляками,- 7202 чел. ...

Л.Берия

"Иосиф Сталин — Лаврентию Берия:

"Их надо депортировать..."'.

Сб. документов. М., 1992. с. 217

РЕШЕНИЕ О РАССТРЕЛЕ ПРИНИМАЛОСЬ В ЦК

Главный государственный архивист Российской Федерации Рудольф Пихоя 14 октября привез в Варшаву документы, касающиеся российско-польских отношений.

Под грифом "совершенно секретно", "особая папка", "справок не давать" — анатомия страшного преступления. Чего стоит только одна "бумага" на бланке "Коммунистическая партия (большевиков). Центральный Комитет" с решением от 5 марта 1940 года "Рассмотреть в особом порядке, с примене-нием к ним высшей меры наказания — расстрела". Так решилась судьба 21 тысячи 857 польских военнопленных и гражданских лиц, которые попали в лагеря на территории бывшего СССР после 17 сентября 1939 года — даты вторжения в Польшу, которое официально называлось освободительной миссией Красной Армии в Западной Украине и Белоруссии.

Еще один документ — записка Берии в ЦК ВКП(б) "Товарищу Сталину.

О польских военнопленных, дела которых предлагается рассмотреть в том самом "особом* порядке"... На машинописном тексте первой странички одобрительные подписи Сталина, Ворошилова, Молотова, Микояна, а на полях — протокольная формальность: "т. Калинин - за, т. Каганович - за".

Интересен один документ, датированный мартом 1959 года: записка Н.Хрущеву, в которой тогдашний шеф КГБ А.Шелепин замечает, что персональные дела расстрелянных поляков не представляют "никакой оперативной и исторической ценности", и сомневается, что они могут иметь какую-то действительную ценность для польских друзей. Поэтому прилага-ется проект постановления ЦК КПСС о ликвидации этих дел.

За эти полвека на Западе вышли десятки документальных книг, разоблачающих катыньское преступление НКВД. Однако официальное мнение руководства ПНР долго оставалось созвучным с "кремлевской версией". И только в марте 1988 года впервые в истории народной Польши в сейме была поднята тема Катыни. Тогда был сделан депутатский запрос министру иностранных дел ПНР, где говорилось, что "выяснение подлинных обстоятельств злодейского убийства тысяч польских офицеров послужит укреплению взаимной дружбы и доверия между польским и советским народами".

Валерий Мастеров, собкор "МН", Варшава

"Московские новости" 25 октября 1992 г.

* * *

В Калининградской области создано польское национальное образование.

"*Московские новости" 29 марта 1992 г.*

НЕМЦЫ

Пожелтевший от времени с обтрепанными краями листок с детской песенкой на немецком языке — а на обороте детскими каракулями старательно выведено: "1942 г 12 декабря взяли моево папа в Трут Арми

Приехал дамой 1943 24 Май болел 4 месяца потом умер 26 Август 1943

1943 г. 9 декабря собрала мой мама в Трут Арми Приехал потом саболела умерла 1945 года 7 января. Дамм Гертруда".

Всему миру известен дневник Анны Франк, повествующий об уничтожении гитлеровскими фашистами еврейской семьи, - об организации массовой гибели советских граждан, преследуемых за национальную принадлежность, пока неизвестно не то что миру - бывшей Стране Советов.

* * *

...События последнего года, особенно геноцид в Ингушетии лишний раз показал, что российское руководство не может, да и не желает решать коренные проблемы наиболее обездоленных национальных групп. Так, вопреки Закону о реабилитации репрессированных народов, а также Указу Президента России от 21 февраля 1992 года, ничего не сделано для реального восстановления государственности российских немцев. Фактически игнорируется и совместный протокол правительства России и Германии от 10 июля 1992 года о поэтапном воссоздании республики немцев на Волге...

В этих условиях у российских немцев нет ни малейших оснований полагаться на чьи-либо заверения о готовности властей к восстановлению нашей государственности...

Отсутствие ощутимого прогресса в регулировании межнациональных проблем, взаимоотношений между центром и регионами подрывает

единство Российского государства, все более усиливая сепаратистские тенденции. Они, однако, объективно ограничены невозможностью резкой переориентации сложившихся экономических связей. В этих условиях будущее отдельных регионов и этносов, как и Федерации в целом во многом зависит от экономической политики центральных властей.

...Насколько достижима основная цель нашего движения - обеспечение этнического самосохранения? Определенной гарантией ее реализации могло бы стать лишь незамедлительное и реальное восстановление республики на Волге. Поскольку шансов на это практически нет, то и этническое самосохранение остающихся на территории бывшего СССР российских немцев становится крайне проблематичным. При дисперсном расселении никакие культурные центры, кто бы их ни создавал, не предотвратят все более ускоренной ассимиляции. Места компактного проживания - вот наша последняя надежда на этническое самосохранение на этой земле...

Из содоклада зам. председателя МГСН В.Дизендорфа

на III Съезде немцев бывшего СССР.

Москва 26.02.1993 г.

НА РЕЙНЕ НЕ ВЕРЯТ В РЕСПУБЛИКУ НА ВОЛГЕ

В прошлом году из России в Германию переселились 195 тысяч российских немцев. С 1987 года бундесбюргерами стали полмиллиона наших бывших соотечественников. На чемоданах сидят 90 процентов из почти двух миллионов остающихся немцев.

Двери для них в Германию по-прежнему открыты. Пусть не так широко, как хотелось бы кандидатам в граждане ФРГ, но открыты. Наших здесь все так же радушно принимают, обустраивают. Работу, правда, каждый должен искать сам, что не так просто при трех с лишним миллионах незанятых "коренных" и восточных немцев. Кто-то находит,

кто-то нет.

Заветной мечтой Бонна, однако, было бы прекращение этого нескончаемого потока переселенцев. Причин тому немало, а главная – экономические сложности в стране. Поэтому в свое время с таким оптимизмом была встречена идея Поволжской немецкой республики. Помню, в какой эйфории пребывал в ноябре 1991 года канцлер Коль после встречи с президентом Ельциным, когда "друг Борис"' пообещал восстановить историческую справедливость и разрешить немцам вернуться на Волгу. И хотя лидеры российских немцев предупреждали, что под "возвращением на родину" их народ понимает отъезд не на Волгу, а на

Рейн, иллюзии сохранялись. "Ведь президент Ельцин дал слово!" – парировал мои сомнения один из боннских правительственных чиновников.

Завершившийся на днях в Москве 3-й конгресс российских немцев, кажется, вернул на "грешную землю" даже профессионального оптимиста Хорста Ваффеншмидта - официального уполномоченного федерального правительства по делам российских немцев. Не помогла и новая инициатива Москвы образовать некий "национальный совет немцев" для решения вопроса об их автономии. "Какой смысл в правительстве без территории",- заявил в сердцах Ваффеншмидт.

Официально никто в Бонне, конечно, не признается, что планы воссоздания Поволжской немецкой республики похоронены. Это следует, однако, из настойчивых рекомендаций обратить более пристальное внимание на "успех" немецких округов и поселений в Омской области и на Алтае, призывов поддержать их опыт на местах будущего компактного проживания немцев в Санкт-Петербурге и Пскове. 250 миллионов марок заложено в федеральном бюджете на нынешний год на помощь российским немцам. Львиная доля из них, судя по всему, пойдет именно на финансирование таких проектов. Цель правительства ФРГ все та же: содействовать созданию условий, чтобы хотя бы часть немцев отказалась от выезда из России. Что же касается остальных, то им придется ждать своей очереди. Сейчас уже подано 600 тысяч заявок. Пропускная способ-ность федеральных властей - 200 тысяч человек в год. Значит ли это, что через десять лет в России не останется ни одного русского немца? Или новый курс Бонна все же принесет положительные плоды?

БОНН Валентин Запевалов, соб.корр. "ЛГ"

"Литературная газета" 11 марта 1993 г.

Анатолий МАЙЕР

Проснись, Россия!

Россия-родина, проснись!

Открой же сонные ресницы,

С полей твоих унылых птицы

Летят, куда ни оглянись.

Твои сыны, Россия-мать,

Так и не ставшие сынами,

Не остаются больше с нами,

Тебе уже их не обнять.

Не наградить их поздней лаской

И не сказать им добрых слов —

Открыты двери, снят засов

И все, что было, страшной сказкой

Они у дальних берегов

Не Волги-матушки, а Рейна

Передают по поколеньям

Слезами горькими без слов.

Проснись, Россия!

Хватит спать.

Внемли словам мольбы. Утрата

Уж велика. И брат на брата

Готов здесь снова воевать.

Здесь снова правят лихоборы,

Мздоимцы, подлецы, лгуны,

Они всевластием пьяны,

А кто-то новой ждет "Авроры".

Проснись, Россия — мать добра!

Открой же сонные ресницы,

Не дай несчастию случиться.

Уже давно пришла пора

Остановить виток гонений

И в ладно вьющуюся нить

Народы все объединить

На благо новых поколений!

КАРАЧАЕВЦЫ

ТРУДНЫЙ ПУТЬ К ВОССТАНОВЛЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

25 июля 1992 г. в г. Карачаевске прошло 5-е заседание Чрезвычайного съезда карачаевского народа. Среди делегатов были представители и ВС РФ, и ряда республик. Присутствовал во главе большой делегации и Президент Чеченского государства Джохар Дудаев. Официальные органы власти (Хубиев В., Савельев В.) не только не принимали участие, но всячески препятствовали проведению этого форума. Более того, нарушив вековой обычай гостеприимства, они попытались не пустить Д.Дудаева в наш край. Когда это им не удалось, они на следующий день направили ходоков (стариков Урусова А. и Кубанова А.) к Дудаеву, чтобы уговорить его уехать.

Выступающие на съезде говорили, что ВС РФ не выполняет собственные законы, в частности, Закон "О реабилитации репрессированных народов". Карачаевский народ долго и терпеливо ждет восстановления своей государственности, но похоже, что не дождется. ВС РФ, да и президент Ельцин по пути демократии делают шаг вперед и два шага назад. Иначе как понять отзыв Президентом своего законопроекта о восстановлении карачаевской автономной области? Тиран Сталин в 1943 г. выселил карачаевцев, отобрал их государственность, а демократ Ельцин не возвращает отобранное, не восстанавливает историческую справедливость. Что остается делать карачаевскому народу? Последний шаг, последняя надежда — Конституционный суд РФ. Но если и Конституционный суд не решит этот вопрос, то карачаевский народ, полностью разуверившись добиться справедливости от высших властей России, изберет другой путь.

Об этом говорили все выступившие на съезде.

РЕЗОЛЮЦИЯ

5-го заседания Чрезвычайного съезда карачаевского народа

от 25 июля 1992 г.

Заслушав и обсудив доклад председателя Общенационального Совета Карачая (ОНСК) Батчаева Б.С. "О восстановлении национально-государственного образования карачаевского народа", участники

Чрезвычайного съезда констатируют, что реализация закона "О реабилитации репрессированных народов" от 26 апреля 1991 года с помощью политических интриг фактически заблокирована. О его неудовлетворительной реализации указывалось и в Постановлении Совета Национальностей ВС РФ от 10 июня 1992 года.

Особую тревогу и обеспокоенность делегатов съезда вызывает то обстоятельство, что многие должностные лица, занимающие ответственные посты в госаппарате Российской Федерации и Карачаево-Черкесии, либо относятся к Закону "О реабилитации репрессированных народов" безразлично, либо активно прибегая к незаконным приемам, противодействуют его осуществлению. Достаточно отметить, что ни одна статья этого закона не реализована по отношению к карачаевскому народу, хотя установленные сроки его реализации истекли в 1991 году.

Во многом это — "заслуга" правительственной комиссии, возглавляемой Министром юстиции РФ Федоровым Н.В., и членов ее: и.о. главы администрации Карачаево-Черкесии Хубиева В.И. и народного депутата РФ Урусова А.Г.

Но терпение народа не беспредельно. Он требует лишь восстановления исторической справедливости и в дальнейшем не намерен сносить аппаратные игры и всевозможные политические интриги, преследующие цель в очередной, третий по счету раз лишить карачаевский народ его национально-государственного образования.

Стабильность межнациональных отношений может быть обеспечена только на путях восстановления исторической справедливости, взаимоуважения и признания прав народов, строгого и безусловного соблюдения международных актов и законов Российской Федерации. Всякий другой путь ведет в тупик.

Чрезвычайный съезд карачаевского народа, собравшийся в переломный период Российской Федерации, постановляет:

1. ОНСК мобилизовать усилия Карачаевского народа, всех демократических сил Карачая и направить их на устранение незаконно и искусственно чинимых препятствий местной номенклатурой, отдельными руководителями органов власти и управления Российской Федерации на пути восстановления национально-государственного образования карачаевского народа...

2. Поручить ОНСК в строгом соответствии с государственными и международными правовыми актами разработать проект нормативно-правового документа, гарантирующего права казачества на территории Карачая.

3. Осудить деструктивную и антиреабилитационную деятельность руководства Карачаево-Черкесии и отдельных руководителей центральных

органов власти и управления. Предупредить, что вся ответственность за негативные последствия ляжет на них.

4. Бойкотировать выборы в Верховный Совет Карачаево-Черкесии и другие антиреабилитационные мероприятия, направленные на искусственное, противозаконное создание единой КЧССР.

5. В связи с противоречивостью Указа Президента Верховного СоветаСССР от 9 января 1957 года, а также блокированием должностными лицами Карачаево-Черкесии Закона РФ "О реабилитации репрессированных народов" в части восстановления национально-государственного образо-вания карачаевского народа со ссылкой на результаты сфабрикованного, не порождающего правовых последствий, опроса населения всей Карачаево-Черкесии, поручить ОНСК обратиться в Конституционный суд РФ с заявлением о признании образования Карачаево-Черкесской автономной области в соответствии с п.2 Указа ПВС СССР от 9 января 1957 года, а также действий областной и федеральной номенклатуры, направленные на сохранение единой Карачаево-Черкесии, антиконституционными.

6. Поручить ОНСК в случае необходимости представить в ООН соответствующие материалы, свидетельствующие о грубом нарушении руководством Карачаево-Черкесии Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 года, закрепляющего права народов на самоопределение, свободное установление своего политического статуса.

7. Осудить попытки и.о. главы администрации Карачаево-Черкесии Хубиева В.И., направленные на воспрепятствование реализации суверенного права балкарского народа по определению своего политического статуса.

8. Поручить ОНСК разработать нормативную базу по организации и проведению выборов в органы государственной власти Республики Карачай.

9. Учредить временный флаг Республики Карачай.

Резолюция принята единогласно.

Председатель Чрезвычайного съезда карачаевского народа

И.Х.Байрамуков

КАЛМЫКИ

Антон РОМАНОВ

Из выступления на 3 съезде Конфедерации репрессированных народов.

Еще в июле 1991 года Верховный Совет и Правительство республики Калмыкия в соответствии со ст. 13 Закона "О реабилитации репрессированных народов" внесли в Верховный Совет и Правительство России проект Постановления "О мерах по восстановлению законных прав калмыцкого народа и граждан Калмыкии — Хальмг Тангч во исполнение Закона РСФСР от 26 апреля 1991 г. "О реабилитации репрессированных народов".

Прошло 16 месяцев, но решения по этому вопросу федеральные власти не приняли. Видя, что ни один орган федеральной власти не собирается решать вопросы территориальной, политической, социальной и культурной реабилитации калмыцкого народа в целом, республика Хальмг Тангч попы-талась решить поставленные вопросы по частям, но не нашла поддержки ни в Верховном Совете, ни в Правительстве Федерации. Все отшатывались от нас, как от прокаженных. Между тем, эти вопросы для Калмыкии и населе-ния республики имеют важное жизненное значение.

Взять хотя бы проблему отгонных пастбищ. В существующих ныне границах Республики Калмыкия Хальмг Тангч наши соседи - Астраханская область и Дагестан - занимают 601 тыс. гектаров, где пасут скот, пашут землю и т.д. Астраханцы, получившие эту землю после депортации калмыков, встали на принцип: ни пяди земли они не вернут. Дагестан проявил понимание и уступил 31 тыс. га, но, увидев, что позиция астраханцев поддержана Федеральными властями, прекратил с нами переговоры. Получается, что мы у себя дома не хозяева, где уж тут вести речь о возвращении двух районов Приволжское и Долбанское, общей довоенной площадью 700 тыс. га, которые Россия должна вернуть Калмыкии из Астраханской области согласно ею же принятому Закону.

Проблема невозвращенных Калмыкии двух районов для нас, да и для России, не столько территориальная, сколько ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ и, как следствие экономическая. Что случилось бы, к примеру, если бы кому-нибудь взбрело в голову перекрыть течение Волги дамбой и отгородить ее от Каспия? Море высохло бы, как высох Арал. Нечто подобное происходит в результате недальновидности и некомпетентности федеральных властей

с калмыцкой степью. Калмыкам невозвращением этих двух районов перекрыли выход к Волге и ее дельте, оторвав, отрезав тем самым Черные земли Калмыкии от воды, пойменных лугов, лишив ее запаса кормов. До выселения калмыков скот на зиму перегоняли на Черные земли, весной возвращали в низовья Волги. Степь отдыхала, набирала силу,

восстанавливалась. Теперь миллионы овец, сотни тысяч крупного рогатого скота и зимой и летом топчут пастбища. Степь уже не в силах выдержать такую нагрузку: истощилась плодоносная почва, обнажилась земля, лишенная раститель-ности, образовались песчаные барханы. Утверждают, что ветром наша пыль и песок переносится во Францию. Не знаю насчет берегов Сены, но что экологическую катастрофу Калмыкии ощущают на Ставрополье и в Ростовской области — это факт. Так ошибки в политике приводят к экологическим бедствиям, которые равно опасны всем живущим сегодня в стране и в мире — экологические нарушения не различают администра-тивных границ, равно губительны всем народам и нациям. Оттягивать или замораживать разрешение подобных недоразумений – значит затягивать гордиев узел межнациональных недоразумений, что, как известно, в конце концов приводит к мечу...

Как будто бы сегодня отказались от понятий "старший" и "младший", но пуще прежнего торжествуют понятия "сильный" и "слабый". Нашей жизнью погоняют сила, произвол очередных администраторов, а не Закон, поэтому люди разочарованы и тает их вера в справедливость и верховенство права. Уже раздаются призывы к топору и вилам, а в ответ с берегов Волги грозят Карабахом. Пока мы не даем разгореться пожару. Пока! Но нельзя, недопустимо оттягивать решение этого вопроса до полной бесперспективности, и нельзя допустить, чтобы всю вину за содеянное не нами свалили на нас — как в Ингушетии.

Закон "О реабилитации репрессированных народов" остался в декларациях. Практически заморожены не только территориальные вопросы, но и все другие. У нас старики спрашивают: о чем там в Москве думают, ждут нашей смерти? Выселялись в декабре 1943 года 93 тыс. женщин, стариков, детей, взрослые сражались на фронте, но солдат в начале 1944 г. сняли с фронтов и с орденами, медалями отправили в лагеря за колючую проволоку. Их было 13-15 тысяч. Из всего этого количества непосредственно репрессированных лишь по признаку калмыцкой национальности в республике осталось в живых чуть более 28 тыс. человек. Надломлен генофонд народа. Калмыки по численности никак не могут достичь уровня переписи 1889 года царской России.

И в заключение. Верховные федеральные исполнительная и законодательная власти должны принципиально изменить свое отношение к реализации Закона «О реабилитации репрессированных народов». Иначе нам бед не обобраться... Очень надеемся, что ответственные за общее будущее народов России осознают всю важность наших проблем.

28 ноября 1992 г. Москва

ЧЕЧЕНЦЫ

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

на имя секретаря ЦК ВКП/б/ Г.М.МАЛЕНКОВА

Июнь 1944 г.

Из 11 районов бывшей Чечено-Ингушской АССР, вошедших в состав вновь созданной Грозненской обл., было выселено в Среднюю Азию 32110 хозяйств чеченцев и ингушей. По постановлению СНК СССР от 9 марта 1944 г. в указанные районы из Ставропольского края было переселено 6800 семей в сельские районы бывшей Чечено-Ингушской АССР, а также было переселено 5892 хозяйства из Грозненской области, жителей г. Грозного;

и всего до 15 мая в села, где проживали чеченцы и ингуши, было вселено 12692 семейства, за счет которых организованы 65 колхозов. Количество вселяемых составило 40 % к числу выселенных. Оставались незаселенными 22 села, и 20 сел были заселены частично.

Предлагаю переселить в Грозненскую обл. до октября 1944 г. еще 5000 хозяйств из отдельных малоземельных районов Мордовской АССР, Тамбовской, Пензенской, Рязанской, Ульяновской, Саратовской, Горьковской, Ярославской и других областей.

П.ЧЕПЛАКОВ

Партархив ЧИ ОК КПСС. Ф. 220.

Оп. 1. Д. 26. Л. 114

* * *

Заброшено 10 батальонов ВВ РФ с целью, как сказано в сопроводительных документах военных, "предотвращения возможных конфликтов в регионе". Между тем, служба нацбезопасности Чеченской республики отмечает "странную" концентрацию российских войск по всей границе с Чечней, в частности в Северной Осетии, Ставропольском крае, Дагестане.

"Независимая газета" 9 сент.19 92 г.

* * *

Российские войска по-прежнему пребывают на чеченской земле. Танки и тяжелая бронетехника свидетельствуют о серьезных намерениях незваных гостей.

Из компетентных источников стало известно, что в Беслан продолжают поступать платформы с оперативно-тактическими ракетами "Скад".

Вновь назначенный глава администрации Северной Осетии и Ингушешетии Сергей Шахрай избрал своей резиденцией Владикавказское Высшее общевойсковое командное училище, охраняемое усиленными нарядами военных.

Тем временем чеченская сторона предпринимает активные действия к предотвращению военного конфликта с Россией.

"Чечен-пресс", 16 ноября 1992 г.

Дорогие сограждане!

Чеченская республика, по воле Всевышнего, вступает в 1993 год, во второй своей независимости, свободной республикой. Нынешнему поколению граждан суверенного Чеченского государства выпала огромная честь и ответственность заложить основы независимости и свободы, процветания и прогресса во имя будущего Чечни и ее народа!

Мы переживаем тяжелые времена. Не все получается так, как хотелось бы. Но в главном, я уверен, мы с вами уже одержали победу - весь мир увидел решимость и непреклонность народа Чечни, его волю к свободной и независимой жизни. Осознание единства общегосударственной цели показывает высочайший уровень сознания граждан нашей республики.

На наших глазах рушится империя. Под ее обломками, к сожалению, гибнут тысячи ни в чем неповинных людей. Политическим словоблудием безответственные лидеры пытаются прикрыть свои преступные действия. Но народы видят истинных виновников этих преступлений, апологетов неоимпериализма под демократической личиной.

Народ Чечни свой выбор сделал! Цель определена. Наша дальнейшая задача - объединенными усилиями осуществить эту цель! Нам нужны выдержка, стойкость, терпение и вера, вера во Всевышнего, в свободное будущее Чеченского государства!

Я уверен в том, что у нас есть силы преодолеть любое препятствие на выбранном нами пути.

Желаю гражданам Чечни в новом 1993 году спокойствия и осуществления самых сокровенных желаний.

В добрый путь!

Президент Чеченской Республики Джохар ДУДАЕВ

Чтобы выселить чеченцев, позвали казаков

В хуторе Тюльпанном Зимовниковского района триста дворов. Жителей — около 700. А количество чеченцев-переселенцев, которые пасут овец на отдаленных "точках", ухаживают за другим скотом, достигло, по некоторым сведениям, двух тысяч.

Местный межнациональный конфликт в такой обстановке развивался по классическому сценарию: кого-то из коренных отстранили от работы, в нескольких крестьянских дворах загорались стога, двое "залетных" угнали трактор К-700 и сами скрылись на территории суверенной Чечни, откуда, как некогда с Дона, выдачи теперь нет.

Население Тюльпанного, виня во всех бедах чеченцев, образовало забастовочный комитет, обратилось за помощью к казакам. Военный совет правления казаков Области Войска Донского (есть, оказывается, такой орган в общественно-политической организации) отдал приказ или распоряжение направить в отдаленные районы Ростовской области (от Ростова больше 300 километров) тысячу миротворцев-казаков.

Тысяча не тысяча, а около трехсот "служивых" в шароварах с красными лампасами прибыли на хутор. Под их заслоном сход местных граждан поста-новил выселить из Тюльпанного "всех лиц кавказской национальности".

Прокуратура опротестовала законность такого решения. Привлекать к ответственности за конкретные правонарушения надо конкретных лиц и не по национальному признаку, всех чохом. Многие "кавказцы" живут и работают на донской земле по 30 и более лет. Почему должны страдать их семьи?

В конечном итоге, по соглашению сторон, решено ограничиться выселением из Тюльпанного девяти чеченских семей.

ЧП, казалось бы, даже не районного, а хуторского масштаба, но тем не менее оно вызвало на Дону озабоченность и тревогу. Локальных конфликтов такого рода становится все больше...

Можно согласиться с атаманом Области Войска Донского Калединым, что казаками двигало искреннее желание установить порядок и справедливость, но трудно поверить, что ни он, ни походный атаман Ратиев, возглавившие поход казаков-добровольцев, не понимали, что для этого на хутор в 300 дворов не требовался военный отряд в тысячу человек. Чеченцы, со своей стороны, тоже двинули, говорят, 400 "защитников".

Правоохранительными органами области на разных уровнях отмечено 25 незаконных "казачьих" приказов. Возбуждено 31 уголовное дело. Для

администрации области и областного Совета народных депутатов события в Тюльпанном — еще один звонок, еще один повод задуматься...

Владимир ФОМИН, соб. корр. "ЛГ"
Ростов-на-Дону

"Литературная газета" 10 февр. 1993 г.

ИНГУШИ

ТЕЛЕГРАММА

Президенту России Б. Н. Ельцину

копия: Председателю Верховного Совета России Р. И. Хасбулатову

копия: Патриарху Москвы и Всея Руси Алексию II

копия: Муфтию мусульман СНГ

копия: Министру обороны СНГ маршалу Е. И. Шапошникову

Над ингушским народом нависла смертельная угроза в связи с тем, что руководством и националистами Северной Осетии в обход действующим законам России ведется широкомасштабная кампания милитаризации осетинского населения.

В дополнение к ранее приобретенным десяткам БТР 8 января с.г. командованием Северо-Кавказского военного округа осетинской гвардии переданы 60 тысяч стволов нарезного оружия, 20 БМП и танков из Владикавказского гарнизона. В ближайшее время планируется передача вооружения мотострелкового полка осетинскому ОМОНу и гвардии, а также размещение конного казачьего полка во Владикавказе.

Все это имеет четко выраженную антиингушскую направленность, что вызывает у нас обоснованную тревогу за жизнь женщин, детей, стариков, проживающих на терртории СО АССР.

Особое усердие проявляют офицеры осетинской национальности Северо-Кавказского военного округа и гарнизона под руководством начальника ОВОКу и штаба гвардии генерала Суанова. Для всеобщего вооружения осетин руководством СО АССР используются огромные средства, выделенные руководством России для Юго-Осетии.

Требуем незамедлительного расследования этих фактов и наказание виновных. В целях защиты своих семей, просим обеспечить нас необходимым вооружением.

Создавшееся положение имеет только один выход: безотлагательное претворение в жизнь Закона "О реабилитации репрессированных народов" мирным путем; обстановка не допускает промедления.

Народный Совет Ингушетии

Пригородный район СОАССР

"Сердало", 14 января 1992 года

СПРАВКА

Одной из самых острых и нерешенных проблем в межнациональных отношениях на Северном Кавказе является проблема восстановления ингушской государственности с возвращением ингушам 50 % этнической территории. Эта территория была аннексирована в годы депортации ингушей - февраль 1944-1957 годы - по распоряжению Сталина в пользу Северной Осетии.

Краткая история вопроса такова. После распада Горской АССР (7 июня 1924 г.) была образована Ингушская автономная область со столицей в правобережной части г. Владикавказа. В 1924 г. по просьбе осетинского руководства И. Сталин предпринял первую безуспешную попытку отобрать у ингушей г. Владикавказ. В 1928 г. осетины снова повторили попытку отобрать Владикавказ у ингушей и снова неудачно. Волевым решением И. Сталина в 1934 г. была образована Чечено-Ингушская автономная область со столицей в г. Грозном, а город Орджоникидзе был передан Северной Осетии в качестве их столицы.

Город Владикавказ основан на месте ингушских сел Буру и Заурово. Договор об охране Военно-Грузинской дороги и крепости Владикавказ Россией подписан в 1810 году с Ингушетией, а не с Осетией.

В 1957 г. по редепортации ингушей вновь были преданы националь-ные интересы ингушского народа: Пригородный — ингушский этнический район был оставлен Осетии, разорвана граница, тысячелетия существовавшая между ингушами и кабардинцами в районе Малгобека, для того, чтобы присоединить Моздокский район Ставропольского края к Северной Осетии.

Сегодня Северная Осетия с помощью российских войск удерживает 39 населенных пунктов Ингушетии... Десятки тысяч обращений ингушей в центральные партийные и государственные органы прежнего режима с просьбой восстановить попранные права ингушского народа были напрасными. Письмо "О судьбе ингушского народа", направленное в

декабре 1972 г. в ЦК КПСС и Верховный Совет СССР было квалифицировано как националистическое. Доведенные до отчаяния ингуши 16 января 1973 года собрались в Грозном на площади перед Обкомом КПСС на общенациональный митинг с единственным требованием — вернуть ингушам незаконно отнятую у них родину. Митинг 19 января был разогнан дубинками и водой из пожарных брандспойтов и признан антисоветским со всеми вытекающими для ингушей последствиями.

В октябре 1988 года ингушский народ вновь обратился в Центр с просьбой о восстановлении их права на родину и вновь безрезультатно.

9-10 сентября 1989 г. в Грозном состоялся 2-й съезд ингушского народа, в резолюции которого была отмечена необходимость восстановления государственности ингушей со столицей в правобережной части г. Орджоникидзе (Владикавказа) с возвращением всех отторгнутых ингушских земель. И снова безрезультатно.

26 апреля 1991 г. был принят Закон "О реабилитации репрессированных народов", где четко и ясно оговаривались пути восстановления и возвращения репрессированным народам их территорий в полном объеме.

4 июня 1992 г. был принят Закон "Об образовании Ингушской республики, но в нем не определялись границы и столица Ингушетии, что развязало Северной Осетии руки для непрерывных провокаций и постоянного режима чрезвычайного положения в Пригородном районе для массированного давления на ингушей с целью выжить их с историче-ской родины. С апреля 1991 г. по октябрь 1992 г. здесь убито в том числе и по политическим мотивам более 25 человек ингушской национальности и нет ни одного привлеченного к уголовной ответственности за совершенные преступления.

С октября 1992 г, начался новый геноцид ингушского народа, проживающего в г. Владикавказе и Пригородном районе, организованный осетинскими властями. 1 ноября начата крупномасштабная военная операция с применением артиллерии, бронетехники, ракетно-артиллерийских систем, установок "Град", "Алазань", отравляющих веществ. Вся эта махина навалилась на ингушские села и - выборочно - на ингушские дома. Они уничтожены дотла.

Тактика уничтожения, цинично названная в официальных документах "миротворческой", следующая. Сначала после ракетно-артиллерийского огня идут армейские части, танки, уничтожающие все на своем пути. За танками следуют ОМОН и спецназ Северной Осетии. Эти добивают раненых, особенно беспощадно расправляясь с детьми мужского пола. Завершают кровавые действия мародеры, среди которых особое рвение проявляют прибывшие из Южной Осетии их "коллеги-профессионалы". Они обирают даже трупы, не говоря об имуществе и ценностях разоренных ингушских очагов.

Осетинский ОМОН, МВД и вооруженные формирования, называющие себя национальной гвардией, обильно снабжаются оружием и боеприпасами российских войск...

В 1944 году сталинский режим заставил поверить многих, что ингуши - фашистские наймиты. Теперь - на исходе 20 века осетины пытаются убедить людей в том, что целая нация - экстремисты...

Пресс-центр Ингушской республики

5 ноября 1992 года

* * *

30 ноября 1992 г.

...Я долго охотился за ним, потому что ингуши прячут этого человека. Он — осетин. И скрывают его, чтобы осетины же его не убили. Сначала ко мне попали письменные показания этого человека. Я не поверил им и попросил устроить мне встречу. В последний день перед моим отъездом в Москву наша встреча состоялась.

М. Дейч: Скажите, пожалуйста, вы давали эти показания, которые лежат сейчас перед вами и которые вы признали своими? Вы давали их совершенно добровольно?

- Да.

- Как с вами здесь обращались? Вас не били? Вас кормят нормально?

- Нормально все.

Капитан милиции Владимир Валиев. До недавних пор дежурный Черменского поселкового отделения милиции. Свои показания он написал собственноручно. ЦИТИРУЮ: "За последние 3 месяца регулярно по понедельни-кам после подведения общего итога обычно в кабинете начальника РОВД Дзыкаева проводились закрытые совещания о ходе подготовки к вооружен-ной акции. На таких совещаниях обычно присутствовали министр МВД Кантемиров или один из его заместителей. В начале августа на совещании сотрудников Пригородного района РОВД, на котором присутствовал сам министр Кантемиров, была следующая повестка дня: "О начале к усиленной подготовке вооруженной акции и задачах, вытекающих из этого". С этой информацией выступил сам министр. В ней он вскользь подчеркнул, что идея эта исходит из Москвы, а точнее от министра Ерина. Так же он сообщил, что для этого обещана нашему министру Москва, в случае успешного осущест-вления акции повышенные потолки и оклады, также обещана всяческая поддержка техникой и вооружением. Уже на следующем совещании по-явились первые результаты. В частности ОМОНу повысили штат от 200 до 1000 человек. Об

этом нам тогда доложил зам.министра депутат России Батагов. На совещании впрямую не говорилось, но нетрудно было дога-даться - от нас требовали только найти маленький повод, чтобы разжечь его дальше, с последующим вовлечением российских войск. И на первом же заседании были указания начальникам отделений милиции - это сделал тов. Дзыкаев - подготовить специальные планы действий как до начала провокации, так и в самом ходе операции. Ориентировочные сроки вооруженных провокаций были высказаны на 3-ем совещании, которое состоялось в последний понедельник августа. На нем выступил зам. министра Сикоев. Он предложил, и это было принято единодушно, что в конце октября, когда в основном будут закончены полевые работы, надо спровоцировать стол-кновения. На последующих совещаниях начальник отдела Дживаев докладывал о тех дополнениях, которые принимались в МВД и в Верховном Совете. В частности, в первой половине октября зам. начальника РОВД Кокаев сообщил, что выделены дополнительные средства и для ополчения, в частности, выделены БТРы для селений Тарского и Чермена. Также выделили автоматическое оружие. Было принято решение на время спрятать БТРы в селе Ольгинском. На совещаниях было принято решение, где и когда будут дислоцироваться войска милиции и ополчения.

К этому времени все ополченцы были полностью вооружены, в основном, автоматами. Руководителем всей этой акции был сам Галазов, а заместителем - Кантемиров. Об этом нам сообщил начальник отделения. На совещании в октябре в РОВД под председательством Кантемирова были уточнены в последний раз планы. Он лично их утвердил.

В планах, в частности, были такие акции: подрыв электростанций в Октябрьском и Майском, вывод из строя водозаборной станции в Реданте, налеты на водителей грузовиков, проезжающих по территории сел, где проживали в основном ингуши. Руководителями этих конкретных акций были назначены начальники отделений по территориальности, или, если таковых нет, командиры ополчений. Примерно с 20-х чисел октября, под различными предлогами стали задерживать ингушей для последующего обращения их в заложники. В основном, это поручалось ополчению. Для этого были созданы специальные помещения в Октябрьском, в Сунже и ряде других сел.

М. Дейч: Как мне рассказали, вы не были замешаны в актах насилия и ваша судьба решится нормально. Вам не страшно возвращаться в этом случае назад? Ведь вам могут за ваши показания отомстить?

- Страшно, даже очень. Но что делать? Правда дороже всего. Я... даже не знаю. Страшно, одним словом...

М. Дейч: Имеется радиоперехват от 26 октября между частями МВД, находящимися в Пригородном районе вот уже полтора года. 15 БТР-ов были переданы неназванным представителям одной из противоборствую-щих сторон, какой, догадаться нетрудно. Дело в том, что у ингушей никакой бронетехники не было. И еще одна немаловажная деталь: данный

радиоперехват состоялся за 4 дня до начала крупномасштабного конфликта в этом регионе. Конфликт же вспыхнул в ночь с 30 на 31 октября... Общественное мнение формируется лишь одной из сторон, потому что у Ингушской республики нет собственных средств массовой информации...

Из репортажа корреспондента радио "Свобода" Марка Дейча

** * **

Боевые возможности Владикавказа и его "противника", ингушского народа:

Северная Осетия:

Дивизия "Дон" — 7,7 тыс. человек.

Два военных училища — по 0,6 тысячи

Осетинский ОМОН — 4,5 тысячи.

Гвардейцы — 3 тысячи.

2 полка ВДВ — 8 тысяч.

На их стороне военные специалисты, прибывшие с Г. Хижой,- 3 тысячи (даже знаменитая "Альфа", говорят, здесь!)...

Итого — 30 тысяч воинов в полной боевой готовности.

В Назрани нет ни единого воинского подразделения. На Северном Кавказе живет 180 тысяч ингушей. Вычтите женщин, стариков, детей получится от 20 до 40 тысяч мужчин в возрасте от 16 до 50 лет...

Ирина Дементьева.

Из статьи "Ингушская трагедия".

"Известия" 1 декабря 1992 г.

СПРАВКА

о жертвах и материальном ущербе, причиненном ингушскому населению в результате преступных деяний на территории Пригородного района и г. Владикавказа по состоянию на 3 декабря 1992 г.

В результате кровавой бойни, устроенной руководством Северной Осетии, при активном участии "нейтральных" войск российской армии, на территории Пригородного района в местах компактного проживания ингушей с 31 октября 1992 г. по приблизительным данным:

убито и пропавших без вести — более 10 тысяч (из них по предварительным данным убито более 3 тыс. человек);

раненых — более 5 тыс. ингушей;

беженцы — 55 тысяч ингушей;

заложники — более 8 тыс., в Южную Осетию угнано около 2-х тысяч ингушей.

Разрушено, взорвано и сожжено более 20 тысяч индивидуальных домов; квартиры в государственном секторе, в которых проживали ингуши, заселены осетинами.

Имущество разграблено, скот угнан.

Материальный ущерб, причиненный ингушскому народу в г. Владикавказе и Пригородном районе, составил по предварительным данным более 205 млрд. рублей.

В ходе боевых действий против мирного ингушского населения регулярными войсками российской армии были применены: БТРы, танки, арторудия, установки "Град" и "Алазань", ракеты "Земля-Земля", боевые вертолеты, огнестрельное автоматическое оружие, снабженное пулями со смещенным центром, химическое оружие.

За войсками российской армии шли осетинские группы мародеров, особой жестокостью среди которых отличались группы "профессионалов"

из Южной Осетии.

Ингушам до сих пор нет доступа для захоронения трупов. С целью сокрытия следов своих преступных деяний и количества убитых ингушей, осетины не допускают представителей массовой информации и миротворческую комиссию депутатов Верховного Совета РФ. Спешно закапывали бульдозерами изувеченные трупы ингушей, подкладывали им паспорта осетин, сжигали трупы. Трупы, которые не успели закопать и сжечь, были переданы после длительных переговоров ингушам. Те, кто видел эти трупы, не находит слов для описания надругательств над ними.

Со слов заложников, у них на глазах рубили детей на куски и скармливали свиньям. Более 60-ти грудных младенцев живьем закопали, цинично объясняя родителям: "нет молока для ваших выродков".

Детей насиловали на глазах матерей, а на глазах детей насиловали матерей Взрослые мужчины насиловали детей разного возраста и пола.

Сопротивляющимся отрезали язык и уши, ломали конечности; изнасилованы около 300 девочек в возрасте от 6 до 20 лет.

Достигнутые соглашения о прекращении боевых действий осетинская сторона не соблюдает. Осетинские боевики, засев в подвалах и разрушенных ингушских домах, обстреливают российских солдат, уверяя последних, что стреляют «ингушские бандиты», хотя ингушей на территории Пригородного района, кроме заложников, не было.

Абсолютное большинство средств массовой информации до последнего времени продолжает передавать явную ложь об этой войне с подачи осетинского руководства, называя ингушей агрессорами, бандитами, варварами, нечистью. До сих пор не снята информационная блокада трагедии ингушского народа на телевидении.

Изложенные в этой Справке данные подтверждаются свидетельскими показаниями очевидцев, репортажами корреспондентов, фотографиями и киносъемками и будут представлены следствию.

Пресс-центр Ингушской республики 3 декабря 1992 г.

* * *

...Судьба ингушей — самый яркий пример издевательского отношения к репрессированным: половинчатая реабилитация, создание псевдореспуб-лики, наконец, танки против тех, кто не выдержал такого отношения. Или такова плата за лояльность Осетии? Или это урок всем, кто вздумает бунтовать? Кавказ — это часть России. Благо это или зло – вопрос откры-тый. Но это реальность, не нами созданная, но нам доставшаяся. Мало того, Кавказ - это та часть России, где - так уж сложилось - всегда легко опре-делить, какая власть сейчас в стране: либеральная или консервативная, решительная или робкая, законная, или, не дай бог, революционная.

Кавказ для России — проблема внутриполитическая...

Михаил Шевелев. "Долг колонизатора"

"Московские новости", 6 дек.1992 г.

ВОЙНУ НАЧАТЬ НЕТРУДНО

Интервью уполномоченного временной администрации
в Ингушетии генерала Руслана Аушева

- Вы стали непосредственным свидетелем всех событий, происшедших в Ингушетии за последний месяц...

- Я прибыл туда 2 ноября, когда уже были введены российские войска. Места компактного проживания ингушей были окружены, по мирным жителям велся прицельный огонь. Схема действий, тактика была предельно проста: впереди шли танки. Они били по населенным пунктам. За ними следом шли боевые машины десантников. Затем — пехота, внутренние войска, осетинское ополчение, гвардия, ОМОН, которые "добивали" тех,

кто еще уцелел. Я сам был свидетелем этого, видел все своими глазами. И могу заявить об этом перед любым судом, повторить сказанное мною перед кем угодно, хоть перед самим ГОСПОДОМ БОГОМ...

- Что думает по этому поводу министр обороны России Павел Грачев?

- Что он думает? Он оправдывает российскую армию. Говорит, что она мирное население не расстреливала. Кто прав, покажет будущее. У меня куча фактов, свидетельствующих о том, что это правда...

- Если Хижа был главой администрации, то кто, как не он, должен отвечать за гибель людей? Армия только выполняла приказ, а отдавал этот приказ, я полагаю, он. Иначе кто же еще? Обязательно должно быть проведено расследование, хотя я, конечно, прекрасно понимаю, что кому-то это очень и очень невыгодно...

"Московские новости" 13 дек. 1992 г.

* * *

Федеральной службой миграции Российской Федерации зарегистрировано 65 тысяч ингушских беженцев из Пригородного района Северной Осетии.

Почти в каждом ингушском доме на Сунже, в Малгобекском и Назрановском районах нашли приют и живут в стесненных условиях по

две-три семьи беженцев.

Несмотря на создавшееся тяжелое жилищное положение, десятки лучших квартир, гостиниц и общежитий занимают сегодня в Ингушетии российские солдаты и офицеры. В Слепцовской, к примеру, в распоряжение военных России отданы многоэтажное общежитие автошколы ДОСААФ, жилищный комплекс военного городка. Местные баня и прачечная обслуживают только российских солдат. Слепцовский хлебозавод и Нестеровский колбасный цех также оказывают бесплатные услуги непрошенным гостям.

"Чечен-пресс", 17 дек. 1992 г.

Фатима АХИЛЬГОВА

Торжествует нечистая сила,

Тьмой бездушия душу свело —

Все душевные силы скосило,

Словно травы, державное зло.

Не могу я ослепнуть — с бездомной

И с бездонной тоскою гляжу

На тебя, обескровленный кров мой,—

Слишком кровно тобой дорожу!

Нет ответа — отказы, отписки,

Лицемерным словам нет числа —

Ни "гражданства",

ни "льгот",

ни "прописки"...

Но запомните, витязи зла:

Есть Народная Честь —

неспроста ведь

Всенародная Вера тверда

В том, что можно убить,

но поставить

На колени Народ?

- Никогда!!!

Пер. с ингуш. Валерий Краско

Игорь ЛЯПИН

РУССКАЯ ПРАВДА

"...за нами встает кровавое солнце позора".

К. Симонов

Второй месяц — слезы, кровь, свежие могилы. Хоронят не на родовых кладбищах, как принято у горцев,— хоронят, где придется, второпях. Территориально все это происходит в Северной Осетии, а фактически — в ингушских селах. И это главное, что с профессиональным хитроумием скрывают от россиян средства массовой информации.

Вот и парламентский человек, занимающийся вопросами национальных отношений, Абдулатипов, недавно заявил, что в этом конфликте есть правда осетинская и есть правда ингушская. Абдулатипов как бы не заметил, что присутствует здесь еще и третья сторона — русские парни в армейских жилетах, бронежилетах, с танками и самолетами, с установками "Град" и "Алазань". И что, следовательно, рядом с ингушской правдой, с осетинской, имеет место быть и русская правда. Три правды... Не много ли?

Видел, как два года назад создавались и вооружались боевые отряды в Осетии, как то и дело там вводился комендантский час, когда на границу с Ингушетией периодически выкатывались танки и бронетранспортеры. Именно тогда, два года назад, мною были написаны строки:

Вот она, грозовая фаза,

Вот она, роковая грань,

Бэтээры Владикавказа

Смотрят щелями на Назрань.

И стоят ингуши, гадают,

И вздыхают, и не поймут —

То ли просто народ пугают,

То ли вправду стрелять начнут.

И стрелять начали. Сперва лихие осетинские боевики, носясь по ингушским селам на бронетранспортерах, постреливали в воздух, как бы резвясь и демонстрируя свою безнаказанность. Потом стали палить по воротам ингушских дворов, потом стволами автоматов на каждом шагу останавливать ингушские машины и с вызывающим на конфликт видом обыскивать их, проверять документы. В конце концов, видя, что все им сходит с рук, распоясались окончательно...

Простые люди в России об этом ничего не знали. Но об этом знал Верховный Совет России, знал Президент. Еще 23 октября, выступая на сессии Верховного Совета, народный депутат И. Костоев сообщал: "То, что творится с ингушами в Пригородном районе — кошмарный сон. Только за последние двое суток задавлена БТРом девочка 12 лет, убито пять молодых людей в возрасте от 16 до 30 лет. С каждым днем нарастает угроза возникновения опаснейшего вооруженного конфликта и гибели людей". Депутат обращался к Верховному Совету с требованием решить вопрос о немедленном роспуске всех незаконных формирований в Северной Осетии. Обращался к Президенту Ельцину с просьбой принять, наконец, личное участие в судьбе ингушского народа, выехать в Северную Осетию и Ингушетию, ускорить решение вопроса о границах Ингушской республики на основе Конституции России.

Это было не единственное обращение к властям. В те тревожные дни к ним буквально взывали со всех сторон. Взывали устно и письменно. Но глух оставался Верховный Совет России, глух и Президент.

31 октября, вооружаясь кто чем, ингуши поднялись на защиту своих дворов, своих домов, своих родных и близких. А чем они могли вооружиться, если на территории Ингушетии нет никаких воинских подразделений?

Ополченец Башир Терсункиев из поселка Южный объяснял мне:

- Все наше вооружение — это охотничьи ружья, автоматы, лимонки, несколько противотанковых гранат. Доставали кто где мог и кто что мог. Один мой товарищ выменял автомат Калашникова у осетина, бежавшего из Чермена, на свои "Жигули". То ли в Дачном, то ли в Куртате был у ребят гранатомет.

- Вы в каком направлении наступали? — спрашиваю.

- Мы наступали?! Это они наступали. Мы тут живем. Мы защищали свой поселок. Защищали, пока нам не сказали, что идут миротворческие российские войска, что нужно отойти, а они станут между нами и осетинами как разъединяющая сила. Потом стало ясно, что нас обманули...

Муса Евлоев из поселка Майский прокручивает мне свои видеозаписи событий первых чисел ноября, комментирует их. Это похоже на репортаж

с передовой. Кадры потрясают. Ничего подобного по ТВ не показывалось. Никто за пределами Ингушетии не узнал, что же происходило там на самом деле.

На закрытом заседании сессии Верховного Совета РФ 11 ноября 1992 г. народный депутат Б. Богатырев докладывал парламентариям об участи, постигшей ингушей: "Я никогда не слышал и не видел подобных злодеяний. Трудно поверить, что существа, называющие себя людьми, могли совершить столь чудовищные по своей жестокости убийства ни в чем не повинных людей. Я видел трупы, у которых отрезаны уши, носы, выколоты глаза, раздроблены черепа, проткнуты животы, перебиты ноги, перерезаны горла. Мясо людей использовалось в качестве корма для свиней. Для этих же целей использовались малолетние дети. Их четвертовали и бросали свиньям на съедение. Очень много заживо сожженных людей"...

На площадь Согласия в Назрани привезли трупы из Пригородного района. Лежали они там, видно, несколько дней. Уже не так просто опознать. Тем более, когда отрезаны уши, нос, перерезано горло. А люди эти числились в заложниках. Вон они — длиннющие списки находящихся в плену у осетин. Листы с именами наклеены прямо на стене исполкома. Тысячи имен. Среди них, страшно подумать, многих уже нет в живых.

- Нас держали в сарае, бывшем свинарнике,— говорит Ахмет из Куртата.— Заходят боевики. Очередь — в потолок. Потом пальцем тычут: мол, ты, ты, ты и ты — на выход! Выведут. Услышим автоматные очереди — и все... Сестра Мусы Евлоева несколько дней назад вырвалась из заточения залож-ниц. Ничего не рассказывает. Как только пытается что-то сказать — у нее дрожат губы и текут слезы. Я думаю: может быть, это как раз у нее на глазах убивали старика и насиловали девочку?

Безоружных ингушей, проживавших во Владикавказе, осетинские боевики захватили в плен в один день и в один и тот же час. Списки залож-ников были составлены с точным указанием адресов. Можно представить, какая подготовительная работа была проведена и в какой тайне она содержалась. В этот день на занятия в школы не пришел ни один осетинский ребенок. Осетины-студенты не явились на лекции. Ингушских заложников брали целыми аудиториями — в институтах, в организациях и на пред-приятиях — целыми коллективами.

- Все произошло очень быстро, неожиданно,— рассказывает свидетель-ингуш. - Мы жили во Владикавказе, квартира на шестом этаже. Когда в дверь ударили автоматные очереди, я даже не сообразил, что это стреляют.

А тут уже вышибли дверь, меня с женой и двумя детьми погнали по лестнице вниз. Около дома стоял грузовик с ингушами, на котором нас и

увезли. А вчера из Владикавказа приезжала сюда знакомая русская женщина. Говорит, что в нашей квартире поселились осетины...

В редакции газеты "Назрановец" Ахмед Беков объясняет журналистке из Чехо-Словакии, что это была не война, а давно и тщательно спланированное уничтожение ингушей.

- Вот, смотрите, какие у них силы. Дивизия "ДОН-100" — 7,7 тысячи человек. Два военных училища по шестьсот курсантов. Осетинский ОМОН — 4,5 тысячи. Гвардейцы — 3 тысячи. Два полка ВДВ — 8 тысяч. Одних военных специалистов, прибывших с Г. Хижой,— 3 тысячи. В Ингушетии же у нас никогда не было ни одной роты солдат, никакого военного формирования. Да и самих-то ингушей с малыми и старыми - всего 18 тысяч.

На окраине села Кантышева мне показали четырех ингушских мальчишек, которых русский парень, рискуя своей головой, вывез из-под самого носа боевиков в багажнике своего "жигуленка". Младшему - 6 лет, старшему - 12.

- Как же вы поместились в багажнике?

Стоят, переминаются с ноги на ногу.

- А как зовут того русского?

Молчат.

- Что, секрет?

- Да.

- А почему?

- Осетины узнают - убьют его!

Господи, что творится на земле твоей!

Назрань, бывший районный центр Чечено-Ингушетии, после отделения Чечни от России стала как бы столицей Ингушской республики. Я говорю "как бы" потому, что, кроме небольшого электромеханического заводика да трикотажной фабрики, из-за отсутствия сырья больше простаивающей, чем работающей, в сущности, ничего здесь нет. Нет даже примитивной гостиницы. И журналистов, приезжающих сюда, разбирают на ночлег по домам ингушские семьи. Главе Временной администрации - и тому отвели для жилья... железнодорожный вагон.

За две недели, проведенные здесь, я ночевал в девяти домах. В каждой семье - от пяти до десяти беженцев, свои домочадцы. Так что я всегда был, если не двадцатым, то пятнадцатым. Спали вповалку на полу. Взрослые и дети.

При мне в одну из таких семей директор совхоза "Кавказ" Бамат-Гирей

Манкиев привез дюжину ватных матрацев, простыней, одеял, подушек. Это - лично от себя. Совхоз будет помогать продуктами, посильно - деньгами. Поразительно, что из нескольких тысяч беженцев ни один не остался на улице. Каждого кто-то приютил. Да, для нас это поразительно, а для ингушей - совершенно естественно. И ни в одном Доме престарелых или инвалидов вы никогда не обнаружите ингуша.

- Такое было бы позором для моего народа. Да и Аллах не простит, - говорит Бамат-Гирей. - Поймите, это не национальный конфликт, не конфликт мусульман с христианами, а конфликт политический. У нас национальных проблем, в общем-то, нет. Поедемте в наш совхоз! Посмотрите, кто там работает. Поговорите с людьми...

Поехали. Итак, Вознесеновка. Совхоз "Кавказ". Директор - Манкиев Бамат-Гирей, ингуш. Председатель профкома - Крошко Виктор Никифорович, русский. Главный зоотехник - Чергизов Беслан, ингуш. Главный механик - Мержоев Магомед, чеченец. Главный агроном - Уманцев Петр Иванович, русский. Главный бухгалтер - Кулакова Валентина Ивановна, русская. Бригадир овощеводческой бригады - Аскаров Амурхан, турок. В Вознесеновке есть мечеть и есть православная церковь.

При мне выступающему здесь 30 ноября перед народом С. Шахраю русские люди задавали вопрос:

- Почему телепрограмма "Вести" дает о нас ложную информацию? Они передавали, что русские бегут из этих мест. Действительно, отсюда две семьи переехали в Моздок. Но это их чисто семейные соображения. Зачем телевидение выискивает здесь национальную подоплеку? Зачем хотят поссорить русских с ингушами?

Шахрай растерянно улыбался и разводил руками: мол, понимаю, что это не так, но "Вести" мне не подчиняются...

Чермен, Карца, Южный, Дачное... На "газике", на "жигуленке", на "хлебовозке" - под прикрытием неизменного БТРа. И всюду — один вопрос: "Знает ли Москва правду?" Всюду развалины, пепелища и страшные в своих подробностях рассказы людей - очевидцев и жертв ноябрьских событий.

И снова - Назрань. Снова - Штаб Временной администрации республики. Генерал Руслан Аушев - глава администрации. Он еще молод, но за его плечами - Афганистан, он - боевой офицер, Герой Советского Союза. Я познакомился с ним в 1989 году на 1 Съезде ингушского народа. Умный, немногословный, решительный, добрый. Вместе со всеми он был захвачен счастливой волной возрождения Ингушетии. Не думалось ему тогда, что, во многом то, что он видел в Афганистане, повторится на его родной земле.

- Нет, здесь хуже,— твердо говорит он. - В Афганистане все же за мародерство и убийство мирных жителей грозил трибунал. Там десятки офицеров и солдат были расстреляны за такие дела. А тут - все сходит с рук! Ни один человек не привлечен к ответственности!

Наш разговор постоянно прерывается телефонными звонками. Сюда сходится вся информация: тревожные и обнадеживающие сообщения - о новых жертвах, о беженцах, о ситуации в приграничных районах.

Меня, естественно, интересует, как начались военные действия российских войск.

Генерал Аушев до хруста сжимает кисти рук:

- Это не были военные действия. Это была расправа, уничтожение мирного населения. Я своими глазами видел, какой огонь вели по ингушским селам танки. Они все сметали на своем пути. Я сколько ни говорил Хиже, чтобы остановили огонь танков, а он - свое. Мол, не так я понимаю задачу этих войск... И расправа продолжалась. Никакого разъединения "противоборствующих" сторон не было. Огонь велся в одном направлении — по ингушам. А уже за танками шли осетинские ополченцы, "гвардейцы", мародеры и добивали оставшихся в живых безоружных жителей. Грабили уцелевшие дома, потом поджигали их. А в Куртате? Танки окружили поселок и трое суток буквально расстреливали, сравнивали его с землей. Ты был на Черменском перекрестке? Видел там сож-женные автобусы и трактора? Так вот, командиру корпуса доложили, что пятнадцать ингушских бронеобъектов развернулись в линию и наступают на русские танки. Но, во-первых, во Владикавказе прекрасно знали, что такой техники у ингушей просто-напросто нет. А и была бы, так ингушам год учиться нужно, чтоб развернуть танки в линию. Но... приказ есть приказ. И пошел бой русских танков с ингушскими автобусами и тракторами. А там всюду люди были... Вот тебе и разъединительные войска, - он горько вздыхает.- Но, как бы там ни было, главное сейчас - остановить кровопролитие.

Снова останавливаюсь на Черменском перекрестке, подхожу к бронетранспортерам. Русские ребята. Спрашиваю: мол, как же так?

- Не знаем, - пожимают плечами. - Мы тут только третий день. Раньше тут части из Пскова были, но их сразу после выполнения боевой задачи назад отправили. На "реабилитацию".

Мне это понятно: у солдат после исполнения таких приказов могли просто не выдержать нервы, по сути-то они все же не головорезы. А заодно - и лишние свидетели убраны вовремя.

- Осетины - наши братья, и мы защитим их от ингушских агрессоров!

- решительно заявил по осетинскому телевидению генерал Филатов.

Эти слова генерал произнес после того как, благословляя русских солдат на бойню, глава Временной администрации Г. Хижа недвусмысленно напутствовал их:

- Армия должна избавиться от "тбилисского синдрома"... Она выполняет свой долг перед народом. А всю ответственность за последствия несут руководители и только они.

Никто никакой ответственности за содеянное, никакие руководители

не понесли. А преступление против целого народа совершено великое. И даже не каждый "победитель" это выдерживал. Вот что рассказал офицер воинской части 3673, дислоцирующейся в Москве, Юрий Александрович Потапов:

- Командой примерно в 70 человек на шести БТРах мы были направлен в поселок Тарское Пригородного района. Прибыли туда около десяти часов утра. Сразу бросилось в глаза, что половина поселка объята огнем, а

на другой стороне пожаров нет. Мы развернулись боевым строем и двинулись через поселок. В ингушской половине, где были пожары, мы нашли спрятавшихся в погребах женщин и детей ингушской национальности.

Всего 17-18 человек. Погрузили их на БТРы и повезли на фильтрационный пункт в поселок Спутник. Другого живого населения ингушской национальности мы там не видели. Во дворах домов, на улицах лежали трупы женщин, детей в возрасте от семи до двенадцати лет, несколько убитых стариков. Я видел женские трупы со вспоротыми животами и отрезанными головами... За дни нахождения в зоне конфликта мы узнали, что самые страшные зверства над ингушами совершают боевики, прибывшие из Южной Осетии для боевых действий... Всего в боевых действиях участвовало 53—58 БМП, поступивших из Южной Осетии. Наглядевшись в Тарском на все ужасы, творимые над мирным населением, особенно над женщинами и детьми, я вспомнил свою семью, которая живет в Москве, и решил уйти подальше от этого кошмара. Поэтому, сдав женщин и детей, найденных в погребах Тарского, на фильтрационный пункт, я вернулся во Владикавказ и, пользуясь своими документами офицера, пересек все контрольные посты и пришел в Назрановский исполком.

Ко мне, русскому человеку, обращается уже немолодая ингушка, чудом выбравшаяся из пекла:

- Когда же кончатся наши страдания? В сорок четвертом Сталин и Берия, как скотину, в товарных вагонах, вывезли нас в ледяные казахские степи - без теплой одежды, без еды, без денег. Рассчитывали на полное вымирание ингушей. Пока довезли дотуда - треть народа погибла! Люди умирали от холода и голода, довезти умерших до места, чтобы похоронить по-человечески, не давали. Вынуждали оставлять трупы прямо на откосах железной дороги, и мы видели, как их грызли голодные, одичавшие собаки. Спасибо, добрые люди не дали нам в Казахстане вымереть. Только помогая

друг другу, выжили. Когда уцелевшие смогли через 13 лет, наконец, вернуться на родину, это такое счастье было! Да только не полное... В домах-то наших - чужие люди, осетины. Им бы пожалеть обездоленных, как жалели нас русские, казахи, киргизы. Вернуть в целости наши земли, дома, хозяйство, скот наш. Но нет! До сих пор доказывают всем, что это — их земля. Наши вековые кладбища разорили, могильными плитами дороги вымостили. А теперь в упор расстреливают нас из пушек и пулеметов. За что?! Единственная наша вина в том, что мы - ингуши и хотим жить на своей, обжитой дедами и прадедами, земле. Но обиднее всего, что делается это и руками русских, к которым наш народ с древних времен испытывал особое уважение. Русский человек всегда в представлении ингуша был человеком высшей справедливости. Еще наши предки как молитву повторяли: "О, Аллах, пошли нам настоящего русского!"

Мой однокашник по Литературному институту — Муса Албогачиев. Помню строчки его стихов: «Я не русский - ингуш, но я к русским иду...»

Сегодня его квартира в Назрани тоже битком набита беженцами. Муса - мудрый, он понимает, что устроил это не русский народ, а те — ненастоящие русские, которые сегодня оказались у больших и малых рулей России. Он понимает, что материал, который я готовлю, не напечатает сейчас никакая газета. Он наперед это знает и говорит:

- Пиши, пусть хоть в рукописи останется. Это наша история. Все равно когда-нибудь люди прочтут...

Уже в Москве, когда я одному бравирующему своей независимостью газетчику показал этот материал, он воскликнул:

- Но вы же занимаете проингушскую позицию!

- Нет, - говорю, - я занимаю русскую позицию. Потому мне и горько, что именно русские люди в шинелях позволили втянуть себя в эту позорную резню и бойню. И теперь о нас кругами по земле расходится дурная слава.

А хочется, чтобы русский человек, будь он в армейской шинели или в гражданском пальто, с автоматом или с карандашом, нес людям только добро. И чтоб здесь на Кавказе о каждом из нас горцы могли сказать: «Настоящий русский!»

Я не обвиняю солдат и офицеров Псковского полка, выполнявших страшный приказ. Они ничего не знали о "противнике". Но я своими собственными глазами видел результаты приказа, который, как поэт, как русский, никак не могу не считать преступным. Я прилагаю к этому мои стихи, написанные в бессонные ночи. Мучит то, что я не знаю, по чьей злой воле наша армия используется так позорно. Кто заинтересован в том, чтобы замарать ее кровью невинных жертв?

Назрань - Чермен – Карца – Назрань - Москва.

25 ноября - 12 декабря 1992 г.

РАСПЛАТА

Ваши лица от гари серы,
Ваш противник буквально смят.
Что ж вы, русские офицеры,
Опускаете в землю взгляд?
Вам хватило солдат отважных,
Были фланги и тыл крепки.
Что ж играют на скулах ваших
Напряженные желваки?
Руки целы и ноги целы,
Вашей тактике нет цены.
Что ж вы, русские офицеры,
Так победой удручены?
Вот стоите вы, хмуря брови.
На виду у высоких гор.
Слишком много он пролил крови -
Миротворческий ваш напор!
Все трудней вам смотреть глазами
На пылающий сельский дом
И на кладбища у Назрани,
Превращенные в танкодром.

Вот на самом, на этом месте,
Где рыдает старик седой,
Вы закон офицерской чести
Раздавили своей броней.

Раздавили слепой атакой
Вместе с саклей — уже ничьей.
Вместе с машущей вам горянкой,
Вместе с сотнями ингушей.
Вы, конечно, достигли цели
В этот горький от горя час.
Только, русские офицеры,
И расплата настигла вас.
Ваш приказ раздавался глухо,
Но уже никогда не скрыть,
Что у вас не хватило духа
Эту бойню остановить.
Снег белеет на черных углях,
Свежим холмиков новый ряд.
И солдаты в больших раздумьях
На подавленных вас глядят.
Ваши губы уже немеют,
И на всем остальном пути
Вам высокое "Честь имею!"
Не позволят произнести.

Ночь 27 ноября.

К ВОЙСКАМ РОССИИ

Горю горькому нет предела,
Едкий дым над селом опять...
Не армейское это дело —
Население усмирять.

Но приказы — железны были,
Танки шли, словно вал брони.
Как по вражеским дзотам били
По ингушским домам они.
В обгоревшем селе безлюдно,
Но кровавых следов не скрыть.
Здесь о дружбе народов трудно
Даже думать — не говорить.
Но неймется душе, неймется,
Боль сквозящую не унять.
Этим хлопцам и этим горцам,
Что, скажите, им выяснять?
И стою я в немом бессилье,
Вижу грозной брони оскал...
Неужели, войска России,
Вы — карательные войска?! *Ночь 28 ноября.*

БАЛКАРЦЫ

30 марта 1991 года состоялся 1 съезд балкарского народа, в работе которого принимали участие 556 делегатов из всех районов Балкарии, а также Москвы, Казахстана и Киргизии и представители Исламской партии возрождения, Демократической партии Кабардино-Балкарии и республиканского комитета Компартии РСФСР.

В принятой резолюции содержится обращение к Верховным Советам КБАССР, РСФСР, СССР с просьбой "до подписания Союзного и Федеративного договоров законодательно решить следующие вопросы:

восстановление районов Балкарии в пределах 1944 года, когда балкарский народ был депортирован в Среднюю Азию и Казахстан;

определение Балкарии как равноправного субъекта КБАССР и конституционное закрепление данного положения;

конституционное закрепление механизма участия Балкарии в подписании Союзного и Федеративного договоров в качестве равноправного субъекта;

конституционное закрепление положения о формировании Верховного Совета КБАССР на основе функционирования двухпалатного парламента

с паритетным правительством субъектов, образующих республику;

создание механизма конституционного обеспечения паритетного представительства в высших органах исполнительной и судебной власти в республике, представителей субъектов, образующих республику, включая ротацию высшего государственного должностного лица".

"В случае игнорирования Верховным Советом настоящей резолюции,

с момента подписания Союзного и Федеративного договоров считать, что балкарский народ не связан этими договорами и, в соответствии с Декларацией о суверенитете КБАССР, оставляет за собой право на решение вопросов о самоопределении", — отмечено в резолюции.

На съезде избраны представители балкарского народа для подписания Союзного и Федеративного договоров — народный депутат СССР академик Михаил Залиханов, проректор Кабардино-Балкарского государственного университета Хусей Чеченов, первый заместитель председателя Верховного Совета КБАССР Борис Чабдаров и представитель Народной общественной организации "Тере" ("Балкарский форум") Ильяс Бачиев.

Постфактум. 2 апреля 1991г.

* * *

Вслед за съездом балкарского народа состоялась конференция кабардинского народа, на которой было заявлено:

кабардинцы, входящие в адыго-абхазскую группу, - один из коренных и самых многочисленных народов в Кабардино-Балкарии;

поэтому они отвергают требование балкарского народа о создании двухпалатной системы в Верховном Совета КБАССР, выражают несогласие

с некоторыми решениями 1-го Съезда балкарского народа...

* * *

В Нальчике организовано Общество "Сталин". Оно собирается изда-

вать регулярную газету "Сталинец" и намерено, кроме пропаганды идей Сталина, поддерживать работу КГБ и МВД.

Известия. 8 апр. 1991г.

Людмила ИВАНОВА

ДВЕ РЕСПУБЛИКИ В ОДНОМ ГОСУДАРСТВЕ

Сессия ВС Кабардино-Балкарии одобрила указ президента республики и решения первого съезда кабардинского народа о создании республиканской гвардии в составе российской. Расценив появление новой военизированной структуры как препятствие к суверенитету, балкарцы отказались участвовать в формировании гвардии.

Ситуация сложилась уникальная. Съездами балкарского и кабардинского народов провозглашено два суверенных образования — Республика Балкария и Кабардинская республика. Однако 5 января избран первый Президент Кабардино-Балкарии 52-летний кабардинец Валерий Коков.В его выборах не участвовало абсолютное большинство балкарского населения, съезд которого избрал Национальный совет балкарского народа (НСБН), передав ему ряд властных полномочий. "Через два дня после балкарского съезда,- говорит председатель НСБН Борис Чабдаров, - ВС Кабарды принял постановление поддержать его решение о выходе из республики. Анализируя поведение высших должностных лиц в этой ситуации, прихожу к выводу: балкарцев отсекали намеренно".

В том, что их давно подталкивали к выходу из республики, убежден и доктор исторических наук Ханафи Хутуев.

Для этого есть основания. И прежде всего крепко внедрившаяся в сознание кабардинской политической элиты идея возрождения адыгского общества, которая собрала бы под сенью единой государственности некогда большой и сильный этнос, частью истребленный, частью разбросанный по свету в результате Кавказской войны.

Главный теоретик этой идеи — бывший председатель комитета по законодательству Верховного Совета бывшего Союза, президент Всемирной черкесской ассоциации Юрий Калмыков. Он же возглавил исполком Конгресса кабардинского народа (ККН).

Балкария и расположенный по соседству через горную цепь Карачай, население которых составляет тюркоязычный этнос мусульман-суннитов с

христианскими корнями, неизменно заявляющий о своем стремлении существовать в российском ареале, выпадает из идеи адыгской государственности. Разработчикам независимой от России великой Адыгеи последнее видится сильным субъектом будущей конфедерации горских народов Кавказа, президентом которой недавно избран преподаватель из Нальчика Юрий Шанибов.

Выйти из республики балкарцев толкнуло и игнорирование их требований, касающихся восстановления национально-территориальных районов, существовавших до ссылки народа в 1944 году, а также паритетного представительства балкарцев в органах власти, которое было главным условием создания в 1919 году Кабардино-Балкарии.

Как бы ни дезавуировали власти итоги общенационального балкарского референдума, состоявшегося в канун Нового года, он отразил мнение абсолютного большинства народа. 94,8 процента высказались за суверенную республику в составе России, и сегодня задача здравомыслящих политиков Кабардино-Балкарии совместно работать не над бериевским вариантом приструнения непокорных, а над цивилизованным обоюдодостойным разводом.

Однако, по мнению Тимура Ульбашева, заместителя председателя НСБН, руководству республики уже не дано ни понять, ни принять современных реалий, потому оно все глубже и настойчивее подводит мину под многонациональное сообщество не только республики, этносы которой за всю историю не знали кровавых противостояний, но и всего Кавказа. Единственный сапер, который в состоянии обезвредить эту мину, по мнению Ульбашева, Россия. Ведь Кабардино-Балкария - идеальное место для реализации закона о репрессированных народах. Здесь нет проблем ингушей с осетинами, карачаевцев с казаками, немцев с саратовцами... В 26 балкар-ских селениях компактно проживает все семидесятитысячное балкарское население, так что установление границ суверенной Балкарии то ли по линии 1944 года, то ли по адресу сегодняшнего их расселения не пахнет кровью, что признают парламентарии России, знакомые с проблемой.

"*Московские новости" 16 февр. 1992 г.*

Кайсын КУЛИЕВ

ЖЕНЩИНЕ БАЛКАРИИ

Сердце твое — это боли клубок,

Память твоя — страданий итог,

Знаю, терпению твоему

Камень и тот завидовать мог…

КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ

Как заявил корреспонденту "НГ" заместитель председателя меджлиса Рифат Чубаров, власти Крыма пытаются создать у местного русскоязычного населения превратное мнение о движении крымских татар. "Среди русских и украинцев распространяют слухи, лживую информацию о мнимых зверствах, совершенных крымскими татарами во время Великой Отечественной войны",— сказал он.

О мирном характере движения крымских татар свидетельствует обращение Курултая крымско-татарского народа к населению Крыма. В нем отмечается, что крымские татары, возвращающиеся на свою родину, не имеют никаких недобрых намерений по отношению к русскоязычному населению полуострова и рассчитывают на его поддержку в стремлении татар к национальной государственности…

Айдын МЕХТИЕВ

"Независимая газета" 2 июля 1991г.

№ ГОКО 1828 СС

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ГКО

29 мая 1942 г.

"1. В дополнение к ранее проведенному выселению из г. Краснодара, Новороссийска, Туапсе, Анапы и районов Таманского полуострова иностранных подданных и лиц, признанных социально-опасными, провести в двухнедельный срок в том же порядке выселение этих категорий лиц из городов и населенных пунктов Краснодарского края (Армавир, Майкоп, Кропоткинская, Тихорецкая, Приморско-Ахтарская, Ольгинская, Лебединская, Петровская, Варениковская, Тоннельная, Шапсугская, Лазаревская, Павловская, Крымская, Тимошевская, Куцевка и Дефановка) и Ростовской области (Ново-Батайск, Злобейская, и прилегающие к Краснодарскому краю районы Азовский, Батайский и Александровский).

Выселению в административном порядке подлежат, кроме лиц, признанных социально-опасными, также лица НЕМЕЦКОЙ и РУМЫНСКОЙ национальности, КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ и иностранно-подданные (ГРЕКИ)".

"Авдет". 27 дек. 1991 г.

"ДЕПОРТАЦИЯ КРЫМСКИХ ТАТАР НАЧАЛАСЬ В 41-м..."

Воспоминания

Шла первая осень Великой Отечественной войны. В сентябре-октябре 1941 года под натиском превосходящих сил фашистских полчищ часть наших войск отступила через Керченский пролив на Кубань. В начале декабря наш полк передали саперному батальону, и мы прибыли в Темрюк. Помню, стоял трескучий мороз, даже соленая морская вода замерзла. 29 декабря нас подняли по тревоге, и мы двинулись по непрочному льду Азова в сторону Керчи, или вереницей в другие части на освобождение Крыма.

Под неожиданным ударом передовых частей 51-й Армии и других соединений войск и флота фашисты поспешно отступили на Запад по Керченскому полуострову. Но уже в районе Семи колодезей враг опомнился и остановил продвижение наших войск. Мы перешли в оборону. Начали рыть траншеи, строить блиндажи, минировать линию фронта.

Пополз слух среди красноармейцев, что фашисты в Керчи и ее окрестностях расстреляли очень много мирных жителей, и это меня очень обеспокоило. Я обратился к командиру части с просьбой отпустить меня на сутки домой, так как мои родители оставались в поселке Камыш-Бурун. По прибытии туда я обнаружил наш дом разрушенным, женщины рассказали, что мои переехали в село Самострой, что рядом с поселком. Когда я стал приближаться к Самострою, женщины-татарки с криками и рыданиями побежали мне навстречу, среди них мои сестры Бейе и Ремзие и моя мать, которая, не добежав, упала и потеряла сознание. Все плачут, проклинают немцев, обнимают меня. Когда мама пришла в себя, сестры рассказали, что фашисты всех мужчин и мальчиков угнали в Керчь и на станции Багерово расстреляли около 8 тысяч человек: русских, украинцев, евреев с женами и детьми, крымских татар, среди которых были мой старый отец и брат. Я, видевший много крови и убитых на войне, сейчас удивляюсь бесстрашию моих сестер, перебравших гору окровавленных и окоченевших трупов, пока искали тела отца и брата.

На второй день я вернулся на передовую. В один из дней командир взвода говорит мне: получи у старшины роты сухой паек и иди в штаб батальона. Когда я явился туда, там было несколько десятков крымских татар и красноармейцев кавказских национальностей. От штаба нас повели еще на какой-то сборный пункт, где уже было много моих земляков-татар. К

вечеру нас привезли на Камыш-Бурунскую пристань и погрузили на борт какого-то большого корабля. Там находилось около двух тысяч солдат, преимущест-венно крымских татар.

Почему нас сняли с фронта, куда везут, почему одни крымские татары? Толком на эти вопросы никто ответить не мог. На рассвете мы были в Ново-российске, а следующие сутки, в течение которых пережили страшный арт-обстрел фашистов, мы уже были в военном лагере на заснеженной горе над Тбилиси. Потом мы узнали, что сюда привезли еще несколько партий крымских татар. Холодный мартовский ветер, метет снег, а нас разместили в брезентовых палатках. Спали не разуваясь и не раздеваясь. Здесь нас военному делу не обучали, кормили три раза в день пшеничным супом.

Через 10 дней ночью мы спустились с гор на железнодорожную стан-цию. Там стоял состав из 50 товарных крытых вагонов и в каждый нас поме-щали по 50 человек, подавляющее большинство снова крымские татары. Пока состав двигался от Тбилиси на юг, мы думали, что нас везут в Иран, так как там стояли наши войска, очевидно, для охраны грузов, поступающих из США. Но когда прибыли в Баку, стали двигаться на север, стало известно, что нас везут на фронт.

Но какой смысл перевозить нас, крымских татар, с фронта на фронт, да еще таким кружным путем? Это уже потом, через много лет я понял замысел Верховного Главнокомандующего. Сталин не хотел, чтобы мы участвовали в освобождении Крыма, так как ему нужна была причина для предстоящего выселения народа. Поэтому от нас решили избавиться, а еще лучше, просто истребить, отправив на самый тяжелый участок советско-германского фронта.

Ехали мы целый месяц через Москву, по освобожденным землям Калининской области и на какой-то станции Новгородской области разгру-зились, прошли еще несколько дней по лесам и болотам и прибыли в 45-ю стрелковую бригаду, которая стояла на передней линии самого правого крыла Северозападного фронта. Был уже апрель 1942 года, снег еще лежал

на земле, а под снегом — незамерзшая болотная вода. Нас разбили по ротам и батальонам, кушать давали 100 г. сухарей и по пачке концентрата пшенной каши. На пять солдат приходилась одна винтовка и пять патронов. Дорога в лесах - настеленная из бревен, очевидно, поэтому и не видно ни танков, ни тяжелой артиллерии. Окопаться нельзя - вода, траншеи строить тоже нельзя.

Скоро 1 Мая - праздник. В честь праздника - наступление. Рано утром прочитали политработники приказ "любимого" вождя Сталина о переходе в наступление по всему фронту. Небольшая артиллерийско-минометная подготовка и "Ура-а! За Родину! За Сталина! Вперед!" Поднялись, пошли, но фрицы такой бешеный огонь открыли из пулеметов и автоматов, а затем

и минометов, что наших ребят как серпом косило. Назад отползти нельзя, раненых вынести с поля боя невозможно — сплошной огонь над головой.

С наступлением темноты огонь убавился, раненые, кто мог, и живые вернулись. Ночью послали группу красноармейцев за винтовками на поле боя - они притащили на плащпалатках нескольких раненых. Второго мая опять наступление - опять тот же ужас. После этих боев, из пополнения в полторы тысячи крымских татар в строю остались десятки.

А потом начался настоящий голод, крошки сухарей делили между солдатами ложками, варили сами щавель и крапиву, ни круп, ни картошки, ни соли. Воины в сожженных немцами селах искали под обломками домов шкуры животных, зерно, картошку. У солдат отекали руки и ноги, опухали лица до неузнаваемости, они умирали, как мухи.

Мне повезло: перевели в комендантский взвод по охране комбрига, у которого поваром был мой земляк Рустем. Он и давал мне остатки каши и тем самым спас меня от голодной смерти (Рустем или его дети, отзовитесь!).

Летом, когда бригаду сняли с передовой для вторичного пополнения, из крымских татар, кроме Рустема, я уже никого не видел. Остальные мои земляки навечно остались в болотах северо-запада и, в лучшем случае, некоторые ранеными ушли в госпитали...

Вот так уже в начале войны Сталин готовился освободить Крым от его коренного населения.

"Авдет"

И.Фахры. г.Джанкой

27 дек. 1991 г.

* * *

21 августа 1991 г. вооруженный автоматами отряд милиции под командованием вице-начальника Симферопольского РОВД подполковника Чекунова осуществил полный разгром строящейся мечети на самострое в Молодежном...

"Авдет", 22 авг. 1991г.

СЕВИЛЬ

НА КРЫМСКИХ КЛАДБИЩАХ

Снесли полумесяц, разбили гранит,
Под этою грудой мой прадед лежит.
Мне больно смотреть, но я глаз не свожу,
У этих останков прощенья прошу:
Прошу за погибших, за нерожденных,
Прошу за воспетых, за оскорбленных,
Прошу за детей, за дедов своих,
За всех, кто на свете остался в живых.
Пусть памятник варварству вечно стоит
В разбитых останках от мраморных плит.
Пусть памятью горькой снова взойдет
Живой полумесяц на наш небосвод.

1989 год

ЗОНА

Поделили планету на зоны.
Зоны скрытности, зоны гласности.
Радиацией обожженные,
Зоны бедствия и опасности.
Моя Родина — зона отдыха,
Чьих-то прихотей наглых невольница.
Слезы капают в чашу без промаха —
Скоро-скоро она переполнится.

1990 г.

* * *

В молитве спасенья прошу я у Бога:

Чтоб стала последней нам эта дорога.

Еще, чтобы в глазах не погасла надежда,

Чтоб жили в веках мы на родине прежней.

Еще попрошу я у крымского неба

Чтоб было в достатке и соли и хлеба.

Чтоб свадьбы играли, не ведали бедствий,

Чтоб дети не знали недоброго детства.

1991 г.

"Авдет" 13 дек. 1991 г.

САМОЕ ГЛАВНОЕ

"Дорогая редакция! Помогите нам, одиноким престарелым людям.

У меня нет ни детей, ни родственников. И очень хочу еще пожить на своей родной земле в Крыму. Я — симферопольская. Родилась в доме по улице Училищная, 32. У меня в руках план дома на имя моей мамы. Мне 67 лет, живу в коммунальной квартире, самостоятельно переехать и приобрести жилье у меня средств нет. С родины меня насильно увезли в 18 лет... Шлю свое стихотворение:

Любимый Крым, мой дом родной,

Ах, как тоскливо без тебя живется.

Нам снова стань спасительной стеной,

Пусть о нее неправда разобьется!

Года идут, сгорают без возврата.

И с ними те, кто жил, мечтал когда-то,

Боролся, ждал и верил, верил свято,

Что мы вернемся, мы придем обратно!

Из года в год весна врывалась селем,

И нам казалось, что настал момент:

Как в сказке мы окажемся у цели...

За часом час весь год десятки лет...

22 сентября 1992 г. Шефика Османова

г. Гафуров, Таджикистан.

Из газеты "Арекет", Крым,

30 ноября 1992 г.

* * *

В связи с разгромом палаточного городка крымских татар в поселке Красный Рай в ночь на 1 октября председатель Меджлиса крымско-татарского народа Мустафа Джемилев передал агентству НЕГА следующее Заявление: "Более 2 тысяч семей крымских татар — уроженцев Алуштинского района, возвратившихся на родину, около 2 лет дожидаются в Алуштинском горисполкоме очереди на получение земельных участков для строительства жилья. Но участки под различными предлогами не выделяются. Земли раздают под дачи преимущественно и в спешном порядке русскоязычному населению, то есть тем самым людям, которые в 1944 году были переселены в Крым и поселены в незаконно отнятые дома крымских татар.

Летом этого года группа крымских татар (около 200 человек), не находя иного выхода, была вынуждена занять земельный участок в поселке Красный Рай недалеко от города Алушта. 10 июня власти натравили на них толпы пьяных граждан, которые вместе с примерно 70 милиционерами разгромили палаточный городок крымских татар. Десятки людей, в том числе несовершеннолетние дети, были жестоко избиты и искалечены. Имущество крымских татар было частично разграблено, частично конфисковано милицией; оставшееся было сожжено. Кроме того, прокуратура Крыма возбудила уголовное дело против самих же жертв нападения — крымских татар.

Однако крымские татары восстановили свой палаточный лагерь, и через две недели милиция предприняла повторную попытку разгрома. Но разгром не состоялся, так как навстречу милиционерам вышли трое крымских татар, облививших себя бензином и заявивших, что если будет погром, то они подожгут себя.

19 августа состоялись переговоры между Меджлисом крымско-татарского народа и Алуштинским горисполкомом. Было подписано

соглашение, по которому власти должны были предоставить жителям палаточного городка земельные участки, пригодные для строительства жилья, а крымские татары обязались убрать оборонительные сооружения вокруг своего городка, сократить до минимума число своих палаток и окончательно убрать палатки после получения земельных участков. Крымские татары скрупулезно выполнили все пункты соглашения, но земельных участков они так и не получили. Им предлагали участки только

в горных местностях, где нет никаких коммуникаций, нет воды и невозможно подвезти стройматериалы. Это было, конечно, явной издевкой. И вот власти совершили новое вероломное нападение на незащищенный лагерь крымских татар.

Мы имеем дело с шовинистически настроенными чиновниками, которые сознательно нагнетают межнациональную напряженность и ведут дело к крупномасштабному конфликту... Вызывает сожаление и нерешительная, порой двуличная политика украинского руководства, которое вместо того, чтобы восстановить права депортированного народа на его земле, пытается ублажить шовинистическое крымское руководство, предоставляя ему все больше и больше полномочий, дабы оно не обиделось и не заявило о своем отделении от Украины".

"Независимая газет" 3 окт. 1992 г.

МЕСХЕТИНСКИЕ ТУРКИ

...До сих пор в ушах стоит плач матерей и детей. Их, беззащитных, вместе со стариками, которые казались оплотом народа, прикладами сгоняли в ветхие вагоны с прощелями. Помню, как люди умирали от холода и голода в этих вагонах, как дети замерзали на руках у матерей, как штабелями скла-дывали в вагонах мертвецов, как их выбрасывали в степях на полустанках под откос, как работники НКВД издевались над заслуженными людьми, как нас, из далекого тыла, не видевших гитлеровцев, обзывали предателями...

Много горя и унижений испытали все депортированные народы. А мы, месхетинские турки, и сейчас испытываем эти унижения и оскорбления, скитаясь по всей огромной территории страны, лишенные родины. До сих пор мы терпим великую ложь и великое преступление.

В течение 73 лет вырабатывалась твердая закономерность: крупная нация решает свои проблемы без учета интересов малых народов. И в наихудшем положении оказываются те, кто не имеет территориальных обра-

зований, государственности. В результате — обостряются межнациональные отношения.

Глубока рана, нанесенная всем нам Сталиным и его прихвостнями, по сей день кровоточит. Дальше терпеть невмоготу — мы не успокоимся, пока не восстановим справедливость, признание за месхетинскими турками права на уважение их национального достоинства, на жизнь.

Р. САИДОВ, педагог

Нальчик

ЗАЯВЛЕНИЕ

29 ноября 1991 г. *г. Бахчисарай*

Генеральному прокурору РСФСР В. Г. СТЕПАНКОВУ

Копии: Президенту Казахстана Н. Назарбаеву

Президенту Азербайджана А. Муталибову

Президенту Кыргызстана А. Акаеву

Председателю Ассоциации тюркских народов

Р. Мухаметдинову

Председателю Конфедерации репрессированных народов И. Алиеву

Президенту Конфедерации народов Северного Кавказа Ю. Шанибову

Направляю Вам протокол так называемого "схода граждан", проходившего 23 окт. 1991 г. на территории колхоза "Сопка героев" Крымского района Краснодарского края под руководством ответственных руководителей органов власти не только сельского и районного, но даже краевого масштаба.

В протоколе отражены проникнутые духом шовинизма и откровенного фашизма высказывания и угрозы в адрес проживающих в этом районе турок-месхетинцев. Итогом схода явилось решение насильственно выселить

пого-ловно всех турок-месхетинцев и в дальнейшем не пускать на территорию района никого, кроме русских.

Таким образом, речь идет о готовящемся против тысяч граждан массовом преступлении, которое, судя по протоколу, не только не получит противодействия со стороны властей, но даже будет совершаться самими "правоохранительными органами" Краснодарского края.

Прошу Вас немедленно вмешаться и принять соответствующие меры,

А именно: возбудить уголовные дела против руководителей указанного преступного "схода граждан" по признакам статьи 74 ч. 3 УК РСФСР и обеспечить защиту прав проживающих в Краснодарском крае турок-месхетинцев.

Предс. Меджлиса крымскотатарского народа

Мустафа Джемилев

"Авдет" 27 дек. 1991 г.

Генеральному секретарю ООН

господину Бутросу Бутросу-Гали

Руководителям государств — членов ООН

Руководителям СБСЕ, ЕС, ЮНЕСКО

Всем народам доброй воли

Ставим Вас в известность, что в ноябре 1944 года на основании Приказа Государственного Комитета Обороны № 6279 от 31 июня 1944 года были депортированы турки в количестве 115 тысяч человек из Месхетии-Джавахетии юга Грузии в Средне-Азиатский регион и в Казахстан.

В дальнейшем принятие половинчатых решений правительством бывшего СССР, затягивание восстановления попранных прав месхетинских турок привело к трагедии 1989-1990 годов в Узбекистане - второй кровавой депортации и дисперсному расселению народа по территории 14 государств, возникших после распада СССР.

Отныне месхетинские турки, насчитывающие 208 тысяч человек, разбросаны по всем странам СНГ, где брат брату стал иностранцем, где все мы стали беженцами без статуса беженца, лишены элементарных прав на

существование, не по своей воле рискуем быть втянутыми в разного рода межнациональные конфликты. Нам грозит исчезновение как этноса.

Делегаты 1 съезда месхетинских турок обращаются к Вам в последней надежде на справедливость и просят Вашей помощи:

1. На основании резолюции ООН за № 429/у от 14 декабря 1950 года предоставить статус беженца 74 тысячам месхетинских турок, находящихся

в бесправном положении в разных государствах бывшего СССР.

2. Принять меры для признания Республикой Грузия прав месхетинских турок на возвращение их на родину - в Месхетию и Джавахетию.

3. Обеспечить месхетинским туркам права человека в местах их нынешнего проживания до возвращения на историческую Родину.

Делегаты 1 съезда месхетинских турок

Москва

21 ноября 1992 г.

ГРЕКИ

СПРАВКА

Данные УВИР МВД СССР по выезду советских граждан греческой национальности на постоянное место жительства в Грецию:

1985 год — 150 человек.

1986 год — 189 человек.

1987 год — 870 человек

1988 год — 2171 человек

1088 год — 10738 человек

1990 год — 23786 человек...

* * *

Понтийские греки бывшего СССР возвращаются на свою историческую родину - Элладу - почти через 3000 лет пребывания. Уезжают высококвалифицированные рабочие, специалисты, студенты и ученые, крестьяне, дети и старики. Покидают земли, где они родились и выросли...

ибо в последние годы объективно все идет к полной ассимиляции и исчезновению греческого народа как этноса. "Уезжаем потому, что хотим остаться греками" — основной лейтмотив заявлений о выезде.

Николай ПАТУЛИДИ

ВМЕСТО ГИМНА

Осточертело дифирамбы петь.

От трубных звуков губы занемели.

Грошовый пряник да тугая плеть

Не привели понтийца к светлой цели.

Он всех соседей уважал всерьез,

На споры не растрачивал натуру,

И сквозь тысячелетия пронес

Своей великой родины культуру.

Куда бы ни был сослан наш собрат,

В каком бы ни селился диком крае,

Он, верно, даже сам кромешный ад

Мог обустроить наподобье рая.

Отеческих пенатов сладок дым,

Но быть важней на свете Человеком...

Какой бы ни звучал над нами гимн —

Понтийский грек был, есть и будет греком!

* * *

С 1 июля 1992 г. в Анапе стала выходить Общественно-политическая и историко- просветительская газета Международного объединения греков «Понтос», активизировалась деятельность по изданию книг (в частности энциклопедического словаря "Наследие Эллады" и др.).

* * *

31 октября - 1 ноября в Москве состоялся съезд греческих обществ Российской федерации. Председателем Национального Совета представителей объединения греческих обществ Российской федерации избран Г.Ф. Меланифиди. Принят Устав объединения.

И ПРОЧИЕ СОВЕТСКИЕ НАРОДЫ

СПРАВКА

Министерства внутренних дел СССР о выселении на спецпоселение турецких, греческих, иранских граждан, принявших советское подданство

1 июня 1956 г.

В соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны от 29 мая 1942 г. № 1828 и от 24 июня 1949 г. № 6100 сс из Краснодарского края. Ростовской области и Крыма были выселены на спецпоселение турецкие, греческие, иранские подданные и иностранные подданные, принятые в советское гражданство.

Кроме того, на основании постановлений Совета Министров СССР

от 29 мая 1949 г. № 2214-856 сс, 21 февраля 1950 г. № 14133 сс из Азербайджанской, Армянской, Грузинской ССР и с Черноморского побережья на спецпоселение в отдаленные районы страны по решению Особых совещаний выселены бывшие греческие, иранские и турецкие подданные, не имеющие гражданства и бывшие подданные этих государств, принятые в советское гражданство.

Всего в настоящее время на учете спецпоселений таких лиц состоит 35610 чел., в том числе подданных Греции - 21199, Ирана - 1150, Турции - 135, не имеющих гражданства - 2199, бывших иностранных подданных, принятых в советское гражданство, - 10297...

"Иосиф Сталин — Лаврентию Берия:

"Их надо депортировать". Сборник документов.

М., "Дружба народов", 1992. с. 222.

СПРАВКА

о рождаемости и смертности спецпереселенцев

1945 г.

Наименование спецконтингентов	Родилось	Умерло	Взято на учет детей
С Северного Кавказа	2230	44652	1978
Немцы	1914	6930	1578
из Грузии	599	6902	139
из Крыма	1099	15997	32
Калмыки	351	I 3735	1 292

"Иосиф Сталин — Лаврентию Берия:

"Их надо депортировать" Сборник документов

М., "Дружба народов", 1992. с. 237.

* * *

...Право наций на самоопределение — не "выдумка" большевиков, не их "дар" "отсталым народам". Это неодолимое стремление самих наций...

Покойный СССР был последней колониальной империей в мире - это признают все. Но давайте задумаемся над этим фактом.

Почему именно СССР сумел стать ПОСЛЕДНЕЙ империей, почему пережил Британскую или Французскую?

Только благодаря национальной политике большевиков. Они первые в мире широко шагнули навстречу стремлению наций к самоопределению, сделали это тогда, когда, быть может, еще и сами нации не до конца осознали это свое стремление.

В 1917 году большевики захватили власть в империи, расползающейся как гнилое сукно. Что такое "гражданская война"? Мы, зацикленные на своих российских проблемах, со свойственным нам эгоцентризмом долдоним: "борьба красных и белых"... А вот в других республиках (скажем, Грузии) гражданская война совсем иначе смотрится.

Для наших "окраин" (которые отнюдь не считают себя "окраинами", ибо не видят в Москве центра мироздания), гражданская война — это прежде всего война России за восстановление старой царской империи в ее старых размерах, война с национальными государствами... Но как же эта война могла завершиться столь блестящей победой? Как слабая РСФСР смогла за три года (1918-1920) вновь "собрать" Российскую империю — повторить то, на что у царской монархии ушло добрых 200 лет (XVIII-XIX век)?

Благодаря действительно мудрой ленинской национальной политике.

Ленин никогда не смог бы восстановить старое Российское государство, никогда не смог бы вновь присоединить Украину, Северный Кавказ, Закавказье, если бы действовал методами царского правительства, насильственно присоединял и подавлял.

Ленин был настоящим государственным гением - и этот его ход был гениальным. «Ход» же состоял в провозглашении - внутри СССР - права наций на самоопределении, правозглашении - внутри СССР - национальных рееспублик разного уровня (союзных, автономных и т. д.)... Ленин как строитель Российской империи, конечно, стоит на две головы выше Петра и Ивана. Однако даже гений может лишь задержать объективный ход истории, но остановить его... Он "приостановил", "подморозил" развитие истории на территории СССР, но взамен он воссоздал единую Империю, самую цепкую, самую жизнеспособную империю XX века... Но через 70 лет неизбежное совершилось. Как только Центр ослабел - тут же вырвались на волю вечные национальные настроения...

Леонид Радзиховский

"Новый взгляд" № 42—1992 г.

* * *

СССР перестал существовать в результате Соглашения о создании Содружества независимых государств, подписанного в Минске 8 декабря 1991 года руководителями Беларуси, Российской Федерации (РСФСР) и Украины как государствами-учредителями Союза ССР в декабре 1922 года.

* * *

Процессы национально-государственного и национально-этнического развития советского общества начали обретать новое качество.

* * *

В Туруханском районе Красноярского края в поселке Келлог проживает одна из самых малочисленных народностей севера Сибири кеты. Лишенные средств к существованию, эти люди уже начинают пухнуть от голода и умирать. Это, так сказать, последняя стадия. Ей предшествовали деградация национальной культуры, нищета и алкоголизм. Сейчас же налицо опасность физического исчезновения малого народа.

Десятки комиссий разного уровня посетили Келлог - этот воистину страшный уголок России. Были иностранные делегации из Чехословакии

и Нидерландов. Всех потрясло увиденное. Но изменений к лучшему пока нет.

Уже вступил в силу Указ Президента Российской Федерации, предусматривающий передачу бесплатно пастбищ, охотничьих и рыболовных угодий народам Севера в пожизненное владение. Но местные власти не идут навстречу, стараются не замечать кетов...

Г. Николаева,

автор кетского букваря.

"Федерация" № 36—1992 г.

* * *

Организовано переселение аварцев из Кварельского района Республики Грузия в Дагестан.

"Московские новости" 29 марта 1992 г.

* * *

Сегодня свыше полумиллиона азербайджанских лезгин не имеют ни территориальной, ни культурной автономии, а лезгинский язык не преподается в азербайджанских школах. Среди безработных соседнего Дагестана - 8 процентов лезгины.

"Независимая газета" 9 сент. 1992 г.

* * *

Еврейский вопрос... немецкий вопрос... крымско-татарский вопрос... армянский вопрос... Лишь недалекие, не умеющие исторически мыслить люди не понимают, что все это РУССКИЙ ВОПРОС".

Морис Симашко

"Литературная газета" 23 окт. 1991 г.

ПАРЛАМЕНТАМ, ПРЕЗИДЕНТАМ, НАРОДАМ МИРА!

Как уже известно всему миру 14 августа 1992 года на территорию Республики Абхазия с целью ее оккупации вторглись войска Госсовета Грузии.

В распоряжении противника свыше 50 танков, 40 орудийных стволов, боевые вертолеты, другая техника.

Абхазы, русскоязычное население и представители многих десятков других национальностей (армяне, греки, эстонцы, турки) практически без оружия насмерть стоят, защищая свое жилище, деревни, города. Погибли десятки невинных людей, отдыхающих, женщин, детей, расстреливаются дома, курортные здания, школы, больницы. Идет грабеж и изгнание жителей из их жилищ, сотни людей взяты заложниками и подвергаются пыткам, введена плата за выдачу убитых.

Парализована экономика, кончается хлеб, медикаменты и горючее, организована информационная блокада Абхазии.

Просим срочно оказать давление на Госсовет Грузии и его главу Шеварднадзе, заставить его отвести войска и технику с территории суверенной Абхазии, прекратить кровопролитие и грабежи, направить в Абхазию гуманитарную помощь.

Председатель Верховного Совета Абхазии

Владислав Ардзинба

17.V1I1.92 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ

"О ГЕНОЦИДЕ АБХАЗСКОГО НАРОДА"

14 августа 1992 г. вооруженные силы незаконно созданного Госсовета Республики Грузия без предупреждения вторглись в Республику Абхазия, захватили столицу г. Сухуми и оккупировали часть территории республики.

С первых часов своего вторжения войска Госсовета осуществляют на оккупированной территории беспредельный террор и физическое уничтоже-ние стотысячного абхазского народа, изгоняют из Абхазии негрузинское население. Против мирного населения, гражданских объектов используются боевые вертолеты, оснащенные ракетами, бомбами, а также танки и гаубицы. Широко применяется оружие массового поражения - системы "Град", объем-ные(игольчатые) снаряды и др., запрещенные Женевской конвенцией 1949 г.

Уничтожаются места компактного проживания абхазского этноса - села Очамчирского и Сухумского районов.

Убийство абхазов, причинение им телесных повреждений, создание для них невыносимых условий направлены на полное или частичное уничтожение народа, попадающее под определение геноцида в статье 2 (Конвенции о предупреждении преступлений геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г.).

Только из-за национальной принадлежности грузинские боевики убивают детей, женщин, стариков, грабят, насилуют, в том числе и подростков, сжигают дома, школы, больницы, здравницы, музеи, административные здания, уничтожают памятники духовной и материальной культуры абхазского народа.

Госсовет Грузии не скрывает того, что проводит против абхазского народа политику геноцида. Так, Председатель Госсовета Э. Шеварднадзе 15 августа 1992 года заявил по грузинскому телевидению: "Как и наши великие предки в борьбе за сохранение территориальной целостности нашего государства, мы ни перед чем не остановимся. Ради этого мы готовы погибнуть сами, но и уничтожить всякого, кто будет пытаться расчленить наше государство".

25 августа 1992 года по сухумскому телевидению главнокомандующий войсками Госсовета Грузии в Абхазии Г. Каркарашвили заявил, что уничтожит всех абхазов.

Таким образом, налицо заговор с целью совершения геноцида, прямое и публичное подстрекательство к нему и покушение на его совершение, именно то, что образует состав данного преступления в соответствии со Ст. 3 Конвенции от 9 декабря 1948 года. Одной из целей развязанного Госсоветом Грузии геноцида против абхазского народа является лишение исторически принадлежащей ему государственности.

Исходя из вышеизложенного, Президиум Верховного Совета Республики Абхазия

пос т а н о в л я е т:

признать массовый террор, физическое уничтожение людей, пытки пленных и заложников, осуществляемые Госсоветом Грузии в Республике Абхазия, актом геноцида абхазского народа.

Председатель Верховного Совета

Республики Абхазия В.Г. Ардзинба

16 сент. 1992 г. г. Гудаута

* * *

"Все народы Союза выходят на политическую арену и обретают свои исконные национальные имена"

Э. Шеварднадзе.

Из выступления на 47 сессии Генеральной Ассамблеи ООН

25 сентября 1992 года

* * *

«Пигмеи подняли мятеж против человечности»

Э. Шеварднадзе. Из того же выступления.

* * *

Там же Э. Шеварднадзе поднял вопрос о необходимости выработки "критериев правосубъектности самоопределения этносов" (проще говоря - указать, каким этносам можно самоопределяться, а каким - нельзя. *(Прим. ред.- сост.)*

* * *

...Бывают минуты, когда понимаешь, что Правда не есть Истина, что Истина гораздо больше и важнее Правды. Когда столетнего старика привязывают за ноги к дереву и расстреливают за то, что он сепаратист - но ведь он и был сепаратистом... Когда девочке с косичками приставляют к виску автомат, потому что ее родители - абхазцы, да еще не говорят, где у них спрятано золото, - и это правда, они не говорят...

Железная дорога была для Грузии дорогой жизни. Для грузинских властей - обнаженным нервом, за который каждая уважающая себя оппозиция, как за ниточку, дергала, чтобы о ней не забыли в Тбилиси. А для Абхазии...

А для Абхазии "железка" всегда была как бы привычным злом. Протянувшись из конца в конец цветущей приморской зоны, она не имела большого экономического значения для республики. Всего один процент доставлялся в Абхазию по железной дороге. Остальное - морем, на самолете, автотранспортом. А сколько неприятностей - грязь, шум, диверсии... Диверсий же происходило лишь три процента от общего их числа по всей Грузии. Да и те - в приграничном Гальском районе, где на десятерых грузин приходится - самое большее - один абхазец. И вот, как метод охраны коммуникаций, война.

Абхазские ополченцы разбирают теперь дорогу на противотанковые ежи. Они говорят: "Россия дала Грузии танки, а нам противотанковых средств не дала. Надо, значит, самим позаботиться о своей безопасности". Что бы о них ни говорили - сепаратисты, диверсанты и проч. - а ведь они правы. Не нужна им здесь железная дорога, и танки не нужны...

Интересный факт: пока в Абхазии идет война и железной дорогой здесь мало кто интересуется, грузины взрывают ее на своей территории.

Остаться воевать или покинуть Абхазию - это личное дело каждого добровольца. Они приехали сюда не из политических соображений, а из моральных - защищать слабого... Но странно, добровольцы на стороне Абхазии - как бельмо на глазу грузинского, да и российского руководства.

А вот наемники, сидящие в танках, вертолетах, штабах на грузинской стороне, никого особенно не волнуют. Может быть, членство в ООН дает право нанимать военных? И не только военных... На грузинской стороне действует такое дикое формирование, как "Белые колготки". Это – женщины-мастера спорта по стрельбе, из Прибалтики и России. Работают снайперами. Зарплата выше среднего плюс высокие гонорары - за труп, разумеется.

...Войны бывают справедливыми и несправедливыми. Грузия, напав 14 августа на Абхазию, сразу же оговорилась: эта война справедливая, потому, что она, помимо других причин, "за территориальную целостность Грузии". С тех пор по грузинскому телевидению диктор, перечисляя жертвы с грузинской стороны, так и говорит: они пали за территориальную целост-

ность Грузии! А почему не за родину? Видимо, потому, что Абхазия никогда не была родиной даже для проживавших там грузин.

Абхазия - родина абхазцев, любящих ее. Их немного, а горе их велико. Вина же их в том, что Абхазия - сказочно прекрасная и богатая страна. Сегодня за это убивают - за родину.

23 августа прокуратура Абхазии возбудила уголовное дело по факту грабежей разбоя и мародерства в городе Сухуми, занятом войсками Госсовета Гоузии. Из заявлений очевидцев и пострадавших, поступивших к началу сентября известно, что грабят по заранее составленным спискам дома абхазцев, русских, армян. В первую очередь богатые дома. Кроме того, разграблены большинство научных и культурных учреждений в Сухуми, коммерческие магазины и банки (вся имевшаяся в Госбанке Абхазии налич-ность - 75 миллионов рублей - вывезена в Грузию).

С грузинской стороны также было несколько официальных сообщений о разбое и притеснениях грузинского населения на территории, контролируемой абхазцами...

На мосту в Нижних Эшерах навстречу друг другу шли люди. Одни из Сухуми - с одной-двумя сумками, чаще - с пустыми руками. Другие - с абхазской стороны - с тюками из простыней, с чемоданами, с рюкзаками. Несли на себе, везли на тачках, на велосипедах. Вот два характерных случая. Женщина-грузинка "бежит" от абхазцев: "Мы каждый день ждем - вот-вот начнут грабить. Больше не можем здесь оставаться, нервы не выдержи-вают!" Она идет в Сухуми с семьей. Семья уже далеко впереди, виден только удаляющийся разноцветный скарб. Сама же она отстала, потому что ее велосипед, похожий на верблюда,- с двумя баулами по бокам, тяжел и неустойчив...

И пожилой абхазец идет из Сухуми: "Они (гвардейцы грузинские) забрали у меня все. Даже бритвенные принадлежности забрали, понимаешь". Он идет налегке - с целлофановым пакетиком... Люди с абхазской стороны шли семьями. Из Сухуми же - в основном поодиночке. Одна девочка - не больше десяти лет - пришла с соседом. Где ее родители — неизвестно...

Пострадавший же грузинский дом я видел только один - в Нижних Эшерах. Он был разрушен, как и многие дома вокруг, грузинской артиллерией. На развалинах сидели хозяева. Они сказали нам: "Нам не нужна эта война". Абхазцы говорят то же самое.

И. Ефимов

"Московская правда", 3 октября 1992 г.

Его превосходительству господину БУТРОСУ БУТРОСУ-ГАЛИ,

Генеральному Секретарю ООН

Уважаемый господин Генеральный секретарь.

Вновь продолжается и принимает все более широкие масштабы военная агрессия, начатая проникшими с севера наемниками и абхазскими сепаратистами против Грузии, суверенного государства - члена Организации объединенных наций. До сегодняшнего дня усилия миротворческой дипломатии не дали поло-жительных результатов.

Согласно достоверной информации, полученной из надежных источников с оккупированной территории, здесь совершаются массовые убийства, пытки, надругательства над мирным населением и другие нечеловеческие действия. Трудно поверить, что такие варварские акты имеют место в XX веке.

От имени правительства Грузии я хочу через Вас обратиться к членам Совета Безопасности с просьбой рассмотреть вопрос о создании Комиссии

по исследованию злодеяний войны, дабы изучить и собрать факты, подтверждающие совершенные в Грузии нечеловеческие действия. Грузия готова всесторонне сотрудничать с такой комиссией и представить ей фотоснимки, видеофильмы, показания очевидцев и другие соответствующие необходимые материалы.

Хочу сообщить, что с аналогичным письмом мы обратились к председателю Совета Безопасности и просили распространить его в виде официального документа Совета.

Разрешите мне, господин Генеральный секретарь, засвидетельствовать мое глубокое уважение к Вам.

Эдуард Шеварднадзе

Председатель Госсовета Грузии

Тбилиси 10 октября 1992 года

* * *

15 апреля 1993 года.

Грузия продолжает "покорять" и "усмирять" свободолюбивую Абхазию, на стороне которой воюют не "наемники", как называет сторонников абхазцев Э.Шеварднадзе, а волонтеры-представители почти всех народов Российской Федерации.

И никакие самые хитроумные и изощренные декорации не скроют правды. Грузия выступает агрессором и колонизатором и уже потому обречена на поражение...

К О Н Ф Е Д Е Р А Ц И Я

РЕПРЕССИРОВАННЫХ НАРОДОВ

I СЪЕЗД КОНФЕДЕРАЦИИ

РЕПРЕССИРОВАННЫХ НАРОДОВ РСФСР

Первый съезд Конфедерации репрессированных народов РСФСР состоялся 1-3 июля 1991 г. в г. Москве, был посвящен проблемам репрессированных народов и разработке путей их решения.

Съезд принял новых коллективных членов Конфедерации - общественные и общественно-политические организации советских греков, советских корейцев, месхетинских турок, чеченцев, ингерманландских финнов. Таким образом, "Конфедерация репрессированных народов", учрежденная в ноябре 1990 г. общественно-политическими движениями балкарцев, ингушей, карачаевцев, крымских татар и советских немцев и зарегистрированная Минюстом РСФСР 21 мая 1991 года, объединяет организации десяти репрессированных народов и координирует их работу.

РЕЗОЛЮЦИЯ

III съезда Конфедерации репрессированных народов Российской Федерации
Москва 29 ноября 1992 г.

III съезд Конфедерации репрессированных народов Российской Федерации, состоявшийся в Москве 28-29 ноября 1992 г., ознакомившись со свидетельствами нового геноцида в отношении репрессированного ингушского народа, обсудив положение других репрессированных народов и ход реализации Закона реабилитации, а также вопросы деятельности Конфедерации, к о н с т а т и р у е т:

1) органы власти России в центре и на местах по-прежнему срывают выполнение Закона Российской Федерации "О реабилитации репрессированных народов", ими развернута целенаправленная пропагандистская кампания по дискредитации и отмене названного закона;

2) постановление Верховного Совета РСФСР о порядке введения в действие Закона «О реабилитации репрессированных народов» полностью нарушено, правительство России в противоречие с данным постановлением не обеспечило разработку механизма реализации Закона до конца 1991 г., правительственные комиссии по проблемам репрессированных народов практически бездействуют;

3) в противовес интересам реабилитации репрессированных народов полным ходом идет подготовка правового акта по защите прав так называемых насильственно переселенных народов, не имеющего юридической основы;

4) фактический отказ руководства России от реабилитации ингушского народа, поощрение центром антиингушской политики в Северной Осетии привели с санкции российского руководства к актам геноцида против ингу-шей, гибели и страданиям десятков тысяч людей;

5) вокруг проблем репрессированных народов, в частности вокруг геноцида против ингушей организована информационная блокада;

6) высшие должностные лица России игнорировали работу III съезда КРН;

7) в сложившихся чрезвычайных условиях Конфедерация репрессированных народов Российской Федерации, несмотря на предпринятые усилия по активизации ее деятельности, не обеспечила эффективную защиту инте-ресов репрессированных народов.

Заслушав и обсудив доклад председателя Конфедерации, содоклады и выступления всех ее коллективных членов, III съезд Конфедерации репрессированных народов РФ постановляет:

1. Считать трагедию в Пригородном районе актом геноцида против ингушского народа, выразить соболезнование родным и близким погибших и направить Обращение по поводу геноцида в Ингушетии VII съезду народных депутатов РФ, российской и мировой общественности.

2. С целью безусловного выполнения Закона «О реабилитации репрессированных народов» считать необходимым:

2.1. Создание полномочного государственного органа по обеспечению реализации Закона о реабилитации на базе отдела по репрессированным народам Госкомнаца РФ, подняв его статус до уровня управления, и Комиссии по репрессированным и депортированным народам Верховного Совета РФ, сформировав ее из представителей репрессированных народов;

создание правительственных комиссий по реабилитации каждого из репрессированных народов.

2.2. Приведение законодательства РФ, прежде всего Конституции и Федеративного договора в полное соответствие с Законом о реабилитации.

2.3. Принятие необходимых нормативных актов по полной реабилитации всех репрессированных народов.

2.4.Введение уголовной и административной ответственности за агитацию или пропаганду с целью воспрепятствования реабилитации репрессированных народов в любой форме, в том числе в случае принятия правовых актов указанных целях.

2.5. Введение запрета на приватизацию и куплю-продажу земли на территориях, отторгнутых у репрессированных народов, впредь до их полной реабилитации, в том числе, если территории находятся на Украине, в Грузии других странах бывшего СССР.

2.6. Выделение из госбюджета РФ средств, необходимых для возмещения ущерба репрессированным народам и их социальной реабилитации в соответствии со ст. 9 и 10 Закона о реабилитации репрессированных народов и ст 16 Закона о реабилитации жертв политических репрессий.

2.7. Межгосударственную координацию странами бывшего СССР процесса реабилитации репрессированных народов и защиты прав беженцев.

3. Обратиться в ООН и ее специализированные организации, в СБСЕ и к мировому сообществу с просьбой о принятии международной конвенции о реабилитации репрессированных народов и национальных групп, об учете в международных договорах со странами бывшего СССР проблемы реабилитации репрессированных народов. В случае отказа властей стран бывшего СССР от решения этой проблемы оставить за Президиумом КРН право обратиться в указанные организации с ходатайством о применении соответ-ствующих мер, в том числе экономических санкций, к странам-виновникам и о создании международной комиссии по расследованию репрессивной политики в отношении народов этих стран.

4. Поручить Президиуму КРН с целью решения проблем репрессированных народов поддерживать постоянные контакты с Межпарламентской ассамблеей и другими рабочими органами СНГ.

5. Считать целесообразным участие репрессированных народов России и их Конфедерации в деятельности ОННН - Организации непредставленных наций и народов, созданной в Гааге в 1991 г.

6. Считать необходимым участие КРН в формировании и использовании средств Фонда реабилитации и развития репрессированных и депортированных народов России, созданного Верховным Советом РФ.

7. С целью совершенствования деятельности Конфедерации репрессированных народов предусмотреть:

7.1. Создание постоянно действующей на штатной основе штаб-квартиры КРН в г. Москве с участием в ее финансировании и деятельности всех коллективных членов Конфедерации.

7.2. Организацию печатного органа КРН.

7.3. Создание на штатной основе экспертной группы но разработке соответствующих документальных материалов КРН и проектов нормативно-правовых актов.

8. Обратиться к Министерству печати и информации РФ об опубликовании материалов III съезда КРН.

9. В связи с приближением полувековой даты депортации ряда репрессированных народов считать необходимым проведение Конфедерацией траурных мероприятий по этому поводу и организацию специальных передач на центральном телевидении.

10. Выразить протест в связи с отстранением от должности руководителя Гостелерадиокомпании "Останкино" Е. Яковлева за информирование о геноциде ингушского народа.

Съезд обращается к народным депутатам РФ от репрессированных народ с требованием выразить свое отношение к геноциду над ингушским народом и действиям высших должностных лиц, включая Президента России, в ходе этой преступной акции.

Съезд считает необходимым подчеркнуть, что в результате территориальной реабилитации репрессированных народов должны восстанавливаться, в строгом соответствии с Законом о реабилитации, именно те национально-территориальные границы, которые существовали до их антиконституционного насильственного изменения.

Принято единогласно.
Москва *29 ноября 1992 г.*

* * *

Верховный Совет принял решение о переименовании Госкомнаца в Государственный комитет по делам федерации и национальностей. Правда, представители некоторых фракций недоумевали, для чего Сергею Шахраю нужно такое переименование. Николай Павлов, выступая по этому поводу, сказал: "За невинным изменением названия скрываются более серьезные вещи, Недаром на сессии был задан вопрос о полномочиях

Юрия Ярова в том смысле, что не будут ли они ущемлены вице-премьером Шахраем". На это Сергей Шахрай ответил, что полномочия между двумя вице-премьерами разделены достаточно четко и Юрий Яров занимается скорее хозяйственной политикой, а у самого Шахрая функция сводится к скорейшей реализации Федеративного договора. Необходимость переименования Госкомнаца Сергей Шахрай прокомментировал так:

"Комитет должен проводить не абстрактную национальную политику, а четко реализовывать Федеральный договор, для этого может быть создано пять федеральных центров, кроме того, еще структура по прогнозированию национальных конфликтов и по регионально-экономической политике". После того как Шахрая на ВС поддержал Рамазан Абдулатипов, депутатский корпус, несмотря на сомнения, все-таки принял решение о переименовании.

Вера Кузнецова

"Независимая газета" 20 февраля 1993 г.

* * *

Сергей Шахрай обнародовал 11 тезисов национальной политики, разработанных его Госкомитетом. Их цель — превратить многонациональность России из ее потенциальной слабости в залог ее силы и целостности.

Первый тезис - "равноправие всех народов РФ". При этом, заметил г. Шахрай, надо, не стесняясь, сказать, что от самочувствия русского народа ситуация в стране будет зависеть напрямую.

Второй - "признание прав на самоопределение, возрождение и развитие народов, связанное с защитой прав личности на всей территории России".

Третий - "федерализм".

Четвертый - "территориальное единство, целостность РФ и ее субъектов".

Пятый - "деполитизация национальной политики".

Шестой - "опора на законно избранные органы власти, нравятся они центру или нет".

Седьмой — "безусловный приоритет политических методов урегулирования конфликтов".

Восьмой - "неразрывность экономической политики". Вице-премьер считает, что именно экономика до сих пор поддерживает территориальную

целостность страны. Необходимо, по его мнению, перейти от дотаций и субвенций, в чем-то унижающих регионы, к региональным программам.

Их будут проводить в жизнь пять региональных центров, один из которых - Северокавказский - уже создан.

Девятый тезис Шахрая - "оперативный и упреждающий характер национальной политики".

Десятый - принцип последовательности и "малых дел".

Одиннадцатый - "обязательный учет сложности религиозного состава российского общества"...

"Независимая газета", 23 февраля 1993 г

* * *

..."Чем Вам помочь?" - спрашивал горцев в прошлом веке российский пристав (губернатор) Карачая Н.Г.Петрусевич и построил в аулах 40 школ, открывал больницы, прокладывал дороги. Когда он погиб в одной из военных кампаний в Средней Азии, карачаевцы за тысячи километров перевезли его тело и захоронили на своей земле. Горцы умеют быть благодарными и на благородство отвечают сторицей.

Россия скупа на добрые слова в адрес малых народов. 1 ноября 1853 года Лев Толстой записал в своем дневнике: "Карачай - нейтральный народ, живущий у подошвы Эльбруса, отличается своей верностью, красотою и храбростью".

У малых народов - своя большая история, деяния, которыми они гордятся, богатая поэтическая культура, истоки которой - фантазия и нравственность. По интеллекту и главным человеческим качествам они не уступают никому.

Нам же рассказывают о них главным образом в криминальной хронике: "чеченская мафия", "лица кавказской национальности" и т.п. А не обидны были бы россиянам такие сочетания: "русская мафия", "лица славянской национальности"? У большинства россиян осведомленность о северо-кавказских народах формируется именно на "жареных" фактах.

А вот - кровоточащая рана - конфликт между осетинами и ингушами. Расплата за бездействие, за равнодушие Центра, за невозвращение долгов, за невыполнение Закона о реабилитации репрессированных народов... Оба решения - вернуть ингушам отобранную у них в 1944 году землю или оставить ее под юрисдикцией осетин - были бы крайне болезненными, но лишь одно из них справедливо. И здесь следовало бы обратиться к совести осетинского народа: а если бы у вас по-разбойничьи отняли родину, разве бы вы не требовали ее обратно? И будете ли счастливы на земле, которая

вам не принадлежит? Тяжело слушать сегодня горькие слов ингушей: "Россия нас предала..."

Есть же примеры проявления национального здравомыслия и благородства: в подобной же ситуации лакцы Дагестана вернули чеченцам-аккинцам отнятый у них сталинскими палачами в 1944 году район и готовы переселиться (вот только нет средств на переезд, на обустройство).

Репрессированные народы - братья по общей трагической судьбе, и, поступая несправедливо с одним из них, больно ранят и других.

Нельзя легковесно множить обиды. Их и так у тех, кто подвергся изгнанию, в избытке. Хотя бы такой факт. Депортацию приурочивали к праздникам: карачаевцев выслали перед Октябрем, калмыков - перед Новым годом, чеченцев и ингушей - в день Красной Армии, балкарцев – в Международный женский день. (Однажды Кайсын Кулиев разгневанно ответил знакомому, который по телефону хотел поздравить его жену с 8 марта: "Ты что, не помнишь, что нас выселяли в этот день?").

Давайте помечтаем, - хотя после ингушской трагедии и на фоне всего, что происходит, это очень трудно, но все-таки давайте помечтаем!

Свершилось! Сказано: "**Чем Вам помочь?",** заработал Закон "О реабилитации репрессированных народов" - и карачаевцам вернули государственность, немцы Поволжья вновь поселились на берегах Волги (а не Рейна), ингушам - под их юрисдикцию - возвращен Пригородный района (и оба народа сумели подняться над чувством мести, отделив от себя убийц и мародеров вместе с теми, кто их подстрекал и поддерживал). Президент России приезжает, к примеру, в Грозный и обращается к народу, запрудившему площадь: "Братья чеченцы, все, что было плохого в отношениях между вашим народом и Россией, принадлежит прошлому, его, увы, не поправить, не переделать. У истории нет обратного хода. Царь, который 25 лет воевал с Шамилем и положил 600 тысяч жизней русских солдат, чтобы завоевать Кавказ, мыслил иначе, чем мы, демократы и гуманисты конца XX века. Империя не считалась с малыми народами, а сталинские палачи были во сто крат страшнее империи. Но сегодня мы открываем новую страницу в истории наших отношений. Вы - миллионный чеченский народ - решили строить свою жизнь самостоятельно, в рамках суверенного национального государства. Россия поможет Вам! Мы, граждане России и Чеченской Республики, выбросим зло из головы, очистим от него сердца и будем сотрудничать как добрые соседи на основе взаимного уважения и обоюдной выгоды". Голос президента России тонет в гуле одобрения. Лица, прежде хмурые, светлеют. Площадь озаряется улыбками...

Так ли уж это несбыточно?

О тех же, кто остался в Российском государстве, забота особая. Чем лучше устроятся народы в России, тем лучше для России. Так пусть же

прозвучит из Кремля, из "Белого дома" самый актуальный и самый плодотворный вопрос, адресованный малым, но гордым народам, нашим современникам - ***"Чем Вам помочь?"***

Ю.М.КОСТИНСКИЙ
Из газеты "Юйге игилик", № 18,1993 г.
(«Мир дому твоему»)

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Эта книга не имеет конца.

Один за другим открываются секретные архивы и являют миру черные дела временщиков, дорвавшихся до беспредельной власти над людьми и народами.

Выплескиваются долго сдерживаемые обиды, взрываются потаенные чувства оскорбленного и униженного национального достоинства - раненая насилием память, влившаяся в гены новых поколений, ищет выхода.

Список репрессированных народов продолжает пополняться, красноречивые факты преследования за национальную принадлежность, доходящего до откровенного геноцида, поражают бесчеловечностью, потрясают воображение самой возможностью того, что происходило и, увы, происходит.

Человек устал плясать на ходулях псевдореволюционных идеалов - слишком дорого заплатил он за понимание их ложности и хочет, наконец, твердо стать на ноги, ощутить под собой прочную основу родного ему и понятного, взлелеянного его предками национального бытия. Далее ни сам - каждый отдельный - человек, ни тем более та национально определенная община, к коей он осознает себя принадлежащим, не намерены терпеть над собой насилие.

Эксперимент по созданию некоего интернационального, т.е. межнацио-нального единого народа, названного Сталиным "новой, социалистической нацией", можно считать закончившимся. Результат очевиден - нельзя искусственно воздействовать на природу человека, нельзя изъять из истории фактор национального (этнического), который до сих пор до такой степени не принимался во внимание и отрицался, что не имеет не только полноцен-ного, исчерпывающего определения, но никак и не защищен. И на растерян-ный вопрос сегодняшних правительств, что делать, как справиться с неожи-данным (?!), незапланированным (?!!), непредвиденным (?!!!) взрывом национальных чувств, остается лишь один ответ - сказать правду. Иметь мужество признать вину государства перед всеми народами страны - бывшей российской империи, бывшего СССР. Осознать, наконец, что ничем иным и не могла закончиться беспрецендентная война советского правительства со своими народами, что

недопустимо делать массовые депортации основным и единственным инструментом национальной политики, что нельзя безнаказанно ломать природу национального бытия, не нарушая при этом экологии многонационального равновесия.

Только правда и мужество самокритики и покаяния очистят небо от грозовых туч межнациональных конфликтов.

Пришла пора сказать, что национальные репрессии в СССР не имели под собой реальных оснований, и прекратить послушный поиск виновности народов в оправдание совершенного насилия, как это делают советские историки и зарубежные политологи, перестать утверждать "вынужденность депортаций", отказаться от таких криминальных определений этносов, как "враждебный элемент", "политически неблагонадежные народы", гадать, почему Сталин переселил одни народы сюда, другие - туда, стремясь во что бы то не стало утвердить правильность сталинской нацио-нальной политики.

Пришла пора понять, что над народами СССР производился эксперимент: национальная теория Сталина по ускоренной "переработке" "старых, буржуазных наций" в "новую, социалистическую нацию" внедрялась в практику. Всего лишь. Просто и чудовищно - когда народы становятся игрушкой в руках интригующих политиков, когда амбиции одного оплачиваются массовым уничтожением представителей неугодных национальностей.

Пришла пора призвать к ответу виновников в надругательстве над этносами - каждый народ знает своих палачей поименно и должен получить возможность предъявить им официальный счет. В этом преступлении нет срока давности, и смерть виновного в насилии над народами не является препятствием в свершении над ним суда и вынесении общественного приговора во имя многонационального мирного будущего.

Пришла пора разработать систему правовой защиты этноса любой численности от посягательств на его существование со стороны другого, более властного этноса, его правительства и строя...

Сегодня в движении за восстановление гражданских и экономических национальных институтов, за возрождение национальных культур репрессированные народы объединились (ноябрь 1990 г.) в Конфедерацию, деятельность которой вместо поддержки вызывает со стороны властей всех уровней настороженное безразличие. Это свидетельствует о том, что правительство России либо по-прежнему не придает необходимого и серьезного значения фактору национального в жизни и развитии современного общества, либо остается заинтересованным в продолжении советско-имперской, сталинской национальной политики, стравливающей и унижающей народы.

Без комплексного решения национальных проблем и в первую очередь наиболее пострадавших в годы советской истории народов

нереально ждать прекращения межнациональных столкновений. Только обеспечение есте-ственного национального развития каждого отдельного этноса внесет в нашу жизнь мирное сосуществование народов, проникнутое закономерным и нормальным взаимным дружелюбием и интересом.

Светлана АЛИЕВА

Москва, август 1991 г.

Книга была набрана, сверстана и точка в Послесловии поставлена 1 августа 1991 года. Далее произошли известные события и страна начала стремительно и громогласно отрекаться от прошлого, оставаясь - как оче-видно сегодня - в оковах прежних убеждений, предрассудков и принципов.

Построенная и укрепленная Сталиным советская империя распалась на суверенные государства, большая часть которых явила миру вполне имперские - привычные - амбиции в отношении к попавшим в их границы малым этносам. Претензии на державность (держать и не пущать!) при-таились за пышными лозунговыми декларациями о правах человека, о приоритетности личности, о конституционном (какой вот только консти-туции?!) соблюдении территориальной целостности и нерушимости установленных (Сталиным!) границ... Посеянные советским коммунисти-ческим правлением и сталинской национальной политикой драконовы зубы, взлелеянные верными наследниками, дали мощные всходы локальных вооруженных конфликтов, поспешно и тенденциозно определенных как межнациональные.

Казалось бы, самое время обратиться к решению накопившихся проблем национального бытия множества коренных народов, населяющих наше еще вчера общее географическое пространство, реалистично проанализировать возможность гуманного обустройства всех - любой численности - этносов, осознать атавизм всякого рода колониалистских претензий, грядущую бессмысленность деления народов на великих и малых, старших и младших, захвата и удержания чужих этнических территорий для поддержания собственной значимости.

Ан нет, пришедшие к власти политики, называющие себя демокра-тами, но сформированные коммунистическим мировоззрением, подпи-танным имперской психологией, в котором отрицание национального издает сегодня откровенное расистское зловоние, наложили запрет на постановку проблемы, справедливо видя в ее решении неизбежный крах априорных установок на сохранение привычных колониалистских форм государственности - типа "территориальная целостность".

Национальные интересы исторически ущемленных, так называемых "малых" народов, оказавшихся к концу столетия под угрозой этнического исчезновения, стали осуждаться как эгоистические, националистические,

тормозящие демократический процесс государственного переустройства, как мешающие (?) прогрессу. Невольно вспоминается бессмертная басня великого Крылова "Волк и ягненок" - "ты виноват лишь в том, что хочется мне кушать...", наблюдая, как национальные интересы исторически благоустроенного этноса представляются приоритетными и, конечно, прогрессивными, и не просто допускается, а приветствуется и поддерживается возможность их удовлетворения за счет народов - "ягнят".

За примерами, к сожалению, далеко ходить не надо. Грузия, целенаправленно очистив родную землю от негрузинского населения под эгидой Сталина, сегодня озабочена расширением своей территории за счет месхетинских турок, которых не пускает на этническую родину, абхазцев, уничтожая их в собственном доме, прочих инородцев, вытесняя их за пределы республики... Южная Осетия ведет упорную войну с грузинами за право на этническую родину на исторической территории Грузии – войну справедливую, народную. Но та же, но уже Северная Осетия проводит организованный геноцид ингушей, удерживая за собой аннек-сированную Сталиным этническую ингушскую территорию, - войну, несущую позор осетинам, хотя ведется она не народом, а политиками, не скрывающими приверженности Сталину и его античеловечной, осужденной историей и мировым сообществом идеологии.

Нет, не межнациональные по сути своей конфликты сотрясают сегодня нашу страну. Не народы воюют друг с другом, а сегодняшние временщики-властители по инерции старого имперского мышления "укрепляют" государственность, ведя при этом фарисейские речи о защите прав личности, о прогрессе гуманизма и торжестве демократии.

Как защищены права личности абхазца, месхетинского турка, ингуша или крымского татарина, того же многострадального российского немца, которого президент определяет жить на ядерный полигон и вынуждает эмигрировать, или балкарца, которому зараженные инфекцией национального превосходства кабардинцы отказывают в праве на этническую родину, того же карачаевца, у которого в очередной раз отнимают право на государственность, или калмыка, которого российское правительство в дополнение к генетической обеспечивает экологической катастрофой, грека и курда, которых ни за что ни про что гоняют по всему пространству бывшего СССР, вытесняя за пределы страны, - видно по пренебрежительному всеобщему безразличию к их жизни. У них отнято главное право личности – право на имя, на место, на уважение их национального и человеческого достоинства.

Мы календарно устраиваем общественные плачи по армянскому геноциду начала века, по еврейским погромам 90 лет назад, нам постоянно напоминают о Бабьем Яре и сожженной фашистами Хатыни - правильно делаем: человечество должно помнить позорные страницы своей истории и поминать безвинно загубленных.

Но почему при этом мы не видим того, что совершается НАМИ, при НАС **сегодня**? Почему никого не ужаснула беспримерная и чудовищная резня и грабеж ингушей в Пригородном районе и городе Владикавказе, учиненные осетинами при поддержке российских властей **над нашими соотечественниками и современниками ?!** Почему безнаказанно вот уже седьмой месяц ведутся грузинами погромы и мародерство в Абхазии? Почему допускаются погромы, преследование и выселение курдов и мес-хетинских турок в Краснодарском крае?..

Легко выглядеть гуманистом, проливая слезы по зверствам былых времен, куда труднее быть им сегодня!

Общественное мнение - глухо к бедам этих народов. Интеллигенция, прежде чуткий барометр духовности общества, молчит. Почему? Страх? Психология осторожного обывателя – моя хата с краю, меня это не касается? Государство никого за многочисленные факты нарушения прав личности, за проявления жестокости и насилия, за преследование по признаку нацио-нальной принадлежности, за оскорбление национального достоинства не привлекает к ответу.

Что уж тут говорить о нарушениях Конституции, законности, о противоправности совершаемых преступлений? Тотальная ложь и фари-сейство свидетельствуют о санкционированном государством торжестве безнравственности - смертельном вирусе для человечества и человечности...

Все мы разные - этим богаты и интересны. В разности - наше будущее. Утрачивая самый незначительный признак этнического различия, мы обрекаем себя на оскудение не только духовное. Государственным лидерам завтрашнего дня уже сегодня пора задуматься над природой общечело-веческого прогресса, которая обусловлена расцветом полиэтничности.

Пора, наконец, осознать, что прогресс невозможен без решения наболевших национальных вопросов, что именно национальный фактор предопределяет всестороннее развитие человечества не только в нашей стране, но в мировом - на всей планете Земля - масштабе.

В заключение необходимо сказать о том, что ведущаяся нынешним Российским правительством (Президентом, Советом министров и Верховным Советом в равной степени) национальная политика привела к взаимоотчуждению, к увеличению дистанции между властью и народом. Наверху - суета и споры о степенях мнимой власти. Внизу - народная жизнь, независимо от правителей идущая по выработанному трагической историей опыту и здравому смыслу. Задуматься бы об этом...

Светлана АЛИЕВА,
Москва, апрель 1993 г.